3 1761 06763865 0

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/lektsiiiizsliedo00serg

ЛЕКЦІИ

и

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

по

ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА

В. Сергѣевича,
ор. профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Хромолитографія А. Траншеля, Стремянная, № 12.
1883.

LIBRARY
2 1913
OHIO STATE UNIVERSITY

K

S4845.L4
1883

Просматривая лѣтомъ прошлаго года литографированныя лекціи по моему предмету, я нашелъ ихъ во многомъ не соотвѣтствующими моимъ чтеніямъ за послѣднее время и принялъ рѣшеніе въ теченіи наступавшаго академическаго года дать моимъ слушателямъ исправленное ихъ изданіе. Такова цѣль выпускаемой нынѣ въ свѣтъ книги.

Я не счелъ нужнымъ дѣлать для этого изданія извлеченіе изъ моихъ напечатанныхъ трудовъ по исторіи права; они перепечатаны здѣсь цѣликомъ лишь съ небольшими измѣненіями и пропусками. Изъ книги Вѣче и Князь выпущенъ, напримѣръ, весь очеркъ исторіи княжескихъ отношеній, со стр. 156-й по 247-ю. Тѣ отдѣлы курса, которые въ литографированномъ изданіи совершенно расходились съ устнымъ изложеніемъ послѣдняго года, написаны вновь. Что можно было исправить по литографіямъ, то печаталось съ исправленныхъ мною литографированныхъ записокъ.

Въ результатѣ получился трудъ, отдѣльныя части котораго обработаны очень неравномѣрно: однѣ го-

раздо подробнѣе устныхъ чтеній, другія—короче; изложеніе нѣкоторыхъ имѣетъ характеръ конспекта. Эти недостатки книги, предназначаемой въ пособіе при слушаніи университетскихъ лекцій, поправимы: изложенное слишкомъ подробно можетъ быть сокращено, изложенное слишкомъ кратко—пополнено на основаніи устнаго чтенія.

С.-Петербургъ.
8 апрѣля 1883.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Стр.

I. Задача исторіи 1
II. Сравнительная метода 14
III. Національный элементъ въ исторіи 23
IV. Прогрессъ 31
V. Дѣленіе исторіи русскаго права на періоды 43
VI. Характеристика древнѣйшаго состоянія человѣка 60

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Исторія права при князьяхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Источники права.

Литература 73
Введеніе 75
I. Обычай 76
II. Договоры 97
1) Международные договоры—99: а) договоры русскихъ князей съ Греками — 99; б) договоры русскихъ князей съ Нѣмцами — 132. 2) Договоры русскихъ князей другъ съ другомъ—145. 3) Договоры русскихъ князей съ русскими волостями—152.
III. Княжескіе уставы 157
IV. Вѣчевыя постановленія 162
V. Византійское право 164
VI. Ханскіе ярлыки 168
VII. Русская Правда 169

Стр.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Государственное право.

Отдѣлъ первый. Устройство.

Литература 178
Введеніе 180
I. Территорія 184
II. Населеніе 188
1) Свободные люди—189. 2) Зависимые—197. 3) Несвободные—199.
III. Верховная власть 202
I. Вѣче—204: A) Организація вѣчевыхъ собраній—214. B) Предметы вѣдомства—226. C) Отношеніе пригородовъ къ вѣчевой жизни главныхъ городовъ -237.
II. Князь—247. Взаимныя отношенія князей—268. Фактическія различія между князьями—293. Взаимныя отношенія князей съ точки зрѣнія теоріи родоваго быта—311. Распредѣленіе столовъ между князьями—319.

Отдѣлъ второй. Управленіе

I. Правительственное дѣленіе 357
II. Органы управленія 369
1) Управленіе князя—369. 2) Самоуправленіе общинъ - 397.
III. Войско 400
IV. Финансы 416
1) Денежная система древней Россіи—416. 2) Источники доходовъ—421.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Уголовное право.

Литература 435
I. Преступленіе 436
II. Наказаніе 440
III. Виды преступленій 453
Преступленія противъ: 1) жизни — 457. 2) тѣлесной неприкосновенности—462, 3) личной свободы—463, 4) чести—464, 5) имущества — 465, 6) семейства и половой нравственности — 469, 7) церкви—473, 8) государства—474.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гражданское право.

Литература 476

Отдѣлъ первый. Семейный союзъ.

I. Союзъ мужа и жены 478
Введеніе—478. Личныя отношенія супруговъ - 482. Имущественныя отношенія—484. Установленіе брака—490. Прекращеніе—497.

Стр.
II. Союзъ родителей и дѣтей 502
Личныя и имущественныя отношенія—502. Установленіе союза—507. Прекращеніе—509.
III. Опека 510

Отдѣлъ второй. Вещное право.

Собственность и владѣніе 514
Формы древняго землевладѣнія. 520

Отдѣлъ третій. Наслѣдственное право.

I. Наслѣдованіе по завѣщанію 539
II. Наслѣдованіе безъ завѣщанія 543
1) въ нисходящей линіи—543, 2) въ восходящей—548, 3) въ боковыхъ—548, 4) наслѣдованіе супруговъ—550. 5) Судьба выморочнаго имущества—555, 6) Мнѣніе Неволина—556, 7) Послѣдствія принятія наслѣдства—557.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Судопроизводство.

Литература. 559
Самосудъ; свѣтская и духовная подсудность . . . . . —
Доказательства 565
1) Собственное признаніе—565. 2) Присяга—566. 3) Поединокъ—567 4) Ордаліи—568. 5) Свидѣтели и послухи—569. 6) Внѣшніе признаки событія—572. 7) Сводъ—572. Взаимное отношеніе доказательствъ—573

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Исторія права при царяхъ и императорахъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Условія образованія Московскаго государства 578

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Источники права.

Литература 581
I. Обычай 582
II. Указная дѣятельность государей 599
Своды—603.

Стр.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Государственное право.

Литература 612

Отдѣлъ первый. Устройство.

I. Территорія 616
II. Населеніе 630
1) Несвободные люди—631. 2) Зависимые—634. 3) Свободные люди: a) посадскіе и волостные государевы люди—659. Обособленіе городскаго населенія отъ сельскаго—663. b) Виды сельскаго населенія—668. c) Высшее сословіе—674.
III. Верховная власть 694
Власть московскихъ государей—694. Земскіе соборы—703. Исторія верховной власти въ имперіи—752. Отношеніе верховной власти къ законодательству—761. Екатерининская законодательная коммиссія—764. Отношеніе верховной власти къ суду—819. Порядокъ преемства престола—820.

Отдѣлъ второй. Управленіе.

Введеніе 828
I. Правительственное дѣленіе 830
II. Органы управленія. 831
Государева дума—832. Сенатъ—833. Совѣты при особѣ государя—840. Приказы—841. Коллегіи—847. Министерства—850. Мѣстное управленіе—852. Органы московскаго: 1) приказнаго управленія—853, 2) выборнаго—856. Учрежденія Петра Великаго—862. Законодательство Екатерины II—866.
III. Войско 871
IV. Источники доходовъ 874

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Уголовное право.

Литература 882

Отдѣлъ первый. Общее ученіе о преступленіи.

I. Измѣненія въ понятіи преступленія 882
II. Дѣянія случайныя, неосторожныя и умышленныя 884
III. Необходимая оборона 888
IV. Крайняя необходимость 891
V. Умыселъ, приготовленіе, покушеніе и совершеніе 893
VI. Соучастіе и прикосновенность 897

Отдѣлъ второй. Общее ученіе о наказаніи.

I. Цѣль наказаній 901
II. Ихъ свойства 902

Стр.

Отдѣлъ третій. Виды наказаній.

I. Смертная казнь 905
II. Тѣлесныя наказанія 908
III. Лишеніе свободы 909
IV. Лишеніе чести 910
V. Денежныя взысканія и конфискація имуществъ 911

Отдѣлъ четвертый. Виды преступленій.

I. Государственныя преступленія 912
II. Преступленія противъ отдѣльныхъ лицъ 916
III. Преступленія противъ вѣры 923
IV. Преступленія противъ семейства и половой нравственности 925

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гражданское право.

Литература 926

Отдѣлъ первый. Союзъ семейный.

I. Супружескій союзъ 927
Личныя отношенія—927. Имущественныя—929. Установленіе и прекращеніе брака—931.
II. Союзъ родителей и дѣтей 935
Личныя отношенія—935. Имущественныя—936. Установленіе—937.
III. Опека 939

Отдѣлъ второй. Вещныя права.

Введеніе 940
I. Вотчины 942
II. Тяглыя земли 949
III. Помѣстья 950
IV. Права на чужія вещи 951
V. Измѣненія въ имперіи 952
VI. Пріобрѣтеніе недвижимостей 955

Отдѣлъ третій. Наслѣдственное право.

Введеніе 957
I. Наслѣдованіе по завѣщанію 958
II. Наслѣдованіе по закону . . . . . —
III. Измѣненія въ имперіи 961

Стр.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Судопроизводство.

Литература 968
Введеніе . . . . . —

Отдѣлъ первый. Состязательный процессъ.

I. Судъ и вершеніе 969
II. Доказательства 972
1) Поле—972. 2) Крестное цѣлованіе—974. 3) Послухи и свидѣтели—975.
4) Обыскъ—978. 5) Письменные акты—979. 6) Жребій—979.
III. Обжалованіе рѣшеній 980
IV. Исполненіе приговора . . . . . —

Отдѣлъ второй. Слѣдственный процессъ.

Сыскъ 982
Обыскъ—983. Пытка—985. Послѣдствія сыска—987.

Отдѣлъ третій. Измѣненія въ имперіи.

Законодательство Петра В. 988
Указъ 1697 года—989. Воинскій Уставъ—989. Указъ о формѣ суда—994.
Нововведенія Екатерины II 995

ВВЕДЕНІЕ.

I. Задача исторіи.

Исторія съ самыхъ древнихъ временъ привлекаетъ къ себѣ любознательность человѣка. Эта любознательность не охладѣла и въ наше время. Но взглядъ на задачи исторіи и ея пріемы существенно измѣнился. Простой разсказъ о томъ, что было, въ которомъ дѣйствительность смѣшивалась съ созданіями суевѣрнаго воображенія, совершенно удовлетворялъ наивное стремленіе первобытнаго человѣка къ историческому знанію. Въ наше время отъ исторіи требуютъ раскрытія законовъ развитія человѣческихъ обществъ.

Задача эта столь сложная, рѣшеніе ея представляетъ такія трудности, попытки, совершенныя въ этомъ направленіи, такъ еще новы и незначительны, что предстоитъ еще многое сдѣлать, прежде чѣмъ мысль эта получитъ полное свое осуществленіе. Можно и теперь нерѣдко встрѣтить мнѣніе, что время для такой исторіи еще не настало, что трудъ историковъ долженъ ограничиваться собираніемъ и подготовительной обработкой сыраго матеріала:

Въ этомъ мнѣніи есть своя доля правды.

Законченное зданіе исторіи можетъ быть построено только по обработкѣ всего сыраго матеріала. Но значитъ ли это, что всякая попытка понять смыслъ историческаго движенія должна быть оставлена до этого далекаго, неопредѣленнаго будущаго?

Согласиться съ этимъ—значитъ отказаться, и притомъ едва ли не навсегда отъ всякаго пониманія исторіи. Всего необходимаго матеріала историки никогда не будутъ имѣть

подъ руками. Масса его погибла безвозвратно и никогда не будетъ возстановлена. Уже по одному этому историческое знаніе всегда будетъ только приблизительное. А съ другой стороны, свойства ума человѣческаго таковы, что онъ не можетъ ограничиться однимъ собираніемъ. Онъ одаренъ неудержимымъ стремленіемъ проникнуть въ смыслъ историческаго матеріала. Безъ этого стремленія не имѣетъ цѣли и самое собираніе памятниковъ и кропотливая ихъ обработка. Отнимите у человѣка способность понимать смыслъ историческаго движенія и у него пропадетъ всякая охота къ труду.

Эти два направленія историческихъ трудовъ одинаково законны и необходимы: они пополняютъ другъ друга. Творецъ художественной „Исторіи государства россійскаго" былъ вмѣстѣ съ тѣмъ величайшимъ труженикомъ по части первоначальной обработки сыраго матеріала

Кто совершилъ въ этомъ отношеніи большіе труды, чѣмъ онъ? Возможны ли и въ настоящее время какія либо историческія работы безъ справки съ его текстомъ и примѣчаніями? Многіе томы „Исторіи Россіи съ древнихъ временъ", представляющей наиболѣе полную попытку подвести всѣ явленія нашей исторической жизни подъ одинъ стройный взглядъ, даютъ массу сыраго матеріала, впервые выносимаго авторомъ на свѣтъ Божій изъ глубины нашихъ архивовъ. И такъ было всегда. Стремленіе проникнуть въ смыслъ явленій не чуждо даже нашему первоначальному лѣтописцу. Одни событія объясняетъ онъ дѣйствіемъ дьявола, другія приписываетъ непосредственному проявленію промысла Божія. Что это, какъ не попытка выяснить смыслъ описываемыхъ имъ явленій, законы, ими управляющіе, характеръ которой легко объясняется состояніемъ просвѣщеніямъ его времени? Попытка понять смыслъ явленій можетъ быть несовершенна, но она никогда не преждевременна. Въ стремленіи къ смыслу явленій и заключается та движущая сила, которая возбуждаетъ историческія изысканія.

Пониманіе исторіи находится въ тѣсной связи съ общимъ состояніемъ просвѣщенія даннаго времени и совершенствуется по мѣрѣ его успѣховъ. Люди нашего времени понимаютъ прошедшее лучше начальнаго лѣтописца, наши потомки будутъ понимать его лучше насъ.

Въ западной литературѣ пониманіе исторіи, какъ науки о законахъ развитія человѣческихъ обществъ, возникло еще въ прошломъ вѣкѣ. Первымъ провозвѣстникомъ его былъ Вико,

за нимъ слѣдовалъ Гердеръ, опредѣлившій исторію, какъ науку законовъ прогресса. Такое пониманіе исторіи можно разсматривать теперь. какъ твердо установившееся. Но этимъ далеко не завершилось движеніе, вызванное писателями XVIII-го вѣка. Историческая мысль, получившая новое направленіе, естественно ищетъ и новыхъ путей для достиженіи новыхъ цѣлей. Это исканіе новаго, соединенное съ нѣкоторымъ недовольствомъ старымъ, не чуждо и нашей литературѣ. Оно довольно внятно слышится въ извѣстной рѣчи покойнаго Грановскаго, произнесенной имъ въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета 12-го Января 1852 года. Это недовольство существующими пріемами историковъ нашло крайне рѣзкое выраженіе въ Боклѣ, въ его исторіи англійской цивилизаціи, переведенной на всѣ европейскіе языки и пользующейся большимъ успѣхомъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ нашихъ читателей. Далеко не все, порожденное этимъ новѣйшимъ движеніемъ, представляетъ прочное пріобрѣтеніе исторической науки; но, при всей его крайности, въ немъ нельзя не видѣть знаменія времени, свидѣтельствующаго о сильномъ возбужденіи исторической мысли, ищущей новыхъ путей, новыхъ способовъ историческаго вѣдѣнія.

Однимъ изъ новѣйшихъ пріобрѣтеній новаго направленія науки, идущаго отъ Вико и Гердера, надо считать мысль о единообразіи историческихъ явленій Эта мысль перенесена въ область исторіи изъ естественныхъ наукъ. Натуралистамъ удалось открыть единообразіе и правильность явленій тамъ, гдѣ никто этого прежде не подозрѣвалъ. Это естественно навело на мысль, что и человѣческій міръ не представляетъ исключенія изъ этой міровой закономѣрности, что и онъ управляется законами, а не есть результатъ слѣпой случайности. Эта мысль не осталась въ области одного предположенія. Внимательный обзоръ добытаго уже историками матеріала привелъ къ убѣжденію, что дѣйствительно въ ходѣ человѣческой исторіи есть своего рода единообразіе и, слѣдовательно, должны быть законы, имъ управляющіе.

Самое это единообразіе далеко еще не вполнѣ раскрыто и законы, имъ управляющіе, не выяснены. Но сдѣланныхъ наблюденій довольно, чтобы признать въ принципѣ закономѣрность историческаго развитія и въ эту сторону направить историческія изысканія.

Давно уже обращено вниманіе на тотъ фактъ, что явленія общественной жизни всякаго народа, наблюдаемыя въ данное

время, не представляютъ разрозненную, хаотическую массу, не имѣющую въ своихъ частяхъ никакой связи. Было подмѣчено, что эти явленія неизбѣжно вліяютъ одно на другое, вслѣдствіи чего, видоизмѣняясь сообразно испытываемому ими вліянію, получаютъ окраску, соотвѣтствующую состоянію всей совокупности явленій. Зная признаки одного ряда явленій, историкъ можетъ уже догадываться, какія черты онъ встрѣтитъ и въ другихъ, съ нимъ сосуществующихъ. Состояніе права, напримѣръ, опредѣляется экономическими условіями народа, его умственнымъ развитіемъ, религіозными и нравственными убѣжденіями и т. под. и, наоборотъ, существующія учрежденія вліяютъ на экономическій бытъ народа, ходъ его просвѣщенія, и т. д. Измѣненіе въ одномъ рядѣ явленій непремѣнно вызоветъ соотвѣтствующія измѣненія и въ другихъ рядахъ. Если бы, съ цѣлью измѣненія даннаго общественнаго быта, что либо было даже заимствовано извнѣ, это заимствованіе никогда не проявится въ немъ совершенно въ томъ видѣ, какой заимствованное учрежденіе имѣло на своей родинѣ, а непремѣнно само видоизмѣнится соотвѣтственноусловіямъ новой среды. Съ конца прошлаго вѣка представительныя учрежденія государства Англіи распространились по всему образованному міру. Не смотря на то, что англійскій источникъ современныхъ конституціонныхъ учрежденій не подлежитъ сомнѣнію, мы ни въ одномъ государствѣ не встрѣтимъ буквальнаго воспроизведенія англійскихъ порядковъ. Перенесенные на новую почву, они, необходимо, должны были измѣниться сообразно новымъ условіямъ быта. Только общая идея ихъ можетъ быть вездѣ узнана, способъ же ея осуществленія и даже дѣйствіе представительныхъ учрежденій вездѣ своеобразны. Это-то своеобразіе явленій каждаго общественнаго быта и разумѣютъ, когда говорятъ о солидарности существующихъ явленій, о ихъ гармоніи.

Съ этой точки зрѣнія каждый общественный бытъ представляется какъ бы живымъ организмомъ, который уподобляетъ себѣ всякое новое явленіе, входящее въ сферу дѣйствія его силъ, или, наоборотъ, разстраивается имъ и начинаетъ болѣть, если оказывается невозможнымъ произвести это уподобленіе.

При условіи этой неизбѣжной солидарности явленій, дѣятельность отдѣльнаго человѣка, появленіе его личной воли въ сферѣ общественной жизни представляется весьма ограниченной. Если законодатель и можетъ желать ввести что нибудь

въ окружающую его среду, не условливаясь именно ею, а исходя изъ чуждыхъ ей образцовъ, все же результатъ этой его дѣятельности будетъ внѣ его личной воли. Этотъ результатъ напередъ уже условленъ свойствами среды. Самый могущественный законодатель не можетъ установить порядка, для котораго нѣтъ благопріятныхъ условій въ окружающей средѣ. Петровскій законъ о единонаслѣдіи и всѣ усилія этого государя развить у насъ торговый флотъ—достаточный тому примѣръ. Многочисленныя мѣры, направленныя къ достиженію той и другой цѣли, породили много болѣзненныхъ явленій въ нашемъ общественномъ быту, но не привели ни къ какому положительному результату въ желаемомъ для законодателя смыслѣ.

Въ силу этой солидарности явленій, будущее представляется не случайнымъ, оно не порождается прихотливой волей законадателя а опредѣляется предшествующимъ состояніемъ. Исторія, съ этой точки зрѣнія, таже нива: она производитъ только то, что своевременно посѣяно и только въ томъ случаѣ, если были на лицо всѣ условія, необходимыя для возращенія брошеннаго сѣмени. Настоящее всегда является результатомъ прошедшаго и причиной будущаго. Въ этомъ смыслѣ еще Лейбницъ выразился: "настоящее чревато будущимъ".

Каждый народъ, такимъ образомъ, переживаетъ нѣкоторыя послѣдовательныя состоянія, которыя и должны быть открыты исторіей.

Переходъ изъ одного состоянія въ другое, не завися отъ свободной воли законодателя, не дѣлается моментально по его предписанію. Старое, нерѣдко, живетъ наперекоръ всѣмъ усиліямъ законодателя. Яркій примѣръ этому даетъ безплодность усилій Екатерины II смягчить суровость старой системы наказаній, не смотря на всю власть, которой пользовалась Императрица и на искренность мыслей, высказанныхъ въ ея Наказѣ. Разъ сложившійся порядокъ обладаетъ большой живучестю. Новое нерѣдко проявляется подъ формами стараго. Нужна большая доля вниманія и проницательности, чтобы распознать первые зародыши новой жизни. Частныя измѣненія происходятъ постоянно, но полное перерожденіе явленій изъ одного состоянія въ другое всегда совершается крайне медленно; въ теченіи цѣлыхъ столѣтій:

Если мы разсмотримъ кругъ наблюденія и сравнимъ разныя состоянія, пережитыя однимъ народомъ, съ состояніями,

которыя пережилъ другой, то, при всемъ различіи въ частностяхъ, мы усмотримъ и сходное въ общемъ ходѣ движенія. Ограничимся нѣсколькими примѣрами для уясненія этой мысли.

На первыхъ ступеняхъ развитія мы вездѣ встрѣчаемся съ преобладаніемъ частныхъ началъ надъ общими, государственными. Господство интересовъ цѣлаго, представляемыхъ государствомъ, не первоначальное явленіе, оно вездѣ является результатомъ болѣе или менѣе долгой исторической жизни. Въ гражданской сферѣ это преобладаніе частнаго проявляется въ крайнемъ развитіи отеческой и супружеской власти; въ уголовной—въ частномъ характерѣ преступленій и наказаній, въ судѣ-самоуправствомъ. Месть, древнѣйшая форма наказанія съ характеромъ частнаго возмездія, вытѣсняется потомъ выкупомъ, который первоначально, какъ замѣна мести, весь идетъ пострадавшимъ. По мѣрѣ развитія государства, часть выкупа идетъ уже представителямъ общественной власти. Съ дальнѣйшими успѣхами государства, наказанія съ частнымъ характеромъ замѣняются крайне жестокой системой публичныхъ наказаній, которыя въ послѣднее только время начинаютъ смягчаться, благодаря успѣхамъ цивилизаціи и общему смягченію нравовъ. Тѣже причины, но вездѣ въ одинаковой степени, вызвали и смягченіе первоначально варварской отеческой власти. Это сходство перемѣнъ, наблюдаемыхъ въ исторіи разныхъ народовъ, не стоявшихъ ни въ какой непосредственной связи между собою, убѣждаетъ въ мысли, что состоянія, переживаемыя разными народами и ихъ послѣдовательность не случайны, что они возникаютъ въ силу какой то необходимости, въ силу дѣйствія какихъ-то общихъ причинъ, лежащихъ можетъ быть въ самой природѣ человѣка, въ его потребностяхъ и свойствахъ. Мысль о томъ, что совершившееся при данныхъ условіяхъ, необходимо должно было совершиться, можно встрѣтить въ трудахъ почти всѣхъ представителей нашей современной исторической науки. Указаннымъ фактомъ солидарности и послѣдовательности явленій опредѣляется и самая задача исторіи. Она состоитъ въ раскрытіи тѣхъ послѣдовательныхъ стадій, которыя проходилъ извѣстный народъ, и возсозданіи гармоніи явленій въ предѣлахъ каждой стадіи.

Установившійся въ наукѣ взглядъ на непроизвольность историческаго развитія наталкивается, однако, на значительныя трудности. Если необходимо допустить существованіе, законовъ, управляющихъ человѣческимъ развитіемъ, причемъ же останется тогда воля человѣка?

И въ жизни, и въ наукѣ извѣстнаго направленія воля человѣка признается свободной. Эта свобода мыслится нерѣдко безусловной: акты воли и по содержанію ихъ и по возникновенію представляются самосущими, т. е. не обусловленными никакими предшествующими. Въ этой предполагаемой способности человѣка дѣйствовать, не опредѣляясь никакими мотивами, какъ причинами дѣйствія, видятъ нерѣдко существенный признакъ его высшей природы, условіе его человѣческаго достоинства. Такая свобода воли человѣческой и бытіе законовъ, которыми несомнѣнно управляется ходъ исторіи, представляетъ неразрѣшимое противорѣчіе. Или нѣтъ законовъ и и всякое исканіе ихъ въ исторіи человѣческихъ обществъ есть дѣло праздное, или они дѣйствительно существуютъ, но тогда человѣкъ долженъ отказаться отъ всякихъ притязаній на дѣятельность внѣ общаго закона достаточной причины.

Признанное уже нами бытіе законовъ склоняетъ насъ въ сторону послѣдняго мнѣнія. Воля человѣка не безусловна, она опредѣляется своими предшествующими.

Историческіе факты, какъ было уже замѣчено выше, представляютъ результатъ взаимодѣйствія природы человѣка а внѣшнихъ явленій окружающей его среды, какъ общественной (семьи, рода, племени и государства со всѣми ихъ учрежденіями), такъ и той, которая дана физической природой населяемой мѣстности (климатомъ, плодородіемъ почвы, распредѣленіемъ суши и воды, отношеніемъ горъ и равнинъ, видами и разнообразіемъ фауны и флоры и пр.). Условливаясь данными свойствами природы человѣка и окружающей его среды, факты исторіи развиваются по общимъ законамъ, которые и составляютъ искомое исторической науки. Историческое развитіе народовъ происходитъ, такимъ образомъ, подъ вліяніемъ весьма разнообразныхъ факторовъ. По скольку дѣятелемъ исторіи является человѣкъ, исторія есть психологическая наука. Но человѣкъ живетъ въ обществѣ и притомъ въ извѣстной странѣ. Организація общества и природа страны должны оказывать свое дѣйствіе на природу человѣка и модифицировать ея проявленіе въ исторіи. При современномъ состояніи историческихъ знаній нѣтъ еще никакой возможности опредѣлить точнымъ образомъ относительное значеніе этихъ разныхъ факторовъ: природы человѣка съ одной стороны и условій общежитія и свойствъ страны съ другой. Можно только сказать, что попытки объясненія историческихъ явленій какимъ либо однимъ факторомъ, будетъ ли то воля человѣка

или свойства окружающей его страны, въ большинствѣ случаевъ односторонни и не соотвѣтствуютъ существу дѣла.

Давно уже было обращено вниманіе на вліяніе, оказываемое природою страны на человѣка. Указаніе на связь, существующую между природой и человѣкомъ, составляетъ великую заслугу ученыхъ трудовъ Бодена, Монтескье, Гердера. Зависимость человѣка отъ свойствъ населяемой имъ страны стоитъ теперь внѣ всякаго сомнѣнія. Природа страны даетъ необходимыя условія для культурнаго развитія человѣка. Въ странахъ полярныхъ, гдѣ самыя жилища приходится дѣлать изъ льда и снѣга, точно также не можетъ быть рѣчи объ успѣхахъ культуры, какъ и на коралловыхъ островыхъ подъ тропиками, гдѣ въ распоряженіи человѣка почти ничего нѣтъ, кромѣ раковинъ. Историческое развитіе идетъ успѣшно только тамъ, гдѣ условія природы въ извѣстной степени благопріятствуютъ жизни человѣка. Но это еще не значитъ, что условія природы относятся къ исторіи, какъ причина къ ея слѣдствіямъ, и что народный характеръ, учрежденія страны и даже весь ходъ исторіи можно прямо выводить изъ свойстъ страны. Попытки такихъ объясненій дѣлаются, однако, нерѣдко.

Уже Монтескье, близко слѣдуя Бодену, въ значительной степени преувеличиваетъ вліяніе климата. Онъ находитъ, что большой жаръ тропическихъ странъ отнимаетъ силы и бодрость и что, наоборотъ, холодный климатъ придаетъ тѣлу человѣка энергію и дѣлаетъ его способнымъ къ напряжонной дѣятельности, къ поступкамъ смѣлымъ и великимъ. „Не должно удивляться, говоритъ онъ, что робость (lâchetè), свойственная народамъ жаркихъ климатовъ, почти всегда дѣлаетъ ихъ рабами, и что мужество народовъ холодныхъ странъ охраняетъ ихъ свободу. Это дѣйствіе естественной причины. Оно оправдывается и въ Америкѣ: деспотическія государства Мексики и Перу находятся у тропиковъ, а почти всѣ свободные народы живутъ ближе къ полюсу“ [1]). Этотъ взглядъ на прямую зависимость характера народа и его учрежденій

---

[1]) Esprit des lois, стр. 1864, 226

Господствовавшія въ XVIII вѣкѣ воззрѣнія на рѣшающее вліяніе климата такъ сильно владѣли умомъ Руссо, что онъ не остановился даже предъ слѣдующимъ положеніемъ: „Quand tout le midi serait couvert de rèpubliques et tout le nord d'ètat despotique, il n'en serait pas moins vrai que par l'effet du climat le despotisme convient aux pays chauds, la bararbie aux pays froids la bonne politique aux regions intermèdiaires“ Du contrat social, an 3 de la rèpublique, 139. Предполагаемое отступленіе отъ общаго правила онъ находитъ возможнымъ объяснять частными причинами, видоизмѣняющими дѣйствіе общаго закона,

отъ климата, древнѣйшіе корни котораго можно найти еще въ „Политикѣ“ Аристотеля, примѣняется, иногда, и къ обработкѣ нашей отечественной исторіи. Особенности московскаго государства выводятъ изъ свойствъ великорусскаго племени, которыя, будто бы, прямо опредѣлились благодаря вліянію сравнительно суроваго климата Великороссіи въ противопожность къ Малороссіи. Менѣе благопріятный климатъ сѣверо-восточной части Россіи, требовавшій большаго напряженія силъ, и былъ, говорятъ, причиною того, что великорусское племя создало крѣпкое политическое тѣло, тогда какъ малороссы, жившіе въ болѣе мягкомъ климатѣ, оказались неспособными къ самостоятельному государственному творчеству. Такое же рѣшающее для исторіи значеніе придаютъ, иногда географическому очертанію страны. „Изъ трехъ большихъ полуострововъ южной Европы, говоритъ Фриманъ, центральный, сравниваемый съ группою острововъ на востокъ отъ него, образуетъ цѣльную и компактную страну, которую природа, кажется, предназначила находиться подъ господствомъ единой власти“ [1]).

Въ наше время успѣхи, совершенные въ области естествознанія, наводятъ иногда ученыхъ на мысль примѣнить нѣкоторые выводы естествознанія къ объясненію историческихъ явленій. Попытки такого рода встрѣчаемъ у Бокля и Спенсера.

Бокль, высказавъ положеніе, что нѣтъ исторіи безъ физическихъ наукъ, дѣлается анализъ химическаго состава пищи, необходимой для питанія жителей разныхъ странъ, по различію ихъ климата, и приходитъ къ выводу, что приниженное положеніе рабочаго класса въ Индіи должно быть объясняемо жаркимъ климатомъ страны, который даетъ возможность питаться одной растительной пищей, и плодородіемъ почвы, производящей эту пищу въ изобиліи. Вслѣдствіе возникающей изъ этихъ причинъ легкости удовлетворенія первымъ потребностямъ, индѣйскій работникъ принужденъ брать низкую заработную плату. Онъ служитъ изъ полу и даже еще дешевле. Отсюда выводится общій законъ, въ силу котораго заработная плата имѣетъ наклонность въ теплыхъ странахъ къ пониженію а въ холодныхъ къ возрастанію [2]).

Спенсеръ, отправляясь отъ того наблюденія, что различныя отправленія нашего тѣла облегчаются такими атмосферичес-

---

[1]) Comparative politcs 1873, стр. 42.
[2]) Pistory of civilization in Eugland, 1864 г,, стр. 40 сл., 59 сл., 69 сл.

кими условіями, которыя вызываютъ быстрое испареніе кожи и легкихъ, приходитъ къ заключенію, что можно встрѣтить въ жаркомъ поясѣ нѣкоторыя конституціональныя различія между родственными расами въ силу того, что однѣ изъ нихъ живутъ въ низкихъ и влажныхъ мѣстахъ, а другія въ мѣстахъ, хорошо осушаемыхъ солнцемъ. У народа, живущаго въ жаркой и сухой странѣ, онъ ожидаетъ встрѣтить болѣе энергическую тѣлесную дѣятельность, чѣмъ у народа, живущаго въ мѣстности жаркой и сырой. „При самомъ бѣгломъ взглядѣ на карту дождей земнаго шара, говоритъ онъ далѣе, нельзя не замѣтить почти непрерывной полосы, обозначаемой названіемъ „полосы бездождія“ и простирающейся черезъ Сѣверную Африку, Аравію, Персію и Тибетъ въ Монголію; изъ нѣдръ этой-то области или съ ея окраинъ вышли всѣ побѣдныя расы стараго свѣта“ [1]). Такимъ образомъ, причина того крайне распространеннаго явленія, которое извѣстно подъ именемъ переселенія народовъ, объясняется Спенсеромъ легкостью испаренія кожи и условливаемою тѣмъ большею дѣятельностію и энергичностью народовъ, которые жили при обстоятельствахъ, способствующихъ быстрому выдѣленію влажности.

Академикъ Бэръ въ своей извѣстной статьѣ „О вліяніи внѣшней природы на соціальныя отношенія“, указавъ нѣсколько фактовъ такого вліянія, приходитъ къ слѣдующему выводу: „Сказаннаго довольно для уразумѣнія той истины, что когда земная ось получила свое наклоненіе, вода отдѣлилась отъ суши, поднялись хребты горъ и отдѣлились другъ отъ друга страны, судьба человѣческаго рода была уже предопредѣлена напередъ, и что всемірная исторія есть ничто иное, какъ осуществленіе этой предопредѣленной участи“ [2]). Едва ли можно идти далѣе въ подчиненіи хода исторіи физическимъ условіямъ земли. Изученіе исторіи теряетъ всякую самостоятельность. Ключъ къ ея уразумѣнію дается изслѣдованіемъ не ея фактовъ, а физическаго строя земли, который разъ навсегда предопредѣлилъ ея участь.

Несмотря на всю распространенность приведенныхъ воззрѣній, положеніе о прямомъ соотвѣтствіи климата страны и характера ея жителей едва ли можетъ быть принято. Обширныя наблюденія, сдѣланныя въ разныхъ частяхъ свѣта, приводятъ къ убѣжденію, что характеръ человѣка и настроеніе

---

[1]) Основанія соціологіи, рус. пер. 1876 года, I, стр. 20 сл.
[2]) Карманная книжка для любителей землевѣдѣнія, 1884 г., стр. 252.

его духа не находится ни въ какомъ постоянномъ отношеніи къ климату. Не всегда люди, живущіе подъ яснымъ небомъ, говоритъ Вайцъ, веселѣе и болѣе склонны къ танцамъ и играмъ, чѣмъ тѣ, которые живутъ въ странахъ облачныхъ и туманныхъ. Въ Сѣверной и южной Америкѣ точно, также какъ и на южномъ морѣ въ одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ живутъ какъ мрачные и необщительные люди, такъ и веселые и общительные. Въ то время, какъ египтяне и индусы терпѣливы, спокойны и безстрастны, эскимосы и чукчи по большей части легко раздражительны, веселы и непостоянны.“ Какъ общее правило изъ того громаднаго матеріала, который былъ у Вайца подъ руками, онъ находитъ возможнымъ вывести только то, что жаркій климатъ дѣйствуетъ болѣе усыпляющимъ образомъ, чѣмъ холодный, и что жители жаркихъ странъ менѣе способны къ постоянной энергической дѣятельности [1]). Но это еще не значитъ, чтобы жители даже тропическихъ странъ были совершенно лишены способности къ энергической дѣятельности.

Точно также нѣтъ прямаго соотвѣтствія между характеромъ народа и свойствами употребляемой имъ пищи. „Если ограничиться, говоритъ тотъ же авторъ, сравненіемъ англичанина съ ирландцемъ, или европейца вообще съ питающимся рисомъ индусомъ и яванцемъ, или съ китайцемъ, который очень мало потребляетъ мяса, то можно подумать, что животная пища по преимуществу ведетъ къ болѣе сильному развитію духа и характера. Но иной видъ получитъ дѣло, если обратимся къ болѣе широкимъ сравненіямъ. Готтентотты и кафры, которые, какъ и жители холодныхъ странъ, любятъ питаться саломъ и жиромъ, чрезвычайно различны между собой по отношенію къ живости духа и характера. Духовная лѣность, мирный образъ жизни, добродушіе и отсутствіе подозрительности суть выдающіяся свойства готтентоттовъ, тогда какъ кафры, ведущіе съ ними одинъ и тотъ же пастушескій образъ жизни, воинственны. Подобно готтентотамъ, буряты и другіе сибирскіе кочевые народы малы ростомъ и слабы при исключительно животной пищѣ. Наоборотъ, большая часть

---

[1]) Antropologie der Naturvölker, 1759. I, стр. 61 сл., 411 и сл,—„Человѣкъ вовсе не сколокъ или противень съ внѣшней природы, но своеобразная живая точка, совершенно особаго свойства, правда, принимающая извнѣ бездну впечатлѣній, но ужъ, конечно, не для того, чтобы отразить ихъ въ томъ же видѣ, какъ онѣ ею приняты, но съ тѣмъ, чтобы въ силу своей собственной природы, побуждаться ими къ такимъ воздѣйствіямъ, и развитіямъ, которыхъ объяснительная причина лежитъ въ ней самой, а отнюдь не во внѣшности“. Лотце, II, 433.

обитателей южныхъ острововъ питаются почти исключительно растителной пищей и рыбой, хотя съ удовольствіемъ поѣдаютъ и жиръ; они отличаются бодростью, прекрасно одарены умственно и многія изъ нихъ въ высокой степени воинственны. Жители острововъ Жиджи, самые дикіе изъ нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе одаренные, питаются почти исключительно растительной пищей“ [1]).

Еще менѣе можно выводить особенности государственныхъ учрежденій изъ свойствъ страны. Республики и деспотіи встрѣчаются подъ всякими широтами. Аѳины и Спарта развивались при одинакихъ условіяхъ природы, а общественный бытъ ихъ былъ очень различенъ. Если московское государство есть созданіе великороссійскаго духа, сложившагося подъ вліяніемъ сравнительно суровой природы, а малоросы, жившіе при болѣе благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, оказались, поэтому, неспособными создать крѣпкое политическое цѣлое, то почему же еще болѣе благодатная природа Италіи не помѣшала римлянамъ создать всемірное государство? Если географическое очертаніе предназначило Италію образовать единое государство, то почему же тоже географическое очертаніе не остановило ея раздробленности въ средніе вѣка? Особенности историческихъ судебъ Рима, которыми онъ такъ рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ государствъ, никакъ нельзя вывести изъ особенностей природы Апенинскаго полуострова, которыя нисколько не исключительны. Природныя условія обширной равнины, занимаемой русскимъ народомъ, и въ настоящее время почти тѣ же, что были при возникновеніи первыхъ нашихъ княженій, и будетъ совершенно напрасно выводить прямо изъ нихъ все то разнообразіе явленій общественнаго быта, которое можно наблюдать на пространствѣ нашей тысячелѣтней исторіи [2]).

---

[1]) Waitz, тамъ же, стр. 66.

[2]) Вліяніе природы имѣетъ относительное, а вовсе не безусловное значеніе. Эта мысль хорошо доказана Вайцемъ, I, 412 сл.—Спенсеръ, останавливаясь на рельефѣ страны и его вліяніи на жизнь человѣка, приходитъ къ мысли, что, при другихъ равныхъ, мѣстности, отличающіяся сравнительнымъ однообразіемъ, неблагопріятны для общественнаго прогресса. “Области говоритъ онъ, подобныя русскимъ степямъ, хотя и годныя, можетъ быть, для перенесенія въ нихъ цивилизаціи развившихся въ другихъ мѣстахъ, не суть такія области, которыя представляли бы какую-либо вѣроятность для зарожденія и развитія въ нихъ самостоятельной цивилизаціи; ибо дифференцирующія вліянія здѣсь слишкомъ недостаточны“. А нѣсколько строкъ далѣе онъ принужденъ самъ признать, что долина Нила и обиталища вавилонъ и ассиріянъ, гдѣ возникла древнѣйшая культура, были исособенно разнообразны и превосходили въ этомъ отношеніи только окружающія ихъ безводныя степи! Вмѣстѣ съ этимъ признаніемъ теряетъ, конечно, всякое значеніе и силу и то его положеніе, по которому области, подобныя рускимъ степямъ, не способны для зарожденія въ нихъ самостоятельной цивилизаціи.

А съ другой стороны, у народовъ, живущихъ при самыхъ разнообразныхъ физическихъ условіяхъ, встрѣчаемъ одинакія явленія общественнаго быта. Древній житель сѣверо-восточной европейской равнины также знакомъ съ местью, какъ и житель Аравіи. Приниженное состояніе рабочаго въ Индіи, выводимое Боклемъ изъ химическихъ свойствъ и дешевизны пищи, обусловленныхъ жаркимъ климатомъ и плодородіемъ почвы, очень близко къ состоянію рабочаго въ нашихъ поморскихъ уѣздахъ, физическія условія которыхъ ничего не имѣли общаго съ условіями Индіи. Въ поморскихъ уѣздахъ мы также встрѣчаемся съ половниками, которые отдавали землевладѣльцу не только половину урожая, но несли еще въ его пользу разнообразныя службы подводами и другими натуральными повинностями [1]). Повинности нашихъ половниковъ, слѣдовательно, не легче повинностей индійскихъ рабочихъ, а удовлетвореніе первыхъ нуждъ существованія требовало отъ нихъ гораздо большихъ трудовъ и издержекъ, чѣмъ было необходимо въ Индіи. Кромѣ пищи, добываемой сравнительно тяжолымъ трудомъ, они нуждались еще въ теплой одеждѣ и тепломъ жилищѣ. Положеніе ихъ, значитъ, было гораздо хуже положенія ихъ индѣйскихъ собратій, а заработная плата нисколько не выше, а скорѣе ниже. Законъ Бокля, относительно вліянія климата на заработную плату, оказывается, такимъ образомъ, слишкомъ поспѣшно выведеннымъ.

Если характеръ народа и существующія у него учрежденія не составляютъ простаго слѣдствія физическихъ условій населяемой имъ страны, то тѣмъ менѣе есть основаній присоединиться къ мнѣнію академика Бэра о томъ, что всемірная исторія предопредѣлена физическими свойствами земли. О предопредѣленіи исторіи физическими условіями нашей планеты можно говорить развѣ только въ томъ смыслѣ, что ими напередъ предустановлены границы распространенія исторической жизни. Но самые факты исторіи и ихъ послѣдовательность никакъ еще не даны этими условіями. Даже можно утверждать болѣе: подъ вліяніемъ разумной природы человѣка и самыя первоначальныя границы мѣста дѣйствія исторіи могутъ быть расширены созданіемъ искусственныхъ путей сообщенія, осушеніемъ болотъ, воздѣлываніемъ безплодныхъ мѣстностей и т. д. Физическія условія страны могутъ быть до такой степени измѣнены, что сдѣлаются, съ теченіемъ времени, неузна-

[1]) Свѣдѣнія о повинностяхъ половниковъ можно найдти въ наказахъ, привезенныхъ депутатами екатерининской законодательной коммиссіи.

ваемыми [1]). Физическія свойства земли не предопредѣляютъ окончательно и безповоротно даже внѣшнихъ условій и границъ распространенія исторической жизни.

При всей неразработанности вопроса объ относительномъ значеніи разныхъ факторовъ, вліявшихъ на историческое развитіе народовъ, надо, однако, признать, что природныя условія страны суть тотъ факторъ, вліяніе котораго съ наибольшею силою обнаруживается только на первыхъ ступеняхъ человѣческаго развитія и за тѣмъ идетъ, ослабляясь съ каждымъ новымъ успѣхомъ человѣческой культуры. Исторія человѣка есть исторія побѣдъ его надъ природою, а не предопредѣленной отъ нея зависимости.

Историческая наука, прежде чѣмъ пришла къ сознанію дѣйствія общихъ законовъ, управляющихъ ходомъ исторіи, долгое время останавливалась едва ли не исключительно на явленіяхъ случая и личной воли человѣка. Иначе и быть не могло. Дѣйствіе воли и случая ежедневно и непосредственно поражаютъ глазъ наблюдателя и приковываютъ къ себѣ его вниманіе. Только наблюденіе историческихъ явленій въ большіе промежутки времени и у разныхъ народовъ могло привести къ убѣжденію, что за случаемъ и личной волей, которымъ принадлежитъ весьма значительная роль, таится дѣйствіе общихъ законовъ, независящихъ ни отъ случая, ни отъ воли. Такой переворотъ воззрѣній сдѣлался возможенъ благодаря сравнительной разработкѣ исторіи и антропологіи.

II. Сравнительная метода.

Услуги, оказанныя сравнительной методой филологіи, а вслѣдъ за тѣмъ и миѳологіи, навели и историковъ народнаго быта и права на мысль также обратиться къ сравненіямъ. Опыты сравненія въ послѣднее время начинаютъ встрѣчаться все чаще и чаще въ трудахъ по исторіи права какъ западноевропейскихъ ученыхъ, такъ и нашихъ отечественныхъ. Сравненія сдѣлались даже какъ бы обязанностью всякаго изслѣдователя, отступленіе отъ которой навлекаетъ на него упрекъ въ отсталости. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ изслѣдователи,

[1]) Преобразующее вліяніе человѣка на природу земли признаетъ и Бэръ, хотя едва ли существуетъ строгая послѣдовательность между набросанной имъ (231 стр.) мастерской картиной побѣдъ человѣка надъ природой и основнымъ его взглядомъ.

прибѣгающіе къ сравненіямъ, берутъ на себя трудъ выяснить, въ чемъ состоитъ этотъ новый пріемъ, къ чему онъ ведетъ и въ какихъ случаяхъ къ нему должно обращаться, хотя, по новости дѣла разъясненіе этихъ вопросовъ и представляется существенно необходимымъ. Тѣмъ большую благодарность вызываетъ попытка Фримана указать на особенности этого пріема, разъяснить характеристическія различія между сравненіями въ филологіи и сравненіями при изученіи явленій народнаго быта и политическихъ учрежденій и, наконецъ, опредѣлить тѣ конечныя цѣли, къ которымъ могутъ вести сравненія [1]).

Мы уже выше замѣтили, что, при всемъ видимомъ разнообразіи условій въ исторіи самыхъ удаленныхъ одинъ отъ другаго народовъ замѣчаются поразительныя сходства. Гдѣ причина этихъ сходствъ?

Фриманъ, останавливаясь на этомъ вопросѣ, приходитъ къ тремъ возможнымъ причинамъ сходныхъ явленій быта народовъ.

Сходства могутъ быть, во первыхъ, результатомъ прямой передачи (direct transmission) учрежденій одного народа другому. Подъ это понятіе передачи онъ подводитъ какъ разнаго вида заимствованія учрежденій одного народа другимъ, такъ и переносъ учрежденій извѣстной страны въ ея колоніи и вообще въ другія мѣстности вмѣстѣ съ переходомъ туда части ея населенія. Какъ на примѣръ послѣдняго, онъ указываетъ на водвореніе крестоносцами системы феодальнымъ учрежденій въ завоеванныхъ ими областяхъ малой Азіи (24 сл.).

Второй источникъ сходствъ заключается въ дѣйствіи одинакихъ причинъ, которыя всегда приводятъ къ одинакимъ послѣдствіямъ (30 сл.).

Наконецъ, Фриманъ различаетъ и третью причину сходствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и третью категорію сходныхъ явленій: эта категорія обязана своимъ сходствомъ происхожденію народовъ отъ одного общаго корня (34 сл.).

Явленія этой третьей категоріи составляютъ „непосредственный предметъ“ его изслѣдованія. Приступая въ слѣдующихъ главахъ своего труда къ сравненію древнѣйшихъ государственныхъ учрежденій грековъ, римлянъ и германцевъ, Фриманъ приходитъ къ убѣжденію, что замѣчаемыя между ними сходства должны быть объясняемы единствомъ происхожденія этихъ народовъ. Это общее ихъ наслѣдство, которое

---

[1]) Comparative politics, стр. 1—37

они получили отъ той досторической эпохи, когда они всѣ составляли еще одинъ народъ и жили вмѣстѣ (60—67,76 и др.).

Къ этому выводу авторъ пришелъ не безъ значительной доли колебанія. Задумываясь надъ вопросомъ о томъ, чему приписать эти сходства, дѣйствію одинакихъ причинъ, или единству происхожденія, онъ говоритъ: „Я не рѣшаюсь высказаться догматически въ пользу того или другаго мнѣнія. Я не думаю, чтобы настало уже время, когда можно безошибочно сдѣлать выборъ между ними. Въ излѣдованіи, которое только что зарождается, безопаснѣе намѣчать такіе случаи для дальнѣйшихъ изысканій и оставить полное ихъ объясненіе будущему. При настоящемъ запасѣ знаній благоразумнѣе собирать всевозможные случаи и классифицировать ихъ, насколько это возможно, но не должно спѣшить съ классификаціей и падать духомъ, если окажутся такіе случаи, которые не войдутъ ъ нашу классификацію“ (59—61). И нѣсколько страницъ далѣе, гдѣ авторъ формулируетъ свой взглядъ, онъ говоритъ о немъ скорѣе въ смыслѣ наиболѣе вѣроятнаго предпоположенія, чѣмъ совершенно доказаннаго научнаго вывода (67).

Очевидная въ приведенныхъ словахъ и въ самомъ выводѣ нерѣшительность да послужитъ намъ оправданіемъ, если мы позволимъ себѣ провѣрить предположеніе, сдѣланное человѣкомъ столь глубокой эрудиціи и столь осторожнымъ въ своихъ заключеніямъ, какъ Фриманъ.

Въ чемъ заключается разница между явленіями первой и третьей категоріи?

На первый взглядъ онѣ представляются совершенно сходными, это не двѣ разныхъ категоріи, а одна и также. Если филологія констатировала, что греки, римляне и германцы одного происхожденія, отсюда слѣдуетъ, что, отдѣляясь изъ общаго имъ корня, они унесли съ собой не только общій языкъ и вѣрованія. но и тѣ общественныя и семейныя учрежденія, которыя имъ были свойственны. Это такая же прямая передача учрежденій, какъ и переносъ крестоносцами всей феодальной системы на востокъ, примѣръ, приводимый самимъ Фриманомъ для поясненія явленій первой категоріи.

Что же побуждаетъ его выдѣлить эту третью категорію, какъ особенную, отличную отъ первой?

Между отдѣленіемъ грековъ, римлянъ и германцевъ отъ общаго корня и тѣмъ моментомъ, когда бытъ этихъ народовъ, уже на новыхъ мѣстахъ ихъ поселенія, сдѣлался доступенъ

Типографія М. М. Стасюлевича. Спб. Вас. Остр., 2 л. 7.

наблюденію историковъ, прошло значительное время, продолжительность котораго никому неизвѣстна. Въ теченіи этого времени помянутые народы переходили съ мѣста на мѣсто и, по всей вѣроятности, находились въ условіяхъ, не похожихъ на тѣ, въ которыхъ они были до выдѣленія. Трудно думать, чтобы наблюдаемыя у нихъ учрежденія были совершенно тожественны съ тѣми, которыя они имѣли до отдѣленія отъ общаго корня. Учрежденія остаются неизмѣнными не столько потому, что они разъ достались отъ предковъ, сколько въ силу того, что они продолжаютъ соотвѣтствовать всей совокупности явленій окружающей среды. Если даже мы и допустимъ, что разсматриваемые народы отдѣлились отъ общаго корня съ одинакими учрежденіями (что также сомнительно въ виду разновременности этого отдѣленія), все же рядомъ съ этимъ надо допустить и то, что эти учрежденія должны были болѣе или менѣе измѣниться подъ вліяніемъ тѣхъ новыхъ условій, въ соприкосновеніи съ которыми эти народы находились въ своемъ долгомъ странствованіи. Учрежденія, наблюдаемыя Фриманомъ у грековъ, римлянъ и германцевъ, появились не какъ неприкосновенное наслѣдство, полученное отъ предковъ, а уже видоизмѣненное. Въ нихъ могутъ быть открыты черты древнѣйшаго, до-европейскаго быта, но должны быть и новыя. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о полномъ сохраненіи учрежденій родины, какъ это было съ крестоносцами въ святой землѣ, и по самымъ свойствамъ этихъ первоначальныхъ учрежденій. Феодальная система была уже достаточно выработана до крестовыхъ походовъ, она задолго передъ тѣмъ вышла изъ состоянія первоначальной шаткости и неопредѣленности и была уже закрѣплена въ твердую форму опредѣленныхъ правилъ, что и дало возможность крестоносцамъ составить въ своихъ новыхъ владѣніяхъ наиболѣе полный сводъ феодальнаго права, какой только существуетъ. Невозможно допустить, чтобы тотъ первоначальный общественный бытъ, въ которомъ находились индоевропейскіе народы до ихъ раздѣленія, выработался уже тогда до степени опредѣленныхъ правилъ. Это было скорѣе состояніе неустойчиваго факта, постоянно видоизмѣняющагося, чѣмъ опредѣленнаго права, состояніе, которое могло заключать въ себѣ зародыши всѣхъ возможныхъ формъ государственнаго устройства, строго не соотвѣтствуя ни одной изъ нихъ. Для того, чтобы изъ этихъ зачатковъ выработалась та или другая опредѣленная форма, нужно было, чтобы произошло многое новое,

чего въ этомъ первоначальномъ строѣ общества еще не было. Такой неустоявшійся бытъ, при встрѣчѣ съ новыми условіями, можетъ легче измѣняться, чѣмъ бытъ болѣе выработанный.

Эта разница, надо думать, и заставила Фримана выдѣлить разсматриваемые случаи въ отдѣльную группу. Въ нихъ можетъ быть нѣчто старое, условливаемое единствомъ происхожденія, но должно быть и нѣчто новое, хотя и возникшее на старой почвѣ, но благодаря новымъ причинамъ и условіямъ. Вотъ почему, характеризуя эту третью группу, Фриманъ говоритъ не только о „слѣдахъ" (traces) стараго, но и о дальнѣйшемъ развитіи (developements) этого стараго. Но въ этомъ видѣ эта третья группа не что нибудь совершенно отличное отъ первой, а только ея модификація: мы имѣемъ здѣсь дѣло не только съ наслѣдованными учрежденіями (переданными), но и съ дальнѣйшимъ развитіемъ ихъ въ болѣе опредѣленныя политическія формы.

Но будетъ ли вѣрно всѣ сходства этой третьей группы объяснять единствомъ происхожденія, общимъ наслѣдствомъ, какъ это дѣлаетъ Фриманъ? Пока дѣло идетъ объ общихъ слѣдахъ древняго быта, это объясненіе совершенно вѣрно; но если мы остановимся не на слѣдахъ стараго, а на дальнѣйшемъ его развитіи, то здѣсь рѣшающимъ началомъ будетъ уже не наслѣдство, а то, что наслѣдованныя учрежденія, подъ вліяніемъ новой обстановки, развились въ новое похожее цѣлое, т. е. въ дѣйствіи общихъ причинъ, приведшихъ къ сходнымъ результатамъ.

И такъ, этотъ третій случай не есть простой новый, а сложный изъ двухъ первыхъ и долженъ быть, конечно, разложенъ на свои составные элементы: сходные слѣды стараго должны быть отнесены къ передачѣ (первый случай), развитіе же этого стараго въ новое, но опять сходное, должно быть объясняемо дѣйствіемъ общихъ причинъ (второй случай).

Выдѣлить общіе остатки древняго быта изъ сходныхъ видоизмѣненій его, происшедшихъ подъ вліяніемъ дѣйствія одинакихъ причинъ, дѣло величайшей трудности. Этотъ древній, до-европейскій бытъ неизвѣстенъ, заключенія о немъ приходится дѣлать по указаніямъ позднѣйшаго времени. Позднѣйшее же время представляетъ рядомъ сходства, причина которыхъ можетъ быть различна. Какъ же различить ихъ? Единственный путь, сколько нибудь возможный для различенія причины этихъ сходствъ, могутъ дать только указанія филологіи. Если

сходная учрежденія насятъ одинакія наименованія, эти учрежденія съ полною достовѣрностью можно считать остатками до-европейской старины, въ противномъ случаѣ скорѣе надо объяснять ихъ дѣйствіемъ общихъ причинъ. чѣмъ передачей [1]).

Самъ Фриманъ признаетъ, что тѣ сходства быта, которыя онъ нашелъ у грековъ, римлянъ и германцевъ, и образцовое изслѣдованіе которыхъ онъ даетъ въ своей книгѣ, не исключительны (65), что они встрѣчаются и у другихъ народовъ, напримѣръ семитическаго племени (60). Указываемыя имъ сходства и многія другія, относящіяся къ области гражданскаго и уголовнаго права, которыхъ онъ не касается. дѣйствительно встрѣчаются у многихъ народовъ, о племенномъ родствѣ которыхъ съ арійцами и рѣчи нѣтъ [2]), Это чрезвычайно важное указаніе въ пользу того, что изучаемыя Фриманомъ сходства могли возникнуть и помимо единства происхожденія, въ силу дѣйствія одинакихъ причинъ, всегда и вездѣ ведущихъ къ одинакимъ послѣдствіямъ.

Фриманъ какъ бы чувствовалъ слабость своего мнѣнія съ этой стороны, а потому и высказываетъ въ видѣ предположенія мысль, что можетъ существовать общее наслѣдство не только для арійцевъ и семитовъ вмѣстѣ, но и для всего человѣчества (60, 65). Эта дагадка, пока сравнительное языкознаніе, единственная наука, которая можетъ браться за рѣшеніе подобныхъ вопросовъ, не сказала своего слова, нисколько не помогаетъ дѣлу. Сходства въ народномъ бытѣ, правѣ и учрежденіяхъ, какъ бы ни были они обширны, всѣ такого рода, что всегда могутъ быть объясняемы дѣйствіемъ одинакихъ причинъ. Только сходства въ языкѣ не всегда допускаютъ такое объясненіе, а потому одной сравнительной филологіи и должно принадлежать рѣшеніе вопросовъ о племенномъ родствѣ народовъ и общемъ ихъ доисторическомъ наслѣдствѣ.

---

[1]) Необходимость содѣйствія филологіи въ этомъ случаѣ вполнѣ признается Фриманомъ. Но для признанія того или другаго сходства наслѣдованнымъ, онъ считаетъ уже достаточнымъ, если слова, обозначающія сходныя учрежденія, происходятъ отъ общаго корня, или даже если они по смыслу совершенно вѣрно переводятъ одно другое (61 сл., 67 сл.). Это едва-ли вѣрный путь. Нельзя отрицать, что учрежденіе могло возникнуть прежде, чѣмъ выработалось опредѣленное техническое выраженіе для его обозначенія. Но при отсутствіи такого выраженія, общаго всѣмъ родственнымъ народамъ, имѣющимъ сходное учрежденіе, всѣ заключенія о томъ, что это учрежденіе принадлежитъ эпохѣ, предшествовавшей раздѣленію индоевропейскихъ народовъ, будутъ только предположеніемъ.

[2]) Общія съ греками, римлянами и германцами черты политическаго и семейнаго быта въ томъ видѣ, какъ ихъ обобщаетъ Фриманъ, можно найдти даже у негровъ. См. См. Waitz, Antropologie der Naturvölker, II, стр. 126—167, 391 сл. 468 и др.

Возвращаясь къ выше постановленному вопросу, мы должны дать на него такой отвѣтъ: сходства могутъ быть объясняемы двумя причинами: 1) передачей, куда будутъ относиться какъ разные виды заимствованій, такъ и переносъ родныхъ учрежденій въ новыя страны вмѣстѣ съ переселеніемъ части народа, и 2) дѣйствіемъ одинакихъ причинъ.

Самый фактъ сходства еще не указываетъ на свою причину. Для ея раскрытія необходимы особыя историческія изслѣдованія, съ цѣлью уясненія взаимныхъ отношеній народовъ, въ учрежденіяхъ которыхъ есть сходства, и возможнаго вліянія ихъ одного на другой. Всякій разъ, когда нельзя будетъ доказать передачи, въ той или другой формѣ, надо будетъ приписывать сходства дѣйствію общихъ причинъ.

Сходства послѣдняго рода имѣютъ особенно важное значеніе для исторіи. Ничто такъ не приводитъ къ убѣжденію въ существованіи общихъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ, какъ наблюденія сходныхъ явленій у народовъ, которые развивались безъ малѣйшаго вліянія другъ на друга. Въ виду такихъ сходствъ съ необходимостью возникаетъ мысль о томъ, что ходъ исторіи не есть дѣло человѣческаго каприза, а условливается потребностями человѣческой природы, которая вездѣ едина и вездѣ, при другихъ равныхъ, приводитъ къ одинакимъ послѣдствіямъ. Сравнительное изученіе исторіи становится вмѣстѣ съ тѣмъ и изученіемъ природы человѣка и ея потребностей. Кто рѣшится говорить о случайности извѣстнаго учрежденія, кто будетъ питать надежду на легкую его отмѣну, когда сравнительная метода покажетъ, что это учрежденіе общее не однимъ только народамъ индоевропейскаго племени, но встрѣчается и у многихъ другихъ самаго разнообразнаго происхожденія. Можно питать какія угодно пламенныя надежды на улучшеніе человѣческаго быта, но только тѣ изъ нихъ могутъ разсчитывать на успѣхъ, которыя имѣютъ основаніе въ природѣ человѣка. Свойства же этой природы именно раскрываются сравнительнымъ изученіемъ исторіи.

Сравненія, въ разсматриваемомъ смыслѣ, имѣютъ дѣло со сходствами. Это сравненія сходствъ въ институтахъ однородныхъ. Несходства входятъ въ область сравненія только тогда, когда это частныя несходства явленій вообщее сходныхъ. Такія несходства раскрываютъ разнообразныя модификаціи, которымъ можетъ подвергаться человѣческая природа подъ вліяніемъ различія условій и, слѣдовательно, какъ бы степень растяжимости человѣческой природы.

Чѣмъ шире область сравненій, тѣмъ тверже добываемые имъ результаты. Нѣтъ, поэтому, необходимости ограничивать сравненія только родственными племенами, для исторіи русскаго права, напримѣръ, племенами славянскими, для нѣмецкаго—германскими. Сравнительную методу, въ этомъ смыслѣ, не должно смѣшивать съ опытами обработки такъ называемаго общегерманскаго права. Объ общегерманскомъ правѣ говорятъ потому, что германскія племена жили нѣкоторое время общей политической жизнью и имѣли общіе источники права. Существованіе общихъ источниковъ права условливаетъ и существованіе общаго права. Сравнительная метода имѣетъ совсѣмъ другую цѣлъ: она не даетъ общаго права, а указываетъ только на сходства въ духѣ права, которыя могутъ идти рука объ руку съ значительными различіями догмы и совершеннымъ отсутствіемъ общихъ источниковъ. Нормы права, опредѣляющія, напримѣръ, семейное положеніе женщины, могутъ быть очень различны у славянъ, германцевъ и, положимъ, у негровъ; но сравнительно приниженное положеніе женщины можетъ одинаково составлять характеристическую черту права всѣхъ этихъ народовъ. Общаго права у этихъ народовъ нѣтъ, но сходства въ правѣ будутъ. Эти-то сходства, даже при значительномъ различіи догмы права, и имѣетъ раскрыть сравнительная метода.

Преимущественное сличеніе быта родственныхъ племенъ можетъ имѣть свое самостоятельное значеніе только въ томъ случаѣ, когда исторія права этихъ племенъ представляетъ какія либо особенности, имъ однимъ свойственныя. Но тутъ нужна большая осматрительность, чтобы не отнести къ отличительнымъ особенностямъ этихъ племенъ такихъ признаковъ, которые свойственны и другимъ, съ ними не родственнымъ, и составляютъ, такимъ образомъ, общечеловѣческое достояніе. Сравнительной методѣ мы именно обязаны очищеніемъ науки отъ такихъ узкихъ выводовъ. Многія черты быта, которыя первоначально выводились изъ свойствъ даннаго народа въ отличіе его отъ другихъ, въ дѣйствительности оказались свойственными самымъ разнообразнымъ народомъ на извѣстной ступени ихъ развитія. Такая участь постигла ученіе о родовомъ бытѣ и ученіе объ общинѣ, какъ отличительныхъ чертахъ древне-русскаго быта, ученіе о кровной мести и феодализмѣ, какъ отличительныхъ чертахъ быта германскихъ народовъ, и пр. Только самое широкое примѣненіе сравнительной методы можетъ предохранить изслѣдователя отъ такихъ

одностороннихъ выводовъ, а потому требованіе методы состоитъ въ возможно большемъ расширеніи области сравній, а не въ ограниченіи ихъ одними родственными племенами.

Примѣненіе сравнительной методы предполагаетъ, что сравниваемыя явленія уже выяснены въ своихъ признакихъ. Сравненіе, слѣдовательно, не есть способъ обработки даннаго положительнаго права. Всякое положительное право можетъ быть обрабатываемо только на основаніи его собственныхъ источниковъ. Чего не даютъ эти источники, то не можетъ быть пополнено сравненіемъ. Сравнительная метода не въ силахъ прибавить къ системѣ даннаго историческаго права ни одного новаго факта. Она можетъ только пролить новый свѣтъ на существующіе и навести на объясненіе неяснаго, несовершенно досказаннаго въ источникахъ свидѣтельства. Сравнительная метода можетъ обнаружить, что учрежденіе, получившее у одного народа полное свое развитіе, встрѣчается въ исторіи другаго только въ зародышномъ состояніи, изъ котораго ему и не пришлось выдти по отсутствію благопріятныхъ для того условій. Та же метода можетъ привести къ открытію такъ называемыхъ переживаній, т. е. обломковъ нѣкогда господствовавшихъ институтовъ, которые вытѣснены другими новѣйшими, но оставили послѣ себя нѣкоторые слѣды, настоящій смыслъ которыхъ можетъ быть понятъ только при сличеніи ихъ съ этимъ древнѣйшимъ состояніемъ. Источники каждаго права могутъ заключать въ себѣ слишкомъ краткія указанія на бытіе какого либо института, изъ которыхъ трудно составить опредѣленное о немъ представленіе. Таковы, напримѣръ, указанія нашихъ источниковъ на „помочь“ въ судѣ. Сближеніе этихъ краткихъ указаній съ свидѣтельствами германскаго права о „соприсяжникахъ“ можетъ пролить свѣтъ на нашихъ „пособниковъ“. Но при такомъ пользованіи методой сравненія нужна большая осторожность. Указанія германскаго прива могутъ быть только въ томъ случаѣ приняты, если все состояніе нашего права допускаетъ возможность института вродѣ германскихъ соприсяжниковъ. Но если бы отечественные источники ни словомъ не намекали на соприсяжниковъ, мы не имѣли бы права говорить о нихъ, хотя бы это учрежденіе существовало во всѣхъ возможныхъ законодательствахъ.

Сравнительная метода, по существу своему, находится внѣ предѣловъ обработки даннаго положительнаго права Она не сопутствуетъ ей, а только слѣдуетъ за нею. Она можетъ

только пролить нѣкоторый свѣтъ на то, что не совершенно ясно, и то въ весьма общихъ чертахъ, но никогда не въ состояніи помочь намъ возстановить подробности института, о которыхъ молчатъ наши источники.

III. Національный элементъ въ исторіи.

Существуетъ мнѣніе, по которому развитіе права каждаго народа должно быть исключительно національное. Правильное установленіе начала національности въ исторіи требуетъ анализа этого понятія [1]).

Подъ національностью разумѣютъ иногда совокупность свойствъ, искони заложенныхъ въ народный духъ и долженствующихъ навсегда отличать данный народъ отъ всѣхъ другихъ. Въ такомъ предположеніи искони данныхъ и навсегда неизмѣнныхъ народныхъ свойствъ, имѣющихъ постоянно проявляться въ исторіи народа, едва ли есть необходимость. Никто не будетъ отрицать того факта, что каждый народъ отличается отъ другихъ нѣкоторой суммой свойственныхъ ему признаковъ. Но эти признаки не остаются неизмѣнными въ его исторіи; съ поступательнымъ ея движеніемъ они сами мѣняются. Для объясненія появленія этихъ признаковъ нѣтъ надобности прибѣгать къ предположенію, что они изначала заложены въ его духъ. Возникновеніе ихъ легко можетъ быть объясняемо различіемъ условій, въ которыхъ находятся разные народы. Если бы изначала всѣ народы были одарены и совершенно одинакими свойствами, то и въ этомъ случаѣ, живя въ разныхъ условіяхъ, (а эти условія никогда не тожественны), они непремѣнно проявили бы нѣкоторыя несходныя особенности быта. Единство происхожденія семьи индоевропейскихъ народовъ есть твердо установленный фактъ науки. Въ этой группѣ народовъ, слѣдовательно, всѣ національныя различія не только могутъ, но и должны быть объ-

---

[1]) Вопросъ о національности въ исторіи, поднятый въ извѣстномъ спорѣ славянофиловъ съ западниками продолжаетъ и теперь привлекать къ себѣ вниманіе нашей литературы. Изъ сочиненій послѣдняго времени укажемъ на два труда, сопостановленіе которыхъ особенно любопытно потому, что авторы ихъ смотрятъ на дѣло съ двухъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія: А. Н. Пыпинъ. Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ, 1865; А. Д. Градовскій, Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ. 1873. Критику воззрѣній перваго автора даетъ О. Ѳ. Миллеръ: Славянскій вопросъ въ наукѣ и жизни, въ сборникѣ его статей: Славянство и Европа, 1877.

ясняемы различіемъ историческихъ условій, а никакъ не искони прирожденными и навсегда неизмѣнными свойствами.

Такое объясненіе національныхъ различій историческими причинами вовсе не устраняетъ вопроса о народности въ правѣ, а только вводитъ его въ его естественные предѣлы. Находясь въ своихъ особыхъ историческихъ условіяхъ, каждый народъ можетъ выработать свои чертые быта и свою систему права. Національное право будетъ, слѣдовательно, право не заимствованное у другихъ, а развившееся самостоятельно изъ столкновенія данныхъ внѣшнихъ условій съ природою человѣка.

Національное право, въ этомъ смыслѣ, не непремѣнно исключительно во всѣхъ своихъ особенностяхъ. Многія изъ нихъ могутъ встрѣтиться и у другихъ народовъ. Цѣли человѣческаго общежитія всегда одинаковы, внѣшнія условія, въ которыхъ эти цѣли приходятъ къ своему осуществленію, нигдѣ буквально не повторяясь, все же нерѣдко представляютъ довольно много общаго; вслѣдствіе этого у разныхъ народовъ могутъ встрѣтиться и дѣйствительно встрѣчаются однѣ и тѣже характеристическія черты быта, которыя, одинаково будутъ и здѣсь и тамъ народными. Исканіе однихъ только исключительно народныхъ особенностей есть уже крайность этого направленіе, якоторая обыкновенно приводитъ къ ненаучнымъ и часто дѣтскимъ выводамъ въ которыхъ все хорошее приписывается исключительнымъ свойствамъ своего народа, все дурное разсматривается, какъ результатъ чуждаго вліянія.

Но и въ этомъ смыслѣ національное право и бытъ далеко не составляютъ удѣлъ каждаго народа. Право могло бы быть вполнѣ національнымъ только въ томъ случаѣ если бы народы жили совершенно разрозненно, не сталкиваясь съ другими. Такая разрозненность еще можетъ имѣть мѣсто на первыхъ ступеняхъ исторіи человѣчества; но съ дальнѣйшими успѣхами жизни возникаютъ многообразныя столкновенія народовъ другъ съ другомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ открывается и путь для чуждыхъ вліяній. Возможность чуждаго вліянія и заимствованій начинается очень рано. Весьма древніе слѣды ихъ замѣчаются уже въ бронзовомъ періодѣ. Большинство этихъ доисторическихъ вліяній внѣ области человѣческаго знанія. Съ успѣхами цивилизаціи чуждыя вліянія становятся чаще и важнѣе по своимъ послѣдстіямъ. Исторія не знаетъ ни одного историческаго народа, который не былъ бы чѣмъ

нибудь обязанъ другимъ. Даже въ римскомъ правѣ, этомъ геніальномъ созданіи римскаго духа, изслѣдователи указываютъ чуждыя вліянія для древнѣйшаго законодательства XII таблицъ. Франція, такъ много сдѣлавшая для развитія европейской цивилизаціи, начала съ того, что усвоила себѣ всю римскую цивилизацію и даже чуждый кельтамъ латинскій языкъ. Съ XII в. начинается усвоеніе Германіей римскаго права. XIX столѣтіе представляетъ поразительный примѣръ распространенія англійскихъ учрежденій по всему образованному міру. Наше право также не осталось чуждо чужеземныхъ вліяній. Существенныя измѣненія его начинаются уже съ принятіемъ христіанства и съ первымъ знакомствомъ съ памятниками греко-римскаго законодательства. За тѣмъ идетъ татарское вліяніе. Несмотря на то, что Татары осуществляли свое господство издали, изъ-за предѣловъ русскихъ княженій, господство ихъ сильно видоизмѣнило и не только финансовую систему древней Россіи, но и весь государственный бытъ древнихъ княженій. Московское государство съ его правомъ и учрежденіями никакъ не можетъ быть разсматриваемо какъ чисто народное русское созданіе. Оно носитъ на себѣ очевидные слѣды и византійскихъ идей и татарскихъ порядковъ. Съ XVIII вѣка начинается усиленное вліяніе западно-европейскихъ идей, столь осуждаемое любителями нашей до-петровской старины.

Таковъ дѣйствительный ходъ исторіи. Едва ли существуетъ одинъ историческій народъ, который представлялъ бы историку только черты своего самостоятельнаго народнаго быта. Историкъ не можетъ вычеркнуть всѣ разнообразные результаты этихъ чуждыхъ вліяній и дать только картину національнаго развитія своего народа, когда оно было въ высочайшей степени смѣшанное.

Но если чуждыя вліянія и весьма обыкновенны въ исторіи, все же историкъ долженъ поставить вопросъ, желательны ли они, или ихъ слѣдуетъ избѣгать? Если бы особенности государственоаго быта и права извѣстнаго народа были результатомъ прирожденныхъ ему свойствъ, всегда постоянныхъ, то на чуждыя вліянія слѣдовало бы смотрѣть, какъ на болѣзненные наросты, заглушающіе чистые родники народнаго духа. Но право не есть нѣчто простое, первоначальное, неизмѣнное, непосредственно вытекающее изъ духа народа и вездѣ разное, по различію самаго духа. Оно есть чрезвычайно сложный результатъ всѣ тѣхъ разнообразныхъ усло-

вій—экономическихъ, нравственныха, религіозныхъ и пр.. въ которыхъ находится народъ, и измѣняется вмѣстѣ съ ними. Въ формахъ государственнаго быта и права проявляются усилія ума человѣческаго внести твердый порядокъ въ разнообразныя отношенія жизни. При такомъ характерѣ права, заимствованія, если благодаря имъ въ народную жизнь вносится что либо сравнительно лучшее, не могутъ быть осуждены въ принципѣ. Заимствованія болѣе совершенныхъ формъ быта и права, если существо жизненныхъ отношеній допускаетъ ихъ примѣненіе, также полезно, какъ заимствованіе полезныхъ ремеслъ, искусствъ, наукъ, изобрѣтеній.

Общеніе съ другими народами и неизбѣжно условливаемая имъ возложность вліяній и заимствованій выводитъ народы изъ ихъ естественной замкнутости и односторонности на болѣе широкій путь цивилизаціи. Чѣмъ ранѣе начинается такое общеніе, тѣмъ быстрѣе идетъ развитіе народа, и наоборотъ, чѣмъ уединеннѣе стоитъ народъ, тѣмъ медленнѣе. развивается его культура. Если западно-европейскіе народы сдѣлали бо́льшіе успѣхи, чѣмъ мы, это надо объяснять не лучшими природными ихъ свойствами, а болѣе раннимъ и глубокимъ общеніемъ съ народами классическаго міра. Первыя западно-европейскія государства зародились не на новой и дикой почвѣ а на почвѣ, уже обработанной римской культурой.

Эти заимствованія въ болѣе или менѣе значительной степени измѣняютъ исторически сложившійся народный обликъ, внося въ него новыя черты. Но эти новыя черты, въ свою очередь, подвергаются дѣйствію особенностей народности и сами видоизмѣняются подъ ихъ вліяніемъ. Историческая народность не есть постоянная и всегда сама себѣ равная величина. Наука до сихъ поръ не можетъ сказать, въ чемъ именно состоялъ признаки народности [1]). Безспорно только, что внесеніе въ народный бытъ нѣсколькихъ новыхъ особенностей, даже и совершенно чуждаго происхожденія, не уничтожаетъ народности. Христіанская релитія одинаково ненаціональна для всѣхъ принявшихъ ее европейскихъ народовъ, но у каждаго изъ нихъ она отлилась въ особыя формы, сообразно съ народнымъ характеромъ. Едва ли нужно напоми-

---

[1]) Единственнымъ наиболѣе постояннымъ признакомъ служитъ языкъ, всѣ остальные крайне измѣнчивы. Но и общій языкъ можетъ, въ силу, различія историческихъ условія и отсутствія общенія, раздѣлиться на особыя нарѣчія, которыя могутъ разойтись такъ далеко, что отрасли одного того же народа перестанутъ понимать другъ друга, а вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ утратитъ значеніе силы, соединяющей отдѣльные племена въ одну живую народность.

нать, что заимствованныя у Англіи судъ присяжныхъ и представительныя учрежденія вездѣ въ заимствовавшихъ странахъ получали свой особый характеръ. Наука, какъ проявленіе дѣятельности человѣческаго ума, вездѣ себѣ равнаго, кажется, должна бы быть совсѣмъ чужда національныхъ различій. Но даже и въ этой области они даютъ себя чувствовать. Историческая, политическая и юридическая литература Франціи, Германіи и Англіи носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды каждой изъ этихъ національностей. Опредѣлить и перечислить ихъ чрезвычайно трудно, но это не говоритъ противъ самаго факта національныхъ особенностей дажо въ наукѣ. Всѣ попытки опредѣлить точнымъ образомъ черты національнаго характера разныхъ народовъ весьма шатки, тѣмъ не менѣе эти черты существуютъ, чувствуются каждымъ и не исчезаютъ съ заимствованіями.

Культурное общеніе съ другими народами не должно вызывать никакой враждебности, никакого чувства антагонизма, Все, что у другихъ есть лучшаго, есть достояніе всего человѣчества и должно быть усвоено болѣе молодыми на поприщѣ исторіи народами. Цивилизація всегда есть плодъ соединенныхъ усилій всего человѣчества. Для русскаго народа, позднѣе выступившаго на поприще всемірной исторіи, ничего нѣтъ постыднаго въ томъ, что ему приходится теперь больше брать, чѣмъ давать. Его старшіе братья дѣлали тоже. Истинно національная политика, преслѣдующая пользы своего народа, будетъ состоять не въ ревнивомъ удаленіи отъ всего иноземнаго, а въ заимствованіи полезнаго.

Высказываясь въ принципѣ въ пользу необходимыхъ заимствованій, мы не хотимъ, однако, этимъ сказать, что всякое отдѣльное заимствованіе, когда либо сдѣланное, было хорошо и должно было быть сдѣлано. Поклоненіе совершившемуся факту здѣсь также мало должно имѣть мѣста, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Наша исторія. какъ и всякая другія, предстевляетъ не мало заимствованій, которыя только отклонили ее отъ надлежащаго пути, на который она рано или поздно, а должна выдти. У насъ были тѣ зачатки политической свободы, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Европы развились представительныя учрежденія, распространившіяся теперь по всему образованному міру, но у насъ они было подавлены татарскими порядками и византійскими идеями. Вліяніе того же византійскаго права подавило у насъ и ту систему судебныхъ доказательствъ,

изъ которой въ Англіи развился судъ присяжныхъ. Въ настоящее царствованіе это учрежденіе было заимствовано нами изъ западной Европы, но ужъ какъ совершенно чуждое нашему быту. При оцѣнкѣ заимствованій, какъ и вообще хода историческаго развитія, нужно прилагать мѣрку соотвѣтствія этихъ заимствованій съ требованіями человѣческой природы.

Свободное усвоеніе чужаго, въ силу убѣжденія въ его превосходствѣ, не отрицаетъ національности, оно только обогащаетъ ее и нерѣдко тѣмъ, зародыши чего были и у ней самой. Но насильственное введеніе чуждыхъ порядковъ, соединенное съ презрѣніемъ къ своему народному, наноситъ ей величайшій вредъ. Народныя массы никогда не виноваты въ своей отсталости. Они вездѣ и всегда живутъ исподоволь. Хороши или дурны окружающіе ихъ порядки, они дорожатъ ими уже въ силу привычки. Они гордятся ими, какъ созданіемъ своего духа. Вводить новое необходимо съ большою осторожностью, не оскорбляя народнаго духа, не презирая его. Оскорбляя народный духъ неумѣлъ заимствованіемъ, какъ бы ни было хорошо это заимствованіе само по себѣ, подавляютъ ту силу, которая одна способна творить все великое въ исторіи.

Говоря до сихъ поръ о національности въ исторіи, мы постоянно имѣли въ виду самостоятельное государственное бытіе каждой особой народности. Но не всегда бываетъ такъ въ исторіи. Нерѣдко народности входятъ въ составъ чуждыхъ имъ государствъ, какъ ирландцы въ Англіи, славяне въ Австріи и Турціи, греки и армяне въ Турціи и пр. Ложно понимаемые интересы такого сложнаго политическаго тѣла нерѣдко приводятъ къ подавленію одной народности другою, господствующей. Это подавленіе можетъ повести съ совершенной утратѣ народности. Явленія этого рода встрѣчаются въ исторіи съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Исторіи каждаго государства можетъ представить не одинъ примѣръ такихъ поглощенныхъ и утратившихъ свое самостоятельное бытіе народностей. Но только въ наше время возбужденъ вопросъ о правѣ каждой народности на самостоятельное государственное бытіе [1]).

Признаніе за каждой народностью права на государственную самостоятельность представляетъ чрезвычайныя трудности. Теоретическое основаніе такого права видятъ, иногда, въ условіяхъ культурнаго развитія каждаго народа. Отправляясь

---

[1]) Мысль, о томъ, что государство есть форма народной жизни, высказана еще Пухтою: „Volk und Staat hängen aufs genaueste mit einander zusammen“. Encyclopädie, I c. § XI.

отъ той мысли, что каждая *естественная* народность отличается отъ другихъ особенностями характера и нравственными и умственными способностями, думаютъ, что разнобразіе національныхъ особенностей есть коренное условіе правильнаго хода общечеловѣческой цивилизаціи, и что лишить народъ самостоятельнаго государственнаго бытія значитъ лишить человѣчество возможности проявить во всемірной исторіи все богатство содержанія человѣческаго духа.

Если мы и согласимся въ принципѣ съ приведеннымъ мнѣніемъ, практическое осуществленіе его наталкивается на едва ли побѣдимыя затрудненія. Если право на самостоятельное государственное бытіе условливается цѣлями культурнаго развитія каждой народности, въ такомъ случаѣ будетъ совершенно послѣдовательно признать это право за каждой естественной народностью, какъ бы давно она ни утратила своей политической самостоятельности и на какой бы низкой ступени развитія она ни находилась, ибо теоретически нельзя отрицать, что, поставленная, самостоятельно, она можетъ развить какія либо свои особенности и, такимъ образомъ, внести нѣчто оригинальное въ общечеловѣческую цивилизацію. Но въ такомъ случаѣ пришлось бы произвести ломку едва ли не всѣхъ современныхъ государствъ, такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ можно встрѣтиться съ разноплеменнымъ составомъ. А при этомъ условіи выставленный принципъ не можетъ разсчитывать на какое либо практическое примѣненіе. Осуществленіе его должно встрѣтить соединенный и энергическій отпоръ всѣхъ современныхъ государственныхъ силъ. Но можетъ быть есть какая нибудь граница его примѣненія? Какую бы границу ни указали намъ, она неизбѣжно будетъ отступленіемъ отъ принципа, непослѣдовательностью и, слѣдовательно, подорветъ теоретическое его значеніе. При такой постановкѣ вопроса о самостоятельномъ государственномъ бытіи народностей, выставленный принципъ отходитъ въ область можетъ быть и желательныхъ, но никогда не осуществимыхъ теорій.

Мы думаемъ, однако, что и помимо всякихъ практическихъ соображеній принципъ самостоятельнаго культурнаго развитія каждаго народа не можетъ быть принятъ въ его теоретической безусловности. Развитіе самобытной народной культуры не непремѣнно обезпечивается бытіемъ отдѣльнаго самостоятельнего государства. Россія всегда была такимъ государствомъ, но самобытностью нашей культуры мы далеко не можемъ гордиться. А съ другой стороны смѣшеніе разныхъ народностей въ

одномъ государствѣ есть чрезвычайно часто повторяющійся историческій фактъ и вовсе не враждебный развитію общечеловѣческой культуры. Почти всѣ культурные историческіе народы—плодъ смѣшенія разныхъ народностей, а не одна чистая народность. Греки и римляне восприняли въ свой составъ нѣкоторыя племена даже не индогерманскаго происхожденія. Въ новой исторіи фактъ смѣшенія народностей повторился едва ли не на пространствѣ всей Европы: французы и англичане крайне смѣшаннаго происхожденія, нѣмцы, если не на всемъ пространствѣ Германіи, то въ весьма многихъ пунктахъ приняли въ себя римскіе и славянскіе элементы. Дѣятелями европейской культуры являются такимъ образомъ народы очень смѣшаннаго состава. Въ виду этого распространеннаго факта наука едва ли имѣетъ достаточное основаніе, въ культурныхъ цѣляхъ, выставить принципъ обособленія естественныхъ народностей. Признаніе въ теоріи права каждой народности на самостоятельное государственное бытіе должно усилить рознь и вражду національностей, тогда какъ исторія, къ несомнѣнному благу человѣчества, ведетъ ихъ къ сближенію. Совершенно довольно одного примѣра разнонародной Швейцаріи, чтобы наука признала возможность гармоническаго соединенія разныхъ народовъ въ одномъ политическомъ тѣлѣ. Если въ наше время такое явленіе возможно только какъ счастливое исключеніе, въ будущемъ оно можетъ стать общимъ правиломъ. При крайней трудности размежеванія государствъ по народностямъ, примѣръ Швейцаріи даетъ поучительный выходъ изъ затрудненія.

Замѣчаемое въ наше время стремленіе нѣкоторыхъ народностей выдѣлиться изъ состава иноплеменныхъ имъ государствъ вызвано не условіями культурнаго развитія каждаго народа, а тѣмъ гнетомъ, который испытывали эти народности подъ чуждымъ господствомъ. Этотъ гнетъ и заставилъ ихъ высказаться противъ притѣснителей и поднять оружіе на установленную власть. Національный вопросъ возбужденъ греками, итальянцами, и славянами, народами, которые были подавлены неумѣлымъ господствомъ иноплеменной власти. Напротивъ, нѣмцы Эльзаса и Лотарингіи не возбуждали никакого нѣмецкаго національнаго вопроса, они гордились тѣмъ, что стали французами, хотя совершенно рядомъ, только по другую сторону Рейна, развивалась болѣе родственная имъ нѣмецкая культура.

Причины народнаго недовольства грековъ, итальянцевъ и

славянъ давно существовали, но почему же только въ наше время это недовольство „законымъ“ правительствомъ получило характеръ права, на защиту котораго выступили вѣнценосные государи въ лицѣ короля Сардиніи, императора французовъ и всероссійскаго императора, освободителя славянъ.

Причина этому лежитъ въ измѣнившихся, съ прошлаго вѣка, воззрѣніяхъ на государство. Благодаря просвѣтительной философіи XVIII вѣка государство перестало быть вотчиной государя, народная воля стала однимъ изъ существенныхъ его факторовъ. Вотъ почему народная воля, высказавшаяся противъ предержащей власти, нашла защиту въ вѣнценосцахъ, проникнутыхъ идеями нашего времени.

Національный вопросъ есть вопросъ народной воли. Національная политика есть политика, согласная съ этою волею. Съ этой точки зрѣнія національный вопросъ ничего не имѣетъ угрожающаго для разноплеменныхъ государствъ нашего времени, онъ не ведетъ непремѣнно къ ихъ разрушенію. Онъ требуетъ только справедливаго и гармоническаго соединенія разныхъ народностей въ одномъ политическомъ цѣломъ. Разноплеменныя государства осуждены распасться на свои составныя части только въ томъ случаѣ, если окажутся неспособными выработать соотвѣтствующую ихъ составу форму быта. Но при этомъ условіи могутъ распасться и единоплеменныя государства. Англичане утратили же большую часть своихъ американскихъ владѣній, населенныхъ единоплеменнымъ съ ними народомъ.

IV. Прогрессъ.

Существующіе въ наукѣ взгляды на прогрессъ отличаются крайнимъ разнообразіемъ. Въ то время какъ одни писатели, выводя начало исторіи изъ состоянія первобытнаго варварства, пророчатъ человѣчеству постоянное движеніе къ улучшенію, обнимающему всѣ сферы его жизни и долженствующему сдѣлать его не только совершеннѣе въ умственномъ, нравственномъ и физическомъ отношеніи, но и счастливѣе, другіе ограничиваютъ область прогресса одними только удобствами во внѣшнѣй обстановкѣ жизни, наконецъ третьи допускаютъ состояніе первобытной невинности и культуры, въ варварскомъ же бытѣ дикарей видятъ результатъ вырожденія

и упадка. Этотъ послѣдній взглядъ напоминаетъ наивную вѣру древняго человѣка въ недосягаемыя совершенства первобытнаго золотаго вѣка, отъ котораго будто бы отправилась исторія, идущая отъ лучшаго къ худшему. Прогрессивное движеніе однимъ ученымъ представляется непрерывнымъ, постояннымъ, равномѣрнымъ и безконечнымъ, другіе, наоборотъ, допускаютъ остановки и случаи попятнаго движенія (регресса), какъ временнаго, такъ и съ характеромъ совершеннаго вырожденія [1]).

Это разнообразіе воззрѣній ра послѣдовательность хода исторіи совершенно понятно. Въ какомъ направленіи совершается историческое движеніе, какъ идетъ оно и къ чему имѣетъ придти,—все это такіе вопросы, разъясненіе которыхъ сдѣлается возможнымъ только тогда, когда будутъ раскрыты управляющіе ходомъ исторіи законы. Полная теорія орогресса есть дѣло будущаго.

Исторія представляетъ много фактовъ, свидѣтельствующихъ о послѣдовательномъ измѣненіи человѣческаго быта къ лучшему. Достаточно припомнить успѣхи, достигнутые въ области знаній, чистыхъ и прикладныхъ, и во внѣшней обстановкѣ человѣческой жизни; область права тоже даетъ не мало свидѣтельствъ въ пользу измѣненія человѣческаго быта къ лучшену. Есть полное основаніе думать, что въ будущемъ человѣка ожидаютъ еще большіе успѣхи. Но въ примѣненіи къ развитію искусствъ идея прогресса наталкивается уже на нѣкоторыя затрудненія.

О произведеніяхъ Шекспира и Фидія говорятъ, что до сихъ поръ не произведено не только ничего лучшаго, но даже равнаго имъ.

Этотъ фактъ наводитъ на мысль, что прогрессъ не непрерывенъ и непостояненъ.

Еще большія сомнѣнія возбуждаетъ вопросъ о примѣненіи идеи прогресса къ самой природѣ человѣка, къ возможности улучшенія ея въ умственномъ, нравственномъ и физическомъ отношеніи. Бокль сомнѣвается, чтобы внутреннія силы человѣческаго ума возрастали въ исторіи. Прогрессъ же въ области нравственности онъ положительно отрицаетъ. По его мнѣнію нравственныя истины не мѣняются (I. 163). Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ трудно согласиться. Тѣ нравственныя начала, которыя Бокль приводитъ, какъ неизмѣн-

[1]) Разнообразные взгляды на прогрессъ французскихъ и нѣмецкихъ писателей приведены и разобраны въ превосходномъ сочиненія Флинта, на которое мы уже не разъ ссылались.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

ныя [1]), не суть первоначальныя и свойственныя человѣку на всѣхъ ступеняхъ его развитія. Первоначальная нравственность была чисто семейная, крайне узкая и далеко не проникнутая идеею справедливости [2]). Нравственныя обязанности существовали только по отношенію къ членамъ своей семьи. Любили и берегли только ихъ. Всякій чужой, не членъ своей семьи, разсматривался, какъ врагъ [3]). Съ этой первоначальной, крайне узкой ступени своей, нравственность идетъ развиваясь. Начала нравственной любви выходятъ за предѣлы семьи и разливаются на все племя, затѣмъ—на весь народъ, а съ христіанствомъ—и всѣ народы. Нравственныя обязанности къ ближнему не ограничиваются теперь ни различіемъ сословій, ни народностей. Но и по настоящее время христіанская нравственность не можетъ быть разсматриваема, какъ вошедшая въ плоть и кровь христіанскихъ народовъ. Для измѣненія прежнихъ эгоистическихъ и грубыхъ понятій многое еще остается сдѣлать.

Но возрастаніе самыхъ силъ человѣческаго ума съ движеніемъ исторіи нельзя еще считать доказаннымъ фактомъ. Если люди, живущіе въ культурной обстановкѣ, достигаютъ бо́льшаго умственнаго развитія, чѣмъ дикари, это можетъ быть объяснено свойствами обстановки, въ которой они вращаются съ дѣтства, а не наслѣдованными отъ родителей большими силами ума [4]). Прогрессъ будетъ здѣсь состоять только въ томъ; что, тѣже самыя силы духа въ культурной средѣ развиваются легче и полнѣе, чѣмъ въ некультурной. Умственное развитіе нѣкоторыхъ дикарей такъ ничтожно, что они едва умѣютъ считать до пяти, и вовсе не выработали слова для выраженія этого числа. Они различаютъ отдѣльные цвѣта (красный, зеленый и пр.) и отдѣльные виды деревьевъ;

---

[1]) „Дѣлать добро другимъ; жертвовать для ихъ пользы собственными желаніями; любить ближняго, какъ самаго себя; прощать врагамъ; обуздывать свои страсти; почитать родителей; уважать старшихъ: эти и еще другія немногія правила составляютъ сущность нравственности; но онѣ были извѣстны тысячелѣтія тому назадъ и всѣ проповѣди моралистовъ и теологовъ не прибавили къ нимъ съ тѣхъ поръ ни одной іоты“. I 163.

[2]) Мысль о томъ, что первоначальный семейный бытъ, съ котораго пошло развитіе общежитія, не воспитываетъ человѣка къ общественной нравственности, пр красно развита у Лотце, III, 448 сл.

[3]) Фюстель-де-Куланджъ, Гражданская община античнаго міра пер. Е. Ѳ. Корша, стр. 120 сл. Да и теперь совершенно ли вымерли эти понятія?

[4]) Появляющіяся въ послѣднее время изысканія по части наслѣдственной передаачидѣтямъ отъ родителей пріобрѣтенныхъ послѣдними свойствъ духа слишкомъ еще недостаточны, чтобы рѣшить этотъ вопросъ въ пользу наслѣдственности. Сдѣланныя Боклемъ возраженія (162) противъ наслѣдственности заслуживаютъ полнаго вниманія.

но родовыхъ понятій цвѣта и дерева у нихъ нѣтъ. Ихъ способность обобщенія крайне слаба. Если культурные народы достигли въ этомъ отношеніи громадныхъ успѣховъ, это надо разсматривать какъ результатъ болѣе благопріятныхъ условій внѣшней обстановки для развитія силъ человѣческаго ума, возникшихъ благодаря прогрессивному движенію исторіи. Дикари, съ дѣтства поставленные въ условія культурной среды, усвоиваютъ себѣ ея особенности и, наоборотъ, люди бѣлой расы легко дичаютъ въ средѣ некультурной [1]).

Что касается улучшенія физической природы человѣка, вліяніе прогресса въ этой области можетъ быть признано въ томъ смыслѣ по крайней мѣрѣ, что успѣхи медицины и улучшеніе гигіеническихъ условій жизни дѣйствительно увеличиваетъ среднюю продолжительность жизни человѣка. Это общепризнанный статистическій фактъ.

Но есть область болѣе близкая нашему сердцу. Это область личнаго человѣческаго счастья. Можемъ ли мы сказать, что рядомъ съ тѣми улучшеніями, которыя происходятъ въ состояніи ума человѣка, его нравственности, въ правѣ и во внѣшней обстановкѣ его жизни, мы сдѣлались также счастливѣе нашихъ предковъ, что окружающая насъ дѣйствительность съ ея улучшенными путями, телеграфами и всѣми неисчислимыми усовершенствованіями современной цивилизаціи, милѣе намъ, болѣе радуетъ насъ и живитъ, чѣмъ радовала ихъ та безъискуственная природа, которой они были окружены? Многіе думаютъ, что съ прогрессомъ человѣкъ дѣлаетъ и счастливѣе. Но, кажется, есть гораздо болѣе основаній сомнѣваться, чтобы способность наша къ счастью сколько нибудь возрастала. Мы менѣе способны къ ощущеніямъ счастья, чѣмъ наши предки, уже потому, что развитіе сдѣлало насъ болѣе требовательными. Внутреннее раздвоеніе и возникающая изъ него борьба человѣка съ самимъ собой, такъ отравляющая жизнь людей нашего времени, и недовольство окружающей дѣйствительностью, порождающее безпокойное стремленіе куда-то въ даль, совсѣмъ неизвѣстны первобытному человѣку [2]). Если мѣрою прогресса мы поставимъ не улучшеніе природы человѣка и внѣшнихъ условій его быта, а менѣе уловимое, но болѣе захватывающее человѣка отношеніе внѣшнихъ условій быта къ его личному ощущенію, степень личной его удовлетворенности ими, мы едва ли не должны придти

---

[1]) Waitz, I, 369 и др.
[2]) См. Waitz, I, 345.

къ заключенію, что эта степень нисколько не возрастаетъ; въ настоящее время она можетъ быть даже меньше, чѣмъ во времена самыя отдаленныя и грубыя. Правда, мы свободны отъ того чувства страха и ужаса, которое должны были возбуждать въ первобытномъ человѣкѣ неизвѣстныя ему въ своемъ дѣйствіи силы природы, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы утратили и возможность въ той же мѣрѣ отдаваться ощущеніямъ радости и довольства, которыя такъ легко вызываются въ немъ первымъ удовлетвореніемъ его несложныхъ и безъискусственныхъ потребностей. Древней поэтической мысли русская земля представлялась какъ „свѣтло-русская". Въ этомъ эпитетѣ нельзя не видѣть яркаго чувства довольства окружающей дѣйствительностью. Напрасно будемъ искать этого счастливаго чувства радости въ современной поэзіи. Счастье человѣка не стоитъ, какимъ образомъ, ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ прогрессу.

Но всякое улучшеніе появляется въ томъ только случаѣ, когда были на лицо необходимыя для того условія, а не въ силу дѣйствія какого-то неизбѣжнаго (какъ судьба) закона прогресса, ведущаго человѣчество къ совершенствованію наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, могущимъ возникнуть какъ изъ дѣйствія внѣшнихъ условій, такъ и по волѣ человѣка, враждебной улучшеніямъ. Если этихъ благопріятныхъ прогрессу условій не было, необходима остановка прогрессивнаго движенія, а при особенно неблагопріятныхъ условіяхъ возможно и попятное движеніе. Явленія попятнаго движенія встрѣчаются не только въ одномъ какомъ либо отношеніи, (напримѣръ въ развитіи чистыхъ искусствъ и изящной литературы, гдѣ очень мало замѣчается постоянства), но и разомъ во многихъ и даже почти во всѣхъ. Таковы, напримѣръ, послѣдствія татарскаго нашествія для всѣхъ русскихъ княженій и покоренія Новгородя и Пскова для этихъ двухъ областей. Зачатки правильно организованной политической свободы, довольно ясно обозначившіеся здѣсь, навсегда были подавлены московскимъ погромомъ въ ихъ самостоятельномъ мѣстномъ бытіи и развитіи. Крайне натянутымъ и произвольнымъ представляется такое изложеніе исторіи, которое въ каждомъ новомъ царствованіи усматриваетъ непремѣнный успѣхъ, и съ точки зрѣнія котораго исторія являетъ картину праздничнаго шествія народовъ къ безоблачному торжеству настоящаго дня. Всякая попытка соединить линіей прямолинейнаго прогресса всѣ послѣдовательныя стадіи развитія дан-

наго народа должна быть оставлена, какъ совершенно безнадежная.

Давно была высказана мысль о существованіи болѣзненныхъ эпохъ въ исторіи [1]). Она заслуживаетъ полнаго вниманія Такія эпохи дѣйствительно есть.

Примѣненіе этой мысли къ обработкѣ исторіи зависитъ отъ установленія понятія о томъ, что должно считать здоровымъ состояніемъ. Абсолютнаго здоровья дѣйствительность не знаетъ. Здоровымъ состояніемъ общества надо считать уже такое, въ которомъ наивозможно полнымъ образомъ взаимно примирены и удовлетворены разнообразныя потребности природы человѣческой. Чѣмъ выше степень этого удовлетворенія, тѣмъ ближе общество къ здоровому состоянію, и, наоборотъ, тѣ эпохи, въ которыхъ удовлетворена какая нибудь одна, или только нѣкоторыя изъ его нуждъ и потребностей, а другія, столь же законныя, подавлены, должны быть признаны болѣзненными. Не всякая болѣзнь смертельна И въ жизни отдѣльнаго человѣка за болѣзнью слѣдуетъ, иногда, еще болѣе полное развитіе его силъ. Это возможно и въ жизни общества. Но это еще не значитъ, что болѣзнь была необходима и полезна на пути его прогреса.

Разнообразные элементы общественномй жизни развиваются далеко не равномѣрно и не параллельно. Въ то время, какъ одни прогрессируютъ, другіе могутъ находиться въ совершеннѣйшемъ застоѣ. Развитіе однихъ идетъ нерѣдко даже прямо на счетъ подавленія другихъ. Элементы порядка развиваются, обыкновенно, весьма долгое время на счетъ элементовъ свободы и успѣховъ мысли. Громадное развитіе машиннаго производства, совершающееся на нашихъ глазахъ, идетъ нерѣдко въ ущербъ вкусу, красотѣ, а иногда и прочности произведеній. Въ исторіи каждаго народа можно единовременно встрѣтиться съ явленіями прогресса и застоя. Параллелизмъ прогресса также нв есть необходимое свойство развитія исторіи, какъ и его непрерывность и постоянство.

Прогрессивное движеніе распространяется крайне медленно и далеко не въ одинаковой степени охватываетъ все населеніе даннаго государства. Чувство нашей гордости, возбуждаемое успѣхами современной цивилизаціи, должно въ значительной мѣрѣ умалиться, если обратить вниманіе на то, какъ, сравнительно, не велико число лицъ, пользующихся

---

[1]) Zacharia, Vierzig Busher vom Staate, 1839.

этими успѣхами. Внѣшняя обстановка жизни нашего крестьянина, въ большинствѣ случаевъ, и теперь мало чѣмъ отличается отъ его обстановки при самомъ началѣ нашей достовѣрной исторіи. Онъ все еще живетъ въ курной избѣ съ землянымъ поломъ и вмѣствѣ съ своими домашними животными. Умственное и нравственное развитіе его также очень мало подвинулось. Онъ и теперь вѣритъ и въ домоваго, и въ спасительное дѣйствіе нашептываній и опрыскиваній съ угля и съ горящей лучины. И это послѣ тысячелѣтней исторіи Россіи.

Прогрессивное движеніе, наконецъ, проявляется далеко не у всѣхъ народовъ съ одинаковой силой. Наибольшую энергію выказало оно среди народовъ бѣлой расы. У народовъ монгольскаго типа оно гораздо уже слабѣе. А многіе народы Азіи, Африки и Америки и теперь находятся въ состояніи, весьма близкомъ къ первобытной дикости. Эти различные успѣхи народовъ въ области культуры и созданіе современной цивилизаціи почти исключительно усиліями европейцевъ наводятъ иногда на мысль, что прогрессивная цивилизація состовляетъ скорѣе исключеніе, чѣмъ общій законъ [1]). Нѣкоторые писатели выставляютъ даже теорію народовъ способныхъ къ культурѣ и неспособныхъ и къ числу первыхъ относятъ только бѣлую расу [2]). Выводъ, конечно, очень поспѣшный. Изъ указаннаго различія нельзя еще заключать, что народы, сдѣлавшіе самые ничтожные успѣхи, навсегда обречены оставаться въ ихъ теперішнемъ положеніи. Иныя историческія условія, иныя вліянія могутъ вызвать и ихъ къ иному проявленію своихъ силъ въ исторіи.

Не смотря на всѣ указанныя ограниченія понятія прогресса, движеніе исторіи къ лучшему представляется многимъ безконечнымъ. Безконечность прогресса, надо понимать не въ томъ смыслѣ, что улучшенія выдутъ, наконецъ, за предѣлы возможнаго, полагаемые природою человѣка и внѣшними условіями его жизни. Она значитъ только, что умъ человѣка не въ состояніи указать никакихъ опредѣленныхъ границъ этимъ улучшеніямъ [3]). На безконечность прогресса въ этомъ смыслѣ есть, собственно, только наше невѣдѣніе его границъ.

---

[1]) Это мнѣніе высказываетъ Maine, Accient law, 1870, стр. 22, и Flint, стр. 234.

[2]) Въ I т. Антропологіи Вайца можно найти опроверженіе этой теоріи.

[3]) Такъ объясняетъ безконечность прогресса Flint, 135 с,, защищая воззрѣнія Condorcet.

Хотя прогрессъ и не безконеченъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, тѣмъ не менѣе, положить сколько нибудь опредѣленную границу будущимъ успѣхамъ человѣка въ исторіи дѣло невозможное и ни одна изъ попытокъ, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи, не можетъ быть признана удовлетворительной.

Попытку этого рода находимъ у Вико. Онъ смотритъ на прогрессъ, какъ на движеніе круговращательное: народъ, по его мнѣнію, дойдя до опредѣленнаго конца своего развитія, возвращается снова къ прежнему дикому состоянію и затѣмъ опять проходитъ тѣже стадіи развитія. Такое круговращательное движеніе, въ предѣлахъ постоянно повторяющихся періодовъ развитія, совершенная невозможность, такъ какъ нельзя допустить неизмѣннаго повторенія всей совокупности тѣхъ условій, которыя разъ вызвали уже движеніе исторіи даннаго народа въ извѣстномъ направленіи.

Другая такая попытка встрѣчается весьма у многихъ историковъ и состоитъ въ подчиненіи хода развитія извѣстнаго народа или даже и всего человѣчества законамъ человѣческихъ возрастовъ. Съ этой точки зрѣнія послѣдовательныя состоянія въ развитіи исторіи приравниваются послѣдовательнымъ состояніямъ въ жизни отдѣльнаго человѣка. Древнѣйшее состояніе человѣчества приравниваютъ дѣтству, затѣмъ говорятъ о юности, зрѣломъ возрастѣ и, наконецъ, о старости, за которою неизбѣжно должна слѣдовать смерть. Бытіе народа представляется при этомъ также напередъ ограниченнымъ, какъ и жизнь отдѣльнаго человѣка. Сенъ-Симонъ взялъ на себя даже трудъ опредѣлить, сколькимъ годамъ въ жизни человѣчества равняется одинъ годъ въ жизни человѣка. По его мнѣнію одинъ годъ въ жизни человѣка равняется 200 лѣтъ въ жизни народовъ. Попытка—не лишенная своего рода послѣдовательности, только соотношеніе, мѣру котораго она усиливается выяснить, совершенно не существуетъ въ дѣйствительности. Каждый народъ, если мы будемъ разсматривать его какъ этнографическую единицу, во всякое данное время одинаково состоитъ изъ лицъ всѣхъ возможныхъ возрастовъ, численное отношеніе которыхъ довольно постоянно. Эта совокупность лицъ всѣхъ возрастовъ не можетъ ни старѣться, ни умирать, какъ отдѣльный человѣкъ. Если мы возмемъ народъ не какъ этнографическую единицу, а какъ политическое цѣлое, которое имѣетъ свое выраженіе не съ суммѣ отдѣльныхъ лицъ, а въ учрежденіяхъ; и представляетъ какъ бы живой политическій организмъ, то и въ

этомъ случаѣ примѣненіе понятія различныхъ человѣческихъ возрастовъ къ возникновенію, развитію и упадку государственнаго организма далеко не соотвѣтствуетъ существу дѣла. Упадокъ однихъ учрежденій и замѣна ихъ другими не есть смерть одного политическаго индивида и рожденіе другаго. Это только перерожденіе однихъ учрежденій въ другія въ средѣ того же народа и съ сохраненіемъ массы особенностей прежняго быта.

Сравненія древнѣйшаго быта человѣчества съ состояніемъ дѣтства, позднѣйшихъ эпохъ съ зрѣлымъ возрастомъ, всегда дѣлались и будутъ, конечно, дѣлаться, но это имѣетъ значеніе только уподобленія, это дѣло языка, образное выраженіе, которому не соотвѣтствуетъ никакое опредѣленное научное понятіе. Это языкъ поэзіи въ наукѣ и ничего больше. Народы появляются на сценѣ исторіи и сходятъ съ нея, но причины ихъ паденія лежатъ не въ томъ, что они, какъ отдѣльный человѣкъ, изжили все то время, которое, по естественному порядку вещей, могли прожить. Понятіями юности, зрѣлаго возраста и старости ничего нельзя объяснить въ жизни такого сложнаго организма, какимъ является народъ, будемъ ли мы разсматривать его, какъ этнографическую единицу, или какъ политическое цѣлое. Онъ имѣетъ свои законы развитія, несоизмѣримые съ законами развитія отдѣльныхъ лицъ.

Понятіе прогресса, какъ улучшенія, съ какими бы ограниченіями мы его ни приняли, стоитъ въ необходимой зависимости отъ личныхъ взглядовъ и вкусовъ, а потому въ примѣненіи къ оцѣнкѣ явленій историческаго роста народовъ можетъ страдать значительной долей неопредѣленности: въ чемъ одинъ историкъ усмотритъ улучшеніе, въ томъ другой можетъ видѣть одно ухудшеніе. Историческая наука не могла, поэтому, остановиться только на этомъ понятіи прогресса: у ней есть и другое, заимствованное отъ понятія развитія органической природы. Тѣла органической природы развиваются переходя отъ простѣйшаго состоянія къ сложнѣйшему, отъ слитнаго къ расчлененному: что давно въ сѣмени слитно, то ва развитомъ организмѣ являются расчлененнымъ и обособленнымъ въ отдѣльные органы. Это движеніе къ обособленію и расчлененію замѣчается и въ исторіи человѣческихъ обществъ [1]).

[1]) О прогрессѣ, какъ спеціализаціи говоритъ Maine, Ancient Law, 316; Flint, 271, разсматриваетъ дифференціацію, какъ слѣдствіе прогресса. У Тэйлора, Первобытная культура, можно найти массу фактовъ, указывающихъ на ходъ прогресса отъ простѣйшаго къ сложнѣйшему.

Въ древнѣйшее время религія, нравственность, право еще не выдѣлины одно изъ другаго; правила, относящіяся къ этимъ разнымъ дѣятельностямъ человѣческаго духа, находятся въ однихъ и тѣхъ же памятникахъ; органы. наблюдающіе за ихъ примѣненіемъ. также не обособлены. Только съ дальнѣйшимъ развитіемъ народа происходитъ выдѣленіе и обособленіе. Неумѣнье обособить эти разныя дѣятельности является всегда препятствіемъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ человѣчества.

Съ этимъ явленіемъ обособленія встрѣчаемся и въ отдѣльныхъ сферахъ дѣятельности человѣческаго духа. Въ началѣ исторіи поэзія представляется однимъ эпосомъ; съ дальнѣйшимъ развитіемъ появляется лира, драма. комедія и т. д. Тоже замѣчается въ области научныхъ знаній. Первый шагъ, который дѣлаетъ человѣческое знаніе на пути своего развитія, заключается въ его обособленіи отъ миѳологіи; затѣмъ идетъ обособленіе отдѣльныхъ наукъ одной отъ другой, сдѣлавшее такія громадные успѣхи въ послѣднее время. Дѣйствіе того же начала наблюдается и во внѣшней обстановкѣ человѣческой жизни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить измѣненія, совершившіяся въ исторіи одеждъ и постройки жилищъ.

Эта новая мѣра прогресса особенно полно и послѣдовательно примѣняется въ области права. Въ патріархальномъ быту всѣ власти сосредоточиваются въ рукахъ отца семейства. Дальнѣйшая исторія представляетъ явленіе обособленія разныхъ отраслей права и власти и возникновенія особыхъ органовъ для каждой изъ нихъ. Чѣмъ далѣе идетъ развитіе, тѣмъ болѣе усиливается это обособленіе [1]). Неумѣнье выдѣлить государство изъ семьи и расчленить государственныя власти по различію ихъ дѣятельности всегда является причиной застоя и существеннымъ препятствіемъ политическаго развитія народа.

При этомъ взглядѣ на прогрессъ признакомъ высшей культуры будетъ служить обособленіе религіи, права, поэзіи, науки и пр., а въ области права выдѣленіе понятія государства изъ понятія семейства, частнаго права отъ государственнаго, задачъ общества отъ задачъ государства. расчлененіе обширной области права по различію его видовъ, появленіе особыхъ органовъ для каждаго особого рода дѣятельности въ сферѣ

---

[1]) Движеніе права въ исторіи отъ простаго къ разнообразному указано уже Пухтою, Encyclopädie, 2 c, § XIX.

государственнаго устройства и правленія и т. д. Чѣмъ старѣе культура, тѣмъ обособленій всякаго рода будетъ больше.

Современныя воззрѣнія науки на прогрессъ представляются далеко не завершенными. Это и понятно. Теорія прогресса можетъ быть построена только по раскрытіи законовъ историческаго развитія. Идея прогресса, какъ улучшенія, непремѣнно предполагаетъ опредѣленную мѣру улучшенія. Пріисканіе такой мѣры, которая обнимала бы бытіе общества въ цѣломъ, а не отдѣльныя его стороны, и поставила бы оцѣнку историческаго движенія внѣ личныхъ вкусовъ историка,— дѣло чрезвычайно трудное, и нельзя сказать, что такая мѣра находится уже въ распоряженіи историковъ [1]). При отсутствіи параллелизма въ прогрессѣ, улучшенія являются только отдѣльными и часто совершенно разрозненными фактами въ общемъ состояніи народа. Но это не единственный недостатокъ мѣры прогресса, которая заключается въ понятіи улучшенія. Есть другой, не менѣе важный. Понятіе лучшаго всегда относительно и не исключаетъ извѣстной доли зла. Всякое сравнительно лучшее состояніе имѣетъ и ему свойственные недостатки. Таковы свойства природы человѣческой, таковы и свойства историческихъ состояній, ею условливаемыхъ. Давно замѣчено, что добродѣтели не исключаютъ слабостей, а, наоборотъ, каждое хорошее свойство человѣка имѣетъ и свою изнанку. Сердечная доброта легко переходитъ въ излишнюю и часто вредную мягкость и уступчивость, мужество въ жестокость, сознаніе человѣческаго достоинства въ неприступную гордость, щедрость въ расточительность, бережливость въ скаредность и алчность, мать столькихъ пороковъ, умъ въ отталкивающую сухость. Даже любовь, и та

[1]) Бокль дѣлаетъ попытку отъискать такую мѣру. Мѣрою прогресса онъ считаетъ развитіе человѣческихъ знаній (I, 165 сл.), Никто не будетъ отрицать, что успѣхи разума—одна изъ главнѣйшихъ причинъ прогресса, но не единственная, какъ думаетъ Бокль. Чувство любви къ ближнему, столь необходимое для успѣховъ человѣческой культуры, не стоитъ ни въ какомъ необходимомъ отношеніи къ массѣ накопленныхъ знаній. Считая умственныя истины (въ противоположность къ нравственнымъ) причиною всѣхъ прогрессивныхъ перемѣнъ, Бокль отрицаетъ почти всякое вліяніе на прогрессъ религіи (235 сл.), литературы (244 сл.), законодательства (250 сл.), какъ будто для развитія народа совершенно безразлично, какая бы религія ни пропагандировалась въ его средѣ, какія бы идеи ни проводились въ литературѣ, какимъ бы направленіемъ ни отличалось его законодательство! По его мнѣнію, въ самыхъ благопріятныхъ случаяхъ, это только второстепенные агенты (265), первостепенный же агентъ— умственное состояніе народа. Но развѣ религіозная проповѣдь и вліяніе литературы и законодательства не могутъ внести въ умственное состояніе народа такихъ признаковъ, которыхъ въ немъ прежде не было? Это крайнее заблужденіе стоитъ у Бокля въ тѣсной связи съ недостаточнымъ признаніемъ личной воли факторомъ исторіи.

имѣетъ свою отравленную сторону: любовь къ женѣ и мужу переходитъ въ ревность, любовь къ дѣтямъ—въ семейный деспотизмъ. То же замѣчается и на болѣе широкой сценѣ исторіи. Съ ея движеніемъ несомнѣнно появляется множество улучшеній, но не однихъ только улучшеній, возникаютъ и новые пороки, и новыя общественныя язвы. Общественному быту нашего времени свойственны такіе недостатки и преступленія, которыя не были извѣстны болѣе низкому состоянію культуры. Соціализмъ есть признакъ болѣзни исключительно высоко культурныхъ народовъ. Человѣкъ, ограниченный по природѣ своей, никогда не сдѣлается совершенъ и общественный бытъ, условливаемый этой всегда ограниченной природой никогда не будетъ золотымъ вѣкомъ, который можетъ грезиться только дѣтскому воображенію. Понятіе прогресса, въ смыслѣ улучшенія, принимаемое безъ всякихъ оговорокъ, какъ общій и безусловный законъ, осуществляющійся въ каждомъ данномъ случаѣ, можетъ повести только къ неправильному пониманію хода исторіи и возбудить такія ожиданія отъ будущаго, которыхъ никогда не оправдаетъ трезвая дѣйствительность. Прогрессивное движеніе къ лучшему имѣетъ мѣсто только при существованіи благопріятныхъ для того условій, при отсутствіи же ихъ является застой и даже регрессъ.

Хотя прогрессъ, въ смыслѣ улучшенія, и не составляетъ общаго закона историческаго развитія, тѣмъ не менѣе улучшеніе человѣческаго быта въ исторіи есть необходимое требованіе развитаго культурой человѣскаго ума. По скольку воля человѣка является факторомъ исторіи, лучшія ея стремленія всегда были направлены къ улучшенію общественнаго быта. Этимъ завѣтнымъ стремленіемъ человѣческой воли къ лучшему и объясняется тотъ благодушный оптимизмъ, которымъ нерѣдко запечатлѣны взгляды историковъ на прогрессъ.

Понятіе прогресса, какъ обособленія и расчлененія явленій имѣетъ преимущество большей опредѣленности, оно даетъ болѣе объективную мѣру прогресса, независящую въ той степени отъ личныхъ взглядовъ и вкусовъ, какъ понятіе улучшенія. Эта новая мѣра прогресса, хотя въ большинствѣ случаевъ указываетъ на происшедшее улучшеніе и обусловливаетъ дальнѣйшее, но все же не совершенно совпадаетъ съ понятіемъ улучшенія. Это совпаденіе имѣло бы мѣсто только въ томъ случаѣ, если бы каждое обособленіе свидѣтельствовало о дѣйствительномъ улучшеніи, что однако, не всегда бываетъ. Возможность дробленій, по самой природѣ жизнен-

ныхъ отношеній, не безконечна. Обособленія имѣютъ свою границу и именно въ природѣ явленій общественной жизни, изъ которыхъ одни допускаютъ большую дробимость, другія меньшую. Дробленіе, переходящее свою естественную границу, перестаетъ уже быть улучшеніемъ и становится признакомъ вырожденія и упадка. Это будемъ уже явленіе болѣзненнаго развитія. Въ исторіи встрѣчаемся съ такими обособленіями, которыя въ послѣдствіи уничтожаются, какъ вредныя, и явленія расчлененныя снова сливаются вмѣстѣ. Примѣръ этому даетъ учрежденіе рабства, крѣпостнаго права и вся сословная организиція. Успѣхъ заключался здѣсь въ слитіи того, что прежде обособилось. Имѣемъ ли мы достаточное основаніе думать, что въ свое время эти обособленія были успѣхомъ? Если мы и признаемъ, что современная культура возникла при ихъ помощи, это еще не даетъ намъ права заключить, что иначе она и не могла возникнуть. Допустимъ, что эти обособленія принесли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ свою долю пользы. Но достигнутое такимъ образомъ улучшеніе нѣкоторыхъ сторонъ быта совершилось на счетъ несомнѣннаго ухудшенія другихъ и окончательный выводъ будетъ тотъ же, т. е., не всякое обособленіе есть безусловное улучшеніе. Понятіе расчлененія и обособленія не имѣетъ, такимъ образомъ, постояннаго отношенія къ улучшенію. Чтобы перенести вопросъ на точку зрѣнія улучшенія, необходимо въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлить отношеніе извѣстнаго обособленія къ природѣ и потребностямъ человѣка, а также къ природѣ того явленія, среди котораго оно совершилось. Если обособленіе будетъ соотвѣтствовать разнообразнымъ условіямъ среды, оно будеть имѣть значеніе улучшенія и успѣха, въ противномъ случаѣ это будетъ явленіе болѣзненное и успѣхъ будетъ состоять въ его устраненіи.

V. Дѣленіе исторіи русскаго права на періоды.

Если исторія имѣетъ дѣло съ законами развитія человѣческихъ обществъ, то дѣленіе ея на періоды, вь котырыхъ должна отразиться послѣдовательность этого развитія имѣетъ существеннѣйшее значеніе: въ дѣленіи весь смыслъ исторіи, вся философія ея хода и перемѣнъ.

Всякое дѣленіе на періоды является конечнымъ результа-

томъ изученія историческаго матеріала, это послѣдніе выводы исторической науки. Но въ изложеніи оно, по необходимости, предшествуетъ исторіи, а не слѣдуетъ за ней, и съ самаго начала даетъ уже возможность окинуть однимъ взглядомъ все обширное поле историческаго движенія. Только послѣдующее изложеніе исторіи можетъ оправдать предлагаемое дѣленіе, въ началѣ же всякое дѣленіе должно быть принято на вѣру, какъ тезисъ, который еще долженъ быть доказанъ.

Всякое дѣленіе предлагаетъ опредѣленное основаніе дѣленія, а потому первый вопросъ, который долженъ быть здѣсь рѣшенъ, состоитъ въ опредѣленіи этого основанія.

Изъ предшествовавшаго видно, что дѣленіе исторіи на періоды должно условливаться самымъ ходомъ историческаго движенія, тѣми естественными различіями, которыми характеризуются разныя стадіи этого движенія. Но выше было уже замѣчено, что историки не имѣютъ еще точной мѣры историческаго развитія. Въ этомъ заключается трудность раціональнаго дѣленія и главная причина весьма значительныхъ различій во взглядахъ на его основанія.

Нѣкоторые историки прибѣгаютъ къ чисто внѣшнимъ фактамъ, которые и кладутъ гранями на рубежахъ различаемыхъ ими періодовъ [1]). Такими разграничительными фактами служатъ, напримѣръ, принятіе христіанства, завоеваніе Руси монголами, царствованіе замѣчательныхъ по своей дѣятельности государей, изданіе важныхъ законодательныхъ памятниковъ, каковы: судебники, уложеніе царя Алексѣя Михайловича и пр.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такіе крупные факты, какъ принятіе христіанства и нашествіе татаръ, не остались безъ существеннаго вліянія на самый внутренній бытъ народа. Они внесли въ него новыя начала которыя и привели къ кореннымъ измѣненіямъ этого быта. Но все же это внѣшніе, со стороны произшедшіе факты. Кладя ихъ въ основаніе дѣленія, собственно, разрываютъ исторію на отдѣльныя части, при чемъ одинъ періодъ вовсе не вытекаетъ изъ своего предшествующаго, нисколько имъ не условливается, а на оборотъ является его отрицаніемъ, какъ христіанская эпоха есть отрицаніе языческой, а Русь татарская отрицаніе Руси княжеской. Дѣленіе на основаніи такихъ крупныхъ фактовъ не имѣетъ ничего общаго съ послѣдовательнымъ развитіемъ исторіи

[1]) Такой способъ дѣленія весьма распространенъ. Онъ встрѣчается у Мацеіовскаго, Неволина, Рождественскаго и др.

изъ однаго состоянія въ другое, ибо новое состояніе не является слѣдствіемъ предшествовавшаго, а приходить извнѣ. Дѣленіе по законодательнымъ памятникамъ также не соотвѣтствуетъ существу историческаго развитія. Такіе памятники, какъ судебники и уложеніе, представляютъ, главнымъ образомъ, сводъ уже дѣйствующаго права; они не только не отмѣняютъ его, даже не измѣняютъ въ цѣломъ, а лишь приводятъ въ лучшій порядокъ. До судебниковъ и послѣ, до уложенія и послѣ дѣйствуетъ одно и то же право; эти своды могли дать больше удобствъ въ примѣненіи этого права, но въ началахъ, управляющихъ жизнью народа, они не произвели кореннаго переворота. Въ этомъ отношеніи гораздо большую роль можетъ играть какой нибудь отдѣльный указъ, вносящій новыя начала, чѣмъ цѣлый сводъ стараго права. При всей законодательной важности такихъ памятниковъ, они все же не закончили старой жизни и не начали новой. Эту судьбу раздѣляетъ съ ними и изданный при императорѣ Николаѣ сводъ законовъ россійской имперіи. Также несовершенно и дѣленіе по царствованіямъ. Всякое царствованіе одинаково принадлежитъ и прошедшему, которымъ оно подготовлено, и будущему, въ которое оно можетъ внести что либо новое. Ставить царствованіе извѣстнаго государя предѣломъ двухъ періодовъ значитъ разрывать въ наукѣ то, что въ жизни было неразрывно. Даже Петръ Великій не разорвалъ русской исторіи на двѣ отдѣльныя половины. Не смотря на все его желаніе уйдти отъ недостатковъ древней Россіи и перестроить весь нашъ бытъ на новыхъ и лучшихъ началахъ, онъ самъ употреблялъ московскіе пріемы во многомъ, а нѣкоторыя стороны нашего юридическаго быта оказались послѣ его смерти даже въ худшемъ состояніи, чѣмъ были до него.

Совершенно вѣрный взглядъ на дѣленіе исторіи встрѣчаемъ у тѣхъ нашихъ ученыхъ, которые въ основаніе дѣленія кладутъ не выдающіеся событія и законодательные памятники, а внутреннія отличительныя свойства періодовъ.

Примѣръ такого дѣленія даетъ К. Д. Кавелинъ. Его взглядъ на послѣдовательность развитія нашей исторіи изложенъ въ статьѣ о юридическомъ бытѣ древней Россіи, бросившей столько свѣта на нѣкоторыя стороны нашей древней жизни [1]). Излагая послѣдовательный ходъ развитія нашего юридичес-

[1]) Полное собраніе сочиненій, I. Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи.

каго быта, почтенный авторъ, къ сожалѣнію, не формулируетъ самъ тѣхъ періодовъ, на которые должно дѣлиться это развитіе. Это дѣленіе мы должны сами извлечь изъ непрерывнаго теченія его мыслей. Если мы правильно его поняли, онъ различаетъ собственно четыре періода [1]).

Первый — есть періодъ семейнаго или родоваго быта (312), поглощающаго человѣческую личность. Начало личности у русско-славянскихъ племенъ этого времени не существовало (320). Древняя исторія, по его мнѣнію, представляетъ постепенное развитіе исключительно кровнаго, родственнаго быта (315). Этотъ бытъ, начинаясь съ древнейшихъ временъ, крайними своими вѣтвями заходитъ въ московское государство (353, 357). Время отъ призванія Варяговъ и до Ярослава представляетъ перерывъ въ господствѣ родовыхъ началъ. Призванные князья пришли съ своими дружинами, они принесли къ намъ зачатки гражданственности и политическаго единства всей русской земли (327). Но теченіе этого варяжскаго періода (330) было непродолжительно. Варяги уже при Ярославѣ слились съ славянами и совершенно подчинились туземному элементу (329), завѣщавъ намъ надолго мысль о государственномъ единствѣ всей русской земли, дружинное начало и систему областнаго управленія (314). Съ Ярослава снова возобновляется развитіе родоваго начала, предоставленнаго самому себѣ (331),

Второй періодъ является господствомъ вотчинныхъ началъ въ устройствѣ и управленіи княжествъ. Съ Андрея Боголюбскаго князья получаютъ осѣдлость и дѣлаются собственниками (343). Господство родовыхъ началъ уступаетъ мѣсто преобладанію началъ семейныхъ (347). Вмѣстѣ съ этимъ прежнее единство Россіи, основанное на единствѣ рода князей, теряется (331, 343) и возникаетъ политическое раздробленіе Россіи на удѣлы.

Третій періодъ есть время уничтоженія удѣловъ (351). Это заслуга московскихъ князей, при которыхъ кровное начало уступаетъ мѣсто политическому (353). Съ Ивана III возникаетъ сознаніе государственныхъ потребностей, является понятіе о государственной службѣ, о гражданствѣ, о равенствѣ передъ судомъ (354). Иванъ IV объявляетъ войну послѣднимъ остаткамъ родовыхъ началъ въ лицѣ вельможества, и стремится дать власть и просторъ одному государству (361). Вмѣ-

[1]) Характеристику каждаго періода мы постараемся сдѣлать подлинными словами автора.

стѣ съ этимъ возникаетъ и начало личности. Но лице было приготовлено древней русской жизнью только какъ форма, лишонная содержанія. Послѣдняго не могла дать древняя русская жизнь, которой все значеніе, конечная задача только въ томъ и состояла, чтобы выработать начало личности, высвободить ее изъ подъ ига природы и кровнаго быта (368). Древняя русская жизнь исчерпала себѣ вполнѣ (367), Должна была начаться новая исторія.

Съ XVIII вѣка наступаетъ слѣдующій четвертый періодъ, періодъ внутреннихъ преобразованій. Онъ призванъ дать содержаніе личности. Но такъ какъ личность была совершенно не развита, не имѣла никакого содержанія, то это содержаніе должно было быть принято извнѣ; лице должно было начать мыслить и дѣйствовать подъ чужимъ вліяніемъ (368).

Таковъ смыслъ вашей исторіи и тѣ четыре періода, которые можно замѣтить въ ея развитіи. К. Д. Кавелину принадлежитъ заслуга дать теорію историческаго развитія нашего быта, обнимающую его ходъ на пространствѣ цѣлаго тысячелѣтія. Это хотя и не первая, но самая полная попытка внести свѣтъ мысли въ невообразимой хаосъ фактическаго матеріяла нашей исторіи, Къ сожалѣнію почтенный авторъ не написалъ самой исторіи нашего государства и права, которая одна могла бы дать полное оправданіе его взгляду.

Признавая совершенно вѣрнымъ основной взглядъ на дѣленіе, состоящій въ томъ, что въ подраздѣленіяхъ исторіи долженъ отразиться послѣдовательный ходъ ея развитія, мы не можемъ, однако, присоединиться ко всѣмъ частностямъ приведеннаго дѣленія. Мы не будемъ теперь же высказываться о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи этого дѣленія съ дѣйствительнымъ ходомъ нашей исторіи. Это такой вопросъ, который можетъ быть разрѣшонъ только полнымъ изложеніемъ исторіи. Мы остановимся лишь на разборѣ этого дѣленія съ формальной его стороны.

Всякое дѣленіе предполагаетъ извѣстное основаніе дѣленія. Это основаніе должно быть одно, иначе періоды будутъ между собою несоизмѣримы. Основаніе разсматриваемаго дѣленія не представляется намъ единымъ и совершенно ясно обозначившимся. Причина этому можетъ заключаться въ свойствахъ самой статьи, которая не имѣла цѣлью прямо формулировать ученіе о періодахъ въ исторіи русскаго юридическаго быта. Россія проходитъ четыре состоянія: родовое, вотчинное, государственное и эпоху реформъ. Что это за состоянія? Есть осно-

ваніе думать, что это разныя состоянія государства, разныя стадіи развитія его устройства и управленія. „Ярославъ, говоритъ авторъ, задумалъ основать государственный бытъ Руси на родовомъ началѣ“ (331). И такъ, со временъ Ярослава, по крайней мѣрѣ, родовой бытъ есть особая форма государственнаго устройства. Тоже, кажется, надо признать и за періодомъ вотчиннымъ. Это новое состояніе государства, проникнутаго какъ въ устройствѣ, такъ и въ управленіи вотчинными началами. Такимъ образомъ въ основаніе двухъ первыхъ періодовъ положена идея особенностей государственнаго устройства и управленія: въ первомъ все имѣетъ кровный родовой характеръ, во второмъ—вотчинный. Но что же такое будетъ третій періодъ? Этотъ періодъ характеризуется тѣмъ, что кровные интересы уступаютъ мѣсто политическимъ; на сцену дѣйствія выступаетъ личность, отрицающая семейное и кровное начало во имя идеи и эта идея—государство. Третій періодъ характеризуется, такимъ образомъ, появленіемъ государства (353). Но какого же государства? Уже Ярославъ основалъ государство, вотчинный періодъ также имѣетъ дѣло съ государствомъ. Московское государство, не есть, очевидно, впервые возникшее на Руси государство. Не можетъ оно быть и государствомъ по преимуществу, совершеннымъ государствомъ. Надо думать, что это государство получше вотчиннаго, но какой именно это видъ государства, чѣмъ онъ отличается отъ вотчиннаго, и совершенно ли онъ отъ него различенъ—этого авторъ не говоритъ. Тоже надо сказать и о четвертомъ періодѣ. Онъ характеризуется, какъ періодъ реформъ, и, надо думать, реформъ, отразившихся на государственномъ устройствѣ и управленіи. Въ чемъ же состоятъ эти реформы, какое ихъ направленіе, какую форму получаетъ преобразованное государство? Вмѣсто отвѣта на эти вопросы, который существенно необходимъ, если только въ основаніе дѣленія положена идея о развитіи государственнаго строя Руси, какъ это можно думать по первымъ двумъ періодамъ, авторъ указываетъ на призваніе эпохи преобразованій дать человѣческой личности чуждое содержаніе. Самая мысль о томъ, что древняя Россія выработала лице только по формѣ, для которой содержаніе пришлось брать извнѣ, намъ не ясна: мы не умѣемъ понять личности безъ содержанія. Но допустимъ, что это возможно, тогда все же останется неразрѣшонный авторомъ вопросъ о томъ, какое же существуетъ отношеніе между наполненіемъ личности чуждымъ содержаніемъ и госу-

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр. 2., л., 7.

дарственными реформами. Дѣленіе во всякомъ случаѣ будетъ страдать отсутствіемъ единаго и точно опредѣленнаго основанія, и четвертый періодъ является несоизмѣримымъ съ двумя первыми. Два первыхъ періода отличены внутренними признаками, одинъ преобладаніемъ въ государствѣ родовыхъ началъ, другой вотчинныхъ; четвертый же характеризованъ чисто внѣшнихъ признакомъ реформъ. Понятіе реформы не имѣетъ никакого опредѣленнаго содержанія: реформы, по своему направленію, могутъ быть очень различны, и одна можетъ исключать другую. То обстоятельство, что реформы дѣлаются по иностраннымъ образцамъ, не придаетъ этому понятію еще никакого опредѣленнаго содержанія, такъ какъ извнѣ можно было заимствовать и просвѣщенный абсолютизмъ и начала конституціонной монархіи. Четвертый періодъ, не соизмѣримый съ предшествующими, не имѣетъ съ ними и необходимой связи: онъ не вытекаетъ изъ нихъ, а является только ихъ отрицаніемъ. Помимо этого отсутствія единства основанія, разсматриваемое дѣленіе представляется намъ слишкомъ дробнымъ. Періоды, соотвѣтствуя разнымъ состояніямъ, переживаемымъ народомъ, должны обнимать такіе промежутки времени, въ теченіи которыхъ происходили бы измѣненія не въ одной какой-либо сторонѣ быта, а во всѣхъ: въ государственномъ устройствѣ и управленіи, въ гражданскомъ и уголовнымъ правѣ, въ процессѣ, въ церковномъ правѣ и пр. Указать четырекратное перерожденіе всѣхъ этихъ проявленій общественной жизни едва ли возможно. За отсутствіемъ соотвѣтствующихъ измѣненій во всѣхъ сферахъ общественной и государственной жизни, нѣкоторые изъ четырехъ періодовъ останутся пустыми и должно будутъ слиться съ своими смежными.

Несмотря на то, что мы не можемъ вполнѣ присоединиться къ разсмотрѣнному дѣленію, мы должны признать, что по основной своей мысли оно представляетъ совершенно правильный пріемъ дѣленія. Наука должна усвоить этотъ пріемъ и дѣлить исторію не по выдающимся фактамъ политической жизни или крупнымъ законодательнымъ памятникамъ, а по внутреннему содержанію періодовъ [1]). Мы совершенно при-

[1]) Это почти уже и совершилось. Наиболѣе полный примѣръ примѣненія такого дѣленія представляетъ исторія Россіи С. М. Соловьева, у котораго можно различить также четыре періода: I) господство родовыхъ отношеній, II) переходъ родовыхъ отношеній въ государственныя (съ XII в по конецъ XVI), III) господство началъ государственной жизни, наконецъ IV) съ Петра Великаго, періодъ реформъ. Тотъ же основной взглядъ на дѣленія замѣчается у проф.

соединяемся къ этому способу дѣленія, считаемъ только необходимымъ искать иное основаніе дѣленія, болѣе широкое, которое одинаково бы примѣнялось къ теченію всей исторіи и соотвѣтствовало бы измѣненіямъ въ цѣломъ строѣ общественной жизни. Общественный строй мѣняется крайне медленно. Мы и теперь еще можемъ наслѣдить въ окружающей насъ дѣйствительности остатки весьма глубокой старины, а потому число пережитыхъ нами состояній или періодовъ не можетъ быть велико.

Явленія исторіи слагаются изъ взаимодѣйствія потребностей природы человѣка съ внѣшними явленіями. Это взаимодѣйствіе и должно дать основаніе для дѣленія исторіи на періоды. Объяснимъ нашу мысль.

Никто не наблюдалъ, какъ зародилось первое человѣческое общество. Отправляясь отъ того, что извѣстно о природѣ человѣка, возникновеніе общежитія объясняютъ слѣдующимъ образомъ. Человѣкъ, по ограниченности своей природы, не можетъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ въ разрозненномъ быту, а потому и вынужденъ къ соединенію съ другими людьми. Первымъ такимъ союзомъ является половой союзъ мужа и жены, изъ котораго возникаетъ потомъ семья, союзъ родителей и дѣтей, естественно разростающійся въ еще болѣе обширный и также кровный союзъ—родовой. Изъ кровныхъ союзовъ, тѣмъ же естественнымъ порядкомъ нарожденія, возникаютъ союзы мѣстные. Родъ развивается въ племя, среди котораго хотя и можетъ сохраняться еще память о единствѣ происхожденія, но кровное родство не имѣетъ болѣе мѣста. Въ племени, состовляющемъ совокупность семей въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ (родовъ), не связанныхъ уже больше кровнымъ родствомъ, но интересы которыхъ разнообразно сталкиваются въ силу постояннаго соприкосновенія по мѣсту жительства, зарождается болѣе обширный общественный союзъ—государство. Съ возникновеніемъ государства исторія формъ общежитія еще не достигаетъ своего послѣдняго развитія. Какъ существованіе отдѣльныхъ семей повело къ образованію болѣе высшаго организма государственнаго, такъ существованіе государствъ должно

Леонтовича, который дѣлитъ исторію русскаго права „на основаніи перемѣнъ въ общественной жизни и источникахъ права“ (Истор. рус. права, вып. I, стр. 25 сл.) и у Н. П. Загоскина, который различаетъ три періода, „изъ которыхъ каждый носитъ въ себѣ извѣстнаго рода особенныя черты, составляющія характеристическія отличія его отъ прочихъ періодовъ“. Исторія права Москов. государства, т. I, стр. 1 сл.

повести къ еще высшему организму — союзу государствъ. Древняя и новая исторія представляетъ уже нѣкотовыя попытки въ этомъ родѣ.

Эти разнообразные общественные союзы не составляютъ сами для себя цѣли: они существуютъ не сами для себя, а только какъ средство удовлетворенія потребностей человѣка. Съ этою именно цѣлью вступаетъ человѣкъ въ первый половой союзъ, изъ котораго затѣмъ возникаютъ уже съ необходимостью и всѣ остальные. Въ человѣческомъ мірѣ все сводится къ живой личности, ея потребностямъ и цѣлямъ. Она начало и конецъ всему человѣческому. Всякая форма общежитія, низшая, какъ и самая высшая, является только попыткой примирить личныя стремленія человѣка съ прочнымъ бытіемъ цѣлаго, которое необходимо для осуществленія этихъ стремленій.

Въ этомъ столкновеніи личнаго и общаго вся исторія права, она постоянно имѣетъ дѣло съ различнымъ взаимодѣйствіемъ начала личнаго и общаго, или, говоря иначе, начала личной свободы съ началомъ общественнаго блага. Различныя отношенія начала личнаго (потребностей человѣческой природы) къ началу общаго (область внѣшнихъ явленій, въ данномъ случаѣ: семейство, родъ, государство, союзъ государствъ) и должны быть положены въ основаніе дѣленія исторіи права на періоды. Каждое общество, на какой бы ступени развитія мы его ни наблюдали, представляетъ болѣе или менѣе своеобразное отношеніе этихъ началъ, которое можетъ проявляться какъ въ необузданномъ господствѣ личной свободы, такъ и наоборотъ, въ полномъ подавленіи этой свободы началомъ общественнаго порядка, или въ разнообразныхъ попыткахъ признать относительную законность того и другаго.

Это основаніе до такой степени широко, что можетъ обнять всѣ явленія общественной жизни. Различныя отношенія этихъ двухъ началъ непремѣнно отражаются на всемъ государственномъ устройствѣ, управленіи, уголовномъ и гражданскомъ правѣ, процессѣ, церковныхъ порядкахъ и т. д.

Отдѣльные періоды, получаемые въ результатѣ такого дѣленія, не будутъ имѣть рѣзкихъ граней, что совершенно соотвѣтствуетъ и дѣйствительному теченію исторіи, нигдѣ не представляющей перерывовъ и скачковъ. Всякіе новые способы замиренія начала личнаго и общаго вырабатываются чрезвычайно туго, а потому новое состояніе нараждается крайне медленно и незамѣтно вытѣсняетъ старое. Начала

новаго порядка возникаютъ при полномъ еще господствѣ стараго и задолго до ихъ будущаго торжества. И наоборотъ, начала стараго, какъ разрозненные его остатки, долго могутъ жить и при новомъ порядкѣ, и даже при полномъ его господствѣ [1]). На рубежѣ этихъ періодовъ будутъ не крупные отдѣльные факты или царствованія, у начала которыхъ вымираетъ все старое и зарождается новое, даже не десятилѣтія, а цѣлыя промежуточныя эпохи, не точно опредѣленной продолжительности, которыя характеризуются единовременнымъ бытіемъ разнообразныхъ началъ обоихъ смежныхъ періодовъ. Различіе періодовъ скажется не столько въ совершенномъ отрицаніи періодомъ послѣдующимъ всѣхъ признаковъ періода предшествующаго, сколько въ общемъ характерѣ всей совокупности явленій. Всѣ признаки, которыми можетъ быть характеризованъ тотъ или другой періодъ, имѣютъ свое основаніе въ природѣ человѣка и его потребностяхъ, а потому они не безусловно негодны сами по себѣ, а могутъ быть негодны только въ своей крайности и исключительности. Въ другой совокупности тѣ же признаки могутъ быть снова на своемъ мѣстѣ. Признаки одного періода умираютъ въ другомъ только въ своемъ цѣломъ, а не въ отдѣльности. Сами по себѣ они не непремѣнно ложны, а потому могутъ проходить даже чрезъ всю исторію, но въ позднѣйшихъ періодахъ они являются приспособленными къ условіямъ новаго времени.

Всякое дѣленіе есть, хотя и необходимый, но все же искусственный пріемъ науки. Оно тѣмъ менѣе разойдется съ дѣйствительнымъ ходомъ исторической жизни, чѣмъ менѣе будетъ дробно, чѣмъ менѣе будетъ рѣзко и чѣмъ болѣе перейдетъ въ него необходимая связь одного періода съ другимъ.

Въ жизни человѣчества различаютъ времена историческія отъ доисторическихъ. Различіе внѣшнее, основанное на отсутствіи въ доисторическомъ періодѣ письменныхъ памятниковъ, оно вовсе не значитъ, что въ доисторическія времена жизнь человѣка не развивалась. Развитіе человѣка начинается съ очень отдаленнаго времени. Еще задолго до начала исторической эпохи онъ приручилъ всѣхъ тѣхъ животныхъ, услугами которыхъ мы и по настоящее время пользуемся; открылъ и сталъ воздѣлывать всѣ и теперь употребляемые нами въ пищу

---

[1]) Невозможность рѣзко разграничить періоды давно уже сознана въ нашей литературѣ. На это указывали К. Д. Кавелинъ, М. Соловьевъ и покойный Чебышевъ-Дмитріевъ.

злаки, къ которымъ мы съ тѣхъ поръ едва ли прибавили два-три новыхъ вида; открылъ употребленіе огня, и, наконецъ, изобрѣлъ множество орудій, которыя и по настоящее время, хотя и въ усовершенствованномъ видѣ, находятся въ нашемъ ежедневномъ употребленіи. Въ доисторическія времена человѣкомъ были уже сдѣланы обширныя завоеванія въ области культуры. Но объ этой отдаленной эпохѣ мы имѣемъ слишкомъ недостаточныя свидѣтельства, на основаніи которыхъ можно составить себѣ только представленіе о внѣшней обстановкѣ его быта, объ общественной же организаціи этого быта и послѣдовательныхъ измѣненіяхъ его эти свидѣтельства вичего не говорятъ. Всѣ заключенія историковъ объ исключительно семейномъ и родовомъ бытѣ основаны на свидѣтельствахъ позднѣйшихъ памятниковъ, относящихся уже къ болѣе высокому состоянію культуры, и съ заключенія отъ позднѣйшаго къ древнѣйшему. Только съ изобрѣтеніемъ письменности и первыми опытами записыванія совершившихся событій начинаются достовѣрныя историческія времена. Хотя различіе историческаго и доисторическаго времени чисто внѣшнее, но для исторіи явленій общественнаго быта совершенно существенное. Объ исторіи учрежденій и права можетъ быть рѣчь только при томъ условіи, если свидѣтельства о нихъ сохранились въ письменныхъ памятникахъ. Для исторіи русскаго права это время не восходитъ далѣе X, много IX вѣка, когда русскіе жили не разрозненными семьями и родами, а составляли уже болѣе обширные племенные союзы. Это время мы и будемъ считать древнѣйшимъ, сколько нибудь достовѣрно намъ извѣстнымъ, съ него и начнемъ дѣленіе нашей исторіи на періоды.

Отличительная черта перваго періода состоитъ въ преобладаніи частной, личной воли и, соотвѣтственно этому, въ относительной слабости начала общаго, государственнаго [1]). Эта черта проходитъ по всѣмъ явленіямъ общественнаго быта. Изложеніе состоянія права въ этомъ періодѣ должно выяснить и доказать эту его особенность. Здѣсь же мы ограничимся краткимъ указаніемъ только нѣкоторыхъ наиболѣе характеристическихъ сторонъ его. Но и это немногое должно быть

---

[1]) Въ противоположность къ весьма распространенному въ нашей литературѣ взгляду на родовой бытъ, какъ отличительный признакъ перваго періода Б. Н. Чичеринъ характеризуетъ это время, „безграничнымъ господствомъ личной свободы, благодаря которому общественные элементы были слишкомъ слабы и безсвязны“. О народномъ представительствѣ, 258 сл. Этотъ взглядъ мы считаемъ вполнѣ вѣрнымъ.

принято на вѣру. Мы уже имѣли случай выше замѣтить, что всякое дѣленіе на періоды есть только выводъ изъ всего хода исторіи и можетъ быть совершенно оправдано только полнымъ ея изложеніемъ.

Въ государственномъ устройствѣ и управленіи господство начала личности проявляется въ томъ, что верховная власть не сосредоточена въ рукахъ князя, а принадлежитъ ему вмѣстѣ съ народомъ, который осуществляетъ свои права въ формѣ вѣча. Участіе народа въ вѣчевыхъ собраніяхъ есть его право, а не обязанность. Неограниченное начало личности проявляется въ непризнаніи правъ большинства въ вѣчевыхъ рѣшеніяхъ: меньшинство, какъ бы оно ни было малочисленно не считаетъ себя обязаннымъ подчиняться рѣшенію большинства. Едва только оно находитъ себя правымъ и сколько нибудь сильнымъ, оно сопротивляется большинству съ оружіемъ въ рукахъ. Необходимымъ слѣдствіемъ такого порядка является раздробленность Россіи на множество отдѣльныхъ мелкихъ княженій, одно отъ другаго независимыхъ и состоящихъ въ постоянной борьбѣ между собой и слабость этихъ княженій (такъ называемый удѣльно—вѣчевой періодъ). Отдѣльные элементы, входящіе въ составъ княженій, весьма некрѣпко между собой связаны и оказываютъ постоянное стремленіе къ разъединенію. Княжества не постоянны въ своемъ составѣ и время отъ времени выдѣляютъ изъ своей среды новыя: изъ Кіевскаго выдѣляется Переяславской, изъ Чернигова—Муромское, изъ Новгородскаго—Псковское, изъ Ростовскаго—Владимірское и т. д., безконечное дробленіе, путемъ котораго и совершается освоеніе русскими племенами почти всей территоріи современной европейской Россіи. Населеніе княжествъ не прикрѣплено ни къ мѣсту своего жительства, ни къ службѣ. Оно свободно переходитъ изъ княжества въ княжество, изъ города въ городъ и деревню, и служитъ только, если хочетъ, а не по обязанности. Начала общаго являются крайне слабыми даже въ той области государственнаго управленія, въ которой такъ необходима дисциплина и безпрекословное повиновеніе приказаніямъ, именно въ военной. Вопросъ о томъ, когда и какъ напасть на непріятеля, нерѣдко рѣшается не приказаніемъ князя, а согласнымъ крикомъ воиновъ. Съ господствомъ того же начала личной воли встрѣчаемся и въ области уголовнаго права. Понятіе преступленія опредѣляется не нарушеніемъ закона, а матеріальнымъ представленіемъ обиды, наносимой частному человѣку. Понятіе цѣлаго до та-

кой степени еще мало развито, что преступленій государственныхъ древнѣйшее время совсѣмъ не знаетъ. Древнѣйшая форма наказанія—есть частная месть, а суда—самоуправство. Въ семейственномъ правѣ тоже начало проявляется въ господствѣ главы семейства надъ всѣми членами семьи: надъ женой, какъ и надъ дѣтьми. Законъ, какъ выразитель начала цѣлаго, до такой степени еще слабъ, что не вмѣшивается въ эти интимныя отношенія и не принимаетъ никакихъ мѣръ для огражденія жены и дѣтей отъ возможныхъ злоупотребленій мужа и отца. Господство того же начала проявляется, наконецъ, и въ свойственныхъ этому періоду источникахъ права. Главнѣйшій источникъ права есть обычай, но не всероссійскій, а весьма частный, различающійся по отдѣльнымъ мѣстамъ, далеко не объединившійся и не окрѣпшій еще въ опредѣленныхъ, неизмѣнныхъ формахъ. Рядомъ съ обычаемъ, другой важный способъ установленія права составляютъ соглашенія частныхъ воль (договоры) относительно началъ, опредѣляющихъ ихъ взаимныя отношенія. Какъ между княжескія отношенія, такъ и отношенія частныхъ лицъ, въ сферѣ ихъ гражданскихъ правъ, опредѣляются такими соглашеніями. О чемъ договорились покупатель и продавецъ, наниматель и наемникъ — то и право. Свободный человѣкъ можетъ даже продать себя въ рабство другому и такимъ образомъ, пожертвовать изъ-за куска хлѣба, изъ-за теплой одежды и крова всѣми своими человѣческими правами. Неокрѣпшее государство не сознаетъ еще за собою обязанности охранять слабаго отъ сильнаго.

Таковы особенности перваго періода. Но характеризовать свойства даннаго періода еще мало. Нужно указать связь его съ предшествующимъ. Ни одно состояніе въ исторіи не является само по себѣ, оно всегда есть слѣдствіе своего предыдущаго. Какъ же возникло въ общихъ чертахъ намѣченное нами состояніе изъ своего предшествующаго?

Относительно этого предшествовавшаго времени въ наукѣ есть только догадки. Высшую степень вѣроятности имѣетъ догадка объ исключительно семейномъ и родовомъ бытѣ, какъ предшествующей историческому времени стадіи развитія. Семейный бытъ, отъ котораго, надо думать, пошло развитіе человѣческихъ обществъ, представляется господствомъ главы семейства надъ членами его семьи. При отсутствіи другихъ высшихъ союзовъ, въ рукахъ его сосредоточивается всякая власть, свѣтская и духовная, надъ членами его семьи. Съ дальнѣйшимъ разростаніемъ семьи, съ бракомъ подвластныхъ

членовъ, власть отца (теперь уже дѣда) распространяется и на внуковъ. Это расширенное семейство, или родъ. Со смертію естественнаго главы рода, родъ или остается, пока это нравится его членамъ, подъ управленіемъ искусственнаго главы, или распадается на семьи въ тѣсномъ смыслѣ и т. д. Такимъ образомъ возникаетъ племя, которое организуется въ болѣе обширный союзъ—государство. Въ составъ этого перваго государства входятъ, слѣдовательно, полноправные представители своихъ семей и родовъ, неограниченные владыки своихъ кровныхъ союзовъ. Первое племенное государство, образовавшееся изъ такихъ элементовъ, непремѣнно должно было отличаться преобладаніемъ личнаго элемента, не всѣхъ отдѣльныхъ членовъ, конечно, а неограниченныхъ представителей своихъ семей и родовъ. Войдя въ составъ этого высшаго союза, они не могли же съ разу отрѣшиться отъ той воли, которою пользовались въ прежнемъ низшемъ союзѣ, и вполнѣ поступиться ею въ пользу представителя этого новаго союза, болѣе искусственнаго и не совсѣмъ понятнаго естественному смыслу первобытнаго человѣка. Племенное государство, отличающееся преобладаніемъ личнаго начала, есть необходимое слѣдствіе семейнаго и родоваго быта, какъ предшествовавшей ему стадіи развитія.

Отдѣльныя черты этого древнѣйшаго быта сохраняются и въ первомъ періодѣ, а въ смягченной формѣ могутъ перейдти и въ послѣдующіе, если окажутся примиримыми съ потребностями новаго, болѣе благоустроеннаго общежитія. Какъ на такой остатокъ предшествующаго быта въ первомъ періодѣ можно указать на крайнее развитіе отеческой власти, на особое уваженіе къ старшимъ лѣтами, которые выдѣляются въ особый разрядъ старцевъ, на ссылки князей, при спорахъ о столахъ, на свое родовое старшинство, какъ на какое-то право, передъ которымъ младшіе должны преклоняться. и т. под. (черты такъ называемаго патріархальнаго или родоваго періода).

Второй періодъ, въ противоположность первому, отличается преобладаніемъ цѣлаго, естественныя требованія котораго не были, да и не могли быть достаточно оцѣнены и признаны въ первомъ. Если въ первомъ господствуетъ частная воля, то второй можно охарактеризовать, какъ школу подчиненія частной воли волѣ государственной. Верховная власть сосредоточивается въ рукахъ одного лица—царя московскаго и императора всероссійскаго. Все остальное населеніе раздѣ-

ляется на сословія, прикрѣпляется къ мѣсту и записывается въ государственное тягло. Служба государству становится обязанностью, уклоненіе отъ которой ведетъ къ тѣлесному наказанію кнутомъ. Прежней воли слѣда нѣтъ. По мѣрѣ возникновенія сильной государственной власти прежняя раздробленность и неустойчивость княженій исчезаетъ, отдѣльныя княженія сливаются въ одно цѣлое московское государство, которое потомъ развивается въ имперію россійскую. Соотвѣтственно этому источники права объединяются. Въ самомъ характерѣ ихъ происходитъ существенное измѣненіе: обычаи и договорное начало смѣняются указами московскихъ государей и регламентами императоровъ россійскихъ, воля которыхъ, въ принципѣ, становится единственнымъ источникомъ права. Все должно дѣлаться по указамъ. Въ уголовномъ правѣ понятіе преступленія теряетъ свой прежній характеръ и пріобрѣтаетъ формальное значеніе, оно становится нарушеніемъ закона, ослушаніемъ воли государя. Соотвѣтственно окрѣпшему значенію государства появляются государственныя преступленія, древнѣйшему времени совсѣмъ неизвѣстныя. Система частныхъ наказаній вытѣсняется системой публичныхъ, налагаемыхъ не въ интересахъ пострадавшаго, а въ интересахъ цѣлаго, чтобы лихихъ людей искоренить и доставить государству необходимое спокойствіе. Въ судопроизводствѣ всякое самоуправство воспрещается, оно само становится преступленіемъ. Окрѣпшее государство налагаетъ свою руку и на область гражданскаго права. Поземельныя имущества облагаются государственнымъ тягломъ и получаютъ почти казенный характеръ. Возникаетъ сложная регламентація частныхъ сдѣлокъ. Договоры имѣютъ силу только, если соотвѣтствуютъ видамъ правительства и облечены въ установленную отъ него форму. Даже интимная область человѣческой мысли и совѣсти не осталась свободна отъ государственнаго вмѣшательства. Воеводскіе наказы предписываютъ, какъ гражданскій долгъ, хожденіе въ церковь, соблюденіе постовъ, опредѣляютъ, сколько разъ каждый христіанинъ долженъ быть на исповѣди и у святаго причастія и т. д.

Крайностью перваго періода было необузданное господство личной воли, естественно соединявшееся съ непризнаніемъ законныхъ правъ цѣлаго; крайностью втораго является подавляющее господство цѣлаго, съ точки зрѣнія котораго всякое проявленіе личной свободы представляется подозрительнымъ и опаснымъ.

Какъ первый періодъ возникъ изъ предшествовавшаго ему семейнаго и родоваго быта, такъ второй, въ свою очередь, есть естественное порожденіе перваго и весьма долго сохраняетъ замѣтные слѣды такого своего происхожденія. Побѣдоносное цѣлое, подчинившее себѣ всѣ частныя воли, появилось въ видѣ личной воли московскаго князя. Изъ эпохи господства и борьбы личныхъ воль побѣдительницей, естественно, должна была выдти наиболѣе сильная частная воля. Таковою волею была воля московскаго князя и вотъ почему все государство приняло характеръ частнаго дѣла московскихъ государей. Понятіе государства не отдѣлилось еще отъ понятія личности его представителя, который склоненъ разсматривать государство, какъ свою вотчину (такъ называемый вотчинный періодъ).

Частныя права, хотя и не уничтожены въ принципѣ, но они не уважаются государственною властью, которая не задумывается принести ихъ въ жертву цѣлому, какъ скоро находитъ это нужнымъ. Московскіе государи также распоряжаются частной собственностью своихъ подданныхъ, какъ и своей личной: черносошныхъ крестьянъ съ ихъ землями они отдаютъ въ помѣстья, или приписываютъ къ своимъ дворцовымъ волостямъ, духовныя завѣщанія частныхъ лицъ отмѣняютъ своими приказами и завѣщанныя вотчины отбираютъ на себя. Какъ прежде частная воля переходила границы возможнаго и не давала образоваться твердому государственному тѣлу, такъ теперь государственная воля переходитъ границы возможнаго и не даетъ свободно дышать частному человѣку. Одна крайность вызвала другую. Свобода, которая въ первомъ періодѣ была достояніемъ каждаго мужа, сосредоточилась во второмъ только на органахъ власти.

Таковы два періода, на которые должна быть раздѣлена исторія права и государства. Какъ же распредѣляются они во времени?

Мы уже выше замѣтили, что историческое развитіе народа совершается крайне медленно, не прямолинейно, съ остановками, перерывами и даже попятнымъ движеніемъ. Вслѣдствіе этихъ особенностей историческаго роста, дѣленіе исторіи на періоды не допускаетъ рѣзкихъ и точно опредѣленныхъ границъ; нельзя указать, гдѣ начинается одинъ и оканчивается другой. Первые проблески новаго періода могутъ появиться въ одной какой либо области права при полномъ господствѣ старыхъ началъ во всѣхъ остальныхъ, и, наоборотъ,

черты стараго порядка могутъ еще крѣпко держаться при значительномъ уже накопленіи элементовъ новаго, хотя и отразятъ на себѣ до нѣкоторой степени ихъ вліяніе. Отвѣтъ на вопросъ о распредѣленіи періодовъ во времени долженъ заключаться не столько въ опредѣленіи крайнихъ точекъ, у которыхъ оканчивается старый и начинается новый, сколько въ указаніи того промежутка времени, когда совокупность признаковъ даннаго періода представляется наиболѣе полною.

Съ этой точки зрѣнія первый періодъ имѣетъ свое наиболѣе полное выраженіе въ княжеской Россіи, или удѣльно-вѣчевой. Второй — ясно обозначился въ московской Россіи, получилъ свое формальное завершеніе въ имперіи россійской и въ настоящее время не можетъ быть еще разсматриваемъ, какъ окончательно исчерпанный, хотя вмѣстѣ съ его формальнымъ завершеніемъ начинается уже и появленіе нѣкоторыхъ признаковъ, указывающихъ на зарожденіе новаго порядка вещей.

Этимъ дѣленіемъ въ развитіи исторій русскаго права выясняются два періода, почти равные по продолжительности, каждый изъ которыхъ занимаетъ пространство времени приблизительно до 500 лѣтъ. Столѣтія XIV и XV составляютъ широкую границу этихъ двухъ періодовъ. Эту границу надо понимать не въ томъ смыслѣ, что здѣсь впервые только зарождаются признаки втораго періода, а признаки перваго окончательно вымираютъ. Нѣкоторыя отдѣльныя черты втораго появляются гораздо ранѣе, однѣ съ принятіемъ христіанства, другія съ завоеваніемъ Руси татарами, и наоборотъ, нѣкоторыя черты перваго періода далеко заходятъ въ XVI и даже въ XVII вѣкъ. XIV и XV в. есть то время, когда характеристическія черты втораго періода получили уже такую силу, что окончательное торжество новыхъ началъ можетъ быть уже предусматриваемо.

То дѣленіе, о которомъ я говорилъ до сихъ поръ, есть дѣленіе исторіи на періоды по времени. Но историческая наука знаетъ еще другое дѣленіе. Оно основывается на различіи внѣшней стороны юридическихъ памятниковъ, и ихъ содержанія. Нѣкоторые историки излагаютъ отдѣльно исторію памятниковъ, не касаясь ихъ содержанія, а останавливаясь на вопросахъ: гдѣ какой памятникъ возникъ, въ какомъ году, при какомъ государѣ, какой его внѣшній видъ, въ какихъ рукописяхъ онъ сохранился, отъ какого времени эти рукописи, гдѣ они напечатаны и т. под. Отъ этой исторіи па-

мятниковъ отличаютъ ту, которая имѣетъ дѣло съ самымъ ихъ содержаніемъ. Исторію памятниковъ называютъ внѣшнею исторіею, а исторію нормъ права внутреннею. Это различіе проводятъ иногда непрерывно по всѣмъ періодамъ и такимъ образомъ даютъ какъ бы двѣ совершенно отдѣльныхъ исторіи. Другіе писатели, напротивъ, сперва дѣлятъ исторію на періоды по времени, а потомъ въ каждомъ такомъ періодѣ отдѣльно излагаютъ внѣшнюю и внутренюю исторію. Я присоединяюсь къ этому второму способу изложенія, потому что полное отдѣленіе исторіи внѣшней и внутренней безъ всякой необходимости разрываетъ въ изложеніи то, что въ жизни было тѣсно связано. Исторія источниковъ и исторія ихъ содержанія стоятъ между собою въ связи. Одному времени соотвѣтствуютъ однѣ источники, согласно общему состоянію права, а другому, соотвѣтственно измѣнившемуся состоянію, —другія. Въ виду этой солидарности внѣшней и внутренней исторіи удобнѣе излагать ихъ вмѣстѣ.

VI. Характеристика древнѣйшаго состоянія человѣка.

Мы видѣли, что нашу задачу составляетъ только историческое время т. е. первой и второй періоды. Однако совсѣмъ обойти молчаніемъ времени предшествовавшаго невозможно, такъ какъ многое, что существовало въ 1-мъ періодѣ, можетъ быть объяснено только предшествовавшимъ доисторическимъ состояніемъ. Я уже предупредилъ васъ, что признаки однаго періода не вымираютъ совершенно въ слѣдующемъ, потому что они коренятся въ природѣ человѣка. Признаки предшествующаго періода могутъ появиться въ лучшемъ, совершеннѣйшемъ видѣ въ послѣдующемъ. Поэтому для изученія послѣдующаго періода необходимо знать состояніе предшествующее. Многое изъ предшествующаго живетъ не только въ послѣдующемъ, но и въ отдаленнѣйшее время. Въ теперешнемъ быту русскаго народа мы можемъ наблюдать нѣкоторыя черты глубочайшей древности. Это объясняется тѣмъ, что масса народа развивается гораздо медленнѣе, чѣмъ высшіе классы общества. Изложеніе древнѣйшаго состоянія человѣка я буду вести по возможности сравнительно, т. е. буду имѣть въ виду не исключительно нашъ доисторическій бытъ, о кото-

ромъ, если взять его отдѣльно, очень немного намъ извѣстно, а буду говорить и о другихъ индоевропейскихъ народахъ, и кромѣ того, для сравненіи, остановлюсь на фактахъ изъ быта современныхъ дикихъ народовъ. Тогда какъ культурные народы вышли изъ своего первоначальнаго состоянія, дикари еще очень близки къ нему, и многія явленія ихъ жизни не безполезно имѣть въ виду [1]).

Та стадія, которая предшествовала 1-му періоду, можетъ быть названа патріархальною. Первоначальное общество является состоящимъ не изъ отдѣльныхъ лицъ, какъ теперь, а въ видѣ отдѣльныхъ семействъ. Какъ теперь мы имѣемъ дѣло съ отдѣльными лицами, такъ древность имѣла дѣло съ отдѣльными семьями. Такое заключеніе дѣлаютъ основываясь, на тѣхъ остаткахъ древняго быта, которые встрѣчаются въ историческія уже времена у культурныхъ народовъ. Такъ, у Римлянъ мы встрѣчаемся съ родами (gentes), у Шотландцевъ до послѣдняго времени существуютъ *кланы*. Точно также есть указаніе, что и Славяне нѣкогда жили семьями и родами, такъ напр. нѣкоторыя деревни западныхъ славянъ носятъ названія заимствованныя отъ личныхъ именъ (Младеновичи, Утешеновичи), что указываетъ на то, что на этомъ мѣстѣ жила первоначально одна семья, которая потомъ разрослась и образовала цѣлую деревню. И такъ, надо думать, что первоначально семьи и роды жили, не соединяясь ни въ какія высшіе союзы. Только лица, принадлежащія къ семейству имѣли, опредѣленное положеніе, уважались и пользовались правами, какъ члены семьи. Всякій, къ семейству не принадлежащій, разсматривался, какъ чужой человѣкъ, какъ врагъ. Слово hostis у римлянъ значило чужой и вмѣстѣ съ тѣмъ врагъ, непріятель. Такъ какъ, принадлежавшій къ семьѣ, пользовался преимуществами семейства (охранялся родственниками, получалъ пищу, одежду и пр.), то человѣкъ, не принадлежащій къ роду, разсматривался какъ бѣдный, ничего не имѣющій. Слово egens, бѣдный, римляне производили отъ ex и gens, т. е. состоящій внѣ рода. Напротивъ, слово ingenuus у римлянъ значило состоящій въ родѣ, человѣкъ полно-правный, свободный. Въ такомъ родѣ или семействѣ власть сосредоточивалась въ рукахъ отца семейства, которому принадлежали всевозможныя права и въ томъ числѣ право жизни

---

[1]) По разсматриваемому вопросу рекомендуются слѣдующія сочиненія: „Древнее право“ Мэна переведенное на русскій языкъ, „La cité antique“ Фюстель-де-Куланжа, тоже переведенное русскій языкъ въ очень хорошемъ переводѣ Корша. Для русскаго доисторическаго быта сочиненіе Афанасьева „Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу.“

и смерти (jus vitae et necis). Это указываетъ на то, что, когда не было государства, отецъ былъ единственною властью, а семья была единственнымъ союзомъ. Такимъ образомъ, образованіе союзовъ началось съ кровнаго союза. Но въ историческія времена мы наблюдаемъ уже не чисто кровную семью, а въ среду семьи можно было бы принять посторонняго, чужаго человѣка путемъ адопціи, усыновленія. Этотъ фактъ принятія посторонняго человѣка въ семью путемъ усыновленія можетъ навести на сомнѣніе относительно того, что первоначальною формою общественныхъ союзовъ былъ семейный, чистокровной союзъ. Мэнъ, въ указанной нами книгѣ, даетъ объясненіе этому факту, подводя его подъ понятіе фикціи. Онъ говоритъ, что когда старинный бытъ оказывется уже болѣе не соотвѣтвующимъ условіямъ времени, то черты новаго быта возникаютъ въ формахъ стараго. Первоначальный бытъ является чисто семейнымъ, родовымъ. При возникновеніи адопціи старый быть продолжаетъ существовать только по формѣ. Въ силу адопціи чужой человѣкъ расматривался, какъ лицо, родившееся въ усыновляющей его семьѣ, и получалъ тѣ же права, какія принадлежали сыну. Такимъ образомъ тотъ фактъ, что чужому человѣку можно было получить извѣстныя права только путемъ усыновленія, указываетъ на то, что прежде человѣкъ пользовался извѣстными правами только въ семьѣ.

И такъ, въ древности люди жили отдѣльными семьями, во главѣ которыхъ стояли отцы семействъ, пользовавшіеся неограниченными правами надъ остальными членами семьи. Этому особенному семейному быту соотвѣтствуетъ и особенная семейная религія. Вопросъ о томъ, какія были первоначальныя исконныя вѣрованія въ наукѣ представляется весьма спорнымъ. Нѣмецкіе ученые держатся, большей частью той мысли, что первоначальныя вѣрованія состояли въ обоготвореніи силъ природы. Фюстель-де Куланжъ, напротивъ, думаетъ, что первоначальная религіе состояла въ культѣ предковъ. Окончательное рѣшеніе этого вопроса представляется чрезвычайно труднымъ. Допустимъ, что обѣ эти системы вѣрованій чрезвычайно древни. Родовому состоянію соотвѣтствовала особенная религія, семейная. Въ каждой семьѣ былъ особенный богъ, которому молились только члены данной семьи, это былъ ихъ семейный богъ. Символомъ выраженія этого бога служилъ домашній очагъ, представляя собою души усопшихъ предковъ.

Въ Ведахъ, древнѣйшемъ памятникѣ Индусовъ, священный огонь носитъ наименованіе семейнаго бога. Есть указанія и у насъ на существованіе этой стариной религіи.

Такъ, напр., у насъ говорятъ: „на печкѣ сидѣлъ, кирпичамъ молился.“ Это насмѣшка, однако она имѣетъ глубокій смыслъ; это остатокъ глубочайшей древности, когда очагъ служилъ престоломъ для служенія семейнымъ божествамъ. Есть и другая пословица, имѣющая тоже самое значеніе; такъ, напр. малороссы, не желая сказать что нибудь нехорошее, говорятъ: „сказалъ бы, да пичь у хати.“ На первый взглядъ эта поговорка непонятна, а между тѣмъ она имѣетъ тотъ же самый смыслъ: здѣсь выражается уваженіе къ очагу, какъ нѣкогда имѣвшему близкія отношенія къ божеству. Или, напр., о счастливыхъ людяхъ обыкновенно говорятъ: „на печкѣ родился“, что совершенно равнозначуще со словами: „у Бога за пазухою.“ До настоящаго времени простой народъ считаетъ большимъ грѣхомъ плевать въ печку, что также объясняется прежнимъ значеніемъ очага. Въ связи съ этимъ стоятъ извѣстные пріемы простонароднаго леченія при посредствѣ воды и угля. Простой народъ и въ настоящее время лѣчится отъ очень многихъ болѣзней углемъ и золою съ примѣсью воды. Съ точки зрѣнія медицины, это представляется рѣшительно непонятнымъ, но если мы станемъ на точку зрѣнія древней религіи, то это сдѣлается совершенно яснымъ. Уголь и зола употребляются здѣсь, какъ священные предметы, имѣвшіе нѣкогда непосредственное отношеніе къ божеству.

Теперь возникаетъ вопросъ, огонь и очагъ означаетъ ли именно семейное божество? У римлянъ связь огня съ семейнымъ божествомъ совершенно ясна, тамъ мы находимъ выраженіе: focus patrius; точно также у индусовъ семейный огонь назывался семейнымъ богомъ. У насъ есть указанія на то въ обрядахъ, которыми сопроводжается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ переходъ крестьянина изъ старой въ новую избу. Когда новый домъ совсѣмъ готовъ, хозяйка топитъ печь въ старой домѣ. Вытопивши печь, она бережно собираетъ уголья въ новый, еще не употреблявшійся горшокъ, причемъ хозяинъ говоритъ: „милости просимъ, дѣдушка, къ намъ на новоселье.“ Затѣмъ хозяинъ идетъ въ новый домъ, а его жена покрываетъ горшокъ чистымъ полотенцемъ и идетъ вслѣдъ за своимъ мужемъ. Хозяинъ встрѣчаетъ ее въ новомъ домѣ, на порогѣ съ поклономъ и опять говоритъ: „милости про-

симъ, дѣдушка къ намъ на новоселье.“ Затѣмъ уголь выбрасывается въ печь, гдѣ разводится огонь, а самый горшокъ разбивается, и черепки закапываются подъ угломъ избы.

Понятно, что здѣсь огонь есть символъ предка, дѣдушки, семейнаго божество. Это семейное божество представляется покровительствующимъ дому, и называется домовымъ. Дѣдушка и домовой, по народному повѣрью, одно и тоже. У простаго народа есть множество повѣрій относительно домоваго; такъ напр. думаютъ, что онъ заботится о хозяйствѣ дома, въ которомъ живетъ и иногда даже уноситъ сѣно и овесъ у сосѣдей для того, чтобы кормить скотъ, принадлежащій покровительствуемому имъ дому. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этому домовому и до сихъ поръ приносятъ жертвы. Отъ времени до времени ставятъ въ печь пироги, жаркое и др. продукты для его трапезы. Если домовой находитъ жертвоприношенія недостаточными, то изъ покровительствующаго божества обращается въ мстительное и враждебное. Въ этомъ случаѣ, по народному повѣрью, необходимо принести особенныя умиротворяющія жертвы. Съ этою цѣлью приглашается знахарь, который обыкновенно рѣжетъ пѣтуха и кропитъ его кровью по угламъ дома и по двору, послѣ чего домовой начинаетъ опять покровительствовать семьѣ. Пѣтуха приносятъ въ жертву потому, что онъ привѣтствуетъ своимъ пѣніемъ наступающее утро, а слѣд. стоитъ въ связи съ солнцемъ, со свѣтомъ, а слѣдовательно и съ огнемъ. Здѣсь можно еще указать на обычай, въ силу котораго не подаютъ руки черезъ порогъ. Этотъ обычай стоитъ также въ связи съ домашнею религію. Домовой охраняетъ только домъ, за предѣлы котораго не простирается его господство и благодѣльное дѣйствіе, а гостя нужно встрѣчать въ сферѣ господства домашняго бога, въ сферѣ его покровительства. У народа въ обычаѣ приносить жертвы предкамъ на могилахъ. Этотъ обычай связанъ съ тѣмъ представленіемъ объ умершихъ, что они и за гробомъ продолжаютъ жить также, такъ и прежде, слѣд., нуждаются въ пищѣ, питьѣ и т. под. Этотъ обычай, который встрѣчается какъ у насъ, такъ и у другихъ народовъ, теперь не имѣетъ никакого смысла; а прежде онъ былъ связанъ съ цѣлою религіозною системою. Священнодѣйствующимъ этой семейной религіи былъ отецъ семейства, владыка, домохозяинъ. Онъ зналъ, какъ нужно совершать жертвы; это было его спеціальною обязанностью, переходившею изъ рода въ родъ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

Поклоненіе семейнымъ божествамъ составляло домашнюю тайну, въ которую никто посторонній не могъ проникнуть. Такимъ образомъ, семейная религія вела еще къ большей замкнутости семьи. Въ связи со значеніемъ домашняго очага, огня, можно обратить вниманіе на встрѣчающееся въ древнихъ памятникахъ, напр. въ Русской Правдѣ, выраженіе огнищанинъ, кооорое подавало поводъ къ разнообразнымъ толкованіямъ. Изъ всѣхъ объясненій надо предпочесть то, (Буслаевъ, Арх. Ист. юрид. свѣд., кн. I, отд. IV, стр. 43) которое приводитъ это наименованіе въ соотношеніе съ семейною религіею. „Огнищанинъ", какъ видно изъ памятниковъ того времени, былъ важнымъ человѣкомъ, за убійство котораго назначалось высшее наказаніе. Можно думать, что огнищанинъ былъ домовладыкою и названъ такъ потому, что въ древности имѣлъ отношеніе къ домашней религіи, былъ жрецомъ. Слова „жрецъ", „жертва" происходятъ отъ „жрети", т. е. горѣть, что уже прямо указываетъ на то, что древнѣйшее священнодѣйствіе стояло въ извѣстномъ отношеніи къ огню. Точно также у римлянъ жрецъ назывался flaminus отъ flamma—огонь.

Эта семейная религія, священникомъ которой былъ домовладыка, передавалась изъ рода въ родъ по мужской линіи, потому что только мужчина былъ крѣпокъ роду, а женщина выдѣляется изъ своего рода и вступаетъ въ другой. Согласно съ этимъ у индусовъ душамъ усопшихъ приписываются такого рода желанія: „да родятся отъ нашего колѣна безпрестанно сыновья, чтобы во вѣки вѣковъ приносили они намъ молочную рисовую кашу, медъ и очищенное коровье масло". Это особенное религіозное значеніе мужчины до нѣкоторой степени уясняетъ то сравнительно невыгодное положеніе женщины, слѣды котораго до настоящаго времени сохранились въ правѣ. Такъ напр., только мужчина могъ наслѣдовать, такъ какъ главная цѣль имущества—поддержаніе религіи путемъ жертвоприношеній. Различіе наслѣдственныхъ правъ мужчинъ и женщинъ стоитъ, слѣдовательно, въ связи съ семейною религіею. Домовладыка, какъ жрецъ, пользовался особеннымъ уваженіемъ и назывался старѣйшиной. У Римлянъ встрѣчаемъ patres, патриціи, senatores, въ Германіи адалинги (adal-родъ), у насъ старцы, старѣйшины и т. под. Дальнѣйшее слѣдствіе такого семейнаго быта и особенныхъ религіозныхъ вѣрованій состояло въ томъ, что семейство, возросшее въ родъ, разсматривалось, какъ постоянно существующее въ своей цѣ-

лости, не распадающееся на свои составныя части въ виду именно того, что семейная религія одна. Необходимо, чтобы эта религія поддерживалась, необходимо молиться предкамъ иначе родъ можетъ навлечь на себя гнѣвъ божества. Чтобы поддержать темейный культъ, на мѣсто умершаго главы семейства тотчасъ же становилось другое лицо по естественному старшинству или по выбору. Какъ родъ не дробится, такъ не дѣлится и собственность, принадлежащая цѣлому роду, потому что одно изъ существеннѣйшихъ назначеній родовой собственности состояло въ поддержаніи семейнаго культа, въ постоянныхъ жертвоприношеніяхъ. По законамъ Ману, старѣйшій въ семьѣ одинъ наслѣдуетъ, т. е. какъ представитель семьи, представитель культа, ибо онъ „рожденъ исполнять долгъ предкамъ.“

Вотъ нѣкоторыя существенныя черты древнѣйшаго патріархальнаго или семейнаго быта. Съ теченіемъ времени этотъ бытъ мало по малу исчезаетъ, но отдѣльные признаки его сохраняются очень долго. Первоначально, по всей вѣроятности, и родъ не дѣлился, и собственность его не дѣлилась, когда же начали дѣлить родовую собственность, то и въ этомъ дѣлежѣ сказались старыя черты, а именно дѣлежъ производился между мужчинами только, женщины же исключались, потому что только мужчины продолжали семейный культъ, а женщины выходили изъ рода.

Ознакомившись съ древнѣйшимъ бытомъ культурныхъ народовъ (Грековъ, Римлянъ, Славянъ и др.), разсмотримъ вкратцѣ относящіяся сюда черты изъ быта некультурныхъ народовъ, изъ быта дикарей, которые, какъ можно думать, стоятъ наиближе къ этому первоначальному состоянію. [1]).

Прежде чѣмъ приводить черты, характеризующія семейный и религіозный бытъ дикихъ народовъ, разсмотримъ нѣкоторыя особенности, характеризующія общее ихъ состояніе. У всѣхъ дикарей замѣчается гораздо большая зависимость отъ природы, чѣмъ у народовъ культурныхъ. Это совершенно естественно и понятно. Человѣкъ только при посредствѣ цивилизаціи освобождается отъ господства грубыхъ силъ природы. Когда цивилизація не дѣлаетъ никакихъ успѣховъ, то зависимость отъ природы остается самою

---

[1]) Кромѣ указаннаго сочиненія Вайтца, еще надо имѣть въ виду Леббока „Доисторическія времена“ и „Начало цивилизаціи“, переведено на русскій языкъ, отличается живымъ изложеніемъ и очень легко читается; Тейлора „Первобытная культура“, переведено на русскій языкъ и очень любопытно.

непосредственною. Другая черта, характеризующая дикарей, это лѣнь, которая замѣчается подъ всѣми широтами. Дикарь работаетъ только въ томъ случаѣ, когда вынуждается къ тому самою крайнею необходимостью. Какъ скоро эта необходимость проходитъ, онъ предпочитаетъ сидѣть сложа руки или спать. Многихъ даже чувство голода не тотчасъ побуждаетъ къ дѣятельности и они предпочитаютъ лечь спать, чтобы переспать голодъ, чѣмъ трудиться. Въ связи съ этою чертою стоитъ крайняя беззаботность и отсутствіе всякой мысли о будущемъ. Дикарь довольствуется тѣмъ, что у него есть и никогда не думаетъ о томъ, какъ быть въ будущемъ при такихъ-то и такихъ-то случайностяхъ. Это въ особенности ясно проявляется во время охоты. Дикарь убиваетъ гораздо больше животныхъ, чѣмъ ему нужно въ данное время, нисколько не заботясь о томъ, что съ истребленіемъ животныхъ ему нечѣмъ будетъ кормиться. Множество убитаго имъ скота гніетъ безъ всякой надобности. Третья черта, преобладаніе эгоистическихъ стремленій. Дикарь только о себѣ думаетъ, и мысли о другомъ ему чрезвычайно мало доступны. Въ связи съ этимъ эгоизмомъ преобладаетъ право сильнаго: кто сильнѣе, тотъ имѣетъ и больше правъ. Наконецъ, послѣдняя черта это грязь, составляющая постоянную обстановку некультурной жизни. Никакого стремленія къ чистотѣ и удобствамъ у дикихъ не замѣчается.

Въ этомъ состоятъ общія черты, характеризующія дикарей. Если посмотрѣть съ этой точки зрѣнія на низшій классъ культурнаго народа, то у него можно замѣтить тѣ же черты въ значительной степени распространенными. Слѣд., на эти признаки мы не имѣемъ права смотрѣть, какъ на какое нибудь особенное національное свойство того или другаго племени. На низшей ступени развитія всѣ племена и народы имѣютъ тѣ же признаки.

У дикарей мы замѣчаемъ также черты патріархальнаго, семейнаго быта. Правда, этотъ бытъ не такъ строго организованъ, какъ у древнихъ Грековъ и Римлянъ, но многія его черты совершенно тѣ же. Особенность культурныхъ народовъ и состоитъ въ томъ, что у нихъ больше организаціи, больше порядка, между тѣмъ какъ некультурный народъ отличается меньшею способностью къ организаціи. Нельзя сказать, чтобы у всѣхъ дикарей семья была прочно организована. Семейство у дикарей очень легко распадается. Пока дѣти еще нуждаются въ помощи родителей, они живутъ съ

ними вмѣстѣ, а потомъ расходятся. Даже отношеніе мужа къ женѣ не постоянное и прерывается иногда очень скоро, смотря по состоянію склонностей. Отсюда, однако, нельзя выводить того заключенія, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, что будто бы у дикарей вовсе нѣтъ семейнаго быта.

Правда, у дикарей семейный союзъ не является постояннымъ, и такъ прочно организованнымъ, какъ у насъ, но все же это семейный союзъ. Отцу и мужу принададлежитъ безусловная власть надъ дѣтьми и женой. У него право жизни и смерти по отношенію къ дѣтямъ и даже по отношенію къ женѣ, причемъ это право проявляется въ болѣе грубой, животной формѣ, чѣмъ это можно наблюдать у культурныхъ народовъ. Такъ, напр., у нѣкоторыхъ народовъ на южной оконечности Америки, въ Огненной землѣ, нерѣдко случается, что мужья съѣдаютъ своихъ женъ, если они ими недовольны. По отношенію къ дѣтямъ права отца проявляются въ такой же суровой формѣ. Дѣвочки, по общему правилу, избиваются по своемъ рожденіи и даже изъ мальчиковъ оставляется въ живыхъ нѣкоторыми дикарями, для поддержанія рода, только тотъ который по предположенію родителей рождается послѣднимъ, Эти черты крайней грубости, крайне жестокаго отношенія главы семейства къ остальнымъ членамъ семьи объясняются, до нѣкоторой степени, экономическимъ положеніемъ дикарей, необезпеченностью ихъ быта. Чтобы вскормить и воспитать ребенка, нужна извѣстная обезпеченность быта, извѣстное накопленіе богатства, а между тѣмъ у дикаря, живущаго изо дня въ день и нисколько не заботящагося о будущемъ, нѣтъ никакихъ запасовъ. Вотъ почему ребенокъ служитъ для дикаря обузою. Нужно о немъ заботиться, кормить его, а это отнимаетъ у жены время, которое она могла бы посвятить для работы въ пользу мужа. Такимъ образомъ возможностью частаго голоданія и обусловливается возникновеніе суроваго права жизни и смерти. Можно думать, что тоже суровое право, существовавшее у культурныхъ народовъ, породилось при подобныхъ же условіяхъ. Убійство женщины нерѣдко совершается по крайней нуждѣ: нѣтъ никакихъ запасовъ, никакое животное не попадается подъ руку и, нечего дѣлать, дикарь убиваетъ свою жену, чтобы не умереть съ голоду. Въ связи съ этимъ приниженнымъ положеніемъ женщины стоитъ многоженство, какъ общая черта дикарей. Жена является работницею, а слѣд. лучше имѣть много женъ, много работницъ. И у дикарей, какъ и у предковъ современныхъ

культурныхъ народовъ, мы встрѣчаемся съ нѣкоторымъ предпочтеніемъ, какое оказывается мужчинамъ. Это видно, напр., изъ того, что во многихъ мѣстахъ женщины не пользуются лучшею пищею. Бычачье и обязьянье мясо не дается замужнимъ женщинамъ, а дѣвушкамъ почти вовсе не дается мяса млекопитающихъ животныхъ; что касается рыбъ, то имъ даются только мелкія (не больше фунта), а большія идутъ для мужчинъ.

Кромѣ того есть нѣкоторыя указанія на то, что и у некультурныхъ народовъ первоначальный семейный бытъ имѣетъ религіозный оттѣнокъ, что этому быту соотвѣтствуетъ семейная религія. У дикарей нѣтъ мысли о Богѣ, какъ единомъ Творцѣ вселенной, какъ о благомъ началѣ, содѣйствующемъ и покровительствующемъ человѣку. Основываясь на этомъ, думаютъ, что у первобытныхъ народовъ вовсе нѣеъ религіи. Это несправедливо. Правда, что у нихъ нѣтъ такой религіи, какую имѣютъ высококультурные народы; но есть извѣстнаго рода воззрѣнія, которыя подходятъ подъ понятіе религіи. У нихъ есть вѣра въ бытіе какихъ-то силъ, которыя существуютъ, однако, не надъ природою, какъ это мы думаемъ, а въ самой природѣ. Эти силы могутъ дѣйствовать по отношенію къ человѣку или враждебно, или благосклонно, вслѣдствіе чего они пользуются со стороны дикарей нѣкоторыми знаками почитанія. Каждая семья, каждый дикій человѣкъ чествуетъ особенныя силы, всѣдствіе чего происходитъ крайняя раздробленность въ представленіи о божествѣ. Такимъ образомъ, въ вѣрованіяхъ дикихъ племенъ можно видѣть доказательство тому положенію, что прежде чѣмъ человѣчество пришло къ пониманію вселенскаго божества, оно начало съ мѣстныхъ божествъ, крайне дробныхъ. Это стоитъ въ связи съ умственнымъ состояніемъ дакарей. Извѣстно, что у дикарей нѣтъ многихъ родовыхъ понятій, а есть только видовыя. Въ виду этого теоретически трудно допустить, чтобы при отсутствіи общихъ понятій напр. о деревѣ, о цвѣтѣ и т. п., дикарь и вообще первобытный человѣкъ могъ имѣть понятіе о божествѣ, какъ единомъ Творцѣ вселенной.

И такъ, первоначальная религія некультурныхъ народовъ можетъ быть характеризована какъ безсистемный политеизмъ. Первыя божества нерѣдко являются въ видѣ вредныхъ животныхъ (обоготворялись акулы, змѣи, слоны и т. д.)

Остатки этого отношенія къ внѣшней природѣ наблюдаются и въ очень позднее время. Такъ и теперь у нашихъ сибирскихъ инородцевъ—вогуловъ замѣчается слѣдующій, на

первый взглядъ непонятный, обычай: убивши медвѣдя, они извиняются предъ нимъ, говоря, что это не они виноваты, а русскіе, которые выдумали стрѣлы. Это объясняется тѣмъ, что нѣкогда медвѣдь считался божествомъ; съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ культуры, перестали смотрѣть на медвѣдя, какъ на божество, но все таки остатки этого возрѣнія сохранились въ указанномъ обычаѣ.

Рядомъ съ почитаніемъ одушевленныхъ и даже неодушевленныхъ предметовъ, встрѣчаемся у дикарей и съ существованіемъ семейной религіи. Вопросъ о томъ, что древнѣе, семейная ли религія или почитаніе явленій природы, по недостатку данныхъ для его рѣшенія можетъ быть оставленъ въ сторонѣ. Очень можетъ быть, что тотъ и другой культъ явился одновременно. Надо замѣтить, что дикари на мертваго человѣка смотрятъ, какъ на могущаго дѣйствовать, могущаго быть въ сношеніи съ внѣшнимъ міромъ. Умершій членъ семейства нерѣдко является во снѣ, что естественно наводитъ на заключеніе, что онъ можетъ быть въ сношеніи съ внѣшнимъ міромъ, можетъ вліять на него, можетъ оказывать благодѣтельное, или вредное дѣйствіе. Отсюда возникаетъ поклоненіе умершему. Слѣды такого поклоненія душамъ усопшихъ встрѣчаются, напр. у остяковъ и др. сибирскихъ инородцевъ. У нихъ изображенія умершихъ предковъ стоятъ въ юртахъ, и они имъ поклоняются въ теченіи нѣкотораго времени, потомъ забываютъ о нихъ и замѣняютъ другими. Это показываетъ, что поклоненіе усопшимъ условливается памятью о нихъ и тѣмъ, что они въ первое время часто снятся живущимъ. Съ теченіемъ времени связь эта прерывается, умершіе не снятся и прежнее божество выходитъ изъ употребленія. Нѣкоторые полинезійцы вѣрятъ, что души умершихъ могутъ причинять болѣзни, могутъ оказывать и благодѣтельное дѣйствіе, почему имъ и поклоняются.

Такимъ образомъ чествованіе усопшихъ точно также встрѣчается у дикарей, какъ и у культурныхъ народовъ, съ тѣмъ различіемъ, что у дикарей это чествованіе не получило такого развитія, такой организаціи, не выработалось въ такую опредѣленную религію, какая замѣчается у нѣкоторыхъ народовъ культурныхъ.

Существованію патріархальнаго быта у дикарей, повидимому, противорѣчитъ очень странный обычай, существующій у нѣкоторыхъ племенъ, убивать своихъ престарѣлыхъ родственниковъ. На этотъ актъ убійства престарѣлаго родствен-

ника тѣ, на долю которыхъ выпадаетъ такое убійство, смотрятъ, какъ на священный долгъ, гордятся имъ и чувствуютъ себя къ нему призванными. Одинъ англійскій миссіонеръ очень удивился, когда онъ, будучи призванъ знакомымъ дикаремъ на похороны, не замѣтилъ покойника. На его вопросъ, гдѣ умершій, дикарь указалъ на женщину, свою мать, которая тутъ же сидѣла и пировала. Миссіонеръ былъ крайне этимъ удивленъ и убѣждалъ дикаря не убивать своей матери. Дикарь съ большимъ неудовольствіемъ выслушалъ миссіонера и объявилъ, что убійство матери составляетъ его священную обязанность и что онъ никому этого права не уступитъ. Долго продолжался пиръ, въ которомъ участвовала и женщина, долженствовавшая умереть, и наконецъ убійство было совершено, при чемъ никто не выразилъ никакого сожалѣнія. Этотъ странный обычай можетъ быть объясненъ необезпеченностью матеріальнаго быта дикарей. При необезпеченности быта, при отсутствіи всякаго рода запасовъ, положеніе стариковъ дѣйствитель бѣдственно. У дикарей всякій заботится о себѣ. Если человѣкъ слабѣетъ и не въ состояніи передвигаться для охоты, то онъ дѣлается бременемъ для остальныхъ. Въ виду такого бѣдственнаго положенія престарѣлыхъ, мгновенная смерть безъ особенныхъ мученій представляется сравнительно наилучшимъ выходомъ изъ тяжелаго положенія. Къ этому присоединяется также вѣрованіе, что умершій переселяется въ лучшую жизнь,

У насъ есть такая поговорка: „старость не младость, умереть не хочется, а пришибить некому“. Если сблизить эту поговорку съ указаннымъ обычаемъ, то можно допустить, что и у насъ нѣкогда убивали престарѣлыхъ родственниковъ. И въ настоящее время у цивилизованныхъ народовъ простой народъ совершенно иначе смотритъ на смерть своего ребенка, чѣмъ болѣе обезпеченный членъ высшихъ клдссовъ. У послѣдняго смерть ребенка вызываетъ, обыкновенно, горесть, между тѣмъ какъ крестьянинъ нерѣдко благодаритъ Бога, что онъ прибралъ его ребенка, потому что кормить его нечѣмъ.

Такимъ образомъ, развитіе общества пошло отъ семьи. Какова бы ни была первоначальная организація семьи, все таки она была первымъ союзомъ. Но мы сдѣлаемъ ошибку, если будетъ смотрѣть на семью, какъ на зародышъ, изъ котораго естественнымъ порядкомъ развитія вырабатывалась сложная форма государства. Правда, семья есть первый по времени союзъ, но это еще не значитъ, что она была заро-

дышемъ, въ которомъ, какъ въ зернѣ, заключались всѣ тѣ элементы, которые необходимы для развитія болѣе широкой жизни. Семья такого зародыша не представляетъ; она далеко не заключаетъ всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые впослѣдствіи развиваются въ болѣе благоустроенномъ общественномъ союзѣ. Нужно было, чтобы прошло очень значительное время, въ теченіи котораго семья потеряла бы свою первоначальную замкнутость, и люди соединились не на основаніи кровнаго родства, а на другихъ, и именно: на основаніи единства мѣста жительства, общихъ интересовъ, единства языка, обычаевъ, нравовъ и т. под. Что семья не предславляетъ зародыша позднѣйшаго общества, въ которомъ скрыты всѣ его элементы, это видно изъ разсмотрѣнія свойствъ семьи.

Въ древней семьѣ все сводится къ весьма грубой и чисто деспотической власти главы семейства надъ женою и надъ дѣтьми. Понятно, что на основаніи этого начала, не можетъ возникнуть благоустроеннаго общежитія. Затѣмъ, первоначальная семья отличалась крайнею замкнутостью, которая условливалась между прочимъ и особенною домашнею религіею, которая составляла тайну для постороннихъ. Этой замкнутости первоначальной семьи соотвѣтствовала и особенная нравственность, въ силу которой любили и уважали членовъ только своей семьи, а всѣхъ постороннихъ считали врагами. Нужно, чтобы эта замкнутость потеряла силу, а для этого необходимо, чтобы первоначальныя грани семьи, слишкомъ тѣсныя, расширились, и человѣкъ вышелъ на болѣе широкую арену общежитія. Наконецъ и нравственныя отношенія между членами семьи вовсе не таковы, чтобы на нихъ могло основаться болѣе широкое общежитіе. Въ семьѣ замѣчается нетерпимость: все свое хорошо, чужое—дурно. Такимъ образомъ, тѣ начала, на которыхъ живетъ семья, вовсе не пригодны для того, чтобы положить ихъ въ основаніе бѣлѣе широкаго общежитія; семья вовсе не есть зародышъ, заключающій въ себѣ элементы послѣдующихъ болѣе и болѣе широкихъ союзовъ. Правда, посслѣдующіе союзы развились изъ семьи, но уже послѣ того, какъ первоначальная замкнутость семьи въ силу общенія людей, на основаніи единства ихъ мѣста жительства, единства языка, нравовъ, обычаевъ и т. под., была поколеблена. Тѣ нравственныя и соціальныя начала, на которыхъ развилось общество въ широкомъ смыслѣ, возникли такимъ образомъ не въ семьѣ, а помимо ея, въ силу соединенія людей на болѣе свободныхъ основаніяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИСТОРІЯ ПРАВА ПРИ КНЯЗЬЯХЪ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Источники права.

Литература. Эверсъ, Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen, 1814. Митрополитъ Евгеній, Описаніе кіево-софійскаго собора, 1825.

Эверсъ, Das älteste Recht der Russen, 1826.

Рейцъ, Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, 1836.

Баронъ Розенкампфъ, Обозрѣніе Кормчей, 1839.

Неволинъ, Внѣшняя исторіи законодательства въ Россій, 1840 г. (Энциклоп. II-й т.); О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра В., 1847; О собраніяхъ и ученомъ обработываніи церковныхъ законовъ въ Греціи и Россіи, 1859 (Пол. Соб. соч. Т. 6.).

Григорьевъ, О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами золотой орды русскому духовенству, 1842.

Рождественскій, Разсужденіе о вліяніи греко-римскаго права на россійскіе гражданскіе законы, 1843.

Тобинъ, Sammlung kritisch bearbeiteter Quellen der Geschichte des russischen Rechtis, 1844.

Калачовъ, Изслѣдованіе о Русской правдѣ, 1846.

Погодинъ, О договорахъ русскихъ князей съ Греками (Изслѣдованіе), 1846.

Рождественскій, Обозрѣніе внѣшней исторіи русскаго законодательства, 1848.

Калачовъ, О значеніи Кормчей, 1850.

Срезневскій, Рядная запись съ печатью XIII в., 1851. Неизвѣстнаго автора, О первоначальномъ составѣ славянской Кормчей книги, Христ. чтеніе за 1851 г., т. I.

Лавровскій, О византійскомъ элементѣ въ договорахъ Русскихъ съ Греками, 1853.

Срезневскій, О договорахъ кн. Олега съ Греками, Изв. Им. Ак. Н. по отд. рус. яз. и слов., т. I, стр. 309 и сл., 1852, т. III, стр. 257 и сл., 1854.

Андревскій О договорѣ Новгорода съ Нѣмецкими городами 1270 г., 1855.

Энгельманъ, Гражданскіе законы Псковской судной грамоты, 1855.

Устряловъ, Изслѣдованіе Псковской судной грамоты 1855.

Пановъ, Изслѣдованіе о Новгородской судной грамотѣ, 1856 (Сборн. студент. Спб универ.).

Срезневскій, Древнѣйшія договорныя грамоты Новгорода съ Нѣмцами 1199 и 1263 г., Изв. Им. Ак. Н. по отд. Рус. яз. и слов., т. VI' стр. 153, 1857.

Чичеринъ, О княжескихъ духовныхъ и докончальныхъ грамотахъ. 1858 (Опыто).

Энгельманъ, Хронологическія изслѣдованія въ области русской и ливонской исторіи въ XIII и XIV стол., 1858.

Ланге, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды. 1860.

Срезневскій, Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ, 1862.

Лентовичъ, Русск. Правда и Литовскій статутъ. Кіев. университ. извѣст. 1855. Прилож. ко II т. Зап. Им. Ак. Н., № 4.

Макарій, Исторія русской церкви, 1866 г., втор. изд. 1873 г.

Ундольскій, Описаніе рукописей Москов. Синод. библіотеки, Чтен. въ общ. Ист. и др. Рос., 1867, кн. 2, и Правосл. Сотесѣд. 1860, ч. II. ст. 206—18, 306—38.

Ак. Куникъ, Русско-Ливонскіе акты, 1868.

Дюверниуа, Источники права и судъ въ древней Россіи, 1869.

Павловъ, Первональный славяно-русской Номоканонъ 1869.

Леонтовичъ, Исторія русскаго права. В. I. 1869.

Сокольскій, О договорахъ Олега съ Греками, 1870 (Кіев. унив. изв.).

Владимірскій-Будановъ, Христоматія по исторіи русскагр права, 1872—6.

Самоквасовъ, Истор. русск. права Вып. I. Литература. Источники. Методъ, ученой разработки источниковъ. 1878.

Васильевскій, Законодательство иконоборцевъ. Ж. М. Н. Пр. 1878, № 10 и сл.

Бережковъ, О торговлѣ Руси съ Ганзой, 1879.

Бѣляевъ, Лекціи по исторіи русскаго законательства, 1879.

Голубинскій, Исторія русской церкви, т. I, 1880.

Сергѣевичъ, Опыты изслѣдованія обычнаго права, 1882 г. (Наблюдатель, кн. 1 и 2); Греческое и русское право въ договорахъ съ Греками, 1882 (Ж. М. Н. Пр., кн. 1). Историки: Карамзинъ, Соловьевъ, Бестужевъ.

Подъ источниками права можно разумѣть тѣ силы, которыя производятъ право. Съ этой точки зрѣнія источникомъ права будетъ, напримѣръ, законодательство, какъ сила, создающая законъ, Нно подъ источникомъ права можно разумѣть и продуктъ этой силы, въ данномъ случаѣ самый законъ; это на томъ основаніи, что судья беретъ норму для рѣшенія извѣстнаго случая прямо изъ закона, который является для него источникомъ права отдѣльныхъ лицъ.

Эти двѣ точки зрѣнія не исключаютъ, а взаимно пополняютъ одна другую. Второе воззрѣніе имѣетъ дѣло съ готовыми уже нормами, на основаніи которыхъ разрѣшаются сталкивающіяся притязанія сторонъ. Первое идетъ глубже, къ самому источнику этихъ нормъ, и имѣетъ цѣлью показать, какъ возникли эти нормы.

Для историка обѣ точки зрѣнія одинаково обязательны. Онъ не можетъ ограничиться однимъ только собираніемъ нормъ обычнаго или законодательнаго права, онъ долженъ остановиться и на самомъ порядкѣ ихъ возникновенія.

Для исторіи нашего древнѣйшаго, а можетъ быть и всякаго древнѣйшаго права, выясненіе этого порядка имѣетъ особенное значеніе. Продуктовъ дѣятельности, созидающихъ право силъ, отъ этого времени сохранилось очень немного. Право, дѣйствовавшее въ глубокой древности, вовсе не можетъ быть возстановлено во всей его полнотѣ. Мы можемъ составить себѣ опредѣленное понятіе только о нѣкоторыхъ сторонахъ древняго юридическаго быта. Этотъ недостатокъ свѣдѣній по древнему праву можетъ быть нѣсколько восполненъ общей характеристикой творческихъ силъ, его созидавшихъ. Очерки самого права, конечно, не сдѣлаются отъ этого полнѣе; но общее состояніе юридическаго быта значительно выяснится.

Уяснивъ вопросъ, какіе въ данное время существуютъ источники права, мы этимъ самымъ облегчаемъ себѣ разъясненіе самого права, мы узнаемъ, за что взяться, какіе памятники нужно собрать, чтобы получить представленіе о дѣйствующемъ въ то время правѣ. Эти силы, созидающія право, въ разное время различны и стоятъ въ связи со всѣмъ бытомъ общества.

Отъ источниковъ права надо различать источники исторіи права. Подъ этимъ послѣднимъ названіемъ разумѣютъ всѣ письменные памятники, въ которыхъ можно найдти указаніе на дѣйствовавшее въ извѣстное время право. Сюда от-

носятся, напримѣръ, лѣтописи, разсказы современниковъ, разные сборники юридическаго матеріала, разные юридическіе акты, какъ, напримѣръ: судные списки, духовныя завѣщанія, разныя грамоты и пр.

I. Обычай.

Подъ обычаемъ разумѣется такое право, нормы котораго примѣняются къ отдѣльнымъ случаямъ въ силу согласнаго убѣжденія дѣйствующихъ лицъ въ необходимости подчиняться имъ. Имѣя источникомъ согласное убѣжденіе отдѣльныхъ лицъ, обычай не имѣетъ личнаго происхожденія, онъ *безличенъ*, въ противоположность закону, который всегда издается опредѣленнымъ законодателемъ; обычай выходитъ изъ народа, какъ безличной массы, всѣ такъ думаютъ и всѣ такъ поступаютъ. Будучи безличнымъ, обычай не имѣетъ опредѣленнаго видимаго начала; мы можемъ замѣтить его существованіе только тогда, когда онъ уже сложился, когда люди уже дѣйствуютъ сообразно съ нимъ. Наличность обычая проявляется въ томъ, что извѣстныя юридическія дѣйствія совершаются постоянно по единообразной нормѣ. Напримѣръ: вступленіе въ бракъ въ извѣстной мѣстности совершается при соблюденіи извѣстныхъ, постоянно повторяющихся условій и формъ, слѣд., этимъ актомъ управляютъ однѣ и тѣ же нормы. Такъ, отъ единообразныхъ дѣйствій, постоянно повторяемыхъ въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ, мы приходимъ къ убѣжденію о существованіи единообразныхъ нормъ, которыя осуществляются въ этихъ дѣйствіяхъ. Чтобы доказать, что въ данное время дѣйствуетъ извѣстный обычай, нужно привести рядъ единообразныхъ дѣйствій, опредѣляемыхъ однимъ какимъ либо юридическимъ началомъ. Это одинъ способъ. Но если нельзя собрать такого ряда, въ такомъ случаѣ его можетъ замѣнить свидѣтельство достовѣрныхъ людей. Если нѣтъ повода думать, что свидѣтельствующее лицо говоритъ ложно, то его показаніе можетъ имѣть совершенно такое же значеніе, какъ и рядъ единообразныхъ дѣйствій.

Теперь нужно остановиться на чисто историческомъ вопросѣ, какъ возникаетъ обычай.

Научный вопросъ о происхожденіи обычаевъ давно уже занимаетъ западно-европейскую мысль. За попытки разъясненія его современная наука всего болѣе обязана Германіи. Тамъ возникли всѣ главныя ученія по этому предмету, сдѣ-

лавшіяся въ свое время достояніемъ всего образованнаго міра; тамъ же появлялись и первыя сомнѣнія въ истинѣ господствующихъ теорій.

Въ первой половинѣ текущаго столѣтія писатели нѣмецкой исторической шлолы произвели цѣлый переворотъ въ ученіи объ обычномъ правѣ. Творцомъ новой теоріи, завоевавшей себѣ чрезвычайно почетное мѣсто въ наукѣ, былъ Георгъ Фридрихъ Пухта. Въ своемъ сочиненіи объ обычномъ правѣ (Das Gewohnheitsrecht, 1828—37 г.) онъ не только даетъ новую теорію возникновенія юридическихъ обычаевъ, но и установляетъ тѣсную связь съ обычаемъ другихъ, имъ указанныхъ, источниковъ права, а имѣнно: законадательства и дѣятельности юристовъ. Благодаря Пухтѣ, все ученіе объ источникахъ получило единство и невиданную дотолѣ стройность. Въ противоположность господствовавшему до него воззрѣнію, по которому обычное право возникало въ силу *привычки* поступать извѣстнымъ образомъ, Пухта доказывалъ, что привычка, проявляющаяся въ согласныхъ дѣйствіяхъ, есть только *знакъ* существующаго вь народѣ правоваго убѣжденія, что обычное право есть непосредственный продуктъ этого народнаго убѣжденія, согласныя же дѣйствія служатъ только для распознаванія даннаго уже въ народномъ духѣ права.

„Есть форма возникновенія права, говоритъ онъ, которую можно назвать *непосредственной*, такъ какъ право является здѣсь *національнымъ убѣжденіемъ* о правовой свободѣ. Это естественное право и проявляется естественнымъ образомъ, именно чрезъ посредство вліянія, оказываемаго народнымъ убѣжденіемъ на дѣйствія отдѣльныхъ членовъ народа“ (I т., 9). И далѣе: „Существо обычнаго права состоитъ въ томъ, что оно вытекаетъ изъ естественнаго совпаденія убѣжденій, которое зиждется не на внѣшней основѣ даннаго закона, не на внутренней основѣ научнаго убѣжденія и вообще не на какой либо *сознательной* основѣ, а на естественномъ единствѣ смысла (Sinnesverwandschaft) народа, коего общее убѣжденіе и есть право“ (79).

Такимъ образомъ, отдѣльныя дѣйствія, въ которыхъ обнаруживаются обычаи, не созидаютъ права: право предшествуетъ всякимъ дѣйствіямъ, оно всецѣло дано въ народномъ духѣ. Отсюда, отдѣльный человѣкъ имѣетъ правовое убѣжденіе не какъ единица и даже не какъ членъ семьи, а только, какъ членъ народа; а въ каждомъ членѣ народа дѣйствуетъ непосредственное народное убѣжденіе (139 и слѣд.).

Таково происхожденіе юридическихъ обычаевъ: они появляются, какъ выраженіе непосредственнаго народнаго убѣжденія о правѣ.

Но и другіе источники права: законодательство и дѣятельность юристовъ имѣютъ тотъ же корень. Государственная власть есть только внѣшній органъ для выраженія общей воли народа. Она должна распознать эту общую волю и выразить. Она дѣлаетъ это путемъ законодательства, которое опредѣляетъ, въ чемъ состоитъ народное убѣжденіе о правѣ; это опредѣленіе и есть законъ. Дѣятельность законодателя носитъ, сравнительно съ обычаемъ, болѣе формальный характеръ: законодатель не можетъ имѣть своего особаго правоваго сознанія, онъ беретъ его изъ народнаго духа (145).

Третій источникъ, ученая дѣятельность юристовъ, представляется на первый взглядъ не народнымъ. Научное убѣжденіе человѣкъ имѣетъ не какъ членъ народа, но какъ особь; такимъ образомъ, народный духъ не является здѣсь творческой силой. Но, говоритъ Пухта, наука права имѣетъ дѣло съ національнымъ предметомъ, поэтому она станетъ только тогда дѣйствительно наукой, когда будетъ разсматривать свой предметъ, какъ народный; это и значитъ разсматривать его „въ его истинѣ". Только въ этомъ случаѣ, наука будетъ имѣть производительную силу. Юристы, если хотятъ имѣть вліяніе на образованіе права, должны, дѣйствовать, какъ представители народа (165 сл.).

Такимъ образомъ, всякое право національно и настоящій его источникъ одинъ—народное убѣжденіе (1,43).

Это ученіе, возводящее разнообразные источники права къ единому началу, не могло не найти сочувствія въ такой философской странѣ, какова Германія. Помимо внѣшней своей стройности, оно было симпатично Нѣмцамъ и своимъ народнымъ духомъ. Несмотря на возраженія, которыми была встрѣчена эта теорія противниками, и на нѣкоторыя (весьма, впрочемъ, существенныя) поправки, съ которыми она усвоена сторонниками, она можетъ быть разсматриваема, какъ господствующая и въ наше время. Масса учебниковъ (по пандектному праву, по исторіи нѣмецкаго права и пр.) отправляется отъ идей Пухты. Всякое новое спеціальное изслѣдованіе объ источникахъ права непремѣнно останавливается на провѣркѣ его теоріи [1]).

[1]) Напримѣръ: Lüders. Das Gewohnheitsrecht auf dem Gebiete der Vergaltung, 1863; Adickes, Zur Lehre von den Rechtsquellen, 1872; Schwanert, Gesetz und Gewohnheit, 1873.

Сдѣлавшись достояніемъ нѣмецкой школы, это ученіе перешло и къ намъ. Совершенно въ духѣ школы и наша ученая литература нерѣдко проводитъ то мнѣніе, что обычныя правила инстиктивны, что они проявляются помимо индивидуальнаго сознанія, какъ непосредственное, инстинктивное чувство правды (Ж. М. Н. Пр., 1879 года, № 7, стр. 150). Славянофильское воззрѣніе на народъ, какъ на хранилище народной правды, стоитъ въ самой тѣсной связи съ этой нѣмецкой теорідй. Между нѣмецкимъ ученіемъ и славянофильскимъ, можетъ быть, есть даже генетическая связь: наши славянофилы воспитались на нѣмецкой наукѣ, а она прежде ихъ высказалась за народность въ правѣ.

Теорія Пухты, хотя она возникла и на исторической почвѣ, не можетъ быть, однако, названа дѣйствительно исторической. Исторія представляетъ значительное разнообразіе силъ, созидавшихъ право въ разныя историческія эпохи, смотря по особенностямъ этихъ эпохъ. Пухта не ставитъ себѣ задачей выясненіе историческаго процесса развитія источниковъ. Онъ даетъ общую теорію для настоящаго; эту теорію онъ выводитъ, какъ результатъ всего предшествовавшаго юридическаго развитія Германіи (предисловіе). Исторія является здѣсь пособіемъ, а не предметомъ изслѣдованія. Въ результатѣ получается не выясненіе измѣнчивыхъ историческихъ формъ, а философское обобщеніе долженствующаго быть. Философскій элементъ выступаетъ преобладающимъ даже въ частностяхъ изслѣдованія. Утверждая, что государственная власть есть органъ выраженія *общей воли* народа, Пухта очевидно стоитъ на почвѣ раціоналистической философіи и только повторяетъ извѣстное положеніе Руссо. Да и основная точка отправленія—бытіе единаго народнаго убѣжденія—нигдѣ не доказывается, какъ положительный историческій фактъ, а имѣетъ значеніе только философски объединяющаго предположенія.

Вліяніе Пухты на нѣмецкую науку было, однако, такъ велико, что его теорія легла въ основаніе и чисто историческихъ работъ. Варнконигъ, приступая къ выясненію фландрскихъ источниковъ права въ XII и XIII в., говоритъ: если мы желаемъ имѣть вѣрное представленіе объ источникахъ права этого отдаленнаго времени, то должны свести ихъ къ открытымъ въ наше время наукою, тремъ основнымъ формамъ: обычаю, законодательству и дѣятельности юристовъ (Т, I, стр. 385 сл.). Варнкönигъ отправляется отъ той мысли,

что эти формы, какъ условливаемыя самою природою вещей, должны существовать въ каждомъ юридическомъ быту. При такомъ направленіи исторической работы, легко могутъ быть опущены характерныя особенности эпохи, и читатель, вмѣсто изображенія фландрскихъ источниковъ, легко можетъ получить только отраженіе теоріи Пухты.

Правильная точка зрѣнія на источники права въ ихъ историческомъ развитіи прямо противоположна той, которой держится Варнёникъ, слѣдуя установившимся въ нѣмецкой наукѣ воззрѣніямъ. Три источника, указанныхъ Пухтой никакъ не составляютъ принадлежности всякаго юридическаго быта. Есть эпохи, когда право образуется силою одного только источника, напримѣръ, обычая. Только съ теченіемъ времени, къ дѣйствію его присоединяются и другіе. Число источниковъ, извѣстныхъ исторіи, не исчерпывается тремя. Оно можетъ быть и больше. Взаимное отношеніе ихъ не всегда то, какое указано Пухтой.

Древнѣйшее право каждаго народа создается обычаемъ. Обычай является первымъ, по времени, источникомъ и нѣкоторое время—единственнымъ. Продолжительность этого времени не поддается сколько нибудь точному опредѣленію; можно только думать, что прошли цѣлыя столѣтія прежде, чѣмъ къ дѣйствію обычая присоединилось дѣйствіе другихъ источниковъ.

Какъ же возникаетъ обычное право?

Старая школа говоритъ, что оно возникаетъ изъ привычки поступать извѣстнымъ образомъ. Новая—допускаетъ, что отдѣльный человѣкъ, часто поступая извѣстнымъ образомъ, можетъ, наконецъ, получить привычку дѣствовать именно такъ, а не иначе; но находитъ совершенно немыслимымъ, чтобы изъ повторенія отдѣльныхъ дѣйствій, въ основѣ которыхъ нѣтъ ничего общаго, могло возникнуть общее народное убѣжденіе о правѣ, а потому считаетъ необходимымъ принять, что въ основѣ согласныхъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ лежитъ не только ихъ личное (безсознательное) убѣжденіе, но и общенародное (Пухта, 170). Привычка, съ этой точки зрѣнія, предполагаетъ уже существованіе нѣкоторой общей юридической нормы, лежащей въ сознаніи народа. Эта норма, опредѣляя характеръ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, и созидаетъ обычное право. Сила, производящая обычай, есть, слѣдовательно, народное сознаніе, которому, естественно, соотвѣтствуетъ народное (національное) право.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб. Вас. Остр., 2 л., 7.

Ээо воззрѣніе назвали мы не историческимъ. Дѣйствительно, историческіе памятники древнѣйшаго времени не знаютъ обычаевъ, которые были бы дѣйствующимъ правомъ цѣлаго народа; они имѣютъ дѣло съ дробными обычаями отдѣльныхъ мѣстностей, которые являются объединенными въ предѣлахъ одного или нѣсколькихъ племенъ, а никакъ не цѣлаго народа. Нашъ начальный лѣтописецъ различаетъ, напримѣръ, обычаи полянъ отъ обычаевъ древлянъ; у радимичей, вятичей и сѣверянъ онъ находитъ одинъ обычай, но этотъ обычай не во всемъ совпадаетъ съ обычаями двухъ прежде названныхъ племенъ. Тоже явленіе представляетъ и Германія. Каждое отдѣльное германское племя живетъ и судится на основаніи своего племеннаго права. Древніе источники не знаютъ обще-германскаго права, имъ извѣстно только право отдѣльныхъ племенъ: франковъ салическихъ, рипуарскихъ и т. д. Между обычными правами отдѣльныхъ племенъ встрѣчаются нѣкоторыя сходства въ частностяхъ. Но такія отдѣльныя сходства можно найти и между правами совершенно различныхъ народовъ. Эти сходства, слѣдовательно, нѣтъ надобности выводить изъ единства народнаго духа. Съ дальнѣйшимъ движеніемъ исторіи, право отдѣльныхъ германскихъ племенъ объединяется; но это объединеніе вовсе не есть результатъ возникновенія самостоятельнаго обще-германскаго права, которое явилось бы выразителемъ общенароднаго убѣжденія германцевъ; объединеніе достигнуто путемъ побѣды племеннаго права салическихъ франковъ надъ правами другихъ германскихд племенъ (Rudolph Sohm, Fränkishes Recht und Römisches Recht, 1880 г.).

Это несоотвѣтствіе теоріи съ историческими фактами давно было замѣчено нѣмецкими учеными и вызвало нѣкоторыя поправки къ господствующему ученію. Такъ, напримѣръ, Кирульфъ согласенъ, что въ основаніи обычая лежитъ „общее мнѣніе“, но не цѣлаго народа, говоритъ онъ, а опредѣленнаго круга людей (Theorie des gemeinen Civilrechts, 1839, стр. 9 сл.). Эта поправка подрываетъ всю теорію. „Опредѣленный кругъ людей“ есть нѣчто совершенно неопредѣленное; у этого-то неопредѣленнаго субъекта мы должны предполагать свое общее мнѣніе о правѣ. Откуда же оно? Почему одинъ кругъ людей проникнутъ однимъ общимъ убѣжденіемъ, а другой—другими? Сторонники *общенароднаго* убѣжденія, въ доказательство своей мысли, приводятъ сравненіе: общее убѣжденіе о правѣ говорятъ они, также точно присуще народу, какъ и народ-

ная рѣчь. Въ пользу общаго мнѣнія о правѣ у „опредѣленнаго круга лицъ“ нельзя привести даже этого, въ сущности ничего не доказывающаго, сравненія.

Древніе памятники, какъ мы видѣли, говорятъ о племенныхъ обычаяхъ. Не слѣдуетъ ли понятіе племени поставить вмѣсто понятія народа (націи) и выводить обычаи изъ общеплеменнаго убѣжденія о правѣ? Тоже нѣтъ. Какое либо убѣжденіе и, слѣдовательно, убѣжденіе о правѣ можетъ имѣть только отдѣльный человѣкъ. Объ убѣжденіи народа или племени можно говорить только, какъ о суммѣ убѣжденій отдѣльныхъ лицъ.

Изъ индивидуальнаго убѣжденія, проявляющагося въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ, и надо выводить обычное право, а слѣдовательно и первое право, возникшее въ исторіи.

Но обычное право есть нѣкоторая совокупность общихъ нормъ, исполненіе которыхъ считается обязательнымъ, бытіе этихъ нормъ проявляется въ рядѣ единообразныхъ дѣйствій. Какъ же могли возникнуть такія общія нормы изъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, выражающихъ только ихъ индивидуальное убѣжденіе и, можетъ быть, вовсе между собой несогласныхъ?

Общія нормы возникаютъ изъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ не всегда и не непремѣнно, а только при наличности нѣкоторыхъ благопріятныхъ для того условій. Разные люди, приединствѣ интересовъ и сходствѣ условій жизни, могутъ въ одинакихъ случаяхъ поступать одинаково. Одинакіе поступки являются вслѣдствіе сходства характеровъ, потребностей и всей обстановки жизни. Если условія дѣятельности этихъ людей, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, остаются тѣ же, является послѣдовательный рядъ одинакихъ дѣйствій въ одинакихъ случаяхъ. Первоначально эти согласныя дѣйствія совершенно совпадаютъ съ волею дѣйствующихъ лицъ и прямо ею условливаются. Но по мѣрѣ ихъ накопленія, они сами начинаютъ оказывать давленіе на волю и опредѣлять ея направленіе. Этому способствуетъ, съ одной стороны, желаніе оставаться вѣрнымъ самому себѣ (разъ принятому способу дѣйствія), съ другой — примѣръ другихъ людей. Возрастающія поколѣнія, прежде чѣмъ начнутъ дѣйствовать самостоятельно, наблюдаютъ дѣйствія старшихъ; ихъ личная воля слагается подъ вліяніемъ установившихся уже способовъ дѣйствія. „Такъ поступали отцы наши, такъ поступаемъ и мы“, — это общечеловѣческая черта. Нежеланіе выдѣляться своими дѣйствіями изъ среды другихъ людей — имѣетъ весьма

важное вліяніе на поступки человѣка. Русская пословица недаромъ говоритъ: впередъ людей не забѣгай, а отъ людей не отставай! или: какъ люди, такъ и мы! Не нами уставилось, не нами и переставится. Обязательность обычая возникаетъ, слѣдовательно, въ силу присущаго человѣку свойства слѣдодовать разъ намѣченному пути. Тутъ есть что-то общее съ свойствомъ физическихъ тѣлъ, извѣстнымъ подъ именемъ инерціи.

Что привычка (обыкновеніе, die Gewohnheit, als solche) можетъ порождать правовыя нормы, это допускаютъ и послѣдователи господствующей школы, хотя и съ важными ограниченіями. Такъ, напримѣръ, Сивиньи, различая общія основы положительнато права, неспосредственно содержащіяся въ народномъ сознаніи, отъ опредѣленій частностей, относительно безразличныхъ, коковы сроки, внѣшняя форма юридическихъ сдѣлокъ и т. п.,—по отношенію къ этимъ частностямъ признаетъ творческую силу обыкновенія. Онѣ, по его мнѣнію, не даны въ народномъ сознаніи, а возникаютъ силу закона континуитета человѣческихъ поступковъ (Systym, 1830, I, § 12).

Итакъ, обычное право возникаетъ благодаря дѣйствію двухъ силъ. Во-первыхъ, индивидуальнаго сознанія насущныхъ интересовъ чековѣка, подъ вліяніемъ котораго опредѣляется тотъ или другой способъ его дѣйствія. Это начало самоопредѣленія (автономіи). Въ его основѣ—личный интересъ, личное усмотрѣніе о томъ, что̀ должно быть при данныхъ условіяхъ, а не отвлеченная идея правды или справедливости. Но самоопредѣленіе само по себѣ не творитъ еще обычнаго права. Изъ него возникаютъ только отдѣльныя дѣйствія, извѣстная практика. Если дѣйствія личной воли разныхъ лицъ будутъ одинаковы въ одинаковыхъ случаяхъ и ихъ накопится значительная масса, возникаетъ вторая сила, побуждающая всѣхъ знающихъ о существованіи извѣстнаго образа дѣйствія, извѣстной практики — дѣйствовать также (Adickes, 52, 90). Это инертная сила обыкновенія. Образъ дѣйствія, избранный нѣкоторыми, всегда болѣе энергическими людьми, становится общею нормою, обычаемъ, благодаря тому, что другіе привыкаютъ, болѣе или менѣе пассивно, дѣйствовать также. Нѣкоторая практика переходитъ въ повальный обычай потому, что путемъ пассивнаго подражанія дѣйствіямъ передовыхъ людей слагается, наконецъ, и общее убѣжденіе о необходимости всѣмъ дѣйствовать именно такъ, а не иначе.

Обычай идетъ не отъ общаго, а отъ индивидуальнаго убѣжденія, но становится болѣе или менѣе общимъ. Говоримъ „болѣе или менѣе“ потому, что убѣжденіе каждаго, исполняющаго обычай, въ истинности, справедливости и разумности его основаній вовсе не нужно для дѣйствія обычая. Нужно только общее убѣжденіе въ необходимости дѣйствовать согласно съ господствующей практикой. При этомъ условіи люди будутъ подчиняться обычаю, хотя лично тотъ или другой изъ нихъ можетъ и не имѣть соотвѣтствующаго убѣжденія. „Повальный обычай, что́ царскій указъ“ говоритъ русская пословица, т. е. обычай также обязателенъ, также связываетъ волю, какъ и указъ. Но исполненіе указа не стоитъ въ зависимости отъ личныхъ убѣжденій исполняющаго о правѣ и справедливости. Точно также и исполненіе обычая обязательно, независимо отъ того, убѣжденъ ли исполняющій въ его пригодности, или нѣтъ. „Противъ обычая не спорь!“ говоритъ другая пословица, т. е. исполняй обычай, хотя бы онъ казался и неумѣстнымъ.

Наличность соотвѣтствующаго убѣжденія всѣхъ и каждаго не есть необходимое условіе дѣйствія обычая. Но отсутствіе такого убѣжденія есть зерно разрушенія сложившагося обычая. Люди слабые будутъ дѣйствовать по обычаю, хотя и не убѣждены въ его цѣлесообразности; наоборотъ, люди энергическіе могутъ возстать противъ пассивнаго подчиненія обычаю, не соотвѣтствующему ихъ воззрѣніямъ. Дѣйствуя по своему, изо дня въ день нарушая обычай, они могутъ положить начало образованію новаго обычая, который, съ теченіемъ времени и при наличности благопріятныхъ условій, можетъ вытѣснить старый. „На обыкъ есть перевыкъ“, говоритъ русскій народъ, или: „быкъ, да и тотъ отвыкъ!“

Возникновеніемъ обычнаго права изъ индивидуальнаго усмотрѣнія, путемъ навыка, объясняются и многія особенности этого права. Обычное право возникаетъ не въ народѣ (націи) и даже не въ племени, а въ каждой группѣ людей, ведущихъ совмѣстную жизнь и имѣющихъ возможность вліять другъ на друга своими дѣйствіями. „Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай“, говоритъ русская пословица, или еще рѣзче: „у Сидора обычай, а у Карпа—свой“. Эти пословицы выражаютъ всемірный фактъ. Ограничимся еще только однимъ примѣромъ. Во Фландріи, говоритъ Варикёнигъ (385), до самаго присоединенія ея къ французской республикѣ, не было общихъ обычаевъ; эта страна знала только мѣстныя права. Такъ на-

зываемое jus commune Flandriae, до введенія римскаго права, состояло изъ нѣкоторыхъ общихъ основныхъ началъ, которыя совершенно также встрѣчаются и во всѣхъ другихъ странахъ.

Эти явленія необъяснимы съ точки зрѣнія общенароднаго убѣжденія, но совершенно понятны съ нашей. Если условія жизни не одинаковы, въ предѣлахъ одного и того же народа и даже племени могутъ возникнуть разные обычаи. Объединеніе ихъ возможно только послѣ долгой совмѣстной исторической жизни и при наличности особенно благопріятныхъ для того условій. Если такихъ условій не будетъ, исторія одного и того же народа и даже болѣе мелкихъ, племенныхъ и мѣстныхъ его подраздѣленій должна будетъ имѣть дѣло съ совершенно разными началами права. Наоборотъ, при сходствѣ условій жизни, сходные обычаи могутъ возникнуть у народовъ вовсе не родственныхъ и не имѣвшихъ случая оказывать какое либо вліяніе другъ на друга.

Если обычай идетъ отъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, то понятно, что первыми дѣятелями обычнаго права были люди энергическіе и сильные, а первоначальное обычное право— правомъ сильнаго. При отсутствіи общественныхъ учрежденій, которыя опредѣляли бы права частныхъ лицъ и охраняли ихъ, опредѣленіе и охраненіе правъ въ началѣ исторіи было дѣломъ частнаго усмотрѣнія. Въ то время, какъ слабый человѣкъ поневолѣ долженъ былъ уступать сильному, сильный мстилъ за нанесенную ему обиду и обращалъ слабаго врага въ рабство. Такъ возникли эти два общечеловѣческія учрежденія: месть и рабство. Эти институты древнѣйшаго права, но это право есть право сильнаго и безправіе слабаго. Кто отъ природы былъ поставленъ въ наименѣе благопріятныя условія, чтобы отстоять свою личность, тотъ имѣлъ право лишь настолько, насколько это нравилось сильному. Въ связи съ этимъ, во всѣхъ первоначальныхъ обществахъ, стоитъ зависимое положеніе женщинъ и почти безправное положеніе малолѣтнихъ дѣтей. Отъ воли отца зависѣло признать за новорожденнымъ право на существованіе или нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ, онъ могъ оставить его на произволъ судьбы и даже убить. Почему? Такъ ему нравилось при данныхъ условіяхъ, и это было его право.

Отдѣльныя дѣйствія предшествуютъ образованію нормъ обычнаго права. Для того, чтобы образовался обычай, связывающій частную волю, въ памяти людей долженъ уже накопиться на столько значительный матеріалъ сходныхъ преце-

дентовъ, чтобы воля была подавлена этимъ матеріаломъ. Только при этомъ условіи возникаетъ „повальный обычай“, обязательный, по русской пословицѣ, какъ царскій указъ. Обычай, слѣдовательно, при всей его древности, не есть первоначальная норма, которою управляются дѣйствія людей. Что же было до обычая? Автономныя дѣйствія, самоопредѣленіе въ формѣ самоуправства. Отсюда, въ начальной исторіи права каждаго общества надо предполагать великую безурядицу. Ясные слѣды этого первоначальнаго порядка вещей можно наблюдать въ историческія времена и притомъ весьма уже позднія.

И царскій указъ не всегда строго исполняется. Рядомъ съ болѣе или менѣе точнымъ его опредѣленіемъ всегда можно встрѣтить частныя отступленія практики, вызываемыя, между прочимъ, домогательствомъ заинтересованныхъ лицъ. Такія отступленія составляютъ нарушеніе указа, въ которомъ проявляется однако торжество частной воли, стремящейся къ самоопредѣленію. Если указъ обходится, тѣмъ легче встрѣтить случаи обхода обычая, который вовсе не формулированъ и держится единственно соблюденіемъ. Отсюда, хотя обычай доказывается фактами его примѣненія къ случаямъ дѣйствительной жизни, но наличность дѣйствій, несогласныхъ съ обычаемъ, еще не можетъ быть приводима, какъ доказательство несуществованія самого обычая. „Можетъ быть господствующій обычай (повальный) и при наличности частныхъ перерывовъ и противорѣчій“ (Kierulf, 11).

Мы коснулись здѣсь самой слабой стороны всякаго обычнаго права. Если обычай, не всѣми и не всегда соблюдаемый, есть тоже обычай,—гдѣ же граница между обычаемъ сложившимся и отдѣльными автономными дѣйствіями, которыя могутъ перейти въ обычай, но еще не перешли? Твердой границы дѣйствительно нѣтъ. Въ періодъ господства обычнаго права, право установившееся и только возникающее, право дѣйствующее и вымирающее стоятъ всегда рядомъ и всегда могутъ быть перемѣшаны. Особенность этого періода состоитъ въ томъ, что тогда дѣйствуетъ не только право, которое мы называемъ положительнымъ (positives Recht) но и нѣжные побѣги еще только возникающаго права, еще нуждающагося въ общемъ признаніи, до котораго оно можетъ и не дорости. Въ древности не всякое дѣйствующее право есть положительное (Adickes, 30). Эта особенность отразилась и на порядкѣ древняго суда. Старые судьи не только примѣняли уже сложившееся и общепризнанное

право, но иногда и сами отыскивали его вновь. Нѣмецкіе шеффены, въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ обычай умалчиваетъ, должны были судить согласно тому, что́ *имъ казалось* наиболѣе справедливымъ и лучшимъ. Нѣтъ надобности думать, что шеффены въ этихъ случаяхъ всегда сочиняли право совершенно вновь; они могли и, конечно, дѣйствительно пользовались извѣстною имъ практикою, которая еще не успѣла перейти въ непререкаемый обычай. Ихъ личное участіе, въ большинствѣ случаевъ, состояло только въ выборѣ того именно способа дѣйствій изъ многихъ практиковавшихся, который наиболѣе совпадалъ съ ихъ личными воззрѣніями.

Здѣсь мѣсто упомянуть о мысли, высказанной Мэномъ (Ancient Law 1870), хотя мы и не можетъ присоединиться къ ней во всемъ ея объемѣ. „Появленію обычаевъ, говоритъ онъ, предшествуютъ судебныя сентенціи“ (5). И далѣе: „единственное авторитетное опредѣленіе о правѣ и неправдѣ—есть судебня сентенція, слѣдующая за фактомъ; преступленіе карается не потому, чтобы имъ было нарушено существующее уже право, а потому, что именно такъ вдохновила судью высшая сила въ самый моментъ суда. Мы поймемъ это, продолжаетъ онъ, если представимъ себѣ, что общество возникло изъ рода, гдѣ лицо, находясь подъ властью патріархальнаго деспотизма, управлялось не закономъ, а капризомъ“ (8). Что судебныя рѣшенія творятъ обычное право, это несомнѣнно, но чтобы они предшествовали появленію всякихъ обычаевъ, съ этимъ трудно согласиться. Прежде чѣмъ возникъ какой либо судъ и судебныя рѣшенія, были уже ряды дѣйствій самоопредѣленія, изъ которыхъ нѣкоторые получили значеніе обычая. Только при этомъ условія и могло возникнуть что либо похожее на судъ. Судебное рѣшеніе—явленіе болѣе высшаго порядка, чѣмъ тотъ, въ которомъ родились первые обычаи.

Въ теченіе предшествовавшаго изложенія мы не разъ имѣли случай приводить воззрѣнія западно-европейскихъ ученыхъ. Мы не задавались и не задаемся мыслью исчерпать всѣ ихъ особенности. Изъ старое и вовой литературы мы указали только главнѣйшія направленія. Въ дополненіе къ сказанному, мы остановимся еще на философскомъ воззрѣніи Аренса. Воззрѣніе это не имѣло сколько нибудь замѣтнаго вліянія на историческую разработку обычнаго права, но оно поучительно въ томъ отношеніи, что идетъ противъ слѣпаго поклоненія народнымъ обычаямъ.

Аренсъ (Juristiche Encyclopaedie, 1855, стр. 75 и сл., и

Naturrecht, 1870, т. I, стр. 322 и сл.) во многомъ находитъ правильными воззрѣнія Пухты, но усматриваетъ въ нихъ и существенные недостатки. Пухта, выводя обычное право изъ народнаго сознанія, не понялъ, по мнѣнію Аренса, *объективнаго* существа права и не успѣлъ выйти изъ сферы субъективнаго. Аренсъ задается мыслью поправить эту ошибку. Отъ формальнаго, положительнаго права онъ различаетъ право въ идеѣ, или идею права (die Rechtsidee). Это идеальное право не зависитъ ни отъ какой воли, оно выше всякой воли, какъ частной, такъ и общенародной, и дается самими жизненными отношеніями, иначе—природою вещи. Это и есть объективная норма права. Всякое положительное право есть только болѣе или менѣе совершенное выраженіе этого идеальнаго. Идеальное составляетъ внутреннюю *основу* (den inneren Rechtsgrund) всякаго положительнаго. Напримѣръ, понятіе человѣческой личности, которая, по причинѣ разумной своей природы, составляетъ сама для себя цѣль и можетъ разные объекты употреблять, какъ средства для удовлетворенія своихъ жизненныхъ цѣлей,—есть *основаніе* для всего вещнаго права и права по обязательствамъ; или для ребенка объективное основаніе его права на образованіе лежитъ въ томъ, что образованіе есть необходимое условіе разумнаго развитія жизни. Эти объективныя нормы, проникающія всѣ жизненныя отношенія, стремятся принять видимыя очертанія въ дѣйствительной жизни. Идеальное право переходитъ въ дѣйствительность при посредствѣ источниковъ права. Аренсъ признаетъ, что историческая школа сдѣлала основательныя изысканія въ области источниковъ, но онъ думаетъ, что она не различила двухъ существенныхъ факторовъ каждаго источника, вслѣдствіе чего самое понятіе источника остается до сего времени неяснымъ. Эти два фактора суть: *основаніе* (der Grund) права и дѣятельная его *причина*. Причина образованія обычнаго права всегда заключается въ волѣ и притомъ индивидуальной, а не народной. Обычай идетъ отъ проявленій воли отдѣльнывъ лицъ. Но обычай есть только форма возникновенія права, а не его *основаніе*. Основаніе не зависитъ отъ воли, оно дано уже природою жизненныхъ отношеній.

Отсюда, не всякое обыкновеніе можетъ имѣть притязаніе на прововое значеніе, ибо могутъ быть извращенные и безсмысленные обычаи, которое не должны дѣйствовать. Согласно съ этимъ, философъ установляетъ условія, при наличности которыхъ обычай долженъ получать юридическую силу. Это

будутъ: 1) Соотвѣтствіе обычаевъ съ природою жизненныхъ отношеніи. Здѣсь, говоритъ онъ, надо имѣть въ виду природу вещи, которой свойственна внутренняя необходимость. Далѣе 2) обычай долженъ быть установленъ въ убѣжденіи его правовой необходимости (einer rechtlichen Nothwendigkeit). Наконецъ, 3) обычай долженъ быть разуменъ и не долженъ нарушать добрыхъ нравовъ.

Такова предлагаемая Аренсомъ поправка къ господствующему ученію. Эта поправка представляется еще менѣе пригодной для обработки историческаго матеріала, чѣмъ сама теорія исторической школы. Утверждая, что обычай возникаетъ изъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, Аренсъ близко подходитъ къ исторической истинѣ, но эта истина совершенно ускользаетъ изъ его рукъ, благодаря проводимому имъ различію между субъективной причиной и объективнымъ основаніемъ. Философъ не можетъ успокоится въ области измѣнчиваго субъективизма, онъ стремится къ постоянному, вѣчному. Это вѣчное онъ находитъ въ природѣ жизненныхъ отношеній и совѣтуетъ, при оцѣнкѣ обычаевъ, имѣть въ виду „природу вещи“ и признавать только такія обычаи, которые согласны съ этой природой. Но что же такое „природа вещи“, какъ не наше пониманіе этой природы, слѣдовательно, тотъ же субъективизмъ? Наше личное пониманіе природы жизненныхъ отношеній должно имѣть и, конечно, всегда имѣетъ рѣшающее значеніе при установленіи дѣйствующаго права, но оно не даетъ намъ ни какой твердой исходной точки при изслѣдованіи права въ его историческомъ развитіи. Мы не признаемъ рабства, не признаемъ права мести, права родителей убивать дѣтей, такъ какъ все это не соотвѣтствуетъ нашимъ воззрѣніямъ на природу соотвѣтствующихъ жизненныхъ отношеній, но для нашихъ предковъ всѣ эти безобразныя явленія были настоящимъ правомъ. Наше представленіе о природѣ вещи можетъ дать намъ субективное мѣрило для оцѣнки историческихъ явленій права, и только. Не считать же правомъ всѣ тѣ нормы обычнаго права, которыя не подходятъ подъ это мѣрило, — значитъ уничтожать самую исторію права.

Пониманіе обычая, установленное философомъ, оказывается узкимъ для цѣлей исторіи. Но непригодное для исторіи, оно имѣетъ несомнѣнное значеніе для современности. Не во всѣ времена за обычаемъ признается одинаковая сила. Онъ дѣйствуетъ совершенно неограниченно только въ періоды, когда еще неизвѣстно законодательство. По мѣрѣ же удаленія отъ

глубокой древности и съ развитіемъ другихъ источниковъ, неограниченное дѣйствіе обычая обыкновенно стѣсняется. Современныя общества не только не могутъ жить и развиваться путемъ однихъ обычаевъ, но они положительно не вправѣ принимать тѣ начала обычнаго права, которыя не соотвѣтствуютъ новымъ требованіямъ жизни. Зародыши обычнаго права всегда лежатъ въ прошломъ, потребности же нашего времени развиваются такъ быстро, что начала обычнаго права легко могутъ стать съ ними въ противорѣчіе. Въ случаѣ такого столкновенія, обычай долженъ уступить закону. Ограничительныя условія Аренса должны вполнѣ сохранить свою силу при каждомъ обсужденіи пригодности народныхъ обычаевъ для современной жизни. Положительный законъ, конечно, долженъ опредѣлить условія, при удовлетвореніи которыхъ обычаи только и могутъ притязать на обязательную силу въ современномъ обществѣ.

Вопросъ о свойствахъ обычая далеко не праздный. То или другое пониманіе ихъ всегда опредѣляетъ и отношеніе изслѣдователя къ историческому матеріалу. Если онъ будетъ отправляться отъ народнаго убѣжденія, которое по необходимости мыслится, какъ единое, или отъ природы вещи, которая представляется философскому уму также единой, онъ будетъ искать общихъ обычаевъ и не будетъ въ состояніи оріентироваться въ томъ разнообразіи началъ обычнаго права, какое всегда представляетъ дѣйствительность; онъ будетъ доискиваться строгой опредѣленности единыхъ нормъ въ періоды, когда въ полномъ ходу индивидуальное самоопредѣленіе, еще не успѣвшее подчинится обычаю. Наше право весьма долгое время и уже на глазахъ исторіи оставалось въ этомъ состояніи недостаточной опредѣленности, выражавшемся въ единовременномъ дѣйствій разнообразныхъ началъ обычнаго права и въ разгулѣ индивидуальнаго самоопредѣленія. Даже въ московскомъ государствѣ мы встрѣчаемся съ проявленіями частной автономіи, и правительство московскаго государства нерѣдко признавало эти проявленія и въ своихъ указахъ санкціонировало ихъ.

Образованіе права въ каждую историческую эпоху имѣетъ свои характерныя особенности, отражающія духъ эпохи и ея воззрѣнія на право. Смотря на прошлое глазами нашего времени, мы не всегда отдаемъ должное этимъ особенностямъ; наоборотъ, мы бываемъ весьма склонны видѣть въ прошломъ тѣ же явленія, къ которымъ привыкли и въ окружающей

насъ дѣйствительности. Такой невольный переносъ настоящаго въ давно прошедшее замѣчается у тѣхъ изслѣдователей, которые извѣстныя намъ въ современномъ юридическомъ быту понятія „закона“ и „законодательства“ примѣняютъ къ объясненію явленій въ области образаванія права XIV, XIII и еще болѣе отдаленныхъ вѣковъ.

Такъ Мацѣевскій, въ своей исторіи славянскихъ законодательствъ, высказалъ мысль, что въ словахъ начальной лѣтописи о бытѣ славянскихъ племенъ, поселившихся въ предѣлахъ современной Россіи: „имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ, и преданья“ надо видѣть указаніе на дѣленіе права по различію его источниковъ; т. е. что лѣтописецъ противополагаетъ здѣсь законъ обычаю, и что славянскія племена еще при первомъ вступленіи ихъ въ исторію знали не только обычаи, но и законы. Несмотря на то, что Снегиревъ еще въ 1842 году замѣтилъ, что „Несторъ Печерскій давніе обычаи и преданія именуетъ законами отецъ“, взглядъ Мацѣевскаго продолжаетъ держаться въ нашей ученой литературѣ. И. И. Срезневскій примѣнилъ его къ объясненію выраженія Олегова договора съ Греками 911 года о клятвѣ Русскихъ: „мы же кляхомся... по закону и по покону языка нашего“. По закону и по покону онъ предлагаетъ переводить римскими понятіями: lege et consuetudine. Такимъ образомъ, наши предки съ X уже вѣка употребляютъ слово законъ въ смыслѣ продукта законодательной дѣятельности; они отличаютъ его отъ обычая совершенно такъ, какъ мы дѣлаемъ это теперь.

Очень трудно думать, чтобы такъ было въ дѣйствительности, чтобы съ X уже вѣка у насъ существовала опредѣленная законодательная власть, которая творила право по своему усмотрѣнію. Но слово „законъ“ дѣйствительно употребляется въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей письменности рядомъ съ обычаемъ. Что-же оно означаетъ?

Оно означаетъ тѣ же обычаи. Нашъ начальный лѣтописецъ упоминаетъ не одни только „законы отцевъ“, но и „обычаи отцевъ“. Слова: законы и обычаи замѣняютъ у него одно другое. Преданія, идущія отъ отцовъ, онъ безъ различія называетъ то обычаями, то законами, Эти законы и обычаи имѣютъ у него одинъ и тотъ же источникъ: дѣятельность отцовъ.

Все мѣсто лѣтописи, въ которомъ встрѣчаются эти услова, представляетъ образчикъ столь свойственнаго древнему языку

многословія, повторяющагося и въ дальнѣйшемъ ходѣ рѣчи. Лѣтописецъ не ограничивается выраженіемъ: „Древляне живяху звѣринскимъ образомъ“, но добовляетъ: „живуще скотски“; или далѣе, сказавъ, что у радимичей и другихъ племенъ были игрища между селъ, онъ спѣшитъ прибавить: „схожахуся на игрища, на плясанье“, и затѣмъ еще разъ повторяетъ: „и на вся бѣсовскія игрища“. Подобно этому, и выше онъ не находитъ достаточнымъ сказать, что у каждаго славянскаго племени были свои обычаи, но прибавляетъ: „и законы отець своихъ, и преданья, каждо свой нравъ“; а далѣе: „Поляне бо своихъ отець обычай имуть“... Совокупность этихъ словъ служитъ ему введеніемъ къ дальнѣйшему описанію внутренняго быта славянскихъ племенъ. Въ этомъ описаніи онъ подъ рядъ, безъ всякаго различія, говоритъ о нравахъ славянъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, объ образѣ ихъ жизни, о пищѣ, о юридическихъ обычаяхъ (порядокъ брака) и, наконецъ, о религіозныхъ обрядахъ. Онъ передаетъ все, что извѣстно о бытѣ славянъ, но безъ всякаго обособленія внѣшней обстановки жизни отъ нравовъ и юридическихъ обычаевъ, а этихъ послѣднихъ отъ религіозныхъ обрядовъ. Всѣ собранныя имъ черты суть для него одинаково обычаи, законы отцовъ и преданья. Можно ли, при такомъ смѣшеніи нравовъ, права и религіи, думать, что въ области права онъ различаетъ уже обычай отъ закона и въ томъ именно смыслѣ, какъ можемъ различать ихъ мы?

Не различая обычая отъ закона въ нашемъ смыслѣ, онъ, конечно, различалъ ихъ по своему. Слово „обычай“ этимологически не совпадаетъ со словомъ „законъ“. Обычай стоитъ въ связи съ глаголомъ „быкать“ и заключаетъ въ себѣ указаніе на дѣйствіе обыка, привычки. Слово законъ происходитъ отъ кона; „конъ“ означаетъ начало, а вмѣстѣ съ тѣмъ предѣлъ, границу. Отсюда въ словѣ законъ полагатся граница человѣческой дѣятельности, или свободѣ; законъ есть тотъ порядокъ, которому человѣкъ долженъ подчиняться въ своихъ дѣйствіяхъ. Но и обычай есть тоже порядокъ, подчиненіе которому обязательно; а потому обычное право представлятся уму со всѣми признаками закона и можетъ быть названо закономъ. Одного корня со словомъ „законъ“ слово „поконъ“, а оно и по настоящое время употребляется народомъ для обозначенія обычаевъ.

Вышеприведенное выраженіе договора Олега съ Греками такъ-же нѣтъ никакого основанія понимать въ смыслѣ противо-

положенія закона обычаю. Если примемъ такое противоположеніе, то придемъ къ невозможному выводу. Договоръ говоритъ, что Русскіе должны присягать по закону и по покону своего языка. Законъ и поконъ обозначаютъ здѣсь обрядъ языческой присяги. Если подъ закономъ будемъ понимать lex, а подъ покономъ consuetudo, то должны будемъ допустить, что въ X в., кромѣ народныхъ языческихъ обычаевъ, было еще языческое религіозное законадательство. Предположеніе совершенно не вѣроятное [1]).

Съ теченіемъ времени, однако, слово законъ перестало обозначать обычай и стало употребляться въ теперешнемъ смыслѣ продукта законодательной дѣятельности. Путь къ этому новому словоупотребленію проложили переводы съ памятниковъ греческой письменности. Въ греческихъ текстахъ переводчики встрѣчали слово въ смыслѣ императорскихъ постановленій. Передать это слово обычаемъ было неудобно, ибо греческое право вноситъ новыя начала, къ которымъ у насъ не было привычки; слово законъ этого неудобства не представляло, имъ и стали переводить греческое νομος. Номоканонъ переводятъ „закону — правило“; извлеченіе изъ постановленій императора Юстиніана носитъ въ кормчихъ наименованіе „Юстиніана царя законъ“; въ договорахъ съ Греками выраженіе „греческій законъ“, конечно, означаетъ не греческій обычай, а также императорскія постановленія; такъ называемый судебникъ царя Константина, представляющій компиляцію изъ разныхъ источниковъ византійскаго права, въ Софійскомъ временникѣ названъ „судебникомъ греческаго закона“. Откровенному ученію также и по той же причинѣ усвояется наименаваніе закона Божія, закона христіанскаго.

Обособленіе понятій закона и обычая началось у насъ такимъ образомъ, только благодаря вліянію памятниковъ греческой письменности. Къ уставной дѣятельности русскихъ князей слово „законъ“ первоначально вовсе не примѣнялось. Древнѣйшіе памятники указной дѣятельности князей носятъ наименованіе уставовъ, уроковъ, а не законовъ. Даже въ царскую эпоху, когда указная дѣятельность московскихъ го-

---

[1]) Выраженіе „по закону и по покону“ встрѣчается только въ ипатьевскомъ спискѣ договора. Въ спискѣ радзивиловскомъ стоитъ: „по закону и закону“. Это очевидная описка. Въ оригиналѣ могло быть только „по закону“. Такъ можно думать потому, что въ лѣтописномъ извѣстіи о мирѣ 907 года говорится только о присягѣ по русскому закону; точно такое же выраженіе встрѣчается и въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ договора 945 года. „Поконъ“ могъ появиться въ ипатьевскимъ спискѣ, какъ своеобразная поправка переписчикомъ предшествующей описки: „по закону и закону“.

сударей достигла такого значительнаго развитія, продукты этой дѣятельности называются не законами, а по старому: уставами, грамотами, судебниками, уложеніями. Но народные обычаи и въ переводныхъ памятникахъ продолжаютъ называться законами. Именно въ такомъ смыслѣ употреблено это слово въ заключительной статьѣ договора съ Греками 945 года: „Да на роту (клятву) идутъ наши хрестеяне Руси по вѣрѣ ихъ, а не хрестеянни по закону своему". Этотъ не христіанскій законъ не есть, конечно, законъ въ современномъ смыслѣ слова, а вѣра отцовъ, то есть. народная обычная вѣра. Въ другихъ мѣстахъ договоровъ встрѣчаемъ ссылки на „русскій законъ" въ смыслѣ обычаевъ свѣтскаго права, а не религіозныхъ. Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей желаютъ видѣть въ этихъ ссылкахъ ссылки на русскій писанный законъ, и именно на Русскую Правду. Это мнѣніе предполагаетъ существованіе такого факта, который вовсе еще не доказанъ. Если договоры ссылаются на Русскую Правду, то, значитъ, въ X вѣкѣ и даже ранѣе существовала уже та или другая писанная ея редакція. Мы не видимъ никакого основанія къ такому предположенію. Въ немъ нѣтъ и ни малѣйшей надобности.

Въ древнее время были въ употреаленіи ссылки на неписаное право, на живой, всѣмъ извѣстный обычай. Съ такими ссылками встрѣчаемся въ исторіи франкскаго права. Нѣкоторыя редакціи салическаго закона и другіе документы того же времени дѣлаютъ ссылки на lex salica, а между тѣмъ ни въ одной редакціи этого закона нѣтъ постановленій, соотвѣтствующихъ ссылкамъ. Ясно, что въ существующія редакціи салическаго закона этотъ законъ не перешелъ весь безъ остатка; и что ссылки на lex salica имѣютъ въ виду не писаное право, а живые народные обычаи, которые послужили матеріаломъ для издателей салическаго закона, но не исчерпаны ими вполнѣ. Въ связи съ этимъ стоитъ тотъ важный для насъ фактъ, что слово lex въ средневѣковыхъ германскихъ памятникахъ употребляется далеко не въ томъ тѣсномъ смыслѣ, какой оно имѣло въ Римѣ. Въ средневѣковой латыни оно обозначаетъ не только законъ, но и обычай. Lex salica, поэтому, не есть непремѣнно законъ, или писаное право, это и живой народный обычай, нигдѣ не записанный (Pardessus и Zoepfl). Тоже могло быть и у насъ. Это предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, такъ какъ и у насъ слово законъ такъ-же означаетъ обычай, какъ

у германцевъ латиское слово lex. На эти живые, всѣмъ извѣстные обычаи—договоры и ссылаются.

Противоположное мнѣніе основывается, главнымъ образомъ, на сходствѣ статьи договоровъ о штрафѣ за ударъ мечемъ, или какимъ либо орудіемъ, съ соотвѣтствующими постановленіями Русской Правды. Но это сходство, если сравнивать статьи Русской Правды въ цѣломъ ихъ составѣ со статьями договоровъ, далеко не такъ близко, чтобы можно было видѣть въ Русской Правдѣ источникъ постановленій договоръ. По Русской Правдѣ, денежный штрафъ за ударъ мечемъ назначается вь томъ случаѣ, если обиженный не отомститъ за нанесенное ему оскорбленіе. По Русской Правдѣ, значитъ, обиженный могъ мстить; въ соотвѣтствующей же статьѣ договоровъ, о мести вовсе не упоминается. Далѣе, въ договорахъ есть и такія ссылки на „русскій законъ", которыя вовсе не оправдываются извѣстными намъ редакціями Русской Правды. Такова, напримѣръ, статья договора 945 года, по которой русскій человѣкъ, поработившій Грека, съ корабля выброшеннаго на мель, подлежитъ отвѣтственности „по закону русскому" и греческому. Русская Правда ничего не знаетъ о такомъ случаѣ. Ссылки договоровъ на „русскій законъ" и у насъ шире извѣстныхъ редакцій Русской Правды,—явленіе совершенно аналогичное съ тѣмъ, которое представляютъ ссылки памятниковъ древняго франкскаго права на салическій законъ. „Русскій законъ" договоровъ и начальной лѣтописи—это русскій обычай, изъ котораго только очень немногое вошло въ договоры и писаную Русскую Правду.

Для обозначенія этихъ обычаевъ, кромѣ слова „законъ", у насъ были употребительны еще выраженія: пошлина и старина.

Пошлиной называется все то, что пошло издавна, изъ старины: „а дворяномъ твоимъ, княже, ходити по пошлинѣ, како пошло исперва"; „а отъ Смоленска чистый путь до Риги, о не надобѣ имъ ни вощець, ни мыто, а на Волоцѣ, како та есть пошло". Эта пошлина имѣетъ, конечно, свое начало. Всякій порядокъ пошелъ отъ отдѣльнаго случая; моментомъ, опредѣлившимъ тотъ или другой способъ дѣйствія въ извѣстномъ случаѣ, была чья либо личная воля, можетъ быть даже воля князя; но этотъ порядокъ становится правомъ не потому, что такъ хотѣло извѣстное лицо, а потому, что онъ соблюдался цѣлымъ рядомъ лицъ. Только въ силу соблюденія дѣлается онъ обязательнымъ. Ссылаются не на лицо, которое такъ

поступило, а на соблюденіе изъ старины. Всякая пошлина есть старина.

Весь порядокъ княженія въ Новгородѣ представлялся людямъ того времени пошлиной и стариной. Князья обязываются держать Новгородъ въ старинѣ, по пошлинѣ. Всякое отступленіе отъ старины, хотя бы оно произошло и по волѣ князя, Новгородцы разсматриваютъ, какъ нѣчто противозаконное, какъ насиліе, и домогаются возвращенія къ установившимся обычаямъ. Въ ихъ договорной грамотѣ съ Ярославомъ Ярославичемъ Тверскимъ читаемъ: „а пожне (сѣнокосы) княже, что *пошло* тобѣ и твоимъ мужемъ, то твое; а что былъ *отъялъ* братъ твой Александръ пожне, а то ти, княже, не надобѣ". И затѣмъ прибавляютъ: „а что, княже, братъ твой, Александръ дѣлалъ насиліе въ Новѣгородѣ, а того ся, княже, отступи"

Конечно, эта старина перемѣнчивая, какъ и всякое право. Языческіе обычаи брака, о которыхъ говоритъ начальный лѣтописецъ, измѣнились же подъ вліяніемъ христіанства. Новгородская старина также должна была измѣниться, какъ скоро нашелся рядъ князей, послѣдовательно дѣйствовавшихъ насиліемъ, въ духѣ князя Александра, на котораго жалуются Новгородцы.

Въ Псковѣ была также своя старина. Князь-намѣстникъ, садясь на княженіе, цѣловалъ ко Пскову крестъ на вѣчѣ на пошлинныхъ грамотахъ и на всѣхъ старинахъ псковскихъ.

Но это пошлое, старинное право не есть особенность одного Новгорода или Пскова. Здѣсь оно болѣе окрѣпло, чѣмъ въ другихъ волостяхъ, но было извѣстно и всей русской землѣ. „Новгородцы бо *изначала*, говоритъ лѣтописецъ, и Смольняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся". То, что было изначала во всѣхъ волостяхъ, есть, конечно, ихъ старина, пошлина, обычай.

Вся жизнь древнихъ княженій опредѣлялась обычаемъ. Частныя и государственныя права подчинялись его дѣйствію: права князей и народа, право наслѣдованія, мести, выкупа, права собственности и т. д. все было основано на обычаѣ.

Уяснивъ существо обычаевъ, я долженъ остановиться на вопросѣ о томъ, откуда же мы можемъ узнать обычай, какъ преобладающій и самый важный источникъ древняго права? Обычаи записывались, хотя и случайно, въ лѣтописяхъ, гдѣ и можно найти на нихъ указанія. Въ древнихъ юридическихъ памятникахъ, помимо лѣтописей, можно найти также

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

указанія на обычаи. Мы имѣемъ, напр., договоры князей съ греками и нѣмцами; въ этихъ договорахъ есть и обычное право. Кромѣ того у насъ есть княжескія постановленія, въ которыхъ также не рѣдко можно встрѣтить обычное право; княжескіе старинные указы не являются созданіемъ въ полномъ смыслѣ княжескимъ, въ нихъ вносится и то, что дѣйствовало уже по обычаю. Мы не имѣемъ никакого сборника древнихъ обычаевъ, такъ что нужно ихъ еще разыскивать. Это слабая сторона исторіи, по отношенію къ которой еще мало сдѣлано. Для уясненія старинныхъ обычаевъ надо принимать во вниманіе и современные народные обычаи. Народъ измѣняется чрезвычайно медленно, самъ по себѣ онъ крайне консервативенъ, а потому всякія наблюденія теперешнихъ обычаевъ могутъ быть очень полезны для разъясненія какихъ нибудь указаній на старые обычаи.

II. Договоры.

Второй, также очень обильный источникъ возникновенія права, въ древнее время составляетъ соглашеніе договаривающихся сторонъ касательно началъ, имѣющихъ опредѣлять ихъ взаимныя отношенія. Договоръ въ этомъ смыслѣ выходитъ за предѣлы извѣстныхъ намъ въ современномъ гражданскомъ быту договоровъ. Эти послѣдніе опредѣляютъ отношенія сторонъ на основаніи существующаго уже права. Новаго права они не созидаютъ, а только примѣняютъ дѣйствующее къ извѣстнымъ лицамъ и отношеніямъ. Въ древнее время роль договоровъ была гораздо шире, они не примѣняли только извѣстное уже право, а установляли его вновь.

Эта особенная роль договоровъ въ древнее время стоитъ въ тѣсной связи съ отсутствіемъ законодательной власти, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и съ преобладающимъ образованіемъ права путемъ обычая. Обычай, какъ мы видѣли, идетъ отъ дѣйствій автономной воли частнаго человѣка. Та же автономная воля во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые не опредѣлены еще обычаемъ или относительно которыхъ обычай неясенъ или споренъ, или, наконецъ, когда онъ ей не нравится, и она желаетъ отступить отъ него,—опредѣляетъ свои отношенія соглашеніемъ и этимъ путемъ творитъ новое право. Это древнее свое значеніе договоры сохранили и въ настоящее время, но только въ международныхъ отношеніяхъ. Здѣсь они

по прежнему творятъ новое право. И причина, вызывающая это, прежняя: отсутствіе законодательной власти. Область дѣйствія договоровъ, какъ источниковъ права, въ древнее время была гораздо шире. Они встрѣчаются съ этимъ творческимъ значеніемъ не только въ международныхъ сношеніяхъ, но и внутри государства разные составные его элементы опредѣляютъ свои отношенія путемъ договоровъ. Въ Германіи, напримѣръ, такіе договоры заключаются между сословіями (Landstände) и государями (Landesherren), въ Англіи между королями и рыцарствомъ, у насъ между городами и князьями. Но и это еще не все. Даже отдѣльныя лица, опредѣляя свои частныя отношенія путемъ договоровъ, творили для себя новое право, неизвѣстное обычаямъ и уставамъ.

Но договоры имѣютъ для насъ и другое значеніе. Иногда они опредѣляютъ отношенія сторонъ на основаніи существующаго уже обычнаго права. Въ этомъ случаѣ нѣтъ творчества новаго права; договоры только формулируютъ и скрѣпляютъ соглашеніемъ уже существующее. Но зачѣмъ же нужно скрѣплять существующее право? Необходимость такого формулированія и скрѣпленія условливается нѣкоторой, свойственной всякому обычному праву, неопредѣленностью. Обычное право познается изъ отдѣльныхъ дѣйствій, изъ соблюденія, но оно не формулировано въ точныя положенія. При этомъ условіи, естественно, пониманіе началъ обычнаго права можетъ быть спорно. Чтобы поставить его внѣ споровъ и сомнѣній, оно формулируется договорами и скрѣпляется обоюднымъ соглашеніемъ сторонъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ конкурренціей двухъ источниковъ: обычая и соглашенія.

Случаи такой конкурренціи несомнѣнно встрѣчаются, но относительное значеніе конкуррирующихъ источниковъ трудно выяснить. Также не всегда можно отдѣлить случаи конкурренціи отъ случаевъ самостоятельнаго творчества права путемъ договоровъ.

Наконецъ, договоры содержатъ въ себѣ иногда и просто указанія на существующіе порядки, ничего относительно ихъ не установляя.

Въ нашихъ древнихъ памятникахъ договоры называются: миромъ, рядомъ, докончаніемъ, цѣлованіемъ. Олегъ посылаетъ мужей своихъ „построити мира и положити рядъ межю Русью и Грекы“

Мы имѣемъ нѣсколько видовъ договоровъ: 1) договоры русскихъ князей, какъ представителей русской земли, съ

иностранными государствами, такіе договоры называются международными, 2) договоры между князьями различныхъ русскихъ областей, или договоры междукняжескіе, 3) договоры между составными элементами одной и той же волости, между народомъ и княземъ. Расмотримъ сначала договоры международные.

1) Международные договоры.

Договоры эти суть мирные трактаты, но въ нихъ дѣло не ограничивалось только установленіемъ мира, нерѣдко встрѣчаемъ въ нихъ статьи о преступленіяхъ и наказаніяхъ, о судѣ, о правѣ торговли, вызываемыя необходимостью установленія правильныхъ торговыхъ отношеній, и др. Изъ памятниковъ, относящихся къ этому роду договоровъ, мы имѣемъ: а) договоры съ Греками и в) договоры съ Нѣмцами.

а) Договоры русскихъ князей съ Греками.

Исторія договоровъ съ Греками—этихъ древнѣйшихъ памятниковъ нашихъ международныхъ сношеній—представляетъ многія неясности. Число договоровъ, ихъ содержаніе, отношеніе этого содержанія къ русскому и греческому праву—все здѣсь сомнительно и спорно. При современномъ состояніи нашихъ источниковъ, сомнѣнія, возбуждаемыя договорами, едва ли могутъ быть разрѣшены окончательно. Но нѣкоторыя дополненія къ существующимъ мнѣніямъ можно предложить и на основаніи стараго матеріала.

I Наша начальная лѣтопись сохранила, хотя и не въ одинаковой полнотѣ, содержаніе четырехъ отдѣльныхъ договоровъ.

Первый приписывается Олегу. Онъ былъ заключенъ имъ въ 907 году, послѣ удачнаго похода къ Царьграду, описаннаго баснословными красками. Самый текстъ этого договора не дошелъ до насъ. Мы имѣемъ только пересказъ лѣтописца объ обстоятельствахъ, при которыхъ произошло его заключеніе, и о самомъ содержаніи договора.

Второй договоръ заключенъ также Олегомъ въ 911 году. Лѣтописецъ помѣщаетъ его подъ 912 годомъ. Промежуточные между этими двумя договорами годы, съ 908 по 911, лишены всякихъ извѣстій, за исключеніемъ послѣдняго, подъ которымъ упоминается единственно о появленіи великой звѣзды на западѣ. Затѣмъ, подъ 912 годомъ, лѣтописецъ прямо со-

общаетъ объ отправленіи Олегомъ пословъ въ Грецію для заключенія мира, а вслѣдъ затѣмъ приводитъ и самый текстъ договора, не объясняя, почему оказалось нужнымъ приступить къ составленію втораго договора, вслѣдъ за первымъ, содержаніе котораго было имъ только что изложено. Причины, вызвавшія заключеніе новаго мира, остаются такимъ образомъ, неясными.

Третій договоръ былъ заключенъ Игоремъ въ 945 году. Въ 941 г. этотъ князь предпринялъ походъ въ Грецію, кончившійся для него неудачно. Въ 944 году онъ возобновилъ свое нападеніе на грековъ при содѣйствіи Варяговъ и Пѣченѣговъ. Полчища Игоря были встрѣчены, по сю сторону Дуная, греческими послами, которые просили не ходить далѣе и предлагали взять выкупъ, равный тому, который Греки платили Олегу, и даже большій. Результатомъ этого предложенія была пріостановка дальнѣйшаго движенія, а затѣмъ и возвращеніе Игоря въ Кіевъ съ греческимъ златомъ и паволоками. Въ слѣдующемъ 945 году греческіе императоры прислали въ Кіевъ пословъ съ цѣлью возобновленія перваго мира (построити мира перваго.) Поговоривъ съ послами о мирѣ, Игорь отправилъ собственныхъ пословъ въ Грецію, которые и заключили мирный трактатъ, приводимый лѣтописцемъ подъ 945 годомъ.

Четвертый договоръ заключенъ въ 971 году княземъ Святославомъ, послѣ неудачно кончившейся попытки его стать твердою ногою въ Переяславлѣ Дунайскомъ. Текстъ этого договора, самаго краткаго изъ всѣхъ, также помѣщенъ въ лѣтописи.

Ни одинъ изъ этихъ четырехъ договоровъ не извѣстенъ Византійскимъ историкамъ. Они описываютъ походъ Руси 941 года и войну со Святославомъ въ Дунайской Болгаріи 971 года; въ концѣ разсказа о послѣднемъ событіи они приводятъ мирныя предложенія, съ которыми Святославъ обратился къ греческому императору, но самый договоръ, который былъ заключенъ вслѣдъ за этими переговорами, остался имъ неизвѣстенъ. О походѣ Олега они вовсе ничего не знаютъ. Зато Греки упоминаютъ о договорѣ, о которомъ молчитъ нашъ лѣтописецъ. У нихъ есть извѣстіе о договорѣ Святослава съ императоромъ Никифоромъ, заключенномъ, по всей вѣроятности, по поводу приглашенія этимъ греческимъ императоромъ русскаго князя ко вторженію во владѣнія Дунайскихъ Болгаръ Самый текстъ этого договора у нихъ также не сохранился.

Несоотвѣтствіе извѣстій нашей лѣтописи со сказаніями Византійцевъ послужило Шлецеру однимъ изъ главныхъ основаній къ сомнѣнію въ подлинности дошедшихъ до насъ договоровъ. Позднѣйшія изслѣдованія устранили эти сомнѣнія. Въ настоящее время никто не отвергаетъ достовѣрности договоровъ Олега, Игоря и Святослава.

Но изъ времени Олега нашъ лѣтописецъ приводитъ подлинный текстъ только одного договора, заключеннаго въ 911 году. Подъ 907 годомъ онъ даетъ не полный текстъ договора, состоявшагося въ этомъ году, а только нѣсколько отрывковъ изъ него; начало договора вовсе отсутствуетъ, а заключеніе передано лѣтописцемъ своими словами. Въ точности всего этого повѣствованія о мирѣ 907 года и теперь есть поводы сомнѣваться. На сомнѣнія наводитъ какъ самая редакція извѣстія о событіяхъ 907 года, такъ и обстоятельства, описанныя подъ этимъ годомъ и совершенно неблагопріятныя для заключенія мирнаго договора съ тѣмъ именно содержаніемъ, которое передаетъ лѣтописецъ.

Все мѣсто лѣтописи о мирѣ 907 года представляется очень спутаннымъ: тутъ есть очевидныя повторенія и вставки, прерывающія послѣдовательное теченіе мысли. Составитель какъ будто имѣлъ подъ руками разнообразный матеріалъ, изъ котораго онъ хотя и построилъ нѣчто цѣлое, именно разсказъ о походѣ и мирѣ 907 года, но въ ущербъ ясности и послѣдовательности изложенія.

Описавъ побѣдоносное движеніе Олега къ Царьграду на корабляхъ, поставленныхъ на колеса и снабженныхъ парусами, лѣтописецъ говоритъ: „И видѣвше Греци и убояшася, и рѣша, выславше ко Олгови: не погубляй града, имѣмъ ся по дань, яко же хощеши“. Цѣль похода, значитъ, достигнута: врагъ не можетъ сопротивляться и предлагаетъ платить такую дань, какая будетъ угодна побѣдителю. Но за этимъ слѣдуетъ не отвѣтъ Олега на предложеніе Грековъ, какъ бы слѣдовало ожидать, а вставка о предложенномъ ему Греками угощеніи, сдѣланная съ цѣлью восхвалить необыкновенную прозорливость русскаго князя, заслужившую ему со стороны Грековъ наименованіе св. Димитрія, посланнаго на нихъ отъ Бога. Только послѣ этой вставки, очевидно позднѣйшаго и не греческаго происхожденія, помѣщенъ отвѣтъ Олега Грекамъ; „и заповѣда Олегъ дань даяти на 2,000 карабль по 12 гривенъ на человѣка, а въ корабли по 40 мужь, и яшася Греци по се“. Предложеніе Грековъ, слѣдовательно, принято, дань на-

значена и Греки согласились ее платить; а Олегъ, конечно согласился не губить города и возвратиться во свояси. Но разсказъ лѣтописца этимъ не оканчивается. Вслѣдъ за приведенными словами читаемъ: „И почаша Греци мира просити, дабы не воевалъ Грецкые земли. Олегъ же, мало отступивъ отъ града, нача миръ творити со царьми Грецкими, съ Леономъ и Александромъ; посла къ нимъ во градъ Карла, Фарлоѳа, Вельмуда, Рулава и Стимида, глаголя: иміте ми ся по дань. И рѣша Греци: чего хощеши, дамы ти. И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2,000 корабль по 12 гривенъ на ключь“ и т. д. Очевидно, что это второй разсказъ о томъ же событіи, но на основаніи другихъ источниковъ. Здѣсь не Греки предлагаютъ, а Олегъ требуетъ дани, Греки же только соглашаются; о чудной прозорливости Олега не говорится ни слова. Въ этотъ то разказъ по второй редакціи и включены статьи о порядкѣ торговли Русскихъ въ Константинополѣ, соотвѣтствующія статьямъ договора 945 года.

Итакъ, статьи о торговлѣ Руси въ Константинополѣ извѣстны только второй редакціи разсказа о мирѣ 907 года, и совершенно неизвѣстны первой. Но и въ этой второй редакціи мѣсто о порядкѣ торговли, соотвѣтствующее статьѣ договора 945 года, имѣетъ характеръ не постановленія договора, окончательно составленнаго и принятаго обѣими сторонами, а лишь предварительныхъ переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію договора. Это видно изъ вступительной къ этому мѣсту фразы: „И рѣста царя и боярьство все: аще придуть русь бес купли“ и т. д. Съ такимъ введеніемъ статьи эти имѣютъ характеръ только предложенія со стороны Грековъ. Что онѣ приняты Олегомъ, этого не сказано. Надо думать, что это мѣсто попало въ лѣтопись не изъ какого либо договора, а изъ описанія тѣхъ переговоровъ, которые велись передъ заключеніемъ договора.

Обратимъ теперь вниманіе на самыя условія, при которыхъ былъ заключенъ этотъ миръ. Можно ли допустить, что въ 907 году, когда русскія полчища стояли еще у воротъ Константинополя, Греки нашли удобнымъ вести съ ихъ предводителями переговоры съ цѣлью ограничить русскихъ купцовъ? Предложеніе такихъ ограничительныхъ статей побѣдителю, который еще занималъ греческую территорію, представляется мало вѣроятнымъ. Трудно думать, что Греки повели рѣчь о порядкѣ пріѣзда Руси въ Грецію, объ остановкѣ ихъ у св. Мамы; о входѣ въ городъ послѣ описи

въ числѣ 50 человѣкъ, не болѣе, и при томъ одними воротами, безъ оружія и съ царевымъ мужемъ, — въ то самое время, когда множество (по счисленію лѣтописца до 80.000) Варяговъ, Славянъ, Чюди, Кривичей и др. стояло подъ самымъ городомъ и предавалось, по обыкновенію, всяческимъ насиліямъ и грабежу. Все, чего могли добиваться Греки, это—скорѣйшаго удаленія воиновъ Олега съ ихъ территоріи. Съ этою цѣлью они должны были поспѣшить дать выкупъ, который Олегъ у нихъ потребовалъ, а не возбуждать переговоровъ, которые могли только замедлить очищеніе ихъ земли. Совершенно такъ поступили Греки въ подобномъ, хотя и менѣе опасномъ для Константинополя, случаѣ въ 944 году. Игорь тогда находился еще по сю сторону Дуная. Греки поспѣшили встрѣтить его до переправы; предложеніемъ дани они остановили его дальнѣйшее движеніе. Чтобы не задерживать возвращенія Игоря въ Русь, Греки не вступали съ нимъ ни въ какіе дальнѣйшіе переговоры. Только въ слѣдующемъ году отправили они пословъ въ Кіевъ „построити мира перваго“.

Думаемъ, что именно такъ должны они были поступить и въ 907, году, и что только первая редакція разсказа о событіяхъ этого года соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то-есть, подъ стѣнами Константинополя былъ заключенъ поспѣшный миръ. Съ цѣлью очистить территорію, Греки не поскупились на золото. Въ 911 году, также можетъ быть, по вызову Грековъ, какъ и въ 945, были отправлены послы въ Царьградъ, которые и заключили дошедшій до насъ отъ этого года договоръ.

Договоръ 907 года давно уже обратилъ на себя вниманіе нашихъ историковъ. Карамзинъ считаетъ его во всемъ составѣ, какъ онъ переданъ въ лѣтописномъ разсказѣ, самостоятельнымъ; этого же мнѣнія держатся Срезневскій и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Но уже Эверсъ усомнился въ его самостоятельности. Онъ признаетъ его только предварительнымъ соглашеніемъ, на основѣ котораго позднѣе (въ 911) былъ заключенъ формальный мирный договоръ (Древнѣйшее русское право, 135); этого же мнѣнія держится и Тобинъ (4,23). Мнѣніе о предварительномъ характерѣ договора 907 года въ томъ смыслѣ, что имъ были установлены только общія начала, на основаніи которыхъ позднѣе долженствовалъ быть заключенъ окончательный миръ, очень искуственно для такихъ примитивныхъ дѣятелей, какими была Русь Олега, и мало соотвѣт-

ствуетъ условіямъ, въ которыхъ находились Греки. Въ 907 году Греки купили не предварительный миръ, нуждавшійся еще въ какомъ либо развитіи или утвержденіи, а окончательный; но только миръ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то-есть, замиреніе Олега и его полчищъ, которые, взявъ богатый выкупъ, обязались очистить гречес,кую территорію: какія либо дальнѣйшія соглашенія о порядкѣ торговли и пр., хотя бы только принципіально, въ это время едва ли могли состояться. Они не состоялись и въ 944 году, хотя почва для такого соглашенія была тогда гораздо болѣе подготовлена, чѣмъ въ 907 году.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ думаемъ, что ограничительныя статьи, помѣщенныя лѣтописцемъ подъ 807 годомъ, вовсе не могли входить въ составъ того договора, который былъ заключенъ въ этомъ году, если только какой либо договоръ былъ заключенъ. Судя по вступленію, которое предшествуетъ этимъ статьямъ, онѣ попали въ лѣтопись даже не изъ договора, а изъ какихъ-то предварительныхъ переговоровъ.

Признаніе достовѣрности остальныхъ трехъ договоровъ еще не устраняетъ вопроса о томъ, въ какомъ видѣ дошли они до насъ: сохранились ли они совершенно въ томъ видѣ, какъ были написаны, или имѣющіяся у насъ редакціи договоровъ потерпѣли нѣкоторыя искаженія.

Относительно договора 911 года есть основаніе думать, что мы имѣемъ дѣло съ редакціей въ нѣкоторой степени попорченной и даже неполной. На эту мысль наводитъ какъ самый текстъ договора, такъ и тѣ ссылки на предшествующій договоръ, которыя встрѣчаются въ договорѣ 945 года.

При заключеніи этого послѣдняго договора въ рукахъ сторонъ, какъ видно изъ текста договора, былъ старый договоръ (ветъхій міръ), который онѣ хотѣли обновить. Въ извѣстіи лѣтописи о присылкѣ греческихъ пословъ къ Игорю также сказано, что они присланы возобновить первый миръ. На этотъ старый миръ дѣлаются ссылки и въ самомъ текстѣ договора 845 года. Ихъ три. Первая ссылка: „А великій книзь русскій и боляре его да посылаютъ въ Греки къ великимъ царемъ Греческимъ корабли, елико ходятъ, со слы и сгостьми, якоже имъ уставлено есть; ношаху сли печати злати, а гостье серебрени; ныне же увѣдѣлъ есть князь вашъ послати грамоты ка царству нашему“ и т. д. Итакъ, уже первымъ договоромъ предоставлено Русскимъ право посылать корабли въ Грецію съ послами и съ гостями. Въ настоящемъ

договорѣ сдѣлано отступленіе отъ стараго въ формѣ посылки пословъ и гостей: прежде они пріѣзжали съ печатями, теперь должны привозить съ собой грамоты, въ которыхъ должно быть обозначено число отпревленыхъ кораблей. Вторая ссылка: „И отходящей Руси отсюда взимаютъ отъ насъ, еже надобѣ, брашно на путь, и еже надобѣ лодьямъ, якоже уставлено есть преже". Третья ссылка находится въ статьѣ, предоставляющей Руси право требовать выдачи бѣжавшаго челядина. Если бѣжавшій рабъ не будетъ розысканъ, въ этомъ случаѣ Греки обязаны уплатить цѣну его „якоже установлено есть прежде, 2 паволоце за челядинъ".

На какое же это прежнее установленіе, прежній миръ ссылается договоръ 945 года? Въ договорѣ 911 года нѣтъ статей, оправдывающихъ приведенныя ссылки; но въ разсказѣ лѣтописи о договорѣ 907 года встрѣчаются два мѣста, изъ которыхъ одно соотвѣтствуетъ той статьѣ договора 945 года, въ которой говорится о порядкѣ пріѣзда Русскихъ въ Константинополь и объ ихъ торговлѣ тамъ [1]); другое же мѣсто прямо соотвѣтствуетъ второй ссылкѣ и читается такъ: „поидучи же домовь Русь, да емлють у царя нашего брашно, и якори, и ужа, и парусы, и елико надобе".

---

[1]) Въ разсказѣ лѣтописца подъ 907 годомъ; „И рѣста царя и боярьство все: аще придутъ Русь бес купли, да не взимаютъ мѣсячины; да запретитъ князь словомъ своимъ приходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости в селѣхъ в странѣ нашей; приходяще Русь де витаютъ у св. Мамы, и послеть царьство наше, и да испишють имена ихъ, и тогда возмуть мѣсячное свое, первое отъ города Киева и паки ис Чернигова и ис Переаславля; и прочии гради; и да входять въ градъ одними вороты со царевымъ мужемъ, без оружья, мужь 50, и да творять куплю, якоже имъ надобе, не платяче мыта ни в чемъ же"

Въ договорѣ 945 года послѣ приведенныхъ въ текстѣ словъ первой ссылки читаемъ: „иже посылаеми бываютъ отъ нихъ посли и гостье, да приносять грамоту, пишюче сице: яко послахъ корабль селико; и отъ тѣхъ да увѣмы и мы, оже съ миромь приходять. Аще ли безъ грамоты придуть и преданы будуть намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему; аще ли руку не дадять и противятся, да убіени будуть, да не изищется смерть ихъ отъ князя вашего; аще ли убѣжавше в русь придуть, мы напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако створять. Аще придуть Русь бес купли, да не взимаютъ мѣсячна. Да запрѣтить князь сломъ своимъ и приходящимъ Руси сде, да не творять бещинья въ селѣхъ ни въ странѣ нашей. И приходящимъ имъ да виваютъ у св. Мамы, да послеть царство наше, да испишеть имена ваша, тогда возмуть мѣсячное свое, сли слебное, а гостье мѣсячное, первое отъ города Киева, паки изъ Чернигова и Переаславля и ис прочихъ городовъ. Да входять в городъ одинѣми вороты со царевымъ мужемъ безъ оружья, мужь 50, и да творять куплю, якоже имъ надобѣ, и паки да исходять".

На этомъ основаніи нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей думаютъ, что первыя двѣ ссылки разумѣютъ статьи договора 907 года [1]).

Мы привели уже основанія, по которымъ считаемъ очень сомнительнымъ, чтобы статьи, ограничивающія права Русскихъ въ Константинополѣ, дѣйствительно были постановлены въ 907 году при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя описываетъ нашъ лѣтописецъ. Соотвѣтствіе этихъ статей съ нѣкоторыми ссылками договора 945 года, конечно, не доказываетъ, чтобы онѣ именно принадлежали къ договору 907 года, такъ какъ Игоревъ договоръ, ссылаясь на „ветхій миръ" и прежнее установленіе, не обозначаетъ этого прежняго мира годомъ. Посмотримъ, есть ли вѣроятіе думать, что составители договора 945 года ссылаются на первый договоръ, приписываемый Олегу.

Изъ договора 911 года мы знаемъ, что Греки и ранѣе вступали въ миръ и любовь съ Русью, но только словесно; первый же письменный договоръ есть договоръ 911 года; такъ прямо сказано въ его текстѣ. Въ виду этого, трудно допустить, чтобы договоръ 945 года цитовалъ, и почти слово въ слово, словесное соглашеніе, состоявшееся 38 лѣтъ тому назадъ, и совершенно игнорировалъ писанный документъ 911 года.

Если Греки въ 944 году шлютъ пословъ къ Игорю съ просьбой возобновить первый миръ, если объ обновленіи стараго мира говорится и въ самомъ договорѣ 945 года, если этотъ договоръ дѣлаетъ ссылки на прежнее установленіе, то естественно думать что этотъ первый миръ, это прежнее, установленіе, есть договоръ 911 года, а не словесное соглашеніе 907 года, которое, конечно, было упразднено писаннымъ договоромъ, облечнымъ въ весьма торжественную форму. Такъ естественно думать. Но противъ этого самый текстъ договора 911 года, въ которомъ нѣтъ статей, соотвѣтствующихъ ссылкамъ договора позднѣйшаго. Это возраженіе имѣло бы рѣшающее значеніе только въ томъ случаѣ, если бы мы могли думать, что договоръ 911 года дошелъ до насъ цѣликомъ, не потерпѣвъ никакихъ измѣненій. Но именно это-то и трудно предположить.

Что договоръ 911 года дошелъ до насъ съ отступленіями отъ оригинала, объ этомъ можно догадываться на основаніи

---

[1]) *Владимирскій-Будановъ* Христоматія, вып. 1, стр. 12 и 13 (втор. изд.).

самаго его текста. Втупленіе въ договоръ оканчивается слѣдующимъ выраженіемъ: „Суть, яко понеже мы ся имали о Божьи вѣре и о любви, главы таковыа“, и затѣмъ идутъ самыя статьи (или главы).

Г. Лавровскій высказываетъ мнѣніе, что слово „глава“ въ данномъ случаѣ есть переводъ греческаго κεφαλή, употребляемаго постоянно въ дѣленіяхъ. Надо слѣдовательно, думать, что договоръ былъ раздѣленъ на главы или статьи и пронумерованъ. Дѣйствительно, слѣдъ этой нумераціи сохранился и въ нашемъ экземплярѣ. Первая, слѣдующая за вступленіемъ, статья начинается такъ: „По первому убо слову да умиримся с вами, Грекы“... Это, слѣдовательно, первая статья или глава. Новая статья, непосредственно слѣдующая за этой первой, начинается такъ: „А о главахъ, иже ся ключитъ проказа, урядимся сице“, и далѣе идетъ общая процессуальная статья о способахъ доказательствъ. Г. Лавровскій высказываетъ догадку, что и здѣсь можетъ имѣть полное примѣненіе, указанное уже имъ значеніе этого слова, какъ подраздѣленія (121). Покойный И. И. Срезневскій не находитъ возможнымъ присоединиться къ этому мнѣнію; онъ думаетъ, что слово „глава“ не есть здѣсь дословный переводъ греческаго текста, а употреблено какъ русское народное реченіе, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Русская Правда говоритъ о головѣ, то-есть, въ смыслѣ „убійства“ [1]). Нѣкоторый свѣтъ на это спорное мѣсто долженъ, кажется намъ, пролить самый смыслъ разбираемой статьи. О чемъ въ ней идетъ рѣчь, о преступленіи убійства только, какъ надо думать, если принять толкованіе Срезневскаго, или вообще о правонарушеніяхъ? Статья говоритъ: „иже ся ключитъ проказа, урядимся сице“... Итакъ, статья опредѣляетъ порядокъ доказательствъ въ случаѣ наличности „проказы“. Что же такое проказа, означаетъ ли это слово только убійство или еще что нибудь? Въ договорѣ 611 года слово „проказа“ встрѣчается еще разъ, но въ смыслѣ бѣдствія на морѣ, кораблекрушенія, а не убійства (ст. 8 по изъ. Влад. Буд.). Тоже слово встрѣчаемъ и въ договорѣ 945 года, но опять не въ спеціальномъ смыслѣ убійства, а въ смыслѣ преступленія вообще (ст. 12) Такимъ образомъ, слово „проказа“ на языкѣ договоровъ имѣетъ болѣе широкій смыслъ, чѣмъ даже преступленіе вообще: оно можетъ обозначать всякій имущественный ущербъ, хотя бы

---

[1]) *Изв. Имп. Акад. Наукъ по отд. русск. яз. и слов.*, т. III, стр. 286.

онъ произошелъ и безъ участія воли человѣка, какъ напримѣръ, крушеніе ладьи. Отсюда заключаемъ, что процессуальныя доказательства, перечисленныя въ разсматриваемой статьѣ, указаны не для однихъ только убійствъ, но для всякихъ дѣлъ; они должны имѣть мѣсто даже въ гражданскихъ спорахъ.

Въ виду такого смысла статьи, упоминаніе въ началѣ ея объ убійствахъ совершенно излишне. Выраженіе: „А о главахъ“ не есть, значитъ, русское народное реченіе, а слѣдъ дѣленія всего договора на главы, и въ данномъ случаѣ обозначало „вторую главу“, которая начиналась такъ: „Иже ся ключитъ проказа“... Но затѣмъ, до конца договора, статьи идутъ подъ рядъ, безъ всякаго дѣленія на главы; въ заключеніи же опять сказано, что стороны клянутся „не преступати... отъ уставленныхъ главъ мира и любви“. Трудно думать, чтобы такъ могло быть въ оригиналѣ. Если во вступленіи сказано, что договоръ состоитъ изъ слѣдующихъ главъ, если слѣды дѣленія видны въ началѣ договора и въ его заключеніи, то, конечно, онъ весь былъ разчлененъ на главы. Къ тому же заключенію объ испорченности дошедшей до насъ редакціи договора 911 года приходимъ и при разсмотрѣніи отдѣльныхъ его статей. Нѣкоторыя изъ нихъ (напримѣръ, 7 и 14) до такой степи повреждены, что настоящій ихъ смыслъ и возстановленъ быть не можетъ, не смотря на всѣ усилія нашихъ толкователей.

Отъ предположенія неполноты договора 911 года мы и тогда не уйдемъ, если даже и допустимъ, что въ 907 году уже были установлены тѣ ограничительныя статьи, которыя помѣщены въ лѣтописи подъ этимъ годомъ. Можно ли думать, что эти выгодныя Грекамъ статьи, принятыя Русью, конечно, по ихъ настоянію, были забыты Греками по истеченіи какихъ-либо четырехъ лѣтъ и не включены въ договоръ 911 года? Если же Греки должны были домогаться включенія ихъ въ писанный договоръ, то можно ли предположить, что Русскіе, которые согласились на нихъ въ 907 году, когда стояли вооруженные и побѣдоносные у воротъ Константинополя, отказали въ этомъ домогательствѣ въ 911 году, когда переговоры о мирѣ велись послами, не поддерживаемыми вооруженной силой? Если эти статьи входили въ составъ договора 907 года, онѣ, конечно, должны были войдти и въ договоръ 911 года [1]). Наконецъ, статей о пріѣздѣ русскихъ пословъ и гостей съ

[1]) Догадка о томъ, что статьи договора 907 года должны были входить и въ договоръ 911 года, сдѣлана еще г. *Лавровскимъ*, стр. 5 и сл.

печатями и 3-ей изъ вышеприведенныхъ ссылокъ договора 945 года нѣтъ и въ извѣстіи лѣтописи подъ 907 годомъ. И это извѣстіе, значитъ, не полно.

Такъ или иначе будемъ мы думать о содержаніи договора 907 года, во всякомъ случаѣ надо признать, что договоръ 911 года въ нашей редакціи не полонъ. Но, можетъ быть, былъ еще договоръ, заключенный уже послѣ 911 года и до насъ не дошедшій, на который и ссылается договоръ Игоря? Въ пользу такого предположенія нельзя, однако, привести никакихъ фактовъ.

Слѣды порчи замѣтны и въ договорѣ 945 года. Онъ не имѣетъ года, тогда какъ оба другіе съ годомъ. Затѣмъ, въ концѣ его есть вставка, внесенная въ первоначальный текстъ уже въ Кіевѣ, со словъ одного изъ тѣхъ мужей-христіанъ, которые скрѣпили договоръ присягою въ Кіевской соборной церкви св. Иліи: „мы же, елико насъ крестилися есмы, кляхомъся церковью св. Ильѣ въ соборнѣй церкви". Указаіе на соборную кіевскую церковь есть, конечно, кіевская вставка; но слова: „мы же кляхомъся" и далѣе: „не преступити отъ него ничтоже" могутъ принадлежать тексту, такъ какъ почти совершенно сходное съ ними выраженіе употреблено и въ договорѣ 911 года.

Только самый послѣдній изъ приводимыхъ нашимъ лѣтописцемъ договоровъ, заключенный Святославомъ въ 971 году, представляется совершенно полнымъ и не возбуждаетъ никакихъ недоразумѣній ни по содержанію, ни по формѣ. Содержаніе его очень кратко и совершенно соотвѣтствуетъ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ находился побѣжденный русскій князь. Оно состоитъ единственно въ обязательствѣ Святослава не воевать съ Греками, не нападать ни на Корсунь, ни на Болгарскую сторону, и помогать Грекамъ противъ ихъ враговъ. Со стороны формы договоръ представляется совершенно полнымъ и законченнымъ. Впереди поставленъ годъ его заключенія, затѣмъ обозначены лица, между которыми состоялся миръ, и приведены самыя его условія: въ заключеніи — клятва стороны, принявшей на себя обязательства, и наконецъ, упоминаются печати, которыми Русскіе скрѣпили свой договоръ.

II. Перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ достоинства этихъ памятниковъ, какъ источниковъ древняго русскаго права. Въ этомъ вопросѣ надо различать право, установляемое договорами, отъ тѣхъ свѣдѣній о древнихъ нашихъ обычаяхъ, которыя случайно попали въ договоры и содержатся, главнымъ

образомъ, во вступленіяхъ къ нимъ. Въ правѣ, установленномъ договорами, опять надо различать статьи, опредѣляющія публичныя международныя отношенія Грековъ и Русскихъ, отъ статей такъ-называемаго частнаго международнаго права. Къ первымъ будутъ относиться постановленія о мирѣ, объ оказаніи военной помощи, о выкупѣ плѣнныхъ, о порядкѣ торговли, о помощи при кораблекрушеніяхъ и о поступленіи подданныхъ одной стороны въ войска другой; ко вторымъ— всѣ постановленія по предмету уголовнаго права, гражданскаго и процесса.

Изъ этого весьма богатаго содержанія договоровъ наши историки-юристы придаютъ особое значеніе статьямъ частнаго международнаго права. На ихъ основаніи они рисуютъ цѣлыя картины нашего древняго юридическаго быта. Совершенно справедливо, что статьи частнаго права имѣютъ гораздо большее значеніе для характеристики нашего древняго юридическаго быта, чѣмъ постановленія, относящіяся къ праву публичному. Статьи объ оказаніи военной помощи, о порядкѣ торговли Русскихъ въ Константинополѣ, о помощи въ случаяхъ кораблекрушенія и имъ под. могли быть опредѣлены договорами совершенно вновь, безъ всякаго отношенія къ русскимъ народнымъ обычаямъ; наоборотъ, постановленія о наказаніяхъ за убійство, кражу и имъ под. едва ли могли быть сдѣланы совершенно независимо отъ существующихъ уже русскихъ воззрѣній на дѣянія этого рода. Признавая это, мы, однако, далеки отъ мысли считать этотъ источникъ очень чистымъ и очень богатымъ. Если Эверсу удалось дать читателю, на основаніи содержанія договоровъ, весьма полную картину нашего древняго быта, то это потому, что у него были нѣкоторыя другія свѣдѣнія объ этомъ бытѣ, съ точки зрѣнія которыхъ онъ и объяснилъ статьи договоровъ. Въ послѣдующемъ изложеніи мы постараемся показать, что договоры сами по себѣ ничего не прибавляютъ къ тому, что́ мы знаемъ уже о нашихъ древнихъ обычаяхъ на основаніи другихъ, болѣе чистыхъ источниковъ.

Но прежде, чѣмъ приступить къ обзору содержанія договоровъ, мы должны поставить еще одинъ предварительный вопросъ. Именно, гдѣ должно было дѣйствовать частное международное право, о которомъ говорятъ договоры, въ Греціи только, или въ Греціи и въ Руси? Обыкновенно, наши изслѣдователи подразумѣваютъ, что статьи частнаго международнаго права должны были дѣйствовать въ обѣихъ странахъ. Этого

мнѣнія, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ статей, держится и Эверсъ (196, 198 и 208). Но и онъ не разъ высказываетъ сомнѣніе, чтобы статьи договоровъ дѣйствительно могли исполняться въ предѣлахъ Руси. Въ самыхъ договорахъ нѣтъ прямаго постановленія, въ которомъ бы опредѣлялось мѣсто ихъ примѣненія. Но изъ взаимныхъ отношеній договаривающихся сторонъ и изъ нѣкоторыхъ выраженій договоровъ надо заключить, что составители ихъ, опредѣляя частное право Грековъ и Руси, имѣли въ виду только Грековъ и Русь, находящихся въ предѣлахъ греческой территоріи. Русь часто и въ значительномъ числѣ пріѣзжала въ Константинополь, оставалась тамъ подолгу и вела себя не совершенно покойно. Это можно думать на основаніи статей договоровъ о торговлѣ, по которымъ Русь должна была входить въ городъ безъ оружія и въ числѣ не болѣе 50 человѣкъ; срокъ ея пребыванія въ Греціи ограничивался однимъ лѣтнимъ временемъ; зимовать у св. Мамы Русь не имѣла права. Для сношеній этихъ безпокойныхъ гостей съ Греками и надо было установить нормы частнаго права. Греческое правительство должно было позаботиться объ обузданіи пріѣзжавшей въ Царьградъ Руси, На немъ, конечно, лежала обязанность покровительствовать и Грекамъ, находившимся въ русской землѣ. Но если Греки и пріѣзжали въ Русь, то весьма рѣдко и въ небольшомъ числѣ. Какъ наши, такъ и иностранные источники, говорятъ только о поѣздкахъ греческихъ пословъ въ Русь; о пребываніи же Грековъ въ Руси по своимъ дѣламъ указаній не встрѣчается. Это и понятно, такъ какъ торговля съ сѣверомъ велось не прямо Греками, а чрезъ посредство Руси. То же можно думать и на основаніи самаго текста договоровъ. Статьи, обязывающія Русскихъ оказывать покровительство греческимъ ладьямъ, потерпѣвшимъ крушеніе, не говорятъ, что эти ладьи находятся въ русской землѣ. Онѣ говорятъ о крушеніи „въ чужой землѣ“, или „на коемъ-либо мѣстѣ“; Русскіе, которые должны помогать ладьѣ, не хозяева мѣста, а находятся тамъ случайно: „обрящються тамо, иже отъ насъ, Руси“. Пребываніе грековъ въ русской землѣ договорами вовсе не предполагается, а потому и допустить трудно, чтобы составители ихъ имѣли въ виду Грековъ, находящихся въ Россіи.

Далѣе, въ договорѣ 945 года читаемъ: „Аще ускочить челядинъ отъ Руси, понеже придуть въ страну царствія нашего, и отъ св. Мамы аще будеть (вар.: и аще будеть обрящется) да поимуть й...“ Этому соотвѣтствуетъ постановленіе

о бѣгломъ греческомъ челядинѣ:“ Аще ли кто отъ людий царства нашего, ли отъ города нашего, или отъ инѣхъ городъ ускочить челядинъ нашь къ вамъ, и принесеть что, до вспятяти и опять; и еже что принеслъ будеть все цѣло, и да возьметь отъ него золотника два“. Бѣгство челядина, о которомъ говорятъ эти двѣ статьи, предполагаетъ мѣстомъ дѣйствія Грецію, а не Русь. Первую статью мы переводимъ такъ: „если убѣжитъ челядинъ отъ Русскихъ, такъ какъ они приходятя въ страну царствія нашего, и окажется, что онъ дѣйствительно убѣжалъ отъ св. Мамы (постоянное мѣсто стоянки Русскихъ), его должно выдать Русскимъ“ [1]). Итакъ, русскій челядинъ бѣжитъ отъ своего господина, живущаго у св. Мамы; греческій—бѣжитъ къ русскимъ, живущимъ опять у св. Мамы, а не въ Русь. Это видно изъ того, что Русскіе награждаются двумя золотниками, если выдадутъ бѣглаго раба и въ цѣлости все то, что онъ снесъ у своего господина. Прибѣжать къ храму св. Мамы, который находился за стѣной Царяграда, не растративъ сноса, еще возможно; но сохранить его неприкосновеннымъ на всемъ длинномъ пути въ Русь, конечно, дѣло невозможное. Ни Греки, ни Русскіе не могли постановить такой несообразоости.

Что статья „аще ли ключится проказа нѣкака отъ Грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего“... имѣетъ въ виду Грековъ, находящихся въ Греціи, это признаетъ и Эверсъ. На основаніи этихъ соображеній мы думаемъ, что статьи частнаго права опредѣляютъ отношенія Руси и Грековъ въ случаѣ столкновеній, возникающихъ между ними въ Греціи.

Только одна статья договора 911 года распространяетъ дѣйствіе его за предѣлы Греческой территоріи. Это именно статья о крушеніи ладьи. Гдѣ бы это крушеніе ни случилось, но если Русскіе вмѣсто помощи, перебьютъ людей, на ней находящихся, и разграбятъ ихъ имущество „да повинни будуть то ствршии прежереченнаго епитемьею“, то-есть, да будутъ наказаны согласно установленному выше въ этомъ договорѣ объ убійствахъ и кражахъ. Но въ договорѣ 945 года виновнымъ въ тѣхъ же дѣяніяхъ угрожается наказаніемъ не по договору а „по закону руску и гречьску“. И въ этомъ

---

[1]) переводъ Карамзина; „Когда уйдетъ невольникъ изъ Руси въ Грецію, или отъ гостей, живущихъ у св. Мамы, Русскіе да ищутъ и возьмутъ его“. Тотъ же мыслъ даютъ статьѣ Эверсъ и Соловьевъ. Почтенный издатель лѣтописи по списку Лаврентія совѣтуетъ читать: по нь же, вмѣсто понеже. Такъ какъ текстъ дастъ совершенно ясный смыслъ, то едва ли нужны какія нибудь къ нему поправки.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр. 2 л., 7.

случаѣ, значитъ, распространеніе дѣйствія статей договора за предѣлы греческой территоріи оказалось непримѣнимымъ. Наказаніе по закону русскому и греческому надо понимать въ томъ смыслѣ, что виновный будетъ наказанъ по обычаямъ или законамъ той страны, суду которой подпадетъ: если его не накажутъ Русскіе, онъ можетъ быть наказанъ Греками. Зачѣмъ понадобилась такая перемѣна, мы не знаемъ. Можетъ быть именно потому, что Греки убѣдились въ безполезности писать законы для Русскихъ на тѣ случаи, когда усмотрѣніе Русскихъ не могло быть контролируемо греческими властями. Какъ мало полагались Греки на то, что Русскіе будутъ исполнять статьи договора внѣ предѣловъ дѣйствія греческихъ властей, видно изъ статьи о Корсунянахъ, занимающихся рыболовствомъ въ устьѣ Днѣпра. Эти рыбаки могли сдѣлаться жертвою убійства, побоевъ и кражъ со стороны Русскихъ. Договоръ предусматриваетъ возможность такихъ случаевъ, но не установляетъ никакихъ наказаній, а ограничивается однимъ пожеланіемъ: „да не творятъ (Русскіе) имъ (Корсунянамъ) зла никако же". И это очень понятно. Греческая власть не можетъ охранять Корсунянъ въ устьѣ Днѣпра, а потому безполезно и постановлять объ нихъ что-либо точное въ договорѣ.

Итакъ, статьи частнаго международнаго права предназначались для дѣйствія только въ предѣлахъ греческой территоріи и притомъ въ столкновеніяхъ Русскихъ съ Греками, а не Русскихъ между собой; до споровъ Русскихъ съ Русскими, Грекамъ, конечно, не было никакого дѣла.

Русскіе, поступавшіе на службу греческихъ императоровъ, постоянно жили въ Греціи. Этихъ Русскихъ договоры также не касались, кромѣ одной статьи о наслѣдствѣ. Поступивъ на греческую службу, Русскіе, конечно, должны были подчиняться и дѣйствію греческихъ законовъ.

На Грекахъ, участвовавшихъ въ составленіи договора, лежала крайне трудная и кажется намъ, едва ли даже удовлетворительно выполнимая задача. Надо было обезпечить спокойствіе Константинополя и его окрестностей и въ тоже время удовлетворить Русскихъ, обычаи которыхъ именно и угрожали спокойстію и безопасности греческихъ подданныхъ. Греки не могли допустить, чтобы тѣ примитивные способы возстановленія нарушеннаго права, которые были извѣстны Русскимъ, перенесены были въ Грецію. А съ другой стороны, трудно было и прямо требовать отъ Русскихъ, чтобы они от-

казались отъ своихъ обычаевъ и подчинились дѣйствію греческихъ законовъ. Надо было выбрать нѣчто среднее. Если извѣстный русскій обычай могъ быть терпимъ въ Греціи, его надо было оставить. Полезно было даже прямо сослаться на „русскій законъ“, какъ это договоры не разъ и дѣлаютъ, чтобы сѣверные варвары видѣли, что въ договорахъ содержится ихъ право. Но если русскіе обычаи были совсѣмъ непримѣнимы къ культурной жизни Грековъ, ихъ надо было искусно обойдти и замѣнить началами греческаго права. Результатомъ такого положенія дѣла долженъ былъ явиться договоръ, въ которомъ далеко не все могло быть прямо и совершенно опредѣленно выражено. Греки могли утѣшать себя недеждой, что практика разрѣшитъ недосказанное въ ихъ пользу, такъ какъ статьи договора будутъ примѣняться на ихъ же территоріи, въ предѣлахъ дѣствія греческихъ властей.

Насколько дѣйствительно удовлетворили договоры обѣ стороны, объ этомъ судить очень трудно. И въ наше время нерѣдко международные договоры бываютъ понятны и кажутся примѣнимыми только пока пишутся и единственно тѣмъ дипломатамъ, которыми пишутся; но какъ скоро ратификованные установленнымъ образомъ они выходятъ на свѣтъ Божій, такъ сейчасъ же и обнаруживается вся ихъ недосказанность и непримѣнимость. Не думаемъ, чтобы договоры съ Греками совершенно избѣгли этой участи современныхъ договоровъ. Сравненіе перваго договора со вторымъ показываетъ, что въ 945 году понадобилось пояснить то, что въ 911 году казалось совершенно яснымъ.

Юридическій бытъ Грековъ такъ мало походилъ на юридическій быть нашихъ предковъ X вѣка, примиреніе разнообразныхъ началъ греческаго и русскаго права было такъ трудно, что Греки могли даже съ намѣреніемъ обходить молчаніемъ многія различія, лишь бы облегчить соглашеніе. Примѣръ такого намѣреннаго умолчанія даетъ, кажется намъ, одна изъ важнѣйшихъ статей договора, именно статья объ убійствѣ.

Въ договорѣ 911 года читаемъ: „Аще кто убьеть или хрестьанина Русинъ, или хрестьанинъ Русина, да умреть, идѣже аще сотворить убійство“. „Сіе постановленіе, говоритъ Эверсъ, принадлежало какъ тому, такъ и другому праву; по греческому праву убійца умираетъ въ силу судебнаго приговора, по русскому отъ частной мести“ (160). Такимъ обра-

зомъ, эта статья является согласной какъ съ греческими законами, такъ и съ русскими обычаями. По поводу сходства съ русскими обычаями Эверсъ указываетъ даже на то, что въ статьѣ не полагается ни малѣйшаго различія между умышленнымъ и случайнымъ убійствомъ [1]), какъ оно и должно быть на той первоначальной ступени развитія, на какой находились тогда Русскіе. Тобинъ, весьма близко примыкающій къ Эверсу, дѣлаетъ на основаніи этой статьи еще и другое заключеніе къ нашихъ русскимъ обычаямъ; по его мнѣнію, Русскимъ X вѣка выкупъ не былъ извѣстенъ, такъ какъ по статьѣ выкупъ имѣетъ мѣсто только въ случаѣ бѣгства преступника, а не самъ по себѣ (Die Blut-Rache. 131). М. Ф. Владимірскій-Будановъ также видитъ въ статьѣ месть, хотя и допускаетъ возможность процесса послѣ осуществленія мести. Значитъ и по его мнѣнію въ этой статьѣ содержится русское право. Таково, кажется, согласное мнѣніе всѣхъ нашихъ изслѣдователей [2]).

Мы очень сомнѣваемся, чтобы въ разсматриваемой статьѣ дѣйствительно было русское право. Наше право того времени признавало месть. Но это не значатъ, что мститель всегда убивалъ виновника. Время мести есть время самоуправства. Убійца не стоялъ, сложа руки, и не ждалъ смиренно, когда его убьютъ оскорбленные родственники убитаго. Онъ защищался и при этотъ могъ убить мстителей. Эта самооборона въ тѣхъ случаяхъ, когда убійца не сознавалъ себѣ виновнымъ, должна была имѣть, какъ въ его глазахъ, такъ и въ глазахъ его родственниковъ и друзей, всѣ свойства права. Месть, такимъ образомъ, есть право обоюдоострое; въ этомъ одна изъ причинъ появленія рядомъ съ местью выкупа; если успѣхъ кровавой мести сомнителенъ, мститель легко соглашается удовольствоваться выкупомъ, а обидчикъ, въ видахъ замиренія, уплатить его. Мы не имѣемъ никакого основанія думать, чтобы въ X вѣкѣ выкупъ у насъ былъ неизвѣстенъ. Заключеніе Тобина совершенно произвольное.

Въ такомъ видѣ представляется намъ преступленіе убійства по русскому древнѣйшему праву. Можно ли сказать, что статья договоровъ, безусловно предписывающая смерть за убійство, есть русское право? Конечно, нѣтъ. Это чисто римское постановленіе.

---

[1]) На неосновательность этого послѣдняго вывода указано уже *М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ*. Христ., вып. I, стр. 19.

[2]) Въ этомъ же направленіи толкуетъ статьи договоровъ объ убійствѣ и г. *Мейчикъ*.

Пойдетъ далѣе. Статья говоритъ: „да умреть, идѣже аще сотворить убійство“. Мы не знаемъ, что́ стояло въ греческомъ оригиналѣ, но допустимъ, что переводъ точенъ. Какъ же это отомстить на мѣстѣ совершенія убійства? Это, конечно, могло быть, но только случайно. Предписывать же, чтобы мститель пользовался своимъ правомъ только на мѣстѣ преступленія, совершенно невозможно. Такое предписаніе выходитъ изъ какихъ-то иныхъ началъ, а не изъ началъ мести.

Посмотримъ теперь на дѣло съ другой стороны. Нѣтъ ли какихъ-либо стороннихъ указаній, которыя могли бы пролить нѣкоторый свѣтъ на эту спорную статью? Намъ кажется, что есть, но не въ пользу господствующаго мнѣнія. Русскіе должны были входить въ Царьградъ безъ оружія; Грекамъ же носить оружіе не воспрещалось. Какъ же это мстить безъ оружія, да еще убійцѣ, который могъ быть вооруженъ, а зная, что ему угрожаетъ опасность, и непремѣнно вооружится? Очень трудно.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ заключаемъ, что Греки назначили за убійство смертную казнь, вовсе не соображаясь съ русскими народными обычаями. Да и a priori невозможно думать, чтобы они могли допустить осуществленіе самоуправства—мести на улицахъ Константинополя.

Убійцу казнили по приговору суда на мѣстѣ совершенія имъ преступленія. Вотъ почему ничего не говорится о русскомъ выкупѣ, а вовсе не потому, что онъ не былъ извѣстенъ у насъ въ X вѣкѣ. Убійца въ Греціи не могъ откупиться. Это усиленіе сравнительно съ русскими обычаями.

Но выкупъ устраненъ договоромъ не безусловно. Въ слѣдующей статьѣ четаетъ: „Аще ли убежитъ сотворивый убійство, да аще есть домовитъ, да часть его, сирѣчь иже его будетъ по закону, да возметь ближний убьенаго, а и жена убившаго да имѣеть толицемъ же пребудеть по закону. Аще ли есть неимовитъ сотворивый убой и убежавъ, да держиться тяжи, дондеже обращеться, да умреть“. Смыслъ совершенно ясенъ. Если убійца скроется, ближніе убитаго получаютъ имущество убійцы, за исключеніемъ того, что принадлежитъ женѣ. Если у него ничего нѣтъ судъ и казнь отлагаются до поимки. Эверсъ думаетъ, что и эта статья „установлена главнымъ образомъ приспособительно къ русскимъ обычаямъ и въ пользу Руссовъ“ (161), какъ замѣна мести. А мы думаемъ, совсѣмъ напротивъ. Хитрые Греки этою статьею совершенно обошли Русскихъ. Положимъ, убій-

ство совершено въ Константинополѣ. Если убійца Грекъ, ему гораздо легче скрыться, чѣмъ Русскому. А если еще греческія власти захотятъ оказать ему нѣкоторое покровительство во вредъ сѣвернымъ варварамъ, что весьма вѣроятно, то его и никогда нельзя будетъ найдти. Убѣжать же русскому убійцѣ изъ Константинополя совсѣмъ невозможно. Входятъ Русскіе въ городъ одними воротами, въ опредѣленномъ числѣ, съ царевымъ мужемъ. Нѣтъ ничего легче, какъ запереть имъ выходъ изъ города. Какъ же тутъ убѣжать? Скрыться въ городѣ, совершивъ кровавое дѣло, тоже трудно, ибо скрываться нужно у Грековъ же. Если и найдется такой доброжелатель, власти легко могутъ отыскать убійцу. Внѣ стѣнъ Константинополя положеніе нѣсколько мѣняется, но все же Греку въ своей странѣ легче скрыться, чѣмъ Русскому въ чужой. Этой статьей Русскіе совершенно были отданы въ руки Грековъ. Тогда какъ Русскій почти непремѣнно платилъ жизнью за убійство Грека, Грекъ легко могъ отдѣлаться платою. Да притомъ платою, какую захотятъ Греки дать, ибо Русскимъ не легко было доказать, что принадлежитъ мужу, что̀ женѣ. Разсмотрѣнныя статьи разсчитаны на обузданіе сѣверныхъ варваровъ и вовсе не имѣютъ въ виду ихъ пользы, или неприкосновенности ихъ народныхъ обычаевъ. Греки перехитрили нашихъ предковъ.

Хотя Греки вовсе не думали допускать самоуправства Русскихъ въ предѣлахъ своей территоріи, тѣмъ не менѣе, это прямо въ договорѣ не выражено. По этому-то наши изслѣдователи и могутъ думать, что Русскимъ было предоставлено право мести. Какъ понимали договоръ Русскіе временъ Олега и Игоря, мы, конечно, не знаемъ; но можемъ думать, что дѣйствія самоуправства въ Константинополѣ совершались ими и послѣ договора 911 года и, можетъ быть, даже въ полномъ сознаніи своего права, такъ какъ договоръ не запрещаетъ самоуправства. Это слѣдуетъ думать на основаніи тѣхъ новыхъ постановленій, которыя находимъ въ договорѣ 945 года. Тамъ есть прямое воспрещеніе самоуправства. Если самоуправство надо было воспретить, то конечно, потому, что Русскіе, въ промежутокъ времени отъ 911 по 945 годъ, расправлялись сами съ своими обидчиками, хотя, можетъ быть, и изрѣдка.

Но прежде, чѣмъ приведемъ эту статью, остановимся еще на одномъ постановленіи договора 945 года, съ нашей точки зрѣнія очень важномъ. Послѣ правилъ о порядкѣ

входа и выхода Русскихъ изъ Царьграда, согласныхъ съ такими же правилами предшествовавшаго договора, читаемъ: „мужь царства нашего да хранитъ я (Русскихъ), да аще кто отъ Руси или отъ Грекъ створить криво, да отправляеть то“. Русскіе, слѣдовательно, имѣютъ въ лицѣ греческаго чиновника охранителя своихъ интересовъ и судью въ своихъ столкновеніяхъ съ Греками. Это постановленіе вполнѣ уясняетъ точку зрѣнія Грековъ: Русскіе не расправляются сами. Мы не имѣемъ никакого основанія ограничивать дѣятельность этого чиновника какимъ-либо однимъ родомъ дѣлъ, или дѣлами, возникающими только въ Константинополѣ. Какая бы кривда ни была совершена Русскимъ или Грекомъ и гдѣ бы она ни произошла, въ городѣ или у св. Мамы, управу чинитъ греческій чиновникъ.

Но и это опредѣленіе показалось Грекамъ еще недостаточнымъ для вразумленія Русскихъ, а потому они нашли нужнымъ внести въ договоръ еще слѣдующую статью: „Аще ли ключится проказа нѣкака отъ Грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего, да не имате власти казнити я, но повеленьемъ царства нашего да приметь, якоже будеть створилъ“. Статья эта приводитъ въ полное изумленіе тѣхъ нашихъ изслѣдователей, которые въ постановленіяхъ объ убійствѣ усматриваютъ русскія начала мести. „Сіе постановленіе, говоритъ Эверсъ, съ перваго взгляда представляется столь страннымъ, что толкователь совершенно изумѣваетъ“ (108). Шлецеръ находилъ статью невозможной.

Побѣдивъ свое невольное изумленіе, Эверсъ пришелъ къ мысли, что статья относися лишь къ пребыванію Руссовъ по дѣламъ торговли въ самой Греціи. Но если это такъ, если въ предѣлахъ Греціи всѣ притязанія Русскихъ къ Грекамъ рѣшались греческими властями и, конечно, на основаніи греческаго права, а не договора, который допускаетъ самоуправство мести, то отсюда слѣдуетъ, что статьи договора въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчиками были Греки, предназначались только для примѣненія внѣ предѣловъ Греціи. Выводъ до такой степени неожиданный и невозможный, что къ нему не присоединился даже Тобинъ, почти во всемъ согласный съ Эверсомъ. По мнѣнію Тобина статья говоритъ о небольшихъ правонарушеніяхъ, а не о тѣхъ, которыя вызываютъ месть (158) Въ небольшихъ правонарушеніяхъ надо обращаться къ греческому суду, а въ убійствахъ можно мстить. Того же мнѣнія держался и покойный И. Д. Бѣляевъ.

Но что проказы означаютъ небольшія дѣла, въ противоположность большимъ и именно убійствамъ, это произвольное предположеніе, ничѣмъ не доказанное. „Проказа нѣкака“ означаетъ всякія дѣла, какъ вышеприведенное выраженіе „створить криво“ означаетъ всякія столкновенія Русскихъ съ Греками. Но независимо отъ произвольнаго толкованія слова „проказа“, пониманіе Тобина и само-по себѣ мало вѣроятно. Если самоуправство Русскихъ не терпѣлось въ неважныхъ дѣлахъ, то какъ могли Греки допустить его въ большихъ и важныхъ? М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ примѣчаніи къ разсматриваемой статьѣ говоритъ: „въ этой статьѣ не выговаривается новой привиллегіи для Грековъ; она выражаетъ только общее правило всѣхъ старинныхъ законодательствъ: преступленіе подлежитъ суду той власти, коей подчиненъ отвѣтчикъ“. Если такъ, то можно спросить: кто же осуществляетъ послѣ-судебную месть, которую авторъ допускаетъ на основаніи статьи объ убійствѣ, находящейся въ этомъ договорѣ? Русскіе не могутъ, такъ какъ Греки-убійцы подлежатъ суду греческой власти и наказываютси ею по греческимъ законамъ. Греки—еще менѣе, такъ какъ послѣ-судебная месть не греческое учрежденіе.

Съ нашей точки зрѣнія статья не возбуждаетъ никакихъ недоразумѣній. Русскимъ воспрещается всякое самоуправство въ Греціи. Всѣ ихъ столкновенія съ Греками разрѣшаются греческими властями на основаніи постановленій договора. Это предполагается уже первымъ договоромъ, но выражено съ совершенной опредѣленностью только во второмъ, потому, можетъ быть, что то, что предполагалось и прежде Греками, не было понято должнымъ образомъ ихъ союзниками.

За только что разобранной статьей слѣдуетъ повтореніе двухъ статей договора 911 года объ убійствѣ, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ: „Аще убьеть хрестьанинъ Русина, или Русинъ хрестьанина, да держимъ будеть створивый убийство отъ ближнихъ убьенаго, да убьють и. Аще ли ускочить створивый убой и убѣжить, аще будеть имовітъ, да возмуть имѣнье его ближнии убьенаго; аще ли есть неимовитъ и ускачить же, да ищуть его, дондеже обрящется, еще ли обрящется, да убьенъ будеть“. Выраженіе „да убьють и“ мы считаемъ равнымъ выраженію предшествовшаго договора „да умреть“. Если Греки и въ этомъ второмъ договорѣ, въ которомъ они ясно высказались противъ самоуправства Русскихъ, не измѣнили этой формулы, это доказываетъ, что въ гречес-

комъ оригиналѣ она не возбуждала никакихъ недоразумѣній относительно того, что здѣсь разумѣется казнь, а не месть. Измѣненія противъ перваго договора состоятъ въ слѣдующемъ: 1) ближнимъ убіеннаго предоставлено право задержать убійцу и 2) опущена оговорка относительно имущества жены. Оба эти измѣненія легко привести въ связь съ сдѣланнымъ уже нами объясненіемъ этихъ статей по первому договору. Мы указали тамъ на невыгодныя послѣдствія, вытекающія для Русскихъ изъ этой второй статьи. Вѣроятно, были нерѣдки случаи, что Греки-убійцы дѣйствительно скрывались ненаказанные; изъ имущества же ихъ выдавалось очень немногое, а остальное показывалось принадлежащимъ женѣ. При заключеніи новаго договора Русскіе обратили на это вниманіе. Чтобы удовлетворить ихъ, Греками сдѣлана уступка, хотя и не очень большая. Объ имѣніи жены вовсе не упомянуто; это, конечно, не значитъ, что оно шло ближнимъ убитаго. Что касается бѣгства преступника, то Греки могли отвѣчать на жалобы русскихъ: держите его сами, это ваше дѣло, тогда мы будетъ судить его и виновный „приметь повелѣніемъ царства нашего, якоже будеть створилъ“. Предоставить Русскимъ право задержать убійцу и, такимъ образомъ, лишить его свободы надо было еще и по другому соображенію. Договоръ 945 года проникнутъ, какъ мы видѣли, рѣшительнымъ стремленіемъ ограничить самоуправство Русскихъ. Въ виду этого могъ даже возникнуть вопросъ, можно ли Русскимъ, единоплеменникамъ убитаго, наложить руку на убійцу? Договоръ даетъ удовлетворительный отвѣтъ.

По указаннымъ нами побужденіямъ, или по какимъ-либо другимъ возникли тѣ измѣненія постановленій договора 911 года объ убійствѣ, которыя встрѣчаются въ позднѣйшемъ договорѣ,—но ни въ какомъ случаѣ нельзя думать, что статья этого позднѣйшаго договора говоритъ о мести. Выраженіе „да держимъ будеть створивый убийство отъ ближнихъ убьенаго, да убьють й“ никакъ не можетъ быть соглашено съ обычаями мести. Чтобы отомстить, вовсе не нужно овладѣть преступникомъ и держать его. Мститель можетъ убить преступника внезапно, вовсе не обнаруживая своего намѣренія впередъ. Если статья требуетъ задержанія, то, конечно, не для мести, а для суда.

Чтобы покончить съ постановленіями, имѣющими отношеніе къ убійству, приведемъ статьи объ убійствѣ въ случаѣ необходимой обороны. Договоры знаютъ два такихъ случая:

1) убійство вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, и 2) убійство Русскаго, пріѣхавшаго въ Грецію безъ установленной грамоты.

Въ договорѣ 911 года читаемъ: „Аще украдетъ что Русинъ любо у хрестьанина, или паки хрестьанинъ у Русина, и ятъ будетъ, да не взыщеться смерть его ни отъ хрестьанъ, ни отъ Руси;.. Аще вдасть въ руцѣ свои украдый, да ятъ будеть тѣмже, у него же будеть украдено, и связанъ будеть, и отдастъ тое, еже смѣ створити...“ Не ясное выраженіе „аще приготовить ся тать“ хорошо объясняется противополагаемымъ ему: „аще вдасть въ руцѣ свои украдый“. То-есть, въ первомъ случаѣ воръ сопротивляется, во второмъ—покорно протягиваетъ руки. Въ договорѣ 945 года о Русскихъ, пріѣхавшихъ въ Грецію безъ установленной грамоты, сказано; ...„да держимъ (ихъ) и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему; аще ли руку не дадятъ и противятся, да убьени будуть, да не изищется смерть ихъ отъ князя вашего“. И здѣсь „не дать рукъ своихъ“ значитъ сопротивляться. „Приготовиться“ договора 911 года есть, по всей вѣроятности, испорченное переписчикомъ „противиться“. Постановленіе договора 945 года, конечно, новое. Оно важно въ томъ отношеніи, что за Греками признается право убивать Русскихъ, въ случаѣ сопротивленія ихъ греческимъ властямъ. О постановленіи же перваго договора Эверсъ говоритъ, что оно „подходитъ ближе къ русскому, нежели къ греческому праву“ (180). Посылки, отъ которыхъ онъ отправляется, совершенно вѣрны, но выводъ ложенъ. По древнему русскому праву, что признаетъ и Эверсъ, вора, застигнутаго на мѣстѣ преступленія, можно было убить безусловно (Рус. Пр. по Акад. сп. ст. 20). По греческому можно было безнаказанно убить только „въ нощи крадущаго вора“ и то, „если нельзя было безъ бѣды пощадить его“. И такъ, по русскому праву допускается безусловное убійство вора, убійство вора переходитъ у насъ въ месть вору; по греческому—только условное, это не месть, а самооборона. Это начало условнаго убійства вора проводится и въ договорѣ. Въ статьѣ ничего не говорится о времени кражи, но убійство вора допускается, если онъ будетъ сопротивляться, то-есть, условно, если „нельзя будетъ безъ бѣды пощадить его“. Здѣсь опять, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ греческимъ вліяніемъ, стѣсняющимъ русскіе нравы. Но могло ли быть иначе? Для признанія за Русскими права дѣйствовать въ Греціи по своимъ обычаямъ вовсе не нужно было

писать договора: для Рускихъ это казалось совершенно естественнымъ. И послѣ существеннаго измѣненія ихъ обычаевъ договоромъ, они, по всей вѣроятности, постоянно сбивались на свое народное право.

Слѣдующая статья договора 911 года относится къ оскорбленію дѣйствіемъ; назначая за ударъ мечемъ, или какимъ-либо оружіемъ 5 литръ серебра, она говоритъ, что такъ полагается по закону русскому. „По закону русскому“ относится не къ опредѣленію количества литръ, какъ это было уже замѣчено еще Эверсомъ, а къ денежной платѣ вообще, такъ какъ по греческимъ законамъ оскорбленіе дѣйствіемъ наказывалось иначе. Но не смотря даже на ссылку на русскій законъ, русское обычное право перешло въ договоръ не цѣликомъ, а весьма урѣзанное. Въ Русской Правдѣ сохранились слѣды того стараго порядка вещей, по которому оскорбленіе дѣйствіемъ, какъ и убійство, преслѣдовалось местью; плата же появилась, какъ возмездіе за отказъ отъ мести. Въ Троицкомъ спискѣ Русской Правды читаемъ: „Аще кто кого оударить батогомъ и пр., то 12 гривенъ; не терпя ли противу тому оударить мечемъ, то вины ему въ томь нѣтуть“. Смыслъ этой статьи таковъ: за ударъ батогомъ и пр. взыскивается 12 гривенъ, если обиженный обратится въ судъ; но если онъ на ударъ отвѣтилъ ударомъ, хотя бы употребилъ при этомъ даже мечъ (то-есть, отомстилъ), онъ не подлежитъ наказанію, но, конечно, не получаетъ и 12 гривенъ. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что въ X вѣкѣ было иначе. Изъ русскаго закона Греки взяли только то, что казалось имъ удобнымъ. И статья о побояхъ, слѣдовательно, какъ и статья объ убійствѣ, не только ничего не прибавляетъ къ нашимъ свѣдѣніямъ о русскихъ обычаяхъ, но есть существенное ихъ измѣненіе. Русскіе въ Греціи должны были вести себя совсѣмъ иначе, чѣмъ у себя дома: они должны довольствоваться платой и только. Греки весьма послѣдовательно проводятъ принципъ обузданія сѣверныхъ дикарей [1]). Заключеніе статьи, по которому виновный, выдавъ все свое имущество, освобождается отъ всякаго дальнѣйшаго взысканія, хотя бы цѣнность имущества и не покрывала 5 литръ, также новое и вовсе не въ духѣ русскихъ обычаевъ, по которымъ надо предполагать

[1]) *Тобинъ*, 139, усматривая несоотвѣтствіе между статьей о побояхъ, ссылающейся на русскій законъ, и русскимъ закономъ, допускавшимъ месть, приходитъ къ предположенію, что въ этомъ мѣстѣ договора есть пропускъ. По его мнѣнію, договоръ долженъ былъ также допускать месть за побои, какъ онъ допускаетъ ее за убійство. Это у него послѣдовательно, но невѣрно

въ данномъ случаѣ продажу въ рабство, или выдачу головой въ услуженіе до покрытія долга.

Статьи о кражѣ назначаютъ за это преступленіе денежный штрафъ въ равномъ, двойномъ и даже въ тройномъ размѣрѣ противъ цѣны украденнаго. Денежныя пени за кражу одинаково извѣстны какъ русскому, такъ и греческому праву. Но опредѣленіе ихъ въ размѣрѣ двойной (или тройной) цѣны украденнаго опять не русское, а чисто греческое [1]). Эклога и Градскіе Законы опредѣляютъ именно двойную цѣну. Это соотвѣтствіе денежной пени, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, законамъ обѣихъ странъ и дало основаніе составителямъ договора 945 года сказать въ заключеніе второй статьи о кражѣ: „и то показненъ будетъ по закону гречьскому и по уставу и по закону русскому“, то-есть: вышереченная пеня назначена согласно съ законами обѣихъ странъ.

Эти заключительныя слова давно обратили на себя вниманіе нашихъ изслѣдователей. Эверсъ находитъ ихъ въ высшей степени неопредѣленными (172). Разбирая это выраженіе подробно (197), онъ приходитъ къ тому заключенію, что виновный въ кражѣ, кромѣ платы ея двойной цѣны, подвергался еще уголовному наказанію согласно съ законами обиженной стороны. Къ этому мнѣнію примыкаютъ, хотя и съ нѣкоторыми его модификаціями, и наши новые изслѣдователи [2]). Принять такое объясненіе довольно трудно. Русскіе и греческіе законы очень расходятся въ наказаніи вора. Русскіе знаютъ только продажу, то-есть денежную пеню въ пользу князя. По Эклогѣ же и Градскимъ Законамъ человѣкъ состоятельный, который могъ уплатить двойную цѣну украденной вещи, не подлежалъ никакому другому наказанію, бѣдный же, который не могъ уплатить пени, подвергался тѣлесному наказанію и изгнанію. За вторую кражу греческіе законы угрожаютъ даже отсѣченіемъ руки. Мы не знаемъ, что

---

1) *Эверсъ* и здѣсь непремѣнно хочетъ видѣть чисто русское право. Онъ отвергаетъ чтеніе тѣхъ списковъ Олегова договора, въ которыхъ упоминается о платѣ въ трое, между прочимъ, на томъ основаніи, что такое постановленіе несообразно съ русскимъ нравомъ, и предлагаетъ читать только слова: „да отдастъ тое, еже смѣ створити“. Эти же слова онъ толкуетъ въ томъ смыслѣ, что воръ долженъ былъ удовлетворить обиженнаго по его усмотрѣнію (171). Для древней Руси это весьма вѣроятно, но въ предѣлахъ Греціи совершенно невозможно.

2) Ск. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Хрестоматія, вып. I, стр. 19, пр. 19. Усматривая, какъ и Эверсъ, въ приведенныхъ словахъ установленіе особаго наказанія помимо денежной пени, почтенный издатель отступаетъ отъ Эверса въ томъ, что примѣненіе тѣхъ или другихъ законовъ условливается національностью преступника, а не пострадавшаго, какъ Эверсъ.

при Игорѣ были уже продажи въ пользу князя. Но если и предположимъ, что были, все таки трудно допустить, что одна изъ договаривающихся сторонъ согласилась, чтобы ея подданныхъ наказывали тѣлесно, приговаривали къ изгнанію изъ отечества и даже къ отсѣченію руки, тогда какъ подданные другой стороны будутъ отдѣлываться отъ всякаго дальнѣйшаго преслѣдованія уплатой продажи. Наконецъ, гдѣ тотъ уставъ продажъ, по которому Греки должны были ихъ взыскивать? Его и въ Россіи то, конечно, еще не было. Если имѣлась въ виду княжеская продажа, то ее надо было опредѣлить; руководствоваться же русскими обычаями было невозможно, такъ какъ въ Константинополѣ можно было украсть такія вещи, какихъ въ Руси вовсе и въ обращеніи не было. По всѣмъ этимъ соображеніямъ думаемъ, что словами: „и то показненъ будетъ по закону гречьскому и по уставу и по закону русскому» не установляется за кражу какого либо другаго наказанія помимо двойной цѣны, а выражается только та общая мысль, что вышеозначенный штрафъ и есть наказаніе, опредѣленное согласно съ законами обѣихъ странъ.

Статьи договоровъ, относящіяся къ имущественнымъ правонарушеніямъ, принадлежатъ къ наиболѣе испорченнымъ переписчиками. Не смотря на это, онѣ даютъ поводъ нашимъ изслѣдователямъ ко многимъ и весьма важнымъ выводамъ.

На основаніи статей договора 911 года заключаютъ, что онѣ различали простое воровство, грабежъ и разбой; въ статьяхъ договора 945 усматриваютъ наказуемость покушенія на грабежъ [1]). Мы не можемъ присоединиться ни къ одному изъ этихъ выводовъ. Но по неясности текста мы не въ состояніи предложить и собственнаго толкованія. Для насъ несомнѣненъ только общій смыслъ статей, тотъ, что именно ими установляются денежныя пени за имущественныя правонарушенія; всѣ же другіе выводы кажутся намъ крайне шаткими.

Говорятъ, что договоръ 911 года различаетъ простое воровство, грабежъ и разбой. Но наказаніе за всѣ эти дѣянія полагается одинакое: тройная цѣна украденнаго. Какое же это различіе? Что бы пострадавшій ни доказалъ: фактъ кражи, грабежа или разбоя, виновный одинаково уплачиваетъ тройную цѣну. При этомъ условіи различіе равно совершенному безразличію. Пострадавшему нѣтъ никакой надобности доказывать грабежъ или разбой: довольно доказать простую кражу.

---

1) См. *Эверсъ*, стр. 169 и сл.; и 194 и сл.; *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, примѣчанія на стр. 7, 8 и 10.

Статья договора 945 года, въ которой видятъ наказуемость покушенія на грабежъ, читается такъ: „Аще ли кто покусится отъ Руси взяти что отъ людий царства нашего, иже то створить, покажненъ будеть вельми; аще ли взялъ будеть, да заплатить сугубо“... На нашъ взглядъ, здѣсь говорится вовсе не о грабежѣ, а о простой кражѣ. „Взять что отъ людий царства нашего“ вовсе не значитъ взять насильно, то есть, ограбить. Такимъ образомъ, если здѣсь есть наказуемое покушеніе, то не на грабежъ, а на воровство. Но и по римскому праву не было наказуемо покушеніе въ преступленіяхъ съ частнымъ характеромъ, къ каковымъ относилось воровство; не было оно наказуемо и по греческому. Кто же это установилъ въ договорѣ наказуемость покушенія на кражу? Греки не могли, ибо они этой тонкости сами не знали. Неужели ихъ научили этому русскіе послы и гости? Чрезвычайно сомнительно. Мы думаемъ, что статья вовсе и не говоритъ о наказуемости покушенія. „Покаясненъ будетъ вельми“ поставлено въ зависимость отъ „иже то створить“. „Створить“, думаемъ мы, значитъ „возьметъ“, то-есть, украдетъ. Смыслъ статьи будетъ такой: если кто вздумаетъ украсть что-либо, и дѣйствительно украдетъ, весьма будетъ наказанъ: сугубо заплатитъ. Въ словахъ „показненъ будетъ“ и потому нельзя видѣть особаго наказанія за покушеніе, что договоры вездѣ точно опредѣляютъ наказанія и самые размѣры денежныхъ пеней (для точнаго опредѣленія отношеній договоривающихся сторонъ и съѣхались ихъ представители), здѣсь же допускается совершенная неопредѣленность „очень будетъ наказанъ“, и это въ вопросѣ, который не опредѣлялся ни греческими законами, ни русскими обычаями.

Мы разсмотрѣли всѣ статьи по уголовному праву, содержаніе которыхъ требуетъ и допускаетъ какое-либо объясненіе. Статьи о кражѣ и укрывательствѣ челядина ясны и не нуждаются въ толкованіи [1]). Статья перваго договора, начинающаяся словами: „Аще злодѣй възвратится въ Русь“... намъ совершенно непонятна. Чтеніе И. И. Срезневскаго: „Аще злодѣй не возвратится въ Русь“ и предложенное имъ соединеніе этой статьи съ предшествующей кажутся намъ наиболѣе вѣроятными.

Къ гражданскому праву относится только одна статья

---

[1]) „Местникъ“ договора 911 года не мститель, какъ думалъ Эверсъ, а хозяинъ дома, перев. греч. κεκτημένος, какъ объяснилъ *И. Д. Бѣляевъ*.

договора 911 года: „И о работающихъ въ Грѣцѣхъ Руси у хрестьанскаго царя. Аще кто умреть, не урядивъ своего имѣнья, ци своихъ не имать, да възратиться имѣніе к малымъ ближикамъ в Русь; аще ли сотворить обряжение таковый, возметь уряженое его, кому будетъ писалъ наследити имѣнье его, да наслѣдить е́ отъ взимающихъ куплю Руси, отъ различныхъ ходящихъ во Греки и удолжающихъ“ Эта статья имѣетъ въ виду только тѣхъ Русскихъ, которые постоянно жили въ Греціи, состоя въ греческой службѣ. Постановлять что либо о наслѣдствѣ пословъ и гостей, останавливавшихся у св. Мамы, не было надобности, такъ какъ это было ихъ домашнее дѣло, Грековъ не касавшееся [1]).

Первая половина приведенной статьи такъ близка къ извѣстному опредѣленію XII таблицъ о порядкѣ наслѣдованія, что высказанная уже въ нашей литературѣ догадка о томъ, что статья эта есть буквальный переводъ римскаго текста: Si intestato moritur cui suus heres nec escit, agnatus proximus familiam habeto,—представляется чрезвычайно вѣроятной. Для агната русскій языкъ не имѣетъ соотвѣтствующаго слова и переводчикъ выраженіе „agnatus proximus“ передалъ „малымъ ближикомъ“; малый, по всей вѣроятности, описка, вмѣсто милый. Только имѣя въ виду латинскій текстъ, и можно понять совершенно необъяснимое выраженіе „ци своихъ не имать“ и противоположеніе этимъ „своимъ“ какихъ-то „ближиковъ“.

Но какъ могла составителямъ договора придти въ голову мысль внести въ договоръ правила XII таблицъ? Грекамъ, во избѣжаніе столкновеній съ Русскими, надо было опредѣлить порядокъ наслѣдства послѣ Русскихъ, служившихъ въ Греціи, у которыхъ могли быть родственники въ Руси. Выяснить русское право и занести его въ договоръ они не взяли на себя труда; да это, по всей вѣроятности, и не легко было сдѣлать по различію обычаевъ. Распространить на Русскихъ то право, которое дѣйствовало въ самой Греціи, было неудобно. Это право было слишкомъ сложно для тѣхъ первобытныхъ отношеній, въ которыхъ находилась Русь; для его изложенія потребовался бы цѣлый рядъ статей. Правило XII таблицъ не представляетъ этихъ неудобствъ. По своей древности оно могло даже казаться Грекамъ соотвѣтствующимъ той степени развитія, на которой находились ихъ союзники. Въ томъ видѣ, въ какомъ это правило изложено въ договорѣ,

---

[1]) Г. *Лавровскій* (128) подъ Русскими, работающими у христіанскаго царя, разумѣетъ всѣхъ Русскихъ, живущихъ по своимъ дѣламъ въ Греціи.

оно очень удобно для Грековъ. Русскимъ предоставляется неограниченное право завѣщать свое имущество, кому хотятъ. Если наслѣдникъ находился въ Руси, передача имущества совершалась чрезъ Русскихъ. Греческія власти освободили себя, кажется, отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла этого рода, а, слѣдовательно, и отъ всякой отвѣтственности [1]).

Эта статья служитъ новымъ доказательствомъ, какъ мало Греки заботились о русскомъ правѣ и какъ искусно умѣли они провести въ договоръ то, что̀ хотѣли. Русскимъ посламъ, участникамъ договора, принадлежала весьма пассивная роль. Но могло ли быть иначе?

Къ процессу относится всего только одна статья. Въ первомъ договорѣ читаемъ: „Иже ся ключитъ проказа, урядимъ ся сице: да елико явѣ будеть показаніи явлеными, да имѣють вѣрное о тацѣхъ явленіи: а ему же начнуть не яти вѣры, да кленется часть та, иже ищеть неятью вѣры; да егда клеиеться по вѣре своей, и будеть князь, якоже явиться согрѣшенье о семъ“. Эта статья дала поводъ Эверсу написать цѣлыхъ шесть страницъ о совершенномъ ея соотвѣтствіи духу нашего древняго права (152—157). Мы, наоборотъ, думаемъ, что она представляетъ существенное отступленіе отъ порядковъ нашего древняго процесса.

Текстъ статьи не совсѣмъ ясенъ, и потому подвергался весьма разнообразнымъ толкованіямъ. Выше мы объяснили уже, на основаніи подлинныхъ выраженій договора, что̀ значитъ слово „проказа“, и изъ значенія этого слова вывели то заключеніе, что статья имѣетъ общее процессуальное значеніе, а не относится только къ убійствамъ. Затѣмъ слѣдуетъ: „елико явѣ будеть показаніи явлеными, да имѣють вѣрное о тацѣхъ явленіи“. И. И. Срезневскій, подставивъ (предположительно, конечно) греческія слова подъ русскія выраженія, получилъ такой смыслъ: какія бы ни были показанія обвинителей, надобно вѣрить ихъ обвиненіямъ [2]). Надо ли доказывать, что ничего подобнаго Греки никогда не могли допустить? Конечно, нѣтъ. Самый пріемъ, при посредствѣ котораго былъ достигнутъ такой неудовлетворительный результатъ, едва ли правиленъ. Подстановку словъ первоначальнаго языка къ переводу, съ нѣкоторой надеждой возстановить настоящій смыслъ неясныхъ мѣстъ перевода, можна дѣлать только

---

1) Иначе объясняетъ происхожденіе этой статьи *Никольскій*, О началахъ наслѣдованія стр. 204—223.

2) *Изв.* Имп *Акад. Нуакъ по отд. русск. яз. и слов.*, т. III. стр. 200.

въ тѣхъ случаяхъ, когда выраженія перевода напоминаютъ техническія, или ходячія выраженія языка, на которомъ былъ написанъ оригиналъ, какъ напрмѣръ, въ вышеприведенной подстановкѣ И. Д. Бѣляева, или во многихъ случаяхъ подстановокъ г. Н. Лавровскаго. Безъ этого условія всякая подстановка будетъ совершенно произвольна и въ результатѣ получится только обратный переводъ на гречесеій языкъ, который можетъ удалить насъ отъ первоначальнаго текста еще далѣе, чѣмъ это сдѣлано первымъ переводчикомъ. Это именно здѣсь и случилось.

Не смотря на значительную неясность текста, изъ него можно сдѣлать слѣдующій несомнѣнный выводъ, принимаемый и Эверсомъ. Статья различаетъ два рода доказательствъ, которыя другъ другу противополагаются; это будутъ: „показанія явленыя“ и присяга сторонъ. Прежде идутъ эти „показанія“. Имъ надо вѣрить. Если же они не будутъ заслуживать вѣры, тогда обращаются къ присягѣ. Присяга сторонъ является, такимъ образомъ, дополненіемъ къ доказательствамъ перваго рода. Что же такое доказательства перваго рода, эти „показанія явленыя“? На основаніи противоположенія ихъ присягѣ сторонъ думаемъ, что „показанія явленыя“ суть матеріальные слѣды событія и показанія стороннихъ лицъ. Такъ понимаетъ и Эверсъ. Всѣ возможные виды суда Божія, извѣстные нашему древнему праву, сюда не подойдутъ. Ихъ, вопервыхъ, очень трудно разумѣть подъ внѣшними (явленыя) проявленіями (показаніями) дѣла, и вовторыхъ, отъ суда Божія невозможенъ переходъ къ присягѣ сторонъ.

Вотъ, кажется, настоящій смыслъ этого мѣста. Какое же это право—русское, или греческое? Древнее русское право, также какъ и греческое, знаетъ внѣшніе признаки дѣла и присягу, но, въ отличіе отъ греческаго, оно было въ сильной степени проникнуто элементомъ чудеснаго. У насъ употреблялась не одна присяга, но и суды Божіи. Эти послѣдніе смысломъ статьи не допускаются. Если въ статьѣ и есть русское, то опять не все русское, а только то изъ него, что̀ подходило и къ греческимъ понятіямъ. Смыслъ статьи совершенно соотвѣтствуетъ порядкамъ греческимъ, русскимъ же только отчасти. Это и понятно: не могли же Греки допустить судовъ Божіихъ. Думаемъ, что они не допускали и нѣкоторыхъ другихъ доказательствъ, извѣстныхъ на Руси, напримѣръ, помощниковъ на судѣ.

Далѣе. Что̀ значитъ „а ему же начнуть не яти вѣры“?

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб. Вас. Остр., 2 л., 7.

Кто можетъ отвергать своимъ невѣріемъ „явленыя показанія“? Эверсъ думаетъ, что это друзья и соотечественники, вѣроятно, имѣвшіе право участвовать въ судопроизводствѣ и не хотѣвшіе согласиться на обвиненіе истца. Для Руси такая постановка древняго процесса весьма вѣроятна. Но можно ли думать, что въ Греціи Русскимъ было предоставлено право по усмотрѣнію своему отвергать доказательства, представленныя истцомъ? Это весьма сомнительно.

Судъ въ Греціи, какъ мы видѣли, происходитъ передъ греческимъ чиновникомъ; оцѣнка доказательствъ, конечно, принадлежитъ ему. Если онъ найдетъ, что они недостаточны, то присуждаетъ присягу.

Кому же дается присяга? Въ текстѣ сказано: „да кленется часть та, иже ищетъ неятью вѣры“. Отъ слова “ищеть“ у насъ обыкновенно заключаютъ, что присягаетъ истецъ, и что эта присяга дополнительная. Но на языкѣ нашихъ древнихъ памятниковъ истецъ и отвѣтчикъ еще не различаются. Отвѣтчикъ тоже называется истцемъ. Выраженіе „иже ищетъ неятью вѣры“ намъ совершенно непонятно. Но на основаніи „ищеть“ нѣтъ еще повода заключать къ истцу. Слова же „да кленется часть та, которая“... даютъ поводъ думать, что присяга можетъ быть присуждена и той и другой сторонѣ, то-есть, истцу, или отвѣтчику, смотря по ходу дѣла. И дѣйствительно, въ договорахъ мы имѣемъ случай очистительной присяги отвѣтчика. Лице, обязанное уплатить истцу 5 литръ серебра, выдавъ ему все свое имущество и снявъ съ себя то самое платье, въ которое было одѣто, освобождается отъ всякаго дальнѣйшаго взысканія, если подтвердитъ присягою свое заявленіе о томъ, что у него ничего нѣтъ болѣе.

Примѣръ дополнительной присяги даетъ договоръ 945 года въ искѣ бѣжавшаго раба. Если бѣжавшій отъ Русскаго рабъ не розысканъ, фактъ бѣгства считается сомнительнымъ, хотя онъ, конечно, удостовѣренъ показаніемъ хозяина и другихъ Русскихъ (надо думать, что Русскимъ не очень въ Константинополѣ вѣрили); чтобы получить удовлетвореніе изъ императорской казны, хозяинъ бѣжавшаго раба долженъ былъ присягнуть.

Смыслъ разобранной статьи будетъ такой: иски доказываются (и опровергаются) матеріальными слѣдами событія и показаніями стороннихъ лицъ; если судья найдетъ эти доказательства недостаточными, онъ присуждаетъ присягу—до-

полнительную или очистительную, смотря по обстоятельствамъ дѣла. Изъ этого общаго правила двѣ только что приведенныя статьи составляютъ исключеніе. Первою самимъ договоромъ уже представлено право присяги обвиняемому, второю истцу [1]).

Мы не будемъ разбирать статьи, относящіяся къ публичному международному праву. Что онѣ также даютъ новое право, это, сколько мы знаемъ, никѣмъ не отрицалось. Мы обратимъ вниманіе только на постановленіе о выкупѣ плѣнныхъ.

Установленіе выкупа плѣнныхъ, какъ обязанности, есть мысль греческая. Она вызывалась тамъ религіозными соображеніями и тѣмъ еще, что греческое государство должно было сознавать за собою обязанность заботиться о греческихъ подданныхъ, попадавшихъ въ плѣнъ къ варварамъ. У насъ не было ни того, ни другаго условія для туземнаго возникновенія идеи о выкупѣ плѣнныхъ. Позднѣе, подъ вліяніемъ христіанства, эта человѣколюбивая мысль дѣлается и русской. Договоры впервые заносятъ ее къ намъ. Но они относятся къ ней не одинаково. Въ первомъ договорѣ идея выкупа проведена гораздо сильнѣе, чѣмъ во второмъ. Статья „Аще полоняникъ обою страну“ и пр. возлагаетъ на Русскихъ и на Грековъ обязанность выкупать плѣнныхъ Грековъ, гдѣ бы они ихъ ни нашли, и возвращать ихъ на родину [2]). Второй договоръ этой статьи не повторяетъ и ничего не говоритъ объ обязанности выкупа; онъ опредѣляетъ только цѣну, по которой должны быть выкуплены плѣнники, приводимые Русью въ Грецію. Чѣмъ объяснить эту разницу? Эверсъ высказываетъ мысль, что договоръ 945 года есть только дополнительный къ первому, а потому содержитъ однѣ прибавочныя статьи, дополняющія или измѣняющія статьи договора Олега. Съ этой точки зрѣнія, статьи договора 911 года, не измѣненныя договоромъ 945 года, продолжаютъ дѣйствовать, хотя бы и не были повторены [3]).

---

[1]) Иначе толкуетъ эту статью *М. Ф. Владиміркій-Будановъ* въ прим., къ 3 ст. договора.

[2]) Мы девжимся толкованія этой статьи, предложеннаго С. М. Соловьевымъ.

[3]) Стр. 139 и сл. Предположеніе Эверса вполнѣ принято Тобиномъ, который въ своемъ изданіи договоровъ не нашелъ даже нужнымъ издать договоръ 945 года съ сохраненіемъ свойственной ему послѣдовательности статей, а отпечаталъ его въ порядкѣ статей договора Олега, въ видѣ приложенія къ нему. Такой взглядъ едва ли правиленъ. Источники говорятъ не о дополненіи къ прежнему миру, а объ обновленіи его. Старый миръ пришелъ въ забвеніе, онъ не исполнялся, а потому и оказалось нужнымъ возобновить его, а не дополнить только.

Вопросъ о взаимномъ отношеніи двухъ договоровъ, въ текстѣ которыхъ это отношеніе не выяснено, всегда представляетъ большія трудности. Споры, легко возникающіе изъ такого положенія дѣлъ, могутъ быть разрѣшены только новымъ дополнительнымъ соглашеніемъ. Къ мнѣнію Эверса трудно присоединиться потому, что въ обоихъ договорахъ есть постановленія, въ которыхъ нельзя усмотрѣть никакого различія. Если въ одномъ случаѣ нашли нужнымъ повторить старое правило, отчего же не сдѣлано этого и въ другомъ? Кромѣ того, договоръ 945 года ссылается иногда не прежній миръ, прямо подверждая его статьи. Если такой подтвердительной ссылки нѣтъ, это значитъ, что составители новаго договора не находили нужнымъ настаивать на сохраненіи той или другой статьи перваго мира. Надо думать, что постановленіе, возлагающее на Русскихъ обязанность выкупать греческихъ плѣнныхъ, не повторено съ намѣреніемъ; и именно потому, что опытъ доказалъ всю его непрактичность.

Значеніе договоровъ съ Греками, какъ источниковъ нашего права, сводится, слѣдовательно, къ тому, что они даютъ намъ новое право, проникнутое греческими понятіями. При составленіи договоровъ принимались въ соображеніе и русскіе обычаи, но они вносились въ договоръ лишь по стольку, по скольку не противорѣчили стремленію Грековъ возложить узду на примитивные нравы Руси. Греки существенно видоизмѣнили всѣ тѣ русскіе обычаи, которые были запечатлѣны началомъ самоуправства. Договоры являются древнѣйшимъ памятникомъ чужеземнаго вліянія на наше національное право. Предки наши, нападая на Грецію, обогащались не однимъ только золотомъ, паволоками, овощами и виномъ. Они обогатились и новыми правовыми идеями, выработанными гораздо болѣе развитою жизнью, чѣмъ та, которую они знали у себя дома. Правда, новыя начала, занесенныя въ договоры, не предназначались для дѣйствія въ Кіевѣ, Черниговѣ и другихъ русскихъ волостяхъ; но все же они не могли пройдти у насъ незамѣченными. Послы и гости, участвовавшіе въ составленіи договоровъ (а ихъ было не мало, въ договорѣ 945 года ихъ поименовано около 50 человѣкъ), имѣли, конечно, о каждой статьѣ договора обстоятельныя пренія, которыя должны были выяснить настоящій ея смыслъ. Принявъ всѣ греческія новизны, эти послы и гости явились естественными распространителями новыхъ идей среди русскаго общества. Всѣ отправлявшіеся въ Грецію гости должны были, въ личномъ

своемъ интересѣ, знакомиться съ содержаніемъ договоровъ. опредѣлявшихъ ихъ права и обязанности во все время пребыванія въ Константинополѣ. Съ новыми порядками, ожидавшими ихъ въ Греціи, они могли ознакомиться полнѣе, чѣмъ это возможно теперь для насъ, такъ какъ кромѣ текста они могли черпать свои свѣдѣнія и изъ живаго преданія, которое шло отъ непосредственныхъ участниковъ въ составленіи договоровъ. Новыя идеи, распространявшіяся среди наиболѣе дѣятельныхъ, передовыхъ людей древняго русскаго общества, не оставались, можетъ быть, безъ нѣкотораго вліянія и на русскую туземную практику. Вліяніе греческихъ правовыхъ идей на наши обычныя могло начаться еще до принятія христіанства и до перенесенія къ намъ духовенствомъ греческихъ сборниковъ права.

Б) Договоры Русскихъ князей съ Нѣмцами.

Прибрежье балтійскаго моря съ давнихъ временъ было мѣстомъ, на которомъ сходились товары жителей востока съ товарами западныхъ странъ Европы. Въ этой торговлѣ, которая то усиливалась, то ослаблялась, принимали участіе съ нашей стороны жители ближайшихъ къ балтійскому морю княженій: новгородскаго, смоленскаго, полоцкаго и витебскаго, со стороны западной Европы—жители торговаго города Висби на Готландѣ, гдѣ имѣли своихъ представителей и купцы другихъ нѣмецкихъ торговыхъ городовъ: Любека, Бремена, Мюнстера а пр., а съ основанія Риги и учрежденія ордена меченосцевъ—нѣмецкое населеніе этого занятого Нѣмцами края. Русскіе ѣздили въ нѣмецкіе города, Нѣмцы посѣщали Новгородъ и другіе русскіе города и имѣли тамъ храмы и дворы. Эти торговыя сношенія естественно вызывали необходимость точнаго опредѣленія взаимныхъ отношеній. Эти отношенія опредѣлялись договорами, изъ которыхъ нѣкоторые и дошли до насъ. Ближайшій поводъ къ заключенію дошедшихъ до насъ договоровъ и обстоятельства, которыми оно сопровождалось не сохранены нашими лѣтописцами.

Можно думать, однако, что пребываніе Русскихъ въ нѣмецкихъ городахъ, а Нѣмцевъ—въ русскихъ, порождало нерѣдко между Нѣмцами и Русскими враждебныя столкновенія. Эти столкновенія, кажется, и были причиною заключенія мирныхъ трактатовъ, которыми установлялись права торговли и порядокъ суда и взысканій въ случаѣ нарушеній правъ

торгующихъ. Во многихъ договорахъ мы неизмѣнно встрѣчаемся съ условіемъ: „истецъ пусть знаетъ своего истца, рубежа же не чинить“, т. е., если случится нарушеніе правъ частнаго лица, то это не должно вести къ разрыву мирныхъ сношеній; потерпѣвшій нарушеніе долженъ установленнымъ порядкомъ искать удовлетворенія съ нарушителя. Изъ этого условія можно заключить, что частныя столкновенія Нѣмцевъ съ Русскими нерѣдко переходили въ международную вражду

Для устраненія этихъ крайнихъ послѣдствій неизбѣжныхъ столкновеній отдѣльныхъ лицъ и заключались договоры, которыми предписывается каждому недовольному обращать взысканіе только на виновнаго, а не на его единоплеменниковъ, что вело, обыкновенно, къ прекращенію дружественныхъ отношеній сосѣднихъ народовъ.

Древнѣйшій изъ сохранившихся до насъ договоровъ Новгорода съ Нѣмцами заключенъ при новгородскомъ князѣ, Ярославѣ Владиміровичѣ, посадникѣ Мирошкѣ и тысяцкомъ Яковѣ. Но это не первый изъ новгородскихъ договоровъ. Въ началѣ его говорится, что онъ есть подтвержденіе стараго мира. Этотъ болѣе древній трактатъ до насъ не дошелъ и мы не знаемъ, былъ-ли онъ писанный, или только словесный. Договоръ Ярослава Владиміровича найденъ въ документахъ рижскаго архива, но не въ подлинникѣ, а въ копіи, въ формѣ приписки къ позднѣйшему договору Александра Невскаго. Несмотря на то, что въ концѣ его поставленъ заключительный знакъ (именно, четыре точки), которымъ оканчивается и впереди его написанная грамота Александра Невскаго, ему не достаетъ, однако, заключенія и (есть основаніе думать) нѣсколькихъ послѣднихъ статей. Останавливаясь на этой особенности, Срезневскій пришелъ къ предположенію, что къ договору Александра Н. приписанъ не окончательный договоръ Ярослава Владиміровича, принятый обѣими сторонами, а только тѣ предложенія, которыя были сдѣланы съ новгородской стороны, но не были еще облечены въ форму договора, а потому имъ и не достаетъ заключенія (Изв. Им. Ак. Н. т. VI, вып. 2, стр. 155 и 166.).

Для разъясненія этого вопроса остановимся на разборѣ причинъ, почему могло оказаться нужнымъ приписать эту грамоту къ позднѣйшему документу.

Позднѣйшій документъ, о которомъ идетъ рѣчь, есть вторая изъ сохранившихся до насъ договорныхъ грамотъ Новгорода съ Нѣмцами, заключенная при новгородскомъ князѣ

Александрѣ Невскомъ, сынѣ его Дмитріѣ, посадникѣ Михаилѣ и тысяцкомъ Жирославѣ. Изъ содержанія его видно, что этотъ новый миръ былъ заключенъ по поводу происшедшаго между Новгородомъ и Нѣмцами размиренія. Эта грамота отличается большой краткостью и частыми ссылками на старый миръ. Это собственно не новый договоръ, а возобновленіе стараго, къ которому прибавлено можетъ быть только 3 новыхъ условія. Всѣ остальныя сопровождаются ссылками на старый миръ и изложены такъ коротко, что безъ справки съ текстомъ этого стараго мира могутъ быть даже и непонятны. Напр: „А старый миръ до котлигнѣ". Эта краткость редакціи договора Александра Невскаго не могла возбуждать тогда никакихъ недоразумѣній, такъ какъ старый договоръ былъ хорошо извѣстенъ и находился, конечно, въ рукахъ договаривающихся сторонъ, на что указываютъ и заключительныя слова договора: „А се старая наша правда и грамота, на чемъ цѣловали отцы ваши и наши крестъ... А иное грамоты у насъ нѣтуть, ни потаили есмы, ни вѣдаемъ, на томъ крестъ цѣлуемъ". За этими словами и слѣдуетъ грамота Ярослава Владиміровича. Надо думать, что это и есть именно та грамота, на которую ссылается договоръ Александра Невскаго. Въ фактѣ ея приписки надо видѣть желаніе сохранить и на будущее время память о старомъ мирѣ. Но такъ какъ мѣста для передачи всего содержанія старой грамоты не достало, то писецъ исписавъ обѣ стороны пергамина, заключилъ свой трудъ тамъ, гдѣ пришлось. Этимъ случайнымъ обстоятельствомъ, кажется, и надо объяснить тотъ фактъ, что грамота явилась въ дошедшей до насъ редакціи, не только безъ заключенія, но и безъ нѣкоторыхъ статей, на которыя ссылается грамота Александра Невскаго. Въ послѣдней сказано: „А старый миръ до котлигнѣ", а въ грамотѣ Ярослава, которая и есть этотъ старый миръ, этого условія вовсе не заключается [1])

И такъ Ярославова грамота есть окончательная, на которой въ свое время цѣловали крестъ Новгородцы и Нѣмцы, а не предложеніе только, сдѣланное новгородскимъ княземъ и

---

[1]) Энгельманъ, Хрон. Изслѣд., въ виду этого несоотвѣтствія присоединеннаго къ грамотѣ Александра Невскаго стараго мира со ссылками на него въ самой грамотѣ, думаетъ, что эти ссылки имѣютъ въ виду не опредѣленную грамоту, а „вообще исконный международный обычай". Въ виду совершенно ясной ссылки грамоты Александра Невскаго на старую грамоту и на оговорку что иной (кромѣ этой) грамоты нѣтъ, такое мнѣніе никакъ не можетъ быть принято.

еще не принятое Нѣмцами; но она дошла до насъ безъ конца. Грамота Александра, судя по печатямъ, есть подлинная, или, по крайней мѣрѣ, изготовленная для замѣны подлинной старой, къ которой и привѣшаны старыя печати съ истлѣвшаго оригинала.

Обѣ грамоты писаны безъ обозначенія года, но время составленія ихъ, въ виду обозначенія именъ князя, посадника и тысяцкаго, можетъ быть опредѣлено довольно близко. Этотъ ученый трудъ для первой грамоты совершенъ издателемъ актовъ, академикомъ Куникомъ. Исходя изъ того, что въ Новгородѣ были одновременно Ярославъ Владиміровичъ княземъ, а Мирошко посадникомъ—только между 1189 и 1199 г., онъ относитъ именно къ этому времени составленіе этого памятника.

Срезневскій, задаваясь мыслью опредѣлить самый годъ заключенія этого договора, дѣлаетъ слѣдующую поправку: посадникъ Мирошко съ 1195 по 1197 г. не находился въ Новгородѣ, слѣдовательно договоръ не могъ быть написанъ между 1195 и 1197 годомъ. Всматриваясь далѣе въ содержаніе нашихъ лѣтописей за это время, онъ находитъ, что „ничто не заставляетъ предполагать, что грамота писана ранѣе 1195 года“; и за тѣмъ въ связи съ своимъ мнѣніемъ о томъ, что эта грамота не окончательная, полагаетъ вѣроятнымъ, что она написана весною 1199 г., а въ 1201 году, при новомъ князѣ Святославѣ, миръ былъ уже окончательно утвержденъ. Это мнѣніе онъ основываетъ на извѣстіи лѣтописи о томъ, что въ 1201 году „Новогородцы пустиша Варяги безъ мира за море... А на осень придоша Варяги горою на миръ и даша имъ миръ на всей воли своей.“ (Изв. И. А. Н., т. VI, вып. 2, ст. 165.)

Эту поправку должно принять только въ первой ея части, т. е. грамота не могла возникнуть между 1195 и 1197 г., когда посадникъ Мирошко не находился въ Новгородѣ. Затѣмъ молчаніе лѣтописи о какихъ нибудь событіяхъ до 1195 года, къ которымъ можно было бы пріурочить возникновеніе этого договора, еще ничего не доказываетъ при неполнотѣ нашихъ лѣтописей. Извѣстіе лѣтописи о мирѣ 1201 года есть совершенно самостоятельное, не стоящее ни въ какой связи съ договоромъ Ярослава Владиміровича, который былъ окончательно заключенъ при этомъ князѣ, а не при его преемникѣ Святославѣ. Такимъ образомъ, заключеніе Ярослава договора должно быть отнесено ко времени между 1189 и 1199 годомъ, за исключеніемъ 3 лѣтъ отъ 1195 по 1197 годъ.

Опредѣленіе времени заключенія второго договора составляетъ заслугу И. И. Срезневскаго (Изв. И. А. Н., т. VI. вып. 2, ст. 170 и сл.). Князь Александръ Невскій находился въ послѣдній разъ въ Новгородѣ съ 1257 по 1259 годъ. Въ этомъ послѣднемъ году онъ выѣхалъ изъ Новгорода, оставивъ тамъ вмѣсто себя сына своего Дмитрія. Въ 1257 году были избраны: на посадничество Михаилъ Ѳедоровъ, а въ должность тысяцкаго Жирославъ; эти лица оставались въ своихъ должностяхъ и при Дмитріѣ Александровичѣ. Такъ какъ грамота написана не отъ имени одного Александра, но и отъ имени сына его Дмитрія, то она могла возникнуть только послѣ того, какъ Александръ Невскій посадилъ на свое мѣсто Дмитрія, т. е. не ранѣе 1259 года. Вскорѣ послѣ смерти Александра Невскаго, послѣдовавшей 14 Ноября 1263 года, Новгородцы изгнали сына его Дмитрія. Такимъ образомъ договоръ могъ быть составленъ только между 1259 и 1263 годомъ. Но академикъ Срезневскій не ограничивается этимъ приблизительнымъ опредѣленіемъ времени, онъ доискивается года заключенія договора. Въ лѣтописи подъ 1262 годомъ есть извѣстіе объ опустошительномъ походѣ Новгородцевъ подъ Юрьевъ, изъ котораго они возвратились съ товаромъ и полономъ безъ числа. Срезневскій думаетъ, что это и есть та война, которая прекращена мирною грамотою отъ имени князей Александра и Дмитрія и что слѣдовательно грамота написана въ 1263 году. Этотъ послѣдній выводъ принять трудно потому, что въ грамотѣ ни однимъ словомъ не упоминается о событіяхъ подъ Юрьевымъ, чего, кажется, не могло бы быть, если бы она была вызвана этою войною, во время которой, по сказанію нашего лѣтописца, городъ Юрьевъ „взятъ бысть и люди многи града того (Новгородцы) оныхъ побиша, а другихъ изымаша живыхъ, а иныи огнемъ пожжени и жены ихъ и дѣти“.

Оба разсмотрѣнные договоры были найдены Напіерскимъ въ рижскомъ городскомъ архивѣ и въ первый разъ были напечатаны въ великолѣпномъ изданіи археографической коммиссіи 1856 года подъ заглавіемъ: Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и ганзейскими городами, въ XII, XIII и XIV вѣкѣ. Въ 1868 году они были перепечатаны въ изданіи Русско-Ливонскихъ актовъ. Договоръ Ярослава съ раздѣленіемъ на статьи и съ подстрочными объяснительными примѣчаніями напечатанъ въ первомъ выпускѣ христоматіи Владимірскаго-Буданова.

Третій договоръ Новгородцевъ съ нѣмцами былъ заключенъ при Ярославѣ Ярославичѣ Тверскомъ. Русскій текстъ этого договора вовсе до насъ не дошелъ. Онъ сохранился только въ переводѣ на нижне-нѣмецкій языкъ и найденъ извѣстнымъ изслѣдователемъ исторіи ганзейскаго союза Сарторіусомъ въ любекскомъ городскомъ архивѣ. Грамота написана отъ имени князя Ярослава Ярославича и состоитъ изъ введенія, въ которомъ переименованы договаривающіяся стороны и указано на то, что настоящій миръ заключенъ и правда подписана согласно съ письмами нѣмецкихъ сыновъ и Готландцевъ и всѣхъ латинскихъ языковъ. За введеніемъ слѣдуютъ условія мира. Заключенія, подписей и печатей нѣтъ. Заключенія и подписей могло и не быть, но печати всегда привѣшивались, а потому надо думать, что это не подлинная грамота, а только копія, можетъ быть даже не полная. Время написанія этой грамоты не возбуждаетъ крупныхъ недоразумѣній. Въ ней поименованы: князь Ярославъ Ярославичъ, посадникъ Павша и тысяцкій Ратиборъ. На основаніи этихъ указаній Кругъ отнесъ ея написаніе къ зимѣ 1269—1270 года. Болѣе точное опредѣленіе времени ея появленія и устраненіе нѣкоторыхъ недоразумѣній, возбужденныхъ Тобиномъ, сдѣлано Ав. Энгельманомъ. [1]). Сопоставляя извѣстіе нашей лѣтописи объ осадѣ Пскова ливонскими рыцарями, начавшейся 19 Мая 1269 года, съ нѣмецкими извѣстіями объ отправленіи нѣмецкихъ пословъ для заключенія договора съ Новгородцами, онъ приходитъ къ выводу, что договоръ былъ заключенъ въ началѣ 1270 года (не позднѣе первыхъ чиселъ апрѣля). Грамота эта напечатана у Тобина. Въ 1855 года она снова была издана съ переводомъ на нѣмецкій и русскій языкъ въ изслѣдованіи проф. И. Е. Андреевскаго о догорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ 1270 года. Поправки къ этому переводу предложены Ав. Энгельманомъ въ рецензіи, помѣщенной въ От. Запискахъ за 1855 годъ № 5.

Въ близкой связи съ этимъ договоромъ находится документъ, написанный на латинскомъ языкѣ и обнародованный Дрейеромъ въ 1762 году, также изъ бумагъ любекскаго архива. По содержанію онъ весьма сходится съ договоромъ 1270 года и также не имѣетъ года, подписей и печати; отличается же отъ него тѣмъ, что въ немъ не обозначены

---

[1]) Хронолог. изслѣдов., 16 сл., 26 сл. Возраженіе Тобина Кругу, основанное на времени солнечнаго затмѣнія, приходящагося будто бы на 1271 годъ, а не на 1270 г., какъ думалъ Кругъ, устранено Энгельманомъ.

имена новгородскаго князя, посадника, тысяцкаго и нѣмецкихъ пословъ. Несмотря на нѣкоторое колебаніе во взглядахъ изслѣдователей, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что это не есть копія съ особаго договора, а только проектъ договора 1270 года (Соловьевъ III, 45, принимаетъ этотъ документъ за самостоятельный договоръ). Это, вѣроятно, и есть одно изъ тѣхъ писемъ, которыя писали Нѣмцы къ Русскимъ передъ заключеніемъ договора 1270 года. Этотъ проектъ отпечатанъ у Тобина, который составилъ и очеркъ исторіи его обработки.

Договоръ 1270 года есть самый полный изъ трехъ приведенныхъ памятниковъ. Онъ содержитъ подробныя правила о проѣздѣ нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородъ по Невѣ и Волхову. о послѣдствіяхъ кораблекрушеній, опредѣляетъ плату за доставленіе барки отъ пристани въ Новгородѣ къ нѣмецкому и готскому дворамъ и обратно. Кромѣ этихъ чисто торговыхъ отношеній, о которыхъ есть условія и въ обѣихъ предшествующихъ грамотахъ, но короче, проектъ содержитъ важныя для исторіи нашего права статьи о порядкѣ суда и о взысканіяхъ за нѣкоторыя правонарушенія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи грамота Ярослава Владиміровича полнѣе.

Кромѣ Новгорода весьма оживленныя сношенія съ Нѣмцами поддерживались Смоленскомъ, Полоцкомъ и Витебскомъ. Неизбѣжныя при этомъ столкновенія и здѣсь вели къ заключенію договоровъ. Сколько ихъ было, и когда былъ заключенъ древнѣйшій, мы также не знаемъ. На основаніи имѣющихся свѣдѣній можно только утверждать, что древнѣйшій договоръ, о которомъ упоминаютъ источники, былъ заключенъ въ концѣ XII или въ самомъ началѣ XIII вѣка. Въ одномъ изъ договоровъ XIII вѣка (Р.—Л. А., II-е приложеніе) есть ссылка на предшествовавшій договоръ, заключенный при князѣ Мстиславѣ Романовичѣ; Мстиславъ же Романовичъ княжилъ въ Смоленскѣ между 1197 и 1212 годомъ.

Важнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ договоровъ былъ заключенъ смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давыдовичемъ чрезъ посредство отправленныхъ имъ въ Ригу на готскій берегъ „лучшаго попа Еремея и умнаго мужа Пантелелея“. Кромѣ нихъ при составленіи договора трудился еще смольянинъ Тумашъ (вѣроятно обрусѣвшій нѣмецъ Томасъ). Изъ конца грамоты видно, что дѣйствіе ея простирается на полоцкую и витебскую волость.

Этотъ договоръ извѣстенъ намъ въ семи спискахъ на рус-

скомъ языкѣ. Пять изъ нихъ найдены въ рижскомъ городскомъ архивѣ, шестой въ пергаментомъ сборникѣ, хранящемся теперь въ архивѣ М. Иностр. Дѣлъ; седьмой найденъ Карамзинымъ въ библіотекѣ гр. Мусина-Пушкина и извѣстенъ только по оттиску, сдѣланному имъ въ его исторіи (т. III, примѣчаніе 248). Въ послѣдній разъ всѣ эти списки отпечатаны въ Русско-ливонскихъ Актахъ въ томъ порядкѣ, какъ мы ихъ перечислили. Два экземпляра на нѣмецкомъ языкѣ, которые также хранились въ рижскомъ архивѣ, утрачены.

Не смотря на сходство списковъ по содержанію, нѣкоторые изъ нихъ различаются между собою не только отдѣльными выраженіями (различіе, существующее между всѣми списками), но самой послѣдовательностью статей, числомъ ихъ и даже годомъ написанія. На основаніи этихъ различій издатель Русс.-Лив. Актовъ раздѣляетъ списки на двѣ редакціи: готландскую и рижскую. Къ готландской онъ относитъ три первыхъ списка (отпечатаны подъ лит. A, B и C.), имѣющіе одинаковую послѣдовательность статей, одинаковое обозначеніе года и нѣкоторыя другіе сходства. Названіе готской редакціи присвоено имъ потому, что въ концѣ каждаго списка сказано, что грамота эта была выдана „на готскомъ берегу передъ русскимъ посломъ и всѣми латинскими купцами.“ Остальные списки, не имѣющіе этой приписки, также сходны между собою въ послѣдовательности статей (по другой сравнительно со списками первой редакціи), въ обозначеніи года и въ нѣкоторыхъ прибавочныхъ статьяхъ; они составляютъ вторую редакцію, названную рижской (отпечатаны подъ лит. D. E и F.). Принимая раздѣленіе списковъ на двѣ редакціи, какъ совершенно вѣрное, мы находимъ, однако, что, присвоенныя имъ названія могутъ повести къ невѣрному заключенію о томъ, что готландская редакція составлена на островѣ Готландѣ, а рижская въ Ригѣ. Обѣ редакціи составлены въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Приписка о выдачѣ грамоты на готскомъ берегу указываетъ только, что извѣстный экземпляръ былъ выданъ кому-то на готскомъ берегу. Что же касается до мѣста заключенія договора, то оригиналы обѣихъ редакцій составлены были первоначально въ Ригѣ, а потомъ пересматривались на готскомъ берегу; это видно изъ второй статьи (в) введенія всѣхъ списковъ. Но Ригѣ принадлежало при этомъ первенствующее значеніе: въ заключеніи грамоты, по всѣмъ спискамъ, послѣ епископа рижскаго и магистра ордена, особенно упомянуты рижскіе граждане, участники же другихъ

нѣмецкихъ городовъ обозначены общимъ менемъ „латинскихъ купцовъ“.

Мелкія различія списковъ, состоящія въ разномъ написаніи словъ, въ перестановкѣ ихъ и даже въ пропускѣ цѣлыхъ статей, могутъ быть объяснены небрежностью писцовъ. Но какъ могло возникнуть различіе въ послѣдовательности статей, которое проходитъ чрезъ всю вторую половину списковъ обѣихъ редакцій, или различіе въ обозначеніи года?

Есть основаніе предполагать, что договоръ былъ написанъ первоначально на нѣмецкомъ языкѣ, а потомъ уже переведенъ на русскій. Исходя изъ этого предположенія, Ав. Энгельманъ думаетъ, что мы имѣемъ два разныхъ перевода одного и того-же нѣмецкаго „проекта“, что необходимость втораго перевода была вызвана неточностями перваго. Это мнѣніе едва-ли можно принять. Новый переводъ, исправивъ ошибки стараго, сохранилъ бы послѣдовательность статей, здѣсь же мы имѣемъ дѣло съ новымъ ихъ расположеніемъ. Новый переводъ не измѣнилъ бы обозначенія года; здѣсь же мы имѣемъ дѣло съ двумя хронологическими датами, хотя очень близкими, но едва-ли тожественными. Время написанія готландской редакціи обозначено такъ: „коли ся грамота писана бысть былъ отъ Рождества Господня до сего лѣта 1000 лѣтъ и 200 лѣтъ и 8 лѣтъ и 20 лѣтъ“; рижской—иначе: „а си грамота написана бысть отъ распятія было 1000 лѣтъ и 200 лѣтъ 30 лѣтъ безъ лѣта“.

Много было потрачено знаній и труда авторомъ Хронологическихъ Изслѣдованій для устраненія этого противорѣчія; но едва-ли можно сказать, что имъ устранены всѣ затрудненія и наука должна признать существованіе только одного договора, заключеннаго въ 1229 году.

Готландская редакція говоритъ: когда эта грамота была писана исполнилось отъ Р. Х. 1228 лѣтъ, т. е. грамота была написана въ 1229 году. Эта дата потверждается и нѣкоторыми другими данныти.

Рижская редакція относитъ написаніе договора ко времени, когда отъ распятія Христова исполнилось 1229 лѣтъ, слѣдовальоо списки этой редакціи написаны, въ 1230 году.

Счисленіе отъ распятія Христова остается не понятнымъ. Акад. Куникъ допускаетъ здѣсь возможность описки, что весьма вѣроятно. Трудно думать, чтобы однѣ и тѣже лица, участвовавшіе въ составленіи обѣихъ редакцій, держались разнаго

лѣтосчисленія. Необходимо допустить, что въ обѣихъ редакціяхъ принято одинаковое лѣтосчисленіе, по всей вѣроятности, мартовскій годъ. А при этомъ предположеніи время составленія обѣихъ редакцій ни въ какомъ случаѣ не совпадетъ.

Въ двухъ разныхъ редакціяхъ мы должны вмѣстѣ съ Тобиномъ видѣть два разныхъ договора, хотя не столько по существу, сколько по формѣ и времени ихъ утвержденія, но относить ихъ слѣдуетъ не къ 1228-му и 1229, какъ дѣлаетъ Тобинъ, а, на основаніи выше изложеннаго, первый къ 1229, а второй—1230-му году.

Лица, участвовавшія въ заключеніи договора, однѣ и тѣже въ обѣихъ редакціяхъ, за исключеніемъ одного только рижскаго епископа Николая, который упоминается въ рижской редакціи; готландская же редакція, хотя упоминаетъ Рижскаго епископа, но имени его не приводитъ.

Какія были причины, которыя заставили переработать только что заключенный договоръ, внести въ него нѣкоторыя дополненія и поясненія и дать другое расположеніе статьямъ, остается неизвѣстнымъ.

Списки договоровъ обѣихъ редакцій сохранились съ печатями. Печати есть на спискѣ А. и В. готландской редакціи и на спискѣ D рижской. Это доказываетъ, что обѣ редакціи были своевременно утверждены, какъ состоявшіеся окончательно договоры, а не остались только проектами. Существованіе печати. какъ замѣчено издателемъ Русс-Лив. Актовъ, еще не говоритъ, что рукопись, къ которой они привѣшаны, есть оригиналъ. Оригиналъ могъ обвѣтшать и печать въ такихъ случаяхъ привѣшивали къ копіи, но во всякомъ случаѣ къ копіи съ подлиннаго документа, а не къ копіи съ проекта. Изъ двухъ редакцій проектомъ можно было бы считать—готландскую, такъ какъ она по времени предшествуетъ рижской. Но это предположеніе совершенно устраняется спискомъ В, во главѣ котораго находится слѣдующая приписка: „се язъ князь смоленскій Олександръ докончалъ есмь съ Нѣмцы, подавному докончанію, како то докончали отци наши, дѣды наши, на тѣхъ же грамотахъ цѣловалъ есмь крестъ, а се моя печать“. Такимъ образомъ позднѣйшіе смоленскіе князья разсматривали эту редакцію не какъ проектъ, а какъ вступившій въ силу договоръ, который и возобновляли при случаѣ. Личность этого князя Александра выясняется изъ другой грамоты (Р.—Л. А., № 47)

смоленскаго князя Александра Глѣбовича († 1313 году) къ рижскимъ ратманамъ и ко всѣмъ горожанамъ, въ которой онъ говоритъ: „како есте были въ любви съ отцемъ моимъ Глѣбомъ († 1277 году) и съ моимъ стрыемъ Ѳеодоромъ († 1299 г.), тако будете и со мною въ любви. А язъ тое же любви хочу съ вами". Александръ списка В и есть Александръ Глѣбовичъ. Но не онъ одинъ подтвердилъ договоръ въ готландской редакціи; такія же подтвержденія были сдѣланы дядей его и отцемъ Глѣбомъ. На печати, прикрѣпленной къ готланскому же списку А, написано: „Велікого княз... Ѳедо... печать". Это, можетъ быть, тотъ самый списокъ договора, который подтвердилъ дядя Александра Глѣбовича, князь Ѳеодоръ Ростиславичъ.

Грамоты обѣихъ редакцій состоятъ изъ вступленія, въ которомъ указанъ составъ посольства смоленскаго князя въ Ригу и на готскій берегъ, и статей, которыя имѣютъ особый заголовокъ: „здѣ начинается правда" или въ рижской редакціи: „ се починокъ правдѣ"; за этимъ заголовкомъ статьи идутъ безъ раздѣленія на параграфы и съ половины въ разномъ порядкѣ, по различію редакцій. Грамоты обѣихъ редакцій одинаково оканчиваются заключеніемъ, въ которомъ обозначенъ годъ написанія, правительственныя лица ордена, при которыхъ состоялось заключеніе мира, утвержденіе грамоты печатью, перечислены лица, которыя, по готл. редакціи „исправили се орудіе", а по рижской „были тому послухи", и наконецъ выражено осужденіе нарушителямъ договора. Послѣ этого заключенія въ готл. редакціи идетъ статья о выдачѣ грамоты на готскомъ берегу, а въ рижской добавочныя статья о нѣмецкомъ дворѣ въ Смоленскѣ.

По содержанію, разсматриваемый памятникъ представляется однимъ изъ важнѣйшихъ. Заключая въ себѣ, какъ и всѣ предшествовавшіе договоры, правила, относящіяся къ уголовному праву, судопроизводству и торговлѣ по каждому почти отдѣлу онъ даетъ такія постановленія, которыхъ не находимъ въ другихъ памятникахъ.

Договоръ 1229 гоъа напечатанъ въ Рум. С. Г. Г. и Д., часть II, договоръ 1230 года во второй части Русск. Дост. Оба изданія сдѣланы, какъ въ рукописи, безъ раздѣленія на статьи. У Тобина напечатаны оба договора синоптически съ раздѣленіемъ на статьи. Тоже самое раздѣленіе на статьи принято и въ изданіи Р.—Л. А. Договоръ 1229 года перепечатанъ въ христоматіи Владимірскаго-Буданова съ инымъ раздѣленіемъ

на статьи и съ нѣкоторыми добавленіями изъ втораго договора.

Весьма близокъ къ этому договору и по содержанію, и по времени заключенія, договоръ, найденный также въ рижскомъ городскомъ архивѣ и напечатанный во второмъ приложеніи къ Р.—Л. А. Со стороны формы этотъ договоръ представляетъ большія отступленія отъ мстиславовыхъ договоровъ: онъ не имѣетъ ни вступленія, ни заключенія. Онъ начинается такъ: „А рядъ мой съ Нѣмцы таковъ", послѣ чего до конца идутъ статьи безъ нумераціи. Можно было-бы подумать, что договоръ не имѣетъ ни начала, ни конца. Несмотря на это, къ нему привѣшена печать, что заставляетъ думать, что мы имѣемъ дѣло съ оффиціальнымъ документомъ (въ оригиналѣ, или въ копіи). Это, далѣе, наводитъ на мысль, что вступленіе и заключеніе не составляли необходимыхъ частей древнихъ договоровъ. Отсутствіе имени князя не даетъ возможности точно опредѣлить и время заключенія этого договора Издатель Р.—Л. А. считаетъ его позднѣйшимъ, сравнителъно съ договоромъ Мстислава Давыдовича, и относитъ къ времени отъ 1230 по 1370 годъ. Что онъ принадлежитъ Смоленску, это видно изъ всего его содержанія, въ которомъ постоянно идетъ рѣчь о Смолнянахъ.

Къ Смоленску относятся еще три грамоты, по краткости своей не представляющія большаго интереса. Онѣ напечатаны въ Р. С. Г. Г. и Д., ч II, № 3 и № 8, и въ Р.—Л. А., № 47.

Отъ начала XV вѣка имѣемъ чрезвычайно любопытный договоръ Полоцка съ Ригою. Заключенію его предшествовалъ обмѣнъ предложеній съ той и другой стороны. Эти предложенія также сохранились, онѣ отпечатаны въ Р.— Л. А. № CLIII и № CLIV. Переговоры начались непосредственно между Полочанами и Рижанами. Предположенія, облеченныя въ форму договора, были составлены и тѣми и другими. По нѣкоторымъ пунктамъ они сходятся, по другимъ же весьма различаются. Далеко расходятся предложенія о порядкѣ торговли. Нѣмцы домогаются права торговать всякими товарами, въ розницу и оптомъ, какъ съ Полочанами, такъ и съ пріѣзжающими въ Полоцкъ иногородными купцами. Полочане же желаютъ предоставить Нѣмцамъ только оптовую торговлю и при томъ только въ городѣ Полоцкѣ; да и въ городѣ Полоцкѣ только съ Полочанами и съ литовскими купцами, съ новгородцами же и московскими Нѣмцы должны были торговать чрезъ посредство Полочанъ. Повидимому, этотъ обмѣнъ предложеній, происходившій въ маѣ и іюнѣ 1405 года

не привелъ ни къ какому соглашенію. Потребовалось чьелибо примирительное посредничество; роль посредника взялъ на себя князь литовскій Александръ. Благодаря его участію, Нѣмцы отказались отъ притязаній на розничную торговлю, а Полочане согласились допустить ихъ какъ къ торговлѣ со всѣми гостями непосредственно, такъ и къ торговлѣ внѣ города Полоцка. На этихъ основаніяхъ въ іюнѣ 1406 года была составлена грамота отъ имени великаго князя Литовскаго Александра. (Р.—Л. А № CLX.) Но одной грамоты отъ имени великаго князя оказалось недостаточнымъ. Въ маѣ слѣдующаго 1407 года Полочане заключили отъ своего имени договоровъ съ Рижанами, совершенно согласный съ грамотою князя Александра, и обмѣнялись съ ними соотвѣтствующими грамотами. Грамота, выданная Полочанами Рижанамъ, сохранилась въ оригиналѣ съ печатью; полученная же ими отъ Рижанъ—въ копіи и безъ печати (А. Ар. Э., I, № 16 и Р.—л. А. № CLXIV).

Договоръ этотъ содержитъ въ себѣ существенное отступленіе отъ началъ мстиславаго договора по вопросу о подсудности. Нѣмцы, совершившіе преступленіе въ Полоцкѣ, а Полочане—въ Ригѣ, отсылаются на родину и судятся тамъ по своему отечественному праву. Этотъ новый порядокъ одинаково находится въ предложеніяхъ Полочанъ и Рижанъ. Въ связи съ этимъ договоръ 1407 года ничего не говоритъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ.

Содержаніе договоровъ съ Нѣмцами представляетъ результатъ соглашенія двухъ сторонъ, а потому можетъ отражать въ себѣ нѣкоторое вліяніе нѣмецкихъ воззрѣній. Точное опредѣленіе мѣры этого вліянія не всегда возможно, такъ какъ мы не всегда знаемъ сущность тѣхъ переговоровъ, которые предшествовали заключенію договоровъ. Мы можемъ, однако, сказать, что иногда Русскіе весьма ревниво охраняли свои исконные порядки. Къ этой мысли приводитъ сравненіе договора 1270 года съ латинскимъ проектомъ и съ новгородскою скрою, относящеюся къ XIII вѣку. Статья III проекта (по изд. Тобина) различаетъ воровство по цѣнѣ украденнаго. За воровство вещи, цѣною выше полъ гривны кунъ, но ниже полъ гривны серебра, проектъ назначаетъ 10 гривенъ серебра пени, или наказаніе розгами съ заклейменіемъ щеки. Въ нашихъ древнихъ памятникахъ не замѣтно различія наказаній по различію цѣны украденнаго; точно также не замѣчаемъ въ нихъ и тѣлесныхъ наказаній. Поэтому эти нѣмецкія предложенія не были приняты и не вошли въ договоръ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

Въ соотвѣтствующей проекту статьѣ договоръ ограничивается краткимъ указаніемъ на то, что виновнаго должно судить смотря по его винѣ. Этимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ были обойдены опредѣленныя требованія Нѣмцевъ. Какъ именно должно наказывать вора, договоръ не говоритъ, но, такъ какъ судъ долженъ происходитъ предъ новгородскими властями, то, надо думать, что они судили его по своимъ обычаямъ.

Въ договорѣ 1407 года получили преобладаніе нѣмецкія предложенія, хотя и не вполнѣ: отъ розничной торговли Нѣмцы принуждены были отказаться. Но мы не думаемъ, что начало свободной торговли надо считать нѣмецкимъ нововведеніемъ. Наши болѣе древніе договоры вовсе не знаютъ ограниченій торговли. Ихъ нѣтъ во мстиславовомъ договорѣ и въ старыхъ новгородскихъ. Такія ограниченія впервые возникли, кажется, въ Новгородѣ. Въ началѣ XV вѣка Полочане могли тамъ торговать съ Нѣмцами не иначе, какъ чрезъ посредство Новгородцевъ. Эта новгородская новизна и побудила Полочанъ требовать такихъ же ограниченій и у себя для Новгородцевъ.

2) *Договоры Русскихъ князей между собою.*

Княжескіе договоры составляютъ главнѣйшій источникъ для изученія взаимныхъ отношеній русскихъ княженій. Эти договоры суть мирные трактаты, заключаемые или для прекращенія возникшей между князьями войны, или въ видахъ ея предупрежденія.

Намъ извѣстно около 66 княжескихъ договоровъ. Но эта цифра составляетъ лишь небольшую часть дѣйствительно заключенныхъ князьями договоровъ, указанія на которые находимъ въ лѣтописяхъ. Всѣ дошедшіе до насъ договоры, за исключеніемъ одного, заключены князьями московскаго дома. Большинство изъ нихъ заключено между разными вѣтвями того же дома: между В. К. Московским и князьями: Серпуховскими, Боровскими, Можайскими, Полоцкими, Галицкими, Углицкими, Верейскими. Изъ договоровъ Москвы съ Тверью сохранилось только 6, съ Рязанью 5, съ Суздалемъ 2. Кромѣ этихъ московскихъ договоровъ имѣемъ еще только одинъ договоръ, заключенный между Рязанскими князьями. Изъ договоровъ же князей другихъ домовъ не сохранилось ни одного.

Это не доказываетъ однако, что князья другихъ домовъ не

заключали договоровъ. Изъ лѣтописей мы знаемъ, что отношенія князей съ самаго древняго времени опредѣляются договорами. Нѣтъ основанія утверждать, что съ самыхъ древнихъ временъ эти договоры были уже писанные. Очень можетъ быть, что первоначально все дѣло ограничивалось словеснымъ соглашеніемъ, скрѣпляемымъ присягой. Надо, однако, думать, что во избѣжаніе недоразумѣній договоры весьма рано стали записываться. Древнѣйшее указаніе на писаный договоръ относится къ первой половинѣ XII вѣка. Въ 1144 году Владимірко Галицкій, поссорившись съ союзникомъ своимъ Всеволодомъ Черниговскимъ, возвратилъ ему „крестную грамоту". Изъ этихъ крестныхъ грамотъ XII вѣка не сохранилось ни одной; не сохранились и крестныя грамоты XIII вѣка. Древнѣйшая изъ сохранившихся принадлежитъ половинѣ XIV вѣка; она заключена В. Кн. Семеномъ Ивановичемъ съ его родными братьями, Иваномъ и Андреемъ. Съ этого времени и идетъ тотъ небольшой рядъ договоровъ князей Московскаго дома, который находится въ рукахъ нашихъ изслѣдователей. Позднѣйшій изъ нихъ заключенъ В. Кн. Василіемъ Ивановичемъ съ роднымъ братомъ его Юріемъ 24 Августа 1531 года.

Для обозначенія княжескихъ договоровъ были употребительны различные термины. Они называются „рядами", „а рядъ нашъ" таковъ то, говорятъ князья, что значитъ: мы договорились такъ-то. Отъ крестнаго цѣлованія, которымъ скрѣпляются договоры, они называются „цѣлованіемъ"; „быти въ цѣлованіи" значитъ быть въ договорѣ. Такъ какъ договоръ есть результатъ обсужденія предварительныхъ предложеній, изъ которыхъ одни принимаются, а другія отвергаются, то онъ называется „докончаніемъ", а договорная грамота „докончальною", на чемъ князья покончили. Наконецъ, договоръ называется „миромъ и любовью" на томъ основаніи, что онъ установляетъ между князьями отношенія мира и любви.

Что касается формы договоровъ, то они состоятъ изъ введенія, статей и заключенія.

Во введеніи обозначаются лица, заключающія договоръ: „се азъ князь великій Семенъ Ивановичъ всея Руси съ своею братьею молодшею со княземъ съ Иваномъ и съ княземъ Андреемъ цѣловали есми межи собе крестъ у отня гроба". Если при заключеніи договора принимало участіе духовенство, что случалось нерѣдко, то въ самомъ началѣ его говорилось: „по благословенію отца нашего митрополита" (имя). На то же участіе духовенства указываетъ и такое на-

чало: „божьею милостію и пречистыя его Богоматери и по нашей любви“...

За введеніемъ слѣдуютъ статьи, которыя ничѣмъ не отдѣляются отъ введенія. Въ послѣдовательности статей есть нѣкоторый общій порядокъ, наблюдаемый во всѣхъ договорахъ, но статьи; относящіяся къ одному и тому же предмету, нерѣдко бываютъ отдѣлены одна отъ другой посторонними вставками. Нумераціи статей нѣтъ.

Въ заключеніи рѣчь идетъ о скрѣпленіи договора крестнымъ цѣлованіемъ: „на семъ на все цѣловали есми крестъ межи собе у отня гроба по любви праву.“ Иногда обозначается мѣсто и время написанія грамоты, а также лица, при этомъ присутствовавшія. Грамоты не подписываются участниками, но иногда встрѣчаются подписи митрополитовъ, приводившихъ, по всей вѣроятности, князей къ присягѣ. Вмѣсто подписи, грамоты скрѣпляются подвѣшиваемыми на шнуркахъ печатями, хотя и не всѣхъ участниковъ.

Первоначально, кажется, писалась только одна грамота, отъ имени обѣихъ сторонъ, въ которую и включались ихъ взаимныя обязательства, На этомъ договорѣ обѣ стороны и цѣловали крестъ. Одна изъ нихъ получала оригиналъ, другая копію. Образцы такихъ договоровъ можно видѣть въ Р. С. Г. Г. и Д. ч. I, № 23, 27 33, 37, 38.

Позднѣе, рядомъ съ такимъ порядкомъ писанія грамотъ возникаетъ другой. Этотъ новый порядокъ состоялъ въ слѣдующемъ. Отъ имени каждой стороны пишется особая грамота; въ принципѣ она должна была заключать тѣ обязательства, которыя принимала на себя противная сторона: „на семъ брате молодшій, князь Юрій Дмитріевичъ, цѣлуй ко мнѣ крестъ, къ своему брату старѣйшему, къ великому князю Василію Васильевичу“. Каждая изъ сторонъ цѣловала крестъ на грамотѣ, въ которой перечислялись ея обязательства; оригиналъ она выдавала противной сторонѣ, а у себя оставляла копію. Такимъ образомъ въ рукахъ каждой стороны было по двѣ грамоты: одна копія съ той, на которой она сама цѣловала кресть, другая оригиналъ, на которомъ цѣловала крестъ противная сторона. Обѣ грамоты составляли одно цѣлое, сшивались вмѣстѣ и къ обѣимъ вмѣстѣ привѣшивались печати. Образцы такихъ грамотъ можно видѣть въ Р. С. Г. Г. и Д., ч I, № 59 и № 101 и 102.

Мы сказали, что каждая изъ такихъ грамотъ въ принципѣ должна была говорить только объ обязательствахъ той

стороны, которая на этой грамотѣ цѣловала крестъ. Такъ дѣйствительно должно было быть, потому что князь, обязывающій другаго, въ своей грамотѣ говорилъ: цѣлуй ко мнѣ крестъ на томъ-то. Ясно, что въ этой грамотѣ не должно быть обязательствъ обязывающей стороны. Но на дѣлѣ это различіе никогда не соблюдалось и обѣ грамоты, заключая въ себѣ обязательства обѣихъ сторонъ, по содержанію совершенно одна съ другой совпадали. Вся разница сводилась только къ различію въ лицахъ обязывающихъ и обязывающихся и въ порядкѣ послѣдовательности условій. Въ грамотѣ, начало которой мы выписали выше, В. Кн. Василій Васильевичъ отъ ствоего имени говоритъ Юрію: „быти ти со мною вездѣ за одинъ и до своего живота; а мнѣ также быти съ тобою вездѣ за одинъ и до своего живота.“ А Юрій въ своей грамотѣ, обращаясь къ В. Кн. Василію, говоритъ: „быти ти со мною вездѣ за одинъ и до своего живота; а мнѣ также быти съ тобою вездѣ за одинъ и до своего живота“. Даже одностороннее обязательсто одинаково прописывается въ обѣихъ грамотахъ. В. К. Василій обязываетъ Юрія: „А князей ти моихъ служебныхъ съ вотчиною себѣ въ службу не принимать.“

Тоже условіе есть и въ грамотѣ Юрія; но въ такой формѣ: „князей ми твоихъ служебныхъ съ отчиною себѣ въ службу не принимать.“ Такимъ образомъ Юрій заставляетъ Василія цѣловать крестъ на томъ, что онъ, Юрій, служебныхъ князей Василія не будетъ принимать къ себѣ на службу. Эта несообразность указываетъ на то, что первоначальный типъ договорныхъ грамотъ есть одна общая грамота, на которой обѣ стороны цѣлуютъ крестъ. Позднѣе стали писать двѣ грамоты, но до правильнаго разграниченія въ нихъ обязательствъ двухъ сторонъ не умѣли дойти. Можно думать, что этотъ второй порядокъ писанія грамотъ примѣнялся первоначально къ тѣмъ случаямъ, когда князья не могли почему либо съѣхаться въ одномъ мѣстѣ для присяги на общей грамотѣ. Цѣлованье креста въ такихъ случаяхъ происходило въ разные моменты и въ присутствіи особенно уполномоченныхъ лицъ.

Содержаніе княжескихъ договоровъ, обнимая много общихъ вопросовъ, встрѣчающихся во всѣхъ договорахъ далеко не совпадаетъ во всѣхъ частностяхъ. Съ точки зрѣнія такихъ различій договоры между князьями московскаго дома должно выдѣлить въ особую группу отъ договоровъ московскихъ князей съ тверскими и рязанскими. Въ послѣднихъ встрѣчаются

такія постановленія, которыхъ нѣтъ въ первыхъ; таковы, напр., постановленія: о торговлѣ, о мытѣ, тамгѣ и другихъ пошлинахъ. Наоборотъ, постановленія, относящіяся къ служилымъ людямъ, гораздо подробнѣе въ первыхъ, чѣмъ во вторыхъ.

Но есть и такія различія, которыя надо, кажется, приписать невниманію составителей или писцовъ. Нѣкоторыя грамоты умалчиваютъ иногда о такихъ предметахъ, о которыхъ говорятъ всѣ другія, имъ соотвѣтствующія. Отъ такихъ умолчаній не всегда можно заключать къ различію въ содержаніи. Въ грамотахъ № 49 и 50 (Р. С. Г. Г. и Д. ч. I.) нѣтъ условія о непокупкѣ селъ въ чужихъ княженіяхъ. Въ виду постояннаго повторенія этого условія въ однородныхъ грамотахъ, трудно думать, что грамоты № 49 и 50 составляютъ исключеніе.

Съ этими оговорками содержаніе княжескихъ договоровъ вращается около слѣдующихъ пунктовъ:

1) Условія мирнаго союза и единенія.

2) Права договаривающихся князей по вступленію въ новые союзы.

3) Опредѣленіе порядка оказанія военной помощи одного союзника другому.

4) Сношенія съ ордой и порядокъ платы ордынской дани.

5) Независимость одного княженія отъ другого по всѣмъ вопросамъ внутренняго управленія и суда.

6) Запрещенія покупокъ договаривающимся князьямъ и ихъ боярамъ и слугамъ селъ и деревень въ предѣлахъ владѣній другой стороны.

7) Распредѣленіе волостей,

8) Порядокъ общаго суда.

9) Выдача уголовныхъ преступниковъ, бѣглыхъ рабовъ, должниковъ и поручниковъ.

10) Исковая давность.

11) Ненарушимость судебныхъ рѣшеній.

12) Права служилыхъ людей, вольныхъ и невольныхъ.

13) Права служилыхъ князей.

14) Права торговыхъ людей, виды и размѣры торговыхъ пошлинъ.

15) Послѣдствія военнаго столкновенія, если оно предшествовало заключенію договора: выдача плѣнныхъ, убытки и пр.

Обозначенное здѣсь въ общихъ чертахъ содержаніе договорныхъ грамотъ по нѣкоторымъ, по крайней мѣрѣ, пунктамъ выработалась задолго до того времени, отъ котораго мы имѣемъ подлинныя грамоты,

Отдѣльныя статьи, относящіяся къ 1, 2 и 3-му изъ вышеперечисленныхъ пунктовъ и по содержанію совершенно соотвѣтствующія статьямъ договоровъ, можно найти въ краткихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о княжескихъ договорахъ XI-го и послѣдующихъ вѣковъ.

На Любецкомъ съѣздѣ (1097) князья приняли рѣшеніе: „да нонѣ отселѣ имемся во едино сердце"; Изяславъ Мстиславичъ, Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи, Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодовичъ цѣлуютъ между собою крестъ на условіи: „быти всѣмъ за одинъ братъ" (1148); въ 1153 г. Святославъ Ольговичъ цѣлуетъ крестъ съ Изяславомъ Давыдовичемъ на условіи: „быти за одинъ мужъ"; 1154 г. Ростиславъ Мстиславичъ и Юрій Всеволодовичъ цѣлуютъ крестъ „на всей любви". Этимъ выраженіямъ совершенно соотвѣтствуетъ встрѣчающееся во всѣхъ писаныхъ договорахъ условіе: „быти ны за одинъ до живота."

Въ писанныхъ договорахъ обыкновенно встрѣчаемъ такую статью: „а кто будетъ тебѣ другъ, то и мнѣ другъ; кто будетъ тебѣ недругъ, то и мнѣ недругъ". Соотвѣтствующее ей выраженіе находимъ въ переговорахъ князей XII в. Въ 1147 г. кіевскій князь Изяславъ говоритъ черниговскимъ князьямъ: „вы крестъ цѣловали на томъ, иже кто будетъ мнѣ золъ, то вамъ на того быти со мною". Черниговскіе князья отвѣчаютъ: „гдѣ твоя обида будетъ, намъ быти съ тобою". Въ 1150 г. тотъ же Изяславъ заключилъ договоръ съ дядею Вячеславомъ: „не разлучитися има ни въ добрѣ, ни въ злѣ, но по одному мѣсту быти". Въ 1174 г. послы черниговскихъ князей говорятъ Андрею Суздальскому: „кто тобѣ ворогъ, то и намъ ворогъ" (см. еще Вѣче и Князь, стр. 212).

Статьямъ договоровъ объ оказаніи военной помощи: „А гдѣ тобѣ князю Великому насъ будетъ послати, и намъ пойти безъ ослушанія" соотвѣтствуютъ слѣдующія выраженіе древнихъ договоровъ: „ходити въ воли", „ходити въ послушаніи" (Вѣче и князь, стр. 196, 203).

Въ договорахъ XIV и XV в. князья обязываются „не отступати (одному отъ другого) ни которыми дѣлы", въ древнѣйшихъ: „ся не отлучати (отъ такого-то князя), но на всѣхъ мѣстѣхъ съ нимъ быти".

„А тобѣ, брату моему молодшему, безъ меня не доканчивати, ни ссылатися ни съ кѣмъ же; такъ же и мнѣ безъ тебя“. Это условіе позднѣйшихъ договоровъ было извѣстно еще XII вѣку. Подъ 1189 г. лѣтопись разсказываетъ о дружественныхъ переговорахъ Святослава Кіевскаго съ Венгерскимъ Королемъ. Эти переговоры вызвали даже поѣздку въ Венгрію сына Святослава, Глѣба. Союзникъ Святослава, князь Рюрикъ Ростиславичъ, узнавъ объ этомъ, посылаетъ къ Кіевскому князю посла съ такими рѣчами: „како еси послалъ сына своего къ королеви, а со мною не спрошався; соступился еси ряду„. Отсюда слѣдуетъ, что между Святославомъ и Рюрикомъ былъ рядъ не ссылаться ни съ кѣмъ, безъ взаимнаго соглашенія.

Подъ 1174 годомъ находимъ жалобу Ростиславичей на то, что союзникъ ихъ, Андрей Суздальскій, обращается съ ними высокомѣрно, какъ съ подручниками и простыми людьми, а не такъ, какъ должно обращаться съ князьми. Неуважене Андрея къ своимъ союзникамъ побудило Ростиславичей прервать мирныя съ нимъ отношенія. Это даетъ поводъ думать, что въ древнѣйшіе княжескіе договоры вносилось уже условіе объ охраненіи княжеской чести. Въ договорахъ позднѣйшихъ оно выражается въ слѣдующей формѣ: старшіе князья обязываются держать младшихъ „въ братствѣ и во чти“.

Внимательное изученіе лѣтописнаго матеріала можетъ открыть и другія точки соприкосновенія договоровъ XIV и послѣдующихъ вѣковъ съ договорами XIII, XII и XI вѣка.

Отдѣльныя статьи договоровъ никакъ нельзя разсматривать, какъ бы онѣ всѣ возникли изъ соглашенія. Нѣкоторыя постановленія несомнѣнно взяты изъ старинныхъ обычаевъ; договоръ придалъ имъ только большую твердость и опредѣленность формулировки. Къ такимъ исконнымъ обычаямъ можно отнести повторяющіяся во всѣхъ договорахъ постановленія о самостоятельности внутренняго управленія и суда княжествъ. Но мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ для того, чтобы всегда могли выдѣлить въ содержаніи договоровъ то, что принадлежитъ древнимъ обычаямъ, отъ того, что могло возникнуть вновь путемъ соглашенія князей.

Въ нѣкоторыхъ договорахъ указанъ годъ ихъ заключенія; приблизительное опредѣленіе времени заключенія тѣхъ договоровъ, въ которыхъ такого указанія нѣтъ, можетъ быть легко сдѣлано, такъ какъ дѣйствующія лица въ нихъ обозначены. Такого приблизительнаго опредѣленія для исторіи

права совершенно достаточно; политическая же исторія нуждается въ болѣе точномъ, котораго мы еще не имѣемъ.

Напечатаніемъ большей части извѣстныхъ намъ княжескихъ договоровъ наука обязана государственному канцлеру гр. Румянцеву. Въ первой части, изданнаго на его средства Собранія Государственныхъ Граматъ, считается 86 княжескихъ договорныхъ грамотъ, списанныхъ съ подлинниковъ; въ дѣйствительности же ихъ тамъ не болѣе 60. Эта разница въ счетѣ произошла отъ того, что въ изданіи считаются за два договора всѣ вмѣстѣ сшитыя грамоты, тогда какъ въ дѣйствительности это одинъ и тотъ же договоръ. Кромѣ того въ Р. Соб. напечатаны двойники грамотъ. Такъ №№ 101 и 102 суть повтореніе № 99-го и № 100-го, №№ 54 и 55—№№ 42 и 53, №№ 58 и 59—№№ 56 и 57, здѣсь даже годъ и число выставлено одно и то же на всѣхъ четырехъ экземплярахъ. Подъ №№ 90 и 91 напечатаны, какъ будто бы, двѣ разныя грамоты, изъ которыхъ одна названа взаимною, а другая—просто договорною; въ дѣйствительности же это только разные списки одного и того же договора, изъ которыхъ первый написанъ отъ имени Ивана Васильевича, а второй отъ имени Михаила Александровича,

Пять договоровъ напечатано въ первой части Актовъ Археографической Экспедиціи. Они изданы съ копій, найденныхъ въ сборникѣ новгородскихъ и двинскихъ грамотъ и въ сборникѣ договорныхъ грамотъ великихъ и удѣльныхъ князей. Оба сборника хранятся въ ИМ. П. Библіотекѣ. Въ этомъ изданіи вмѣстѣ сшитыя грамоты не считаются за два особыхъ договора.

3) Договоры русскихъ князей съ русскими волостями.

Договоры князей съ волостями, какъ и междукняжескіе договоры, сохранились только отъ позднѣйшаго времени. Древнѣйшіе изъ нихъ не восходятъ далѣе второй половины XII вѣка и всѣ принадлежатъ одному Новгороду. Договорныя отношенія князей и городовъ составляютъ столь-же исконное явленіе нашего древняго быта, какъ и договорныя княжескія отношенія. Въ лѣтописяхъ, описывающихъ событія XII вѣка, весьма часто можно встрѣтить указанія на то, что князь и городъ цѣлуютъ между собою крестъ. Это взаимное крестное цѣлованіе заставляетъ предполагать, что обѣ стороны

приняли на себя извѣстныя обязательства, которыя и скрѣпляютъ крестнымъ цѣлованіемъ. Этимъ обязательствамъ въ XII уже вѣкѣ усвояется и обычное наименованіе договоровъ того времени—„рядъ". О Мстиславѣ Изяславичѣ, призванномъ Кіевлянами на кіевскій столъ, въ 1169 году, читаемъ: „взялъ рядъ съ братіею, съ дружиною и Кіяны"... Договоры съ городами первоначально могли быть словесные, но въ XII уже вѣкѣ встрѣчаемся съ указаніемъ на то, что и они облекаются въ форму письменнаго акта. О Владимірцахъ, признавшихъ въ 1175 году Ярополка Ростиславича своимъ княземъ, говорится, что они сдѣлали это, „въ Св. Богородицѣ весь порядъ положивше", т. е. положили для храненія въ церковь Св. Богородицы договоръ, заключенный ими съ княземъ.

Изъ дошедшихъ до насъ 20 новгородскихъ договоровъ 15 заключены съ в. к. тверскими, 3 съ московскими, 1 съ в. к. литовскимъ и 1 съ польскимъ королемъ.

Древнѣйшій изъ договоровъ съ тверскими князьями заключенъ съ Ярославомъ Ярославичемъ, умершимъ въ 1272 году, и слѣдовательно относится ко второй половинѣ XIII вѣка. Изъ самаго же договора видно, что Ярославъ Ярославичъ цѣлуетъ крестъ къ Новгороду на тѣхъ условіяхъ, на какихъ цѣловалъ еще его отецъ Ярославъ Всеволодовичъ, умершій въ 1247 году. Такимъ образомъ, договоры Новгорода съ тверскими князьями въ томъ видѣ, какъ они дошли до насъ, восходятъ къ первой половинѣ XIII вѣка.

Древнѣйшій договоръ съ московскими князьями относится къ княженію Дмитрія Ивановича, т. е. ко второй половинѣ XIV вѣка, слѣдующій за нимъ къ княженію Василія Васильевича. Въ этомъ послѣднемъ договорѣ говорится, что Новгородцы докончали миръ съ великимъ княземъ по крестнымъ грамотамъ, какъ цѣловали крестъ в. к. Андрей, Иванъ Калита, Симеонъ Гордый, его братъ Иванъ, племянникъ Дмитрій Ивановичъ и внукъ Василій Дмитріевичъ. Вел. кн. Андрей Александровичъ, упоминаемый первымъ въ этомъ спискѣ, умеръ въ 1304 году, такимъ образомъ, древнѣйшіе договоры князей московскаго дома съ Новгородомъ въ томъ видѣ, какъ они дошли до насъ, несомнѣнно восходятъ къ самому началу XIV вѣка, а можетъ быть и къ концу XIII-го.

Но въ договорахъ съ Тверскимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ есть еще неопредѣленное указаніе на дѣдовъ, которые цѣловали крестъ къ Новгороду на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ долженъ цѣловать Ярославъ. это даетъ поводъ

думать, что условія дошедшихъ до насъ договоровъ выработались, можетъ быть, еще въ XII вѣкѣ. Изъ разсмотрѣнія договоровъ междукняжескихъ мы видѣли уже, что постановленіа грамотъ XIV и XV вѣка буквально повторяютъ тѣ выраженія, которыя были въ ходу между князьями въ XII и даже въ XI в. Это преемство въ развитіи нашего права не есть, конечно, особенность только княжескихъ отношеній. Оно условливается нѣкоторыми общими причинами, именно тѣмъ, что всякое право въ первомъ періодѣ развивается главнымъ образомъ путемъ обычая. Обычай же складывается и мѣняется очень медленно. Вотъ почему и Новгородскіе договоры могли сложиться гораздо раньше того времени, отъ котораго они къ намъ дошли.

Что касается формы этихъ договоровъ, то большинство изъ нихъ (15) имѣютъ тѣ-же три части, какъ междукняжескіе: вступленіе, статьи и заключеніе. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ послѣ заключенія снова идутъ статьи. См. № 1 и № 3 Рум. Собр. Въ остальныхъ же заключенія нѣтъ. Но такъ какъ шесть изъ этихъ послѣднихъ были снабжены печатями наравнѣ съ первыми, то надо думать, что заключеніе не считалось необходимой частью договора. Это тѣмъ скорѣе можно допустить, что о скрѣпленіи договора крестнымъ цѣлованіемъ, что и составляетъ существенную часть заключенія, говорится уже во вступленіи. Мѣсто и время написанія упоминаются только въ нѣкоторыхъ и, повидимому, это упоминаніе дѣлается правиломъ только съ теченіемъ времени.

Изъ числа дошедшихъ до насъ грамотъ только одна написана во двухъ экземплярахъ, вмѣстѣ сшитымъ (Рум. Собр. № 4 и 5). Раздѣленіе обязательствъ двухъ сторонъ проведено здѣсь, хотя и не вполнѣ, но гораздо лучше, чѣмъ это дѣлалось въ княжескихъ договорахъ. Всѣ остальныя грамоты дошли до насъ въ одномъ только экземплярѣ, но можно думать, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ и княжескія, имѣли свои противни, которые, однако, не были вмѣстѣ сшиты. На эту мысль наводятъ, напр,. грамоты, отпечатанныя въ Рум. Собр. № 1, 2, 3. Онѣ написаны отъ имени Новгорода и обязываютъ князя крестнымъ цѣлованіемъ. Новгородъ же въ этихъ грамотахъ князю креста не цѣлуетъ, хотя нѣкоторыя обязательства и онъ на себя принимаетъ. Наоборотъ, на грамотѣ № 6 крестъ цѣлуетъ Новгородъ къ князю, а князь не цѣлуетъ, хотя грамота, какъ и всѣ новгородскія, болѣе говоритъ объ обязательствахъ князя, чѣмъ Новгорода. Надо думать, что этимъ грамо-

тамъ соотвѣтствовали другія, на которыхъ цѣловали крестъ въ первомъ случаѣ Новгородцы, во второмъ — князь.

Подтвержденіе этой мысли находимъ въ грамотѣ подъ № 8. Во введеніи говорится, что на ней Новгородцы цѣлуютъ крестъ, а въ концѣ, въ заключеніи сказано: „А на семъ на всемъ Князь Великій крестъ цѣловалъ.“ Если бы князь цѣловалъ на этой грамотѣ, то къ ней были бы привѣшаны его печати. Но у грамоты только двѣ печати новгородскихъ посадника и тысяцкаго. Ясно, что былъ противень этой грамоты, на которомъ князь и цѣловалъ крестъ.

Необходимость составленія этихъ двойныхъ грамотъ и, слѣдовательно, утвержденія ихъ разными сторонами въ разные моменты и здѣсь была вызвана нахожденіемъ договаривающихся сторонъ, во моментъ заключенія договора, въ разныхъ мѣстахъ. Въ такихъ случаяхъ князь цѣловалъ крестъ при новгородскихъ послахъ. Объ этомъ упоминается въ самыхъ грамотахъ (№ 1 и др.).

Въ междукняжескихъ отношеніяхъ этотъ способъ писанія двойныхъ грамотъ почти совершенно вытѣснилъ цѣлованіе на одной общей грамотѣ. О новгородскихъ грамотахъ этого нельзя сказать. Цѣлованіе обѣнхъ сторонъ на одной и той же грамотѣ сохранилось до послѣднихъ дней новгородской независимости. Цѣлый рядъ новгородскихъ князей (Мстиславъ Ярославичъ, его сынъ Александръ, внукъ Михаилъ) цѣлуютъ крестъ на той же грамотѣ, въ которой говорится и о состоявшемся цѣлованіи Новгорода (Рум. Собр., № 12, 15, 17). Грамоты в. князей московскихъ, Василія Васильевича и Ивана Васильевича, тоже говорятъ о крестномъ цѣлованіи обѣихъ сторонъ. Но отъ тверскихъ отличаются тѣмъ, что въ этихъ рѣчь идетъ о состоявшемся цѣлованіи, тогда какъ въ московскихъ о имѣющемъ произойти.

И въ Новгородѣ высшіе представители духовенства принимали дѣятельное участіе въ заключеніи договоровъ. Грамоты весьма обыкновенно начинаются словами: „благословеніе отъ владыки“; ко многимъ изъ нихъ привѣшены печати только архіепископа новгородскаго. Архіепископъ, значитъ, принималъ прямое участіе при заключеніи договора. Иногда и самый договоръ носитъ имя по архіепископу. Такъ въ № 12 упоминается „Фектистова“ грамота, на которой в. к. тверской Михаилъ Ярославичъ докончалъ съ владыкою и послами новгородскими. Ѳеоктистъ—это Архіепископъ Новгорода, его

печать привѣшана къ грамотѣ № 9. Это грамота, вѣроятно, и названа Ѳеоктистовой грамотой.

По содержанію новгородскія грамоты распадаются на двѣ категоріи. Однѣ изъ нихъ могутъ быть названы грамотами на княженіе, другія — союзными договорами Новгорода съ сосѣдними князьями. Первыми извѣстный князь признается новгородскимъ княземъ и грамота содержитъ опредѣленіе его правъ и обязанностей. Къ такимъ грамотамъ относятся въ Рум. Соб. №: 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 20. въ А. Э. I. № 57 и 87. Къ нѣкоторымъ изъ этихъ грамотъ составлялось еще особое дополненіе въ видѣ отдѣльной грамоты. Таковы, напримѣръ, дополненія къ договорамъ съ в. к. Василіемъ Васильевичемъ и Иваномъ Васильевичемъ (А. Э., т I, № 58, 1556 г;. Рум. Собр. № 20, вторая, 1471 г.). Въ обоихъ дополненіяхъ рѣчь идетъ объ особомъ судѣ на городищѣ, о новыхъ доходахъ великаго князя, о пріемѣ имъ новгородскихъ пословъ вмѣстѣ съ сыномъ и пр. Всѣ эти статьи легко могли бы войти въ договоры, заключенные съ ними единовременно, и которые они собою дополняютъ (А. Э. I. № 57 и 91). Почему же оказалось нужнымъ выдѣлить ихъ въ особую грамоту? Къ XV вѣку содержаніе новгородскихъ грамотъ на княженіе получило уже временемъ освященный составъ. Хотя они и не повторяютъ буквально одна другую, но общія начала ихъ и даже многія выраженія встрѣчаются неизмѣнно во всѣхъ. Два дополненія, о которыхъ идетъ рѣчь, по содержанію своему представляютъ много новаго. Новгородцы, съ такой любовью державшіеся старины, не хотѣли измѣнить, по всей вѣроятности, составъ освященныхъ долгимъ временемъ грамотъ и предпочли новыя статьи помѣстить въ особомъ дополнительномъ договорѣ, въ надеждѣ, можетъ быть, что при измѣнившихся обстоятельствахъ эти дополнительныя условія могутъ быть уничтожены, не оставивъ никакого слѣда въ самыхъ грамотахъ на княженіе. Эти приложенія назывались тогда „приписными граматами“ (А. Э. I стр. 69).

Содержаніе договоровъ втораго вида весьма разнообразно; одни изъ нихъ установляютъ оборонительный союзъ между Новгородомъ и тверскими или московскими князьями (Рум. Собр. I № 4 и 5, А. Э. I. № 8), въ другихъ рѣчь идетъ только объ опредѣленіи рубежа, границы (Рум. Собр. I № 16, сюда же, кажется, относятся и грам. подъ №№ 14 и 19, весьма плохо сохранившіяся).

III. Княжескіе уставы.

Третій источникъ права составляютъ княжескіе уставы. Однимъ изъ главныхъ предметовъ дѣятельности князей былъ судъ. По общему правилу судъ вѣдалъ самъ князь, но не будучи въ состояніи вездѣ судить самъ, онъ посылалъ своихъ мужей для производства суда, а самъ опредѣлялъ, какимъ образомъ имъ судить, какія дѣлать взысканія и т. п.. Въ видѣ исключенія князья жаловали различныя привиллегіи отдѣльнымъ лицамъ, напр., освобождали ихъ отъ суда своихъ мужей и давали земли. На эти привилегіи выдавались грамоты. Къ числу постановленій князей относятся далѣе, ихъ духовныя завѣщанія, въ которыхъ они распоряжались своимъ имуществомъ и опредѣляли порядокъ преемства престола. Наконецъ, князь —какъ представитель силы, завоевываетъ волости и какъ побѣдитель налагаетъ на побѣжденныхъ условія подчиненія, облагаетъ ихъ повинностями. Таковы предметы, которыхъ касается древнѣйшая княжеская уставная дѣятельность. Первоначальные княжескіе уставы не имѣли, однако, характера общаго закона; по большей части они представляли распоряженія по отдѣльнымъ частнымъ случаямъ. Такого рода распоряженія не были обязательны для преемниковъ князя, поэтому, обыкновенно, новаго князя просили подтвердить старыя грамоты.

Разберемъ важнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ указаній на уставную дѣятельность князей. Отъ древнѣйшаго времени мы не имѣемъ ни подлинныхъ уставовъ, ни списковъ съ нихъ, за исключеніемъ церкви. уставовъ.

Древнѣйшія постановленія князей имѣютъ предметомъ— установленіе дани. По извѣстіямъ лѣтописи уже Олегъ установилъ дань съ Кривичей и нѣкоторыхъ другихъ племенъ, и за то защищалъ ихъ отъ нападеній сосѣдей. Ольга, идя къ Новгороду, установила по Мстѣ „погосты и дани“ („погостъ“ — вѣроятно административное дѣленіе). Подъ 996-мъ годомъ лѣтописецъ разсказываетъ; что, когда происходило освященіе церкви Богоматери въ Кіевѣ, князь Владиміръ Св. сказалъ: „Дарю церкви десятую часть отъ имѣнія моего и отъ градъ моихъ“ и далъ грамоту и цѣловалъ крестъ. Это установленіе десятины заимствовано изъ ветхаго Завѣта, въ Византіи ея не было. Изъ лѣтописи же мы знаемъ, что Владиміръ Св. отмѣнилъ сперва виры и сталъ казнить, а потомъ снова возвратился къ вирамъ.

Владиміру Св. приписывается церковный уставъ, который и дошелъ до насъ въ спискахъ. Подлинность этой грамоты возбуждаетъ, однако, сомнѣнія. Карамзинъ отрицалъ совершенно ея подлинность на томъ, между прочимъ, основаніи, что въ грамотѣ сказано, что Владиміръ принялъ Св. крещеніе при патріархѣ Фотіѣ, между тѣмъ какъ Фотій умеръ 90 лѣтъ раньше: но есть списки, въ которохъ вовсе не упоминается о Фотіѣ. Неволинъ приходитъ къ выводу, что неопровержимыхъ доказательствъ въ пользу подлинности этой грамоты нѣтъ, но думаетъ, что уставъ имѣлъ практическое значеніе, и допускаетъ, что преданіе, приписывающее его Влаъиміру, можетъ быть, и вѣрно.

Что Владиміръ, принявъ христіанство, предоставилъ духовенству судъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, это чрезвычайно вѣроятно; но была ли написана по этому поводу грамота, это неизвѣстно. Судъ могъ быть данъ и на словахъ, со ссылкою на тотъ порядокъ вещей, который наблюдался въ Византіи. Та своеобразная форма, которую принялъ церковный судъ у насъ, могла сложиться путемъ практики. Далѣе, совершенно несомнѣнно, что имѣющіеся у насъ списки церковнаго устава подвергались передѣлкамъ. Отдѣлить въ нихъ то, что принадлежитъ Владиміру, отъ того, что могло быть занесено въ нихъ позднѣе на основаніи практики церковныхъ судовъ, нѣтъ никакой возможности. Еслибы, однако, все содержаніе устава отражало только практику церковныхъ судовъ, то и въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ значеніе для исторіи права. Но въ уставѣ, по всей вѣроятности, есть нѣчто и Владимірово, ибо трудно думать, чтобы онъ ничего не установилъ относительно судебной дѣятельности церкви. Время и границы, въ области которыхъ дѣйствовалъ уставъ, не могутъ быть сколько нибудь точно опредѣлены. Нѣтъ основанія думать, чтобы независимость церковнаго суда отъ свѣтскаго въ томъ объемѣ, какой указанъ уставомъ, составляла общее правило.

Древнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ списковъ устава относятся къ концу XIII вѣка. Уставъ Владиміра Св. дошелъ въ двухъ редакціяхъ: пространной и краткой, которыя не во всемъ сходятся между собою; напр., въ краткой редакціи не упоминается о наблюденіи духовенствомъ за мѣрами и вѣсами. Неволинъ думаетъ, что краткая редакція была составлена раньше; преосвященный же Макарій, наоборотъ, держится мнѣнія, что первонально была дана пространная грамота и изъ нея позднѣе извлечена краткая. При отсутствіи

данныхъ, вопросы этого рода не могутъ получить окончательнаго рѣшенія.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію содержанія этого устава. Въ началѣ упоминается, что десятина уже дана, а далѣе говорится: „а посемъ не вступатися, ни дѣтямъ моимъ, ни внучатамъ, ни всему роду моему до вѣка ни въ люди церковныя, ни въ суды ихъ, то все далъ есмъ по всемъ градомъ и по погостамъ и по слободамъ, *гдѣ христіане суть.*“ Любопытное указаніе на то, что судебныя права духовенству были даны при самомъ принятіи христіанства и прежде его повсемѣстнаго распространенія. Затѣмъ идетъ перечисленіе тѣхъ дѣлъ, которыя отдаются суду церкви:„ роспусть“, т. е. разводъ въ дѣлахъ брачныхъ; „смильное заставаніе“ (нѣкоторые изслѣдователи ставятъ между этими двумя словами запятую), по всей вѣроятности, подъ этими словами разумѣется прелюбодѣяніе: „заставаніе“—съ кѣмъ либо,—„пошибаніе между мужемъ и женою о животѣ“, т. е. споры между мужемъ и женою объ имуществѣ; „въ племени или въ сватовствѣ поимутся“, т. е. браки въ близкихъ степеняхъ родства или свойства; „вѣдство“ (отъ вѣдѣти), т. е. чародѣйство, волшебство; „зелійничество“ приготовленіе зелій, отравы; „зубояжа“, т. е. укушеніе. Такъ какъ дѣла брачныя были подвѣдомственны церкви, то ей же было предоставлено вѣдать стоящія въ связи съ бракомъ отношенія родителей и дѣтей и дѣла по наслѣдству. Согласно съ этимъ въ уставѣ читаемъ: „отца или матерь бьетъ сынъ или дщи“; „братія или дѣти тяжутся о задницѣ“, т. е. о наслѣдствѣ. Послѣ перечисленія еще нѣсколькихъ преступленій, (уреканіе три, церковная татьба, мертвецы волочатъ, крестъ посѣкутъ или на стѣнахъ рѣжутъ, скоты или псы и потоки безъ велики нужи введетъ, или что не подобно въ церкви подѣетъ) уставъ добавляетъ: „тѣ всѣ суды церкви даны суть, князю, боярамъ и судьямъ въ тѣ суды нельзя вступатися“. Затѣмъ перечисляются лица, подлежащія вѣдѣнію духовенства; сюда относятся церковные люди: игуменъ, попъ, дьяконъ и кто въ клирѣ, чернецъ, попадья, проскурница, лѣчецъ (лѣкарь); задушные люди“, т. е. отпущенные на свободу передъ смертью господина; „хромецъ и слѣпецъ“; наконецъ, страннопріимные дома, больницы и гостинницы. Любопытно, что въ уставѣ ничего не говорится о наказаніяхъ за преступленія, а идетъ только перечисленіе преступленій; по всей вѣроятности къ дѣламъ этого рода примѣнялись византійскіе законы, которые и

были у духовенства. Кромѣ суда духовенству принадлежало еще охраненіе мѣръ и вѣсовъ.

Другой, дошедшій до насъ уставъ, приписывается Ярославу Мудрому; онъ носитъ еще болѣе рѣзкія черты неподлинности, хотя нѣкоторыя изслѣдователи (преосв. Макарій) допускаютъ и его подлинность. Вступленіе къ уставу совершенно не соотвѣтствуетъ его содержанію; во вступленіи сказано, что князь нашелъ, что ему такихъ-то судовъ вѣдатъ не подобаетъ, а изъ статей слѣдуетъ, что князь принимаетъ участіе въ судѣ духовенства (напр. объ изнасилованіи и умычкѣ дѣвицъ). Ясно, что къ статьямъ кто-то присочинилъ начало, будто бы это статьи Ярослава. Изъ разсмотрѣнія статей видно, что этотъ уставъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ нѣкоторыми другими сборниками, напр. съ „Суднымъ закономъ людямъ". Уставъ Ярослава предоставляетъ еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ судъ духовенству; въ немъ встрѣчаются нѣкоторыя новыя статьи, напр. запрещеніе постриженія головы, бороды, потомъ статьи о поджогѣ, кражѣ и убійствѣ. Хотя подлинность Ярославова устава еще болѣе сомнительна, чѣмъ подлинность устава Владимірова, но это вовсе не значитъ, что Ярославовъ уставъ не имѣетъ значенія два исторіи права. Кѣмъ бы онъ ни былъ составленъ, во всякомъ случаѣ онъ содержитъ практику какихъ то-судовъ, по всей вѣроятности, епископскихъ. Хотя эту практику мы и не можемъ пріурочить къ опредѣленному мѣсту и времени, но указаніями ея нельзя не пользоваться для исторіи права въ домосковской Руси.

Русская Правда приписываетъ Ярославу Мудрому постановленіе о вирахъ, и другое о рабахъ. Тамъ же находимъ указанія на уставную дѣятельность его сыновей. Но всѣ эти уставы до насъ не дошли. Въ Русской Правдѣ говорится, что сыновья Ярослава отмѣнили убіеніе за голову и стали брать виры. Владиміру Мономаху Русская Правда приписываетъ уставъ объ опредѣленіи процентовъ, который тоже не дошелъ.

Отъ XII вѣка до насъ дошло нѣсколько памятниковъ цѣликомъ, хотя и не въ оригиналахъ, а въ спискахъ. Это церковные уставы: 1) Два устава Всеволода Гавріила († 1138), князя Новгородскаго, 2) Уставъ Святослава, князя Новгородскаго, и 3) Уставъ Ростислава, князя Смоленскаго. Первый уставъ Всеволода Гавріила данъ св. Софіи и по содержанію весьма близокъ къ уставу Владиміра Св., по есть и нѣкоторыя добавленія напр., въ немъ есть статья объ изгояхъ: „А се церковные люди: игуменъ, попъ... и изгои трои: поповъ сынъ,

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас, Остр. 2, л. 7.,

неумѣющій грамотѣ, холопъ изъ холопства выкупившійся и купецъ одолжавшій (несостоятельный), а се четвертое изгойство, если князь осиротѣетъ". Эти три вида изгоевъ состояли подъ покровительствомъ церкви; но изгоями назывались всѣ, заслуживающія состраданія, нуждающіеся въ покровительствѣ, вообще низкій классъ. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ XII в. говорится, что „деревни даются съ изгоями", а въ XIV и XV в. в. „деревни съ сиротами". Надо полагать, что какъ подъ изгоями, такъ и подъ сиротами разумѣются и вообще крестьяне. Подлинность этой грамоты также подлежитъ сомнѣнію.

Отъ Всеволода Гавріила имѣемъ еще другую грамоту, данную церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ. Изъ этой грамоты узнаемъ, что князь построилъ въ Новгородѣ церковь во имя Свят. Велик. Ивана и на церковное строеніе пожертвовалъ отъ своего великаго имѣнія „вѣсъ восковой", т.-е пошлину отъ взвѣшиванія воска. Для завѣдыванія всѣми дѣлами Иванскими, торговыми, гостинными и торговымъ судомъ, онъ назначилъ тысяцкаго, какъ представителя черныхъ людей, и старостъ со стороны житьихъ людей и купцовъ. Они должны взвѣшивать воскъ въ притворѣ Св. Ивана, собирать пошлину, распредѣлять ее по назначенію и вѣдать всѣ другія дѣла Иванскія. Грамота даетъ очень любопытныя указанія на внутренній бытъ Новгорода. Для того, чтобы быть Ивановскимъ купцомъ, надо было внести извѣстный вкладъ (50 или 80 гривенъ). Вкладъ этотъ, кажется, надо объяснять тѣмъ, что въ древности всякая дѣятельность при взвѣшиваніи или судѣ давала доходъ. Напеч. въ допол. къ акт. Ист. I., № 3.

Грамота Святослава Новгородскаго 1137 г. указываетъ на существованіе десятинъ во всей русской землѣ. Вѣроятно этотъ порядокъ не былъ удобенъ для князей и потому Святославъ замѣнилъ десятину единовременнымъ взносомъ изъ своей казны. Относительно формы грамоты, надо замѣтить, что въ ней нѣтъ вступленія и въ текстѣ есть вставки. Напечат. въ Русск. Достопамятностяхъ, т. I.

Въ грамотѣ Ростислава Смоленской епископіи 1150 г. установляется десятина и нѣкоторыя дѣла предоставляются вѣдомству духовенства. Въ грамотѣ этой перечислены доходы князя, напр: мыто, корчмито (кабачный сборъ), гостинная дань, торговый сборъ и другіе. По этой грамотѣ князь получалъ дохода около 3100 гривенъ. Гостинная дань и мыто не вездѣ собираются, изъ чего можно заключить, что среди поселеній различались уже торговыя и не торговыя. Никакой

ссылки на уставъ Владиміра Св. въ этой грамотѣ нѣтъ. Напечат. въ допол. къ акт. Истор. I., № 4.

Однимъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ для нашей древней исторіи служатъ завѣщанія князей. Въ лѣтописяхъ есть указанія на духовныя грамоты Ярослава и Владиміра Волынскаго, но онѣ до насъ не дошли въ оригиналахъ. Древнѣйшее, дошедшее до насъ въ подлинникѣ, есть завѣщаніе московскаго князя Ивана Калиты. Въ княжескихъ завѣщаніяхъ находимъ важныя данныя для древней географіи. Въ завѣщаніяхъ этихъ не видно ничего государственнаго и по формѣ своей они не отличаются отъ частныхъ. Въ концѣ завѣщанія приводятся послухи (свидѣтели) и встрѣчается подпись писца Къ завѣщаніямъ кромѣ княжеской иногда привѣшивается и татарская печать. Это вѣроятно потому, что князья предъявляли свои завѣщанія въ орду для утвержденія. Напечат. въ Рум. Собр. т. I.

Древнѣйшія жалованныя грамоты относятся къ концу XII в. Любопытнѣйшая изъ нихъ принадлежитъ Мстиславу Владиміровичу († 1132), напечат. въ Допол. къ Акт. Ист., I, № 2. Объясненія нѣкоторыхъ выраженій грамоты можно найдти у Срезневскаго, Изв. Им. Ак. Н., т. VIII, ст. 337 сл.

Древнѣйшая судная грамота, дошедшая къ намъ цѣликомъ, хотя и въ копіи, принадлежитъ концу XIV в. Она была дана Василіемъ Дмитріевичемъ Двинской землѣ въ 1368 г. и содержитъ постановленія, имѣющія свой корень въ очень глубокой древности. Напечат. въ Акт. Арх. Эксп., т. I, № 13

IV. Вѣчевыя постановленія.

Четвертый источникъ права составляютъ постановленія вѣча; древнѣйшія изъ нихъ до насъ не дошли. Полныя постановленія вѣча сохранились для Пскова отъ XIV в. и для Новгорода отъ XV вѣка. Въ лѣтописяхъ находимъ указанія и для древнѣйшаго времени о вѣчевыхъ постановленіяхъ, такъ напр., вѣчевыя собранія постановляли воевать или нѣтъ, о заключеніи мира, объ условіяхъ принятія князя и пр. Однимъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ вѣчеваго законодательства является „Псковская Судная Грамота“. Трудно опредѣлить съ точностью время ея составленія. Въ самомъ началѣ грамоты сказано: „Сія грамота выписана изъ великаго князя Александровы грамоты и изъ всѣхъ приписковъ Псковскихъ пошлинъ (обычаевъ) по

благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ пяти соборовъ, всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ въ лѣто 6905 (1397)". Между тѣмъ мы знаемъ изъ лѣтописи, что пятый соборъ былъ установленъ въ 1462 г. Это противорѣчіе можно примирить или во 1-хъ тѣмъ, что позднѣйшій переписчикъ этой грамоты, писавшій ее въ XV в., когда уже было пять соборовъ, счелъ ошибкой то, что въ грамотѣ говорится о четырехъ и написалъ вмѣсто четырехъ пять; или во 2-хъ тѣмъ, что, можетъ быть, грамота написана уже послѣ того, какъ было пять соборовъ и что въ годѣ написанія этой грамоты сдѣлана ошибка.

Далѣе является вопросъ, кто были эти князья Александръ и Константинъ, грамоты которыхъ вошли въ составъ Псковской, и когда они жили. Въ Новгородѣ было два князя Александра въ разныя времена, а именно Александръ Невскій († 1261 г.) и Александръ Михайловичъ Тверской, внукъ Ярослава Ярославича, умершій въ 1399 г. Болѣе вѣроятія приписать грамоту Александру Невскому и на слѣдующемъ основаніи: митрополитъ Кипріанъ, жившій въ XIV в.. въ посланіи своемъ къ Новгородцамъ называетъ Александра, упомянутаго въ этой грамотѣ, великимъ княземъ. Изъ этого выводятъ, что упомянутый князь есть именно Александръ Невскій, потому что митр. Кипріанъ не почтилъ бы Александра Михайловича именемъ великаго князя, такъ какъ Александръ Мих. былъ во враждебныхъ отношеніяхъ съ московскими князьями. Относительно того, кто былъ князь Константинъ, мы имѣемъ еще болѣе смутныя свѣдѣнія. Если мы признаемъ что князь Александръ, упоминаемый въ Псковск. грамотѣ, есть Александръ Невскій, то должны заключить, что первая грамота, положившая начало Псковской, относится къ первой половинѣ XIII вѣка.

Текстъ Псковской Судной Грамоты дошелъ до насъ съ описками. Она издана: 1) Мурзакевичемъ съ facsimile 2) Будановымъ съ раздѣленіемъ на статьи. 3) въ Актахъ Экспедиціи напечатана часть ея подъ ошибочнымъ названіемъ Новгородской грамоты (начиная съ 109 ст. по Буданову). Псковская Грамота содержитъ богатый матеріалъ для изученія судопроизводства, уголовнаго права и гражданскаго. Относительно могущихъ быть измѣненій и пополненій грамоты, въ ней сказано: „а которой строкѣ пошлинной грамоты нѣтъ (чего въ грамотѣ недостаетъ) и посадникомъ доложити города Пскова на вѣчѣ, да тая строка написать. А которая

строка въ сей грамотѣ не люба будетъ господину Пскову, ино та строка вольно будетъ выписать вонъ изъ грамоты."

Новгородская Судная Грамота по содержанію еще важнѣе Псковской, но она не дошла до насъ вся, а сохранилось только начало (42 ст. по дѣленію Буданава). Грамота эта относится къ 1471 г., но это годъ, когда она была переписана на имя великихъ князей Московскихъ, а составлена она была раньше, какъ это видно изъ приписной грамоты, заключенной между Новгородцами и Московскими князьями, гдѣ говорится, что эта грамота должна быть переписана на имя Московскихъ великихъ князей. Дошедшая до насъ часть грамоты содержитъ почти исключительно правила о составѣ суда и о порядкѣ судопроизводста.

V. Византійское право.

Мы видѣли, что въ церковныхъ уставахъ не говорится, какимъ образомъ рѣшать духовенству предоставленныя ему дѣла, а слѣд. предполагается, что оно должно рѣшать ихъ на основаніи тѣхъ постановленій, которыя были принесены имъ изъ Греціи. Такимъ образомъ духовенство является у насъ проводникомъ новаго права Византійскаго. Фактъ чрезвычайно важный въ исторіи нашего права, потому что этимъ путемъ въ наше право вносятся совершенно новыя начала. Множество институтовъ нашего обычнаго права существенно измѣнилось, благодаря новымъ началамъ, принесеннымъ къ намъ изъ Греціи, и притомъ не въ тѣхъ только вопросахъ, вѣдѣніе которыхъ было предоставлено церкви, но и по многимъ другимъ; такъ напр., даже взглядъ на власть князей существенно измѣнился подъ вліяніемъ духовенства. Вообще народныя представленія въ концѣ этого періода подъ вліяніемъ духовенства отступаютъ на задній планъ и замѣняются новыми. Вліяніе Византійскаго права у насъ было весьма чувствительно. Съ вліяніемъ чуждаго римскаго права, но несравненно въ большей степени, встрѣчаемся мы и въ Западной Европѣ. Такъ во Франціи въ XII в., а въ Германіи немного позже Юстиніаново законодательство сдѣлалось дѣйствующимъ правомъ. Древніе французскіе юридическіе памятники и литература сохранили очень много указаній на то, что уже съ XII в. во Франціи римское право, а именно кодексъ Юстіанина, разсматривался, какъ дѣйствующее общее право по всѣмъ дѣ-

ламъ. Въ королевскихъ ордонансахъ (указахъ) отъ XII и до XIV в. постоянно проводится та мысль, что римское право есть общее право, а мѣстное право составляетъ исключеніе, т. е. что оно примѣняется только въ томъ случаѣ, когда римское право о чемъ нибудь не говоритъ. Когда въ Парижѣ въ 1200 г. былъ основанъ Университетъ, то въ немъ была немедленно учреждена и образовалась каѳедра римскаго права. Точно также въ Германіи съ XIII в. римское право мало по малу сдѣлалось общимъ правомъ.

Главный вопросъ, который обращаетъ на себя наше вниманіе, состоитъ въ томъ, что было принесено къ намъ изъ византійскаго права?

Православная восточная греческая церковь имѣла свои сборники права, составленные въ Греціи, перешедшіе потомъ въ Болгарію. Эти сборники носятъ названіе *Номоканана.* Слово номоканонъ происходитъ отъ греческихъ словъ Νομος законъ и „κανων" правило, т. е. номоканонъ-законоправило. Соотвѣтственно этому въ Номоканонѣ помѣщены свѣтскія постановленія императоровъ и церковныя постановленія: правила свят. апостоловъ и вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Въ Греціи было два такихъ сборника; одинъ изъ нихъ былъ составленъ Константинопольскимъ Патріархомъ Іоанномъ Схоластикомъ въ VI в. Іоаннъ Схоластикъ былъ первоначально адвокатомъ, а потомъ поступилъ въ клиръ и, будучи еще пресвитеромъ, составилъ собраніе церковныхъ правилъ. Онъ взялъ апостольскія правила, постановленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, также нѣкоторыя правила изъ Василія Великаго и распредѣлилъ все это въ системѣ по предметамъ. Этотъ сборникъ имѣлъ 50 титуловъ. Когда же Іоаннъ Схоластикъ сдѣлался патріархомъ, то къ церковнымъ постановленіямъ онъ присоединилъ еще нѣкоторыя постановленія свѣтскаго законодательства и именно извлеченія изъ Новеллъ („Novellae") Импер. Юстиніана, относящіяся до обязанностей духовенства. Такимъ образомъ былъ составленъ своего рода сводъ. Другой номоканонъ приписывается константинопольскому патріарху Фотію. Но онъ составленъ двумя лицами: большая часть его написана еще въ VI в. неизвѣстнымъ авторомъ; это такъ называемый номоканонъ въ XIV титулахъ—безъ извлеченій изъ Юстиніанова законодательства; самому Фотію принадлежатъ только дополненія, они сдѣланы имъ около 883 года. Эти памятники церковнаго законодательства съ принятіемъ христіанства пере-

шли къ намъ. Можетъ быть, они дошли къ намъ чрезъ посредство Болгаріи, но Фотіевъ номоканонъ сталъ извѣстенъ позднѣе сборниковъ VI вѣка. Отъ XIII вѣка имѣемъ извѣстіе, что во Владимірѣ на Клязьмѣ былъ церковный соборъ; на этомъ соборѣ митрополитъ Кирилъ объявилъ, что онъ получилъ новый списокъ номоканона, гораздо болѣе понятный, чѣмъ всѣ предъидущіе. Надо думать, что этотъ новый списокъ и есть номоканонъ Фотія. До нашего времени сохранились два рода списковъ номоканона. Одни списки или изводы называются софійскими, а другіе рязанскими. Въ 1282 году новгородскій епископъ Климентъ приказалъ списать номоканонъ и положилъ его въ Софійской церкви „на почитаніе священниковъ и на послушаніе христіанъ", этотъ списокъ и называется Софійскимъ, онъ сохранился и находится въ Московской Синодальной библіотекѣ. Рязанскій списокъ сохранился отъ того же времени; онъ былъ написанъ при рязанскомъ епископѣ Іосифѣ въ 1284 году, этотъ списокъ хранится въ С.-Петербургѣ въ Публичной библіотекѣ. Обѣ эти категоріи списковъ различны между собою какъ по языку, такъ и по содержанію. Софійскій изводъ написанъ языкомъ болѣе старымъ и менѣе доступнымъ для пониманія, чѣмъ рязанскій. Рязанскій содержитъ въ себѣ статьи только византійскія, тогда какъ Софійскій и русскія. При Алексѣѣ Михайловичѣ номоканонъ былъ напечатанъ по изводу рязанскому; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы рязанскій изводъ былъ для насъ важнѣе. Какъ тотъ, такъ и другой имѣютъ для насъ одинаковое значеніе.

Наши древніе сборники, содержащіе въ себѣ номоканонъ, носятъ названіе *Кормчей Книги*. Это наименованіе произошло отъ того, что Св. Отцы (Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ и др.) въ своихъ посланіяхъ сравниваютъ церковь съ кораблемъ, плывущимъ по морю, обуреваемому волнами, а духовныя правила служатъ ему какъ бы кормиломъ. На кормчихъ встрѣчаются такія заглавія: „Книга, глаголемая Кормчая, иже сказуется Намоканонъ, „или" Книга глаголемая греческимъ языкомъ законуправило," а въ концѣ сказано, что это кормчая. Иногда въ заголовкѣ на старыхъ кормчихъ изображался корабль, обуреваемый волнами, у кормы котораго стоитъ Спаситель. Кормчія книги заключаютъ въ себѣ не одни только постановленія Номоканона, но въ нихъ встрѣчаются статьи, не относящіяся къ дѣламъ церкви, такъ напр. въ Соф. изв. помѣщена Русская Правда; кромѣ того въ нихъ находится

нѣсколько сборниковъ свѣтскаго греко-римскаго права. Эти сборники суть переводы съ греческаго. Въ Греціи они были составлены для удобства пользоваться правомъ въ видѣ краткихъ руководствъ. Изъ сборниковъ, помѣщенныхъ въ нашихъ кормчихъ, для насъ важны два: 1) Эклога Льва и Константина *741 г.* Это сокращенное изложеніе законовъ, составленное при императорахъ Львѣ Исаврянинѣ и Константинѣ Копронимѣ. Эклога содержитъ въ себѣ постановленія гражданскаго права (о бракѣ, наслѣдованіи, опекѣ, договорахъ и пр.) а также большой титулъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Она помѣщена во второй части печатной кормчей. Эклога довольно сильно уклонилась отъ Юстиніанова права. Черезъ 100 лѣтъ, въ 870 году, былъ изданъ другой учебникъ 2) Прохиронъ по повелѣнію императора Василія Македонянина. Этотъ учебникъ былъ составленъ на основаніи законодательства Юстиніана. Хотя составители Прохирона порицаютъ Эклогу, но нѣкоторыя мѣста въ немъ къ ней очень близки. Славянскій переводъ этихъ памятниковъ невсегда точенъ. Подлинники Эклоги и Прохирона до насъ сохранились; они изданы нѣмецкимъ ученымъ Захаріею, нѣкоторыя отдѣльныя части Эклоги напечатаны и у Леунклавія. Оба эти учебника главнымъ образомъ имѣли въ виду облегчить знакомство съ такими постановленіями права, которыя встрѣчаются ежедневно. Прохиронъ въ переводѣ носитъ наименованіе „градскаго закона.“ Позднѣе имъ воспользовались при составленіи Уложенія царя Алексѣя Михайловича.

Мы имѣемъ нѣкоторыя указанія на то, что номоканонъ имѣлъ у насъ значеніе дѣйствующато права и признавался источникомъ при рѣшеніи дѣлъ, подвѣдомственныхъ духовенству. Такъ въ уставѣ Владиміра Св., въ пространной редакціи, читаемъ: „разверзше грецькій номоканонъ и обрѣтохомъ въ немъ, оже не подобаетъ схъ судовъ и тяжъ князю судити ни бояромъ, ни тіуномъ“; далѣе идетъ перечисленіе предметовъ церковнаго суда. Въ Ростовской лѣтописи для XIV вѣка (1385 г.) находимъ слѣдующее указаніе: „Цѣловаше крестъ посадникъ на вѣчѣ и бояре и дѣти боярскіе и всѣ черные люди и вся пять концовъ на томъ, чтобы судите владыкѣ Алексѣю въ правду по номоканону“.

Кромѣ указанныхъ двухъ важныхъ сборниковъ свѣтскаго права мы имѣемъ въ кормчихъ еще два сборника, это во-первыхъ: „Судный законъ людямъ„. Въ кормчихъ книгахъ онъ приписывается Константину Великому; но это не вѣрно;

это частный сборникъ, составленный на основаніи выше приведенныхъ византійскихъ сборниковъ и законовъ, данныхъ Богомъ Моисею. Можно думать, что это переработка византійскаго права, вызванная примѣненіемъ его въ Болгаріи, а частью можетъ быть и у насъ. Мы не имѣемъ греческаго оригинала этого сборника, а потому исторія его происхожденія является довольно темною. 2) Уставъ о земскихъ дѣлахъ. Онъ содержитъ постановленія о наймѣ земледѣльцевъ и объ ихъ отношеніяхъ къ нанимателямъ. Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей приписываютъ этотъ уставъ Ярославу, какъ напр. Максимовичъ, это невѣрно. Этотъ уставъ переведенъ съ греческаго оригинала; онъ относится къ эпохѣ законодательства императоровъ иконоборцевъ. Кромѣ этихъ статей наши кормчія содержатъ еще много другихъ, неимѣющихъ юридическаго значенія.

VI. Ханскіе ярлыки.

Къ числу источниковъ права въ I-мъ періодѣ относятся также ханскіе ярлыки. Княженія русскія были завоеваны татарами, подъ вліяніемъ которыхъ многія начала русскаго права весьма измѣнились. Татары во время своего господства считали русскую землю своимъ владѣніемъ и на этомъ основаніи распоряжались ею, какъ хотѣли. Волю свою они выражали въ ярлыкахъ, которые они давали князьямъ и духовенству. Ярлыки, даваемые князьямъ, касались опредѣленія правъ князей на извѣстный столъ. Князья нерѣдко спорили о княженіи въ томъ или другомъ городѣ и прогоняли другъ друга. Не имѣя возможности одолѣть противника своими собственными силами, они обращались за помощью въ орду. Орда признавала за извѣстнымъ княземъ право на извѣстный столъ и выдавала ему ярлыкъ на княженіе. Объ этихъ ярлыкахъ говорится во многихъ мѣстахъ лѣтописи, но ни одного изъ нихъ къ намъ не дошло. Другой родъ ярлыковъ—это ярлыки, даваемые духовенству (митрополиту, епископамъ и т. п.). Завоевавъ Русскую землю, татары были проникнуты какимъ то суевѣрнымъ страхомъ предъ русскимъ духовенствомъ; они просили его молиться Русскому Богу за нихъ. Вслѣдствіе такого отношенія къ духовенству, татары выдавали ярлыки епископамъ и митрополитамъ, въ которыхъ освобождали ихъ отъ дани; признавали за ними право суда въ принадлежащихъ имъ владѣніяхъ, запрещали баскакамъ (татарскимъ чи-

новникамъ) въѣзжать въ имѣнія духовенства и т. под. Ярлыки, даваемые духовенству, сохранились до нашего времени. Они собраны и напечатаны Григорьевымъ. Приводимъ для примѣра ярлыкъ, данный митрополиту Іонѣ: „Тайдулино слово. Гдѣ сей Іона митрополитъ Молебникъ за насъ молится отъ первыхъ добрыхъ временъ и доселѣ, такожъ и иные церковные молебницы, ино не надобе имъ никоторая пошлина и не емлютъ у нихъ ничего, занеже они молитву творятъ за насъ Богу".

VII. Русская Правда.

Этотъ сборникъ имѣетъ для насъ особенно важное значеніе, онъ есть главный источникъ нашихъ свѣденій о состояніи права въ древнее время. Русская Правда была открыта въ 1638 году историкомъ Татищевымъ въ Новгородской лѣтописи и доставлена имъ въ Академію наукъ, а въ первый разъ была издана Августомъ Шлецеромъ въ 1767 году. Съ тѣхъ поръ было много новыхъ изданій Русской Правды. Впервые нашли Русскую Правду въ рукописи конца XV вѣка, по этой рукописи Шлецеръ и издалъ ее подъ заглавіемъ: „Правда Русская, данная въ XI вѣкѣ отъ великихъ князей Ярослава Владиміровича и сына его Изяслава Ярославича". Въ 1844 г. Русск. Правда издана Тобиномъ съ переводомъ на нѣмецкій языкъ; онъ издалъ этотъ сборникъ по нѣсколькимъ спискамъ. Калачевъ въ 1846 году составилъ сводное изданіе, пользуясь массою списковъ, подъ заглавіемъ: „предварительныя свѣдѣнія для полнаго объясненія Р. Правды". Это изданіе Р. Правды не похоже на тѣ экземпляры этого памятника, которые были въ рукахъ нашихъ предковъ; въ немъ всѣ статьи расположены въ современной научной системѣ, сперва идутъ статьи, относящіяся къ госуд. праву, затѣмъ къ гражданскому, потомъ къ уголовному, наконецъ къ процессу, при этомъ приведено множество варіантовъ изъ разныхъ списковъ; по сводному изданію нельзя себѣ составить понятія объ оригинальныхъ спискахъ Правды, потому что статьи одного списка перемѣшаны со статьями другихъ. Кромѣ этихъ изданій для изученія отдѣльныхъ списковъ Правды особенно важны еще слѣдующія: въ 1 ч. Русск. Достопамятн. по списку Синодальной кормчей конца XIII в.; 2) во 2 ч. Рус. Дост. по списку тоже конца XIII в., съ объясненіями Дубенскаго, 3)

изданіе Калачева 1847 г. по четыремъ спискамъ: Академическому, конца XV в., Троицкому, конца XVI в., Карамзинскому, XV в., и Оболенскому, второй половины XVII в., самое доступное изданіе Рус. Пр. съ объяснительными примѣчаніями издателя принадлежитъ Владимірскому—Буданову, его Христ., вып. 1.

Русская Правда дошла до насъ въ разнообразныхъ спискахъ, которые отличаются, какъ числомъ статей, такъ и ихъ расположеніемъ. По количеству статей списки можно раздѣлить на краткіе (Академическій) и пространные (Синод., Троиц., Карамз.). краткіе содержатъ въ себѣ 43 ст., а пространные болѣе 100 статей. Раздѣленіе на статьи сдѣлано издателями нашего времени, въ подлинныхъ же рукописяхъ его нѣтъ. Въ рукописяхъ статьи отдѣляются одна отъ другой не нумераціей, а особыми. заголовками. Безъ раздѣленія на статьи списки Рус. Пр. напечатаны въ Рус. Дост., 1 и 2 частяхъ.

Самый древній списокъ—синодальный, сохранился отъ XIII в. и найденъ былъ Карамзинымъ въ Синодальной кормчей книгѣ, этотъ списокъ былъ напечатанъ въ 1815 г. Московскимъ обществомъ исторіи и древностей, состоящимъ при Моск. Университетѣ, въ первомъ томѣ Русскихъ Достопамятностей подъ руководствомъ Калайдовича.

Сравнивая краткіе и пространныя списки Р. Правды, приходимъ къ заключенію, что право является въ нихъ на разныхъ ступеняхъ развитія и что краткіе списки не переписанные съ пропусками пространные, а совершенно самостоятельные, оставшіеся отъ времени болѣе древняго, чѣмъ пространные. Первыя 17 статей краткихъ списковъ относятся къ самой глубокой древности, въ нихъ помѣщены правила, искони дѣйствовавшія и представляющія наши древніе народные обычаи. Доказательствомъ этому служитъ въ 1-хъ то, что въ этихъ 17-ти статьяхъ мы находимъ всего болѣе указаній на право мести, а именно, о ней говорится въ 4-хъ ст. Въ позднѣйшихъ спискахъ нѣкоторыя изъ этихъ статей, содержащихъ въ себѣ указанія на месть, измѣнены. Мы знаемъ, что месть, дѣйствовавшая первоначально безгранично, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ограничивалась подъ вліяніемъ измѣнившихся условій жизни, слѣд., памятники, въ которыхъ мы находимъ болѣе указаній на месть, должно считать болѣе древними. 2) Затѣмъ въ старину вмѣсто денегъ употреблялись мѣха, въ болѣе же глубокой древности даже домашній скотъ. Въ краткихъ спискахъ Р. Правды, дѣйстви-

тельно, деньги называются „скотомъ“. Выраженіе „скотъ“ въ полныхъ спискахъ замѣнено выраженіемъ „купы“. 3) Въ старину, въ случаѣ убійства, помимо мести можно было брать выкупъ съ того, кто убилъ. Въ древнѣйшее время при платѣ выкупа не обращалось вниманія на общественное положеніе убитого, въ позднѣйшее же при опредѣленіи размѣра платы это брали уже въ соображеніе. Въ пространныхъ спискахъ за убійство княжаго мужа полагалось 80 гривенъ, а за простаго человѣка 40. Въ краткихъ спискахъ Правды этого различія нѣтъ; это есть несомнѣнный признакъ того, что краткіе списки принадлежатъ болѣе древнему времени. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы краткіе списки были въ каждомъ словѣ древнѣе пространныхъ, напротивъ, и въ краткихъ спискахъ встрѣчаемъ иногда такое выраженіе, которое нельзя отнести къ самому древнему времени. Это можно объяснить тѣмъ, что, переписываясь, эти списки нѣсколько подновлялись переписчиками. И такъ 17 статей краткихъ списковъ составляютъ древнѣйшій памятникъ, заключающій въ себѣ старинныя нормы права.

За 17 ст. Академическаго списка слѣдуетъ еще нѣкоторое количество статей, относящихся уже къ болѣе позднему времени Эти позднѣйшія статьи, начиная съ 18 имѣютъ особенный заголовокъ, а именно: „Правда установлена русской земли, егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ“. Этотъ заголовокъ даетъ поводъ думать, что слѣдующія за нимъ статьи принадлежатъ дѣтямъ Ярослава Мудраго. Пространные списки, очень отличаются отъ краткихъ. Въ нихъ также встрѣчаются заголовки съ указаніемъ на князей. Въ началѣ Троицкаго списка читаемъ „Судъ Ярославль Влидиміровичъ“, послѣ этого заголовка идетъ первая статья, а за ней опятъ слѣдуетъ какъ бы заголовокъ „По Ярославѣ-же паки (т. е. во второй разъ) совокупившеся сыновѣ его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячько, Перенѣгъ, Никифоръ и отложиша убіеніе за голову“... Передъ 48 ст. имѣется новый заголовокъ „Уставъ Володимѣрь Всеволодича“. Нѣкоторыя другія статьи имѣютъ заголовки по содержанію, напр. „О татьбѣ“, „о закупѣ“ и т. п.

Есть ли русская Правда актъ законодательной дѣятельности князей или это трудъ частнаго составителя, который записывалъ все то, что было ему извѣстно о древнѣмъ правѣ? Въ нашей литературѣ мнѣнія по этому вопросу расходятся. Карамзинъ приписываетъ всю Р. Правду отъ начала до конца

законодательной дѣятельности Ярослава. Тобинъ, Погодинъ и др. приписываютъ только часть Р. Правды Ярославу и говорятъ, что остальное состоитъ изъ законовъ, данныхъ его сыновьями, а начиная съ 48 ст. идутъ законы, изданные Владиміромъ Мономахомъ. Это мнѣніе о законодательномъ происхожденіи Рус. Пр. основывается на указанныхъ нами заголовкахъ Правды, въ которыхъ приводятся имена князей. Кромѣ того оно опирается еще на лѣтопись. Въ лѣтописи подъ 1016 годомъ находимъ такое извѣстіе. Въ войнѣ Ярослава съ братомъ Святополкомъ Ярославу помогли Новгородцы, которые и были имъ вознаграждены. Лѣтописецъ разсказываетъ это такъ: „и нача Ярославъ вои дѣлати, старостамъ по 10 гривенъ, а смердамъ по гривнѣ, а Новгородцамъ по 10 гривенъ всѣмъ, и давъ имъ Правду и Уставъ списавъ, рѣче: по сему ходите и держите, яко же списахъ вамъ". За этими словами въ Новгородской лѣтописи и помѣщена Русская Правда. Отсюда и дѣлаютъ заключенія, что Р. Правда есть тотъ уставъ, который Ярославъ далъ Новгородцамъ въ 1016 г. По смыслу приписываемыхъ Ярославу словъ надо было ожидать здѣсь грмоты, которою предоставлялись бы Новгородцамъ какія либо особыя права, жалованной грамоты, или по крайней мѣрѣ договорной, въ родѣ тѣхъ, которыя сохранились отъ позднѣйшлго времени. Ярославъ, довольный помощью Новгородцевъ, хотѣлъ ихъ наградить. Русск. же Правда по содержанію своему никакого элемента награды или княжеской милости въ себѣ не заключаетъ, а потому и не могла быть дана при тѣхъ условіяхъ, которыя приведены въ разсматриваемомъ мѣстѣ лѣтописи. Можно думать, что здѣсь высказано личное мнѣніе составителя лѣтописи о происхожденіи того списка Р. Правды, который находился у него въ рукахъ.

Противоположнаго мнѣнія держатся: Розенкампфъ, Морошкинъ, Полевой, Калачевъ; они думаютъ, что Р. Правда есть частное собраніе народныхъ обычаевъ, княжескихъ постановленій и пр. Послѣднее мнѣніе имѣетъ за себя больше основаній.

Уже по самому внѣшнему виду Р. Правда совсѣмъ не похожа на уставы, которые давали князья. Возьмемъ для примѣра нѣкоторые изъ нихъ. Грамота Смоленскаго князя Ростислава начинается такимъ образомъ: „Во имя отца и сына и Св. Духа. Богъ и Св. Богородица и отца моего молитва приведохъ епископа Смоленску, сдумавъ съ людьми своими, по повелѣнію отца своего святого, еже хотѣвъ при животѣ своемъ

створити.... Се уставляю епископію.... А се даю С. Богородицѣ“ и т. д. Грамота, данная Всеволодомъ церкви Св. Іоанна начинается такъ: „Се азъ князь великій Гавріилъ“ и т. д. Въ Двинской грамотѣ читаемъ: „Се князь великій Василій Дмитріевичъ пожаловалъ людей своихъ“ и пр. Такимъ образомъ, въ грамотахъ своихъ князья говорятъ отъ своего имени, между тѣмъ какъ въ Русской Правдѣ ничего подобнаго не находимъ: она прямо начинается такою статьею: „убьетъ мужъ мужа, то мстити брату брата“ и т. д. И такъ, внѣшняя форма Р. Правды заставляетъ сомнѣваться въ томъ, что она есть актъ уставной дѣятельности князей. Затѣмъ, если мы обратимся къ отдѣльнымъ статьямъ Р. Правды, то на многихъ изъ нихъ увидимъ слѣды руки частнаго составителя. Такъ напр. вторая статья Троицкаго списка читается такъ: „По Ярославѣ же паки совокупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячько, Перенѣгъ, Никифоръ и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати; а ино все якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша“. Въ приведенномъ отрывкѣ передаются свѣдѣнія о томъ, что князья сдѣлали. Развѣ это статья устава? Это все равно, какъ если бы кто сказалъ: по смерти Императора Николая Павловича, сынъ его, Александръ, вступивъ на престолъ, собралъ представителей дворянства для выработки проекта освобожденія крестьянъ и затѣмъ даровалъ имъ свободу отъ крѣпостной зависимости. Это простое сообщеніе о томъ, что сдѣлано, а не статья закона. Подобныхъ статей, съ очевиднымъ признакомъ руки частнаго составителя, есть и еще нѣсколько. Такова 48 ст. Троицкаго списка: „Володимеръ Всеволодичъ, по Святополцѣ созва дружину свою на Берестовѣмь (затѣмъ идетъ перечисленіе, кого созвалъ) и уставили до третьяго рѣза“ и т. д. Эта статья также есть сообщеніе знающаго человѣка о томъ, что сдѣлано княземъ Владиміромъ.

Въ доказательство того, что Р. Правда была составлена частными лицами можно еще указать на нѣкоторыя статьи, которыя являются не болѣе, какъ запискою судебныхъ рѣшеній, состоявшихся по отдѣльнымъ дѣламъ. Эти статьи любопытны въ томъ отношеніи, что въ древнѣйшихъ спискахъ онѣ носятъ на себѣ черты конкретнаго случая, а въ позднѣйшихъ эти конкретныя черты отбрасываются и статья получаетъ значеніе общаго правила. 21-я ст. Академическаго списка говоритъ:“ а конюхъ старый у стада 80 гривенъ, яко уста-

вилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убили Дорогобужцы", т. е. за стараго конюха у стада 80 гривенъ, какъ установилъ Изяславъ по своемъ конюхѣ. Здѣсь прямо видно, что Изяславъ судилъ дѣло объ убійствѣ своего стараго конюха. Это рѣшеніе и записано. Что эта статья составлена по частному случаю, видно изъ того, что въ ней говорится о „старомъ конюхѣ", котораго убили „Дорогобужцы" въ то время, когда онъ стоялъ „у стада". Если бы это былъ уставъ, а не случай судебнаго рѣшенія, въ статьѣ устава не говорилось бы о старомъ конюхѣ, о стадѣ и пр. Таже самая статья въ другихъ, пространныхъ спискахъ носитъ уже общій характеръ; въ Троицкій списокъ она перешла въ такой редакціи, „за конюшій 80 гривенъ" (10 статья.)

Такимъ образомъ вмѣсто „стараго конюха", который стоитъ „у стада", упомянутъ „конюшій" вообще. Въ нѣкоторыхъ спискахъ встрѣчается рядъ статей, которыя даже не имѣютъ никакого отношенія къ праву, они, конечно, вставлены позднѣйшимъ переписчикомъ, который даже не понималъ хорошо, съ какимъ памятникомъ онъ имѣетъ дѣло. Эти статьи по Карамзинскому списку идутъ отъ 49 до 64-й включительно и заключаютъ въ себѣ перечисленіе возможнаго приплода въ 12 лѣтъ отъ извѣстнаго количества скота; такъ напр. въ 49 ст. берется 22 овцы и расчитывается, сколько отъ нихъ можно получить приплода въ 12 лѣтъ. Въ 50 ст. читаемъ:„ а отъ 20 козъ и отъ двою приплода на 12 лѣтъ 90, 000 козъ и 100 козъ и 12 козъ. А то кунами 20, 000 и 7000 и 30 гривенъ и 3 гривны и 30 рѣзанъ. А коза метана по 6 ногатъ. А козловъ 90, 000 и 100 и 11 козловъ. А то кунами 10000 и 8000 гривенъ и 20 гривенъ и 10 рѣзанъ; а козелъ метанъ по 10 рѣзанъ." Ясно, что эти статьи никакого отношенія къ праву не имѣютъ.

Въ пользу оффиціальнаго происхожденія Р. Пр. въ послѣднее время высказался Г. Ланге, авторъ обширнаго изслѣдованія объ уголовномъ правѣ Рус. Правды. Онъ различаетъ въ Р. Правдѣ нѣсколько актовъ законодательства, а именно онъ говоритъ, что статьи отъ 1—17 включительно являются актомъ законодательной дѣятельности Ярослава, а слѣдующія затѣмъ статьи, начиная съ 18, имѣющія предъ собою особенный заголовокъ: „Правда уставлена Русской земли, егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ" и т. д., составляютъ дополненіе къ этому акту, сдѣланное дѣтьми Ярослава, но еще при его жизни и по его повелѣнію. Иностранные

списки, по мнѣнію Ланге, составляютъ также два отдѣльныхъ памятника; начинаются они съ Правды Изяслава, куда относятся статьи отъ 1—48, а затѣмъ рядъ статей, начиная отъ 48, имѣющей особенный заголовокъ. „Уставъ Владиміра Всеволода“, есть, по его мнѣнію, уставъ Владиміра Мономаха. Но и это мнѣніе трудно принять. Изъ того, что есть въ разныхъ мѣстахъ Р. Правды заголовки, никакъ еще нельзя заключать, что то, что слѣдуетъ послѣ заголовка, есть уставъ того князя, о которомъ въ заголовкѣ упомянуто. Въ краткихъ спискахъ передъ 18 ст. говорится: „Правда уставлена Русской земли, егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ“. Вслѣдствіе этого г. Ланге признаетъ, что всѣ послѣдующія статьи установлены сыновьями Ярослава; но въ 21 читаемъ: „а конюхъ старый у стада 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ“, т. е. статья указываетъ на судебное рѣшеніе Изяслава, она слѣд. не есть законодательный плодъ совокупной дѣятельности сыновей Ярослава. Далѣе Ланге говоритъ, что начало Троицкаго списка до 48 ст. есть Правда Изяслава, а между тѣмъ въ 7 ст. этого списка говорится: „А се покони вирніи были при Ярославѣ“. Эта статья, значитъ, принадлежитъ Ярославу. Частное происхожденіе Р. Пр. и послѣ изслѣдованія Г. Ланге представляется наиболѣе вѣроятнымъ. Какими источниками пользовались частныя лица при составленіи Правды?

Главнѣйшимъ источникомъ была судебная практика. Записывались рѣшенія по отдѣльнымъ случаямъ. Есть нѣкоторыя статьи, которыя достаточно убѣждаютъ въ этомъ. Такова разобранная уже 21 ст. Академическаго списка. Сравненіе статей разныхъ списковъ Правды указываетъ, что отдѣльные случаи судебныхъ рѣшеній съ теченіемъ времени обобщались и такимъ образомъ возникли статьи, имѣющія характеръ не судебнаго рѣшенія, а общей нормы. 29 ст. Академическаго списка говоритъ; если кто украдетъ что нибудь, то долженъ платить столько то; но если всѣхъ воровъ было 18 человѣкъ, то каждый изъ нихъ подвергается такому то наказанію. Число 18 указываетъ на отдѣльное судебное рѣшеніе. Въ позднѣйшихъ редакціяхъ эта статья уже обобщена, въ ней говорится не объ 18 ворахъ а объ „многихъ“ (37 ст. тр. сп.) Далѣе, составители руководствовались обычаемъ. Такъ, они записывали случаи, когда осуществлялась месть, такимъ образомъ составились статьи о мести. Они записали обычай относительно установленія рабства. Третьимъ источникомъ Правды были

княжескіе уставы. Составители Р. Правды заносятъ въ свой трудъ содержаніе этихъ уставовъ, но своими словами. Въ Правдѣ упоминаются уставы Ярослава „о поконахъ вирныхъ“, и о „мостовыхъ“, уставъ дѣтей Ярослава объ отмѣнѣ мести, уставъ Владиміра Мономаха о процентахъ и нѣкоторые другіе. Наконецъ, четвертымъ источникомъ Р. Правды было Византійское право. Вліяніе Византійскаго Права, главнымъ образомъ, обнаружилось въ пространныхъ спискахъ, хотя замѣчается и въ краткихъ. Содержаніе нѣкоторыхъ статей Р. Правды весьма близко подходитъ къ постановленіямъ Византійскаго права; принявъ въ соображеніе, что сборники византійскаго права были у насъ въ то время въ обращеніи, надо объяснять это сходство не дѣломъ случая, а заимствованіемъ, напр. путемъ практики. Въ 20 ст. Академическаго сп. читаемъ: „Аже убьютъ огнищанина (домовладыку) у клѣти, у коня, или у говяда, или у коровьѣ татьбѣ, то убити въ пса мѣсто“. Въ другихъ редакціяхъ той же статьи дозволяется убить вора, но съ оговоркой: „если до свѣта держатъ, то надо вести на княжъ дворъ“. Эта прибавка, по всей вѣроятности, заимствована изъ сборниковъ, занесенныхъ изъ Византіи. Она буквально воспроизводитъ статью Моисеевыхъ законовъ. 110 ст. Тр. сп. говоритъ: „если холопъ гдѣ нибудь куны вылжетъ (обманомъ возьметъ), то господину выкупати или лишиться холопа“. Въ Византійскомъ правѣ встрѣчаемъ тоже—господинъ раба вора или безъ пагубы сотворитъ пострадавшаго, или раба отдать долженъ. Наказаніе, которое встрѣчается въ Р. Правдѣ за самыя большія преступленія подъ именемъ „потока и разграбленія“ (5, 30, 79 ст. Троицк. сп.) возникло также подъ вліяніемъ Византіи и соотвѣствуетъ въ византійскихъ памятникахъ конфискаціи съ изгнаніемъ „publicatis bonis relegantor“. Въ русскихъ переводахъ это выраженіе передается такъ: разграблены бывше, да изженутся, или разграблены бывше, да заточены будутъ. Отсюда, конечно, и возникли потокъ и разграбленіе Р. Правды. Слѣды вліянія Византіи можно видѣть еще въ слѣдующихъ ст. Тр. сп: 88, 93, 94, 95, и 97. Говоря о вліяніи, мы вовсе не хотимъ сказать, что статьи Р. П. списывались съ греческихъ. Надо думать, что онѣ переходили путемъ продолжительной практики и разнообразно модифицируясь. Здѣсь не лишнее обратить вниманіе на мнѣніе, которое было высказано профессоромъ Эверсомъ; онъ говоритъ, что Русская Правда образовалась подъ вліяніемъ германскаго законодательства. Слѣды подобнаго вліянія трудно

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

открыть. Если мы и найдемъ, что нѣкоторыя положенія Р. Правды общи съ положеніями германскихъ законодательствъ, то это еще ничего не доказываетъ. Надо указать, какъ шло это заимствованіе. Что касается греко-римскаго права, то мы знаемъ, что памятники этого права были у насъ въ обращеніи. Относительно германскихъ законовъ нѣтъ такихъ указаній, а потому въ данномъ случаѣ сходства можно объяснить дѣйствіемъ общихъ причинъ. Такія явленія, какъ месть, выкупъ, не ограничиваются одной какой нибудь страною, съ ними мы встрѣчаемся едва ли не у всѣхъ народовъ стоящихъ на той же ступени развитія.

Такова внѣшняя исторія Р. Правды; содержаніе ея мы разсмотримъ позднѣе, при изложеніи отдѣльныхъ институтовъ нашего древняго права.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

Отдѣлъ первый. Устройство.

Литература. Успенскій, Опытъ о древностяхъ россійскихъ, 1811 г,, втор. изд. 1818 г.

Еверсъ, Древнее русское право, 1826.

Гагемейстеръ, Розысканія о финансахъ древней Россіи. 1830.

Рейцъ, Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ 1836.

Соловьевъ, Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ. 1845.

Кавелинъ, Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи, 1846.

Соловьевъ, Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома 1847.

Кавелинъ. Разборъ послѣдняго сочиненія. Пол. собр. соч. т. 2.

Гр. Толстой. Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи со времени основанія государства до кончины Екатерины II. 1848.

Тюрпинъ, Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси. 1850.

Калачовъ; Изгон. Арх. Ист. Юрид, Свѣд. кн. I. 1850.

Аксаковъ, Родовое или общественное явленіе были изгон. 1850. О древнемъ бытѣ славянъ вообще и русскихъ въ особенноств. 1552. Пол. собр, соч. I.

Неволинъ, О преемствѣ великокняжескаго Кіевскаго престола, 1851. Пол. соб. соч.

Заблоцкій, О цѣнностяхъ въ древней Россіи. 1854.

Кури, О прямыхъ налогахъ въ древней Росссіи. Юр. сбор. Мейера. 1855,

Гильфердингъ; Исторія Балтійскихъ Славянъ 1855.

Погодинъ, Князь, дружина, города и вѣче, VII т. изслѣдованій, 1857.

Чичеринъ, Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ древней Россіи. 1856. Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI в. Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей (въ Опытахъ). 1868.

Бѣляевъ. Разборъ статьи Б. Чичерина: Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи. Рус. Бесѣда, 1856, I., II. IV.

Соловьевъ, Споръ о сельской общинѣ. Рус. Вѣст. 1856. 22.

Лешковъ, Русскій народъ и государство. 1858.

Бѣляевъ, Крестьяне на Руси. 1860.

Мстиславскій, Огнищанинъ и княжъ мужъ. Чтенія, т. IV. 1860.

Куникъ, Розысканія о славяно-византійскихъ монетахъ. Изв. Арх, общ. т. III, 1. 1861.

Шпилевскій, Объ участіи земщины въ дѣлахъ правленія до Ивава IV. Юрид. Жур., №5 1861.

Костомаровъ, О федеративномъ началѣ въ древней Россіи. Основа № 1. 1861.

Щаповъ. Сельская община, историческій очеркъ. Вѣкъ, № 1—6, 1852 Городскіе ,мірскіе сходы, историческій очеркъ древне-русскихъ городовыхъ. вѣчей. Вѣкъ, № 12.. 1862.

Костомаровъ, Сѣверно-русскія народоправства. 1863.

Бѣляевъ, Разсказы изъ русской исторіи: кн. I, Кіевъ и Суздаль, 1861 (2-ое изд. 1865); кн. II. Исторія Новгорода Великаго, 1866; кн. III. Исторія города Пскова. 1867; кн. IV. исторія Полотска, 1772.

Прозоровскій, Монета и вѣсъ въ древней Россіи: Зап. Арх. об., XII., 1866.

Аристовъ, Промышленность древней Руси. 1867.

Сергѣевичъ, Вѣче и князь, русское государственное устройство и управленіе во время князей Рюриковичей. 1867.

Леонтовичъ, О значеніи верви сравнительно съ задругою. Ж. М. Н. Пр., 1867, 134.

Градовскій. Государственный строй древней Россіи 1868 (Полит. Истори Адм.)

Никитскій, Правительственный совѣтъ въ Новгородѣ. Ж. М. Пр· 1869· № 10 Св. вел. Иванъ на Окопахъ. Тамъ же, 187о, № 8·

Костомаровъ, Начало единодержавія въ древней Россіи. Вѣст· Евр. 1870. № 11.

Пасекъ, княжеская и до-княжеская Русь. Чтенія. 1870, II.

Самоквасовъ, Древніе города Россіи. 1873 I.

Никитскій Очеркъ внутренной исторіи Пскова 1873.

Леонтовичъ, О задружно-общинномъ характерѣ политическаго быта древней Россіи. Ж. М. Н: Пр. 1874,, г. 174.

Прилежаевъ, Новгородская Софійская казна. Ж. М, Н. Пр. 1875 т, 180 и 181·

Ламбертъ, О компетенціи вѣча; Варш. унив: изв: 1877:

Бѣляевъ, Лекціи по исторіи русскаго законодательства 1879.

Кальневъ, Значеніе крестьянъ во время Русс. Правды и пр, 1879,

Никитскій, Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Вел. Новгородѣ. 1879,

Дроздовскій, Изслѣдованія о Рус. Правдѣ. Вып. I. О деньгахъ Рус. Правды. 1881.

Линниченко, Вѣче въ кіевской области 1881.

Дьячанъ, Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ до измѣненія ихъ устройства съ XIV и XV вѣка 1882.

Ключевскій, Боярская Дума. 1882.

Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей возникновеніе государственныхъ началъ въ Россіи относятъ къ очень позднему времени. Соловьевъ усматриваетъ зарожденіе государственныхъ началъ только въ 12 вѣкѣ. Нѣкоторые другіе еще позднѣе, въ XVI-мъ. Старые же наши историки, какъ Карамзинъ и Рейтцъ, не сомнѣвались въ существованіи государства и въ древнѣйшее время. Чтобы рѣшить вопросъ о томъ, можно ли, начиная съ древнѣйшихъ временъ, говоритъ о Россіи, какъ о государствѣ, мы должны прежде всего условиться въ опредѣленіи самаго понятія государства. Что же надо разумѣть подъ государствомъ? Государство есть извѣстный порядокъ общежитія. Англія, Турція, Сѣверо-Американскіе Штаты суть государства. Но наблюдая организацію этихъ государствъ, мы увидимъ, что она различна до такой степени, что американецъ, пожалуй, скажетъ, что современная Турція вовсе не есть государство въ томъ смыслѣ, какъ онъ его понимаетъ, и съ своей точки зрѣнія будетъ правъ. Говоря о государствѣ, необходимо отвлечься отъ той или другой формы правленія и установить такіе общіе признаки, подъ которые подошли бы всѣ разнообразные виды государственной жизни. Государство, въ этомъ общемъ смыслѣ, имѣетъ слѣдующіе отличительные признаки: во 1) *территорія* (народъ, составляющій государство, долженъ занимать опредѣленную территорію), во 2) *народъ* (если люди перестали жить отдѣльными семьями, а составляютъ соединіе многихъ семействъ, не связанныхъ кровною связью, то имѣемъ предъ собою второй изъ элементахъ государствъ); въ 3) народъ и территорія должны быть соединены какою нибудь высшею властью. Гдѣ есть на лицо эти три признака, тамъ есть и государство. Относительно того, что древній бытъ Россіи подходитъ подъ это общее понятіе государства, мы имѣемъ достаточно указаній. Такъ, въ лѣтописи есть свидѣтельство о призваніи князей Новгородцами: Славяне, Кривичи и Чудь собираются и рѣшаютъ призвать князя: эти племена слѣдовательно населяли извѣстную территорію и собирались для обсужденія общихъ вопросовъ. О Древлянахъ имѣемъ свидѣтельство, относящееся къ X вѣку. Извѣстна исторія убійства Игоря, мужа Ольги. Разсказывая объ этомъ, лѣтописецъ говоритъ, что послѣ убійства Игоря Древляне посылаютъ въ Ольгѣ пословъ, съ предложеніемъ ей выйти за мужъ за ихъ князя Мала. Послы эти говорятъ „посла насъ Деревьска земля“, причемъ подъ землею они разумѣли, конечно, территорію и народъ. Возьмемъ еще примѣръ.

Когда Казары напали на Кіевлянъ и потребовали отъ нихъ дани, то, какъ говоритъ лѣтописецъ, „сдумавше же Кіяне и вдаша отъ дыма мечъ.“ Кіяне занимали извѣстную территорію; этой территоріи угрожаетъ другой народъ и требуетъ дани. Вслѣдствіе этого требованія Кіяне собираются и соглашаются платить извѣстную дань. Этихъ указаній достаточно, чтобы убѣдиться, что мы имѣемъ съ древнѣйшаго времени дѣло съ государствами, хотя можетъ быть очонь плохо устроенными и очень слабыми. Въ нашихъ источникахъ самое слово государство начинаетъ встрѣчаться довольно поздно. Первый разъ мы находимъ его въ лѣтописи при описаніи переговоровъ Іоанна III съ Новгородомъ; но отсюда, конечно, не слѣдуетъ, чтобы до этого времени жили внѣ государственнаго быта. Разрѣшивъ поставленный литературой нашей науки вопросъ въ смыслѣ признанія государственнаго быта нашихъ предковъ съ древнѣйшихъ временъ, мы можемъ приступить къ изученію свойствъ этого государственнаго обыта на первой ступени его развитія.

Такъ какъ въ государственное право входитъ много различныхъ институтовъ, то въ современной наукѣ принято излагать ихъ въ извѣстной системѣ, а именно, прежде всего всѣ эти институты должно раздѣлить на двѣ группы. Основаніемъ этого дѣленія служитъ то, что, наблюдая государственную жизнь, замѣчаемъ, что однѣ явленія имѣютъ болѣе постоянный характеръ, свойственный именно этой государственной формѣ, а другія одинаково встрѣчаются въ разныхъ формахъ. Поэтому и различаютъ: ученіе о государственномъ устройствѣ и ученіе о государственномъ управленіи.

Подъ государственнымъ устройствомъ современная наука разумѣетъ тѣ нормы, которыми опредѣляется существо извѣстной государственной формы, а именно, сюда относятся ученія: о верховной власти, о правахъ населенія и о территоріи, т. е. ученіе о всѣхъ трехъ указанныхъ выше характеристическихъ признакахъ государства вообще. Всѣ остальные вопросы подводятся подъ понятіе управленія; напримѣръ: органы суда и управленія, финансы, войско и т. п. Предметы, подводимые подъ понятіе управленія, не столь тѣсно связаны съ формою государственнаго устройства, а потому они болѣе подвижны и измѣнчивы, чѣмъ нормы, опредѣляющія самое устройство. Организація войска, устройство судебныхъ мѣстъ измѣнились въ Россіи еще на нашихъ глазахъ, между тѣмъ какъ

устройство государства осталось такимъ же, какъ было прежде.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію вопросовъ, относящихся къ государственному устройству, необходимо сдѣлать общую характеристику древняго государственнаго устройства. Древнее государство существенно отличается отъ теперешнихъ. Въ древнее время воззрѣнія человѣка на право и государство были совершенно другія, чѣмъ теперь. Намъ государство представляется всемогущимъ, оно пользуется такою силой, въ сравненіи съ которой силы отдѣльныхъ лицъ играютъ очень незначительную роль. Въ настоящее время права отдѣльныхъ лицъ исходятъ изъ государства и опредѣляются законами. Право теперь объективировалось, оно находится внѣ насъ. Если мы желаетъ знать свои права, то должны обратиться къ своду законовъ, который опредѣляетъ, что дозволено дѣлать и что не дозволено. Но такое состояніе государства является уже результатомъ долгаго историческаго развитія, при возникновеніи же государствъ преобладающую роль играла личная воля; каждый имѣлъ право на то, на что считалъ себя сильнымъ, право шло рука объ руку съ силой Въ древнее время господствовалъ полный субъективизмъ въ правѣ. Это мы замѣчаемъ на разныхъ явленіяхъ древняго быта. Такъ, тяжбы въ то время рѣшались поединкомъ и право признавалось за болѣе сильнымъ. При существованіи мести каждый обиженный могъ мстить за обиду, сколько находилъ нужнымъ. Черты такого состоянія права живутъ очень долго. Послѣдніе отголоски этого взгляда на право, извѣстные въ Германіи подъ именемъ кулачнаго права, замѣчаются тамъ еще въ XVI вѣкѣ. Состояніе первобытнаго человѣка въ умственномъ отношеніи очень близко подходитъ къ состоянію ребенка, который также не признаетъ надъ собой никакой другой воли, кромѣ своей личной. Вотъ какъ охарактеризовалъ древнне состояніе права Ерингъ, авторъ извѣстнаго сочиненія „Geist des römischen Rechts«. „Нѣтъ права, говоритъ онъ, которое не было бы обязано своимъ возникновеніемъ субъективной волѣ отдѣльныхъ личностей и котораго первый проблескъ не скрывался бы въ темномъ господствѣ физической силы. Но у многихъ народовъ этотъ первый періодъ образованія права совершенно исчезъ изъ воспоминанія. Не то у Римлянъ: никакое время не могло смыть тотъ потъ и кровь, которыми запятнано рожденіе ихъ права. Положеніе, что субъективная воля есть источникъ права, принадлежитъ къ азбукѣ исто-

ріи римскаго права. Субъективная воля источникъ права! Для насъ такое положеніе почти непонятно. Мы привыкли все выводить изъ государства, мы опредѣляемъ право, какъ волю государства, мы преслѣдуемъ субъективную волю, какъ преступное вторженіе въ законный порядокъ, какъ только она является безъ полномочія со стороны государства. Но какъ далеко въ нашихъ глазахъ отстоятъ сила и право, также далеко теперешнее пониманіе этихъ двухъ понятій разошлось отъ древне-римскаго, и мы должны совершенно отказаться отъ всѣхъ современныхъ взглядовъ на государство и право, если хотимъ вступить въ древнюю область римскаго права". Тоже самое наблюдаетъ Цепфель, проф. Гейдельбергскаго Унив.; онъ также признаетъ, что въ древнее время въ Германіи господствовало субъективное начало въ правѣ. „Понятіе свободы, какъ основы права, говоритъ онъ, первоначально проявилось въ формѣ произвола, или субъективнаго рѣшенія отдѣльной личности, которое ограничивалось только мѣрою ея личныхъ силъ. Каждый свободный только въ своей собственной волѣ находилъ основаніе для какого нибудь обязательства и въ своемъ собственномъ усмотрѣніи рѣшеніе о томъ, что справедливо, и что не справедливо. Древнее право есть право сильнаго". Тоже мы наблюдаемъ и у Русскихъ и у западныхъ и у южныхъ Славянъ. По свидѣтельству современниковъ „Славяне очень неохотно подчиняются какой либо власти, они раздѣлены на множество партій, которыя постоянно враждуютъ между собою. Они дорожатъ свободой, между ними постоянно господствуетъ различіе мнѣній; они ни въ чемъ другъ съ другомъ не согласны. Если одни согласятся, другіе сейчасъ же нарушатъ ихъ рѣшеніе, ибо всѣ питаютъ другъ къ другу вражду и никто не хочетъ подчиняться другому". Изъ этого видно, какъ трудно въ древности было сложиться большому государству. „Если бы многочисленные Славяне не были такъ раздроблены и не воевали постоянно другъ съ другомъ, они были бы самымъ могущественнымъ народомъ на свѣтѣ". Эти характеристическія черты славянскаго быта нѣкоторые писатели приводятъ, какъ національную особенность Славянъ; это не вѣрно. Всякое государственное устройство пошло отъ такого раздробленія и ни одинъ народъ не сознавалъ сразу необходимости крупнаго политическаго цѣлаго: только путемъ долгаго историческаго процесса дошли до созданія большихъ государствъ. Современная Франція первоначально дробилась между множествомъ

отдѣльныхъ гальскихъ племенъ (до 80), совершенно разрозненныхъ и ничего общаго между собой не имѣющихъ. У нихъ не было никакого общаго гальскаго патріотизма, Франція состояла изъ множества отдѣльныхъ государствъ, и въ каждомъ такомъ государствѣ былъ свой мѣстный патріотизмъ [1]). Вслѣдствіе этого эти маленькія государства постоянно между собою враждовали и нерѣдко дѣло доходило до того, что они приглашали иностранцевъ (одни Германцевъ, другіе Римлянъ) на помощь въ своихъ междоусобіяхъ. При такихъ обстоятельствахъ Галлія была завоевана Римлянами. Въ такомъ же точно положеніи мы встрѣчаемъ первоначально и Германцевъ, которые также не представляли одного государства, а были разбиты на множество небольшихъ политическихъ тѣлъ. Эти маленькія государства также постоянно враждовали между собою; объ общегерманскомъ патріотизмѣ не могло быть и рѣчи. Въ Англіи еще въ XIII в. за отдѣльными феодалами было признано право сопротивляться королю. Крайне рѣзкое выраженіе получило это право въ договорѣ Іоанна Безземельнаго съ баронами, извѣстномъ подъ именемъ „Magna charta libertatum“. По этой хартіи избиралось 25 бароновъ для наблюденія за дѣятельностью короля съ тѣмъ, что, если король отступитъ отъ подписанныхъ имъ пунктовъ, то бароны имѣли право идти на него войною. Только личность короля и свобода были гарантированы. Такимъ образомъ, состояніе войны признавалось правиломъ. При такомъ настроеніи отдѣльныхъ лицъ, образующихъ первоначальныя государства, эти послѣднія могутъ быть только небольшими и слабыми.

I. Территорія.

Въ періодъ возникновенія государствъ встрѣчаются только маленькія государства. „Въ младенческомъ состояніи цивилизаціи не можетъ быть большихъ государствъ“ (Гизо, Истор, цивил.). Точно тоже и въ Россіи. Въ настоящее время Россія представляетъ единое цѣлое, занимающее громадное пространство; въ древнее время мы имѣемъ дѣло не съ однимъ, а съ очень многими небольшими русскими государствами. Эти маленькія государства носятъ названіе „волостей“ или „вла-

[1]) Фюстель-де-Куманжъ „L' histoire des institutions politiques de l' ancienne France“, 1875 г.

стей", также — княжествъ. „Волость" или „власть"—обозначаетъ пространство, состоящее подъ одною властью.

Подъ 1176 г. въ Суздальской лѣтописи читаемъ: „Новгородцы бо изначала, и Смоляне, и Кіяне, и Полочане, и вся власти (т, е. всѣ другія волости) яко же на думу, на вѣче сходятся", т. е. Новгородцы, Смоляне, Кіевляне, Полочане и всѣ другія княжества сходятся на вѣче, какъ на думу. Ясно, что новгородское, смоленское и другія волости или княжества въ отдѣльности составляли одно цѣлое и каждое изъ нихъ имѣло свое вѣче, т. е. свою власть, свое управленіе. Такимъ образомъ въ каждой изъ такихъ волостей мы имѣемъ народъ, территорію и общее учрежденіе—вѣче. Каждое княжество составляло самостоятельную политическую единицу. Такъ какъ княжества называются волостями, то и князь назывался „волостелемъ".

Рядомъ съ названіемъ волости встрѣчаются и другія. Волости назывались удѣлами — отъ порядка ихъ распредѣленія между князьями. Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что удѣлы принадлежали только удѣльнымъ князьямъ и что великіе князья не имѣли удѣловъ: этотъ взглядъ не согласенъ съ источниками. Наименованіе удѣловъ примѣнялось какъ къ удѣльнымъ княженіямъ, такъ точно и къ великому княженію, которое подобно удѣльнымъ княженіямъ образовалось путемъ выдѣленія изъ того, чѣмъ владѣлъ умершій князь. Въ завѣщаніи Ивана Даниловича Калиты читаемъ: „а се сыномъ моимъ раздѣлъ учинилъ». Согласно съ этимъ Семенъ, Андрей и Иванъ Ивановичи называютъ свои княженія удѣлами. Въ договорѣ, заключенномъ между этими князьями, читаемъ: „а тобѣ, великому князю, Семену Ивановичу, селъ въ нашихъ удѣлахъ не купити, ни твоимъ боярамъ, ни слугамъ, такоже и намъ не купити, ни нашимъ боярамъ, ни слугамъ селъ въ твоемъ удѣлѣ". Четвертое наименованіе для княжества есть уѣздъ, оно образовалось отъ обычая въѣзжать для суда и сбора дани; въѣздъ —это право князей въѣзжать во всѣ села своихъ владѣній и производить тамъ судъ, собирать пошлины и т. под.

Итакъ, подъ волостью надо понимать извѣстное пространство земли, съ опредѣленнымъ населеніемъ, состоящимъ подъ одною властью. Въ нашей литературѣ было высказано мнѣніе (Пассекомъ) о томъ, что наши древнія волости имѣли племенной характеръ, т. е. что каждое отдѣльное племя (напр. Кривичи, Древляне и др.) первоначально составляло отдѣльную

волость. Относительно этого мнѣнія нужно сказать, что въ историческое время, когда мы уже имѣемъ опредѣленныя указанія о составѣ волостей. не замѣчается такого соотвѣтствія между племенами и волостями, а наоборотъ, встрѣчаемся съ такими явленіями, что одно и тоже племя входитъ въ составъ разныхъ волостей, и наоборотъ—нѣсколько разныхъ племенъ составляютъ одну волость. Въ составъ Новгородской волости входили Славяне и Кривичи, а съ другой стороны Кривичи входили въ составъ волостей Полоцкой и Смоленской. Но первоначально могло быть именно такъ, какъ говоритъ Пассекъ.

Центръ волости составлялъ городъ, по имени котораго называлась вся волость. Что же такое древній городъ? —Древній русскій городъ имѣлъ свой особый характеръ, рѣзко отличавшій его отъ городовъ новыхъ. [1]) По внѣшнему виду—это укрѣпленное мѣсто, отъ чего онъ и получилъ свое имя; по населенію—онъ не составлялъ противоположности къ остальной землѣ: земля тянула къ городу, она была собственностью горожанъ.—Несмотря на крайнюю бѣдность нашихъ лѣтописей по всѣмъ вопросамъ, касающимся поземельныхъ отношеній, мы можемъ, однако, привести нѣсколько свидѣтельствъ, указывающихъ на связь земли съ городомъ,—связь, объяс-

---

[1]) Слово „городъ“ означаетъ собственно всякое укрѣпленіе съ цѣлью обороны. Въ Инат. лѣт. подъ 1219 г. читаемъ: „...и созда градъ на церкви“... или въ Новгрд. 1. подъ 1224 г. „... сталъ бо бѣ на горѣ, надъ рѣкою надъ Калкомъ. и ту створи городъ около себя въ колѣхъ, и бися съ ними изъ города того по 3 дни“. Согласно съ этимъ, выраженіе „ставить городъ“ означаетъ обыкновенно, только сооруженіе стѣнъ около существующаго уже поселенія для огражденія его жителей отъ внезапныхъ вторженій. Такъ, извѣстія о построеніи Новгорода напр. встрѣчаются въ XI, XII, XIII и XIV в.: см. Ник. 1044 г, 1116 г., Новгрд. I 1262 г.-Львов. 1302 г. Древнѣйшее же указаніе на построеніе городовъ съ цѣлью защиты относится еще ко времени, предшествовавшему призванію Рюрика. Въ 859 г.—Кривичи, Славяне, Чюдь и Меря, изгнавъ за море Варяговъ, которымъ до того времени платили дань,—немедленно начинаютъ „грады ставити“, т. е. укрѣплять свои поселенія, чтобы тѣмъ упрочить только-что завоеванную самостоятельность. Воскр. Призванные вскорѣ за тѣмъ князья являются продолжателями народа въ этомъ дѣлѣ охраненія самостоятельности Русской земли. —Иногда, по стратегическимъ соображеніямъ, города ставились и на новыхъ мѣстахъ, гдѣ прежде не было поселеній. Въ такихъ случаяхъ лѣтописи не ограничиваются обычнымъ выраженіемъ „поставить городъ“; но еще прибавляютъ къ тому и извѣстіе о населеніи такого города пришлыми людьми Такъ въ Сузд. лѣт. подъ 989 г. читаемъ: „и нача ставити (Владиміръ Св.) грады по Десне и по Остри и по Трубежу и по Сулѣ и по Стугнѣ и нача нарубати мужи лучшіи отъ Словенъ, отъ Кривичъ. отъ Чюди, отъ Вятичь, и отъ сихъ насели грады: бѣ бо ратенъ съ Печенѣги“. Любопытно, что въ своей колонизаторской дѣятельности в. к. Владиміръ находитъ помощниковъ въ лучшихъ людяхъ изъ среды тѣхъ же сѣверныхъ племенъ, которыя призвали Рюрика. Славяне и Кривичи находились на высшей ступени гражданскаго развитія, чѣмъ другія племена, а потому, естественно, они были и болѣе другихъ способны явиться колонизаторами окраинъ Русской земли.

нимую только тѣмъ, что земля, часто на очень значительномъ протяженіи отъ города, составляла собственность его жителей. Такъ, въ 1067 г. Кіевляне требуютъ отъ князя своего Изяслава, только-что потерпѣвшаго пораженіе отъ Половцевъ, чтобы онъ еще разъ выступилъ противъ нихъ, и свое требованіе мотивируютъ тѣмъ, что „Половцы разсыпались по землѣ“ [1]). Если Кіевляне защищали земли, лежавшія внѣ стѣнъ Кіева, то, конечно, только потому, что эти земли принадлежали имъ, что тамъ были ихъ села и животы. Подобныя же указанія сохранились для Чернигова, Владиміра на Клязьмѣ и Полотска. Въ 1138 г. Черниговцы побуждаютъ своего князя Всеволода къ миру съ Ярополкомъ Кіевскимъ на томъ основаніи, что въ случаѣ войны „онъ погубитъ волость свою“; въ 1176 г. Владимірцы изгоняютъ Ростиславичей за то, что они грабили „волость всю“ [2]). Въ 1186 г. Полочане, узнавъ о движеніи на нихъ Новгородцевъ и Смольнянъ, спѣшатъ встрѣтить ихъ на границѣ Полоцкаго княженія, опасаясь, что въ противномъ случаѣ они „сотворили бы землю ихъ пусту“ [3]). —Обладаніе землей было такимъ важнымъ условіемъ политической силы въ древней Россіи, что количество поземельной собственности, принадлежавшей гражданамъ того или другаго города, можетъ быть прямо считаемо мѣриломъ ихъ политическаго значенія. Извѣстно значеніе, которымъ пользовался Новгородъ по самый конецъ XV в.; объясненіе ему надо искать въ громадной поземельной собственности, принадлежавшей его горожанамъ.

Раскинутость поземельной собственности горожанъ далеко за чертой города дѣлала необходимымъ учрежденіе пригородовъ. Небольшіе укрѣпленные пункты, расположенные по окраинамъ волости, могли быть очень полезны во время хищническихъ вторженій, столь обыкновенныхъ въ древнее время: жители селеній вмѣсто того, чтобы искать спасенія въ стѣнахъ главнаго города, часто очень отъ нихъ удаленнаго, могли съ гораздо большимъ удобствомъ пользоваться для этой цѣли оградой ближайшаго пригорода. Это служебное значеніе пригородовъ по отношенію къ городамъ видно изъ того, что города сами нерѣдко заботились объ укрѣпленіи своихъ пригородовъ [4]). Пригороды, слѣдовательно, составляли ихъ насущ-

---

[1]) Лавр.
[2]) Лавр. 1138 г., Ипат. 1176 г.
[3]) Воскр.
[4]) См. Воскр. 1297 г.; Львов. 1323, 1330 г.; Новгрд. I. 1372. 1387 г. Новгрд. IV. 1384 г.; Пск. I. и II. 1414, 1431, 1441 г.

ную потребность Понятно, что потребность въ пригородахъ была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ далѣе простирались поземельныя владѣнія городовъ; наоборотъ, города небогатые легко могли обойтись и вовсе безъ пригородовъ. Этимъ объясняется то, что пригороды были распредѣлены между городами далеко неравномѣрно. Не нужно, однако, думать, что вся земля извѣстной волости составляетъ собственность жителей ея главнаго города. Пригороды, около которыхъ была расположена поземельная собственность Новгородцевъ, имѣли своихъ особыхъ горожанъ, которые, также какъ и Новгородцы, не могли существовать безъ поземельной собственности [1]).

Такъ какъ наши древнія волости не очень крѣпко были сплочены, то пригороды, малу по малу возрастая, выдѣлялись въ особенную волость и составляли отдѣльное, самостоятельное цѣлое. Нѣкоторыя такія выдѣленія происходятъ на глазахъ исторіи. Такъ напр. Псковъ, начавшій свое бытіе, какъ пригородъ Новгорода, кончилъ тѣмъ, что порвалъ связь съ главнымъ городомъ и образовалъ самостоятельную волость Точно также Владиміръ на Клязьмѣ былъ первоначально пригородомъ Ростова и Суздаля, но впослѣдствіи усилился и образовалъ особенную Владимірскую волость, которая мало по малу затмила даже тѣ старыя волости, къ которымъ нѣкогда принадлежалъ Владиміръ. Еще ранѣе Рязань, бывшая пригородомъ Мурома, сдѣлалась самостоятельною волостью.

II. Населеніе.

Разсматривая составныя части населенія Россіи въ настоящее время, мы наблюдаемъ еще ясные слѣды сословной организаціи. Составляетъ ли эта сословная организація исконное явленіе, или она сложилась на глазахъ исторіи? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо установить *понятіе* о томъ, что такое сословіе. Нѣкоторые историки говорятъ о сословіяхъ въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ; но слово сословіе употребляютъ они не въ строгомъ техническомъ смыслѣ, а въ томъ широкомъ значеніи, какое придаютъ ему въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ. Въ общежитіи это слово примѣняется очень широко. Говорятъ напр. о сословіи учителей и сословіи военныхъ. Но подъ сословіями въ техни-

[1]) Такъ напр., Новгородцы имѣли поземельную собственность въ предѣлахъ Торжка; а въ Торжкѣ были свои особые горожане, какъ бояре, такъ и черные люди, которые также обладали селами въ предѣлахъ Торжка, какъ и Новгородцы. Ср. Новгрд. 1. 1167 г. и Воскр. 1478 г.

ческомъ смыслѣ надо разумѣть не разряды лицъ, различающихся только своими занятіями, а такія группы лицъ, которыя 1) различаются одна отъ другой по правамъ, такъ напр. одна группа можетъ имѣть право владѣть землею, тогда какъ другимъ это владѣніе будетъ запрещено, одна группа можетъ имѣть право торговать, тогда какъ другимъ торговля воспрещена и т. д; 2) Эти группы должны быть до нѣкоторой степени замкнуты, т. е. переходъ лицъ изъ одной группы въ другую не долженъ быть совершенно свободенъ и зависѣть единственно отъ усмотрѣнія и личной энергіи заинтересованныхъ. Съ замкнутостью соединяется наслѣдственность т. е. каждый человѣкъ при существованіи сословій принадлежитъ къ той группѣ, въ которой родился, отецъ передаетъ свои права нисходящимъ. Установивши понятіе сословія, должно разрѣшить вопросъ: возникли ли сословія путемъ исторіи, или это явленіе первобытное? Сословія—продуктъ исторіи, это явленія позднѣйшей цивилизаціи; древняя Россія не знала сословій. Всякій свободный человѣкъ могъ заниматься чѣмъ ему было угодно: земледѣліемъ, торговлею и пр., если князь принималъ его на службу, то онъ могъ сдѣлаться и служилымъ человѣкомъ. Купецъ, идя за караваномъ, имѣлъ оружіе въ рукахъ для защиты каравана отъ нападеній, такимъ образ., онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и военнымъ человѣкомъ и при случаѣ входилъ въ составъ войска. Но это не значитъ, что въ древнее время всѣ были фактически равны. Фактическаго равенства мы никогда не находимъ; напротивъ, всегда наблюдаемъ весьма важныя фактическія различія, которыя мало по мало приводятъ къ позднѣйшему различію сословій. Все населеніе древнихъ княженій распадается на 3 группы: 1) лица свободныя, 2) зависимыя и 3) рабы,

Свободные люди.

1) Наши памятники обозначаютъ однимъ словомъ — все свободное населеніе, со всѣми его подраздѣленіями. Такихъ всеобъемлющихъ словъ у насъ два: людіе и мужи. Самое широкое значеніе первому слову даетъ договоръ Игоря съ Греками: въ 1 ст. введенія къ этому договору „людьми“ названо все населеніе Русской земли, за исключеніемъ однихъ князей. Русская Правда подъ словомъ людинъ разумѣетъ все населеніе, кромѣ княжихъ мужей [1]). Въ 1096 г. Святополкъ и Владиміръ желаютъ положить рядъ о Русской землѣ передъ епи-

[1]) Сп. Троиц. и Карам. ст. 3.

скопами, игумнами, мужами отцевъ своихъ и предъ людьми градскими; а подъ 1103 г. сельчане вообще названы также людьми, какъ и горожане въ только что приведенномъ мѣстѣ [1]). Черниговцы, обратившіеся въ 1138 г. къ князю Всеволоду съ требованіемъ о заключеніи міра, названы просто: „людіе Черниговцы". Подобно этому и всѣ Псковичи подъ 1178 г. разумѣются подъ словомъ „люди" [2]). Точно такое же широкое значеніе имѣетъ и слово мужъ. Съ эпитетомъ „свободный". оно обозначаетъ въ Русской Правдѣ все населеніе, со включеніемъ даже княжихъ мужей; свободному мужу противополагаются только рабы [3]). Подъ 1178 г. жители Торжка вообще названы—мужами [4]). Подобно этому договорная грамота между Полотскомъ и Ригою начинается такъ: „мы, мужи Полочане"... [5]).

Эти же слова, употребляемыя для обозначенія всего населенія въ его совокупности, служатъ и для обозначенія разныхъ его слоевъ; для этой цѣли къ нимъ присоединяютъ указаніе на бо́льшую или мѐньшую степень достоинства, присущую тому или другому человѣку. Для обозначенія людей высшаго слоя служатъ прилагательныя: лучшій, вячшій, большій, старшій, нарочитой; нисшаго—мелкій, меньшій, простой, черный: вовсе безъ эпитета—эти слова указываютъ на среднихъ людей, если по смыслу не слѣдуетъ принимать населеніе въ полномъ его составѣ. Въ 1259 году, когда Татары пріѣхали въ Новгордъ съ требованіемъ дани, чернь не хотѣла исполнить волю татарскую. „И раздвоишася людіе говоритъ лѣтописецъ: большіи веляху меньшимъ ятися по число, а они не хотяху". И такъ, изъ „людей", населенія Новгорода вообще, выдѣлись два слоя, большіе люди и меньшіе, или чернь, иначе черные люди. Подъ 1255 годомъ люди высшаго слоя названы—вячшими [6]). Подъ 1471 годомъ—эта противоположность выступаетъ, какъ противоположность людей лучшихъ и мелкихъ. Въ Кіевѣ подъ 1093 годомъ люди мелкіе названы простыми [7]). Меньшею растяжимостью обладаетъ слово „мужи": оно почти не встрѣчается съ эпитетами

---

[1]) Лавр. 1096 г., Воскр. 1103 г.

[2]) Лавр. 1138 г, Ипат. 1178 г. Въ лѣтописяхъ очень не рѣдко встрѣчается обозначеніе всего населеніе общимъ терминомъ „людіе".

[3]) Сп. Акад. ст. 16, Троиц. ст. 58.

[4]) Суздл. 1188 г.

[5]) А. А. Э., Т.; I.; № 16.

[6]) Воскр. и Новгор. I. Для черныхъ людей ср. Ипат. 1185 г. съ Ник. и Новгор. I. 1134 г.

[7]) Воскр. Для нарочитыхъ—тамъ же 987 г., Лавр. 1093 г. Въ Ипат. подъ 1161 г. находимъ „лѣпшихъ Кіянъ".

умаленія достоинства, а только возвышенія, или и вовсе безъ эпитета, но въ примѣненіи не къ однимъ только среднимъ людямъ, а и лучшимъ; такимъ образомъ, слово мужъ само по себѣ, безъ помощи прилагательнаго, заключаетъ въ себѣ понятіе о большемъ достоинствѣ, чѣмъ слово людинъ.— Подъ 1146 г. встрѣчаемся въ Кіевѣ—съ „лучшими", а подъ 1128 г. въ Псковѣ—съ „вячшими" мужами: въ 1178 г. упоминаются въ Новгородѣ просто мужи, но съ самымъ торжественнымъ назначеніемъ: какъ послы за избраннымъ Новгородцами княземъ, слѣдовательно, какъ лучшіе люди [1]).

Эти три слоя населенія, обозначаемые однимъ и тѣмъ же словомъ съ разными опредѣленіями, обозначаются кромѣ того и особыми терминами, свойственными каждому слою въ отдѣльности. Для людей мелкихъ мы встрѣчаемъ техническое слово—смердъ; для людей лучшихъ—бояринъ и огнищанинъ, послѣднее, однако, довольно рано вышло изъ употребленія, для людей среднихъ—купецъ. Что бояринъ означаетъ вообще лучшаго человѣка, а смердъ—худшаго, это видно во 1-хъ, изъ того, какъ разныя лѣтописи или разныя мѣста одной лѣтописи называютъ однихъ и тѣхъ же людей, а во 2-хъ, изъ того, какъ одна и та же лѣтопись въ разныхъ своихъ мѣстахъ называетъ хотя и разныхъ людей, но играющихъ одну и ту же роль. По Лавр. лѣт. Древляне посылаютъ къ Ольгѣ „лучшихъ мужей"; въ Суздал. лѣт. эти лучшіе люди названы боярами. По Воскр. лѣт. и Никон. Новгородцы осуждаютъ Всеволода зо то, что онъ не соблюдалъ „черныхъ людей", по Новгород. I—Всеволодъ не соблюдалъ „смердовъ" [2]). Подъ 1178 г. Новгородцы посылаютъ „мужей своихъ" за Мстиславомъ; а нѣсколько ниже тѣ же самые мужи названы боярами Новгородскими. Подъ 1200 г, въ такомъ же торжественномъ посольствѣ, мы встрѣчаемъ не бояръ, что очень обыкновенно,— а просто „лучшихъ мужей" [3]). Точно также и „огнищане" упоминаются лѣтописями на томъ мѣстѣ, которое обыкновенно занимаютъ бояре, или лучшіе люди [4]). Въ лѣтописяхъ не

---

[1]) Новгор. I. 1228 г., Ипат. 1146 и 1178 г.; ср. еще „мужи Ростовскіе" въ смыслѣ среднихъ людей, Лавр. 1230 г. Подъ 1186 г. Воскр. встрѣчаемъ и въ Смоленскѣ „лучшихъ" мужей. Въ Новогр. I. подъ 1230 г встрѣчаемъ „моложшихъ" мужей.

[2]) Лавр. и Сузд. 45 г. Воскр. 1136 г; Ник и Новгор. 1135 г.

[3]) Ипат. Любопытно свидѣтельство Лавр. лѣтоп. подъ 1018 г. Новгородцы, желая поддержать Ярослава противъ Святополка, облагаютъ—на покрытіе издержекъ войны: мужей по 4 куны, старостъ по 10 грив., бояръ по 18 грив. Такимъ образомъ бояре—непремѣнно богаче мужей; чисто имущественное начало различія.

[4]) См. мѣста, приведенныя С. М. Соловьевымъ въ его исторіи И. I стр. 245 и 246.

рѣдки указанія на смердовъ, какъ на низшій слой населенія: что постоянные жители небольшихъ, а слѣдовательно, и не важныхъ пунктовъ поселенія—селъ, ихъ главное занятіе хлѣбопашество. Согласно съ этимъ различіемъ бояръ и огнищанъ отъ смердовъ, Русская Правда говоритъ о смердахъ и объ огнищанахъ, какъ о двухъ крайнихъ слояхъ населенія [1]).

Слово бояринъ встрѣчается и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Срезневскій въ сочиненіи „Мысли объ исторіи русскаго языка", говоритъ, что это слово славянское, что его можно производить или отъ слова бой съ прибавленіемъ ярь (писарь, лекарь,) бояръ, бояринъ, т. е. воитель, что соотвѣтствуетъ нѣмецкому Ritter, или французскому chevalier; или оно одного корня со словомъ боль, болій, боляръ, боляринъ, что соотвѣтствуетъ гранду. Слово огнищанинъ надо производить отъ огнища. Огнищанинъ есть домовладыка, домохозяинъ. Слово смердъ также славянскаго происхожденія; оно встрѣчается и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, такъ напр. въ польскомъ и сербскомъ языкѣ и въ томъ же значеніи, бѣднаго селянина.

Относительно того, что такое были „смерды", въ нашей ученой литературѣ существуютъ разныя мнѣнія. Нѣкоторые думаютъ, что слово смердъ означало человѣка несвободнаго смерды, по ихъ мнѣнію, были княжескими рабами (Лешковъ 157). Основаніемъ этому мнѣнію служитъ, между прочимъ, статья Карамз. сп. Р. Правды, въ которой за убійство смерда и холопа назначена одинаковая плата въ 5 гривенъ („а за смердъ и холопъ 5 гривенъ"). Отсюда и выводятъ заключеніе, что смердъ и холопъ одно и тоже. Но во 1) отъ одинаковости платы за убійство нельзя еще дѣлать заключенія къ одинаковости соціальнаго положенія; во 2) есть основаніе сомнѣваться въ томъ, чтобы за убійство смерда и раба взималась одинаковая плата. Въ Троицкомъ сп. вмѣсто: „ а за смердъ и холопъ 5 гривенъ" говорится: „а за смердій холопъ 5 гривенъ", т. е. за холопа, принадлежащаго смерду. Этотъ варіантъ даетъ право думать, что въ Карамз. сп. мы имѣемъ дѣло съ опиской. Состоитъ она въ томъ, что вмѣсто „смердій" напечатано „смердъ и", а потому вмѣсто „а за смердій холопъ" вышло „за смердь и холопъ 5 гривенъ". Далѣе, въ Р. Правдѣ говорится, что, если смердъ совершитъ преступленіе, то отвѣчаетъ за него самъ и съ него берется „продажа"

---

[1]) Сп. Акад. ст. 31 и 32, Троиц. 71 и 72, Карамз. 89 и 90.

(41 ст. Тр. сп.), мѣжду тѣмъ какъ отвѣтственность за раба падаетъ на господина. Другое свидѣтельство, приводимое въ пользу того, что смерды были несвободные люди, допускаетъ, однако, и другое толкованіе. Оно взято изъ лѣтописи, гдѣ разсказывается слѣдующее. Въ Ростовской землѣ былъ голодъ и волхвы увѣрили народъ, что причиною этому женщины, что онѣ прячутъ хлѣбъ, рыбу и проч., и въ доказательство этого надрѣзали имъ кожу и доставали оттуда съѣстные припасы; приходитъ воевода Янъ и спрашиваетъ, откуда эти волхвы, и, узнавъ, что они изъ Ярославля, говоритъ: „отдайте мнѣ ихъ, ибо они смерды моего князя.“ Изъ этого выраженія выводятъ, что смерды означаютъ рабовъ князя. Но „смерды моего князя“ можетъ значить подданные князя, ему подсудные и долженствующіе быть выданы ему для суда. Такое объясненіе подтверждается и отвѣтомъ волховъ. Они говорятъ: „нама стати предъ Святославомъ, а ты не можеши сотворити ничто же“, т. е. мы подсудны князю. Этотъ гордый отвѣтъ скорѣе говоритъ въ пользу того, что они свободные люди, рабы едва ли могли такъ отвѣчать. Новогородскій князь Всеволодъ былъ обвиняемъ Новогородцами въ томъ, что онъ не соблюдалъ смердовъ (1136 годъ). Такое обвиненіе невозможно, еслибы смерды были рабами князя. Въ связи съ мнѣніемъ о несвободѣ смердовъ стоитъ мнѣніе о томъ, что смердъ живетъ не на своей землѣ и собственности не имѣетъ. Это мнѣніе не можетъ относиться ко всѣмъ смердамъ. Въ Р. Правдѣ имѣемъ указанія на то, что смердъ имѣлъ собственность, ибо онъ платилъ продажу. Изъ лѣтописи также видимъ, что смерды имѣли свою собственность. Южные князья вели постоянную борьбу съ Половцами, которые нерѣдко нападали на русскія княженія и опустошали ихъ. При Владимірѣ Мономахѣ, внукѣ Ярослава, сынѣ Всеволода, былъ слѣдующій случай. Однажды Владиміръ Мономахъ счелъ необходимымъ отправиться противъ Половцевъ, между тѣмъ какъ другіе находили время это неудобнымъ для похода. Чтобы убѣдить ихъ въ необходимости немедленнаго похода противъ Половцевъ, Владиміръ пригласилъ князя Святополка на съѣздъ. Князья съѣхались возлѣ Кіева и начали разсуждать о томъ, идти ли сейчасъ на Половцевъ или нѣтъ. Противники В. Мономаха находили время для похода неудобнымъ потому, что придется потравить „поля смердовъ“. Въ отвѣтъ на это лѣтописецъ влагаетъ въ уста Владиміра такую рѣчь: „а се дивно мнѣ, аже смердовъ жалуете и ихъ коней, а сего не помыслите, оже на весну

начнетъ смердъ орати конемъ тѣмъ и пріѣхавъ Половчинъ, ударить й мечемъ й иметъ лошадь ту и жену его и дѣтей и гумно его зажжетъ". Отсюда слѣдуетъ, что у смерда была своя лошадь, свое гумно и, можно думать, своя собственность поземельная. Бѣдные смерды, конечно, селились на чужой землѣ. Изъ этого могла возникать нѣкоторая зависимость ихъ отъ землевладѣльца. Надо допустить, что смерды переходили въ зависимыхъ, но сами по себѣ были свободны.

Тремя указанными слоями далеко не замыкается лѣстница фактическихъ различій въ составѣ древне русскаго общества. Лучшіе люди, какъ и люди вообще, не стоятъ всѣ въ совершенно одинакихъ внѣшнихъ условіяхъ; одни изъ нихъ болѣе выдаются впередъ, другіе—менѣе. Отсюда является такое же качественное дѣленіе въ средѣ лучшихъ людей, какое мы наблюдали въ средѣ людей вообще. Лучшіе изъ нихъ въ свою очередь называтся большими; упоминаніе „о большихъ боярахъ" мы встрѣчаемъ напр. подъ 1269 г.; меньшіе—называются молодшими боярами. [1])

Чтобы составить себѣ вѣрное представленіе о значеніи купца въ древней Россіи, мы должны совершенно отвлечься отъ того понятія „о купеческомъ сословіи", которое сложилось гораздо позднѣе. Купцы въ древнемъ русскомъ обществѣ не составляютъ противоположности къ остальному населенію, къ людямъ вообще. Они воюютъ также какъ и люди: кромѣ того, они являются государствеными дѣятелями и въ мирное время—или вмѣстѣ съ другими, или и совершерно одни,—и въ такомъ случаѣ за всѣхъ другихъ. Такъ 1215 г. Новгородцы, много думавши, посылаютъ за княземъ Ярославомъ посадника, тысяцкаго и десять человѣкъ купцевъ, „старѣйшихъ мужей". Въ 1177 году во Владимірѣ на Клязьмѣ собираются бояре и купцы и требуютъ отъ князя своего Всеволода, чтобы онъ принялъ рѣшительныя мѣры противъ только-что побѣжденныхъ имъ Рязанскихъ князей. Бояре и купцы говорятъ Всеволоду: „князь, мы тебѣ добра хотимъ, мы складываемъ за тебя свои головы, а ты держишь враговъ твоихъ на свободѣ: либо казни ихъ, либо ослѣпи, либо дай намъ" [2]). Съ другой стороны, право торговать не принадлежитъ исключительно какому-либо одному роду людей: торговать могутъ всѣ, начиная отъ князя и до послѣдняго смерда.

---

[1]) Ооф. 1. 1269 г.; молодшій бояринъ—см. Псковск. II. 1471 г.

[2]) Новгор. I. 1215 г. О прямомъ участіи купцевъ въ войнѣ см. еще тамъ же 1195 г. Лавр.—1177 г.

Соображая только-что указанные факты, мы приходимъ къ такому заключенію. Купцы не составляютъ особаго сословія съ исключительно ему принадлежащими правами, и наоборотъ, они не исключены отъ пользованія какими-либо преимуществами, которыми пользуются остальное населеніе; купцы— это только новое названіе „людей", заимствованное отъ занятія. Говоря, что это названіе заимствовано отъ занятія, мы тѣмъ самымъ указываемъ и на тотъ слой людей, который по преимуществу могъ обозначаться именемъ людей торговыхъ, купцовъ. Въ древней Россіи, когда движимости не были такъ разнообразны и цѣнны, какъ въ настоящее время, когда главное условіе богатства и силы заключалось въ обладаніи недвижимостями—землей и угодьями, торговля, какъ исключительное занятіе, не могла доставить положенія равнаго съ положеніемъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Согласно съ этимъ второстепеннымъ значеніемъ торговли, именемъ купцевъ вообще обозначается средній слой людей: это не лучшіе люди, не бояре, но и не черные, не смерды; при перечисленіи разныхъ слоевъ населенія купцы стоятъ обыкновенно ниже бояръ, но выше черныхъ людей [1]). Но такъ какъ торговля можетъ составлять важное подспорье и для богатыхъ землевладѣльцевъ, то и эти лучшіе люди, бояре, если они извѣстны своими торговыми операціями, могутъ быть также названы купцами. Впрочемъ, это случается рѣдко, для нихъ болѣе обычно названіе лучшихъ людей и бояръ; мы можемъ указать только на вышеприведенный примѣръ изъ Новгородской исторіи подъ 1215 г., когда для торжественнаго посольства за княземъ Новгородцы отряжаютъ посадника, тысяцкаго и 10 купцовъ, старѣйшихъ мужей, т. е., 10 лучшихъ мужей, или бояръ. Купцы, какъ средніе люди, въ свою очередь, дробятся на тѣ же три слоя, какъ бояре и люди вообще. Подъ 1166 г. мы встрѣчаемся въ Новгородѣ съ вячшими купцами: Ростиславъ призываетъ ихъ вмѣстѣ съ огнищанами (т. е. боярами, лучшими людьми) въ Луки для ряду [2]).

Хотя въ первомъ періодѣ мы и встрѣчаемся съ различными разрядами свободныхъ лицъ, но ихъ нельзя назвать сословіями. Члены каждаго изъ этихъ разрядовъ могли из-

---

[1]) См. напр. Соф. 1. 1471 г.

[2]) Новгор. I. Купцы, которые вели торговлю внѣ предѣловъ своего города, назывались гостями. Ср. Ник. 1142 г., Новгор. I. 1215 г., Воскр. 1216 г. Для этой торговли требовалось, конечно, болѣе средствъ, и потому естественно, что съ понятіемъ о гостѣ соединяется понятіе о вячшемъ купцѣ.

брать какой угодно родъ дѣятельности. Мы имѣемъ священниковъ изъ смердовъ. При согласіи князя смердъ могъ сдѣлаться служилымъ человѣкомъ и дѣйствительно дѣлался имъ. Равенство правъ не исключало фактическихъ различій богатства и бѣдности. Когда Ярославъ Мудрый узналъ, что Святополкъ Окаянный началъ избивать братьевъ, то пожелалъ отмстить за ихъ смерть и вмѣстѣ съ тѣмъ оградить свою собственную безопасность. Съ этою цѣлію онъ пригласилъ Новгородцевъ и попросилъ у нихъ помощи, въ которой ему не было отказано. „И поча, говоритъ лѣтописецъ, скотъ собирати: отъ мужа по 4 куны, отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ". Съ простыхъ мужей берется по 4 куны, со старостъ по 10 гривенъ. т. е. въ 125 разъ болѣе, а съ бояръ 18 гривенъ, т. е. въ 225 разъ больше. Такимъ образомъ фактическое различіе между лицами было очень значительное. Простые мужи относились къ боярамъ какъ 1 къ 225.

Въ Русской Правдѣ есть двѣ статьи (85 и 86 по Тр. сп), на основаніи которыхъ въ наукѣ установилось мнѣніе о томъ, что въ нашемъ древнемъ наслѣдственномъ правѣ существовало рѣзкое различіе между смердами, съ одной стороны, и боярами и княжеской дружиной, съ другой. Изъ этихъ статей, обыкновенно, выводятъ, что по смерти смерда, если у него не осталось сыновей, наслѣдовалъ князь; по смерти же бояръ и членовъ дружины князь не наслѣдовалъ, а при отсутствіи сыновей имущество шло къ ихъ дочерямъ. Не смотря на то, что приведенное мнѣніе высказано такимъ авторитетомъ по исторіи русскаго права, какъ покойный ~~[illegible]~~ Неволинъ, и такимъ знатокомъ древнихъ памятниковъ вообще и русской правды въ особенности, какъ Н. В. Калачовъ, я думаю, однако, что указанныя статьи Русской Правды даютъ права къ такому выводу, нисколько несоотвѣтствующему другимъ явленіямъ нашего древняго быта. Объясненіе смысла этихъ статей будетъ сдѣлано въ отдѣлѣ о наслѣдованіи безъ завѣщанія. Теперь же выскажу только результатъ: различія въ наслѣдованіи послѣ смердовъ, съ одной стороны, и бояръ и княжеской дружины, съ другой, наше древнее право не знало.

По 1 ст. Академич. списка, въ древности не было различія въ положеніи лицъ; съ точки зрѣнія уголовнаго права эта статья говоритъ: „аще не будетъ кто мстя, то 40 гривенъ за голову", т. е. за убійство всякаго человѣка взимается

одинаковый штрафъ 40 гривенъ. Но съ теченіемъ времени здѣсь появляются различія. Позднѣйшія приписки къ Правдѣ говорятъ о двойной вирѣ (80 гр.) за убійство огнищанъ и княжихъ мужей.

Фактическія различія естественно отражались и на нисходящихъ. Источники говорятъ „о дѣтяхъ боярскихъ". Дѣти посадниковъ, которые выбирались изъ лучшихъ людей, также составляли особую группу: „посадскихъ дѣтей". Въ 1-мъ періодѣ дѣтьми боярскими называлось не особое сословіе, а законныя дѣти большихъ людей, на которыхъ отражалось выдающееся положеніе ихъ родителей.

2) Зависимые.

Мы встрѣчаемся въ древности съ тѣмъ явленіемъ, что совершенно свободные люди, будучи поставлены въ невыгодное экономическое положеніе, вступаютъ въ частную зависимость и ограничиваютъ свою свободу. Это явленіе одинаково наблюдается у насъ и на западѣ. Люди, не имѣющіе ни коня, ни плуга, ни другихъ орудій, необходимыхъ для обработки земли, садятся на чужой землѣ и берутъ у хозяина земли лошадь плугъ, сѣмена, а иногда и деньги. Какъ должники, они составляютъ разрядъ зависимыхъ лицъ. О существованіи такого разряда мы находимъ указанія въ Русской Правдѣ, въ статьяхъ о „закупахъ." Въ Псковской судной грамотѣ встрѣчаются „изорники", также сидящіе на чужой землѣ. Въ другихъ актахъ встрѣчаемъ „серебряниковъ", тоже сидящихъ на чужой землѣ и взявшихъ серебро, и „закладниковъ", заложившихся за кого либо, тоже должниковъ. Закупы, изорники и серебряники — всѣ имѣютъ общій признакъ, они сидятъ на чужой землѣ; но мы не знаемъ, было ли юридическое ихъ положеніе совершенно одинаково. Относительно зависимости находимъ ясныя указанія только въ Русской Правдѣ о закупахъ. Закупами были лица, поступившіе къ кому либо въ услуженіе; они были не просто наемниками, а получали ссуду деньгами, или, садясь на землѣ, занимали плугъ, борону, лошадь и т. п. Въ Русской Правдѣ мы встрѣчаемся съ „ролейными закупами" отъ слова „ролья" — пашня, „рало" — соха, плугъ, т. е. закупами, сидящими на пашнѣ (крестьяне того времени). Они, можетъ быть, имѣли свое собственное хозяйство, но сидѣли на чужой землѣ и получали ссуду; можетъ быть, они обработывали чужую землю исполу. Отъ древнѣйшаго времени къ намъ не дошло договоровъ между хозяиномъ земли и закупами. Но

отъ XV в. мы имѣемъ договоры крестьянъ съ землевладѣльцами, въ которыхъ говорится, что берется подмога, опредѣляются обязанности крестьянина и неустойка въ случаѣ его неисправности. По Р. Правдѣ закупы были лицами свободными, но ограниченными въ своей свободѣ. Что закупъ былъ свободнымъ человѣкомъ, а не рабомъ, видно изъ того, что онъ могъ вступать въ сдѣлки, занимать напр. деньги; въ случаѣ порчи вещей хозяина (если закупъ испортитъ напр. плугъ, борону, или, по своей винѣ, не загонитъ лошадь въ стойло и она пропадетъ), онъ отвѣчаетъ своимъ имуществомъ, —слѣд. у него было свое имущество. Карамз. сп. Р. Пр. ст. 71. Закупъ имѣлъ даже право иска противъ господина. Зависимость закупа видна въ слѣдующемъ. Господинъ имѣлъ право бить закупа, но только за дѣло, если же онъ билъ его въ пьяномъ видѣ, то закупъ могъ жаловаться, какъ свободный человѣкъ. (Троицк. сп. Р. Пр. ст. 52 и 55.) Если закупъ совершалъ кражу то вознаграждалъ за эту кражу, не самъ воръ, а его господинъ, который могъ въ этомъ случаѣ даже продать своего закупа въ рабство. Троицк. сп. Р. Пр. ст. 57. Если бы взысканіе въ этомъ случаѣ падало на закупа, а не на господина, то, путемъ совершенія кражи, закупъ могъ бы прерывать обязательныя отношенія свои къ господину: потерпѣвшій отъ кражи могъ бы, въ случаѣ несостоятельности закупа, взять его къ себѣ въ работу. Вотъ почему господину и предоставлялось право вознаградить потерпѣвшаго убытокъ отъ кражи и обращать затѣмъ закупа въ своего раба, или продать его въ рабство кому нибудь другому. Так. образомъ гражданская личность закупа была умалена. Это еще видно изъ того, что закупъ, какъ человѣкъ зависимый, допускался въ свидѣтели только по мелкимъ дѣламъ. Дѣйствительно, будучи зависимымъ, онъ могъ дѣлать показанія по желанію своего господина. Таковы черты несвободы закуповъ.

Закупничество возникало, по всей вѣроятности, путемъ договора; прекращалось: уплатою долга, преступленіемъ, бѣгствомъ закупа; въ двухъ, послѣднихъ случаяхъ закупъ обращался въ раба, въ первомъ онъ дѣлался свободнымъ. Нѣкоторая зависимость могла возникнуть и безъ посредства договора о ссудѣ, это въ тѣхъ случаяхъ, когда князья жаловали кому либо право суда въ предѣлахъ его владѣній. Въ силу этого свободное лицо подлежало суду частнаго собственника, а не княжескаго чиновника, и, конечно, становилось въ нѣкоторую зависимость отъ усмотрѣнія землевладѣльца.

3) *Несвободные*

Послѣдній разрядъ лицъ составляли несвободные, т. е. *рабы* или *холопы*, какъ называетъ ихъ Русская Правда. Учрежденіе рабства встрѣчается не въ одной только Россіи; это самый распространенный институтъ, онъ извѣстенъ всѣмъ народамъ. Греки объясняли рабство умственною слабостью нѣкоторыхъ рассъ. Они думали, что рабы отъ природы обдѣлены и не могутъ дастигнуть высшей доступной для человѣка степени умственнаго развитія. Какъ менѣе одаренные, эти люди уже самою природою назначаются къ рабству. Иначе объясняли институтъ рабства Римляне; рабство они выводили изъ завоеванія. Побѣдитель беретъ своего врага въ плѣнъ и можетъ его убить; но онъ даритъ ему жизнь, за это побѣжденный и долженъ на него работать, быть его рабомъ. Римское воззрѣніе ближе къ дѣлу. Дѣйствительно, по понятіямъ древняго времени, съ человѣкомъ, взятымъ въ плѣнъ, можно было сдѣлать что угодно; но это не есть единственный источникъ рабства, оно возникаетъ не изъ одной только войны, а изъ многихъ другихъ причинъ. Корень рабства лежитъ въ естественномъ стремленіи человѣка обращать въ свою пользу, что только можно. Едва есть возможность воспользоваться чѣмъ нибуть для своего удобства, человѣкъ это и дѣлаетъ; есть возможность обладать другимъ человѣкомъ, пользоваться его силами, человѣкъ стремится осуществить эту возможность. Это присущее человѣку стремленіе эксплуатировать, стремленіе, встрѣчающееся и въ настоящее время, на первыхъ ступеняхъ развитія грубымъ образомъ проявлялось въ порабощеніи подобнаго себѣ существа.

Юридическое положеніе раба. Нѣсколько статей, проливающихъ свѣтъ на юридическое положенія раба, находимъ въ Русской Правдѣ. Ни одинъ институтъ не разработанъ тамъ такъ ясно, точно и послѣдовательно, какъ рабство. По Р. Правдѣ рабъ разсматривается какъ имущество, какъ собственность господина. Гражданской личности онъ не имѣетъ; у него нѣтъ ничего своего, онъ не можетъ вступать отъ своего имени въ договоры и совершать сдѣлки. Онъ дѣйствуетъ только отъ лица своего господина. Рабъ пріобрѣтаетъ не себѣ, а господину; если онъ заключитъ какой нибудь договоръ, выгоды и убытки падаютъ не на него, а на господина. Въ Русской Правдѣ читаемъ. „если кто пуститъ своего холопа въ торгъ (на торжищѣ), а одолжаетъ, то выкупати его госпо-

дину, а не лишитись его". (III ст. Тр. сп.) Если холопъ сдѣлаетъ заемъ отъ своего имени, сдѣлка признается ничтожной; давшій деньги рабу не имѣетъ иска. Если холопъ убѣгая добудетъ какого нибудь товару, товаръ признается собственностью господина (127 и 130 ст. Кар. сп).

Мало того, рабъ не есть субъектъ уголовнаго права, онъ не можетъ совершить преступленія; преступленіе, совершенное рабомъ, имѣетъ совершенно другія послѣдствія, чѣмъ преступленіе, совершенное свободнымъ человѣкомъ. Если совершаетъ преступленіе свободный человѣкъ, онъ наказывается; если же совершаетъ преступленіе рабъ, онъ не наказывается, но господинъ его обязанъ вознаградить потерпѣвшихъ за тотъ матеріальный ущербъ, который причиненъ преступленіемъ. Это и понятно: рабъ не лицо, а имущество, а потому его нельзя наказывать какъ преступника. 42 ст. Троицк. сп. говоритъ: „Если будутъ холопы татіе (т. е. если они совершатъ кражу), либо княжи, либо боярстіи, либо чернечь, ихъ же князь продажею не казнить, за не суть несвободны, но двоиче платить ко истьцю за обиду" (т. е. должно заплатить вдвое за причиненные убытки). Но рабъ не только не могъ самъ совершить преступленія, онъ не могъ быть и объектомъ преступленія: нельзя было совершить преступленія по отношенію къ рабу. Въ случаѣ убійства раба не налагалось наказанія на убійцу; убійца обязанъ былъ только вознаградить хозяина за имущественный ущербъ, точно также какъ, если бы онъ убилъ чужую лошадь, корову и т. под. За убійство свободнаго человѣка взыскивалась „вира"; а 84 ст. Тр. сп. говоритъ: „а въ холопѣ и въ рабѣ виры нѣтуть", т. е. за убійство холопа и рабыни вира не взимается. Платилось смотря потому, какое положеніе занималъ рабъ; за простаго раба платили 5 гривенъ, а если онъ былъ дядька—кормилецъ, то 12 гривенъ. Вирою ограждалась жизнь только боярскихъ рабовъ и при томъ такихъ, которые пользовались особымъ довѣріемъ своихъ господъ и занимали у нихъ должность управляющихъ. Если рабъ провинится, ударитъ, напр, свободнаго мужа, его можно было убить за это, не платя никакого вознагражденія. Такъ было до времени сыновей Ярослава, которые запретили убійство раба за ударъ.

Институтъ рабства разработанъ въ Р. Правдѣ весьма послѣдовательно. Самый институтъ рабства у насъ, конечно, не заимствованъ ни отъ куда,—онъ встрѣчается у всѣхъ народовъ. Но можно думать, что нѣкоторыя статьи Русской

Правды возникли не безъ вліянія греко-римскаго права. 110 ст. Тр. сп. говоритъ: „аче же холопъ гдѣ куны вылжетъ, а онъ будетъ не вѣдая вдалъ, то господину выкупати, али лишиться его“; 115 статья читается такъ: „аже холопъ крадеть кого либо господину выкупати, любо выдати“.... Такое же постановленіе встрѣчаемъ и въ греко — римскихъ сборникахъ. 55 ст. XXXIX титула градскихъ законовъ говоритъ: „господинъ раба вора или безъ пагубы сотворитъ пострадавшаго, или отдастъ ему раба“. Двинск. судн. грам. говоритъ: а кто господарь огрѣшиться ударить своего холопа или рабу и случится смерть, то въ томъ намѣстницы не судятъ, ни вины не емлють“. Въ градскихъ законахъ читаемъ: „если господинъ бьетъ раба за дѣло ремнемъ или палицею и рабъ умретъ, то господинъ не судится какъ убійца; если же онъ безъ мѣры мучилъ раба или отравилъ, то судится какъ за разбой. Сходство основной мысли этихъ постановленій очевидно; а такъ какъ градск. законы были извѣстны у насъ до составленія Двин. грамоты, то и могли оказать на нее вліяніе.

По Р. Правдѣ рабъ не могъ быть свидѣтелемъ. Исключеніемъ изъ этого случая были только особенно довѣренные люди, а именно „тіуны“, т. е. ключники, дворецкіе, которые могли быть свидѣтелями, и то, впрочемъ, только въ крайнихъ случаяхъ, а именно, когда не было свидѣтелей изъ свободныхъ лицъ.

Объ установленіи рабства говорятъ 102, 103, 104 и 105 ст. Русск. Правды по Тр. сп. Но здѣсь не означены всѣ способы возникновенія рабства. Прежде всего рабство возникало рожденіемъ; затѣмъ, свободныя лица могли продать себя въ рабство, лишь бы это было сдѣлано при свидѣтеляхъ. 3-й способъ возникновенія рабства есть бракъ (103 ст. Тр. сп.). Если кто женится на рабѣ безъ ряда, т. е. не договорившись съ ея господиномъ, онъ дѣлается рабомъ. Съ такимъ же явленіемъ встрѣчаемся и у германцевъ: „trittst du meine Henne, so wirst du mein Hahn; unfreie Hand zieht die freie nach sich“. У французовъ: en formariage le pir emporte le bon. Затѣмъ въ 4) „тивунство безъ ряду“ (104 ст. Тр. сп.). Если кто нибудь поступалъ ключникомъ (тіуномъ) безъ всякаго договора, не выговоривъ себѣ свободы, онъ дѣлался также рабомъ. Въ Западной Европѣ мы встрѣчаемся еще съ болѣе стѣснительными постановленіями: тамъ довольно было нѣсколько времени пожить на господской землѣ, подышать господскимъ воздухомъ, чтобы сдѣлаться рабомъ. Der Luft macht

eigen—воздухъ дѣлаетъ рабомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ назначенъ былъ извѣстный срокъ, годъ и одинъ день, по прошествіи котораго свободный человѣкъ становился рабомъ. Въ Русской Правдѣ указывается и 5-й способъ возникновенія рабства именно: если убѣжитъ закупъ, онъ дѣлается рабомъ. 6-мъ и послѣднимъ способомъ возникновенія рабства былъ плѣнъ.

Что касается до способовъ прекращенія рабскаго состоянія, то рабство прекращалось отпущеніемъ рабовъ на волю. Съ принятіемъ христіанства такіе вольно-отпущенники поступали въ вѣдомство церкви. Отпущеніе на волю совершалось особенно часто въ послѣднія минуты жизни и, обыкновенно, въ присутствіи духовниковъ. Поступая въ завѣдываніе церкви, вольноотпущенники, по всей вѣроятности, садились на церковныя земли.

Рабы, отпущенные своимъ господиномъ передъ смертью, носили особенное наименованіе „задушныхъ людей", т. е. отпущенныхъ по душѣ покойнаго, съ тѣмъ, чтобы они молились за него. Отъ позднѣйшаго времени имѣемъ нѣсколько духовныхъ завѣщаній, въ которыхъ рабы отпускались на свободу.

III. Верховная власть.

Ученіе о верховной власти есть ученіе о той формѣ правленія, которая господствовала въ разсматриваемую эпоху. Относительно этого вопроса въ нашей литературѣ существуютъ различныя мнѣнія. Нерѣдко высказывается такая мысль, что въ древней Россіи великіе князья имѣли такую же неограниченную власть, какая принадлежитъ теперь Императорамъ, а нѣсколько раньше принадлежала Московскимъ царямъ. Это воззрѣніе не научное; въ основѣ его лежитъ та ошибка, что изслѣдователи переносятъ въ древнее время современныя намъ понятія. Въ дѣйствительности абсолютная самодержавная власть въ томъ ея видѣ, въ какомъ она пренадлежитъ теперь императорамъ, а прежде Московскимъ царямъ, никогда не является на первыхъ ступеняхъ развитія государствъ, а всегда есть результатъ продолжительнаго историческаго процесса. Иначе это противорѣчило бы закону солидарности явленій: въ древнее время нѣтъ тѣхъ условій, при которыхъ можетъ возникнуть такого рода власть. Теперь власть имѣетъ много органовъ, непосредственно отъ нея зависящихъ, имѣетъ вой-

ско, на которое можетъ всегда опереться; въ древности же народъ самъ составлялъ войско и не былъ обязанъ всегда поддерживать князя.

Для того, чтобы сдѣлать понятнымъ особенности нашей древней формы правленія, необходимо сказать нѣсколько словъ отомъ, какія бываютъ формы правленія вообще. Формы правленія, наблюдаемыя въ дѣйствительной жизни, бываютъ очень разнообразны. Чтобы оріентироваться въ этомъ разнообразіи, необходимо эти формы классифицировать. Такого рода классификація дана была уже Аристотелемъ, а позднѣе она была нѣсколько пополнена. Въ основаніе своего дѣленія Аристотель положилъ численный составъ субъекта верховный власти, т. е. лица, которому принадлежитъ верховная власть въ государствѣ. Такимъ субъектомъ верховной властью, по Аристотелю, можетъ быть или отдѣльное физическое лицо, въ рукахъ котораго сосредоточивается вся власть, въ этомъ случаѣ мы имѣемъ монархическую форму правленія, или во 2-хъ, совокупность нѣсколькихъ физическихъ лицъ, лучшихъ,— въ этомъ случаѣ мы имѣемъ аристократическую форму и наконецъ въ 3-хъ, верховная власть можетъ принадлежать всему народу въ государствѣ; въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ демократическою формою правленія. Такимъ образомъ, верховная власть можетъ принадлежать или одному лицу, или нѣсколькимъ, или, наконецъ, всему народу. Но легко замѣтить, что не всякое государственное правленіе подходитъ подъ одну изъ указанныхъ Аристотелемъ формъ, такъ напр. въ Англіи верховная власть принадлежитъ и королю и лордамъ и народнымъ представителямъ, засѣдающимъ въ нижней палатѣ. Подобныя явленія сдѣлали необходимымъ пополнить Аристотелеву классификацію сложными формами, въ которыхъ верховная власть принадлежитъ не одному какому нибудь элементу, а нѣсколькимъ, напр. монарху и аристократіи вмѣстѣ, или монарху, аристократіи и народу вмѣстѣ. Смѣшанныя формы правленія подраздѣляются соотвѣтственно тому, какія простыя формы въ нихъ входятъ. Подъ эти формы правленія можно уже подвести всѣ существующія въ дѣйствительности.

Переходя къ устройству нашихъ древнихъ княжествъ, нужно замѣтить, что мы встрѣчаемся здѣсь не съ простою, а съ смѣшанною формою правленія, въ которой участвуютъ два элемента, а именно: монархическій, въ лицѣ князя, и народный, демократическій элементъ, въ лицѣ вѣча. Говоря, что въ древности у насъ была смѣшанная форма правленія, мы вовсе

не хотимъ сказать, что она имѣла такой же сравнительно совершенный видъ, какой наблюдается въ настоящее время въ томъ или другомъ представительномъ государствѣ. На первой ступени развитія эта смѣшанная форма правленія была крайне несовершенна.

1) Вѣче.

Народный элементъ проявлялъ свое участіе въ формѣ „вѣча“ (отъ „вѣщать“). Съ этимъ участіемъ народа мы встрѣчаемся съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Но оно не было узаконено, а основывалось на обычаѣ. Народъ сходился на вѣче вовсе не потому, чтобы считалъ эту форму лучшею и былъ бы убѣжденъ въ ея пользѣ, а потому, что въ древности каждый носилъ въ себѣ сознаніе о правѣ по усмотрѣнію устроивать свои собственныя дѣла, а государствен. дѣла не выдѣлились еще изъ частныхъ. Поэтому, если какой нибудь общественный вопросъ, по мнѣнію извѣстнаго лица, касался его интересовъ, онъ принималъ непосредственное участіе въ его рѣшеніи, а коль скоро онъ находилъ, что этотъ вопросъ не касается его, онъ предоставлялъ заботу о немъ другимъ и даже одному князю. Вѣче есть форма непосредственнаго участія народа въ общественныхъ дѣлахъ, а не чрезъ представителей.

Нельзя сказать, когда установилось это участіе народа въ правленіи; такъ было съ незапамятныхъ временъ, „изначала“, какъ говоритъ лѣтописецъ. Для самаго древняго времени встрѣчаемъ указанія на то, что народъ собирается, говоритъ, дѣйствуетъ. Изъ предшествующаго уже извѣстно, какимъ образомъ доказывается существованіе того или другого обычая. Для этого необходимо или во 1) указаніе отдѣльныхъ случаевъ, непрерывно повторявшихся въ теченіи болѣе или менѣе значительнаго времени, или во 2) свидѣтельство достовѣрныхъ людей. Что касается доказательства вѣчевыхъ обычаевъ, то мы можемъ обратиться къ тому и другому способу.

Вѣче не создано княземъ; оно составляетъ первоначальную форму быта. Отечественные памятники разсказываютъ о народныхъ рѣшеніяхъ еще до призванія Рюрика. Такъ, описывая кіевскія событія, послѣдовавшія за смертью трехъ братьевъ—Кія, Щека и Хорива, лѣтописецъ говоритъ: „поидоша Козаре на Полянъ... и реша: платите намъ дань. Сдумавше

же Кіяне и вдаша отъ дыма мечь“ [1]). Другое извѣстіе изъ времени, предшествовавшаго распространенію власти Рюриковичей по всей Русской землѣ, относится къ сосѣднему племени Древлянъ. Въ первой половинѣ X вѣка они еще имѣли своихъ князей не Рюрикова рода. Убивъ Кіевскаго князя Игоря, Древляне посылаютъ къ его вдовѣ посольство, приглашая ее выдти за мужъ за ихъ князя Мала. Послы ихъ говорятъ Ольгѣ: „посла насъ Деревская земля“ [2]). Призваніе Рюрика было также дѣломъ народнаго постановленія: „поищемъ себѣ князя“ рѣшили Кривичи, Славяне, Чудь и Меря, не находя возможности установить изъ своей среды такую власть, которая бы удовлетворила всѣхъ одинаково.

Во времена князей Рюриковичей форма эта встрѣчается на всемъ пространствѣ княжеской Россіи: гдѣ были князья, тамъ было и вѣче. Новгородъ не представляетъ въ этомъ отношеніи исключительнаго явленія: его бытъ есть бытъ общій всѣмъ городамъ русскимъ. Разница, которая замѣчается въ его жизни и жизни другихъ городовъ,—есть разница количественная, а не качественная. Богатѣйшій и населеннѣйшій изъ всѣхъ городовъ русскихъ, Новгородъ распадался на многочисленныя и сильныя партіи, которыя имѣли не одинъ поводъ къ враждебному между собой столкновенію. Существованіе сильныхъ партій и легкая возможность столкновенія между ними, условливаемая вѣчевымъ бытомъ, и была причиной, что новгородская вѣчевая жизнь текла шумливѣе, чѣмъ жизнь другихъ городовъ, менѣе населенныхъ и менѣе богатыхъ, и вслѣдствіе того представлявшихъ большее однообразіе и спокойствіе жизни. Кромѣ того, Новгородъ имѣлъ еще и то великое преимущество передъ другими городами, что татарскій разгромъ вовсе его не коснулся. Благодаря этому обстоятельству, вѣчевая жизнь сохранилась въ его стѣнахъ гораздо долѣе, чѣмъ въ остальной Россіи.

Не всѣ города оставили намъ свои лѣтописи, а потому свидѣтельства источниковъ о вѣчевой жизни древней Россіи распредѣляются далеко не въ равной мѣрѣ между отдѣльными ея частями. Мѣстные же лѣтописцы, какъ напр. кіевскій, волынскій, суздальскій и др., труды которыхъ вошли въ составъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ, далеко не восполняютъ этотъ недостатокъ особыхъ лѣтописей; описывая довольно подробно происшествія своего роднаго города, они

---

[1]) Сузд. стр. 4; въ Лавр. стр. 7 вмѣсто „Кіяне“—чит. „Поляне“.
[2]) Лавр.

только мимоходомъ и вскользь касаются внутренней жизни чуждыхъ имъ городовъ. Несмотря на эту неполноту нашихъ лѣтописныхъ источниковъ, они представляютъ, однако, указанія на существованіе вѣча не только во всѣхъ главныхъ городахъ, но и въ очень многихъ изъ городовъ второстепеннаго и даже третьестепеннаго значенія. Мы соберемъ здѣсь въ одно мѣсто эти, часто слишкомъ краткія, но тѣмъ не менѣе драгоцѣнныя свидѣтельства и такимъ образомъ представимъ наглядный очеркъ границъ, въ предѣлахъ которыхъ были распространены формы вѣчеваго быта.

Бѣлгородъ. Въ 997 г. Бѣлгородцы должны были выдержать продолжительную осаду Печенѣговъ. Когда всѣ запасы истощились, а помощи отъ князя не предвидѣлось, они „сотворили вѣче“ и рѣшили сдаться [1]).

Владиміръ Волынскій. Въ 1097 г. Володарь и Василько, требуя у Давыда выдачи людей, намолвившихъ его на ослѣпленіе Василька, подступили къ Владиміру. Прежде чѣмъ начать враждебныя дѣйствія, осаждавшіе обратились къ Владимірцамъ съ такою рѣчью: „мы не пришли на городъ вашъ, ни на васъ, но на враговъ своихъ—Туряка, Лазаря и Василя, они намолвили Давыда, онъ послушалъ ихъ и сотворилъ зло. Если хотите биться за нихъ, мы готовы; а лучше выдайте враговъ нашихъ.“ Выслушавъ это посольство, граждане „созвали вѣче“ и послали князю своему, Давыду, такое предложеніе: „выдай мужей этихъ, мы не бьемся за нихъ, но за тебя биться можемъ. А если не хочешь, мы отворимъ врата граду, а ты промышляй тогда самъ о себѣ.“ Давыдъ отвѣчалъ уклончиво на это предложеніе: „требуемыхъ людей нѣтъ здѣсь; я послалъ ихъ въ Луцкъ, а съ дороги Турякъ убѣжалъ въ Кіевъ, а Лазарь и Василь воротились въ Турійскъ.“ Слыша такой отвѣтъ, „люди кликнули на Давыда и сказали: выдай кого у тебя просятъ, а не выдашь, мы предадимся“, т. е. признаемъ своими князьями Володаря съ Василькомъ; выше то же самое рѣшеніе было выражено въ другой формѣ: „отворимъ врата граду, а ты промышляй о себѣ“. Давыдъ уступилъ и выдалъ [2]).

Въ 1099 г. Мстиславъ Святополковичъ затворился отъ Давыда во Владимірѣ. Отражая одинъ изъ приступовъ Давыда, Мстиславъ былъ убитъ. Его смерть „объявляютъ на вѣчѣ“. Собравшіеся на вѣчѣ люди разсуждаютъ такъ: „князь нашъ убитъ, если сдадимся Давыду, Святополкъ (отецъ уби-

[1]) Лавр.
[2]) Лавр.

таго) погубитъ насъ всѣхъ", и рѣшаютъ отправить къ Святополку посольство съ такими рѣчами: „сынъ твой убитъ, а мы изнемогаемъ отъ голода; если не придешь, мы будемъ вынуждены сдаться" [1]).

Владиміръ Игоревичъ, преслѣдуя Романовичей, посылаетъ въ 1202 г. къ Владимірцамъ посла, говоря имъ: „не останется градъ вашъ, если не выдадите мнѣ Даніила и Василька Романовичей". Владимірцы оскорбились такими рѣчами и едва не убили посла [2]).

Берестье. О призваніи князей Берестьянами имѣемъ два свидѣтельства. Въ 1204 г. они зовутъ къ себѣ дѣтей умершаго Романа, которыя были тогда у Лешки, и принимаютъ ихъ съ радостью „яко великаго Романа жива видящи". Въ 1289 году, еще при жизни князя Владиміра Васильковича, они вступаютъ въ сношеніе съ Юріемъ Львовичемъ и цѣлуютъ къ нему крестъ на томъ, что „какъ не станетъ стрыя твоего, ино мы твои и городъ твой, а ты нашъ князь". По смерти Владиміра, Юрій дѣйствительно сѣлъ въ Берестьи, но скоро принужденъ былъ бѣжать [3]).

Рязань, Муромъ и Пронскъ. Въ войнѣ Олега Святославича съ Мстиславомъ Владиміровичемъ, сторону перваго держали Рязанцы и Муромцы. Послѣ неудачной для Олега битвы у Колтеска въ 1096 г., онъ принужденъ былъ бѣжать сперва въ Муромъ, а потомъ въ Рязань; но получивъ извѣстіе о приближеніи Мстислава, онъ долженъ былъ оставить и этотъ послѣдній городъ. Преслѣдуя Олега, Мстиславъ пришелъ къ Мурому, гдѣ Олегъ оставилъ брата своего Ярослава: „и сотвори миръ съ Муромцы", говоритъ лѣтописецъ, „и поя своя люди Ростовци и Суздальци". Придя за тѣмъ къ Рязани, Мстиславъ точно также заключаетъ миръ съ Рязанцами и освобождаетъ своихъ людей, плѣненныхъ Олегомъ [4]). Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ переговоры были ведены не съ князьями, а съ гражданами, которые и согласились на предложенныя Мстиславомъ условія мира [5]). Надо думать, что Олегъ потому и бѣжалъ изъ Рязани, что граждане не изъявили желанія поддерживать его долѣе. Объ этомъ должны

---

[1]) Ник. и Лавр. 1097 г.
[2]) Ипат.
[3]) Ипат.
[4]) Лавр.
[5]) Лѣтописецъ упоминаетъ только одно условіе мира—освобожденіе плѣнныхъ: „и поя своя Ростовцы и Суздальцы".

были вестись переговоры, образчикъ которыхъ мы только-что видѣли во Владимірѣ; но лѣтописецъ не сохранилъ ихъ.

Въ 1177 году, послѣ плѣненія Рязанскихъ князей, Всеволодъ Юрьевичъ посылаетъ къ Рязанцамъ съ требованіемъ выдать ему Ярополка Ростиславича, укрывавшагося въ Воронежѣ. Посолъ говоритъ Рязанцамъ отъ лица своего князя: „вы имѣете нашего врага, выдайте, или иду на васъ". „Рязанцы же сдумавше" поѣхали въ Воронежъ за Ярополкомъ и выдали его [1]).

Смоленскъ. Въ 1185 г. Смольняне отправились съ княземъ своимъ Давыдомъ къ Кіеву помогать южнымъ князьямъ, Рюрику и Святославу, на Половцевъ. Достигнувъ Треполя, они отказались отъ дальнѣйшаго преслѣдованія Половцевъ. „Смольняне, разсказываетъ лѣтописецъ, начали вѣче дѣлать, говоря: мы пошли только до Кіева, еслибы непріятель встрѣтился, мы бились бы; но искать его далѣ — мы не можемъ, мы изнемогли". Давыдъ долженъ былъ возратиться [2]). И такъ, Смольняне дѣлаютъ вѣче во время похода (подобный случай встрѣчается у Новогородцевъ и Псковитянъ), припоминаютъ то условіе, съ которымъ отправились въ походъ, и высказываются противъ его продолженія. А между тѣмъ лѣтопись не сохранила ни одного извѣстія, въ которомъ упоминалось бы о „вѣче" въ стѣнахъ самого Смоленска, хотя и не разъ говоритъ объ общественной дѣятельности Смольнянъ.

Полоцкъ. Мы имѣемъ отъ XII вѣка много свидѣтельствъ, указывающихъ на призваніе Полочанами князей и на „ряды" съ ними, въ соблюденіи которыхъ князья цѣлуютъ къ Полочанамъ крестъ [3]). Подъ 1159 г. Ипат. лѣт. встрѣчаемъ и обычный терминъ: Полочане собрали вѣче, на которомъ рѣшаютъ вопросъ о призваніи князя.

Курскъ. Извѣстіе, сохранившееся о Курскѣ, относится къ 1147 году, когда Курскій столъ занималъ Мстиславъ Изяславичъ. Узнавъ о походѣ на него Глѣба Юрьевича съ Святославомъ Ольговичемъ, Мстиславъ объявляетъ объ этомъ Курянамъ, приглашая ихъ стать за него (лѣтопись не сохранила самыхъ словъ Мстислава, но судя по отвѣту Курянъ, надо думать, что смыслъ ихъ былъ именно таковъ). Куряне отвѣчали: „противъ Ольговича—ради биться за тебя и съ дѣтьми, но на Владимірово племя, на Юрьевича,—не можемъ поднять

---

[1]) Лавр.
[2]) Ипат.
[3]) Лавр. 1127 г., Ник. 1132 г., Ипат. 1151 г., 1167 г.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

руки". Слыша такой отвѣтъ, Мстиславъ выѣхалъ изъ Курска къ отцу, а Куряне послали къ Глѣбу Юрьевичу и взяли у него посадника себѣ [1]).

Ростовъ, Суздаль, Владиміръ на Клязмѣ и Переяславль. Древнѣйшее свидѣтельство о дѣятельности этихъ сѣверо-восточныхъ городовъ относится еще къ княженію Юрія Долгорукаго. Подъ 1175 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что Юрій, желая по смерти передать волость свою младшимъ сыновьямъ помимо старшихъ, укрѣпляетъ свою волю согласіемъ гражданъ: Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и Владимірцы „цѣлуютъ ему крестъ—на младшихъ сыновьяхъ", т. е. обѣщаютъ имѣть ихъ своими князьями и не искать другихъ. Подробности этого крестнаго цѣлованія и предшествовавшіе имъ переговоры до насъ не дошли. Мы знаемъ только, что крестное цѣлованіе не было исполнено. Въ 1158 г., по смерти Юрія, „Ростовцы, Суздальцы и Владимірцы всѣ сдумавше взяли Андрея, старшаго сына Юрія, и посадили его на отчемъ столѣ—въ Ростовѣ, Суздалѣ и Владимірѣ". Въ 1175 году, по смерти Андрея, Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и Владимірцы снова собираются для избранія князя [2]).

Кромѣ этихъ извѣстій, относящихся ко всѣмъ четыремъ городамъ вмѣстѣ, мы имѣемъ не мало и такихъ, которыя указываютъ на существованіе народныхъ собраній въ каждомъ изъ нихъ порознь. Приведемъ нѣкоторыя.

Любопытно свидѣтельство о Владимірѣ отъ 1176 года, когда въ немъ сидѣли Ростиславичи. Лѣтописецъ не хвалитъ ихъ кратковременнаго княженія: они были молоды и слушались бояръ, а бояре учили ихъ „на многое иманіе". Видя ихъ неправды, Владимірцы „начаша молвити: мы есмы волная князя пріяли къ себѣ и крестъ цѣловали на всемъ; а си яко не свою волость творита, яко не творящися сидѣти у насъ, грабита не токмо волость всю, но и церкви. А промышляйте, братіе!" За этимъ рѣшеніемъ послѣдовало посольство къ Ростовцамъ и Суздальцамъ, въ которомъ они являли имъ обиду свою, а вслѣдъ за тѣмъ и изгнаніе Ростиславичей [3]).

---

[1]) Ипат. 1147 г.

[2]) Ипат.

[3]) Тамъ же. Въ нашей исторической литературѣ существуетъ мнѣніе объ особенностяхъ устройства новыхъ сѣверо-восточныхъ городовъ, которые будто бы составляли собственность князя и не имѣли вѣча, чѣмъ и объясняется возникновеніе на сѣверо-востокѣ Россіи новаго порядка вещей, приготовившаго Московское государство. См. С. М. Соловьева—Исторія Отношеній Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 17. Тотъ же авторъ на 21 стр. XIII-го тома своей Исторіи Россіи, указавъ на это различіе, продолжаетъ такъ: „Андрей Бого-

Въ 1213 году Ярославъ Всеволодовичъ, получивъ отъ отца своего Переяславль, созываетъ всѣхъ Переяславцевъ ко Святому Спасу и говоритъ имъ: „братья, Переяславцы, се отецъ поиде къ Богови, а васъ отдалъ мнѣ, а меня вдалъ вамъ въ руцѣ (ему было 22 года), да рците ми, братіе, аще хощете мя имѣти себѣ, якоже имѣсте отца моего, и головы свои за мя сложити? Они же вси тогда рекоша: „вельми господине, тако буди, ты нашъ господинъ, ты Всеволодъ, и цѣловали къ нему вси крестъ. И тако сѣде Ярославъ въ Переяславѣ на столѣ, идѣже родися“, замѣчаетъ отъ себя лѣтописецъ [1]).

Послѣ этихъ довольно подробныхъ свѣдѣній объ участіи, которое принимали древніе города въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, намъ должны быть понятны и тѣ краткія указанія, которыя дошли къ намъ еще отъ многихъ городовъ. Часто все извѣстіе лѣтописи заключается въ одномъ словѣ: горажане такого-то города „предались“ князю, или „затворились“ отъ князя или Половцевъ, или „бились“ за князя, или „вышли на встрѣчу“ къ князю. Изъ предшествовавшаго мы знаемъ уже, какъ надо понимать такія выраженія. Граждане предаются князю, бьются за него, выходятъ къ нему на встрѣчу,—когда хотятъ имѣть его своимъ, въ противномъ случаѣ—они затворяются отъ него. Въ этихъ выраженіяхъ высказывается результатъ воли народной.—Помимо отдѣльныхъ указаній на существованіе вѣчеваго быта въ томъ или другомъ городѣ, мы можемъ привести и прямое свидѣтельство современника въ пользу его всеобщности. Суздальскій лѣтописецъ, размышляя по поводу знаменитой въ его время борьбы Владиміра съ Ростовомъ и Суздалемъ, говоритъ. „Новогородцы бо изначала, и Смолняне, и Кіяне, и Полочане, и вся власти (т. е. волости) якоже на думу на вѣча сходятся...“ [2]). И такъ, по свидѣтельству лѣтописца второй половины XII в., во всѣхъ волостяхъ тогдашней Россіи существовалъ старинный обычай—сходиться на вѣче, какъ на думу; въ этомъ отношеніи онъ нисколько не различаетъ Новгорода отъ Смоленска, Кіева, Полоцка, Ростова и всѣхъ другихъ волостей, сколько бы ихъ ни было.

Отсутствіе прямаго свидѣтельства лѣтописи о вѣчевыхъ

любскій переселяется жить изъ стараго города Ростова Великаго въ новый Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ нѣтъ вѣча, гдѣ власть княжеская не встрѣтитъ преградъ“.—Это мнѣніе противорѣчитъ только что приведеннымъ свидѣтельствамъ источниковъ.

[1]) Сузд.

[2]) Лавр. и Сузд. 1176 г.

собраніяхъ въ извѣстное время, при указанной уже неполнотѣ источниковъ этого рода,—никакъ не можетъ служить доказательствомъ существованія въ этомъ городѣ инаго порядка вещей. Въ только-что приведенномъ мѣстѣ лѣтописи Смоленскъ названъ вѣчевымъ городомъ; а между тѣмъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, лѣтописи ни разу не говорятъ о вѣчѣ въ Смоленскѣ. Точно то же и съ Ростовской волостью. Въ своихъ общихъ размышленіяхъ лѣтописецъ причисляетъ ее къ вѣчевымъ еще во второй половинѣ XII вѣка; а прямое свидѣтельство о вѣчѣ въ городахъ Ростовской волости сохранилось только отъ второй половины XIII вѣка, цѣлымъ вѣкомъ позднѣе.

Вѣчевой бытъ былъ явленіемъ необходимымъ въ древней Россіи, а потому и всеобщимъ. Князь, призванный элементъ волости, не имѣлъ еще своихъ собственныхъ, достаточно развитыхъ орудій управленія. У него не было ни полиціи, ни войска въ теперешнемъ смыслѣ слова. Между княземъ и исполнителями его воли не было даже той поземельной связи, которая даетъ такую прочность отношеніямъ феодальнымъ и помѣстнымъ. Отношенія служилыхъ людей къ князю были до крайности шатки, они могли прерваться ежеминутно и по односторонней волѣ служилаго человѣка. Эта слабость собственныхъ силъ князя естественно заставляла его искать опоры въ согласіи съ народомъ, выдвигала народъ на первый планъ. Хотя вѣче и не было создано княземъ, но онъ долженъ былъ обращаться къ нему.—Такимъ образомъ, вѣче не есть явленіе одиночное, стоящее внѣ прямой связи съ другими учрежденіями княжеской Россіи: оно составляетъ необходимое къ нимъ дополненіе

Переходимъ къ вопросу о времени, до котораго продолжалось господство вѣчевыхъ учрежденій. Какъ по возникновенію своему вѣче было безыскусственнымъ произведеніемъ самой жизни, а не зрѣлымъ плодомъ законодательнаго акта; такъ точно и отмѣна его совершилась не столько въ силу сознательной воли законодателя, сколько въ силу измѣненій въ древнемъ общественномъ бытѣ, которыя хотя и не были направлены къ отмѣнѣ вѣчевыхъ учрежденій, но произвели то, что народныя собранія сдѣлались ненужными и мало-по малу вышли изъ употребленія; только подъ конецъ разсматриваемаго періода встрѣчаемся съ законодательной волей, сознательно направленной къ отмѣнѣ послѣднихъ остатковъ вѣчеваго устройства.—Мы обозначимъ здѣсь какъ самыя усло-

вія, подъ вліяніемъ которыхъ происходили эти измѣненія, такъ и крайнія точки времени, въ предѣлахъ котораго они совершались.

Первый шагъ на новомъ пути былъ сдѣланъ татарскимъ завоеваніемъ. Хотя Татары не остались въ Россіи и не подѣлили между собой завоеванныхъ земель, тѣмъ не менѣе Русская земля сдѣлалась „улусомъ" Ордынскаго царя. Вмѣстѣ съ этимъ центръ Русской политической жизни перемѣстился за предѣлы Россіи—въ Орду. Князья нисходятъ на степень ханскихъ подручниковъ, для которыхъ исполненіе воли хана составляетъ безусловную обязанность. Народъ, также какъ и князья, не имѣя возможности сопротивляться преобладающей силѣ Татаръ, находится въ необходимости подчиняться всѣмъ требованіямъ Орды, для удовлетворенія которой возникаютъ новые и обременительные налоги. Занятіе столовъ перестаетъ зависѣть отъ воли народа: ханы жалуютъ ихъ, кому хотятъ. Такимъ образомъ, самостоятельное рѣшеніе важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ въ силу взаимодѣйствія народа и князя смѣняется молчаливымъ исполненіемъ воли сильнаго завоевателя.—Татары не отмѣнили вѣча; но какъ скоро центръ государственной жизни перемѣстился въ Орду, исчезли поводы, призывавшіе гражданъ къ участію въ общественныхъ дѣлахъ. Съ другой стороны, большая часть Русской земли повторяющимися нашествіями Татаръ была доведена до крайняго опустошенія, уровень общественнаго благосостоянія сильно понизился, и городамъ, которые подвергались почти періодическимъ разореніямъ, [1]) было не до разсужденія объ общественныхъ дѣлахъ. Право сходится на вѣче существовало по прежнему, но къ его осуществленію или вовсе не приходилось обращаться, или, если и обращались, то въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ, вѣчевыя собранія начинаютъ выходить изъ употребленія, хотя объ отмѣнѣ ихъ еще никто и не думалъ.

Дѣло, начатое Татарами, завершилось окончательно: во 1-хъ, измѣненіями, происшедшими въ отношеніяхъ служилыхъ людей къ князю, и во 2-хъ, объединеніемъ Россіи. Установленіе помѣстной связи между служилыми людьми и княземъ положило начало самостоятельной военной силѣ послѣдняго

---

[1]) Для сѣверо-восточной Руси ср. Лавр, 1237 г, и Воскр. подъ 1281 г. и 1293 г:—три страшныхъ опустошенія, которыя имѣли мѣсто въ теченіи неполныхъ 60 лѣтъ; кромѣ того для отдѣльныхъ городовъ см. Лавр: 1294 г, Соф: 1, 1216 г., Воскр. 1318 г., 1322 г., 1325 г. и др.

и его независимости отъ силы и воли народа. Объединеніе же Россіи въ одно государство съ центромъ въ Москвѣ сдѣлало невозможнымъ прежнее участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ подъ формою вѣча.

Конецъ XV и начало XVI в. можно считать тѣмъ временемъ, когда новыя условія общественнаго строя достигли значительной зрѣлости и перешли въ общественное сознаніе. По мѣрѣ приближенія къ этому времени, старый порядокъ вещей все болѣе и болѣе утрачиваетъ свои силы. Вѣчевыя собранія, слѣды которыхъ сохранились отъ второй половины XIV и XV вѣка, составляютъ исключеніе, а не правило; это послѣдніе отголоски древняго быта. Къ концу XV в. Россія представляется раздѣленной на двѣ мало похожихъ одна на другую части; Новгородъ и Псковъ являются представителями стараго порядка, Москва—новаго. Вѣчевое устройство, сохранившееся въ сѣверо западномъ углу Русской земли, мало вяжется съ устройствомъ остальной Россіи; послѣдніе Московскіе князья вступаютъ въ прямую борьбу съ нимъ и выходятъ побѣдителями: въ 1478 г. Ивану Васильевичу удается отмѣнить вѣчевой быть Новгорода, а въ 1510 в. сынъ его, Василій уничтожаетъ и Псковское вѣче.

Участіе народа въ управленіи свойственно не только древне-русскому быту, оно встрѣчается при тѣхъ же условіяхъ и у другихъ народовъ. [1]) Изъ описаній Гомера, мы знаемъ, что греческіе цари не были неограниченными государями, которые могли бы распоряжаться общественными дѣлами по собственному усмотрѣнію. Ихъ власть ограничивалась: во 1-хъ, совѣтомъ старѣйшинъ, съ которыми они обдумывали всѣ тѣ мѣры, которыя предназначались для внесенія въ собраніе всего народа. Эти старѣйшины нерѣдко обозначаются у Гомера тѣмъ же самымъ названіемъ, какое онъ даетъ и царямъ (Βατλεῖς). Во 2-хъ, народнымъ собраніемъ, безъ совѣщанія съ которымъ не предпринималось ни одной важной мѣры. Точно также не пользовались неограниченною властью и древніе римскіе цари: для изданія законовъ они нуждались въ согласіи сената и народа. О древнихъ германскихъ короляхъ Тацитъ разсказываетъ, что имъ не принадлежала не ограниченная власть: nec regibus infinita aut libera potestas. Даже предводители во время войны дѣйствовали на свои войска больше примѣромъ, чѣмъ властью. Во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ гер-

---

[1]) Фриманъ „Сравнительная политика.“

манскіе короли должны были совѣщаться съ народомъ. Въ этихъ собраніяхъ, по свидѣтельству Тацита, короли играли первую роль не столько въ силу власти повелѣвать, сколько въ силу своей большей опытности. Если предложеніе короля народу нравилось, онъ выражалъ свое одобреніе, потрясая оружіемъ, а если не нравилось онъ отвергалъ его ропотомъ. Англійскій ученый Кембль (The Saxons in England 1848) усматриваетъ такія же черты и въ древнемъ устройствѣ Англосаксовъ. Не большею властью пользовались и государи Галловъ, первоначальныхъ обпрателей нынѣшней Франціи. Цезарь приводитъ слова одного гальскаго государя, весьма хорошо характеризующія его власть; „характеръ моей власти, говорилъ онъ, таковъ, что нородъ (multitudo) имѣетъ надо мною не менѣе правъ, чѣмъ я имѣю надъ нимъ". Свѣдѣніе объ участіи народа въ дѣлахъ управленія въ разныхъ славянскихъ государствахъ до XIV вѣка собраны г. Дьячаномъ въ выше названномъ сочиненіи.

А) Организація вѣчевыхъ собраній.

Участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ понималось въ древней Россіи какъ право; право это принадлежало всѣмъ свободнымъ. Принимающіе участіе на вѣчѣ обыкновенно обозначаются въ источникахъ самыми общими терминами: это людіе безъ всякихъ ограниченій [1]). На тѣхъ же людей въ широкомъ смыслѣ указываетъ обозначеніе участниковъ по имени города: Новогородцы, Владимірцы, Рязанцы, Кіевляне и пр., что значитъ то же, что „люди въ Кіевѣ", какъ выражаются мужи Ростислава о Кіевлянахъ, или „люди Ростовскіе"; иногда названію по городу предшествуетъ опредѣленіе количества людей словомъ — „всѣ", напр. „всѣ Переяславцы", „вся Галицкая земля" и пр. [2]). Кромѣ этихъ общихъ терминовъ, указывающихъ на участіе всѣхъ свободныхъ, мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ и прямыя указанія на участіе отдѣльныхъ слоевъ населенія, начиная съ высшихъ и до послѣднихъ. Такъ, въ Новгородѣ участвуютъ не только лучшіе люди, но и меньшіе, черные,

---

[1]) Для Кіева см. Лавр. 968, 1067 г. Ипат. 1154 г.; для Владиміра на Клязьмѣ Воскр. 1216 г.; для Ростовской волости встрѣчаемъ „людей земли нашей" какъ говоритъ к. Всеволодъ Юрьевичъ Ипат. 1183 г.; подобно этому въ Галичѣ южн. упоминается „вся Галицкая земля", тамъ же 1187 г.; въ Суздалѣ—„всѣ люди" Сузд. 1164 г.; для Новгорода—Новгор. I. 1259, 1273 г.

[2]) „Люди Ростовскіе" Воскр. 1320 г; „всѣ Переяславцы" Сузд. 1213 г.

смерды, даже—худые мужики; также и въ Торжкѣ [1]. Во Владимірѣ на Клязьмѣ кромѣ бояръ упоминаются еще купцы; но нѣсколько дальше эти два спеціальныхъ термина оказались тѣсными, а потому вмѣсто купцевъ здѣсь поставлено „и всѣ люди", т. е. не одни только купцы, но всѣ люди какого бы занятія и достоинства они ни были [2]. Подобныя же извѣстія имѣемъ для Галича, Суздаля и Смоленска, гдѣ нисшее и высшее сословіе распадаются на два враждебныхъ другъ другу лагеря [3])

Право участія въ вѣчевыхъ собраніяхъ всего населенія, всѣхъ людей подлежало у насъ только одному ограниченію. Въ 1147 году Кіевляне на приглашеніе Изяслава Мстиславича идти къ Суздалю на Юрія и Святослава Ольговича отвѣчаютъ отказомъ: „не можемъ, говорятъ они, на Владимірово племя руки поднять; а на Ольговичей пойдемъ и съ дѣтьми" [4]). Отцы, слѣдовательно, рѣшаютъ за дѣтей, которые тѣмъ самымъ устраняются отъ личнаго участія въ народныхъ собраніяхъ. Ограниченіе, о которомъ идетъ рѣчь, условливается, семейнымъ правомъ. Участіе въ вѣчевомъ собраніи предполагаетъ возможность говорить и дѣйствовать по личному усмотрѣнію; дѣти, согласно общепринятому взгляду, не имѣютъ своей воли, они состоятъ подъ отеческой властью, а потому для нихъ и невозможна самостоятельная дѣятельность на вѣчѣ. Приведенное ограниченіе можно формулировать такъ: при жизни отцевъ дѣти не участвуютъ въ народныхъ собраніяхъ. При той строгости, которая составляетъ характеристическій признакъ отеческой власти у всѣхъ юныхъ народовъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что это ограниченіе простирается и на совершенно взрослыхъ сыновей;—оно дѣйствуетъ, пока живъ отецъ, не смотря на возрастъ дѣтей.

Что же касается до опредѣленія нормы физической зрѣлости, по достиженіи которой самостоятельный человѣкъ (т. е. вышедшій изъ-подъ отеческой власти) дѣлался способнымъ участвовать на вѣчѣ, — на это мы не находимъ никакихъ указаній [5]); точно также не находимъ указаній въ источни-

---

[1]) Новгор. I. 1259. и 1340 г.; Воскр. 1471 г.
[2]) Лавр. 1177 г.
[3]) Ипат. 1189 и 1235 г.; Сузд. 1176 г.; Воскр. 1401 г.
[4]) Ипат.; подобное же извѣстіе сохранилось и о Дрючанахъ, Ипат. 1159 г.;
[5]) При равенствѣ правъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ, вышедшихъ изъ-подъ отеческой власти, старшіе лѣтами, старики, естественно играли передовую роль. Такъ напр. Владиміръ въ 987 г. (Лавр.) спрашиваетъ совѣта у бояръ своихъ и старцевъ градскихъ; остальные граждане, не старцы, обозначенные лѣтописцемъ—общимъ терминомъ „всѣ людіе", присутствуютъ во время этого совѣщанія князя

кахъ и относительно вліянія, которое оказывало на право участія въ вѣчевыхъ собраніяхъ состояніе наймитовъ и закуповъ.

Выше уже было замѣчено, что начало представительства не входило къ систему нашей вѣчевой жизни; мы не встрѣчаемъ на него никакихъ указаній. Вѣче есть форма непосредственнаго участія народа въ общественныхъ дѣлахъ, а не чрезъ представителей. Участіе на вѣчѣ понималось въ древней Россіи, какъ право, а не обязанность. Изъ имѣющихъ право никто не былъ обязанъ посѣщать вѣчевыя собранія; бывалъ, кто хотѣлъ. Присутствіе на вѣчѣ исключительно условливалось степенью участія, которое тотъ или другой „людинъ" принималъ въ общественныхъ дѣлахъ. Такъ напр., въ дѣлѣ съ посадникомъ Твердиславомъ Загородскій конецъ вовсе не участвовалъ и не высказался ни за, ни противъ. Точно также отъ личнаго усмотрѣнія каждаго зависѣло, на сколько принять участія въ дѣлахъ вѣча: ограничиться ли только заявленіемъ своего мнѣнія, или въ случаѣ необходимости, выступить съ оружіемъ въ рукахъ на его защиту. Такъ Неревскій конецъ высказывается противъ посадника Твердислава, но не принимаетъ участія въ возникшей по этому поводу междоусобной войнѣ.

Что касается до времени созванія вѣча, должно замѣтить, что наши вѣчевыя собранія не были періодическими. Они созывались смотря по потребности. Такимъ образомъ, въ одну недѣлю могло быть нѣсколько вѣчевыхъ собраній, и на оборотъ, въ цѣлый годъ ни одного.

Порядокъ созванія вѣча опредѣляется сущностью этого учрежденія. Это форма участія народа въ общественныхъ дѣлахъ въ силу присущаго народу права, а потому вѣче можетъ быть созвано какъ самимъ народомъ, такъ и княземъ, если онъ находитъ это нужнымъ. Мы имѣемъ много свидѣтельствъ о созваніи вѣча народомъ, не смотря на присутствіе въ городѣ князя или его посадника [1]). Подъ народомъ не должно

со старцами, но играютъ болѣе скромную роль, они выражаютъ только одобреніе совѣту старцевъ: „и бысть люба рѣчь ихъ (бояръ и старцевъ) князю и всѣмъ людямъ", горорить лѣтописецъ. Это преобладающее значеніе старшихъ возрастомъ, людей, доживших до сѣдыхъ волосъ, есть совершенная необходимость въ обществѣ, въ которомъ всѣ источники вѣдѣнія—ограничиваются личнымъ опытомъ. Кто больше жилъ, тотъ и умнѣе, ибо онъ больше видѣлъ больше наученъ опытомъ; онъ можетъ дать мудрый совѣтъ. Но обязанности подчиняться совѣту старцевъ не существуетъ ни для князя, ни для остальныхъ людей. Ихъ совѣтъ становится рѣшеніемъ только въ силу согласія князя всѣхъ людей, какъ въ приведенномъ примѣрѣ.

[1]) См. для Кіева: Лавр. 1067 г., Инат. 1146 г.; для Владиміра Волынскаго Лавр. 1097 г.; для Полоцка Инат. 1159 г.; для Звенигорода Инат. 1146 г.; для Нов-

разумѣть ни всего народа, ни значительной его части; для созванія вѣча довольно было ясно выраженной воли и весьма небольшаго числа людей. Новгородская исторія представляетъ примѣры, въ которыхъ вѣче созывалось по желанію только двухъ заинтересованныхъ [1]).

Но, такъ какъ не было обязанности являться на вѣче, то понятно, что для того, чтобы вѣче дѣйствительно состоялось, еще мало одного призыва; надо, чтобы народъ желалъ совѣщаться о томъ или другомъ предметѣ. Безъ народнаго желанія вѣче не состоится, хотя бы призывъ исходилъ и отъ самого князя [2]). Колокольный звонъ былъ обыкновеннымъ способомъ призыва къ вѣчевымъ собраніямъ [3]).

Весьма характеристичны для нашего древняго вѣча тѣ свидѣтельства лѣтописей, которыя относятся къ опредѣленію мѣста вѣчевыхъ собраній. Необходимаго мѣста для вѣчевыхъ собраній не было. Вѣче могло собраться вездѣ какъ въ городѣ, такъ и внѣ города. Мы уже имѣли случай упомянуть о вѣчѣ Смольнянъ подъ Кіевомъ; такія вѣчевыя собранія во время похода встрѣчаются у Новгородцевъ и Псковичей [4]). Ростовцы, Суздальцы и Переяславцы съѣзжаются для выбора князя у Владиміра, слѣдовательно также внѣ города. Въ городахъ вѣчевыя собранія имѣли мѣсто на открытыхъ мѣстахъ, какъ около церквей, такъ и на торговыхъ площадяхъ. Въ Кіевѣ упоминаются четыре мѣста вѣчевыхъ собраній: на Тор-

---

города: Лавр. 1015 г. Ипат. 1161 г. и пр. Въ примѣръ созванія княземъ см. Лавр. 987 г., 1097 г.; Ипат. 1147 г., 1148 г., 1178 г.

[1]) Новгр. I. 1342.

[2]) Такой примѣръ мы дѣйствительно имѣемъ изъ Новогородской исторіи. Во время похода Мстислава Мстиславича съ Новогодцами къ Кіеву на Всеволода Чермнаго, Новогородцы, дойдя до Смоленска, поссорились у этого города со Смольнянами и не захотѣли идти далѣе. „Князь же Мстиславъ, продолжаетъ лѣтописецъ, въ вѣче поча звати, они же не поидоша; князь же, цѣловавъ всѣхъ, поклонився, поиде“. Новгр. I. 1214 г.

[3]) На это указываютъ: во 1-хъ, дѣйствительные случаи созванія вѣча колокольнымъ звономъ какъ въ Новгородѣ, такъ и въ другихъ городахъ, напр. въ Москвѣ. Сами князья обращались къ тому же способу; такъ въ Ипат. лѣт. подъ 1148 г. читаемъ: „наутрій же день пославъ Изяславъ на Ярославль дворъ и повелѣ звонити вѣче, и тако Новогородци и Псковичи снидошася на вѣче, и рече имъ“.... Во 2-хъ, то выраженіе въ которомъ было высказано требованіе о прекращеніи вѣчевыхъ порядковъ какъ для Новгорода, такъ и для Пскова. Для перваго города въ Воскр. лѣт. подъ 1478 г. читаемъ: „вѣчному колоколу въ отчинѣ нашей въ Новгородѣ не быти“; для втораго тамъ же подъ 1510 г.; „колоколъ бы вѣчный свѣсили“. Хотя мы не замѣтили ни одного случая созванія вѣча чрезъ подвойскихъ и бирничей, но должны допустить этотъ способъ, какъ исключеніе, для тѣхъ случаевъ, когда къ колоколу невозможно было обратиться, напр.: при созваніи вѣча во время похода.—См. дальше, прим. 3. ст. 219.

[4]) Новгр. I. 1217 г.: Новогородцы и Псковичи вмѣстѣ, во время похода на Чюдь; 1228 г.: Новогородцы одни на Невѣ, во время похода на Емь. Ср. еще Новгр. I. 1273 г. и Лавр. 1016 г.

говищѣ, на дворѣ Св. Софіи, на Ярославовомъ дворѣ и у Туровой Божницы. Въ Новгородѣ чаще всего собирались у Св. Софіи и на Ярославовомъ дворѣ. Но были и другія мѣста собраній; такъ въ 1015 г., Ярославъ созвалъ вѣче „на поли“ [1]).

Въ случаѣ раздѣленія мнѣній, сторонники разныхъ партій сходились обыкновенно въ разныхъ мѣстахъ; такимъ образомъ въ одно и тоже время было нѣсколько вѣчевыхъ собраній, которыя или вступали въ бой одно съ другимъ, или мирились на какомъ нибудь общемъ мнѣніи [2]). Присутствовать на томъ или другомъ вѣчѣ зависѣло исключительно отъ личнаго усмотрѣнія каждаго: какъ мнѣніе большинства Новгородцевъ не связывало меньшинства, такъ точно мнѣніе большинства въ одномъ изъ концевъ Новгородскихъ не связывало ни отдѣльныхъ улицъ этого конца, ни отдѣльныхъ лицъ. Въ 1218 г. Загородскій конецъ не принималъ участія въ дѣлѣ съ посадникомъ Твердиславомъ, а одна изъ его улицъ, Прусская, не только высказалась въ его пользу, но и поддерживала его съ оружіемъ въ рукахъ. То же встрѣчаемъ и въ 1384 г.: Славянскій конецъ составилъ вѣче въ пользу князя Патрикѣя на Ярославовомъ дворѣ; но нѣкоторые изъ жителей этого конца, названные лѣтописцемъ „добрыми людьми“ (въ противоположность къ остальнымъ, которые были подкуплены посуломъ), ходили на вѣчѣ къ Св. Софіи, гдѣ собирались противники Патрикѣя.—Но и единомышленники не всегда собирались въ одномъ мѣстѣ. Въ приведенномъ примѣрѣ противники Твердислава имѣли два вѣча: Славянскій и Плотницкій концы собрались у Св. Никиты, а Неревскій у 40 Святыхъ.

Продолжительность вѣча опредѣлялась не временемъ, а предметомъ. Вѣче созывалось не на опредѣленный промежутокъ времени, а для рѣшенія извѣстнаго вопроса и продолжалось до тѣхъ поръ, пока этотъ вопросъ не былъ улаженъ. Если одного дня было мало, вѣче собиралось на слѣдующій день и такъ далѣе, до окончанія дѣла. Новгородская исторія даетъ примѣры продолжительности вѣчевыхъ собраній по одному и тому же дѣлу до двухъ недѣль [3]).

Порядокъ совѣщаній былъ словесный и совершенно безформенный. Мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній на пред-

---

[1]) Въ Кіевѣ: на Торговищѣ Лавр. 1067 г., у Св. Софіи Ипат. 1147 г., на Ярославлѣ дворѣ и у Туровой Божницы Ипат. 1146 г. Въ Новгородѣ: на поли Воскр. 1015 г.

[2]) См. Новгр. IV. 1384 г. и Новгр. I. 1342 г.

[3]) Новгр. I. 1218 г.: вѣча собирались цѣлую недѣлю: Новгр. IV. 1384 г.: двѣ недѣли.

сѣдателя или руководителя преній. Первый вопросъ вѣчу предлагался, обыкновенно тѣмъ, кто его созвалъ, — княземъ или кѣмъ либо изъ народа; затѣмъ начиналось совѣщаніе самого народа [1]). При этомъ случалось, что говорили лучшіе люди, бояре и старцы, а остальные слушали въ полчаніи и только подъ конецъ выражали свое одобреніе. Эта передовая роль лучшихъ людей совершенно естественна и могла быть весьма обыкновенна на вѣчевыхъ собраніяхъ. Но право слова имѣли всѣ люди и говорить самимъ или слушать другихъ зависѣло исключительно отъ ихъ личнаго такта. Мы имѣемъ указанія, что люди богатые подкупали людей бѣдныхъ, смердовъ, худыхъ мужиковъ для того, чтобы они своимъ говоромъ и крикомъ на вѣчѣ заглушали рѣчи лучшихъ людей, ихъ противниковъ, и тѣмъ способствовали проведенію ихъ собственныхъ мнѣній [2]). Когда этого требовало дѣло, рѣшеніе вѣча записывалось [3]).

---

[1]) Въ Лавр. лѣт. подъ 1147 г. находимъ слѣдующее любопытное описаніе вѣча въ Кіевѣ, созваннаго по желанію князя Изяслава братомъ его, Владиміромъ Мстиславичемъ. „И ѣха Володимеръ къ Митрополиту, новабя Кыяны, и придоша Кыянъ много множество народа и сѣдоша у св. Софьи. И рече Володимеръ къ Митрополиту: „се прислалъ братъ мой два мужа Кыянина, ато молвятъ братьѣ своей". И выступи Добрынка и Радило и рекоста: „цѣловалъ тя братъ, а митрополиту ся поклонялъ, и Лазаря цѣловалъ и Кыяны всѣ". Рекоша Кыяне: „молвита, съ чимъ васъ князь прислалъ". Она же рекоста: „тако молвитъ князь: цѣловала ко мнѣ крестъ Давыдовича и Святославъ Всеволодичъ, ему же азъ много добра створихъ, а нонѣ хотѣли мя убити лестью, но Богъ заступилъ мя и крестъ честный, его же сутъ ко мнѣ цѣловали. А нынѣ, братья, поидите ко мнѣ къ Чернигову, ти бо суть ни мене единого хотѣли убити, но и васъ искоронити". Кыяне же рекоша; „князь насъ выбить къ Чернигову. ..., поити же хочемъ биться за своего князя и съ дѣтьми". Ср. еще Лавр. 1097 г., Ипат. 1147 г., 1148 г., 1178 г.

[2]) Въ примѣръ перваго см Лавр, подъ 987 г.; въ примѣръ втораго Воскр. подъ 1471 г.

[3]) См. Соф. I. 1270 г., Новгр. IV. 1384 г.—Нѣкоторые изъ нашихъ писателей принимаютъ дѣленіе народныхъ собраній на законныя, или правильныя и на незаконныя, или самовольныя. Впервые, если не ошибаемся, мнѣніе это было высказано Неволинымъ, см. полн. собр. его соч., т. VI, стр. 112: законное вѣче созывалось только княземъ и посадникомъ и непремѣнно на дворѣ Ярослава. Это мнѣніе принято П. Чеглоковымъ, см. Юрид. сбор. Мейера 1855 г., стр. 20. Особенно развито оно у И. Д. Бѣляева. Къ вѣчамъ „неправильнымъ или чрезвычайнымъ", какъ онъ ихъ называетъ, причисляются тѣ, которыя созывались во время борьбы партій; они не имѣли опредѣленнаго мѣста и созывались колокольнымъ звономъ, тогда какъ правильныя биричами и подвойсками. На правильныхъ вѣчахъ должны были присутствовать посадникъ. тысяцкій и пр. См. Разсказы кн. II, стр. 158 и сл.—Такое дѣленіе совершенно чуждо сознанію разсматриваемой эпохи и не согласно съ существомъ вѣчевыхъ порядковъ: такъ называемыя правильныя вѣча, въ случаѣ раздѣленія партій, переходили въ неправильныя, и наоборотъ. Въ дополненіе къ тому, что уже сказано объ этомъ въ текстѣ, укажемъ еще на Новогородское вѣче въ 1209 г. Оно было созвано во время отсутствія не только князя, но и посадника, а между тѣмъ постановленія его приняты самимъ княземъ. Такимъ образомъ, не смотря на нарушеніе почти всѣхъ правилъ законнаго вѣча, которыя мы только что выписали изъ поименованныхъ авторовъ, вѣче 1209 г. сознавалось тѣмъ не менѣе законнымъ.

Такъ какъ рѣшеніе вѣча было выраженіемъ воли народной, не подчиненной никакимъ внѣшнимъ формамъ,—то эта безформенность не могла не отразиться ослабляющимъ образомъ на окончательной силѣ самого рѣшенія. При вѣчевыхъ собраніяхъ, какъ мы видѣли, у насъ не требовалось присутствія извѣстныхъ лицъ и въ извѣстномъ числѣ. Поэтому, составъ вѣча могъ быть очень непостоянный: сегодня могли собраться такія лица, большинство которыхъ, по совершенно случайнымъ причинамъ, вовсе не принимало участія во вчерашнемъ рѣшеніи. Но даже и въ случаѣ равнаго самому себѣ личнаго состава вѣча, твердость его рѣшеній, при отсутствіи формъ, зависѣла исключительно отъ настроенія духа всегда подвижной массы народа. Если это настроеніе мѣнялось, довольно было двухъ-трехъ часовъ, чтобы оно перешло въ новое рѣшеніе, совершенно противоположное старому. Такъ, въ 1273 г. Новгородцы пошли войной на кн. Василія Ярославича, который въ отмщеніе за то, что они призвали къ себѣ на столъ не его, а Димитрія Александровича, захватилъ Торжокъ и посадилъ тамъ своего тіуна. Но едва успѣли они дойдти до Торжка, какъ „возмятошася людіе, говоритъ лѣтописецъ, и восхотѣша Василія". Князь Димитрій долженъ былъ отказаться отъ стола, а Василій былъ призванъ. Подобно этому Бѣлгородцы въ 997 году рѣшили сдаться Печенѣгамъ; но является одинъ изъ старцевъ, не бывшихъ на томъ вѣчѣ, проситъ отложить сдачу города на три дня и воспользоваться этимъ временемъ для хитрости, которою онъ думалъ остановить Печенѣговъ: старцы сейчасъ соглашаются и отступаютъ отъ принятаго ими рѣшенія.

Любопытны тѣ мѣры, къ которымъ вѣче иногда прибѣгало для огражденія неизмѣнности своихъ рѣшеній. Въ 1147 г. Кіевляне, по приглашенію своего князя Изяслава Мстиславича, рѣшаютъ идти на Давыдовичей, которые только-что были уличены Изяславомъ въ измѣнѣ. „И рече единъ человѣкъ, продолжаетъ лѣтописецъ, по князи своемъ ради, идемъ. Но первое о семъ промыслимъ: и прежде, при Изяславѣ Ярославичѣ (въ 1067 г.), злые люди вывели Всеслава изъ поруба и поставили себѣ княземъ, и много зла было изъ того нашему городу; а теперь Игорь, врагъ нашего князя и нашъ не въ порубѣ, а въ монастырѣ Св. Ѳеодора. Кончимъ прежде съ нимъ, убьемъ его, а потомъ и пойдемъ къ Чернигову". Кіевляне нашли совѣтъ этого человѣка основательнымъ и убили Игоря.—Въ этой необходимости смерти Игоря высказалось

опасеніе вѣча, какъ бы въ отсутствіи тѣхъ, которые стояли за Изяслава, не усилилась партія Давыдовичей и въ противность только-что состоявшемуся рѣшенію, оставшіеся въ городѣ Кіевляне не посадили Игоря на Кіевскомъ столѣ. Умѣли же они въ 1067 году найдти себѣ князя въ темницѣ, достать Игоря было легче [1]).

Такой порядокъ вещей, естественно, давалъ полную свободу образованію политическихъ партій и полный просторъ ихъ взаимной борьбѣ. Наши партіи группировались обыкновенно около князей и имѣли цѣлью доставить столъ тому изъ нихъ, на сторонѣ котораго онѣ стояли, что вело: во 1-хъ, къ господству самой партіи, ибо князь раздавалъ мѣста и, конечно, прежде всего одѣлялъ своихъ пріятелей [2]); и въ 2-хъ, къ устраненію тѣхъ неудобствъ, которымъ могла подвергаться эта партія во время господства противной. Лѣтописи даютъ многочисленные примѣры раздѣленія городовъ на княжескія партіи.

Порядокъ вѣчевыхъ рѣшеній. Вопросъ о порядкѣ вѣчевыхъ рѣшеній можно формулировать такъ: сколько голосовъ присутствующихъ членовъ было необходимо для того, чтобы мнѣніе этихъ членовъ считалось рѣшеніемъ самого вѣча, обязательнымъ для всѣхъ? Простаго большинства у насъ не было достаточно, у насъ требовалось или единогласное мнѣніе всѣхъ, или такое подавляющее большинство, которое заставляло бы смолкать всѣхъ разномыслящихъ. Это и понятно. Рѣшеніе простымъ большинствомъ можетъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ есть самостоятельная исполнительная власть, достаточно сильная для того, чтобы привести въ исполненіе народное рѣшеніе, несмотря на противорѣчіе многочисленнаго меньшинства. Гдѣ же главная сила исполнительная въ томъ же народѣ, тамъ не можетъ быть достаточно простаго большинства; ибо при простомъ большинствѣ меньшинство такъ еще сильно, что можетъ легко воспротивиться исполненію. Такимъ образомъ, эта

---

[1]) Новгр. I. 1273 г., Лавр. 997 г. Ипат. 1147 г. Ср. еще Новгр. I. 1259 г.: Новогородцы то рѣшаются платить дань Татарамъ, то возстаютъ противъ этой дани; Ипат. 1158 г. и 1175 г.:—Ростовцы, Суздальцы и Владимірцы при жизни Юрія цѣлуютъ ему крестъ на меньшихъ сыновьяхъ, а по смерти его призываютъ Андрея; подобно этому Кіевляне, Ипат. 1146 г., цѣлуютъ крестъ Игорю, а вслѣдъ за тѣмъ Изяславу, а Игоря заключаютъ; такой же примѣръ имѣемъ и изъ исторіи Галича, Ипат. 1187 г.—Ср. еще Новгр. I. 1214 г.

[2]) Пріятели это именно то слово, которымъ обозначается въ лѣтописяхъ дружественная князю партія. Новгр. I. 1137 г.: Всеволода Мстиславича зовутъ Новгородскіе и Псковскіе мужи, пріятели его; Ипат. 1173 г.: „князь Романъ, узнавъ объ отчей смерти, яви дружинѣ своей и пріятелямъ своимъ Новгородцамъ“; ср. еще Ипат. 1169 г.: для Кіева см. Ипат. 1169 г; для Владиміра на Клязьмѣ: Ипат. 1188 г.; для Полоцка: Ипат. 1159 г.: „бяху пріятеле Ростиславу отъ Полочанъ“..

особенность нашего вѣча стоить въ непосредственной связи съ другими явленіями общественнаго быта древней Россіи.

Что дѣйствительно таковъ былъ порядокъ рѣшеній, это мы усматриваемъ: во 1-хъ, изъ обычныхъ для того времени выраженій, въ которыхъ говорится о состоявшихся народныхъ рѣшеніяхъ, и во 2-хъ, изъ послѣдствій, которыя наступали въ случаѣ такого раздѣленія мнѣній, при которомъ не было ни на одной изъ сторонъ подавляющаго большинства.

Мы не имѣемъ ни одного указанія на признаніе права простаго большинства. Напротивъ, всѣ вѣчевыя рѣшенія имѣютъ въ своемъ основаніи соглашеніе всѣхъ. Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями употребительны двѣ формы: одна краткая, другая болѣе подробная. Въ первой обращеніе къ князю дѣлается просто отъ всего Новгорода; во второй кромѣ того „отъ всѣхъ старѣйшихъ и отъ всѣхъ меньшихъ“ [1]). Такимъ образомъ, болѣе подробная форма именно обращаетъ вниманіе на участіе всѣхъ людей, какъ всѣхъ старѣйшихъ, такъ и всѣхъ меньшихъ. Краткая форма имѣетъ тотъ же смыслъ. Того же рода форму рѣшеній находимъ и въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ. Въ 1391 г. Новгородцы на просьбу митрополита о судѣ отвѣчали отказомъ. Лѣтописецъ передаетъ ихъ отвѣтъ въ такихъ выраженіяхъ: „Новогородцы отвѣчаютъ едиными устами: мы цѣловали крестъ съ одного и грамоты написали и печати къ нимъ приложили въ томъ, чтобы не зватися на судъ къ митрополиту“. Въ 1372 г. Новгородцы, пріѣхавшіе въ Торжокъ для защиты этого города отъ Михаила Тверскаго, совокупились и соединились съ Новоторжцами и укрѣпились крестнымъ цѣлованіемъ, еже быти и стати за одинъ. Въ 1215 г. князь Ярославъ послалъ изъ Торжка въ Новгородъ 100 Новогородцевъ, чтобы составить тамъ партію противъ князя Мстислава и выпроводить его изъ Новгорода. Но Новгородцы „не яшася по то, но вси быша единодушно и тѣ сто мужей“. Такія же крестныя цѣлованія мы встрѣчаемъ еще подъ 1397 и 1422 г. [2]).

Это не Новогородскій только обычай. Въ 1213 г. на вопросъ князя своего Ярослава Всеволодовича Переяславцы даютъ всѣ одинъ отвѣтъ; говоря словами другихъ лѣтописцевъ, они отвѣчаютъ едиными устами, или съ одного. Именно такое выраженіе находимъ подъ 1296 г. Во время борьбы Даніила

---

[1]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I., см. договоры Новгорода съ великими князьями.
[2]) Соф. I. 1391 г., Новгр. I. 1372 г., 1215 г.; Новгр. IV. 1397 г.; Новгр. II. 1422 г.

Московскаго и Михаила Тверскаго съ Андреемъ Александровичемъ на сторонѣ первыхъ стоятъ Переяславцы съ единаго, т. е. всѣ, какъ одинъ человѣкъ [1]).

Единеніе всѣхъ было любимѣйшей формой нашихъ вѣчевыхъ порядковъ. Но необходимость такого единенія не шла у насъ, однако, такъ далеко, чтобы вѣче вовсе не сознавало за собой права постановить обязательное для всѣхъ рѣшеніе, едва былъ хотя одинъ несогласный. Подъ единеніемъ должно разумѣть не столько буквально соглашеніе всѣхъ безъ исключеній, сколько соглашеніе такого рѣшительнаго большинства, которое было достаточно сильно, чтобы привести свое рѣшеніе въ исполненіе безъ активнаго противодѣйствія со стороны меньшинства. Число несогласныхъ должно быть сравнительно ничтожно; такое меньшинство подавляется дѣйствительной силой большинства и умолкаетъ. Такъ въ 1151 г. Кіевляне, рѣшившись преслѣдовать Юрія, говорятъ князьямъ Вячеславу, Изяславу и Ростиславу: „всѣ пойдутъ на войну, кто только можетъ взять въ руки хлудъ; а если кто не пойдетъ, дайте его намъ, мы сами побьемъ его“. То же самое встрѣчаемъ и въ Новгородѣ. Въ 1016 г. Новогородцы, назначивъ день для нападенія на Святополка, говорятъ князю своему Ярославу: „кто не пойдетъ съ нами, сами потнемъ“. Подобное этому рѣшеніе находимъ и подъ 1148 г. Новогородцы, призвавъ къ себѣ князя Изяслава для защиты отъ Юрія, рѣшаютъ объявить послѣднему войну. Это рѣшеніе они передаютъ въ такой формѣ своему князю: „Княже! всяка душа пойдетъ, если бы и дьякъ былъ и гуменце пострижено, да не поставленъ, и тотъ пойдетъ!“ [2])

Такимъ образомъ, вѣче сознавало за собой право дѣлать обязательныя для всѣхъ постановленія, но для этого было необходимо такое громадное большинство, образованіе котораго могло состояться далеко не по всякому дѣлу. Необходимость такого большинства заключала въ себѣ возможность междоусобной войны: при нерѣшительномъ раздѣленіи голосовъ, стороны стояли другъ противъ друга безъ всякихъ средствъ къ мирному разрѣшенію вопроса. Если обѣ продолжали настаивать на своихъ отдѣльныхъ мнѣніяхъ, не было иного исхода, кромѣ вооруженной борьбы. Мы приведемъ нѣсколько такихъ случаевъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на необходимость „одиначества“ и на совершенное отсутствіе всякаго понятія

---

[1]) Сузд. 1213 г., Воскр. 1296 г.
[2]) Ипат. 1148 г.; 1151 г; Лавр. 1016 г.

о правѣ простаго большинства. Въ 1218 г. часть Новгородцевъ была недовольна посадникомъ своимъ Твердиславомъ. Противъ него были три конца: Славянскій, Плотницкій и Неревскій. За него только одинъ Людинъ и часть Загородскаго конца (Прусская улица). Несмотря на значительное большинство противниковъ Твердислава, защитники его не считали себя обязанными уступить ихъ волѣ. Дѣло дошло до войны: на той и другой сторонѣ были убитые и много раненыхъ. Но битва не была рѣшительна (можетъ быть потому, что Неревскій конецъ не принялъ въ ней участія), вѣчевыя собранія продолжались цѣлую недѣлю и дѣло кончилось тѣмъ, что спорящія стороны цѣловали наконецъ крестъ за одинъ: „дьяволъ былъ попранъ Богомъ и Св. Софіею, говоритъ лѣтописецъ, а крестъ возвеличенъ, братья сошлись вкупѣ, однодушно и крестъ цѣловали". Посадникъ Твердиславъ остался на своемъ мѣстѣ. Въ этомъ случаѣ, большинство отказалось отъ преслѣдованія посадника и приняло мнѣніе меньшинства, которое защищало его.—Еще болѣе рѣзкій примѣръ находимъ подъ 1384 г. Орѣховцы и Корельцы пріѣхали въ Новгородъ съ жалобой на своего посадника, князя Патрикѣя. Патрикѣй также пріѣхалъ въ Новгородъ и посуломъ склонилъ на свою сторону Славянскій конецъ. Весь остальной Новгородъ былъ противъ князя Патрикѣя. И этого громаднаго большинства не было достаточно, чтобы заставить умолкнуть Славянскій конецъ. Софійской сторонѣ пришлось вооружиться, какъ на рать. Только видя эту рѣшимость поддержать свое рѣшеніе силой, Славянскій конецъ уступилъ. „И по усобной той рати, говоритъ лѣтописецъ, поидоша всѣ пять концевъ въ одначество, отняли тѣ два города у Патрикѣя..." [1]).

Но раздѣленіе мнѣній не всегда вело къ новому соглашенію, какъ въ приведенныхъ нами примѣрахъ; иногда оно оканчивалось кровавымъ господствомъ побѣдившей партіи. Такъ напр., въ Смоленскѣ партія русскаго князя Юрія Святославича, получивъ въ 1401 г. перевѣсъ надъ приверженцами Витовта, избила ихъ. Точно также и въ Новгородѣ въ 1471 г.: приверженцы Литвы, пересиливъ русскую партію,

[1]) Новгр. I. 1218 г., Новгр. IV, 1384 г. Ср. еще Новгр. I. 1342 г. 1388 г.— Въ условіяхъ, на которыхъ столкнувшіяся партіи сходятся въ новое единеніе, далеко не всегда преобладаетъ мнѣніе большинства. Такъ какъ успѣхъ мнѣнія, при нерѣшительномъ раздѣленіи голосовъ, не столько зависѣлъ отъ числа его приверженцевъ, сколько отъ ихъ рѣшительности поддерживать свою волю даже вооруженною рукой, то нерѣдко случалось, что окончательное соглашеніе болѣе соотвѣтствовало желаніямъ меньшинства, чѣмъ большинства, если только меньшинство обнаружило больше энергіи и больше воинственности.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

принуждали всѣхъ идти на войну противъ вел. кн. Ивана Васильевчиа; кто не шелъ, тѣхъ грабили, били и въ рѣку Волховъ бросали. Нѣчто подобное встрѣчаемъ и въ Москвѣ. Въ нашествіе Тохтамыша люди раздѣлились: одни хотѣли бѣжать, другіе затвориться въ городѣ. Послѣдніе осилили и стали грабить и бить первыхъ [1]).

Такимъ образомъ, какъ необходимость соглашенія почти всѣхъ, такъ и возможность войны, въ случаѣ раздѣленія, суть двѣ стороны одного и того же явленія, взаимно условливающія и объясняющія одна другую. При неограниченной свободѣ отдѣльной личности и при слабости исполнительной власти, которыя составляютъ характеристическія особенности разсматриваемой эпохи, не было инаго исхода, какъ соглашеніе всѣхъ, или война всѣхъ. Если соглашеніе послѣдовало, волость находилась въ состояніи мира, если нѣтъ, въ состояніи размирья [2]).

Съ подобными же явленіями встрѣчаемся и у другихъ народовъ, напр. у Германцевъ. Древнія германскія племена составляли небольшія общины-марки. Салическій законъ для принятія новаго члена въ марку требуетъ единогласнаго постановленія всѣхъ членовъ марки. Новый членъ не допускался, если былъ хоть одинъ голосъ противъ его припятія. И здѣсь дѣло доходило до насильственныхъ мѣръ большинства противъ меньшинства. Что же касается до порядка избранія императора, то избраніе его по простому большинству высказано какъ общее правило только въ началѣ XIII в. Это положеніе въ высшей степени важное для прекращенія тѣхъ смутъ, которыми сопровождалось нерѣдко избраніе германскаго императора, выработалось, однако, не на германской почвѣ. Оно пришло изъ Рима и впервые было высказано папой Иннокентіемъ III. Чтобы рѣшить споръ объ императорской коронѣ, возникшій между Оттономъ IV и Филиппомъ Швабскимъ, которые были единовременно избраны раздѣлившеюся на партіи коллегіей избирателей и вступили уже въ борьбу, папа высказался въ пользу Оттона на томъ основаніи, что на его сторонѣ было простое большинство. Это признаніе большинства перешло потомъ и въ швабское зерцало.

Съ единогласнымъ рѣшеніемъ дѣлъ встрѣчаемся и у Поляковъ до весьма поздняго времени; на польскомъ сеймѣ veto

---

[1]) Воскр.

[2]) См. напр. Новгр. I. подъ 1342 г.: „докончаша миръ“, или подъ 1388 г.: „быша безъ мира по двѣ недѣли“.

одного изъ членовъ могло остановить согласное рѣшеніе всѣхъ присутствующихъ. Дѣятельность Англо-Саксонскихъ народныхъ собраній весьма близка къ дѣятельности нашего вѣча. Кембль, въ сочиненіи „The Saxons in England,“ говоритъ, что „древнѣйшіе акты Англо-Саксонскихъ парламентовъ (народныхъ собраній) составляли ничто иное, какъ рядъ мирныхъ договоровъ между всѣми членами, которые входили въ составъ государства. Это были постоянно возобновляемые оборонительные и наступательные союзы всѣхъ свободныхъ“. Эта характеристика древнѣйшихъ парламентскихъ актовъ такъ напоминаетъ наши вѣчевые порядки, что, можно подумать, она была написана на основаніи такихъ свидѣтельствъ нашихъ лѣтописей, какъ напр. то, которымъ заканчивается описаніе новгородской розни, возникшій по поводу убіенія Луки Варѳоломеевича: „Владыко Василій съ намѣстникомъ Борисомъ докончаша миръ между ними“ т. е. между враждующими новогородскими партіями, или подъ 1388 годомъ: „и тако быша (Новгородцы) безъ мира по двѣ недѣли“ (по причинѣ недовольства посадникомъ Осипомъ Захарьевымъ), а потомъ снидошася въ любовь“. О Новогородцахъ, пріѣхавшихъ въ Торжокъ для защиты этого города отъ тверскаго князя Михаила, читаемъ: „совокупились и соединились съ Новгородцами и укрѣпились крестнымъ цѣлованіемъ, оже быти и стати за одинъ“. Объ оборонительныхъ договоровъ говорахъ и Кембль.

В) Предметы вѣдомства.

Все то, что было сказано о вѣчѣ, извлечено изъ краткихъ лѣтописныхъ указаній, такъ какъ не было законовъ, опредѣляющихъ вѣчевую жизнь. Ни въ Русской Правдѣ, ни въ другихъ юридическихъ помятникахъ не говорится ничего о государственномъ строѣ. Точно также и о впросахъ, подлежащихъ рѣшенію вѣчевыхъ собраній можно составить сколько нибудь опредѣленное понятіе только изъ лѣтописныхъ указаній. Главнѣйшіе вопросы, которые рѣшали вѣчевыя собранія и на которыхъ нужно теперь остановиться, суть слѣдующіе:

Во 1) призваніе князя и опредѣленіе условій, на которыхъ онъ призывался, или „рядъ съ княземъ“, какъ выражаются источники.

Говоря о правѣ вѣча призывать князей, мы не хотимъ сказать, что вѣче осуществляло свое право при всякомъ из-

мѣненіи въ распредѣленіи столовъ, что преемство ихъ опредѣлялось исключительно народною волею. Дѣйствительный переходъ столовъ совершался подъ вліяніемъ борьбы весьма разнообразныхъ интересовъ. Право вѣча имѣть князя по собственному призванію не всегда выходило побѣдителемъ изъ этой борьбы, столы не рѣдко занимались князьями не только безъ предварительнаго призванія, но и прямо противъ воли народа въ силу военнаго превосходства князя. Эти случаи насильственнаго занятія столовъ въ виду ясныхъ свидѣтельствъ, указывающихъ на то, что право призванія жило не только въ сознаніи народа, но въ сознаніи князей, не уничтожаютъ существованія самаго права, они свидѣтельствуютъ только о томъ, что въ дѣйствительности это право должно было иногда уступать болѣе сильному праву войны.

Народъ осуществляетъ свое право призванія не смотря ни на взаимныя соглашенія князей, установлявшихъ между собой тотъ или другой порядокъ преемства волостей, ни на ихъ частныя распоряженія. Въ 1113 году, по смерти Святополка Изяславича, Кіевляне зовутъ къ себѣ Владиміра Мономаха. Не смотря на то, что это призваніе прямо противорѣчило постановленію князей на Любецкомъ съѣздѣ 1097 г., на которомъ присутствовалъ и самъ Мономахъ, онъ послѣдовалъ ему и такимъ образомъ нарушилъ какъ тотъ порядокъ, въ установленіи котораго принималъ самъ не малое участіе, такъ и клятву, которою онъ былъ скрѣпленъ: „да будетъ, клялись князья, на нарушителя крестъ честный и вся земля Русская“. Такъ въ силу народнаго призванія было отмѣнено постановленіе Любецкаго съѣзда, самаго полнаго изъ всѣхъ княжескихъ съѣздовъ [1]).

Юрій Владиміровичъ, желая передать по смерти своей столъ въ Ростовѣ, Суздалѣ и Владимірѣ меньшимъ сыновьямъ, помимо старшихъ, еще при жизни своей получилъ на это со-

---

[1]) См. случаи призванія, для Кіева: Лавр. 1067 г., 1068 Ипат. 1113 г., Лавр. 1132 г., Ипат. 1146 г., 1154 г., 1158 г., 1169 г.; для Васильевцевъ и Бѣлгородцевъ—Лавр. 1146 г.: „пойди ты нашъ князь, говорятъ они Изяславу, а Ольговичъ не хощемъ“. Сознаніе народомъ права призванія хорошо высказалось въ похвалѣ лѣтописца князю Мстиславу Ростиславичу: „не бѣ бо тоѣ землѣ въ Руси, которая же его не хотяшеть...“ Ипат. 1179 г. Когда татарское завоеваніе положило конецъ праву народа призывать князей, воспоминаніе о немъ жило еще долго въ формѣ посаженія на княжескій столъ. Подъ 1252 годомъ въ Лавр. лѣт. читаемъ: „приде Александръ князь Великій изъ Татаръ (гдѣ онъ получилъ великое княженіе) въ градъ Володимеръ; и усрѣтоша и со кресты у золотыхъ воротъ Митрополитъ и вси игумени и граждане, и посадниа й на столѣ отца его Ярослава.... и бысть радость велика въ градѣ Володимери и во всей земли Суздальской.“

гласіе жителей Ростовской волости и закрѣпилъ его крестнымъ цѣлованіемъ. По смерти Юрія, воля его не была исполнена. Это отступленіе отъ крестнаго цѣлованія лѣтописецъ старается смягчить великими достоинствами Андрея: „томъ же лѣтѣ, разсказываетъ онъ, сдумавши Ростовци, и Суздальци и Володимерци вси, пояша Андрея сына Юрьева старѣйшаго и посадиша и на отчѣ столѣ, Ростовѣ, и Суздали, и Володимири: за не бѣ прелюбимъ всѣми за премногую его добродѣтель, юже имѣяше прежде къ Богу и всѣмъ сущимъ подъ нимъ“. Андрей не только послѣдовалъ на призывъ, несогласный съ волею его отца, но и изгналъ своихъ меньшихъ братьевъ изъ Ростовской волости.

Послѣ смерти Андрея народъ опять собирается и призываетъ внуковъ Юрія, сыновей его сына Ростислава. Такимъ образомъ, три раза одинъ за другимъ въ Сѣверо-восточныхъ городахъ народъ приглашаетъ къ себѣ князей. Ростиславичи оказались, однако, плохими князьями. Владимірцы возстали противъ нихъ и призвали младшаго сына Юрія, Михалку, а по его смерти брата его Всеволода, между тѣмъ какъ Ростовцы продолжали оставаться на сторонѣ Ростиславичей. Вотъ что говорятъ одному изъ Ростиславичей, Мстиславу, послы города Ростова: „поиде княже къ намъ, Михалку Богъ поялъ, а мы хотимъ тебя; а иного не хотимъ“. Такимъ образомъ, въ Ростовѣ былъ княземъ внукъ Юрія, Мстиславъ Ростиславичъ, а во Владимірѣ Всеволодъ, сынъ Юрія. Но Ростовцы были недовольны тѣмъ, что жители Владиміра, младшаго города, избрали себѣ особаго князя, они побуждали Мстислава идти войною противъ Владимірцевъ. Всеволоду Юрьевичу угрожала война съ Ростовомъ. Не желая кровопролитія онъ шлетъ посольство къ Мстиславу, которое держитъ къ нему такую рѣчь: „тебя Ростовцы призвали и бояре, а меня Богъ и Владимірцы, а Суздаль (который до этого времени еще не высказался ни въ пользу того, ни другаго князя) буде намъ общь: да кого восхотятъ, тотъ имъ буде князь“.

Подобные примѣры встрѣчаемъ и въ другихъ волостяхъ. Ярославъ Галицкій, чувствуя приближеніе смерти, созываетъ мужей своихъ и всю Галицкую землю, призываетъ также всѣ соборы и монастыри, и нищихъ, и сильныхъ, и худыхъ; проситъ прощенія въ грѣхахъ и раздаетъ свое имѣніе монастырямъ и бѣднымъ. За тѣмъ приказываетъ Галичъ своему меньшему сыну, Олегу Настасьичу, а Владиміру Перемышль; съ этимъ распоряженіемъ Ярослава соглашаются и

мужи Галицкіе, которыхъ онъ приводитъ ко кресту. Но едва умеръ Ярославъ, „бысть мятежъ великъ въ Галицкой землѣ, разсказываетъ лѣтописецъ, мужи Галицкіе, сдумавше съ Владиміромъ, преступили крестное цѣлованіе, выгнали Олега и посадили Владимера на столѣ Галицкомъ". Подобно этому Смольняне въ 1175 г. изгоняютъ Ярополка Романовича, посаженнаго у нихъ отцемъ его, Романомъ, при переходѣ послѣдняго на Кіевскій столъ, и призываютъ дядю Ярополка, Мстислава Ростиславича [1]).

Изъ краткихъ и къ сожалѣнію очень не многочисленныхъ отрывковъ, сохраненныхъ лѣтописями отъ тѣхъ условій, которыя заключались между вѣчемъ и призваннымъ княземъ, слѣдуетъ, что призваніе, обыкновенно, было временнное, но безъ установленія опредѣленнаго срока, по истеченіи котораго оно теряло бы свою силу. На этотъ временный, хотя и не срочный характеръ призванія указываютъ тѣ пункты условій, въ силу которыхъ князь получалъ извѣстный столъ „до своего живота", или даже „и съ дѣтьми". Если передачу стола пожизненно или съ потомками надо было особенно оговорить, то понятно, что она не разумѣлась сама собой въ призваніи, сдѣланномъ просто, безъ подобной оговорки. Такъ Ростиславу Мстиславичу Кіевскому удалось утвердить въ Новгородѣ своего сына, Святослава, на условіи пожизненнаго княженія. Новгородцы цѣловали ему крестъ на томъ „яко же имъ имѣти сына его собѣ княземъ, а иного князя не искати, оли ся съ нимъ смертію разлучити". Подобно этому въ 1154 г. Кіевляне передаютъ Ростиславу Кіевъ „до его живота".

Въ 1146 г. Кіевляне, призывая Изяслава Мстиславича и преступая такимъ образомъ крестное цѣлованіе Всеволоду Ольговичу, которому они обѣщали посадить въ Кіевѣ послѣ его смерти брата его, Игоря, такъ мотивируютъ это нарушеніе клятвы; „не хощемъ быти, аки въ задничи". Такимъ образомъ, переходъ княжескихъ столовъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ шло наслѣдованіе частной собственности отъ отца къ сыну, отъ брата къ брату, не только не былъ обыкновеннымъ порядкомъ преемства столовъ, но въ сознаніи народа представлялся чѣмъ то неумѣстнымъ и оскорбительнымъ. Приверженцы Изяслава Мстиславича отклоняютъ народъ отъ вѣрности слову, данному Всеволоду, намекомъ на то, что при-

---

[1]) Ипат. 1158 г., 1187 г., 1174 и 1175 г. Ср: еще подобный же примѣръ Ипат. 1289 г; Берестьяне помимо завѣщанія Владиміра Васильевича зовутъ къ себѣ Юрія Львовича

знавъ Игоря, они перейдутъ къ нему какъ бы по наслѣдству отъ Всеволода.

Утвержденіе князя на извѣстномъ столѣ вмѣстѣ съ его потомствомъ нуждается въ особомъ признаніи со стороны народа. Образчикъ такого признанія сохранился намъ изъ Владиміра на Клязьмѣ. По смерти Михаила Юрьевича, Владимірцы призываютъ къ себѣ брата его Всеволода и цѣлуютъ къ нему крестъ „и на дѣтяхъ его„ [1]). Для правильнаго пониманія этого послѣдняго условія необходимо сказать въ его поясненіе нѣсколько словъ. Цѣлуя крестъ Всеволоду и на дѣтяхъ его, Владимірцы не отказываются отъ своего права призванія, они только ограничиваютъ его нисходящими потомками Всеволода, т. е. они обѣщаютъ Всеволоду не призывать къ себѣ князей изъ другихъ линій, помимо линій его сыновей. Согласно съ этимъ, какъ самъ Всеволодъ, назначая себѣ преемника, такъ и сыновья его, получая отъ отца тотъ или другой столъ, входятъ всякій разъ въ новое соглашеніе съ народомъ, и скрѣпляютъ это соглашеніе новымъ крестнымъ цѣлованіемъ [2]).

Примѣры призванія исключительно изъ какой либо одной вѣтви Рюрикова рода встрѣчаются и въ другихъ волостяхъ. Такъ Кіевляне питаютъ особенную любовь къ потомству своего избранника Владиміра Мономаха; ихъ выборъ по преимуществу падаетъ на князей его рода; они отказываются воевать противъ нихъ. Переяславцы дѣлаютъ особое предпочтеніе одному изъ сыновей Мономаха, Юрію и его нисходящимъ. Любимцами Черниговцевъ являются Ольговичи.

Лѣтописныя свидѣтельства далеко не исчерпываютъ всѣхъ дѣйствительныхъ случаевъ призванія. Это видно, между прочимъ, изъ того, что нѣкоторыя лѣтописи упоминаютъ просто о переходѣ стола отъ князя къ князю, тогда какъ другія въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ разсказываютъ о народномъ призваніи. Образчикъ такого умолчанія о совершившемся призваніи представляетъ Ипат. лѣт. подъ 1133 г. „Преставися благовѣрный князь Мстиславъ, сынъ Володимерь, разсказываетъ она, оставивъ княженіе брату своему Ярополку“. То же самое событіе Лавр. лѣт. подъ 1132 г. передаетъ такъ: „Преставися Мстиславъ, сынъ Володимерь, и сѣде по немъ

---

[1]) Ипат. 1161 и 1168 г., 1154 г. 1146 г, 1177 г.

[2]) См. напр. воскр. лѣт. 1211 л. передачу Всеволодомъ Юрьевичемъ владимірскаго стола сыну Юрію, и Сузд. лѣт. 1213 г.—обращеніе Ярослава Всеволодовича къ Переяславцамъ съ цѣлью узнать, хотятъ ли они имѣть его своимъ княземъ.

братъ его Ярополкъ, людіе бо Кіяне послаша по нь“ [1]). Съ перваго взгляда эти извѣстія противорѣчать оно другому: по первому Кіевскій столъ достался Ярополку по назначенію отъ брата, по второму онъ получилъ его въ силу народнаго призванія. Но это противорѣчіе легко примиряется: переходъ Кіевскаго стола къ Ярополку былъ результатомъ совпаденія воли народа съ волею умершаго князя, который высказался въ пользу Ярополка, надѣясь пріобрѣсти въ немъ покровителя и союзника своимъ дѣтямъ.

Довольно полное описаніе подобныхъ соглашеній князя и народа находимъ въ извѣстіи о передачѣ Всеволодомъ Ольговичемъ Кіевской волости брату его, Игорю. Чувствуя приближеніе смерти, Всеволодъ призываетъ Кіевлянъ и говоритъ имъ: „азъ есмь велми боленъ, а вотъ вамъ братъ мой, Игорь, имитесь по нь. Они же рекоша: княже! ради, ся имемъ“. За этимъ соглашеніемъ послѣдовало крестное цѣлованіе [2]).

Итакъ, подъ призваніемъ надо разумѣть призваніе на неопредѣленное время, до тѣхъ поръ, пока съ обѣихъ сторонъ соблюдаются условія призванія, пока господствуетъ единеніе между народомъ и княземъ. Рядомъ съ временнымъ встрѣчается и пожизненное призваніе; но пожизненный характеръ призванія не разумѣется самъ собой, онъ долженъ быть именно установленъ условіями призванія. Соглашеніе народа съ княземъ о его преемникѣ, есть тоже призваніе, но состоявшееся подъ вліяніемъ особаго расположенія къ прежнему князю.

Изъ временнаго, но не срочнаго характера призванія, слѣдуетъ, что новое призваніе можетъ состояться еще во время присутствія въ городѣ прежде призваннаго князя, по отношенію къ которому оно получаетъ значеніе — изгнаній, смѣны или изгнанія. Случаи такихъ изгнаній встрѣчаются не только въ Новгородѣ, но и въ Кіевѣ, Галичѣ, Полоцкѣ, Владимірѣ на Клязьмѣ и другихъ волостяхъ [3]).

Вѣче не только постановляетъ рѣшеніе о призваніи, но и принимаетъ всѣ необходимыя мѣры для его осуществленія: помогаетъ призванному князю войдти въ городъ, затворяется въ городѣ отъ его противниковъ и пр. Такимъ образомъ, по

---

[1]) Лавр. согласна и Ник. подъ 1132 г.

[2]) Воскр. 1211 г., Ипат. 1146 г. См. еще случаи крестнаго цѣлованія—Сузд. 1175 г., Ипат. 1187 г.

[3]) См. напр., для Кіева: Лавр. 1067 г., Ипат. 1146 г., для Галича: Ипат. 1159 и 1235 г., для Полоцка и Дрюцка: Ипат. 1159 г.; для Владиміра на Клязьмѣ: Лавр. 1176 г., для Рязани: Сузд. 1209 г., допол. изъ Воскр. 1208 г.

отношенію къ призванію вѣчу принадлежитъ какъ самое постановленіе, такъ и приведеніе его въ исполненіе.

Съ призываемымъ княземъ народъ вступаетъ въ договоръ. Но мы встрѣчаемъ случаи договоровъ не только съ призванными князьями, но и съ такими, которые завладѣли столомъ въ силу военной удачи [1]). Это и понятно. Княжескія войны изъ-за обладанія волостями велись, какъ увидимъ далѣе, не столько противъ народа, сколько противъ князя. Побѣдитель далеко не всегда являлся завоевателемъ. Устранивъ своего противника, онъ нерѣдко встрѣчался съ народомъ, который принималъ его охотно, или по крайней мѣрѣ, безъ прямаго сопротивленія. Заключить съ нимъ рядъ о порядкѣ управленія представлялось необходимымъ средствомъ, чтобы укрѣпить его за собой. Безъ этого соглашенія, народъ имѣлъ бы однимъ и чрезвычайно важнымъ поводомъ больше къ неудовольствію, къ образованію партіи враждебной князю, а наконецъ, и къ призванію новаго князя, болѣе удовлетворяющаго народнымъ желаніямъ.

Для условій, которыя заключались между народомъ и княземъ, въ древней Россіи было весьма употребительно названіе—ряда или поряда (отъ рядиться). Такъ въ 1169 г. Мстиславъ Изяславичъ, призванный Кіевлянами, заключаетъ съ ними рядъ; то же самое повторяетъ онъ и при вторичномъ занятіи Кіева въ 1172 г.—Суздал. лѣт. разсказываетъ, что Владимірцы Сѣвер. посадили у себя на столѣ кн. Ярополка „въ Святой Богородицѣ весь порядъ положивше“ [2]). Изъ этихъ словъ видно, что рядъ Ярополка съ Владимірцами былъ записанъ и для храненія положенъ въ церковь Св. Богородицы. Рядъ съ княземъ есть отдѣльный отъ призванія актъ и по времени слѣдуетъ за нимъ. Мы находимъ очень любопытное указаніе на это подъ 1154 г. По смерти Изяслава Мстиславича, занимавшаго Кіевскій столъ вмѣстѣ съ дядею своимъ Вячеславомъ, Кіевляне призываютъ Ростислава и признаютъ его своимъ княземъ—„до живота его“ на томъ условіи, чтобы онъ честилъ Вячеслава также, какъ это дѣлалъ его братъ, Изяславъ. Во время похода Ростислава на Глѣба Юрьевича, немедленно послѣдовавшаго за призваніемъ, Вячеславъ уми-

---

[1]) См. напр., для Владиміра на Клязьмѣ: Сузд. 1175 г.; для Ростова и Суздаля: Лавр. 1176 г.; для Полоцка: Ипат. 1167 г.; для Галича: Густ. 1199 г.

[2]) Ипат. 1169 г.: „Възма рядъ съ братьею и съ дружиною и съ Кіяны“... Ипат. 1172 г.: „и вшедъ въ Кіевъ вземъ ряды съ братьею съ Ярославомъ и Володимеромъ Мстиславичемъ, съ Галичаны, и съ Всеволодковичемъ и Святополкомъ Юрьевичемъ, и съ Кіаны“.... Сузд. 1175 г.

раетъ; похоронивъ его, Ростиславъ снова возвращается къ полкамъ своимъ, чтобы продолжать движеніе къ Чернигову. „Мужи же, говоритъ лѣтописецъ, бороняхуть ему поити Чернигову, рекучи ему: се Богъ поялъ стрыя твоего Вячеслава, а ты ся еси еще съ людьми въ Кіевѣ не утвердилъ; а поѣди лѣпле въ Кіевъ, таже съ людьми утвердися; да аче стрый придетъ на тя Дюрги, по не ты ся съ людьми утвердилъ будеши, годно ти ся съ нимъ умирити, умиришися,—паки ли, а рать зачнеши съ нимъ". Что это за „утвержденіе съ людьми въ Кіевѣ", которое такъ необходимо Ростиславу? Здѣзь нельзя разумѣть призванія въ собственномъ смыслѣ этого слова, ибо Ростиславъ уже призванъ и получилъ Кіевъ до живота своего. Подъ утвержденіемъ съ людьми въ Кіевѣ можно разумѣть только подробный рядъ съ Кіевлянами, заключить который сейчасъ же по призваніи Ростиславъ не имѣлъ времени, ибо долженъ былъ немедленно выступить въ походъ противъ Глѣба Юрьевича; по смерти же Вячеслава, когда Ростиславъ остался одинъ княземъ Кіевскимъ, необходимость въ такомъ рядѣ должна была особенно почувствоваться [1]).

Рядъ, опредѣлявшій права и обязанности князя, скрѣплялся крестнымъ цѣлованіемъ какъ князя, такъ и народа. Крестныя цѣлованія князя и народа не непремѣнно совпадали въ одномъ моментѣ, они могли слѣдовать одно за другимъ. Образчикъ такихъ послѣдовательныхъ крестныхъ цѣлованій встрѣчаемъ подъ 1146 г. Кіевляне по соглашенію съ Всеволодомъ Ольговичемъ признаютъ своимъ княземъ брата его, Игоря, и еще при жизни перваго цѣлуютъ Игорю крестъ, говоря: „ты намъ князь!" По смерти Всеволода, Игорь дѣйствительно вступаетъ на Кіевскій столъ, при чемъ рядится съ Кіевлянами и „цѣлуетъ къ нимъ крестъ на всей ихъ волѣ".

Такія подробныя описанія порядка, которымъ происходило занятіе стола, ряда съ народомъ и крестныхъ цѣлованій, образчикъ которыхъ мы встрѣчаемъ подъ 1146 годомъ, составляютъ у насъ исключеніе; по большей части лѣтописецъ ограничивается краткимъ указаніемъ на одно какое либо изъ описанныхъ здѣсь дѣйствій. Въ 1167 г. Володарь Городенскій, разбивъ Всеслава Полоцкаго, занимаетъ Полоцкій столъ. Вся юридическая сторона перемѣны князя въ Полоцкѣ передана лѣтописцемъ въ одной фразѣ: „и цѣлова крестъ съ Полочаны". Онъ указываетъ только на одинъ послѣдній актъ, крестное

---

[1]) Ипат. 1154 г.

цѣлованіе народа къ князю и князя къ народу, вовсе не упоминая о рядѣ; хотя не можетъ подлежать сомнѣнію, что рядъ былъ, иначе не могло бы имѣть мѣста и крестное цѣлованіе, ибо оно только скрѣпляетъ состоявшійся договоръ. Также коротко упоминаетъ Лавр. лѣт. о рядѣ Михалки съ Ростовцами и Суздальцами, послѣ его побѣды надъ Ростиславичами въ 1176 году: „Михалко же ѣха въ Суздаль, и изъ Суздаля Ростову, и створи людямъ весь нарядъ, утвердився крестнымъ цѣлованіемъ съ ними....“ [1]). Не смотря на всю краткость подобныхъ извѣстій, они тѣмъ не менѣе драгоцѣнны: поясняемыя болѣе подробными, они необходимы для полноты картины нашего древняго быта.

Къ сожалѣнію, къ намъ не дошло ни одного текста древнѣйшихъ договоровъ народа съ князьями. Самые древніе изъ сохранившихся относятся ко второй половинѣ XIII вѣка и всѣ принадлежатъ одному Новгороду.

Во 2) рѣшеніе вопроса о мирѣ и войнѣ. Существованіе этого права доказывается весьма многочисленными свидѣтельствами лѣтописей, изъ которыхъ слѣдуетъ: во 1-хъ, что народъ самъ объявляетъ войну и заключаетъ миръ и требуетъ того или другаго отъ князя; во 2-хъ, что князь, для того, чтобы вести войну силами цѣлой волости, долженъ былъ получить согласіе вѣча, а въ противномъ случаѣ, ему предстояло или заключить миръ, или вести войну на собственный страхъ, съ помощью однихъ охотниковъ [2]).

Мы приведемъ нѣкоторыя изъ относящихся сюда свидѣтельствъ. Въ 1015 г. Ярославъ Владиміровичъ, узнавъ о намѣреніи Святополка избить всю свою братію, собираетъ Новгородцевъ, выражаетъ на вѣчѣ свое раскаяніе по поводу того, что мстилъ имъ за избіеніе Варяговъ, и проситъ помочь ему на Святополка. „И рѣша Новгородцы: аще, княже, братья наши исѣчена суть, можемъ по тебѣ бороти“. Въ 1067 году Кіевляне требуютъ отъ своего князя Изяслава, чтобы онъ еще разъ выступилъ противъ Печенѣговъ. Когда онъ отказался, они освободили плѣнника его, Полоцкаго князя Всеслава, и посадили у себя на столѣ, а Изяславъ долженъ былъ бѣ-

---

[1]) Ипат. 1146 и 1167 г. Сюда же относится и то извѣстіе, которое мы имѣемъ о Галичѣ отъ 1199 г.: Романъ, добывъ себѣ Галичъ силою, при помощи Лешки, цѣлуетъ крестъ Галичанамъ „любить ихъ и не обидѣть“.

[2]) Позднѣйшая исторія Новгорода представляетъ и въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытное отступленіе. Князья обязывались не замышлять войны безъ Новогородскаго слова Р. С. Г. Г. и Д. ч. I, № 8. Это условіе надо понимать такъ: князь не имѣлъ права начать войны и съ помощію Новогодскихъ охотниковъ, если этого не хотѣлъ Новгородъ.

жать [1]). Въ 1147 г., Кіевляне на приглашеніе князя своего, Изяслава Мстиславича, идти войною къ Суздалю на Юрія и его союзниковъ отвѣчаютъ отказомъ: „не можемъ на Владимірово племя руки поднять....“. Въ 1149 г. во время приближенія Юрія къ Кіеву, гдѣ сидѣлъ Изяславъ, Кіевляне говорятъ послѣднему: „мирися княже, мы не идемъ....“ [2]). Въ 1175 г. Владимірцы на Клязьмѣ, не имѣя силъ долѣе отстаивать призваннаго ими князя Михалку противъ Ростовцевъ и Суздальцевъ, говорятъ своему князю: „мирись или промышляй о себѣ!“ Михалко выѣхалъ изъ Владиміра —Нѣсколько позднѣе, въ новой войнѣ Ростовцевъ съ Владимірцами 1177 г., когда князь послѣднихъ, Всеволодъ, вступилъ въ переговоры о мирѣ съ Мстиславомъ Ростиславичемъ, призваннымъ старыми городами, Ростовцы и бояре такою рѣчью остановили своего князя отъ заключенія мира: „аще ты миръ даси ему, но мы ему не дамы“. Въ 1186 году Полочане, узнавъ о походѣ на нихъ Новгородцевъ и Смольнянъ, рѣшаютъ не оказывать имъ вооруженнаго сопротивленія, а поспѣшить заключеніемъ мира. Подъ 1178 г. въ Ипат. лѣт. находимъ весьма полный образчикъ переговоровъ, которые происходили обыкновенно между княземъ и народомъ по поводу войны. Мстиславъ, Новгородскій князь, задумавъ походъ на Чюдь, созываетъ мужей Новгородскихъ и говоритъ имъ: „братіе! се обидятъ ны поганые; а быхомъ, узрѣвше на Богъ и на Святой Богородицы помочь, помстили себе, и освободили быхомъ Новгородскую землю отъ поганыхъ“. И бысть люба рѣчь его всѣмъ мужамъ Новгородскимъ, и рекоша ему: „княже! аще се Богови любо и тобѣ, а се мы готовы есмы. И совокупивъ Мстиславъ воѣ Новгородскіѣ и съчтовъ ѣ, и обрѣте въ нихъ 20 тысячъ числомъ. И тако пойде Мстиславъ на Чюдскую землю...“ [3]).

Этими предметами призваніемъ князя, договоромъ съ нимъ и рѣшеніемъ вопроса о войнѣ и мирѣ, почти исчерпывается вся дѣятельность вѣча; управленіе и судъ не принадлежали ему. За исключеніемъ князя вѣче не назначало никакихъ чиновниковъ. На князя переносились безъ исключенія всѣ за-

---

[1]) Лавр. 1015 и 1067 г.

[2]) Ипат. 1147 и 1149 г.

[3]) Сузд. 1175 г.; Лавр. 1177 г.; Воскр. 1186 г.; ср. еще для Бѣлгорода—Лавр. 997 г.; для Рязани и Мурома—Лавр. 1096 г., для Чернигова—Лавр: 1138 г. для Кіева—Ипат. 1151 г.; для Смоленска—Ипат. 1185 г.; для Пронска—Сузд. 1208 г.; для Владиміра на Клязьмѣ—Воскр. 1216 г.; для Ладоги—Новгр. I. 1228 г.; для Козельска — Ипат. 1273 г.; для Твери — Воскр. 1293 г.; для Москвы — Воскр. 1382 г.;—эти мѣста частью уже были приведены выше, куда мы и отсылаемъ читателя.

боты объ управленіи, ему принадлежало право предводительствовать на войнѣ и назначать всѣхъ должностныхъ лицъ: посадниковъ, тысяцкихъ, тіуновъ и пр. Только въ Новгородѣ и Псковѣ встрѣчаемся съ правомъ вѣча назначать помимо князя еще двухъ высшихъ гражданскихъ сановниковъ, посадника и тысяцкаго. Но это право не можетъ быть относимо къ числу первональныхъ правъ вѣча; оно сложилось не ранѣе второй половины XII в. [1]) и составляетъ особенность Новгородской волости, которая свидѣтельствуетъ о томъ, что въ княжескій періодъ Новгородцы сдѣлали шагъ впередъ на пути развитія своего мѣстнаго самоуправленія.

Подобно управленію и судъ завѣдывался исключительно княземъ. Вѣче не было даже верховнымъ апелляціоннымъ судилищемъ. Но какъ высшая власть волости, вѣче давало защиту гражданамъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда обыкновенные суды оказывались недостаточными [2]). Примѣръ такого суда мы имѣемъ подъ 1342 г.: жалоба была принесена Новгороду, а не обыкновенному суду посадника, потому что въ убійствѣ, о которомъ шло дѣло, обвинялся самъ посадникъ [3]).—Но и въ вопросѣ о судѣ позднѣйшая исторія Нов-

[1]) Въ первой половинѣ XII в. мы еще встрѣчаемъ—одинъ подлѣ другаго—два способа назначенія посадника — то княземъ, то вѣчемъ. Новгр. 1120 г., „приде Борисъ посадничать въ Новгородъ", по Ник.—изъ Кіева; 1126 г.: „даша (т. е. Новгородцы) посадничество Мирославу Гюрятиничю"; 1129 г.: „Выйде изъ Кіева Даніилъ посадницать Новугороду", 1130 г.: „а Петрилу даша посадничество въ Новѣгородѣ".

[2]) Неволинъ признаетъ вѣче верховнымъ судилищемъ по дѣламъ уголовнымъ. Полное собраніе его сочиненій, томъ VI, стр. 113. Это мнѣніе принялъ и П. Чеглоковъ: Юридич. сбор. Мейера 1855 г. стр. 21. И. Д. Бѣляевъ судебную компетентность вѣча принимаетъ еще въ большихъ размѣрахъ; по его мнѣнію, вѣчу „приносились жалобы на неправый судъ". Разсказы, книга II, стр. 157, говоря иначе, вѣче было апелляціоннымъ судомъ какъ для уголовныхъ, такъ и для гражданскихъ дѣлъ. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ приведенныхъ авторовъ не указываетъ тѣхъ мѣстъ источниковъ, на которыхъ онъ основываетъ свое мнѣніе.—Мы не замѣтили въ источникахъ ни одного мѣста, которое давало бы основаніе думать, что вѣче было обыкновеннымъ апелляціоннымъ судомъ. Принявъ же во вниманіе, что князь былъ призванъ—именно для суда, что впослѣдствіи судъ его ограничивался только участіемъ посадника, что Новгородскія договорныя грамоты ничего не знаютъ о судѣ вѣча, какъ высшемъ апелляціонномъ по отношенію къ суду князя и посадника, о чемъ имъ невозможно было бы умолчать,—мы думаемъ, что не имѣемъ основанія отступить отъ высказаннаго въ текстѣ мнѣнія.—С. М. Соловьевъ находитъ, что предметы вѣдомства вѣча не отличались отъ предметовъ вѣдомства князя; но въ подтвержденіе своей мысли о томъ, что вѣче также судило, какъ и князь, онъ приводитъ только случаи или политическаго суда, или суда чрезвычайнаго. См. его изслѣдованія объ отношеніяхъ Новгорода къ велик. князьямъ, стр. 8 и слѣд.

[3]) Новг. I. 1342 г. Мы можемъ указать еще на случай подъ 1447 г. Новгр. IV, гдѣ самъ посадникъ предлагаетъ дѣло на судъ вѣча. Случай же 1418 г. Новгр. I—не ясенъ. Судъ вѣча въ 1290 г. Новгр. I. надъ крамольниками, пограбившими торгъ, надо объяснять особой важностью такого преступленія въ городѣ, по преимуществу торговомъ. Въ 1015 г. Лавр. Новгородцы сами осуждаютъ и казнятъ Варяговъ; это также чрезвычайный случай: князь былъ бездѣятеленъ и попускалъ тѣ насилія, въ которыхъ обвинялись послѣдніе.

города и Пскова представляетъ также особенность, какъ и въ вопросѣ объ управленіи. Право назначать посадниковъ и тысяцкихъ принадлежало въ этихъ городахъ вѣчу, ему же принадлежало и право политическаго суда надъ этими сановниками. Въ этомъ смыслѣ надо понимать слова Всеволода, сказанныя имъ Новгородцамъ въ 1209 г. въ Коломнѣ: „кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните". Истолкованіе имъ находимъ въ Новгородскихъ происшествіяхъ, послѣдовавшихъ за возвращеніемъ Новгородцевъ изъ Коломны. Первымъ ихъ дѣломъ было созвать вѣче на посадника, Дмитрія, и его братію. Вина ихъ состояла въ томъ, что они велѣли „на Новгородцевъ сребро имати, а по волости куны брати, по купцемъ виру дикую, и повозы возити, и все зло". Дворы ихъ были сожжены, а имѣніе отобрано. Вслѣдъ за тѣмъ Новгородцы цѣловали крестъ „яко не хочемъ у себе держати дѣтій Дмитровыхъ", вслѣдствіе чего князь Святославъ сослалъ ихъ къ отцу своему Всеволоду. Съ этого времени случаи расправы вѣча надъ посадниками встрѣчаются довольно часто въ Новгородскихъ лѣтописяхъ [1]).

С) Отношеніе пригородовъ къ вѣчевой жизни главныхъ городовъ.

Все, сказанное до сихъ поръ, относится къ вѣчевой жизни городовъ; но въ составъ волостей кромѣ городовъ входятъ еще и пригороды, а потому возникаетъ вопросъ: въ какомъ отношеніи пригороды находились къ вѣчевой жизни главныхъ городовъ своей волости, были ли у нихъ свои собственныя вѣчевыя собранія, или же они участвовали на вѣчевыхъ собраніяхъ главнаго города?

Населеніе пригородовъ, принимало участіе въ вѣчевой жизни главныхъ городовъ; приведемъ нѣсколько фактовъ.

Въ 1136 г. Новгородцы составили общее вѣче съ Псковичами и Ладожанами, на которомъ осудили и изгнали князя своего Всеволода. Въ слѣдующемъ году какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ, приверженцы изгнаннаго Всеволода задумали снова доставить ему столъ Новгородской волости. Ихъ партія была слишкомъ слаба въ Новгородѣ, и они потерпѣли

[1]) Новгр. I. 1209 г. Ср. еще: Новгр. I. 1218 г., 1228 г., 1332 г., 1359 г. 1388 г.; сюда же надо отнести и тотъ случай, который мы находимъ подъ 1421 г. Новгр. IV.—Къ политическому же суду надо относить и рѣшеніе участи политической партіи, оставшейся въ меньшинствѣ и потерпѣвшей пораженіе на вѣчѣ, см. напр. Новгор. I. 1137 г., 1230 и 1290.

тамъ пораженіе. За то во Псковѣ приверженцы Всеволода имѣли перевѣсъ: Всеволодъ былъ принятъ Псковичами, которые рѣшили защищать его противъ Новгородцевъ и призваннаго ими князя Святослава Ольговича. Такимъ образомъ, единеніе Новогородцевъ съ Псковичами, которое мы наблюдаемъ въ 1136 г., во время суда ихъ надъ Всеволодомъ, было нарушено въ 1137 г.; въ этомъ году Новогородцы имѣли княземъ Святослава, а Псковичи неугоднаго Новогородцамъ Всеволода. Для достиженія новаго единенія города съ пригородомъ необходимо было обратиться къ тѣмъ же средствамъ, къ какимъ обращались въ стѣнахъ самого Новгорода въ случаѣ раздѣленія голосовъ на вѣчѣ: къ добровольнымъ уступкамъ, или къ войнѣ; другаго исхода не было. Въ разсматриваемомъ случаѣ несогласныя стороны обратились къ войнѣ. Святославъ Ольговичъ совокупилъ всю землю Новгородскую, призвалъ брата своего Глѣба съ Курянами и Половцами и отправился на Псковъ прогонять Всеволода. „И не покоришася Псковичи имъ, говоритъ лѣтописецъ, ни выгнаша князя отъ себя, но бяхуть ся устерегли, засѣкли осѣки всѣ“. Эта рѣшимость защищать своего князя силою остановила Новгородцевъ. Они возвратились съ дороги, не желая проливать крови съ своею братіею, какъ объясняетъ лѣтописецъ. Вскорѣ послѣ этого Всеволодъ умеръ, а Псковичи признали княземъ своимъ брата его, Святополка, „и не бѣ мира съ Новгородцы“, поясняетъ лѣтописецъ это новое избраніе, несогласное съ волею Новогородцевъ. Въ 1138 году Новогородцы показали путь Святославу, а къ себѣ призвали Ростислава Юрьевича изъ Суздаля. Ростиславъ „заключилъ миръ“ съ Псковичами; условія этого мира не дошли до насъ. [1])

---

[1]) Съ явленіями совершенно того же характера встрѣчаемся и сто лѣтъ спустя. Въ 1225 г., по удаленіи Михаила Всеволодовича въ Черниговъ, Новогородцы призвали къ себѣ Ярослава Всеволодовича Переяславскаго; Псковичи, судя потому, что у нихъ былъ княземъ тотъ же Ярославъ, находились съ Новгородомъ въ единеніи. Въ 1228 г. Ярославъ отправился въ Псковъ. Псковичи, между которыми разнеслась вѣсть, будто Ярославъ „везетъ съ собой оковы, хотя ковати вячшихъ мужей“, затворились въ городѣ и не пустили его къ себѣ. Опасаясь, что и Новгородцы раздѣляютъ замыслы своего князя, они заключаютъ противъ нихъ оборонительный союзъ съ Нѣмцами. „Плесковичи, разсказываетъ лѣтописецъ, взяша миръ съ Рижаны, Новгородъ выложивше, а рекуче: то вы, а то Новгородцы, а намъ не надобѣ; но оже пойдутъ на насъ, то вы намъ помозите. И они (т. е. Рижане) рекоша: тако буди. И поиша у нихъ 40 мужъ въ талбу“. Такимъ образомъ, единеніе пригорода съ городомъ снова нарушилось: Псковичи въ союзѣ съ Нѣмцами готовы были дать отпоръ Новогородцамъ. Но опасенія ихъ были напрасны: Новогородцы не только ничего не замышляли противъ нихъ, но даже безъ согласія „своихъ братьевъ Плесковичей“—не пошли на Ригу, къ войнѣ съ которой ихъ побуждалъ Ярославъ.—Еще болѣе рѣзкій примѣръ разъединенія города съ пригородомъ встрѣ-

Лѣтопись сохранила намъ примѣры совершенно такихъ же отношеній и изъ исторіи сосѣдней волости, Ростовской. Въ 1175 г. Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и Владимірцы—рѣшили призвать на княженіе внуковъ Юрія, Ярополка и Мстислава Ростиславичей. На зовъ ихъ прибыли, однако, не одни только Ростиславичи, но вмѣстѣ съ ними и двое Юрьевичей Михалко и Всеволодъ; всѣ четыре князя заключили между собою дружественный договоръ, изъ котораго

чаемъ подъ 1232 годомъ, въ княженіе того же Ярослава. Ворисъ Нѣгоцевичъ. Михаль съ братомъ, Петръ Водовикъ и другіе Новогородцы, приверженцы Черниговскихъ князей, прибыли въ этомъ году изъ Чернигова съ княземъ Святославомъ Трубецкимъ, которому они хотѣли доставить Новогородское княженіе, Святославъ, убѣдившись, что они преувеличили значеніе своей партіи, возвратился съ дороги, не достигнувъ Новгорода. Но приверженцы его не послѣдовали за нимъ, а направились во Псковъ, гдѣ нашли сильную поддержку: Псковичи отложились отъ Ярослава и заключили въ оковы сидѣвшаго у нихъ мужа его, Вячеслава. Ярославъ, возвратившись въ Новгородъ (онъ былъ тогда въ Переяславлѣ), схватилъ находившихся тамъ Псковичей и заключилъ ихъ, а во Псковъ отправилъ посла съ требованіемъ, чтобы Псковичи „мужа его“ освободили, а приверженцамъ Черниговскихъ князей показали путь. Но Псковичи стали за нихъ крѣпко; освободить Вячеслава обѣщали они только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Ярославъ съ своей стороны освободилъ женъ и имущество Бориса и другихъ лицъ противной ему партіи, „или вы собѣ, а мы собѣ“, отвѣчали они послу его. „И тако быша безъ мира все лѣто“, заключаетъ свой разсказъ лѣтописецъ. Ярославъ, не пустивъ во Псковъ гостей и причинивъ тѣмъ дороговизну, принудилъ Псковичей къ уступчивости: они освободили Вячеслава. Князь, съ своей стороны, освободилъ жену Бориса и другихъ приверженцевъ Святослава, но мира еще не заключилъ. Единеніе возстановилось только зимою, когда Псковичи признали Ярослава своимъ княземъ и показали путь противной ему партіи.—Совершенно съ такими же порядками встрѣчаемся и еще сто лѣтъ позднѣе. Въ 1329 году Новгородскій столъ занималъ великій князь Владимірскій, Иванъ Даниловичъ; Псковичи имѣли своего особаго князя, Александра Тверскаго, который бѣжалъ во Псковъ еще въ 1327 г., послѣ убійства Татарскаго посла, Щелкана. Въ 1328 г. царь Озбекъ, отпуская изъ Орды Ивана Даниловича и Новгородскаго посла, Ѳедора Колесницу, приказалъ имъ искать князя Александра Тверскаго. Исполняя это приказаніе, Данилъ и Новгородцы посылаютъ къ Александру во Псковъ посла съ требованіемъ, чтобы онъ шелъ въ Орду. „Князь же Александръ, разсказываетъ лѣтописецъ, сжалився, восхотѣ поити въ Орду, рекъ: единъ азъ да умру, нежели христіянство да изгибнетъ. Псковичи же рекоша ему: не ходи въ Орду, и аще что будетъ на тебѣ, то изомремъ съ тобою во единомъ мѣстѣ“. Какъ въ предшествовавшихъ примѣрахъ, такъ и теперь, это раздѣленіе города съ пригородомъ вызвало войну. „И поиде, продолжаетъ лѣтописецъ, кн. вел. Иванъ Даниловичъ на Псковъ ратью, а съ нимъ Тверскіе князи, Константинъ и Василій Михайловичи, кн. Александръ Суздальскій и прочіи князи Рустіи и Новгородцы, и сташа во Опокахъ; а Псковичи твердо яшася по князи Александрѣ“. Князь великій Иванъ, видя, что Александра нельзя ни схватить, ни выгнать изъ Пскова, намолвилъ митрополита Ѳеогноста: „и посла митрополитъ проклятье и отлученье на князя Александра и на Псковичей. Князь же Александръ рече Псковичамъ: братіе! не буди на васъ проклятіе мене дѣля: иду изъ града вашего вонъ, и не буди крестнаго цѣлованія на мнѣ, ни моего на васъ, и отъѣха въ Литву. Псковичи же прислаша къ великому князю въ Опоку съ челобитьемъ и дастъ имъ миръ“. На этотъ разъ соглашеніе пригорода съ городомъ было слѣдствіемъ вмѣшательства духовной власти, а не побѣды съ оружіемъ въ рукахъ, которая, не смотря на значительныя силы, собранныя Иваномъ Даниловичемъ въ Опокахъ, казалась ему весьма не вѣрной. Для приведенныхъ мѣстъ см.: Новгр. I. 1136 г., 1137 г., 1138 г., 1225 г., 1228 г., 1232 г.; Льв. 1327 г.; Воскр. 1329 г.

лѣтописецъ сохранилъ намъ только одно условіе: старшимъ между собою они признали Михалку. Такое измѣненіе народнаго постановленія очень не понравилось Ростовцамъ; но Владимірцы легко примирились съ нимъ и приняли Михалку. Этимъ нарушилось единеніе города съ пригородомъ, что повело къ обычнымъ въ такихъ случаяхъ послѣдствіямъ. Ростовцы начали войну съ Владимірцами, которые защищались отъ нихъ въ теченіи 7 недѣль, но наконецъ принуждены были отказаться отъ Михалки и принять Ярополка. Это новое единеніе, слѣдствіе военнаго превосходства Ростовцевъ, продолжалось не долго. Въ слѣдующемъ же году Владимірцы, недовольные разорительнымъ управленіемъ Ростиславичей, снова призвали Михалку. Въ возгорѣвшей вслѣдъ за этимъ призваніемъ войнѣ съ Ростовцами и Суздальцами, счастье было на сторонѣ Владимірцевъ. Ростиславичи принуждены были бѣжать, а князь, призванный пригородомъ, получилъ господство въ цѣлой волости. По смерти Михалки, города и пригороды опять раздѣлились: Владимірцы и Переяславцы стали за брата умершаго князя, Всеволода; Ростовцы и Суздальцы за Ростиславичей. Счастье войны было снова на сторонѣ пригородовъ, и призванный ими князь овладѣлъ всею волостью [1]).

Только что приведенныя мѣста показываютъ, что разные пункты населенія одной и той же волости находились между собой въ совершенно такихъ же отношеніяхъ, какъ и разные концы, или улицы одного и того же города: если между ними господствовало единеніе, они находились въ состояніи мира; если возникала рознь, въ состояніи размирья, или войны. Такимъ образомъ, участіе жителей пригородовъ въ вѣчевой жизни волости опредѣлялось тѣми же нормами, какъ и участіе жителей главныхъ городовъ. Необходимымъ слѣдствіемъ этого примѣненія вѣчевыхъ порядковъ къ цѣлой волости, было то, что только пригороды, обладающіе значительной собственной силой, могли выступать съ своимъ отдѣльнымъ мнѣніемъ и стараться провести его, не смотря на разногласіе съ главнымъ городомъ. Пригороды слабые, въ случаѣ разногласія съ главнымъ городомъ, оставались въ ничтожномъ меньшинствѣ и по необходимости должны были смолкать. Этимъ объясняется то громадное различіе, которое мы наблюдаемъ въ отношеніяхъ разныхъ пригородовъ къ своимъ городамъ: тогда какъ одни принимаютъ самое дѣятельное участіе въ призваніи князей

[1]) Лавр. и Сузд. 1175 г., 1176 г., 1177 г.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

и даже доставляютъ своимъ избранникамъ торжество надъ избранниками главныхъ городовъ, — другіе пассивно принимаютъ присылаемыхъ къ нимъ изъ главнаго города посадниковъ, и даже въ случаѣ прямаго недовольства тѣмъ или другимъ изъ нихъ не рѣшаются изгнать его сами, а ограничиваются жалобами главному городу, какъ это дѣлаютъ напр. Орѣховцы и Корѣльцы, недовольные своимъ посадникомъ, княземъ Патрикѣемъ [1]). Въ этомъ отношеніи положеніе слабаго пригорода нисколько не разнится отъ положенія слабой партіи, образовавшейся въ стѣнахъ центральнаго города: какъ и она, онъ подчиняется подавляющему большинству, не рискуя прибѣгнуть къ раздѣленію.

Но между положеніемъ пригорода и положеніемъ внутреннихъ партій главнаго города есть существенное различіе. Отношенія пригородовъ къ городу сложились подъ вліяніемъ такого условія, которое вовсе не имѣло мѣста въ отношеніяхъ отдѣльныхъ частей города. Условіе, о которомъ идетъ рѣчь, — есть удаленіе пригорода отъ главнаго центра вѣчевой жизни. Хотя жители пригородовъ и принимаютъ участіе въ думѣ жителей главнаго города всякій разъ, какъ они почему либо находятся съ ними вмѣстѣ — въ городѣ, или внѣ его на походѣ напр. [2]); хотя мы имѣемъ примѣры какъ призванія [3]) жителей пригородовъ жителями главнаго города на общее вѣче, такъ и участія ихъ въ вѣчевыхъ собраніяхъ главныхъ городовъ независимо отъ призванія [4]); но въ силу удаленія пригородовъ отъ города участіе ихъ въ вѣчевой жизни послѣдняго не могло быть ни такимъ постояннымъ, ни такимъ полнымъ, какъ участіе жителей главнаго города. Вѣчевыя собранія слѣдуютъ непосредственно за созваніемъ, такъ что пригороды не только не имѣютъ времени прибыть на вѣче, но по большей части и вовсе не знаютъ о томъ, что вѣче было назначено. Но, если бы даже и всякій разъ доводилось заранѣе до ихъ свѣдѣнія о времени вѣчевыхъ собраній, и тогда ихъ участіе далеко не могло бы ровняться съ участіемъ жителей главнаго города. На вѣчѣ собирались не представители, а вся свободная масса народа. Чтобы занять въ такомъ

---

[1]) Новгр. IV. 1384 г.

[2]) Примѣры такого участія находимъ: Ипат. 1148 г., Новгр. I. 1217 г., Псков. I. 1343 г.

[3]) Новгр. I. 1136 г.

[4]) Извѣстія, находящіяся въ Новгр. I. подъ 1132 г. и въ Ипат. подъ 1158 г. и 1175 г., надо, кажется, относить къ участію пригородовъ въ силу собственнаго побужденія, а не въ силу призванія городами.

собраніи сколько нибудь видное мѣсто, необходимо было явиться въ значительномъ числѣ. Новгородцы легко могли собраться даже поголовно, но передвиженіе сколько нибудь значительной массы народа изъ Пскова въ Новгородъ было сопряжнно съ громадными затрудненіями и могло осуществиться только въ крайнихъ случаяхъ.

Эта невозможность принимать постоянное и соотвѣтствующее дѣйствительнымъ силамъ пригородовъ участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ города, сдѣлало необходимымъ учрежденіе особаго пригороднаго вѣча. Такимъ образомъ, рядомъ съ вѣчемъ главнаго города, на которое могутъ являться и жители пригородовъ, существуетъ отдѣльно вѣче пригорода. Мы выше видѣли, что и въ стѣнахъ самого города могутъ быть два, три вѣча единовременно, но причина этого явленія другая: городскія вѣча вызываются разногласіемъ, пригородныя же удаленіемъ и проистекающими отсюда неудобствами. Пригородное вѣче не назначается, однако, исключительно для жителей пригорода: волость составляетъ одно цѣлое, а потому жители города также могутъ участвовать въ вѣчевыхъ собраніяхъ пригородовъ, какъ и наоборотъ, жители пригородовъ участвуютъ въ вѣчевыхъ собраніяхъ города. Примѣръ такого вѣча встрѣчаемъ въ Торжкѣ въ 1372 году. Новгородскіе бояре пріѣзжаютъ въ Торжокъ и „думаютъ думу съ Новоторжцами и укрѣпляются съ ними крестнымъ цѣлованіимъ“ противъ князя Михаила Тверскаго. Точно также подъ 1393 г. читаемъ: „Новогородцы и Новоторжцы, составивши вѣче въ Торжкѣ, убиваютъ Максима, доброхота Великому князю“. Подобно этому и въ Полоцкой волости, въ призваніи Дрючанами Рогволода Борисовича принимаютъ участіе и бывшіе въ Друцкѣ Полочане [1]).

Порядки пригороднаго вѣча и предметы его вѣдомства ничѣмъ не отличаются отъ порядковъ и предметовъ вѣдомства вѣча главнаго города. Но пригородное вѣче не есть совершенно сомостоятельная власть. Какъ пригородъ есть только одна составная частъ волости, такъ точно и его вѣче есть толко часть власти. Оно нуждается въ согласіи городскаго вѣча. Нѣтъ надобности, чтобы это согласіе было высказано и притомъ въ извѣстной формѣ; при нелюбви древней Россіи къ точнымъ формамъ, довольно было, если городъ не противорѣчилъ. Если городъ не хотѣлъ допустить рѣшенія, принятаго

---

[1]) Новгр. IV 1372 г., Воскр. 1393 г., Ипат. 1159 г.

на пригородномъ вѣчѣ, онъ могъ требовать его отмѣны; если его требованіе не уважалось, онъ вступалъ въ борьбу съ пригородомъ и, смотря по ея исходу, или совершенно отмѣнялъ не угодное ему рѣшеніе, или только видоизмѣнялъ его, или, наконецъ, самъ бывалъ вынужденъ согласиться съ нимъ. Такимъ образомъ, пригородное вѣче стоитъ въ совершено такихъ же отношеніяхъ къ вѣчу главнаго города, въ какихъ находятся между собой отдѣльныя партіи этого послѣдняго, или жители пригорода и жители города, собравшіеся на общемъ вѣчѣ: мирно или путемъ борьбы съ оружіемъ въ рукахъ они должны сойдтись на какомъ либо общемъ рѣшеніи.

Въ 1229 г. Новгородцы посылаютъ въ Торжокъ на посадничество Иванку Дмитріевича; Новоторжцы не принимаютъ. его: „и не пріяша и Новоторжцы", говоритъ лѣтописецъ. Иванка Дмитріевичъ принужденъ былъ удалиться къ дружественному ему князю Ярославу Переяславскому. Что же дѣлаютъ Новогородцы? Они допускаютъ эту отмѣну ихъ рѣшенія пригороднымъ вѣчемъ. Это легко понять. Чтобы принудить Новоторжцевъ къ послушанію, надо было предпринять противъ нихъ походъ. Затрудненія похода представлялись Новгородцамъ бо́льшею тягостью, чѣмъ несогласное съ ихъ волею распоряженіе пригорода, а потому они и допустили отмѣну ихъ собственнаго постановленія.—Въ 1266 г. Псковичи сажаютъ у себя на столѣ Литовскаго князя, Довмонта. Ярославъ Ярославичъ, Новгородскій, а слѣдовательно, и Псковскій князь, видитъ въ этомъ призваніи нарушеніе своихъ правъ и высказываетъ желаніе идти войною на Псковъ. Новогородцы не раздѣляютъ его мнѣнія, своимъ отказомъ идти на Псковъ они выражаютъ согласіе на постановленіе Псковскаго вѣча [1]). — Въ 1428 году, во время прихода Витовта къ Порхову, Порховичи заключили съ нимъ миръ за себя. Прибывшіе нѣсколько позднѣе изъ Новгорода послы Новгородскіе не отмѣнили постановленій этого мира, а только пополнили ихъ отъ себя новыми статьями [2]).

Какъ значеніе жителей пригорода на общемъ вѣчѣ съ жителями города условливается ихъ силою, такъ точно и значеніе отдѣльнаго пригороднаго вѣча условливается силою пригорода. Только значительные изъ нихъ могли составить

---

[1]) Новгр. I. 1229 г.; тамъ же подъ 1266 г. читаемъ: „Новгородцы же возбраниша ему, глаголюще: оли княже! то бѣ съ нами увѣдавшеся, также ѣхати въ Плесковъ. Князь же отослалъ полки назадъ".

[2]) Новгр. I.

вѣче на столько сильное, чтобы оно рѣшилось высказывать свое собственное мнѣніе, не согласное съ мнѣніемъ города, о такихъ важныхъ вопросахъ какъ призваніе князя, или назначеніе посадника,—или вести на свой собственный страхъ войну и заключать миръ. Болѣе слабые должны были тѣсно примыкать къ городу и полнымъ подчиненіемъ его волѣ покупать необходимое имъ покровительсво и защиту. Но это различіе между сильными и слабыми пригородами чисто фактическое. Часто одинъ и тотъ же пригородъ ведетъ себя совершенно различно по отношенію къ городу, смотря по требованію обстоятельствъ. Такъ Псковъ на канунѣ своего полнаго обособленія отъ Новгорода обращается къ нему съ покорной просьбой дать намѣстника. Дѣло въ томъ, что въ это время (1341 г.) Псковичи были во враждѣ съ Нѣмцами и очень нуждались въ Новгородской помощи. Новгородъ, зная настоящую цѣну этой крайне условной покорности сильнаго пригорода, и не желая войны съ Нѣмцами, не далъ намѣстника и отказалъ въ помощи [1]).

И такъ, степень участія пригородовъ въ вѣчевой жизни волости, условливаемая ихъ силой, была весьма различна. Пригороды слабые, главное значеніе которыхъ составляли не мѣстные жители, а жители главнаго города, поземельныя владѣнія которыхъ лежали вокругъ пригорода, естественно не могли имѣть своего голоса, который могъ бы быть слышенъ на вѣчевыхъ собраніяхъ волости: по необходимости ихъ голосъ совпадалъ съ голосомъ города, они получали отъ него посадника и подчинялись во всемъ его волѣ. Другимъ положеніемъ пользовались пригороды, достигшіе сколько нибудь значительнаго развитія своихъ собственныхъ, мѣстныхъ силъ. Они участвовали въ вѣчевой жизни волости, какъ одна изъ могущественныхъ партій главнаго города участвовала въ вѣчевой жизни города. Переходъ отъ одного состоянія къ другому зависѣлъ исключительно отъ развитія мѣстныхъ силъ.

Такимъ образомъ, одно и тоже вѣчевое начало въ примѣненіи къ разнымъ пригородамъ порождаетъ совершенно разныя слѣдствія. Въ примѣненіи къ пригородамъ слабымъ оно производитъ совершенное подчиненіе ихъ подавляющему большинству главнаго города; въ примѣненіи къ пригородамъ сильнымъ — оно создаетъ только слабую связь между ними и городомъ. Въ случаѣ несостоявшагося соглашенія, отношеніе

---

[1]) Псков. I. 1341 г.

города къ сильному пригороду, имѣющему свое вѣче, свое войско и своего князя,—ничѣмъ не разнится отъ взаимныхъ отношеній двухъ враждебныхъ державъ. Окончательнымъ результатомъ такого порядка вещей является полное обособленіе пригорода, возвышеніе его на степень самостоятельной волости. Примѣры такихъ обособленій весьма часты въ нашей древней исторіи. Это самый обыкновенный способъ образованія новыхъ волостей. [1]).

Отношеніе городовъ къ пригородамъ не разъ подвергалось обсужденію въ нашей литературѣ. Нѣкоторые историки (Бѣляевъ, Разсказы II, 15, Соловьевъ, Исторія) думаютъ, что въ древности существовало общее правило, въ силу котораго пригороды всегда подчинялись мнѣнію старшихъ городовъ. На чемъ основывается это мнѣніе? Въ пользу его приводятъ выраженіе источниковъ, въ которомъ дѣйствительно говорится, что младшіе города соглашаются со старшими. Выраженіе, о которомъ идетъ рѣчь, находится въ лѣтописи подъ 1176 г. Въ этомъ мѣстѣ повѣствуется о столкновеніи Владиміра на Клязьмѣ, пригорода, со старыми городами, Ростовомъ и Суздалемъ. Причина этого столкновенія намъ извѣстна. Послѣ смерти Андрея Боголюбскаго, сына Юрія, города съ пригородами, съѣхавшись вмѣстѣ, порѣшили призвать Ростиславичей. Призванные князья заняли свои столы. Но скоро оказалось, что князь, сидѣвшій во Владимірѣ, началъ грабить свою волость. Владимірцы захотѣли его прогнать. Отсюда возникло столкновеніе, а затѣмъ и война между пригородомъ и глав-

---

[1]) Подъ 1347 г. въ Новгрд. III. читаемъ такое извѣстіе: „Того же лѣта, егда идуще Новгородцы къ Орѣховцу, даша жалованье городу Пскову: посадникамъ Новгородскимъ во Псковѣ не сѣдѣти, ни судити“.... Есть основаніе думать, что эти слова лѣтописца передаютъ не совсѣмъ точно настоящій характеръ того измѣненія въ отношеніяхъ Пскова къ Новгороду, которое произошло въ 1347 г. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, до насъ дошло нѣсколько свидѣтельствъ отъ времени, предшествовавшаго 1347 году, и самое древнѣйшее, если не ошибаемся, отъ 1132 г, указывающихъ какъ на участіе Пскова вмѣстѣ съ Новгородомъ въ призваніи князя и назначеніи посадника, такъ и призваніе Псковичами князя независимо отъ Новгорода. Поэтому приведенныя слова лѣтописца не могутъ быть понимаемы въ такомъ смыслѣ: до 1347 посадникъ въ Псковъ назначался исключительно Новгородомъ; а въ 1347 году Новгородцы отказались отъ этого преимущества. Весьма вѣроятно, что въ періодъ слабости Пскова къ нему посылался на посадничество мужъ изъ Новгорода безъ дѣятельнаго вліянія на его выборъ со стороны Пскова: но это было очень давно, ни какъ не позднѣе 11 вѣка. Отмѣнять въ 1347 г. то преимущество, которымъ Новгородъ пользовался около 3-хъ вѣковъ тому назадъ, слишкомъ не своевременно. Приведеныя слова могутъ быть поняты только въ смыслѣ признанія Новгородцами полнаго обособленія Псковичей въ отдѣльную волость. До 1347 г. Новгородъ и Псковъ составляли одну волость и совокупно рѣшали свои собственныя дѣла: съ 1347 Псковичи рѣшаютъ всѣ возникающіе у нихъ вопросы сами, безъ участія Новгородцевъ.

нымъ городомъ, такъ какъ Ростовъ продолжалъ держаться Ростиславичей. Разсказывая это событіе, лѣтописецъ и употребилъ то выраженіе, которое дало поводъ къ разсматриваемому теперь нами мнѣнію. Вотъ его слова. „И послашася Владимірцы къ Ростовцамъ и Суздальцамъ, являюще имъ обиду свою (т. е. жалобу на дурное правленіе Ростиславичей). Они же словомъ суще по нихъ, а дѣломъ далече суще, а боляре князю тою держахутся крѣпко. Владимірцы же укрѣпившеся послашася Чернигову по Михалку, рекуще: „ты еси старѣй въ братьи своей, поиде Володимеру; аще что замыслять на насъ Ростовцы и Суздальцы про тя, то како ны съ ними Богъ дастъ и Св. Богородица“. И далѣе, послѣ описанія возникшей вслѣдствіе призванія Михалки войны и побѣды Владимірцевъ: „да подивимся чуду новому и великому и преславному Матери Божья, како заступи градъ свой отъ великихъ бѣдъ и граждаиы своя укрѣпляеть: не вложи бо имъ Богъ страха и не убояшася князя два имуще въ власти сей и боляръ ихъ прещенія ни во что же положиша, за семь недѣль безъ князя будуще въ Володимери градѣ, толико возложше всю свою надежду и упованіе къ Св. Богородицѣ и на свою правду. Новгородцы бо изначала и Смольняне, и Кіяне, и Полочане и вся власти, яко же на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ; а здѣ городъ старый Ростовъ и Суздаль и вси бояре, хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды Божія, но „како намъ любо“ рекоша „тако же сотворимъ, Володимеръ есть пригородъ нашъ“.....

Это мѣсто нуждается въ толкованіи. Лѣтописецъ не говоритъ, что Владимірцы, недовольные своимъ княземъ, не должны были высказываться противъ него и такимъ образомъ возбуждать вопросъ о его перемѣнѣ. Высказанное ими желаніе изгнать Ростиславичей, онъ приводитъ какъ фактъ и не порицаетъ ихъ за него. Ростовцы и Суздальцы, съ своей стороны, въ отвѣтъ на это желаніе не говорятъ, что призваніе князя есть ихъ исключительное право и что, поэтому, Владимірцы должны оставаться при Ростиславичахъ до тѣхъ поръ, пока это будетъ угодно имъ, Ростовцамъ и Суздальцамъ. Наоборотъ, „на словахъ“ они были за Владимірцевъ и тѣмъ показали, что послѣднимъ принадлежитъ такое же участіе въ дѣлѣ призванія князей, какъ и имъ самимъ. Что касается до самихъ Владимірцевъ, то сознаніе о своей равноправности со старшими городами они ясно высказали въ словахъ, об-

ращенныхъ ими къ князю Михаилу. И такъ, лѣтописецъ не отрицаетъ ни однимъ словомъ права „новыхъ людей, мезиніихъ Владимірцевъ“ на участіе въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ. А въ возникшей вслѣдъ за избраніемъ новаго князя розни, онъ не стѣсняется даже стать на сторонѣ пригорода противъ старшихъ городовъ и восхвалять обнаруженное имъ при этомъ случаѣ мужество и правдолюбіе. Поэтому, въ его словахъ: „на что же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ“ можно видѣть только указаніе на то, что пригороды, обыкновенно, *соглашаются* съ городами, *присоединяются* къ ихъ мнѣнію, что, дѣйствительно, случалось не рѣдко Но будетъ совершенно несогласно съ духомъ всего разсказа о столкновеніи Владиміра съ Ростовомъ и Суздалемъ утверждать, будто мысль лѣтописца была та, что пригороды *должны* подчиняться рѣшенію старшаго города и не имѣютъ права ему противорѣчить.

II. Князь.

Общая характеристика княжеской власти. Во всѣхъ русскихъ волостяхъ замѣтна потребность въ единомъ представителѣ власти. Такимъ представителемъ власти является князь. Нѣкоторые изслѣдователи говорятъ, что слово князь не русскаго происхожденія, а заимствовано нами у Скандинавовъ. Это мнѣніе не можетъ быть принято. И. И. Срезневскій въ сочиненіи „Мысли объ исторіи русскаго языка“ стр. 131—135 раскрываетъ это заблужденіе. Слово князь чисто славянское и встрѣчается въ различныхъ значеніяхъ. Князь означаетъ господина, владѣтеля, старосту, священника и пр.: и теперь еще въ народѣ новобрачныхъ называютъ князь и княгиня. Древнѣйшее значеніе князя—родичъ, отъ слова родъ, происходящій отъ рода и начальникъ рода. Въ вопросѣ о правахъ князя наши изслѣдователи также расходятся. Нѣкоторые изъ нихъ переносятъ современныя представленія въ старыя времена и говорятъ, что наши князья съ самыхъ первыхъ временъ являются неограниченными государями. Такого мнѣнія держится напр. Соловьевъ [1]) и др. Въ подтвержденіе ссылаются на выраженія источниковъ, въ которыхъ встрѣчается такое мѣсто: „и бысть такой то князь самовластецъ въ русстѣй земли“ [2]). Но многія выраженія древнихъ источ-

---

[1]) Отношенія Новгорода къ вел, князьямъ. стр. 76 и 78.
[2]) Русскою землею назыв. въ то время собственно Приднѣпровье.

никовъ нельзя понять, не разобравъ, при какихъ обстоятельствахъ они были употреблены. Это выраженіе встрѣчается два раза, а именно: одинъ разъ лѣтописецъ употребляетъ его относительно Ярослава Мудраго, а другой разъ относительно Андрея Боголюбскаго. Дѣло въ томъ, что слово самовластецъ было употреблено лѣтописцами не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется теперь самодержецъ. Въ первый разъ самовластцемъ былъ названъ Ярославъ Мудрый, сынъ Владиміра Св., и вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Ярославъ не одинъ княжилъ въ Русской землѣ, а вмѣстѣ съ братомъ своимъ Мстиславомъ. Мстиславъ прежде былъ въ Тмутаракани, но ему не нравилась эта волость и потому во время отсутствія Ярослава изъ Кіева (онъ ѣздилъ въ Новгородъ), Мстиславъ подступилъ къ Кіеву и требовалъ, чтобы Кіевляне признали его княземъ. Кіевляне, однако, отказались его принять и Мстиславъ, не захотѣвши брать Кіевъ силою, отправился къ Черниговъ, гдѣ его охотно приняли, „отворили ворота“ и посадили на столѣ. Такимъ образомъ, Мстиславъ сдѣлался Черниговскимъ княземъ и весьма близкимъ сосѣдомъ Ярослава. Узнавши объ этомъ по возвращеніи своемъ изъ Новгорода, Ярославъ вступилъ въ борбу съ Мстиславомъ, которая, однако, кончилась въ пользу послѣдняго. Но Мстиславъ не захотѣлъ вполнѣ воспользоваться своею побѣдою и оставилъ Ярославу Кіевъ. Такимъ образомъ Ярославъ сидѣлъ въ Кіевѣ, а Мстиславъ въ Черниговѣ. Мстиславъ умираетъ, и его Черниговская волость переходитъ въ руки того же Ярослава. Вотъ, передавая это то извѣстіе, лѣтописецъ и говоритъ: „и бысть самовластецъ въ русской земли“. Такимъ образомъ лѣтописецъ употребляетъ это выраженіе въ томъ смѣслѣ, что Ярославъ остался однимъ княземъ въ Приднѣпровьи. „Самовластецъ“ характеризуетъ здѣсь власть князя по отношенію къ власти другихъ князей, а не по отношенію къ правамъ народа.

Совершенно въ такомъ же смыслѣ употреблено слово самовластецъ и въ разсказѣ объ Андреѣ Боголюбскомъ. Юрій, умирая, не хотѣлъ, чтобы старшій его сынъ, Андрей, былъ его преемникомъ, и потому просилъ горожанъ, чтобы они признали своими князьями младшихъ его сыновей. Ростовцы и Суздальцы обѣщали это сдѣлать, но послѣ смерти Юрія отступили отъ даннаго обѣщанія и признали княземъ старшаго сына его, Андрея. Описывая это событіе подъ 1162 г., лѣтописецъ говоритъ, что Андрей выгналъ епископа Леона

изъ Суздаля и своихъ братьевъ: „се же сотвори хотя самовластецъ быти.“ Въ этомъ мѣстѣ слово самовластецъ употреблено въ томъ же смыслѣ, въ какомъ оно было употреблено по отношенію къ Ярославу. Андрея избираютъ княземъ и онъ изгоняетъ своихъ противниковъ, братьевъ и племянниковъ, и епископа и мужей отца своего, которые, по всей вѣроятности, раздѣляли мнѣніе Юрія и не любили Андрея, изгоняетъ ихъ для того, чтобы обезпечить свое положеніе. Онъ, естественно, опасался, чтобы его братья и племянники не надѣлали ему хлопотъ, не прогнали его изъ Суздаля, а потому и предупредилъ ихъ. Въ этомъ смыслѣ лѣтописецъ и говоритъ, что это сдѣлалъ Андрей „хотя самовластецъ быти“, т. е. желая остаться одинъ въ Ростовѣ и Суздалѣ, а вовсе не въ смыслѣ измѣненія характера его власти по отношенію къ народу. И дѣйствительно послѣ этого изгнанія свойства власти Андрея нисколько не измѣнились, онъ совѣщался съ народомъ, какъ и прежде.

Въ доказательство той мысли, что князья наши пользовались неограниченною властью, приводятъ [1]) еще и другое выраженіе источниковъ, а именно ссылаются на то, что иногда въ источникахъ говорится, что князь сѣлъ въ такомъ то городѣ „*на всей его волѣ*“; такъ напр., Новгородцы приняли Ярослава „на всей его волѣ“, отсюда выводятъ, что народъ принялъ князя какъ абсолютнаго, неограниченнаго государя. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ источниковъ видно, что князья принимаются не только на всей ихъ волѣ, но и на всей волѣ народа. Князь Игорь, братъ Всеволода изъ рода Черниговскихъ князей, былъ принятъ въ Кіевѣ „на всей волѣ Кіевлянъ“, какъ говоритъ лѣтопись. Неужели послѣднее выраженіе нужно понимать въ томъ смыслѣ, что Кіевлянамъ принадлежитъ неограниченная власть, между тѣмъ какъ князь не имѣетъ никакого значенія? Понятно, что нѣтъ. Изъ предшествующаго должно быть ясно, что не только князь, но и всякій простой человѣкъ, всякій „людинъ“ имѣлъ свою волю и что въ древности нельзя себѣ представить свободнаго человѣка безъ воли, — всякій имѣлъ волю и на сколько было возможно осуществлялъ ее. При такомъ порядкѣ вещей нельзя допустить, чтобы князь не имѣлъ своей воли. Слѣд., указанное выраженіе имѣетъ совершенно другой смыслъ. Принять князя „на всей его волѣ“ значитъ принять князя на всѣхъ

---

[1]) Отношенія Новгорода къ вел. князьмъ стр. 77.

тѣхъ условіяхъ, которыя онъ предложилъ; съ другой стороны сѣсть „на всей волѣ горожанъ“ значитъ сдѣлаться княземъ, принявши безъ измѣненія условія, предложенныя городомъ.

Все соціальное положеніе, всѣ условія тогдашняго времени рѣшительно не благопріятствовали образованію абсолютной власти. Пока весь народъ былъ вооруженъ, пока войско не спеціализировалось и не поступило въ завѣдываніе князя, не могла образоваться абсолютная власть. Народъ составлялъ главную силу князей, которые по этому необходимо должны были вступать съ нимъ въ соглашеніе.

Внѣшняя обстановка жизни древнѣйшихъ князей мало чѣмъ отличалась отъ обстановки окружавшихъ князя людей. Мы имѣемъ любопытное свидѣтельство о Святославѣ, записанное Греками. Святославъ велъ войну съ Греками и первоначально удачно, но потомъ потерпѣлъ пораженіе и вынужденъ былъ заключить невыгодный миръ. По заключеніи этого мира онъ имѣлъ свиданіе съ Іоанномъ Цимисхіемъ. Вотъ какъ оно описывается. „Они свидѣлись на берегу Дуная. Цимисхій явился на конѣ, покрытый своимъ позлащеннымъ вооруженіемъ, а за нимъ слѣдовалъ отрядъ всадниковъ въ блестящихъ доспѣхахъ; Святославъ же пріѣхалъ въ ладьѣ, въ простой бѣлой одеждѣ и самъ гребъ весломъ, наравнѣ съ другими гребцами. Греки съ удивленіемъ смотрѣли на русскаго князя. Онъ былъ средняго роста и строенъ, но мраченъ и дикъ видомъ; имѣлъ грудь широкую, шею плотную, голубыя глаза; брови густыя, носъ плоскій, длинные усы, бороду рѣдкую и на головѣ одинъ клокъ волосъ въ знакъ его благородства, въ ухѣ висѣла золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами съ рубиномъ. Императоръ сошелъ съ коня. Святославъ не выходилъ изъ ладьи; онъ чрезъ переводчика переговорилъ съ Цимисхіемъ и затѣмъ отъѣхалъ.“ Въ этомъ свидѣтельствѣ любопытно, что Святославъ гребъ наравнѣ съ своими спутниками и даже одеждою не отличался отъ нихъ. Вся обстановка жизни Святослава указываетъ на бытъ близкій къ быту народа. Вотъ, что говорится объ этомъ князѣ въ лѣтописи. „Походы свои онъ совершалъ налегкѣ, ходилъ быстро, подобно барсу; онъ не имѣлъ ни становъ, ни обозовъ; питался кониною, мясомъ дикихъ звѣрей и самъ жарилъ его на угляхъ, презиралъ холодъ и ненастье, не зналъ шатра и спалъ подъ сводомъ неба: войлокъ подсѣдельный служилъ ему вмѣсто мягкаго ложа, сѣдло—изголовьемъ“. Это не одинъ примѣръ, на который можно сослаться. Тоже самое видно и изъ

„поученія“ *Владиміра-Мономаха*, оставленнаго имъ своимъ дѣтямъ. Относительно домашней жизни Владиміръ-Мономахъ говоритъ: „въ дому своемъ не лѣнитеся, но все видите... не зря на тіуны и на отроки, да не посмѣются приходящіе къ вамъ дому вашему и обѣду вашему.“ Князья, значитъ, входили во всѣ мелочи домашняго хозяйства. Относительно путешествій князей по своей волости для сбора дани и т. под. Владиміръ говоритъ: „ходяще путемъ по своимъ землямъ не давайти пакости дѣяти отрокамъ, ни своимъ, ни чуждымъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ“. Въ поученіи описывается день князя. „Первое, говоритъ Владиміръ, надо сходить въ церковь, да не застанетъ васъ солнце на постели. Тако бо отецъ мой дѣяшеть блаженный и вси добрые мужи свершеніи, заутреннюю отдавши Богови хвалу“. Затѣмъ, говоритъ онъ, „садитесь думать съ дружиною, или людій оправливати“ (т. е. производить судъ). Послѣ этого можно отдохнуть „спанье есть отъ Бога присуждено вполудне, отъ чина бо почиваетъ и звѣрь и птица и человѣцы.“ Далѣе Вл. Мономахъ говоритъ о княжеской охотѣ; если у васъ нѣтъ дѣлъ, пишетъ онъ, то поѣзжайте на ловы. Охота была однимъ изъ любимѣйшихъ занятій князей. О своей охотѣ Владиміръ-Мономахъ передаетъ, что онъ „конь дикихъ своими руками связалъ въ пущахъ тридцать. „Тура мя два, продолжаетъ онъ, мѣтала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя одинъ болъ (бодалъ) и два лоси, одинъ ногами топталъ, другой рогами болъ, вепрь ми на бедрѣ мечъ отялъ, медвѣдь ми у колѣна подклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра и конь со мною поверже... Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дѣло, на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя, на посадники не зря, ни на биричи, самъ творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ и въ дому своемъ, то я творилъ есмь, и въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ есмь держалъ, и къ конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ. Тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ“. Домашній обиходъ князя еще не имѣлъ царской обстановки.

Въ какомъ же отношеніи находились эти два элемента власти: князь и народъ?

Во взаимныхъ отношеніяхъ князя и вѣча проявляется то же общее начало, которое мы наблюдали какъ во взаимныхъ отношеніяхъ составныхъ частей одного и того же вѣча, такъ

и разныхъ пунктовъ поселенія одной и той же волости, городовъ и пригородовъ: между княземъ и вѣчемъ должно быть единеніе, одиначество [1]).

По отношенію къ этому началу единенія, или соглашенія народа и князя необходимо различать два момента: моментъ призванія князя и его послѣдующую дѣятельность. Въ моментъ призванія народъ и князь заключаютъ между собою рядъ т. е. соглашаніе объ условіяхъ, которыя кладутся въ основеніе будущему княженію. Въ теченіи самаго княженія могло возникнуть множество вопросовъ, подлежавшихъ обыкновенно рѣшенію вѣча и князя. По этимъ вопросамъ были необходимы новыя соглашенія. Наша древняя исторія представляетъ не одинъ примѣръ такихъ соглашеній. Самые могущественные князья нуждались въ нихъ. Мы не впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что степень могущества князя была въ прямомъ отношеніи съ количествомъ „людей", стоявшихъ на его сторонѣ, бывшихъ съ нимъ въ одиначествѣ, соглашавшихся съ его мнѣніями.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ соглашеній народа и князя.

Равноапостольный князь Владиміръ рѣшается на принятіе христіанства не иначе, какъ испросивши совѣта бояръ своихъ и старцевъ градскихъ и получивъ согласіе всѣхъ людей. Лѣтописецъ такъ разсказываетъ объ этомъ: „Созва Володимеръ боляры своя и старци градскіѣ, и рече имъ: се приходиша ко мнѣ Болгаре, рекуще: пріими законъ нашь; по семъ же приходиша Нѣмци, и ти хваляху законъ свой; по сихъ придоша Жидове. Се же послѣ же придоша Греци, хуляще вси законы, свой же хваляще...." и т. д.—Отчетъ свой о сдѣланныхъ ему предложеніяхъ лицами разныхъ исповѣданій князь Владиміръ заключаетъ такимъ обращеніемъ къ боярамъ и старцамъ: „да что ми ума придасте; что отвѣщаете?" — „И рѣша, продолжаетъ лѣтописецъ, бояре и старци: вѣси, княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить; аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи: пославъ, испытай кагождо ихъ службу, и како служить Богу... И бысть люба рѣчь ихъ князю и всѣмъ людямъ" заключаетъ лѣтописецъ. Послы, отправленные согласно этому рѣшенію, дали

[1]) Именно такое выраженіе находимъ въ договорной грамотѣ вел. кн. Дмитрія Ивановича и князя Владиміра Андреевича съ Новымгородомъ; „Се пріѣхали ко мнѣ къ великому князю Дмитрію Ивановичу... (слѣдуетъ перечисленіе пословъ Новгородскихъ). Кончалъ есмь съ своими мужи въ одиначество, цѣловали есмы крестъ своимъ съ братомъ" и проч. А. А. Э., т. I, № 8.

предпочтеніе греческому исповѣданію, которое и было принято [1]). Та свѣтлая память, которую народныя былины сохранили отдаленнѣйшему потомству о ласковомъ князѣ Владимірѣ, и похвалы, расточаемыя ему лѣтописцемъ, должны быть объясняемы именно тѣмъ уваженіемъ, съ которымъ этотъ князь относился къ народной волѣ и его желанію дѣйствовать согласно съ ней.

Извѣстно, какой любовью пользовались у Кіевлянъ правнукъ Владиміра Святаго, Владиміръ Мономахъ, и его родъ; объясненіе этой привязанности надо опять искать въ томъ единеніи съ народомъ, которымъ отличались помянутые князья. О сознаніи необходимости такого единенія самимъ Владиміромъ Мономахомъ мы находимъ указаніе подъ 1096 годомъ. Желая положить конецъ распрѣ съ Олегомъ Черниговскимъ и условиться объ оборонѣ Русской земли отъ Половцевъ, Владиміръ Мономахъ и Святополкъ Изяславичъ посылаютъ къ Олегу такое приглашеніе: „поиди Кыеву, да порядокъ положимъ о Русской землѣ предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ людьми градскими, да быхомъ оборонили Русскую землю отъ поганыхъ“ [2]). Такимъ образомъ, горожане вмѣстѣ сь духовенствомъ призываются къ участію въ рядѣ князей.

Лѣтопись сохранила намъ чрезвычайно любопытное свидѣтельство о порядкѣ переговоровъ народа съ княземъ въ описаніи совѣщаній, происходившихъ между внукомъ Владиміра Мономаха, Изяславомъ Мстиславичемъ и Кіевлянами—по поводу войны съ Юріемъ Долгорукимъ и его союзникомъ, Святославомъ Ольговичемъ. Получивъ приглашеніе Черниговскихъ князей выступить противъ Юрія, Изяславъ созываетъ бояръ своихъ и Кіевлянъ и говоритъ имъ: „я сгадалъ съ братьею своею, съ Володиміромъ и Изяславомъ Давыдовичами и съ Всеволодовичемъ Святославомъ, хочемъ пойдти на Юрія, на стрыя своего, и на Святослава, къ Суздалю: зане́ Юрій принялъ подъ защиту свою врага моего, Святослава Ольговича. Братъ Ростиславъ такъ же къ намъ присоединится съ Смольнянами и Новгородцами“. На это изложеніе обстоятельствъ дѣла, имѣвшее цѣлью побудить Кіевлянъ къ войнѣ съ Юріемъ, послѣдніе даютъ такой отвѣтъ: „Княже! неходи съ Ростиславомъ на стрыя своего, лѣплѣ ся съ нимъ улади; Ольговичемъ вѣры не ими, ни съ ними ходи въ путь“. Чтобы

---

[1]) Лавр. 987 г.
[2]) Лавр. 1096 г.

разсѣять это недовѣріе Кіевлянъ къ Ольговичамъ, Изяславъ ссылается на то, что они цѣловали къ нему крестъ и заключаетъ свою рѣчь приглашеніемъ вооружиться: „а вы доспѣвайте“, говоритъ онъ. Кіевляне отвѣчаютъ прямымъ отказомъ: „Княже! ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Владиміровo племя руки поднять, а на Ольговичей хоть и съ дѣтьми“. Не получивъ согласія вѣча, Изяславъ отправился на помощь къ Ольговичамъ съ одними охотниками. Ближайшія событія показали, что недовѣріе Кіевлянъ къ Черниговскимъ князьямъ было совершенно основательно. Еще не достигнувъ Чернигова, Ивяславъ узналъ, что союзники его отступили отъ него и цѣловали крестъ къ Святославу Ольговичу. Изяславъ рѣшился возвратиться въ Кіевъ и послалъ впереди себя двухъ мужей, Добрынку и Радило, къ брату Владиміру, остававшемуся въ Кіевѣ, и къ Лазарю, тысяцкому, съ такими рѣчами: „брате! ѣди къ митрополиту и созови Кыяны всѣ, пусть мои послы разскажутъ имъ лесть Черниговскихъ князей“. На это новое обращеніе князя Кіевляне отвѣчали: „ради, еже ны Богъ тебе избавилъ отъ великія льсти, идемъ по тебѣ и съ дѣтьми, акоже хощеши“ [1]). На сколько согласіе съ народомъ составляло силу князя, видно между прочимъ изъ словъ того же Изяслава къ королю Угорскому. Приглашая его къ себѣ на помощь противъ Юрія и желая показать свою силу, онъ говоритъ ему: „а ти скажутъ твои мужи.... како ся по насъ яла вся Русская семля и Черные Клобуки“ [2]).

Въ параллель къ только-что приведенному примѣру соглашенія Изяслава съ Кіевлянами укажемъ на соглашеніе племянника Изяслава, Мстислава Ростиславича, съ Новгородцами. „Сидящу же Мстиславу въ Новгородѣ Великомъ, разсказываетъ лѣтописецъ, и вложи Богъ въ сердце Мстиславу мысль благу пойти на Чюдь, и созва мужи Новгородскіи и рече имъ: братье! обидятъ насъ поганые; а быхомъ, узрѣвше на Богъ и св. Богородици помочь, помстили себя и свободили быхомъ Новгородьскую землю отъ поганыхъ. — И бы люба речь его всимъ мужемъ Новгородьскимъ, и рекоша ему: Княже! аще се Богови любо и тобѣ, а се мы готовы есмы“. — По смерти этого князя, постоянно дѣйствовавшаго въ согласіи съ народомъ, лѣтописецъ говоритъ такія слова въ похвалу ему: „не бѣ бо тоѣ землѣ въ Руси, которая же его не хотяшеть, ни любяшетъ“.... [3]).

[1]) Лавр. и Ипат. 1147 г.
[2]) Ипат. 1151 г.
[3]) Ипат. 1178 и 1179 г.

Не менѣе любопытный примѣръ „соглашенія“ князя и вѣча представляетъ княженіе сына Мстислава, Мстислава Мстиславича. „Того же лѣта, разсказываетъ лѣтописецъ подъ 1214 годомъ, прислаша внуци Ростиславли въ Новгородъ къ Мстиславу Мстиславичу: се не творитъ намъ Всеволодъ Святославичъ части въ Русской земли; а поиди, поищемъ своей отчины. Мстиславъ же созва вѣче на Ярославли дворѣ и поча звати Новгородцы Кыеву на Всеволода Чермнаго. Рекоша ему Новгородци: камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вержемъ! И поиде кн. Мстиславъ съ Новгородцы къ Кыеву, мѣсяца іюня, на Св. Ѳеодора. И доидоша Смоленска, и бысть распря Новгородцамъ съ Смолняны, и убиша Новгородцы Смольнянина, а по князи не поидоша. Князь же Мстиславъ на вѣче поча звати, они же не поидоша; князь же, цѣловавъ всѣхъ, поклонився, поиде. Новгородцы же, сотворивше вѣче о собѣ, почаша гадати. И рече Твердиславъ посадникъ: яко, братье, страдали дѣди наши и отци за Русскую землю, тако, братье, и мы поидемъ по своемъ князи. И тако поидоша изъ Смоленска, и постигше князя и начаша воевати по Днѣпру города Черниговскіе“.... [1]).

Сѣверная Владимірская волость также имѣла своихъ любимцевъ въ лицѣ Всеволода Юрьевича, могущественнѣйшаго князя своего времени. Лѣтописи сохранили не одно свидѣтельство объ уваженіи, съ которымъ Всеволодъ относился къ народной волѣ. Въ 1177 году, по смерти Михалки, между Владиміромъ и Ростовомъ снова обнаружилась рознь. Владимірцы призвали къ себѣ Всеволода, Ростовцы и партія бояръ Мстислава Ростиславича. Чтобы уладить безъ кровопролитія это разногласіе города съ пригородомъ, Всеволодъ посылаетъ сказать Мстиславу: „тебя Ростовцы привели и бояре, а меня съ братомъ Богъ и Владимірцы, а Суздаль буди намъ обче, да кого восхотятъ, то имъ буди князь“. Такое же указаніе на признаніе Всеволодомъ за городами права свободнаго призванія князей находимъ и въ Новгородской лѣтописи подъ 1184 годомъ. „Томъ же лѣтѣ, разсказываетъ лѣтописецъ, выведе Всеволодъ своякъ свой изъ Новгорода: негодовахуть бо ему Новгородцы, зане много творяше пакости волости Новгородской“. Въ 1183 году Всеволодъ Юрьевичъ не принялъ Николая Грека, поставленнаго митрополитомъ Никифоромъ епископомъ въ Суздальскую землю, на томъ основаніи, что „не

---

[1]) Новгр. I. 1214 г.

избраша сего людье земли нашея", какъ онъ приказалъ сказать митрополиту [1]). Всеволодъ Юрьевичъ былъ по преимуществу народный князь: своимъ торжествомъ надъ Ростиславичами и надъ Рязанскими князьями онъ именно былъ обязанъ своему единенію съ Владимірцами и той поддержкѣ, которую умѣлъ находить въ Новгородѣ [2]).

Въ томъ же духѣ дѣйствовали и сыновья его, изъ которыхъ старшій, Константинъ соединился съ старой Ростовской партіей, а Юрій съ новой Владимірской [3]).

Такимъ образомъ, князь и вѣче стояли другъ подлѣ друга, какъ двѣ неподчиненныя одна другой власти, для совокупнаго дѣйствія которыхъ было необходимо взаимное соглашеніе.

Для примѣненія этого начала взаимныхъ соглашеній къ ежедневно возникающимъ вопросамъ общественной жизни была необходима значительная доля уступчивости какъ со стороны князя, такъ и со стороны вѣча, умѣренность въ проведеніи собственной воли, готовность отказаться отъ разъ предположенной цѣли, какъ скоро достиженіе ея было невозможно безъ нарушенія существующаго единенія.

Лѣтописи сохранили намъ нѣсколько примѣровъ этой уступчивости. Такъ про Ярополка Святославича лѣтописецъ разсказываетъ, что онъ любилъ христіанъ, но самъ не крестился „народа ради". Въ 1015 г. Ярославъ обманомъ перебилъ многихъ изъ нарочитыхъ мужей Новгородскихъ въ отмщеніе за то, что они участвовали въ осужденіи и казни находившихся у него въ услуженіи Варяговъ. Не прошло и дня послѣ этого избіенія, какъ ему понадобилась помощь тѣхъ же Новгородцевъ для войны со Святополкомъ Кіевскимъ. Ярославъ созвалъ вѣче, со слезами на глазахъ высказалъ раскаяніе въ своемъ недавнемъ поступкѣ и просилъ Новгородцевъ пойдти съ нимъ къ Кіеву. На эту рѣчь князя вѣче отвѣчало: „аще княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тебѣ бороти". — Такимъ образомъ, Новгородцы оказываютъ поддержку Ярославу, не смотря на то, что имѣли противъ него важную причину неудовольствія. Въ 1097 г. Владимірскій князь, Давыдъ Игоревичъ, очень не хотѣлъ выдавать своихъ

[1]) Лавр. 1177 г., Новгр. I. 1184 г., Ипат. 1183 г.; въ Новгр. I. подъ 1196 годомъ при заключеніи мира Всеволодомъ съ Черниговскими князьями читаемъ: „и възяша миръ межи собою, а Новгородъ выложивша вси князи на свободу, гдѣ имъ любо туже собѣ князя поимають...".

[2]) См. Новгр. I. 1199 и 1209 г.; а также заявленія Переяславцевъ, Новгородцевъ и Владимірцевъ подъ 1177 г., Лавр.

[3]) См. Воскр. 1211 г. и переговоры Юрія съ Владимірцами и Ярослава съ Переяславцами въ 1213—16 году.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

помощниковъ въ ослѣпленіи Василька, Туряка, Лазаря и Василя, но уступилъ волѣ Владимірскаго вѣча, когда оно поставило въ зависимость отъ этой выдачи свое рѣшеніе защищать Давыда отъ угрожавшихъ ему князей.—Въ 1102 году Владиміръ Мономахъ и Святополкъ договорились вывести изъ Новгорода Мстислава Владиміровича и посадить тамъ сына Святополка Новгородцы не согласились на эту смѣну и князья уступили имъ. Подобно этому, въ приведенномъ уже примѣрѣ, Изяславъ Мстиславичъ. не получивъ поддержки Кіевскаго вѣча въ войнѣ съ Юріемъ 1147 г.,—отправляется на помощь къ Черниговскимъ князьямъ съ одними только охотниками. —Въ 1216 г. Юрій Всеволодовичъ, прибѣжавъ во Владиміръ послѣ несчастной для него Липецкой битвы, созываетъ вѣче и предлагаетъ затвориться въ городѣ. Владимірцы, понесшіе большія потери на Липецкомъ полѣ, не находятъ возможнымъ новое сопротивленіе. Князь уступаетъ имъ, и проситъ только, чтобы они не выдали его противникамъ, а дали ему самому выдти изъ города. На это Владимірцы согласились. — Въ 1266 г. Ярославъ, Переяславскій и Новгородскій князь, прибылъ въ Новгородъ съ литовскими полками для того, чтобы идти войною на Псковъ, который только-что призналъ своимъ княземъ Довмонта Литовскаго. Новгородцы не согласились на этотъ походъ, князь уступилъ и отослалъ назадъ свои полки [1]).

Кто знаетъ, какія непреодолимыя затрудненія представляетъ для теоріи государственнаго права такая организація верховной власти, которая совершенно бы устраняла всякую возможность враждебныхъ столкновеній разнородныхъ элементовъ, входящихъ въ ея составъ, изъ которыхъ каждый долженъ сохранить свою независимость отъ другаго, тотъ не удивится, что возможность враждебныхъ столкновеній князя и вѣча не была устранена нашимъ древнимъ государственнымъ устройствомъ. При отсутствіи соглашенія, при нежеланіи уступить, князь и вѣче стояли другъ противъ друга, какъ двѣ самостоятельныхъ власти, разногласіе которыхъ могло быть устранено только судомъ Божіимъ.

При возможномъ столкновеніе вѣча и князя, послѣдній не всегда являлся совершенно одинокимъ: на его сторонѣ могла быть болѣе или менѣе значительная часть вѣча, составлявшая его партію. При слабости собственныхъ силъ

[1]) Татищ. гл. 4; Лавр. 1015 г., 1097 г., 1102 г., Ипат. 1147 г., Воскр. 1216 г., Новгор. I. 1266 г.

князя, столь характеристической для древнѣйшаго періода нашей исторіи, эта возможность опереться на одну изъ вѣчевыхъ партій составляетъ для князя главнѣйшее условіе успѣха.

Исходъ борьбы, смотря по отношенію силъ, выпадалъ или въ пользу князя и его партіи, или въ пользу ихъ противниковъ.—Но иногда къ военнымъ приготовленіямъ приступали только какъ къ средству устрашить противника и узнать, есть ли у него рѣшительное желаніе отстаивать свое мнѣніе съ оружіемъ въ рукахъ. Если такое желаніе дѣйствительно оказывалось, сторона, возбудившая рознь, не рѣдко обращалась къ мирнымъ средствамъ и вступала въ новое единеніе. Чрезвычайно любопытный примѣръ этому находимъ подъ 1220 г. Князь Всеволодъ былъ не доволенъ Новгородскимъ посадникомъ Твердиславомъ и хотѣлъ смѣнить его, хотя за нимъ и не было ни какой вины. Поэтому вопросу Новгородцы раздѣлились: одни стали на сторонѣ князя, другіе—посадника. Такъ какъ никто не хотѣлъ уступить, то противники съѣхались на Ярославовомъ дворѣ, вооруженные какъ на рать и выстроились другъ противъ друга въ боевомъ порядкѣ. „Князь же, продолжаетъ лѣтописецъ, узрѣвъ ряды ихъ (сторонниковъ Твердислава), оже хотятъ крѣпко животъ свой отдати, и не поѣха, но присла владыку Митрофана со всѣми добрыми повѣстьми. И сведе и владыка въ любовь и крестъ цѣлова и князь и Твердославъ. Богомъ и Св. Софіею крестъ возвеличенъ бысть, а дьяволъ попранъ, а братья всѣ вкупѣ быша“. Въ этомъ дѣлѣ на сторонѣ князя было не мало Новгородцевъ но посадника поддерживали два конца, а потому исходъ вооруженной борьбы могъ быть весьма сомнителенъ, что и заставило князя прекратить миромъ только-что возникшую рознь [1]).

Если исходъ борьбы былъ въ пользу князя, онъ оставался на занимаемомъ имъ столѣ, а побѣжденная партія должна была подчиниться волѣ побѣдителя, часто очень суровой [2]).

---

[1]) Новгр. I.

[2]) Укажемъ нѣсколько примѣровъ подобной побѣды князя надъ противной ему партіей. Въ 1144 г. приверженцы Ивана Ростиславича, воспользовавшись отсутствіемъ князя Владиміра изъ Галича, призвали своего любимца изъ Звенигорода и посадили на Галицкомъ столѣ. Владиміръ не захотѣлъ уступить княженія безъ борьбы, собралъ своихъ сторонниковъ и осадилъ Галичъ. Счастье войны было на его сторонѣ: Иванъ принужденъ былъ бѣжать. „Владиміръ же, продожаетъ лѣтописецъ, вшедъ въ Галичъ, многи люди изсѣче, а иныя показни казнью злою“. Подобно этому Звенигородцы, принадлежавшіе къ волости того же Владиміра, въ 1146 г. во время осады Звенигорода русскими князьями, Всеволодомъ Ольговичемъ Кіевскимъ и его союзниками, „сотворили вѣче, хо-

Если перевѣсъ былъ на сторонѣ партіи вѣча, противной князю, послѣдній лишался стола. Такъ напр., когда Изяславъ не согласился съ рѣшеніемъ Кіевскаго вѣча, высказавшагося въ пользу продолженія войны съ Половцами, Кіевляне освободили изъ заключенія Полоцкаго князя Всеслава и посадили его на столѣ; Изяславъ же принужденъ былъ бѣжать. Въ 1136 году Новгородцы, недовольные управленіемъ Всеволода, показываютъ ему путь; тоже самое дѣлаютъ они съ Ростиславичими въ 1154 г. и съ Ярославомъ Всеволодичемъ въ 1270 г. Въ 1175 г. Смольняне изгоняютъ Ярополка; въ 1176 г. Владимірцы и Переяславцы Мстислава и Ярополка Ростиславичей и пр. [1]).

Изгнаніе, впрочемъ, не всегда было послѣднимъ актомъ враждебнаго столкновенія князя съ вѣчемъ. Изгнанные князья не рѣдко находили поддержку въ другихъ волостяхъ и съ ихъ помощью мстили свои обиды. Эта новая, на этотъ разъ внѣшняя война приводитъ опять къ новымъ комбинаціямъ, смотря по отношенію силъ. Такъ напр., Святославъ Ростиславичъ, принужденный оставить Новгородъ въ 1167 г., находитъ поддержку въ Смоленскихъ князьяхъ и Андреѣ Юрьевичѣ Владимірскомъ. Возникшая вслѣдствіе этого война между помянутыми князьями и Новгородомъ была окончена въ 1170 г. миромъ съ Андреемъ, по которому Новгородцы приняли къ себѣ на столъ дружественнаго Андрея Рюрика Ростиславича [2]).

Личность князя оставалась неприкосновенною, какъ бы далеко ни заходила рознь между нимъ и вѣчемъ. Самыя крайнія желанія недовольнаго княземъ вѣча состояли въ томъ, чтобы князь оставилъ волость. Это общее правило подвергалось только одному ограниченію: князь присуждался иногда къ временному заключенію. Это дѣлалось въ видахъ безопасности, до пріѣзда новаго князя, или до управы съ другими князьями, поддерживавшими сторону изгоняемаго; если бы князю была предоставлена свобода до окончательнаго установленія новаго наряда, это могло бы повести къ усиленію его партіи [3]).

тячи ся передати". Воевода Владиміра, убивъ трехъ мужей, устрашилъ остальныхъ, и Звенигородцы стали биться безъ лести. Въ 1257 г. Возвягляне нарушили рядъ, заключенный ими съ княземъ Шварномъ. Отецъ Шварна, Даніилъ, пришелъ къ Возвяглу съ большими силами, городъ сжегъ, а граждан подѣлилъ между побѣдителями. (См. приведенныя мѣста въ Ипат. 1144 г., 1146 г., 1257 г.)

[1]) Лавр. 1067 г., Новгр. I. 1136 г., Соф. I. 1154 г., Новгр. I. 1270 г., Ипат. 1175 г., Сузд. 1176 г.

[2]) Новгр. I. отъ 1167 г. до 1170 г.

[3]) См., напр. Новгр., I. 1136 г. и 1210 г.—Убійство Игоревичей въ Галичѣ

Нельзя сказать того же объ имуществѣ князя и личности его ближайшихъ приверженцевъ и слугъ. Имущестоо изгоняемаго князя подвергалось иногда грабежу. Такъ поступили напр. Кіевляне въ только-что приведенномъ примѣрѣ съ имуществомъ князя Изяслава. Въ 1158 г. тѣ же Кіевляне въ отмщеніе князю Юрію, съ которымъ они никогда не умѣли ужиться, грабятъ по его смерти дворъ его и избиваютъ приведенныхъ имъ съ собою Суздальцевъ [1]).

Изгнаніе было весьма обыкновеннымъ исходомъ борьбы, кончавшейся не въ пользу князя, но не необходимымъ. Потерпѣвъ пораженіе, князь могъ войти въ новое единеніе съ вѣчемъ. Образчикъ этому находимъ подъ 1173 г. Извѣстны стуты, которыя происходили въ Галичѣ по поводу особого покровительства, оказываемаго кн. Ярославомъ «Настаськѣ» и „Чагровой Чади". Несправедливость князя къ своей женѣ и сыну привела къ разрыву съ народомъ и совершенному торжеству послѣдняго: князь былъ взятъ, Чагрова чадь избита, Настаська сожжена, сынъ ея сосланъ въ заточеніе. Но народъ не пошелъ далѣе того, что было нужно для устраненія причины зла, и снова уладился, по выраженію лѣтописца, съ княземъ Ярославомъ. Новаго единенія съ народомъ хотѣлъ достигнуть и Новогородскій князь Ярославъ Всеволодовичъ, когда противной ему партіи удалось получить перевѣсъ на вѣчѣ и «исписать на грамоту всю вину его». Въ отвѣтъ на требованіе вѣча выѣхать изъ Новгорода, онъ шлетъ къ нему пословъ съ поклономъ и такими рѣчами: „того всего лишюся (т. е. того, что взялъ несправедливо), а крестъ цѣлую на всей воли вашей". Новгородцы не согласились и князь принужденъ былъ выѣхать [2]).—Эта готовность князей покончить новымъ единеніемъ раздѣлившее ихъ съ народомъ несогласіе, объясняетъ не рѣдкій въ нашей древней исторіи фактъ вторичнаго призванія разъ уже изгнаннаго князя.

Какъ князья не оставались одинокими въ своей борьбѣ съ вѣчемъ, и нерѣдко находили опору въ одной изъ партій, на которыя раздѣлялся народъ; такъ точно и вѣче въ борьбѣ съ княземъ нерѣдко находило помощь въ другихъ князьяхъ.

—есть дѣло мѣсти за избіеніе ими Галицкихъ бояръ, см. Ипат. 1208 г: Точно также не противорѣчитъ высказанному въ текстѣ правилу убіеніе Игоря въ Кіевѣ, и требованіе Владимірцевъ отъ Всеволода, чтобы онъ казнилъ плѣненныхъ имъ князей. Здѣсь дѣло идетъ не о своихъ князьяхъ, а о чужихъ, которые находятся въ войнѣ съ помянутыми волостями.

[1]) Ипат. 1158 г:

[2]) Ипат. 1173 г., Новгр. 1. 1270 г.

Въ 1068 г. Кіевляне, оставленные своимъ княземъ Всеславомъ при вѣсти о приближеніи, только-что изгнаннаго изъ Кіева, Изяслава Ярославича съ Польскою помощью, составляютъ вѣче и шлютъ приглашеніе къ братьямъ изгнаннаго, Святославу и Всеволоду. Эти князья, отказываясь отъ предложеннаго имъ стола, даютъ такое обѣщаніе Кіевлянамъ: „мы пошлемъ къ брату своему: если пойдетъ на васъ съ Ляхи, губить васъ, то мы выдемъ противу ему ратью, не дадимъ погубить града отца своего; аще ли хощеть съ миромъ, то въ малѣ придеть дружинѣ!“ Въ надеждѣ на эту помощь, Кіевляне успокоились и приняли Изяслава. Въ 1148 г. Изяславъ Мстиславичъ, придя въ Новгородъ, созываетъ вѣче и держитъ такую рѣчь: „се, братье! сынъ мой и вы прислалися есте ко мнѣ, оже вы обидитъ стрый мой, Юрій, нань есмь пришелъ сѣмо, оставя Русскую землю, васъ дѣля и вашихъ дѣля обидъ. А гадайте, братье, како нань пойти, а любо съ нимъ миръ возмемъ, паки ли съ нимъ ратью кончаемы“. Новогородцы захотѣли войны, и волость Юрія была опустошена. Подобно этому Мстиславъ Мстиславичъ приходитъ въ 1210 г. на помощь Новгороду „слышавъ насилье отъ князь“. Въ 1211 г. Даніилъ, призванный галицкими боярами, противъ которыхъ замышляли недобрые Галицкіе князья, Игоревичи, такими рѣчами убѣждаетъ передаться на свою сторону гражданъ Перемышля, еще остававшихся за послѣдними: „почто стоите при томъ князи, иже обидѣ васъ много? Я вашъ князь, на него пріидохъ вамъ въ помощь“ [1]).

Такимъ образомъ, въ отношеніяхъ князя къ вѣчу проявляются тѣ же начала единенія и розни, которыя проникаютъ всю нашу древнюю жизнь. Для правильнаго пониманія этихъ отношеній необходимо обратить вниманіе на слѣдующее:

Во 1-хъ, война никогда не ведется противъ князя вообще, какъ формы государственнаго быта, она ведется только противъ отдѣльныхъ личностей княжескаго рода. Самый же принципъ княжескаго правленія остается незыблемымъ. Нашей исторіи вовсе не извѣстенъ антагонизмъ князя и народа, стремленіе послѣдняго распространить свои права на счетъ правъ князя [2]). Народъ сознаетъ свою неспособность устроиться

---

[1]) Лавр. 1068 г., Ипат. 1148 г., Новгор. 1 1210 г., Густ. 1211 г.

[2]) Любопытный образчикъ умѣренности народа, его нежеланія расширять свою власть, представляетъ разсказъ лѣтоп. о Кіевлянахъ подъ 1097 г. Святополкъ Кіевскій созываетъ бояръ и Кыянъ и передаетъ имъ обвиненіе Василка Давыдомъ. „И рѣша бояре и людіе, говоритъ лѣтописецъ: тобѣ, княже, достоить блюсти головы своее; да аще есть право молвилъ Давыдъ, да пріиметь Василько

безъ князя и вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ необходимость дать ему высокое положеніе въ своей средѣ, безъ чего не было бы возможно достиженіе цѣлей призванія. Князь есть народная власть.

Во 2-хъ, при нелюбви древней Россіи къ строго выработанным формамъ, при маломъ пониманіи ихъ важности, въ отношеніяхъ народа къ князю преобладаетъ характеръ добраго довѣрія. Соблюденіе вѣчевыхъ порядковъ не представляется на столько необходимъ, чтобы безъ него не было возможно никакое совокупное дѣйствіе князя и народа. Князь, пользующійся популярностью, можетъ напр. выступить на войну во главѣ сильнаго народнаго войска и безъ постановленія вѣча. Ему довольно посовѣтоваться съ своими боярами и затѣмъ послать биричей звать народъ; если князь пользуется расположеніемъ народа, народъ пойдетъ, хотя бы война преслѣдовала исключительно личныя цѣли князя; тѣмъ болѣе, когда война задумана въ интересѣ самаго народа, напр. для отраженія Половцевъ и под. [1]). По существу такая война носитъ на себѣ характеръ того же единенія народа съ княземъ, которое составляетъ необходимое условіе всякаго совокупнаго дѣйствія ихъ; но со стороны формы народъ является только исполнителемъ чужаго рѣшенія. Эта возможность вести войну съ помощью народныхъ силъ, но помимо вѣчеваго рѣшенія, давала князю большую свободу дѣйствія и не мало способствовала усиленію княжескихъ усобицъ, которыя такимъ образомъ ускользали отъ постояннаго контроля болѣе спокойной половины населенія. Призванный для отправленія правосудія, князь не только судилъ, но и установлялъ самъ формы своего суда и размѣры продажъ и виръ [2]). Народъ же высказывался по этимъ вопросамъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда постановленія князей противорѣчили его справедливымъ ожиданіямъ. Такъ напр., чрезмѣрная высота продажъ и виръ возбуждала протесты вѣча, а иногда и прямо приводила къ изгнанію князя [3]).

казнь; аще ли не право, да пріиметь месть отъ Бога.“ Такимъ образомъ, народъ отказывается отъ предложеннаго ему суда надъ Василькомъ, и предоставляетъ самому князю, какъ изслѣдованіе дѣла, такъ и произнесеніе приговора.

[1]) Лавр. 1078 г., 1102 г. и Воскр. 1113 г.; сюда же надо относить и такія извѣстія, какъ напр. Лавр. 1015 г., 1019 г. и под.

[2]) Русск. Прав. сп. Акад. ст. 21, сп. Троиц. ст. 2 и 48.

[3]) Такъ Кіевляне требуютъ отъ новаго князя своего Игоря, чтобы тіуны его «имали съ суда урокомъ, а въ свою волю людей не продовали», Воскр. 1146 г. Причина изгнанія Ростиславичей изъ Владиміра въ 1175 г. заключалась въ томъ, что посадники ихъ «многу тяготу людямъ створиша продажами и вирами: а сама князя млада суща, слушаста бояръ, а бояре учахуть на многое иманіе...“ Ипат.

Таковы были отношенія князя къ вѣчу. Въ заключеніе мы должны остановиться на тѣхъ видоизмѣненіяхъ этихъ отношеній, которыя условливались—взаимными отношеніями князей между собой.

До сихъ поръ мы имѣли исключительно въ виду волость и ея князя. Но князь не стоитъ изолированно среди другихъ князей; онъ находится къ нимъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Въ силу преобладанія личнаго элемента въ нашей древней исторіи, взаимныя отношенія князей не составляютъ непремѣнно взаимныхъ отношеній волостей: волости могутъ оставаться совершенно чуждыми тѣмъ войнамъ, которыя ведутъ между собою ихъ князья. Такъ, въ недавно приведенномъ примѣрѣ, Кіевская волость отказалась помогать Изяславу Мстиславичу въ войнѣ его съ Юріемъ; хотя въ войнѣ Изяслава и участвовали Кіевляне, но война была предпринята не отъ имени волости, а лично княземъ и на его собственный страхъ. При враждебныхъ столкновеніяхъ князей мы усматриваемъ даже не рѣдко прямое желаніе послѣднихъ щадить волость, не распространять на ея жителей гибельныхъ послѣдствій войны, по возможности ограничивать ея дѣйствіе однимъ княземъ и его ближайшими приверженцами. [1])

Такое стремленіе князей ограничить бѣдствія войны сколько возможно тѣснымъ кругомъ — совершенно понятно: щадя имущество и жизнь жителей волости враждебнаго имъ князя, они тѣмъ самымъ облегчаютъ себѣ соглашеніе съ этими послѣдними, въ чемъ можетъ встрѣтиться надобность.

Несмотря, однако, на нѣкоторую возможность ограничить враждебныя столкновенія князей тѣснымъ кругомъ ближайшей княжеской дружины, взаимныя отношенія князей немогли оставаться и не оставались безъ вліянія на отношенія вѣча къ своему князю. Главнѣйшимъ образомъ это вліяніе сказывалось на осуществленіи народомъ права призванія. Войны князей другъ съ другомъ, хотя и не были направлены противъ народа, но поскольку въ своихъ послѣдствіяхъ онѣ

---

[1]) Такъ напр. Владиміръ, занявъ Кіевскій столъ по убіеніи брата своего, Ярополка, не допускаетъ Варяговъ взять окупъ на Кіевлянахъ. Всеволодъ Ольговичъ, изгнавъ изъ Чернигова въ 1127 г. дядю своего, Ярослава, бьетъ и грабитъ только дружину послѣдняго. Подобно этому Мстиславъ Изяславичъ въ 1156 г., напавъ внезапно на дядю своего Володиміра, занимавшаго Владимірскій столъ, принуждаетъ послѣдняго бѣжать изъ Владиміра въ Перемышль и затѣмъ довольствуется грабежемъ имущества князя и его дружины. Точно также въ Кіевѣ, Изяславичи, добывъ въ 1159 г., Кіевскій столъ князю Ростиславу, грабятъ только дружину прежняго князя, Изяслава Давыдовича. Лавр. 980 г., 1127 г., Ипат. 1156 г., 1159 г.)

разрушали ту связь, которая разъ уже установилась между народомъ и его княземъ, эти войны касались народа.

Какъ же народъ относился къ нимъ? Положеніе, которое принимала волость въ случаѣ враждебнаго столкновенія князей,— было различно, смотря по различію самыхъ случаевъ столкновенія. Для его пониманія должно имѣть въ виду:

Во 1-хъ, хотя для волости князь и составляетъ необходимость; но различіе между тѣмъ и другимъ княземъ въ данномъ случаѣ могло быть далеко не такъ велико, чтобы волость поддержаніе своего князя противъ его противника должна была считать необходимымъ во чтобы то ни стало. Для примѣра укажемъ на Кіевскія событія отъ 1067 до 1077 года. Въ 1068 г. Кіевляне, опасаясь мести изгнаннаго ими князя, Изяслава Ярославича, который приближался къ Кіеву съ Лядскою помощью, шлютъ приглашеніе къ братьямъ его, Святославу и Всеволоду Ярославичамъ. Святославъ и Всеволодъ отказались отъ предложеннаго имъ стола, но обѣщали помочь Кіевлянамъ въ томъ случаѣ, если бы Изяславъ вздумалъ мстить имъ. Кіевляне успокоились и приняли Изяслава. Подъ 1073 г. лѣтописецъ повѣствуетъ слѣдующее: „Воздвиже дьяволъ котору въ братьи сей, въ Ярославичахъ; бывши распри межи ими, быста Святославъ со Всеволодомъ на Изяслава; изыдѣ Изяславъ изъ Кіева, Святославъ же и Всеволодъ внидоста въ Кіевъ... и сѣдоста на столѣ...“ Эта перемѣна произошла чрезвычайно спокойно, Кіевляне не приняли въ ней участія, чѣмъ и надо объяснять совершенное молчаніе лѣтописца о вооруженномъ столкновеніи между противниками. Это и понятно. Дѣятельная поддержка Изяславу могла вовлечь Кіевлянъ въ рискованную войну съ двумя сильными князьями; тогда какъ пассивное положеніе не заключало въ себѣ ни малѣйшей для нихъ невыгоды: князь мѣнялся, но вмѣсто Изяслава они получали Святослава и Всеволода, которыхъ призывали сами не задолго передъ тѣмъ.—Точно также въ сторонѣ держали себя Кіевляне и при слѣдующей смѣнѣ Всеволода Изяславомъ въ 1077 г. Изяславъ пришелъ на Всеволода безъ ихъ помощи, ему помогали Ляхи; но и Всеволоду не оказали они дѣятельной поддержки: хотя Всеволодъ и вышелъ на встрѣчу Изяславу, но сразиться не рѣшился, и предпочелъ миръ, по которому отказался отъ Кіева. Кіевляне снова приняли Изяслава, противъ котораго въ настоящемъ случаѣ они также ничего не имѣли, какъ въ предшествовавшемъ противъ его братьевъ.

Кромѣ того, князь могъ совершить преступленіе и тѣмъ возбудить противъ себя враждебныя дѣйствія другихъ князей. Стоять за такого князя, значитъ дѣлаться его сообщникомъ. Въ 980 г. Кіевляне были очень далеки отъ того, чтобы оказать дѣятельную помощь князю Ярополку, убійствомъ Олега навлекшему на себя преслѣдованіе со стороны Владиміра. Судя по словамъ Блуда, они даже вступили въ тайное сношеніе съ Владиміромъ, обѣщая ему сдать городъ. Блудъ имѣлъ побужденіе именно въ такомъ свѣтѣ представить Ярополку положеніе дѣлъ, а потому мы и не можемъ вполнѣ полагаться на его слова; но не подлежитъ сомнѣнію, что, какъ только Ярополкъ оставилъ Кіевъ, Кіевляне не оказали ни малѣйшаго противодѣйствія Владиміру и признали его своимъ княземъ.— Подобно этому Давыдъ Игоревичъ, навлекшій на себя преслѣдованіе братьевъ ослѣпленіемъ Василька, не находитъ большой поддержки въ своей волости и ищетъ помощи у Ляховъ: окруженный Святополкомъ во Владимірѣ, Давыдъ принужденъ былъ выдти изъ города, не испробовавши ни разу силы своего оружія; несомнѣнный знакъ, что Владимірцы не рѣшились выступить на его защиту. — Въ 1207 г., во время вражды Всеволода Юрьевича съ Рязанскими князьями, возникшей вслѣдствіе нарушенія ими договора со Всеволодомъ, Рязанцы сами выдаютъ послѣднему „остатокъ своихъ князей и со княгинями“ [1]).

Во 2-хъ, такое пассивное положеніе волости въ княжескихъ усобицахъ, хотя и требуется иногда здравой политикой, но никакъ не можетъ составить общаго правила. Постоянное невмѣшательство волостей въ княжескія отношенія, возведенное въ правило, отдало бы ихъ въ жертву княжескихъ усобицъ. Волости нуждались въ мирѣ и не могли не подавать своего голоса въ его пользу. Любопытный образчикъ такого голоса находимъ подъ 1097 г. Владиміръ Всеволодовичъ, Давыдъ и Олегъ Святославичи, подозрѣвая Святополка Кіевскаго въ участіи при ослѣпленіи Василька, вознамѣрились изгнать его изъ Кіева. Получивъ вѣсть объ этомъ, Святополкъ рѣшается бѣжать. Кіевляне, зная, что бѣгствомъ распря братьевъ не кончится, что Святополкъ можетъ вернутся отыскивать Кіевскаго стола съ чужой помощью, удержали его и послали къ Владиміру такое посольство: „молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли;

---

[1]) Лавр. 980 г., 1097 г., 1207 г.

аще бо възмете рать межю собою, поганіи имуть радоватися, возмуть землю нашу, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣды ваши, трудомъ великимъ и храбрьствомъ поборающе по Русьскѣй земли, ины земли пріискиваху; а вы хочете погубити землю Русьскую". Князья остановились и заключили миръ [1]).

Съ другой стороны, въ договорахъ, заключаемыхъ между народомъ и княземъ, не рѣдко помѣщалось условіе: „не разлучаться съ княземъ ни въ какомъ случаѣ, умереть съ нимъ вмѣстѣ". Невмѣшательство въ войну князей въ этомъ послѣднемъ случаѣ, было бы прямымъ нарушеніемъ обязательства, принятаго на себя народомъ. Точно также необходимо было вмѣшательство, когда опасность потерять столъ угрожала любимому народомъ князю.

Итакъ, хотя княжескія войны возникаютъ по побужденіямъ совершенно чуждымъ интересамъ волости, хотя прямыя пользы народа не рѣдко требуютъ самаго строгаго невмѣшательства и ограниченія враждебныхъ дѣйствій возможно тѣснымъ кругомъ, тѣмъ не менѣе есть случаи, въ которыхъ участіе въ войнѣ не только составляетъ обязанность волости, но и предписывается ея прямыми интересами.

Если народъ рѣшался силою поддержать своего князя, случай далеко не рѣдкій [2]),—онъ долженъ былъ подчиниться и всѣмъ послѣдствіямъ войны [3]).

---

[1]) Лавр. 1097 г.

[2]) Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Въ войнѣ Ярослава съ Святополкомъ 1015—1019 г. Новгородцы оказываютъ энергическую помощь своему князю. Лавр. Въ войнѣ Всеволода и Изяслава Ярославичей съ племянниками, Борисомъ Вячеславичемъ и Олегомъ Святославичемъ, Черниговцы стоятъ за своего князя, Олега, и не впускаютъ къ себѣ въ городъ его противниковъ, хотя самого Олега и не было въ Черниговѣ. Лавр. 1078 г. Подобно этому Кіевляне поддерживаютъ своего любимца, Изяслава Мстиславича, противъ Ольговичей и даже противъ Юрія. Ипат. 1147 и 1150 г. Такою же поддержкой пользуется сынъ Изяслава, Мстиславъ, у Владимірцевъ Волынскихъ. Въ 1157 г. они отстаиваютъ его въ теченіе 10 недѣль противъ соединенныхъ усилій Юрія и Ярослава Галицкаго: Юрій принужденъ былъ снять осаду. Ипат. Война Андрея Боголюбскаго съ Мстиславомъ Кіевскимъ въ 1171 г. есть ни что иное, какъ самая грубая народная борьба—Смольнянъ, Суздальцевъ и Черниговцевъ противъ богатыхъ Кіевлянъ, въ которой на первомъ мѣстѣ стояла жажда обогатиться на счетъ матери городовъ Русскихъ, Ипат. 1171 г. Въ 1024 г. Кіевляне не принимаютъ къ себѣ Мстислава, хотя князь ихъ, Ярославъ, и былъ въ Новгородѣ. Воскр. Въ 1147 г. Выревцы не сдаются Святославу Всеволодичу, говоря, что у нихъ есть свой князь, Изяславъ. Ипат.—Ср еще 1160 г. тамъ же. Въ 1155 г. Лучане отсидѣлись съ своимъ княз., Ярославомъ Изяславичемъ, отъ Ярослава Галицкаго. Ипат. Въ 1158 г. Туровцы 10 недѣль отстаивали своего князя, Юрія Ярославича, противъ Изяслава Давыдовича и его союзниковъ; осаждавшіе принуждены были отступить. Ипат. Въ 1205 г. Галичане, по смерти Романа, цѣлуютъ крестъ сыну его, Даніилу, и защищаютъ его противъ Рюрика и Ольговичей. Лавр. Въ 1296 г. Переяславцы—выступаютъ для поддержанія князя своего, Ивана. Воскр.

[3]) Побѣжденный городъ не рѣдко „брался на щитъ",—т. е. отдавался на

Какъ невмѣшательство, такъ и вмѣшательство для побѣжденной стороны имѣло послѣдствіемъ разрушеніе связи съ разъ признаннымъ уже княземъ и принятіе на столъ побѣдителя. Измѣненіе изображенныхъ нами отношеній князя къ вѣчу заключалось главнымъ образомъ въ этомъ первомъ моментѣ, насильственномъ занятіи стола, устранявшемъ осуществленіе права призванія. Послѣдующія же отношенія князя побѣдителя къ вѣчу не представляли существенныхъ особенностей: ему также было необходимо соглашеніе [1]) съ народомъ, какъ и князю призванному. При отсутствіи постояннаго войска, большія войны могли быть ведены только съ помощью народа, который расходился по домамъ, какъ скоро непосредственная цѣль войны была достигнута. Если бы князю съ помощью населенія своей волости или чужеземной и удалось изгнать своего противника и занять его столъ, этотъ успѣхъ еще нисколько не ручался за прочность пріобрѣтенія. Въ завоеванной волости могла остаться и обыкновенно оставалась только незначительная часть побѣдителей, ближайшая дружина князя. Эта небольшая горсть людей легко могла быть изгнана, если князь не успѣвалъ достигнуть единенія съ побѣжденными, или, по крайней мѣрѣ, составить себѣ среди нихъ сколько нибудь значительную партію. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени поучителенъ примѣръ Юрія Долгорукова: онъ не умѣлъ ладить съ Кіевлянами и потому, несмотря даже на нерѣдкое уклоненіе ихъ отъ открытой борьбы съ нимъ, не успѣлъ прочно утвердиться на Кіевскомъ столѣ. Подобно этому и его внуки, Ростиславичи, хотя и вошли побѣдителями во Владиміръ и Переяславль, но были изгнаны, какъ скоро оказалось, что между ними и завоеванной волостью не можетъ быть единенія.

разграбленіе побѣдителей. Кіевъ подвергся двумъ великимъ разореніямъ в 1171 и 1203 г. Лавр. До нашествія Татаръ такой участи не испытывалъ ни одинъ изъ большихъ городовъ древней Россіи. Это двукратное опустошеніе Кіева было главнѣйшей причиной утраты имъ того значенія, которымъ онъ пользовался почти до самаго конца XII вѣка. Второе послѣдствіе войны для стороны побѣжденной заключалось въ необходимости принять князя побѣдителя. Такъ въ 1078 г. Черниговцы, по пораженіи князя своего Олега, принимаютъ— соперника его Владиміра. Лавр. Въ 1146 г. Путивлечи принуждены признать Изяслава. Ипат. Въ 1167 г. Полочане принимаютъ побѣдителя, Володаря. Ипат. Въ 1199 г. Галичане должны признать Романа, которому помогалъ Лешко. Густ. Ср. еще Лавр. 1206 г., Новгр. 1273 г., Львов. 1331 г.

[1]) Даже есть случаи ряда побѣжденнаго города съ княземъ побѣдителемъ. Такъ въ 1175 г. Владимірцы заключаютъ рядъ съ Ярополкомъ Ростиславичемъ, который во главѣ Ростовцевъ и Суздальцевъ принудилъ ихъ къ сдачѣ. Сузд. На тоже указываетъ обоюдное крестное цѣлованіе Полочанъ съ Володаремъ, занявшимъ Полоцкъ вслѣдствіе побѣды надъ Полоцкимъ княземъ Всеславомъ и Полочанами въ 1167 г. Ипат. Ср. еще извѣстіе Ипат. лѣт. подъ 1146 г. о сдачѣ Путивля Изяславу Мстиславичу.

Волости сознавали, что княжескія усобицы были источникомъ многихъ бѣдствій, а потому и прибѣгали къ нѣкоторымъ мѣрамъ съ цѣлью ограничить ихъ. Сюда надо относить то извѣстіе, которое сохранилось о Полоцкѣ подъ 1128 г. Частыя войны Всеславичей съ Кіевскими Ярославичами приводятъ Полочанъ къ необходимости взять себѣ князя съ согласія Мстислава Кіевскаго, чтобы такимъ образомъ прекратить на будущее время опустошенія своей земли: „И тако, говоритъ лѣтописецъ, Полочане выгнаша Давыда съ сынами, поемше Рогволода идоша ко Мстиславу, просяче его собѣ княземъ, и сотвори волю ихъ Мстиславъ; поемше Рогволода, ведоша й къ Полотьску“ [1]). Новгородцы призываютъ къ себѣ обыкновенно князей изъ сильнѣйшаго дома, а послѣ Монгольскаго нашествія тѣхъ, которые получили Ханскій Ярлыкъ на Великое Княженіе. Это соединеніе съ сильнѣйшимъ княземъ въ значительной степени ограждало предѣлы новогородскіе отъ вторженія его болѣе слабыхъ противниковъ. Сюда же относится стремленіе сѣверныхъ Владимірцевъ ограничить число соискателей Владимірскаго стола потомками Всеволода Юрьевича. Та же мысль—ограничить княжескія усобицы—проглядываетъ и въ нежаланіи Кіевлянъ поднять руку на Владимірово племя; это нежеланіе разлѣляютъ съ ними и Куряне (жители Курска) [2]).

Но это были исключительно частны мѣры отдѣльныхъ волостей, изъ которыхъ не выработалось никакихъ общихъ нормъ для всей Русской земли, что одно могло бы быть дѣйствительнымъ средствомъ противъ княжескихъ усобицъ. Во весь разсматриваемый періодъ отдѣльныя волости относились одна къ другой, какъ разныя государства. Это отсутствіе всякаго высшаго единенія давало полную свободу эгоистическимъ стремленіямъ князей.

Взаимныя отношенія князей.

Древняя Россія представляетъ множество отдѣльныхъ княженій. Въ каждомъ такомъ княженіи былъ свой князь, а потому возникаетъ вопросъ: въ какомъ отношеніи находились эти князья между собою? Относительно этого вопроса въ нашей литературѣ господствующее воззрѣніе состоитъ въ

[1]) Ипат. 1128 г.
[2]) Ипат. 1147 г.

томъ, что во главѣ всѣхъ князей стоялъ одинъ Великій князь, которому всѣ остальные были подчинены, и древняя Россія представляла нѣчто единое. Къ этому воззрѣнію нельзя присоединиться. Между князьями не было подчиненія по какому нибудь общему правилу; не было великаго князя, который пользовался бы лучшими правами сравнительно съ младшими князьями. Въ отношеніяхъ князей мы замѣчаемъ тоже начало, какое мы видѣли въ отношеніяхъ князей къ народу, а именно начало соглашенія: князья были между собою или въ мирѣ, или въ войнѣ. „Миръ стоитъ до рати, рать стоитъ до мира", говорили въ это время, или: „урядимся либо войною, либо миромъ." Такимъ образомъ одно и тоже начало проходитъ чрезъ всѣ жизненныя отношенія древнѣйшаго времени. Между князьями существуютъ только договорныя отношенія.

Мы имѣемъ въ виду отношенія князей самостоятельныхъ, т. е. князей, вышедшихъ изъ подъ отеческой власти. Отношенія же князей сыновей къ князю отцу опредѣлялись общимъ семейнымъ правомъ, въ силу котораго дѣти состояли въ подчиненіи волѣ ихъ отца; это были семейныя, а не государственныя отношенія. Волости, управляемыя князьями — дѣтьми, состояли какъ бы въ личномъ соединеніи съ волостью, управляемой княземъ отцемъ. Въ силу семейнаго подчиненія дѣтей отцу, у нихъ былъ собственно одинъ князь — князь отецъ; князья же дѣти играли роль его намѣстниковъ, представляли своего отца. Во время пріѣзда князя отца въ волость сына, первый вступалъ во всѣ права послѣдняго: велъ переговоры съ вѣчемъ, предводительствовалъ на войнѣ и пр. [1]).

Каждому князю, вышедшему изъ подъ отеческой власти и занимающему столъ какой либо волости, принадлежитъ верховная власть этой волости въ тѣхъ предѣлахъ, которые обозначены выше. Онъ вѣдаетъ всѣ дѣла своей волости внѣ всякой зависимости отъ другихъ князей: онъ можетъ вести войну и вступать въ союзы съ кѣмъ ему угодно; онъ собираетъ пошлины и дани для себя; на его судъ нѣтъ апелляціи къ другому высшему суду. Надъ такимъ княземъ не существуетъ никакой высшей княжеской власти [2]).

Взаимныя отношенія князей, какъ и всякихъ независимыхъ одинъ отъ другаго правителей, опредѣляются договорами. Исторія княжескихъ отношеній есть ни что иное, какъ исто-

---

[1]) Для прим. см. Ник. 1131 г., Ипат. 1168 г., Лавр. и Новгор.I. 1256 г.

[2]) Ср. С. М. Соловьева, объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ въ чтеніяхъ 1846 г. № I стр. 25, и его исторію Т. II. стр. 10.

рія договоровъ. Въ настоящей главѣ мы разсмотримъ слѣдующіе вопросы: кому изъ князей принадлежало право вступать въ договоры, порядокъ совершенія договоровъ, ихъ виды и самое содержаніе договорнаго права; но послѣднее только на столько, на сколько оно не касалось порядка преемства столовъ и вообще перехода ихъ отъ одного князя къ другому, о чемъ и будетъ рѣчъ ниже; и наконецъ, средства, употреблявшіяся для обезпеченія силы договоровъ, и порядокъ ихъ уничтоженія

Обращаясь къ первому вопросу, мы должны сказать, что право вступать въ договоры принадлежало каждому самостоятельному князю. Только отношенія дѣтей къ родителямъ опредѣлялись семейнымъ правомъ, и только между ними не было договоровъ; всѣ князья, освободившіеся отъ отеческой власти, могли вступать въ договоры какъ съ младшими изъ своихъ родственниковъ, такъ и со старшими. Какъ право вступать въ договоры не стѣснялось степенями родства, также точно не стѣснялось оно и относительнымъ значеніемъ волостей, управляемыхъ князьями: князья старшихъ волостей заключали договоры съ князьями, занимавшими столы въ младшихъ волостяхъ.

Только что высказанное положеніе составляетъ наше дѣйствующее право на всемъ протяженіи разбираемаго періода, начиная взаимными отношеніями первыхъ трехъ братьевъ, Святославичей, и окончивая XVI вѣкомъ, какъ временемъ окончательнаго установленія единодержавія.

Наши источники полны свидѣтельствами о договорныхъ отношеніяхъ князей. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ порядкѣ времени, но расположивши по тремъ группамъ: въ 1-ой будутъ указаны примѣры, свидѣтельствующія о существованіи договорнаго права между родными братьями; во 2-ой между дядьями и племянниками первыхъ двухъ степеней; и наконецъ въ 3-ей между братьями, дядьями и племянниками болѣе отдаленныхъ степеней.

Необходимость въ договорѣ почувствовалась сейчасъ же, какъ только явилось нѣсколько князей въ Русской землѣ. Эти первые „нѣсколько князей“ были родные братья, Святославичи: Ярополкъ Кіевскій, Олегъ Древлянскій и Владиміръ Новгородскій. Въ войнѣ Владиміра съ Ярополкомъ воевода послѣдняго, Блудъ, даетъ такой совѣтъ своему князю: „видишь ли сколько войска у брата твоего? намъ ихъ не перебороть; твори миръ съ братомъ своимъ“! И далѣе:„ поиди къ

брату твоему и скажи ему: что ми ни вдаси, то язъ пріиму". Ярополкъ послушался и отправился къ Владиміру. Такимъ образомъ, прекращеніе войны и установленіе новыхъ отношеній между старшимъ братомъ и княземъ Кіевскимъ и его младшимъ братомъ, княземъ Новгородскимъ, посредствомъ мирнаго трактата представляется дѣломъ нормальнымъ, какъ сомому князю, такъ и его приближеннымъ, не смотря на то, что старшему брату приходилось мириться на всей волѣ младшаго.

Сынъ и ближайшій преемникъ Владиміра, Ярославъ Кіевскій, заключилъ въ 1026 г. мирный договоръ съ младшимъ братомъ своимъ, Мстиславомъ, княземъ Черниговскимъ, при чемъ принужденъ былъ принять условія, предложенныя ему послѣднимъ еще въ 1024 г. — Тѣ же явленія встрѣчаемъ и въ XII в. Подъ 1132 г. находимъ извѣстіе о договорѣ, заключенномъ между родными братьями, Мстиславомъ и Ярополкомъ Владиміровичами, еще при жизни ихъ отца и по его повѣленію. Свидѣтельство чрезвычайно любопытное, ибо указываетъ на то, что и въ глазахъ отца договоръ между князьями братьями, которымъ они сами связываютъ свою волю, является необходимымъ средствомъ для опредѣленія ихъ отношеній въ будущемъ, когда прекратитъ свое существованіе соединяющая ихъ отеческая власть [1]).

Сѣверо-восточная Русь въ этомъ отношеніи также мало отличается отъ юго-западной, какъ и въ другихъ. Едва умеръ Всеволодъ Юрьевичъ, державшій въ своей рукѣ весь Суздальскій край, какъ между его сыновьями обнаружились отношенія, совершенно подобныя тѣмъ, какія мы только-что наблюдали между князьями братьями въ юго-западной Россіи. Юрій, второй сынъ Всеволода, не надѣясь, что старшій братъ его, Константинъ, удовольствуется волостью, назначенною ему по распоряженію отца, и не будетъ искать подъ нимъ Владиміра, заключаетъ оборонительный противъ Константина союзъ съ младшимъ братомъ своимъ, Ярославомъ, Переяславскимъ княземъ. Опасенія Юрія оказались совершенно основательными: какъ только узналъ Константинъ о смерти отца, такъ и началъ собирать войско на Юрія. Мирныя предложенія, сдѣланныя Юріемъ, были отвергнуты, и между братьями возгорѣлась война. Счастіе войны было на сторонѣ младшихъ братьевъ и старшій принужденъ былъ въ 1214 г. заключить

---

[1]) Лавр. 980 г., 1024 г., 1026 г., 1132 г.

съ ними миръ на условіяхъ, которыя (судя потому, что каждый братъ остался въ своей волости) были для Константина гораздо менѣе благопріятны, чѣмъ предложенныя ему передъ началомъ войны.—Мирнымъ договоромъ, заключеннымъ въ 1282 году, была прекращена война Даніила, Московскаго князя, съ старшимъ его братомъ Димитріемъ, великимъ княземъ Владимірскимъ. Въ слѣдующемъ году встрѣчаемъ новый мирный договоръ между тѣмъ же великимъ княземъ Димитріемъ и другимъ младшимъ братомъ его, Андреемъ. Подъ 1301 годомъ находимъ извѣстіе о съѣздѣ князей у Дмитрова—также съ цѣлью заключенія мирнаго трактата. Участниками на этомъ съѣздѣ между другими князьями являются и два родныхъ брата: Андрей Александровичъ, тогда великій князь Влидимірскій, и младшій братъ его, Даніилъ Московскій. На съѣздѣ въ Костромѣ въ 1360 г. принимаютъ участіе родные братья, Андрей Константиновичъ Суздальскій и старшій братъ его, Димитрій Константиновичъ Нижегородскій [1]).

Тѣ же порядки продолжаются и во весь послѣдующій княжескій періодъ, отъ котораго сохранились полные тексты договоровъ. Обнародованныя до сихъ поръ собранія княжескихъ договоровъ далеко не исчерпываютъ своего предмета; но изданныхъ договоровъ совершенно достаточно, чтобы разсѣять всякое сомнѣніе относительно той роли, которую они играли въ опредѣленіи княжескихъ отношеній. Мы укажемъ на тѣ изъ нихъ, которые относятся къ разбираемому здѣсь вопросу. Великій князь Семенъ Ивановичъ, въ самый годъ вступленія своего на Московскій столъ, нашелъ необходимымъ особымъ договоромъ опредѣлить отношенія свои къ младшимъ братьямъ, Ивану и Андрею. Подобно этому внукъ его, великій князь Московскій Василій Дмитріевичъ, заключаетъ договоръ съ двумя изъ младшихъ своихъ братьевъ, Андреемъ и Петромъ. Это далеко не единственный договоръ между родными братьями, который сохранился отъ XV вѣка: отъ этого времени до насъ дошло еще 11 подобныхъ договоровъ. Девять изъ нихъ заключены въ небольшой промежутокъ времени отъ 1472 г. до 1481 г. великимъ княземъ Московскимъ Иваномъ Васильевичемъ съ его родными братьями — Андреемъ Большимъ, княземъ Углицкимъ, Борисомъ, княземъ Волоцкимъ, и другимъ Андреемъ, княземъ Можайскимъ. Два остальныхъ принадлежатъ Рязани и заключены между вели-

[1]) Сузд. 1213 г,. 1214 г.; Льв. и Воскр. 1282 г.; Соф. I. 1283 г.; Лавр. 1301 г. Воскр. 1360 г.

Типографія М. М. Стасюлевича Вас. Остр., 2 л., 7.

кимъ княземъ Рязанскимъ Иваномъ Васильевичемъ и роднымъ братомъ его, Ѳедоромъ. — Въ самомъ началѣ XVI вѣка мы встрѣчаемъ договоръ, который совершенно переноситъ насъ въ XII вѣкъ, къ договору, приведенному выше подъ 1132 годомъ. Великій князь Московскій, Иванъ Васильевичъ, желая еще при жизни своей опредѣлить отношенія, имѣющія возникнуть послѣ его смерти между вторымъ своимъ сыномъ, Юріемъ, и старшимъ его братомъ, Василіемъ, будущимъ великимъ княземъ, заставляетъ ихъ заключать между собой взаимный договоръ. — Княженіе Василія Ивановича, послѣдняго Московскаго князя, даетъ намъ и примѣръ послѣдняго договора между князьями-братьями. Въ 1531 году, желая упрочить положеніе своего новорожденнаго сына, Василій заключаетъ договоръ съ младшимъ братомъ Юріемъ [1]).

Договоры между дядьями и племянниками также древни, какъ и договоры между родными братьями: они возникаютъ при первомъ появленіи въ нашей исторіи дяди и племянниковъ. По смерти Ярослава Владиміровича, сыновья его, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, возвращаютъ свободу родному дядѣ своему, Судиславу, болѣе 20 лѣтъ сидѣвшему въ тюрьмѣ по волѣ отца ихъ, и приводятъ его ко кресту. Лѣтопись не говоритъ, къ чему именно обязался Судиславъ за возвращенную ему свободу; но судя по тому, что онъ постригся вслѣдъ за крестнымъ цѣлованіемъ, надо думать, что принятое ими на себя обязательство заключалось въ отказѣ отъ всякихъ притязаній на какую бы то ни было волость въ Русской землѣ. Въ 1066 году Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ цѣлуютъ крестъ къ двоюродному племяннику своему, Всеславу Полоцкому, въ томъ, что не сдѣлаютъ ему никакого зла. На знаменитомъ Любецкомъ съѣздѣ вмѣстѣ съ дядьями: Святополкомъ, Михаиломъ, Владиміромъ Мономахомъ, Давыдомъ Игоревичемъ, Давыдомъ и Олегомъ Святославичами принимаетъ участіе и двоюрдный племянникъ ихъ, Василько Ростиславичъ. Подъ 1150 годомъ встрѣчаемся съ двумя договорами Изяслава Мстиславича съ роднымъ дядею его, Вячеславомъ. Лѣтопись сохранила намъ свидѣтельство и, еще о

---

[1]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. 1. № №: 23, 37, 38, 95, 97—101, 106—110, 125, 127, 128, 133, 160 Такимъ образомъ, начиная Семеномъ Ивановичемъ и окончивая Василіемъ Ивановичемъ, всѣ великіе князья Московскіе состоятъ въ договорныхъ отношеніяхъ къ своимъ роднымъ братьямъ. Мы не имѣемъ только договора Дмитрія Ивановича съ его роднымъ братомъ, Иваномъ; но что отношенія Дмитрія къ князьямъ родственникамъ были также договорныя, это будетъ видно изъ послѣдующаго.

двухъ мирныхъ трактатахъ того же князя, Изяслава, съ другимъ его роднымъ дядею, Юріемъ: по первому, заключенному въ 1149 г., Изяславъ отказывался отъ Кіева въ пользу дяди Юрія; по второму отъ 1151 г., наоборотъ, Юрій отказывался отъ Кіева въ пользу племянника, Изяслава. — Въ 1154 г. Юрій Владиміровичъ заключаетъ договоръ съ другимъ роднымъ племянникомъ, Ростиславомъ. — Съ тѣми же порядками встрѣчаемся и на самой западной окраинѣ русской земли, въ Володимірѣ Волынскомъ и въ Галичѣ: въ 1267 году на совѣтъ о Русской землѣ собираются родные братья, Левъ и Шварнъ Даниловичи, и родной дядя ихъ, Василько Романовичъ. — Въ сѣверо-западной Россіи на съѣздѣ у Дмитрова въ 1301 г. вмѣстѣ съ родными братьями, Андреемъ и Даніиломъ Александровичами, и ихъ двоюроднымъ братомъ, Михаиломъ Ярославичемъ, принимаетъ участіе и родной племянникъ ихъ, Иванъ Дмитріевичъ, Переяславскій князь [1]).

Изъ дошедшихъ до насъ полныхъ договоровъ укажемъ на слѣдующіе. Въ 1389 г. Василій Дмитріевичъ, великій князь Московскій, заключаетъ договоръ съ двоюроднымъ дядею своимъ, Серпуховскимъ княземъ, Владиміромъ Андреевичемъ. Отъ княженія сына Василія Димитріевича, Василія, имѣемъ два договора этого князя съ роднымъ дядею его, Галицкимъ княземъ, Юріемъ Дмитріевичемъ. Юрій Дмитріевичъ, съ своей стороны, былъ въ договорѣ съ родными племянниками своими, Можайскими князьями, Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами. Слѣдующій за тѣмъ Московскій князь, Иванъ Васильевичъ, оставилъ намъ 7 договоровъ, заключенныхъ имъ въ разныя времена съ двоюроднымъ дядею, Верейскимъ княземъ, Михаиломъ Андреевичемъ. Наконецъ послѣдній договоръ дяди съ племянникомъ относится къ княженію послѣдняго Московскаго князя, Василія Ивановича: къ договору, заключенному этимъ княземъ въ 1531 г. съ роднымъ братомъ своимъ, Юріемъ, былъ пріобщенъ и малолѣтній сынъ Василія, Иванъ [2]).

Если необходимость опредѣлять отношенія князей взаимными договорами не исключалась ни такимъ близкимъ родствомъ, кокое существовало между родными братьями, ни такимъ несомнѣннымъ родовымъ старшинствомъ, какое имѣли дяди передъ племянниками, то понятно, насколько эта необходимость была настоятельна для двоюродныхъ братьевъ и другихъ болѣе

---

[1]) Лавр. 1059 г., 1066 г.; 1097 г.; Ипат. 1149 г., 1151 г., 1154 г.; Густ. 1267 г.; Лавр. 1301 г.

[2]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 35, 43, 47, 49, 91, 92—94, 113, 114, 118, 160.

отдаленныхъ родственниковъ. Мы ограничимся самымъ небольшимъ числомъ примѣровъ. Князья-двоюродные братья появляются въ нашей исторіи не прежде второй половины XI вѣка; къ этому же времени относится и первый договоръ между ними. Въ 1097 г. на Любецкомъ съѣздѣ договариваются двоюродные братья: Святополкъ Изяславичъ, Давыдъ и Олегъ Святославичи, Владиміръ Всеволодичъ и Давыдъ Игоревичъ [1]). Въ XII вѣкѣ укажемъ на договоръ Святослава Ольговича съ его двоюроднымъ братомъ, Изяславомъ Давыдовичемъ, заключенный ими въ 1153 г. на съѣздѣ у Хоробря. На съѣздѣ въ Моровійскѣ въ 1160 г. тотъ же самый Святославъ Ольговичъ договаривается съ племянникомъ своимъ (въ 7 степени), Ростиславомъ Мстиславичемъ. Подъ 1189 годомъ находимъ извѣстіе о существованіи договора между сыномъ Ростислава, Рюрикомъ, и дядею его (въ 9 степени) Святославомъ Всеволодичемъ. Въ 1226 г. встрѣчаемъ мирный трактатъ между четвероюрдными братьями, Михаиломъ Всеволодичемъ Черниговскимъ и Олегомъ Курскимъ. На съѣздѣ въ Переяславлѣ въ 1356 г. вмѣстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ, Московскимъ княземъ, принимаетъ участіе и внукъ его (въ 8 степени), Андрей Константиновичъ Суздальскій [2]).

Изъ многочисленныхъ договоровъ между великими князьями Московскими, Рязанскими, Тверскими, Смоленскими и ихъ родственниками, сохранившихся отъ XIV и XV вѣка, укажемъ для примѣра на два: на договоръ великаго князя Московскаго, Дмитрія Ивановича, съ двоюроднымъ братомъ его, Владиміромъ Андреевичемъ, Серпуховскимъ княземъ, заключенный въ 1362 г., и на договоръ внука его, Василія Васильевича съ двоюродными братьями его, князьями Можайскими, Михаиломъ и Иваномъ, отъ 1433 года [3]).

И такъ, право вступать въ договоры принадлежитъ каждому князю, несмотря ни на степень родства, соединяющую его съ другими князьями, ни на относительное значеніе управляемой имъ волости.

Княжескіе съѣзды служили самымъ обыкновеннымъ средствомъ для заключенія договоровъ и всякихъ соглашеній, имѣвшихъ цѣлью какое либо совокупное дѣйствіе нѣсколькихъ князей.

---

[1]) Лавр. 1097 г. Ср. еще Лавр.: договоры тѣхъ же князей въ 1100 г. на съѣздѣ въ Увѣтичахъ, въ 1101 г. на съѣздѣ въ Золотци; рядъ Святополка съ Владиміромъ въ 1102 г. и несостоявшійся съѣздъ въ 1096 г.

[2]) Ипат. 1153 г., 1160 г., 1189 г.; Лавр. 1226 г.; Соф. I. 1356 г.

[3]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 27 и 46.

На устройствѣ княжескихъ съѣздовъ, или „думы князей“ и порядкѣ, который наблюдался во время переговоровъ, вполнѣ отразилось указанное выше начало независимости, которымъ опредѣлялись взаимныя отношенія князей.

Древняя Россія не знаетъ обязательныхъ съѣздовъ, на которые князья должны были бы являться для обсужденія вопросовъ общихъ всей Русской землѣ; князья могли съѣзжаться для достиженія какихъ либо общихъ цѣлей, но не были къ тому обязаны. Княжескіе съѣзды не имѣли ни опредѣленнаго состава, ни опредѣленнаго времени собранія: князья съѣзжались, когда хотѣли, и въ такомъ составѣ, въ какомъ хотѣли. Мы не встрѣчаемъ ни одного съѣзда, на которомъ участвовали бы всѣ князья Русской земли; за то наши источники полны свидѣтельствами о частныхъ съѣздахъ Русскихъ князей, въ которыхъ принимаютъ участіе князья той или другой мѣстности. Отношенія родства не играютъ при этотъ никакой рѣшающей роли: родственники болѣе отдаленныхъ степеней соединяются для совокупнаго дѣйствія противъ ближайшихъ. Для примѣра укажемъ на съѣздъ Давыдовичей съ племянникомъ ихъ (въ 7 степени), Изяславомъ Мстиславичемъ, на которомъ князья уговорились дѣйствовать противъ двоюроднаго брата Давыдовичей, Святослава Ольговича; а въ слѣдующемъ 1147 году съѣхались въ Москвѣ Юрій со Святославомъ Ольговичемъ (братья въ 6 степени) для условія относительно общихъ дѣйствій противъ Изяслава Мстиславича, роднаго племянника Юрія, и Давыдовичей, двоюродныхъ братьевъ Святослава [3]).

Тотъ же характеръ полной свободы и независимости отражается и на порядкѣ самыхъ переговоровъ. Княжескіе съѣзды не имѣли права издавать обязательныхъ для князей постановленій. Вся ихъ дѣятельность ограничивалась договорами и соглашеніями. Постановленія съѣзда были обязательны только для участниковъ его и на столько, на сколько они согласились съ ними. Если тотъ или другой изъ участниковъ съѣзда не приходилъ ни къ какому соглашенію съ другими, онъ былъ свободенъ оставить собраніе и для него не возникало никакихъ послѣдствій изъ такого съѣзда. Этому выходу изъ состоявшагося уже съѣзда совершенно приравнивается и простое нежеланіе принять участіе въ съѣздѣ. По обстоятельствамъ, вызвавшимъ необходимость съѣзда, и по лицамъ, составившимъ его, можно уже до нѣкоторой степени судить

[3]) Ипат. 1146 г., 1147.

и о направленіи, которымъ будутъ проникнуты его постановленія; а потому нежеланіе принять участіе въ съѣздѣ есть только особый видъ несогласія съ его опредѣленіями.

Всѣ дошедшія до насъ извѣстія о княжескихъ съѣздахъ носятъ на себѣ обозначенный здѣсь характеръ. Мы укажемъ на нѣкоторыя. Подъ 1170 г. лѣтописецъ такъ описываетъ порядокъ, которымъ соединились князья для общаго похода противъ Половцевъ: „Вложи Богъ въ сердце Мстиславу Изяславичу мысль благу о Русской землѣ, зане же ей хотяше добра всѣмъ сердцемъ; и созва братью свою и нача думати съ ними, река имъ тако: братья! пожальтеся о Русской землѣ; а уже у насъ и Греческій путь отнимаютъ (Половцы) и Соляный и Залозный; а лѣпо ны было, братье, възряче на Божію помощь и на молитву святой Богородицы поискати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести. И угодна быть рѣчь его преже Богу и всеѣ братьѣ. И рекоша ему братья вся: Богъ ти, брате, помози въ томъ, оже ти Богъ вложилъ таку мысль въ сердце; а намъ дай Богъ за крестьяне и за Русскую землю головы свои сложити“. Князья согласились съ предложеніемъ Мстислава и общій походъ состоялся.—А вотъ образчикъ инаго исхода совершенно такой же думы князей. Подъ 1382 г. читаемъ: „Великій же князь Дмитрій Ивановичъ, слыша такую вѣсть, оже идеть на него самъ царь (Тохтамышъ) въ множествѣ силы своея, и нача совокупляти свои полки ратныхъ, и выѣха изъ города съ Москвы, хотя идти противу ратныхъ; и начаша думу таковую думати великій князь Дмитрій Ивановичъ со всѣми князи Русскими и обрѣтеся разность въ нихъ, не хотяху помогати. Бывшу же промежи ими не одиначеству, и то познавъ великій князь Дмитрій Ивановичъ бысть въ недоумѣніи и размышленіи, не хотя стати противу самого царя, но поѣха въ свой градъ Переяславль, а оттуда мимо Ростовъ, и паки реку вборзѣ и на Кострому“.—Говоря словами лѣтописца, на съѣздѣ князей должно быть одиначество, соглашеніе всѣхъ участниковъ съ однимъ мнѣніемъ, въ противномъ случаѣ съѣздъ не достигалъ никакихъ общихъ для всѣхъ собравшихся цѣлей. На съѣздѣ 1382 г. одиначества не было, а потому великій князь Дмитрій Ивановичъ, не надѣясь на свои собственныя силы, и принужденъ былъ измѣнить свое первоначальное рѣшеніе и отступить на сѣверъ вмѣсто того, чтобы идти на встрѣчу Тохтамышу [4]).

[4]) Ипат. 1170 г; Воскр. 1382 г.

Очень любопытное извѣстіе находимъ подъ 1183 г. „Князь же Святославъ Всеволодичъ, говоритъ лѣтописецъ, сгадавъ со сватомъ своимъ Рюрикомъ, поидоша на Половцѣ и сташа у Олжичь, ожидающе Ярослава (младшаго брата Святослава) изъ Чернигова; и устрѣте й Ярославъ и рече имъ: нынѣ, братья, не ходите, но срекше веремя оже дасть Богъ на лѣто пойдемъ; Святославъ же и Рюрикъ, послушавша его, возвратишася". Такимъ образомъ, старшій братъ и князь Кіевскій, Святославъ, по совѣщаніи съ княземъ сосѣдней волости и племянникомъ своимъ (въ 9 степени), Рюрикомъ, рѣшается предпринять походъ на Половцевъ и дѣйствительно выступаетъ противъ нихъ. Оставалось только дождаться младшаго брата, Ярослава Черниговскаго, чтобы вступить въ землю Половецкую. Но едва пріѣхалъ этотъ младшій братъ, какъ составилась новая княжеская дума на этотъ разъ изъ 3 князей, и вопросъ о войнѣ подвергся новому обсужденію. Ярославъ предложилъ отложить войну до будущаго лѣта, мнѣніе совершенно несогласное съ тѣмъ, которое только-что было принято старшимъ братомъ его, Святославомъ, и Рюрикомъ. Возникшее такимъ образомъ разногласіе (неодиначество) было устранено уступчивостью Святослава и Рюрика: они согласились съ мнѣніемъ Ярослава и уже начатый походъ былъ отмѣненъ. Въ 1189 г. тотъ же самый Святославъ въ союзѣ съ Рюрикомъ и братьями его предпринялъ походъ на Галичъ. Достигнувъ Галича, но еще не начиная военныхъ дѣйствій, князья стали рядитьвя „о волость Галицкую", т. е. совѣщаться о дѣлежѣ будущей добыли. На этомъ совѣщаніи между князьями не состоялось никакого соглашенія. Необходимымъ слѣдствіемъ такого неодиначества было паденіе всего предпріятія, князья принуждены были возвратиться: „и тако не урядившеся возвратишася во свояси", говоритъ лѣтописецъ. —

Подъ 1301 г. находимъ такое описаніе съѣзда: „Того же лѣта учиниша спемъ у Дмитрова Андрей, князь великій, Михайло, князь Тверскій, Данило, князь Московскій, Іоаннъ, князь Дмитріевичъ изъ Переяславля, и взяша миръ межи собою; а Михайло съ Иваномъ не докончалъ межи собою". И такъ, кто хотѣлъ тотъ помирился, кто не хотѣлъ, остался въ прежней розни. На съѣздахъ каждый князь дѣйствуетъ за себя [1]).

Рядомъ съ договорами, заключенными на съѣздахъ самихъ князей, встрѣчаемся и съ такими, которые заключались при

[1]) Ипат. 1183 г. 1189 г.; Лавр. 1301 г.

участіи пословъ [1]). Иногда этотъ послѣдній способъ является дополненіемъ къ первому: князья, договорившіеся о чемъ либо на съѣздѣ, приглашаютъ черезъ пословъ присоединиться къ ихъ соглашенію такихъ князей, которые почему либо не могли принять участія въ личныхъ совѣщаніяхъ [2]). Эта замѣна князей послами ничего не измѣняла въ существѣ дѣла: если приглашаемые чрезъ пословъ князья находили согласнымъ съ своими интересами присоединиться къ договору или совокупному дѣйствію другихъ князей, они присоединялись, если нѣтъ, — они оставались въ сторонѣ. Въ 1183 г. Святославъ Всеволодичъ и Рюрикъ Ростиславичъ сговорились идти на Половцевъ и отправили пословъ къ сосѣднимъ князьямъ, приглашая ихъ участвовать въ походѣ. На это приглашеніе отозвались согласіемъ: Владиміръ Глѣбовичъ, Переяславскій князь, Всеволодъ Ярославичъ Луцкій съ братомъ Мстиславомъ, Мстиславъ Романовичъ, Изяславъ Давыдовичъ, Городенскій князь Мстиславъ, Ярославъ, князь Пинскій, съ братомъ Глѣбомъ и Ярославъ Галицкій, приславшій отъ себя помощь; „а своя братія, продолжаетъ лѣтописецъ, не идоша, рекуще: далече ны есть идти внизъ Днѣпра, не можемъ своей земли пусты оставити; но аже пойдеши на Переяславль, то скупимся съ тобою на Руссѣ“. И такъ, кто хотѣлъ, пошелъ, кто не хотѣлъ, остался дома.

Въ 1195 г. Рюрикъ, князь Кіевскій, согласившись съ братомъ своимъ Давыдомъ, Смоленскимъ княземъ, и дядею (въ 5 степени) Всеволодомъ, Владимірскимъ (на Клязмѣ) княземъ, относительно раздѣла Русской земли между потомками Владиміра Мономаха и Черниговскими князьями, отправляютъ пословъ къ послѣднимъ съ приглашеніемъ присоединиться къ состоявшемуся между ними соглашенію. Черниговскіе князья нашли условія этого соглашенія невыгодными для себя и отказались присоединиться [3]).

Такимъ образомъ, какъ договоры, такъ и всѣ случаи совокупнаго дѣйствія нѣсколькихъ князей имѣютъ въ своемъ основаніи свободную волю участниковъ. Необходимость свободной воли составляли до такой степени существенное условіе княжескихъ отношеній, что наши источники особенно отмѣчаютъ тѣ случаи, въ которыхъ это условіе нарушалось. Такъ подъ

---

[1]) Такъ напр. былъ заключенъ мирный трактатъ Изяслава Мстиславича съ Давыдовичами и Ольговичами въ 1148 г., Ипат.

[2]) См. напр. съѣздъ въ Роговѣ, Ипат. 1194 г.

[3]) Ипат. 1183 г., 1195 г.

1253 г. читаемъ: Даніилъ, Галицкій князь, придя къ Пинску, беретъ съ собою Пинскихъ князей неволею на войну. Въ 1368 г. великій князь Московскій, Дмитрій Ивановичъ, зазвалъ обманомъ въ Москву великаго князя Тверскаго, Михаила Александровича, лишилъ его свободы и заставилъ неволею цѣловать къ себѣ крестъ. Подъ 1373 г. находимъ еще одно подобное извѣстіе: только что-помянутый Михаилъ Тверской приневоливаетъ во всю свою волю брата своего (двоюрднаго) Михаила Кашинскаго [1]).

При заключеніи княжескихъ договоровъ мы встрѣчаемся и съ участіемъ третьихъ лицъ, принимающихъ на себя посредничество между князьями, сводящихъ ихъ въ любовь. Въ качествѣ такихъ посредниковъ могли выступить не только князья, но и духовенство. Такъ подъ 1155 г. встрѣчаемся съ посредничествомъ князя Ростислава, которому удалось свести въ любовь дядю Юрія съ племянниками своими, Мстиславомъ и Ярославомъ Изяславичами. Въ 1226 г. точно такая же роль выпала на долю Кіевскаго князя, Владиміра Рюриковича, посредничеству котораго удалось заключить миръ между Михаиломъ Всеволодичемъ, Черниговскимъ княземъ, и Олегомъ Курскимъ. Враждебное столкновеніе, возникшее въ 1230 г. между Михаиломъ Черниговскимъ и Ярославомъ Переяславскимъ (сѣвернымъ), было улажено при посредствѣ Кіевскаго князя, Владиміра, и Владимірскаго (на Клязмѣ), Юрія. Подъ 1296 г. встрѣчаемъ примѣръ посредничества духовныхъ особъ: „Бысть нелюбье межи князьми, разсказываетъ лѣтописецъ, Андреемъ, великимъ княземъ, Иваномъ Переяславскимъ, Даниломъ Московскимъ и Михаиломъ Тверскимъ; и сведе ихъ на любовь владыко Симеонъ и владыко Измайло“. Подобное извѣстіе находимъ и подъ 1301 г.: „Заратися Иванъ князь, да Константинъ, смири ихъ владыко Семенъ“. Въ той же роли является духовенство и въ XV в. Въ 1480 г. рознь, возникшая между великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ и братьями его, Андреемъ и Борисомъ, прекращена посредничествомъ митрополита Геронтія, архіепископа Вассіяна и Троицкаго игумена Паисія [2]).

---

[1]) Иногда князья ссылаются на превозмогающую военную силу, какъ на условіе, уничтожающее свободу воли. Такой случай находимъ подъ 1147 г. Ипат.: „Гюргевичъ же (Глѣбъ, союзникъ Владиміра Давыдовича и Святослава Ольговича въ ихъ борьбѣ съ Изяславомъ Кіевскимъ) прислася Володиміру, глаголя: но неволи есть крестъ цѣловалъ къ Изяславу, оже мя былъ оступилъ въ городѣ, а отъ васъ ми помочи не было. Нынѣ же всяко съ вама хочю быти и пріяю вама“.

[2]) Ипат. 1155 г.; Лавр. 1226 г., 1230 г.; Троиц. 1294 г., 1301 г.; Воскр. 1480 г.

Участіе третьихъ лицъ совершенно добровольное и не заключаетъ въ себѣ ничего обязательнаго: враждующія стороны свободны принять или не принять ихъ посредничество.

Содержаніе договоровъ можетъ быть подведено подъ двѣ категоріи: первую составятъ тѣ условія, которыя относятся къ распредѣленію волостей между князьями; ко второй должны быть отнесены условія, устанавливающія политическіе союзы. Эти послѣдніе, въ свою очередь, мы подраздѣляемъ на два вида: первый составятъ такіе союзы, въ силу которыхъ не возникаютъ никакого ограниченія политической самостоятельности договаривающихся сторонъ; второй всѣ тѣ, которыми условливается такое ограниченіе для одной изъ нихъ. Мы остановимся теперь только на второй группѣ условій. Наше разсмотрѣніе содержанія договорнаго права мы начнемъ съ такихъ договоровъ, которыми не устанавливается никакого ограниченія политической самостоятельности одной изъ договаривающихся сторонъ въ пользу другой.

Для договоровъ этого рода древнее Русское право выработало техническія выраженія, которыя неизмѣнно употребляются на всемъ протяженіи разсматриваемаго періода. Существенныя свойства такого договора обозначались терминомъ: „быти всѣмъ за одинъ мужъ“. Это полнѣйшее единеніе договорившихся сторонъ, въ силу котораго онѣ обязывались имѣть общихъ друзей и недруговъ. Съ нравственной стороны такой союзъ представляется союзомъ любви, а потому рядомъ съ приведеннымъ терминомъ для его обозначенія употребительны еще два слѣдующихъ: 1) князья цѣлуютъ между собою крестъ „на всей любви“; 2) князья обязываются „не разлучаться ни въ злѣ ни въ добрѣ“, т. е. въ злѣ помогать другъ другу, а въ добрѣ дѣлиться прибыткомъ.

Эти термины, сохраненные въ отрывочныхъ извѣстіяхъ лѣтописи отъ XI и XII вѣка, перешли въ докончаніи XIV и послѣдующихъ вѣковъ, полные тексты которыхъ въ значительной степени пополняютъ и объясняютъ краткія извѣстія лѣтописцевъ.

Въ 1149 г. роль посредника между Изяславомъ и дядьями его, Вячеславомъ и Юріемъ, принимаютъ на себя Болеславъ Польскій и король Венгерскій; а нѣсколько позднѣе—Владиміръ Галицкій, которому и удалось примирить ихъ. Ср. еще Ипат. 1177 г., стр. 119. Особенно часто роль посредника принимаетъ на себя духовенство, см. Лавр. 1101 г., Ипат. 1136 г., 1195 г. Роль посредника въ примиреніи могъ взять на себя всякій, кто надѣялся, что голосъ его будетъ имѣть вліяніе; даже сынъ могъ ходатайствовать передъ отцемъ о примиреніи съ нимъ кого либо, см. Лавр. 1096 г.; случай посредничества матери см. Воскр. 1474 и 1480 г.

Различныя условія, составляющіе содержаніе разсматриваемыхъ договоровъ, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ двумъ группамъ: первую составятъ условія, которыя опредѣляютъ существо оборонительнаго союза, установляемаго между договаривающимися сторонами; вторую — условія, опредѣляющія то положеніе, которое договорившіяся стороны должны принять по отношенія къ третьимъ лицамъ [1]).

Для условій оборонительнаго союза въ договорахъ употребительны слѣдующія выраженія.

Князья обязываются быть за одинъ. Въ большинствѣ договоровъ это двустороннее обязательство. Въ краткихъ редакціяхъ оно выражается такъ: „быти ны за одинъ до живота". Въ болѣе пространныхъ вмѣсто этого читаемъ: „и быти ми съ тобою вездѣ за одинъ и до живота"; и соотвѣтственно этому для другой стороны: „и быти ти со мною вездѣ за одинъ и до живота". Въ нѣкоторыхъ встрѣчаемъ еще такую прибавку: „за одинъ на всякого недруга". Двустороннее обязательство — быть за одинъ — установляетъ между сторонами полнѣйшее единеніе какъ по отношенію къ врагамъ, такъ и по отношенію къ друзьямъ. Но единеніе не означаетъ еще равенства дѣйствительныхъ пожертвованій, которыя сторонамъ придется принести одной въ пользу другой. Князья обязывались быть за одинъ во всѣхъ случаяхъ, которые могутъ представиться съ той и другой стороны, а не по соразмѣрности ихъ. Вслѣдствіе этого одна изъ сторонъ могла нѣсколько разъ воспользоваться своимъ правомъ требовать помощи отъ другой, тогда какъ этой другой могло не представиться еще ни одного повода къ такому же требованію. Это различіе дѣйствительныхъ услугъ отразилось и на самой формѣ договоровъ; такъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ обязательство „быть за одинъ на всякого недруга" принимаетъ на себя только одна сторона, довольствуясь обязательствомъ другой „блюсти и боронить" ея владѣнія. Это различіе условливается различіемъ политической роли договаривающихся сторонъ.

Для выраженія того же единенія по отношенію къ друзьямъ и недругамъ существуетъ еще такая формула: „а кто будетъ тебѣ другъ, то и мнѣ другъ; кто будетъ тебѣ недругъ,

[1]) Договоры князей, взятые въ цѣломъ, заключаютъ въ себѣ великое разнообразіе условій, обнимающихъ собою всѣ предметы, по которымъ только бываетъ возможно столкновеніе княжескихъ интересовъ. Такъ въ одномъ и томъ же договорѣ мы находимъ условія о политическомъ союзѣ, рядъ о волостяхъ, условія объ общемъ судѣ, о пошлинахъ, о порядкѣ выхода на войну и пр. Въ настоящей главѣ мы разсмотримъ только условія, имѣющія отношенія къ установленію политическаго союза; остальныя же будутъ разсмотрѣны по принадлежности.

то и мнѣ недругъ"; и для другой стороны: „а кто будетъ мнѣ другъ, то и тебѣ другъ, а кто будетъ мнѣ недругъ, то и тебѣ недругъ". Эта вторая формула совершенно покрываетъ двустороннее условіе о единеніи, а потому встрѣчается въ такихъ договорахъ, въ которыхъ нѣтъ этого условія. Но такъ какъ языкъ нашихъ договоровъ далеко не свободенъ отъ повтореній, то мы не рѣдко встрѣчаемъ только половину этой второй формулы, какъ одностороннее обязательство, рядомъ съ двустороннимъ условіемъ о единеніи. Въ такихъ случаяхъ эта прибавка ничего не даетъ той сторонѣ, въ пользу которой сдѣлана, ни отнимаетъ у другой, ибо между ними уже установлено полное единеніе.

Наконецъ, князья принимали на себя обязанность ограждать неприкосновенность владѣній своихъ союзниковъ. Обязанность эта выражалась въ формулѣ: „блюсти и боронити". Эта послѣдняя формула отличается болѣе частнымъ характеромъ, чѣмъ двѣ предшествовавшихъ. Здѣсь право требовать помощи поставлено въ зависимость отъ нарушенія границъ; пока онѣ не нарушены, нѣтъ случая къ исполненію обязательства „блюсти и боронить" ихъ. Тамъ же всякое выраженіе непріязни, какъ бы оно ни было отдаленно, есть законный поводъ къ требованію содѣйствія. Такимъ образомъ, третья формула включается каждою изъ двухъ первыхъ. Но при любви языка грамотъ къ повтореніямъ, она не рѣдко встрѣчается въ такихъ договорахъ въ которыхъ уже есть обоюдное условіе о единеніи. Дѣйствительное значеніе имѣетъ это формула только при одностороннемъ условіи единенія: она установляетъ въ такихъ случаяхъ въ пользу стороны обязавшейся къ единенію обратное право требовать помощи, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ.

Кромѣ этихъ общихъ условій взаимной обороны встрѣчаются еще и частныя съ поименнымъ указаніемъ врага, противъ котораго договаривающіяся стороны должны дѣйствовать за одинъ. Напр.: „а пойдутъ на насъ Татарове или на тебя, битися намъ и тобе съ одинаго всѣмъ противу ихъ". Эти спеціальныя условія употрдбляются какъ вмѣсто общихъ, такъ и рядомъ съ ними, по замѣченной уже склонности къ повтореніямъ.

Въ непосредственной связи съ условіемъ о взаимной оборонѣ стоитъ условіе о взаимномъ доброжелательствѣ, составляющее только его развитіе: доброжелательство есть необходимое основаніе всякаго единенія противъ недруговъ. Усло-

віе доброжелательства выражается во первыхъ въ слѣдующей формулѣ: „а добра ми вамъ хотѣти во всемъ вездѣ“; въ большинствѣ договоровъ это обоюдная формула, вторая ея половина читается такъ: „а вамъ мнѣ добра хотѣти также во всемъ вездѣ“. Это желаніе добра включаетъ въ себя положительную обязанность извѣщать другъ друга обо всѣхъ слухахъ, имѣющихъ отношеніе къ интересамъ договаривающихся сторонъ. Для выраженія этой обязанности въ самыхъ пространныхъ редакціяхъ встрѣчается особая формула: „а что ми слышевъ о вашемъ добрѣ или о лисѣ, а то ми вамъ повѣдати въ правду безъ примышленія“; и соотвѣтственно этому для другой стороны: „а что вы слышевъ о моемъ добрѣ или о лисѣ, а то вы мнѣ повѣдати въ правду безъ примышленія“.—Условіе доброжелательства, составляя только дальнѣйшее развитіе условій о взаимной помощи, вовсе не встрѣчается въ краткихъ редакціяхъ договоровъ.

Вторая формула для выраженія того же условія доброжелательства заключается въ слѣдующихъ славахъ: „а мнѣ тобя жаловати и печаловатися твоею вотчиною“. Эта вторая формула отличается отъ первой преобладающимъ въ ней тономъ покровительства. Согласно съ этимъ, она влагается только въ уста сильнѣйшихъ князей по отношенію къ ихъ болѣе слабымъ союзникамъ. Эти послѣдніе берутъ на себя одностороннее обязательство „хотѣть добра и извѣщать о слухахъ“, и взамѣнъ того обязываютъ сильнѣйшую сторону „жаловать ихъ и печаловаться ихъ отчинами“.

Меньшимъ разнообразіемъ отличаются выраженія, опредѣляющія роль князей-союзниковъ по отношенію къ третьимъ лицамъ. Установленіе оборонительнаго союза и не исключаетъ возможности для каждой изъ договорившихся сторонъ вступать независимо отъ другой стороны въ новые договоры съ третьими лицами, лишь бы эти новые договоры не противорѣчили условіямъ уже существующаго, т. е. не были заключены съ врагомъ одного изъ участниковъ перваго договора и не во вредъ ему [1]). Но полная свобода въ заключеніи новыхъ договоровъ при невозможности знать, кто другъ,

[1]) Мы имѣемъ два договора, въ которыхъ съ условіемъ о единеніи противъ враговъ не соединяется никакого опредѣленія относительно новыхъ договоровъ съ третьими лицами. Одинъ изъ нихъ заключенъ в. к. Московскимъ, Василіемъ Васильевичемъ, съ в. к. Тверскимъ, Борисомъ Александровичемъ, и князьями Дмитріемъ и Иваномъ Юрьевичами, другой в. к. Московскимъ Иваномъ Васильевичемъ и братьями его съ в. к. Тверскимъ, Махаиломъ Борисовичемъ, и князьями Иваномъ Юрьевичемъ и Михаиломъ Дмитріевичемъ Р. С. Г. Г. и Д, ч. I: № 76—77 и 88—89.

кто недругъ союзному князю помимо спеціальнаго сообщенія объ этомъ предметѣ съ его стороны, легко могла бы повести къ столкновенію обязательствъ изъ разныхъ договоровъ. Для предупрежденія такого столкновенія въ договоры вносится особое условіе, въ силу котораго князья обязываются не вступать въ новое докончаніе безъ взаимнаго соглашенія. Въ разсматриваемыхъ договорахъ такое обязательство всегда обоюдно. Употребительнѣйшая его форма слѣдующая: „а не канчивати ти безъ насъ ни съ кѣмъ"; затѣмъ слѣдуетъ совершенно такое обязательство другой стороны: „а намъ такоже безъ твоего вѣданія не канчивати ни съ кѣмъ". Такимъ образомъ, для скрѣплѣнія установленнаго единенія каждый изъ договаривающихся князей соглашается на ограниченіе принадлежащаго ему права вступать или не вступать въ договоры исключительно по собственному усмотрѣнію и взамѣнъ этого получаетъ право въ такойже мѣрѣ ограничить своего союзника [1]).

Иногда рядомъ или вмѣсто общаго условія „не канчивати" употребляется спеціальное въ слѣдующей формѣ: „А жити намъ, брате, по сей грамотѣ: съ Татары, иже будетъ намъ миръ, по думѣ; а будетъ намъ дати выходъ, по думѣ же; а не дати, по думѣ же". Если такое частное условіе стоитъ вмѣсто общаго, въ такомъ случаѣ оно ограничиваетъ свободу договоровъ только по отношенію къ названному третьему лицу; если рядомъ съ нимъ, оно есть только повтореніе того, что уже мыслится въ общемъ.

Мы разсмотрѣли всѣ существенныя условія, составляющія содержаніе политическихъ союзовъ перваго вида. Чтобы

---

[1]) Но договаривающіяся стороны могли уже быть съ кѣмъ нибудь въ докончаніи. Эти прежнія докончанія могли не совпадать съ характеромъ новаго. На этотъ случай въ нѣкоторыхъ изъ договоровъ встрѣчается особое условіе, которымъ одна изъ сторонъ обязывается отказаться отъ тѣхъ договоровъ, которыми она уже связана, а другая взамѣнъ того обязывается пріобщить ее къ своимъ прежнимъ докончаніямъ. Это условіе обыкновенно формулируется такъ: „А съ кѣмъ, брате, будешь въ цѣлованіи, и тобѣ къ тому цѣлованіе сложити; а съ кѣмъ азъ буду въ докончаніи и мнѣ и тебя съ тѣмъ учинити въ докончаніи." Р. С. Г. Г. и Д ч. I. № 52. Вопросъ о томъ, которая изъ сторонъ обязывалась «цѣлованіе сложити" есть вопросъ факта; рѣшеніе его, обыкновенно, условливалось предшествовавшими заключенію договора событіями и относительнымъ значеніемъ договаривающихся князей. Такое обязательство принимали на себя, обкновенно, князья сравнительно слабые.—Будущее время приведенной формулы наводитъ на мысль, не относится ли она къ будущимъ одностороннимъ докончаніямъ договаривающихся сторонъ? Т е:, обѣ стороны, обязываясь съ минуты заключенія договора „не канчивать" одна безъ другой, вмѣстѣ съ тѣмъ предвидятъ возможность нарушенія этого условія и на случай такого нарушенія постановляютъ особое опредѣленіе. Но такое толкованіе кажется намъ слишкомъ искуственнымъ; будущую же форму можно понять такъ; «если окажется, что ты состоишь съ кѣмъ либо въ цѣлованіи".

показать, какъ эти условія группируются въ отдѣльныхъ договорахъ, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ, по которымъ можно будетъ судить обо всѣхъ остальныхъ.

Въ примѣръ краткой редакціи остановимся на древнѣйшемъ изъ сохранившихся договоровъ, на договорѣ вел. кн. Семена Ивановича съ его родными братьями, Иваномъ и Андреемъ: „Се язъ, князь великій, Семенъ Ивановичъ всея Руси, съ своею братьею молодшею съ княземъ Андреемъ цѣловали есмы межи собе крестъ у отня граба. Быти ны за одинъ до живота... а кто будетъ брату нашему старѣйшему недругъ, то и намъ недругъ; а кто будетъ брату нашему старѣйшему другъ, то и намъ другъ. А тобѣ, господине, князь великій, безъ насъ не докончивати ни съ кѣмъ; а братьѣ твоей молодшей безъ тобе не доканчивати ни съ кѣмъ... Како ны отецъ нашъ раздѣлъ далъ, того ти подъ нами блюсти“ (далѣе видны слѣды такого же обязательства въ пользу старшаго брата; но по ветхости грамоты это мѣсто не можетъ быть приведено.

Въ примѣръ пространной редакціи приведемъ два договора съ цѣлью показать замѣну формулы: „быти за одинъ“ болѣе подробной, но менѣе употребительной формулой: „а кто будетъ вамъ другъ“ и пр. Въ договорѣ вел. кн. Ивана Васильевича съ роднымъ братомъ его, Андреемъ, читаемъ: „а хотѣти ми, господине, добра тебѣ, своему господину, великому князю Ивану Васильевичу, брату моему старѣйшему, во всемъ вездѣ безъ хитрости; а тебѣ, моему господину, великому князю... добра мнѣ хотѣти во всемъ вездѣ безъ хитрости. А быти ми, господине, съ тобою, съ своимъ господиномъ, великимъ княземъ, вездѣ за одинъ и до живота; а тобѣ, моему господину, великому князю, быти со мною вездѣ за одинъ и до живота. А кто будетъ, господине, тебѣ, великому князю, другъ, то и мнѣ другъ; а кто, господине, князь великій, будетъ тебѣ не другъ, то и мнѣ недругъ. А тобѣ, моему господину, великому князю, безъ моего вѣдома докончанья не взяти ни съ кѣмъ; а мнѣ, господине, потому же безъ твоего вѣдома докончанья не взяти ни съ кѣмъ... А что, господине, князь великій, слышевъ тобѣ, моему господину, о моемъ добрѣ и о лисѣ отъ кого нибуди, то тобѣ ми сказати въ правду; а мнѣ, господине, князь великій, слышевъ отъ кого нибуди о твоемъ добрѣ и о лисѣ, сказати тобѣ по тому же въ правду... А чемъ господине, князь великій, отецъ нашъ, князь великій, тебя благословилъ... а то господине, мнѣ подъ вами блюсти“...

Въ договорѣ вел. кн. Василія Васильевича съ двоюрдными братьями его, Дмитріемъ Шемякою и Дмитріемъ Краснымъ, читаемъ: „...А добра ми вамъ хотѣти во всемъ вездѣ, въ Ордѣ и на Руси: а что ми слышовъ о вашемъ добрѣ или о лисѣ отъ хрестьянина или отъ иновѣрца, а то ми вамъ повѣдати въ правду безъ примышленія. А вамъ мнѣ добра хотѣти во всемъ вездѣ, въ Ордѣ и на Руси; а что вы слышовъ о моемъ добрѣ или о лисѣ отъ хрестьянина или отъ иновѣрца, а то вы мнѣ повѣдати въ правду безъ примышленія. А кто будетъ вамъ другъ, то и мнѣ другъ; а кто будетъ вамъ недругъ, то и мнѣ недругъ. А кто будетъ мнѣ другъ, то и вамъ другъ, а кто будетъ мнѣ недругъ, то и вамъ недругъ. А не канчивати вы безъ меня ни съ кѣмъ; а мнѣ не канчивати безъ васъ ни съ кѣмъ... А отчины ми подъ вами вашее... блюсти“.

Въ заключеніе приведемъ образчикъ такихъ договоровъ, въ которыхъ взаимныя обязанности князей опредѣлены съ меньшимъ равенствомъ. Въ договорѣ вел. кн. Ивана Васильевича съ роднымъ братомъ его Борисомъ, Волоцкимъ княземъ, обязанности догораривающихся сторонъ распредѣлены такъ: „А хотѣти ти мнѣ, великому князю, добра вездѣ во всемъ и до живота. И быти ти со мною, съ великимъ княземъ, вездѣ за одинъ и до живота и на всякаго нашего недруга. А кто будетъ мнѣ, великому князю, другъ, тотъ и тебѣ другъ; а кто будетъ мнѣ, великому князю, недругъ, тотъ и тебѣ недругъ. А не канчивати ти, брате, ни ссылатися ни съ кѣмъ безъ моего вѣданія; а мнѣ, великому князю, не канчивати ни съ кѣмъ безъ твоего вѣданія... А что ти слышавъ о моемъ добрѣ, или о лисѣ отъ хрестьянина или отъ инивѣрца, а то ти намъ повѣдати въ правду безъ примышленія. А мнѣ великому князю, тебя жаловати... и печаловатися тобою и твоею отчиною. А чѣмъ мя, брате, благословилъ отецъ мой... и тобѣ того всего подо мною, подъ великимъ княземъ, блюсти... А чѣмъ, брате, тебя благословилъ отецъ мой... и того всего мнѣ, великому князю, подъ тобою блюсти...“

Признакъ общій всѣмъ политическимъ союзамъ перваго вида, составляющій ихъ существенную особенность, заключается въ обоюдномъ условіи „не канчивати“. Дѣлая такое условіе, договаривающіяся стороны во 1-хъ, высказываютъ сознаніе о неограниченномъ правѣ каждой изъ нихъ вступать или не вступать въ докончанія единственно по собственному усмотрѣнію; и во 2-хъ, на будущее время они ставятъ осуществ-

леніе этого права въ зависимость отъ ихъ обоюднаго соглашенія, при чемъ каждая изъ сторонъ сохраняетъ свою полную неподчиненность другой. Такимъ образомъ разсматриваемые договоры установляютъ не подчиненіе князя князю, а единеніе князей, въ силу котораго воля одного князя имѣла совершенно такое же значеніе, какъ и воля другаго, не смотря ни на степень родства, ни на старшинство лѣтъ князей, ни на относительное значеніе управляемыхъ волостей. Безъ соглашенія этихъ воль не могъ возникнуть новый союзъ между договорившимися князьями и третьимъ лицемъ.

Что же касается до того, что помощь, которую князья обязывались оказывать другъ другу, не всегда опредѣлялась равномѣрно для обѣихъ сторонъ, то это неравенство не нарушало основнаго характера разсматриваемыхъ союзовъ: князь могъ обязаться помогать другому даже безъ всякаго за то возмездія съ его стороны, нисколько не измѣняя тѣмъ своего значенія, какъ самостоятельнаго правителя.

Отличительной особенностью втораго вида разсматриваемой группы договоровъ мы поставили ограниченіе политической самостоятельности одной изъ договаривающихся сторонъ въ пользу другой. Это ограниченіе проявляется въ одномъ только отношеніи, а именно: въ стѣсненіи права вступать въ новые союзы. Это стѣсненіе выражается въ томъ, что одна изъ договаривающихся сторонъ обязываетъ другую не вступать безъ ея вѣдома въ новыя докончанія, не давая ей въ замѣнъ того такого же участія въ своихъ междукняжескихъ сношеніяхъ.

Форма и объемъ такого ограниченія различны. Самая меньшая мѣра его обозначается въ формулѣ: „а тебѣ, князю (имя) любви не имати, ни канчивати ни съ кѣмъ безъ моего вѣданія; а съ кѣмъ азъ, князь (имя) иму любовь имати и докончанье и мнѣ въ докончальные грамоты писати тебя“. По смыслу этой формулы сторона, соглашающаяся на ограниченіе своей самостоятельности, удерживаетъ за собою право вступать отъ своего имени въ новые союзы съ третьими лицами, но обязывается дѣлать это не иначе, какъ съ согласія другой стороны; въ замѣнъ этого она получаетъ право требовать включенія своего имени во всѣ дружественные договоры, которые заключитъ другая сторона. Ея согласія на такія договоры не нужно, но на нее должны быть распространены вытекающія изъ нихъ выгоды [1]).

[1]) Подобное ограниченіе находимъ въ 4-хъ договорахъ: 1) въ договорѣ в. к. Московскаго, Василія Васильевича, съ в. к. Рязанскимъ, Иваномъ Ѳедорови-

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

Кромѣ этой мы встрѣчаемъ еще такую формулу: „а не канчивати ми безъ тебя ни съ кѣмъ, ни ссылатися“, или „а безъ князя великаго ми воли ни съ кѣмъ не доканчивати, ни пособляти“. Разница съ предшествовавшей формулой заключается въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ сторона, въ пользу которой дѣлается такое условіе, не принимаетъ на себя обязанности включать имя обязавшейся стороны въ заключаемыя ею докончанія [1]).

Наконецъ, самое большее ограниченіе установливается такой формулой: „а и впредь тобѣ, опричь меня, въ цѣлованьи ни съ кѣмъ не быти“. Въ силу этого условія совершенно уничтожается самостоятельное значеніе одной изъ договаривающихся сторонъ по отношенію къ третьимъ лицамъ. Она вполнѣ и безъ всякихъ ограниченій отказывается отъ своего права опредѣлять договорами свои отношенія къ нимъ, ставя въ этомъ случаѣ свою судьбу въ исключительную зависимость отъ воли другаго лица [2]).

Договоры втораго вида, кромѣ сейчасъ разсмотреннаго условія „не канчивати“, заключаютъ въ себѣ еще общія условія оборонительнаго союза. Какъ и въ договорахъ перваго вида эти условія распредѣляются то въ одинаковой мѣрѣ между обѣими договаривающимися сторонами, то болѣе склоняются въ пользу одной изъ нихъ [3]).

чемъ, въ пользу перваго, Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 65; 2) въ договорѣ в. к. Московскаго, Ивана Васильевича, съ в. к. Рязанскимъ, Иваномъ Васильевичемъ, въ пользу перваго, но въ частной формѣ, только по отношенію къ Литовскому князю, князьямъ Можайскимъ и нѣкоторымъ другимъ недругамъ Московскаго князя, прямо поименованнымъ, тамъ же № 115—116; 3) въ договорѣ в. к. Московскаго, Ивана Васильевича, съ в. к. Тверскимъ, Михаиломъ Борисовичемъ, въ пользу перваго и также въ частной формѣ, тамъ же № 119—120; 4) въ договорѣ в. к. Московскаго, Ивана Васильевича, съ роднымъ братомъ его, Борисомъ Васильевичемъ, въ пользу перваго и въ общей формѣ, тамъ же № 123—124. Сюда же, кажется, подходитъ и договоровъ в. к. Московскаго, Дмитрія Ивановича и Владиміра Андреевича съ в. к. Рязанскимъ. Олегомъ, № 32.

[1]) Мы имѣемъ 3 подобныхъ договора: 1) между в. к. Московскимъ, Василіемъ Васильевичемъ, и Суздальскимъ кн., Иваномъ Васильевичемъ, въ пользу перваго, Р. С. Г. Г. и Д. ч. № I 80—81; 2) между в. к. Рязанскимъ, Иваномъ Ѳедоровичемъ, и в. к. Литовскимъ, Витовтомъ, въ пользу послѣдняго, А. А. Э. т. I. № 26; 3) между Пронскимъ к., Иваномъ Владиміровичемъ, и в. к. Литовскимъ, Витовтомъ, въ пользу послѣдняго. А. А. т. I № 26. Сюда же, кажется, надо отнести и договоръ в. к. Рязанскаго, Ивана Ѳедоровича, съ Галицкимъ к., Юріемъ, гдѣ подобное же ограниченіе установлено въ пользу послѣдняго.

[2]) Мы имѣемъ только одинъ такой договоръ, заключенный в. к. Московскимъ, Василіемъ Ивановичемъ, съ роднымъ братомъ его, Юріемъ, Р. С. Г. Г. и Д, ч I № 160—161. Близко подходитъ къ нему договоръ, заключенный въ 1504 г. между тѣми же князьями еще при жизни отца ихъ, Ивана Васильевича, и по его волѣ, но здѣсь помянутое ограниченіе выражено мягче, только въ обязательствѣ „сложить цѣлованіе“, № 133—134.

[3]) Въ примѣръ перваго укажемъ на №№ 65 и 115; въ примѣръ втораго — №№ 80, 119, 133, 160. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I.

Таковы условія договоровъ по скольку они относятся къ установленію княжескихъ союзовъ. Условія эти касаются одной только внѣшней политики; внутреннее же управленіе во весь разсматриваемый періодъ состояло въ исключительномъ завѣдываніи каждаго отдѣльнаго князя. Каждый князь вѣдалъ судъ, финансы и военное управленіе своей волости внѣ всякой зависимости отъ какого либо другаго князя. Всѣ сохранившіеся договоры подтверждаютъ эту полную независимость внутренняго управленія каждой отдѣльной волости. По отношенію къ суду эта независимость выражается въ условіяхъ объ общемъ судѣ и въ обязательствѣ въ чужомъ удѣлѣ „судовъ не судить и приставовъ не всылать"; по отношенію къ финансамъ въ обязательствѣ „не всылать даньщиковъ и грамотъ не раздавать"; для выраженія того и другаго рода условій существуетъ еще такая общая формула: князья обязываются въ чужомъ удѣлѣ „не вступатися ни во что". Независимость военнаго управленія видна изъ тѣхъ условій, которыми опредѣляется порядокъ выступленія въ походъ войскъ, причемъ каждый князь удерживаетъ командованіе войсками своей волости [1]). Во весь княжескій періодъ мы не встрѣчаемъ ни одной попытки подчинить внутреннее управленіе и судъ нѣсколькихъ волостей, имѣющихъ своихъ особыхъ князей, какому либо одному князю; эта мысль совершенно чужда разсматриваемой эпохѣ. Послѣдняя дошедшая до насъ договорная грамота гарантируетъ удѣльному князю, Юрію Ивановичу, такую же независимость внутренняго управленія и суда, какою пользовался въ своихъ владѣніяхъ старшій братъ его, великій князь Московскій, Василій Ивановичъ, всея Руси [2]).

И такъ, помимо условій договоровъ, первоначальныя отношенія князей носятъ на себѣ характеръ полнаго равенства. Это равенство князей условливается сколько ихъ положеніемъ, какъ правителей независимыхъ волостей, столько же и одинаковостью происхожденія: права князя прирождены каждому члену Рюрикова дома.

Эта прирожденность правъ князя выражается въ особомъ условіи, очень употребительномъ въ договорныхъ грамотахъ. Какъ бы ни была велика фактическая разница между договаривающимися сторонами, какъ бы ни превосходилъ одинъ князь

---

[1]) См. напр. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 27, 40, 62, 84. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ князей употребительны еще такія выраженія: „А судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ", или „а который сынъ мой возьметъ дань въ своемъ удѣлѣ, а та дань тому и есть".

[2]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 160—161.

другаго могуществомъ и силою, онъ всегда обязывается „держать въ братствѣ и во чти“ своего слабѣйшаго союзника [1]). „Держать въ братствѣ“ это значитъ держать княземъ, держать человѣкомъ, равнымъ себѣ, а не простымъ смертнымъ, не подданнымъ. Чрезвычайно любопытный комментарій къ этому выраженію находимъ въ лѣтописи отъ второй половины XII вѣка. Ростиславичи Кіевскіе и Смоленскіе еще съ 1169 г. были въ договорѣ съ Андреемъ Юрьевичемъ Владимірскимъ, по которому обязались ходить въ его волѣ. Въ 1174 г. между договорившимися сторонами возникло несогласіе. „Андрей, разсказываетъ лѣтописецъ, исполнився высокоумія, разгордѣвся велми, надѣяся плотной силѣ и множествомъ вой огородився, разжегся гнѣвомъ и посла Михаила, мечника: ѣдь къ Ростиславичамъ, рци имъ: не ходите въ моей волѣ, ты же, Рюриче, пойди въ Смоленскъ къ брату въ свою отчину; а Давидови рци: а ты пойди въ Берладъ, а въ Русской земли не велю ти быти; а Мстиславу молви: въ тобѣ стоитъ все, а не велю ти въ Русской землѣ быти“. Ростиславичи, оскорбленные высокомѣріемъ тона, даютъ такой отвѣтъ: „мы тя до сихъ мѣстъ аки отца имѣли по любви; аже еси съ сякими рѣчами прислалъ, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту человѣку, а что умыслилъ еси, а то дѣй, а Богъ за всѣмъ“ [2]). Хотя Ростиславичи и цѣловали крестъ „ходити въ волѣ“ Андрея; но они остались князьями, съ ними должно обращаться какъ съ равными, говоря языкомъ договоровъ, ихъ надо „держать въ братствѣ и во чти“, они но подручники, не простые люди. Князь никогда не подданный другаго князя.

Переходимъ къ способамъ обезпеченія силы договоровъ. Для этой цѣли были употребительны слѣдующія средства:

1. Крестное цѣлованіе обѣихъ договаривающихся сторонъ. Крестное цѣлованіе было самымъ употребительнымъ средствомъ, безъ него не обходилось ни одно докончаніе. Въ самомъ началѣ договорныхъ грамотъ обыкновенно встрѣчается такая формула: „на семъ на всемъ, брате, князь такой то, цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату, князю такому то“. Составляя необходимую принадлежность всякаго договора, крестное цѣлованіе сообщало имъ свое имя; вмѣсто того, чтобы сказать: между князьями существуетъ договоръ, нерѣдко говорится: князья находятся въ крестномъ цѣлованіи.

---

[1]) Р. С. Г. и Д. ч. I №№ 34, 61, 84, 95, 144, 160. Такое условіе соединяется съ каждымъ изъ обозначенныхъ выше видовъ политическихъ союзовъ.

[2]) Ипат. 1174 г.

2. Обязательство подчиниться извѣстному наказанію въ случаѣ неисполненія условій договора. Такое обязательство принимаетъ на себя или одна сторона, или обѣ. Какъ употребительное въ такихъ случаяхъ наказаніе, въ договорахъ упоминается отнятіе волости. Мы можемъ указать два случая такого обязатетьства. Одно отъ второй половины XII вѣка. Въ 1177 году Ростиславичи Кіевскіе и Смоленскіе и Святославъ Всеволодичъ Черниговскій были въ докончаньи. Русскіе князья потерпѣли въ этомъ году пораженіе отъ Половцевъ и частью потому, что Давыдъ Ростиславичъ не пришелъ на помощь къ братьямъ. Святославъ Всеволодовичъ, видя въ этомъ нарушеніе условій договора со стороны Давыда, обратился съ такимъ требованіемъ къ брату его, Роману Ростиславичу: „брате! я не ищу подъ тобою ничего же, но рядъ нашъ такъ есть: оже ся князь извинить, то въ волость..., а Давыдъ виноватъ“ [1]). И такъ, въ помянутомъ договорѣ было постановленно, что князь долженъ лишиться волости, если нарушитъ принятыя имъ на себя обязательства. Судя по словамъ Святослава Всеволодовича, это условіе имѣло общій характеръ, т. е. одинаково относилось ко всѣмъ князьямъ участникамъ договора. Другой случай сохранился намъ отъ XV вѣка. Около 1451 года Суздальскій князь Иванъ Васильевичъ заключилъ договоръ съ Московскимъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, въ которомъ обязался между прочимъ не отступать отъ послѣдняго „ни которыми дѣлы“. На случай же нарушенія этого обязательства Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ такое условіе: „ а отступлю отъ тобя, отъ великаго князя, къ которому твоему недругу, кто нибуди: ино мой удѣлъ, моя вотчина тобѣ великому князю“ [2]). Въ противоположность къ первому примѣру это одностороннее обязательство. — Сюда же надо отнести и постановленія Любецкаго съѣзда, въ силу котораго князья обязались „быть всѣмъ на того, кто отселѣ на кого (т. е. изъ вступившихъ въ договоръ) будетъ“; съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь не опредѣлена мѣра наказанія, или, по крайней мѣрѣ, не опредѣлена въ томъ краткомъ и единственномъ извѣстіи, которое мы имѣемъ объ этомъ съѣздѣ.

Случай примѣненія этой любопытной статьи находимъ подъ тѣмъ же годомъ. Давыдъ и Олегъ Черниговскіе и Владиміръ Переяславскій, три князя, не принимавшіе участія въ ослѣпленіи Василька, какъ только узнали объ этомъ событіи, по-

---

[1]) Ипат. 1177 г. Ср. еще Ипат. и Густ. 1225 г.
[2]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 80.

спѣшили соединить свои войска и отправить посольство къ великому князю Кіевскому, Святополку, съ требованіемъ дать отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: „что се зло створилъ еси въ Русьстѣй зомлѣ, и вверглъ еси ножъ въ ны? чему еси слѣпилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была нань, обличилъ бы й предъ нами, и упрѣвъ бы й створилъ ему; а нонѣ яви вину его!“ Кіевскій князь, позванный къ отвѣту Черниговскими и Переяславскимъ, указалъ на Давыда Игоревича, какъ на виновника въ ослѣпленіи Василька, но не успѣлъ отклонить отъ себя подозрѣнія въ участіи въ этомъ дѣлѣ: а потому Владиміръ, Олегъ и Давыдъ немедленно двинулись на него съ своими войсками. Только вмѣшательство Кіевлянъ спасло Святополка отъ заслуженнаго имъ наказанія; главный же виновникъ ослѣпленія, Давыдъ Игоревичъ, былъ лишенъ принадлежавшей ему Владимірской волости, и принужденъ довольствоваться младшимъ столомъ въ Бужскѣ, Дубнѣ и Черторыйскѣ [1]).

3. Установленіе особыхъ блюстителей точнаго исполненія договора. Такими блюстителями назначаются не участвующіе въ докончаніи князья. Договаривающіяся стороны уполномочиваютъ ихъ въ случаѣ нарушенія договора одною изъ нихъ соединиться съ пострадавшей отъ этого нарушенія для возстановленія ея правъ. Принятіе или отказъ отъ такого полномочія совершенно зависитъ отъ воли тѣхъ лицъ, которымъ оно дѣлается; но разъ полномочіе принято, оно становится для нихъ обязанностью, въ правильномъ исполненіи которой блюстители цѣлуютъ крестъ. Вотъ форма установленія такихъ блюстителей: „а къ тому (т. е. къ условіямъ договора) ввели есмя пособѣ на обѣ стороны брата своего (слѣдуютъ

---

[1]) Лавр. 1097 г. Считаемъ не лишнимъ привести любопытныя, хотя и слишкомъ краткія, подробности суда князей надъ Давыдомъ Игоревичемъ. „Сняшася вся братья въ Увѣтичахъ: Святополкъ, Владиміръ, Давыдъ (Святославичъ), Олегъ, и приде къ нимъ Игоревичъ Давыдъ, и рече къ нимъ: „на что мя есте привабили? осе есмь; кому до меня обида?“ И отвѣща ему Володимеръ: „ты еси прислалъ къ намъ: хочю, братья прити къ вамъ и пожаловатися своея обиды. Да се еси пришелъ и сѣдишь съ братіею своею на единомъ коврѣ, то чему не жалуешься, до кого ти насъ жалоба?“ И не отвѣща Давыдъ ничтоже. И сташа вся братья на конихъ. И ста Святополкъ съ своею дружиной, а Давыдъ и Олегъ съ своею, разно, кромѣ собе, а Давыдъ Игоревичъ сѣдяше кромѣ, и не припустяху его къ собѣ, по особь думаху о Давыдѣ. И сдумавше, послаша къ Давыду мужи свои: Святополкъ Путяту, Володимеръ Орогостя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ Торчина. Посланіи же придоша къ Давыдови и рекоша ему: „се ти молвятъ братья: не хочемъ ти дати стола Володимерскаго, зане вверглъ еси ножъ въ ны, его же не было въ Русьскѣй земли; да се мы тебе не имемъ, ни иного ти зла не сотворимъ, но се ти даемъ, шедъ сяди въ Бужскѣмъ, въ Острозѣ; а Дубенъ и Чарторыескъ, то ти даетъ Святополкъ, а се ти даетъ Володимеръ 200 гривенъ, а Давыдъ и Олегъ 200 гривенъ“. Лавр. 1100 г.

имена блюстителей). А кто насъ порушитъ се наше докончанье..., ино на томъ на виноватомъ не буди милости Божіей, и пречистыя его Богоматери и молитвъ великихъ чудотворцевъ... и молитвы святыхъ родителей нашихъ благородныхъ и благовѣрныхъ великихъ князей, въ сій вѣкъ и въ будущій. А братъ нашъ (слѣдуютъ имена блюстителей) будутъ по цѣлованію съ правымъ на виноватаго [1]).

Что касается порядка уничтоженія договоровъ, то объ этомъ должно замѣтить слѣдующее: княжескій договоръ, какъ и договоръ вообще, имѣетъ силу установить извѣстныя отношенія между договаривающимися сторонами только до тѣхъ поръ, пока длится то соглашеніе между князьями, которое породило самый договоръ. Какъ скоро воля одного изъ нихъ измѣнилась и онъ начиналъ дѣйствовать не согласно съ договоромъ, договоръ терялъ свою обязательную силу и для другой стороны. При отсутствіи верховнаго суда, къ которому сторона, обиженная нарушеніемъ договора, могла бы обратиться съ искомъ о вознагражденіи, ей предоставлялось самой вознаградить себя тѣми средствами, которыя были въ ея распоряженіи, и въ той мѣрѣ, какъ она сама считала справедливымъ. Такимъ образомъ, договоръ хотя и заключался навсегда, въ дѣйствительности, однако, не былъ вѣченъ. Сторона, выходившая изъ договора, естественно, должна была принять на себя и всю отвѣтственность за его нарушеніе.—Этотъ взглядъ былъ господствующимъ въ древней Россіи, и у насъ выработался даже особый порядокъ выхода изъ договорнаго состоянія, или уничтоженія договоровъ. Если между князьями союзниками возникала рознь, они возвращали другъ другу крестныя грамоты, что имѣло значеніе сложенія съ себя крестнаго цѣлованія [2]). Съ момента сложенія крестнаго цѣлованія договорное состояніе считалось прекращеннымъ и каждая изъ сторонъ получала полную свободу дѣйствія. Крестныя грамоты обыкновенно отсылались чрезъ пословъ.

Рядомъ съ этою формою сложенія крестнаго цѣлованія встрѣчаемъ и другую, болѣе торжественную, при участіи духовенства, которое брало на свою душу грѣхъ клятвопреступленія. Это дѣлалось только въ крайнихъ случаяхъ, напр. съ цѣлью отвращенія бѣдствій междоусобной войны. Мы приве-

---

[1]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 63 и 68.

[2]) Ипат. 1144 г., 1147 г., 1195 г., стр. 145 и 148; Воскр. и Льв. 1370 г. Въ полныхъ текстахъ княжескихъ договоровъ весьма употребительно особое условіе, въ силу котораго одна изъ сторонъ обязывалась сложить прежнія крестныя цѣлованія.

демъ два любопытныхъ примѣра такой уступки духовенства требованіямъ народнаго блага. Въ 1128 г. Ярославъ Святославичъ, изгнанный изъ Чернигова племянникомъ своимъ, Всеволодомъ Ольговичемъ, обратился къ Мстиславу Кіевскому, съ которымъ былъ въ союзѣ, съ требованіемъ помочь ему на племянника. „Крестъ еси цѣловалъ ко мнѣ, говорилъ онъ, пойди на Всеволода". Всеволодъ съ своей стороны просилъ Мстислава не вступаться за дядю. Мстиславъ былъ въ нерѣшительности. „Бяшеть бо, продолжаетъ лѣтописецъ, въ ты дни игуменъ святаго Андрея, Григорій, любимъ бо бѣ преже Володимеромъ, чтенъ же ото Мстислава и ото всихъ людей, тотъ бо не вдадяше Мстиславу всвати ратью по Ярославѣ, рѣка: то ти меньше есть оже переступивъ крестное цѣлованіе на рать не встанешь, неже кровь пролити хрестіанскую. И совокупивше соборъ іерейскій, митрополита же въ то время не бяше, и рекоша Мстиславу: на ны будетъ тотъ грѣхъ. И сотвори волю ихъ, и съступи креста Мстиславъ къ Ярославу и плакася того вся дни живота своего", добавляетъ лѣтописецъ. Подобный случай встрѣчаемъ еще подъ 1195 г. Всеволодъ Юрьевичъ, Владимірскій князь, просилъ у Рюрика Кіевскаго городовъ, которыми этотъ послѣдній надѣлилъ уже по крестному цѣлованію зятя своего, Романа. „Рюрикъ же, разсказываетъ лѣтописецъ, хотя исправити крестное цѣлованіе, не хотѣ дати подъ Романомъ волости, но стояше крѣпко за нею: но даяше ему (Всеволоду) иную волость, онъ же ее не бреже, но хотяше подъ Романомъ, которые же просилъ бяшеть. И бысть межи ими распря велика и рѣчи, и хотѣша межи собою возстати на рать. Рюрикъ же призва митрополита, Микифора, и сказа ему все крестное цѣлованіе къ Романови, про волость, про что же и рать возстаетъ со Всеволодомъ. И рѣче митрополитъ Рюрикови: княже! мы есмы приставлены въ Русской землѣ отъ Бога востягивати васъ отъ кровопролитія. Ажь ся прольяти крови крестьянской въ Русской землѣ, ажь еси далъ волость моложьшему, въ облазнѣ предъ старѣйшимъ, и крестъ еси къ нему цѣловалъ, а нынѣ азъ снимаю съ тебе крестное цѣлованіе и взимаю на ся. А ты послушай меня, возма волость у зятя у своего дай же старѣйшему, а Романови даси иную въ тое мѣсто" [1]).

Итакъ, взаимныя отношенія князей опредѣлялись докончаніями. Договоры, какъ мы видѣли, или оставляли неприко-

---

[1]) Ипат. 1128 и 1192 г.

сновеннымъ первоначальное равенство князей, или, по вопросамъ внѣшней политики, установляли подчиненіе одного изъ нихъ волѣ другаго. Но договоры составляютъ только одну сторону дѣла; вопросъ: въ какихъ отношеніяхъ находились князья, если между ними не было договоровъ? выдвигаетъ другую. Состояніе противоположное соглашенію и любви есть состояніе розни и войны. Если, по чему бы то ни было, князья не успѣвали придти къ соглашенію, или бывали вынуждены сложить съ себя разъ уже принятое крестное цѣлованіе, они обращались къ суду Божію, ибо другаго высшаго суда надъ ними не было. Такимъ образомъ, явленія княжескаго быта сводятся къ тому же началу, какъ и всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнныя явленія древне Русской общественной жизни: князья находятся или въ состояніи согласія и потому дѣйствуютъ за одно другъ съ другомъ, или въ состояніи разни и потому дѣйствуютъ другъ противъ друга. Это отношенія независимыхъ одинъ отъ другаго правителей.

Фактическія различія между князьями.

Какъ люди вообще, при равенствѣ правъ, разнятся достоинствомъ, такъ точно и князья, при полномъ равенствѣ съ точки зрѣнія принадлежавшей имъ власти, не были совершенно равны по достоинству: одни изъ нихъ отличались большею зрѣлостью лѣтъ, чѣмъ другіе, одни занимали столы въ древнихъ и богатыхъ городахъ, другіе въ новыхъ и сравнительно бѣдныхъ, наконецъ, одни,—независимо отъ того гдѣ сидѣли, въ новомъ или старомъ городѣ,—могли сосредоточить въ своихъ рукахъ такую силу, которая далеко превосходила силу другихъ князей. Эти фактическія различія не могли не отразиться на взаимныхъ отношеніяхъ князей и проявились въ различіи наименованій, съ которыми какъ князья, такъ и народъ, обращались къ тѣмъ изъ князей, которые, по одной изъ приведенныхъ причинъ, занимали выдающееся среди другихъ положеніе. Такимъ князьямъ усвоивались наименованія: старѣйшихъ, отцевъ, господъ, великихъ князей. Для точнаго уразумѣнія дѣйствительнаго значенія этихъ наименованій необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе на случаяхъ ихъ употребленія.

1. Старшинство. Прежде всего старшинство представляется какъ естественное преимущество лѣтъ. Съ этой точки зрѣнія

всякій старшій лѣтами есть уже по одному этому старѣйшина по отношенію ко всѣмъ младшимъ. Въ такомъ смыслѣ лѣтописецъ называетъ „старѣйшинами въ Русской землѣ“: Мстислава Романовича Кіевскаго, Мстислава Святославича Козельскаго и Черниговскаго и Мстислава Мстиславича Галицкаго; и въ противоположность къ нимъ „молодшими князьями“: Даніила Романовича Владимірскаго и Михаила Всеволодича Черниговскаго [1]). Что онъ имѣетъ здѣсь въ виду старшинство лѣтъ, а не старшинство степени, видно изъ того, что къ старѣйшинамъ одинаково отнесены какъ князья 10-го поколѣнія, Мстиславъ Романовичъ и Мстиславъ Мстиславичъ, такъ и князь 9-го поколѣнія, Мстиславъ Святославичъ; и наоборотъ къ младшимъ князьямъ отнесенъ Михаилъ Всеволодичъ, который также принадлежитъ къ 10-му поколѣнію. Совершенно въ томъ же смыслѣ употребляетъ слово старшинство Вячеславъ въ своемъ обращеніи къ младшему брату Юрію: „се язъ тебя старѣй не малымъ, но многимъ, азъ уже бородатъ, а ты ся еси родилъ: пакы ли хощеши на мое старшинство поѣхати (т. е. идти войной на меня, старшаго лѣтами), яко ты еси поѣхалъ, да Богъ за всимъ!“ [2]). Въ томъ же смыслѣ Ростиславъ на вопросъ старшаго брата Изяслава: продолжать ли войну съ Ольговичами, или заключить миръ, отвѣчалъ: „брате, кланяютися! ты меня старѣй, а како ты угадаеши, а язъ въ томъ готовъ есмь. Но, брате, если на мнѣ честь покладываешь, то язъ былъ, брате, тако реклъ: миръ лѣпле...“ [3]). — Но такъ какъ всѣ князья были въ родствѣ между собой, то, естественно, старшинство лѣтъ нерѣдко совпадало со старшинствомъ степени, что, конечно, еще усиливало преимущества, принадлежавшія вообще болѣе зрѣлому возрасту [4]). Старѣйшинство, какъ естественное слѣдствіе старшинства лѣтъ, есть понятіе относительное: одинъ и тотъ же князь можетъ быть въ одно и тоже время и старѣйшиной по отношенію къ тѣмъ, кто его моложе и младшимъ по отношенію къ тѣмъ, кто его старше. Такъ Все-

---

[1]) Ипат. 1224 г.
[2]) Ипат. 1151 г
[3]) Ипат. 1148 г.
[4]) Мы не имѣемъ никакого основанія думать, что старшинство степени само по себѣ, внѣ преимущества лѣтъ, было основаніемъ старшинства. Наоборотъ, князья ссылаются на старшинство лѣтъ тамъ, гдѣ могли бы сослаться на старшинство степени. Такъ Рюрикъ, принужденный сдѣлать уступку Святославу Черниговскому, объясняетъ свою уступчивость только тѣмъ, что Святославъ „старѣй его лѣты“, тогда какъ Святославъ приходился еще ему дядей. Ипат. 1180 г.

володъ о старшемъ своемъ сынѣ, Константинѣ, говоритъ: „Богъ положилъ на тебя старѣйшинство во всей братіи твоей“ [1]). Подъ братіей разумѣются здѣсь родные братья, Константина; онъ старшій сынъ, а потому старше своихъ младшихъ братьевъ. Но по отношенію къ отцу тотъ же Константинъ будетъ младшій князь.

Въ чемъ же заключались преимущества старѣйшинства въ смыслѣ старшинства лѣтъ? Преимущиства старшихъ лѣтами не принадлежали къ области права. Имъ усвоивался только тотъ особый почетъ, съ которымъ обыкновенно дѣти относятся къ своимъ родителямъ. Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи говоритъ: „старыя чти яко отца“... Основаніе этому почтенію заключается, конечно, не въ одномъ только числѣ лѣтъ, а въ предположеніи большей мудрости въ человѣкѣ зрѣломъ, чѣмъ въ юношѣ, не умудренномъ житейской опытностью. Какъ нравственная обязанность, почтеніе къ старшимъ есть дѣло совѣсти и условливается общимъ состояніемъ народной нравственности. Исторія княжеской эпохи одиконаково представляетъ образцы какъ исполненія этой обязанности, такъ и ея нарушенія; но подробное разсмотрѣніе ихъ не составляетъ предмета исторіи государственнаго права. На государственныя отношенія князей почтеніе къ старѣйшинамъ вліяетъ единственно какъ нравственное побужденіе къ уступкамъ младшихъ старшимъ. Съ государственной точки зрѣнія ни одинъ изъ князей не обязанъ дѣлать какія либо уступки въ пользу другаго, кромѣ того случая, когда онъ обязалъ себя къ тому договоромъ; но онъ можетъ сдѣлать уступку въ силу естественнаго почтенія къ старшему родственнику. Почтеніе къ старшему будетъ въ этомъ случаѣ побужденіемъ къ уступкѣ, какъ можетъ быть побужденіемъ страхъ передъ сильнымъ или неудача проиграннаго сраженія; но княжескія отношенія опредѣляются не характеромъ побужденія, подъ вліяніемъ котораго сдѣлана та или другая уступка, а принадлежащимъ каждому князю правомъ дѣлать уступки, говоря иначе правомъ самоопредѣленія каждаго князя. Юридической обязанности уступать волѣ старѣйшинъ не сознаютъ даже и тѣ князья, которые вообще ведутъ себя почтительно со старшими. Такъ Ростиславъ Владиміровичъ отступаетъ (1064) передъ дядей, Святославомъ Ярославичемъ, „не убоявся его, какъ говоритъ лѣтописецъ, но не хотя противу стрыеви сво-

---

[1]) Лавр. 1206 г.

ему оружья взяти"; но не считаетъ себя обязаннымъ подчиниться волѣ дяди: какъ скоро Святославъ удалился, онъ снова сѣлъ въ Тмутаракани, выгнавъ оставленнаго тамъ Святославомъ сына, Глѣба [1]). Такимъ образомъ, въ сознаніи Ростислава уживаются рядомъ почтеніе къ личности дяди, поднять противъ котораго руку онъ считаетъ противнымъ своей совѣсти, съ полнымъ неуваженіемъ его воли какъ князя, распоряжающагося волостями.

Приведемъ еще любопытный примѣръ почтенія къ старшинству, также соединеннаго съ сознаніемъ своей политической самостоятельности. Въ 1289 г. во время розни, обнаружившейся между Мстиславомъ Даниловичемъ Владимірскимъ и его племянникомъ, Юріемъ Львовичемъ, Мстиславъ отправилъ къ отцу Юрія и своему старшему брату, Льву, посольство съ такими рѣчами: „жалуюся Богу и тобѣ, зане ми есь по Бозѣ братъ старѣйшій. Повѣжь ми, брате мой, право, своею ли волею сынъ твой сѣлъ въ Берестьи, или твоимъ повелѣніемъ? Оже будетъ твоимъ повелѣніемъ се учинилъ, повѣдаю ти, не тая: послалъ есть взводить Татаръ (т. е. пригласилъ къ себѣ на помощь Татаръ), а самъ пристраиваюся! А како мя Богъ разсудитъ съ вами, а не на мнѣ та кровь будетъ, но на виноватомъ [2]). Итакъ, хотя Мстиславъ и признаетъ старѣйшинство своего брата, но не считаетъ его въ правѣ распоряжаться принадлежащими ему волостями. Это и понятно: древнее государственное устройство не знало подчиненія князя князю помимо соглашенія. Старшій лѣтами князь имѣлъ такъ же мало власти надъ младшимъ, какъ и наоборотъ; а въ предѣлахъ своей волости каждому изъ нихъ принадлежали совершенно одинакія права.

При отсутствіи подчиненія въ силу государственнаго устройства, не только наименованіе старѣйшиною, но и господиномъ и великимъ княземъ не могло выражать подчиненія; для этого былъ необходимъ договоръ, которымъ была бы установлена форма и объемъ подчиненія.—Какъ выраженіе почета и уваженія слово старѣйшина не рѣдко служитъ цѣлямъ лести и заискиванія. Такъ въ 1186 г. Рязанскіе князья, Глѣбовичи, желая остановить Всеволода Юрьевича отъ задуманнаго имъ похода на Рязань, отправляютъ къ нему посольство съ предложеніемъ мира и при этомъ обращаются къ нему въ такой формѣ: „ты господинъ и отецъ и братъ старѣйшій!"—„Все-

[1]) Лавр. 1064 г.
[2]) Ипат. 1089 г.

володъ же, продолжаетъ лѣтописецъ, не восхотѣ мира ихъ: брань бо славна лучше мира лестна"... [1]).

Помимо этого первоначальнаго и прямаго значенія, слово старѣйшина употребляется еще и въ переносномъ. Какъ князья разнятся между собой лѣтами, такъ точно и города: одни древніе, другіе новые. Древность города имѣетъ значеніе, какъ одно изъ условій, которыми обыкновенно бываетъ обставлено сколько нибудь значительное развитіе его по богатству, населенности, силѣ. Только-что основанный городъ не можетъ состязаться въ значеніи съ городомъ сравнительно старымъ; чтобы сравняться съ нимъ, ему нужно, по мимо самыхъ благопріятныхъ географическихъ и историческихъ условій, еще нѣкоторое время. Такимъ образомъ, лучшіе города всегда являются съ признакомъ старшинства лѣтъ, почему имъ и усвояется наименованіе старѣйшихъ городовъ. Но старшинство лѣтъ не должно понимать какъ безусловный признакъ старшинства города. Наименованіе старшаго усвояется не каждому древнему городу, а только такому, который своимъ преобладаніемъ надъ другими останавливалъ на себѣ вниманіе современниковъ. Въ противномъ случаѣ древній городъ терялся въ массѣ новыхъ, также незначительныхъ, какъ онъ самъ.

Итакъ, съ одной стороны, не всякій древній городъ считался старшимъ; а съ другой не всякій новый навсегда оставался младшимъ: если обстоятельства особенно благопріятствовали его развитію и онъ достигалъ высокаго значенія, въ такомъ случаѣ и ему усвоялось наименованіе старѣйшины. Любопытно, что старѣйшимъ во всей Русской землѣ почитался городъ сравнительно новый, сохранившій указаніе на свою новизну въ самомъ имени, Новгородъ [2]); древнѣйшій же городъ, относительно котораго Новгородъ былъ новымъ и слѣдовательно младшимъ, весьма рано утратилъ свое значеніе и вслѣдствіе этого вовсе не былъ замѣченъ исторіей. Это заслоненіе городовъ старшихъ городами новыми, которые усвояютъ себѣ значеніе старшихъ, не есть явленіе одиночное; оно проходитъ чрезъ всю княжескую эпоху и повторяется въ каждой отдѣльной волости. Такъ Рязань, о которой вовсе не упоми-

---

[1]) Воскр. и Сузд. 1186 г.

[2]) Такъ называетъ Новгородъ Всеволодъ Юрьевичъ. Лавр. 1206 г. Но съ весьма древняго времени въ значеніи старѣйшаго города съ Новгоромъ соперничаетъ уже Кіевъ. Святополкъ-Михаилъ и Владиміръ-Мономахъ, приглашая Олега и Давыда Святославичей на сиемъ къ Кіевъ говорятъ „яко то есть старѣйшій градъ въ земли во всей, Кыевъ, ту достойно снятися и порядъ положити". Лавр. 1096 г.

нается въ распредѣленіи князей по городамъ въ X в., и которая въ XI в. появляется только какъ городъ, принадлежащій къ Черниговской волости, выступаетъ съ XII в. какъ отдѣльная волость и какъ старшій городъ по отношенію къ Пронску, Коломнѣ, Воронежу и друг.; съ татарскаго разгрома старая Рязань падаетъ и уступаетъ свое значеніе болѣе новымъ городамъ. Тоже повторяется и въ Ростовской волости, гдѣ съ XII в. поднимается новый городъ, до того времени младшій, Владиміръ, и затмѣваетъ значеніе старшихъ городовъ, Ростова и Суздаля. Послѣ татарскаго нашествія, Владиміръ въ свою очередь падаетъ, какъ и старая Рязань, и уступаетъ свое значеніе еще болѣе новому городу, Москвѣ.—Такимъ образомъ, значеніе города какъ старѣйшаго всегда совпадаетъ съ фактическимъ превосходствомъ этого города надъ другими, при чемъ вовсе не необходимо, чтобы онъ дѣйствительно былъ самымъ древнимъ изъ нихъ.

Обладаніе старшимъ городомъ, какъ лучшимъ, есть предметъ особаго честолюбія князей. Преобладающее значеніе такого города сообщается и его князю: какъ городъ лучше другихъ городовъ, такъ и его князь лучше другихъ князей, онъ старѣйшина. Это старшинство переносное и не стоитъ въ связи съ дѣйствительнымъ старшинствомъ лѣтъ князя: лѣтами князь можетъ быть и моложе, но по городу онъ все-таки старѣйшина. Старшинство лѣтами есть фактъ, не зависящій отъ воли, оно дается рожденіемъ и не можетъ быть пріобрѣтаемо по произволу: „Богъ положилъ на тебѣ старѣйшинство въ братіи твоей“, говоритъ Всеволодъ своему старшему сыну. Такое старшинство не можетъ быть ни дано, ни отнято.— Старшинство по городу, наоборотъ, составляя принадлежность каждаго князя, занимающаго столъ старшаго города, пріобрѣтается личнымъ дѣйствіемъ. Оно пріобрѣтается всѣми способами, какими пріобрѣталось самое обладаніе городомъ: призваніемъ, завоеваніемъ, соглашеніемъ съ другими князьями (т. е. договоромъ) и пр. Въ послѣднемъ случаѣ, когда старшинство пріобрѣталось въ силу соглашенія съ князьями, одни изъ нихъ, естественнымъ образомъ, уступали старшинство другому, отказывались отъ него, или, говоря иначе, возлагали старшинство на этого другаго. Въ этомъ смыслѣ надо понимать такія выраженія, какъ „соступиться со старѣйшинства“, „позвать кого либо на старѣйшинство“, „наречь кого либо старѣйшиной“, „дать кому либо старѣйшинство“ и подоб.; это старшинство изъ договора.—Въ одно и то же время можетъ быть

нѣсколько старшихъ городовъ и, слѣдовательно, нѣсколько старшихъ князей по городамъ.

Подъ 1206 г. Всеволодъ Юрьевичъ ясно высказываетъ различіе этихъ двухъ старѣйшинствъ: старѣйшинства лѣтами и старѣйшинства по городу. Отправляя старшаго сына на столъ въ Новгородъ, онъ говоритъ ему: „сыну мой, Константине! на тебѣ Богъ положилъ переже старѣйшинство во всей братьи твоей, а Новгородъ Великій старѣйшинство имать княженью во всей Русской землѣ, по имени твоемъ тако и хвала твоя: не токмо Богъ положилъ на тебѣ старѣйшинство въ братьи твоей, но и во всей Русской землѣ, и язъ ти даю старѣйшинство, поѣди въ городъ свой“.

Примѣры такого переноснаго и, слѣдовательно, искусственнаго старшинства встрѣчаются съ глубокой древности. Подъ 1078 г. лѣтописецъ влагаетъ въ уста Изяслава Ярославича такія слова о младшемъ его братѣ Всеволодѣ: „нарекъ мя старѣйшину собѣ“. Что же это за старѣйшинство, въ которое возвелъ Изяслава его младшій братъ, Всеволодъ? Здѣсь не можетъ быть рѣчи о старшинствѣ лѣтъ, ибо этого старшинства Всеволодъ не могъ ни отнять у Изяслава, ни дать ему. Для пониманія словъ Изяслава необходимо припомнить предшествовавшія имъ событія. Въ 1073 г. Изяславъ былъ изгнанъ изъ Кіева соединенными силами своихъ младшихъ братьевъ, Святослава и Всеволода, изъ которыхъ первый занялъ Кіевскій столъ. По смерти Святослава (1076) въ Кіевѣ сѣлъ Всеволодъ. Между тѣмъ изгнанный Изяславъ, получивъ помощь Ляховъ, началъ наступательное движеніе къ Кіеву (1077). Всеволодъ, желая предупредить брата, выступилъ противъ него на Волынь. Но до битвы дѣло не дошло, братья заключили миръ, по которому Всеволодъ уступилъ Изяславу Кіевъ. Слова Изяслава „нарекъ мя старѣйшину собѣ“ — относятся именно къ этой уступкѣ ему старшаго стола, а вмѣстѣ съ нимъ и старшинства по городу. До мира 1077 г. старѣйшинство принадлежало младшимъ братьямъ: сперва Святославу, а за нимъ Всеволоду. Всеволодъ могъ отстаивать свое старшинство и, дѣйствительно, съ этого цѣлью онъ выступилъ противъ Изяслава. Но Изяславъ, надо думать, предложилъ ему выгодныя условія и Всеволодъ предпочелъ хорошій миръ невѣрному исходу вооруженной борьбы. Онъ взялъ себѣ столъ въ младшемъ городѣ, Черниговѣ, а Изяславу уступилъ старшій, Кіевскій, что и значитъ „нарекъ его собѣ старѣйшину“ [1]).

[1]) Лавр. 1078 г.

Переговоры о старшинствѣ по городу могли имѣть мѣсто всякій разъ, какъ скоро между князьями шла рѣчь о замѣщеніи одного изъ старшихъ столовъ. Но лѣтописецъ сохранилъ намъ только весьма немногіе изъ нихъ. Мы укажемъ на три. Въ 1174 г., во время большой коалиціи, составленной противъ Кіевскихъ Ростиславичей усиліями Андрея Владимірскаго и Черниговскихъ князей (Ольговичей), къ послѣднимъ присоединился и Ярославъ Луцкій, „ища собѣ старѣйшинства въ Ольговичахъ,—и не ступишася ему Кіева“ [1]). Изъ того сопоставленія словъ старѣйшинство и Кіевъ, какое дѣлаетъ лѣтописецъ въ только-что приведенномъ мѣстѣ, ясно видно, что старѣйшинство, котораго искалъ Ярославъ, заключалось въ обладаніи Кіевомъ, Ольговичи не уступили Кіева и тѣмъ заставили Ярослава перейти на сторону ихъ противниковъ, которые оказались сговорчивѣе: „Ростиславичи же, продолжаетъ лѣтописецъ, положиша на Ярославѣ старѣйшинство и даша ему Кіевъ“. Это случай отыскиванія старѣйшинства младшимъ княземъ (лѣтами) [2]).

Приведемъ примѣръ, гдѣ старѣйшинство отыскиваетъ старшій (лѣтами) князь. Въ 1195 г. Романъ Мстиславичъ, поссорившись съ тестемъ своимъ, Рюрикомъ, Кіевскимъ княземъ, отступился отъ него къ Ольговичамъ и сталъ „поводить Ярослава (Всеволодича) на старѣйшинство“. Въ слѣдующей за тѣмъ строчкѣ лѣтописецъ опять поясняетъ, что это за старѣйшинство, которое Романъ хотѣлъ доставить Ярославу Черниговскому: „и поча Рюрикъ думати съ братіею, говоритъ онъ, и посла ко Всеволоду, повѣдая ему, ажь Романъ прислался ко Ольговичамъ и поводитъ й на Кіевъ“. И такъ старѣйшинство, котораго не имѣлъ старшій лѣтами Ярославъ и на которое звалъ его Романъ, заключалось въ обладаніи старшимъ Кіевскимъ столомъ [3]).—Подобно этому въ 1216 г., во время войны Мстислава Новгородскаго и Константина Ростовскаго съ младшими братьями послѣдняго, Юріемъ Владимірскимъ и Ярославомъ Переяславскимъ, союзники Констан-

---

[1]) Ипат. 1174 г.

[2]) Ярославъ Луцкій принадлежалъ къ 9-му поколѣнію Рюриковичей и доводился племянникомъ Святославу Всеволодичу; кромѣ того, онъ былъ младшей линіи, чѣмъ его соперникъ: Ярославъ былъ праправнукъ Всеволода Ярославича, а Святославъ правнукъ его старшаго брата, Святослава, а потому есть полное основаніе думать, что Ярославъ былъ и лѣтами моложе Ольговича.

[3]) Ярославъ Всеволодичъ былъ старше степенью Рюрика Ростиславича и принадлежалъ къ старшей линіи: онъ былъ правнукъ Святослава Ярославича, а Рюрикъ—правнукъ его младшаго брата, Всеволода; надо думать, что онъ и лѣтами былъ его старше.

тина въ такихъ выраженіяхъ опредѣляютъ цѣль войны: „мы пришли дати старѣйшинство большему брату, Костянтину, да посадити и въ Володимери“. Это также старшинство по старшему столу Владимірскому, котораго не имѣлъ старшій сынъ Всеволода [1]).

Въ дошедшихъ до насъ полныхъ текстахъ договоровъ сѣверныхъ князей наименованіе старѣйшины обыкновено выговаривается въ пользу князей лучшаго сѣвернаго стола, Владимірскаго и Московскаго, а послѣ нихъ князьямъ Тверскимъ, Рязанскимъ и другимъ [2]).

Переходя къ вопросу о значеніи старшинства по городу, замѣтимъ, что князья старшихъ городовъ, какъ сильнѣйшіе, естественно, играли первую роль въ рѣшеніи вопросовъ современной имъ политики. Если наименованіе старѣйшиной вносилось въ договоръ и вмѣнялось въ обязанность одной изъ договаривающихся сторонъ по отношенію къ другой, это имѣло значеніе отказа отъ старшаго стола и признанія его за этой другой стороной; кромѣ того, признаніе кого либо старѣйшиной, естественно, возлагало на признавшую сторону обязанность относиться къ старѣйшинѣ съ тѣмъ уваженіемъ и почтеніемъ, какое обыкновенно подобаетъ старшимъ лѣтами, хотя бы дѣйствительнаго старшинства лѣтъ здѣсь и не было. Этимъ и ограничивается значеніе старѣйшинъ въ этомъ второмъ смыслѣ: бо́льшихъ правъ, бо́льшей власти, чѣмъ другіе князья, они не имѣли.

Въ дополненіе къ тѣмъ фактамъ, которые указываютъ на совершенную равноправность князей старшихъ и младшихъ и приведены въ очеркѣ исторіи княжескихъ отношеній Вѣче и Князь воспользуемся еще тѣми указаніями на отношенія старѣйшинъ къ младшимъ князьямъ, которыя представляютъ полные тексты договоровъ, сохранившихся отъ XIV и послѣдующихъ вѣковъ.

---

[1]) Воскр. 1216 г. Въ томъ же смыслѣ надо понимать и возложеніе старѣйшинства на Михалку Юрьевича Ростиславичами и Всеволодомъ Юрьевичемъ, которые были моложе его лѣтами. Это возложеніе старѣйшинства имѣло значеніе уступки ему лучшаго стола въ Ростовской волости. Ипат 1175 г.

[2]) Такъ напр. Рязанскій князь, Ѳедоръ Ольговичъ, обязуется имѣть Московскаго князя, Василія Дмитріевича,—братомъ старѣйшимъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ получаетъ право считать меньшихъ братьевъ Дмитрія — своею братіею молодшею; по отношенію къ нимъ, слѣдовательно, онъ будетъ братъ старѣйшій. Подобно этому Можайскій князь, Михаилъ Андреевичъ, признаетъ старѣйшиной себѣ Моск. в. к., Ивана Васильевича, и его брата, Юрія, по отношенію же къ младшимъ ихъ братьямъ онъ самъ признается старѣйшиной. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 36 и 90. Ср. еще № 119. Впрочемъ, такія условія о старшинствѣ встрѣчаются далеко не во всѣхъ договорахъ. — Древнѣйшій случай признанія Владимірскаго князя старѣйшиной относится къ 1195 г., когда Ростиславичи нарекли его старѣйшимъ во всемъ племени Володиміровомъ. Ипат.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

Въ договорахъ наименованіе старѣйшиной (собственно — братомъ старѣйшимъ) соединяется съ самымъ разнообразнымъ опредѣленіемъ взаимныхъ правъ и обязанностей договаривающихся сторонъ. Оно одинаково встрѣчается какъ въ договорахъ, ограничивающихъ въ значительной степени политическую самостоятельность одной изъ договаривающихся сторонъ, такъ и въ тѣхъ, которыми ограждается полная ихъ равноправность [1]). Такимъ образомъ, договорное право допускаетъ полное равенство правъ старшихъ и младшихъ князей. Если же оно установляетъ ограниченіе политической самостоятельности одного изъ князей, то основанія этому ограниченію надо искать не въ словѣ „старѣйшина", а въ одностороннемъ условіи „не канчивати".—Мы имѣемъ два договора, въ которыхъ старѣйшій князь, Василій Васильевичъ Московскій, признаетъ надъ собой, въ извѣстномъ случаѣ, право суда молодшихъ, Василія Ярославича Боровскаго и Михаила Андреевича Можайскаго [2]). Если бы съ понятіемъ о старшинствѣ соединялось понятіе о высшей власти, такое подчиненіе высшей власти суду нисшей было бы невозможно. Но старѣйшина, какъ мы замѣтили, не имѣлъ лучшей власти; взаимныя же отношенія, въ которыхъ находились помянутые младшіе князья и старшій, были опредѣлены договорами, не установлявшими никакого ограниченія правъ младшихъ князей въ пользу старшаго [3]). Признаніе Василіемъ Васильевичемъ за Василіемъ Ярославичемъ и Михаиломъ Андреевичемъ права „быть на него" въ томъ случаѣ, когда они найдутъ его виноватымъ, есть ничто иное, какъ случай добровольнаго подчиненія себя суду равныхъ, случай, который необходимо долженъ былъ представиться тамъ, гдѣ государственное устройство не знало высшаго суда надъ князьями.

2. Отецъ. Въ непосредственной связи со старшинствомъ стоитъ другое почетное наименованіе старшихъ князей: къ нимъ обращаются съ воззваніемъ: отецъ!—„Старыя чти, яко отца", говоритъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи. Изъ этого сближенія старшихъ вообще съ отцемъ естественно

---

[1]) Въ примѣръ соединенія обязанности признавать одну изъ договаривающихся сторонъ старѣйшиной съ полнѣйшею равноправностью старѣйшины и младшаго князя укажемъ на договоры подъ №№ 49, 66, 69, 70, 75, 90, 92; въ примѣръ соединенія этого условія съ ограниченіемъ правъ младшей стороны на №№ 65, 115, 119, 123, 133, 160. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I.

[2]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 63 и 68.

[3]) Отношенія Василія Васильевича къ Василію Ярославичу Боровскому опредѣлены въ договорѣ, отпечатанномъ подъ № 45, а къ Можайскому князю въ договорѣ за №№ 61, 64. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I.

вытекаетъ возможность переноса на нихъ и самаго имени отца.

Наименованіе отцемъ встрѣчается во 1-хъ, какъ почтительное обращеніе младшаго къ старшему, условливаемое чувствомъ уваженія (дѣйствительнымъ или притворнымъ — для настоящей цѣли все равно). Такъ Изяславъ Мстиславичъ, желая привлечь на свою сторону дядю, Вячеслава говоритъ ему (1150 г.): „ты ми еси отецъ!". Точно также братъ его, Ростиславъ Мстиславичъ, открывая мирные переговоры (1154 г.) съ дядею, Юріемъ, обращается съ нему въ такой формѣ: „отце! кланяютися, ты переди до мене добръ былъ, и азъ до тебе; а нынѣ кланяютися, стрый ми еси яко отецъ". Въ свою очередь Юрій говоритъ старшему брату, Вячеславу: „ты мнѣ еси яко отецъ" (1151 г.). Подобно этому, мирныя предложенія Глѣбовичей Рязанскихъ Всеволоду начинаются такъ: „ты господинъ, ты отецъ, ты братъ старѣйшій!"

Какъ выраженіе почтенія, наименованіе отца можетъ быть обращено не только къ старшему лѣтами, но и къ младшему, если онъ своими дѣйствіями возбуждаетъ въ старшемъ то чувство уваженія, которымъ обыкновенно условливается такое обращеніе. Такъ старый Вячеславъ такимъ образомъ выражаетъ свое почтеніе къ младшему лѣтами племяннику, Изяславу Мстиславичу: „ты мой еси отецъ!" говоритъ онъ ему (1150 г.) [1]).

Рядомъ съ этимъ свободнымъ употребленіемъ слова отецъ, оно встрѣчается во 2-хъ, какъ обязанность. Эта обязанность возникаетъ изъ договора и изъ завѣщанія. Случаи такого необходимаго признанія кого либо отцемъ себѣ встрѣчаются съ глубокой древности и до послѣдняго времени. Ярославъ Владиміровичъ, умирая (1054 г.), поручаетъ своихъ младшихъ сыновей старшему, Изяславу, и при этомъ говоритъ имъ: „да то вы будеть въ мене мѣсто". Въ 1150 г. Вячеславъ и Изяславъ цѣлуютъ между собой крестъ на томъ, что „Изяславу имѣти отцемъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти сыномъ Изяслава" [2]). Въ 1160 г. Святославъ Ольговичъ съ союзниками принудилъ племянника своего, Святослава Владиміровича, къ миру, по которому послѣдній обязался: „имѣти ему его въ отца мѣсто и во всей воли его ему ходити". Подъ 1174 г. находимъ извѣстіе о томъ, что Ростиславичи „нарекли собѣ

---

[1]) Ипат. 1150 г., 1151 г., 1154 г. Воскр. и Сузд. 1186 г.

[2]) Этотъ договоръ состоялся непосредственно за приведеннымъ выше обращеніемъ Изяслава къ Вячеславу: ты ми еси отецъ!", но передъ подобнымъ же обращеніемъ Вячеслава къ Изяславу.

отцемъ“ Андрея Юрьевича. Подобно Ярославу Владиміровичу, Всеволодъ Юрьевичъ Владимірскій поручаетъ своихъ младшихъ сыновей второму сыну Юрію: „въ отца мѣсто“ (1213 г.). Такіе же случаи встрѣчаемъ въ обиліи и въ дошедшихъ до насъ полныхъ текстахъ княжескихъ договоровъ и завѣщаній [1]).

Вопросъ о значеніи обязательнаго признанія кого либо въ отца мѣсто представляетъ значительныя затрудненія.

Не можетъ подлежать, однако, сомнѣнію, что съ переносомъ на кого либо имени отца не соединялся переносъ дѣйствительной отеческой власти во всей ея полнотѣ. На это указываютъ всѣ дошедшіе до насъ случаи употребленія словъ „въ отца мѣсто“, какъ въ завѣщаніяхъ, такъ и въ договорахъ. Въ примѣръ завѣщанія остановимся на духовной грамотѣ вел. князя Московскаго, Ивана Васильевича. По весьма распространенному обычаю, онъ приказываетъ меньшихъ своихъ сыновей старшему, Василію, и вмѣняетъ имъ въ обязанность „держать его въ свое мѣсто и слушать во всемъ“. Но изъ другихъ пунктовъ того же завѣщанія ясно видно, что Иванъ Васильевичъ былъ очень далекъ отъ мысли передать старшему сыну всю ту власть, которою пользовался самъ по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Такъ каждый изъ сыновей великаго князя получалъ свой особый удѣлъ, который только въ случаѣ смерти своего князя безъ наслѣдниковъ мужескаго пола присоединялся къ княженію старшаго брата, Василія, а до того времени, слѣдовательно, составлялъ особое владѣніе, внѣ владѣній Василія Ивановича. При жизни Ивана Васильевича сыновья его не имѣли удѣловъ, которые не были бы подчинены его власти и которыми бы онъ не могъ распоряжаться по произволу, передавая ихъ въ управленіе то тому, то другому сыну.—Кромѣ того, старшему сыну вмѣнялось въ обязанность держать своихъ младшихъ братьевъ „въ братствѣ и во чти безъ обиды“. А мы знаемъ, что это условіе обозначало признаніе въ младшихъ братьяхъ прирожденнаго имъ княжескаго достоинства, съ которымъ не могло вязаться подчиненіе ихъ неограниченной (въ смыслѣ отеческой) власти старшаго брата. Согласно съ этимъ вел. князь Иванъ Васильевичъ и не установляетъ надъ младшими сыновьями суда ихъ старшаго брата на случай, если бы они вышли изъ его

[1]) Ипат. 1160 г., 1174 г., Сузд. 1213 г. Изъ договоровъ см. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I, №№: 23, 27, 33, 37, 45, 47 и пр.; изъ завѣщаній тамъ же №№ 42, 86, 144. Признать „въ отца мѣсто“ можно было и не родственника. Такъ Владиміръ обѣщаетъ Блуду, воеводѣ своего брата, Ярополка, „имѣть его въ отца мѣсто“, если онъ поможетъ ему убить старшаго брата. Лавр. 980 г.

послушанія, а предаетъ ихъ одному суду Божію. Въ завѣщаніи сказано: „А который мой сынъ не учнетъ сына моего Василія слушати во всѣмъ, или учнетъ подъ нимъ подыскивати великихъ княжествъ, или подъ его дѣтьми, или учнетъ отъ него отступати, или учнетъ ссылатися съ кѣмъ нибудь тайно, или явно на его лихо, или учнетъ кого на него подымати, или съ кѣмъ учнетъ на него одиначитися; ино не буди на немъ Божіей милости.... и нашего благословенія“.... [1])

Тѣмъ же характеромъ отличается и то краткое лѣтописное извѣстіе, которое сохранилось о древнѣйшемъ изъ памятниковъ этого рода, о завѣщаніи вел. князя Кіевскаго, Ярослава Владиміровича. Приказывая, какъ и Иванъ Васильевичъ, младшимъ сыновьямъ „слушаться старшаго въ себѣ мѣсто“, онъ дѣлитъ между ними города и завѣщаетъ имъ „не преступати предѣла братня, ни сгонити“. Послѣ смерти Ярослава, слѣдовательно, также нарушилось единство власти, какъ и послѣ смерти Ивана Васильевича, и дѣти Ярослава также, какъ и дѣти Ивана, получили особые удѣлы. Если у каждаго брата свой особый удѣлъ, то понятно, что между ними возможны враждебныя столкновенія. Ярославъ, не разъ поднимавшій оружіе на родныхъ братьевъ, предвидѣлъ это. Но и онъ, какъ и его далекій и знаменитый потомокъ, для предотвращенія такихъ столкновеній, не подчиняетъ младшихъ сыновей суду старшаго, а только приказываетъ ему помогать тому изъ братьевъ, на котораго возстанутъ другіе. Такимъ образомъ, Ярославъ оставляетъ отношенія своихъ сыновей въ такомъ положеніи, при которомъ судъ Божій былъ необходимымъ рѣшителемъ княжескихъ споровъ.

Итакъ, отеческая власть и та, которая по завѣщаніямъ переносилась на Изяслава Ярославича и Василія Ивановича, далеко не совпадали одна съ другой [2]).

Тотъ же результатъ выносимъ и изъ разсмотрѣнія дого-

---

[1]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 144.

[2]) Лавр. 1054 г. Въ началѣ Ярославова завѣщанія находимъ слѣдующее любопытное мѣсто, которымъ установляется не столько подчиненіе младшихъ сыновей старшему, сколько ихъ единеніе: „се азъ отхожу свѣта сего, сынове мои, говоритъ Ярославъ. Имѣйте въ себе любовь, понеже вы сете братья единого отца и матере. Да аще будете въ любви межи собою, Богъ будетъ въ васъ, и покоритъ вамъ противныя, и будете мирно живуще. Аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ, и которающеся, то погибнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ. Пребывайте мирно, послушающе братъ брата!“ Въ нѣкоторыхъ духовныхъ грамотахъ мы дѣйствительно встрѣчаемся съ заповѣдью отца, чтобы дѣти „жили за одинъ“. Такую волю находимъ въ завѣщаніи Галицкаго князя, Юрія Дмитріевича, отъ 1434 г., и въ завѣщаніи в. к. Московскаго, Василія Васильевича, отъ 1462 г. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 51 и 86. Ср. еще тамъ же №№ 22 и 24.

воровъ. Въ однихъ обязательство „имѣть кого либо въ отца мѣсто“ соединяется съ полнѣйшею равноправностью обѣихъ договаривающихся сторонъ, которыя обязуются быть за одинъ и не канчивать одна безъ другой [1]); въ другихъ—съ условіемъ, по которому одна изъ сторонъ обязывается „ходити во всей волѣ“ названнаго отца [2]). Что касается до договоровъ перваго рода, то нельзя не замѣтить, что нигдѣ не обнаруживается такъ рѣзко вся несоизмѣримость власти дѣйствительнаго отца съ властью отца названнаго, какъ именно въ нихъ. Вмѣсто безусловнаго подчиненія дѣтей волѣ родителей, мы встрѣчаемся здѣсь съ обязанностью названнаго отца „не канчивать“ безъ воли названнаго сына и быть съ нимъ за одинъ. Въ договорахъ втораго рода установляется подчиненіе, но важно то, что для выраженія этого подчиненія было мало термина „имѣть въ отца мѣсто“, а требовалось еще прибавить „и во всей воли его ходити“, или „и въ его послушаніи ходити“. Это указываетъ на то, что и сами князья сознавали неопредѣленность термина „въ отца мѣсто“ и считали необходимымъ пояснять его описательными выраженіями. Описательное же выраженіе „быть въ чьей либо волѣ“ относилось, какъ мы знаемъ, только къ внѣшней политикѣ и никогда не выражало права на чужую волость [3]). Такимъ образомъ, и въ договорахъ втораго рода съ признаніемъ кого либо „въ отца мѣсто“ не соединялся дѣйствительный переносъ на это лице отеческой власти во всемъ ея объемѣ.

Что же значитъ обязанность имѣть кого либо въ отца мѣсто?

Власть отца семейства была единственной не договорной властью, какую знали князья; она установлялась не въ силу свободной воли сторонъ и была выше человѣческаго произвола. Въ семействѣ не было войны. Состояніе членовъ семейства подъ властью отца представляется замиреннымъ, прочнымъ; это завидное состояніе въ эпоху столь богатую войнами, какъ княжеская эпоха. Отсюда понятно, что князья ничего лучшаго не могли завѣщать своимъ дѣтямъ, какъ продолженіе семейнаго быта подъ властью названнаго отца. Но, такъ какъ названному отцу не сообщалась дѣйствительная

---

[1]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 22, 27, 33, 37, 45, 47 и др.

[2]) Съ такимъ соединеніемъ мы не замѣтили ни одного полнаго текста договоровъ; но оно встрѣчается въ лѣтописныхъ извлеченіяхъ изъ договоровъ. См. напр. Ипат. подъ 1159 г. и 1160 г.

[3]) См. чрезвычайно любопытные переговоры Ростиславичей съ Андреемъ, котораго они назвали „отцемъ себѣ“, Ипат. 1174 г.

отеческая власть, то тоже понятно, что воля отца оставалась только добрымъ желаніемъ, а выраженіе „въ отца мѣсто“ формой, которой вовсе не соотвѣтствовали новыя отношенія, возникавшія между братьями въ силу того же завѣщанія. Съ тѣмъ же значеніемъ является это выраженіе и въ договорахъ втораго рода, которыми установляется ограниченіе политической самостоятельности одной изъ сторонъ: это также форма выраженія, заимствованная отъ иныхъ отношеній, которыя, однако, желательно было бы воспроизвести.—За выдѣленіемъ того, что желательно, но не осуществимо, условіе имѣть кого либо въ отца мѣсто заключаетъ въ себѣ только обязанность воздавать названному отцу самую высокую дань почтенія, уваженія и любви. Исключительно въ этомъ смыслѣ употребляется разбираемое выраженіе въ договорахъ перваго вида, не устанавливающихъ подчиненія одного князя другому, гдѣ оно играетъ ту же роль, какъ и выраженіе старѣйшина.

3. Великій князь. Наименованіе великимъ княземъ совпадаетъ съ наименованіемъ старѣйшиной по городу и усвояется обыкновенно князьямъ лучшихъ волостей. Сперва назывались такъ Кіевскіе князья, а по усиленіи Владиміра, Рязани, Твери, Москвы, это наименованіе сообщилось и князьямъ этихъ волостей. Великіе князья, какъ и старѣйшины, не пользовались никакими лучшими правами сравнительно съ другими князьями. Въ дополненіе къ тѣмъ фактамъ, которые указываютъ на совершенное равенство правъ великихъ князей и просто князей и приведены выше, укажемъ еще на полные тексты договоровъ, въ большинствѣ которыхъ великіе князья опредѣляютъ свои отношенія къ князьямъ, не отличеннымъ такимъ титуломъ, на совершенно равныхъ условіяхъ, продолжая тѣмъ не менѣе оставаться великими [1]).

4. Господинъ. Наименованіе господиномъ имѣетъ тоже значеніе почтенія, какъ и наименованіе старѣйшиной и отцемъ, но разнится нѣсколько своимъ характеромъ. Обращеніе со словами старѣйшина и отецъ заимствуетъ свою силу и значеніе отъ того почтенія, которое подобаетъ старшимъ вообще и родителямъ въ особенности; обращеніе же со словомъ господинъ заимствуетъ свою силу отъ почтенія, которое должно быть воздаваемо рабами господамъ ихъ. Такимъ образомъ, наименованіе господиномъ, кромѣ почтенія, выра-

---

[1]) Р. С. Г. Г. и Д ч I. №№ 37, 61, 69, 95, и др. Въ № 119—120, наоборотъ, находимъ ограниченіе правъ великого князя. См. прим. 30.—Ср. М. П. Погодина.—Изслѣдованія и пр. Т. IV, Гл. VI.

жаетъ еще нѣкоторую приниженность того лица, которымъ употребляется. Можетъ быть именно благодаря этой приниженности признаніе кого либо господиномъ почти вовсе не встрѣчается какъ обязанность, налагаемая договоромъ [1]). Но слово господинъ довольно употребительно, какъ обращеніе къ сильнѣйшимъ князьямъ со стороны князей болѣе слабыхъ. Въ такомъ видѣ оно нерѣдко встрѣчается въ договорахъ, гдѣ, какъ и наименованіе старѣйшиной, отцемъ и великимъ княземъ,—уживается рядомъ съ совершенной равноправностью обѣихъ договаривающихся сторонъ [2]).

Взаимныя отнотенія князей съ точки зрѣнія теоріи родоваго быта.

Съ весьма давняго времени въ нашей литературѣ существуетъ мнѣніе о господствѣ родоваго быта среди русскихъ Славянъ вообще и между членами княжескаго рода въ особенности. Начало этому воззрѣнію положено еще нѣмецкими учеными, профессорами Дерптскаго университета, Рейцомъ и Эверсомъ. Это воззрѣніе въ примѣненіи къ князьямъ Рю-

---

[1]) Мы имѣемъ только два такихъ договора, и тѣ относятся къ самому послѣднему времени, XVI в., и заключены между одними и тѣми же лицами, в. к. Московскимъ, Василіемъ Ивановичемъ, и его роднымъ братомъ, Юріемъ. Обязательству „имѣть в. к. Василія себе господиномъ“ соотвѣтствуетъ и приниженный тонъ всего договора, который содержитъ въ себѣ такое сильное ограниченіе политической самостоятельности Юрія, какое не встрѣчается ни въ одномъ изъ предшествовавшихъ договоровъ.—Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 133 и 160. Ср. еще Лавр. 1229 г. Но здѣсь не совершенно ясно, обязались ли князья имѣть Юрія себѣ господиномъ, или такъ только назвали его, въ видѣ обращенія. Въ Воскр. же сказано только, что князья обязались имѣть Юрія отцемъ себѣ.

[2]) Князья сравнительно слабыхъ волостей нерѣдко начинали свои грамоты такимъ обращеніемъ къ своимъ болѣе сильнымъ союзникамъ: „на семъ на всемъ, господине и брате старѣйшій, князь великій (такой то), цѣлуй ко мнѣ крестъ ко своему брату молодшему (такому то): быти ти, господине, со мною съ своимъ братомъ молодшимъ вездѣ за одинъ до своего живота“ и т. д. Сильнѣйшіе же князья въ своихъ грамотахъ не называютъ себя господами; они обыкновенно начинаютъ такъ: „на семъ на всемъ, брате молодшій, князь (такой то), цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату старѣйшему, къ великому князю (такому то): быти ти, брате, со мною съ великимъ княземъ вездѣ за одинъ и до своего живота“ и т, д. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 54—55, 56—57, 58—59, 61, 75, 91, 97—98, 99—100, 101—102, 106—107, 108—109, 110—111, 115—116, 45, 67.—Только съ конца XV в. и сильнѣйшіе князья въ своихъ грамотахъ начинаютъ сами называть себя господами. Первая такая грамота относится къ 1482 г. Но и послѣ этого года встрѣчаются грамоты какъ вовсе безъ наименованія господиномъ, такъ и только съ одностороннимъ наименованіемъ отъ лица слабѣйшаго князя. Наименованіе господиномъ въ обоихъ экземплярахъ встрѣчается въ №№ 113—114, 123—124, 125—126 118, 119—120, изъ которыхъ три установляютъ полное равенство правъ договаривающихся сторонъ, а два вносятъ ограниченіе въ пользу одной изъ нихъ, см. прим. 27, 29, и 30.

рикова дома съ особенною полнотою развито историкомъ Соловьевымъ. Съ точки зрѣнія родовой теоріи вся Русь представляетъ единое цѣлое, по общему правилу, въ силу подчиненія князей власти одного старшаго князя, или великаго, который былъ всегда одинъ и соединялъ въ своихъ рукахъ гораздо большія права, чѣмъ тѣ, которыя принадлежали всѣмъ остальнымъ.

Въ самомъ началѣ II тома своей „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ", Соловьевъ такимъ образомъ характеризуетъ родовыя отношенія князей: — „...всѣ князья имѣли одного старшаго князя, которымъ былъ всегда старшій членъ въ цѣломъ родѣ, слѣдовательно каждый членъ рода, въ свою очередь, могъ получить старшинство, не остававшееся исключительно ни въ одной линіи. Такимъ образомъ, родъ князей Русскихъ, не смотря на свое развѣтвленіе продолжалъ представлять одну семью—отца съ дѣтьми, внуками и т. д. Теперь изъ словъ лѣтописца, изъ словъ самихъ князей, какъ они у него записаны, нельзя ли получить свѣдѣнія объ отношеніяхъ князей къ ихъ общему старшему, этому названному отцу? Старшій князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о Русской землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родичей, имѣлъ право судить и наказывать младшихъ, раздавалъ волости, выдавалъ сиротъ дочерей княжескихъ за мужъ. Младшіе князья обязаны были оказывать глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцемъ въ правду, и ходить въ его послушаніи, являться къ нему по первому зову, выступать въ походъ, когда велитъ".

Приведенное мнѣніе вызвано: во 1-хъ, нѣкоторыми выраженіями источниковъ, взятыми отрывочно, внѣ связи съ другими свидѣтельствами тѣхъ же источниковъ, которыми необходимо было воспользоваться для уясненія ихъ дѣйствительнаго смысла; во 2-хъ, тѣмъ, что частныя опредѣленія отдѣльныхъ договоровъ приняты за обычаи родоваго быта.

Старшій князь, утверждаетъ приведенное мнѣніе, имѣлъ обязанность, думать и дѣйствовать (блюсти, думать и гадать) за младшихъ князей. Чтобы существовала обязанность думать и дѣйствовать за кого либо, необходимо, чтобы извѣстное лице само не думало и не дѣйствовало, и чтобы другому была предоставлена власть думать и дѣйствовать за него; въ противномъ случаѣ неизбѣжно столкновеніе двухъ думъ и двухъ дѣйствій. Изъ предыдущаго мы знаемъ, что каждый князь думалъ и дѣйствовалъ самъ за себя, кромѣ того случая, когда

онъ по договору обязывался быть въ чьей либо волѣ, что, впрочемъ, относилось къ одной только внѣшней политикѣ. Теорія родоваго быта разумѣетъ не это подчиненіе одного князя волѣ другаго, возникающее изъ договора; а подчиненіе всѣхъ князей волѣ одного, старшаго, и не въ силу договора, а въ силу—обычаевъ родоваго быта. Чѣмъ же доказывается существованіе такихъ обычаевъ? Въ подкрѣпленіе высказанному положенію, авторъ Исторіи приводитъ только одно мѣсто источниковъ: „Такъ Ростиславичи, сказано въ примѣчаніи къ разбираемому мѣсту, въ 1195 г. говорили Всеволоду III: „А ты, брате, въ Володимери племени старѣй еси насъ, а думай, гадай о Русской земли и о своей чести и о нашей“.

Дѣйствительно, Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи обратились съ приведенными словами къ Всеволоду Юрьевичу. Но чтобы судить объ ихъ отношеніяхъ къ этому князю, и дѣлать заключеніе о характерѣ княжескихъ отношеній вообще, приведеннаго мѣста мало. Для этого надо было взять и другія свидѣтельства, характеризующія взаимныя отношенія тѣхъ же Ростиславичей къ тому же Всеволоду, если таковыя есть. По счастью мы имѣемъ два такихъ свидѣтельства; они не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно дѣйствительнаго смысла приведенныхъ словъ. За указаннымъ обращеніемъ Ростиславичей ко Всеволоду послѣдовала война этихъ князей съ Черниговскими Ольговичами. Въ 1196 г. Всеволодъ вознамѣрился заключить съ ними миръ, но безъ сношенія съ Рюрикомъ Ростиславичемъ. По мнѣнію С. М. Соловьева онъ могъ это сдѣлать, ибо былъ обязанъ думать и дѣйствовать за всѣхъ. Но могъ ли въ дѣйствительности? Давыдъ Ростиславичъ, дѣйствовавшій за одно со Всеволодомъ, пытается удержать его отъ такого односторонняго дѣйствія, напоминая ему рядъ его съ Рюрикомъ. Слова Давыда заключаются слѣдующимъ знаменательнымъ предостереженіемъ: „а нынѣ безъ его думы (т. е. безъ думы Рюрика) хочемъ мириться! а, брате, повѣдаю ти, сего мира не улюбитъ братъ мой Рюрикъ». Рюрикъ, дѣйствительно, не улюбилъ этого мира и въ наказаніе отнялъ у Всеволода тѣ города въ Русской землѣ, которые былъ вынужденъ дать ему въ 1195 г. Повторяемъ нашъ вопросъ, могъ ли Всеволодъ думать и дѣйствовать за Ростиславичей? Конечно, нѣтъ, ибо Ростиславичи ясно сознаютъ свое право—думать и дѣйствовать самимъ за себя; Всеволода же, наоборотъ, они считаютъ обязаннымъ дѣйствовать, въ извѣстныхъ случаяхъ, не иначе, какъ по думѣ съ

ними, по соглашенію съ ними. И такъ, примѣромъ Всеволода нельзя доказать того положенія, что старшій князь былъ обязанъ думать и дѣйствовать за всѣхъ остальныхъ.

Какой же дѣйствительный смыслъ того мѣста лѣтописи, которое дало поводъ къ этому неправильному заключенію? Въ 1195 г. Рюрикъ Ростиславичъ только что занялъ Кіевскій столъ по смерти Святослава Черниговскаго. Опасаясь, чтобы братъ Святослава, Ярославъ, не сталъ искать подъ нимъ Кіева, Рюрикъ заключилъ оборонительный союзъ со Всеволодомъ. Вскорѣ за тѣмъ зять Рюрика, Романъ, перешелъ на сторону Черниговскихъ князей и сталъ звать Ярослава Всеволодича на Кіевскій столъ. Такимъ образомъ для Рюрика возникъ поводъ требовать отъ Всеволода условленной помощи. Свое требованіе Рюрикъ облекаетъ въ возможно вѣжливую форму, какъ и подобаетъ между добрыми друзьями. „Ты старѣй насъ всѣхъ во Владиміровѣ племени, говоритъ онъ ему (т. е. старѣй лѣтами), а думай, гадай о Русской землѣ и о своей чести и о нашей!“ И такъ, это ничто иное, какъ вѣжливое обращеніе къ старшему лѣтами и притомъ къ человѣку, который нуженъ и можетъ помочь въ бѣдѣ. О томъ, чтобы Всеволодъ былъ старшій членъ въ цѣломъ родѣ Рюриковичей (собст. Ярославичей) здѣсь нѣтъ и рѣчи; здѣсь говорится только о старшинствѣ Всеволода въ Володиміровомъ племени. Старшій же въ цѣломъ родѣ былъ по всей вѣроятности Ярославъ Всеволодичъ Черниговскій, правнукъ Святослава, втораго сына Ярослава, противъ котораго и былъ направленъ союзъ Владиміровичей, потомковъ третьяго сына Ярослава, Всеволода; или Юрій Ярославичъ, (если только онъ былъ живъ въ это время), старшій правнукъ старшаго сына Ярослава, Изяслава, почти вовсе лишенный участія во владѣніи Русской землей. См. Ипат. 1149 и 1155 г.

Далѣе разбираемый авторъ утверждаетъ: старшій князь имѣлъ право судить и наказывать младшихъ. Въ доказательство того, что старшему князю принадлежало право суда надъ младшими, онъ приводитъ только одно мѣсто источниковъ, а именно—слова, сказанныя Ростиславомъ Юрьевичемъ Изяславу Кіевскому: „ты меня старѣй, ты меня и суди“. Если изъ этого мѣста можно вывести чье-либо право суда, то—одного только Изяслава надъ Ростиславомъ, а никакъ не старшаго въ цѣломъ родѣ надъ всѣми остальными. Изяславъ Мстиславичъ, къ которому обращены эти слова, не только не былъ старшимъ въ цѣломъ родѣ, но даже и не считалъ

себя за таковаго: „всѣхъ насъ старѣй, говоритъ онъ Ростиславу Юрьевичу, отецъ твой, да не умѣетъ съ нами жити“. Ипат. 1148 г. И такъ, изъ указаннаго авторомъ мѣста ровно ничего нельзя вывести о правахъ князя старшаго въ цѣломъ родѣ Рюриковичей князя. „Старѣе“—сказано здѣсь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ; Изяславъ былъ только старѣе Ростислава, который говоритъ ему: „ты меня старѣй“. Надъ Изяславомъ же поднималась еще цѣлая лѣстница князей, изъ которыхъ одинъ былъ старѣе другаго. Старѣе Изяслава былъ его дядя, Юрій, старѣе Юрія—его старшій братъ, Вячеславъ. Еще старѣе этихъ князей, правнуковъ Ярослава отъ третьяго сына Всеволода, были, по всей вѣроятности, его правнуки отъ втораго сына, Святослава, Владиміръ Изяславъ Давыдовичи и Святославъ Ольговичъ, также находившіеся въ живыхъ.

Какой же настоящій смыслъ приведеннаго извѣстія? Ростиславъ, какъ извѣстно, былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Изяславомъ: онъ получилъ отъ него волость, а во время войны Изяслава съ отцемъ Ростислава, Юріемъ, былъ оставленъ имъ на югѣ „стеречь Русской земли“. По возвращеніи изъ этого похода, Изяславъ узнаетъ, что въ его отсутствіе Ростиславъ замышлялъ на него и хотѣлъ овладѣть Кіевомъ. Пригласивъ его къ себѣ, Изяславъ напомнилъ Ростиславу все добро, которое ему сдѣлалъ, и за тѣмъ передалъ взводимое на него обвиненіе. На это обвиненіе Ростиславъ отвѣчалъ: „брате и отче! ни въ умѣ, ни въ сердцѣ моемъ того не было! но если кто на меня паговариваетъ, ты меня старѣй, ты меня съ нимъ и суди“. Все, что можно вывести изъ этихъ словъ, заключается въ слѣдующемъ: Ростиславъ признаетъ надъ собой въ данномъ случаѣ судъ Изяслава, и только. Основаніе подсудности въ этомъ случаѣ заключается въ личной волѣ Ростислава, а не въ томъ, что Изяславъ его старѣе; иначе пришлось бы допустить, что право суда принадлежало каждому князю относительно старшему лѣтами надъ всѣми другими, которые его моложе.

Но мы имѣемъ и положительное доказательство въ пользу того, что старшему въ цѣломъ родѣ князю не принадлежало право суда надъ всѣми остальными. Въ 1097 г. такимъ старшимъ былъ—Святополкъ-Михаилъ Кіевскій. Вмѣстѣ съ Давыдомъ Игоревичемъ онъ ослѣпилъ Василька. Узнавъ объ этомъ, младшіе князья посылаютъ сказать ему: „чему еси слѣпилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была нань, обличилъ бы й предъ нами“. И такъ, младшіе не сознаютъ за

старшимъ права суда, а говорятъ, что онъ долженъ былъ явиться въ качествѣ обвинителя предъ ихъ судомъ.

Что касается до права старшаго въ цѣломъ родѣ князя — наказывать остальныхъ, то, но сколько это право есть необходимое слѣдствіе права суда, оно также не принадлежало старшему князю, какъ и это послѣднее. Но такъ какъ, въ случаѣ нарушенія договоровъ, князь, пострадавшій отъ этого нарушенія, подвергалъ виновниковъ его такимъ неудобствамъ, какимъ только могъ; то, — если только такіе случаи можно разсматривать, какъ проявленіе права наказывать, — право это принадлежало каждому князю: младшему на равнѣ съ самымъ старшимъ. Мы только что привели случай наказанія старшаго князя младшимъ: Рюрикъ Ростиславичъ отнялъ у Всеволода Юрьевича данную ему волость—за неисполненіе договора. С. М. Соловьевъ въ подтвержденіе высказаннаго положенія о правѣ старшаго въ цѣломъ родѣ князя наказывать остальныхъ—приводитъ два мѣста источниковъ. Одно изъ нихъ (о Мстиславѣ Владиміровичѣ, поточившемъ Полоцкихъ князей въ Греки) относится къ помянутымъ случаямъ личной расправы за неисполненіе договоровъ, и совершенно уравновѣшивается указаннымъ нами примѣромъ такой же расправы младшаго князя со старшимъ. Впрочемъ, и эта ссылка автора выбрана не совсѣмъ удачно. Въ данномъ случаѣ наказываетъ не старшій въ цѣломъ родѣ князь. Наказываетъ Мстиславъ Владиміровичъ, а старѣе его были: правнуки Ярослава отъ втораго сына, Ольговичи и Давыдовичи; еще старѣе тѣхъ и другихъ были правнуки старшаго брата Ярослава, Изяслава Полоцкаго, Давыдъ, Ростиславъ и Святославъ Всеславичи. Именно эти то Всеславичи, самые старшіе изъ Рюриковичей, и потерпѣли въ данномъ случаѣ наказаніе отъ Мстислава. Второе мѣсто, приводимое авторомъ, вовсе не относится къ наказанію старшихъ, а только къ исполненію приговора младшихъ князей (Лавр. 1097 г.), возложеннаго ими на старшаго, при чемъ старшинство не играетъ никакой опредѣляющей роли.

Далѣе г. Соловьевъ утверждаетъ, что старшій въ цѣломъ родѣ князь—раздавалъ волости. Въ подтвержденіе этого положенія авторъ не приводитъ ни одной ссылки. Такъ какъ старшимъ былъ всегда одинъ въ цѣломъ родѣ, то выписанное положеніе надо понимать такъ: старшій въ цѣломъ родѣ князь держалъ въ своихъ рукахъ всѣ русскія волости и по своему усмотрѣнію раздавалъ ихъ кому хотѣлъ. Въ источни-

кахъ, дѣйствительно, нѣтъ ни одного мѣста, которое оправдывало бы такой взглядъ. Но можно утверждать, что князья вообще, какъ старшіе, такъ и младшіе, по требованію обстоятельствъ, уступаютъ другъ другу свои волости. Такъ наприм., младшій князь, Рюрикъ Ростиславичъ, уступилъ въ 1195 г. старшему князю, Всеволоду Юрьевичу, волость въ Русской землѣ; а въ 1196 г. отнялъ ее у него.

За перечисленіемъ правъ старшаго въ цѣломъ родѣ князя, авторъ переходитъ къ перечисленію соотвѣтствующихъ имъ обязанностей младшихъ князей. Въ доказательство обязанности младшихъ князей—являться на зовъ старшаго дѣлается ссылка на требованіе Владиміра Мономаха, обращенное къ Ярославу Святополчичу, и основанное на только что заключенномъ этими князьями мирномъ договорѣ; такимъ образомъ, частному случаю, возникшему изъ договора между двумя данными князьями, дается значеніе обычая родоваго быта. Въ доказательство обязанности младшихъ, ходить въ послушаніи старшаго, приводится желаніе Ростислава, чтобы извѣстные князья ходили въ его послушаніи; такимъ образомъ то, что только желательно и чего еще нѣтъ, но что можетъ возникнуть въ силу соглашенія между извѣстными князьями, принимается за дѣйствующій и общій обычай. Въ доказательство обязанности младшихъ князей—выступать въ походъ по приказу старшаго, приводится слѣдующее мѣсто лѣтописи: „Посла Ростиславъ къ братьи своей, веля, имъ совокупитися у себя со всѣми полками своими“.

Въ своихъ обращеніяхъ другъ къ другу князья нерѣдко употребляютъ повелительную форму; напр. Владиміръ посылаетъ за братомъ Ростиславомъ, веля ему помогати Святополку, Лавр. 1093 г.; или „Святополкъ и Владиміръ посласта Олегови, веляста ему поити на Половци“, Лавр. 1095 г. Повелительная форма есть только образъ выраженія, съ которымъ никакъ еще нельзя соединять представленія о правѣ одного князя приказывать другому и слѣдовательно о подчиненіи одного князя другому. Извѣстно, что Кіевскій князь, Изяславъ Мстиславичъ, никогда не былъ подчиненъ Черниговскимъ князьямъ, Владиміру и Изяславу Давыдовичамъ; а между тѣмъ по отношенію къ этимъ князьямъ лѣтописецъ употребляетъ такое выраженіе: „И сгадавше князи Черниговскіе, послаша къ Изяславу, веляче ему пойти“... (на Юрія Владимірскаго и Святослава Ольговича) Ипат. 1147 г. Особенно любопытно въ этомъ отношеніи мѣсто Ипат. подъ

1159 г. Изяславъ Давыдовичъ посылаетъ къ брату своему Святославу Ольговичу „веля ему поити съ собою на Галичъ". Святославъ не соглашается на эту войну и въ свою очередь отправляетъ къ Изяславу посла, который держитъ къ нему такую рѣчь: „не велитъ ти братъ начинати рати, а всяко велить ти ся воротити". И такъ оба князя, приказываютъ другъ другу!—Хотя отъ повелительный формы и нельзя прямо заключать о подчиненіи, но, гдѣ подчиненіе есть въ силу договора, или въ силу семейнаго права, тамъ повелительная форма соотвѣтствуетъ дѣйствительному отношенію.

Въ томъ же сочиненіи и на той же страницѣ находимъ еще слѣдующую характеристику правъ, приписанныхъ старшему въ цѣломъ родѣ князю: „Но всѣ эти опредѣленія правъ и обязанностей, такъ продолжаетъ авторъ послѣ сдѣланной выше выписки, точно такого же рода, какъ и тѣ, какія мы видѣли въ завѣщаніи Ярослава:.... всѣ права и обязанности условливались родственнымъ чувствомъ, родственною любовью съ обѣихъ сторонъ...". Въ Ярославовомъ завѣщаніи не говорится ни слова о правахъ старшаго князя надъ младшими. Тамъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на право Изяслава судить своихъ младшихъ братьевъ, наказывать ихъ, распредѣлять между ними русскія волости по усмотрѣнію, приказывать выступать въ походъ и пр.; а потому его и нельзя приводить въ поясненіе высказаннаго авторомъ взгляда. Въ завѣщаніи говорится, правда, о послушаніи младшихъ братьевъ старшему, но въ то же время говорится и о послушаніи ихъ другъ другу и, слѣдовательно, о послушаніи старшаго младшимъ. На 2 стр. того же сочиненія, послѣ изложенія содержанія Ярославова завѣщанія, авторъ самъ восклицаетъ: „ни слова о правахъ младшихъ братьевъ, объ ихъ обязанностяхъ, какъ подчиненныхъ владѣльцевъ, относительно старшаго, какъ государя всей страны...". Дѣйствительно ни слова, и понятно почему: государя всей страны еще не было.—Неправильное представленіе о старшемъ князѣ богато послѣдствіями: оно повело къ неправильному представленію о порядкѣ перехода столовъ, о князьяхъ, исключенныхъ изъ старшинства, изгояхъ, и пр. Источникъ этого неправильнаго представленія надо искать въ предшествовавшемъ состояніи исторической науки, въ нѣкоторыхъ взглядахъ Эверса и Рейца. Въ опытѣ исторіи рос. гос. и граж. законовъ послѣдняго на стр. 78 читаемъ: „Ярославъ, раздѣливъ владѣнія своимъ сыновьямъ, основалъ союзное государство, въ коемъ наслѣдники князей были подчинены

верховной власти старшаго брата, княжившаго въ Кіевѣ". Ближайшее опредѣленіе характера „верховной власти старшаго брата" и привело къ родовому быту князей Рюрикова дома.

Распредѣленіе столовъ между князьями.

Это одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ нашей исторіи. Нѣкоторые изслѣдователи присущихъ намъ воззрѣній считаютъ необходимымъ найти какое нибудь одно общее начало, которымъ обоснялись бы всѣ отдѣльные случаи распредѣленія столовъ, и никакъ не могутъ примириться съ тѣмъ, что въ древности, пожалуй, не было, да и не могло быть такого единаго начала. Самую полную попытку объясненія исторіи преемства столовъ однимъ общимъ началомъ даетъ Соловьевъ. Исходя изъ теоріи родоваго быта онъ находитъ, что надъ всѣми князьями стоялъ одинъ старшій великій князь, что этимъ старшимъ княземъ долженъ быть непремѣнно старшій въ родѣ. Если умиралъ старшій князь, его мѣсто долженъ былъ занять слѣдующій за нимъ старшій братъ, а если братьевъ не было, то старшій сынъ умершаго. Такъ какъ этотъ сынъ или братъ занималъ, конечно, столъ въ какой либо другой волости, то и его столъ, за перемѣщеніемъ князя на мѣсто умершаго старшаго, оказывается свободнымъ. Этотъ второй свободный столъ занимаетъ непосредственно слѣдующій за нимъ старшій въ родѣ, прежнее мѣсто котораго занимается опять за нимъ слѣдующимъ по старшинству княземъ и т. д. Такимъ образомъ, со смертью великаго князя, должно совершаться перемѣщеніе по всѣмъ столамъ въ порядкѣ старшинства, причемъ всѣ нижестоящіе князья должны сдѣлать шагъ впередъ къ великокняжескому столу. Такое же перемѣщеніе должно имѣть мѣсто и въ случаѣ смерти каждаго князя для ниже его стоящихъ. Замѣщеніе столовъ производится, такимъ образомъ, въ порядкѣ лѣствичнаго восхожденія. Это нормальній порядокъ. „Такимъ образомъ, каждый членъ княжескаго рода, въ свою очередь, надѣялся достигнуть старшинства и соединеннаго со сторшинствомъ владѣнія главнымъ столомъ Кіевскимъ. Но иногда нѣкоторые князья и цѣлыя линіи княжескія исключаются изъ родоваго старшинства (т. е. теряютъ право занять, въ свою очередь, великокняжескій кіевскій столъ). Такое исключеніе постигаетъ всѣхъ князей, отцы которыхъ по чему либо не были

старшинами рода. Такіе исключенные изъ старшинства князья считались изгоями“ [1]).

Чѣмъ же доказывается эта теорія лѣствичнаго восхожденія? Чтобы доказать, что такой порядокъ дѣйствительно наблюдался, надо было бы привести рядъ случаевъ, или свидѣтельство достовѣрнаго лица. Но авторомъ приведено очень немного случаевъ, да и тѣ, на которые онъ указываетъ, сомнительны.

Указываютъ на перемѣщеніе одного изъ сыновей Ярослава. У Ярослава было пять сыновей, а именно: Изяславъ, который былъ въ Кіевѣ, Святославъ, сидѣвшій въ Черниговѣ, Всеволодъ, въ Переяславлѣ, Игорь во Владимірѣ и Вячеславъ въ Смоленскѣ. Въ такомъ порядкѣ они упомянуты въ завѣщаніи Ярослава. Вячеславъ умираетъ и старшіе три сына Ярослава переводятъ Игоря изъ Владиміра въ Смоленскъ. Соловьевъ видитъ въ этомъ примѣръ лѣствичнаго восхожденія,т. е. умеръ старшій братъ Вячеславъ и непосредственно за нимъ слѣдующій младшій братъ переводится на его столъ. Такимъ образомъ онъ считаетъ Вячеслава старшимъ, но это именно и сомнительно. Годовъ рожденія этихъ князей лѣтопись не записала, но судя по завѣщанію Ярослава, надо думать, что Игорь былъ старше Вячеслава, потому что онъ поставленъ впереди Вячеслава. Такимъ образомъ, этотъ примѣръ вовсе не является примѣромъ перевода младшаго брата на столъ старшаго, а наоборотъ примѣромъ перевода старшаго брата на столъ младшаго. Второй случай такой: „Когда Святославъ Ярославичъ, по изгнаніи брата, получилъ старшинство вмѣстѣ съ главнымъ столомъ Кіевскимъ, то слѣдующій по немъ братъ, Всеволодъ, княжившій прежде въ Переяславлѣ, переходитъ на мѣсто Святослава въ Черниговъ.“ Но этотъ случай вовсе не относится къ порядку нормальнаго преемства. Младшіе братья, Святославъ и Всеволодъ, соединились противъ старшаго, Изяслава, и прогнали его изъ Кіева, т. е. лишили его старѣйшинства по городу. Въ этомъ дѣйствіи выразилось отрицаніе правъ родоваго старѣйшины (Изяслава) на Кіевскій столъ, а не признаніе ихъ. Переходъ же Всеволода на Черниговскій столъ есть результатъ соглашенія его со Святославомъ. Это доля его участія въ дѣлежѣ добычи, доставшейся младшимъ братьямъ послѣ изгнанія старшаго.

Кромѣ такихъ отдѣльныхъ фактовъ, вовсе не доказываю-

---

[1]) При этомъ сдѣлана ссылка на извѣстное мѣсто устава Всеволода Гавріила: а изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ; холопъ изъ холопства выкупится; купецъ одолжаетъ; а се четвертое изгойство и себѣ приложимъ, аще князь осиротѣетъ.“

Типографія. М. М. Стасюлевича Вас. Остр., 2 л.,

щихъ общепризнанности лѣствичнаго восхожденія къ старѣйшинству, ссылаются на свидѣтельство лѣтописца, въ которомъ прямо сказано, что князья „восходятъ лѣствицею“ до великаго княженія, до Кіевскаго стола. Но мы имѣемъ много списковъ лѣтописей и притомъ разнаго достоинства, а потому нельзя основываться на одномъ только спискѣ, а необходимо провѣрять свидѣтельство одного сравненіемъ его съ свидѣтельствами другихъ. Приведенное мѣсто взято изъ Никоновскаго списка лѣтописи. Этотъ списокъ составленъ сравнительно весьма поздно, а именно во второй половинѣ XVI вѣка. Изъ языка этого списка видно, что это не безхитростное сказаніе лѣтописца, который записывалъ то, что случалось, а что это нѣчто въ родѣ историческаго сочиненія. Составитель этой лѣтописи не ограничился простою перепискою того, что заключалось въ древнихъ спискахъ, а счелъ нужнымъ внести въ свой трудъ и свои личныя поясненія. Вотъ почему въ особенности необходимо провѣрять списокъ Никоновской лѣтописи по старымъ спискамъ, и если въ старыхъ спискахъ не окажется того, что есть въ Никоновской то къ такимъ мѣстамъ надо относиться съ большой осторожностью, особенно если дѣло идетъ не о передачѣ факта, а объ его истолкованіи. Къ такимъ сомнительнымъ мѣстамъ относится, между прочимъ, и мѣсто, приводимое защитниками теоріи лѣствичнаго восхожденія. По всей вѣроятности, составитель, прочитавши старые списки лѣтописей и видя постоянныя смуты между князьями, желалъ уяснить ихъ и самъ напалъ на теорію о лѣствичномъ восхожденіи. Разсматриваемое мѣсто относится къ слѣдующему событію. Въ XII в. Кіевскіе и Смоленскіе князья, Ростиславичи (дѣти Ростислава Мстиславича, брата Изяслава, потомки Вл. Мономаха) въ соединеніи съ Владимірскимъ на Клязьмѣ княземъ Всеволодомъ отправили посольство къ Черниговскимъ князьямъ Ольговичамъ (происходящимъ отъ Святослава, втораго сына Ярослава) съ требованіемъ о томъ, чтобы они навсегда отказались отъ Кіева, предоставивъ его Владиміровичамъ, и ограничились бы лѣвою стороною Днѣпра. Ольговичи отказались отъ этого предложенія. Это обстоятельство и разсказано въ Никоновской лѣтописи, но разсказано такъ, что представители теоріи лѣствичнаго восхожденія находятъ въ немъ подтвержденіе своихъ взглядовъ. Возьмемъ изъ Никоновской лѣтописи отвѣтъ Черниговскихъ князей на предложеніе Кіевскихъ и Смоленскихъ: „не буди мнѣ, говоритъ Ярославъ, князь Черниговскій, отлучитися великаго стола и главы и славы всей Русіи, Кіева (уже въ этихъ словахъ видна

риторика); но якоже и отъ прадѣдъ нашихъ лѣствицею кождо восхождаше на великое княженіе кіевское, сице же и намъ и вамъ возлюбленная и драгая братія, лѣствичнымъ восхожденіемъ, кому аще Господь Богъ дастъ взыти на великое княженіе великаго Кіева. Сего братье не разоряйте, не пресецайте, да не Божій гнѣвъ на себѣ привлецете, хотяще едины во всей Русіи господствовати, Богъ убо мститель есть не правду творящимъ" (1196). Владиміровичи просятъ Черниговскихъ князей, Ольговичей, чтобы они не искали Кіевскаго стола, а тѣ отвѣчаютъ имъ, что изстари, отъ прадѣдъ нашихъ, на великое Кіевское княженіе восходили лѣствицею и мы также не хотимъ отказаться отъ этого права. Отсюда и выводятъ, что въ древней Россіи столы занимались лѣствичнымъ восхожденіемъ по старшинству.

Но мы имѣемъ другой списокъ лѣтописи, сравнительно болѣе старый, написанный въ концѣ XIV или началѣ XV вѣка, а именно Ипатьевскій. Въ этой лѣтописи совершенно иначе передаются переговоры Владимировичей съ Ольговичами. Вотъ какъ читается тамъ отвѣтъ Черниговскихъ князей: „Аже ны еси вмѣнилъ (это указываетъ на существованіе договора) Кіевъ блюсти подъ тобою (отвѣтъ написанъ на имя Всеволода) и подъ Рюрикомъ, то въ томъ стоимъ; ажь ны его лишитися велишь отъинудь, то мы есмы не Угре, но единаго дѣда внуци; при вашемъ животѣ не ищемъ, а по васъ, кому Богъ дастъ". Въ отвѣтѣ на предложеніе Кіевскихъ князей, Черниговскіе говорятъ, что при жизни Всеволода и Ростиславичей они не станутъ искать Кіевскаго стола, ибо обязались не искать, но какъ скоро они умрутъ, то „кому Богъ дастъ," т. е. кому удастся занять Кіевъ. Такимъ образомъ, по старой лѣтописи Черниговскіе князья ссылаются на начало соглашенія и на свободное добываніе столовъ, между тѣмъ какъ Никоновская говоритъ о лѣствичномъ восхожденіи. Отсюда надо заключить, что теорія лѣствичнаго восхожденія придумана составителемъ этой лѣтописи для объясненія древняго порядка преемства столовъ.

Но можетъ быть составитель лѣтописи хорошо придумалъ и такой порядокъ существовалъ въ дѣйствительности? Что такого порядка не было, на это мы имѣемъ ясныя указанія. Ярославъ Мудрый передъ своею смертью роздалъ волости своимъ сыновьямъ: Изяславу далъ Кіевъ, Святославу — Черниговъ, Всеволоду—Переяславль, Игорю—Владиміръ, Вячеславу—Смоленскъ. Спрашивается, думалъ ли Яро-

лавъ, что по смерти Изяслава на его столъ долженъ сѣсть Святославъ, а другіе князья должны будутъ послѣдовательно передвинуться? Если мы найдемъ такое указаніе, то, конечно, оно будетъ служить въ пользу лѣствичнаго восхожденія. Но указанія, которыя мы имѣемъ, доказываютъ, что потомки Ярослава, установленный имъ порядокъ преемства, понимали вовсе не въ смыслѣ лѣствичнаго восхожденія. Въ источникахъ есть слѣдующая ссылка на завѣщаніе Ярослава. Кіевскіе и Смоленскіе князья въ выше приведенномъ требованіи къ Ольговичамъ отказаться отъ Кіева, ссылаются на Ярославово завѣщаніе и говорятъ имъ: „сидите на лѣвой сторонѣ Днѣпра, како намъ дѣдъ нашъ, Ярославъ, раздѣлъ учинилъ по Днѣпръ.“ Это указаніе чрезвычайно важно. Изъ него видно, что князья понимали Ярославово завѣщаніе въ томъ смыслѣ, что Ярославъ, раздѣляя волости между сыновьями, вовсе не имѣлъ въ виду, чтобы пережившіе по старшинству занимали волость умершаго. Если бы такова была воля Ярослава, то, конечно, Ольговичи указали бы на это. Но они не дѣлаютъ такого указанія, хотя оно и могло бы быть для нихъ выгодно, а ссылаются на договоръ и начало добыванія.

Какой же былъ порядокъ распредѣленія столовъ? Искать какого нибудь одного начала будетъ тщетно и не соотвѣтствовало бы духу времени. Разсматриваемая эпоха представляетъ господство обычая, обычаи же весьма разрозненны: они слагаются по отдѣльнымъ мѣстностямъ и подъ вліяніемъ борьбы разнообразныхъ интересовъ; только ставъ на такую точку зрѣнія, мы можемъ составить себѣ правильный взглядъ на то хаотическое состояніе, въ которомъ находился этотъ вопросъ въ дѣйствительности.

Напрасно будетъ искать одного общаго порядка преемства. Преемство опредѣляется въ силу дѣйствія весьма разнообразныхъ началъ и силъ. Князья, какъ мы видѣли, получаютъ столы въ силу народнаго избранія. Но они не остаются пассивными зрителями распредѣленія столовъ по волѣ народа. Они употребляютъ всѣ находящіяся въ ихъ распоряженія средства для добыванія себѣ волостей. Кромѣ соглашенія съ народомъ, они прибѣгаютъ и къ праву сильнаго. Волости завоевываются. Въ неизбѣжныхъ при-этомъ столкновеніяхъ князей встрѣчаемся со ссылками на родовое старшинство и „на вотчинное“ право, какъ на такія начала, которыя должны руководить князьями при распредѣленіи столовъ. На распредѣленіе столовъ оказываетъ вліяніе и воля князя, занимающаго уже извѣстную волость, выраженная имъ въ предсмертномъ соглашеніи съ народомъ

и князьями, или въ завѣщаніи. Съ завоеванія русской земли Татарами распредѣленіе столовъ совершается подъ сильнымъ вліяніемъ хановъ. Таковы разнообразныя условія, вліявшія на размѣщеніе князей по волостямъ. Но ни одно изъ нихъ не было на столько сильно, чтобы пріобрѣсти неоспоримое господство среди другихъ. Это было время крайне разнообразной практики, которая еще не успѣла выработать единаго общепризнаннаго порядка преемства столовъ. Соглашеніе съ князьями и народомъ оправдывало всякое занятіе стола, даже прямо насильственное и происшедшее на перекоръ началу „отчины" и притязаніямъ родоваго старшинства.

1) Что касается Московскаго періода, то наши изслѣдователи признаютъ пріобрѣтеніе столовъ въ силу „примысловъ". Историки называютъ Московскихъ князей собирателями русской земли, примыслителями и хвалятъ тѣхъ изъ нихъ, которые умѣли этимъ способомъ пользоваться. Но этой свободной дѣятельности князей, въ силу которой они „добывали" или „примышляли" столы, не замѣчаютъ въ болѣе древнее время, тогда какъ добываніе столовъ дѣйствіемъ личной энергіи имѣло мѣсто съ самой глубокой древности. Въ лѣтописяхъ есть очень много указаній на это. Изяславъ, напр., который велъ постоянную борьбу съ Юріемъ, говоритъ: „добылъ есмь головой своею Кіевъ и Переяславль". Онъ сдѣлался Кіевскимъ Княземъ потому, что съумѣлъ достать себѣ эти княженія. Но не одинъ Изяславъ, а всѣ князья, на сколько силъ хватало, добывали столы. „Аже ны не даси волости, говорятъ Давыдовичи и Ольговичи Черниговскіе Всеволоду Кіевскому, а намъ самѣмъ о собѣ поискати", т. е. позаботиться о себѣ, добыть, примыслить. Въ томъ же смыслѣ свободнаго добыванія употребляется выраженіе: „налѣзати": „аще бы тогда волю свою створилъ и Муромъ налѣзлъ", говоритъ Мономахъ Олегу Святославичу. Тотъ же терминъ употребляется и для выраженія дѣятельности городовъ въ пріисканіи себѣ князя. Новгородцы говорятъ Святославу Кіевскому: „аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ". Князья считаютъ себя въ правѣ доискиваться всего того, чѣмъ только возможно завладѣть. При такомъ порядкѣ вещей въ княжескихъ отношеніяхъ господствуетъ политика необузданнаго эгоизма; каждый желалъ возможно больше захватить владѣній. Владѣніе волостью составляло доходную статью для князей: они судили и собирали дани и пошлины [1]). Вотъ почему князья и стараются

[1]) Ближайшее побужденіе къ добыванію заключается въ желаніи получать доходъ, съ котораго можно было бы быть сыту. Такъ Олегъ Святославичъ, тре-

добывать волости. Какъ только открывался какой нибудь столъ, князья спѣшатъ другъ передъ другомъ захватить его. Кто первый приходилъ въ городъ, тотъ имѣлъ уже преимущество: онъ могъ сейчасъ-же заключить рядъ съ горожанами, сдѣлаться ихъ княземъ по соглашенію и запереться въ городѣ [1]).

буя у Изяслава Владиміровича занятаго имъ Мурома, говоритъ: „ты ли ми здѣ хлѣба моего не хощеши дати"? (Лавр. 1096. г.) Тотъ же мотивъ слышится и въ жалобѣ Святослава Ольговича на Изяслава Давыдовича, уступившаго ему по ряду 1158 г. только опустошенную часть Черниговской волости: „Господи! восклицаетъ Святославъ, вижь мое смиреніе, колико на ся поступахъ, не хотя крови пролити христіянскія, взялъ Черниговъ съ семью городами пустыми, а всю волость Черниговскую оставилъ Изяславу съ сыновцемъ его, и то ему не досыти; но велитъ мнѣ еще и изъ Чернигова пойти" (Ипат. 1159 г.). Получить хорошую волость и быть сыту—это синонимы. Въ Новгородской лѣтописи читаемъ: „въ Новгородъ пріѣха князь Патрикѣй Наримантовичъ, и пріяша его Новгородцы и даша ему кормленіе: Орѣховъ городъ, Корѣльскій городъ" и пр. Слово кормленіе употреблено здѣсь вмѣсто слова пригороды (Новгород. IV. 1383 г. и Новгород. I., гдѣ, дѣйствительно, слово кормленіе объяснено словомъ пригороды; въ Новгород. IV. подъ 1446 г. слово кормленіе употреблено въ другомъ смыслѣ. Въ Пск. I. подъ 1478 г. находимъ въ Новгородѣ „кормленнаго князя".)

[1]) Въ Ипатіевской лѣтописи подъ 1151 г. находимъ любопытное мѣсто, показывающее всю важность фактическаго занятія стола. Въ битвѣ Юрія съ Изяславомъ былъ убитъ Черниговскій князь, Владиміръ Давыдовичъ. Оплакавши смерть его, Изяславъ Кіевскій, опасаясь, чтобы Черниговъ не былъ занятъ врагомъ его, Святославомъ Ольговичемъ, обратился къ своему союзнику и брату убитаго, Изяславу Давыдовичу, съ такою рѣчью: „сего нама уже не воскресити! но се, брате, Богъ и Пречистая Богородица вороги наша побѣдилъ, а тѣ нынѣ бѣгаютъ около, а Черниговъ осе, а ты, брате, сему уже не ствой, но нарядися, возьми брата своего, поѣди же Чернигову, а язъ ти помочь приряжу; буди же нынѣ до вечера у Вышгородѣ. Изяславъ же (Кіевскій), сдумавъ съ братомъ своимъ Ростиславомъ и пустиша съ нимъ Романа. И тако поѣха Изяславъ съ Романомъ до Чернигова; и яко же рекоша имъ Изяславъ и Ростиславъ до вечера быти у Вышгородѣ, такоже и быша, той ночи перевозишася, утрій же день первое поѣхаша къ Чернигову. Изяславъ же въѣха съ Романомъ въ Черниговъ и погребъ брата своего, а самъ сѣде на столѣ брата своего Черниговѣ". Совѣтъ Кіевскаго князя, спѣшить занятіемъ Чернигова, былъ данъ какъ нельзя болѣе кстати, ибо въ тоже самое время спѣшилъ къ Чернигову и противникъ Изяслава, Святославъ Ольговичъ. Въ лѣтописи читаемъ: „а Святославъ Ольговичъ и Всеволодичъ Святославъ перебѣгоста Днѣпръ выше Заруба и бѣгоста въ Городецъ. Святославъ же Ольговичъ бѣ тяжекъ тѣломъ и трудился бѣ бѣжа, и оттуду изъ Городца посла Чернигову Святослава Всеволодича, сыновца своего, а самъ не може ѣхати. Святославъ же пригна къ перевозу ко Деснѣ, и ту бы ему вѣсть, оже уже Изяславъ Давыдовичъ и Романъ Ростиславичъ уѣхаста въ Черниговъ. И то слышавъ и побѣже опять, а противу стрыеви посла, рѣка: не ѣзди сѣмо, но поѣди къ Новугороду (Сѣверску), здѣ ти въѣхалъ уже Изяславъ Давыдовичъ и Романъ Ростиславичъ. И то слышавъ Святославъ и побѣжаста къ Новугороду". Подобно этому въ 1164 г., по смерти Черниговскаго князя, Святослава Ольговича, дружина его, опасаясь, чтобы Черниговскій столъ не былъ занятъ Святославомъ Всеволодичемъ, даетъ такой совѣтъ сыну умершаго, Олегу Святославичу: „Княже! не стряпай, ѣди вборзѣ, Всеволодичъ бо не добрѣ жилъ съ отцемъ твоимъ и тобою, ачи что замыслитъ лихое?" Въ то же самое время Черниговскій епископъ, Антонъ, отправилъ посольство къ Святославу Всеволодичу съ такими рѣчами: „стрый ти умеръ, а по Ольга послали, а дружина по городомъ, далече, а княгиня сидитъ въ изумѣньи съ дѣтьми, а товара множество у нея; а поѣди вборзѣ, Олегъ ти еще не въѣхалъ, а по своей воли возмеши рядъ съ нимъ" (Ипат. 1164 г.). Изъ предыдущаго мы знаемъ, что волость безъ князя—была какъ безъ рукъ, а потому отказывала въ пріемѣ первому претенденту только въ крайнихъ и исключительныхъ случаяхъ. Занявши же городъ, князь легко могъ закупить въ свою

Борьба за столы велась нерѣдко съ крайнимъ ожесточеніемъ. Князь Василько былъ ослѣпленъ, многіе другіе лишены свободы и жизни [1]).

пользу если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ значительную партію: подарками, обѣдами, раздачей должностей (такъ напр. Святополкъ, занявши Кіевъ по смерти отца, созываетъ Кіевлянъ и раздаетъ имъ имѣніе. Лавр. 1015 г.); остальные смолкали частью по равнодушію, частью изъ страха передъ дружиной.

[1]) Устраненіе личности князя, достигаемое обыкновенно хитростью и обманомъ, представляетъ, сравнительно съ завоеваніемъ болѣе легкій способъ захвата чужаго стола: волость, оставшись безъ князя, если не имѣла возможности помочь себѣ новымъ призваніемъ, волей-неволей должна была признать противника своего прежняго князя. Обыкновенный способъ устраненія князя заключался въ овладѣніи его личностью и въ лишеніи свободы—заключеніемъ у себя дома, въ порубь, какъ это сдѣлалъ напр. Ярославъ съ младшимъ братомъ Судиславомъ, а его сыновья—со Всеславомъ Полоцкимъ, или ссылкой въ отдаленныя мѣста также съ цѣлью заключенія, какъ поступилъ напр. Всеволодъ съ Олегомъ и Мстиславъ съ Полоцкими князьями, отправивши ихъ въ заточеніе въ Греки. Для овладѣнія личностью противника князья не останавливались даже и передъ обманомъ. Такъ Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ Ярославичи схватили Всеслава Полоцкаго не смотря на то, что, приглашая его къ себѣ, цѣловали къ нему крестъ „не сотворить ему зла“, и онъ отправился къ нимъ, именно надѣясь на это цѣлованіе; также при помощи обмана Святополкъ-Михаилъ и Давыдъ Игоревичъ овладѣли Василькомъ; Мстиславъ Владиміровичъ-Полоцкими князьями, Давыдомъ, Ростиславомъ, Святославомъ и сыновьями Рогволода; Глѣбъ Владиміровичъ—Рязанскими князьями, Романомъ, Михаиломъ, Ростиславомъ и Святославомъ; вел. князь Московскій, Василій Ивановичъ,—вел. княземъ Рязанскимъ, Иваномъ Ивановичемъ и пр. Но заключеніе еще не совершенно обезпечивало новое пріобрѣтеніе: заключенный могъ бѣжать и приступить къ отыскиванію утраченнаго стола; а потому, чтобы лишить своихъ противниковъ возможности возобновить борьбу, князья прибѣгали иногда къ болѣе сильнымъ средствамъ,—къ ослѣпленію и убійству. Мы имѣемъ два случая ослѣпленія и до 13 убійствъ изъ за обладанія волостями. См. Лавр. 980 г., 1015 г., Ипат. 1140 г., Лавр. 1097 г., 1217 г., Воскр. 1306 г., 1318 г., Льв. 1343 г.,Воскр. 1446 г.

[1]) Имѣть кормленіе есть первое и непосредственное побужденіе къ добыванію волости; второе — заключается въ желаніи обезопасить разъ пріобрѣтенную уже волость отъ захватовъ со стороны другихъ князей. Святославъ Черниговскій, замысливъ овладѣть волостью старшаго брата, Изяслава Кіевскаго, склоняетъ на свою сторону Всеволода Ярославича такою рѣчью: „Изяславъ, говоритъ онъ, ссылается со Всеславомъ Полоцкимъ, мысля на нас; да аще его не упредимъ, имать насъ прогнати. И тако взостри Всеволода на Изяслава“, прибавляетъ отъ себя лѣтописецъ. (Лавр. 1073 г.) Совершенно такимъ же доводомъ пользуется Давыдъ Игоревичъ, чтобы склонить Святополка-Михаила къ нападенію на Василька: „кто убилъ брата твоего Ярополка, говоритъ Давыдъ Кіевскому князю, намекая на Василька,—а нынѣ мыслитъ на мя и на тя, и сложился съ Володимеромъ? да промышляй о своей головѣ! Аще не имевѣ Василька, то ни тебѣ княженія въ Кіевѣ, ни мнѣ въ Володимірѣ. И послуша его Святополкъ“. (Лавр. 1097 г.) Для нашей цѣли все равно—были ли основательны эти подозрѣнія въ данномъ случаѣ, или нѣтъ; важно то, что они находили вѣру и вели къ измѣненію существующаго распредѣленія столовъ. При одновременномъ существованіи множества самостоятельныхъ князей, изъ которыхъ каждый имѣлъ основаніе заботиться о расширеніи своихъ владѣній, поводы къ такой подозрительности были не рѣдки; они проходятъ чрезъ всю княжескую эпоху. Въ XV в. встрѣчаемся съ свидѣтельствомъ лѣтописца, совершенно совпадающимъ съ только-что приведенными свидѣтельствами изъ XI-го. Дмитрій Шемяка, задумавъ овладѣть великимъ княженіемъ Владимірскимъ подъ вел. княземъ Василіемъ Васильевичемъ, склоняетъ на свою сторону Ивана Можайскаго и Бориса Тверскаго такимъ посольствомъ: Василій Васильевичъ, приказалъ онъ сказать помянутымъ князьямъ, цѣловалъ къ Ордынскому царю крестъ на томъ, что „сидѣти царю на Москвѣ и на всѣхъ градѣхъ Русскихъ и на нашихъ вотчинахъ, а самъ хочетъ сѣсти на Твери“. (Воскр. 1446 г.).

Дѣйствіе добыванія могло быть направлено какъ на волость никѣмъ еще не занятую, такъ и на такую, которая уже имѣла своего князя. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ оно называлось „подыскиваніемъ“ [1]). Вопросъ о томъ какую именно волость слѣдовало искать, рѣшался на основаніи соображенія всѣхъ условій данной минуты. Чѣмъ важнѣе была волость, тѣмъ болѣе сосредоточивались на ней желанія князей, и, слѣдовательно, тѣмъ большая сумма благопріятныхъ условій должна была соединиться въ пользу того князя, который захотѣлъ бы овладѣть ею. Если въ распоряженіи князя было много силъ, онъ направлялъ ихъ къ добыванію старѣйшей (т. е. лучшей) волости; въ противномъ случаѣ приходилось довольствоваться второстепенной. Для примѣра остановимся на Кіевскихъ событіяхъ 1149 и 1154 года. Юрій Ростовскій, предпринявъ въ 1149 г. свой первый походъ на Изяслава Кіевскаго, доискивался не Кіева, а только Переяславля. Послы его такъ говорили Кіевскому князю: „брате и сыну! Рускыя дѣля земли и хрестьянъ дѣля, не будемъ проливать крови христіанской, но дай ми Переяславль, а ты сиди, царствуя въ Кіевѣ; не хощеши ли того створити, а за всимъ Богъ!“ Умѣренность Юрія понятна. Кіевскій столъ занималъ энергическій Изяславъ, пользовавшійся расположеніемъ Кіевлянъ и состоявшій въ оборонительныхъ договорахъ съ Черниговскими князьями, Давыдовичами, Смоленскимъ, Ростиславомъ, и Волынскимъ, Святополкомъ. Юрій не могъ надѣяться, что Изяславъ, располагавшій силами Кіевлянъ, Черниговцевъ, Волынцевъ и Смольнянъ, уступитъ ему добровольно Кіевъ. Изяславъ, съ своей стороны, очень понадѣялся на свои силы и отказалъ Юрію даже въ Переяславлѣ. Послѣдовавшая за этимъ отказомъ битва кончилась въ пользу Юрія, который овладѣлъ не только Переяславлемъ, но и Кіевомъ. Окончательный исходъ борьбы оправдалъ, однако, отказъ Изяслава. Юрій лишился Кіева, Переяславля и даже Городка и принужденъ былъ удалиться въ свой Ростовъ. По смерти Изяслава положеніе Юрія измѣнилось: Изяславъ Давыдовичъ Черниговскій, которому не

---

[1]) См. напр. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 27, 144, 160 и др. Для обозначенія того же понятія употребительны еще слѣдующія выраженія: 1) подозрѣти; такъ въ Ипат. л. подъ 1146 г. Кіевскому князю Игорю и брату его Святославу приписаны слѣдующія слова: „Изяславъ цѣловалъ крестъ къ намъ, яко не подозрѣти Кіева“; тамъ же подъ 1159 г. находимъ извѣстіе о томъ, что Изяславъ Давыдовичъ Кіевскій цѣловалъ крестъ къ Святославу Черниговскому „яко не подозрѣти подъ нимъ Чернигова никимъ же образомъ“; ср, еще тамъ же 1172 г. 2) вступаться, см. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 32, 43, 90 и др.; 3) обидѣть, см. тамъ же № 37 и др. и въ А. А. Э. Т. I. № 10.

удалось овладѣть Кіевомъ для себя, перешелъ на сторону Юрія и предложилъ ему свое содѣйствіе въ добываніи Кіева; противъ Юрія были только слабые Ростиславъ съ Вячеславомъ. Отъ вниманія Ростовскаго князя не ускользнуло это измѣнившееся въ его пользу положеніе дѣлъ: онъ заявилъ свои притязанія на Кіевъ, дѣйствительно овладѣлъ имъ и утвердился крестными цѣлованіями съ сосѣдними князьями [1]).

Добывать волости могли не только Рюриковичи, но и князья чужихъ родовъ [2]). Въ родѣ Рюриковичей добываніе не стѣснялось ни степенями родства, ни значеніемъ занимаемыхъ волостей. Съ древнѣйшихъ временъ и до установленія единодержавія мы постоянно встрѣчаемся съ однимъ и тѣмъ же явленіемъ: братья ищутъ подъ братьями, дяди подъ племянниками, племянники подъ дядьями, двоюродные братья подъ двоюродными и т. д., столкновеніе, борьба и договоры родственниковъ всѣхъ возможныхъ степеней по поводу обладанія столами, при чемъ князь, занимающій старшій столъ, ищетъ присоединить къ своимъ владѣніямъ—младшую волость и наоборотъ [3]). Этотъ просторъ добыванія имѣлъ только два

---

[1]) Ипат. 1149 г., 1154 г., 1155 г.

[2]) Въ 1018 г. Болеславъ Польскій занималъ Кіевскій столъ, въ 1188 г. Андрей, сынъ короля Венгерскаго, завладѣлъ Галичемъ, въ 1210 г. Галицкій столъ занимaнъ Бенедиктъ, гетманъ короля Венгерскаго, а въ 1212 г. Володиславъ, галицкій бояринъ; въ 1212 г. Лешко захватилъ часть отчины Галицкаго князя Даніила, а въ 1226 г. Бела, сынъ короля Венгерскаго, получилъ все Галицкое княженіе по договору съ тестемъ своимъ, Мстиславомъ Мстиславичемъ Галицкимъ; отъ 1231 до 1234 г. Галицкій столъ занималъ также сынъ короля Венгерскаго, Андрей; въ половинѣ XIII в. Литовскіе князья овладѣли значительной частью Полоцкаго княженія; въ 1266 г. Псковичи призвали къ себѣ на столъ Литовскаго князя Довмонта; въ 1383 г. на Новогородскихъ пригородахъ встрѣчаемъ князя Патрикѣя, такъ же изъ Литовскихъ князей, и пр.

[3]) Высказанное положеніе подтверждается всей исторіей княжескаго періода. Мы уже имѣли случай воспользоваться относящимися сюда фактами въ очеркѣ исторіи княжескихъ отношеній, помѣщенномъ въ кн. „вѣче и Князь“ стр. 156—246. Для большей наглядности мы воспроизведемъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, распредѣливши ихъ по тремъ отдѣльнымъ группамъ: въ первой укажемъ на случаи добыванія волостей между родными братьями, во второй—между дядьями и племянниками родными и двоюрдными, въ третьей—между двоюрдными братьями и другими болѣе отдаленными степенями родства.

1. Изъ предъидущаго мы знаемъ, что миръ и любовь между родными братьями условливались не подчиненіемъ ихъ старшему брату, а взаимнымъ соглашеніемъ, при чемъ каждый братъ имѣлъ совершенно одинакое право голоса. Если такое соглашеніе было, братья не только не подыскивались одинъ подъ другимъ, но совокупными усиліями отражали завоевательныя попытки третьихъ лицъ. Если соглашенія не было, неприкосновенность волости роднаго брата гарантировалась только фактической невозможностью овладѣть ею: какъ скоро такой невозможности не существовало, братъ добывалъ волость брата.

Древнѣйшій случай подыскиванія между родными братьями относится къ первымъ князьямъ роднымъ братьямъ, которые только появились въ Русской землѣ. Ярополкъ Кіевскій завоевалъ Древлянскую волость подъ братомъ своимъ, Олегомъ. Владиміръ Новгородскій, третій сынъ Святослава, узнавъ объ убійствѣ Олега и о захватѣ его волости старшимъ братомъ, бѣжалъ въ Варяги для пріиска-

нія помощи. Воспользовавшись его отсутствіемъ, Ярополкъ занялъ и Новгородъ своими посадниками. Такимъ образомъ, въ рукахъ старшаго сына Святослава соединилась вся тогдашняя Россія за исключеніемъ Полоцка и Турова, гдѣ были свои князья. Возвратившись съ Варяжскою помощью, Владиміръ началъ войну противъ Ярополка, кончившуюся смертью послѣдняго и соединеніемъ всѣхъ Русскихъ волостей подъ властью Новгородскаго князя.

Совершенно такая же исторія повторилась и при сыновьяхъ Владиміра, по смерти котораго Кіевскій столъ занялъ Святополкъ, князь Туровскій. Первымъ дѣломъ Святополка было убійство младшаго брата, Бориса, соперничества котораго онъ опасался. За убійствомъ Бориса Ростовскаго, послѣдовало убійство Глѣба Муромскаго и Святослава Древлянскаго также «про волость», какъ выражется объ этихъ событіяхъ Владимірскій князь, Андрей. Стремленіе къ расширенію своихъ владѣній, осуществляемое „избіеніемъ братіи", возбудило совершенно понятныя опасенія въ Ярославѣ Новгородскомъ. Возникшая вслѣдствіе этого война между нимъ и Святополкомъ кончилась смертью послѣдняго и переходомъ всѣхъ его пріобрѣтеній въ руки побѣдителя. Кромѣ Ярослава, Святополка пережили еще два брата: Мстиславъ Тмутараканскій и Судиславъ Псковскій. Четыре года спустя послѣ окончательнаго торжества Ярослава надъ Святополкомъ, Мстиславомъ овладѣло желаніе расширить свои владѣнія на счетъ сильно увеличившихся владѣній старшаго брата, Ярослава, занимавшаго тогда Новгородскую, Кіевскую, Туровскую, Ростовскую, Муромскую и Древлянскую волости. Въ 1023 г. онъ предпринялъ походъ на Ярослава „съ Козары и съ Косоги". Лѣтописецъ ничего не говоритъ объ исходѣ этого похода. Но судя потому, что въ слѣдующемъ году Мстиславъ пытается занять принадлежащія Ярославу волости не войной, а переговорами съ гражданами, надо думать, что предпріятіе его основывалось не столько на вооруженной помощи дружины, сколько на надеждѣ утвердиться въ той или другой изъ волостей Ярослава по соглашенію съ народомъ. Надежды его на Кіевъ не оправдались. Кіевляне затворились отъ него. Потерпѣвъ неудачу подъ стѣнами Кіева, Мстиславъ обратился къ Чернигову и имѣлъ успѣхъ: Черниговцы приняли его и остались ему вѣрными до самой его смерти.—Но Ярославъ не хотѣлъ примириться съ этимъ умаленіемъ своей волости. Въ томъ же году онъ собралъ войско и выступилъ противъ Мстислава. Счастье оружія было на сторонѣ младшаго брата, которому дѣятельно помогали его новые подданные, Сѣверяне. Ярославъ потерпѣлъ пораженіе и только благодаря умѣренности Мстислава и его нежеланію княжить въ волости, не хотѣвшей принять его добровольно,— удержалъ за собою Кіевъ. По миру 1026 г. Ярославъ отказался отъ лѣвой стороны Днѣпра въ пользу Мстислава. По смерти Мстислава, Ярославъ снова занялъ Черниговскую волость. Въ томъ же году онъ захватилъ и Псковъ подъ братомъ Судиславомъ, лишивъ его свободы. Такимъ образомъ, въ 1036 г. болшая часть Русской земли снова соединилась въ однихъ рукахъ; только Полоцкъ имѣлъ своего особаго князя, Брячеслава Изяславича.

Сыновья Ярослава не избѣгли участи своихъ предшественниковъ. Святославъ Черниговскій, подговоривъ Всеволода Переяславскаго, захватилъ Кіевскую волость подъ старшимъ братомъ, Изяславомъ, и удержалъ за собой до самой смерти. Послѣ смерти Святослава, Кіевскій столъ занялъ третій сынъ Ярослава, Всеволодъ. Въ слѣдующемъ году изгнанный Изяславъ, которому наконецъ удалось собрать Лядскую помощь, предпринялъ походъ къ Кіеву съ цѣлью отыскивать отнятое у него княженіе. Узнавъ объ этомъ, Всеволодъ выступилъ къ нему на встрѣчу съ войскомъ, но предпочелъ миръ войнѣ и уступилъ Кіевъ старшему брату.

Вмѣстѣ съ размноженіемъ Рюриковичей подобныя событія повторяются въ каждой отдѣльной ихъ вѣтви.—Такъ въ Полоцкѣ, по смерти Всеслава, одинъ изъ сыновей его, Давыдъ, былъ лишенъ братьями участія во владѣніи Полоцкими волостями и принужденъ искать покровительства у князей Кіевскихъ и Черниговскихъ (1104 г.). Въ Черниговѣ встрѣчаемся съ союзомъ младшихъ Ольговичей, Игоря и Святослава, противъ старшаго брата, Всеволода, который по захватѣ Кіева удержалъ за собой и почти всю Черниговскую волость; цѣль союза заключалась въ добываніи Черниговской и Сѣверской волости (1142 г.). Подобно этому Ярославъ Изяславичъ участвуетъ въ союзѣ, составленномъ противъ его старшаго брата, Мстислава, съ цѣлью вынудить его къ уступкамъ изъ вновь пріобрѣтенной волости (1169 г.).

Въ Рязани раздоры сыновей Глѣба изъ-за обладанія волостями напоминаютъ самыя мрачныя времена предшествовавшей исторіи. Вотъ какъ описаны они въ

Суздальской лѣтописи подъ 1186 г.: „Томъ же лѣтѣ возстави дьяволъ вражду, искони ненавидяй добра роду человѣческому. Яко же и въ прежняя дни Каина поостри на Авеля, брата своего, а потомъ Святополка на Бориса и на Глѣба власти (волости) ради, абы единому власть пріяти, а брата убити; тако и сихъ поостри Романа, Игоря и Володиміра на Всеволода и Святослава, на меньшую братію. И бысть крамола зла вельми въ Рѣзани, братъ брата искаше убити. И пославше къ нима (къ Всеволоду и Святославу), зовяхуть на совѣтъ лестью, абы како няти ею. И она увѣдоста и почаста городъ твердити. Они же (старшіе) слышавше, аже городъ твердятъ, идоша къ Пронску, собравше множество вой. Они же (младшіе) затвористася въ градѣ. И начаше воевати градъ ею и села“.

Съ совершенно такими же явленіями встрѣчаемся и въ сѣверо-восточной Руси. По смерти Юрія (1157 г.) старшій сынъ его, Андрей, изгноняетъ младшихъ братьевъ, которымъ отецъ его передалъ было свое княженіе.—Въ началѣ XIII в. встрѣчаемся съ продолжительной борьбой сыновей Всеволода Юрьевича изъ-за облададанія Владиміромъ. Старшій сынъ, Константинъ Всеволодовичъ, принужденъ былъ нѣсколько разъ отказываться отъ обладнія Владимірскимъ столомъ въ пользу младшаго брата, Юрія; но вякій разъ нарушалъ заключаемые имъ договоры и наконецъ успѣлъ-таки завоевать Владиміръ.— Внуки и правнуки Всеволода также не избѣжали распрей изъ-за обладанія волостями. Вскорѣ послѣ смерти Ярослава Всеволодовича второму сыну его, Андрею, удалось завладѣть Владимірскимъ княженіемъ. Года четыре спустя (въ 1252 г.) старшій сынъ того же Ярослава, Александръ, выпрашиваетъ въ Ордѣ великое княженіе подъ младшимъ братомъ, Андреемъ, и прогоняетъ его при помощи Татаръ. Та же исторія повторилась и при сыновьяхъ Александра Ярославича. Въ 1276 г., по смерти вел. князя Василія, Владимірскій столъ занимаетъ старшій сынъ Александра, Дмитрій. Пять лѣтъ спустя младшій братъ его, Андрей, отправляется въ Орду и выхлопатываетъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе подъ братомъ Дмитріемъ. Также какъ и отецъ его, Александръ, Андрей приводитъ съ собою Татарскую рать и при ея содѣйствіи прогоняетъ старшаго брата. Борьба Александровичей возобновилась въ 1282 г. и съ перерывами продолжалась въ теченіи цѣлаго десятилѣтія (См. Воскр. 1282 г., 1283 г., 1285 г., 1293 г.).

Подобно этому въ Ростовѣ Ростовскій столъ занимаетъ то младшій братъ, то старшій, по изгнаніи младшаго. Въ 1278 г., по смерти Глѣба Васильковича, въ Ростовѣ садятся два брата, Дмитрій и Константинъ Борисовичи. Въ 1281 г. братья ссорятся: Константинъ уѣзжаетъ къ Дмитрію Александровичу Владимірскому, а Дмитрій, блюдяся братьи, собираетъ рать; Дмитрій Владимірскій сводитъ братьевъ въ любовь.—Въ 1286 г. по увеличеніи волости присоединеніемъ Углича, гдѣ умеръ Романъ Владиміровичъ, Борисовичи садятся въ разныхъ городахъ: Константинъ остается въ Ростовѣ, а Дмитрій переходитъ въ Угличъ. Въ 1289 г. Дмитрій захватываетъ Ростовъ подъ братомъ, который уходитъ въ Орду, но успѣваетъ возвратить Ростовъ только по смерти Дмитрія въ 1294 г. См. въ Воскр. л. привед. мѣста.

Въ Смоленскѣ сыновья Ростислава, Глѣбъ и Михаилъ, соединяются для обдѣленія младшаго брата, Ѳедора, и вынуждаютъ его довольствоваться однимъ, Можайскомъ (Воскр. 1277 г.).

Въ Нижнемъ-Новгородѣ, по смерти Андрея Константиновича, (въ 1365 г.), занимаетъ столъ братъ его, Борисъ. Въ то же время на Нижегородскій столъ объявляетъ притязанія старшій братъ Бориса, Дмитрій. Борисъ не уступаетъ. Дѣло доходитъ до войны, въ которой на сторону старшаго брата становится Московскій князь. Такая борьба была не по силамъ Бориса, онъ отказывается отъ Нижняго и довольствуется Городкомъ.

Въ Твери встрѣчаемся съ борьбой родныхъ братьевъ, Ивана Тверскаго и Василія Кашинскаго. Въ 1404 г. Василій былъ измѣнническиъ схваченъ во время пріѣзда въ Тверь и лишенъ свободы вмѣстѣ съ сопровождавшими его боярами. Хотя въ слѣдующемъ году Василію и была возвращена свобода, но онъ не считалъ себя безопаснымъ и бѣжалъ въ Москву, а Иванъ занялъ Кашинъ своими намѣстниками.

Въ Москвѣ въ 1474 г. на вел. князя Ивана Васильевича возстали родные братья, Борисъ и оба Андрея, за то, что онъ не подѣлился съ ними занятымъ удѣломъ умершаго брата Юрія. Для ихъ замиренія Иванъ Васильевичъ нашелся вынужденнымъ сдѣлать имъ территоріальныя уступки.

II. Перечисленные выше способы добыванія имѣли не менѣе мѣста между дядьями и племянниками, чѣмъ между родными брьтьями. Здѣсь, какъ и тамъ, древнѣйшій случай ихъ примѣненія относится къ первому появленію дяди и племянника въ княжескомъ родѣ. Полоцкій князь, Брячиславъ, безпокоилъ Новгородскія владѣнія дяди своего, Ярослава Владиміровича. Для его замиренія Ярославъ уступаетъ ему два города, Восвячъ и Видбескъ (1020 г.). Судиславъ Владиміровичъ, лишенный братомъ Ярославомъ Псковскаго стола, и по смерти этого князя не получилъ участія во владѣніи Русской землей: хотя племянники, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ и возвратили ему свободу, но на условіи поступленія въ монастырь и, слѣдовательно, отказа отъ княжескихъ правъ (1059 г.).

Устранивши дядю, Ярославичи точно также устраняли и племянниковъ. Мы уже знаемъ, что Всеславъ Полоцкій захватилъ въ 1066 г. Новгородъ подъ дядею, Изяславомъ Кіевскимъ. Въ отмщеніе за это Ярославичи овладѣли Всеславомъ и лишили его свободы. Лѣтописи не даютъ указаній объ участи, постигшей Полоцкую волость непосредственно за поимкой Всеслава; но едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что она сдѣлалась добычей Ярославичей. Въ 1068 г. Всеславъ былъ освобожденъ изъ заключенія и даже возведенъ по желанію народа на Кіевскій столъ: но, не надѣясь удержаться здѣсь противъ воли Ярославичей, онъ предпочелъ удалиться въ Полоцкъ, гдѣ и былъ принятъ.—Этимъ не кончилась, однако, борьба его съ Ярославичами. Изяславъ, снова овладѣвшій Кіевомъ, захотѣлъ возвратить и утраченную имъ Полоцкую волость и на первый разъ имѣлъ успѣхъ: Всеславъ былъ прогнанъ, а сыновья Кіевскаго князя посажены въ Полоцкѣ. Три года спустя (1071 г.) Всеславу удалось отнять Полоцкъ у дяди, послѣ чего ни Изяславъ, ни другіе Ярославичи не безпокоили его болѣе. (Извѣстіе Густ. л. подъ 1077 г. имѣетъ противъ себя согласныя извѣстія всѣхъ другихъ лѣтописей, ср. Лавр., Воскр. и Соф. I. подъ 1079 г.)

И это не единственный примѣръ борьбы Ярославичей съ племянниками, исторія которыхъ весьма обильна случаями этого рода.—Въ 1064 г. Ростиславъ Владиміровичъ захватываетъ Тмутаракань подъ дядею, Святославомъ Ярославичемъ. Въ 1077 г., по смерти Святослава, и по замиреніи Всеволода съ старшимъ братомъ, Изяславомъ, эти два князя захватываютъ въ свои руки почти всѣ владѣнія отца ихъ, Ярослава. На долю Изяслава достался Кіевъ, Новгородъ, Вышгородъ и Владиміръ: на долю Всеволода—Переяславль, Черниговъ и Смоленскъ. (Перечисляемъ только тѣ города, о которыхъ упоминаютъ источники. О Ростовѣ и Муромѣ нѣтъ указанія, но по принадлежности въ это время Ростова къ Кіеву, а Мурома къ Чернигову, надо думать, что Ростовъ былъ у Изяслава, а Муромъ у Всеволода). Свободной оставалась одна только Тмутаракань, гдѣ сидѣлъ Романъ Святославичъ, утвердившійся тамъ, надо полагать, вскорѣ послѣ смерти Ростислава и еще при жизни своего отца. (Въ житіи Ѳеодосія читаемъ: „Тогда же великій Никонъ, умершу Ростиславу, князю острова того (Тмутараканя), умоленъ бысть отъ людей тѣхъ нойти къ Святославу князю и молити й, да пуститъ къ нимъ сына своего, да сядетъ на столѣ томъ“.—Святославъ далъ Глѣба; а по его переходѣ въ Новгородъ, Тмутараканскій столъ, вѣроятно, и занялъ Романъ). По смерти Романа (въ 1079 г.) Всеволодъ занялъ и Тмутаракань. Такимъ образомъ, участія во владѣніи Русской землей были лишены четыре племянника: Олегъ и Давыдъ, сыновья Святослава Черниговскаго, Давыдъ, сынъ Игоря Владимірскаго, и Борисъ, сынъ Вячеслава Смоленскаго, и три внука: Рюрикъ, Володарь и Василько Ростиславичи.—Племянники и внуки встрѣтили сопротивленіемъ эту политику захватовъ и мало-по-малу успѣли добыть себѣ волости. Въ 1078 г. Олегъ захватилъ Черниговъ подъ Всеволодомъ, но не могъ удержаться и принужденъ былъ бѣжать; нѣсколько позднѣе онъ овладѣлъ Тмутараканью и удержалъ ее за собой до смерти Всеволода. Въ 1084 г. Всеволодъ былъ вынужденъ уступить Давыду Игоревичу Дорогобужъ, а позднѣе—столъ отца его, Владиміръ: около того же времени онъ дѣлаетъ уступку и внукамъ, сыновьямъ Ростислава, отказываясь въ ихъ пользу отъ Перемышля и Теребовля. Въ 1088 г., по уходѣ изъ Новгорода Святополка Изяславича, Новгородскій столъ занимаетъ Давыдъ Святословичъ (Льв. 1088 г. и Лав. 1095 г. Что касается до Бориса Вячеславича, онъ былъ убитъ еще въ 1078 г., въ битвѣ подъ Черниговомъ).

Съ размноженіемъ Рюриковичей примѣры подыскиваній племянниковъ подъ дядьями и дядей подъ племянниками встрѣчаются все чаще и чаще. Мы огра-

ничимся приведеніемъ самаго небольшаго числа такихъ случаевъ для каждаго поколѣнія,

Въ 1117 г. Владиміръ Мономахъ захватываетъ Владиміръ Волынскій подъ племянникомъ Ярославомъ, и наоборотъ, въ 1128 г. Всеволодъ Ольговичъ захватываетъ Черниговъ подъ дядею, Ярославомъ, княземъ того же поколѣнія, какъ и Владиміръ.—Сынъ Владиміра, Юрій, добываетъ въ 1149 г. Кіевъ подъ племянникомъ, Изяславомъ, и заключаетъ съ нимъ договоръ, въ силу котораго Изяславъ отказывается отъ Кіева въ пользу дяди Юрія; и наоборотъ, въ 1151 г. Изяславъ добываетъ Кіевъ подъ дядею, Юріемъ, и заключаетъ съ нимъ договоръ, въ силу котораго Юрій отказывается отъ Кіева въ пользу племянника Изяслава.—Иванъ Ростиславичъ Берладникъ, Звенигородскій Князь, получаетъ въ силу призванія обладаніе Галицкимъ столомъ подъ дядею, Владиміромъ (8 пок.); Владиміръ не хочетъ отказаться отъ утраченнаго княженія, вступаетъ въ борьбу съ Галичанами и племянникомъ, и послѣдній не только теряетъ Галицкій столъ, но и прежнюю свою волость Звенигородъ (Ипат. 1144 г.) А въ сосѣдней волости, на Волыни, наоборотъ, племянникъ, Мстиславъ Изяславичъ, захватываетъ (1155 г.) Владиміръ подъ дядею, Владиміромъ Мстиславичемъ (8 пок.), и удерживаетъ за собой.—Андрей и Михаилъ Ярославичи овладѣваютъ въ 1249 г. Владиміромъ на Клязьмѣ подъ дядею, Святославомъ Всеволодовичемъ (9 пок.). —Изяславъ Мстиславичъ захватываетъ въ 1235 г. Кіевъ подъ дядею, Владиміромъ Рюриковичемъ (10 пок.).—Князь 11 поколѣнія Андрей Александровичъ ведетъ борьбу съ племянникомъ своимъ, Иваномъ Дмитріевичемъ изъ-за обладанія Переяславлемъ (1296 г.) — Князь 12 поколѣнія, Юрій Даниловичъ Московскій, ведетъ борьбу съ дядею, Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ, изъ-за обладанія вел. княж. Владимірскимъ. Въ Ордѣ — имѣлъ перевѣсъ Михаилъ Тверскій, которому удалось устранить притязанія племянника и получить ярлыкъ на великое княженіе. По возвращеніи въ Русскую землю Михаилъ предпринялъ походъ на Юрія, кончившійся также въ его пользу: Юрій заключилъ міръ, по которому отказался отъ великаго княженія въ пользу дяди (1305 г.). Двѣнадцать лѣтъ спустя Юрій нарушилъ крестное цѣлованіе къ Михаилу, выхлопоталъ себѣ въ Ордѣ ярлыкъ на великое княженіе подъ дядею и получилъ помощь Татарскую для его изгнанія. Михаилъ, какъ извѣстно, былъ убитъ въ Ордѣ по проискамъ племянника, а Юрій занялъ Владимірскій столъ (1319 г.).—Подъ 1387 г. встрѣчаемся съ походомъ Суздальскихъ князей, Василія и Семена Дмитріевичей, къ Нижнему-Новгороду на дядю, Бориса Константиновича (13 пок.). По миру, окончившему этотъ походъ, Борисъ принужденъ былъ отказаться отъ захватовъ, сдѣланныхъ имъ въ волости племянниковъ, а они, съ своей стороны, отступились отъ присвоенныхъ ими частей удѣла Борисова (Воскр. и Татищ. 1387 г.).—Тверскій князь, Иванъ Михайловичъ (14 пок.), захватываетъ въ 1408 г волость племянника, Ивана Борисовича Кашинскаго —Заключимъ этотъ перечень указаніемъ на знаменитую борьбу Галицкаго князя, Юрія (15 пок.) съ племянникомъ Василіемъ Васильевичемъ Московскимъ, изъ-за обладанія великимъ княженіемъ. По договору заключенному между этими князьями въ 1428 г., Юрій призналъ великое княженіе за племянникомъ, Василіемъ. Четыре года спустя Юрій нарушилъ крестное цѣлованіе къ Василію и отправился въ Орду искать Великаго княженія подъ племянникомъ. Орда рѣшила дѣло въ пользу Василія. Недовольствуясь этимъ, Юрій напалъ врасплохъ на великаго князя и овладѣлъ Москвой. По миру, заключенному вскорѣ затѣмъ (1433 г.), Василій получилъ Коломну и отказался въ пользу дяди отъ великаго княженія.—Въ томъ же году Юрій уступилъ добровольно великое княженіе Василію; а въ слѣдующемъ снова захватилъ его подъ племянникомъ.

III. Случаи добыванія столовъ между двоюрдными братьями и другими болѣе отдаленными степенями родства такъ многочисленны, что необходимо ограничиться приведеніемъ только наиболѣе крупныхъ.

Изъ предыдущаго мы знаемъ, что Всеволодъ Ярославичъ собралъ въ своихъ рукахъ большую часть Русской земли. По смерти Всеволода, Черниговскій столъ занялъ старшій сынъ его, Владиміръ. Олегъ Тмутаракапскій, сынъ бывшаго Черниговскаго и Кіевскаго князя Святослава и двоюродный братъ Владиміра, такъ же заявилъ притязанія на Черниговъ. Владиміръ не захотѣлъ уступить и затворился въ городѣ. Задумавъ добыть Черниговъ силою, Олегъ подступилъ къ городу и сталъ жечь посады и монастыри. Владиміръ нашелся

вынужденнымъ уступить и заключить миръ, по которому отказался отъ Чернигова въ пользу Олега (Лавр. 1094 г.).

Въ 1129 г. сынъ Владиміра, Кіевскій князь Мстиславъ. обманомъ овладѣлъ Полоцкими князьями и присоединилъ ихъ волость къ своему княженію.

Въ 1138 г. Черниговскій князь Всеволодъ Ольговичъ, захватилъ Кіевъ подъ Вячеславомъ и вскорѣ затѣмъ злключилъ съ нимъ миръ, по которому Вячеславъ отказался отъ Кіева въ пользу своего противника. Большую часть Черниговской волости Всеволодъ также удержалъ за собой.

Полочане въ 1151 г. изгнали своего князя, Рогволода Борисовича, и посадили у себя на столѣ его двоюроднаго брата, Ростислава Глѣбовича. Въ 1159 г. они снова призвали Рогволода. Вслѣдъ за этимъ призваніемъ Рогволодъ предпринялъ походъ на бѣжавшаго Ростислава и принудилъ его къ миру, по которому удержалъ за собою Полоцкъ.

Владимірскій князь, Романъ Мстиславичъ, узнавъ, что Галичане не хорошо живутъ съ своимъ княземъ Владиміромъ, начинаетъ доискиваться Галицкаго стола: „Романъ, разсказываетъ о немъ лѣтописецъ, слашетъ къ мужемъ галицкимъ, подъ-тыкая ихъ на князя своего, чтобы его выгнали изъ отчины своея, а самого пріяли на княженіе. Мужи же галицкіе, пріимше совѣтъ Романовъ, совокупивше полки свои и утвердившеся крестомъ и возсташа на князь свой!“.... Владиміръ испугался возстанія и бѣжалъ, а Романъ занялъ столъ его; но не надолго, еще въ томъ же году онъ самъ бѣжалъ изъ Галича при вѣсти о походѣ на него Венгерскаго короля. По смерти Владиміра въ 1199 г. Роману удалось утвердиться въ Галичѣ окончательно, при чемъ онъ удержалъ за собой и свою Владимірскую волость (Ипат. 1188 г., 1199 г., Лавр. 1202 г.).

Въ 1206 г. встрѣчаемся съ совокупнымъ походомъ Черниговскихъ князей Ольговичей, и Кіевскихъ и Смоленскихъ, Ростиславичей, на Галичъ для добыванія Галицкаго стола подъ дѣтьми умершаго незадолго передъ тѣмъ Романа.

По возвращеніи изъ этого похода начинается борьба за Кіевъ между недавними союзниками, Черниговскимъ княземъ, Всеволодомъ Чермнымъ и Кіевскимъ, Рюрикомъ Ростиславичемъ. Послѣ того, какъ Кіевъ былъ нѣсколько разъ захваченъ, то Всеволодомъ подъ Рюрикомъ, то Рюрикомъ подъ Всеволодомъ, оба князя примирились на томъ, что Рюрикъ отказался отъ Кіева въ пользу Всеволода, а Всеволодъ отъ Чернигова въ пользу Рюрика (1210 г.

Совершенно такія же явленія находимъ и въ сѣверовосточной Руси.

Въ 1303 г. Юрій Даниловичъ Московскій предпринялъ походъ къ Можайску на Святослава Глѣбовича, внука Ростислава Смоленскаго; князя взялъ въ плѣнъ, а волость его присоединилъ къ своей.

Преемникъ Юрія по Московскому столу, Иванъ Даниловичъ Калита, пріобрѣлъ за соотвѣтствующее денежное вознагражденіе у Ростовскихъ князей Галичъ, Бѣлоозеро и Углече-поле.

По смерти великаго князя Владимірскаго, Ивана Ивановича (1359), Суздальскій князь Дмитрій Константиновичъ выпросилъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе и занялъ Владимірскій столъ. Три года спустя великаго княженія начинаетъ доискиваться Дмитрій Ивановичъ Московскій. Получивъ также ярлыкъ на свое имя, Дмитрій Ивановичъ предпринимаетъ походъ на вел. князя Владимірскаго и прогоняетъ его въ Суздаль (1362). Въ слѣдующемъ году Дмитрію Константиновичу снова удается захватить Владиміръ подъ Московскимъ княземъ, но не на долго: въ томъ же году онъ былъ прогнанъ Дмитріемъ Ивановичемъ и принужденъ къ миру, по которому послѣдній удержалъ за собою Владимірскій столъ (Воскр. 1359 г., 1362 г., 1363 г.).

Въ 1370 г. вел. князь Тверскій, Михаилъ Александровичъ, тревожимый нападеніями Дмитрія Ивановича Московскаго, отправляется въ Орду и выпрашиваетъ ярлыкъ на великое княженіе Владимірское подъ Дмитріемъ. Дмитрій Ивановичъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія уступить добровольно Владимірскій столъ и принимаетъ мѣры къ поимкѣ Михаила во время возвращенія его изъ Орды. Узнавъ объ этомъ, Тверскій князь бѣжитъ въ Литву съ цѣлью заручиться содѣйствіемъ Литовскаго князя, Ольгерда. Въ слѣдующемъ году Тверскій князь дѣлаетъ новую попытку захватить Владимірское княженіе подъ Дмитріемъ, но также безуспѣшно (Воскр. 1370 г., 1371 г.).

Въ 1371 г. Пронскій князь, Владиміръ Ярославичъ, при помощи Дмитрія Ивановича Московскаго, завоевалъ Рязань подъ Олегомъ Ивановичемъ. Въ слѣдующемъ году Олегу удается прогнать Пронскаго князя и снова овладѣть Рязанью. Въ 1408 г. повторяется таже исторія между сыномъ Владиміра, Прон-

ограниченія: одно—чисто фактическое—въ средствахъ добыванія; другое—въ силу договора, по которому одна сторона отказывалась въ пользу другой отъ извѣстнаго стола или прямо обязывалась не подыскиваться подъ нею [1]).

скимъ княземъ Иваномъ, и сыномъ Олега, Рязанскимъ княземъ Ѳедоромъ. (Воскр. 1371 г., 1372 г., 1408 г.).

Вел. князь Московскій, Василій Дмитріевичъ, захватилъ въ 1390 г. Нижній Новгороеъ подъ сыновьями Дмитрія Константиновича Суздальскаго: въ 1392 г. онъ получилъ въ Ордѣ ярлыкъ на новое пріобрѣтеніе, которое и осталось за нимъ, не смотря на попытку (1399) Семена Дмитріевича Суздальскаго снова овладѣть Нижнимъ (Воскр. 1390, 1392, 1399 г. Ср. Ник. подъ 1391 г.).

Рузскій князь, Дмитрій Юрьевичъ Шемяка, захватилъ въ 1446 г. Москву подъ вел. княземъ Василіемъ Васильевичемъ, а самого великаго князя ослѣпилъ и сослалъ въ заточеніе въ Угличъ. Въ слѣдующемъ году Шемяка освободилъ Василія Васильевича и заключилъ съ нимъ миръ, по которому бывшій великій князь получалъ Вологду, а Шемяка удерживалъ за собой великое княженіе. Освобожденный Василій Васильевичъ въ томъ же году выступилъ изъ крестнаго цѣлованія къ Шемякѣ и захватилъ подъ нимъ Москву (Татищ. и Воскр. 1446 г., 1447 г).

Сынъ Василія Васильевича, вел. князь Иванъ, купилъ въ 1474 г. у Ростовскихъ князей, Владиміра Андреевича и брата его, Ивана Ивановича, ихъ часть Ростова; а въ 1486 г. захватилъ Тверь подъ вел. княземъ Тверскимъ, Михаиломъ Борисовичемъ. Сынъ Ивана Васильевича, вел. князь Василій, овладѣлъ въ 1520 г. личностью вел. князя Рязанскаго, Ивана Ивановича, и присоединилъ его княженіе къ своему.

[1]) Случаи такихъ обязательствъ весьма не рѣдки; мы находимъ ихъ какъ въ краткихъ извѣстіяхъ о содержаніи древнѣйшихъ княжескихъ договоровъ, сахраненныхъ лѣтописцами, такъ и въ полныхъ текстахъ договоровъ позднѣйшаго времени. Въ Ипат. лѣт. подъ 1172 г. читаемъ: „урядився добрѣ съ братомъ (Мстиславъ съ Ярославомъ) и крестъ цѣловавъ, яко же ему (Ярослову) не подозрѣти волости подъ дѣтьми его, преставися князь Мстиславъ". Подъ 1195 г. находимъ извѣстіе о томъ, что Черниговскіе Ольговичи обязались не искать Кіева подъ Рюрикомъ и Всеволодомъ; а въ томъ же году они отказались принять на себя обязательство—не искать Кіева и послѣ ихъ смерти. Въ 1196 г. Черниговскіе Ольговичи обязываются не искать Смоленска подъ Давыдомъ Ростиславичемъ, см. Ипат. л. Въ договорѣ Дмитрія Ивановича Московскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ послѣдній обязывается „не искать подъ Московскимъ княземъ удѣла дяди его, в. к. Семена". Подобно этому Тверскій князь, Михаилъ Александровичъ, въ договорѣ съ Дмитріемъ Ивановичемъ обязывается не искать подъ нимъ Москвы. Правнукъ Михаила, Тверскій в. к. Борисъ Александровичъ, въ 1451 г. принимаетъ на себя обязательство на искать Москвы и всего, что къ ней потянуло, подъ в. к. Московскимъ, Василіемъ Васильевичемъ, и съ своей стороны обязываетъ Московскаго князя не искать подъ нимъ Твери и всего, что къ ней потянуло. Совершенно такія же обязательства повторены и въ договорѣ в. к. Московскаго, Ивана Васильевича, съ в. к. Тверскимъ, Михаиломъ Борисовичемъ. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 27, 28, 76, 77, 88. Въ договоръ в. к. Московскаго, Ивана Васильевича, съ роднымъ братомъ его, Борисомъ Волоцкимъ, включено обоюдное условіе „не подыскивать, не вступаться" въ волости другъ друга. Такія же условія находимъ въ договорѣ Московскаго в. к. Василія Дмитріевича, съ рязанскимъ в, к, Ѳедоромъ Ольговичемъ, Моск. в. к., Ивана Васильевича, съ Ряз. в. к., Иваномъ Васильевичемъ, Моск. в. к., Василія Васильевича, съ Галицкимъ к., Юріемъ, и во многихъ другихъ. См. тамъ же №№ 32, 36, 43—44, 49, 52 65, 90, 97, 115—116 и др.—Въ договорѣ в, к. Московскаго, Василія Васильевича, съ Можайскими князьями, Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами, для обозначенія совершенно такого же обязательства употреблено выраженіе — „не хотѣти", тамъ же № 64, 66. Встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ договорахъ условіе „держать извѣстное княженіе подъ извѣстнымъ княземъ—честно и грозно (№ 45) имѣетъ тоже значеніе, какъ и условія: „не искать, не вступаться, не подыскиваться, не хотѣть", и употребляется для ихъ усиленія; оно обыкновенно выговаривалось

Нерѣдко случалось, что князья добровольно уступали части своихъ владѣній другимъ. Добровольныя уступки дѣлались для замиренія враговъ и для поддержанія добраго расположенія друзей. Князья обращались къ уступкамъ, какъ къ средству замиренія въ тѣхъ случаяхъ, когда уступка части владѣній казалась имъ меньшимъ пожертвованіемъ, чѣмъ продолжительная вооруженная борьба, исходъ которой могъ быть еще сомнителенъ. Древнѣйшій случай такой уступки находимъ подъ 1020 г. Хотя Ярославъ и одержалъ въ этомъ году побѣду надъ Брячиславомъ Полоцкимъ, безпокоившимъ его новгородскія владѣнія; но при заключеніи мира нашелъ необходимымъ уступить ему два города, Восвячъ и Видбескъ [1]). Съ той же цѣлью замиренія сынъ Ярослава, Всеволодъ, уступилъ Дорогобужъ Давыду Игоревичу, который былъ совершенно лишенъ участія во владѣніи Русской землей и занимался грабежемъ въ предѣлахъ Всеволодовой волости [2]). Подобно этому Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, отнявши Кіевъ у Вячеслава Владиміровича, нашелъ необходимымъ сдѣлать Вячеславу и племяннику его, Изяславу, такія уступки, какихъ они отъ него потребовали. „И посла, говоритъ лѣтописецъ, Вячеславъ и Изяславъ Мстиславичъ послы свои ко Всеволоду съ рѣчами, рядитися. Всеволодъ же не хотѣлъ учинити воли ихъ; а послѣ сдумавъ, что ему безъ нихъ нельзя быти, и далъ имъ прошеніе ихъ и крестъ къ нимъ цѣловалъ“ [3]). Укажемъ еще на примѣръ Константина Всеволодича, который, одержавъ надъ братомъ своимъ, Юріемъ, знаменитую побѣду на Липецкомъ полѣ, принудилъ его довольствоваться однимъ только Радиловымъ городкомъ; но въ слѣдующемъ же году, для болѣе прочнаго замиренія, нашелъ необходимымъ уступить ему Суздаль, а на случай смерти своей обѣщать передачу Владиміра [4]).

Друзья были требовательны не менѣе враговъ: ихъ услуги должны были также окупаться уступками, въ противномъ случаѣ они или отказывали въ своемъ содѣйствіи, или что еще хуже, обращали свое оружіе противъ неблагодарнаго союзника. Только-что помянутый Всеволодъ Ольговичъ, заняв-

---

односторонне въ пользу сильнѣйшихъ князей, тогда какъ выраженія; „не искать“ и под. употреблялись для обѣихъ сторонъ безъ различія: „Держать великое княженіе честное и грозно“—относится къ территоріи великаго княженія, а не къ власти великаго князя, какъ понимаютъ нѣкоторые.

[1]) Воскр. 1020 г.

[2]) Лавр. 1084 г., ср. еще 1081 г. и 1083 г,

[3]) Ипат. 1140 г.

[4]) Воскр. 1216 и 1217 г.

ши Кіевъ, не надѣлилъ помогавшихъ ему родныхъ и двоюрдныхъ братьевъ въ той мѣрѣ, какъ они желали; и они сейчасъ же составили противъ него коалицію съ цѣлью доискиваться Черниговской и Сѣверской волости. Чтобы разстроить эту коалицію, Всеволодъ былъ вынужденъ сдѣлать особыя уступки Давыдовичамъ [1]). Юрій, занявши Кіевъ, спѣшитъ подѣлиться съ своими союзниками, Святославомъ Ольговичемъ и Изяславомъ Давыдовичемъ: первому уступаетъ—Мозырь, а второму—Корческъ [2]). Когда Рюрикъ Ростиславичъ занялъ въ 1195 г. Кіевскій столъ, союзникъ его Владимірскій князь, Всеволодъ, не замедлилъ предъявить свои требованія на уступку ему лучшей части Кіевской волости, угрожая въ случаѣ отказа оставить его безъ помощи противъ Черниговскихъ князей. Въ 1231 г. Даніилъ Галицкій оказалъ дружественную услугу Кіевскому князю, Владиміру, примиривъ его съ Михаиломъ Черниговскимъ, который шелъ уже ратью къ Кіеву, и получилъ за это „часть въ Русской землѣ, Торцькій“ [3]).

Но занятіе и захватъ давали только фактическое обладаніе. Занятіе не лишало ни одного изъ упрежденныхъ князей права отыскивать занятую кѣмъ либо волость или часть ея—завоеваніемъ; точно также и завоеваніе не лишало князя, потерпѣвшаго пораженіе и въ силу того утратившаго свою волость, права отыскивать ее новымъ завоеваніемъ. Фактическое обладаніе становилось правомъ только въ силу договора, по которому одна изъ сторонъ отказывалась въ пользу другой отъ добытаго ею стола. Въ случаѣ занятія и захвата договоръ обыкновенно слѣдовалъ за совершившимся уже освоеніемъ [4]). въ случаѣ добровольной уптупки—онъ, естественно, предшествовалъ занятію.

Волости пріобрѣтались и за соотвѣтственное денежное вознагражденіе. Такія пріобрѣтенія носили наименованіе „купли“. Особенно любилъ обращаться къ этому средству Московскій князь, Иванъ Даниловичъ Калита. Впрочемъ, есть осно-

---

[1]) Ипат. 1142 г.

[2]) Ипат. 1155 г.

[3]) Ипат. 1231 г.; ср. еще уступки, которыя былъ вынужденъ сдѣлать в. к. Московскій Иванъ Васильевичъ, роднымъ братьямъ, Андрею и Борису, Воскр. 1474 г., 1481 г.

[4]) Само собою разумѣется, что далеко не всякій промыслъ скрѣплялся договоромъ.—Иногда князю, потерпѣвшему пораженіе, было выгодно отказаться, въ пользу побѣдителя отъ части своихъ владѣній, чтобы тѣмъ спасти остальное; въ такомъ случаѣ заключался договоръ, которымъ признавались права побѣдителя. Если же договоръ ни въ какомъ отношеніи не улучшалъ положенія побѣжденнаго, для него было выгоднѣе удержать за собою всѣ свои права, чтобы предъявить ихъ въ болѣе благопріятную для себя минуту.

Типографія М. М. Стасюлевича Вас. Остр., 2 л.,

ваніе думать, что оно было употребительно и гораздо прежде [1]).

2) При добываніи столовъ нѣкоторая роль выпадала и на долю родоваго старшинства. Старшинство служило для старшихъ князей основаніемъ, на которомъ они укрѣпляли свои притязанія на обладаніе извѣстнымъ столомъ. Если ихъ притязанія сталкивались съ притязаніями младшихъ князей, старшіе упрекали младшихъ въ томъ, что они идутъ противъ ихъ старшинства, не уважаютъ сѣдинъ и т. д. Случалось, что младшіе князья дѣйствительно дѣлали уступки старшимъ. По смерти Владиміра св. Кіевскій столъ занялъ Святополкъ. Дружина умершаго князя и Кіевляне, бывшіе въ это время съ княземъ Борисомъ на походѣ противъ Печенѣговъ, получивъ извѣстіе о происшедшемъ въ Кіевѣ, совѣтовали Борису сѣсть въ Кіевѣ на столѣ отни. Борисъ не согласился. „Небуди мнѣ, говорилъ онъ, възняти руки на брата своего старѣйшаго; аще и отечь ми умре, то си ми буди въ отца мѣсто". Старшинство Святополка является въ данномъ случаѣ основаніемъ, въ силу котораго Борисъ отказывается отъ Кіева въ пользу старшаго брата. Но это дѣло личнаго взгляда Бориса. Дружина князя Владиміра и сопровождавшіе Бориса Кіевляне взглянули на дѣло иначе: въ ихъ глазахъ старшинство Святополка не составляло препятствія для Бориса занять столъ отца. Братъ Бориса, Ярославъ Мудрый, также не стѣснялся родовымъ старшинствомъ. Умирая, онъ роздалъ свои владѣнія сыновьямъ, ничего не оставивъ брату своему Судиславу, котораго держалъ въ тюрьмѣ до самой своей смерти. Сыновья Ярослава хотя и возвратили свободу своему родовому старѣйшинѣ, но волости ему не дали, а позаботились о постриженіи его въ монашество. Не смотря на несомнѣнное родовое старшинство Кіевскаго князя, Изяслава Ярославича, Кіевляне не затруднились замѣнить его племянникомъ, Всеславомъ Брячиславичемъ, когда Изяславъ, въ 1067 году, отказался вести ихъ противъ Половцевъ. Не болѣе проникнуты были сознаніемъ правъ родоваго старѣйшинства и младшіе братья Изяслава. Въ 1073 г. они прогнали его изъ Кіева и подѣлили между собой наслѣдіе отца съ полнымъ исключеніемъ старшаго брата изъ правъ наслѣдства. Подобно сыновьямъ Ярослава и Изяславъ Мстиславичъ не считалъ себя обя-

[1]) На эту мысль наводитъ требованіе Романа Мстиславича дать ему вмѣсто отбираемой волости „кунами, во что будетъ была". Ипат. 1195 г.—Ср. еще Лавр. подъ 1100 г.

заннымъ дѣлать какія либо уступки дядѣ Юрію, да и самъ Юрій первоначально требовалъ себѣ только Переяславля, а отъ Кіева отказывался въ пользу племянника. Притязанія старшихъ высказываются очень часто, но они не сложились въ сколько нибудь опредѣленное право престолонаслѣдія по началу родоваго старшинства. Дяди не рѣдко занимали столы, устраняя племянниковъ, но причина этому не всегда заключалась въ уступкахъ младшихъ князей старшимъ. Весьма часто успѣхи старшихъ объясняются фактическимъ преобладаніемъ ихъ надъ младшими.

При распредѣленіи столовъ между князьями въ силу личнаго дѣйствія, съ родовымъ старшинствомъ и зрѣлостію лѣтъ соединялось много преимуществъ передъ ранней молодостью: старый князь могъ уже пользоваться доброй славой у народа, тогда какъ молодому надо было еще заслужить ее; старый князь могъ быть уже связанъ цѣлою сѣтью договоровъ съ другими князьями и имѣть многихъ союзниковъ, тогда какъ молодой только-что приступалъ къ примиренію своихъ личныхъ интересовъ, вновь выдвигаемыхъ имъ въ княжескую среду, съ интересами другихъ князей и къ пріисканію себѣ союзниковъ. Такимъ образомъ, старый князь имѣлъ большую возможность выдти во всеоружіи для пріисканія стола, чѣмъ молодой. Поэтому то мы нѣрѣдко и встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, что старые князья занимаютъ столы передъ молодыми; а такъ какъ, по естественному порядку вещей, дядя обыкновенно старѣе своихъ племянниковъ, то дяди передъ племянниками [1]).

---

[1]) Для примѣра укажемъ нѣсколько такихъ случаевъ. Кіевскій столъ послѣ Святослава занимаетъ его младшій братъ, Всеволодъ, въ 1076 г.; послѣ Изяслава опять Всеволодъ, въ 1078 г.; послѣ Мстислава Владиміровича его братъ, Ярополкъ, а послѣ Ярополка—Вячеславъ, въ 1138 г. Черниговскій столъ послѣ Давыда занимаетъ Ярославъ, въ 1123 г., послѣ Владиміра, Изяславъ, въ 1151 г. Во Владимірѣ на Клязьмѣ, по смерти Константина въ 1219 г., садится Юрій, по смерти Юрія въ 1238 г.—Ярославъ, по смерти Ярослава въ 1246 г.—Святославъ, все родные братья Всеволодичи; послѣ смерти Александра Ярославича въ 1263 г., Владимірскій столъ переходитъ также къ брату умершаго, Ярославу, а по его смерти въ 1272 къ брату Василію; подобно этому, по смерти Дмитрія Александровича въ 1294 г. Владимірскій столъ занимаетъ постоянно враждовавшій съ нимъ братъ Андрей. Въ Ростовѣ въ 1277 г., по смерти Бориса Васильевича, садятся не дѣти его, а братъ Глѣбъ. Подобно этому Нижегородскій столъ по смерти Дмитрія въ 1383 г. занимаетъ братъ его, Борисъ, а не дѣти.

Остановимся на двухъ,—трехъ фактахъ этого рода съ цѣлью познакомиться съ ними ближе.

По смерти Святослава Ярославича Кіевскаго (1076), Кіевъ занимаютъ не сыновья его, а братъ Всеволодъ; тоже повторяется и по смерти Изяслава (1078) По отношенію къ Кіевлянамъ, это предпочтеніе дяди племяннику, объясняется тѣмъ, что они давно знали Всеволода и были въ добрыхъ отношеніяхъ къ нему. Еще за десять лѣтъ до описываемаго событія, Кіевляне обращались ко Все-

3) Начало отчины также вліяло на распредѣленіе столовъ. Понятіе отчины возникло, по всей вѣроятности, въ гражданской имущественной сферѣ, гдѣ оно сохранилось и до послѣд-

---

володу съ просьбою о помощи противъ изгнаннаго ими князя Изяслава, и получили увѣреніе, что онъ пойдетъ войною на старшаго брата, если тотъ захочетъ мстить имъ за свое изгнаніе.—По отношенію же къ князьямъ-племянникамъ вопросъ о переходѣ Кіева къ Всеволоду не можетъ быть достаточно освѣщенъ, ибо лѣтопись не сохранила ни предсмертныхъ распоряженій Святослава и Изяслава, ни тѣхъ договоровъ, которые были заключены этими князьями со Всеволодомъ. (Мы имѣемъ въ виду договоръ со Святославомъ, который былъ заключенъ около 1073 г., когда Святославъ вступилъ со Всеволодомъ въ союзъ съ цѣлью изгнанія старшаго брата изъ Кіева,—и договоръ съ Изяславомъ отъ 1077 г., когда Всеволодъ отказался отъ Кіева въ пользу Изяслава). Въ Другихъ случаяхъ, о которыхъ лѣтопись сохранила болѣ подробныя свѣдѣнія, умирающіе князья не рѣдко сами передаютъ свои столы братьямъ, выговаривая при этомъ нѣкоторыя выгоды въ пользу сыновей. (Такъ напр. Ярославъ Всеволодичъ, отказывая Владиміръ брату, Святославу, другіе города распредѣляетъ между своими сыновьями, на что соглашается и Святославъ, о которомъ лѣтописецъ говоритъ: „Святославъ Всеволодичъ сѣдѣ на столѣ въ Володимери, а сыновци посадиша по городомъ, якоже братъ его уряди, Ярославъ". Въ договорѣ Мстислава Владиміровича Кіевскаго съ братомъ, Ярополкомъ, находимъ подобное указаніе на передачу Мстиславомъ брату Ярополку Кіева съ тѣмъ, чтобы упрочить за дѣтьми Переяславль. Лавр. 1132 г. Ипат. 1133 ср. еще Воскр. 1217 г.). Имѣла ли подобная передача мѣсто въ разсматриваемомъ случаѣ, или Всеволодъ занялъ Кіевъ, благодаря преобладающей силѣ, за молчаніемъ источниковъ, нельзя рѣшить.

Послѣ смерти Черниговскаго князя, Владиміра Давыдовича (1151), столъ его занялъ не сынъ, Святославъ, а братъ, Изяславъ. Преимущество дяди передъ племянникомъ въ настоящемъ случаѣ заключалось въ томъ, что Изяславъ имѣлъ на своей сторонѣ Изяслава Кіевскаго и Ростислава Смоленскаго, которымъ онъ только-что оказалъ дѣятельную помощь въ войнѣ съ Юріемъ. При первой вѣсти о смерти Владиміра, Кіевскій князь совѣтуетъ Изяславу спѣшить занятіемъ Чернигова и даетъ ему свою помощь. Это дѣятельное содѣйствіе Кіевскаго князя объясняется тѣмъ, что для него лично было въ высшей степени важно, чтобы Черниговъ былъ занятъ дружественнымъ ему Изяславомъ, а не Святославомъ Ольговичемъ, постояннымъ его врагомъ и постояннымъ союзникомъ Юрія. Что касается до Святослава Владимировича, то этотъ молодой князь, скрывавшійся до самой послѣдней минуты за личностью своего отца, не имѣлъ никакихъ союзниковъ и, конечно, не помышлялъ о Черниговскомъ столѣ, составлявшемъ предметъ борьбы для такихъ могущественныхъ (сравнительно) князей, какъ его дяди, Изяславъ и Святославъ.

Константинъ Всеволодовичъ Владимірскій еще при жизни (1217) договаривается съ братомъ, Юріемъ, о предачѣ ему, а не дѣтямъ своимъ, Владимірскаго стола. Юрій, пользовавшійся постоянной поддержкой Ярослава Переяславскаго, умѣлъ не разъ отстоять Владиміръ отъ притязаній самого Константина, и былъ побѣжденъ послѣднимъ только благодаря стеченію чисто случайныхъ обстоятельствъ, въ войнѣ, въ которой онъ игралъ второстепенную роль союзника, и которая по первоначальному замыслу была направлена не противъ него, а противъ его брата, Ярослава. Эта добровольная уступка, сдѣланная на второй годъ побѣды, была необходима для Константантина, какъ единственно вѣрное средство примириться съ братомъ и упрочить за собой пожизненное обладаніе Владиміромъ, а за сыновьями—Ростовомъ и Ярославлемъ.

Подобно этому Нижегородское княженіе по смерти Дмитрія Константиновича (1383) занимаетъ младшій братъ его, Борисъ, а не сыновья. Борисъ умѣлъ утвердиться въ Нижнемъ еще 18 лѣтъ тому назадъ и уступилъ его Дмитрію только послѣ того, какъ сторону послѣдняго принялъ сильный Московскій князь. Мы не знаемъ, согласился ли Дмитрій для замиренія Бориса на передачу ему по смерти своей Нижегородскаго стола, какъ это сдѣлалъ Константинъ по отношенію къ Юрію; во всякомъ случаѣ, предпріимчивому Борису было легче устранить своихъ юныхъ племянниковъ, чѣмъ ихъ отца, а онъ не остановился и передъ этимъ (въ 1365 г., по смерти Андрея Константиновича).

няго времени. Самое слово „вотчина“ или „отчина“ показываетъ, что подъ „вотчиной“ разумѣлось то, что принадлежало отцу. По вотчинному началу сынъ долженъ занять тотъ столъ, на которомъ сидѣлъ отецъ его, подобно тому какъ въ частномъ наслѣдованіи имущество, принадлежавшее отцу, наслѣдуется сыновьями. На начало отчины (а не лѣствичнаго восхожденія) князья ссылаются весьма часто. Древнѣйшая ссылка относится къ княженію Владиміра Св. Въ числѣ другихъ пріобрѣтеній онъ присоединилъ къ своей волости и Полоцкое княженіе. Умертвивъ Полоцкаго князя Рогволода, онъ взялъ себѣ въ жены дочь его Рогнѣду, которая при жизни отца не хотѣла вступить съ нимъ въ бракъ, считая для себя обиднымъ „разуть рабынича“. Лѣтописецъ разсказываетъ, что у Рогнѣды и послѣ брака осталось враждебное отношеніе къ Владиміру и что она покушалась даже убить его, но великій князь вовремя проснулся и покушеніе не удалось. Владиміръ хотѣлъ наказать жену, но неожиданное появленіе сына Изяслава заставило его простить виновную и дать, по совѣту ближайшихъ мужей, Изяславу (сыну Володимира отъ Рогнѣды) въ княженіе Полоцкъ, на томъ основаніи, что это „отчина“ Рогнѣды. Такимъ образомъ, уже Владиміръ Св. надѣляетъ сына своего, Изяслава, Полоцкимъ княженіемъ, потому что это отчина его матери.

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ ссылки на начало отчины.

Олегъ Черниговскій въ войнѣ съ Владиміромъ Мономахомъ 1096 года приказываетъ сказать сыну Владиміра, Изяславу, занимавшему тогда Муромскій столъ: „иди въ волость отца своего—Ростовъ, а то есть волость отца моего“ (т. е. Муромъ). Въ 1139 г. Андрей Владиміровичъ Переяславскій отказывается перемѣнить свое княженіе на Курское на томъ основаніи, что въ Курскѣ отецъ его не сидѣлъ, а сидѣлъ въ Переяславлѣ; „хочу на своей отчинѣ смерть пріяти“, говоритъ онъ. По смерти Андрея (1141 г.), Кіевскій князь Всеволодъ предлагаетъ Вячеславу, брату умершаго, занять Переяславль, ибо это отчина его. Въ томъ же смыслѣ Изяславъ Мстиславичъ, доискиваясь волости, говоритъ: „мнѣ отчины нѣту въ Угрѣхъ, ни въ Лясѣхъ, токмо въ Русстѣй земли“. Въ 1154 г. Юрій Ростовскій, требуя, чтобы Изяславъ Давыдовичъ уступилъ ему Кіевъ, говоритъ: „мнѣ отчина Кіевъ, а не тебѣ“. Въ 1159 г. Полоцкій князь Рогволодъ отнимаетъ Изяславль у Всеволода Глѣбовича и передаетъ его Брячиславу Давыдовичу на томъ основаніи, что Изяславль его отчина.—Подобно этому Новго-

родцы просятъ Всеволода Юрьевича посадить у нихъ своего сына „за не Новгородъ отчина“ Всеволоду (1200). —Въ 1213 г. Даніилъ Романовичъ приглашаетъ Мстислава Галицкаго принять участіе въ войнѣ его съ Польскимъ княземъ, Лешко, вызванной тѣмъ, что Лешко „держитъ его отчину“. Совершенно такою же ссылкою на отчину великій князь Московскій, Василій Васильевичъ, пытается доказать передъ царемъ Махметомъ свои права на великое княженіе [1]).

Переходимъ къ разсмотрѣнію того значенія, которое принадлежало отчинѣ въ вопросѣ о распредѣленіи волостей. Князья, какъ только что было замѣчено, заявляли притязанія на обладаніе отчинами. Но понятно, что при существованіи начала добыванія подобныя притязанія не всегда могли быть осуществлены. Волости, смотря по условіямъ данной минуты, нерѣдко переходятъ къ братьямъ, дядьямъ и другимъ болѣе отдаленнымъ родственникамъ князя-правителя, помимо его сыновей [2]). Съ другой стороны, князь, вовсе не имѣвшій от-

---

[1]) Лавр. 1128 г., 1096 г., 1139 г., 1141 г, 1150 г., 1155 г., 1200 г. Ипат. 1213 г. Воскр. 1432 г.

[2]) Отчичи уже и потому не всегда могли владѣть своими отчинами, что при господствѣ начала добыванія извѣстная волость могла имѣть въ одно и то же время нѣсколькихъ отчичей отъ разныхъ князей, послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга. Любопытный примѣръ этому представляетъ лѣтопись подъ 1093 г. и 1094 г. По смерти Всеволода Ярославича открылись между прочимъ столы: 1) Кіевскій, который послѣдовательно занимали: Изяславъ Ярославичъ, за тѣмъ, по его изгнаніи младшими братьями въ 1073 г.. Святославъ Ярославичъ, по смерти Святослава въ 1076 г., третій братъ, Всеволодъ; по миру со Всеволодомъ въ 1077 г. опять Изяславъ, по его смерти въ 1078 г. снова Всеволодъ; 2) Черниговскій, принадлежавшій сперва Святославу, а по его смерти и по возвращеніи Изяслава въ Кіевъ, захваченный Всеволодомъ: 3) Переяславскій, постоянно принадлежавшій Всеволоду. Такимъ образомъ, на основаніи начала отчины сыновья Всеволода имѣли одинаково притязанія на всѣ три стола, Кіевскій, Черниговскій и Переяславскій; сыновья Святослава на два, Кіевскій и Черниговскій, сыновья Изяслава только на одинъ Кіевскій. Владиміръ Всеволодичъ, находившійся въ моментъ смерти отца въ Кіевѣ, былъ очень не прочь удержать за собою Кіевъ, какъ „столъ отца своего“; но его озабочивали притязанія на тотъ же столъ Святополка Изяславича. еще въ 1088 г. переменившаго Новгородъ на Туровъ съ цѣлью приближенія къ Кіеву. Колебанія Владиміра лѣтописецъ передаетъ въ слѣдующей фразѣ, влагаемой имъ въ уста этого князя: „если сяду на столѣ отца своего (т. е. Кіевѣ), то имамъ рать со Святополкомъ взяти, потому что еще прежде это былъ столъ отца его“. Владиміръ считаетъ себя въ правѣ сѣсть въ Кіевѣ, допускаетъ этотъ фактъ и обсуждаетъ его возможныя послѣдствія. При этомъ онъ встрѣчается съ совершенно такимъ же правомъ Святополка, отецъ котораго также сидѣлъ въ Кіевѣ; кромѣ того, онъ знаетъ, что Святополкъ имѣетъ намѣреніе искать своей отчины и не остановится передъ войной: „имамъ со Святополкомъ рать взяти“, думаетъ Владиміръ. „Размысливъ, продолжаетъ лѣтописецъ, посла Владиміръ по Святополка Турову, а самъ иде Чернигову, а Ростиславъ (братъ его) иде Переяславлю“. Такимъ образомъ, Владиміръ уступаетъ Святополку Кіевъ, но не потому, чтобы считалъ его права на Кіевскій столъ лучше своихъ, а только по нежеланію вести съ нимъ войну. Въ противномъ случаѣ онъ не занялъ бы и Чернигова, ибо Олегъ Святославичъ былъ въ совершенно такомъ же отношеніи къ Черниговскому столу, въ какомъ Святополкъ къ Кіевскому: Черниговъ былъ прежде столъ отца

чины, не терялъ еще въ силу этого права добыть себѣ волость. Такъ напр., Ростиславъ Владиміровичъ, внукъ Ярослава Владиміровича, добываетъ Тмутаракань, а сыновья его кладутъ основаніе сильному Галицкому княженію. Позднѣе сыновья Ростислава Юрьевича, Мстиславъ и Ярополкъ, призываются занять столы въ Ростовѣ и Владимірѣ (1175 г.) [1].

Хотя, при существующемъ порядкѣ, начало отчины и не могло играть рѣшающей роли въ вопросѣ о распредѣленіи волостей, но во 1-хъ, это начало служило основаніемъ притязаній извѣстнаго князя на извѣстную волость; во 2-хъ, оно принималось за исходный пунктъ въ завѣщаніяхъ, а иногда и въ княжескихъ договорахъ.

Случай наиболѣе полнаго примѣненія этого начала находимъ въ договорѣ 1097 г., заключенномъ князьями на съѣздѣ въ Любечѣ. Желая положить конецъ безконечнымъ захватамъ чужихъ волостей, которыя имѣли мѣсто между сыновьями и внуками Ярослава, собравшіеся въ Любечѣ князья берутъ за основаніе при распредѣленіи волостей между собой начало отчины; въ сохраненномъ лѣтописью извѣстіи объ этомъ договорѣ сказано; „каждо да держитъ отчину свою". Такимъ образомъ, за Святополкомъ былъ утвержденъ столъ отца его, Кіевъ, за Давыдомъ, Олегомъ и Ярославомъ столъ отца ихъ, Черниговъ, за Владиміромъ столъ отца его, Переяславль, и за Давыдомъ Игоревичемъ столъ отца его, Владиміръ [2]. — На томъ же основаніи состоялось соглашеніе и между сыновьями Давыда и Олега Святославичей. По смерти Владиміра Давыдовича, Черниговскій столъ занялъ братъ его, Изяславъ, захватившій въ тоже время (а можетъ быть нѣ-

---

Олегова, а послѣ уже перешелъ къ отцу Владиміра. Владиміръ, однако, не посылаетъ за Олегомъ въ Тмутаракань, не передаетъ ему Чернигова, а занимаетъ его самъ. Нѣсколько позднѣе Олегъ предъявляетъ притязанія на столъ отца своего — Черниговъ, получаетъ отказъ и только силою принуждаетъ Владиміра удалиться на столъ отца его въ Переяславль. И такъ, на основаніи начала отчины Владиміръ считаетъ себя въ правѣ занять Кіевъ, Черниговъ. Переяславль; на томъ же основаніи и въ то же время Святополкъ предъявляетъ притязанія на Кіевъ, а Олегъ на Черниговъ, Муромъ и др. владѣнія своего отца. — Постановленія Любецкаго съѣзда разрѣшили эти перекрещивающіяся притязанія въ пользу болѣе правильнаго приложенія начала отчины и противъ начала добыванія. На Любецкомъ съѣздѣ отчиной Святополка былъ признанъ Кіевъ, отчиной Олега и его братьевъ — Черниговъ, отчиной Всеволода одинъ только Переяславь. Такимъ образомъ были осуждены предшествовавшіе захваты Кіева — Святославомъ и Всеволодомъ и Чернигова—Всеволодомъ и сыномъ его Владиміромъ, захваты, не согласовавшіеся, какъ увидимъ, и съ послѣднею волею Ярослава.

[1]) Не имѣли отчины тѣ князья, отцы которыхъ умерли еще при жизни своихъ отцевъ и слѣдовательно прежде, чѣмъ сдѣлались самостоятельными князьями.

[2]) Лавр. 1097 г., см. стр. 341 прим. 2.

сколько ранѣе) и часть владѣній Святослава Ольговича, и племянника его, Святослава Всеволодича. Когда война Кіевскаго князя съ Юріемъ Владимірскимъ, раздѣлявшая на два враждебныхъ лагеря и Изяслава съ Святославомъ Ольговичемъ, окончилась, Святославъ, сославшись съ Святославомъ Всеволодичемъ, вознамѣрился примириться съ новымъ Черниговскимъ княземъ, Изяславомъ. „Брате! послали они сказать ему, миръ стоитъ до рати, а рать до мира! а нынѣ прими насъ въ любовь. А се межи нами двѣ отчины, одна моего отца, Олега, а другая твоего отца, Давыда, а ты, брате, Давыдовичъ, а язъ Ольговичъ. Ты же, брате, прими отца своего Давыдово, а что Ольгово, а то нама дай, ать вѣ ся подѣливѣ". „Изяславъ же, продолжаетъ лѣтописецъ, крестьянски учини, прія брата своего и отчину има узвороти, а свою къ собѣ прія" [1]). — Тоже стремленіе къ установленію перехода волостей по отчинѣ обнаруживается и въ разсмотрѣнныхъ уже условіяхъ договоровъ, которыми стороны взаимно обязывались: „блюсти. не обидѣть, не вступаться, не подыскивать.. и подъ дѣтьми".

Съ тѣмъ же началомъ встрѣчаемся и въ духовныхъ завѣщаніяхъ. Хотя завѣщаніе Ярослава сохранено лѣтописцемъ далеко не вполнѣ, но мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ думалъ этотъ князь о дальнѣйшей судьбѣ розданныхъ имъ сыновьямъ городовъ, по тому отзыву, который высказали объ этомъ предметѣ его потомки въ концѣ XII вѣка. Въ 1195 г. Кіевскій князь, Рюрикъ Ростиславичъ, сославшись со Всеволодомъ Юрьевичемъ Владимірскимъ и Давыдомъ Ростиславичемъ Смоленскимъ, отправилъ совокупное съ ними посольство къ Черниговскимъ, князьямъ, Ольговичамъ, съ требованіемъ, чтобы они отказались отъ Кіева и и Смоленска, не искали его ни подъ ними, ни подъ ихъ дѣтьми, ни подъ всѣмъ Владиміровымъ племенемъ, и ограничились однимъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра. Въ подкрѣпленіе своего требованія Рюрикъ, Всеволодъ и Давыдъ ссылаются на завѣщаніе Ярослава: „како насъ раздѣлилъ дѣдъ нашъ Ярославъ — по Днѣпръ, говорятъ они, а Кіевъ вамъ не надобѣ". На основаніи послѣднихъ словъ надо думать, что Ярославъ, раздавая сыновьямъ города, исходилъ отъ той мысли, что по смерти сыновей принадлежавшія каждому изъ нихъ волости перейдутъ къ ихъ дѣтямъ, а его внукамъ и т. д. Еслибы онъ имѣлъ

---

[1]) Ипат. 1151 г.

въ виду не этотъ переходъ отъ отца къ сыну, а какой нибудь другой, напр. отъ брата къ брату, въ силу котораго Черниговскій князь, Святославъ, долженъ бы былъ получить Кіевъ въ случаѣ смерти Кіевскаго князя и его старшаго брата, Изяслава, то понятно, что Рюрикъ, Всеволодъ и Давыдъ, требуя, чтобы Черниговскіе князья навсегда отказались отъ Кіева и ограничились лѣвой стороной Днѣпра, никакъ не могли бы сослаться на завѣщаніе Ярослава, которымъ въ такомъ случаѣ именно предоставлялось право потомкамъ Святослава Черниговскаго въ извѣстномъ случаѣ перейдти на Кіевскій столъ. Любопытно, что Ольговичи въ своемъ отвѣтѣ не возражаютъ противъ правильности толкованія послѣдней воли Ярослава, предложеннаго ихъ противниками, чего они не могли бы не сдѣлать, еслибъ эта воля говорила въ ихъ пользу. Не имѣя возможности вывести своихъ притязаній на Кіевъ изъ духовной грамоты Ярослава, Ольговичи устраняютъ всякое значеніе завѣщанія въ дѣлѣ распредѣленія волостей и въ своемъ отвѣтѣ основываются исключительно на правѣ добыванія и на договорахъ. „Мы обязались, говорятъ они, не искать Кіева подъ Рюрикомъ и подъ Всеволодомъ и въ томъ стоимъ: при вашемъ животѣ не ищемъ; а по вашей смерти, кому Богъ дастъ!“ [1]—Съ совершенной ясностью выступаетъ переходъ по отчинѣ въ сохраненномъ лѣтописцами извѣстіи о завѣщаніи вел. князя Тверскаго, Михаила Александровича: Тверь великій князь назначаетъ сыну, Ивану, и его дѣтямъ, Александру и Ивану; въ Кашинѣ даетъ удѣлъ другому сыну, Василію; третьему, Ѳедору, назначаетъ два городка—Микулины. По мысли завѣщателя, слѣдовательно, Тверь, послѣ смерти Ивана, должна была перейдти не къ братьямъ его, а къ дѣтямъ [2]). Въ завѣщаніи Юрія Дмитріевича Галицкаго читаемъ: „а по грѣхомъ, котораго изъ васъ (т. е. изъ сыновей) Богъ отыметъ, а не останется послѣ него дѣтей, ино того удѣлъ тѣмъ, которыи останутся живы“. Совершенно такой же переходъ къ сыновьямъ, по отчинѣ, предполагается и въ завѣщаніи вел. князя Московскаго, Ивана Васильевича. „А котораго моего сына не стапетъ, сказано въ этомъ завѣщаніи, а не останется у него ни сына, ни внука, ино его удѣлъ весь—сыну моему, Василію“ [3]).

---

[1]) Лавр. 1054 г., Ипат. 1195 г.

[2]) Воскр. 1400 г., Соф. I. 1398 г.

[3]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 51, 144. Такъ же надо понимать и завѣщаніе вел. князя Московскаго, Дмитрія Ивановича, въ которомъ сказано: „А по грѣхомъ, котораго сына моего Богъ отьимѣть, и княгиня моя подѣлитъ того удѣ-

Согласно стремленію князей удерживать за собою отчины, стремленію, находившему признаніе и въ самыхъ договорахъ, волости дѣйствительно переходили по отчинѣ, хотя и далеко не всегда. Въ силу повторяющагося факта и перехода по отчинѣ мало-по-малу выдѣлились особыя линіи князей: Полоцкихъ, Смоленскихъ, Волынскихъ и Галицкихъ, Черниговскихъ, Рязанскихъ и Муромскихъ и пр., а позднѣе—Ростовскихъ, Московскихъ, Тверскихъ, Суздальскихъ и пр. Но такъ какъ это обособленіе скрѣплялось только частными соглашеніями и договорами, то понятно, что оно было далеко не полное и не могло успѣшно бороться съ господствовавшимъ началомъ добыванія: Черниговскіе князья продолжали добывать себѣ Кіевъ и Галичъ, Кіевскіе Черниговъ и т. д., а подъ конецъ княжескаго періода, Московскіе князья добыли себѣ почти всю Русскую землю.

4) Наконецъ встрѣчается еще съ распредѣленіемъ столовъ, происходящимъ подъ вліяніемъ воли князя, занимающаго тотъ столъ, о будущемъ замѣщеніи котораго идетъ рѣчь. Эта воля выражается въ договорахъ съ народомъ и другими князь-

---

ломъ сыновъ моихъ"—т. е. „котораго сына моего Богъ отъиметъ а не останется у него ни сына, ни внука"... Объ удѣлѣ старшаго сына Дмитрій Ивановичъ дѣлаетъ особое распоряженіе: желая создать преобладающую государственную силу, онъ не допускаетъ дѣленія этого удѣла между остальными сыновьями въ случаѣ смерти Василія, а приказываетъ его слѣдующему сыну, который тогда будетъ живъ, удѣлъ же этого послѣдняго дѣлился въ такомъ случаѣ между остальными сыновьями: „А по грѣхомъ отъиметъ Богъ сына моего, князя Василія, а кто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжъ Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ подѣлитъ ихъ моя княгиня". Здѣсь также надо предполагать бездѣтную смерть Василія. Необходимость такого предположенія доказывается согласными примѣрами другихъ завѣщаній, въ которыхъ ясно обозначенъ переходъ удѣловъ въ нисходящей линіи, отъ сыновей къ внукамъ; отступленіе отъ этого обычая въ завѣщаніи Дмитрія Ивановича представило бы единственный и ничемъ не объяснимый примѣръ совершеннаго исключенія внуковъ отъ участія во владѣніи Русской землей. Только неполнота выраженія давала Юрію возможность ссылаться въ Ордѣ на завѣщаніе отца въ подкрепленіе своихъ притязаній на великое княженіе. — Въ томъ же смыслѣ можно понимать и слова, приписываемыя лѣтописцемъ Ярославу Владиміровичу и обращенныя этимъ княземъ къ сыну, Всеволоду: „сыну мой! благо тобѣ, яко слышу о тобѣ кротость, и радуюся, яко ты покоеши старость мою; аще ти подастъ, Богъ пріяти власть стола моего, по братьи своей, съ правдою, а не съ насиліемъ, то егда Богъ отведетъ тя отъ житія сего, да ляжеши, идѣже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее": Лавр. 1093 г. Но такъ какъ это мѣсто находится въ посмертной похвалѣ Всеволоду, написанной очень дружественной ему рукой, то скорѣе надо думать, что оно сочинено самимъ лѣтописцемъ для оправданія совершившихся событій. Такъ же противъ подлинности этого мѣста говоритъ и то обстоятельство, что слова Ярослава „да ляжеши, идѣжи азъ лягу" суть ничто иное, какъ повтореніе пророчества иг. Ѳеодосія Маріи, женѣ Яна: „по истинѣ идѣ же лягу азъ, ту и ты положена будеши", которое находимъ въ той же лѣтописи и только одной страницей выше. — Ср. М. П. Погодина, Изслѣдованія, т. IV, глава V.

ями, заключаемыхъ на случай смерти, и въ завѣщаніяхъ. Какую же силу имѣли завѣщанія князей? Исполненіе завѣщанія, какъ односторонней воли завѣщателя, не могло быть обязательно для третьихъ князей.

При отсутствіи всякой высшей власти надъ князьями, приведеніе въ исполненіе воли завѣщателя было исключительно дѣломъ личныхъ средствъ того князя, въ пользу котораго оно сдѣлано. Воля завѣщателя могла только облегчить фактическое занятіе стола въ томъ случаѣ, когда онъ еще при жизни передавалъ назначеному имъ преемнику обладаніе важнѣйшими пунктами завѣщаемой ему волости. Если этого не случалось, завѣщанную волость надо было совершенно также добыть и скрѣпить за собой договорами, какъ и всякую другую [1]).

Согласно съ этимъ значеніемъ завѣщанія, даже тѣ князья въ пользу которыхъ оно сдѣлано, исполняли волю завѣщателя только на столько, на сколько это имъ нравилось. Едва они находили возможнымъ добыть больше, чѣмъ имъ было завѣщано, они не затруднялись выдти изъ предѣловъ завѣщанія. Примѣры такого нарушенія завѣщаній лицами, въ пользу которыхъ они сдѣланы, одинаково представляетъ какъ самый древнѣйшій памятникъ этого рода, завѣщаніе Ярослава, такъ и позднѣйшіе. Ярославъ Владиміровичъ, раздѣливши города между сыновьями, заповѣдалъ имъ—„предѣла братня не преступати, ни сгонити“. Не прошло и трехъ лѣтъ послѣ этого распоряженія, какъ оно было нарушено въ силу соглашенія трехъ старшихъ Ярославичей, Изяслава, Святослава и Всеволода: въ 1057 г. они вывели младшаго брата, Игоря, изъ назначеннаго ему отцемъ въ удѣлъ Владиміра и посадили въ Смоленскѣ, а Владиміромъ—подѣли-

---

[1]) Такъ напр. Ярославъ Всеволодовичъ, получивъ по завѣщанію отца своего Переяславскій столъ, пріѣзжаетъ въ Переяславль, собираетъ народъ, передаетъ ему содержаніе послѣдней воли отца и спрашиваетъ: „да рцете ми, братіе, аще хощете мя имѣти собѣ, якоже имѣсте отца моего, и головы своя за мя сложити?“ Переяславцы отвѣчали: „вельми, господине, тако буди, ты нашъ господинъ, ты Всеволодъ“. За тѣмъ всѣ цѣловали крестъ новому князю. Сузд. 1213 г.—Въ примѣръ договоровъ съ князьями укажемъ на договоръ родныхъ братьевъ, Василія и Юрія Дмитріевичей, въ которомъ каждый изъ договаривающихся обязывается „блюсти, а не обидѣть“ подъ другой стороной того, что она получила по благословенію отца своего —А. А. Э. Т. I. № 10 Такія же условія встрѣчаются весьма часто и въ договорахъ, помѣщенныхъ въ Р. С. Г. Г. и Д. ч. I Такъ въ договорѣ Василія Дмитріевича съ его братьями, Андреемъ и Петромъ, обѣ стороны обязываются “блюсти, а не обидѣть“, чѣмъ ихъ благословилъ отецъ ихъ... № 37; См. еще тамъ же №№ 27, 43, 44, 90 и др.

лись между собой. Нѣсколько позднѣе два младшихъ брата-Святославъ и Всеволодъ, нашли необходимымъ для своей безопасности прогнать старшаго, Изяслава, изъ назначеннаго ему отцемъ Кіева и подѣлиться имъ. Въ примѣръ позднѣйшихъ случаевъ этого рода укажемъ на завѣщаніе вел. Князя Тверскаго, Михаила Александровича. Михаилъ Тверскій, какъ и Ярославъ, чувствуя приближеніе смерти (1400 г.), дѣлитъ города между сыновьями: старшему, Ивану, назначаетъ Тверь, а внуку, Ивану Борисовичу, даетъ удѣлъ въ Кашинѣ. Восемь лѣтъ спустя, Тверскій князь Иванъ нарушаетъ это распоряженіе, изгоняя своего племянника изъ назначенной ему части Кашина и присоединяя ее къ своей волости.

Такъ какъ, съ одной стороны, ни одному князю не принадлежало исключительное право распоряженія своей волостью на случай смерти, и не было высшаго суда, къ которому князья могли бы обратиться съ жалобой въ случаѣ нарушенія воли завѣщателя, а съ другой—всѣ вопросы, возникавшіе между князьями, рѣшались окончательно или соглашеніями или войной, то понятно, что завѣщаніе и не могло имѣть бо́льшей силы. Князья знали это и не ограничивались одними завѣщаніями. Чтобы обезпечить успѣхъ назначаемому ими преемнику, они заключали соотвѣтствующіе договоры какъ съ народомъ, такъ и съ третьими князьями.

Въ примѣръ подобныхъ предварительныхъ соглашеній съ народомъ укажемъ на соглашеніе Кіевскаго князя, Всеволода Ольговича, съ Кіевлянами: чувствуя приближеніе смерти и желая передать Кіевскій столъ брату, Игорю, онъ созываетъ Кіевлянъ и предлагаетъ имъ признать Игоря княземъ. Кіевляне соглашаются и цѣлуютъ крестъ (1146 г.). Подобно этому Ростовскій князь, Юрій, передавая свою волость меньшимъ сыновьямъ, скрѣпляетъ свою волю предварительнымъ соглашеніемъ съ Ростовцами, Суздальцами и Владимірцами, которые цѣлуютъ ему крестъ „на меньшихъ сыновьяхъ“ (1157 г.). То же дѣлаетъ Ярославъ Галицкій въ 1187 г.

Предварительные договоры съ князьями имѣли цѣлью: или только устраненіе возможныхъ соперниковъ, или доставленіе союзниковъ назначаемому преемнику. Во первомъ случаѣ князья обязывались „не вступаться въ волость“ подъ такимъ то княземъ, во второмъ—„удержать ее“ за нимъ; иногда обѣ цѣли преслѣдуются разомъ въ формѣ: „не вступаться, блюсти и не обидѣть“. Древнѣйшій примѣръ подобныхъ договоровъ лѣто-

пись относитъ къ 1141 г. Сынъ Владиміра Мономаха, Андрей, чувствуя приближеніе смерти, назначилъ преемникомъ себѣ сына, Владиміра; но не имѣя увѣренности, что юный Владиміръ сумѣетъ отстоять передаваемый ему столъ, онъ въ то же время заключилъ особый договоръ съ братомъ, Юріемъ, по которому послѣдній обязался удерживать Владиміръ Волынскій за сыномъ Андрея.—Нѣсколько позднѣе Мстиславъ Изяславичъ, передавая свою волость дѣтямъ, ограждаетъ ихъ отъ соперничества брата, Ярослава, особымъ договоромъ, по которому послѣдній обязался „не подозрѣти волости подъ дѣтьми его“ [1].

Въ дошедшихъ до насъ полныхъ текстахъ княжескихъ договоровъ подобныя условія весьма обыкновенны. Мы приведемъ нѣкоторыя. Московскій князь, Дмитрій Ивановичъ, передалъ по духовной грамотѣ свою волость сыновьямъ; въ то же время онъ постарался утвердить свою волю и согласіемъ другихъ князей. Въ договорѣ, заключенномъ имъ за годъ до смерти съ Серпуховскимъ княземъ, Владиміромъ Андреевичемъ, послѣдній обязался „блюсти“ его владѣнія не только подъ нимъ, но и подъ его дѣтьми.—Подобно этому сынъ Дмитрія, Василій, также оставившій завѣщаніе въ пользу сыновей, заручается согласіемъ двухъ братьевъ, Андрея и Петра, которые по договору 1405 г. обязались „блюсти и не обидѣть“ его владѣній подѣ нимъ и подъ его дѣтьми. Позднѣе къ этому договору присоединился и третій братъ, Константинъ. Въ договорѣ Василія съ братомъ Юріемъ отъ 1390 г. подобнаго условія нѣтъ: Галицкій князь самъ имѣлъ виды на великое

[1]) Ипат. 1157 г., 1172 г. Тамъ же подъ 1145 г. находимъ болѣе подробное указаніе на подобные предварительные договоры, которыми князья старались обезпечить исполненіе своей послѣдней воли. Всеволодъ Ольговичъ, задумавъ передать по смерти своей Кіевскій столъ брату, Игорю, призываетъ его въ Кіевъ, а вмѣстѣ съ нимъ и трехъ сосѣднихъ князей, согласіемъ которыхъ онъ хотѣлъ заручиться, Святослава Ольговича, Владиміра Давыдовича и Изяслава Мстиславича. Когда князья собрались, Всеволодъ обратился къ нимъ съ рѣчью, отъ которой, къ сожалѣнію, уцѣлѣло только заключеніе:.. „Володимеръ посадилъ Мстислава, сына своего, по собѣ въ Кіевѣ, а Мстиславъ Ярополка, брата своего; а се я молвлю: оже мя Богъ поиметь, то азъ по собѣ даю брату своему Игореви Кіевъ“. Съ этимъ желаніемъ не хотѣлъ согласиться Изяславъ Мстиславичъ, но подъ конецъ и онъ уступилъ: „И много замышлявшу Изяславу Мстиславичу, говоритъ о немъ лѣтописецъ, нужа бысть цѣловати крестъ“. Далѣе читаемъ: „И сѣдшимъ всей братьи у Всеволода на сѣняхъ, и рече имъ Всеволодъ: «Игорю! цѣлуй крестъ, яко имѣти братью въ любовь, а Володимеръ и Святославъ и Изяславъ цѣлуйте крестъ ко Игореви, что вы начнетъ даяти, по по воли. а не по нужи, и цѣловаша на всей любви крестъ“. Такимъ образомъ, Владиміръ, Святославъ и Изяславъ согласились на переходъ Кіева къ Игорю и обязались не требовать отъ него уступокъ изъ получаемой имъ волости; но Игорь могъ надѣлить ихъ, если бы захотѣлъ; „что вы начнетъ даяти, по по воли“.

княженіе, а потому и не хотѣлъ утвердить своимъ согласіемъ распоряженій брата. Какъ только умеръ Василій, Юрій началъ искать для себя волости, которая по завѣщанію брата принадлежала его племяннику [1]). Совершенно такимъ же образомъ дѣйствовалъ и Василій Васильевичъ Темный: желая подѣлить свое княженіе между дѣтьми, онъ упрочиваетъ за ними исключительное право на наслѣдіе послѣ себя помощью соотвѣтствующихъ условій, включенныхъ въ договоры съ сосѣдними князьями Юріемъ Галицкимъ, Иваномъ и Михаиломъ Можайскими, Василіемъ Боровскимъ, Борисомъ Тверскимъ, Иваномъ Суздальскимъ и другими [2]). Сынъ Василія, Иванъ, не оставилъ ни одного договора, въ которомъ не были бы признаны права его дѣтей на его княженіе [3]). Въ завѣщаніи Ивана Васильевича старшему его сыну, Василію, назначена часть, далеко превосходящая части его младшихъ братьевъ. Опасаясь, чтобы такое неравенство не возбудило зависти младшихъ братьевъ и не заставило ихъ подыскиваться подъ старшимъ, Иванъ Васильевичъ заставилъ младшихъ сыновей еще при жизни своей вступить въ договоръ со старшимъ, въ которомъ они обязались „блюсти, не обидѣть и не вступаться„ въ отказываемое старшему брату великое княженіе ни подъ нимъ, ни подъ его дѣтьми [4]). Послѣдній вел. князь Московскій, Василій Ивановичъ, на второй годъ послѣ рожденія перваго своего сына, Ивана, заключаетъ договоръ съ братомъ, Юріемъ, въ которомъ обязываетъ его „блюсти и не обидѣти, ни вступатися ни во что и не подыскивати великихъ княжествъ“ какъ подъ нимъ, такъ и подъ сыномъ его, Иваномъ. Къ тѣмъ же средствамъ прибѣгали и другіе князья для сообщенія прочности своимъ завѣщательнымъ распоряженіямъ. Всѣ договоры, на которые мы имѣли случай сослаться, были въ этомъ отношеніи строго обоюдные: какъ Юрій Ивановичъ обязывался не подыскиваться подъ дѣтьми вел. князя Московскаго, Василія Ивановича, также точно и Василій Ивановичъ принимаетъ на себя обязательство „блюсти и не обидити, ни вступатися“ подъ дѣтьми Юрія во все, чѣмъ благословилъ его отецъ ихъ вел. кньзь Иванъ Васильевичъ. Со-

---

[1]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 33, 73. А. А. Э, т. I. № 10.
[2]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 43, 46, 71, 77, 80.
[3]) См. договоры этого князя, напечатанные въ Р. С. Г. Г. и Д. ч. I.
[4]) Р. С. Г. Г, и Д ч. I. № 133 До насъ дошелъ только одинъ такой договоръ—съ Юріемъ. Возбуждалъ ли одинъ Юрій опасенія Ивана, или подобные договоры были заключены Василіемъ и съ другими братьями,—остается не яснымъ.

вершенно такія же обязательства выговариваютъ въ свою пользу князья: Владиміръ Серпуховскій, Юрій Галицкій, Иванъ и Михаилъ Можайскіе, Василій Боровскій, Иванъ Суздальскій, Андрей Углицкій, Борисъ Волоцкій, Иванъ Рязанскій, Борисъ и Михаилъ Тверскіе и другіе [1]).

И такъ, ни одному князю не принадлежало право одностороннимъ выраженіемъ своей воли назначить себѣ преемника, признаніе котораго было бы обязательно для народа и другихъ князей; но каждый изъ нихъ могъ пріобрѣсти это право въ силу особыхъ договоровъ какъ съ народомъ, такъ и съ князьями.

Остановимся на нѣкоторыхъ частностяхъ и прежде всего на вопросѣ о томъ, кому отказываютъ князья свои волости.

Выборъ преемника условливался чувствомъ любви и фактической возможностью доставить избранному князю дѣйствительное обладаніе назначеннымъ ему столомъ: сыновья назначались при жизни дядей и въ ущербъ имъ, младшіе братья передъ старшими и съ цѣлью ихъ исключенія.

По естественному порядку вещей самыя тѣсныя узы любви соединяютъ родителей и дѣтей. Согласно съ этимъ, упроченіе своей волости за дѣтьми составляетъ задачу каждаго князя: Ярославъ Владиміровичъ какже отказываетъ сое княженіе дѣтямъ, какъ и послѣдній Русскій ннязь, Василій Ивановичъ. Но случаи назначенія сыновей, встрѣчающіеся на протяженіи всего княжескаго періода, условливались не правомъ ихъ на волость, принадлежавшую отцу, а одной волей отца. Какъ скоро этой воли не было, отецъ могъ исключить сыновей. Такъ Юрій Владиміровичъ Ростовскій исключаетъ своего старшаго сына, Андрея, отъ всякаго участія во владѣніи принадлежавшимъ ему княженіемъ. Право отца назначить себѣ преемника помимо сына ясно выражено и Галицкимъ княземъ, Львомъ Даниловичемъ. Въ 1289 г. сынъ Льва, Юрій, занялъ Берестій, городъ, отказанный Волынскимъ княземъ, Владиміромъ, двоюродному брату его, Мстиславу. Когда Мстиславъ, не желавшій отказаться отъ Берестья, сталъ угрожать Льву войной и пригласилъ къ себѣ Татарскую помощь, послѣдній отправилъ такое посольство къ сыну: „поѣдь вонъ изъ города, не погуби земли. Мстиславъ послалъ взводить Татаръ. Не поѣдешь ли вонъ, аже ми будетъ смерть, по своемъ животѣ даю

---

[1]) См. договоры, приведенные въ предшествовавшихъ примѣчаніяхъ.

землю свою всю брату своему, Мстиславу; а тебѣ не дамъ, оже меня не слушаешь отца своего!“ [1]). Тоже начало проявляется и въ духовной грамотѣ Верейскаго князя, Михаила Андреевича, отказавшаго свое княженіе вел. князю Московскому, Ивану Васильевичу, помимо сына Василія [2]).

Естественному стремленію князей—передать свою волость сыну—приходилось имѣть дѣло со множествомъ постороннихъ интересовъ: третьи князья также могли заявить свои притязанія на столъ, завѣщанный сыну. Чтобы упрочить за послѣднимъ обладаніе назначаемымъ ему столомъ, надо было или устранить соперника, какъ это сдѣлалъ Ярославъ Владиміровичъ съ братомъ Судиславомъ, или обязать его договоромъ—„блюсти, не обидѣть и не подыскиваться“ подъ сыномъ. Если ни то, ни другое не было въ средствахъ завѣщателя, въ такомъ случаѣ ничего не оставалось болѣе, какъ отказаться отъ мысли передать всѣ свои владѣнія дѣтямъ и назначить часть ихъ, иногда самую лучшую, другимъ претендентамъ, чтобы цѣною этой уступки сохранить хоть что-нибудь за дѣтьми. Такимъ образомъ возникаетъ необходимость рядомъ съ дѣтьми дѣлать назначенія и въ пользу постороннихъ князей, напр. братьевъ. Такъ въ 1141 г. Мстиславъ Владиміровичъ, назначая своимъ преемникомъ по Кіевскому столу брата, Ярополка, оставляетъ сыновьямъ младшій столъ, въ Переяславлѣ [3]). Подобно этому Владимірскій князь, Константинъ, назначаетъ своимъ преемникомъ по главному Владимірскому столу брата Юрія, а сыновьямъ даетъ младшіе столы: Васильку—Ростовъ, а Всеволоду—Ярославль [4]). Точно также вынужденъ поступить и преемникъ Юрія, Владимірскій князь Ярославъ. Но сыновья его скоро оказались сильнѣе дяди: годъ спустя они вышли изъ воли завѣщателя и добыли себѣ Владиміръ.

Итакъ, согласно естественной обязанности родителей—обезпечить участь дѣтей, преемниками обыкновенно назначаются сыновья; братья же и другіе болѣе отдаленные родственники только въ тѣхъ случаяхъ, когда это было необходимо для достиженія той же цѣли—обезпеченія участи дѣтей.

Когда сыновей не было, преемникомъ назначался тотъ изъ князей, кто былъ ближе къ завѣщателю по чувствамъ любви

---

[1]) Ипат. 1289 г.
[2]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 118. 121.
[3]) Ипат. 1141 г., ср. Лавр. 1149.
[4]) Воскр. 1217 г., 1218 г.

внѣ всякой зависимости отъ степеней родства. Такъ Волынскій князь, Владиміръ Васильевичъ, отказываетъ свою волость младшему изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ Мстиславу, по мимо старшаго, Льва. Льву очень хотѣлось получить часть въ наслѣдіи Владиміра; мы приведемъ вполнѣ любопытное мѣсто лѣтописи, въ которомъ описаны сдѣланныя имъ съ этою цѣлью попытки послѣ того, какъ до него уже дошли слухи о содержаніи послѣдней воли Волынскаго князя. „Присла Юрій (сынъ Льва) посолъ свой, разсказываетъ лѣтописецъ, къ стрыеви своему, князю Володимеру, река ему: „господине, стрыю мой! Богъ вѣдаетъ и ты, како ти служилъ со всею правдою, имѣлъ тя, аки отца собѣ. Нынѣ господине, отецъ мой прислалъ ко мнѣ, отнимаетъ у меня городы, что ми далъ: Бѣльзъ и Червень и Холмъ, а велитъ ми быти въ Дарогичинѣ и въ Мельницѣ. А бью челомъ Богу и тебѣ, стрыеви своевому, дай ми, господине, Берестій!“ Володимеръ же рче послу: „сыновче! не дамъ. Вѣдаешь самъ, что я не двоюрѣчу: Богъ вѣдаетъ и вся поднебесная, не могу нарушити ряду, что есмъ докончалъ съ братомъ своимъ, Мстиславомъ, далъ ему землю свою всю и городы и грамоты пописалъ“, съ тѣми словами отряди посла сыновца своего“. Но Левъ не удовольствовался этимъ отказомъ и прибѣгъ къ новой уловкѣ: „Присла же потомъ, продолжаетъ лѣтописецъ, къ Володимеру Левъ епископа своего Перемышльскаго. Слуги же Володиміровы повѣдаше своему князю: „господине! владыка пріѣхалъ“. Онъ же рече: „который владыка?“ Они же повѣдаша: „Перемышльскій, ѣздить отъ брата ти, отъ Льва“. Володимеръ же бѣ разумѣя древняя и задняя, на что пріѣхалъ, посла по него. Онъ же войде къ нему и, поклонився ему до земли, река: „братъ ти ся кланяетъ!“ И велѣ ему Володимеръ сѣсти. И нача посольство правити: „братъ ти, господине, молвитъ: стрый твой, Данило король, а мой отецъ, лежитъ въ Холмѣ у Святой Богородицы и сынове его, братья моя и твоя, Романъ и Шварно, тамъ же лежатъ. А нынѣ, брате, слышалъ твою немочь великую, абы ты, брате мой, не изгасилъ свѣта надъ гробомъ стрыя своего и братьи своей, абы далъ городъ свой, Берестій: то бы твоя свѣща была!“ Володимеръ же бѣ разумѣя притчѣ и темно слово, зане бысть книжникъ великій и философъ, акогоже не бысть во всей земли и ни по немъ не будетъ, и рче епископу: „братъ, рци: Льве княже! ни безъ ума мя

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр. 2 л., 7.

творишь, оже не уразумѣю сей хитрости? Мала тебѣ своя земля, что Берестья хочешь? Самъ держишь три княженія— Галицкое, Перемышльское, Бѣльзское, да нѣту ти сыти? А еще рци: мой отецъ, а твой стрый, лежитъ во епископіи у святой Богородицы въ Володимерѣ, а много ли надъ нимъ свѣчъ поставилъ? что далъ, который городъ, абы то свѣча была? Просилъ бы еще живымъ, а то мертвымъ просишь! Не дамъ, не реку—города, но ни села не возмешь у меня, разумѣю я твою хитрость, не дамъ!" Послѣ смерти Владиміра, Юрій занялъ было Берестій, но въ виду рѣшительнаго намѣренія Мстислава отстаивать завѣщанную ему волость съ помощью Татаръ, принужденъ былъ очистить ее по приказанію отца [1]). Подобно Владиміру, Переяславскій князь, Иванъ Дмитріевичъ, отказалъ свою волость младшему дядѣ, Данилѣ Московскому, помимо старшаго, Андрея Владимірскаго: „того бо паче всѣхъ любляше", какъ объясняетъ лѣтописецъ это предпочтеніе [2]). Андрей не менѣе Льва желалъ увеличить свои владѣнія и поспѣшилъ было, по смерти Ивана, занять Переяславль своими намѣстниками, но, какъ и Галицкій князь, принужденъ былъ уступить силѣ.

Переходимъ къ вопросу о томъ, какъ поступали князья, когда у нихъ было нѣсколько сыновей. Изъ предыдущаго мы знаемъ, что княжеская Россія составляла не одно государство, а множество отдѣльныхъ волостей (княжествъ или удѣловъ), которыя то соединялись подъ властью одного князя, то являлись совершенно отдѣльными одна отъ другой подъ властью независимыхъ другъ отъ друга князей. Мы также знаемъ, что вѣчевое устройство установляло только слабую связь между отдѣльными пунктами поселенія одной и той же волости: какъ скоро тотъ или другой изъ нихъ достигалъ значительнаго развитія, онъ оказывалъ стремленіе къ обособленію и выдѣлялся въ самостоятельную волость. Въ завѣщаніяхъ князья согласовались съ этими особенностями древне-русскаго государственнаго устройства и, съ своей стороны, не мало способствовали еще большему раздробленію волостей. Если подъ властью завѣщателя соединялось нѣсколько отдѣльныхъ волостей, въ такомъ случаѣ, смотря по числу сыновей,—онъ или давалъ каждой изъ нихъ особаго князя, или удерживалъ

[1]) Ипат. 1287 г., 1288 г., 1289 г. Вотъ какъ описано въ лѣтописи впечатлѣніе, произведенное на Льва извѣстіемъ о томъ, что Мстиславъ пригласилъ уже на него татаръ: „Левъ же убояся того вельми: еще бо ему не сошла оскомина Телебужины рати".

[2]) Воскр. 1302 г.

нѣкоторыя въ личномъ соединеніи, или наконецъ выдѣлялъ изъ старыхъ волостей новыя, къ чему приходилось прибѣгать и въ томъ случаѣ, когда князь владѣлъ только одною волостью, а сыновей было много.

Но волости не были одинаковы по своему значенію: однѣ изъ нихъ были старшія и лучшія, другія младшія и худшія; а потому возникалъ вопросъ,—которому сыну дать лучшую волость, которому худшую? По естественному предпочтенію старшаго сына, какъ первенца, ему всего чаще назначалась лучшая волость. Но большаго права, чѣмъ другія сыновья, старшій не имѣлъ: онъ получалъ лучшій столъ не въ силу своего права, а въ силу отеческой воли, управляемой чувствомъ естественной привязанности. Если старшій сынъ не пользовался особенной привязанностью отца, отецъ былъ воленъ назначить старшій столъ, младшему. Такъ Ярославъ Галицкій назначаетъ Галичъ, старшій столъ, младшему сыну, Олегу, а старшему, Владиміру, Перемышль. Также поступаетъ и Владимірскій князь, Всеволодъ Юрьевичъ, вынужденный неповиновеніемъ старшаго сына, Константина.

Иногда для большаго уравненія сыновей вовсе не назначался особый князь на лучшій столъ, а поручался онъ совокупному вѣдѣнію всѣхъ сыновей съ тѣмъ, чтобы они дѣлили между собой по ровну получаемые съ него доходы. Подобныя распоряженія встрѣчаются въ духовныхъ грамотахъ Московскихъ князей, но можно думать, что они появились гораздо прежде [1]). Иванъ Даниловичъ Калита, назначая каждому изъ своихъ сыновей особую волость; Семену—Можайскъ, Коломну и проч., Ивану—Звенигородъ, Рузу и проч., Андрею—Лопастну, Серпуховъ и проч., о Москвѣ дѣлаетъ такое распоряженіе: „Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву". А изъ завѣщанія Ивана Ивановича узнаемъ, что каждый изъ трехъ кыновей Калиты получалъ третью часть доходовъ съ суда, тамги, мыта и со всѣхъ пошлинъ городскихъ что „къ городу потягло". Такъ образовалось извѣстное дѣленіе Москвы на трети и годы [2]), которое удержалось въ княжескихъ завѣ-

---

[1]) Совокупное управленіе и дѣлежъ доходовъ надо предполагать всякій разъ, какъ скоро говорится о двухъ князьяхъ въ одномъ и томъ же городѣ, а такіе случаи встрѣчаются съ древнѣйшихъ временъ. См. напр. Ипат. 1150 г., Соф. I. 1278 г.

[2]) Въ завѣщаніи Дмитрія Ивановича читаемъ: „приказываю отчину свою Москву дѣтямъ своимъ, к. Василію, к. Юрію, к. Андрею, к. Петру; а братъ мой, к. Володимеръ, вѣдаетъ свою третъ (т. е. треть Москвы), чѣмъ его благословилъ отецъ его, Андрей. А сына своего, к. Василья, благословляю на старѣйшій путь въ городѣ (т. е. Москвѣ) и въ стѣнахъ моего удѣла двою же-

щаніяхъ гораздо долѣе, чѣмъ самое побужденіе, его вызвавшее, уравненіе сыновнихъ удѣловъ [1]).

5) Съ Татаръ явился новый способъ пріобрѣтенія посредствомъ ханскихъ ярлыковъ. Для того, чтобы выхлопотать въ Ордѣ ярлыкъ на то или другое княженіе, были необходимы во первыхъ, деньги для подарковъ какъ самому царю, такъ и его приближеннымъ, а во вторыхъ, умѣнье говоритъ пріятныя царю рѣчи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно любопытенъ споръ, который имѣли передъ царемъ въ Ордѣ Галицкій князь, Юрій Дмитріевичъ, и послы Московскаго князя, Василія Васильевича, о великомъ княженіи Владимірскомъ. Сначала представители Московскаго князя доказывали права его тѣмъ, что на великомъ княженіи сидѣли отецъ и дѣдъ его, и что оно должно перейдти къ нему „по отчеству и по дѣтству". Юрію не трудно было поколебать силу этого аргумента ссылкою на лѣтописцевъ, изъ которыхъ видно, что переходъ стола отъ отца къ сыну далеко не составлялъ общаго правила въ княжеской Россіи. Кромѣ того, Юрій привелъ въ свою пользу завѣщаніе отца своего, Дмитрія Ивановича, въ которомъ между прочимъ сказано: „А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего князя Василія, а кто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжъ Васильевъ удѣлъ"... [2]). Юрій, придерживаясь буквы завѣщанія, имѣлъ

ребьевъ половина (т. е. половиною двухъ третей Москвы, соединившихся еще въ рукахъ отца Дмитріева, Ивана; по смерти старшаго сына Калиты, Семена); а тремъ сыномъ моимъ половина и въ пошлинахъ городскихъ половина (собственно треть Москвы). Изъ этой послѣдней трети, назначенной Юрію, Андрею и Петру, къ которымъ вскорѣ присоединился еще Константинъ, родившійся послѣ написанія завѣщанія,—образовались годы, потому что князья пользовались предоставленными имъ правами по годамъ; такъ въ завѣщаніяхъ Василія Васильевича и Ивана Васильевича упоминается годъ Петра Дмитріевича, годъ Константина Дмитріевича и др. Подобно этому треть Владиміра Андреевича между его сыновьями также раздробилась на годы; въ завѣщаніи этого князя читаемъ: „А приказываю вотчину свою Москву, свою треть, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой, дѣтямъ своимъ, сыну к. Ивану, к. Семену, к. Ярославу, к. Андрею, к. Василью, вѣдаютъ по годомъ".—Годы, въ свою очередь, дѣлились на полугодія. Такъ Борисъ Васильевичъ по завѣщанію отца своего получилъ на Москвѣ годъ, бывшій прежде за Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ; послѣ Бориса осталось двое сыновей, между которыми годъ отца ихъ раздробился на полугодія: см. завѣщаніе Ивана Васильевича Р. С. Г. Г. и Д. Ч. I.

[1]) Такъ Василій Васильевичъ, соединившій въ своихъ рукахъ почти всю Москву (кромѣ года Михаила Андреевича Верейскаго), хотя и назначаетъ старшему сыну, Ивану, удѣлъ. несравненно превосходящій удѣлы его братьевъ, на Москвѣ, однако, даетъ ему только одну треть. Точно также и Иванъ Васильевичъ, въ рукахъ котораго снова соединилась вся Москва (кромѣ полъ-года Ѳедора Борисовича), и который еще менѣе отца своего былъ озабоченъ урав, неніемъ сыновнихъ удѣловъ, тѣмъ не менѣе, повинуясь семейнымъ преданіямъ, назначаетъ на Москвѣ годы младшимъ сыновьямъ.

[2]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 34.

основаніе утверждать, что случай, предусматриваемый въ приведенной статьѣ, наступилъ: великій князь, Василій Дмитріевичъ, умеръ, а Юрій непостредственно слѣдовалъ за нимъ или, говоря словами завѣщанія, „былъ подъ Василіемъ“; а потому, если основываться на послѣдней волѣ Дмитрія Ивановича, великое княженіе принадлежало ему. Такимъ образомъ, записанные лѣтописцами прецеденты одинаково говорили какъ за, такъ и противъ Василія; что же касается до завѣщанія Дмитрія Васильевича, на первый взглядъ [1]) оно было прямо противно притязаніямъ его внука. Видя эти трудности, которыя не легко было разрѣшить въ пользу Василія, оставаясь на почвѣ княжескихъ обычаевъ, посолъ Московскаго князя измѣнилъ тактику и обратился ко всемогуществу Ордынскаго царя. „Государь, вольный царь! сказалъ онъ, ослободи молвити слово мнѣ, холопу великаго князя. Нашъ государь, вел. князь Василій, ищетъ стола своего, великаго княженія, а твоего улусу, по твоему цареву жалованью и по твоимъ девтерямъ и ярлыкамъ; а се твое жаловаванье передъ тобою! А господинъ нашъ, князь Юрій Дмитріевичъ, хочетъ взяти великое княженіе по мертвой грамотѣ отца своего, а не по твоему жалованью, вольнаго царя. А ты воленъ въ своемъ улусѣ, кого восхощешь жаловати, на твоей волѣ! А государь нашъ князь великій, Василій Дмитріевичъ, великое княженіе далъ своему сыну, вел. князю Василію, по твоему жалованію вольнаго царя; а уже, господине, который годъ сидитъ на столѣ своемъ, а на твоемъ жалованьи, тебѣ, своему государю, вольному царю, правяся, а самому тебѣ вѣдомо“ [2]). Эти льстивыя рѣчи понравились царю и онъ далъ великое княженіе Василію.

---

[1]) Воскр. 1432 г.

[2]) См. выше стр. 344 прим. 3 гдѣ указанъ дѣйствительный смыслъ приведеннаго мѣста.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

УПРАВЛЕНІЕ.

I. Правительственное дѣленіе.

На всемъ протяженіи разсматриваемаго періода, до самаго начала XVI вѣка, каждое княженіе составляетъ отдѣльную, самостоятельную правительственную область.

Полная независимость управленія отдѣльныхъ княженій нарушается только къ концу разсматриваемаго періода. Впрочемъ и это нарушеніе имѣетъ крайне частный характеръ: оно встрѣчается въ одномъ только завѣщаніи великаго князя Московскаго, Ивана Васильевича, относится только къ тѣмъ удѣламъ, которые онъ назначилъ своимъ сыновьямъ, и далеко не обнимаетъ всѣхъ отраслей управленія. Это ограниченіе правительственной дѣятельности отдѣльныхъ княженій касается во 1-хъ, права дѣлать монету, во 2-хъ, права суда въ дѣлахъ, возникающихъ изъ душегубства. По отношенію къ первому вопросу — право дѣлать монету Иванъ Васильевичъ предоставилъ только старшему сыну, вел. князю Московскому, Василію Ивановичу. Что же касается до суда по дѣламъ о душегубствѣ, то младшіе сыновья завѣщателя имѣли такое же право рѣшать ихъ окончательно въ своихъ удѣлахъ, какъ и ихъ старшій братъ въ своемъ, за слѣдующимъ исключеніемъ. Въ составъ удѣловъ, назначенныхъ младшимъ сыновьямъ, вошли между прочимъ такіе участки, которые при вел. князѣ Иванѣ тянули душегубствомъ къ городу Москвѣ; въ этихъ участкахъ судъ о душегубствѣ и по смерти Ивана Васильевича долженъ былъ вѣдать Московскій князь, Василій Ивановичъ, а не его младшіе братья, на долю которыхъ они достались.

Отдѣльныя княженія въ правительственномъ отношеніи дѣлились на волости или уѣзды и станы, и на города. Волости и уѣзды въ этомъ второмъ смыслѣ не синонимы княжествамъ, а ихъ подраздѣленіе.

Дѣленіе княженій на волости, или отдѣльные административные округа, которые поручались вѣдѣнію особыхъ мужей, встрѣчается съ глубокой древности. О первомъ Новогородскомъ князѣ, Рюрикѣ, говорится, что онъ роздалъ волости мужамъ своимъ [1]). Это раздѣленіе Новгорода на волости сохранилось до позднѣйшаго времени. Во всѣхъ Новгородскихъ грамотахъ находимъ особыя статьи, въ которыхъ говорится о Новогородскихъ волостяхъ, какъ объ административномъ дѣленіи Новгорода. Въ древнѣйшей изъ нихъ читаемъ: «Что волостей всѣхъ Новгородскихъ, того ти, княже, не держати своими мужи, но держати мужи Новгородскими; а даръ имати тобѣ отъ тѣхъ волостей. А безъ посадника тобѣ волостей не раздавати. А безъ вины ти мужа волости не лишити. А се волости Новгородскія: Волокъ, Торжокъ» и пр. [2]).

То же дѣленіе находимъ и въ другихъ княженіяхъ. Такъ Густ. лѣт. упоминаетъ о Галицкихъ волостяхъ, которыя также, какъ и Новгородскія, раздаются Галицкимъ мужамъ [3]). Подъ 1176 г. упоминаются Черниговскія волости, Лопастна и Свѣрилескъ; а подъ 1213 г. находимъ такое мѣсто: «и повоева всѣ волости Черниговскія по Днѣпру, державы Всеволодовы» [4]). О раздѣленіи Кіевскаго княженія на волости сохранилось свидѣтельство подъ 1195 г., гдѣ упоминается одна изъ Кіевскихъ волостей, выдѣленная Рюрикомъ зятю своему, Роману: эта волость называется «лѣпшею волостью», т. е. лучшею сравнительно съ другими Кіевскими волостями. Подъ 1211 г. сохранилось указаніе на такое же дѣленіе Владимірскаго княженія: Всеволодъ Юрьевичъ, желая передать по смерти своей Владимірской столъ второму сыну, Юрію, созываетъ бояръ своихъ изъ городовъ и волостей. Подъ 1476 г. упоминается Псковская волость, Гостятино, а подъ 1441 г. читаемъ, что Псковскій посадникъ Тимоѳей поѣхалъ «съ волостьми» ставить городъ Опочку [5]).

Съ XIV в., по мѣрѣ того, какъ слово волость все рѣже и

---

[1]) Лавр. 862 г. см. вар. е. Ср. еще Соф. I. 1269 г.
[2]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 1 и слѣд.
[3]) Густ. 1213 г.
[4]) Ипат. 1176 г., Густ. 1213 г.
[5]) Ипат. 1195 г., Воскр. 1211 г., Пск. I. 1476 и 1441 г.—Въ Новогр. I. подъ 1406 г: читаемъ: „Плесковичи ходиша войною къ Полотску и мало не взяша города, а волости Полотскія новоевавше и отъидоша“.

рѣже употребляется для обозначенія цѣлаго княженія, за нимъ исключительно остается значеніе составныхъ частей удѣла или княжества. Только въ такомъ смыслѣ встрѣчается оно въ завѣщаніяхъ и договорахъ Московскихъ князей. Изъ этихъ памятниковъ видно, что всѣ княженія, мало-по-малу вошедшія въ составъ Московскаго государства, подраздѣлялись на волости: великіе князья Московскіе, назначая эти княженія въ удѣлы своимъ сыновьямъ, къ имени главнаго города, которымъ прежде обозначалось то или другое отдѣльное княженіе, всегда прибавляютъ: «и съ волостями», напримѣръ: «Можайскъ—со всѣми волостями», «Коломну со всѣми Коломенскими волостями», «Галичъ со всѣми волостями», «Бѣлоозеро съ волостями»; въ тѣхъ же выраженіяхъ говорится о Владимірѣ, Переяславлѣ, Костромѣ, Суздалѣ, Нижнемъ, Муромѣ, Твери, Рязани, Пронскѣ, Переяславлѣ Рязанскомъ и пр. [14]).

---

[14]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 18, 21, 22, 25, 34, 48, 86, 127 и 144.—Назначая волости, князья переносили на своихъ преемниковъ право отправлять извѣстныя функціи княжеской власти, а не свою частную поземельную собственность, для обозначенія которой было употребительно выраженіе—село. Волость была правительственнымъ округомъ, отъ нея заимствовалъ свое имя и чиновникъ, которому она поручалась въ завѣдываніе, волостель. Въ договорной грамотѣ великаго князя Тверскаго, Михаила Борисовича, съ Московскимъ вел. кн. Иваномъ Васильевичемъ, читаемъ: „А кто имѣтъ холопа или должника, а поставитъ передъ волостелемъ, въ томъ ему вины нѣтъ; а выведетъ изъ волости, а передъ волостелемъ не поставитъ, въ томъ ему вина“. Р. С. Г. и Д. ч. 1 № 88. Въ жалованной грамотѣ Василія Дмитріевича митрополиту Фотію читаемъ: „ослободилъ отцу своему Фотію... купити въ (волости) Талшѣ деревню Яковльскую волостную; а что доселя та деревня тянула судомъ и всѣми пошлинами къ волости къ Талшѣ и нынѣчь та деревня потянетъ судомъ и всѣми пошлинами къ отцу моему Фотію..., опрочь дани моей и яму къ волости ей не тянути ни чѣмъ“. А. А. Э. т. I № 20. Въ другихъ жалованныхъ грамотахъ весьма обыкновенна такая статья: „а волостель вѣдаетъ своихъ людей волостныхъ и въ правдѣ и въ винѣ...“ См. тамъ же №№ 41, 52, 53 и др. и въ А. И. т. I № 49 и др.—Въ Москвѣ волости также раздавались мужамъ, какъ въ Новгородѣ и въ Галичѣ. Въ уста умирающему Дмитрію Ивановичу лѣтописецъ влагаетъ слѣдующія прощальныя слова къ боярамъ: „съ вами царствовахъ.. подъ вами грады держахъ и великія власти.“ Воскр. 1389 г. Ср. еще Новгр. IV. 1447 г., гдѣ плѣнъ и ослѣпленіе в. к. Московскаго, Василія Васильевича, объяснены его привязанностью къ Татарамъ, которымъ онъ раздавалъ города и волости въ кормленіе.—Въ княжескихъ завѣщаніяхъ села, какъ частная собственность князя, обыкновенно противополагаются волостямъ. Такъ въ завѣщаніи Ивана Даниловича послѣ перечисленія городовъ и волостей, назначаемыхъ имъ второму сыну, Ивану, слѣдуетъ особая рубрика: „а се села“, и за тѣмъ уже идетъ перечисленіе селъ, назначаемыхъ имъ тому же сыну. Въ томъ же порядкѣ идетъ и назначеніе удѣла третьему сыну. Андрею: „А се далъ есмь сыну своему Андрею: Лопастну, Сѣверьску, Нарунижьское, Серпоховъ, Нивну, Темну, Голичичи, Щитовъ, Перемышль, Растовець, Тухачевъ; а се села: Талежское, село Серпоховьское“ и пр. При назначеніи удѣла старшему сыну, Семену, хотя и опущена рубрика „а се села“, но все таки села перечислены отдѣльно, послѣ волостей. Въ завѣщаніи Дмитрія Ивановича выраженію „а изъ Московскихъ волостей“ противополагается выраженіе „а изъ Московскихъ селъ“. Есть волость Руза, впослѣдствіи—городъ, и есть село Рузьское, точно также есть волость Серпоховъ, впослѣдствіи городъ, и село Серпоховьское. Р. С. Г. Г. и Д. ч. №№ 21 и 22.—Московскіе князья владѣли громадной поземельной собствен-

Волости обозначаются обыкновенно именемъ главнаго пункта поселенія, въ которомъ, по всей вѣроятности, и имѣлъ свое мѣстопребываніе волостель. Къ этимъ главнымъ поселеніямъ приписывались менѣе значительныя села и деревни, что вмѣстѣ состовляло округъ волости. Волостель для отправленія правительственныхъ дѣйствій имѣлъ право ѣздить по всему округу своей волости. Въ силу этого волости и въ этомъ второмъ смыслѣ также усвояется наименованіе уѣзда. Указаніе на это находимъ въ завѣщаніи Ивана Даниловича Калиты. При исчисленіи Можайскихъ и Коломенскихъ волостей, назначаемыхъ имъ старшему сыну Семену, упоминается волость Похряне; а нѣсколько далѣе при исчисленіи селъ, передаваемыхъ тому же князю на правѣ частной собственности, читаемъ: «село на Сѣверцѣ, въ Похрянскомъ уѣздѣ».

Волостямъ противополагаются города, составляющіе по отношенію къ нимъ сораздѣленіе княжества. Къ городу приписываются окружающіе его села и деревни, съ которыми онъ и составляетъ особый правительственный округъ. Власти имѣютъ пребываніе въ самомъ городѣ, а приписанныя къ нему мѣста составляютъ ихъ уѣздъ. Указаніе на существованіе особыхъ городскихъ уѣздовъ находимъ между прочимъ въ Новгр. лѣт. подъ 1403 г., гдѣ читаемъ: «а въ Новгородскомъ уѣздѣ за 50 верстъ (а по другимъ спискамъ за 8) отъ Великаго Новгорода благословіемъ владыки Іоанна постави Порфирій Инамскій церковь древянну» и пр. [1]).

Противоположность города и волости могли обнаружиться весьма рано, но съ полною опредѣленностью отразилась она въ памятникахъ только съ XIV в. Въ завѣщаніяхъ Московскихъ князей города постоянно называются отдѣльно отъ волостей; только самые незначительные изъ нихъ, городки, перечисляются заурядъ съ волостями [2]). Въ другихъ памятникахъ того же времени по-

ностью, но имъ принадлежали далеко не всѣ села и деревни, входившія въ составъ волостей. Въ договорахъ князей не рѣдко встрѣчаемъ обоюдное обязательство „селъ и деревень въ такомъ-то удѣлѣ не купити“. Оно не можетъ относиться къ селамъ и деревнямъ, принадлежавшимъ самому князю; здѣсь дѣло идетъ о селахъ и деревняхъ, принадлежавшихъ боярамъ, вольнымъ слугамъ и вообще—христіанамъ, которыя наравнѣ съ княжескими селами составляли округъволости. -Съ завоеванія Новгорода въ 1478 г. начинается измѣненіе въ этомъ словоупотребленіи. Взятыя Иваномъ Васильевичемъ волости у Новгородцевъ—сдѣлались его частной собственностью, которая стала раздаваться въ помѣстья. Отсюда у частныхъ лицъ появляются части волостей, или волостки.

[1]) Новгр. III. 1403 г.—Сюда же относится встрѣчающееся въ княжескихъ завѣщаніяхъ выраженіе „Московскій городской уѣздъ“. Московскій городской уѣздъ состоялъ изъ селъ „на Москвѣ“ или „у Москвы“, которымъ противополагаются „Московскія села„, т. е. села въ Московскихъ волостяхъ. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 24, 86, 144.

[2]) Въ завѣщаніи Дмитрія Ивановича напр. между Звенигородскими воло-

стоянно различаются городскіе люди и волостные, какъ принадлежащіе къ разнымъ вѣдомствамъ [1]). Въ уставной Бѣлозерской грамотѣ конца XV в. выводная куница опредѣляется въ одинаковомъ размѣрѣ какъ за переходъ дѣвицы изъ одной волости въ другую Бѣлозерскую волость, такъ и за ея переходъ изъ волости въ городъ и обратно, что указываетъ на то, что городъ составлялъ такой же административный округъ, какъ и волость [2]). Уѣзды волостей и городовъ были далеко не одинаковы по своимъ размѣрамъ и не рѣдко измѣнялись: нѣсколько волостей соединяли въ одну, если хотѣли доставить лицу, которому онѣ поручались въ завѣдываніе, болѣе значительное содержаніе; въ противномъ случаѣ, большая волость дробилась на нѣсколько мелкихъ.

Къ концу разсматриваемаго періода для обозначенія волости начинаетъ входить въ употребленіе новый терминъ—станъ. Что станъ въ смыслѣ административнаго округа есть ничто иное, какъ новое наименованіе волости, это видно изъ сличенія двухъ дошедшихъ до насъ Бѣлозерскихъ грамотъ, и изъ нѣкоторыхъ мѣстъ княжескихъ договоровъ и завѣщаній. Въ началѣ уставной Бѣлозерской грамоты читаемъ: «пожаловалъ своихъ людей Бѣлозерцевъ, горожанъ и становыхъ людей и волостныхъ всѣхъ Бѣлозерцевъ»... А далѣе, гдѣ говорится о кормѣ намѣстнику и о распредѣленіи Бѣлозерскихъ мѣстъ между подвѣдомственными ему чиновниками, упоминаются только горожане и становые люди, городъ и станы. Такъ какъ намѣстнику поручалась вся Бѣлозерская земля и кормъ шелъ ему со всѣхъ Бѣлозерцевъ, то опущеніе волостей и волостныхъ людей въ этихъ двухъ случаяхъ можетъ быть объяснено только предположеніемъ, что волости и станы суть два разныхъ названія для обозначенія одно-

---

стями названъ „Руза городокъ“, между Московскими „Шерна городокъ“; въ завѣщаніи Василія Васильевича въ числѣ Коломенскихъ волостей находимъ „городокъ Брашеву“; въ завѣщаніи Ивана Васильевича между Дорогобужскими волостями стоитъ „Лучинъ городокъ“, а между Шохонскими „городокъ Княжичи“. Не городскія волости по мѣрѣ усиленія главнаго поселенія переходятъ въ городскія. Такъ въ завѣщаніи Ивана Даниловича—Серпуховъ просто волость, а въ завѣщаніи внука его, Владиміра Андреевича, это главный городъ удѣла, къ которому приписываются другія волости. То же повторилось съ Звенигородомъ и нѣкоторыми другими волостями.

[1]) Въ жалованной грамотѣ Звенигородскаго князя, Юрія Дмитріевича, Саввo-Сторожевскому монастырю читаемъ; „А правъ ли, виноватъ ли городской или волостной человѣкъ, и онъ въ правдѣ и винѣ намѣстникомъ моимъ и волостелямъ...; а игуменъ съ братіею въ городнаго и волостнаго человѣка не вступаются“. Въ жалованной грамотѣ Углицкаго князя Троицкому Сергіеву монастырю читаемъ: „А случится судъ смѣстной городскимъ людямъ, или волостнымъ съ монастырскими, и мои намѣстники Углицкіе или волостели Кинельскія... судятъ, а игуменовъ приказникъ съ ними же судитъ“. А. И. т. I. №№ 15, 74. Ср. еще тамъ же № 83 и въ А. А. Э. т. I №№ 44, 51, 111 и др.

[2]) А. А. Э. т. I № 123.

го и того же правительственнаго дѣленія [1]). Какъ станы въ Бѣлозерской грамотѣ употребляются вмѣсто волостей, такъ и наоборотъ, волости—вмѣсто становъ. Въ концѣ разбираемаго акта читаемъ: «а кто дастъ дочерь за мужъ, изъ города въ волость, или изъ волости въ городъ, или изъ волости въ волость, и онъ дастъ за выводную куницу—алтынъ». Здѣсь не упоминаются станы, но вовсе не потому, чтобы переходъ дѣвицы изъ одного стана въ другой или изъ стана въ волость и въ городъ и на оборотъ не условливалъ выводной куницы: она не бралась, какъ показано нѣсколько ниже, только въ случаѣ замужества въ предѣлахъ одного и того же города, стана или волости. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, волостями названы станы. Что станы въ Бѣлоозерѣ не составляли правительственнаго дѣленія, отличнаго отъ дѣленія на волости, это подтверждается еще таможенной Бѣлозерской грамотой, писанной 9 лѣтъ позднѣе. Въ этой грамотѣ говорится только о волостныхъ и городскихъ людяхъ, и ни разу о становыхъ, что было бы невозможно, если бы волости не означали то же, что станы. Подобно этому и въ завѣщаніи Ивана Васильевича городъ Бѣлоозеро отказывается «съ волостьми съ путьми и съ селы и со всѣми пошлинами», а о станахъ также не говорится ни слова [2]). Указаніе на такое же значеніе стана находимъ и въ завѣщаніи Серпуховскаго князя, Владиміра Андреевича. Двумъ своимъ сыновьямъ, Семену и Ярославу, онъ отказываетъ «Городецъ на Волзѣ и станы на полы». Нѣсколько далѣе, при перечисленіи становъ, встрѣчаемся съ слѣдующими именами: Бѣлогородье, Юрьевецъ, Корякова слобода и Чернякова. А въ договорѣ вел. князя Василія Дмитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ, по которому послѣдній и пріобрѣлъ Городецъ, означенныя четыре мѣста поименованы подъ рубрикою —«Городецкихъ волостей» [3]). Въ разсматриваемый періодъ новый терминъ употреблялся далеко не повсемѣстно: въ княжескихъ завѣщаніяхъ и договорахъ имъ пользуются почти исключительно для обозначенія правительственныхъ подраздѣленій Московскаго удѣла; въ другихъ же удѣлахъ, Можайскомъ, Коломенскомъ, Владимірскомъ, Переяславскомъ и пр. упоминаются только волости [4]).

---

[1]) „Взоѣжжаго корму горожане и становые люди намѣстникомъ нашимъ на взоѣздъ что кто принесетъ, то имъ взяти... А намѣстникомъ нашимъ у нихъ держати въ городѣ и во стѣнахъ два тіуна, да десять доводчиковъ, во станѣхъ десять доводчиковъ, да два въ городѣ“... А ниже въ статьяхъ о душегубствѣ снова, упоминаются не только городъ и станы, но и волости.

[2]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 144

[3]) Тамъ же, №№ 38, 40.

[4]) На значеніе стана, какъ правительственнаго округа въ Московскомъ

По первоначальному значенію своему слово станъ вовсе не обозначало правительственнаго округа: станъ означаетъ собственно только мѣсто остановки. Еще начальная лѣтопись говоритъ о становищахъ Ольги, т. е. мѣстахъ, гдѣ она останавливалась во время объѣзда Древлянской земли [1]). Изъ позднѣйшаго времени имѣемъ извѣстіе, что мѣста остановки волостелей, во время объѣзда ими своихъ уѣздовъ, также назывались станами [2]). Хотя эти станы не составляли особыхъ правительственныхъ округовъ, одинаково вѣдались однимъ и тѣмъ же волостелемъ и произвольно переносились имъ съ одного мѣста на другое, но въ послѣдствіи, при дѣленіи крупныхъ волостей на болѣе мелкія, «пошлые» станы могли быть взяты за основаніе дѣленія и такимъ образомъ могли сообщить свое имя вновь образуемымъ волостямъ.

Города и волости дѣлятся въ свою очередь на болѣе мелкія правительственныя единицы—сотни, потуги и погосты, которые вѣдались особыми чинами въ лицѣ сотскихъ и старостъ.

Сотни, подъ которыми никакъ не должно разумѣть дѣйствительной ариѳметической сотни, представляютъ одно изъ древнѣйшихъ дѣленій, которое было вызвано первыми потребностями военнаго и финансоваго управленія. Въ Кіевѣ сотскіе упоминаются еще при Владимірѣ Святомъ, который приглашалъ ихъ на свои придворные пиры вмѣстѣ съ боярами, гридями и на-

---

удѣлѣ, указываетъ слѣдующее выраженіе „а что дѣтямъ своимъ села подавалъ въ Московскихъ стѣнахъ“... и под., къ которымъ приравниваются совершенно такія же выраженія о волостяхъ, напр.: „А изъ волостей изъ Дмитровскихъ даю сыну своему Василью: Селну, Гуслицу и пр., и что будетъ въ тѣхъ волостѣхъ селъ“... Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 51, 144. Кромѣ Москвы въ завѣщаніяхъ княжескихъ станы упоминаются: около Городца, въ Углечѣ полѣ, въ Рузѣ и на р. Шекснѣ, станъ Веретейка, хотя и не всегда ясно, въ какомъ значеніи. Тамъ же №№ 40, 83, 144.—Въ другихъ памятникахъ встрѣчаемъ еще нѣкоторыя указанія, см. А. И. т. I, № 115. А. А. Э. т. I №№ 4, 74.—По мнѣнію С. М. Соловьева станы составляютъ подраздѣленіе волостей, Исторія, т. III. стр. 3², изд. втор.; по мнѣнію Неволина, наоборотъ, станы дѣлились на волости. Пол. собр. его соч., т. VI. стр. 108. Ни тотъ ни другой авторъ, къ сожалѣнію, не указываетъ источниковъ, на которыхъ основывается.

[1]) Карамзинъ, основываясь на одномъ мѣстѣ лѣтописца Соловецкаго монастыря, думаетъ, что „становищами также назывались хуторы и домы, гдѣ можно было приставать“. Истор. I. т. VII гл. 377 пр. Что станъ дѣйствительно означалъ иногда частную собственность князя, его хуторъ, указаніе на это можно видѣть и въ такихъ выраженіяхъ какъ напр. „бортный станъ“. Бортники, бобровники и другіе дѣловые люди селились обыкновенно на земляхъ князя и составляли его промыслъ. Надо думать, что въ такихъ промысловыхъ селеніяхъ князей были ихъ собственныя становища, или станы. Отсюда поселенія этого рода и назывались иногда станами, такъ въ завѣщаніи вел. кн. Москов., Ивана Ивановича упоминается „медовый оброкъ Васильцева стана“, а въ завѣщаніи вел. кн. Ивана Васильевича, встрѣчаемъ „волость Юлку съ бортнымъ станомъ“. Если такое промысловое селеніе князя доходило до значительныхъ размѣровъ, оно организовалось въ особую волость, при чемъ ловчій получалъ права волостеля. Р. С. Г. Г. и Д. ч. 1. №№ 40, 87, 144; А. А. Э. т. I № 150.

[2]) А. И. т. I № 70.

рочитыми людьми. О раздѣленіи Новгорода (самаго города) на сотни встрѣчаемъ первое извѣстіе въ уставѣ о мостовыхъ, приписываемомъ сыну Владиміра, Ярославу. Въ XII в. сотскіе упоминаются въ Псковѣ [1]). Въ Новгородѣ на сотни дѣлились только горожане, волостные же или земскіе люди дѣлились на потуги и погосты [2]). Въ другихъ мѣстахъ дѣленіе на сотни было употребительно и для волостей. Такъ въ Берестьи сотни противополагаются горожанамъ и, слѣдовательно, составляютъ дѣленіе волости [3]). Въ московскомъ княженіи и въ выдѣлявшихся изъ него удѣлахъ сотниками вѣдаются черные и тяглые люди вообще, слѣдовательно, здѣсь на сотни одинаково дѣлятся какъ города, такъ и волости, ибо черные и тяглые люди составляютъ населеніе и тѣхъ и другихъ [4]).

Погостъ былъ собственно церковнымъ дѣленіемъ, а потому мы и не встрѣчаемъ никакихъ гражданскихъ властей, которыя бы заимствовали отъ него свое имя [5]). Погостъ означалъ во 1-хъ, мѣсто, на которомъ стояла церковь и дворы церковнослужителей и во 2-хъ деревни, жители которыхъ составляли приходъ церкви [6]). Этими готовыми уже округами пользовались иногда и для правительственныхъ цѣлей, напр. для обложенія податями [7]).

Русская Правда упоминаетъ вервь въ смыслѣ административной единицы, члены которой составляютъ въ этомъ отношеніи одно цѣлое. Административное значеніе верви видно изъ того, что

---

[1]) Воскр. 996 г., Ипат. 1178 г.; ср. еще Пск. I. 1461 г. Для Галича см. Ипат. 1231 г.

[2]) Въ договорн. грам. Новгрода съ вел. кн. Московскимъ, Иваномъ Васильевичемъ, читаемъ: "а купецъ поѣдетъ во сто, а смердъ потянетъ въ свой потугъ„. А. А. Э. т. I № 57, Р. С. Г. Г. и Д. ч. № 20. Тамъ же въ № 9 и 15 вмѣсто "потугъ„ читаемъ "погостъ„. Ср. еще Новгрд. I. 1230 г.: "а добытокъ Семеновъ и Водовиковъ по стомъ раздѣлиша„; Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 2: "Благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадника.., тысяцкаго... и ото всѣхъ сотскихъ... и отъ всѣхъ старѣйшихъ и ото всего Новгорода, къ князю Ярославу„. и А. И. т. I. № 17.

[3]) Ипат. 1289 г.

[4]) Въ жалованной грам. Звенигородскаго князя Савво-Сторожевскому монастырю читаемъ: „а которые люди имуть жити на тѣхъ земляхъ Московскихъ, и тѣмъ людямъ ненадобѣ моя дань, ни ямъ, ни подводы..., ни къ сотскому, ни десятскому съ тяглыми людьми не тянутъ ни въ которые проторы и въ разметъ, ни въ иныи которыи пошлины". Ср. подобныя же выраженія: А. А. Э. т. I. №№ 19, 44, 46, 111, 120. 132, и Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 27.

[5]) См. Ѳ. М. Дмитріева Истор. судеб. инст. стр. 27 и Б. Н. Чичерина Област. учрежд. стр. 86 пр. 3.

[6]) См. Новгородскія писцевыя книги.

[7]). Такъ напр. въ уставѣ Смоленскаго князя, Ростислава Мстиславича, дань съ Вержавлянъ показана по погостамъ. Д. къ А. И. т. I. № 4: ср. еще тамъ же № 17, и въ А. А. Э. № 1. Кромѣ Новгорода и Смоленска въ разсматриваемое время погосты упоминаются въ Рязани, А. И. т. I № 2, Брянскѣ, Торопцѣ и Мѣсческѣ Р. С. Г. Г. и Д. ч I, № 144. — Относительно дѣленія на пятины см. Неволина Зап. Импер. Рус. Геогр. Общ., кн. VIII.

члены верви должны были выдать преступника или отвѣчать за совершенное имъ преступленіе.

Относительно происхожденія слова вервь мы имѣемъ два мнѣнія. Нѣкоторые изслѣдователи (Погодинъ) говорятъ, что слово это занесено къ намъ Норманнами, они сближаютъ его съ норманскимъ словомъ hwarf, означающимъ также округъ. Другіе (Соловьевъ, Миллеръ) производятъ слово «вервь» отъ веревки; на этомъ основаніи думаютъ, что вервь составляла округъ, границы котораго опредѣлялись измѣреніемъ веревкою. Дѣйствительно, въ источникахъ есть указаніе, свидѣтельствующее о томъ, что веревка (вервь), употреблялась у насъ какъ единица земельной мѣры; такъ напр., говорится: «а тое земли на три доли достанется двадцать три веревки». Но какъ была велика въ данномъ случаѣ веревка, неизвѣстно. Трудно однако допустить, чтобы въ древности всѣ верви были точно обмѣрены. Огороды и пахатныя земли можетъ быть измѣрялись уже съ древнѣйшихъ временъ; но лѣса и луга не измѣрялись даже и въ сравнительно позднѣйшее время; этихъ угодій было очень много и каждый пользовался ими въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ чувствовалъ потребность.

Какъ была велика вервь и въ какомъ отношеніи стояла она къ дѣленію на городскіе и волостные уѣзды и къ ихъ подраздѣленіямъ, мы не знаемъ. Мнѣніе о томъ, что вервь равнялась посадничеству, т. е. городскому округу, есть только предположеніе. Подробное описаніе верви, предлагаемое Лешковымъ, все основано на однихъ предположеніяхъ.

Нашу вервь сближаютъ нѣкоторые изслѣдователи съ учрежденіемъ, существующимъ у западныхъ Славянъ и извѣстнымъ подъ именемъ задруги. Относительно южнославянской задруги мы имѣемъ весьма любопытный матеріалъ, изданный недавно проф. Новороссійскаго Унив. Богишичемъ, составившимъ сборникъ Черногорскихъ и вообще южнославянскихъ обычаевъ, подъ заглавіемъ «Сборникъ правовыхъ обычаевъ южныхъ Славянъ.» Въ томъ видѣ, въ какомъ представляется задруга по этому сборнику, ее трудно сближать съ нашею вервью. Богишичъ составилъ программу вопросовъ, касающихся задруги (ея состава, отношенія членовъ и пр.) и разослалъ ее въ разныя мѣстности съ просьбою дать отвѣты. Собранный имъ матеріалъ очень любопытенъ, но пользоваться имъ надо съ осмотрительностію. Народъ и интеллигенція часто плохо понимаютъ другъ друга. Эта трудность пониманія проявилась и въ данномъ случаѣ. Богишичу давались иногда отвѣты совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ онъ спра-

шивалъ. Вмѣсто того, чтобы указать на правовые обычаи, въ отвѣтахъ указываются нерѣдко факты одни. Поэтому, прежде чѣмъ дѣлать выводы, слѣдуетъ критически разобрать напечатанный матеріалъ.

На основаніи отвѣтовъ, собранныхъ у Богишича, задруга представляется свободнымъ соединеніемъ родственниковъ. Положимъ, что по смерти отца осталось нѣсколько его взрослыхъ дѣтей и внуковъ, которые вмѣстѣ составляютъ 15—20 человѣкъ. Допустимъ, что эти близкіе родственники не раздѣлятъ между собой оставшееся послѣ смерти отца имущество, а оставаясь жить вмѣстѣ, будутъ пользоваться имъ какъ общею собственностью. Это и будетъ задруга. Для общаго управленія имуществомъ задруги назначается особенный представитель, носящій названіе «домачина» или «старѣйшины». Для управленія и распоряженія женскими работами назначается домачица, обыкновенно жена домачина. Въ составъ задруги входятъ только родственники, а постороннія лица не допускаются, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ. Домачинъ дѣйствуетъ подъ контролемъ членовъ задруги, которымъ онъ отдаетъ отчетъ во всѣхъ своихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ; безъ совѣта членовъ задруги онъ не можетъ ни купить, ни продать недвижимаго имущества, а если покупаетъ какія нибудь мелкія вещи, то въ томъ предположеніи, что члены задруги одобрятъ потомъ его покупку. Права суда надъ членами задруги у домачина нѣтъ. Онъ можетъ только малолѣтковъ по своему усмотрѣнію наказывать. Если же онъ недоволенъ кѣмъ либо изъ взрослыхъ, то долженъ призвать всѣхъ членовъ задруги, и предложить свое мнѣніе, относительно провинившагося, на общее разсмотрѣніе. Если члену задруги не нравятся общіе порядки, то онъ можетъ требовать выдѣла своей части изъ общей собственности и выйти изъ задруги. Соотвѣтственно этому и домачинъ можетъ, съ согласія всѣхъ членовъ задруги, выдѣлить извѣстнаго члена и выключить его изъ задруги. Такимъ образомъ, каждый членъ состоитъ въ задругѣ до тѣхъ поръ, пока ему это нравится. Въ послѣднее время у южныхъ славянъ замѣтна особенная склонность къ выдѣлу изъ задруги. Причиною этого, по большей части, являются жены членовъ задруги, которыя ссорятся между собою, возбуждаютъ между мужчинами взаимныя неудовольствія и такимъ образомъ дѣло доходитъ до раздѣла. Домачинъ не всегда избирается членами задруги, нерѣдко умирающій отецъ призываетъ старшаго сына, или одного изъ младшихъ и дѣлаетъ его еще при своей жизни домачиномъ; а иногда послѣ смерти отца одинъ изъ бо-

лѣе энергическихъ членовъ семейства, безъ формальнаго согласія со стороны другихъ членовъ задруги, начинаетъ завѣдывать всѣмъ хозяйствомъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ предполагается молчаливое согласіе со стороны остальныхъ членовъ задруги.

Въ такомъ видѣ представляется южно-славянская задруга; ее трудно сближать съ нашею древнею вервью. Мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, что наша вервь была семейною общиною. Скорѣе есть основаніе думать, что она была территоріальною общиною, въ составъ которой входили по общему правилу не родственники только, а всѣ члены общины.

Все, что находилось въ предѣлахъ княжества, подлежало вѣдѣнію общихъ судебныхъ и административныхъ учрежденій; исключенія (иммунитеты) допускались только въ силу особаго акта въ формѣ завѣщанія, или жалованной грамоты. Такія исключенія обыкновенно состояли въ освобожденіи извѣстнаго округа отъ княжескихъ даней, пошлинъ и повинностей и отъ суда княжескихъ чиновниковъ, права и обязанности которыхъ переходили въ такомъ случаѣ на тѣ лица, въ пользу которыхъ установлялось исключеніе. Освобожденіе отъ суда и даней было или полное, или съ ограниченіями; въ послѣднемъ случаѣ въ вѣдѣніи княжескихъ чиновниковъ обыкновенно оставлялось душегубство и разбои, изъ повинностей же—въ пользу князя выговаривались иногда дань и ямь, иногда одна дань и пр. Такіе исключенные изъ общаго вѣдомства участки назывались иногда волостями по отношенію къ тѣмъ лицамъ, въ пользу которыхъ дѣлалось исключеніе [1]); наименованіе волостью обусловливалось здѣсь переносомъ на пожалованное лице права отправлять нѣкоторыя функціи княжеской власти.—Въ составъ округа, вынутаго изъ вѣдомства общихъ судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ, входятъ не однѣ только земли, принадлежащія на правѣ частной собственности тому лицу, въ пользу котораго сдѣлано изъятіе; къ нимъ приписываются иногда и земли, принадлежащія третьимъ лицамъ [2]).

Исключенія дѣлались въ пользу княгинь, монастырей и церквей, и частныхъ лицъ [3]).

---

[1]) Въ жалов. грам. митрополита Іона читаемъ: „пожаловалъ Андрея Афанасьева, что сѣлъ на своей куплѣ, на Голятовской пустоши, въ волости Пречистыя Богородицы и въ моей"... А. А. Э. т. I. № 45. Ср. еще тамъ же № 155. Въ томъ же смыслѣ надо, кажется, понимать и извѣстіе Соф. I. подъ 1417 г.

[2]) Жалов. грамота вел. князя Василія Васильевича Ивану Петелину устанавляетъ исключеніе только для села и деревень, составляющихъ собственность самого Петелина, А. А. Э. т. I. № 46; наоборотъ, изъ только-что приведенной грам. митрополита Іоны видно, что въ составъ его волости входятъ и купли третьихъ лицъ.—Ср. слѣдующее прим. подъ 1).

[3]) 1) Особенно большихъ размѣровъ достигали округи, исключаемые въ пользу

Дошедшія до насъ жалованныя грамоты не восходятъ далѣе XIV в.; всѣ онѣ писаны отъ имени князя, въ исключительномъ завѣдываніи котораго находились судъ и дани [1]). Въ чью пользу разъ установлялось исключеніе, тотъ пользовался имъ какъ своимъ частнымъ правомъ и могъ въ принадлежащемъ ему округѣ установлять новыя исключенія—отъ своего суда и своихъ повинностей. Примѣры такихъ вторичныхъ исключеній находимъ въ жалованныхъ грамотахъ княгинь и митрополитовъ [2]).

Таково было правительственное дѣленіе Русскихъ княженій. Оно представляетъ три степени округовъ, каждому изъ которыхъ соотвѣтствовали особые органы управленія. Высшую степень составляетъ княженіе, волость, удѣлъ, или уѣздъ; за тѣмъ слѣ-

вдовствующихъ княгинь; не только собственныя ихъ села и деревни освобождались отъ суда княжескихъ волостей, но изъ удѣловъ князей-сыновей вынимались цѣлыя волости и города и предоставлялись княгинямъ съ правомъ суда и дани. Свѣдѣнія о такихъ передачахъ особенно обильны изъ Московскаго времени, но встрѣчаются и изъ эпохи предшествовавшей, хотя и въ слишкомъ краткихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, см. напр Ипат. лѣт. 1159 г., 1187, 1287 г.—Участки, которые предоставлялись княгинямъ по завѣщаніямъ, не назывались ни ихъ удѣлами, ни княжествами. Иванъ Даниловичъ назначилъ нѣсколько волостей княгинѣ своей, но въ началѣ завѣщанія онъ говоритъ: „се есмь раздѣлъ учинилъ сыномъ своимъ“, а не сыномъ и княгинѣ. Точно также и сыновья его этотъ участокъ не называютъ ни удѣломъ, ни княжествомъ; въ завѣщаніи Ивана Ивановича объ немъ говорится въ такихъ выраженіяхъ: „А княгиня Ульяна по отца моего кн. вел. по грамотѣ по душевной вѣдаетъ волости и осмничье и села до своего живота“.—Право суда предоставлялось княгинямъ безъ всякихъ ограниченій; см. завѣщанія Московскихъ князей, Василія Дмитріевича и Василія Васильевича.—2) Исключенія, дѣлаемыя въ пользу монастырей и церквей, весьма разнились по объему предоставляемыхъ этимъ послѣднимъ правъ, ср. А. А. Э. т. 1 №№ 5, 7, 17, 20, 34, 39; и А. И. т. I №№ 15, 28; по большей части они ограничивались землями, составлявшими собственность монастырей и церквей. 3) Исключенія, установляемыя для частныхъ лицъ, дѣлались какъ въ пользу одного лица, такъ и въ пользу цѣлыхъ обществъ. Въ первомъ случаѣ исключаемыя территоріи составлялись изъ частной собственности тѣхъ лицъ, на чье имя писалась жалованная грамота см. А. А. Э. т. I. №№ 44, 46, 111, 120, 132, 149 и А. И. т. I. № 115, и изъ земель жалуемыхъ въ помѣстья, см. А. А. Э. т, I. № 141. По всѣмъ дошедшимъ до насъ грамотамъ этого рода исключенія не простираются на душегубство и разбои.—Во второмъ случаѣ въ силу исключенія возникали слободы, права которыхъ также опредѣлялись въ жалованныхъ грамотахъ; въ договорѣ Юрія Дмитріевича съ Василіемъ Васильевичемъ читаемъ: „а у кого будутъ въ Бѣжицкомъ вересѣ грамоты жалованныя отца твоего великаго князя, или твои у бояръ или на слободы, или у иного у кого“. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 39. Въ А. А. Э. ч. 1 подъ № 102 отпечатана одна изъ такихъ грамотъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ исключеніе установляется не столько въ пользу самой слободы, сколько въ пользу Покровскаго монастыря.—Неволинъ думаетъ, что при вел. кн. Московскомъ, Иванѣ Васильевичѣ, уничтожились изъятія отдѣльныхъ лицъ отъ подчиненности общему управленію. Полн. собр. его сочин. т. VI стр. 121. Это мнѣніе не можетъ быть принято: Иванъ Васильевичъ самъ не рѣдко установлялъ исключенія; см. А. А. Э. т. I. №№ 111, 120, 122, 124, 131, 139.

[1]) Только въ Новгородѣ, гдѣ долѣе сохранились вѣчевые порядки, встрѣчаемъ ограниченіе права князей раздавать жалованныя грамоты. Въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ весьма обыкновенно слѣдующее условіе: „А безъ посадника ти, княже... грамотъ не даяти“. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 9. Ср. еще А. А. Э т. I № 42, 62.

[2]) См. А. А. Э. т. I, №№ 41, 45.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб. Вас. Остр., 2 л., 7.

дуетъ подраздѣленіе княженій на города, волости, станы или уѣзды; эти послѣдніе въ свою очередь дѣлятся на сотни, потуги и погосты.—Отсутствіе особыхъ терминовъ для двухъ первыхъ степеней, которые употреблялись бы исключительно для обозначенія той или другой изъ нихъ, въ значительной мѣрѣ затрудняетъ изученіе древняго правительственнаго дѣленія. Подыскиваніе въ источникахъ такихъ выраженій, какъ волость, уѣздъ, станъ, еще ничего не рѣшаетъ: для каждаго отдѣльнаго случая долженъ быть особо установленъ смыслъ этихъ выраженій, которыя то совпадаютъ, то обозначаютъ совершенно разныя понятія, иногда даже не имѣющія никакого отношенія къ правительственному дѣленію [1]). По состоянію источниковъ это установленіе точнаго смысла далеко не во всѣхъ случаяхъ бываетъ возможно. По мѣрѣ того, какъ слагалось Московское государство, эти затрудненія не уменьшались, а увеличивались, ибо отдѣльныя княженія, мало-по-малу входившія въ его составъ, удерживали до нѣкоторой степени свою особность, что вносило еще большую путанницу и безъ того уже въ запутанную терминологію [2]).

II. Органы управленія.

1) Управленіе князя.

Наши источники говорятъ, главнымъ образомъ, объ органахъ княжескаго управленія; но рядомъ съ княжескимъ управленіемъ существовало и самоуправленіе общинъ. Самое управленіе князя, по скольку князья занимали столы по призванію народа, или съ его согласія, представляется въ значительной степени народнымъ. А потому, князь, заключившій съ народомъ рядъ на княженіе, можетъ быть разсматриваемъ какъ органъ самоуправленія кня-

---

[1]) Такъ слово волость употребляется еще для обозначенія нѣкоторыхъ особыхъ княжескихъ правъ; въ этомъ смыслѣ право собирать тамгу напр. составляетъ волость. Въ завѣщаніи Ивана Даниловича Калиты читаемъ: „А изъ городскихъ волостей даю княгини своей осмничее; а тамгою и иными волостми городскими подѣлятся сынове мои“... Въ жалованной грамотѣ Рязанскаго в. к., Ивана Ѳедоровича, читаемъ: „...пожаловалъ игумена Ларивонья Пречистыя монастыря Солотченскаго: далъ село свое Филиповиче съ уѣздомъ, по кое мѣсто уѣздъ былъ къ намъ и моей госпожи великой княгини Софьи“... А. И. т. I, № 36. Выраженіе „село съ уѣздомъ“ означаетъ здѣсь тоже, что въ другихъ подобныхъ грамотахъ слѣдующая описательная форма: „село съ деревнями и съ пустошми, и съ лѣсомъ съ пожнями, куда топоръ ходилъ, куда коса ходила, съ пошлою землею, что къ ней изстари тянуло“... а не правительственный округъ.

[2]) Объ отдѣльныхъ княженіяхъ или уѣздахъ, присоединенныхъ къ Москвѣ, источники упоминаютъ иногда въ цѣломъ, какъ объ особомъ уѣздѣ, иногда съ этимъ именемъ встрѣчаются только отдѣльныя части такихъ уѣздовъ. См. Б. Н. Чичерина Областныя учрежденія, стр. 58 пр. 1.

жествъ. Во главѣ всего управленія княжества стоялъ князь. Князь управляетъ лично т. е. принимаетъ непосредственное участіе во всѣхъ дѣлахъ управленія. Это видно изъ поученія Вл. Мономаха. Личнаго княжескаго управленія обыкновенно желалъ и самъ народъ, исходя изъ той мысли, что князья, какъ лица поставленныя выше партій, могли быть безпристрастнѣе всякихъ другихъ правителей.

Указанія на отправленіе правосудія самимъ княземъ очень не рѣдки въ нашихъ источникахъ, въ которыхъ и самая правда называется «княжей правдой» [1]).

На войнѣ князь обыкновенно первый начиналъ бой и своимъ примѣромъ поощрялъ воиновъ во все его продолженіе. Его личное участіе въ битвѣ было положительно необходимо для успѣха самаго дѣла: въ отсутствіи князя воины «не крѣпко бьются» [2]). Когда воеводы Дмитрія Ивановича Московскаго, передъ началомъ знаменитой Донской битвы, совѣтовали своему князю не биться напереди, но стать сзади, или на крылѣ, онъ отвѣчалъ: «какъ скажу вамъ: братіе! потягнемъ вкупѣ съединаго, а самъ почну лице свое укрывать, или хоронитися на заду? Какъ хочу словомъ, такъ и дѣломъ напереди всѣхъ главу свою положити за свою братію и за вся Христіяны». — «Да яко же рече, тако и створи», прибавляетъ отъ себя лѣтописецъ: біяше-бо ся съ Татары тогда ставъ напередь всѣхъ...» [3]).

---

[1]) Лѣтописецъ, сѣтуя на неурядицу послѣднихъ годовъ княженія Всеволода Ярославича и сдѣланную имъ перемѣну въ своихъ совѣтникахъ, послѣдствія этой перемѣны характеризуетъ такъ: „и людемъ не доходити княже правды". Лавр. 1093 г. Въ примѣръ личнаго отправленія суда княземъ см. Ипат. 1146 г. „аще кому будетъ насъ обида, говорятъ Кіевляне Игорю,—то ты прави", о Константинѣ Новогородскомъ читаемъ: „поча ряды правити", что объяснено словами пророка: „Боже! судъ твой цареви дажь и правду твою сыну цареви, судити людемъ твоимъ въ правду". Лавр. 1206 г.; въ похвалѣ Всеволоду Юрьевичу Владимірскому сказано: „судъ судилъ не лицемѣренъ"... Лавр. 1212 г.; о сынѣ его Ярославѣ читаемъ: судившу Ярославу тако", Лавр. 1229 г. Въ духовной грамотѣ в. к. Московскаго, Семена Ивановича, читаемъ: „а что буди судилъ когда въ великомъ княженіи и въ вотчинѣ своей на Москвѣ, или мои бояре... а того вы, братья моя, не восчинайте" Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 24. Въ жалованной грамотѣ в. к. Московскаго, Василія Васильевича, Марьи Копниной читаемъ; „ино ихъ сужу язъ самъ князь великій"... А. А. Э. т. I № 44; ср. еще тамъ же №№ 46, 111, 120 и др.; въ судебникѣ 1497 г. см. ст. подъ рубрикой „о великомъ князи"; въ А. Ю. №№ 1, 17.

[2]) Ипат. 1152 г. Ср. еще тамъ же 1151 г.: во время войны Юрія съ Изяславомъ воины послѣдняго не отстояли брода на Днѣпрѣ; лѣтописецъ такъ объясняетъ это: „бѣ бо въ то время послалъ (Изяславъ) сына своего Мстислава въ Угры, да тѣмъ не твердъ ему бѣ бродъ, зане не бяшеть ту князя, а боярина не вси слушаютъ". Въ воскр. подъ 1220 г. при описаніи взятія болгарскаго города Ошеля читаемъ; „и потече самъ князь преди всѣхъ ко граду; видѣвше же его вои вси устремишася ко граду борзе, и посѣкоша тынъ и оплоты" и т. д.— Въ Лавр. подъ 946 г. находимъ слѣдующее обращеніе воеводъ Свѣнельда и Аскольда къ воинамъ передъ началомъ битвы съ древлянами: „князь уже почалъ, потягнѣте, дружина, по князѣ".

[3]) Воскр. 1380 г. Отступленія отъ этого порядка, объясняемыя личнымъ ха-

Внѣшняя обстановка жизни Русскихъ князей значительно измѣнилась къ концу разсматриваемаго періода, но существо дѣла осталось тоже: послѣдній Московскій великій князь, Василій Ивановичъ, такъ же управлялъ самъ, какъ и его отдаленный предокъ, великій князь Кіевскій, Владиміръ Мономахъ. Чрезвычайно любопытный документъ въ этомъ отношеніи представляетъ грамота Василія Ивановича къ Давыду Сырневу, изъ которой видно, что великій князь Московскій непосредственно самъ дѣлалъ указанія не только относительно размѣровъ почтовыхъ избъ и конюшенъ и способа постройки моста на почтовой дорогѣ, но даже и относительно употребленія полусгнившихъ досокъ и бревенъ, оставшихся отъ старыхъ почтовыхъ хоромъ [1]).

Понятно, однако, что князь, соединяя всѣ вѣтви управленія въ своихъ рукахъ, не могъ обходиться безъ помощниковъ. И дѣйствительно, съ древнѣйшихъ временъ мы встрѣчаемъ указанія на существованіе второстепенныхъ властей, вѣдѣнію которыхъ поручались отдѣльныя отрасли управленія и суда.—Систематическое дѣленіе органовъ управленія на центральные и мѣстные можетъ быть примѣнено къ нашей древней администраціи только съ оговоркою. Единственную центральную власть составлялъ князь и его дума. Но князь не былъ исключительно центральной властью. На ряду съ назначаемыми имъ мѣстными правителями, онъ удерживалъ въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи извѣстный округъ, къ которому былъ совершенно въ такомъ же

рактеромъ князя, встрѣчаются и въ древнее время. Такъ въ похвалѣ Ярославу Галицкому читаемъ: „гдѣ бо бяшеть ему обида, самъ не ходяшеть полкы своими, но посылашеть я съ воеводами“. Ипат. 1187 г.

[1]) Въ помянутой грамотѣ читаемъ: „Здѣсь сказывали моему казначею, пишетъ великій князь, Ергольскіе ямщики Сумакъ Петрушинъ да Васюкъ Левоновъ, что на Ергольскомъ яму хоромы, избы и сѣнники и конюшни погнили и тынъ обвалился: и ты бы часа того ѣхалъ въ Ергольское да на ямскомъ дворѣ хоромы велѣлъ подѣлати крестьяномъ Бѣлозерскими сохами...; да которыхъ будетъ на ямскомъ дворѣ хоромъ льзѣ подѣлати и переставити, и ты бы тѣ хоромы велѣлъ подѣлати и переставити, а которыхъ будетъ хоромъ на ямскомъ дворѣ нельзѣ подѣлати и переставити, и ты бы на ямскомъ дворѣ велѣлъ поставити новые хоромы, двѣ избы—трехъ сажень межъ угловъ, да два сѣнника на подклѣтѣхъ—межъ угловъ по полутретіе сажени, а промежъ сѣнниковъ поставилъ бы конюшню четырехъ сажень, да тѣ бы хоромы велѣлъ покрыти и ворота поставити. А тѣми бы ветхими хоромами велѣлъ вокругъ ямскаго двора заметъ заметати, или тынъ поставити. Да тѣми же сохами велѣлъ отъ Ергольскаго яму до Напорожскаго яму дороги почистити и мостовъ по рѣкамъ и по болотамъ и по гряземи велѣлъ починити. А которые мосты погнили, а починити ихъ нельзя, и ты бы велѣлъ мосты новые мостити, а на рѣкахъ бы велѣлъ мосты мостити на клѣткахъ, что бы ихъ вешняя вода не сносила. А у наряда велѣлъ съ тобою быть и ямской дворъ ставить и хрестьянъ наряжать Ергольскимъ ямщикамъ Сумаку Петрушину, да Васюку Левонову. А посуловъ бы и поминковъ отъ тебя и отъ ямщиковъ хрестьяномъ не было; а кто васъ въ томъ на хрестьянѣхъ посула и поминковъ возьметъ, и тому отъ меня быти въ казни и продажѣ...“ А. А. Э. т. I № 156.

отношеніи, въ какомъ мѣстные правители къ своимъ округамъ; онъ представлялъ въ этомъ округѣ мѣстную власть. Этотъ обычай вышелъ изъ употребленія только къ концу разсматриваемаго періода. Кромѣ того, не смотря на существованіе мѣстныхъ судей, князь могъ всякое дѣло потребовать къ своему собственному суду [1]); а въ древнѣйшее время, при объѣздѣ княземъ волостей, присутствіе его въ извѣстной области исключало всякую мѣстную власть.— Съ этой оговоркой мы будемъ разсматривать князя и его думу какъ центральные органы управленія. Къ мѣстнымъ органамъ будутъ относиться: во первыхъ, самъ князь, затѣмъ: посадники, намѣстники и волостели, съ зависѣвшими отъ нихъ чиновниками; сотскіе и старосты; разнаго рода приказные люди, получавшіе спеціальныя назначенія отъ князя; разнаго наименованія пошлинники, назначавшіеся для сбора княжескихъ пошлинъ и даней; наконецъ, для завѣдыванія государственнымъ и частнымъ имуществомъ князя служили: дворскіе, казначеи, ключники, дьяки, посельскіе и путные бояре.

Князья вѣдали, обыкновенно, государственныя дѣла въ формѣ своего частнаго хозяйства: ихъ слуги, въ частномъ смыслѣ этого слова, служили нерѣдко органами управленія, были слугами князя въ государственномъ смыслѣ слова.

Описанію отдѣльныхъ органовъ управленія необходимо предпослать краткій очеркъ княжескихъ слугъ вообще.

Между служилыми людьми князя должно различать два разряда лицъ — нисшій и высшій; на долю перваго, обыкновенно, доставались дѣла меньшей важности, на долю втораго — большей. Согласно первоначальной простотѣ жизни и отсутствію сословій, древнѣйшее различіе между этими двумя разрядами заключалось главнымъ образомъ въ различіи возраста: людямъ молодымъ, отрокамъ, прилично было исполнять мелкія службы при особѣ князя, людямъ взрослымъ, мужамъ, болѣе важныя. Къ этому первоначальному различію вскорѣ должно было присоединиться новое, коренившееся въ фактическомъ различіи лучшихъ людей и худшихъ: первые естественнымъ образомъ наполняли высшіе ряды княжеской службы, вторые призывались для пополненія нисшихъ. Такимъ образомъ, два указанные рязряда княжескихъ

---

[1]) Въ Бѣлозерской уставной грамотѣ читаемъ: „А пріѣдетъ мой приставъ великаго князя, съ Москвы, по Бѣлозерца по горожанина и по становаго человѣка и по волостнаго, и онъ имъ пишетъ одинъ срокъ въ году“ и т. д. Иногда, впрочемъ, князья отказывались отъ этого права въ пользу мѣстныхъ властей. Въ Двинской грамотѣ читаемъ: „А приставомъ моимъ великаго князя въ Двинскую землю не въѣздити: всѣму управу чинятъ мои намѣстницы“... А. А. Э. т. I №№ 13 и 123.

слугъ разнились между собой двумя признаками, далеко не всегда покрывавшими другъ друга,—возрастомъ и положеніемъ въ обществѣ.

Первый разрядъ слугъ составляли отроки князя. Насколько подъ отроками надо разумѣть не только молодыхъ людей вообще, но и рабовъ,—они составляли самый нисшій слой перваго разряда и назначались въ хозяйственныя должности ключниковъ, тіуновъ, конюховъ и проч. Кромѣ того, отроки составляли ближайшее окруженіе князя и во время войны служили ему въ качествѣ воиновъ [1]). Къ тому же разряду слугъ относятся дѣтскіе. Также какъ и отроки, они непосредственно окружаютъ князя и сопровождаютъ его на войнѣ [2]). Отличіе ихъ отъ отроковъ состоитъ въ томъ, что терминъ «дѣтскіе» не употребляется для обозначенія рабовъ: это по преимуществу молодые люди свободнаго происхожденія [3]). Обязанные по своимъ занятіямъ постоянно находиться при особѣ князя, отроки и дѣтскіе пользуются помѣщеніемъ въ самомъ его домѣ. Съ XII в. мы встрѣчаемъ ихъ подъ именемъ дворныхъ людей и дворныхъ слугъ, откуда образовался терминъ дворянинъ, мало-по-малу вытѣснившій всѣ древнѣйшія наименованія [4]). Вмѣстѣ съ этимъ и самое

---

[1]) Въ поученіи Владиміра Мономаха объ отрокахъ говорится, какъ о домашней прислугѣ: „не зрите на тіуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящіи къ вамъ ни дому вашему, ни обѣду вашему“; они же составляютъ ближайшее окруженіе князя и сопровождаютъ его во время путешествій: „куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости творити отрокомъ“... Отроки Св. Бориса остаются при немъ послѣ того, какъ отъ него разошлись всѣ воп. Лавр. 1015 г. Любопытно, что на одного изъ нихъ, Георгія, родомъ Венгра, Борисъ „возложилъ гривну злату велику“; совершенно такой же награды Владиміръ Св. удостоилъ Александра Поповича за защиту Кіева, Ник. 1000 г. и 1015 г. Ср. еще Воскр. 1019 г.—О Ярополкѣ, убитомъ на дорогѣ въ Звенигородъ, читаемъ: „и Ярополка вземше отроци на конь предъ ся... несоша и Володимерю“. Лавр. 1086. Святополкъ-Михаилъ говоритъ объ отрокахъ, какъ о вояхъ: „имѣю отрокъ своихъ 500, иже могутъ противу имъ стати“ (противъ Половцевъ). Лавр. 1093 г. Тамъ же подъ 1096 г. говорится объ отрокѣ частнаго человѣка, Новгородца, Гюряты Роговича; это, конечно, былъ рабъ.—Ср. еще Ипат. 1231 г.—О Святославѣ, которому Греки принесли золото и наволоки, читаемъ: „И рече Святославъ отрокомъ своимъсхороните“. Лавр. 971 г.

[2]) См. Ипат. 1149 и 1169 г.

[3]) Нельзя, впрочемъ, утверждать, что эти два наименованія не смѣшивались, и что подъ дѣтскими никогда не разумѣлись отроки и наоборотъ. Сличеніе разныхъ текстовъ лѣтописей приводитъ къ противоположному заключенію: такъ гдѣ Воскр. говоритъ объ отрокѣ, тамъ Лавр. упоминаетъ дѣтскаго, сравни обѣ лѣт. подъ 1097 г. Въ угрозѣ Владиміра Мстиславича, сдѣлать себѣ бояръ изъ дѣтскихъ (Ипат. 1169 г.), подъ дѣтскими надо разумѣть самый нисшій разрядъ слугъ, даже рабовъ. Ибо, если бы здѣсь разумѣлись сыновья высоко поставленныхъ лицъ, угроза не содержала бы въ себѣ ничего колкаго по отношенію къ боярамъ, противъ которыхъ была направлена; а все дѣло единственно и заключалось въ желаніи уязвить ихъ.

[4]) Ипат. 1281 и 1288 г. Воскр. 1215 г. „Дворныхъ людей“ Воскресенской лѣтописи Новгородская I называетъ „дворянами“, ср. обѣ лѣт. подъ 1215 г. Слово дворянинъ употреблялось въ очень широкомъ смыслѣ и обозначало всѣхъ слугъ князя, жившихъ въ его дворѣ, хотя бы даже они и не принадлежали къ свобод-

слово дворъ, какъ мѣстопребываніе дворныхъ слугъ, или дворянъ, сдѣлалось употребительно для обозначенія жившихъ въ немъ служилыхъ людей князя: князья стали выѣзжать на войну и вообще переѣзжать съ мѣста на мѣсто не съ отроками, или дѣтскими, какъ прежде, а «съ дворомъ своимъ» [1]). Въ этомъ разрядѣ слугъ встрѣчаемъ особыя придворныя должности — постельниковъ, стольниковъ, окольничихъ и проч. [2]).

Въ составъ нисшаго рода слугъ входили не одни только рабы, или бѣдные и не именитые люди; въ ихъ рядахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ и сыновей лицъ, пользовавшихся самымъ высокимъ положеніемъ въ обществѣ. Даже бояре отдавали своихъ дѣтей въ услуженіе князьямъ въ качествѣ дворныхъ слугъ. Такъ напр., лѣтописецъ разсказываетъ, что въ войну съ Ляхами Владимірскаго князя, Владиміра Васильковича, на сторонѣ послѣдняго былъ убитъ и дворный его слуга, любимый сынъ боярскій, Михайловичъ, именемъ Рахъ [3]). — Съ теченіемъ времени этимъ лучшимъ членамъ княжескаго двора, въ отличіе отъ другихъ, менѣе именитыхъ, усвоилось названіе дѣтей боярскихъ [4]). Что дѣти боярскія входили въ составъ княжескихъ дворныхъ слугъ, на это, кромѣ приведеннаго, указываютъ еще и такія выраженія источниковъ, какъ напр.: «въ Костромѣ была застава: князь Иванъ Васильевичъ Стрига, да Ѳедоръ Басенокъ и съ нимъ многія дѣти боярскія, дворъ великаго князя», или:.... «и иныя многія дѣти боярскія, дворовые великаго князя» [5]). Какъ часть вмѣсто цѣлаго, выраженіе «дѣти боярскіе» употреблялось иногда для обозначенія дворянъ вообще, и наоборотъ—подъ дворянами

ному состоянію. — Если не ошибаемся, древнѣйшій случай употребленія этого термина относится къ 1175 г.: Сузд. лѣт., разсказывая объ убійствѣ Андрея Юрьевича, говоритъ, что дворъ князя былъ разграбленъ гражданами Боголюбскими и дворянами; Ипат. въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ говоритъ только о гражданахъ, за то выше она довольно подробно описываетъ грабежъ княжескаго имущества убійцами князя, которые въ той же лѣтописи названы слугами его. Итакъ, дворяне суздальской лѣтописи суть ничто иное, какъ домашніе слуги Ипатьевской.—Въ жалованныхъ грамотахъ упоминаются дворяне у намѣстниковъ и даже ихъ тіуновъ; эти, конечно, принадлежали къ рабамъ. Въ Соф. I. подъ 1429 г. упоминается „свой дворъ“ у воеводы Ѳедора Константиновича Добрынскаго. Ср. еще о дворянахъ древнѣйшія извѣстія Новгород. I. 1210 и 1215 г.; Р. С. Г. Г. и Д. ч. I, № 1 и сл.

[1]) Воскр. 1281 г., Соф. I. 1307 г.

[2]) Древнѣйшій случай упоминанія о постельникѣ относится къ 1175 г., см. Троицк. лѣт. Для стольника см. Новгород. I. 1228 г., Воскр. 1230 г., Ипат. 1240 г. Для окольничаго см. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 23; А. А. Э. т. I. № 48; А. И. т. I. № 2; Воскр. лѣт. 1378 г.

[3]) Ипат. 1181 г.

[4]) По первоначальному смыслу — „дѣти боярскіе“ суть ничто иное, какъ сыновья бояръ, подобно тому, какъ „дѣти посадника“ означаютъ только сыновей его, а не особое сословіе; см. Ипат. 1149 г., Воскр. 1259 и 1471 г.

[5]) Воскр. 1446 г., 1449 г.; ср. еще тамъ же 1468 г.: «той же весны вел. кн. послалъ дѣтей боярскихъ, дворъ свой, на Каму воевать мѣстъ Казанскихъ“.

надо разумѣть и дѣтей боярскихъ; но когда лѣтописецъ хотѣлъ быть точенъ въ своихъ перечисленіяхъ, назвавши дѣтей боярскихъ, онъ прибавлялъ: «и вси дворяне», т. е. и всѣ остальные дворяне, какого бы они происхожденія не были [1]). Въ болѣе отдаленное время подобныя же различія въ составѣ нисшаго разряда княжескихъ слугъ обозначались особыми эпитетами, которые присоединялись къ имени дѣтскаго. Такъ подъ 1149 г. встрѣчаемъ «меньшаго дѣтскаго»; были, слѣдовательно, и старшіе, или лучшіе [2]).

Высшій разрядъ княжескихъ слугъ составляютъ мужи и бояре. Изъ предъидущаго мы знаемъ, что наименованіе «мужами» усвоялось какъ всему взрослому свободному населенію вообще, такъ и въ особенности высшимъ его слоямъ; боярами же назывались только эти послѣдніе. Мужи и бояре, состоявшіе на службѣ князя, въ отличіе отъ остальныхъ именовались княжими. Такъ Рюрикъ раздаетъ города «своимъ мужамъ»; Св. Владиміръ созываетъ на совѣтъ «своихъ бояръ»; эти бояре и старцы градскіе говорятъ ему: «имаше у собѣ мужи»; въ Русской Правдѣ встрѣчаемъ «княжа мужа»; въ лѣтописяхъ въ томъ же смыслѣ встрѣчаются выраженія: Владиміровы мужи, Вячеславовы мужи и проч., т. е. мужи князя Владиміра, князя Вячеслава [3]).—Съ конца XIII вѣка выраженіе «княжъ мужъ» начинаетъ выходить изъ употребленія, и высшій разрядъ княжескихъ слугъ обозначается съ это времени почти исключительно словомъ бояре [4]).

Княжіе бояре и мужи, поскольку послѣдніе принадлежали къ лучшимъ людямъ, пользовались независимымъ отъ княжеской службы положеніемъ, въ чемъ и заключается ихъ существенное различіе отъ слугъ нисшаго разряда. Въ призваніи ихъ на службу надо видѣть стремленіе князя привлечь къ дѣламъ своего управленія лучшихъ людей земли. Что мужи и бояре составляли силу, помимо своего служебнаго отношенія къ князю, на это въ источникахъ сохранилось не мало указаній. Княжіе мужи про-

---

[1]) Въ примѣръ такого полнаго перечисленія можно указать на Соф. I. подъ 1433 г. Употребленіе же болѣе общаго выраженія „дворянинъ“ вмѣсто „дѣти боярскіе“ и наоборотъ находимъ въ Соф. I. и Воскр. подъ 1462 г.: гдѣ первая говоритъ о дворянахъ, тамъ вторая упоминаетъ только дѣтей боярскихъ.

[2]) Ипат. — Различіе степеней было даже между рабами; въ завѣщаніи вел. кн. Софіи читаемъ: „а что у меня колько людей моихъ ни есть, и большихъ и меньшихъ; и азъ ихъ всѣхъ пожаловала, ослободила всѣхъ, по моемъ животѣ вси слободни» Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 83.

[3]) Лавр. 862 г., 987 г.; Русск. Пр., Карамз. сп., ст. I; Лавр. 1102 г, Ипат. 1150 г., 1154 г.; если не ошибаемся, позднѣйшій случай употребленія термина „княжіе мужи“ встрѣчается подъ 1373 г., Воскр.

[4]) Ср. Лавр. 1212 г., Ипат. 1287 и 1289 г., Льв. 1304 г., Воскр. 1380 г., 1388 г., 1447 г., Новгор. 1. 1419 г.

должаютъ пользоваться преобладающимъ значеніемъ и по смерти своихъ князей, т. е., по прекращеніи своихъ служебныхъ отношеній. Такъ Святополкъ-Михаилъ и Владиміръ Мономахъ приглашаютъ Олега Святославича положить рядъ о Русской землѣ «предъ мужи отецъ своихъ». Владимірскій князь, Андрей Юрьевичъ, получившій Владимірскій столъ въ силу народнаго избранія и въ нарушеніе послѣдней воли отца, изгоняетъ изъ своего княженія не только братьевъ-соперниковъ, но и «мужей отца своего». И такъ, эти «мужи отца», хотя и не состояли болѣе на службѣ, продолжали, однако, быть силой, которую нельзя было игнорировать. Подобно этому Черниговскіе князья, Игоревичи, овладѣвши Галичемъ, но не надѣясь привлечь на свою сторону галицкихъ бояръ, составляютъ планъ ихъ поголовнаго избіенія. Въ похвалѣ Всеволоду Юрьевичу читаемъ, что онъ судилъ «судъ истиненъ и нелицемѣренъ, не обинуяся лица сильныхъ своихъ бояръ»... То обстоятельство, что у Даніила Романовича было больше войска и оно превосходило силою войска другихъ князей, лѣтописецъ объясняетъ тѣмъ, что Даніилу служили «вси велиціи бояре отца его», такимъ образомъ сила князя поставлена въ прямую зависимость отъ силы бояръ [1]). На службу князя бояре приходили не одною своею особой, а со всѣми своими слугами, которыхъ вооружали на собственный счетъ. Для характеристики бояръ чрезвычайно любопытно мѣсто Ипатьевской лѣтописи подъ 1169 г. Владиміръ Мстиславичъ, задумавъ нападеніе на племянника своего, Кіевскаго князя Мстислава Изяславича, объявляетъ объ этомъ боярамъ своимъ и получаетъ такой отвѣтъ: «О собѣ еси, княже, зьмыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали». Чѣмъ же отвѣчаетъ князь на это неповиновеніе бояръ? «Володимеръ же, продолжаетъ лѣтописецъ, воззрѣвъ на дѣтскихъ, рече: а се будутъ мои бояре». И такъ, князь не наказываетъ ослушныхъ бояръ лишеніемъ боярскаго сана. Это и понятно. Боярское сословіе обязано своимъ происхожденіемъ не пожалованію, а естественному преобладанію большихъ людей; а потому и не могло быть лишаемо своихъ преимуществъ по усмотрѣнію князя [2]). — Но, съ другой сторо-

---

[1]) Лавр. 1096 г., 1212 г.; Ипат. 1162 г., 1211 г.; Густ. 1211 г. Въ Новгр. III. подъ 1428 г. читаемъ: „вел. кн. Лотовскій со всѣми силами, ходи къ Новугороду, и стоялъ у Порхова. И воеводы Порховскіе добили челомъ, дали 5000 руб., и владыка съ бояры пріѣхавъ добилъ челомъ, дали другую 5000 р., да владыка далъ изъ своей казны за полонъ 6000 руб.“. И такъ бояре — богатые люди: вмѣстѣ съ владыкою они даютъ Витовту изъ своихъ средствъ 5000 р.

[2]) Ср. ниже, гдѣ говорится о послѣдствіяхъ права отъѣзда. — Чрезвычайно любопытны переговоры, которые происходили между княземъ Нижняго-Новгорода, Борисомъ Константиновичемъ, и его боярами въ 1391 г. Узнавъ, что вел.

ны, такъ какъ приближеніе къ князю, какъ верховному правителю,—возвышаетъ всякаго служилаго человѣка, а соединенные съ службой доходы, упрочивая матеріальное благосостояніе, могутъ самому послѣднему смерду сообщить преимущества лучшихъ людей,—на службу князя можно смотрѣть какъ на одинъ изъ удобнѣйшихъ путей къ боярству. Поэтому угроза Владиміра Мстиславича, сдѣлать себѣ боряъ изъ дѣтскихъ, хотя и не могла быть приведена въ исполненіе въ одно время съ тѣмъ, какъ была произнесена, заключаетъ въ себѣ, однако, значительную долю правды: дѣтскіе, продолжая пользоваться милостями своего князя, съ теченіемъ времени дѣйствительно могли стать въ тѣ условія, въ которыхъ коренится причина преобладанія большихъ людей, или бояръ надъ другими слоями общества [1]).

Кромѣ бояръ и мужей въ составъ высшаго разряда княжескихъ слугъ входятъ еще и князья. Число ихъ значительно возрастаетъ только къ концу разсматриваемаго періода; въ это время имъ усвояется наименованіе бояръ [2]).

Не всѣ княжіе мужи и бояре обладали, однако, равнымъ значеніемъ, а потому и въ высшемъ разрядѣ княжескихъ слугъ мы также замѣчаемъ степени, какъ и въ нисшемъ. Такъ мужи встрѣчаются съ эпитетомъ: «переднихъ», «лѣпшихъ», т. е. лучшихъ, вліятельнѣйшихъ; бояре съ эпитетомъ: «великихъ», «большихъ», «сильныхъ» [3]).

Высшій и нисшій разряды княжескихъ слугъ соединялись въ одномъ общемъ имъ обоимъ имени—дружины, которое при помощи различныхъ эпитетовъ служило также и для обозначе-

---

кн. Московскій, Василій Дмитріевичъ, выпросилъ себѣ Нижній въ Ордѣ у Тохтамыша, Борисъ Константиновичъ сзываетъ бояръ своихъ и говоритъ имъ: „господіе моя и братіе, бояре, и други! Помните господне крестное цѣлованіе, какъ есте цѣловали ко мнѣ, и любовь нашу и усвоеніе къ вамъ“. На это обращеніе старѣйшій бояринъ, Василій Румянецъ, отвѣчалъ. „всѣ мы единомысленны къ тебѣ и готовы за тебя головы свои сложити“. — Но когда къ Нижнему приблизились войска Василія Дмитріевича, Нижегородскіе бояре измѣнили своему князю и на новое увѣщаніе его о вѣрности дали такой отвѣтъ: „господине, княже, не надѣйся на насъ, ужебо есмы отнынѣ не твои, и нѣсть съ тобою есмя. но на тя есмы“ Никонов.

[1]) Этою возможностью перехода изъ нисшихъ слоевъ общества въ высшіе при посредствѣ службы надо объяснять слѣдующее мѣсто Ипат. лѣт. подъ 1240 г.; „Бояре же Галичьстіи Данила княземъ собѣ называху, а самѣ всю землю держаху“, а далѣе при перечисленіи этихъ бояръ, державшихъ землю, встрѣчаемъ: „Судича, попова внука, и Лазаря Домажирича и Ивора Молибожича, отъ племени смердья».

[2]) Для служебныхъ князей см. Ипат. 1169 г., 1258 г., 1281 г., Льв. и Новгород. IV. 1349 г., Воскр. 1376 г., 1471 г., Новгород. IV. 1469 г. Въ Воскр, подъ 1452 г. читаемъ: «а послалъ .. бояръ своихъ, князя Семена Ивановича Оболенскаго, да Ѳедора Басенка»...

[3]) Ипат. 1162 г., 1164 г., 1180 г.; Лавр. 1211 г., 1212 г.; Воскр. 1382 г.

нія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности: большая или старшая дружина означала мужей и бояръ, молодшая—отроковъ [1]). Вѣрная служба естественнымъ образомъ порождала отношенія пріязни и покровительства между княземъ и служилымъ человѣкомъ, который въ такомъ случаѣ дѣлался предметомъ особыхъ милостей своего повелителя. Отъ сюда возникло для нѣкоторыхъ служилыхъ людей отличительное наименованіе, которое встрѣчаемъ хотя и рѣдко, но въ примѣненіи къ лицамъ обоего разряда: люди, пользовавшіеся особымъ расположеніемъ князя, назывались его милостниками [2]).

Обязанности служить [3]) въ древней Россіи не было; служилые люди свободнаго состоянія были вольны оставить службу, когда хотѣли; служилъ кто хотѣлъ и кому хотѣлъ. Бояринъ и всякій другой «людинъ», жившій въ Тверскомъ княженіи, т. е. имѣвшій тамъ недвижимую собственность, могъ служить Московскому князю и наоборотъ. Указанія на это весьма нерѣдки въ договорныхъ грамотахъ [4]). Въ пользу этихъ подданныхъ одного князя, служившихъ другому, въ княжескихъ договорахъ выговаривается такое же покровительство ихъ территоріальнаго государя, какое онъ оказывалъ и тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые состояли на его собственной службѣ [5]). Со вотрой половины XIV в.

---

[1]) Слово дружина имѣетъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ оба разряда служилыхъ людей, взятые вмѣстѣ. Ниже мы остановимся на немъ подробнѣе.

[2]) Воевода Ярополка, Блудъ, въ Сузд. лѣт. названъ милостникомъ. По Новгород. I. Андрея Юрьевича убили „свои милостницы", а по Ипат. это были слуги князя. Ср. еще Ипат. 1180 г.

[3]) Какъ на особое преимущество княжеской службы, необходимо указать на удвоенную виру, которая взималась въ случаѣ убійства служилаго человѣка. См. Русск. Прав., Троиц. сп. ст. 1 и 3.—Впрочемъ, въ назначеніи виръ, какъ уже было замѣчено, князья пользовались большею свободой, а потому отъ высоты ихъ нельзя еще дѣлать заключенія къ положенію, которое принадлежало тому, или другому служилому человѣку. Такъ въ одномъ изъ списковъ Правды находимъ извѣстіе что Изяславъ взыскалъ за убійство своего конюха 80 гривенъ, вира, которая обыкновенно взималась за убійство княжихъ мужей и огнищанъ. конюхъ же, о которомъ идетъ рѣчь, былъ ничто иное, какъ старый пастухъ, пасшій стадо князя, и принадлежалъ, слѣдовательно, къ самому низшему разряду его слугъ, можетъ быть даже, къ его рабамъ. См. Акад. сп. ст. 21.

[4]) Въ договорѣ Ивана Андреевича съ Василіемъ Васильевичемъ читаемъ: „А кто иметъ которому князю служити, гдѣ бы ни жилъ"... Въ договорѣ Дмитрія Юрьевича Василіемъ Васильевичемъ: „А гдѣ, господине, ты князь великій пошлешь своего воеводу котораго города, а которые люди того города мнѣ служатъ"... (городъ одного князя, а жители его служатъ другому). Въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ: „А коли ми будетъ... дань взяти на своихъ боярехъ въ великомъ княженьи, а кто будетъ твоихъ бояръ и слугъ въ великомъ княженьи (жити)... и ми дань взяти, какъ и на своихъ (т. е. съ ихъ имущества, находящагося въ великомъ княженіи). Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 66, 54, 27; ср. еще тамъ же №№ 43, 46, 56, 78, 84, 90, 110 и др.

[5]) Въ договорѣ Ивана Васильевича Рязинскаго съ братомъ его Ѳедоромъ читаемъ: „А кто иметъ жити твоихъ бояръ и дѣтей боярскихъ и слугъ въ моей отчинѣ великомъ княженьи мнѣ ихъ блюсти, какъ и своихъ; а отчинъ

встрѣчаемъ нѣкоторыя ограниченія этой свободы вступленія на службу, впрочемъ, крайне частнаго ствойства [1]).—Для опредѣленія на службу того или другаго князя было, конечно, необходимо согласіе князя; но такъ какъ всякій новый слуга прямо увеличивалъ его силу, не принося ему ни малѣйшаго ущерба, то въ его согласіи и не могло быть сомнѣнія. Такимъ образомъ главный моментъ при поступленіи на службу принадлежитъ не столько волѣ князя, сколько волѣ служилаго человѣка, избирающаго себѣ князя. Согласно съ этимъ въ договорныхъ грамотахъ употребребительно такое выраженіе: «а кто иметъ которому князю служи ти...» [2])

Выходъ изъ службы былъ также свободенъ какъ и поступленіе: служилый человѣкъ могъ оставить службу своего князя, отъѣхать отъ него, когда хотѣлъ. Право отъѣзда, однако, существовало только для вольныхъ служилыхъ людей. Въ княжескихъ договорахъ оно выражается въ слѣдующей формулѣ: «а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межи насъ—вольнымъ воля» [3]). Отъѣхавшій слуга ни въ какомъ отношеніи не терпѣлъ умаленія своихъ правъ; его имущество оставалось за нимъ, если бы даже они и находились въ предѣлахъ владѣній того князя, службу котораго онъ оставлялъ. Въ нѣкоторыхъ договорахъ это свойство свободнаго отъѣзда прямо выражено; такъ, въ договорѣ Тверскаго князя, Бориса Александровича, съ Московскимъ, Василіемъ Васильевичемъ, читаемъ: «А бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля; а домы имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати» [4]). Гдѣ такого особаго условія нѣтъ, тамъ его надо подразумѣвать въ общей формулѣ:

ми у нихъ и купленыхъ земель не отнимати". Въ договорѣ Василія Васильевича съ Василіемъ Ярославичемъ: „А кто, брате, иметъ жити моихъ бояръ и слугъ... въ твоемъ удѣлѣ, и тобѣ ихъ блюсти какъ и своихъ, и дань взяти, какъ и на своихъ; а кто, брате, иметъ жити въ моей отчинѣ въ великомъ княженьи... твоихъ бояръ и слугъ, и намъ ихъ блюсти, какъ и своихъ, и данъ взяти, какъ и на своихъ." Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 127, 84; ср. еще тамъ же №№ 46, 56, 73, 78, 110 и друг.

[1]) Такія ограниченія касаются только численныхъ людей, черныхъ и слугъ, стоявшихъ подъ дворскими; встрѣчаются они въ завѣщаніи Владиміра Андреевича и въ договорахъ того же князя и внука его, Василія, съ Московскими князьями. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 27, 33 35, 40, 45, 71, 73, 78.

[2]) См. стр. 378, пр. 4.

[3]) Р. С. Г. Г. и Д. ч I. №№ 113. 123, 125, 127 и др.; болѣе краткая формула опускаетъ дѣтей боярскихъ, см. тамъ же №№ 115, 119 и др.

[4]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 76. Въ договорѣ Дмитрія Ивановича Московсго съ Михаиломъ Александровичмъ Тверскимъ читаемъ: „А кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ, или отъ тобѣ къ намъ, а села ихъ въ нашей отчинѣ въ великомъ княженіи или въ твоей отчинѣ во Твери, въ ты села намъ съ тобѣ не вступатися", тамъ же № 28; ср. еще тамъ же № 119.

«вольнымъ воля», которая безъ этого не имѣла бы никокого смысла [1]).—Ограниченія права отъѣзда встрѣчаются очень рѣдко и притомъ съ крайне частнымъ характеромъ [2]). Только по отношенію къ служебнымъ князьямъ достигли они болѣе общаго значенія [3]). Эти ограниченія не простираются, однако, на личность служилаго человѣка: княьзя никогда не договариваются о выдачѣ самовольно отъѣхавшихъ; лично могъ отъѣхать всякій, за исключеніемъ рабовъ и совершившихъ преступленіе. Ограниченія имѣютъ силу только по отношенію къ имуществамъ тѣхъ лицъ, которымъ воспрещается отъѣздъ: если они отъѣзжали; не смотря на запрещеніе, имущества ихъ подвергались отобранію въ пользу того князя, службу котораго они покидали [4]).

Переходимъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ органовъ управленія.

Княжеская дума. Старшая дружина князя составляла обыкновенно его думу. Мы имѣемъ съ древнѣйшихъ временъ указанія, что князья совѣщаются съ думой. Изъ поученія Владиміра Мономаха видно, что онъ управлялъ съ совѣта мужей. «Первое, говоритъ Владиміръ, идите въ церковь, а потомъ садитеся съ дружиною людей оправливати». Всѣ наши свѣдѣнія о думѣ почерпаемъ изъ случайныхъ указаній лѣтописей. Дума не имѣетъ своего устава; вся ея дѣятелность основана на обычаѣ. Обычай былъ таковъ, что въ составъ думы входили высшіе разряды дружины, лучшіе мужи. Лица, принадлежащія къ дружинѣ, были товарищами, пріятеля-

---

[1]) Отъѣхать лично, съ потерею имущества, могли и лица, не имѣвшія права свободнаго отъѣзда, см. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 40, 144.—Само собой разумѣется, что послѣдствія права отъѣзда имѣли мѣсто только между князьями, которые совершили преступленія. Въ лѣтописномъ извлеченія изъ княжескаго договора XII вѣка находимъ слѣдующее любопытное условіе: „Оже ея князь извинить. то въ волость, а мужъ уголову". Ипат. 1177 г. Впрочемъ, и безъ такихъ спеціальныхъ условій, необходимость выдачи между князьями-союзниками служилыхъ людей, совершившихъ преступленіе, легко выводится изъ общихъ условій дружественнаго договора.

[2]) Такъ въ договорѣ Семена Ивановича съ братьями, Иваномъ и Андреемъ, ограниченіе установляется только по отношенію къ одному „Олексѣ Петровичу" и то за коромолу его къ великому князю. Подобно этому въ завѣщаніи Ивана Васильевича встрѣчаемъ ограниченіе отъѣзда однихъ только Ярославскихъ бояръ и дѣтей боярскихъ. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 23, 144.

[3]) Служебные князья лишаются, обыкновенно, правъ свободнаго отѣзъда—всѣ, сколько бы ихъ ни было. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 43. 49, 56, 73, 79, 78, 119, 123, 125 и др—Очень можетъ быть, что служебные князья именно на такомъ условіи и поступали на службу; см. ниже прим 78.

[4]) Въ завѣщаніи Ивана Васильевича читаемъ. „а боярамъ и дѣтямъ боярскимъ Ярославскимъ съ своими вотчинами и куплями отъ моего сына Василья не отъѣхати ни кому ни кудѣ: а кто отъѣдетъ, и земли ихъ сыну моему"... Въ договорѣ Бориса Александровича Тверскаго съ Васильевичемъ Московскимъ: „А кто моихъ князей служебныхъ къ тебѣ отъѣдетъ, въ тѣхъ ти вотчину не вступатися, кого ми Богъ поручилъ".... Р. С. Г. Г. и Д. ч. I, №№ 144, 76. Тамъ же въ № 43 читаемъ: „А князей ти моихъ служебныхъ съ вотчиною собѣ въ службу не пріимати: а которыи имутъ тобѣ служити, и имъ въ вотчину свою не вступатися".

ми князя. Дружина составляла силу князя. Понятно послѣ этого, что князь долженъ былъ совѣтоваться съ дружинниками, чтобы заручиться ихъ содѣйствіемъ въ томъ или другомъ дѣлѣ; въ противномъ случаѣ они могли быть недовольными его рѣшеніемъ и отказать ему въ содѣйствіи. Так. обр. совѣщаніе съ мужами было для князя необходимо, если только онъ хотѣлъ воспользоваться содѣйствіемъ членовъ старшей дружины. Примѣръ необходимости такихъ совѣщаній мы видѣли уже выше, когда говорили о характерѣ боярской службы. Бояре Владиміра Мстиславича отказались помогать ему потому, что князь самъ рѣшилъ отправиться въ походъ, не посовѣтовавшись предварительно съ ними. Не менѣе любопытнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи служатъ переговоры Вл. Мономаха съ княз. Кіев. Святополкомъ относительно похода на Половцевъ. Лѣтописецъ такъ передаетъ ихъ: «Вложи Богъ Владиміру мысль благу поити на Половцевъ». Когда эта мысль у него возникла, Владиміръ сообщилъ ее другимъ князьямъ, и между прочимъ Кіевскому великому князю Святополку. Святополкъ тотчасъ же повѣдалъ объ этомъ дружинѣ, но дружина была противъ похода на томъ основаніи, что походъ этотъ уничтожитъ пашни смердовъ. Вслѣдствіе этого Святополкъ приглашаетъ Владиміра на съѣздъ: «да быхомъ ся сняли и подумали быхомъ съ дружиною.» Ясно, что какъ Владиміръ, такъ и Святополкъ не считали возможнымъ предпринять походъ безъ согласія дружины. «И пріиде Владиміръ, продолжаетъ лѣтопись, и сѣдоша въ единомъ шатрѣ: Святополкъ со своею дружиною, а Владиміръ со своею. И бывшу молчанію, и рече Владиміръ: брате, ты еси старѣй, почни глаголати, како быхомъ промыслили о Русской землѣ. Иреченъ Святополкъ: брате, ты почни. И рече Владиміръ: како я хочу молвити, а на мя хотятъ молвити твоя дружина и моя рекуще: хощетъ погубити смерды и ролью смердомъ; но се диво ми, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сего не помышляюще, оже на весну начнетъ смердъ тотъ орати лошадью тою и пріѣхавъ Половчинъ ударитъ смерда стрѣлою и поиметъ лошадь ту и жену его и дѣти его и гумно его зажжетъ; то о семъ чему не мыслите? И рекоша вся дружина: право во-истину тако есть. И рече Святополкъ: се язъ, брате, готовъ есмь съ тобою». Такимъ образомъ, дружину надо было убѣждать согласиться съ мнѣніемъ князя. Святополкъ рѣшается на походъ лишь послѣ того, какъ дружина его высказалась въ пользу похода.

Случалось, однако, что князья отступали иногда отъ такого порядка и по личной своей склонности совѣщались не со всею дружиною, а съ нѣкоторыми отдѣльными ея членами.

Источники сохранили свидѣтельства о совѣщаніяхъ князей даже съ нисшимъ разрядомъ слугъ, по мимо высшаго [1]). Но такіе случаи можно разсматривать какъ весьма рѣдкое исключеніе. Согласно естественному тяготѣнію силы, обыкновенными совѣтниками князя были его мужи и бояре; для приведенія думы въ исполненіе нужна была сила, а таковою силой мужи и бояре были надѣлены преимущественно передъ другими слугами князя и, слѣдовательно, ихъ согласіемъ необходимо было заручиться, прежде чѣмъ приступать къ какому-либо дѣйствію. Лѣтописи весьма богаты указаніями на совѣщанія князей съ мужами и боярами, а по выходѣ изъ употребленія перваго термина, съ одними боярами.

Въ засѣданіяхъ княжеской думы подвергались обсужденію всѣ предметы тогдашняго управленія. Всего чаще должна была собираться дума для обсужденія вопросовъ войны и мира, уступки своихъ городовъ, захвата чужихъ и т. под. Рядомъ съ этимъ находимъ указанія на совѣщанія о дѣлахъ внутренняго управленія, о порядкѣ суда, размѣрѣ штрафовъ и т. под. [2]).

Мѣстные правители, вѣдѣнію которыхъ поручались отдѣльныя волости, въ древнѣйшее время именовались посадниками. Мы встрѣчаемъ ихъ при первыхъ князьяхъ по всей Россіи.

---

[1]) О Всеволодѣ Ярославичѣ читаемъ: «И нача любити смыслъ у н ы х ъ, совѣтъ творя съ ними; си же начаша заводити и негодовати дружины своея первыя»... Лавр. 1093 г.—Въ Ипат. подъ 1180 г. находимъ такое извѣстіе: «и тогда Святославъ, сдумавъ съ княгинею своею и съ Кочкаремъ, милостникомъ своимъ, и не повѣда мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея»....

[2]) Ипат. 1147 г.: «Изяславъ и Ростиславъ... начаста думати съ мужи своими»..... Лавр. 1150 г.: «бояре размолвиша Гюргя и рѣша: брату твоему Кіева не удержати; да не будетъ его тобѣ, ни тому, Гюргеви же послушавшю боляръ»... Ипат. 1164 г.: «сеже створи княгиня (по смерти мужа), сгадавши съ пискупомъ и съ мужи князя своего съ передними»... 1170 г.: «И угодна бысть рѣчь его (Мстислава Изяславича Кіевскаго) преже Богу и всей братьѣ, и мужемъ ихъ». Подъ 1178 г. о Мстиславѣ Ростиславичѣ читаемъ: «всегда бо на великія дѣла тѣсняся, размышливая съ мужи своими».. И далѣе: «но понудиша и братья своя и мужи свои..... онъ же послушавъ братьи своей и мужей своихъ»... 1195 г.: «Рюрикъ же сдума съ братьею и съ мужи своими»; подъ тѣмъ же годомъ: «Романъ..... сдума съ мужи своими»...; 1227 г.: „И рѣша ему (Даніилѣ Галицкому) бояре его.“ „иріими Луческъ, здѣ ими князя ихъ“.—Въ завѣщаніи Московскаго князя, Семена Ивановича, находимъ слѣдующія слова, обращенныя къ братьямъ, Ивану и Андрею: „а лихихъ бы людей не слушали..., слушали бы отца нашего, владыки, Алексѣя, такоже старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ“.—Подобныя же слова Воскр. лѣт. влагаетъ въ уста умирающему Дмитрію Ивановичу; его прощальное наставленіе дѣтямъ такъ оканчивается: „бояры своя любите...., безъ воли ихъ ничтоже не творите“... 1389 г. Тамъ же подъ 1432 г. находимъ слѣдующее выраженіе: „Бояринъ же бѣ тогда съ в. к. Иванъ Дмитріевичъ, и той с д у м а в ъ великому князю“..... Подъ 1480 г. читаемъ: „Князь великій ѣха съ Коломны на Москву..... на совѣтъ и на думу къ отцу своему Митрополиту, Геронтію, къ своей матери къ кн. Марѳѣ.... и ко всѣмъ своимъ боярамъ“.—Ср. еще Рус. Пр. Карамз. сп. ст. 2 и 66; но Рус. Пр. князь думаетъ съ мужами, по Судеб.—съ боярами.

Такъ Кіевскій князь Ярополкъ, узнавъ о бѣгствѣ за море Новгородскаго князя Владиміра, сажаетъ въ Новгородѣ своихъ посадниковъ, чѣмъ и выражается присоединеніе Новгорода къ его Кіевскому княженію. Такъ же поступаетъ Черниговскій князь Олегъ: отнявъ у Владиміра Мономаха Ростовскую и Муромскую волости, онъ занимаетъ города этихъ волостей своими посадниками. По всей Семи встрѣчаемъ посадниковъ Переяславскаго князя, Ярополка; въ Лучсвѣ—посадника Кіевскаго князя, Святополка Михаила; въ Путивлѣ — посадника Сѣверскаго князя, Святослава Ольговича. Изяславъ Кіевскій, отнявши Путивль у Святослава, занимаетъ его своимъ посадникомъ, а Святослава выводитъ. Въ 1175 году по городамъ Суздальской земли встрѣчаемъ посадниковъ Суздальскихъ князей, Ростиславичей; а нѣсколько ранѣе въ княженіе ихъ предшественника, Андрея Боголюбскаго, города эти вѣдались его посадниками [1]).

Какъ въ лицѣ князя судъ не былъ отдѣленъ отъ управленія, а управленіе военное—отъ гражданскаго; также точно управленіе и судъ были слиты и въ лицѣ мѣстныхъ представителей его власти. Одна изъ главнѣйшихъ обязанностей посадника заключалась въ охраненіи власти своего князя надъ ввѣренною ему волостью. Для защиты ея онъ ставилъ «города» и въ случаѣ нападенія отражалъ непріятеля силой [2]). Кромѣ того, находимъ указанія на отправленіе посадниками суда. О посадникахъ, назначенныхъ Ростиславичами въ Суздальскіе города, лѣтописецъ говоритъ, что «они много тяготу людямъ створиша продажами и вирами», они, слѣдовательно, судили. Болѣе подробныя извѣстія сохранились о судѣ Новгородскихъ посадниковъ [3]). Правительственная и судебная дѣятельность посадника могла быть ежеминутно прервана княземъ: какъ скоро послѣдній пріѣзжалъ въ городъ, онъ вступалъ, обыкновенно, въ личное завѣдываніе

---

[1]) См. В. и К., стр. 362, пр 27.

[2]) Согласно древнѣйшему извѣстію о назначеніи посадниковъ имъ были розданы волости съ тѣмъ, чтобы они укрѣпили ихъ городами: «... и прія власть Рюрикъ (по смерти братьевъ), и раздая мужемъ своимъ волости и грады ставити»... Сузд. 862 г., и Лавр. см. вар. е.—Въ Ник. подъ 1054 г. находимъ извѣстіе о походѣ Новгородскаго посадника Остромира на Чюдь. Въ Новгород. I. подъ 1164 г. читаемъ: «Придоша Свеи подъ Ладогу, и пожгоши Ладожане хоромы своя, а сами затворашася въ градѣ съ посадникомъ съ Нѣжатою».... и тамъ же подъ 1228 г.: «Володиславъ, посадникъ Ладожскій, съ Ладожаны, не ждя Новогородецъ, гонися въ лодьяхъ по нихъ въ слѣдъ, гдѣ они (Емь) воюютъ, и постиже я, и бися съ ними»...

[3]) См. договорныя грамоты Новгорода съ князьями въ А. А. Э т. I. и въ Р. С. Г. Г. и Д. ч. I; ср. еще Новгород. IV. 1348 и 1384 г.—Для суда смоленскихъ посадниковъ см. уставную грамоту Смоленскаго князя Ростислава; Д. къ А. И. ч. I. № 4.—Для суда псковскихъ посадниковъ см. Пскутскую судную грамоту, изден. Мурзакевича.

всѣми дѣлами. Этимъ объясняются приведенныя выше слова Владиміра Мономаха: «самъ есмь створилъ дѣла... на посадники не зря, ни на биричи“.... Конечно, примѣненіе этого правила къ отдѣльнымъ случаямъ условливалось степенью личной энергіи князя: одни, какъ Мономахъ, дѣлали все сами, другіе, какъ напр. Вячеславъ, замѣняли себя посадниками даже и въ такихъ городахъ, въ которыхъ имѣли постоянное пребываніе.

Право избирать въ должности посадниковъ принадлежало князьямъ. Обыкновенно они назначали своихъ мужей [1]). Лавреньтьевская лѣт. сохранила слѣдующую характеристику лицъ, назначаемыхъ въ посадники: «избра (Вларимiръ Св.) мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады» [2]). Храбрость и, употребляя болѣе общее выраженіе, знакомство съ военнымъ дѣломъ были до такой степени необходимыми качествами посадниковъ, что ихъ должности не рѣдко замѣщались воеводами. Такъ Даніилъ Галицкій роздалъ города «боярамъ и воеводамъ». Подобно этому Владимірскій князь, Ярославъ Всеволодичъ, получивъ отъ Батыя Кіевъ, посылаетъ туда посадникомъ воеводу своего Дмитра. Вслѣдствіе этого вмѣсто посадника говорилось иногда просто «воевода». Въ описаніи осады Галицкой волости, Звенигорода, Черниговскими князьями находимъ такое мѣсто: «и бѣ у нихъ воевода, Володимiръ мужъ, Иванъ Халдѣевичъ»... [3]).

Мужи назначаются посадниками обыкновенно, но не исключительно; князь былъ воленъ назначить, кого хотѣлъ, и лѣтописи сохранили примѣры назназначенія въ эти должности нисшихъ слугъ князя, его дѣтскихъ [4]). Кромѣ служилыхъ людей въ должности посадника встрѣчаются очень часто сыновья князя. По чувству естесвенной привязанности интересы отца никому не были такъ дороги, какъ его сыну; а потому понятно, что сыновья назначались даже преимущественно передъ мужами [5]).

Право князя назначать посадниковъ подверглось съ теченіемъ времени нѣкоторымъ измѣненіямъ въ Новгородской волости. Еще въ XII вѣкѣ новгородскіе посадники назначались князьями; но со второй четверти этого вѣка встрѣчаются случаи назначенія ихъ самимъ Новгородомъ, а въ началѣ XIII-го нов-

---

[1]) Такъ Рюрикъ раздаетъ волости «мужамъ своимъ», Лавр. 862 г., Олегъ сажаетъ «мужей своихъ» въ Смоленскѣ и Любечѣ, тамъ же 882 г. и пр.

[2]) 980 г.

[3]) Ипат. 1235 г.; Густ. 1243 г., Ипат. 1146 г.; ср. еще Новгород. I. 1398 г.: «..воеводы же Новгородскіе, посадникъ Тимоѳей, посадникъ Юрій и Василій, и всивои поидоша за Волокъ на Двину»...

[4]) О Ростиславичахъ Ростовскихъ читаемъ: «роздаяла бѣста посадничества Рускимъ дѣтскимъ»... Ипат. 1175 г.

[5]) Такъ поступалъ каждый князь, у котораго были сыновья.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб. Вас. Остр., 2 л., 7.

городскій посадникъ Твердиславъ, обращаясь къ вѣчу, высказываетъ такое общее положеніе: «а вы, братье, въ посадничествѣ и въ князѣхъ (вольны)». Такимъ образомъ, съ XIII в. и даже ранѣе, новгородскій посадникъ назначался уже не княземъ, а Новгородомъ, какъ и самъ князь [1]). Вмѣстѣ съ этимъ подверглось ограниченію и право князя назначать посадниковъ въ Новгородскія волости. Онъ назначаетъ ихъ уже не одинъ, а вмѣстѣ съ новгородскимъ посадникомъ, и не изъ своихъ служилыхъ людей, а изъ мужей новгородскихъ [2]).

Увольненіе посадниковъ также зависѣло отъ князя, какъ и ихъ опредѣленіе. Въ источникахъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы пасадники назначались на опредѣленный срокъ; они оставались въ своей должности до тѣхъ поръ, пока это нравилось князю.—Позднѣйшая Новогородская исторія представляетъ и въ этомъ отношнніи важное отступленіе. Съ самаго начала XIII в. мы встрѣчаемся здѣсь съ началомъ не смѣняемости посадниковъ иначе, какъ по преступленію. Въ договорахъ Новгорода съ князьями это начало выражалось въ слѣдующей формулѣ: «а безъ вины ти, княже, мужа волости не лишити» 3).

Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ посадникъ новогородскій изъ княжаго мужа сдѣлался въ полномъ смыслѣ слова новгородскимъ му-

---

[1]) Ср. Ник. 1120 г., 1126 г., 1129 г., 1130 г., 1140 г.; Новгород. I. 1218 г.

[2]) См. Новгородскія договорныя грамоты въ Р. С. Г. Г. и Д. ч. I и въ А. А. Э. т. I. Исключеніе представляетъ только Торжокъ и Волокъ, Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 10.

[3]) Тамъ же. Древнѣйшее упоминаніе о такомъ условіи относится къ началу XIII в.; см. Новгород. I. 1218 г., 1220 г., Соф. I. 1269 г.—Въ лѣтописныхъ источникахъ Новгорода и Пскова встрѣчаемъ единовременно нѣсколькихъ посадниковъ и кромѣ того—степеннаго посадника и старыхъ посадниковъ, см. Воскр. 1386 г., Пск. I. 1410 г. Пск. II. 1417 г., Новгород. I. 1418 г., 1420 г., Воскр. 1428 г., Пск. I. 1458 г., 1464 г., 1465 г., Воскр. 1471 г., 1478 г. Тоже встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями см. А. А. Э. т. I. №№ 8, 42, 62, 87, 93, 104; Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 20.—Въ Новгородѣ былъ только одинъ посадникъ, всѣ договоры пишутся отъ имени одного. Другіе посадники упоминаются въ договорахъ только въ качествѣ пословъ, на ряду съ другими послами отъ житьихъ и пр. Эти другіе посадники—ничто иное, какъ бывшіе посадники, упоминаемые особо при посольствахъ только для большей ихъ торжественности. Въ отличіе отъ состоящаго на службѣ посадника, они называются иногда—старыми, а дѣйствующій посадникъ—степеннымъ, но далеко не всегда. Въ Новгородскихъ памятникахъ степенный посадникъ упоминается только въ единственномъ числѣ.—Тоже и въ Псковскихъ, хоть и не всегда, такъ въ Пск. I. подъ 1465 г. встрѣчаемъ двухъ степенныхъ посадниковъ; а подъ 1478 г. въ этомъ городѣ упоминается снова только одинъ степенный посадникъ и рядомъ нѣсколько старыхъ, какъ и въ Новгородѣ. Надо думать, что въ Псковѣ, по крайней мѣрѣ, иногда, избирались по два посадника. См. И. Д. Бѣляева. Разсказы кн. Ш.—Ярополкъ въ 977 г. послалъ въ Новгородъ не одного, а многихъ посадниковъ, но они были посланы въ Новгородъ и волости.—Въ Новгород. I подъ 1211 г. читаемъ: «Приде Дмитръ Якуницъ изъ Руси, и сступися Твердиславъ посадничества по своей воли старѣйшю себе». Въ чемъ состояло это старѣйшинство, для насъ не ясно.

жемъ, для перваго входитъ въ употребленіе новое наименованіе. Съ самаго начала XIII в. представители князя въ Новгородѣ называются уже не посадниками, а намѣстниками князя. Намѣстникъ, какъ показываетъ самое слово, занимаетъ мѣсто князя, замѣняетъ его; это тотъ же посадникъ, но на этотъ разъ обозначенный по существу представляемой имъ власти, а не по дѣйствію посаженія его княземъ. Новое имя, потребность въ которомъ первоначально почувствовалась только въ Новгородѣ, мало-по-малу сдѣлалось общимъ терминомъ. Съ XIV в. мы не встрѣчаемъ болѣе посадниковъ: назначаемые княземъ органы мѣстнаго управленія съ этого времени носятъ исключительно наименованіе намѣстниковъ и волостелей. Единовременное существованіе двухъ разныхъ властей, намѣстниковъ и волостелей, объясняется замѣченною уже выше противоположностью города и волости, какъ сораздѣленія княжества. Обыкновенно, намѣстники назначались въ города и ихъ уѣзды, а волостели въ волости и ихъ уѣзды.

Это доказывается: во 1-хъ, названіями намѣстниковъ и волостелей. Первые обозначались, обыкновенно, по именамъ значительныхъ городовъ, служившихъ нерѣдко мѣстопребываніемъ для самихъ князей; мы имѣемъ намѣстниковъ: Углицкихъ, Бѣлозерскихъ, Городецкихъ, Переяславскихъ, Ростовскихъ, Вологодскихъ, Кашинскихъ, Муромскихъ, Верейскихъ, Юрьевскихъ, Бѣжецкихъ, Московскихъ, Новоторжскихъ, Дмитровскихъ, Владимірскихъ, Устюжскихъ, Коширскихъ, Суздальскихъ, Галицкихъ и пр. [1]). Вторые же или вовсе не обозначались никакимъ прилагательнымъ именемъ, напр. «намѣстники Московскіе и волостели»... т. е. волостели Московскихъ становъ и волостей [2]), или обозначались по имени незначительныхъ поселеній, составлявшихъ правительственный центръ волости; въ послѣднемъ случаѣ встрѣчаются волостели :Медушскіе, Усольскіе, Кинельскіе, Колскіе или Койскіе, Тошенскіе, Лоскомскіе, Ворьскіе, Пироговскіе, Угольскіе, Югскід, Шубачскіе, Кобылинскіе, Масленскіе, Янгосарскіе, Чухломскіе, Кривандинскіе, Клечанскіе, Вышегородскіе, Вѣдо-

---

[1]) А. А. Э. т. I. №№ 19, 28, 36, 37, 44, 51, 56, 60, 64, 79, 102, 111, 119, 120, 122, 123, 124, 126, 130, 131, 139, 141, 143, 147, 148, 158, 159, 164, 166, 167, 169, 175, 371, 373, 374, 377; А. И. т. I. №№ 83, 87, 88, 125, 131.—Иногда просто—«городскіе намѣстники», А. А. Э. т. I. № 77; въ № 111 А. И. читаемъ: «и намѣстники наши Новгородскіе, и пригородскіе намѣстники».....

[2]) А. А. Э. т. I. №№ 139, 166; ср. еще №№ 36, 175.—Изъ всѣхъ грамотъ, сохранившихся отъ разсматриваемаго времени и помѣщенныхъ какъ въ I. т. А. А. Э., такъ и въ I. т. А. И., только въ одной намѣстники названы также, какъ и волостели; въ жалованной грамотѣ Звенигородскаго князя Савво—Сторожевскому монастырю читаемъ: «А намѣстники мои Звенигородскіе и волостели Звенигородскіе, и Рузскіе мои намѣстники и волостели мои Рузскіе»... А. И. т. I. № 15.

куркіе, Мещерскіе, Гороховскіе, Задубровскіе и пр. [1]). Во 2-хъ, противоположеніемъ городскихъ и волостныхъ людей, съ одной стороны, и намѣстниковъ и волостелей, съ другой, изъ котораго видно, что городскіе люди живутъ въ округѣ, подвѣдомственномъ намѣстнику, а волостные—волостелю. Въ жалованныхъ грамотахъ это противоположеніе выражается въ слѣдующей формулѣ: «а правъ ли будетъ, виноватъ ли—городской человѣкъ или волостной, и онъ въ правдѣ и въ винѣ намѣстникомъ и волостелемъ»—т. е. городской—намѣстникамъ, волостной—волостелямъ [2]). Еще съ большею ясностью выражена эта противоположность въ судебникахъ. Въ первомъ читаемъ: «А въ который городъ или волость, въ которую пріѣдетъ недѣльщикъ съ приставною, и ему приставную явити намѣстнику или волостелю», т. е. смотря по тому, куда пріѣдетъ: въ городѣ—намѣстнику, въ волости—волостелю; и во второмъ: «лѣта 1550 мѣсяца іюня царь и вел. князь Иванъ Васильевичъ всея Руси съ своею братьею и съ бояры сесь судебникъ уложилъ; какъ судити бояромъ... и всякимъ приказнымъ людямъ, и по городомъ намѣстникомъ, и поволостемъ волостелемъ»...

Итакъ, намѣстники вѣдаютъ, обыкновенно, города, а волостели—волости. Но, какъ выше было замѣчено, города и волости не составляли правильнаго, единообразнаго дѣленія Русской земли; уѣзды городовъ и волостей не рѣдко увеличивались, или уменьшались, смотря по требованіямъ данной минуты. Для доставленія большаго содержанія волостелямъ и намѣстникамъ нѣсколько волостей соединялись въ одну, или приписывались къ городу и увеличивали его уѣздъ. Въ первомъ случаѣ, въ соединенную волость назначался одинъ волостель, во второмъ—въ городъ и приписанныя къ нему волости назначался одинъ намѣстникъ и одинаково вѣдалъ какъ городъ, такъ и волости, которыя, несмотря на то, что утрачивали значеніе самостоятельныхъ правительственныхъ округовъ, продолжали, однако, называться волостями [3]).

---

[1]) А. А. Э. т. I. №№ 23, 44, 46, 52, 56, 60, 75, 81, 88, 95, 136, 149, 169, 183, 377, 379; А. И. т. I. №№ 25, 28, 70, 125.—Только въ Волокѣ упоминаются то волостели,то намѣстники. А. А. Э. т. I. №№ 4, 377 и А. И. т. I. № 15.

[2]) А. А. Э. т. I. №№ 136, 139, 149, 159, 164, 166; А. И. т. I. № 74.

[3]) Въ примѣръ такого соединенія можно указать на Бѣлоозеро. Въ 1438 г. тамъ упоминаются намѣстникъ и волостели, а по уставной грамотѣ 1488 г. Бѣлозерскій намѣстникъ получаетъ право подѣлить Бѣлозерскія волости между своими тіунами. И такъ, въ первомъ случаѣ Бѣлоозеро распадается на нѣсколько отдѣльныхъ округовъ, управляемыхъ намѣстникомъ и волостелями; во второмъ—оно соединено въ одинъ подъ властью намѣстника и зависящихъ отъ него тіуновъ. А. А. Э. т. I. №№ 36 и 123.—Впрочемъ, очень можетъ быть, что Уст. Бѣл. гр. при назначеніи намѣстника не была приведена въ исполненіе

Какъ города и волости, составляя сораздѣленіе княжества, не зависѣли другъ отъ друга, такъ точно не были подчинены одинъ другому и завѣдывавшіе ими чиновники. Волостель пользовался совершенно независимымъ положеніемъ отъ намѣстника и на ряду съ нимъ состоялъ въ непосредственномъ подчиненіи къ князю [1]).

Предметы вѣдомства намѣстниковъ и волостелей не совершенно совпадали между собой. Намѣстники обладали тою же властью, которая прежде принадлежала посадникамъ: они вѣдали судъ какъ гражданскій, такъ и уголовный, и мѣстное военное управленіе [2]). Вслѣдствіе этого намѣстники, такъ же, какъ и посадники, назывались иногда воеводами. Чрезвычайно любопытное указаніе на это находимъ въ договорныхъ грамотахъ князей. Въ договорѣ Василія Дмитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ, въ статьяхъ, опредѣляющихъ порядокъ выступленія въ походъ, читаемъ: «а коли ми послати своихъ воеводъ, изъ которыхъ городовъ...» [3]). Изъ этого мѣста слѣдуетъ, что въ городахъ сидѣли, воеводы, которые посылались иногда съ войскомъ въ качествѣ его предводителей. При отсутствіи всякого раздѣленія гражданской власти отъ военной, нѣтъ никакой возможности допустить, что рядомъ съ этими воеводами въ городахъ сидѣли еще намѣстники — для суда и другихъ гражданскихъ дѣлъ. Эти воеводы и были намѣстники. Городовые воеводы, которые кромѣ войны вѣдали еще и гражданское управленіе, естественно, отличались отъ воеводъ, назначаемыхъ съ исключительной цѣлью предводительства въ извѣстномъ походѣ. Это различіе отразилось и на ихъ наименованіяхъ: первые назывались «мѣстными», вторые «ратными» [4]). Къ имени мѣстнаго воеводы, какъ намѣстника, присоединялось наименова-

---

во всей точности: еще въ томъ же году рядомъ съ Бѣлозерскими намѣстниками упоминаются—волостели Угольскіе. Тамъ же № 124.

[1]) Въ дѣлахъ управленія и суда жалобы на волостелей, такъ же, какъ и намѣстниковъ, приносились прямо князю. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 34 А. А. Э. т. I. №№ 13, 123, 144.

[2]) Въ договорѣ Семена Ивановича съ братьями, послѣ статьи, опредѣляющей порядокъ выступленія въ походъ, читаемъ: «А что ся учинитъ просторожа отъ мене, или отъ васъ, или отъ моего тысяцкаго и отъ нашихъ намѣстниковъ, исправа ны учинити, а нелюбья не держати». Р.С.Г.Г. и Д. ч. I № 23. «Просторожа» очевидно относится къ военному дѣлу, къ содержанію стражи. Итакъ, на намѣстникахъ вел. кн. Семена и его братьевъ, также какъ и на тысяцкомъ, лежитъ обязанность содержать военную стражу для наблюденія за непріятелемъ. О судѣ намѣстниковъ смотри жалованныя и уставныя грамоты въ А. А. Э. т. 1. и въ А. И. т. 1., а также Суд. 1497 г.

[3]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. 1. № 35; ср. еще тамъ же № 54.

[4]) Въ Воскрес. лѣт. подъ 1380 г., при описаніи сборовъ вел. кн. Дмитрія Ивановича въ борьбѣ съ Мамаемъ, читаемъ: «собра вой своихъ сто тысящь и сто, опрочей князей Русскихъ и воеводъ мѣстныхъ». Для «ратныхъ воеводъ» см. жалованную грамоту Ивашкѣ Глядящеву А. А. Э. т. 2 № 120.

ніе отъ города, въ которомъ онъ сидѣлъ [1]). Какъ прежде посадники-воеводы строили города, такъ теперь это дѣлаютъ ихъ преемники, намѣстники-воеводы. Въ Воскресенской лѣт. подъ 1408 г. читаемъ: «повелѣніемъ великаго князя срубленъ бысть Ржева городъ, а воевода (вмѣсто: а намѣстникъ бѣ (при построеніи) князь Юрій Козельскій, да Юрій Васильевичъ».—Такимъ образомъ, для намѣстника было также необходимо знакомство съ военнымъ дѣломъ, какъ и для посадника. Согласно съ этимъ, должности намѣстниковъ также поручались ратнымъ воеводамъ, какъ прежде должности посадниковъ [2]).

Волостели, также какъ и намѣстники, вѣдали судъ гражданскій и уголовный. Обыкновенно, имъ принадлежалъ наравнѣ съ намѣстниками и высшій уголовный судъ въ душегубствахъ, разбояхъ и пр. [3]). Но иногда высшій уголовный судъ вынимался изъ ихъ вѣдѣнія и предоставлялся намѣстнику [4]). Это изъятіе не установляло, однако, подчиненія волостеля намѣстнику, оно только ограничивало объемъ дѣятельности перваго въ пользу послѣдняго.— Что же касается до мѣстнаго военнаго управленія, то мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобы оно принадлежало и волостелямъ. Надо думать, что военное управленіе исключительно сосредоточивалось въ рукахъ намѣстниковъ, и что волостели не имѣли къ нему никакого отношенія. Это различіе дѣятельности намѣстниковъ отъ дѣятельности волостелей условливалось тѣмъ, что первые сидѣли въ городахъ, а города и составляли центры мѣстной обороны.

Кромѣ того, на намѣстниковъ и волостелей возлагалась еще обязанность «блюсти» людей и нѣкоторыя другія заботы по части благоустройства, какъ напр., наблюденіе за исполненіемъ рабочими людьми установленныхъ сроковъ перехода отъ одного владѣльца къ другому и пр. [5]).

---

[1]) Въ Воскр. лѣт. подъ 1408 г. читаемъ: «тогда же (въ войну Рязанскихъ князей) убиша Игнатія Семеновича Жеребцова, воеводу Коломенскаго, и Коломничъ побиша многихъ». Любопытно мѣсто той же лѣт. подъ 1370 г.: «Пріиде Ольгердъ со всѣми силами къ Волоку и ста около города, тогда же на мосту у града стояше к. Василій Ивановичъ Березуйскій, бѣ ту воеводствуя», т. е. занимая мѣсто Волоцкаго воеводы, или намѣстника.

[2]) Новгор. 1. 1348 г., 1464 г., 1467 г.

[3]) Это видно изъ большинства дошедшихъ до насъ жалованныхъ грамотъ; см. А. А. Э. т. 1. №№ 4, 23, 31, 41, 46, 47, 52, 53, 75, 88, 136 и А. И. т. 1. №№ 25, 28.

[4]) Такіе случаи весьма рѣдки. Мы имѣемъ три грамоты, въ которыхъ встрѣчается указаніе на подобное изъятіе. Впрочемъ, эти грамоты не отличаются совершенною ясностью по отношенію къ разсматриваемому вопросу. см. А. А. Э. т. 1. №№ 143, 144, 150.

[5]) А. А. Э. т. 1. №№ 4 и 83. Въ жалованной грамотѣ вел. кн. Василія Ивановича Смоленскимъ жителямъ читаемъ: «А отъ ябедниковъ нашему намѣстнику и нашимъ окольничимъ—бояръ и мѣщанъ и черныхъ людей беречи; а

Намѣстники и волостели назначались княземъ и оставались въ своихъ должностяхъ, пока это ему нравилось [1]). Выборъ ихъ, какъ и выборъ посадниковъ, главнымъ образомъ дѣлался изъ высшаго разряда слугъ, изъ бояръ; рядомъ съ этимъ встрѣчаются указанія и на назначеніе боярскихъ дѣтей [2]). Число намѣстниковъ и волостелей не было одинаково: иногда назначался одинъ, иногда нѣсколько [3]). Такъ какъ въ древней Россіи при рѣшеніи дѣлъ коллегіальнымъ порядкомъ права простаго большинства не были признаны, то при назначеніи нѣсколькихъ намѣстниковъ въ одинъ и тотъ же городъ, надо предполагать, или рѣшеніе дѣлъ коллегіальнымъ порядкомъ права простаго большинства не были признаны, то при назначеніи нѣсколькихъ намѣстниковъ въ одинъ и тотъ же городъ, надо предполагать или рѣшеніе дѣлъ «съ единаго», или раздѣленіе города на участки, которые и распредѣлялись между отдѣльными намѣстниками, какъ особые, независимые одинъ отъ другаго округа [4]).—Въ Москвѣ и другихъ городахъ, состоявшихъ въ нераздѣльномъ завѣдываніи нѣсколькихъ князей, — каждый изъ соправителей назначалъ свего намѣстника. По числу соправителей такіе намѣстники назывались иногда третчиками; если въ рукахъ одного князя соединялось болѣе одной трети, его представитель, въ отличіе отъ третчки именовался просто намѣстникомъ, или большимъ намѣстникомъ [5]).

При князьяхъ, какъ мѣстныхъ правителяхъ, посадникахъ, намѣстникахъ и волостеляхъ состояли помощники. — Князья,

---

котораго ябедника утяжутъ; и они его казнятъ по его винѣ» Р. С. Г. Г. и Д. ч. 1. № 148.

[1]) Назначеніе совершалось посредствомъ двухъ грамотъ: одна на имя намѣстника или волостеля, другая на имя города или волости. Въ послѣдней писалось: «Се язъ, князь великій, Иванъ Васильевичъ, пожаловалъ есми боярина своего... городомъ Володимеромъ. И вы бы, всѣ люди того города Володимера, его слушали, а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ по старой пошлинѣ, какъ было прежъ сего». А. И. т. 1. № 110 ср. еще А. Ю. № 161.—Б. Н. Чичеринъ на стр. 7. Областныхъ учрежденій Россіи XVII в. говоритъ: «иногда кормленіе, бывшее за отцами и дѣдами, утверждалось за сыновьями, внуками и другими родственниками и принимало характеръ наслѣдственности». Что должности намѣстниковъ и волостелей по смерти отцевъ передавались иногда ихъ сыновьямъ, это дѣйствительно случалось и доказывается двумя ссылками, приведенным авторомъ; но чтобы замѣщеніе этихъ должностей принимало характеръ наслѣдственности, т. е. чтобы онѣ переходили отъ отца къ сыну въ силу правилъ о порядкѣ наслѣдованія по закону и, слѣдовательно, по мимо назначенія со стороны князя, на это нѣтъ указаній.

[2]) А. А. Э. т. 1. № 13; ср. еще № 7, гдѣ подъ боярами надо, конечно, разумѣть—намѣстниковъ и волостелей. Точно также въ Судебникѣ 1497 г. въ статьѣ подъ рубрикой «указъ намѣстникомъ о судѣ городскомъ» — бояре и дѣти боярскіе сказано вмѣсто намѣстниковъ и волостелей.

[3]) А. А. Э. т. I. №№ 110, 126. А. И. т. I. № 115.

[4]) Такъ, напр., Кострома была раздѣлена на двѣ половины между двумя намѣстниками. А. И. т. I. № 110.

[5]) Въ примѣръ третчика см. дог. грам. Рязанскихъ князей Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 127; большой намѣстникъ упоминается въ Москвѣ, тамъ же № 144.

часто отвлекаемые изъ городовъ, которые они оставляли въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи, то войной, то объѣздомъ другихъ городовъ и волостей, то, наконецъ, частнымъ своимъ хозяйствомъ, имѣли въ этихъ городахъ особыхъ чиновниковъ, главною обязанностью которыхъ было отправленіе суда. Въ древнѣйшее время эти чиновники назывались тіунами [1]); позднѣе удерживаемый княземъ для себя лично судъ передавался обыкновенно введеніемъ боярамъ [2]).—Мужи князей, которымъ не рѣдко поручались весьма значительные уѣзды съ соединеніемъ въ ихъ рукахъ военной и гражданской власти, также нуждались въ помощникахъ. Мы весьма часто встрѣчаемъ ихъ при намѣстникахъ и волостеляхъ также подъ именемъ тіуновъ [3]) —О военномъ управленіи тіуновъ нѣтъ указаній; надо думать, что на нихъ переносилась только одна судебная власть, о чемъ говорится во многихъ жалованныхъ грамотахъ. Что же касается до пространства судебной власти тіуновъ, объ этомъ предметѣ нельзя составить себѣ точнаго представленія. Хотя въ жалованныхъ грамотахъ о судѣ тіуновъ говорится въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и о судѣ намѣстниковъ и волостелей, безъ всякаго противъ нихъ ограниченія; но такъ какъ наши древніе юридическіе памятники далеко не исчерпываютъ тѣхъ предметовъ, которыхъ имъ приходится касаться, а побольшей части ограничиваются только краткими указаніями на то, что считается уже извѣстнымъ,—то изъ этого безразличнаго упоминанія судѣ о тіу-

---

[1]) Тіунъ означалъ собственно человѣка, завѣдующаго чьимъ-либо частнымъ хозяйствомъ; съ такимъ характеромъ является онъ въ поученіи Владиміра Мономаха. По Рус. Пр. тіунъ тоже, что ключникъ. Карамз. сп., ст. 121. Но такъ какъ государственное управленіе не отличалось строго отъ частнаго хозяйства князя, то: тіуны и являются въ качествѣ чиновниковъ. — Въ Лавр. лѣт. подъ 1093 г. читаемъ «начаша тіуны грабити, людей продавати, ему (Всеволоду Ярославичу) не вѣдущю въ болѣзняхъ своихъ». И такъ, тіуны судили и брали произвольныя продажи,—чѣмъ и возбудили противъ себя неудовольствіе. Подобное же извѣстіе находимъ и подъ 1146 г.: «...а что были тіуны брата нашего, Ратша и Тудоръ, говоритъ Святославъ Игорю, а тѣмъ не быти, а коимъ будетъ быти, ино имъ имати съ суда урокомъ, а въ свою волю имъ людей не продавати». Ратша и Тудоръ, тіуны Всеволода, именно обвинялись Кіевлянами въ томъ, что брали произвольныя продажи и погубили Кіевъ и Вышгородъ. Воскр. и Ипат. Ср. еще Ипат. 1169 г., 1257 и Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 1; въ послѣднемъ случаѣ тіунъ князя ничѣмъ не отличается отъ посадника.

[2]) Въ жалованныхъ грамотахъ Московскаго періода весьма употребительна слѣдующая формула: «а кому будетъ чего искать... (на лицѣ, въ пользу котораго дѣлается исключеніе территоріи), ино—я сужу, князь великій, или бояринъ мой введеный». См. А. А. Э. т. I. №№ 44, 46, 111, 120, 180 и др. Въ Судеб. 1497 г. «тіунъ великаго князя»—является только въ качествѣ исполнителя смертныхъ приговоровъ, см. ст. подъ рубрикой «о татьбѣ».

[3]) А. А. Э. т. I. №№ 18, 21, 23, 37 и др. Хотя источники и не сохранили указаній на существованіе тіуновъ при посадникахъ, но мы должны допустить ихъ на томъ основаніи, что при намѣстникахъ и волостеляхъ, которые только замѣнили посадниковъ, тіуны составляютъ общее учрежденіе.

новъ наравнѣ съ судомъ намѣстниковъ и волостелей никакъ еще нельзя заключить о томъ, чтобы послѣдніе имѣли право весь принадлежащій имъ судъ переносить на своихъ помощниковъ [1]).—Право назначенія и увольненія тіуновъ принадлежало тѣмъ лицамъ, при которыхъ они состояли: князь назначалъ своихъ, намѣстники и волостели—своихъ; но въ этомъ послѣднемъ случаѣ, князь иногда опредѣлялъ — сколько должно быть тіуновъ при томъ или другомъ изъ его чиновниковъ [2]).—Хотя тіуны князя и имѣли много общаго съ посадниками, но, какъ показываетъ ихъ имя, они назначались преимущественно изъ нисшаго разряда княжескихъ слугъ и даже изъ рабовъ. Что касается до намѣстниковъ и волостелей, они были свободны въ выборѣ своихъ тіуновъ и только по отношенію къ увольненію, подлежали одному ограниченію, впрочемъ, исключительно финансоваго свойства: они не могли мѣнять тіуновъ ранѣе года послѣ ихъ назначенія [3]).—Тіуны вѣдали судъ вмѣсто намѣстниковъ и волостелей, они замѣняли ихъ, а не составляли съ ними одной коллегіи [4]).

Управленіе финансами находилось въ непосредственномъ завѣдываніи самого князя. Для сбора пошлинъ и даней назначались имъ особые чиновники, — мытники, таможники, даньщики, пятеньщики и другіе пошлинники, которые стояли внѣ всякой зависимости отъ намѣстниковъ и волостелей. Что сборщики пошлинъ и даней не были подчинены мѣстнымъ правителямъ, видно во 1-хъ изъ того, что всякаго рода правительственныя распоряженія дѣлались княземъ прямо на ихъ имя [5]); во 2-хъ, собираемыя ими деньги вносились самому князю, или кому онъ приказывалъ [6]); въ 3-хъ, жалобы на ихъ неправильныя дѣйствія подавались также князю непосредственно [7]).

Въ памятникахъ говорится иногда о намѣстникахъ и волостеляхъ, какъ лицахъ, занимающихся сборами извѣстныхъ пошлинъ [8]). Въ этихъ случаяхъ намѣстники и волостели являются

---

[1]) Ср. Судеб. 1497 г., ст. подъ рубрикой «о правой грамотѣ», гдѣ установленъ по нѣкоторымъ дѣламъ докладъ отъ тіуна къ намѣстнику, или волостелю.

[2]) А. А. Э. т. I. № 123. Тіуны намѣстниковъ и волостелей обыкновенно называются «ихъ» тіунами, тогда какъ чиновники, назначаемые княземъ, называются «его» чиновниками, т. е. княжескими. Кромѣ того о назначеніи тіуновъ намѣстниками прямо сказано въ Бѣлоз. уст. гр.

[3]) А. А. Э. т. I. №№ 123, 150, 181. Тіуны намѣстниковъ и волостелей такъ же могли быть назначаемы изъ рабовъ, какъ и княжескіе. Въ Судеб. 1497 г. читаемъ: «А тіуну его (намѣстника) правыя грамоты безъ доклада государя не дати». См. ст. «о правой грамотѣ».

[4]) А. Ю. №№ 18, 19.

[5]) А. А. Э. т. I. №№ 76, 78, 133, 140, 146.

[6]) А. А. Э. т. I. №№ 134, 153.

[7]) А. А. Э. т. I. № 76, А. И. т. I. № 70.

[8]) А. А. Э. т. I. №№ 77, 148, 167, 170, А. И. т. I. № 119.

не финансовыми чиновниками князя, обязанность которыхъ состоитъ въ сборѣ его пошлинъ, а правителями, которымъ князь жаловалъ ту или другую пошлину для увеличенія ихъ содержанія, и которые взимали ихъ на себя. Эти жалованныя пошлины вынимались изъ вѣдѣнія княжескихъ пошлинниковъ и собирались особыми сборщиками по назначенію самихъ мѣстныхъ правителей [1]).

Храненіемъ княжескихъ пошлинъ и даней и выдачею ихъ по назначенію князя занимались особые чиновники, которые одинаково вѣдали имущества князя, какъ правителя, и его имущества, какъ частнаго человѣка. Первое мѣсто между этими чиновниками занимаютъ дворскіе, или дворецкіе, за тѣмъ слѣдуютъ —казначеи, ключники и дьяки.

Какъ показываетъ самое имя, дворскій вѣдалъ дворъ князя. Древнѣйшее упоминаніе о немъ относится къ XII в. [2]); въ XIII в. встрѣчаемъ дворскаго въ качествѣ человѣка, пользующагося высокимъ положеніемъ [3]). Но только по позднѣйшимъ памятникамъ XIV и XV в. можно составить о должности дворскаго сколько-нибудь опредѣленное представленіе. Въ этомъ отношеніи особенно важно завѣщаніе Серпуховскаго князя, Владиміра Андреевича [4]). На 77 стр. въ концѣ втораго столбца читаемъ: «А бояромъ и слугамъ, кто будетъ не подъ дворскимъ,—вольнымъ воля». Отсюда слѣдуетъ: во 1-хъ, что подъ дворскимъ состоятъ какіе-то слуги, а можетъ быть даже и бояре; во 2-хъ, что эти слуги не пользуются правомъ свободнаго отъѣзда. Двѣ строки далѣе находимъ опредѣленіе послѣдствій отъѣзда этихъ невольныхъ слугъ: «а кто будетъ подъ дворскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себѣ не принимаютъ... (повтореніе выписаннаго уже положенія, но съ обращеніемъ къ дѣтямъ); а кто тѣхъ выйдетъ изъ удѣловъ дѣтей моихъ... инъ земли лишенъ, а земли ихъ сыну моему»... Вольные слуги переходили отъ одного князя къ другому съ сохраненіемъ права собственности на принадлежавшія имъ земли; здѣсь на оборотъ, слуги подъ дворскимъ съ переходомъ лишаются земель. Въ объясненіе этого различія можно сдѣлать толь-

---

[1]) Такъ въ нѣкоторыхъ грамотахъ читаемъ: «и намѣстники мои Углицкіи и ихъ тіуны и мытчики»... А. А. Э. т. I. №№ 167, 170. Для Новгорода ср. тамъ же №№ 42, 104.

[2]) Ипат. 1171 г. Мѣсто Ник. подъ 1097 г.: «и устрѣте и дѣтскій его, сирѣчь дворецкій» есть ничто иное, какъ объясненіе позднѣйшаго переписчика мало извѣстнаго ему слова «дѣтскій» болѣе извѣстнымъ и созвучнымъ «дворецкій».

[3]) Въ Ипат. подъ 1235 г. дворскій поставленъ рядомъ съ епископомъ, а подъ 1240 г. находимъ извѣстіе о посылкѣ дворскаго Галицкимъ кн. Даниломъ воеводою въ Перемышль.

[4]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 40.

ко одно предположеніе: различіе послѣдствій перехода условливалось различіемъ земель. Земли вольныхъ слугъ составляли ихъ частную собственность, земли слугъ подъ дворскимъ были землями, пожалованными имъ княземъ на условіи службы; какъ скоро не исполнялось условіе пожалованія, теряло силу и самое пожалованіе. Этимъ предположеніемъ объясняется зависимость помянутыхъ слугъ отъ дворскаго. Дворскій завѣдуетъ дворомъ князя и всѣмъ его имуществомъ; онъ раздаетъ по назначенію князя земли—его слугамъ; эти-то слуги и состоятъ подъ дворскимъ. — Что дворскій завѣдывалъ недвижимою собственностью князя и принималъ участіе въ ея раздачѣ, на это находимъ и прямое указаніе въ жалованной грамотѣ великаго князя Василія Ивановича Іосифову Волоколамскому монастырю. Эта грамота, въ которой назначалось мѣсто для монастырскаго двора, носитъ слѣдующую подпись: «А приказалъ дворецкій Михайло Юрьевичъ» [1]).

И такъ, дворскіе вѣдали недвижимыя имущества князя; вмѣстѣ съ тѣмъ они вѣдали и всѣ тѣ повинности, которыя лежали на городскихъ и волостныхъ людяхъ по отношенію къ этимъ имуществамъ, какъ напр., постройка княжескаго двора, косьба княжескаго сѣна и проч. По этому въ жалованныхъ грамотахъ, которыми установляются въ чью-либо пользу исключенія изъ подвѣдомственности княжескихъ чиновниковъ, эти исключенія простираются и на дворскихъ [2]), которые въ противномъ случаѣ могли бы требовать отъ сотскихъ и старостъ исполненія извѣстныхъ службъ въ пользу княжескаго двора.—Кромѣ недвижимыхъ имуществъ князя въ завѣдываніи дворскаго находились также и его движимости: во 1-хъ деньги, во 2-хъ серебряная посуда и всякая домашняя рухлядь [3]). Впрочемъ, завѣдываніе движимостями принадлежало дворскому далеко не исключительно; онъ раздѣлялъ его со многими другими придворными чиновниками, изъ которыхъ нѣкоторые, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, имѣли даже болѣе близкое отношеніе къ денежной княжеской казнѣ, чѣмъ онъ самъ. У великаго князя Московскаго, Ивана Васильевича, встрѣчаемъ трехъ дворскихъ: одинъ изъ нихъ носитъ наименнованіе «великаго», два другихъ обозначены по городамъ—тверскій и новогородскій. По общему порядку, каждый изъ нихъ вѣдалъ свою часть; великимъ же названъ московскій только потому, что область вѣдѣнія его была больше.

---

[1]) А. А. Э. т. I. № 169. Ср. еще: Р. С. Г. Г, и Д. ч. I. №№ 27, 33.
[2]) А. А. Э. т. I. № 5 и др., А. И. т. I. № 15 и др.
[3]) См. завѣщаніе в. к. Московскаго Ивана Васильевича.

Собственно для завѣдыванія княжеской денежной казной назначались казначеи. Съ такимъ характеромъ выступаетъ казначей вел. кн. Московскаго Ивана Васильевича «Дмитрій Владиміровъ»: вмѣстѣ съ печатникомъ и дьяками великаго князя онъ хранитъ ключи отъ княжеской казны. Рядомъ съ Дмитріемъ Владиміровичемъ въ завѣщаніи Ивана Васильевича встрѣчаются и другіе казначеи. Между этими послѣдними и Дмитріемъ Владиміровичемъ существуетъ большое различіе: онъ поименованъ въ числѣ бояръ, подписавшихся свидѣтелями въ завѣщаніи этого князя, тогда какъ нѣкоторое изъ другихъ казначеевъ принадлежатъ къ числу его рабовъ. Надо думать, что Дмитрій Владиміровичъ вѣдалъ большую или главную казну Ивана Васильевича, находящуюся въ Москвѣ; а другіе казначеи и въ томъ числѣ рабы занимались полученіемъ доходовъ князя въ мѣстахъ ихъ сбора и доставляли ихъ или въ московскую казну, или кому князь приказывалъ, или, наконецъ, хранили у себя до востребованія [1]). Званіе казначея довольно поздняго происхожденія, оно не встрѣчается ранѣе XIV в. Въ болѣе отдаленное время обязанности казначеевъ исполнялись — мужами вообще, дворскими, домашними тіунами и ключниками. Когда Кіевскій князь, Ростиславъ, захотѣлъ привести въ извѣстность оставшееся послѣ смерти князя Вячеслава имущество, онъ обратился къ его мужамъ, тіунамъ и ключникамъ и приказалъ имъ нести имѣніе отца своего Вячеслава «передъ ся, и порты, и золото и серебро» [2]).

На ряду съ казначеями и дворскими движимымъ имуществомъ князя завѣдуютъ еще дьяки и подъячіе. Послѣднимъ поручается иногда сборъ княжескихъ доходовъ съ мытниковъ и таможниковъ; первые же упоминаются въ числѣ лицъ, которымъ княжеская казна—въ деньгахъ и вещахъ отдавалась на сохраненіе [3]). Дьяки также не рѣдко принадлежали къ рабамъ князя [4]).

Болѣе второстепенное значеніе въ распоряженіи княжескимъ имуществомъ играли ключники, или тіуны. Они хранили у себя ключи зданій, въ которыхъ складывались всякого рода дворцовые запасы, напр. пшеница, рожь и пр. Распоряженія о производствѣ кому-либо единовременныхъ или постоянныхъ выдачъ изъ этихъ запасовъ дѣлаются князьями на ихъ имя [5]); кромѣ того, встрѣчаемъ извѣстія о покупкѣ ключниками деревень для

---

[1]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 144; ср. еще тамъ же №№ 25, 86.
[2]) Ипат. 1154 г.
[3]) А. А. Э. т. I. № 134. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 144.
[4]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 25, 144.
[5]) А. А. Э. т. I, № 127.

князя, за его ключемъ [1]). Ключники и домашніе тіуны назначались по большей части изъ рабовъ князя [2]).

Послѣднее мѣсто на лѣстницѣ разсматриваемыхъ властей занимаютъ княжескіе посельскіе. Имъ принадлежало хазяйственное управленіе въ деревняхъ князя, наемъ работниковъ и пр. Иногда посельскіе наравнѣ съ тіунами занимаются храненіемъ и выдачею сельско-хозяйственныхъ запасовъ [3]) Назначаются изъ рабовъ.

Въ заключеніе необходимо остановиться на особенностяхъ управленія тѣми княжескими имуществами, которыя носили наименованіе путей [4]). Князья жаловали свои земли разнымъ дѣловымъ людямъ съ тѣмъ, чтобы они занимались содержаніемъ и разведеніемъ княжескихъ лошадей, пчелъ, собираніемъ меда, варкой воска, ловлей бобровъ и рыбы, содержаніемъ собакъ, необходимыхъ для княжеской охоты, соколовъ для той же цѣли. Такія земли встрѣчаются у бортниковъ, садовниковъ, бобровниковъ псарей и пр. Отъѣздъ такихъ дѣловыхъ людей или слугъ, соединенный съ прекращеніемъ взятыхъ ими на себя занятій, велъ къ лишенію пожалованныхъ имъ земель [5]). Лошади, воскъ, медъ, рыба и мѣха—составляли главнѣйшее движимое богатство древней Россіи, а разные виды охоты—любимѣйшее развлеченіе князей; благодаря этому, промышленныя поселенія занимали очень видное мѣсто между разнообразными источниками княжескихъ доходовъ. Соединяемыя въ разныя группы съ цѣлями управленія, они носили наименованіе путей. Въ источникахъ мы встрѣчаемъ сокольничій путь, къ которому относились сокольни-

---

[1]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 40. Этимъ непосредственнымъ отношеніемъ ключниковъ къ недвижимымъ имуществамъ князя объясняется и то, что приказы объ отводѣ кому либо княжеской земли даются иногда на ихъ имя А. А. Э. т. I. № 169. Въ приведенной грамотѣ рядомъ съ ключникомъ упоминается городовой прикащикъ, о дѣятельности котораго по отсутствію другихъ указаній, не можемъ составить опредѣленнаго представленія.

[2]) Они чаще казначеевъ и дьяковъ встрѣчаются въ духовныхъ завѣщаніяхъ князей въ числѣ лицъ, отпускаемыхъ на волю; Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 24, 25, 86, 96, 144. Впрочемъ, не смотря на низость происхожденія, ключники достигали иногда преобладающаго значенія. Такъ объ Анбалѣ, ключникѣ Андрея Боголюбскаго, лѣтописецъ говоритъ, что князь «надо всѣми волю ему далъ бяшетъ". Ипат. 1175 г.

[3]) А. А. Э. т. I. № 83, 126. Посельскіе князья иногда называются старостами. На это наводитъ завѣщаніе Семена Ивановича, въ которомъ на волю отпускаются вмѣстѣ съ посельскими также и старосты. Управители имѣніями частныхъ лицъ также назывались посельскими. А. А. Э. т. I. №№ 43, 83.

[4]) Въ завѣщаніи Юрія Дмитріевича читаемъ: «А изъ волостей Дмитровскихъ даю сыну моему: Селну, Гуслицу..., или что будетъ въ тѣхъ волостяхъ села или пути, а то все даю сыну Василію». Въ завѣщаніи Василія Дмитріевича: «А княгини своей даю волости Коломенскіе... и съ путьми и съ селы съ своими, что въ тѣхъ волостяхъ ни есть». Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 51 и 42; ср. еще тамъ же №№ 40, 86, 144.

[5]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 40

ки, и который поручался сокольничему; конюшній путь, состоявшій въ вѣдѣніи конюшаго; ловчій путь, который одинаково могъ заключать въ себѣ—псарей, бобровниковъ и рыбниковъ, поручался ловчему; рыбники еще упоминаются и подъ рубрикой— стольнича пути. Бояре, вѣдѣнію которыхъ поручались эти разные пути, носили наименованіе путныхъ бояръ. Происхожденіе термина «пути» и «путные бояре» не старѣе XIV вѣка; въ болѣе древнее время и при меньшемъ развитіи этихъ отраслей княжескаго хозяйства онѣ вѣдались наравнѣ съ остальнымъ его имуществомъ—дворскими, тіунами, ключниками и посельскими.

На волостныхъ и городскихъ людяхъ по отношенію къ этимъ промысловымъ селеніямъ князя лежали своего рода повинности: для лова рыбы они забивали на рѣкахъ ѣзы; бобровникамъ, псарямъ и всѣмъ княжескимъ ловчимъ отводили квартиры для постоя, снаряжали подводы для дальнѣйшаго слѣдованія, давали кормъ во время остановокъ; мясники давали мясо для корма княжескихъ соколовъ и проч.; эти натуральныя повинности переводились иногда на деньги.

2) Самоуправленіе общинъ.

Вопросъ на сколько самоуправленіе общинъ было у насъ развито весьма спорный. Нѣкоторые изслѣдователи (Бѣляевъ) думаютъ, что самоуправленіе было у насъ развито въ широкихъ размѣрахъ; другіе, наоборотъ, все управленіе считаютъ княжескимъ и отрицаютъ всякую самостоятельную дѣятельность общинъ.

Нѣкоторую долю самоуправленія общинъ необходимо признать, хотя мы и не можемъ точно выяснить ни пространства власти, ни предѣловъ вѣдомства общиннаго управленія. Что общины что то дѣлали сами,—это доказывается тѣмъ, что онѣ имѣли своихъ выборныхъ органовъ, каковы старосты и сотскіе. Нашъ древнѣйшій юридическій памятникъ, Русская Правда, даетъ поводъ думать, что общинамъ принадлежала полиція безопастности. 14 статья академическаго списка Русской Правды говоритъ: «а кто взыщетъ на друзѣ проче, а онъ ся запирати почнетъ, то ити ему на изводъ предъ 12 человѣкъ...» Эти 12 человѣкъ, можетъ быть, были общинные судьи. Такихъ же общинныхъ судей надо, кажется, видѣть и въ 12 мужахъ, о которыхъ говоритъ Ярославовъ договоръ съ Нѣмцами. Изъ другихъ источниковъ знаемъ,

что и судъ княжескихъ чиновниковъ происходилъ въ присутствіи добрыхъ людей, т. е. членовъ общины. Какъ они брались изъ общины и какая была ихъ роль на судѣ, объ этомъ источники умалчиваютъ. Памятники Московской эпохи проливаютъ болѣе свѣта на этотъ вопросъ, но мы воспользуемся ихъ указаніями, когда будемъ говорить о правѣ при царяхъ. Съ участіемъ людей изъ народа съ самаго древняго времени на судѣ чиновниковъ встрѣчаемся и въ западной Европѣ. Въ Германіи во главѣ суда стояли назначенные императоромъ чиновники (графы), но рѣшеніе произносили не они, а присутствовавшіе на судѣ люди изъ народа. Они встрѣчаются подъ разными наименованіями. Въ самое древнее время они назывались рахимбургами. Это названіе на латинскій языкъ переводилось словами boni homines, т. е., это были добрые люди, какъ и у насъ. Позднѣе эти представители народа назывались скабини, изъ которыхъ потомъ образовались шёффены. Есть существенное различіе между рахимбургами и скабинами; рахимбурги были непостоянными судьями, а лицами, назначенными только для рѣшенія извѣстнаго дѣла; для каждаго дѣла они вновь избирались. Напротивъ того скабини избирались не для рѣшенія одного только дѣла, а для того, чтобы въ теченіи извѣстнаго времени присутствовать въ судѣ при рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, какія въ это время въ данной мѣстности могутъ случиться. Назначеніе къ суду рах. и ск. не принадлежало исключительно ни народу, ни графу, а было результатомъ ихъ совокупнаго дѣйствія. Хотя германскіе источники и богаче нашихъ, но и въ нихъ не все ясно и изслѣдователи не по всѣмъ пунктамъ согласны. Но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что древній германскій судъ не былъ судомъ исключительно королевскихъ чиновниковъ. Указаніе на участіе добрыхъ людей на судѣ княжескихъ чиновниковъ находимъ въ договорѣ Мстислава съ Ригою отъ 1229 г., гдѣ читаемъ, что судъ происходитъ «передъ судьями и добрыми людьми.» Не лишнее обратить вниманіе на нѣкоторыя народныя поговорки, ихъ можно объяснить тою ролью, которую добрые люди играли въ деревности на судѣ: «оно такъ, да добрые люди скажутъ какъ?» или «кто добрыхъ людей не слушаетъ, тотъ Богу спорникъ» и т. под. Свойства добрыхъ людей опредѣлялись въ древности такъ: «добрые люди душою прямы, животомъ прожиточны.»

Въ мелькихъ подраздѣленіяхъ княжествъ, сотняхъ, погостахъ или потугахъ встрѣчаемъ сотскихъ и старостъ. Эти два разныя наименованія служатъ для обозначенія одной и той же власти. Первое изъ нихъ заимствовано отъ древнѣйшаго военнаго дѣленія на сотни; второе же отъ свойства самыхъ лицъ, кото-

рыя избирались въ сотники или сотскіе: это были пожилые люди, старосты. Что сотскій и староста только разныя наименованія одной и той же власти, это ясно изъ жалованныхъ грамотъ конца разсматриваемаго періода, въ которыхъ сотскимъ и старостамъ усвояется совершенно одинакая дѣятельность [1]). Къ тому же заключенію приводятъ и нѣкоторыя свидѣтельства, сохранившіяся отъ болѣе древняго времени [2]).

Первоначальная дѣятельность сотскихъ, имя которыхъ образовалось совершенно аналогично съ именемъ тысяцкихъ, занимавшихъ первое послѣ князя мѣсто въ военной администраціи, относилась главнымъ образомъ къ этой послѣдней области. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ измѣненія въ составѣ войска и усиленія въ немъ княжескаго служилаго элемента на счетъ народнаго, военная дѣятельность сотскихъ и старостъ должна была значительно сократиться.—Область ихъ гражданскаго вѣдѣнія, на сколько объ этомъ предметѣ можно составить понятіе по памятникамъ второй половины разсматриваемаго періода, составляли: 1) исполненіе разнаго рода натуральныхъ и денежныхъ повинностей, какъ напр., сооруженіе городскихъ укрѣпленій, постройка дворовъ для князя, намѣстника и волостеля, парядъ подводъ для княжескихъ ѣздковъ,—дворовъ для ихъ остановокъ и ночевокъ, парядъ людей для косьбы княжескаго сѣна, — въ помощь княжескимъ ловчимъ и проч.; сюда же относится сборъ и взносъ кормовъ намѣстникамъ, волостелямъ и ихъ чиновникамъ; а так-

---

[1]) А. А. Э. т. I. №№ 123, 144, 150, Судеб. 1497 г. подъ рубрикой «Ук. Нам. о с. город.»—Ср еще Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 6, 7, 8, 20.— Иногда вмѣсто «сотниковъ» въ источникахъ встрѣчаемъ «становщиковъ». Въ договорѣ в. к. Московскаго, Дмитрія Ивановича, съ Владиміромъ Андреевичемъ читаемъ: «а которые слуги потягли къ дворскому, а черные люди къ сотникамъ»... Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 27; подобныя же выраженія находимъ тамъ же въ №№ 35, 40, 45, 71, 73 и 78. А въ третьемъ договорѣ того же Дмитрія Ивановича съ тѣмъ же Владиміромъ Андреевичемъ читаемъ: «а которые слуги къ дворскому, а черные люди къ становщику»... тамъ же № 33, ср. такое же выраженіе и въ № 95. Очевидно, становщикъ означаетъ здѣсь тоже, что въ другихъ договорахъ сотникъ. Но какъ объяснить это наименованіе, заимствованное отъ стана? какой это станъ? Выше было замѣчено, что разнаго наименованія власти при объѣздѣ своихъ уѣздовъ имѣли мѣста остановокъ, которыя назывались станами. Весьма вѣроятно, что эти станы находились въ лучшихъ селеніяхъ, въ которыхъ жили сотники, или старосты. Въ силу этого совпаденія мѣста жительства сотниковъ съ мѣстами остановокъ властей, на сотниковъ и могло переноситься наименованіе, заимствованное отъ стана, какъ мѣста остановки.—Становщики въ стану вовсе не то, что волостели въ стану, или въ волости. Объ нихъ никогда не говорится, какъ о лицахъ имѣющихъ право суда. Изъ случаевъ, въ которыхъ упоминаются становщики, видно только, что они занимались сборомъ разнаго рода повинностей. Ср. А. А. Э. т. I. № 17 и А. И. т. I. № 25.

[2]) Въ Воскр. лѣт. подъ 1019 г. читаемъ: «И нача Ярославъ вои дѣлити: старостамъ своимъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а Новгородцемъ по 10 гривенъ»... Старосты, какъ военачальники, очевидно замѣняютъ здѣсь сотскихъ.

же сборъ и взносъ оброка, особой повинности, которая назначалась взамѣнъ разнообразныхъ пошлинъ, какъ денежныхъ, такъ и натуральныхъ, лежавшихъ на волостныхъ и городскихъ людяхъ [1]); 2) мѣстная полиція [2]); 3) присутствіе на судѣ княжескихъ чиновниковъ [3]).

Сотскіе и старосты были выборные люди, а не назначались князьями, или ихъ чиновниками [4]). О порядкѣ выборовъ и срока выборной службы не сохранилось указаній.

III. Войско.

Мы разсмотримъ: составныя части княжескаго войска, его управленіе и средства, обезпечивавшія его содержаніе.

Княжеское войско состовлялось изъ народа, служилыхъ людей и иноземныхъ наемниковъ.

---

[1]) А. А. Э. т. I. №№ 19, 28, 43, 44, 46, 109, 111, 120, 123, 132, 144, 371 и др. А. И. т. I. №№ 15, 83, 115, 117 и др. Вотъ какъ разлагались эти разнообразныя повинности, извѣстныя подъ общимъ именемъ „разметовъ и проторовъ“: „А тѣ кормы... и поборъ дворскій (со старостой), съ десятскими и си добрыми людьми межъ себя мечутъ съ столца по дани и по пашнѣ: которая деревня больше пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню больше корму и поборовъ положатъ; а которая деревня меньше пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню меньше корму и поборовъ положатъ. Да собравъ тѣ кормы староста съ десятскими, да платятъ... поборъ въ городѣ“. А. А. Э. т. I. № 150. Въ Новгород. I. подъ 1430 г. читаемъ: „Того же лѣта пригонъ былъ христіаномъ къ Новугороду, городъ ставити. а покручалъ четвертый пятаго“.

[2]) А. А. Э. т. I. № 157: „Отъ в. к. Василія Ивановича... въ Бѣлозерскія волости въ Своару, да въ Гневу, старостамъ и десятскимъ и всемъ христіянамъ. Били ми челомъ старцы Ниловы пустыни. чтобы мнѣ велѣти ихъ беречи отъ татей и отъ разбойниковъ: и вы бы ихъ берегли отъ лихихъ людей, отъ татей и отъ разбойниковъ на крѣпко, чтобы имъ не было обиды“ и пр. Кромѣ того съ древнѣйшихъ временъ и до позднѣйшихъ волостные и городскіе люди обязаны были платить виру въ тѣхъ случаяхъ, когда не могли выдать головника, Рус. Пр., Троицк. сп. ст. 3, А. А. Э. т. I. №№ 123, 144, 181. Обязанность поймать убійцу лежала слѣдовательно на мѣстныхъ жителяхъ, и, конечно, прежде всего на ихъ ближайшихъ властяхъ—старостахъ и десятскихъ.—Въ Псковѣ встрѣчаемъ извѣстіе о разрѣшеніи купецкихъ старостъ на постройку церкви. Пск. П. 1415 г.

[3]) Въ источникахъ говорится: „а безъ старосты суда не судити“ волостелю или намѣстнику. А. А. Э. т. I. №№ 123, 144. И такъ, судятъ судьи, а старосты присутствуютъ на судѣ. Такой выводъ согласенъ и съ общимъ характеромъ древняго уссройства; отсутствіе своего суда и сдѣлало необходимымъ призваніе князя для суда и управленія. Только въ Новгород. договор. грам. говорится о судѣ сотскихъ. Это явленіе составляетъ особенность Новгорода, который мало-по-малу переносилъ на своихъ чиновниковъ то, что первоначально принадлежало одному князю. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 20. Ближайшее разсмотрѣніе той доли участія, которая принадлежала сотскимъ и старостамъ на судѣ намѣстниковъ и волостей, выходитъ изъ предѣловъ настоящаго труда.

[4]) Что сотскіе и старосты были выборные люди, заключаемъ изъ того, что князья не называютъ ихъ своими, какъ это они дѣлаютъ съ намѣстниками, волостелями и др. чиновниками, которыхъ назначали сами. Въ вышеприведенномъ мѣстѣ Воскр. лѣт. подъ 1019 г. „свои“ относится къ старостамъ Кіевской рати и употреблено для различенія ихъ отъ старостъ Новогородскаго войска.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

Въ составъ народнаго ополченія входили всѣ слои населенія, начиная съ лучшихъ людей или бояръ, и оканчивая — худшими или смердами. Такъ, въ войскѣ Ярослава Владиміровича встрѣчаемъ смердовъ, а позднѣе въ войскѣ Игоря Святославича упоминаются — черные люди [1]); наоборотъ, въ походѣ Всеволода Юрьевича на Черниговъ принимаютъ участіе Новогородскіе мѣщане и купцы [2]). При описаніи ночнаго нападенія Даніила Романовича на Бѣльзъ читаемъ: «бояринъ боярина бралъ въ плѣнъ, смердъ—смерда, градъ — града» (т. е. горожанинъ горожанина [3]). На помощь къ Новому-городку изъ Пскова выступаютъ: посадники, бояре и Псковичъ не много» (т. е. горожанъ въ тѣсномъ смыслѣ) [4]). — Великій князь Московскій, Иванъ Васильевичъ, посылаетъ изъ Москвы на Казань: сурожанъ, суконниковъ, купчихъ людей и прочихъ всѣхъ Москвичъ».... [5]); подобно этому Новогородцы въ борьбѣ съ тѣмъ же княземъ выставляютъ противъ него: «купцевъ, житьихъ людей и мастеровъ всякихъ, плотниковъ и гончаровъ» [6]). Въ лѣтописяхъ весьма часты извѣстія объ оборонѣ городовъ—горожанами, т. е. всѣмъ городскимъ населеніемъ [7]); еще чаще городское ополченіе обозначается общимъ именемъ—Кіявлянъ, Новогородцевъ, Лучанъ, Москвичей, Галичанъ, Вятчанъ и пр. [8]).

Участіе народа въ войскѣ князя условливалось или опредѣленіемъ вѣча [9]), или личнымъ желаніемъ — охотниковъ. Въ первомъ случаѣ вѣче во всемъ его составѣ нерѣдко обращалось въ

---

[1]) Воскр. 1019 г., Ипат. 1185 г.
[2]) Новгрд. I. 1195 г.
[3]) Ипат. 1221 г.
[4]) Псков. I. 1463 г.
[5]) Воскр. 1469 г.
[6]) Тамъ же 1471 г. Это мѣсто объясняетъ слова воеводы Святополка, обращенныя имъ къ Новгородцамъ, составлявшимъ войско Ярослава Владиміровича: «что придосте съ хромцемъ симъ, о вы плотницє суще! а поставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ». Лавр. 1016 г.
[7]) Въ Ипат. подъ 1185 г. читаемъ: «Римовичи же затворишася въ городѣ и возлѣзше на заборолѣ, и тако, Божіемъ судомъ, летѣста двѣ городницы съ людьми, тако къ ратнымъ, и на прочая гражаны найде страхъ. Да которыи же гражане выйдоша изъ града и бьяхуться, ходяще по римскому болоту, то тѣ и избыша плѣна, а кто ея осталъ въ городѣ, и тѣ вси взяти быша». Въ густ. подъ 1240 г. находимъ извѣстіе о защитѣ Кіева отъ Татаръ—«гражанами». Въ Ипат. подъ 1259 г. о Владимірцахъ на Волыни читаемъ: «изыдоша на нѣ (на Татаръ) гражане пѣшцы»... Такъ же гражданами защищается отъ Татаръ—Тверь, Москва и Переяславль Рязанскій, а Смоленскъ отъ Витовта, Новгрд, IV. 1375 г. Воскр. 1382 г., 1404 г., 1460 г. Ср. еще подобныя же извѣстія въ Ипат. подъ 1249 и 1258 г. и въ Воскр. подъ 1468 г.
[8]) Для примѣра см. Лавр. 1015 г., 1036 г., Ник. 1059 г. Лавр. 1085 г., Ник. 1125 г., 1135 г., 1138 г., 1142 г., Ипат. 1151 г., 1152 г., 1154 г., 1167 г., 1171 г., 1174 г., Сузд. 1213 г., 1214 г., Лавр. 1223 г., Ипат. 1224 г., Воск. 1282 г., Льв. 1285 г., Новгр. IV. 1372 г., Воскр. 1417 г., 1434 г., 1468 г.
[9]) О вѣчевыхъ рѣшеніяхъ вопросовъ мира и войны см. выше.

войско [1]). — Если вѣче находило необходимымъ войну, оно же опредѣляло и самые размѣры военной повинности. Смотря по требованіямъ обстоятельствъ, тягость военной повинности была различна: самый высшій размѣръ ея составляло поголовное ополченіе [2]); въ менѣе важныхъ случаяхъ къ участію въ войнѣ призывалась только часть населенія [3]).

Право сходиться на вѣче, какъ мы уже видѣли, народъ удерживалъ за собой и во время похода.

Отказъ вѣча принять участіе въ предложенной княземъ войнѣ не лишалъ еще послѣдняго всякой надежды на народное содѣйствіе: онъ могъ сдѣлать воззваніе къ охотникамъ и воевать съ ихъ помощью. Ипатьевская лѣт. подъ 1147 г. совершенно ясно различаетъ эти два случая. Когда кіевское вѣче отказало своему князю поднять руку на Владимірово племя, Изяславъ Мстиславичъ обратился къ Кіевлянамъ съ такимъ воззваніемъ: «а тотъ добръ, кто по мнѣ пойдетъ!» и собралъ такимъ образомъ множество воиновъ. Но такія ясныя различенія весьма рѣдки [4]). Въ большинствѣ случаевъ нельзя опредѣлить дѣйстви-

---

[1]) Лѣтописи сохранили нѣсколько весьма ясныхъ указаній на такое единство вѣча и войска. Дрючане, призывая къ себѣ князя Рогволода, даютъ ему обѣщаніе «биться за него и съ дѣтьми». Ипат. 1151 г. Подобно этому о Пронянахъ читаемъ: «Проняне же пояша къ себѣ Изаслава Владиміровича и затворишася съ нимъ въ градѣ. Князь же великій, пришедъ ста у града и посла къ нимъ мужа своего омирить ихъ. Они же не внушиша глаголъ его, надѣющеся на градную твердость. Слышавъ же к. в. рѣчь ихъ буюю и повелѣ приступити къ граду; они же бьяхутся крѣпко изъ града».... Лавр. 1207 г.— Ярославъ Всеволодичъ, пріѣхавъ въ назначенный ему отцемъ Переяславль, сзываетъ Переяславцевъ на вѣче и спрашиваетъ ихъ, желаютъ ли они имѣть его своимъ княземъ и сложить за него свои головы? Сузд. 1213 г. Особенно любопытно извѣстіе Новгорд. I. подъ 1209 г. Всеволодъ Юрьевичъ, отпуская съ Коломны пришедшихъ къ нему на помощь Новгородцевъ, даетъ имъ «волю всю, и уставы старыхъ князь»; и такъ, Владимірскій князь обращается съ Новгородцами-воинами совершенно такъ, какъ бы они составляли Новгородское вѣче. Ср. еще подобныя же извѣстія: Ипат. 1135 г., 1147 г., Новгрд. I. 1169 г., Сузд. 1175 г., Воскр. 1371 г.

[2]) Случаи поголовнаго ополченія приведены выше, см. пред. вѣд. вѣча.

[3]) Въ Псков. лѣт. сохранились нѣкоторыя указанія на порядокъ распредѣленія военной повинности. За основаніе при обложеніи военной повинностью брали имущество; съ извѣстной мѣры имущества, всякій разъ особо опредѣляемой, выставлялся одинъ вооруженный человѣкъ. Въ Пск. I. подъ 1495 г. читаемъ: «и Псковичи срубилися съ 10 сохъ человѣкъ копный»... Такіе воины назывались рублеными и отличались отъ охвочихъ людей, которые выступали по личному желанію и вооружались на собственный счетъ. Тамъ же подъ 1463 г. читаемъ: «А иная сила Псковская, не рубленіи люди, охвочей человѣкъ, въ то же время ходиша за Избирско въ слободу и воеваша нѣмецкую власть»...—На такое же распредѣленіе военной повинности по имуществу находимъ указаніе и въ Воскр. лѣт. подъ 1469 г. В. к. Иванъ Васильевичъ посылаетъ на Казань «всѣхъ Москвичъ, коихъ пригоже, по ихъ силѣ». Въ Новгородскихъ лѣтописяхъ вмѣсто «срубиться» встрѣчаемъ выраженіе «крутитися навойну». Нвгрд. IV. 1137 г.

[4]) Ср. Лавр 882 и 964 г., воины Олега и Святослава, по всей вѣроятности, были охотники.

тельный характеръ народнаго ополченія. Надо, однако, думать, что война съ помощью народнаго войска, составленнаго изъ охотниковъ, была весьма обыкновеннымъ явленіемъ. Военная добыча составляла одинъ изъ главныхъ способовъ пріобрѣтенія въ древнѣйшее время, и охотниковъ повоевать, что собственно равносильно понятію—пограбить, было не мало; а потому князь, взывавшій къ охвочимъ людямъ, рѣдко оставался одинъ [1]). Съ другой стороны, непосредственное обращеніе къ желающимъ воевать, по мимо вѣча, имѣло и то удобство, что оно относилось къ однимъ только охотникамъ, которые и соединялись вокругъ князя, тогда какъ на вѣчѣ могла получить перевѣсъ партія, не расположенная къ войнѣ.

По мѣрѣ уничтоженія вѣчевыхъ порядковъ и сосредоточенія всей власти въ рукахъ князя, призванія народа къ войнѣ становится исключительно дѣломъ послѣдняго.

Народное ополченіе не составляло постояннаго войска. Оно созывалось только на случай войны и распускалось по домамъ, какъ скоро война была кончена.

Второй видъ княжескихъ войскъ составляютъ служилые люди князя. Мы ознакомились уже съ разными наименованіями, которыми обозначался низшій разрядъ княжескихъ слугъ. Согласно съ послѣдовательнымъ измѣненіемъ этихъ наименованій въ войскахъ князя встрѣчаемъ: въ древнѣйшее время—отроковъ, дѣтскихъ, [2]); въ болѣе позднее—дворянъ и дѣтей боярскихъ [3]). Высшій разрядъ служилыхъ людей также принималъ непосредственное участіе въ составѣ княжескихъ войскъ [4]). Но мужи и

---

[1]) Даже частные люди соединяли около себя шайки охотниковъ съ цѣлью войны, см. Воскр. 1032 г., Новгрд. I. 1219 г., Воскр. 1366 г.

[2]) Лавр. 1093 г., Ипат. 1149 и 1231 г. При описаніи пораженія Мстислава Изаславича читаемъ: „и много изоимаша дружины около его:.... дворьскаго..... тіуна и ины многи“. Ипат. 1171 г. — Въ числѣ этого рода служилыхъ людей встрѣчаемъ мечниковъ, спеціальное названіе воиновъ по оружію, Ипат. 1146 г., 1175 г.—Гридей встрѣчаемъ въ Кіевѣ, Новгородѣ и Владимірѣ Сѣв. См. Лавр. 996 и 1014 г. и Сузд. 1177 г. Въ гридяхъ, о которыхъ упоминаетъ Новгород. I. лѣт. подъ 1166 и 1195 г., можно видѣть только потомковъ древнихъ гридей, состоявшихъ при Владимірѣ на жалованьи. Они принадлежатъ къ лучшимъ людямъ Новгорода и вмѣстѣ съ огнищанами и вячшими купцами призываются князьями для заключенія ряда.

[3]) Новгород. I. 1245 г.: «а князь (Александръ Новогородскій) погонися по нихъ (за Литвой) съ своимъ дворомъ и би я подъ Зижьчемъ и не спусти ихъ ни мужа»... Воскр. 1310 г.: «князь же Святославъ (Брянскій) дворомъ своимъ токмо много бився»... О Псковскомъ князѣ Александрѣ Черторижскомъ читаемъ: «а двора его, кованой рати, боевыхъ людей—300 человѣкъ»... Псков. I. 1460 г.—См. еще Новгород. I. 1220 г., Воскр. 1443 г., 1445 г., 1452 г., 1455 г. 1469 г., 1478 г.

[4]) Въ Лавр. подъ 1093 г. читаемъ: «мвози бо падоша отъ полка его (Владиміра Мономаха), и боляре его ту падоша»; въ Ипат. подъ 1277 г., «Мстиславъ и Юрій посласта лутьшѣи своѣ бояре и слуги воевать съ Тюимою»....; тамъ же подъ 1280 г.: „убиша бо Ляхове отъ полку его (Льва Даниловича) многи бояре

бояре, какъ уже было указано, выходили на войну не одиночно, а въ сопровожденіи своихъ собственныхъ слугъ [1]).

Служилые люди, находясь не отлучно при князѣ или на его службѣ, составляютъ постоянное войско. Къ концу разсматриваемаго періода число такого войска достигло значительнаго развитія.—По мѣрѣ возрастанія постояннаго войска, къ народному ополченію князья обращаются только въ случаяхъ особенной важности, кткъ напр. война съ Казанью, Новгородомъ и под.

Третій видъ войскъ составляютъ призываемые князьями въ помощь иностранцы—Варяги, Половцы, Татары и проч.

Въ древнѣйшее время эти разные виды княжескихъ войскъ, взятые отдѣльно и въ соединеніи одинъ съ другимъ, назывались дружиной. Въ примѣръ обозначенія дружиной народнаго ополченія укажемъ на слова Ярослава Владиміровича, обращенныя къ Новгородцамъ: «заутра же, говоритъ лѣтописецъ, собравъ остатокъ Новгородцевъ Ярославъ рече: о люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобѣ (для войны съ Святополкомъ)» [2]). Подъ 1036 г. находимъ примѣръ обозначенія дружиной всего войска, изъ какихъ бы частей оно ни состояло: «Ярославъ выступи изъ града и исполчи дружину: постави Варяги посредѣ, а на правой сторонѣ Кыяне, а на лѣвомъ крылѣ Новгородцы» [3]). Такимъ образомъ, народное ополченіе изъ Кіев-

---

и слуги добрые".—Въ договорныхъ грамотахъ позднѣйшаго времени постоянно встрѣчаемся съ условіями, опредѣляющими порядокъ выступленія бояръ въ походъ, см. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 33, 35, 37, 45 и др.

[1]) Древнѣйшее свидѣтельство въ пользу этого относится къ X вѣку; въ Лавр. лѣт. подъ 945 г. читаемъ: „отроци Свѣнельжи (воеводы Игоря) изодѣлися суть оружіемъ и порты". Тамъ же подъ 1095 г.: „и начаша думати дружина Ратиборя (мужа Владиміра Мономаха) со княземъ Владиміромъ". Тамъ же подъ 1127 г. встрѣчаемъ „своихъ отроковъ" у тысяцкихъ князей Андрея и Вячеслава Владиміровичей, которые сопровождаютъ ихъ во время войны и посылаются ими ночью для ограбленія побѣжденнаго города. Особенно любопытное мѣсто Ипат. лѣт. подъ 1211 г., «бѣ бо вой Даниловыхъ больши и крѣплѣйши, бяху бояре велиціи отца его вси у него» было уже указано выше. Въ томъ же смыслѣ надо понимать и мѣсто той же лѣт. подъ 1231 г.: «Мирославу (галицкому боярину) пришедшу къ нему (къ князю Даніилу) на помощь съ малымъ отрокъ....

[2]) Лавр. 1015 г. Въ Ипат. подъ 1147 г. читаемъ „Изяславъ же созва бояры своя и всю дружину свою Кіяне", (т. е. Кіевское вѣче); а далѣе: „Изяславъ же съ братомъ своимъ Ростиславомъ... поидоста Кіеву, рекше своей дружинѣ, Кіяномъ и смолняномъ"... Тамъ же подъ 1150 г, „дружина„ Изяслава даетъ такой совѣтъ своему князю: „княже! поѣди Кіеву, своей дружинѣ", въ первомъ случаѣ дружина означаетъ только тѣхъ, кто сопровождалъ Изяслава въ походѣ; во второмъ—всѣхъ Кіевлянъ. Въ Лавр. подъ 1096 г. читаемъ: „къ Мстиславу же собрашася дружина въ тотъ день и въ другой, Новгородцы, и Ростовцы, и Бѣлозерцы".

[3]) Лавр.; тамъ же подъ 1024 г. читаемъ „Мстиславъ же съ вечера исполчивъ дружину, и постави Сѣверъ въ чело противу Варягомъ, а самъ ста съ дружиною своею по крылома". Въ первомъ случаѣ дружина означаетъ и Сѣверянъ, во второмъ—только служилыхъ людей князя.

лянъ и Новгородцевъ входитъ въ составъ дружины наравнѣ съ Варягами. Кромѣ того, тоже слово употребляется и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ для обозначенія однихъ только княжескихъ слугъ въ отличіе ихъ отъ другихъ составныхъ частей войска. Подъ 1024 г. читаемъ: «Мстиславъ же рече: кто сему не радъ? Се лежитъ Сѣверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя—цѣла» [1]). Наконецъ, слово дружина обозначаетъ и отдѣльные разряды служилыхъ людей. Такъ, Владиміръ святой созываетъ бояръ своихъ и старцевъ и, обращаясь къ мужамъ, которые были посланы имъ для изученія разныхъ религій, говоритъ: «скажите предъ дружиною». Здѣсь наименованіе дружиной помимо старцевъ градскихъ относится только къ боярамъ князя, т. е. высшему разряду его слугъ. Такое же слово употребленіе находимъ и подъ 1169 г. [2]). Но иногда слово дружина употреблялось для обозначенія нисшаго разряда слугъ, и именно, въ отличіе его отъ высшаго, которое въ такомъ случаѣ являлось подъ именемъ бояръ. Такъ подъ 1186 г. читаемъ: «а дружину Всеволожю повязаша, а жену его ведоша въ Рязань и бояръ его» [3]). Въ этомъ же смыслѣ надо понимать и мѣсто Лаврентьевской лѣт. подъ 945 г.: «рекоша дружина Игореви; отроци Свѣнельжи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази»... Эта дружина, лишенная всего необходимаго, и ставящая себя въ уровень съ отроками Свѣнельда, состояла, конечно, изъ самаго нисшаго слоя княжескихъ слугъ [4]).

Итакъ, слово дружина, употребляется въ очень широкомъ смыслѣ; оно служитъ для обозначенія всѣхъ сторонниковъ князя, къ какому бы роду людей они ни принадлежали. Но такъ какъ служилые люди князя принадлежатъ по преимуществу къ

---

[1]) Лавр.; въ Ипат. подъ 1147 г. читаемъ: „Мстиславъ же совокупився съ дружиною и съ переяславцы“... и тамъ же подъ 1151 г.: „дружина же Вячеславля и Изяславля, и Ростиславля и всихъ князей утягивахуть отъ того, и Кіяне, наипаче же Черніи Клобуци»...

[2]) Ипат.: „И рекоша ему дружина его: о собе еси княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали. Володимеръ же рече, възрѣсъ на дѣцскы: а се будутъ мои бояре“. Изъ отвѣта князя видно, что дружина, отказавшаяся слѣдовать за нимъ, — состояла изъ бояръ. Подобно этому Нижегородскій князь, Контстантинъ Борисовичъ, обращаясь къ боярамъ своимъ говоритъ: „Господіе моя и братія и милая дружина». Никон. 1391 г.

[3]) Сузд.

[4]) Кромѣ того, слово дружина употребляется и еще въ нѣкоторыхъ другихъ смыслахъ; напр. для обозначенія товарищей вообще и соратниковъ въ особенности, въ Ипат. подъ 1180 г. читаемъ: «крило же ихъ (воиновъ) въ малѣ отлуцивше отъ дружинѣ своеѣ» (т. е. отъ центра); для обозначенія особаго отряда воиновъ, составленнаго съ какой либо спеціальной цѣлью, тамъ же подъ 1151 г. читаемъ: «повелѣ нарядити дружину изъ полковъ, а полковъ не рушити»; въ Лавр. подъ 1067 г. Кіевляне называютъ свою ддружиною князя Всеслава: «поидемъ, говорятъ они, высадимъ дружину свою изъ погреба».

его сторонникамъ и друзьямъ, то, понятно, что всего чаще мы и встрѣчаемъ ихъ подъ этимъ именемъ [1]).

Кромѣ дружины для обозначенія войска съ древнѣйшихъ временъ было употребительно слово «полкъ». Въ отличіе полковъ народныхъ отъ полковъ, составлявшихся изъ княжескихъ слугъ, первые назывались по городамъ, напр. кіевскій полкъ, новогородскій, бѣлозерскій и пр., вторые по князьямъ, напр. полкъ Изяслава, Юрія, Вячеслава и пр. [2]). Городовые полки назывались еще тысячами [3]). Позднѣе для обозначенія войска вообще входитъ въ употребленіе слово «рать» [4]); полкъ же встрѣчается только въ смыслѣ боеваго подраздѣленія рати: большой полкъ или центръ арміи, сторожевой или авангардъ и пр.

Что касается до военнаго управленія, то завѣдываніе мѣстной обороной находилось въ рукахъ посадниковъ и намѣстниковъ, которымъ въ силу этого и усвоилось наименованіе воеводъ. Подъ ихъ начальствомъ состояло не одно только мѣстное

---

[1]) Что же касается до разныхъ разрядовъ служилыхъ людей, то не всегда бываетъ легко опредѣлить, который именно изъ нихъ разумѣлъ лѣтописецъ въ томъ, или въ другомъ случаѣ. Если говорится о «думѣ» князя съ дружиною, можно предпологать, что дѣло идетъ о высшемъ разрядѣ служилыхъ людей, ибо они составляли обыкновенныхъ совѣтниковъ князя; то же самое, когда говорится о передней, или о старшей дружинѣ. На оборотъ, эпитеты — «уная», «молодшая»—указываютъ на отроковъ и дѣтскихъ.

[2]) Въ Ипат. лѣт. подъ 1150 г. встрѣчаемъ чрезвычайно ясное различіе народнаго полка отъ княжескаго: «а мы поѣдемъ въ свой Кіевъ, говоритъ Изяславъ Мстиславичъ, а въ сильный полкъ кіевскій аже въѣдемъ въ нѣ, то азъ пѣдѣ, ти ся за мя бьють». Тамъ же подъ 1160 г. читаемъ: «бяше бо Володимеръ притяглъ съ полкомъ своимъ и съ кіевскимъ полкомъ»; подъ 1148 г.: «Изяславъ поя полкъ у стрыя своего Вячеслава и Володимерскій полкъ приведе»; подъ 1153 г.. «И пойде Изяславъ на Галичъ и Вячеславль полкъ поя съ собой, Изяславъ Давыдовичъ пусти съ нимъ свой полкъ, и сынъ его Мстиславъ приде съ Переяславскимъ полкомъ»; подъ 1180 г.; «Святославъ же свяся на пути съ сыномъ Володимеромъ и со всимъ полкомъ новогородскимъ, бѣ бо сынъ его Володимеръ княжа въ Новгородѣ великомъ». Ср. еще Ипат. 1149 г., 1150 г., 1152 г., 1162 г., 1180 г., 1185 г.—Что полки князя состояли изъ его служилыхъ людей, видно изъ слѣдующаго мѣста Ипат. лѣт. подъ 1291 г.; «Левъ (Галицкій) пріѣха къ своимъ полкомъ, и рады быша ему бояре его и слуги его»; народъ Галицкій не входилъ въ составъ этихъ полковъ, иначе и объ немъ было бы упомянуто. Ср. еще тамъ же 1280 г.—Но нельзя утверждать, чтобы именемъ князя не называлось иногда и все его войско, изъ кого бы ни состояло.—«Исполчить дружину» или «нарядити полкъ» значило построить войско къ бою. Лавр. 1096 г, Съ этою цѣлью всѣ воины составляли или одинъ полкъ, или нѣсколько. Такъ въ Новгородѣ въ 1220 г. приверженцы посадника Твердислава становится у Бориса и Глѣба «полкомъ, урядивше на 5 полковъ». Новгород. I —Если воиновъ распускали изъ строя для отдыха, говорили: «людье.., безъ ряду", Ипат. 1277 г. Пойдти на непріятеля „полкомъ„ значило двинуться на него въ боевомъ порядкѣ. Лавр. 1096 г. „Дать полокъ"— значило сразиться. Ипат. 1195 г.

[3]) Лавр. 1089 г. Но тысяча не была дѣйствительной ариометической тысячью. Въ Кіевѣ была одна тысяча и одинъ тысяцкій, точно такъ же въ Перемышлѣ, Смоленскѣ, Новгородѣ и пр. Тысячи совпадали съ городовыми полками.

[4]) Воскр. 1469 г.: „послалъ к. в. на казанскія мѣста рать въ судѣхъ, воевода К. А. Беззубцевъ, а съ нимъ многіе дѣти боярскіе, дворъ свои, также и отъ всей земли своеи дѣти боярскіе; а съ Москвы послалъ сурожанъ" и т. д.

народное ополченіе, съ цѣлью усиленія мѣстныхъ средствъ—въ ихъ распоряженіе предоставлялись иногда и особые отдѣлы изъ служилыхъ людей князя [1]).

Центральное военное управленіе сосредоточивалось въ рукахъ самого князя и особыхъ чиновниковъ, извѣстныхъ подъ именами воеводъ и тысяцкихъ. Эти оба названія означаютъ собственно одну и ту же военную власть. На это указываютъ такія выраженія источчиковъ, какъ напр.: «воеводство держащю Кіевскія тысяща Яневи» [2]). Такимъ образомъ, тысяцкій есть вмѣстѣ съ тѣмъ и воевода: первое наименованіе перенесено на него отъ военнаоо дѣленія на тысячи, второе же отъ самаго рода его занятій. Но въ употребленіи этихъ терминовъ усматривается нѣкоторое различіе, условливаемое указаннымъ уже различіемъ въ составныхъ частяхъ княжескаго войска. Слово воевода употребляется въ самомъ широкомъ смыслѣ: такъ называется всякій военачальникъ, какимъ бы разрядомъ княжескихъ войскъ онъ ни командовалъ, и на какое бы короткое время ни былъ назначенъ. Болѣе въ тѣсномъ смыслѣ употребляется наименованіе тысяцкаго; такъ называются преимущественно начальники городовыхъ полковъ, или тысячъ, откуда и возникло самое ихъ имя. Мы остановимся прежде на тѣхъ немногочисленныхъ свидѣтельствахъ источниковъ, которыя характеризуютъ должность тысяцкаго, и за тѣмъ уже перейдемъ къ остальнымъ воеводамъ.

Должность тысяцкаго есть постоянная должность. Онъ назначался непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ извѣстный князь дозывалъ себѣ извѣстный столъ, и независимо отъ того, предстояла война, или нѣтъ [3]). Согласно съ этимъ характеромъ тысяцкихъ, какъ постоянныхъ чиновниковъ, источники сохранили указаніе на существованіе ихъ въ мирное время [4]).

---

[1]) Черниговскій епископъ, призывая Святослава Всеволодича на Черниговскій столъ, приказываетъ сказать ему: „стрый ти умерлъ, а дружина (умершаго князя) ти по городомъ далече“, Ипат. 1164 г. Подобно этому Воскр. подъ 1468 г. упоминаетъ „заставы по городомъ“ разосланныя великимъ княземъ для обороны отъ Казани. Сюда же надо относить и древнѣйшее извѣстіе о гридяхъ, состоявшихъ въ Новгородѣ на жалованьи.

[2]) Лавр. 1089 и 1231 г. Кромѣ того, иногда одно наименованіе употребляется вмѣсто другаго. Такъ „воевода“ Густинской лѣтописи въ Воскресенской названъ „тысяцкимъ“, см. 1240 г.

[3]) Любопытное указаніе на это находимъ въ Ипат. лѣт. подъ 1146 г. Игорь Ольговичъ, получивъ Кіевскій столъ по смерти брата своего Всеволода, призываетъ къ себѣ Глѣба, кіевскаго тысяцкаго, и говоритъ ему: «держи ты тысячу: какъ еси у брата моего держалъ». Извѣстно, что въ томъ же году Кіевляне отступили отъ Игоря и призвали Изяслава Мстиславича; вмѣстѣ съ тѣмъ они испрашиваютъ у него и новаго для себя тысяцкаго.—Впрочемъ одна перемѣна князя, сама по себѣ, еще не условливала смѣны тысяцкаго, см. Лавр. 1252 г.

[4]) См. Ник. 1138 г.; Ипат. 1147 г., 1164 г., 1187 г., 1213 г.; Новгород. I. 1215 и 1219 г. Лавр. 1252 г., Воскр. 1374 г. Новгородскіе договоры съ князь-

Назначеніе тысяцкаго принадлежало князю, такъ же какъ и увольненіе [1]). Разъ назначенный, онъ являлся во главѣ городовыхъ полковъ во всѣхъ войнахъ, которыя велись въ теченіе его служебнаго періода, безъ всякаго новаго назначенія, въ силу, того, что онъ возведенъ въ званіе тысяцкаго. Тысяцкій назначался для предводительства только тѣмъ народнымъ ополченіемъ, которое собиралось по опредѣленію вѣча. Согласно съ этимъ, если князь выступалъ на войну противъ воли вѣча, тысяцкій не слѣдовалъ за нимъ, а оставался въ городѣ [2]).—Должность тысяцкаго не могла пережить тѣхъ условій, которыя ее вызвали, т. е. вѣча и зависѣвшихъ отъ него городовыхъ полковъ. Позднѣйшее указаніе на существованіе тысяцкихъ въ Москвѣ относится къ концу XIV в. Въ Воскр. лѣт. подъ 1374 г. находимъ извѣстіе о кончинѣ послѣдняго московскаго тысяцкаго, Василія Васильевича Протасьева: эпитетъ «послѣдній указываетъ на то, что по смерти Протасьева, Московскіе князья не назначали болѣе тысяцкихъ, а довольствовались воеводами [3]). Значеніе этой перемѣны уяснится изъ того, что будетъ сказано о воеводахъ,

Должность ратныхъ воеводъ не была постоянною: они назначались по мѣрѣ надобности, для предводительства въ извѣстномъ походѣ [4]). Съ окончаніемъ войны, для которой они были назначены, сами собой прекращались и данныя имъ полномочія.

ями пишутся и отъ имени тысяцкаго; въ договорѣ Семена Ивановича съ братьями встрѣчаемъ подпись тысяцкаго, какъ свидѣтеля.

[1]) См. стр. 407 прим. 3.—Въ Новгородѣ и въ учрежденіи тысяцкаго встрѣчаемъ тѣ же отступленія отъ общихъ порядковъ, какіе были уже указаны въ учрежденіи посадника. Съ начала XIII в. тысяцкіе назначаются не княземъ, а вѣчемъ. Новгород. 1. 1219 г. Кромѣ того, у Новгородскихъ тысяцкихъ былъ свой судъ, Новгород. IV. 1384 г.

[2]) Чрезвычайно любопытное указаніе на это сохранилось въ Ипат. лѣт. подъ 1147 г. Въ этомъ году, какъ извѣстно, Кіевскій князь Изяславъ Мстиславичъ предпринялъ въ союзѣ съ нѣкоторыми изъ Ольговичей войну противъ Юріи Владимірскаго. Кіевское вѣче не хотѣло поднять руки на Владимірово племя и отказалось принять участіе въ войнѣ. Согласно съ этимъ, кіевскій тысяцкій Лазарь не послѣдовалъ за княземъ, выступившимъ къ Суздалю съ одними охотниками, да служилыми людьми.—Узнавъ объ измѣнѣ Черниговскихъ князей, Изяславъ посылаетъ въ Кіевъ посольство „къ брату своему Владиміру, того бо бяшетъ оставилъ Изяславъ въ Кіевѣ, и къ митрополиту Климови, и къ Лазореви, тысяцкому“...

[3]) Но и по уничтоженіи званія тысяцкаго городовые полки не слились совершенно съ княжескими. Они продолжали выходить въ походъ подъ начальствомъ особо назначаемаго для нихъ воеводы. Эта особенность выразилась и въ княжескихъ договорахъ въ условіи: «А московская рать, кто ходилъ съ воеводами, тѣ и попѣча съ воеводами, а намъ ихъ не пріимати. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 33.

[4]) Такъ напр. Ярославъ назначаетъ особаго воеводу для войны съ Греками, Воскр. 1043 г.; подобно этому Даніилъ Романовичъ поручаетъ своему дворскому предводительство войсками въ походѣ на Перемышль, Ипат. 1241 г.; въ Галичѣ воеводамъ раздаются города, чего не могло-бы быть, если бы съ званіемъ воеводы соединялась постоянная должность. Ипат. 1235 г,

Предводительству воеводъ поручались какъ служилые люди князья, такъ и охотники изъ народа. Число воеводъ было совершенно произвольное и исключительно зависѣло отъ усмотрѣнія князя, которому принадлежало ихъ назначеніе и увольненіе [1]). Такимъ образомъ, учрежденіе воеводъ оставляетъ гораздо большую свободу князю, чѣмъ учрежденіе тысяцкихъ; въ этомъ различіи и коренится объясненіе только-что указаннаго уничтоженія послѣдней должности.

На подчиненіе однихъ воеводъ другимъ не находимъ указаній. Если для одной и той-же войны назначалось нѣсколько воеводъ, каждому изъ нихъ давался особый отрядъ войскъ и особое поле дѣйствія [2]). Въ случаѣ-же совокупнаго дійствія, по общему обычаю древней Россіи, они должны были руководствоваться началомъ единенія, дѣйствовать «за одинъ мужъ».

Въ должности воеводъ назначались — князья, бояре, мужи, дѣти боярскія, дворскіе, окольничіе и пр. [3]). Должности тысяцкихъ, надо думать, поручались лучшимъ людямъ изъ мѣстныхъ бояръ.

Подъ тысяцкими стояли сотскіе, а подъ ними десятскіе.

Наши древнія войска вовсе не были знакомы съ требованіями правильной военной дисциплины; подчиненіе начальникамъ было далеко не безусловное [4]). Воины сражались не столько по сознанію долга службы, сколько по охотѣ и воодушевленію, за

---

[1]) Позднѣйшая исторія Пскова и по отношенію къ этому вопросу представляетъ особенность. Мы встрѣчаемся здѣсь съ случаями назначенія ратныхъ воеводъ—вѣчемъ. см. Псков. I. подъ 1463 г.

[2]) При описаніи Новгородскаго похода 1471 г. читаемъ: «такоже и князя великаго воеводу творяху, кійждо на свое мѣсто посланъ». Воскр. Въ источникахъ встрѣчаемъ «великихъ» и «большихъ» воеводъ, Воскр. 1380 и 1450 г.; но это не отъ власти надъ другими, а отъ числа поручаемаго ихъ вѣдѣнію войска.

[3]) Въ Ипат. подъ 1180 годомъ читаемъ, «Лѣпшіи мужи остались бяху: Лазарь, воевода, съ полкомъ Рюрика, и Борисъ Захарьичъ съ полкомъ своего княжича Володимера» и пр. Ср. еще Ипат. 1241 и 1281 г.; Воскр 1378 и 1445 г.

[4]) Примѣры непослушанія князю и самовольныхъ распоряженій воиновъ во время самаго хода военныхъ дѣйствій встрѣчаются какъ въ древнее время, такъ и въ новое. Въ Лавр. лѣт. подъ 1096 г. читаемъ: «Володимеръ же хотѣ нарядити полкъ, они же (т.-е. воины) не послушаша, но ударишa въ копѣ къ противнымъ». Въ 1127 г. жители города Изяславля сдалися Вячеславу подъ условіемъ, что онъ «не дастъ ихъ на щитъ». Не смотря на это, Воротиславъ, тысяцкій князя Андрея, и Иванко, тысяцкій Вячеслава, ночью послали своихъ отроковъ грабить городъ. Остальные воины, узнавъ объ этомъ на разсвѣтѣ, бросились на Изяславль и взяли его на щитъ «едва Мстиславны товаръ ублюдоша», (дочери Мстислава Кіевскаго и жены Бричислава, оставленной мужемъ въ Изяславлѣ). Ипат. 1127 г. Ср. еще приведенное уже мѣсто объ оборонѣ Днѣпровскаго брода, Ипат. 1151 г.—Въ Воскр. лѣт. подъ 1433 г. при описаніи битвы в. к. Василія Васильевича съ Юріемъ Дмитріевичемъ читаемъ:» Съ княземъ Юріемъ множество бѣ вой, а у великаго князя добрѣ мало, по единако сразишася съ ними; а отъ Москвичъ не бысть ни коея помощи, мнози бо отъ нихъ піани бяху, а пиіи съ собою медъ везяху, что пити еще».

отсутствіемъ которыхъ не было никакой возможности расчитывать на успѣхъ дѣла [1]).

Въ заключеніе, необходимо остановиться на порядкѣ управленія военными силами въ тѣхъ случаяхъ, когда война велась не однимъ княземъ, а нѣсколькими союзниками вмѣстѣ. Въ древнѣйшее время, въ случаѣ соединенія нѣсколькихъ князей для одного общаго дѣла, каждый изъ нихъ удерживалъ начальство надъ принадлежащими ему войсками. Другая особенность состояла въ томъ, что князьямъ - союзникамъ совершенно чужда мысль объ учрежденіи главнаго начальника, которому принадлежало-бы верховное распоряженіе надъ всѣми военными дѣйствіями. Князья-союзники дѣйствовали или по общему соглашенію, или врознь, каждый за себя, кромѣ тѣхъ случаевъ, конечно, когда извѣстный князь подчинялъ себя волѣ другого [2]). Въ лѣтописныхъ источникахъ встрѣчаемъ обычай — посылать одного изъ князей «ѣздить на переди». Ѣздить на переди значило ѣздить съ авангардомъ для предварительныхъ развѣдокъ. Для этой цѣли избирались князья «бодрые, дерзкіе и крѣпкіе на рать». Избраніе ихъ, какъ и всѣ другія распоряженія во время похода, зависѣло отъ соглашенія всѣхъ князей участниковъ [3]). Съ тѣми-же порядками встрѣчаемся и во времена позднѣйшія. Начало единства команды одинаково чуждо всѣмъ дошедшимъ до насъ княжескимъ договорамъ XIV и послѣдующихъ вѣковъ. Каждый изъ князей - союзниковъ, на основаніи этихъ договоровъ, удерживалъ за собой право команды своими войсками — лично или чрезъ посредство назначаемыхъ имъ воеводъ [4]). При отсутствіи

---

[1]) Въ Ипат. подъ 1185 г. при описаніи нападенія Половцевъ на Переяславль, читаемъ: «Володимеръ же Глѣбовичъ бяше князь въ Переяславлѣ бяше же дерзъ и крѣпокъ къ рати, всѣха изъ города и потче къ нимъ, и по немъ мало дерзнувъ дружинѣ, и бися съ нимъ крѣпко. И обступивши мнозіи и Половцѣ, тогда прочіи, видѣвше князя своего крѣпко бьющеся, выринушася изъ города и тако отъяша князя своего, язвена суща тремя копьи.“ Константинъ Всеволодичъ передъ Липецкой битвой на совѣтѣ союзниковъ своихъ,—обойдти петріятельскую рать и направиться прямо къ Владиміру, отвѣчалъ: „Люди мои къ боеви недрузи, и если пойдемъ къ Владиміру, они разойдутся по городамъ“. Воскр. 1216 г.

[2]) Проистекающее отсюда отсутствіе единства команды было главною причиной пораженія русскихъ князей на Калкѣ, см. Ипат. подъ 1224 г.—Во время совокупнаго похода на Литву южныхъ князей, Мстислава, Юрія и Володимера, двое первыхъ, и „утаившеся Володимера,“ послали войска свои въ отдѣльную экспедицію. Ср. еще Сузд. 1186 г.

[3]) Въ Ипат. подъ 1187 г., при описаніи похода Русскихъ князей на Половцевъ, читаемъ. „Володимеръ же Глѣбовичъ пріѣха къ нимъ (къ Святославу, Рюрику и друг. князьямъ, собравшихся въ походъ) изъ Переяславля съ дружиною своею и испросися у Святослава и у Рюрика ѣздити напереди съ Чернымъ Клобукомъ. Святославу же (Кіевскому князю) не любяшетъ пустити Володимера напередъ передъ сыны своими, но Рюрикъ и иніи вси улюбиша, за не бѣ мужъ бодръ и дерзокъ и крѣпокъ на рати, всегда бо тосняся на добра дѣла.“

[4]) Относительно наступательныхъ военныхъ дѣйствій, начало это выражалось

особыхъ статей, опредѣляющихъ порядокъ распоряженія союзными войсками, нѣтъ никакого основанія допустить подчиненіе одного союзника другому на случай похода, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ князей, въ договоры которыхъ не внесено никакого односторонняго ограниченія воли одного изъ договоривающихся въ пользу другаго [1]). Въ княжескихъ договорахъ встрѣчаемъ только опредѣленіе лица, подъ предводительствомъ котораго въ извѣстныхъ случаяхъ войска должны были выступать въ походъ. Изъ предъидущаго мы знаемъ, какое важное значеніе имѣло личное предводительство князя. А потому князья, выговаривавшіе въ свою пользу содѣйствіе другихъ князей, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляли и самые случаи, когда это содѣйствіе должно было быть оказываемо подъ личнымъ предводительствомъ ихъ союзниковъ. Случаи эти опредѣлялись различно: иногда союзники обязывались выступать лично въ походъ только тогда, когда выступалъ лично и самъ нуждавшійся помощи; иногда они предоставляли ему право требовать ихъ личнаго участія въ войнѣ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ онъ оставался дома и вмѣсто себя высылалъ сына, или воеводъ [2]).

въ слѣдующей формулѣ: „которые бояре твои живутъ въ нашихъ удѣлахъ и въ великомъ княженьи, а тѣ бояре съ тобою (выступаютъ въ походъ); а коли ми послати своихъ воеводъ, изъ которыхъ городовъ, и твои бояре поѣдутъ съ твоимъ воеводою, а твой воевода съ моимъ воеводою вмѣстѣ; а кто живетъ нашихъ бояръ въ твоей отчинѣ и въ удѣлѣ, а тѣмъ по тому же.“ Р. С. Г. Г. и Д. ч. 1. № 35; Ср. еще тамъ же №№ 37, 43, 46, 47, 49, 53, 61, 64, 91, 92, 95, 108, 128, 133, 160. Наоборотъ, для войны оборонительной существовало другое начало, выражавшееся въ слѣдующей формулѣ: „а городная осада, гдѣ кто живетъ, тому туто сѣсти“, т. е. во время осады города для его защиты должны явиться всѣ, живущіе вблизи города, хотя бы они служили и не тому князю, которому принадлежитъ городъ; изъ этого исключались только бояре введенные и путные, которые, какъ имѣющіе особое назначеніе, не обязывались являться на защиту своего города. Р. С. Г. Г. и Д. ч. 1. №№ 35, 45, 64 и др. Тамъ же въ № 33 это начало принято и для войны наступательной.

[1]) О подчиненіи воеводъ князей-союзниковъ одного другому также нѣтъ указаній. Выраженіе договора Дмитрія Юрьевича съ Василіемъ Васильевичемъ: „а моимъ воеводамъ идти подъ твоимъ воеводою“ надо считать описной, ибо оно не повторено во второмъ экземплярѣ того же договора и не вошло не въ одинъ изъ послѣдующихъ договоровъ между тѣми же князьями. Р. С. Г. Г. и Д. ч. 1. №№ 54, 55, 56, 57, 58, 59.

[2]) Условія перваго рода выражались въ слѣдующей формулѣ: „А гдѣ, господине князь великій, самому тебѣ всѣсти на конь противу своего недруга и мнѣ пойдти съ тобою безъ ослушанія; а гдѣ пошлешь на свою службу своихъ воеводъ, и мнѣ послати съ твоими воеводами своего воеводу съ своими людьми;“ Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 28, 45, 48, 62, 65 и пр. Для втораго рода условій служила формула: «А гдѣ ми будетъ самому великому князю всѣсти на конь, и тобѣ со мною пойдти; а гдѣ ми тобя послати, и тобѣ пойти безъ ослушанія; а гдѣ пошлю своихъ воеводъ и тобѣ послати съ моими воеводами своего воеводу съ своими людьми»; тамъ же №№ 23, 46, 47, 52, 84, 92, 97, 99, 113 и пр., ср. еще тамъ же №№ 43, 115, 119. Эти условія, опредѣляя исключительно порядокъ выступленія въ походъ союзныхъ войскъ, соединяются съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ договоровъ, ср. тамъ же №№ 80 и 84.

Въ договорахъ встрѣсаемъ еще одно частное опредѣленіе относительно назначенія воеводъ для московской рати. Такъ какъ Москва находилась въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ князей, то естественно, между ними возникалъ вопросъ о правѣ назначенія воеводы въ эту общую рать. Въ договорѣ Боровскаго князя, Василія Ярославича, съ вел. княземъ Василіемъ Васильевичемъ право это передано послѣднему [1]). Гдѣ такого условія нѣтъ, надо предполагать назначеніе воеводы по общему соглашенію всѣхъ князей совладѣтелей.

Переходимъ къ вопросу о содержаніи войска. Постояннымъ содержаніемъ пользовалась только небольшая часть воиновъ — отроки, гриди, дворяне, словомъ только тѣ, кто жилъ въ домѣ князя и на его счетъ. Источники не сохранили никакихъ подробностей о мѣрѣ и родѣ этого содержанія [2]). Остальное войско не получало постояннаго содержанія и вознаграждалось нѣкоторыми случайными выгодами войны, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ военной добычѣ.

По первоначальному взгляду, воевать значило—обогащаться добычею, брать въ плѣнъ людей, овладѣвать ихъ скотомъ и всякаго рода движимостями [3]). Возможность легкаго обогащенія сильно привлекала народъ къ участію въ княжескихъ войнахъ. Битвы могло и не быть, но безъ грабежа дѣло не обходилось. Онъ начинался обыкновенно вмѣстѣ со вступленіемъ въ непріятельскую землю. Такъ, при описаніи похода Андрея Боголюбскаго на Новгородъ, читаемъ: «и пришедше только въ землю ихъ (Новгородскую), много зла створиша (воины Андрея): села взяша и пожгоша, и люди посѣкоша, а жены и дѣти и имѣнія

---

[1]) Р. С. Г. г. и Д. ч. 1. № 45.

[2]) Только о Новогородскихъ гридяхъ находимъ извѣстіе, что въ XI в. они получали содержаніе жалованьемъ, а не натурою; въ Лавр. подъ 1014 г. читаемъ: „Ярославу же сущю Новѣгородѣ и урокомъ дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года, а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху.“

[3]) Въ Ипат. подъ 1142 г. читаемъ: „Изяславъ же слышавъ, что братъ его (Ростиславъ Смоленскій) воюетъ волость ихъ (Черниговскихъ князей), и ѣха изъ Переяславля вборзѣ въ землю Черниговскую и повоева около Десны села ихъ и около Чернигова; и тако повоевавъ волость ихъ възратися въ свояси съ честью великою.“ Тамъ же подъ 1229 г. Русскіе князья заключаютъ миръ съ Польскими съ условіемъ: „не воевати Ляхомъ Русское челяди, ни Руси лядской,“ т. е. брать въ плѣнъ. Въ Воскр. лѣт. подъ 1471 г. читаемъ: „Вои же князя великаго послѣ бою того воевали много посады Новгородскіе и до Нѣмецкаго рубежа по рѣку Нерову, и великое мѣсто, завое Новое село, поплѣнина и пожгоша.“ Въ договорѣ Ивана Ѳедоровича Рязанскаго, съ Юріемъ Дмитріевичемъ Галицкимъ читаемъ: „А что есми посылалъ свою рать съ твоимъ братаничемъ, съ княземъ Василіемъ, и воевали, и грабили, и полонъ имали; ино грабежу тому всему погребъ.“ Въ послѣднемъ случаѣ слово грабежъ употреблено вмѣсто: „воевали, и грабили и полонъ имали.“ Р. С. Г. Г. и Д. ч. 1. № 48.

взяша и скоты поимаша...» [1]). И все это-по отношенію къ мирнымъ жителямъ, которые не вошли въ составъ собравшагося въ Новгородѣ войска, а остались дома за своими обычными занятіями. Эти суровые обычаи войны объясняютъ слѣдующее извѣстіе лѣтописи о Полочанахъ. Узнавъ о походѣ на нихъ Смольнянъ и Новогородцевъ, Полочане такъ разсуждаютъ на вѣчѣ: „не можемъ стати противу Новогороддемъ и Смольняномъ, аще пустимъ ихъ въ свою землю, то и миръ хотя съ ними будетъ, а зла много сдѣлаютъ намъ и землю нашу пусту сотворятъ: поидемъ къ нимъ на рубежъ“ [2]). Этотъ характеръ войны не измѣнился и въ позднѣйшее время. Подъ 1382 г. читаемъ: Не помнозѣхъ же дняхъ великій князь Дмитрій Ивановичъ посла рать свою на князя Олега Рязанскаго; князь же Олегъ самъ не въ мнозѣ людей убѣжа, а землю его до остатка пусту ратніи учинила, пуще ему бысть и Татарскія рати [3]). Война великаго князя Ивана Васильевича съ Новгородомъ описана въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „братія же великаго князя всѣ съ многими людьми, кіждо изъ своея отчины, поидоша разными дорогами къ Новугороду, плѣнующе и жгуще и люди въ плѣнъ ведуще. Также и князя великаго воеводы тоже творяху, кійждо на свое мѣсто посланъ“; и далѣе; „не токмо бо тѣ воевали, кои съ великимъ княземъ и братіею его, но и изо всѣхъ земель ихъ пѣшею ратью ходили на нихъ, а Псковская вся земля отъ себя ихъ же воевала“ [4]). Вести такую войну значило „брать землю на щитъ“. „Того-же лѣта, разсказываетъ лѣтописецъ подъ 1401 г., на миру, на крестномъ цѣлованіи, князя великаго Василія повелѣніемъ, Анфалъ Микитинъ да Герасимъ Рострига съ князя великаго ратью, наѣхавъ войною за Волокъ, и взялъ всю Двинскую землю на щитъ безъ вѣсти, въ самый Петровъ день, христіянъ посѣкли и повѣшали а животы ихъ и товаръ поимали“... [5])—Конечно, не всѣ войны отличались одинаковой суровостью, но эта суровость лежала въ существѣ дѣла, условливалась особенностями тогдашней военной организаціи, а потому и составляетъ отличительную черту нашихъ древнихъ войнъ. Какъ скоро народъ всею своей массой переходилъ въ воиновъ, было трудно и опасно отличать мирныхъ жителей отъ немирныхъ и щадить жизнь, и имущество

---

[1]) Ипат. 1173 года.

[2]) Воскр. 1186 г. Въ Ипат. подъ 1148 г. читаемъ: „И пріидоста (Изяславъ и Ростиславъ) къ Къснятину, и ту имъ отъ Юрія вѣсти не бысть и начаста городы его жечи и села и всю землю его воевати обаполъ Волги: „Ср. еще томъ же 1152 г., 1170 г., 1171 г., 1191 г., 1193 г., 1129 г.

[3]) Воскр.

[4]) Тамъ же 1471 г.

[5]) Новгород. 1. Ср. еще Лавр. 1127 г.

первыхъ. Съ другой стороны, при маломъ развитіи государственнаго хозяйства, для продовольствія войскъ во время похода не существовало другихъ средствъ кромѣ собственности непріятеля. Конфискація же ея только въ мѣрѣ, необходимой для обезпеченія продовольствія, была невозможна по отсутствію всякой дисциплины въ рядахъ княжескаго войска, и кромѣ того лишила бы войну всей ея привлекательности въ глазахъ народныхъ массъ.—Согласно съ этимъ характеромъ нашихъ древнѣйшихъ войнъ, при выборѣ пункта для нападенія князей занимали не столько стратегическія соображенія, сколько желаніе выбрать мѣстность способную и прокормить ихъ воиновъ и обогатить ихъ полономъ. „Оже пойдемъ къ Новугородку, думаютъ южные князья, Мстиславъ, Владиміръ и Юрій, во время похода на Литву;—а тамо уже Татаровое извоевали все; пойдемъ гдѣ къ цѣлому мѣсту!“ [1]). Право дѣлать добычу принадлежало всѣмъ разрядамъ княжескихъ войскъ, безъ всякаго между ними различія: каждый воинъ пріобрѣталъ то, чѣмъ завладѣвалъ [2]). Въ мирныхъ договорахъ князей находимъ статьи, которыми военная добыча признается собственностью пріобрѣтателя [3]). Исключенія дѣлаются только въ пользу плѣнныхъ, относительно которыхъ встрѣчаемъ условія о возвращеніи ихъ даже и въ томъ случаѣ, если бы они были уже кому и проданы [4]). Въ Ипат. лѣт. подъ 1229 г. на ограниченіе права дѣлать добычу. Въ мирный договоръ Русскихъ князей, Даніила и Василька, съ Польскими было внесено усло-

---

[1]) Ипат. 1277 г.

[2]) Изъ указаннаго уже мѣста Лавр. лѣт. подъ 1127 г. видно, что грабежъ Изяславля начали отроки тысяцкихъ, посланные ими для этой цѣли тайкомъ; на разсвѣтѣ же къ нимъ присоединились и всѣ остальные воины.—По взятіи Кіева въ 1171 г., его грабятъ въ теченіи 2 дней: Смольняне, Суздальцы, Черниговцы, Ольгова дружина, а также и дружины прочихъ князей. Дружина Владиміра Андреевича отличалась при этомъ не менѣе другихъ. Когда, по смерти этого князя, пришлось везти тѣло его въ Кіевъ, она отказалась слѣдовать за нимъ: „Княже, говорятъ служилые люди покойнаго князю Давыду въ отвѣтъ, на предложеніе его—проводить до Кіева тѣло умершаго, ты самъ вѣдаеши, что есмы издѣяли Кіяномъ; а не можемъ ѣхати, избьютъ ны.“ Ипат.

[3]) Это начало выражается въ слѣдующей формулѣ: „А что были межи насъ въ наше нелюбье войны и брабежи... и тому грабежу всему погребъ наобѣ стороны.“ Р. С. Г. Г. и Д. ч. 1 №№ 43, 48, 56, 65 и др.—Но для этого требовалось, чтобы добыча была сдѣлана въ періодъ—„нелюбья“, или, „размирья,“ т. е. въ періодъ войны, открывшейся установленнымъ порядкомъ, возвращеніемъ складныхъ грамотъ. Согласно съ этимъ, въ договорныхъ грамотахъ встрѣчаемъ условія, коими выговаривается возвращеніе добычи, сдѣланной до формальнаго объявленія войны, или по заключеніи мира. См. тамъ же №№ 28, 54. Въ договорѣ Дмитрія Ивановича Московскаго съ Михаиломъ Тверскимъ, находимъ мѣсто, изъ котораго видно, что это право освоенія не простиралось на церковныя вещи—колокола, книги, кузнь, онѣ подлежали возвращенію; тамъ же № 28.

[4]) См. тамъ же №№ 43, 47, 48, 54, 56, 65.

віе, по которому обѣ стороны, въ случаѣ войны между ними,— обязались не дѣлать плѣнниковъ [1]).

Второй видъ вознагражденія воиновъ составляли единовременныя денежныя награды, которыя выдавались князьями и обыкновенно вслѣдъ за окончаніемъ извѣстной войны. Для этой цѣли назначались или собственныя суммы князя, или особыя контрибуціи, которыя выговаривались съ побѣжденныхъ при самомъ заключеніи мира [2]). Единовременныя награды выдавались всѣмъ воинамъ, безъ различія рода войскъ [3]); но понятно, что дружина въ тѣсномъ смыслѣ, состоя постоянно при князѣ, имѣла гораздо болѣе случаевъ получать такія награды, а потому и обогащалась скорѣе.—Лѣтописи отмѣтили имена нѣкоторыхъ князей особенно щедрыхъ въ этомъ отношеніи. Такъ о Владимірѣ Глѣбовичѣ читаемъ: „и плакашася по немъ всѣ Переяславцы, бѣ бо любя дружину, и злата не сбираеть, но дояшеть дружинѣ“ [4]).

Для продовольствія войска во время его переходовъ въ предѣлахъ собственнаго княжества встрѣчаемъ учрежденіе корма, какъ натуральной повинности, лежавшей на волостныхъ и городскихъ людяхъ. Древнѣйшее указаніе на кормъ относится къ XI вѣку [5].—Въ договорныхъ грамотахъ князей встрѣчаемъ условія,

---

[1]) Означенное мѣсто лѣтописи читается такъ: „Руси бо бѣаху полонилѣ многу челядь и боярынѣ. Створиша же межи собою клятву Русь и Ляхове: аще по симъ межи ими коли будетъ усобица, не воевати Ляхомъ Русское челяди, ни Руси Лядьской.“ Надо думать, что разсматриваемое условіе не совсѣмъ точно записано лѣтописцемъ. Судя по поводу, его вызвавшему: «Руси бо бѣаху полонилъ многу челядь и боярынѣ,“ необходимо допустить, что союзники обязались не брать въ плѣнъ не одну челядь, но и вообще плѣнниковъ, кто бы ни былъ.

[2]) Ипат. 1144 г., Новгород. 1. 1214 г., Воск. 1376 г. Эти контрибуціи, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могли имѣть значеніе откупа отъ взятія на щитъ.

[3]) Ярославъ послѣ побѣды надъ Святополкомъ одѣляетъ „смердовъ, старостъ и Новгородцевъ“—всѣхъ безъ различія. Воскр. 1019 г. Подобно этому тамъ же подъ 1376 г, читаемъ: „Князь же Болгарскій... доби челомъ великому князю и тестю его Дмитрію Константиновичу двѣма тысячемя рублевъ; а ратемъ ихъ трема тысячемя рублевъ.“

[4]) Ипат. 1187 г.; ср. еще подобную же похвалу Святославу и Давыду Ростиславичамъ, тамъ же 1172 и 1197 г.

[5]) Лавр. 1018 г., здѣсь дѣло идетъ о продовольствіи союзныхъ войскъ Польскаго короля, Болеслава Храбраго.—Тотъ же кормъ означаетъ и древній терминъ „зажитье“. Въ Новг. 1. подъ 1216 г. читаемъ: „Мстиславъ же поиде Серегеремъ, и вниде въ свою волость, и рече Новгородцемъ: идете въ зажитья, толико головъ не емлѣте:—идоша, исполнишася корма и сами и кони.“—Въ выраженіи „толико головъ не емлѣте“ заключается указаніе на размѣры корма: воины не должны были ни уводить съ собою стадъ, ни бить скотину на мѣстѣ. Указаній на болѣе точное опредѣленіе корма источники не сохранили; см. слѣдующее прим. Въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ жалобы на превышеніе воинами всякой мѣры при собираніи корма. Въ Воскр. подъ 1438 г. читаемъ: „Идущимъ же имъ къ Бѣлеву (воиномъ в. к. Василія Васильевича), все пограбиша у своего же православнаго христіянства, и мучаху людей изъ добытка, и жи-

которыми князья-союзники обязываются давать другъ другу при переходѣ ихъ войскъ чрезъ предѣлы союзнаго княжества [1]). Согласно съ этимъ встрѣчаемъ и учрежденіе особаго чиновника, обязанность котораго состояла въ наблюденіи за собираніемъ корма для продовольствія союзныхъ войскъ [2]).—Рядомъ съ обязанностью давать кормъ существовала обязанность отводить квартиры проходящимъ войскамъ, давать имъ подводы и проводниковъ. Въ нѣкоторыхъ жалованныхъ грамотахъ встрѣчаются освобожденія отъ этихъ повинностей [3]).

IV. Финансы.

Денежная система въ древней Россіи.

На этомъ вопросѣ намъ необходимо остановиться во первыхъ, для пониманія доходовъ, которые получалъ князь, и во вторыхъ, въ виду того, что у насъ господствовала въ древнее время денежная система наказаній. Вопросъ о денежной системѣ представляется однимъ изъ весьма трудныхъ и хотя имѣетъ довольно большую литературу, но еще и до настоящаго времени многія его стороны окончательно не разъяснены. Изслѣдованія о деньгахъ можно найдти въ каждомъ историч. сочиненіи. Кромѣ общихъ исторій трудовъ Татищева, Карамзина, Соловьева, Погодина. Бестужева, изслѣдованіе о деньгахъ занимаетъ видное мѣсто въ сочин. Лешкова „Народъ и Государство“ и въ соч. Ланге, объ уголов. правѣ. Русск. Правды. Изъ спеціальныхъ сочиненій можно указать на «Изслѣдованіе о цѣнностяхъ въ древней Россіи» Заблоцкаго, «Монета и вѣсъ» Прозоровскаго, помѣщенное въ запискахъ Императорскаго Археологическаго Общества томъ X, Бѣляева „Били ли на Руси монету до XIV стол.“ и новое—Мрочекъ Дроздовскаго—Изслѣдованіе о Русск. Правдѣ, вып. 1. Вопросъ о деньгахъ разби-

вотину бьюще, назадъ себѣ отсылаху...“ Ср. еще Пск. 1. 1474 г. Слово „зажитье“ съ присоединеніемъ слова „воевать“ употребляется и для обозначенія способа продовольствія войскъ въ непріятельской землѣ. Въ Пск. 1. подъ 1234 г. читаемъ: „Иде Ярославъ на Нѣмцы и пусти вои воевати въ зажитье; Нѣмцы же изъ городовъ высунушася... на сторожей, и бишася съ ними до полку.“

[1]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. 1. № 76: „а кормъ взяти, а не корыстиватися ни ни чѣмъ.“ Это различіе „корма“ и „корысти“ указываетъ на то, что подъ кормомъ разумѣлось нѣчто опредѣленное, хотя, можетъ быть, только обыкновенными потребностями здороваго человѣка.

[2]) Въ Воскр. подъ 1478 г. читаемъ: „Еще же князю великому на Волоцѣ сущу, присла противу ему князь великій Михайло Тверской сына боярскаго своего, отдавати кормы по отчинѣ своей (на походѣ Новгороду).

[3]) А. А. Э. т. 1. №№ 24, 89, 98.

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр. 2, л., 7.

вается на два вопроса, а именно: 1) какъ относятся одна къ другой разныя монетныя единицы, о которыхъ упоминается въ Русской Правдѣ и другихъ памятникахъ, и 2) изъ чего эти монеты дѣлались. Въ нашихъ памятникахъ упоминается о кунахъ, рѣзанахъ, векшахъ, ногатахъ, гривнахъ кунъ и гривнахъ просто, и наконецъ о гривнахъ серебра и золота. Для общаго обозначенія денегъ въ Русской Правдѣ служитъ слово куна. Это видно изъ 2-ой статьи Р. Правды Карамзинскаго списка, гдѣ говорится, что сыновья Ярослава отмѣнили убійство и ввели вознагражденіе на куны («отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати»). Кромѣ того слово куна имѣетъ и спеціальное значеніе, и употребляется для обозначенія извѣстнаго вида денегъ. Р. Правда говоритъ о кунахъ вообще и о кунахъ, прибавляя число, напр. 10 кунъ». Въ послѣднемъ случаѣ надо разумѣть монету опредѣленной цѣнности, изъ совокупности которыхъ состовляется гривна кунъ, заключающая въ себѣ нѣсколько такихъ мелкихъ единицъ. Затѣмъ встрѣчаемся съ наименованіемъ «рѣзаны»; по Академическому списку Р. Правды счетъ идетъ на рѣзаны въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по другимъ спискамъ упоминаются куны. Отсюда можно думать, что куны и рѣзаны суть только разныя наименованія одной и той же монетной единицы.

Какъ относились куны къ ногатамъ, гривнамъ кунъ и т. д.? Этотъ вопросъ весьма удовлетворительно разрѣшенъ на основаніи тѣхъ статей Р. Правды, которыя содержатся въ одномъ только спискѣ Карамзинскомъ (отъ 49 до 64 ст. включительно). Эти статьи заключаютъ въ себѣ перечисленіе возможнаго приплода отъ извѣстнаго количества скота съ означеніемъ цѣнъ всего приплода и отдѣльныхъ животныхъ. На основаніи этихъ статей изслѣдователи и вывели отношеніе кунныхъ единицъ между собою. Гривна кунъ равна 20 ногатамъ, 1 нагата—$2^1/_2$ рѣзанамъ, 50 рѣзанъ—гривнѣ кунъ, т. е. 20 ногатамъ. Кромѣ того мы встрѣчаемся въ памятникахъ съ наименованіемъ векши, бѣли, бѣлой веверицы также въ смыслѣ денежной единицы. Отношеніе ихъ къ кунной системѣ не ясно. Прозоровскій думаетъ, что 30 векшъ составляли одну ногату.

Теперь спрашивается, какой видъ имѣли вышеназванныя цѣнности, изъ чего онѣ дѣлались? Мнѣнія по этому вопросу у нашихъ изслѣдователей весьма расходятся. Такъ нѣкоторые, какъ напр. Бѣляевъ и Прозоровскій, думаютъ, что въ древности были въ обращеніи только металлическія деньги; другіе, какъ напр. Карамзинъ и Ланге, говорятъ, что у насъ въ обращеніи были какъ металлическія деньги, такъ и мѣха, и даже кожанныя деньги.

Можно думать, что въ разныя времена подъ перечисленными наименованіями разумѣли разныя вещи. Но для древнѣйшаго времени надо признать, что куны, бѣли и веверицы были мѣхами. Мѣхами платилась дань даже въ XII в. и позднѣе. Бѣличьи мѣха связывались въ пачки по сорока шкурокъ. Такая связка называлась «сорочкомъ» и употреблялась какъ оборотная цѣнность. Еще въ XIV в. сорочки бѣлъ называются кунами, т. е. деньгами. Тѣмъ скорѣе надо допустить, что въ болѣе отдаленное время мѣха употреблялись въ качествѣ мѣновыхъ единицъ; отсюда, конечно, и возникло наименованіе денегъ кунами. Куна есть куній мѣхъ. Даніилъ Заточникъ говоритъ, что богатые ходятъ «въ паволокахъ и кунахъ». Это первоначальное значеніе слова куна. Но такъ какъ мѣха куньи употреблялись въ качествѣ мѣховыхъ цѣнностей то слово куна стало обозначать мѣновую цѣнность, по нашему — деньги, сперва мѣха-деньги. Но разъ съ понятіемъ куна соединялось представленіе о мѣновой цѣнности, то это самое слово могло быть перенесено и на металлическія цѣнности. Кунами могли и дѣйствительно назывались металлическія деньги. Лѣтописецъ подъ 1067 годомъ говоритъ: «дворъ княжъ разграбиша, безчисленное множество злата и сребра кунами и бѣлью». Здѣсь куны и бѣль обозначаютъ серебр. и золот. деньги. Куны и бѣль могли въ одно и тоже время означать мѣховыя и металлическія мѣновыя цѣнности; но послѣднія вытѣснили первыя. Въ кунахъ Рус. Прав. надо видѣть металлическія деньги.

Разсмотримъ теперь, что такое были рѣзаны? По стоимости они были равны кунамъ, но какой они имѣли видъ? Нѣкоторые изслѣдователи говорятъ, что рѣзаны были не цѣлыя шкуры, а только ихъ части. Это заставляетъ насъ остановиться на этомъ предположеніи и разсмотрѣть, были-ли дѣйствительно въ древности въ обращеніи части шкуръ. Ланге высказываетъ ту мысль, что у насъ въ древнее время обращались за деньги не только цѣлыя шкуры, но также и какіе-то клочки кожъ. Карамзинъ самъ видѣлъ правильные кусочки кожъ съ клеймами, поэтому онъ и думалъ, что эти клочки въ древнее время ходили вмѣсто денегъ. Ланге предполагаетъ, что рѣзана это кусочекъ кожи, который ходилъ за цѣлую, слѣдовательно, имѣлъ значеніе нашей ассигнаціи. Если теперь ходятъ бумажныя деньги, которыя имѣютъ цѣнность, то это очень понятно. Наши бумажныя деньги являются кредитными билетами, обезпеченными извѣстнымъ размѣннымъ фондомъ: государство за каждую бумажку выдаетъ изъ государственнаго банка серебряныя деньги. Слѣдовательно, въ настоящее время бумажныя деньги ходятъ не потому, что они

имѣютъ сами по себѣ цѣнность, а потому, что за ними стоитъ обезпеченіе. Но спрашивается, какимъ образомъ въ древности могли ходить клочки кожъ въ качествѣ денегъ? Можно ли предположить, что въ древности существовалъ какой нибудь металлическій или иной фондъ, который обезпечивалъ бы ихъ цѣнность? Подобнаго фонда въ древности предположить нельзя, а безъ него трудно допустить, чтобы эти клочки кожъ ходили въ качествѣ денегъ, не имѣя сами по себѣ никакой цѣнности. Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей, напр., Ланге и Бестужевъ-Рюминъ, объясняютъ это такимъ образомъ: повинности платились мѣхами (это совершенно вѣрно) и въ удостовѣреніе уплаты повинностей давались кусочки кожъ, на которые накладывали клейма. Такіе куски кожъ съ клеймами ходили какъ деньги. Это объясненіе трудно принять. Если и предположить, что плательщикамъ выдавались кусочки кожъ въ качествѣ квитанцій, то никакъ нельзя согласиться, чтобы квитанціи могли ходить какъ деньги. Они являются только свидѣтельствомъ исполненной обязанности; рыночной же цѣны никакой не имѣютъ. Допустить, что рѣзаны были обрѣзками шкуръ и что обрѣзки шкуръ ходили въ древнее время вмѣсто денегъ, весьми трудно. Рѣзаны могли быть отрѣзками арабскихъ монетъ, отчего и получили свое названіе. Объ иностранныхъ монетахъ ниже.

Кромѣ кунныхъ денегъ источники прямо говорятъ о металлическихъ знакахъ, о гривнахъ серебра и золота. Эти сереб. и золот. гривны употреблялись какъ мѣра вѣса и какъ мѣра цѣнности. Вѣсъ этихъ сереб. гривенъ былъ различенъ, на сѣверѣ 96 золот., теперешній фунтъ, на югѣ 72 золот., греческій литръ.

При раскопкахъ кургановъ находятъ много серебряныхъ денегъ, а также и слитки, которые считаютъ древнѣйшими гривнами; одни, находимыя въ Кіевѣ,—кіевскими гривнами; другія—въ Новгородѣ—новгородскими. Онѣ отличаются другъ отъ друга какъ по вѣсу, такъ и по внѣшнему виду: кіевскія гривны плоскія, шестиугольныя, вѣсомъ отъ 36 до 38 золотниковъ; новгородскія гривны четырехгранныя палочки, немного выгнутыя и съ желобкомъ съ одной стороны, вѣсомъ до 48 золотниковъ. Прозоровскій говоритъ, что нѣкоторыя гривны доходятъ и до 69 золотниковъ. Эти гривны, быть можетъ, и были гривны кунъ. Источники говорятъ о старыхъ и новыхъ кунахъ и гривнахъ кунъ разнаго достоинства. Это значитъ, что отъ времени до времени дѣлали новую монету съ разнымъ содержаніемъ серебра. Если находимыя гривны принять за гривны кунъ, то отношеніе ихъ къ современному серебрян. рублю, по содержанію серебра, будетъ такое:

на гривну кунъ придется отъ 7 до 9 рублей. Содержаніе серебра другихъ единицъ кунной системы опредѣлится такъ: ногата отъ 35 до 45 к., рѣзана и куна отъ 12 до 18 к. Но содержаніе серебра въ кунахъ отъ времени до времени мѣнялось; а сообразно съ этимъ мѣнялось и отношеніе гривны кунъ къ фунту серебра.

Серебряныя гривны не имѣли на себѣ никакого знака, штемпеля, а представляли гладкую поверхность. Въ XIV вѣкѣ гривну стали разрубать пополамъ, эту половину стали называть «рублемъ», таково возникновеніе названія рубля. Впрочемъ не всегда половину гривны называли рублемъ. Есть указанія, что въ Новгородѣ иногда и цѣлая гривна называлась рублемъ.

Кромѣ этихъ русскихъ монетъ у насъ въ обращеніи были съ древнѣйшаго времени и иностранныя монеты. Такъ напр., имѣемъ указанія, относящіяся къ IX вѣку, что Радимичи платили дань Козарамъ по щлягу; думаютъ, что это англосаксонская монета. Профессоръ нашего Университета Григорьевъ сближаетъ щлягъ съ шиллингомъ. Другіе сближаютъ эту монету съ солидомъ, римскою монетою.

Восточныхъ монетъ довольно много найдено въ Новгородской, Ярославской, Владимірской, Казанской, Рязанской губерніяхъ, также въ Остзейскомъ краѣ и въ Финляндіи. Многія изъ этихъ монетъ съ арабскими надписями и принадлежатъ VIII и IX вѣкамъ. Эти монеты не только проходили черезъ Россію, но и обращались у насъ; ихъ находятъ какъ въ цѣломъ видѣ, такъ и раздробленными на двѣ части. Спрашивается, раздробилась ли монета на части подъ вліяніемъ какихъ нибудь случайныхъ причинъ (отъ удара заступа при раскопкѣ), или же онѣ уже были зарыты въ раздробленномъ видѣ? Археологи пробовали прикладывать части одну къ другой, чтобы составить цѣлую монету, но отрѣзки не подходили; поэтому нельзя думать, чтобы монеты раскололись по зарытіи, онѣ раскалывались при обращеніи. Это дѣлалось вѣроятно для того, что бы получить болѣе мелкую монету (отсюда, можетъ быть, наши рѣзаны). Эти арабскія или куфическія монеты пришли къ намъ изъ Азіи черезъ Булгарское царство на Волгѣ. Иностранныя монеты употреблялись у насъ и позднѣе. Въ XV в. въ Новгородѣ ходили польскія и нѣмецкія деньги.

Съ XIV в., послѣ завоеванія Татарами, въ нашей денежной системѣ произошло значительное измѣненіе: съ этихъ поръ появляются татарскія деньги и входитъ въ употребленіе самое слово деньга. Это слово образовалось отъ татарскаго тамга, темга, что

означаетъ знакъ, клеймо. Деньги, которыя стали лить по образцу татарскихъ, имѣли несовершенно правильную круглую форму, дѣлались изъ серебра и носили на себѣ татарское клеймо. Кромѣ клейма они имѣли еще какое нибудь изображеніе (человѣкъ съ копьемъ, пѣшій или на конѣ, или изображеніе птицы). Вѣсъ ихъ былъ неодинаковъ въ Новгородѣ и въ Москвѣ. Новгородскія деньги были полновѣсныя; деньга заключала въ себѣ отъ 16 до 25 долей серебра. Московская деньга заключала отъ 8, 10 до 25 долей серебра. Стоимость денегъ поэтому была неодинакова. Новгородская деньга приблизительно стоила 4, 5 коп., а Московская отъ 2-хъ коп. и дороже.

Кромѣ денегъ, которыя были въ обращеніи, какъ монеты, въ это позднѣйшее время были еще счетныя единицы: гривна, рубль, алтынъ, составлявшіяся изъ извѣстнаго числа отдѣльныхъ денегъ. Гривна состояла изъ десяти денегъ въ Москвѣ, а въ Новгородѣ изъ 14. Рубль въ Москвѣ состоялъ изъ 100 денегъ, а въ Новгородѣ изъ 216; алтынъ изъ 6 денегъ. Съ Татаръ у насъ появляются и мѣдныя деньги, полушки; это была довольно мелкая единица, на деньгу ихъ шло отъ 10 до 40. Въ это время мѣдныя деньги, хотя и встрѣчались, но въ очень маломъ количествѣ, потому что въ Орду ихъ не принимали, дань платилась только серебромъ.

2) Источники доходовъ.

Для того, чтобы оріентироваться въ извѣстіяхъ нашихъ источниковъ о разныхъ видахъ княжескихъ доходовъ, надо установить какую либо классификацію доходовъ. Наука финансовъ различаетъ двѣ большихъ группы государственныхъ средствъ. Первую составляютъ государственныя имущества, какъ напримѣръ, лѣса, земли, фабрики и тому под., изъ доходовъ которыхъ государство можетъ удовлетворять своимъ потребностямъ; вторую—имущества частныхъ лицъ, подданныхъ, изъ которыхъ могутъ быть выдѣляемы части въ доходъ государства. Каждая изъ этихъ большихъ группъ въ свою очередь подраздѣляется. I. Государство во 1) можетъ имѣть извѣстное имущество на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и частныя лица, т. е., имѣть лѣса, земли (домены), фабрики и т. под. и пользоваться ими на правахъ частной собственности; во 2) оно можетъ обладать извѣстными источниками доходовъ въ качествѣ монополиста, устранивъ отъ обладанія ими всѣхъ своихъ подданныхъ; такъ напр., лѣса, право

охоты, горный промыселъ, соленый и пр. государство можетъ объявить своимъ исключительнымъ правомъ. Такой видъ государст. имуществъ называется регаліями. II. Во второй группѣ, по способу взиманія различаютъ: 1) пошлины—это сборъ, взиманіе котораго пріурочивается къ такимъ моментамъ, въ которые подданные пользуются услугами правительства. Напр. гусударство отправляетъ судъ—и при этомъ беретъ пошлину съ цѣны рѣшенныхъ дѣлъ. Пошлины случайны и мало уравнительны. 2) Разнаго вида налоги на имущества или доходы частныхъ лицъ. Способы взиманія этихъ налоговъ весьма разнообразны. Наука различаетъ косвенные и прямые налоги. Косвенные налоги падаютъ на потребленіе. Таковы, напримѣръ, всѣ акцизныя пошлины: съ табаку, вина, таможенныя и пр. Они берутся съ продавца, но переходятъ на потребителя. Прямые налоги берутся прямо съ имущества частныхъ лицъ, которыя для этой цѣли могутъ быть подвергнуты оцѣнкѣ, кадастру.

Терминологія нашихъ древнихъ памятниковъ отличается значительной долей неопредѣленности. Однѣ и тѣже повинности обозначаются нерѣдко разными наименованіями.

Въ памятникахъ встрѣчается, напримѣръ, слово «дань», и нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что вездѣ подъ нимъ разумѣется поземельная подать, т. е., одинъ изъ видовъ прямыхъ налоговъ. Въ дѣйствительности, однако, подъ данью разумѣются всевозможныя подати; все, что отдается въ пользу князя, называлось данью. Въ жалованныхъ грамотахъ читаемъ: «а не надобѣ ему ни которая моя дань: ни мытъ, ни мостовщина, ни коня кормить» и проч. Слово «пошлина» имѣетъ совершенно такое же общее значеніе, подъ нимъ также разумѣется и мытъ, и мостовщика и коня кормить. Въ жалованныхъ грамотахъ говорится: «не надобѣ ни ямъ, ни подвода, ни мытъ, ни которая пошлина». Все, что пошло изъ старины, будетъ пошлиной. Далѣе въ нашихъ памятникахъ встрѣчается общее наименованіе «разметъ», которымъ обозначается также цѣлая масса повинностей, которыя взимаются путемъ раскладки между членами общины; подъ разметы подойдетъ и обязанность „коня кормить". Тѣ же повинности обозначаются словомъ—«проторы»; вслѣдствіе платежа дани частное имущество терпитъ убытокъ,—отсюда всякая дань есть проторъ.

Разсмотримъ, какъ возникла впервые общая обязанность платить что либо въ пользу власти. Всякій налогъ первоначально возникаетъ въ формѣ окупа, платы за миръ и спокойствіе сильнымъ сосѣдямъ съ тѣмъ, чтобы они не воевали, не нападали. Это дань. Наши древніе источники сохранили нѣсколько

указаній на такой характеръ первоначальнаго возникновенія налоговъ. Одно изъ нихъ относится къ событіямъ IX в., а именно, лѣтопись говоритъ о томъ, какъ козникъ платежъ дани Радимичей Олегу. Олегъ спрашиваетъ Радимичей: кому вы платите дань, а тѣ отвѣчаютъ: Казарамъ. На это Олегъ говоритъ: не давайте Казарамъ, а дайте мнѣ. Дѣйствительно Радимичи перестали платить дань Казарамъ и начали платить ее Олегу. „И бѣ, продолжаетъ лѣтописецъ, Олегъ обладая Радимичами, а съ Кривичи и Сѣверцы имѣя рать". Такимъ образомъ съ того времени, какъ Радимичи стали платить дань Олегу, они были оставлены имъ въ покоѣ, между тѣмъ какъ съ Кривичами и Сѣверянами Олегъ находился въ войнѣ, такъ какъ, надо думать, они не хотѣли платить ему дани. Мало того, что Олегъ не воевалъ съ Радимичами: онъ долженъ былъ ихъ защищать, потому что, переставъ платить дань Казарамъ, они молги подвергнуться съ ихъ стороны нападенію. И такъ, по первоначальному своему возникновенію, дань является платою слабаго сильному: болѣе сильный нападалъ на слабаго, который въ видахъ замиренія сильнаго соглашался платить ему дань. Само собою разумѣется, что платежъ дани производился до тѣхъ поръ, пока платящіе въ самомъ дѣлѣ пользуются спокойствіемъ, а какъ скоро они увидятъ, что дань не достигаетъ своей цѣли, то они перестаютъ ее платить и принимаются за оружіе. Такой фактъ встрѣчается и въ нашей исторіи. Въ 945 г. Игорь, получивши уже дань съ Древлянъ, опять пошелъ въ Древлянскую землю брать новую дань. Дружина Игоря говорила князю: отроцы Свѣнельджи (это одинъ изъ большихъ бояръ) изодѣлися суть оружіемъ и порты (т. е младшая дружина Свѣнельда раздобыла себѣ хорошее оружіе и платье), а мы, твои отроцы, нази ходимъ, поиди княже въ дань, да ты добудиши и мы». Игорь послушался и пошелъ «промышляюше къ первой дани и насиляще». Чтобы получить дань вторично Игорь долженъ былъ прибѣгнуть къ насилію между тѣмъ, какъ въ первый разъ сборъ дани произошелъ, по всей вѣроятности, спокойно. Благодаря насилію, Игорь собралъ вторично дань съ Древлянъ. Увлекшись успѣхомъ, онъ распустилъ большую часть дружины, а самъ съ небольшимъ числомъ отправился еще собирать («похожу еще»). Тогда Древляне начали со своимъ княземъ думу думать: „взумаша съ княземъ своимъ Маломъ, аще повадитъ волкъ въ овцы то выноситъ все стадо, аще не убьютъ его. Тако и се: аще не убьемъ Игоря, то вся ны погубитъ". Подумавши такимъ образомъ, они послали пословъ къ князю говоря: „почто идеши-опять, поималъ еси всю дань"?

Не смотря на недовольство Древлянъ, Игорь все таки пошелъ собирать новую дань, вслѣдствіе чего и былъ убитъ. Извѣстно, что Ольга отомстила Древлянамъ за смерть своего мужа. Лѣтописецъ, описываетъ эту месть фантастическими красками, но суть дѣла въ томъ, что Ольга, какъ княгиня Кіевской волости, будучи сильнѣе Древлянъ, успѣла въ концѣ концовъ ихъ снова одолѣть. Осаждая одинъ изъ древлянскихъ городовъ, который продолжалъ еще сопротивляться, Ольга, обращаясь къ жителямъ говоритъ: „всѣ грады ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, а вы хощете измрети гладомъ, не имущеся по дань". Смыслъ рѣчи тотъ, что война кончится, если они согласятся платить дань. Жители города отвѣчаютъ: „ради ся, даемъ тебѣ медомъ или скорою." И такъ, впервые дань появляется въ формѣ окупа; иногда она дается совершенно добровольно (напр., Радимичи соглашаются добровольно платить дань Олегу), а иногда по принужденію. Племена по необходимости должны были избирать одно изъ двухъ: или войну или платежъ дани и избирали послѣднее, если платежъ дани былъ меньшимъ зломъ, чѣмъ война.

Все сказанное относится главнымъ образомъ къ возникновенію дани у покоренныхъ народовъ. Весьма вѣроятно, что первоначально только покоренные и платили дань. Но и тамъ, гдѣ князья водворились мирно, было не мало основаній платежа повинностей въ пользу князя. Князь и здѣсь защищаетъ отъ враговъ, судитъ, поддерживаетъ спокойствіе и пр.

Перейдемъ къ обзору отдѣльныхъ видовъ доходовъ.

I. Были-ли въ древнее время государственныя имущества, доходы съ которыхъ шли на удовлетвореніе общихъ государственныхъ потребностей? Уже на основаніи того, что намъ извѣстно о нашемъ древнемъ бытѣ, трудно допустить, чтобы тогда могли быть государственныя имущества, отдѣльныя отъ имуществъ князя. Князья сосредоточивали въ своихъ рукахъ большія богатства и доходы съ нихъ употребляли на общественыя потребности, которыя едва ли строго различали отъ своихъ личныхъ. Они содержали на эти доходы отроковъ, дѣтскихъ и защищали съ ихъ помощью волость. Но эти богатства составляли частную собственность князей, а не государственную ихъ княженій. Первое появленіе понятія государственнаго имущества надо, кажется, искать въ Новгородѣ. Новогородскіе князья не имѣли права пріобрѣтать недвижимыхъ имуществъ въ предѣлахъ новогородской волости. Но въ ихъ пользованіе изстари отводились особыя «пожни». Эти пожни не составляли, кажется, собственности князя, а предоставлялись ему въ пользованіе, пока онъ занималъ новогород-

скій столъ. Такъ понимаемъ мы слова новогородскихъ договорныхъ грамотъ: «тобѣ, княже, селъ не держати, ни купити, ни даромъ пріимати по всей волости Новогородской... А пожне, княже, что твои и твоихъ мужъ пошло, то твое и твоихъ мужъ». Эти пошлыя пожни упоминаются кикъ въ договорныхъ грамотахъ съ тверскими князьями, такъ и съ московскими; они, надо думать, составляютъ собственность Новгорода, предназначенную для удовлетворенія потребностей княжескаго двора.

II. Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что у насъ съ древнѣйшихъ временъ рыбная ловля, звѣриная и птичья охота составляли исключительное право князей; къ регаліямъ причисляютъ и соляной промыслъ; трудно допустить въ такое отдаленное время существованіе регалій. Регаліи являются гораздо позднѣе. У князей были «ловища» точно также, какъ и у всѣхъ частныхъ лицъ; если князья владѣли чѣмъ нибудь, то они владѣли на ряду съ частными лицами и общинами, а не исключительно. Древляне отвѣчаютъ княгинѣ Ольгѣ на ея требованіе о дани: «ради, будемъ платить медомъ и шкурами», это указываетъ на свободный промыслъ звѣремъ и пчелами. Въ Р. Правдѣ есть нѣсколко статей, относящихся до охоты, но въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что охота составляетъ исключительное право князя. Указаній на регаліи въ разсматриваемое время не встрѣчается: каждый можетъ имѣть и бортныя угодья и рыбныя ловли и соленыя промыслы; въ новгородѣ встрѣчаемся даже съ случаями ограниченія правъ княжеской охоты и рыбной ловли. Въ грамотѣ съ в. к. тверскимъ Ярославомъ читаемъ:» а на озвадо ти, княже, ѣздити лѣтѣ звѣри гонить, а въ Русу не ѣхати; ѣхати ти въ Русу на третію зиму, а въ Ладогу, княже, ѣхати ни третіе лѣто. А свиньи ти бити за 60 верстъ отъ города. А осетрьнику твоему ѣздити въ Ладогу по отца твоего грамотѣ».

Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ говорятъ, однако, что въ древнее время одинъ только князь былъ собственникомъ земли. Это мнѣніе впервые высказано Полевымъ въ его «Исторіи Русскаго народа,» а затѣмъ повторено съ нѣкоторыми ограниченіями Лакіеромъ въ его изслѣдованіи о помѣстьяхъ и вотчинахъ, профессоромъ Московскаго университета Морошкинымъ и друг. У насъ были случаи завоеванія волостей, но наши источники вовсе не даютъ повода заключить, чтобы при этомъ вся земля переходила въ собственность князей. Такой крупный фактъ, какъ полная экспропріація всей земельной собственности въ пользу князей, не могъ быть не замѣченъ лѣтописцами, не могъ не вызвать жалобъ и недовольства князьями. Нигдѣ не встрѣчаемъ, однако,

указаній на какія-либо жалобы или неудовольствія; напротивъ, источники свидѣтельствуютъ, что принципъ княжеской власти пользовался большой популярностью, чего, конечно, не могло бы быть, если-бы утвержденіе князя въ волости сопровождалось такимъ переворотомъ. Выше были приведены мѣста источниковъ, изъ которыхъ видно, что горожане были заинтересованы въ охраненіи волостныхъ земель отъ опустошеній непріятелемъ, и что князья, которые отказывались защищать эти земли, лишались даже стола. Это усердіе горожанъ въ охраненіи волостныхъ земель было бы совсѣмъ не понятно, если бы земли, объ охраненіи которыхъ идетъ рѣчь, составляли собственность одного князя. Въ между княжескихъ договорахъ встрѣчаемъ статьи, которыми князья взаимно обязываются не пріобрѣтать земель одному въ предѣлахъ другаго. Это условіе не имѣло бы смысла, если бы всѣ земли принадлежали самому князю.

III. Пошлины. Этотъ родъ государственныхъ доходовъ въ древнее время былъ очень развитъ и мы встрѣчаемъ многіе виды сборовъ, относящихся къ этой категоріи.

Первое мѣсто между ними занимаютъ судебныя пошлины въ пользу органовъ суда. Первое опредѣленіе судебныхъ пошлинъ встрѣчается въ Русск. Правдѣ. Она опредѣляетъ пошлины съ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Если дѣло о землѣ, то взимается 30 кунъ, а метельнику 12 векшъ, а со всѣхъ другихъ дѣлъ, кому помогутъ, по 4 куны. Это самое древнее опредѣленіе пошлинъ, но съ теченіемъ времени и въ особенности съ XIV и XV в. эти пошлины чрезвычайно возросли, при чемъ онѣ стали взиматься сообразно цѣнѣ иска, между тѣмъ какъ по Русской Пр. безразлично пошлины взимались съ дѣла, не смотря на его цѣну. По Двинской судной грамотѣ, которая относится къ концу XIV вѣка, бралась пошлина съ рубля полтина. Это громадная пошлина. По уголовнымъ дѣламъ также были весьма значительныя пошлины. Такъ по Р. Правдѣ съ простой виры въ сорокъ гривенъ судья получалъ восемь гривенъ, а съ двойной виры, т. е., восьмидесяти гривенъ, вдвое болѣе, 16 гривенъ. Если привлекаемый къ суду лишался свободы и его заковывали въ желѣза, брали «желѣзное.» Здѣсь же упомянемъ и о штрафахъ уголовныхъ, составлявшихъ значительный доходъ княжеской казны. Подробности въ III главѣ.

2. Пошлина съ брака. Эта пошлина платилась при заключеніи брака, какъ свѣтскимъ такъ и духовнымъ властямъ. Епископъ получалъ особый сборъ за то, что выдавалъ священнику вѣнечную память, въ которой предписывалось ему

произвести обыскъ и повѣнчать. Въ пользу намѣстниковъ и волостекей шли пошлины подъ назв. выводной куницы. Размѣръ этой пошлины зависѣлъ отъ того, выдавалась ли невѣста въ другую волость того же княженія или за рубежъ, т. е. въ другое княженіе. Если ей приходилось остаться въ томъ же княженіи, но перейти въ другую волость, то волостель получалъ алтынъ за выводную куницу; а если ей надо было выѣхать за рубежъ, то волостелю платилось два алтына. Съ брака платилась пошлина и владычному десятиннику, онъ получалъ убрусъ—полотенце; эта пошлина прежде платилась натурой, но потомъ ее перевели на деньги и владычный десятинникъ сталъ получать три деньги.

3. Дорожная пошлина взималась при переправѣ черезъ мосты, рѣки, и проч. Въ древнее время мосты и переправы устраивались частными лицами, которыя и получали доходъ за пользованіе ими. Это не обходилось безъ злоупотребленій, которыя особенно невыгодно отражались на низшемъ классѣ населенія. При дальнѣйшемъ развитіи государства, именно во второмъ періодѣ, взиманіе этой пошлины было уже сосредоточено въ рукахъ правительства.

4. Пошлина съ мѣръ и вѣсовъ. Первоначально наблюденіе за мѣрой и вѣсами было предоставлено духовенству; у него на храненіи находились и образцовые вѣсы и мѣры. Позднѣе это охраненіе мѣръ и вѣсовъ переходитъ въ руки свѣтск. власти. Мы имѣемъ указаніе отъ XV в., что князья отсылали печатныя мѣры старостамъ и цѣловальникамъ. При взвѣшиваніи бралась пошлина, которая называлась—«пудъ», или «пудовое». Съ мѣры сыпучихъ тѣлъ брали помѣрное или передмѣръ. Размѣръ этой пошлины былъ значителенъ и вовсе не сообразовался съ трудомъ вѣсовщика и съ издержками на исправное содержаніе вѣсовъ. Такъ мы имѣемъ указанія отъ XII в. о доходѣ съ вѣса воску, который (доходъ) подарилъ князь Всеволодъ Мстиславичъ церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ. Вѣсовщикъ, свѣся 20 пудовъ, получалъ $1/2$ гривны серебра. Помѣрная пошлина была сравнительно меньше, такъ напр. за перемѣрку воза бралось 2 деньги.

IV. Послѣдній отдѣлъ составляютъ налоги прямые и косвенные. Разсмотримъ первоначально косвенные налоги. Съ видами такимъ налоговъ встрѣчаемся съ древнѣйшаго времени. Но такъ какъ наша система косвен. налоговъ съ татарскаго нашествія подверглась измѣненію, то весьма трудно выдѣлить, что явилось подъ вліяніемъ Татаръ, что свое. Несомнѣнно своею пошлиною надо считать мытъ. Съ мытниками, по лѣтописи, мы встрѣчаемся еще до пришествія Татаръ. Мытъ это древнѣйшее

наименованіе торговой пошлины; оно есть уже въ Р. Правдѣ, гдѣ упоминается о мытникахъ на рынкахъ, при которыхъ совершались всякія торговыя сдѣлки. Въ 32 ст. Троицк. списка говорится, если кто нибудь купилъ что краденое: коня ли, платье или скотину, то пусть выведетъ 2 свободныхъ мужа или мытника, которые подтвердятъ, что онъ дѣйствительно купилъ, а не укралъ. Итакъ, мытникъ необходимое при торговлѣ лицо, потому, конечно, что при всякой продажѣ бралось мыто. Мыто взималось, кромѣ того, по дорогамъ, гдѣ были устроены заставы для сбора. Для ограниченія мѣстъ сбора мыта, въ нѣкоторыхъ княжескихъ договорахъ, встрѣчаемся съ такимъ условіемъ: «а новыхъ мытовъ тебѣ, княже, не заводити». Сборъ мыта иногда подавалъ поводъ къ злоупотребленіямъ. Такъ, отъ XIV. в., встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что мыто бралось даже при провозѣ тѣла мертваго еврея и, сколько бы заставъ съ нимъ не проѣзжали, при всякой брали мыто; въ грамотѣ, въ которой находится это извѣстіе, сборъ съ мертвыхъ тѣлъ былъ запрещенъ. Относительно размѣра, въ которомъ бралось мыто, указаній не имѣемъ. Затѣмъ, встрѣчаемся съ выраженіемъ: «мытъ и костки». Надо думать, что костки есть дополненіе къ мыту, которое бралось при провозѣ товара: мыто съ товара, а костки съ проводника, который шелъ при товарѣ. Отъ XIII в. сохранилось указаніе, что съ воза брали 2 векши. Гостиная, дворовая, амбарная пошлина. У насъ въ старину отводились для торговли особыя мѣста, гдѣ товары и продавались. Эти мѣста назывались гостиными дворами. Они были устроены для облегченія надзора за продажею. При складѣ товара въ устроенное для этого мѣсто бралась гостиная пошлина, которая иначе назыв. амбарная, въ размѣрѣ одной деньги съ торговца, а иногда и до 3-хъ, если торговцевъ было много и спросъ на мѣста былъ великъ. Затѣмъ имѣемъ указанія на нѣкоторыя спеціальныя пошлины съ извѣстныхъ товаровъ, напр. пошлины съ соли, пошлины при продажѣ лошадей и пр. на пошлины съ соли имѣемъ указаніе отъ 12 в.: на морѣ отъ чрена и отъ салги брали по пузу. На морѣ, т. е. на морскомъ берегу, гдѣ выдѣлывалась соль, чренъ-сковорода, на которой вываривалась соль, теперь цирена; салга—котелъ, въ которомъ варили соль; пузо—мѣра, которая и теперь встрѣчается, теперь она равна 2-мъ четверикамъ, какъ была она велика въ то время опредѣлить нельзя. Съ рогатаго скота брали «роговое» при продажѣ, въ количествѣ 3хъ денегъ, а при продажѣ раба—6 денегъ.

Со времени завоеванія Русской земли Татарами есть основа-

ніе думать, что мыто при торгахъ замѣнилось *тамгой*, но при проѣздахъ все еще продолжали брать мыто. Слово тамга употреблялось вообще для означенія всѣхъ торговыхъ пошлинъ, а кромѣ того имѣло и спеціальное значеніе. Спеціально тамга означала пошлину, которая бралась со стоимости товара, по особой оцѣнкѣ, которая дѣлалась по привозѣ товара, прежде еще чѣмъ онъ былъ сложенъ: это чисто татарскій обычай [1]). Размѣръ тамги сообразовался съ тѣмъ, откуда привезенъ товаръ, и если товаръ привозилъ кто нибудь изъ мѣстныхъ жителей, то тамга бралась въ самомъ маломъ размѣрѣ, а именно $^1/_2$ деньги съ рубля княженія а съ пріѣзжихъ изъ другаго княженія бралось больше, до четырехъ денегъ. Въ нашихъ памятникахъ говорится, что иногда брали *тамгу съ осмничимъ*—это высшая мѣра тамги, она доходила до шести денегъ съ рубля и, конечно, возвышала значительно цѣну товара. Въ обширномъ смыслѣ тамгою называются всѣ полшины, которыя брались съ торговли: пудъ, вѣсчее, явка, гостиная пошлина, порядная, пошлина при провозѣ, вывозѣ, продажѣ, складкѣ товара и т. под.

Къ косвеннымъ налогамъ относятся и еще нѣкоторыя другіе сборы. Такъ напр. торгующій лѣсомъ обязанъ былъ платить „поплашное“ (отъ слова плаха); торгующій мясомъ платилъ „поштучное“ и т. под. Так. образ. торговля была обложена у насъ множествомъ мелкихъ сборовъ, которые сопутствовали продавца на каждомъ шагу. Это крайнее неудобство проходило черезъ всю древнюю Россію и только въ концѣ Московскаго періода, по просьбѣ торгующихъ людей, эта масса пошлинъ была замѣнена единообразнымъ сборомъ.

Прямыя подати. Эти подати взимались очень различно: частью деньгами, частью натурою и службой князю. 1) Одинъ изъ древнѣйшихъ видовъ такихъ податей составляло полюдье. Полюдье собиралось нерѣдко князьями непосредственно. Осенью, когда хлѣбъ былъ уже убранъ съ полей, князья выѣзжали въ полюдье, для сбора дани. У Константина Багрянород. въ сочин. „de administrando imperio“ находимъ древнѣйшее указаніе на сборъ полюдья. Онъ говоритъ, что при наступленіи осени князья выѣзжаютъ изъ Кіева для объѣзда своихъ владѣній, что надо понимать въ томъ смыслѣ, что они выѣзжаютъ для суда и сбора даней. Въ нашихъ отечест. памятн. также находимъ указанія на полюдье, такъ Мстиславъ Владиміровичъ далъ Юрьеву Монастырю

---

[1]) См. статью проф. нашего Унив. Березина „Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева,“ помѣщ. въ восточн. отдѣленіи записокъ археологич. общества т. 2.

осенее полюдье. Лѣтописецъ нерѣдко говоритъ: „такому то князю суще въ полюдьи“. Это полюдье и дань, которою князья облагали населеніе покоряемыхъ ими волостей, можетъ быть, одно и тоже. Въ памятникахъ говорится, что плата дани идетъ иногда съ мужа, иногда съ дыма. Нѣкоторые изслѣдователи понимаютъ выраженіе „съ мужа“ въ томъ смыслѣ, что дань бралась поголовно, но это едвали. Слово мужъ употреблено здѣсь, вѣроятно въ смыслѣ хозяина, домовладыки; дымъ также употреблено въ смыслѣ дома. Надо думать, что съ древнѣйшихъ временъ дань бралась не поголовно, а съ дома, съ хозяйства, съ землевладѣнія. Платилась она медомъ, шкурами, а иногда и деньгами; напр. Радимичи платили дань по щлягу. Отъ XII в. имѣемъ слѣд. свидѣтельство, касающееся города Берестья. Берестьяне возмутились противъ своего князя Мстислава, но возмущеніе кончилось для нихъ неудачей и князь усмирилъ ихъ. Въ наказаніе онъ обложилъ ихъ данью, со ста (администр. дѣленіе)—онъ велѣлъ платить имъ по 2 лукна (лукно—кадочка,) меду, по 15 десятковъ льну, по 100 хлѣбовъ, по 5 цебровъ (Zober-ушатъ, чанъ) овса и ржи и 20 куръ; это съ сельчанъ, а горожане должны были платить по 4 гривн. кунъ. Эта дань названа „ловчее“,—почему? не ясно.

2) Кормъ. Въ древнее время чиновники не получали жалованья, а содержались доходами отъ суда, и кромѣ того имъ былъ назначенъ кормъ; они кормились на счетъ управляемыхъ ими. Кормъ—это древнѣйшее техническое наименованіе, подъ которымъ позднѣе разумѣлись всѣ доходы чиновниковъ, а не одинъ только кормъ въ тѣсномъ смыслѣ, какъ первоначально. Вслѣдствіе этого и сами должности стали назыв. кормленіемъ. По первоначальному значенію подъ кормомъ разумѣлись тѣ припасы, которые должны были поставлять чиновникамъ подвѣдомственные имъ люди въ тотъ промежутокъ времени, когда чиновники пріѣзжали въ извѣстное мѣсто для производства суда, а также и постоянно живущимъ чиновникамъ, какъ намѣстникамъ и волостелямъ. Первоначально кормъ выдавался натурою. Мѣра корма не была произвольною, не зависѣла отъ усмотрѣнія чиновника, онъ не имѣлъ права брать, сколько ему вздумается. Еще въ Р. Правдѣ указано, сколько каждый чиновникъ, пріѣзжающій въ волость, долженъ былъ брать для себя, для своихъ людей и для лошадей. Первоначально, эта мѣра опредѣлялась довольно примитивно: предписывалось напр. дать столько, „сколько ясти могутъ“, или «сколько чрево возьметъ». Въ огражденіе подданныхъ опредѣлялось число лошадей, на которыхъ ѣздили чиновники (4). О кормѣ лошадямъ говорится: „а сути имъ на ротъ, колико мо-

гутъ зобати". Кормъ самому чиновнику опредѣляется понедѣльно, такъ вирнику на недѣлю полагалось 7 ведеръ солоду, овенъ или полоть мяса, въ среду и пятницу сыръ, 7 хлѣбовъ на недѣлю, куръ 2 на день. Потомъ этотъ кормъ изъ натуральной повинности стали переводить на деньги,-причемъ чиновнику предоставялось право брать его деньгами или натурою. Напр. 7 ст. Р. Правды говоритъ: если сыру не возьметъ, дать ему купу. Позднѣе чиновникъ, какъ только пріѣзжалъ на должность, получалъ кормъ на взоѣздъ „взоѣзжій кормъ". Кромѣ корма при въѣздѣ онъ получалъ еще кормъ 3 раза въ годъ въ опредѣленномъ размѣрѣ, на Рождество, на Петровъ день, на Великій день (Пасху). Этотъ кормъ былъ также опредѣленъ, кромѣ взоѣзжаго, который предоставлялся усмотрѣнію плательщиковъ. Тіунъ, состоявшій при намѣстникѣ получалъ половину противъ намѣстника. Обязанность кормить регулируется еще такимъ предписаніемъ: гдѣ ночевалъ, тамъ не обѣдать и наоборотъ. Нѣкоторые изслѣдователи, замѣтивъ, что чиновники получаютъ кормъ и что въ нѣкоторыхъ грамотахъ его количество не было опредѣлено, заключаютъ, что намѣстники и волостели, получая отъ князя волости въ кормленіе, кормились совершенно произвольно, т. е. хозяйничали въ волостяхъ и городахъ по своему усмотрѣнію и обирали волость, какъ было имъ угодно. Изъ того, что сказано о кормѣ видно, что это воззрѣніе не соотвѣтствуетъ источникамъ, кормъ былъ опредѣленъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Въ народѣ существовало сознаніе, что чиновники должны были брать не по произволу, а урокомъ, т. е., сколько опредѣлено. Сторонники противуположнаго мнѣнія ссылаются на одну уставную грамоту, а именно на Двинскую, въ которой кормъ не опредѣляется. Изъ того, что въ Двинской грамотѣ не говорится ничего о размѣрѣ корма, еще не слѣдуетъ, что онъ вообще не опредѣлялся; въ ней просто забыли упомянуть о кормѣ точно также, какъ забыли упомянуть и о пени съ обвиненныхъ въ душегубствѣ.

3) Подводы, постой, проводники. Если князь посылалъ куда нибудь гонца, то ему обязаны были давать подводы, отводить помѣщеніе для постоя и т. под.

4) Княжое дѣло. Княжимъ дѣломъ назывались всякаго рода услуги обывателей по отношенію къ князю. Такъ напр. обязанность кормить княжескихъ коней, молоть муку для князя, косить сѣно на княжескихъ лугахъ, забивать ѣзъ въ рѣкахъ, гдѣ у князя была ловля рыбы. Кромѣ того жители должны были выходить на медвѣдя, на лося и др. звѣрей, когда князь отправлялся на охоту.

5) Городовое дѣло. Оно состоитъ въ обязанности строить крѣпости, домъ для князя, дома для властей, намѣстника и друг.

6) Церковныя пошлины. Эти пошлины шли въ пользу епископовъ и духовенства. Надо полагать, что онѣ шли имъ сверхъ тѣхъ пожалованій, которыя были назначаемы для нихъ княземъ, какъ напр. десятина. Эти пошлины собирались при объѣздахъ епископомъ и подвѣдомственными ему лицами своей епископіи. Въ источникахъ встрѣчаемъ выраженіе: «епископу за поѣздъ 10 гривенъ, а попу 2 гривны».

7) Татарская дань. Она была черезвычайно обременительна. Мы имѣемъ указанія, что Татары во всѣхъ покоренныхъ земляхъ брали десятину съ имущества. Это дѣлалось такимъ образомъ: отъ татаръ присылались особые численники, они переписывали все населеніе, кромѣ духовныхъ лицъ, которыя освобождались отъ сбора, и затѣмъ, на основаніи записаннаго, собирали десятину. Но этимъ Татары не ограничивались: говорятъ, они брали кромѣ того и людьми, такъ отъ 3-хъ сыновей—одного; также приказывали привозить къ себѣ и дѣвушекъ. Находятъ указанія на дань шкурами чернаго и бѣлаго медвѣдя, чернаго бобра, соболя, хорька и черной лисицы; если же кто былъ не въ состояніи платить эту дань, то у него брали дѣтей и обращали въ рабство. Кромѣ постоянной дани Татары брали и чрезвычайную. Пастоянная дань называлась «татарская дань», «ордынское серебро»; чрезвычайная дань носила наименованіе «запроса», она нерѣдко вызывала возстанія, которыя впрочемъ всегда усмирялись Татарами. Впослѣдствіи татарская дань собиралась удѣльными и великими князьями. Но переходъ сбора дани въ руки князей не улучшилъ положенія плательщиковъ; князья ѣздили въ орду, покупали себѣ великокняжеское достоинство и дѣлали за это такіе подарки, которые значительно превосходили дань и, конечно, эти подарки оплачивались народомъ.

Теперь разсмотримъ вопросъ о раскладкѣ прямыхъ податей. Изъ приведенныхъ выше указаній лѣтописей, относящихся къ древнѣйшему времени, мы заключили, что единицей обложенія служитъ дворъ въ смыслѣ цѣлаго хозяйства. Къ этому выводу примыкаютъ и указанія, которыя можно почерпнуть въ древнѣйшихъ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ. Изъ этихъ книгъ слѣдуетъ, что повинности падали на обжы: «платити имъ обежную дань», или «кормъ волостелю давати съ 30 обежъ", или «въ городовое дѣло и во всѣ потуги тянути ему съ 2-хъ обежъ». Изъ этихъ выраженій надо вывести, что обжа была единицею

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб. Вас. Остр., 2 л., 7.

обложенія. Слово обжа произошло отъ жать, обжинать. Но въ данномъ случаѣ, какъ единица обложенія, обжа не есть опредѣленной мѣры участокъ земли. Въ писцовыхъ книгахъ приводятся данныя относительно того, сколько кто высѣваетъ на обжу зерна; количество высѣваемаго на обжу не одинаково. Изъ этого надо заключить, что обжа не обозначаетъ участка земли постоянной мѣры. На обжу иногда высѣвается 5 коробей, а иногда 2 $^1/_2$ коробьи, разница весьма большая, и надо думать, что обжа была идеальной единицой обложенія, которая опредѣлялась не только количествомъ земли, но и качествомъ ея, а потому она заключала въ себѣ то большее, то меньшее количество земли, выражая платежную способность имущества. Обжа ближе стоитъ къ числу дворовъ, чѣмъ къ количеству земли. Такъ напр. встрѣчаемъ слѣд. указанія: высѣвается 9 коробей, что составляетъ 4 обжи, а дворовъ 3; въ другомъ мѣстѣ нѣсколько человѣкъ высѣвали 10 коробей, что составляетъ 2 обжи, 2 двора; затѣмъ 20 коробей высѣвается на 9 обежъ, 8 дворовъ; 30 коробей—на 11 обежъ, 11 дворовъ. Число обежъ въ болѣе постоянномъ отношеніи къ числу дворовъ, чѣмъ къ количеству засѣваемой земли. Обложеніе по обжамъ приближается къ обложенію по дворамъ. Обжа представляетъ древнѣйшій примѣръ кадастра. Обжы даже одной и той же земли не всегда были одинаковы по количеству земли. Мы имѣемъ такого рода указаніе: Сумароку князь далъ 2 пустыя деревни съ тѣмъ, чтобы онъ извѣстное число лѣтъ не платилъ податей, а по истеченіи этого срока „платити ему съ 3-хъ обежъ“, между тѣмъ какъ прежде эти деревни были положены въ 4 обжи. Такимъ образомъ одно и то-же количество земли теперь сочтено за 3 обжи, прежде же считалось за четыре, и жители, будучи не въ состояніи тянуть за 4 обжи, разбѣжались.

Древнѣйшее указаніе на обжы относится къ XV в.—1495 г.; но изъ этого не слѣдуетъ, что обжа возникла только въ концѣ XV в. Изъ писцовыхъ книгъ видно, что она разсматривается какъ совершенно извѣстная и слѣд. уже раньше существовавшая единица. Болѣе крупная единица обложенія была соха. Она состояла изъ 3-хъ обежъ. Но и соха, какъ и обжа, была платежною единицею, а не опредѣленнымъ всегда себѣ равнымъ участкомъ земли. Въ памятникахъ XV в. говорится „не платити ему ни ямъ, ни торговую пошлину, ни посоху“. Что же такое посоха? Это совокупность всѣхъ повинностей, которыя падаютъ на соху. Нерѣдко говорилось „собрать подводы съ сохи“ или „собрать людей съ сохи“.

Таковъ порядокъ обложенія земледѣльцевъ. Они распредѣ-

ляли прямые налоги по сохамъ и обжамъ; разнаго вида промыслы приравнивались къ сохамъ.

Это можно заключить изъ грамоты на „черный боръ“ князя Василія Васильевича. Въ этой грамотѣ къ сохѣ приравниваются разные виды промысловъ: такъ чанъ кожевенный считается за соху, неводъ за соху, цренъ за соху, лавка за соху.

Кто несъ въ древности повинности? Были ли привилегированныя лица, свободныя отъ повинностей, или нѣтъ? Что касается косвенныхъ налоговъ, то они лежали на всемъ населеніи; то же надо сказать и о пошлинахъ. Кто бы ни занимался торговлею, былъ ли то бояринъ или самъ князь, его товары подлежали оплатѣ торговымъ налогомъ. Это мы заключаемъ изъ сохранившихся таможенныхъ грамотъ. Прямыми налогами облагались всякіе крестьяне, на чьихъ бы земляхъ они ни сидѣли: на своихъ, монастырскихъ, боярскихъ и пр. Находимъ указанія, что и служилые люди несли повинности. Въ княжескихъ договорныхъ грамотахъ читаемъ: «а коли мнѣ будетъ дань взяти на своихъ боярахъ, а кто будетъ твоихъ бояръ и слугъ въ моемъ княженіи и на нихъ мнѣ дань взять, какъ и на своихъ». Но здѣсь предусматривается исключительный случай обложенія служилыхъ людей. Изъ смысла статьи надо заключить, что обыкновенно они не платятъ никакихъ налоговъ, но иногда налоги берутся и съ нихъ. Крестьяне, сидѣвшіе на земляхъ бояръ и духовныхъ учрежденій, несли всякія повинности, кромѣ случаевъ освобожденія жалованными грамотами. Но крестьянскія повинности не переходили на бояръ. Доходъ бояръ съ земель не подлежалъ обложенію, кромѣ исключительныхъ случаевъ. Свобода отъ повинностей приближенныхъ къ князю людей есть, по всей вѣроятности, весьма древнее явленіе. Эта привилегія была одной изъ побудительныхъ причинъ, привлекавшихъ богатыхъ людей на службу княжескую.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО.

Литература. Эверсъ, Das alteste Recht der Russen. 1826.

Рейцъ, Опытъ исторіи россійсскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ. 1836.

Иванишевъ, О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою. 1839.

Тобинъ, Die Blut-Rache. 1840.

Поповъ, Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву. 1841.

Максимовичъ, О развитіи идеи преступленія по смыслу памятниковъ русскаго законодательства. 1845.

Семеновскій, О характерѣ уголовнаго законодательства извѣстнѣйшихъ древнихъ народовъ и отечественнаго—русскаго. 1845.

Тобинъ, Взглядъ на основныя начала русскаго уголовнаго законодательства съ древнѣйшихъ временъ до уложенія о наказаніяхъ 1845 г., перев. съ нѣм. 1847.

Деппъ, О наказаніяхъ до ц. Алексѣя Михайловича. 1849.

Станиславскій, Изслѣдованіе началъ огражденія имущественныхъ отношеній въ древнихъ памятникахъ русскаго законодательства. 1855. (въ юрид. сбор. Мейера).

Богдановскій, Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра В. 1857.

Ланге, О наказаніи и взысканіи за безчестье по древнему русскому праву. 1859. Ж. М. Н. пр. № 6.

Ланге, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды. 1860.

Калачовъ, Дополненіе къ разсужденію Деппа. 1861. Арх. ист. и юридич. свѣд. кн. III.

Мстиславскій, О поклепной вирѣ, или понятіе объ обвинительномъ процессѣ. 1861. Юрид. Жур. № 5.

Чебышевъ-Дмитріевъ, О преступномъ дѣйствіи по русскому до петровскому праву. 1862.

Неклюдовъ, Добавленія по исторіи русскаго уголовнаго права къ переводу учебника уголовнаго права Бернера. 1865.

Шпилевскій, Союзъ родственной защиты у древнихъ Германцевъ и Славянъ. 1866.

Губе, Historya prawa karnego ruskiego. 1870.

Ведровъ, О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ. 1877.

I. Общее ученіе о преступленіи.

Понятіе о преступленіи въ древнее время существенно отличается отъ нашего. Теперь на преступленіе установился формальный взглядъ: подъ преступленіемъ разумѣется дѣйствіе, нарушающее установленный государствомъ порядокъ, а такъ какъ порядокъ этотъ опредѣляется закономъ, то преступленіе есть нарушеніе закона. Понимаемое въ такомъ смыслѣ преступленіе есть понятіе формальное. Внѣшняя форма преступнаго дѣянія есть всегда насиліе или обманъ. По отношенію къ человѣку, противъ котораго преступное дѣяніе направлено, преступленіе является всегда съ характеромъ принужденія. Въ насиліи принужденіе очевидно; обманъ есть также принужденіе воли, хотя и замаскированное. Преступленіе вмѣняется человѣку въ вину; вмѣненіе имѣетъ мѣсто тогда, когда нарушеніе закона является результатомъ воли совершившаго, когда человѣкъ хотѣлъ достигнуть именно тѣхъ преступныхъ цѣлей, которыхъ достигъ. Среди нарушеній закона различаютъ уголовныя правонарушенія и гражданскія. Человѣкъ. напр., можетъ не заплатить долга своего, не сдѣлать того, къ чему онъ по договору обязался. Это тоже нарушеніе права, но оно не разсматривается какъ преступленіе; это гражданское правонарушеніе. Уголовное правонарушеніе ведетъ къ наказанію, которое и составляетъ предметъ уголовнаго права; а гражданскія правонарушенія къ наказаніямъ не ведутъ, а только къ вознагражденію убытковъ. Гдѣ же, спрашивается, граница между уголовнымъ и гражданскимъ правонарушеніемъ? Этотъ вопросъ въ наукѣ очень спорный. Одинъ изъ весьма распространенныхъ взглядовъ на этотъ предметъ, высказанный первоначально Гегелемъ, состоитъ въ слѣдующемъ: уголовное правонарушеніе отличается отъ гражданскаго качествомъ воли человѣка. Въ гражданскомъ правонарушеніи человѣкъ не отвергаетъ правоваго порядка въ принципѣ. Тутъ собственно споръ идетъ о пониманіи права. Я не плачу потому, что въ мою пользу говорятъ такія-то и такія-то обстоятельства, и такіе-то законы (по крайней мѣрѣ, какъ я ихъ понимаю); а противникъ мой говоритъ, что я долженъ заплатить на основаніи такихъ то обстоятельствъ и при такомъ то пониманіи закона. Спорятъ о правѣ собственности: одинъ говоритъ, что извѣстныя вещи принадлежатъ ему по завѣщанію, а другой, что это завѣщаніе не законно, и что онъ собственникъ этихъ вещей на основаніи наслѣдованія по закону. Оба опираются на правовой порядокъ. Такова особенность гражданскихъ правонарушеній. Въ уголовныхъ

правонарушеніяхъ дѣло идетъ о непризнаніи правоваго порядка въ принципѣ. Человѣкъ укралъ, убилъ, ограбилъ кого нибудь,— ни на какой законъ сослаться онъ не можетъ: тутъ въ принципѣ порядокъ, установленный государствомъ, нарушается.

Въ древнее время встрѣчаемся съ совершенно инымъ взглядомъ на преступленіе, а именно, преступленіе разсматривалось какъ матеріальное зло. Самое слово преступленіе не было извѣстно. На языкѣ Р. Правды преступленіе носитъ наименованіе „*обиды*". Въ этомъ наименованіи отражается взглядъ на преступленіе, какъ на матеріальный вредъ. Кто нибудь «обиженъ»—т. е. претерпѣлъ нѣчто непріятное, это и есть преступленіе. При формальномъ же воззрѣніи—преступленіе можетъ быть дѣяніемъ и никому не обиднымъ.

Уголовныя и гражданскія правонарушенія въ древности не различались; всякое правонарушеніе, какъ убійство, такъ и неплатежъ долга, одинаково называлось обидою.

Принимался ли во вниманіе въ древности моментъ воли? Вопросъ этотъ является весьма спорнымъ. По отношенію къ нему существуютъ два воззрѣнія, изъ которыхъ одно ведетъ свое начало отъ нѣмецкаго писателя Рогге, написавшаго сочиненіе подъ заглавіемъ: «Ueber das Gerichtsvesen der Germanen, 1820. Этимъ сочиненіемъ онъ произвелъ въ свое время сильное впечатлѣніе. Рогге впервые обратилъ вниманіе на происхожденіе права изъ субъективной воли. Говоря о состояніи древнихъ судовъ онъ касается и вопроса о волѣ. По его мнѣнію древній человѣкъ обращалъ свое вниманіе исключительно па матеріальный вредъ, а не на участіе въ дѣяніи воли преступника; пострадавшему отъ преступленія вовсе не было дѣла до того, хотѣлъ-ли виновный совершить преступное дѣйствіе, или нѣтъ. Это воззрѣніе примѣняютъ и къ состоянію нашего права эпохи „Русской Правды"; говорятъ, что въ эту эпоху совершенно не различались преступленія, совершенныя свободно, по желанію, и не свободно,—а также не различались преступленія, совершенныя малолѣтними и совершеннолѣтними, умалишенными и людьми, находящимися въ здравомъ разсудкѣ; кѣмъ бы ни было совершено обидное дѣяніе и при какихъ бы то ни было условіяхъ, оно одинаково влекло за собою наказаніе.

Противоположное этому воззрѣніе высказалъ Вильда въ чрезвычайно важномъ для исторіи права сочиненіи „Das Strafrecht der Germanen". Возражая противъ изложеннаго мнѣнія Рогге, Вильда говоритъ, что нельзя отрицать того, что чѣмъ ниже человѣкъ стоитъ въ своемъ развитіи, тѣмъ онъ болѣе похожъ на ребенка; при такомъ низкомъ развитіи онъ въ состояніи выражать свое

неудовольствіе даже по отношенію къ камню, на который нечаянно наткнулся. Но, продолжаетъ Вильда, все таки невозможно допустить, чтобы было время, когда человѣкъ вовсе не различалъ дѣяній по степени участія въ нихъ воли. На какой бы низкой ступени человѣкъ ни стоялъ, онъ не могъ совершенно смѣшивать дѣянія случайныя и не случайныя. Вильда, однако, не всѣхъ убѣдилъ, и послѣ изданія его сочиненія нѣкоторые ученые продолжаютъ высказываться въ смыслѣ Рогге; сюда принадлежатъ: Миттермайеръ въ изданномъ имъ учебникѣ Фейербаха, Бернеръ и др. Дѣйствительно, Рогге совершенно правъ, но только его мнѣніе вѣрно по отношенію съ самой глубокой древности. Нѣкоторыя свѣдѣнія, собранныя путешественниками о дикаряхъ, прямо указываютъ на то, что первоначально человѣкъ вовсе не различалъ случайныхъ дѣяній отъ дѣяній неслучайныхъ. Такъ напр. о нѣкоторыхъ дикаряхъ разсказываютъ, что они мстятъ не только людямъ, но животнымъ и даже неодушевленнымъ предметамъ. Если тигръ разорветъ человѣка, то семейство его считается отверженнымъ до тѣхъ поръ, пока оно не отомститъ за смерть родственника и не убьетъ тигра. Если дерево упадетъ и убьетъ кого-нибудь, оно считается виновнымъ и подвергается наказанію, состоящему въ томъ, что его раскалываютъ въ щепки. Слѣды такихъ воззрѣній сохраняются и при нѣкоторой степени развитія общественной жизни. Царь Кохинхины выставилъ къ позорному столбу ладью за то, что она плохо исполняла свою обязанность и плывшіе въ ней потонули. Указанія на остатки такихъ же воззрѣній находятъ и у Евреевъ. По законамъ Моисея, быкъ, который забодалъ кого-нибудь, побивался камнями и мясо его не шло въ пищу. По этому поводу возникалъ даже споръ о томъ, какъ казнить быка: можетъ ли его убить каждый или слѣдуетъ его судить, а потомъ подвергнуть наказанію. Ученые талмудисты пришли къ тому убѣжденію, что прежде долженъ имѣть мѣсто судъ. Слѣды подобныхъ воззрѣній встрѣчаются и въ германскихъ законахъ. Въ законахъ салическихъ Франковъ берется такой же случай: животное забодало кого-нибудь. Отъ хозяина его требовалась уплата почти полной виры, какъ за убійство: онъ долженъ былъ уплатить $^3/_4$ виры или $^1/_2$, да кромѣ того отдать самое животное. Въ новыхъ спискахъ салическаго закона эта статья уже измѣнена, а именно, хозяинъ подвергался штрафу только въ томъ случаѣ, если онъ зналъ, что животное опасно, и не принялъ мѣръ, чтобы предотвратить несчастный случай. У англичанъ еще не такъ давно былъ такого рода случай: лѣтъ 20 или 30 тому назадъ боевой пѣтухъ ранилъ $1^1/_2$ лѣтняго

ребенка, который умеръ отъ раны; пѣтухъ за это былъ казненъ. Также не такъ давно въ Англіи состоялась отмѣна обычая, по которому отвѣтственности извѣстнаго рода подвергались даже неодушевленные предметы, причинившіе человѣку какой нибудь вредъ. По этому обычаю, напр., колесо, причинившее смерть, отдавалось Богу, т. е. конфисковалось и продавалось въ пользу бѣдныхъ. Это фактъ переживанія явленій, остатокъ очень древняго быта, корень котораго одинъ съ приведенными выше обычаями дикарей. Итакъ, стало быть, должно признать, что человѣкъ началъ съ совершеннаго безразличія между умышленными и случайными дѣяніями, что первоначально уголовную реакцію вызывалъ одинъ матеріальный вредъ безъ всякаго отношенія къ участію воли. Но будетъ неправильнымъ переносить во всей строгости этотъ взглядъ въ тѣ историческія времена, отъ которыхъ сохранились древнѣйшіе юридическіе памятники. Въ Германіи, въ эпоху, къ которой относятся варварскіе законы, появляется уже анализъ дѣяній съ точки зрѣнія воли, хотя еще и въ очень слабой степени. Въ Русской Правдѣ также видна уже попытка различать дѣянія по степени участія въ нихъ злой воли. Такъ 5 и 4 ст. по Троицкому списку, говоря объ убійствѣ, соединяютъ разныя послѣдствія съ убійствомъ, смотря потому, какое это убійство. Въ этихъ статьяхъ говорится о двухъ видахъ убійства, а именно-объ убійствѣ „въ разбоѣ“ и объ убійствѣ „на пиру“, “въ свадѣ“ т. е. въ ссорѣ (ср. 18 и 19 ст. Ак. сп. убійство „въ обиду“). Подъ убійствомъ въ разбоѣ, безъ всякой ссоры, разумѣлось умышленное убійство, совершенное съ корыстною цѣлью. Такое убійство считалось въ эпоху Р. Правды болѣе тяжкимъ преступленіемъ, и влекло за собою болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ убійство на пиру „въ свадѣ“. Въ это древнее время пиры сопровождались неумѣреннымъ употребленіемъ горячихъ напитковъ. Разгоряченные виномъ пирующіе нерѣдко вступали въ драку, которая иногда оканчивалась убійствомъ. Такое убійство влекло за собою болѣе легкое наказаніе, чѣмъ убійство въ разбоѣ, потому что убійца не имѣлъ намѣренія совершить убійства, а будучи въ возбужденномъ состояніи, подрался и нечаянно убилъ, не осторожно ударивъ. Есть и еще статьи въ Русской Правдѣ, указывающія на различіе преступныхъ дѣяній по степени участія злой воли,—это статьи, относящіяся до кражи домашнихъ животныхъ (38 и 39 ст. Карамз. сп.). Русская Правда различаетъ кражи изъ закрытаго помѣщенія отъ кражи „въ полѣ“. Въ первомъ случаѣ кража наказывается строже, такъ какъ здѣсь обнаруживается больше злонамѣренности, воля

преступника была упорнѣе, чѣмъ во второмъ: вору приходилось одолѣть извѣстныя препятствія для того, чтобы украсть изъ клѣти (быть можетъ сломать замокъ, дверь, и т. д.), между тѣмъ какъ во второмъ случаѣ воръ угналъ коня съ поля, потому что не было къ тому препятствій.

Матеріальный взглядъ на преступленіе начинаетъ измѣняться съ принятія христіанства. Духовенство вноситъ новое воззрѣніе—формальное, преступленіе становится нарушеніемъ предписаній, именно предписаній церковныхъ. Этотъ формальный взглядъ на преступленіе нашелъ свое выраженіе сначала только въ церковныхъ уставахъ Владиміра св. и Ярослава. Въ уставѣ Владиміра св. запрещаются многія дѣянія только потому, что они недопускаются церковными законами, напр., моленіе у воды, волшебство, и проч. Но въ первомъ періодѣ этотъ новый взглядъ еще въ зародышѣ; онъ получаетъ свое развитіе только во второмъ.

II. Наказаніе.

Мы видѣли, что воззрѣнія древняго времени на преступленіе существенно отличаются отъ современныхъ; то-же самое наблюдаемъ и въ воззрѣніяхъ на наказаніе. Въ настоящее время наказываетъ государство и наказаніе имѣетъ публичный характеръ; государство принимаетъ преступленія на свой счетъ и само дѣйствуетъ противъ преступниковъ. Всякое наказаніе состоитъ въ причиненіи какой нибудь непріятности преступнику, какого нибудь страданія. Страданіе можетъ быть разное: лишеніе свободы, тѣлесное наказаніе и т. под.; но во всякомъ случаѣ виновный страдаетъ теперь по волѣ государства. Это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что въ настоящее время государство всемогуще. Въ древнее время наблюдаемъ иной порядокъ вещей. Первоначально наказаніе имѣетъ исключительно частный характеръ; наказываетъ не государство, а частное лицо, самъ потерпѣвшій или его родственники. На этой первой ступени своего развитія наказаніе является въ формѣ мести; месть, по времени, первый видъ наказанія. За местью слѣдуетъ выкупъ, въ смыслѣ денежнаго вознагражденія пострадавшаго или его родственниковъ; это тоже частная форма наказанія. Только съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ государство крѣпнетъ и начинаетъ принимать преступленія на свой счетъ, оно само начинаетъ облагать ихъ наказаніями, и наказанія такимъ образомъ пріобрѣтаютъ публичный характеръ. Но первоначально и публичныя наказанія

имѣли форму частныхъ: государство берегъ тоже выкупъ. Наказанія, какъ и преступленія, не созданы государствомъ, они древнѣе государства.

Перейдемъ къ подробностямъ и прежде всего остановимся на мести. Что такое месть? Месть есть право пострадавшаго или его родственниковъ — воздать виновному, или его родственникамъ столько, сколько, подъ вліяніемъ раздраженнаго чувства, онъ находитъ нужнымъ. Такимъ образомъ месть представляется наказаніемъ чисто субъективнымъ: пострадавшій воздаетъ въ мѣру своего разгнѣваннаго чувства. Все дѣло зависитъ отъ темперамента пострадавшаго: одинъ можетъ быть разгнѣванъ ничтожнымъ преступленіемъ гораздо больше, чѣмъ другой важнымъ. Месть есть наказаніе крайне неравномѣрное, или безмѣрное, такъ какъ мѣра его лежитъ только въ субъективномъ чувствѣ пострадавшаго. Институтъ мести чрезвычайно распространенъ; мы встрѣчаемся съ нимъ у всѣхъ народовъ древнѣйшаго времени.

Что значитъ мстить? Мстить значитъ нападать на противника, наносить ему удары и убивать. Такъ по германскому взгляду и по древнему русскому. Когда Янъ Вышатичъ убѣдился въ винѣ волхвовъ (1070), онъ сказалъ бѣлозерцамъ: «мстите своихъ». «Они же, говоритъ лѣтописецъ, биша ихъ и взвѣсиша на дубъ».

Месть вызывалась не только убійствомъ, но и всякими другими преступленіями. Любопытный примѣръ представляетъ исторія Исава и Іакова, сыновей Исаака. Исавъ, какъ старшій сынъ, имѣлъ право на первенство. Ревекка, болѣе любившая младшаго сына Іакова, устроила такъ, что старшинство досталось этому младшему. Это возбудило негодованіе со стороны старшаго сына, Исава, который возгорѣлся чувствомъ мести къ брату. По этому поводу Ревекка говоритъ Іакову: «зачѣмъ я должна потерять васъ обоихъ въ одинъ день» и совѣтуетъ ему уйти. Ясно, что Исавъ могъ убить брата своего Іакова за то, что тотъ обманомъ получилъ отъ отца благословеніе, которое принадлежало Исаву, какъ старѣйшему. Въ Черногоріи мстятъ жениху за отказъ отъ вступленія въ бракъ. По Русской Правдѣ можно было мстить за убійство, нанесеніе ранъ (Ак. 2), побоевъ (Ак. 3, тр. 20), за кражу (Ак. 20).

Месть можетъ имѣть мѣсто какъ по отношенію къ чужимъ людямъ, такъ и въ предѣлахъ собственной семьи. У русскихъ Славянъ месть, кажется, была очень употребительна. На это предположеніе наводятъ слова начальнаго лѣтописца о Древлянахъ: «убиваху другъ друга». Примѣромъ мести между братьями

можетъ служить война между дѣтьми князя Святослава: Олегомъ Древлянскимъ, Ярополкомъ Кіевскимъ и Владиміромъ Новгородскимъ. Сынъ Свенѣльда, приближеннаго къ Ярополку человѣка, былъ убитъ на охотѣ княземъ Олегомъ. Этотъ фактъ повелъ къ тому, что Свенѣльдъ побудилъ Ярополка къ войнѣ съ Олегомъ, которая окончилась смертью послѣдняго. Третій сынъ Святослава, Владиміръ, пошелъ войною на брата своего Ярополка, съ цѣлью отомстить ему за смерть Олега. Владиміръ говоритъ воеводѣ Ярополка, Блуду: «не азъ почахъ убивати братью, а онъ». Такимъ образомъ, братъ можетъ мстить брату. Но не только братъ брату, жена можетъ мстить мужу и сынъ отцу. Примѣръ мести мужу и отцу даетъ семейство Владиміра, крестившаго Русь. Рогнѣда при жизни своего отца не хотѣла выйти замужъ за Владиміра, не желая «разути рабынича». Позднѣе Владиміръ завоевалъ Полоцкое княженіе, убилъ отца Рогнѣды, а ее взялъ себѣ въ жены. Такимъ образомъ состоялся бракъ Владиміра съ Рогдѣдою. Однажды ночью Рогнѣда вознамѣрилась убить Владиміра, но онъ во время проснулся и убійство не состоялось. Лѣтописецъ такимъ образомъ объясняетъ желаніе Рогнѣды убить мужа: „сжалилася бяхъ, зане отца моего убилъ и землю его полонилъ“. Ясно, такимъ образомъ, что Рогнѣда желала убить Владиміра изъ мести за отца. Владиміръ рѣшилъ казнить Рогнѣду и назначилъ для совершенія казни слѣдующее утро. Но когда онъ пришелъ въ комнату, гдѣ была Рогнѣда, то его встрѣтилъ малолѣтній сынъ его отъ Рогнѣды, Изяславъ, съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ и сказалъ ему: „отче, егда одинъ мнишися ходя?“ т. е. не думаешь ли ты, что ты одинъ и что не будетъ мстителя за смерть моей матери. Конечно, Изяслава научила мать, но это ничего не измѣняетъ въ существѣ дѣла. Мать учила тому, что дѣйствительно было возможно по понятіямъ того времени. Месть могла имѣть мѣсто даже въ предѣлахъ семьи между самыми близкими родственниками.

У Евреевъ месть имѣла религіозный характеръ: самъ Іегова мстилъ за преступленія родителей на дѣтяхъ, до 3 и 4 поколѣнія. У Германцевъ месть стоитъ въ связи съ родовыми понятіями; это есть обязанность, налагаемая родовою связью.

Изъ германскихъ источниковъ видно, что наслѣдники убитаго не могли вступать въ его права до тѣхъ поръ, пока не отомстили за него. Считалось неприличнымъ занять дома мѣсто убитаго, пока не была отмщена его смерть; мало того, считалось неприличнымъ показываться въ обществѣ до тѣхъ поръ, пока убитый не былъ отомщенъ. Въ сагахъ разсказывается такой слу-

чай: когда братъ медлилъ мстить за смерть брата, то мать дала ему пощечину; но когда онъ и послѣ этого медлилъ, она подала ему за обѣдомъ вмѣсто хлѣба камень.

Месть у Арабовъ выходитъ изъ всякихъ границъ умѣренности и справедливости (Тобинъ). Мститель пріобрѣтаетъ великую славу и восхваляется въ пѣсняхъ. Мстятъ по прошествіи многихъ лѣтъ, и не всегда самому виновному, а нерѣдко его невинному родственнику и даже лучшему человѣку племени. Месть идетъ изъ роду въ родъ и оканчивается только съ истребленіемъ всѣхъ противниковъ.

Только съ теченіемъ времени, когда человѣчество начинаетъ убѣждаться, что такой порядокъ вещей невозможенъ, что никакое благоустроенное общество не можетъ существовать при неограниченномъ господствѣ права мести, появляются ограниченія мести.

Моисею приписывается установленіе убѣжищъ, куда могли скрываться лица, которымъ угрожала месть. Въ Палестинѣ такихъ убѣжищъ сперва было 3, потомъ 6. Скрывшійся въ убѣжищѣ не подлежалъ мести, а выдавался на судъ общины, кромѣ предумышленныхъ убійцъ, которые выдавались обиженному. У Германцевъ встрѣчаемся съ ограниченіемъ мести извѣстнымъ срокомъ; можно было мстить только въ теченіи года со днемъ. По прошествіи этого срока обиженный не имѣлъ права мстить. При установленіи этого ограниченія, конечно, предполагалось, что по истеченіи этого срока, взволнованное чувство обиженнаго могло успокоиться.

И у насъ встрѣчается указаніе, что мстить можно было только взволнованному человѣку и немедленно послѣ нанесенной обиды. Ст. 3 ак. сп. Р. Пр. говоритъ, что выкупъ за ударъ берется въ томъ случаѣ, если потерпѣвшій «не постигнетъ» обидчика. Заключаемъ: если настигнетъ, можно отомстить; если же обидчикъ сумѣетъ скрыться, месть замѣняется выкупомъ. Ст. 20 Тр. сп. говоритъ, если кто не «стерпитъ» обиды, причиненной ударомъ, и отвѣтитъ ударомъ меча, вины въ томъ нѣтъ. Заключаемъ: если обиженный перенесетъ оскорбленіе дѣйствіемъ въ моментъ его нанесенія, то послѣ нельзя уже отомстить за него ударомъ меча. Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что 1-я статья Русской Правды ограничиваетъ месть. Она читается такъ: «аже убьеть мужь мужа, то мстити брату брата, или сынови отца, либо отцу сына, либо брату чаду, либо сестрину сынови; аще не будетъ кто мстя, то 40 гривенъ за голову». Эту статью толкуютъ въ томъ смыслѣ, что она будто бы перечисляетъ случаи

убійствъ, въ которыхъ допущено было отомщеніе. Если принять это мнѣніе, то выдетъ, что можно было мстить только за отца, сына, брата и дядю, а за остальныхъ родственниковъ нельзя, т.-е. нельзя было мстить ни за дѣда, ни за женщинъ вообще: мать, сестру, тетку и пр. Такое толкованіе трудно принять. Подъ 1070 годомъ находимъ въ лѣтописи извѣстіе о мести за матерей и сестеръ. Это извѣстіе относится къ эпохѣ сыновей Ярослава, которымъ приписывается окончательная отмѣна мести. Въ разсматриваемой статьѣ надо видѣть примѣрное перечисленіе мстителей, а не ограниченіе случаевъ мести.

Такъ какъ месть есть право, то она осуществлялась гласно, никто не старался скрыть того, что онъ мститъ. На это есть и прямыя указанія въ памятникахъ западно европейскаго права. Въ законахъ салическихъ Франковъ есть статья, изъ которой видно, что головы лицъ, убитыхъ въ отмщеніе, отрубались и выставлялись на шестѣ. Мстители сами выставляли свой поступокъ на показъ и какъ-бы хвалились имъ. Салическіе законы угрожаютъ наказаніемъ тому, кто сниметъ такую голову съ шеста и спрячетъ ее. Дѣйствительно, при скрытіи головы, убійство принимало иной характеръ; можно было предполагать, что оно совершено не изъ мести, а по какому нибудь преступному побужденію, вслѣдствіе чего голова убитаго и не выставлена на показъ.

Возникнувъ ранѣе всякихъ судовъ, месть существуетъ значительное время и послѣ того, какъ появились суды. Прежде чѣмъ месть была окончательно отмѣнена, суды признавали ея осуществленіе, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, на которыя было указано. Мстители, по совершеніи акта мести, сами являлись въ судъ и требовали, чтобы совершенный ими актъ правосудія былъ признанъ судомъ. По германскому праву мститель по совершеніи убійства даже долженъ былъ требовать суда, который призналъ бы его не наказуемымъ за актъ мщенія. Въ противномъ случаѣ онъ самъ могъ быть привлеченъ къ отвѣту и долженъ былъ доказать, что убилъ по праву (Wilda, 162). Указанія на случаи судебнаго разсмотрѣнія дѣйствій мести находимъ и въ нашихъ источникахъ, а именно въ 20 ст. тр. сп. Руск. Пр., въ которой говорится: «аже кто кого ударитъ батогомъ, либо чашею, либо рогомъ, либо тылѣснею, то 12 гривенъ; не терпя ли противу того ударитъ мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтуть». Изъ этой статьи надо заключить, что обиженный, нанеся ударъ мечемъ, отъ котораго могла послѣдовать и смерть, долженъ былъ явиться въ судъ и доказать, что ударъ нанесенъ въ отмщеніе.

Судья, убѣдившись въ этомъ, оправдываетъ его: «вины въ томъ нѣтуть». Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что месть Русской Правды не предшествовала судоговоренію, а слѣдовала за нимъ. Изъ приведенной статьи видно, что месть предшествовала судоговоренію. 3-я ст. Академ. сп. также указываетъ на то же: «аще сего (обидчика) не постигнуть, то платити ему», т. е. если обидчика не догонятъ, то брать съ него деньги, а догонятъ, то ему можно отомстить немедленно. Въ доказательство противоположнаго взгляда указываютъ на месть волхвовъ 1070 г., которая имѣла мѣсто только послѣ того, какъ сборщикъ дани, Янъ Вышатичъ, разсмотрѣлъ дѣло и, обратясь къ народу, сказалъ: «Мстите своихъ». Это исключительный случай, изъ котораго нельзя дѣлать заключенія къ Русской Правдѣ. Волхвы имѣли на своей сторонѣ многихъ приверженцевъ; для одолѣнія ихъ недостаточно было силъ частнаго мстителя. Лѣтописецъ говоритъ, что они пришли въ Бѣлоозеро въ числѣ 300 человѣкъ. Все дѣло далеко выходитъ за предѣлы частной обиды. По Русской Пр. месть есть «исполненіе», предшествующее приговору, а не слѣдующее за нимъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что исторія не знаетъ мести, слѣдующей за судебнымъ приговоромъ. Это позднѣйшая стадія мести, она извѣстна, напримѣръ, Вестготскому праву (Вильда, 167), могла, конечно, встрѣчаться у другихъ народовъ и у насъ, но Рус. Пр. сохранила указанія только на до судебную месть.

Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей, именно тѣ, которые видятъ сильное вліяніе на нашу исторію нормандскаго элемента, думаютъ, что месть не славянскаго происхожденія, а заимствована у Скандинавовъ. Погодинъ, напр., говоритъ: «кровавая месть есть по преимуществу законъ скандинавскій». Это мнѣніе трудно принять: такой институтъ нельзя заимствовать, человѣкъ носитъ месть въ сердцѣ своемъ.

Вторымъ наказаніемъ, которое существовало одновременно съ местью, былъ выкупъ, т. е. плата за обиду.

Какимъ образомъ могли существовать одновременно два такихъ несоотвѣтствующихъ другъ другу наказанія, какъ месть и выкупъ, изъ которыхъ принципъ перваго есть пролитіе крови за кровь, а принципъ втораго—плата за обиду деньгами? Выкупъ и месть, хотя и существовали долгое время одновременно, но возникли не въ одно и то же время: месть является древнѣйшимъ институтомъ, выкупъ же возникаетъ позднѣе, нѣкоторое время существуетъ совмѣстно съ местью и наконецъ мало по малу вытѣсняетъ ее совершенно. Первоначально выкупъ появился въ исключительныхъ случаяхъ. Обиженный по особеннымъ свойствамъ

своего характера и по особенностямъ случая не находилъ иногда возможнымъ проливать кровь за кровь. Вильда приводитъ изъ древнихъ германскихъ памятниковъ нѣсколько такихъ исключительныхъ случаевъ. Убійца, проникнутый сознаніемъ, что онъ поступилъ нехорошо, является къ отцу убитаго и предлагаетъ деньги за убійство его сына. Отецъ не желаетъ взять денегъ, говоря, что онъ не хочетъ носить своего сына въ кошелькѣ. Тогда убійца кладетъ свою голову на колѣни отца и предлагаетъ ему убить его. Отецъ не рѣшается рубить повинную голову и дѣло оканчивается тѣмъ, что онъ отказывается отъ мести и получаетъ въ подарокъ деньги. Такимъ образомъ, хотя отецъ и имѣлъ право отмстить за своего сына, но въ виду полнаго раскаянія убійцы отказывается отъ мести и получаетъ деньги. Путемъ такого рода исключительныхъ случаевъ и вошли въ практику вмѣсто мести—выкупы. Выкупъ, какъ и месть, есть общее явленіе, присущее всѣмъ народамъ на извѣстной ступени ихъ развитія. У южныхъ Славянъ и теперь еще встрѣчаемся со случаями мести и замѣны ея выкупомъ; въ Далмаціи существуетъ даже особый порядокъ примиренія мстителя съ нанесшимъ ему обиду. Это дѣлается такимъ образомъ. Виновный обращается къ своимъ родственникамъ и пріятелямъ и проситъ ихъ, чтобы они примирили его. Они идутъ къ имѣющему право мести и просятъ его простить обидчика. Это повторяется нѣсколько разъ. Сначала мститель отказывается отъ примиренія, къ нему обращаются вторично и такъ до трехъ разъ; всякій разъ предлагаются подарки. Когда, наконецъ, обиженный согласится, то назначается день примиренія. Къ дому мстителя приходятъ въ этотъ день 12-ть женщинъ, каждая изъ нихъ несетъ по младенцу. и 12-ть старцевъ деревенскихъ; одинъ изъ нихъ входитъ въ избу и говоритъ: мы принесли 12 крестныхъ дѣтей и деньги, которыя ты желаешь получить въ знакъ прощенія. Мститель отвѣчаетъ: «принимаю», выходитъ на улицу и цѣлуетъ одного изъ дѣтей. То-же дѣлаютъ и его родственники. Затѣмъ, въ домѣ виновнаго устраивается обѣдъ для мстителя и его родственниковъ. Самъ виновный не присутствуетъ на пиршествѣ, но послѣ обѣда вползаетъ на колѣняхъ, неся на шеѣ ружье, которымъ застрѣлилъ свою жертву, цѣлуетъ ноги и колѣна мстителя и проситъ прощенія; обиженный снимаетъ съ него ружье и цѣлуетъ въ знакъ примиренія; вслѣдъ за тѣмъ родственники мстителя и онъ самъ получаютъ подарки. Описанный обрядъ примиренія стоитъ въ связи съ обрядами заключенія дружбы при посредствѣ кумовства;

онъ называется «кумовствомъ примиренія». Этимъ, кажется, надо объяснять присутствіе крестныхъ дѣтей въ обрядѣ примиренія.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ смягченія нравовъ, случаи замѣны мести выкупомъ дѣлаются чаще и чаще. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ законодатель могъ подумать объ отмѣнѣ мести, выкупъ имѣлъ уже весьма широкое примѣненіе. Въ Рус. Правдѣ есть статья, въ которой видятъ указаніе на самый актъ замѣны мести выкупомъ. 2-я ст. Тр. сп. говоритъ, что послѣ смерти Ярослава сыновья его соединились и отложили «убіеніе за голову, но кунами ея выкупати». Смыслъ этой статьи не такъ безспоренъ, какъ обыкновенно думаютъ. Изъ лѣтописи мы знаемъ. что выкупъ былъ извѣстенъ и раньше сыновей Ярослава. Еще при Владимірѣ Св. брались виры за преступленія въ пользу князя. Лѣтописецъ называетъ обычай этотъ «устроеніемъ дѣднимъ и отнимъ». Княжескія виры, слѣдовательно, были извѣстны еще до Владиміра. Обычай же частнаго выкупа, замѣнившаго месть, конечно, еще древнѣе. Все нововведеніе сыновей Ярослава можетъ состоять только въ томъ, что они окончательно воспретили месть, съ которою давно уже конкуррировалъ выкупъ. Но и это сомнительно. Подъ «убіеніемъ за голову» можно понимать и не месть, а смертную казнь, введенную подъ вліяніемъ византійскаго законодательства. Первый опытъ введенія такой казни относится къ княженію Владиміра св. Онъ сдѣлалъ это по совѣту епископовъ. „И умножишася разбоеве, говоритъ лѣтописецъ, и рѣша епископы Владиміру: се умножишася разбойницы, по что не казниши ихъ? Онъ же рече: боюся грѣха. Они же реша ему: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоитъ ти казнити разбойники, но со испытомъ. Владиміръ же отвергъ виры, нача казнити разбойники“. Нововведеніе это удержалось, однако, не долго. Непосредственно за приведенными словами лѣтописецъ говоритъ о возвращеніи Владиміра къ устроенію дѣдню и отню, т.-е. къ вирамъ. Такое же нововведеніе могло быть сдѣлано и позднѣе, при Ярославѣ; сыновья Ярослава могли найти его неудобнымъ и отмѣнить. Съ этой точки зрѣнія статья получаетъ совершенно удовлетворительный смыслъ. Она сообщаетъ свѣдѣніе о порядкѣ княжескаго суда [1]). Смыслъ статьи слѣдующій: сыновья Ярослава судятъ также, какъ судилъ ихъ отецъ, за однимъ исключеніемъ, состоящимъ въ томъ,

---

[1]) По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ, Коснячько, Перенѣгъ, Никифоръ, і отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати; а іно все якоже Ярославъ судилъ, тако же і сынове его оуставиша.

что они отложили убіеніе за голову (т.-е. казнь) и стали присуждать выкупъ.

Въ этомъ чтеніи конецъ статьи совершенно соотвѣтствуетъ ея началу: все ея содержаніе относится къ судебной дѣятельности князей и опредѣляетъ ее сравнительно съ судебной дѣятельностью умершаго Ярослава. Изъ словъ текста: «а ино все якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша» слѣдуетъ, что въ первой части предложенія рѣчь идетъ также о практикѣ суда Ярославова. «Убіеніе за голову» и есть практика этого суда, а не частная месть. Эту практику князья рѣшили замѣнить выкупомъ.

Мы не знаемъ, въ какомъ году послѣдовала отмѣна «убіенія за голову». Судя по словамъ статьи «по Ярославѣ паки совокупившеся сынове его», надо думать, что съѣздъ князей состоялся вскорѣ по смерти ихъ отца, когда она была еще у всѣхъ въ памяти. Ярославъ умеръ въ 1054 году. Мы, не сдѣлаемъ ошибки, если скажемъ, что отмѣна «убіенія за голову» произошла никакъ не позднѣе первыхъ 10 лѣтъ послѣ Ярослава, т. е. не позднѣе 1064 года. Въ 1070 же году Янъ Вышатичъ, мужъ князя Святослава, участвовавшаго въ отмѣнѣ «убіенія», выдалъ ярославскихъ волхвовъ на месть Бѣлозерцамъ: тѣ ихъ повѣсили. Слова Яна: «мстите своихъ» показываютъ, что частная месть еще существуетъ и не только въ сознаніи Бѣлозерцевъ и въ его собственномъ, но и на практикѣ. Если мужъ Святослава взываетъ къ частной мести, трудно думать, что князь Святославъ отмѣнилъ ее.

Съ установленіемъ выкупа преступленіе погашается какъ долговое обязательство—уплатой долга. Сравнивая этотъ способъ наказанія съ местью, надо придти къ заключенію, что распространеніе выкупа свидѣтельствуетъ о значительномъ смягченіи нравовъ. Неудобство же выкупа состоитъ въ томъ, что богатому легче уплатить штрафъ, чѣмъ бѣдному; а слѣдовательно наказанія поражаютъ виновныхъ неравномѣрно. Еще выводъ: общество, въ которомъ возникъ и сдѣлался общимъ правиломъ обычай выкупа, должно было состоять изъ людей имущихъ.

Кому же идетъ выкупъ? Здѣсь нужно различать время. Первоначально выкупъ явился какъ замѣна мести, а потому весь шелъ въ пользу мстителя: кто имѣлъ право мстить, тотъ и получалъ выкупъ. Позднѣе, вмѣстѣ съ усиленіемъ государственной власти и наказаніе за преступленіе принимаетъ публичный характеръ;—представители власти должны быть также примирены съ

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

преступникомъ. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени стали получать выкупъ князь и его органы. Спрашивается, какое наименованіе носилъ у насъ въ древнее время выкупъ? Что касается краткихъ списковъ Рус. Правды, то въ древнѣйшей ихъ части (17 первыхъ ст.) для выкупа особеннаго названія не было: говорилось просто «столько то гривенъ за голову». Во второй же половинѣ краткихъ и во всѣхъ пространныхъ спискахъ появляются уже названія «вира» и «головщина».

Та плата, которая шла въ пользу князя, называлась вирою. Въ 21-й ст. Троицк. сп. читаемъ: «если утнетъ руку и отпадетъ рука или усохнетъ, или нога, или око, то полувирье, 20 гривенъ, а тому (пострадавшему) за вѣкъ (увѣчье) 10 гривенъ». Изъ этой статьи ясно, что полувирье, 20 гривенъ, шло не самому пострадавшему, а князю. Отсюда заключаемъ, что и вира идетъ князю. Кромѣ князя, получалъ плату и пострадавшій. Въ преступленіяхъ убійства плата пострадавшему носитъ наименованіе головничества; въ болѣе мелкихъ преступленіяхъ она просто называется платой «самому». Частное вознагражденіе, кажется, не стояло въ постоянномъ отношеніи къ выкупу, платимому князю. При отсѣченіи руки и ноги, она равняется половинѣ княжеской платы, при поврежденіи пальца и нанесеніи ранъ—трети (Тр. сп. 22, 24); при выбитіи зуба $^1/_{12}$ (Тр. 61). Размѣръ головничества въ 4 ст. Тр. сп., которая говоритъ о головничествѣ, не указанъ. Но выраженіе «головничество» можно сблизить съ выраженіемъ «за голову». Въ 1-й статьѣ Академическаго списка, говорится: «аще не будетъ кто мстя, то 40 гривенъ за голову». Плата за голову и есть головничество. О платѣ за голову, говорятъ и нѣкоторые другіе памятники, напр., договоръ Новгорода съ Нѣмцами 1189 г. и Мстиславовъ Смоленскій договоръ. И въ томъ и другомъ, подъ платой за голову, надо понимать частное вознагражденіе, головничество. Взыскивалась ли въ этихъ случаяхъ (въ убійствахъ Русскихъ Нѣмцами) еще и вира въ пользу князя, остается неяснымъ. Въ договорѣ Новгорода только одна статья о побояхъ, нанесенныхъ женамъ и дѣвицамъ, говоритъ о платѣ пострадавшей и о платѣ князю. Каждая изъ этихъ платъ опредѣлена въ 40 гр. старыхъ кунъ. Всѣ остальныя статьи упоминаютъ только объ одной платѣ въ пользу пострадавшаго. Но если князь получалъ выкупъ, равный частному вознагражденію, въ побояхъ лицъ женскаго пола, то нѣтъ повода думать, что онъ ничего не получалъ въ другихъ преступленіяхъ. Въ молчаніи договоровъ о платѣ князю надо, кажется, видѣть только неполноту редакціи.

Кромѣ виры и полувирья въ пользу князя шли еще продажи. Такъ назывались штрафы, которые взимались за всѣ другія преступленія, кромѣ убійства, отсѣченія ноги или руки и выбитія глаза. Что продажа идетъ князю, это прямо говорится въ Рус. Пр.: «а князю продажа» (Тр. сп. 32).

Частныя лица, пострадавшія отъ преступленій противъ собственности, получали вознагражденіе, которое въ Правдѣ носитъ наименованіе урока [1]) (Тр. сп. 80, 84). Подъ урокомъ разумѣется плата цѣны вещи въ тѣхъ случаяхъ, когда украденная вещь не могла быть возвращена лицемъ (лице), и убытковъ, причиненныхъ кражею (проторъ, Тр. сп. 33) или поврежденіемъ имущества (Тр. сп. 74). Если кража была совершена рабомъ, то цѣна вещи уплачивалась въ двое (Тр. сп. 42); во всѣхъ остальныхъ случаяхъ взыскивалась простая цѣна.

Сличеніе древнѣйшихъ 17 статей Акад. сп. Р. Пр. съ позднѣйшими другихъ списковъ наводитъ на мысль, что «продажа» позднѣйшихъ списковъ въ древнѣйшее время имѣла значеніе частнаго вознагражденія. Ст. 2 Ак. сп. о томъ, кому нанесены побои и раны, говоритъ: «оже ли себе не можетъ мьстити, то взяти емоу за обидоу 3 гривнѣ, и лѣтцю мзда». Три гривны замѣняютъ здѣсь месть и составляютъ частное вознагражденіе «за обиду». Соотвѣтствующая этой статьѣ 23 ст. Тр. сп. не говоритъ уже о мести, а три гривны называетъ продажей, т.-е. штрафомъ въ пользу князя. Вездѣ, гдѣ Акад. сп. говоритъ о платѣ за обиду, можно видѣть частное вознагражденіе. Этотъ характеръ платы за обиду удерживается и въ нѣкоторыхъ статьяхъ позднѣйшихъ списковъ (Тр. 42), но въ другихъ плата за обиду называется уже «продажею» (Тр. 18, 15), т. е. штрафомъ князю. Развитіе княжескихъ продажъ идетъ въ Русской Правдѣ на счетъ сокращенія частнаго вознагражденія. Но большаго единообразія практики наше древнее право не представляетъ. Договоръ Новгорода съ Нѣмцами конца XII в. говоритъ, какъ о частномъ вознагражденіи, о такихъ платахъ, которымъ Русск. Правда усвояетъ наименованіе продажи. Въ пространныхъ спискахъ Рус. Правды плата въ 12 гривенъ нерѣдко называется продажей, а въ договорѣ съ Нѣмцами она платится «за соромъ», т.-е. пострадавшему.

Обязанность платить выкупъ лежала на виновномъ. Кто вызвалъ месть, тотъ, естественно, и долженъ былъ погасить ее, удовлетворивъ обиженнаго. Такъ обыкновенно. Но иногда встрѣ-

[1]) Урокомъ въ древности называлось все то, что было уречено, т.-е. назначено, опредѣлено; а потому судебныя пошлины тоже уроки (Тр. сп. 82, 99).

чаемся съ указаніями на участіе въ платежѣ выкупа и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Въ германскихъ памятникахъ есть указаніе на то, что родственники должны были помогать. Русская Правда говоритъ объ участіи членовъ верви въ платѣ виры. Это участіе двухъ родовъ. Во-1-хъ, вервь имѣетъ значеніе какъ бы страховаго общества для лицъ, совершившихъ преступленіе не предъумышленно. Съ этою цѣлью члены верви могли вкладываться «въ дикую виру», т.-е. въ чужую (дѣлать складчину). Если кто-либо изъ виновниковъ совершалъ преступленіе на пиру или въ свадѣ, остальные помогали ему заплатить штрафъ изъ этой складочной суммы. Съ этой точки зрѣнія члены верви являются добровольнымъ страховымъ обществомъ, вступить въ которое никто не принуждается, а только кто желаетъ, тотъ и вступаетъ; члены верви помогаютъ только участвующимъ, а не принимающіе участія должны платить сами (Тр. сп. 4, 5, 6). Во-2-хъ, община платила еще въ томъ случаѣ, когда виновный въ убійствѣ на разбоѣ не былъ отысканъ. Это обязанность, падающая на всѣхъ (Тр. сп. 3).

Этотъ порядокъ денежныхъ пеней проходитъ у насъ черезъ весь первый періодъ; мы встрѣчаемся съ пенями въ памятникахъ XIV и XV в. По судной Двинской грамотѣ убійства и раны погашаются, какъ и по Русск. Правдѣ, платой представителю власти, намѣстнику, и потерпѣвшему. Плата намѣстнику называется вирой, частное вознагражденіе—виной; но послѣдній терминъ употребляется и для обозначенія доходовъ намѣстника. Наказанія Псковской судной грамоты въ значительной еще степени сохраняютъ тотъ-же характеръ. Плата князю носитъ наименованіе продажи. Продажа взыскивается за кражу вещей изъ-подъ замка, за кражу скота, сѣна, за разбой, грабежъ и убійство. Кромѣ князя, виновный долженъ былъ еще удовлетворить и пострадавшаго; за бой онъ платилъ ему 1 р., за вырваніе бороды 2 р., за кражу скота по особой оцѣнкѣ (120, 117, 112). Въ московскихъ памятникахъ XV и даже XVI в. указывается на то, что въ татьбѣ, разбоѣ и душегубствѣ платится «истцово», а намѣстнику продажа. До самаго конца XV в. удовлетвореніе пострадавшаго шло впереди публичнаго наказанія. Судебникъ 1497 г. запрещаетъ выдавать головою истцу воровъ, разбойниковъ, душегубцевъ, вѣдомыхъ лихихъ людей, если они не въ состояніи вознаградить его, и предписываетъ казнить ихъ. Отсюда надо заключить, что до этого запрещенія они не казнились, а выдавались истцу для отработки долга, возникшаго изъ совершеннаго ими преступленія.

Съ принятіемъ христіанства начинаетъ проникать къ намъ иноземное право, а вмѣстѣ съ нимъ и новая система наказаній, а именно: смертная казнь, тѣлесныя наказанія, болѣзненныя и членовредительныя, урѣзаніе носа, отсѣченіе рукъ и т. под. Эта система наказаній принесена изъ Византіи. Такимъ образомъ, съ принятіемъ христіанства, начинаютъ сталкиваться двѣ системы. Первоначально народно-русская система оказывается болѣе сильною и мы даже въ церковныхъ уставахъ и въ примѣненіи къ преступленіямъ, которыя внесены греко-римскими постановленіями, встрѣчаемся съ выкупомъ. Преступленія взяты изъ греко-римскихъ сборниковъ, а наказанія русскія, выкупъ. Но мало-по-малу, новая система пролагаетъ себѣ путь.

Первое указаніе на переходъ новыхъ наказаній въ нашу практику, относится къ княженію Владиміра Св. Мы выше уже имѣли случай привести его. Въ вопросѣ епископовъ Владиміру: «се умножишася разбойницы, почто не казниши ихъ?» можно видѣть указаніе на то, что въ то время не было публичныхъ наказаній (въ византійскомъ смыслѣ), а господствовала месть и выкупъ. «Онъ же, т.-е. Владиміръ, рече: боюся грѣха», — князь не сознаетъ еще за собою права казнить. На это епископы отвѣчали ему: «ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ», — такимъ образомъ, вносится новый взглядъ на князя, какъ на представителя власти, имѣющей божественное происхожденіе, обязаннаго казнить: «достоитъ ти казнити разбойниковъ». — «Владиміръ же отвергъ виры, поча казнити разбойниковъ». Итакъ, Владиміръ отвергъ виры и началъ казнить разбойниковъ. Эти слова совершенно ясны, но затѣмъ въ лѣтописи слѣдуетъ продолженіе, которое не совсѣмъ понятно: «и рѣша епископы и старцы Владиміру: рать многа, оже вира, то на оружьи и на конихъ буди», т. е. у насъ часто бываютъ войны, если брать виры, то они пойдутъ на оружіе и на коней. «И рече Владиміръ: тако буди. И живяше Владиміръ по устроенію отню и дѣдню».

Спрашивается, какъ согласить этотъ конецъ съ началомъ: прежде говорится, что Владиміръ отвергъ виры и началъ казнить разбойниковъ, а затѣмъ, что Владиміръ началъ взимать виры подобно тому, какъ брали его отецъ и дѣдъ? Попытку разъясненія этого мѣста дѣлаетъ Тобинъ. Онъ думаетъ, что здѣсь нужно предположить пропускъ, что епископы и старцы имѣли нѣсколько совѣщаній съ Владиміромъ. Сперва они сказали ему, что онъ, какъ князь, долженъ казнить разбойниковъ и отмѣнить виры. Затѣмъ оказалось, что безъ виръ трудно обойтись, такъ какъ виры были значительнымъ источникомъ дохода. Вотъ почему они при позд-

нѣйшемъ совѣщаніи согласились, что виры брать нужно, потому что войнъ много; это мнѣніе было принято и княземъ, и Русь снова возвратилась къ устроенію отню и дѣдню. Это объясненіе нужно принять.

Въ Р. Правдѣ также находимъ слѣды вліянія греко-римской системы. Оно обнаруживается въ статьяхъ, въ которыхъ говорится о потокѣ и разграбленіи. По Русской Правдѣ потоку и разграбленію подлежатъ тѣ лица, которыя наиболѣе опасны для общественнаго спокойствія, именно разбойники, поджигатели, коневые тати. Въ 5 ст. Троицкаго списка говорится: «будетъ ли сталъ на разбой безъ всякоя свады, то за разбойника люди не платятъ, но выдадятъ и́ всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ и на разграбленіе». Итакъ, люди не платятъ за убійство, совершенное въ разбоѣ, и самъ преступникъ не платитъ, а выдается съ женою и дѣтьми на потокъ и разграбленіе.

Въ чемъ состоитъ наказаніе потока и разграбленія? На основаніи нашихъ источниковъ это наказаніе является совершенно непонятнымъ. Чтобы понять его, нужно обратиться къ памятникамъ византійскаго законодательства. Изъ сличенія славянскихъ переводовъ византійскихъ сборниковъ свѣтскаго законодательства съ оригиналомъ, оказывается, что тамъ, гдѣ въ оригиналѣ говорится о конфискаціи и ссылкѣ, для чего употреблялось выраженіе «publicatis bonis relegantor», въ русскомъ переводѣ стоитъ: «разграблены бывше да изженутся».

Слово «конфискація» переводчики передали понятіемъ «разграбленія». Это же выраженіе встрѣчаемъ и въ Русской Правдѣ, гдѣ подъ потокомъ и разграбленіемъ также нужно понимать конфискацію имущества преступника и ссылку его въ заточеніе.

Итакъ, потокъ и разграбленіе есть новый видъ наказанія, возникшій подъ вліяніемъ Византіи. Это не вира, а лишеніе всего имущества и свободы. Уплата виры освобождаетъ преступника отъ преслѣдованія, а здѣсь все его имущество конфискуется и самъ онъ отдается князю для заточенія. Кромѣ Р. Правды и въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ, позднѣйшаго происхожденія, также замѣтно вліяніе греко-римскаго законодательства. Такъ въ Двинской и Псковской судной грамотѣ встрѣчаемъ смертную казнь.

III. Виды преступленій.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ видовъ преступленій. Но предварительно необходимо установить классификацію преступленій, она облегчитъ знакомство съ частностями.

Всякая классификація есть частью дѣло условное, она зависитъ отъ того, что положено въ основаніе дѣленія. Мы примемъ классификацію весьма употребительную въ учебникахъ уголовнаго права; а именно классификацію преступленій по различію нарушенныхъ правъ. Въ области юридической жизни мы встрѣчаемъ слѣд. сферы правъ: сфера отдѣльнаго лица, семейства, церкви и государства; каждой изъ нихъ принадлежатъ свои особенныя права. Поэтому совокупность всѣхъ преступленій и будетъ распадаться на слѣд. 4 группы: 1) преступленія противъ личности; 2) противъ семейства и половой нравственности; 3) противъ церкви и 4) противъ государства. Каждая изъ этихъ категорій подраздѣляется въ свою очередь на множество мелкихъ группъ, смотря потому, какое именно нарушается право отдѣльнаго лица, семьи, церкви или государства. Съ этой точки зрѣнія:

1) Въ преступленіяхъ противъ личности различаютъ: а) преступленія противъ жизни отдѣльнаго лица; сюда относятся: разнообразные виды убійствъ, изгнаніе плода и пр. б) преступленія противъ тѣлесной или личной неприкосновенности: нанесеніе побоевъ, ранъ, увѣчья и пр. в) преступленія противъ личной свободы: насильственное заключеніе, похищеніе женщинъ и пр. г) преступленія противъ чести: оскорбленіе словомъ, клевета и т. под. д) преступленія противъ имущества, принадлежащаго лицу: поврежденіе чужой собственности, кража, грабежъ, поджогъ и т. д.

2) Преступленія противъ семьи и половой нравственности также распадаются на нѣсколько мелкихъ группъ, сюда, относятся: а) разные виды любодѣянія, обыкновенное, соединенное съ насиліемъ, кровосмѣшеніе и пр. и б) разные виды преступленій противъ брака, прелюбодѣяніе, многобрачіе и пр.

3) Преступленія противъ церкви распадаются на слѣд. группы: а) преступленія, извѣстныя подъ техническимъ названіемъ святотатства, т. е. кража церковной вещи изъ церкви; б) богохуленіе или поношеніе предметовъ религіознаго почитанія; в) помѣха при отправленіи церковнаго богослуженія: г) преступленія, имѣющія цѣлью оскверненіе мѣстъ погребенія: разрытіе могилъ, ограбленіе ихъ и пр.

4) Въ преступленіяхъ противъ государства различается цѣлая масса отдѣльныхъ видовъ преступленій, смотря потому, какое право государства нарушено. Съ этой точки зрѣнія можно различать преступленія противъ финансовыхъ правъ государства, противъ судебной, военной, полицейской власти государства и пр. Далѣе, особую группу составятъ преступленія, направленныя противъ цѣлости государства и неприкосновенности особы государя.

Такова классификація преступленій. Прежде перечисленія отдѣльныхъ видовъ преступленій необходимо еще разсмотрѣть одинъ общій вопросъ: нѣтъ ли различія между самыми памятниками въ ихъ отношеніяхъ къ преступленіямъ? Такое различіе есть, оно состоитъ въ томъ, что наши древніе памятники не обнимаютъ всей системы преступленій, а каждый изъ нихъ говоритъ только о какихъ либо ему извѣстныхъ видахъ. Рус. Правда далеко не говоритъ о всѣхъ тѣхъ преступленіяхъ, которыя имѣли мѣсто въ древнее время. Она останавливается только на тѣхъ преступленіяхъ, которыя направлены противъ правъ отдѣльнаго лица, да и то не на всѣхъ. Она говоритъ о преступленіяхъ противъ жизни, тѣлесной неприкосновенности и имущества. Преступленій же противъ семейства, государства (кромѣ 71 и 72 ст. Тр), церкви Рус. Правда не знаетъ. Что она мало знаетъ преступленій противъ государства, это объясняется тѣмъ, что государство въ то время было еще въ зародышѣ и преступленія противъ государства только возникали. Указанія на возникновеніе этихъ преступленій находимъ въ лѣтописныхъ разсказахъ, относящихся къ XII вѣку. Въ ипат. лѣтописи, подъ 1177 г., приведено слѣдующее обращеніе к. Святослава къ Роману: «брате! я не ищу подъ тобою ничего же, но рядъ нашъ такъ есть, оже ся князь извинить, то въ волость, а мужь у голову», т.-е. если князь измѣнитъ, то онъ лишается волости, а если простой мужъ, то онъ лишается жизни. Это одно изъ немногихъ мѣстъ для древнѣйшаго времени, въ которомъ можно видѣть указаніе на существованіе государственныхъ преступленій. Но въ чемъ состоятъ эти преступленія, что значитъ «извинитъ мужъ?» Можно думать, что здѣсь разумѣется преступленіе противъ вѣрности князю. Мужъ состоялъ на службѣ князя; обѣщалъ ему быть вѣрнымъ и не исполнилъ обѣщанія. Это единственный смыслъ, который можно придать этому выраженію. «Князь извинитъ» означаетъ нарушеніе договора. Оба наказанія, отнятіе волости и смертная казнь, установлены договоромъ: „а рядъ нашъ таковъ“. Въ юридическихъ памятникахъ, относящихся къ концу перваго періода, встрѣчаются уже болѣе опредѣленныя указанія на государственныя преступленія, напр: въ Псковской, Новгородской, Двинской грамотахъ. Затѣмъ, въ Рус. Правдѣ нѣтъ преступленій противъ церкви; это объясняется тѣмъ, что церковь перенесена къ намъ изъ Византіи, откуда она принесла свои церковныя постановленія уже совершенно готовыя. Вносить ихъ въ Русскую Правду не было повода. Нѣкоторыя правила, касающіяся церкви, встрѣчаются въ спеціальныхъ памятникахъ, въ церковныхъ уста-

вахъ. Труднѣе найти объясненіе, почему въ Рус. Правдѣ не говорится о преступленіяхъ противъ нравственности. Семья древнѣе государства. Надо думать, что преступленія противъ семьи и нравственности были уже извѣстны съ древнѣйшаго времени. Изъ германскихъ памятниковъ по крайней мѣрѣ видно, что древнѣйшіе народные обычаи уже имѣли дѣло съ преступленіями этого рода, хотя точка зрѣнія была и совершенно иная, чѣмъ та, которая позднѣе внесена христіанствомъ. По народно-германскому воззрѣнію мужчина, виновный въ незаконной связи съ женщиною, признается виновнымъ, но не въ той степени, въ какой признается виновною женщина; женщина разсматривается гораздо болѣе виновною чѣмъ мужчина. Нравственная точка зрѣнія вовсе не имѣла мѣста при обсужденіи преступленій этого рода. Совершенное мужчиною преступленіе вызывало месть со стороны родственниковъ пострадавшей. Причина этой мести кроется въ томъ, что виновный вторгся въ чужое семейство и нарушилъ права, которыя принадлежали главѣ семейства. Женщина въ древней Германіи не пользовалась самостоятельностью: она всю жизнь находилась подъ властью мужчины, сперва подъ властью отца, а по выходѣ замужъ—подъ властью мужа, это ихъ mundium (Mundschaft). Всякое посягательство на женщину есть посягательство на права мундіума. Такимъ образомъ, виновный въ половомъ преступленіи наказывается не за безнравственность, а за то, что нарушилъ права опеки. Совсѣмъ другой взглядъ на женщину. Если она совершила прелюбодѣяніе, то по народнымъ воззрѣніямъ, она сама дѣлалась безчестной и наносила безчестье всей своей семьѣ. Ее ожидало со стороны ея родственниковъ страшное наказаніе. Она съ позоромъ, голая изгонялась изъ дома или подвергалась смертной казни. Самое исполненіе смертной казни имѣло крайне суровую форму. Сохранилось описаніе порядка казни, сдѣланное еп. Бонифаціемъ; оно относится къ Саксамъ, еще не просвѣщеннымъ свѣтомъ христіанскаго ученія. Виновную задушали или, обнаживъ до пояса, били и кололи тѣло ножами до тѣхъ поръ, пока несчастная не испускала духъ. Въ этомъ истязаніи принимали участіе не только члены семьи, но приглашались и посторонія женщины. Женщина, виновная въ прелюбодѣяніи, возбуждаетъ негодованіе какъ въ членахъ собственной семьи, такъ и среди постороннихъ. Иначе народное міровоззрѣніе относилось къ мужчинѣ. Здѣсь реакція возбуждалась только въ предѣлахъ той семьи, по отношенію къ которой имъ совершено преступленіе: мстятъ члены того семейства, къ которому принадлежитъ оскорбленная женщина. Семья,

къ которой принадлежитъ самъ виновный, вовсе не оскорбляется его поступкомъ. Эти обычаи отразились и на законахъ. По нѣкоторымъ законамъ право убить виновную принадлежало не только тому, у кого mundium, но и его друзьямъ, а наконецъ и органамъ власти. По отношенію къ мужчинѣ такого постановленія не было. Точка зрѣнія значитъ, не наша, ибо съ точки зрѣнія современ. нравственности, мужчина и женщина признаются одинаково виновными. Если Русская Правда не говоритъ о преступленіяхъ противъ половой нравственности, то слѣдуетъ ли отсюда, что такія преступленія русскимъ славянамъ не были извѣстны? Трудно думать. Указаній на эти преступленія въ источникахъ дѣйствительно нѣтъ; но изъ такого молчанія нельзя еще выводить, что такихъ преступленій не было. По всей вѣроятности, преступленія противъ семейной нравственности были уже извѣстны, но расправа за нихъ происходила въ предѣлахъ семьи и, можетъ быть, общины; до суда же княжескаго дѣло не доходило, а потому и молчитъ о нихъ Рус. Правда, стоящая въ непосредственномъ отношеніи къ княжескому суду. Послѣ принятія христіанства преступленія эти были предоставлены суду духовенства, объ нихъ упоминается въ уставахъ церковныхъ. Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ памятникахъ свѣтскаго права есть уже постановленія о преступленіяхъ противъ половой нравственности.

1. Преступленія противъ жизни.

Древнее право различаетъ убійства ненаказуемыя и наказуемыя. Среди наказуемыхъ убійствъ различаются обыкновенныя убійства, квалифицированныя, наказуемыя сильнѣе обыкновенныхъ, а наконецъ и такія, которыя наказуются слабѣе обыкновенныхъ.

По Рус. Пр. не наказуемо убійство вора. Ак. сп. ст. 20: «Аже убьють огнищанина у клѣти, или у коня, или у говяда, или у коровьѣ татьбы, то убити въ пса мѣсто». Въ этой ст. надо видѣть отпечатокъ древнѣйшаго порядка вещей. Но Рус. Пр. содержитъ о ворѣ и другія болѣе новыя статьи, ограничивающія расправу съ воромъ. Ак. сп. ст. 38: «Аще убьють татя на своемъ дворѣ, либо у клѣти, или у хлѣва, то той убитъ; аще ли до свѣта держать, то вести его на княжь дворъ; а ожели убьють, а люди будутъ видѣли связанъ, то платити въ немъ». Ростовскій сп. прибавляетъ: «Оже убиенъ тать, а подымутъ ноги во дворѣ, ино убитъ; оли подымутъ ноги за вороты, толи платити въ немъ». Пространные списки повторяютъ 38 ст. Академическаго, но прибавляютъ, сколько надо платить за убійство связаннаго вора, по Тр. и Кар.—12 гр. (36, 37). Особенность ограниче-

ній, содержащихся въ новыхъ статьяхъ, состоитъ въ томъ, что вора можно убить безнаказанно, если онъ сопротивляется; если же онъ далъ себя связать, или бросился бѣжать и былъ настигнутъ и убитъ за воротами, это уже наказуемое убійство, хотя и слабѣе. Въ этомъ дополненномъ видѣ статьи объ убійствѣ вора подходятъ уже подъ понятіе необходимой обороны. Измѣненіе это произошло подъ вліяніемъ византійскаго права. Градскіе законы (XXXIX, 4) дозволяютъ «въ нощи крадущаго убить, если нельзя было безъ бѣды пощадить его». Выраженіе Рус. Пр.: «аще ли до свѣта держатъ» указываетъ на вліяніе Моисеевыхъ законовъ, по которымъ дозволялось убить вора, но только ночью: «аще взыдетъ солнце нань, повиненъ есть (убившій вора) умерети за него». Но въ русскую практику Моисеевъ законъ перешелъ не цѣликомъ. Убійство вора, съ которымъ совладали и котораго додержали до утра, наказуемо, но слабѣе, чѣмъ обыкновенное убійство: оно оплачивается 12 гривнами.

По Рус. Пр. всякій могъ убить провинившагося передъ нимъ раба, даже чужаго. Но и безвинное убіеніе раба не вело за собою виры, а погашалось уплатою продажи князю въ 12 гр. и возмещеніемъ убытка господину (Тр. сп. 84, Ак. 16). Исключеніе составляли боярскіе тіуны, убійство которыхъ оплачивалось обыкновенной вирой въ 40 гр. (Тр. сп. 1).

Ст. 58 Тр. сп. Рус. Пр. говоритъ, что сыновья Ярослава отмѣнили убійство раба за ударъ, нанесенный имъ свободному мужу. Это значитъ, что они объявили такое убійство наказуемымъ, но въ какой мѣрѣ, остается не яснымъ. Трудно думать, чтобы жизнь раба, нанесшаго побои свободному мужу, была ограждена обыкновенной вирой. Первое общее запрещеніе убивать рабовъ находимъ въ Мстиславовомъ договорѣ съ Нѣмцами: всякое убійство раба ведетъ къ платѣ гривны серебра. По Двинской грам. не наказуемо только убійство раба его господиномъ.

Германскіе памятники (Wilda, 702) упоминаютъ еще другіе случаи не наказуемаго убійства. Мужъ могъ безнаказанно убить жену, нарушившую супружескую вѣрность; у кого mundium, тотъ могъ убить подвластную ему дѣвицу, оскорбившую семью любодѣяніемъ, или бракомъ съ рабомъ; по норвежскимъ законамъ всякій мужчина, котораго заставали съ женщиной или дѣвицей, могъ быть убитъ родственниками этой женщины.

Въ Швеціи вовсе было не наказуемо, или наказывалось слабѣе, убійство лицъ, которыя посвящали себя позорнымъ занятіямъ. Такими опозоренными считались, напр., нищенствующіе и странствующіе музыканты.

Наши древніе памятники не говорятъ о безнаказанномъ убійствѣ жены, измѣнившей мужу, но въ виду того, что намъ извѣстно о древней супружеской власти, трудно допустить, чтобы убійства этого рода обсуждались какъ обыкновенныя.

Признаки «обыкновеннаго» убійства по русскому и германскому праву весьма между собой близки. По германскому праву это убійство, совершенное въ гнѣвѣ и при томъ явно (Wilda, 705). По Рус. Пр. обыкновеннымъ убійствомъ можно считать убійство «въ свадѣ», т. е. въ ссорѣ, въ раздраженіи, слѣдовательно тоже въ гнѣвѣ. Ему приравнивается убійство на пиру, т. е. подъ вліяніемъ застольнаго возбужденія. И то и другое убійство отличены тѣмъ признакомъ, что они совершены явно («но оже будетъ убитъ въ свадѣ или въ пиру, явлено», Тр. сп. 4).

Обыкновенное убійство погашается уплатой головщины и виры въ 40 гр. Если виновный вложился въ дикую виру, онъ пользовался помощью со стороны другихъ вкладчиковъ. Въ противномъ случаѣ онъ одинъ несъ всю отвѣтственность. Головщина всегда платилась самимъ головникомъ.

Убійство, совершенное безъ гнѣва, безъ ссоры, тайно, предполагаетъ злое намѣреніе и составляетъ по русскому и германскому праву квалифицированное убійство, наказуемое сильнѣе обыкновеннаго. По Рус. Пр. это будетъ «убійство на разбоѣ, безъ всякоя свады» (Тр. 5). Виновный въ такомъ убійствѣ выдается на потокъ и на разграбленіе.

Въ германскомъ правѣ всякое тайное убійство обозначалось словомъ Mord; въ тѣсномъ же смыслѣ слово Mord означаетъ убійство, сопровождающееся сокрытіемъ тѣла убитаго. Къ квалифицированному убійству относится и убійство чрезъ отравленіе. Здѣсь тоже тайна.

У насъ объ отравленіи говоритъ церковн. уст. Владиміра и, конечно, подъ вліяніемъ византійскаго права. Градск. законы (XXXIX, 77) говорятъ объ отравленіи: «кто дастъ зеліе пити (si quis potionem dederit) мечемъ посѣкается». «Зелейничество» Владимірова устава и произошло, конечно, отъ «зелія» градскихъ законовъ. Наказаніе за отравленіе не указано въ церковномъ уставѣ.

Убійство родственниковъ по германскому народному праву не есть квалифицированное. Оно становится такимъ только съ христіанства (Wilda, 714). Тоже было, кажется, и у насъ. Рус. Пр. объ убійствѣ этого рода вовсе не говоритъ. Первое указаніе на него можно видѣть во Влад. церк. уставѣ, хотя и не очень опредѣленное: «отца или матерь бьетъ сынъ или дчи».

«Бьетъ» можетъ означать и не убійство, а нанесеніе побоевъ. Но глаголъ «бить» употреблялся и въ смыслѣ «убить». Въ этомъ значеніи встрѣчаемъ его въ 16 ст. Ак. сп. Р. Пр. (ср. ст. 58 Тр. сп., да и теперь говорятъ «бить скотину»). За убійство восходящихъ Градскіе законы назначаютъ сожженіе; за ударъ отцу или матери Моисеевы законы назначаютъ смерть (2 кн., XXI, 15). Церковн. уставъ Владиміра не опредѣляетъ никакого наказанія. Далѣе идетъ церковн. уставъ Ярослава: «Аже сынъ бьеть отца или матерь, да казнятъ его волостельскою казнію, а епископу въ винѣ». Волостельская казнь это, конечно, та самая казнь, которую епископы совѣтовали ввести еще Владиміру, т. е. смертная. Но все еще остается не совсѣмъ яснымъ, за что она назначается, за убійство только, или, согласно съ Моисеевыми законами, даже за побои. Совершенно ясно объ убійствѣ отца говоритъ Псков. судная гр. (97); но она, кажется, разсматриваетъ еще это преступленіе, какъ обыкновенное убійство. Это надо заключить изъ того, что, назначая за убійство отца продажу князю, она не опредѣляетъ размѣра продажи и, слѣдовательно, разумѣетъ обыкновенную продажу.

Съ убійствомъ супруговъ германское право соединяло разныя послѣдствія, смотря по тому, кто былъ убитъ, мужъ или жена, ибо положеніе ихъ было разное. Жена состояла во власти мужа и онъ могъ ее исправлять. Если онъ убивалъ ее безъ вины, то платилъ пеню, какъ и за всякую другую женщину. Если же жена убивала мужа, то она подвергалась смертной казни.

Наши древніе памятники объ убійствѣ супруговъ не говорятъ. Позднѣйшіе же напоминаютъ германское право. Можно думать, что болѣе строгое наказаніе жены, чѣмъ мужа, есть исконное явленіе, а не нововведеніе позднѣйшаго времени.

Нашему и германскому праву одинаково извѣстны привилегированныя лица, жизнь которыхъ пользовалась высшею охраною сравнительно съ остальнымъ населеніемъ. По законамъ салическихъ Франковъ къ такимъ привилегированнымъ лицамъ принадлежали должностныя лица и королевскіе антрустіоны: за ихъ убійство взыскивалось въ трое болѣе, чѣмъ за убійство обыкновеннаго смертнаго. По Рус. Пр. двойная вира (80 гр.) взималась за убійство огнищанъ, княжихъ мужей, княжихъ тивуновъ, а по 21 ст. Ак. сп. двойная вира взыскана была даже за убійство конюха. Договоръ Новгорода съ Нѣмцами, заключенный при кн. Ярославѣ, къ такимъ привилегированнымъ лицамъ относитъ: посла, заложника и попа. Что касается членовъ княжеской дру-

жины, то приближеніе къ князю равняло тивуновъ и даже конюховъ (по всей вѣроятности рабовъ) съ княжими мужами. Не нужно, однако, забывать, что Рус. Правда даетъ практику княжескихъ судовъ и, иногда, можетъ быть, очень случайную.

Нѣкоторыя германскія народныя права относятъ убійство женщины къ квалифицированнымъ и назначаютъ за него значительно высшую виру, чѣмъ за убійство мужчины; другія—уравниваютъ убійство женщины и мужчины. Въ Рус. Пр. находимъ по этому вопросу статью, которая возбуждаетъ недоразумѣнія. Ст. 83 Троиц. сп. говоритъ: «аже кто убьетъ жену, то тѣмъ же судомъ судити, якоже и мужа, аже будетъ виноватъ, то полвиры, 20 гривенъ». Эту статью понимаютъ въ томъ смыслѣ, что за убійство жены берется менѣе, чѣмъ за убійство мужа. Но такое пониманіе и наводитъ на сомнѣніе. Изъ позднѣйшихъ источниковъ мы знаемъ, что за безчестье женщины взыскивалось вдвое больше, а здѣсь, наоборотъ, за убійство вдвое меньше. Исторія нашего древняго права не представляетъ рѣзкихъ скачковъ, а здѣсь именно оказывается такой скачокъ. Германскіе обычаи, которые во многомъ, какъ мы видѣли и еще увидимъ, весьма родственны съ нашими, также предостерегаютъ отъ такого пониманія. Варіантъ, представляемый Карамзинскимъ сп., даетъ возможность истолковать статью иначе. Вмѣсто «виноватъ» тамъ стоитъ «виновата». Если принять это чтеніе, статья получитъ такой смыслъ: если кто убьетъ женщину, то виновный подлежитъ тому же суду (т. е. тому же наказанію), какъ если бы онъ убилъ мужчину; но если женщина сама была виновата, виновный платитъ только полъ виры. Подъ виною жены надо разумѣть такое ея дѣйствіе, которымъ она вызвала гнѣвъ мужчины и послѣдовавшее за тѣмъ убійство. О подобной винѣ говоритъ и статья объ убійствѣ раба (102). Вина раба оказываетъ подобное же вліяніе на послѣдствія его убійства. Можно думать, что такая же «вина» бралась въ соображеніе и при убійствѣ свободнаго мужа. Ст. 23 Тр. сп. принимаетъ же въ соображеніе то обстоятельство, кто былъ зачинщикомъ драки. Если на судѣ выяснилось, что получившій побои и пришедшій съ жалобой, самъ началъ драку, онъ не получалъ никакого вознагражденія, если бы даже былъ избитъ до крови. Точно также и убійца въ свадѣ могъ, конечно, доказывать, что убитый вызвалъ его на драку. Если это подтверждалось, надо думать, онъ тоже платилъ полвиры, какъ и за убійство женщины, о которомъ говоритъ только что разобранная 101 ст. Кар. сп. Отрывочный и

случайный составъ Рус. Пр. достаточно объясняетъ ея неполноту и недосказанность.

2. Преступленія противъ тѣлесной неприкосновенности.

Древнее право чрезвычайно подробно говоритъ о поврежденіяхъ тѣла, германское еще подробнѣе нашего; поврежденіе каждаго члена имѣетъ свою особую оцѣнку. Вильда думаетъ, что подробности этого рода не составляютъ признака древности; конечно, нужно было много времени для того, чтобы успѣла установиться общепризнанная разцѣнка членовъ человѣческаго тѣла.

Разнаго рода поврежденія могутъ быть подведены подъ слѣдующія три категоріи: I. раны, наносимыя оружіемъ, кровавыя раны. II. удары палкой, рукой, синія раны. III. отнятіе члена, руки, ноги, глаза. Существованіе этихъ трехъ категорій замѣтно какъ въ нашемъ правѣ, такъ и въ германскомъ (Wilda, 729).

Рус. Пр., Тр. сп. ст. 23 говоритъ: «аже придеть кровавъ мужъ или синь», т.-е. съ кровавой раной или съ знаками побоевъ. Договоръ Новгорода съ Нѣмцами 1189 г. упоминаетъ «тяжу безъ крови», т. е. дѣло о побояхъ. Двинская судная грам. различаетъ кровавую рану и синюю рану.

Оцѣнка въ разныхъ народныхъ правахъ, а иногда и въ одномъ и томъ же, очень различна. Порядокъ возникновенія народныхъ обычаевъ достаточно разъясняетъ эти различія.

Не смотря на эти различія, встрѣчаемъ, въ силу дѣйствія одинакихъ причинъ, и весьма крупныя сходства.

Отнятіе члена по всѣмъ правамъ считается самымъ тяжкимъ преступленіемъ. Такъ и у насъ. За потерю руки, ноги, глаза Рус. Прав. назначаетъ полъ виры (Тр. сп. 21). Такъ же полъ виры назначаютъ за эти поврежденія и норвежскіе законы; но въ нихъ находимъ и дальнѣйшій выводъ изъ этого общаго правила: за отнятіе двухъ ногъ платится полная вира. Отнятіе пальца и выбитіе зуба наказывались легче: за палецъ гривна, за зубъ 12 гр. (Рус. Пр. Тр. сп. ст. 22, 61).

Наша практика, однако, не была однообразна. Мстиславовъ договоръ, какъ и Рус. Правда, назначаетъ полъ виры за око, руку и ногу. Но судя по выраженію: „за око 5 гр. серебра“ и т. д., надо думать, что эта плата идетъ пострадавшему, а не князю. По Рус. же Правдѣ полъ виры идутъ князю, а пострадавшій получаетъ только половину противъ князя. Мстиславовъ договоръ ничего не говоритъ о платѣ князю. За зубъ онъ на-

значаетъ 3 грив. серебра и тоже пострадавшему; Рус. Правда назначаетъ потерявшему зубъ 1 гривну, а князю 12, которыя равны 3-мъ Мстиславова договора (по ст. I. этого договора на 1 гривну серебра идетъ 4 гривны кунами). Это служитъ новымъ подтвержденіемъ высказанной уже мысли, что въ пространныхъ редакціяхъ Рус. Правды въ значеніи княжескихъ виръ и продажъ выступаютъ частныя вознагражденія другихъ памятниковъ.

Удары иногда приравниваются ранамъ, а иногда ведутъ за собой двойное противъ ранъ наказаніе. Это объясняютъ тѣмъ, что по древнему взгляду позорнѣе быть биту, чѣмъ получить рану. По датскому праву за ударъ взыскивается въ двое противъ раны. У Лонгобардовъ пощечина оплачивается въ двое дороже, чѣмъ рана. Тоже и у насъ. За ударъ мечемъ, но не смертельный (надо предполагать здѣсь кровавую рану) Рус. Пр. назначаетъ 3 гр. продажи (Тр. 24); а за ударъ мечемъ не обнаженнымъ, или его рукоятью, или палкой, или какимъ нибудь сосудомъ полагается 12 гр. продажи (Тр. 18, 20). Но практика Рус. Пр. не была постоянна. Ст. 23 Тр. сп. назначаетъ одинакій штрафъ въ 3 гр. за кровавую и синюю рану; а ст. 25 назначаетъ 3 гр. за ударъ по лицу и за ударъ жердью. Также колебалась и смоленская практика. Рижская редакція Мстиславова договора за кровавую рану назначаетъ полторы гривны серебра (3), а за ударъ батогомъ въ двое менѣе; готландская приравниваетъ синюю рану кровавой и за каждую назначаетъ полторы гривны серебра. Ударъ въ ухо или по лицу въ обѣихъ редакціяхъ наказывается въ двое легче кровавой раны. Двинская грамота совпадаетъ съ рижской редакціей, оцѣнивая кровавую рану дороже синей.

Отмѣтимъ здѣсь любопытную особенность договора Новгорода съ Нѣмцами конца XII в. За ударъ, нанесенный мущинѣ оружіемъ или коломъ, договоръ назначаетъ 6 гривенъ старыхъ «за рану». Побои же, нанесенные лицамъ женскаго пола, оцѣниваются въ 40 гривенъ. Такимъ образомъ, тѣлесная неприкосновенность женщинъ была ограждена безъ малаго въ семь разъ выше, чѣмъ неприкосновенность мущинъ.

3. Противъ личной свободы.

Въ германскихъ правахъ предъусматриваются разные виды лишенія свободы: человѣкъ можетъ быть связанъ, запертъ въ его собственномъ домѣ и пр. Изъ нашихъ источниковъ о престу-

пленіяхъ этого рода упоминаютъ договорн. грамота Новгорода и Смоленска съ Нѣмцами: «А оже мужа свяжуть безъ вины, то 12 гривенъ за соромъ старыхъ кунъ». О похищеніи женщинъ рѣчь будетъ ниже.

4. *Противъ чести.*

Оскорбленіе чести можетъ быть сдѣлано дѣйствіемъ и словомъ. Германскіе памятники въ этомъ отношеніи гораздо богаче русскихъ, въ нихъ перечисляется множество такихъ дѣйствій, о которыхъ не упоминаютъ наши.

И намъ и Германцамъ извѣстны слѣдующія оскорбленія дѣйствіемъ:

«Кто вынезь мечь, а не тнеть», гривна кунъ. Рус. Пр. Ак. сп. 8, Тр. 19. Оскорбленіе состоитъ здѣсь въ угрозѣ, обнаружившейся въ обнаженіи меча.

Толканіе кого либо отъ себя или къ себѣ. «Аже попъхнетъ мужъ мужа любо къ собѣ, ли отъ собѣ, то 3 гривны продажи». Рус. Пр. Тр. сп. ст. 25. «Оже упьхньть 3 гривны старые». Догов. 1189 г.

Сорваніе платья. Указаніе на преступленія этого рода находимъ въ договорѣ Новгор. съ Нѣмц. 1189 г. Тамъ предусматривается случай сорванія повойника съ головы чужой жены и изодраніе мятели (платья). Первое оскорбленіе карается шестью старыми гривнами, второе—тремя.

Наконецъ, рванье волосъ съ головы и лица. За усъ и бороду Рус. Пр. назначаетъ 12 грив. (Ак. 7, Тр. 80). По германскому праву борода цѣнится, иногда, въ половину противъ волосъ на головѣ. Одинъ изъ смоленскихъ договоровъ съ Нѣмцами (Р. Л. А., Anhang № II) различаетъ бороду обыкновеннаго человѣка отъ бороды боярина и куноемца. Первая оплачивается 3 гривнами (=12 Рус. Правды), вторая пятью.

Кромѣ этихъ оскорбленій германское право знаетъ еще: бросаніе въ воду, обливаніе водой, загражденіе пути, входъ безъ разрѣшенія въ чужой домъ и множество видовъ оскорбленія женской чести чрезъ прикосновеніе къ рукѣ, плечу, груди и пр.

Оскорбленіе словомъ встрѣчается не во всѣхъ германскихъ правахъ, у Датчанъ этого преступленія нѣтъ. Неизвѣстно оно и Рус. Правдѣ. Первое указаніе на него находимъ въ церк. уставахъ Владиміра и Ярослава. Владиміровъ уставъ не опредѣляетъ

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб. Вас. Остр., 2 л., 7.

наказанія; Ярославовъ говоритъ только о не приличной брани чужихъ женъ и опредѣляетъ за это плату оскорбленной и епископу, въ одинаковомъ размѣрѣ. Оскорбившему жену великаго боярина, кромѣ платы, угрожается еще княжеской казнью. Наказуемость брани и равенство платы епископу съ частнымъ вознагражденіемъ не возбуждаютъ сомнѣній; нельзя того-же сказать о самомъ размѣрѣ платы и о добавочной княжеской казни.

Изъ свѣтскихъ памятниковъ объ оскорбленіи словомъ говоритъ Двинск. грам.: «а кто кого излаетъ боярина... и намѣстницы судятъ ему по его отечеству безчестіе» т.-е онъ получаетъ вознагражденіе, смотря по его отеческой чести.

4) *Преступленія противъ имущества.*

а) Кража, завѣдомо противозаконное изъятіе чужой вещи изъ хранилища другаго лица съ намѣреніемъ присвоить ее себѣ, извѣстна нашимъ древнимъ памятникамъ подъ именемъ татьбы.

Нашему древнему праву неизвѣстно различіе кражъ по цѣнѣ украденнаго, составляющее особенность германскаго права. Германское право различаетъ большія и малыя кражи по различію цѣны украденнаго. Граница между большими и малыми кражами въ разныхъ правахъ опредѣляется различно. Въ Даніи и Швеціи кража до полъ марки составляетъ малую, а выше—большую. Съ этимъ различіемъ соединяются и важныя различія въ послѣдствіяхъ кражи. Въ большихъ кражахъ частное вознагражденіе доходитъ иногда до уплаты девяти цѣнъ украденной вещи; въ малыхъ кромѣ простой цѣны вещи платится пеня, но не выше 6 шиллинговъ. Изъ публичныхъ наказаній съ весьма древнихъ временъ къ большимъ кражамъ примѣняется смертная казнь, къ малымъ тѣлесныя наказанія. Эти наказанія не исключаютъ частнаго вознагражденія.

Въ сѣверныхъ законодательствахъ встрѣчается отступленіе отъ общаго правила, по которому строгость наказанія соразмѣряется съ цѣною украденнаго. Это отступленіе касается кражъ скота и зерна съ поля. Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ за такія кражи назначается смертная казнь, не смотря на цѣну украденнаго. Причина такой строгости въ легкости кражи съ поля.

Ночное воровство и кража со взломомъ наказываются строже простой кражи. Повтореніе кражи извѣстно уже древнѣйшимъ памятникамъ и также ведетъ къ усиленію наказанія.

Что наше древнее право не знаетъ различія кражъ по различію

цѣны украденнаго, это видно изъ Рус. Пр. Что́ бы ни было украдено: челядинъ, конь, оружіе, платье, ястребъ, соколъ или песъ, она назначаетъ одинакую плату—три гривны (ст. 10, 12, 37 Ак. сп). Различіе цѣны украденнаго имѣетъ у насъ только процессуальное значеніе (Тр. сп. 17).

Послѣдствія кражи опредѣляются нашими памятниками различно. Первыя 17 ст. Рус. Пр. по Ак. сп. знаютъ только частное вознагражденіе: украденная вещь возвращается пострадавшему и кромѣ того онъ получаетъ 3 гривны за обиду (ст. 10, 12). Ст. 29 упоминаетъ плату въ 3 гр. 30 рѣзанъ, а 34 и 36 говорятъ уже о продажѣ въ 60 рѣзанъ, т. е. о платѣ князю.

Въ пространныхъ спискахъ три гривны частнаго вознагражденія переходятъ иногда въ княжую продажу (Тр.26 и 75). Любопытна 75 ст. Тр. сп., она повторяетъ 37 Акад., но при этомъ «3 гривны за обиду» превращаетъ въ «3 гривны продажи», пострадавшему же назначаетъ — гривну: «а господину гривна». Княжескій судъ, повидимому, опредѣлялъ взысканія довольно произвольно. Недаромъ же лѣтописцы жалуются на то, что княжескіе судьи разоряютъ народъ продажами (см. стр. 262, пр. 3).

Если судить о послѣдствіяхъ татьбы по новымъ статьямъ пространныхъ списковъ Правды, не имѣющимъ себѣ подобныхъ въ древнѣйшемъ спискѣ, то они представятся въ слѣдующемъ видѣ. Пострадавшій получаетъ только то, что у него украдено (татьбу, или что погибло), т. е. простую цѣну украденнаго и убытки, князь же получаетъ продажу (Тр. сп. ст. 32, 39, 40, 70). Только въ томъ случаѣ, если воръ былъ рабъ, пострадавшій получалъ двойную цѣну украденнаго, а князь—ничего, такъ какъ рабы не подлежали продажѣ (Тр. 42).

Но эту практику никакъ нельзя разсматривать какъ общую. Въ смоленскомъ Мстиславскомъ договорѣ съ Нѣмцами о послѣдствіяхъ татьбы читаемъ: «Аже Русинъ или Нѣмчичь иметь татя у своего товара, въ томъ его воля, что хочеть учинити» (23, 33). Воръ предоставляется въ полную волю пострадавшаго: онъ можетъ взять съ него, что угодно, обратить его въ рабство, можетъ быть, даже убить. Эта статья памятника XIII в. близко сходится со статьей о ворѣ древнѣйшаго списка Рус. Правды (Ак. 20). Обѣ статьи предусматриваютъ исключительный случай, поимку вора на мѣстѣ преступленія. Но если въ этомъ хотя и исключительномъ случаѣ право пострадавшаго совершенно исключаетъ право князя, то все же трудно допустить, что бы въ кражахъ, которыя обнаруживались послѣ ихъ совершенія, пострадавшій долженъ былъ ограничиться простымъ вознагражденіемъ

убытковъ. Новыя статьи пространной Рус. Правды едва ли выражаютъ все русское право.

Къ предметамъ, пользовавшимся особой охраной, какъ по русскому, такъ и по германскому праву, принадлежали лошади. У Германцевъ кража лошади вела иногда къ смертной казни, побіеніемъ камнями. По Рус. Пр. коневому татю полагается высшая мѣра наказанія, потокъ и разграбленіе. Псков. суд. гр. коневому татю угрожаетъ смертною казнью; таже казнь угрожаетъ и «кромскому татю», т. е. вору, совершившему кражу въ крѣпости (кромъ, кремль).

Кража изъ закрытыхъ помѣщеній и у насъ, какъ и у Германцевъ, наказывалась строже (Тр. сп. 37—39).

Указаній на различіе дневной и ночной кражи въ нашихъ памятникахъ нѣтъ. Точно также наши древнѣйшіе памятники не обращаютъ вниманія на повтореніе кражъ. Впервые съ повтореніемъ встрѣчаемся въ Двинск. и въ Псковской суд. грамотахъ. По обоимъ памятникамъ третья кража, независимо отъ цѣны украденнаго, ведетъ къ смертной казни. Есть основаніе думать, что усиленіе наказаній по мѣрѣ повторенія преступленій, появилось въ нашемъ правѣ не безъ вліянія византійскаго законодательства.

б) Грабежъ, похищеніе вещи посредствомъ насильственнаго нападенія на личность, въ наше время разсматривается какъ преступленіе болѣе тяжкое, чѣмъ кража и потому наказывается строже. Но древній взглядъ на грабежъ, какъ это видно изъ германскихъ памятниковъ, былъ иной. Воровство и грабежъ (Diebstahl и Raub) ведутъ за собой одинакія наказанія, или, иногда, воровство наказывается строже, чѣмъ грабежъ. По законамъ Алемановъ грабежъ ведетъ къ двойной платѣ цѣны похищеннаго, а кража—къ платѣ 9-ти цѣнъ. Въ Фрисландіи и въ томъ и въ другомъ случаѣ взыскивается двойная цѣна похищеннаго, но за нарушеніе мира грабитель платилъ только 12 шиллинговъ, а воръ полную виру, какъ и за убійство (Wilda, 860, 914). Эта особенность объясняется тѣмъ, что въ началѣ исторіи, когда каждый полагался только на свои личныя силы, тайный воръ возбуждалъ гораздо большее отвращеніе и болѣе казался опаснымъ, чѣмъ тотъ, кто открыто шелъ къ своей цѣли. Съ теченіемъ времени взглядъ на грабежъ долженъ былъ измѣниться. По мѣрѣ смягченія нравовъ грабежъ долженъ былъ превратиться въ дѣяніе болѣе отталкивающее и пугающее, чѣмъ воровство. Вильда думаетъ, что эта перемѣна совершилась не безъ вліянія изреченія блаженнаго Августина, вошедшаго въ сборники цер-

ковнаго права: достоинъ наказанія, кто тайно похищаетъ, но еще болѣе долженъ быть наказанъ, кто дѣлаетъ это съ прямымъ насиліемъ.

Наши источники не сохранили слѣда этого древнѣйшаго взгляда на грабежъ. Рус. Правда угрожаетъ разбойникамъ самымъ высшимъ наказаніемъ, какое только ей извѣстно, потокомъ и разграбленіемъ (Тр. 5). Здѣсь можно также предполагать вліяніе духовенства, которое еще Владиміру совѣтовало казнить разбойниковъ. По Псковской судной грамотѣ «разбой, находъ, грабежъ» караются продажей, но высшей, чѣмъ кража.

в) Недозволенное пользованіе чужимъ имуществомъ. Русской Правдѣ, какъ и германскимъ памятникамъ, извѣстно недозволенное пользованіе чужой лошадью: «Аще кто поѣдетъ на чюжомъ конѣ, не прошавъ его, то положити 3 гривны" (Ак. 11). Три гривны имѣютъ здѣсь значеніе частнаго вознагражденія. Эта статья безъ всякихъ измѣненій перешла въ пространные списки Рус. Правды. Это указываетъ на то, что составители этихъ списковъ пользовались очень разнообразнымъ матеріаломъ, вовсе не думая сводить его къ какому либо единству.

Германскіе памятники говорятъ еще о недозволенномъ пользованіи лодками и другими движимостями.

г) Завладѣніе недвижимостью. Рус. Правда говоритъ о тѣхъ случаяхъ, когда завладѣніе чужой недвижимостью соединяется съ порчею межевыхъ знаковъ. Это дѣйствіе карается высшею мѣрою продажи, 12 грив. (Тр. 64 — 66). О частномъ вознагражденіи Рус. Правда не упоминаетъ. Наоборотъ, въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ германскихъ законодательствахъ перенесшій межу отдавался иногда въ волю собственника земли и частный интересъ устранялъ такимъ образомъ публичный.

д) Поврежденіе чужихъ вещей ведетъ какъ по нашему, такъ и по германскому праву, не только къ вознагражденію убытковъ, но и къ штрафу. Русская Правда говоритъ о злонамѣренномъ поврежденіи скота оружіемъ: «А кто пакощами конь порѣжетъ или скотину» и назначаетъ за это высшую мѣру продажи, 12 гр. (Тр. 80). Еще съ большею строгостью относится къ дѣяніямъ этого рода исландское право. Оно угрожаетъ виновному лишеніемъ мира съ воспрещеніемъ выкупа.

Германскому праву извѣстно еще поврежденіе изгородей и деревьевъ: дуба, бука и разныхъ плодовыхъ. Русская Правда упоминаетъ только о порчѣ бортныхъ деревьевъ и также назначаетъ продажу (3 гр.) сверхъ частнаго вознагражденія (Тр. 68).

Ст. 17 Акад. сп. говоритъ о поврежденіи оружія и платья, но о продажѣ не упоминаетъ.

е) Неисполненіе обязательствъ по древнему праву также вело къ штрафу. По Рус. Правдѣ (Ак. сп. 14) должникъ, неправильно отрицавшій долгъ, долженъ былъ платить за обиду 3 гривны. По германскому праву наслѣдникъ, отказавшійся уплатить долги умершаго на томъ основаніи, что ничего отъ него не получилъ, долженъ былъ уплатить не только весь долгъ, но и сумму въ восемь разъ превышающую долгъ, если оказывалось, что онъ скрылъ наслѣдство.

ж) Поджогъ—жилаго и не жилаго помѣщенія ведетъ по Рус. Правдѣ къ высшей мѣрѣ наказанія: „иже зажгутъ гумно, то на потокъ на грабежъ домъ его, переди пагубу исплатившю, а въ процѣ князю поточити й, тако ждеоже кто дворъ зажьжетъ“ (Тр. 79). Псковская судная гр. назначаетъ зажигателю смертную казнь. По германскому же праву поджогъ разсматривается особенно важнымъ преступленіемъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ представлялъ опасность для жизни, напр. поджогъ ночью дома, въ которомъ спали люди. Такой поджогъ по послѣдствіямъ приравнивался тайному убійству, а виновникъ назывался Mordbrenner. Поджогъ же безъ этихъ отягчающихъ обстоятельствъ разсматривался только какъ противозаконное поврежденіе собственности (Wilda, 940). Болѣе близко къ нашему праву Норвежское, по которому поджигатель лишается мира и теряетъ все свое имущество.

5. *Преступленія противъ семейства и половой нравственности.*

По германскому праву любодѣяніе вело сперва къ мести, а потомъ къ выкупу. Денежное вознагражденіе шло не самой женщинѣ, такъ какъ она сама соизволила, а тому, во власти у кого она находилась, у кого было право мундіума. Право требовать вознагражденія за рабынь принадлежало господину. По нѣкоторымъ правамъ только первое любодѣяніе считалось преступнымъ и вело къ вознагражденію, послѣдующія же не оплачивались.

Съ принятіемъ христіанства преступленія этого рода сдѣлались у насъ подсудны церковному суду. Владиміровъ церковный уставъ упоминаетъ «смильное заставанье», но не опредѣляетъ послѣдствій. Ярославовъ уставъ посвящаетъ простому любодѣянію нѣсколько статей (4, 5, 9, 11, 15 и др.). Въ первой говоритъ: «аже у отца и у матери дщи дѣвкою дитяти добудетъ, обли-

чивъ ю, поняти въ домъ церковный, а чимъ ю родъ окупитъ». По этой статьѣ любодѣяніе является преступленіемъ не передъ семейной властью, какъ это было по древнѣйшему германскому праву, и, по всей вѣроятности, нашему, а передъ общественной властью; отвѣтственнымъ же оказывается не мущина, вступившій въ незаконную связь, а семья которая неуберегла дочери отъ соблазна. Взглядъ совершенно новый, не народный. Въ другихъ статьяхъ рѣчь также идетъ о публичномъ наказаніи. Памятники свѣтскаго права говорятъ о преступленіяхъ этого рода только въ соединеніи съ насиліемъ, о чемъ будетъ сказано ниже. Любодѣяніе со своею рабою по Рус. Правдѣ было не наказуемо (ст. 92 Тр. сп.).

Прелюбодѣяніе по древнему германскому праву составляло обиду, наносимую мужу женою и ея соблазнителемъ. Мужъ по отношенію къ женѣ не совершалъ прелюбодѣянія; ему предоставлялось даже имѣть конкубину. Обиженный мужъ имѣлъ право убить жену и соблазнителя. По мѣрѣ смягченія нравовъ входитъ въ употребленіе выкупъ. Соблазнитель долженъ былъ заплатить свою полную виру. Съ распространеніемъ христіанства обѣ стороны уравниваются и для жены возникаетъ искъ противъ мужа, нарушившаго супружескую вѣрность. По нѣкоторымъ законамъ она имѣетъ право получить денежное вознагражденіе съ мужа, по 3 марки за каждую невѣрность; по другимъ соучастница въ преступленіи мужа выдается ей для мести. Христіанскія воззрѣнія смѣшались, такимъ образомъ, съ народными.

По нашему древнему праву также только жена была виновата передъ мужемъ въ прелюбодѣяніи, а не мужъ передъ женой. Невинность мужа слѣдуетъ изъ 92 ст. Рус. Правды по Тр. сп. Эта статья говоритъ о мужѣ (въ данномъ случаѣ можно разумѣть какъ женатаго, такъ и холостаго человѣка), состоящемъ въ незаконной связи со своей рабой и имѣющемъ отъ нея дѣтей. Статья предполагаетъ постоянную связь, продолжавшуюся до смерти мужа. Эта связь не вмѣняется въ вину ни ему ни рабѣ. По смерти господина раба получаетъ даже свободу со всѣми дѣтьми.

О виновности жены передъ мужемъ надо заключить изъ смоленскихъ договоровъ съ Нѣмцами. Въ договорѣ неизвѣстнаго князя (Р. Л. А. II прибавленіе) читаемъ: «оже имуть Русина вольнаго у вольное жены въ ризѣ или на Готьскомь бѣрѣзѣ, оже оубьютъ, и тотъ оубитъ; пакы ли не оубьютъ, платити ему 10 гривенъ сѣрѣбра; такоже и Нѣмьчицю Смолиньскѣ». Мстиславовъ договоръ не говоритъ о правѣ убить, но установляетъ со-

вершенно тотъ же выкупъ въ 10 гривенъ, равняющійся обыкновенной вирѣ. О платѣ князю не говорится; 10 гривенъ, замѣняющія месть, идутъ, конечно, мужу. Объ убійствѣ жены не говорится. Это понятно, такъ какъ въ договорѣ дѣло идетъ объ опредѣленіи отношеній Русскихъ къ Нѣмцамъ, мужъ же и жена принадлежатъ одной національности. Но есть полная возможность допустить въ данномъ случаѣ и убійство жены. Преступленіе прелюбодѣянія по древнему русскому праву является съ тѣми же особенностями, какія характеризуютъ его и по германскому праву.

Съ принятіемъ христіанства и у насъ обѣ стороны уравниваются въ томъ смыслѣ, что прелюбодѣяніе мужа сдѣлалось также наказуемымъ. Но подсудность и мѣра отвѣтственности были, надо думать, разныя. Церковный уставъ Ярослава говоритъ только о невѣрности мужа (ст. 6) и назначаетъ за это платежъ епископу и казнь со стороны князя, не опредѣляя мѣры платежа и способа наказанія (градскіе законы назначаютъ прелюбодѣямъ тѣлесныя наказанія, болѣзненныя и членовредительныя). Прелюбодѣяніе мужа вѣдается, слѣдовательно, органами власти и карается публичнымъ наказаніемъ. О прелюбодѣяніи жены церковный уставъ вовсе не говоритъ. Это не значитъ, конечно, что оно не наказуется. Оно осталось наказуемымъ по прежнему, т.-е. мужемъ.

Изнасилованіе и похищеніе женщины хотя бы и съ цѣлью брака, но безъ согласія ея и родителей, составляетъ по германскому праву тяжкое преступленіе. По однимъ законодательствамъ оно ведетъ за собой лишеніе жизни, по другимъ выкупъ, доходящій иногда до размѣровъ полной и даже двойной виры.

Изъ нашихъ памятниковъ постановленія о насиліи встрѣчаются въ договорахъ съ Нѣмцами Новгорода и Смоленска. По Мстиславову договору насиліе свободной женщинѣ, цѣломудреннаго поведенія (ст. 12), оплачивается 5 гривнами серебра, т.-е. полувирой; а по безымянному (Р. Л. А. прилож. II) полной вирой въ 10 гривенъ серебра. Насиліе рабѣ—гривною серебра. Мстиславовъ договоръ говоритъ еще о насиліи женщинѣ легкаго поведенія и назначаетъ ей тоже одну гривну, какъ и рабѣ.

Въ новгородскомъ договорѣ конца XII в. читаемъ: «оже кто рабу повергнетъ насильемъ, а не соромитъ, то за обиду гривна. Пакы же соромить, собѣ свободна». Первое постановленіе соотвѣтствуетъ такому же смоленскаго договора: «оже кто насилуетъ рабѣ,—дати ему гривна серебра». Второе же предпола-

гаетъ, кажется, насиліе собственной рабѣ. Только при этомъ предположеніи и понятно ея освобожденіе. А такъ какъ договоръ опредѣляетъ отношенія Русскихъ къ Нѣмцамъ, то надо думать, что Русскіе покупали рабынь Нѣмокъ, а Нѣмцы—Русскихъ. Въ германскомъ правѣ свобода рабы, какъ слѣдствіе незаконной связи съ нею господина, есть уже установленіе христіанской эпохи. Наши памятники не даютъ возможности отвѣтить на вопросъ: освобожденіе рабы въ данномъ случаѣ практиковалось уже у насъ въ XII в., или попало въ договоръ по предложенію Нѣмцевъ?

Въ Ярославовомъ церковномъ уставѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ германскихъ памятникахъ, насиліе слито съ похищеніемъ: «Аже кто умчить дѣвку или насилить, аже боярская дчи, за соромъ ей 5 гр. золота, а епископу 5 гр. золота, а меньшихъ бояръ гривна золота, а епископу гривна золота; добрыхъ людей за соромъ 5 гривенъ серебра, а на умычницѣхъ по гривнѣ серебра епископу, а князь казнитъ». Статья эта представляетъ соединеніе языческой практики съ нововведеніями эпохи христіанской. Денежный выкупъ за насиліе и похищеніе есть, конечно, остатокъ глубокой старины. Статья различаетъ обыкновенное насиліе и квалифицированное. За обыкновенное полагается 5 гр. серебра пострадавшей, т.-е. полъ виры. Этотъ платежъ совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, который опредѣленъ въ смоленскомъ Мстиславовомъ договорѣ. Насиліе боярскихъ дочерей есть насиліе квалифицированное и ведетъ къ чрезвычайному увеличенію штрафа. Въ виду того, что по Градскимъ законамъ насиліе дѣвицѣ, помимо членовредительнаго наказанія, вело за собой вознагражденіе пострадавшей, равняющееся трети и даже половинѣ имѣнія виновнаго; выкупъ въ 5 гр. золота не долженъ казаться невѣроятнымъ. Назначеніе штрафа въ пользу представителя власти въ равномъ размѣрѣ съ частнымъ вознагражденіемъ встрѣчаемъ и въ другихъ памятникахъ (догов. Новгорода съ Нѣмцами конца XIII вѣка) и также не представляетъ ничего невѣроятнаго. Прибавленіе княжеской казни есть уже чистое нововведеніе христіанской эпохи и имѣетъ свой источникъ въ сборникахъ византійскаго права (Градск. Зак. Тит. XXXIX, ст. 40, 66 и 67).

Похищеніе женщинъ, или умычка несомнѣнно составляла обиду и до принятія христіанства; но похищеніе, о которомъ говоритъ Ярославовъ уставъ, надо выводить не изъ этой до христіанской практики, а изъ 40 ст. XXXIX титула Градскихъ законовъ. Ярославовъ уставъ облагаетъ штрафами разныхъ размѣровъ того, кто умчитъ, и «умычниковъ». Первый платитъ отъ

5 грив. сер. до 5 золота, а вторые всегда по гривнѣ. Эти «умычники» суть пособники, помогавшіе въ похищеніи, а не главные виновники. О такомъ же различіи главнаго виновника и помогавшихъ ему говоритъ и 40 ст. Градскихъ законовъ. Это не можетъ быть случайное совпаденіе, здѣсь надо предполагать прямое вліяніе.

Пространная редакція Владимірова устава также упоминаетъ умычку, но не опредѣляетъ послѣдствій.

Двоебрачіе какъ у насъ, такъ и въ Германіи, сдѣлалось преступленіемъ съ принятія христіанства. Въ уставѣ Ярослава читаемъ: «аже мужъ оженится иною женой, со старою не распустився, мужъ епископу въ винѣ, а молодую въ домъ церковный, а со старою жити». Еще: «аже двѣ жены кто водитъ, епископу 40 гривенъ, а которая подлегла, то поняти въ домъ церковный, а первую держати по закону; а имѣть лихо водити ю, казнью казнитъ его».

Браки въ близкихъ степеняхъ родства запрещались въ Германіи и по народному праву, еще до принятія христіанства, хотя въ сагахъ есть указанія и на противоположную практику. Объ отношеніи къ этому вопросу русскихъ славянъ до принятія христіанства не имѣемъ свѣдѣній. По церковнымъ уставамъ такіе браки запрещаются подъ страхомъ наказанія: «Аже ближній родъ поймется, епископу 80 гривенъ, а ихъ разлучить, а епитемью да примутъ» (Яросл.).

Неестественные пороки воспрещаются церковнымъ уставомъ Ярослава. Ст. 16-я этого устава, конечно, возникла подъ вліяніемъ 74 ст. XXXIX титула Градскихъ законовъ, хотя греческое наказаніе замѣнено русскимъ. Германскіе юридическіе памятники обогатились преступленіями этого рода также подъ вліяніемъ церкви (Wiida, 858).

6) Преступленія противъ церкви.

Церковный уставъ Владиміра упоминаетъ слѣдующія: церковная татьба, мертвецы волочатъ, крестъ посѣкутъ, или на стѣнахъ рѣжутъ, скоты, или псы и потки (птицы) безъ велики нужи введеть, или что не подобно въ церкви подѣеть; моленіе подъ овиномъ, въ рощеніи, или у воды.

Кража изъ церкви и нарушеніе покоя могилъ чрезъ ограбленіе мертвыхъ тѣлъ взяты изъ Градск. законовъ (XXXIX, 57, 58); вводъ животныхъ въ церковь изъ правилъ Трулльскаго со-

бора (Неволинъ, VI т., 279); остальныя составляютъ, можетъ быть, результатъ отечественной практики, вызванной знакомствомъ съ содержаніемъ ветхозавѣтныхъ книгъ.

Ярославовъ уставъ посвящаетъ очень мало вниманія преступленіямъ противъ церкви. Онъ полагаетъ наказаніе въ 12 грив. епископу и княжескую казнь за постриженіе головы и бороды; пространная его редакція говоритъ еще о нѣкоторыхъ видахъ запрещенной ѣды, напримѣръ о ѣдѣ съ некрещеными.

Къ преступленіямъ противъ церкви относится еще и вѣдьство (вѣдать, вѣдунъ, вѣдьма), или волхвованіе и чародѣяніе. Какъ наши предки, такъ и Германцы, вѣрили въ существованіе людей, одаренныхъ чудесной силой и даромъ предвидѣнія. Эти знахари, предполагалось, стояли въ сношеніяхъ съ злыми духами и при помощи ихъ могли совершать злыя дѣла. Владиміровъ уставъ упоминаетъ о «вѣдьствѣ», но не опредѣляетъ послѣдствій.

7) Преступленія противъ государства.

Къ преступленіямъ этого рода въ Русской Правдѣ относится только одна статья. По Троицкому списку она читается такъ: «аже смердъ мучитъ смерда безъ княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кунъ (71); аже огнищанина мучить, то 12 гривенъ продажѣ, а за муку гривна (72, ср. Акад. сп. 31 и 32). Слово мука, какъ видно изъ переводныхъ памятниковъ, употреблялось въ значеніи казни, т.-е. наказанія вообще. Приведенная статья, слѣдовательно, запрещаетъ подвергать кого либо наказанію безъ повелѣнія князя. Она находится и въ краткихъ и въ пространныхъ спискахъ Правды и служитъ новымъ доказательствомъ тому, что Рус. Правда содержитъ въ себѣ черты весьма различныхъ эпохъ. Разсматриваемая статья возникла позднѣе той эпохи, когда дѣйствовали статьи: 1, 2, 3 и 5 Акад. сп. и 1 и 20 Тр., допускающія месть, и свидѣтельствуетъ о созрѣвшемъ уже сознаніи неудобствъ самоуправства.

Статьи другихъ памятниковъ также имѣютъ въ виду преступленія противъ судебной власти государства.

Двинская суд. грамота воспрещаетъ во 1) самосудъ. «А самосуда четыре рубли; а самосудъ то: кто изымавъ татя съ поличнымъ, да отпуститъ, а себѣ посулъ возметъ, а намѣстники довѣдаются по заповѣди, ино то самосудъ, а опричь того самосуда нѣтъ». Во 2) продажу сильно. Подъ этимъ, вѣроятно, надо разумѣть злоупотребленія органовъ княжескаго суда при опредѣленіи и взысканіи продажъ.

Еще болѣе развитыя постановленія, направленныя къ огражденію судебныхъ правъ государства, встрѣчаемъ въ судныхъ грамотахъ вольныхъ городовъ. Судебныя права государства могутъ быть нарушены какъ частными лицами, такъ и представителями власти. Грамоты принимаютъ мѣры противъ тѣхъ и другихъ нарушеній. По Псковской судной грамотѣ посадникъ долженъ былъ цѣловать крестъ въ томъ, что онъ будетъ судить право по крестному цѣлованію, а городскими кунами не корыстоватися, а судомъ ни мстить, ни отчитись, а праваго не погубить, а виноватаго не жаловать; а безъ исправы (безъ суда) человѣка не погубить ни на судѣ, ни на вѣчѣ. Князь долженъ былъ судить тоже по крестному цѣлованію. Князь и посадникъ обязывались не брать тайныхъ посуловъ (подкупъ).

Новгородская грамота также требуетъ отъ судей суда праваго по крестному цѣлованію и опредѣляетъ штрафъ въ 50 р. тому судьѣ, который уѣдетъ изъ города, не окончивъ суда (28).

Соблюденіе порядка на судѣ со стороны тяжущихся ограждается обѣими грамотами. Псковская упоминаетъ объ ударѣ, нанесенномъ однимъ изъ тяжущихся другому «предъ господою на судѣ» какъ объ особомъ преступленіи, и назначаетъ за это «продажу князю», кромѣ уплаты частнаго вознагражденія (111). Съ тою же цѣлью она воспрещаетъ «ходити на судъ помочью» и угрожаетъ «дыбою» и денежнымъ штрафомъ тому, кто «силою въ судебню полѣзетъ, или подверники ударитъ» (58) Новгородская судная грамота воспрещаетъ «наводку наводить» (приходить толпой съ цѣлью насилія) на судей и тяжущихся и налагаетъ за наводку: съ бояръ 50 рублей, житьихъ 20, а съ молодшихъ 10 (6).

Преступленія противъ другихъ правъ государства, кромѣ выше приведеннаго лѣтописнаго извѣстія, встрѣчаются только въ Псковской судной грамотѣ, которая назначаетъ «перевѣтнику» т. е. предающему своихъ чужимъ, измѣннику, смертную казнь. Это постановленіе, можетъ быть, родственно съ 1 статьей XXXIX титула градскихъ законовъ: «раздражая на брань ратныя, или предавая противнымъ своя главы усѣченіемъ моучится.»

Судебныя функціи государства, составляя существеннѣйшую потребность подданныхъ, прежде всего выяснились сознанію нашихъ предковъ, а потому преступленія противъ судебной власти государства обозначились прежде всѣхъ другихъ видовъ государственныхъ преступленій.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО.

Литература. Десницкій, Юридическое разсужденіе о началѣ и происхожденіи супружества у первоначальныхъ народовъ и о совершенствѣ, къ какому оное приведеннымъ быть кажется послѣдовавшими народами просвѣщеннѣйшими. 1775.

Рейцъ. Versuch einer geschitlichen Entwickellung der Grundsätze des russischen Vormundschaftsrecht. 1821. Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ. 1836.

Рождественскій, Историческое изложеніе русскаго законодательства о наслѣдствѣ. 1839.

Станиславскій, Объ актахъ укрѣпленія правъ на имущество. 1842.

Кранихфельдъ, Начертаніе россійскаго гражданскаго права въ историческомъ его развитіи. 1843.

Куницынъ, О наслѣдственныхъ правахъ лицъ женскаго пола. 1844.

Губе, Исторія древняго наслѣдственнаго права у Славянъ. 1845. Истор. и статист. сборникъ.

Витте, Ein Blick auf die geschichtliche Entwickellung des älteren russischen Erbrechts bis zum Gesetzbuche des Zaren Alexei Mich. 1848.

Шульгинъ, О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра В. 1850.

Неволинъ, Исторія гражданскихъ законовъ. 1851.

Турчиновичъ, О поземельной собственности и наслѣдствѣ въ древней Руси. 1853.

Капустинъ, Древнее русское поручительство. 1855. Юрид. Сбор. Мейера.

Бѣляевъ, Какъ понимали давность въ разное время и русское общество въ своей жизни и русскіе законы. 1855. Въ воспоминаніе 12 января 1853 г.

Станиславскій, Изслѣдованіе началъ имущественныхъ отношеній въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго законодательства. 1855.

Энгельманъ, Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ Псковской Судной Грамотѣ. 1855.

Устряловъ, Изслѣдованіе Псковской Судной Грамоты. 1855.

Мейеръ, Древнее русское право залога. 1855.

Бѣляевъ, О наслѣдствѣ безъ завѣщанія. 1858.

Никольскій, О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ. 1859.

Кавелинъ, Взглядъ на историческое развитіе законнаго порядка наслѣдованія. 1860.

Алексѣевъ, Имущественныя отношенія супруговъ по древнему русскому праву. 1868. Чтенія, № 2.

Шпилевскій, Семейныя власти у древнихъ Славянъ и Германцевъ. 1869.

Дювернуа, Источники права и судъ въ древней Россіи. 1869

Цитовичъ, Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія. 1870. Въ протоколахъ харьковскаго университета.

Пихно, Историческій очеркъ мѣръ гражданскаго взысканія по русскому праву. 1874.

Загоровскій, Историческій очеркъ займа по русскому праву до конца XIII ст. 1875.

Кейслеръ (Keussler), Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeinde —besitzes in Russland. 1876.

Соколовскій, Очеркъ исторіи сельской общины на Сѣверѣ Россіи. 1877.

Дубакинъ, Вліяніе христіанства на семейный бытъ русскаго общества. 1880.

Горчаковъ, О тайнѣ супружества. Происхожденіе, историко-юридическое значеніе и каноническое достоинство 50-й (по спискамъ патріарховъ Іосифа и Никона 51-й) главы печатной кормчей книги. 1880.

I. Союзъ мужа и жены.

Введеніе.

Бракъ есть союзъ мущины и женщины съ цѣлью половаго восполненія и единенія всей жизни. Существо брака почти не поддается юридическому анализу. Опредѣленіе закона далеко не исчерпываетъ здѣсь дѣла. Семейство слишкомъ интимная сфера; возникающія въ немъ личныя отношенія никогда не могутъ быть точно опредѣлены закономъ.

Съ исторической точки зрѣнія, теперешнее положеніе женщины представляетъ значительный успѣхъ сравнительно съ тѣмъ, которое наблюдается въ первобытныхъ обществахъ. Достигнутое улучшеніе даетъ право надѣяться и на новые успѣхи. Въ первобытномъ состояніи положеніе женщины было крайне приниженное. Самая мрачная сторона жизни многихъ современныхъ дикарей состоитъ въ совершенномъ безправіи женщины. У множества дикихъ племенъ существуютъ самыя грубыя отношенія мущины къ женщинамъ; онѣ разсматриваются какъ низшія существа, почти какъ домашнія животныя и передаются изъ рукъ въ руки, какъ собственность. Обыкновенную цѣну женщины состовляетъ мушкетъ. У нѣкоторыхъ туземцевъ Сѣверной Америки происходитъ постоянная борьба изъ за женщинъ; дикари отнимаютъ ихъ другъ у друга точно также, какъ и нѣкоторыя животныя самку. Путешественники указываютъ на то, что даже у болѣе развитыхъ дикарей нѣтъ слова «любить». Одинъ изъ миссіонеровъ XVII вѣка, который переводилъ Евангеліе на одинъ изъ американскихъ языковъ, долженъ былъ самъ составить для нихъ это слово. Въ Австраліи, по свидѣтельству путешественниковъ, женщины очень рѣдко умираютъ естественною смертью у тѣхъ племенъ, которыя употребляютъ въ пищу человѣческое мясо. Обыкновенно ихъ убиваютъ прежде, чѣмъ онѣ состарѣются и похудѣютъ.

Древнѣйшее положеніе женщины у предковъ историческихъ народовъ, также было весьма приниженное. На это указываютъ брачные обряды, сохранившіеся до сего времени, и пословицы, въ которыхъ должно видѣть отраженіе глубокой древности. Сербы напримѣръ говорятъ: «мужъ, который не бьетъ своей жены не есть человѣкъ», «бей змѣю и жену по головѣ», «жену и ло-

шадь бей, если хочешь, чтобы онѣ были тебѣ покорны». Въ простомъ народѣ даже и теперь встрѣчаемъ весьма грубыя отношенія. Ефименко, замѣтивъ тяжелое положеніе женщины въ Архангельской губ., говоритъ, что это явленіе не славянскаго происхожденія, а заимствовано у Финновъ. Важенъ фактъ, подмѣченный авторомъ, а что касается объясненія, то едва ли есть основаніе выводить изъ чуждаго вліянія черту, свойственную всѣмъ народамъ на извѣстной ступени развитія.

Но мы сдѣлаемъ неправильную оцѣнку приведенныхъ фактовъ, или заключимъ изъ нихъ, что грубое отношеніе къ женщинамъ совершенно исключало у первобытныхъ народовъ возможность своеобразной любви и привязанности къ нимъ. На языкѣ Кріевъ жена называется словомъ, которое въ переводѣ означаетъ «часть меня самого». Рядомъ съ пословицами, выражающими очень не высокое мнѣніе о женщинѣ («ужь лаяла бы собака, да не своя», «худое дѣло, коли жена не велѣла», «не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ въ домѣ», «красные похороны, когда мужъ жену хоронитъ»)—русскому человѣку извѣстны и такія, въ которыхъ воздается должное доброй хозяйкѣ: «не дай Богъ горѣть, да вдовѣть; дай Богъ погорѣть, да не дай Богъ овдовѣть; не плачетъ малый, не плачетъ убогій, а плачетъ да горюетъ вдовый».

Древнѣйшій бракъ не могъ заключаться въ цѣляхъ единенія всей жизни двухъ существъ. Онъ разсматривался прежде всего, какъ средство удовлетворенія потребностей мущины. Женщина служила этимъ потребностямъ. Отсюда многоженство, эта чрезвычайно распространенная форма брака. Она соединяется съ ясно выраженнымъ рабствомъ женщины. Обычай, по которому вдова умершаго дѣлается женою пережившаго родственника, объясняется взглядомъ на женщину, какъ на собственность; жены переходятъ къ наслѣдникамъ вмѣстѣ съ другими предметами собственности. Въ Конго жены и наложницы умершаго брата дѣлятся между пережившими; у Новозеландцевъ жены отца—переходятъ къ сыновьямъ (Спенсеръ, Основ. Соціологіи, 717, 730). Но многоженство доступно только лицамъ богатаго класса; у народовъ, допускающихъ многоженство, оно идетъ рука объ руку съ единоженствомъ для людей не богатыхъ. Кромѣ многоженства и единоженства встрѣчается еще поліандрія. У Тодасовъ, жителей Нейльгеррійскихъ горъ, поліандрія соединяется съ полигиніей. Нѣсколько братьевъ имѣютъ тамъ или одну жену, или нѣсколькихъ, и всѣ живутъ вмѣстѣ, подъ одною кровлей.

На островѣ Цейлонѣ наблюдаютъ чистую поліандрію, но также въ предѣлахъ одной семьи. Поліандрія въ предѣлахъ одной семьи находитъ свое объясненіе во взглядѣ на женщину, какъ на общую семейную собственность, которою родственники пользуются сообща.

Тѣмъ же взглядомъ на жену, какъ на собственность, надо объяснять и наблюдаемый у нѣкоторыхъ племенъ (у Эскимосовъ и нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ), обычай временно уступать своихъ женъ друзьямъ и даже предлагать ихъ въ видѣ угощенія гостямъ (Леббокъ, Начало Цивилизаціи, 93).

Указанія на нѣкоторыя другія формы брака можно найдти у Леббока, Начало Цивилизаціи 1876 г., и у Спенсера, Основанія Соціологіи, 1876 года.

Древній бракъ, служа главнымъ образомъ потребностямъ сильнѣйшей стороны, мущины, не могъ быть въ той же степени устойчивъ и неразрывенъ, какъ бракъ народовъ христіанскихъ. Продолжительность брачной связи зависѣла отъ усмотрѣнія мужа, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и господиномъ своей жены. Онъ могъ не только отпустить неугодную ему жену, но и продать ее, а въ Австраліи даже съѣсть. Но это еще не значитъ, что первобытнымъ народамъ вообще несвойственны сколько нибудь прочныя брачныя отношенія. Если между мужемъ и женою установлялось чувство взаимной привязанности, супружескія отношенія, конечно, длились также долго, какъ и въ окружающемъ насъ обществѣ.

На ряду съ приведенными формами брака имѣли мѣсто и чисто безпорядочныя половыя отношенія и, по весьма понятнымъ причинамъ, въ пропорціи несравненно превышающей ту, которая встрѣчается въ современномъ намъ обществѣ.

Вопросъ о первобытной формѣ брака въ послѣднее время привлекаетъ къ себѣ особое вниманіе изслѣдователей. Нѣкоторые, изъ нихъ (Бахофенъ, Мак-Леннанъ и Морганъ, см. Леббокъ Начало Цивилиз., 71) думаютъ, что человѣчество, прежде чѣмъ придти къ какимъ либо формамъ брака, хотя бы и очень несовершеннымъ, пережило состояніе совершеннаго отсутствія брака, которое они называютъ гетеризмомъ. Этому состоянію гетеризма Леббокъ «ради приличія» даетъ названіе «общиннаго брака», но не останавливается на этой чисто внѣшней поправкѣ, а немедленно вслѣдъ затѣмъ дѣлаетъ опредѣленіе общиннаго брака, какъ формы, при которой всѣ мущины и женщины каждой небольшой общины считаются въ супружествѣ между собой

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр. 2 л., 7,

(71). Хотя эта поправка, сдѣланная ради приличія, и не можетъ быть названа удачной, такъ какъ гетеризмъ и общинный бракъ, какъ опредѣляетъ его Леббокъ, не одно и то же, тѣмъ не менѣе мысль объ общинномъ бракѣ нашла нѣкоторое сочувствіе; нерѣдко приходится читать, что пережитое человѣчествомъ состояніе «гетеризма или общественнаго брака» безспорно доказано. Самъ Леббокъ думаетъ, что ему извѣстны «убѣдительныя доказательства» существованія общиннаго брака. Онъ приводитъ ихъ (65 стр.). На нашъ взглядъ они не очень убѣдительны и далеко не имѣютъ рѣшающаго значенія.

Первое мѣсто среди убѣдительныхъ доказательствъ отведено слѣдующему извѣстію. «На Андоманскихъ островахъ обычай предписываетъ мущинѣ и женщинѣ оставаться вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не будетъ отнятъ отъ груди; послѣ чего имъ кажется вполнѣ естественнымъ разойтись, и каждый пріискиваетъ себѣ новое лицо для брачнаго сожитія». Приведенный обычай не говоритъ ни въ пользу гетеризма, ни въ пользу общиннаго брака. Изъ него слѣдуетъ: 1) Обычай поддерживаетъ супружескую связь двухъ существъ въ теченіи извѣстнаго времени. 2) По истеченіи этого времени они могутъ разойдтись, но не обязаны къ тому и, слѣдовательно, могутъ продолжать жить вмѣстѣ, если удовлетворяютъ другъ друга. Нѣсколько ниже читаемъ: «Тигуры живутъ обширными общинами почти въ безразличномъ смѣшеніи и даже для тѣхъ лицъ, которыя считаются въ супружествѣ, брачныя узы существуютъ только по имени.» Изъ этого извѣстія слѣдуетъ, что Тигурамъ извѣстны «брачныя узы», но распущенность нравовъ такъ сильна у нихъ, что эти узы существуютъ только по имени. Совершенно однородные факты можно, къ сожалѣнію, привести и изъ жизни высоко цивилизованныхъ обществъ, къ которымъ никто не будетъ прилагать теорію общиннаго брака. Слѣдующія затѣмъ три страницы Леббокъ посвящаетъ извлеченію изъ мемуара Моргана „о происхожденіи классификаціонной системы родства“ и заключаетъ его слѣдующимъ выводомъ: „легко замѣтить, что дитя принадлежитъ здѣсь цѣлой группѣ, не имѣя болѣе близкаго отношенія ни къ своему отцу, ни къ своей матери, которые стоятъ къ нему въ такой же степени родства, какъ дяди и тетки; такимъ образомъ у каждаго ребенка бываетъ по нѣскольку отцовъ и матерей.“

Этотъ выводъ сдѣланъ на томъ основаніи, что въ языкѣ жителей Сандвичевыхъ острововъ слова „макуа вагена“ одинаково обозначаютъ: мать, ея сестеръ, всѣхъ свойственницъ и сестеръ отца, а слова „каике кана“ обозначаютъ: сына, племянниковъ, родныхъ

и двоюродныхъ, и внуковъ двоюродныхъ. Во время перваго посѣщенія Кукомъ Сандвичевыхъ острововъ дѣйствительныя отношенія тамошняго общества уже несоотвѣтствовали выводу, сдѣланному изъ недостаточной номенклатуры родства, а потому предполагается, что это соотвѣтствіе имѣло мѣсто въ эпоху болѣе древнюю. Если и допустить это предположеніе, все же мы получимъ не общинный бракъ, а соединеніе полигаміи и поліандріи въ предѣлахъ родственныхъ союзовъ. Но и такой выводъ нѣтъ основанія принять. Изъ недостатка особыхъ словъ въ языкѣ для обозначенія разныхъ видовъ и степеней родства и свойства нельзя еще заключать къ тому, что мужъ не различалъ своей жены отъ ея сестры, или жены брата, и что эти женщины безразлично замѣняли для него одна другую. На языкѣ тѣхъ же жителей Сандвичевыхъ острововъ дѣдъ и бабка одинаково обозначаются словомъ купуна; надо ли на этомъ основаніи предполагать, что было время, когда они дѣйствительно не различались? Не болѣе убѣдительны и другіе доказательства.

Ученые, усвоившіе мысль о первоначальномъ гетеризмѣ или общинномъ бракѣ, говорятъ о „стадномъ состояніи первобытныхъ человѣческихъ обществъ, при которомъ неизвѣстны союзы мужа и жены, родителей и дѣтей и родственниковъ другъ съ другомъ“.... Точкою отправленія при этомъ служитъ убѣжденіе въ томъ, что первоначальная жизнь человѣка на землѣ мало чѣмъ отличалась отъ жизни животныхъ. Крайне низкое состояніе культуры первобытныхъ народовъ, конечно, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Но и среди животныхъ есть парныя. Птицы (самецъ и самка) дѣлаютъ общими силами гнѣздо, общими силами выкармливаютъ они дѣтей и, наконецъ, вмѣстѣ учатъ ихъ летать. Пешель (Völkerkunde, 1874, стр. 238), со словъ одного путешественника, передаетъ фактъ семейной жизни обезьянъ. Это семейство состояло изъ мужа, жены и двухъ дѣтей разныхъ возрастовъ. Животнымъ свойственно чувство ревности и, слѣдовательно, стремленіе къ исключительному обладанію самкой. Нѣтъ, поэтому, надобности предполагать для человѣка такое общее доисторическое состояніе, которое не было общимъ даже у животныхъ.

Переходимъ къ русскому праву.

Личныя отношенія супруговъ.

Нашъ древній бракъ, насколько о немъ можно судить по нѣкоторымъ отрывочнымъ извѣстіямъ, не есть союзъ двухъ равно-

правныхъ существъ: вступая въ бракъ, женщина поступала подъ власть мужа. Въ этомъ удостовѣряютъ нѣкоторые старинные брачные обряды и теперь сохранившіеся. Къ такимъ обрядамъ принадлежитъ обрядъ разуванія: молодая должна была разуть своего мужа. Рогнѣда не хотѣла выдти замужъ за Владиміра по той причинѣ, что онъ былъ сынъ рабыни, а она находила для себя оскорбительнымъ «разути рабынича». Въ этомъ актѣ выражается взглядъ на женщину, какъ на слугу; это символическое выраженіе отношенія жены къ мужу, какъ рабыни. Несомнѣнно, что къ X—XI в., къ которому относится приведенное свидѣтельство, въ княжескихъ и боярскихъ семьяхъ жены не были не только рабынями, но и слугами; но обычай разуванія есть остатокъ древности, показывающій, что было время, когда жена была рабынею мужа. Этотъ обычай сохранился и теперь на Украйнѣ, гдѣ новобрачная снимаетъ сапоги своего мужа, а онъ ударяетъ ее голенищами по спинѣ, что означаетъ право его наказывать жену.

Подчиненность жены мужу выражается и въ обычаѣ передачи новобрачной отцомъ будущему мужу изъ рукъ въ руки, какъ передается собственность, о чемъ говоритъ Котошихинъ. Въ Казанской губерніи и теперь новобрачная передается изъ полы въ полу. Здѣсь совершается какъ-бы передача изъ рукъ въ руки права собственности. На переходъ въ неволю указываютъ и другіе обычаи, сопровождающіе обрядъ бракосочетанія; напримѣръ наложеніе новобрачной повязки на голову. Изъ народныхъ пѣсенъ видно, что символомъ свободы была распущенная, вольная коса, украшенная лентами, символомъ подчиненія—повязка. По малороссійскому обычаю, новобрачная должна противиться наложенію повязки. Присутствующіе при этомъ «дружки» мужа, видя сопротивленіе невѣсты, кричатъ: «бояре до сабель!» и силою принуждаютъ ея подчиниться. Изъ подчиненія жены власти мужа вытекаетъ право мужа наказывать жену. Это выражается въ сохранившемся до сего времени въ Костромской губерніи обрядѣ: послѣ вѣнчанія отецъ ударяетъ слегка новобрачную плетью по спинѣ три раза и затѣмъ передаетъ плеть новобрачному, который дѣлаетъ то-же. Въ предшествующей главѣ мы высказали уже предположеніе, что въ случаѣ прелюбодѣянія жена могла быть убита мужемъ безнаказанно.

Въ связи съ подчиненнымъ значеніемъ женщины стоитъ и самая форма брака. Когда жена считалась слугою мужа, форма брака была полигамическая. Указанія на полигамію встрѣчаются какъ въ нашихъ памятникахъ, такъ и въ памятникахъ запад-

ныхъ Славянъ и Германцевъ. Нашъ начальный лѣтописецъ говоритъ, что Сѣверяне, Радимичи и Вятичи имѣли по 2 и по 3 жены. Влидиміръ Святой имѣлъ 6 женъ и много наложницъ. Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей стараются смягчить свидѣтельство начальной лѣтописи, утверждая, что если у насъ и существовало многоженство, то только въ рѣдкихъ случаяхъ, преобладала же моногамія. Но это уже вопросъ факта, а не права. Право въ томъ, что каждый могъ имѣть нѣсколько женъ, и если въ дѣйствительности не всѣ имѣли по нѣсколько женъ, это объясняется различіемъ экономическаго положенія. Чтобы пріобрѣсти многихъ женъ, нужно было имѣть достаточныя средства, а ихъ имѣлъ не всякій.

Съ принятіемъ христіанства взглядъ на подчиненіе жены мужу долженъ былъ нѣсколько смягчиться, а во взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ должно было проявиться болѣе равенства, чѣмъ это было возможно прежде. Это видно изъ того, что сохраненіе супружеской вѣрности сдѣлалось обязательно и для мужа. Но принципіально и въ христіанскомъ бракѣ жена остается подъ властью мужа. Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи дѣтямъ говоритъ: «жену свою любите, но не дайте ей надъ собою власти».

Изъ начала зависимости жены отъ мужа слѣдуетъ, что личное положеніе жены опредѣляется положеніемъ ея мужа, т.-е. жена князя становится княгиней, жена боярина боярыней, крестьянина—крестьянкой, попа — попадьей и т. д. Изъ этого общаго правила древнее право наше знаетъ одно исключеніе: свободный человѣкъ, вступавшій въ бракъ съ рабыней безъ ряду съ ея господиномъ, не только не сообщалъ ей свободы, но и самъ становился холопомъ (Рус. Пр. Тр. сп. ст. 103). Но свобода жены-рабыни могла быть выговорена по соглашенію съ ея господиномъ.

Имущественныя отношенія супруговъ.

Объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ памятники 1-го періода содержатъ очень не многое, и то, что въ нихъ внесено, было, можетъ быть, формулировано не безъ вліянія греко-римскаго права.

Имущественныя отношенія супруговъ въ римскомъ правѣ подвергались съ теченіемъ времени значительнымъ измѣненіямъ. Древнѣйшее состояніе этого вопроса было такое:

жена, выходя замужъ, поступала подъ власть мужа, становилась какъ-бы его дочерью (filiæ loco). При такомъ бракѣ имущество жены составляло собственность мужа. Съ теченіемъ времени возникъ свободный бракъ, т.-е. безъ перехода жены подъ власть мужа. Это отразилось и на имущественной сторонѣ: имущество жены стало разсматриваться какъ совершенно самостоятельное. Въ этомъ свободномъ бракѣ всѣ издержки брачной жизни лежатъ на мужѣ. Еще позднѣе возникаетъ дотальная система: жена или ея родственники приносятъ приданое (dos) въ обезпеченіе издержекъ семейной жизни, а мужъ предбрачный даръ, ante nuptias donatio. Кромѣ приданаго и дара у супруговъ могло быть и другое имущество, но «приданое» и «даръ» составляли брачное имущество, которое находилось въ управленіи мужа и изъ доходовъ котораго обезпечивались нужды брачной жизни. Право мужа управлять имуществомъ было ограничено въ томъ смыслѣ, что имущество должно быть сохранено въ цѣлости, ибо имъ обезпечивалось содержаніе семейства. Это единеніе брачнаго имущества продолжалось до конца брака. Въ случаѣ прекращенія брака, приданое поступало къ женѣ или ея наслѣдникамъ, предбрачный даръ—мужу или его наслѣдникамъ; впрочемъ, путемъ соглашенія, могли быть приняты мѣры, чтобы одинъ изъ супруговъ получилъ часть изъ имущества, принадлежавшаго другому (Захаріе, Geschichte des griechisch-römischen Rechts, 1877, стр. 64 сл.; Неволинъ, Истор. рос. гражд. законовъ, I, 87 сл.). Постановленія о дотальной системѣ вышли и въ тѣ сборники свѣтскаго права, которыя содержатся въ нашихъ кормчихъ.

Для сравненія укажемъ еще на систему, которая развилась въ германскомъ правѣ, систему «единенія имуществъ супруговъ въ бракѣ» (Gütereinheit.). Вопросъ о юридической конструкціи этого единенія или общенія сторонъ споренъ. Слѣдуемъ Герберу (System des deutschen Privatrechts). Бракъ производитъ единеніе жизни, поэтому цѣлямъ брака должно служить имущество той и другой стороны. Разница этой системы отъ дотальной состоитъ въ томъ, что здѣсь цѣлямъ брака должно служить все имущество супруговъ, при чемъ цѣли брака понимаются гороздо шире, чѣмъ по римскому праву. Соединенное имущество обезпечиваетъ не одни только издержки по дому и воспитанію дѣтей, но можетъ служить и для промышленныхъ предпріятій. Права мужа и жены на это соединенное имущество не мѣняются въ бракѣ: жена собственница своего имущества; но пока продолжается бракъ, хозяйничаетъ и распоряжается имуществомъ мужъ. Движимое иму-

щество жены онъ продаетъ безъ ея согласія; для продажи недвижимаго долженъ имѣть согласіе жены, кромѣ случаевъ крайней нужды. Своимъ—мужъ распоряжается неограниченно, какъ и до брака. Съ прекращеніемъ брака каждая изъ сторонъ получала свое имущество и если оказывалось, что мужъ употребилъ часть его не на цѣли брака, жена имѣетъ право на удовлетвореніе. Нѣкоторые писатели конструируютъ имущественныя отношенія супруговъ въ видѣ Gütergemeinschaft, т.-е. въ видѣ общаго имущества. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, мужъ не можетъ продавать недвижимостей ни своихъ, ни жениныхъ безъ согласія жены, кромѣ случаевъ крайности. Въ случаѣ смерти супруговъ наличность дѣлится независимо отъ того, кто сколько принесъ, а все какъ общая собственность (Brunner у Гольцендорфа, I, 181). Такимъ образомъ въ германскомъ правѣ встрѣчаемся съ разными формами единенія имуществъ супруговъ. Цѣль, къ которой стремится германское право, совершенно вѣрная. Несогласно съ существомъ брака, чтобы имущество супруговъ оставалось совершенно раздѣльнымъ; необходимо чтобы единенію семейной жизни соотвѣтствовалъ и нѣкоторый видъ единенія имуществъ.

Но изложенныя отношенія супруговъ по германскому праву образовались весьма поздно, никакъ не ранѣе XV вѣка. Въ древнѣйшее же время они представляются въ другомъ видѣ. По такъ называемымъ варварскимъ законамъ (leges barbarorum) одному мужу принадлежало право владѣнія, пользованія и даже распоряженія тѣмъ имуществомъ, которое жена приносила съ собою въ бракъ. По законамъ Бургундовъ эта система должна была примѣняться даже къ женщинамъ римскаго происхожденіе (Zoepfl, 612).

Переходимъ къ русскому праву. Изъ Русской Правды видно, что родственники (родители и братья), выдавая своихъ родственницъ замужъ, надѣляли ихъ, какъ могли (Тр. сп. ст. 85, 89). На такой же обычай указываетъ и начальный лѣтописецъ, говоръ о бракѣ Полянъ. Жены, такимъ образомъ, приносили съ собой въ бракъ нѣкоторое имущество. Изъ Русской же Правды можно вывести, что послѣ прекращенія брака имущество жены поступало къ ея наслѣдникамъ даже въ томъ случаѣ, еслибы мужъ что либо изъ этого имущества далъ своей второй женѣ. Это слѣдуетъ изъ той статьи, которая говоритъ о судьбѣ имущества матери послѣ ея и мужа ея смерти: «будутъ ли дѣти, то что первое жены (что осталось отъ первой жены), то то возмутъ дѣти матере своея; любо си на жену будетъ възложилъ, обаче

матери своей возмуть» (Тр. 88). Въ томъ же смыслѣ высказывается и Псковская судная грамота. Она предоставляетъ вдовѣ право искать на родственникахъ своего умершаго мужа «скруты своей или платья» (91), т.-е. движимостей, съ которыми она была выдана замужъ.

О судьбѣ имущества во время брака, о томъ, кто имѣлъ право управлять имъ и распоряжаться, наши древнѣйшіе домосковскіе источники не говорятъ ни слова. Неволинъ думаетъ, что съ древнѣйшихъ временъ у насъ существуетъ полная раздѣльность имущества супруговъ. Онъ выводитъ это изъ того, что памятники не заключаютъ никакого ограниченія относительно права жены распоряжаться своимъ имуществомъ. Основаніе это трудно принять. Въ памятникахъ дѣйствительно не говорится объ ограниченіи правъ женъ, но на молчаніи древнихъ памятниковъ нельзя строить никакой теоріи, — они вовсе не исчерпываютъ своего предмета. Въ церковномъ уставѣ Владиміра Святаго въ числѣ дѣлъ, подлежащихъ церковному суду, упомянуто «пошибаніе между мужемъ и женою о животѣ», т.-е. споръ между мужемъ и женою о движимостяхъ. Какъ же духовенство рѣшало эти споры? Надо думать, что оно рѣшало ихъ по византійскому праву [1]); а по византійскому праву мужъ былъ хозяиномъ приданаго и могъ имъ распоряжаться въ цѣляхъ брака. По этому сомнительно, чтобы духовенство споры супруговъ о движимостяхъ рѣшало въ смыслѣ признанія за женой права неограниченнаго распоряженія своими движимостями.

Самая возможность тяжбъ жены съ мужемъ объ имуществахъ возникла у насъ, конечно, подъ вліяніемъ византійскаго права. Трудно думать, чтобы такія тяжбы допускались народными русскими воззрѣніями, съ точки зрѣнія которыхъ жена состояла во власти мужа, должна была служить ему и могла быть имъ наказываема. А если это такъ, то понятно, что имущественныя права жены свою первую юридическую конструкцію получили въ практикѣ духовныхъ судовъ и, слѣдовательно, подъ вліяніемъ византійскихъ началъ [2]). Такое происхожденіе должна имѣть и

---

[1]) Изъ дѣлъ бывшаго архіерейскаго архива, находящихся въ Холмогорскомъ Преображенскомъ соборѣ, видно, что споры о приданомъ разрѣшались архіепископомъ Холмогорскимъ въ началѣ XVIII в. на основаніи моисеевыхъ законовъ, Градскихъ законовъ и Эклоги; это въ XVIII в., послѣ изданія уложенія; необходимость обращаться къ кормчей во времена болѣе древнія была еще ощутительнѣй. Ефименко, Приданое по обычному праву крестьянъ Архангельской губерніи, 1873, стр. 81.

[2]) Холмогорецъ Ѳедоръ Якимъ въ 1711 г., возставая противъ иска тещи своей о выдачѣ ей приданаго ея умершей дочери, а своей жены, упоминаетъ „брачнаго своего дара два полотенца“, это, конечно, propter nuptias donatio. П. Ефименко, Придан. по обыч. праву Арх. Губ., стр. 79.

приведенная выше статья Русской Правды, которая есть не что иное, какъ своеобразная передача слѣдующаго постановленія Эклоги: «такоже и мужеви во ино совокупленіе приходящу, ни что же отъ первыя ему жены пріяти. Аще ли суть безъ возраста дѣти, тѣхъ вещи хранити ему, дондеже совершени будутъ. Аще ли сіи совершени будутъ, подати имъ оттолѣ уже матери ихъ совершенныя вещи (Кормч. II ч., стр. 178).

Но хотя первый шагъ къ огражденію имущественныхъ правъ жены и былъ сдѣланъ подъ вліяніемъ византійскаго права, это не значитъ, однако, что имущественныя отношенія супруговъ опредѣлились у насъ исключительно рамками римской дотальной системы. Изъ памятниковъ московской эпохи видно, что имущественныя отношенія супруговъ опредѣлялись народными обычаями очень различно (см. соотвѣтствующій отдѣлъ во II части).

Вопросъ объ отвѣтственности жены за долги мужа и по памятникамъ перваго періода рѣшался не одинаково. По договору Новгорода съ Нѣмцами 1270 года жена отвѣчала за долги мужа въ томъ только случаѣ, если ручалась за него. Эту статью можно считать новогородской, а не нѣмецкой, на томъ основаніи, что по нѣмецкому проекту договора жена должна была отвѣтствовать безусловно за долги мужа (Андреевскій, о договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами, ст. XXI). Наоборотъ, по Псковской судной грамотѣ вдова изорника отвѣчала предъ господиномъ за долгъ своего мужа, если и не участвовала въ его обязательствѣ (85). Въ Русской Правдѣ о разбойникѣ сказано: „выдавать и́ всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ и на разграбленіе“ (Тр. 5). Вину совершилъ мужъ, а отвѣтственность падаетъ на все семейство, конфискуется все имущество, хотя бы что принадлежало и женѣ. Тотъ же смыслъ имѣетъ и 6 ст. договора смоленскаго князя Мстислава съ Нѣмцами: „оже разгнѣвается князь на своего человѣка, ..., а отимьть князь все, женоу и дѣти оу холъпство“.....; или по рижской редакціи: „аще князь възвержеть гнѣвъ на Роусина, повелить его разграбити съ женою и съ дѣтьми“..... По Готландской редакціи жена, за вину мужа, идетъ въ холопство и, слѣдовательно, лишается своего имущества; по рижской—конфискуется имущество мужа и жены безразлично (ст. 6). Неволинъ, утверждая, что по нашему древнему праву жена не отвѣчаетъ за вину и долги своего мужа, указываетъ, между прочимъ, на статью договора Олега съ Греками, по которой жена убійцы удерживаетъ за собой то имущество, которое принадлежитъ ей по закону. Въ этой статьѣ нѣтъ основанія видѣть русское право. Она имѣетъ въ виду не

столько огражденіе правъ русскихъ женъ, сколько греческихъ, и, конечно, составлена Греками (см. выше, стр. 110 и сл., 116 и сл.). Подтвержденіе своей мысли Неволинъ видитъ и въ статьѣ Русской Правды: «Аже холопъ крадеть кого либо, то господину выкупати й, любо выдати и съ кимъ будетъ кралъ; а женѣ и дѣтямъ не надобѣ. Но оже будуть съ нимъ крали и хоронили, то всѣхъ выдати» (Тр. 115). Въ данномъ случаѣ невинная жена и дѣти не выдаются съ мужемъ. Но статья имѣетъ въ виду холоповъ, а не свободныхъ людей. Этимъ она и объясняется. Выдача съ мужемъ невинной жены и дѣтей увеличила бы только убытки невиновнаго въ преступленіи своего раба господина. Эта статья, слѣдовательно, имѣетъ цѣлью оградить права господина отъ лишнихъ убытковъ; а потому въ ней скорѣе есть основаніе видѣть подтвержденіе, путемъ исключенія, общаго правила объ отвѣтственности жены и дѣтей за дѣянія мужа и отца, чѣмъ доказательство ихъ безотвѣтственности.

Такимъ образомъ наша древняя практика по вопросу объ отвѣтственности жены за мужа слѣдуетъ двумъ разнымъ направленіямъ. Порядокъ новогородскій возникъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ византійскаго права [1]). Во второмъ направленіи надо видѣть остатокъ русскихъ народныхъ воззрѣній на бракъ, съ точки зрѣнія которыхъ жена не имѣла ни личной, ни имущественной самостоятельности, а потому и должна была раздѣлять его участь. Ссылку жены вмѣстѣ съ мужемъ по 5 ст. Русской Правды Неволинъ объясняетъ тѣмъ, что бракъ ссылкою мужа для жены не прекращался (100). По всей вѣроятности онъ разумѣетъ здѣсь христіанскій бракъ. Въ такомъ предположеніи нѣтъ надобности. Съ мужемъ ссылаются не только жена, но и дѣти. Въ рижской же редакціи Мстиславова договора говорится не о ссылкѣ мужа съ женою, а о разграбленіи ихъ, т.-е. конфискаціи имущества мужа и жены. Этого уже никакъ нельзя вывести изъ нерасторжимости христіанскаго брака. Всѣ эти правила совершенно удовлетворительно объясняются до христіанскими воззрѣніями на бракъ и семейство, по которымъ жена и дѣти принадлежатъ мужу, не имѣютъ независимаго отъ него бытія, а потому и раздѣляютъ его участь, какъ личную, такъ и имущественную.

Мы не хотимъ этимъ сказать, что положеніе женъ въ древней Россіи было всегда подавленное деспотической властью мужа.

---

[1]) Въ Эклогѣ читаемъ: «Аще кто имѣя жену, возметъ взаимъ отъ нѣкоего, и аще не можетъ сихъ творити возданія, неповинена будетъ жена его отъ пристроя своего подати заимодавцу, аще не обрящется волею въ такомъ долзѣ поручившися по мужѣ своемъ». Корм. ч. II, стр. 189).

Это уже вопросъ факта, а не права. Владиміръ Мономахъ не даромъ совѣтуетъ своимъ сыновьямъ не давать надъ собой власти женамъ. Были, значитъ, мужья, которыя подчинялись женамъ. Но если бы такой мужъ сталъ на разбой, или заслужилъ гнѣвъ князя по какой другой причинѣ, его жена всетаки была бы лишена своего имущества и послѣдовала бы въ ссылку за мужемъ.

Установленіе брака.

Въ глубокой древности бракъ заключался чрезъ похищеніе. Похищеніе есть насильственный уводъ дѣвицы съ намѣреніемъ сдѣлать ее женой. Съ цѣлью похищенія женихъ и его друзья вступаютъ въ открытую борьбу съ семействомъ невѣсты и его друзьями. Бракъ чрезъ похищеніе предполагаетъ крайне не замиренное состояніе общества. На существованіе въ глубокой древности такого порядка заключенія брака находимъ указанія и въ жизни теперешнихъ дикарей и въ историческихъ памятникахъ цивилизованныхъ народовъ. У нѣкоторыхъ дикарей происходятъ настоящія войны изъ-за женъ; у другихъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жизнь приняла болѣе спокойное теченіе, сохранилась въ обычаяхъ и обрядахъ память о похищеніи (женихъ долженъ поймать невѣсту; не принято, чтобы тещи разговаривали съ зятемъ, даже при встрѣчѣ смотрѣли на него и пр.). У историческихъ народовъ также встрѣчаются слѣды обычая похищенія. Такъ напр. у нѣкоторыхъ южныхъ Славянъ поѣздъ жениха, отправляющагося въ домъ невѣсты, называется полкомъ, а во главѣ его стоитъ тысяцкій. Эти наименованія указываютъ на то, что было время, когда женъ доставали войною, когда за невѣстой дѣйствительно отправлялся полкъ, во главѣ котораго стоялъ тысяцкій. Въѣзжая въ село, поѣзжане спрашиваютъ сельскаго судью: «можно-ли войти въ село нѣсколькимъ чужеземцамъ?» Судья отвѣчаетъ: «пусть войдутъ, только бы они пощадили стариковъ и малыхъ дѣтей«. Въ древности, значитъ, дѣло не обходилось безъ жертвъ.

Возникновеніе такого способа установленія брака стоитъ въ тѣсной связи съ воинственнымъ (разбойническимъ) бытомъ первобытныхъ народовъ. Войны съ цѣлью наживы ведутся не только между разными племенами, но и среди одного и того же племени. Счастливый побѣдитель возвращается съ добычей и плѣнницами. Лучшія изъ нихъ становятся его женами. Въ глазахъ

первобытнаго человѣка имѣть женъ, добытыхъ силою своей руки, есть предметъ гордости. Это особое отличіе людей сильныхъ, храбрыхъ, предпріимчивыхъ. Желаніе сравняться съ ними вызываетъ подражаніе. Таково одно изъ условій, которое могло повести къ возникновенію обычая похищать женъ (Спенсеръ, Основы Соціологіи, 687). Рядомъ съ нимъ могли быть и другія. Родители и родственники, нуждаясь въ готовой рабочей силѣ, могли не давать своихъ дочерей и родственницъ въ замужество даромъ. Желающему имѣть жену надо было или купить ее, или взять силой. Наконецъ, въ брачныхъ обрядахъ нѣкоторыхъ народовъ замѣчаются слѣды неохотнаго вступленія дѣвицъ въ брачную связь. У Эскимосовъ принято выражать отвращеніе къ брачному предложенію, чтобы не потерять репутаціи скромности. У Бушменовъ невѣста бранитъ жениха и его друзей; у Арабовъ она защищается отъ нихъ даже камнями и должна плакать и рыдать, приближаясь къ стану жениха; чѣмъ болѣе выказываетъ она энергіи въ сопротивленіи, тѣмъ болѣе хвалятъ ее подруги (Спенсеръ, 690). Эти обычаи легко объясняются естественнымъ чувствомъ страха передъ перемѣной положенія уже извѣстнаго, привычнаго, а потому и милаго, на новое неизвѣстное. Это естественное чувство опасенія передъ неизвѣстнымъ будущимъ могло вызывать, при нѣкоторыхъ условіяхъ, дѣйствительное сопротивленіе дѣвицъ вступленію въ бракъ, слѣды котораго и сохранились въ приведенныхъ обрядахъ; а это сопротивленіе, въ свою очередь, дѣлало необходимымъ насильственный уводъ.

Въ нашихъ источникахъ также находимъ указанія на похищеніе.

О Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ начальный лѣтописецъ говоритъ: «живяху какъ звѣри и браци не бываху у нихъ, по игрища межи селъ: схожахуся на игрища, на плясанье и ту умыкиваху жены собѣ, съ нею же кто свѣщашеся». Здѣсь говорится объ умычкѣ, но не въ смыслѣ дѣйствительнаго похищенія, а только обряда. Радимичи, Вятичи и Сѣверяне прежде сговариваются съ дѣвицей, она даетъ свое согласіе, а потомъ уже происходитъ похищеніе. Такое обрядовое похищеніе, удержавшееся какъ переживаніе, встрѣчается въ Славоніи и Кроаціи (Буслаевъ, Письмо къ автору Исторіи Россіи съ древн. врем.), гдѣ ему также предшествуетъ соглашеніе. О Древлянахъ лѣтописецъ говоритъ: «убиваху другъ друга и брака у нихъ не бываше [1]), но умыкиваху у воды дѣвици жоны собѣ». Нѣкото-

[1]) Слова начальной лѣтописи «брака у нихъ не бываше» Шульгинъ понимаетъ въ смыслѣ общенія женъ (4). Онъ слѣдуетъ при этомъ Козьмѣ Праж-

рые изслѣдователи видятъ здѣсъ указаніе на дѣйствительное похищеніе; упоминаніе же о водѣ объясняютъ, какъ намекъ на удобный для похищенія моментъ въ то время, когда дѣвица идетъ за водой. Это объясненіе слишкомъ искусственное. Изъ другихъ памятниковъ мы знаемъ, что вода въ древности имѣла религіозное значеніе. Митрополитъ Іоаннъ (XII в., Русск. достопам. I) говоритъ о бракахъ простыхъ людей (не князей и бояръ), которые совершаются безъ церковнаго вѣнчанія, а чрезъ посредство плесканія водой. Подобное свидѣтельство имѣемъ и отъ конца XIII в. Въ правилѣ Кирилла митрополита написано: «Слышахомъ въ предѣлахъ Новогородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ, и нынѣ не велимъ тому тако быти или то проклинати повелѣваемъ». На священное значеніе воды указываетъ и воспрещеніе церковнаго устава Владиміра «молиться у воды». Это древнее религіозное значеніе воды сохранилось до нашихъ дней въ народныхъ обычаяхъ. Въ Архангельской губерніи, передъ приходомъ жениха на дѣвичникъ, черпаютъ изъ колодезя кувшинъ воды и ставятъ его на полати, но такъ, чтобы женихъ прошелъ подъ кувшиномъ. У Болгаръ посаженый отецъ и женихъ бросаютъ деньги въ котелъ, наполненный водой (Буслаевъ, тамъ же). Въ виду этихъ свидѣтельствъ, въ похищеніи Древлянами женъ у воды надо также видѣть обрядовое похищеніе, при которомъ имѣли мѣсто и нѣкоторыя религіозныя дѣйствія «плесканіемъ» воды.

На основаніи сохранившихся до нашихъ дней брачныхъ обрядовъ, надо думать, что въ языческихъ религіозныхъ дѣйствіяхъ, сопровождавшихъ бракъ, нѣкоторая роль принадлежала еще и огню. Въ Россіи и теперь кой-гдѣ, въ ожиданіи жениха, передъ домомъ невѣсты зажигаютъ костры. Женихъ съ поѣзжанами должны перескочить черезъ эти костры. Въ Болгаріи сватъ, войдя въ избу невѣсты, загребаетъ уголья въ печи, прежде чѣмъ приступаетъ къ сватовству. У Сербовъ молодая, возвратившись отъ вѣнца, обходитъ три раза кругомъ очага, а затѣмъ потрясаетъ горящимъ полѣномъ.

Религіозное освященіе брака возникло у насъ еще до христіанства.

Нѣкоторые изслѣдователи въ выраженіи пѣсни: «во чистомъ полѣ женитися, вкругъ ракитова куста вѣнчатися», также усматри-

---

скому, который о Чехахъ XI в. говоритъ: Vivebant enim quasi bruta animalia, connubia habentes communia. Такимъ образомъ, какъ огульное уравненіе человѣка съ звѣрями, такъ и мысль объ общихъ бракахъ не составляютъ изобрѣтенія современной науки, на этой точкѣ зрѣнія стояли и старые лѣтописцы—монахи.

ваютъ преданіе языческаго обряда. Это сомнительно. Здѣсь, кажется, надо видѣть позднѣйшую пародію на обрядъ церковнаго вѣнчанія.

О Полянахъ лѣтописецъ говоритъ, что у нихъ были брачные обычаи, и затѣмъ приводитъ слѣдующее: «не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней, что вдадуче».

Здѣсь нѣтъ даже обрядоваго похищенія, а родители сами приводятъ невѣсту въ домъ жениха. Вторая половина свидѣтельства допускаетъ возможность двоякаго пониманія: 1) на другой день женихъ приноситъ родителямъ плату за невѣсту, 2) на другой день приносятъ въ домъ жениха приданое невѣсты.

И то и другое пониманіе находитъ подтвержденіе въ нашихъ источникахъ. Изъ Русской Правды мы знаемъ, что братья даютъ приданое за сестрой. Изъ начальной лѣтописи видно, что за женъ платилось вѣно. О Владимірѣ Св. сказано, что онъ «вдастъ за вѣно Грекамъ Корсунь царицѣ дѣля». И еще: «вдастъ Ярославъ сестру свою за Казиміра, и вдастъ Казиміръ за вѣно людій 800, яже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава». Слово вѣно происходитъ отъ глагола вѣнити, который значитъ цѣнить, покупать: «не пять ли птицъ вѣниться пѣнязема двѣма». Въ народныхъ обрядахъ и до нашихъ дней женихъ разсматривается какъ купецъ, а невѣста какъ товаръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и теперь берется плата за невѣсту. Въ Нерехтѣ крестьяне почитаютъ за безчестье отдать дочь безденежно. Чѣмъ выше цѣна, тѣмъ болѣе чести для невѣсты.

Первое пониманіе представляется, однако, болѣе вѣроятнымъ. Трудно объяснить, почему приданое приносится на другой день. Состоя изъ движимостей ежеминутно нужныхъ, оно должно было сопровождать невѣсту, или даже предшествовать ея появленію въ домѣ будущаго мужа. Уплата же вѣна на другое утро находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что цѣна за невѣсту могла вноситься по осуществленіи брака, а не прежде. Это находитъ себѣ нѣкоторую аналогію въ утреннемъ подаркѣ (Morgengabe) Германскаго права; подарокъ этотъ подносился молодой женѣ утромъ послѣ первой ночи.

Вотъ и все, что говоритъ лѣтописецъ о брачныхъ обычаяхъ Полянъ. Можно думать, что онъ не все сказалъ, что можно было сказать. Если у Древлянъ, которыхъ онъ ставитъ ниже Полянъ, бракъ сопровождался уже нѣкоторыми религіозными обрядами, можно ли думать, что такихъ обрядовъ не знали Поляне?

Эти приводимыя по полянскому обычаю жены, такъ и назывались «водимыми женами». Лѣтописецъ, перечисляя женъ Владиміра, говоритъ: «и быша ему водимыя» а затѣмъ идетъ перечисленіе пяти женъ. Водимымъ женамъ онъ противополагаетъ наложницъ.

Изъ разобранныхъ мѣстъ лѣтописи слѣдуетъ:

1) До-христіанскій бракъ установлялся при посредствѣ языческихъ религіозныхъ обрядовъ. У нѣкоторыхъ племенъ онъ сопровождался обрядовымъ похищеніемъ, у другихъ—слѣдовъ похищенія не сохранилось даже и въ обрядѣ.

2) Въ бракъ вступали въ возрастѣ, въ которомъ были уже возможны супружескія отношенія. Изъ свидѣтельства о Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ слѣдуетъ заключить, что иногда, по крайней мѣрѣ, молодые люди сами выбирали себѣ невѣстъ, а молодые дѣвицы—жениховъ.

3) Слѣды похищенія, сохранившіеся въ обрядахъ, указываютъ на то, что браку, описанному лѣтописцемъ, предшествовалъ болѣе древній, совершавшійся путемъ дѣйствительнаго похищенія. На это дѣйствительное похищеніе встрѣчаемъ указанія и въ нѣкоторыхъ обрядахъ, дожившихъ до нашего времени.

Въ Тверской губерніи предъ отправленіемъ поѣзда жениха въ домъ невѣсты, женихъ становится на сковороду, а кругомъ его размѣщаются дружки, ставя правую ногу также на сковороду; дружки клянутся: «стоять другъ за друга, братъ за брата, за единую каплю крови». Что значитъ здѣсь сковорода—трудно сказать, но значеніе клятвы совершенно ясно: въ прежнее время, отправляясь похищать невѣсту, приготовлялись къ войнѣ и потому давали другъ другу клятву защищать другъ друга до послѣдней возможности.

Хотя нашъ начальный лѣтописецъ говоритъ о похищеніи только въ смыслѣ обряда, но трудно думать, чтобы въ описываемое имъ время у насъ не встрѣчалось уже случаевъ дѣйствительнаго похищенія. Умыканіе въ Сербіи (отмица), въ смыслѣ настоящей войны дожило до XIX вѣка. Похитители нападаютъ ночью, силою овладѣваютъ родственниками невѣсты, вяжутъ братьевъ, отца; невѣсту, если она сопротивляется, бьютъ «какъ вола на капустѣ». На помощь къ семейству невѣсты сбѣгается вся деревня, бываютъ раненые и убитые. Въ 1805 году погибли: братъ дѣвицы и одинъ изъ похитителей. Если похищеніе удается, похитителей преслѣдуютъ до ихъ деревни, гдѣ они открываютъ мирные переговоры. Если дѣло не улаживается миромъ, обиженные обращаются въ судъ (Буслаевъ, тамъ же).

4) Въ обрядъ заключенія до христіанскаго брака входилъ и взносъ платы за невѣсту. Возникновеніе такой платы должно относиться къ глубокой древности, именно къ тому времени, когда еще господствовало дѣйствительное похищеніе. Если сторонники семейства, изъ котораго было совершено похищеніе, были достаточно сильны, они, конечно, не успокоивались на совершившемся фактѣ, а преслѣдовали похитителей. Для ихъ замиренія похитителямъ надо было предложить выкупъ. Такъ, надо думать, возникло вѣно, уплата цѣны дѣвицы, которая по германскому праву равнялась ея вирѣ.

На основаніи нашихъ источниковъ мы не имѣемъ возможности утверждать, чтобы у насъ была особая, самостоятельная форма установленія брака покупкой жены. Въ германскомъ же правѣ бракъ установлялся именно покупкой: мужъ долженъ былъ купить право власти (Mundium) надъ женщиной у того лица, которому это право принадлежало до брака. Съ этой цѣлью онъ долженъ былъ уплатить цѣну (pretium) женщины, которая, обыкновенно, равнялась ея вирѣ. Покупкой заключенные браки назывались connubia venalia. По народнымъ воззрѣніямъ они считались болѣе обезпечивающими права мужа надъ женой, чѣмъ браки, заключенные безъ взноса цѣны женщины (Zöpfl, Deutsche Rechtsgeschichte, стр. 584 и сл.).

Хотя наши источники и не говорятъ о куплѣ женъ (Frauenkauf), какъ особомъ способѣ установленія брака, но пріобрѣтеніе женъ покупкой до такой степени гармонируетъ съ древнимъ взглядомъ на жену, какъ слугу, что можетъ быть и у нѣкоторыхъ русскихъ Славянъ бракъ установлялся простою куплею, по крайней мѣрѣ прежде того времени, когда сложился обычай освященія брака плесканіемъ воды и другими религіозными дѣйствіями.

Съ принятіемъ христіанства къ намъ вводится греко-римскій порядокъ установленія брака. Римскому браку, обыкновенно, предшествовалъ сговоръ или обрученіе (sponsalia). Это былъ гражданскій актъ, состоявшій въ томъ, что стороны, желавшія вступить между собою въ бракъ, давали другъ другу обѣщаніе дѣйствительно осуществить современемъ это свое намѣреніе. Для укрѣпленія сговора одна изъ сторонъ давала другой задатокъ (arrha). Неисполненіе принятаго стороною брачнаго обязательства вело, по Юстиніанову законодательству, для стороны давшей задатокъ — къ его потерѣ, а для стороны принявшей — къ возвращенію двойной цѣны задатка. Съ утвержденіемъ христіанства вѣрующіе стали приглашать духовенство къ участію въ сго-

ворѣ путемъ молитвословія и благословенія обручаемыхъ. Постановленіемъ шестаго вселенскаго собора бракъ съ обрученной другому при жизни послѣдняго былъ приравненъ прелюбодѣянію. Въ 1084 г. имп. Алексѣй Комнинъ повелѣлъ считать обрученія, сопровождавшіяся священнымъ благословеніемъ, равносильными браку и не расторжимыми. Нѣсколько позднѣе (1092) воспрещено было, при совершеніи сговоровъ съ молитвословіемъ, дѣлать условіе о пеняхъ. Постановленія имп. Алексѣя, вошедшія въ нашу кормчую (гл. 43), дѣйствовали, конечно, и у насъ. Профессоръ Горчаковъ въ приложеніяхъ къ своему изслѣдованію о тайнѣ супружества напечаталъ чинъ обрученія и вѣнчанія, соблюдавшійся нашею церковью, одинъ XIII, другой XIV в. Изъ этихъ документовъ видно, что обрученіе составляло особый актъ отъ вѣнчанія, происходило въ церкви, сопровождалось пѣніемъ и чтеніемъ установленныхъ въ служебникѣ молитвъ и заключалось обмѣномъ колецъ.

Сговоръ, какъ гражданскій актъ, надо думать, былъ извѣстенъ и до принятія христіанства. Поляне приводили своихъ дочерей въ домъ будущаго мужа, конечно, въ силу предварительнаго соглашенія. Значеніе акта, равносильнаго браку, сговоръ долженъ былъ получить уже подъ вліяніемъ византійскихъ постановленій.

Церковь, получивъ въ свое вѣдомство заключеніе браковъ, должна была примѣнять къ нимъ и всѣ тѣ условія, которыя требовались отъ вступающихъ въ бракъ каноническими правилами и постановленіями византійскихъ императоровъ, нашедшихъ доступъ въ наши кормчія. Но нѣтъ повода думать, чтобы эти правила примѣнялись къ русской жизни во всей своей строгости.

Церковный уставъ Владиміра предоставляетъ вѣдомству церкви браки, заключенные въ запрещенныхъ степеняхъ родства или свойства (въ племени или въ сватьствѣ поимоуться). Въ уставной грамотѣ смоленскаго князя Ростислава Мстиславича (1150) читаемъ: «А тяжъ епископскихъ не судити ни кому же, судитъ ихъ самъ епископъ.... третья тяжа: аще кто поимется чрезъ законъ», т.-е. священный, церковный, или, по происхожденію, вообще греческій. Но постановленія греческой церкви о запрещенныхъ бракахъ у насъ не рѣдко нарушались, вступали въ бракъ, въ противность греческимъ законамъ, родственники въ 7 и даже 6 степени (Неволинъ, I, 192 стр.).

Возрастъ, необходимый для вступленія въ бракъ, разными византійскими законами опредѣлялся различно. По Эклогѣ вступленіе въ бракъ дозволялось: мужчинамъ по достиженіи 15 лѣтъ,

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

женщинамъ—13; по Прохирону въ—14 и 12. Обрученіе было возможно уже по достиженіи 7 лѣтъ. Но императоръ Левъ Философъ, послѣ того какъ среди духовенства обнаружилось уже стремленіе приравнивать обрученіе браку, запретилъ обручать лицъ, не достигшихъ брачнаго возраста. Эти постановленія соблюдались у насъ далеко не буквально: князья женили своихъ сыновей 11 лѣтъ, а дочерей выдавали замужъ даже 8 (Соловьевъ, III, 8 стр.).

Византійское право для вступленія въ бракъ требуетъ желанія брачущихся и согласія ихъ родителей (Кормчая, Леона царя и Константина, глава 49, зачат. II, 1). Церковный уставъ Ярослава даетъ образцъ примѣненія русской практикой византійскаго постановленія о необходимости свободной воли вступающихъ въ бракъ: «аже дѣвка не восхочетъ замужъ, а отецъ и мать силою дадутъ, а что створитъ надъ собою, отецъ и мать епископу въ винѣ». Выдать дочь замужъ противъ ея воли можно; но если она что-нибудь надъ собою сдѣлаетъ (повѣсится, напримѣръ), тогда только родители ея подлежатъ отвѣтственности. Этому порядку вещей соотвѣтствуетъ и выше помянутый древній чинъ обрученія и вѣнчанія. Ни при обрученіи, ни при вѣнчаніи священникъ не спрашиваетъ брачущихся своею ли волею вступаютъ они въ бракъ, или нѣтъ.

Но и въ этой нестрогой формѣ церковный бракъ примѣнялся первоначально только къ князьямъ и боярамъ, простой же народъ считалъ церковное вѣнчаніе не нужнымъ и продолжалъ совершать браки по языческимъ преданіямъ. На это жалуются духовные писатели конца XII в. (Правило митрополита Іоанна).

Прекращеніе брака.

Дохристіанскій бракъ не былъ союзомъ не расторжимымъ. Историки германскаго права признаютъ, что древній германскій бракъ могъ быть расторгнутъ какъ въ силу односторонней воли мужа, такъ и по обоюдному соглашенію супруговъ (Zoepfl, 614). Церковный уставъ Ярослава воспрещаетъ мужу самовольно отпускать жену не потому только, конечно, что это воспрещалось правилами духовныхъ писателей греческой церкви, вошедшими въ составъ нашихъ кормчихъ, но и потому, что такой способъ прекращенія брака практиковался у насъ съ древнѣйшихъ временъ. Въ статьѣ того же устава: «аже мужъ съ женою по

своей волѣ распуститься, епископу 12 гривенъ» и въ той (8), которая воспрещаетъ женѣ отпускать мужа по причинѣ слѣпоты и другихъ болѣзней, можно видѣть указаніе на разводъ по соглашенію обоихъ супруговъ. Рафаилъ Барберини, иностранный писатель XVI в., приводитъ и описаніе порядка развода супруговъ по добровольному соглашенію. По его словамъ мужъ и жена, желающіе прекратить свое брачное сожительство, идутъ къ проточной водѣ, становятся на противоположныхъ ея берегахъ и, взявъ въ руки тонкую ширинку холстины, тянутъ ее въ разныя стороны до тѣхъ поръ, пока не разорвутъ. Какъ скоро холстина перервется, бракъ считается расторгнутымъ (Снегиревъ, Русскіе въ своихъ пословицахъ, кн. II, 62). Въ этомъ обычаѣ надо видѣть слѣдъ глубокой древности: вода играетъ роль какъ при заключеніи брака, такъ и при расторженіи.

Въ языческое время въ способахъ прекращенія брака встрѣчаемся съ весьма характерной особенностью. Смертью мужа бракъ не прекращался для жены, она должна была слѣдовать за умершимъ въ загробную жизнь. Этотъ обычай добровольной смерти жены встрѣчается у многихъ предковъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ, а также у современныхъ дикарей и стоитъ въ связи съ состояніемъ религіозныхъ вѣрованій, а также и съ воззрѣніями на обязанности жены по отношенію къ мужу. Первобытный человѣкъ иначе смотритъ на загробную жизнь, чѣмъ смотримъ мы: онъ думаетъ, что въ загробной жизни ему присущи тѣже потребности, что и въ земной. Вотъ почему жена и должна была слѣдовать за умершимъ мужемъ. У обитателей острова Фиджи и теперь существуетъ обычай сожженія женъ. Чѣмъ выше стоитъ лицо въ общественномъ положеніи, тѣмъ большее число женъ сожигаютъ послѣ его смерти; кромѣ женъ убивается нѣсколько рабовъ, лошадей, собакъ, и т. п., а также умершему кладутся всѣ необходимыя при жизни вещи, въ томъ предположеніи, что все это нужно будетъ и за гробомъ. Есть указаніе на то, что такой обычай существовалъ и у предковъ современныхъ европейскихъ народовъ, напримѣръ, у предковъ дунайскихъ, прибалтійскихъ и русскихъ Славянъ и Германцевъ. Подробности можно найти въ сочиненіи Котляревскаго: О погребальныхъ обычаяхъ у древнихъ Славянъ. Жены, обыкновенно, умираютъ добровольно и даже съ охотою, въ силу того, во 1-хъ, что со смертью соединялось иногда представленіе о лучшей участи, и во-2-хъ, потому что, если бы жена не согласилась послѣдовать за мужемъ, она оскорбила бы всю семью мужа и тѣмъ отравила свое существованіе. Относи-

тельно русскихъ Славянъ сохранилось свидѣтельство арабскаго писателя X вѣка—Ибнъ-Фоцлана. Правда, этому писателю пришлось видѣть погребеніе холостаго человѣка, но все то, что говорится о погребеніи холостаго человѣка относится, конечно, и къ погребенію женатаго, съ тѣмъ только различіемъ, что при погребеніи женатаго сожигалась жена, тогда какъ при погребеніи холостаго сопутствовать ему пришлось рабынѣ. Ибнъ-Фоцланъ разсказываетъ, что когда умиралъ русскій старѣйшина, то его семья спрашивала рабовъ и рабынь, кто изъ нихъ хочетъ слѣдовать за умершимъ. Въ данномъ случаѣ вызвалась одна изъ рабынь. Ее отдали на попеченіе двухъ дѣвушекъ, которыя кормили и угощали ее. Обреченная смерти была весела и пѣла пѣсни. Въ день, назначенный для погребенія, умершаго положили въ ладью; передъ нимъ поставили кушанья, хлѣбъ, вина и другіе припасы. Затѣмъ разсѣкли на двѣ части собаку и положили въ ладью, привели лошадей и также разсѣкли и бросили съ умершимъ. Наконецъ привели дѣвушку, которая должна сопутствовать умершему въ загробную жизнь. Предварительно ей предложили опьяняющій напитокъ, она пила и пѣла прощальныя пѣсни, а затѣмъ вошла въ палатку, поставленную надъ ладьей, съ старухою, которая называлась ангеломъ смерти. Какъ только онѣ скрылись въ палаткѣ, окружающіе подняли шумъ и крикъ съ тѣмъ, чтобы присутствующіе не слышали криковъ умирающей дѣвушки. Какъ только окончила старуха свое дѣло, все было сожжено, этимъ и заключилась церемонія погребенія.

Если смерть мужа не прекращала брака для жены, то, конечно, языческій бракъ не прекращался и ссылкою мужа, или его изгнаніемъ.

Съ принятіемъ христіанства порядокъ прекращенія брака долженъ былъ измѣниться подъ вліяніемъ тѣхъ новыхъ началъ, которыя были принесены къ намъ изъ Византіи.

Римское право допускало разводъ какъ по обоюдному соглашенію супруговъ, такъ и по односторонней волѣ одного изъ нихъ. Разводъ былъ частнымъ актомъ, для этого не требовалось судебнаго рѣшенія. Только въ видахъ огражденія нравственности въ законѣ были установлены нѣкоторыя невыгодныя послѣдствія для того изъ супруговъ, который давалъ поводъ къ разводу, и штрафы на тотъ случай, когда супруги разводились безъ достаточныхъ причинъ. Церковныя воззрѣнія на нерасторжимость брака проникали въ свѣтское законодательство очень медленно. Хотя Юстиніанъ и ограничилъ разводы по взаимному согласію

супруговъ тѣмъ случаемъ, когда оба они пожелаютъ вступить въ монашество, но его преемникъ Юстинъ возвратился къ старому порядку вещей. Церковныя воззрѣнія были усвоены свѣтскимъ законодательствомъ только при императорахъ-иконоборцахъ. Эклога проводитъ начало нерасторжимости брака на томъ основаніи во-1-хъ, что Ева была создана изъ ребра Адамова и, слѣдовательно, составляетъ съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое; во-2-хъ, союзъ Адама и Евы не былъ расторгнутъ и послѣ грѣхопаденія; въ 3-хъ, на вопросъ фарисеевъ Іисусъ Христосъ отвѣтилъ: что Богъ соединилъ, того человѣкъ да не разлучаетъ (Неволинъ, I, 243 сл., Zachariae 56 сл.). Эклога допускаетъ разводъ только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если жена нарушитъ супружескую вѣрность; 2) если мужъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ со дня вступленія въ бракъ не докажетъ способности къ супружеской жизни; 3) если супруги умышляютъ на жизнь другъ друга; 4) проказы мужа (изъ законовъ Моисеевыхъ). Никакія другія причины развода не допускаются. Развода по взаимному соглашенію супруговъ Эклога не признаетъ.

Прохиронъ представляетъ возвращеніе къ началамъ юстиніановскаго законодательства. Въ немъ находимъ гораздо болѣе поводовъ къ разводу. Къ тремъ первымъ поводамъ Эклоги Прохиронъ прибавляетъ: 1) безвѣстное отсутствіе супруга въ теченіи 5 лѣтъ; 2) вступленіе обоихъ супруговъ въ монашество; 3) если жена, узнавъ о чьемъ-либо злоумышленіи на царство, не скажетъ объ этомъ мужу; 4) если жена, противъ воли мужа, пируетъ съ посторонними мущинами или моется съ ними въ банѣ; 5) если она, безъ дозволенія мужа, проспитъ ночь внѣ дома и не у своихъ родителей; 6) если посѣщаетъ, безъ позволенія мужа, конскія ристалища и театры. Жена можетъ просить развода: 7) если мужъ злоумышляетъ противъ государства или, зная о злоумышленіи другихъ, не донесетъ объ этомъ; 8) если онъ торгуетъ честью жены; 9) если онъ не докажетъ возбужденнаго имъ обвиненія жены въ прелюбодѣяніи; 10) если онъ держитъ въ своемъ дому конкубину, или будетъ обнаруживать свою связь съ посторонней женщиной (Кормч., глава 48, грань XI).

Наша древняя практика далеко не усвоила себѣ приводимаго Эклогой начала нерасторжимости брака. Изъ церковнаго устава Ярослава видно, что она не только допускала разводы на основаніи поводовъ, перечисленныхъ въ Прохиронѣ, но и пополнила ихъ еще однимъ новымъ, неизвѣстнымъ римскому праву: «аще ведетъ жена мужа своего покрасти клѣть, или товаръ, или сама

покрадеть, да инымъ подасть, или имѣть вѣдати, что хотять церковь покрасти, а она мужу своему не скажеть, — распустити». Неизвѣщеніе мужа о предстоящей кражѣ изъ церкви есть, конечно, аналогическое примѣненіе постановленія Прохирона, приведеннаго выше подъ № 3. Церковный уставъ перечисляетъ далеко не всѣ поводы Прохирона; кромѣ прелюбодѣянія жены и злоумышленія ея на жизнь мужа, онъ упоминаетъ еще только о приведенныхъ подъ №№ 3, 4, 5 и 6; но это не значитъ, конечно, что другія статьи Прохирона у насъ не примѣнялись. Изъ практики князей знаемъ, что разводъ допускался у насъ по такимъ поводамъ, которые вовсе были неизвѣстны кормчимъ.

Вел. кн. Московскій Семенъ Ивановичъ развелся съ своей женой, Евпраксіей, потому что она будто бы была испорчена и казалась ему мертвой, когда съ нимъ лежала. Другой Московскій князь, Василій Ивановичъ, развелся съ своей женой, Соломоніей, по причинѣ ея неплодородія. По волѣ вел. князя княгиня должна была постричься. Герберштейнъ разсказываетъ, что она очень неохотно подчинилась этому насилію. Она плакала и кричала, когда митрополитъ въ монастырѣ рѣзалъ ей волоса; а когда онъ подалъ ей куколь, она не допустила надѣть его на себя, бросила на землю и топтала ногами. Иванъ Шигона, приближенное лице къ князю, не только сильно бранилъ ее за это, но и ударилъ плетью, сказавъ: смѣешь ли противиться волѣ государя и медлить исполненіемъ его приказаній? Когда Соломонія спросила, по какому праву онъ бьетъ ее, Шигона отвѣтилъ: по приказанію государя. Тогда княгиня объявила, что надѣваетъ монашеское платье по принужденію, а не по своей волѣ, и призывала Бога въ мстители за эту неправду.

Церковный уставъ Владиміра предоставляетъ «роспусты», т. е. разводы, вѣдѣнію духовнаго суда. Такую же подсудность установляетъ и грамота смоленскаго князя Ростислава. Эти статьи нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что съ принятія христіанства браки расторгаются у насъ только по опредѣленію духовнаго суда. Въ церковномъ уставѣ Ярослава читаемъ: «аже пуститъ бояринъ великъ жену безъ вины, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а епископу 5 гривенъ золота... а князь казнитъ». За тѣмъ идетъ опредѣленіе послѣдствій такого же дѣянія для нарочитыхъ людей и простой чади. Изъ этой статьи слѣдуетъ, что мужья сами отпускаютъ своихъ женъ. Но если они дѣлаютъ это безъ достаточнаго основанія, то по жалобѣ недовольной, конечно, стороны, епископъ привлекаетъ ихъ къ своему суду. Результатомъ суда является не возстановленіе брака, а уплата штрафа и граж-

данская казнь. Такимъ образомъ, и по принятіи христіанства мужья прекращаютъ браки самовольно, подвергаясь за это только денежнымъ штрафамъ и еще какимъ-то наказаніямъ по усмотрѣнію князей.

Таже живучесть до-христіанскихъ обычаевъ видна и изъ поученія митрополита Фотія (1410—1431, Д. къ А. И. I № 181) священникамъ и инокамъ, въ которомъ митрополитъ жалуется на то, что многіе вступаютъ въ браки и расторгаютъ ихъ «безъ всякаго разсуженія святительскаго, правильнаго». Въ подобномъ же поученіи священнослужителямъ неизвѣстнаго автора (около 1499 года, А. И. I № 109) читаемъ: «на тотъ бракъ не ходи, идѣже двоеженецъ или троеженецъ, или мужъ жену пуститъ, или жена мужа пустить безъ вины, или въ племяни поймутся, никакоже не ходи». Такимъ образомъ, въ XV еще вѣкѣ браки установляются и прекращаются съ нарушеніемъ принятыхъ церковью правилъ. Къ освященію такихъ неправильныхъ браковъ приглашаются священники. Духовныя власти не имѣютъ другаго средства борьбы, кромѣ воспрещенія священникамъ участвовать въ заключеніи такихъ браковъ.

II. Союзъ родителей и дѣтей.

Личныя и имущественныя отношенія родителей и дѣтей.

У первобытныхъ народовъ дѣти состоятъ подъ неограниченною властью отца. Въ настоящее время на отцѣ лежитъ обязанность заботиться о своихъ дѣтяхъ, онъ не можетъ ихъ бросить на произволъ судьбы, или убить, если они обременяютъ его; напротивъ, въ древности отъ отца зависѣло признать за родившимся ребенкомъ право на дальнѣйшую жизнь или нѣтъ. Съ такими же порядками встрѣчаемся и у современныхъ дикарей. Нѣкоторые изъ нихъ пользуются своимъ правомъ—убивать дѣтей—въ обширныхъ размѣрахъ. Путешественники разсказываютъ, что на островахъ Таити болѣе двухъ третей рождаемыхъ дѣтей убивается родителями. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обычай оставлять въ живыхъ только послѣдняго (предположительно) ребенка [1]). Причина этому лежитъ, главнымъ образомъ, въ неудовлетворительности экономическаго положенія дикарей: ребенокъ отвлекаетъ жену отъ работы и составляетъ, такимъ образомъ, тяжесть, отъ которой и освобождаются путемъ убійства. Такіе же обычаи

[1]) Въ Мурреѣ (Австралія) отецъ иногда убиваетъ своего маленькаго сына чтобы наживить его мясомъ свои удочки (Спенсеръ, Основ. соц. I, 69).

находимъ и у предковъ европейскихъ народовъ, стоящихъ теперь на высокой степени культуры. У древнихъ Германцевъ отъ воли отца зависѣло признать за новорожденнымъ право на жизнь, или нѣтъ (aussetzen, Aussetzung). Новорожденнаго клали къ ногамъ отца, и если онъ поднималъ его, это значило, что онъ желалъ его воспитывать, а если оставлялъ на полу, то ребенокъ считался брошеннымъ на произволъ судьбы и умиралъ голодною смертью, если неоказывалось охотниковъ взять его на воспитаніе. Поднятый ребенокъ (Hebamme) окропляется водой и получаетъ имя (Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer 455 сл.). Этотъ обычай извѣстенъ былъ Грекамъ и Римлянамъ. О Галлахъ Цезарь говоритъ, что они имѣли право жизни и смерти надъ своими дѣтьми. Неменьшею суровостью отличалась отеческая власть и у Балтійскихъ Славянъ: «отношенія родителей къ дѣтямъ были суровы, даже жестоки; родители полновластно распоряжались жизнью своихъ дѣтей и могли, если не хотѣли воспитывать, убить младенца, особливо дочь, что случалось весьма часто» (Гильфердингъ, 43).

Суровое право выбрасыванія дѣтей выходитъ изъ употребленія по мѣрѣ распространенія христіанства. Духовенство высказывается противъ выбрасыванія даже уродовъ. Допускалось бросать въ Германіи только новорожденыхъ, неимѣющихъ человѣческаго лица и голоса. Такихъ относили на кладбище, клали въ яму и закрывали камнемъ, но такъ, чтобы земли на брошенномъ не было. Въ такомъ положеніи онъ и оставался, пока не умиралъ (Wilda, 724).

Историки германскаго права жалуются на недостаточность источниковъ по вопросамъ о древнѣйшихъ личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ (Zoepfl, 615). Личныя отношенія возбуждаютъ, однако, менѣе недоразумѣній. Суровое право родителей наказывать своихъ дѣтей, простирающееся даже до права убить виновнаго, не подлежитъ сомнѣнію. По германскому праву отецъ могъ убить дочь за прелюбодѣяніе. Чешское право предоставляетъ отцу убить дочь даже въ томъ случаѣ, если она добровольно шла за похитителемъ. По германскому праву отецъ могъ продавать дѣтей своихъ въ рабство (Pardessus, Loi Salique, 455; Grimm, 461).

Трудно допустить, чтобы на ряду съ такой строгой личной зависимостью дѣтей отъ родителей могла развиться имущественная самостоятельность дѣтей. Конечно, сынъ могъ что-либо пріобрѣсти себѣ, но историки германскаго права признаютъ, что

отецъ могъ обращать доходы съ имущества дѣтей на общія потребности семейста (Zoepfl, 616).

Строгая отеческая власть, свойственная первобытнымъ народамъ, наиболѣе полное и точное выраженіе свое получила въ древнемъ римскомъ правѣ. Римская отеческая власть (patria potestas) простирается не только на дѣтей, но и на всѣхъ нисходящихъ (внуковъ и т. д.), которые входятъ въ составъ фамилій (агнаты) римскаго гражданина. Отеческая власть простирается на лице и имущество состоящихъ подъ властью. Власть надъ лицемъ крайнее свое выраженіе имѣетъ въ правѣ отца надъ жизнью и смертью (jus vitae ac necis) подвластныхъ. Только съ теченіемъ времени право уголовныхъ наказаній перешло къ представителямъ публичной власти, у отца же осталось право наказаній въ менѣе тяжкихъ случаяхъ.

Власть отца въ имущественномъ отношеніи состояла въ томъ, что имущественныя права подвластныхъ поглощались преобладающимъ правомъ главы семейства. Всякое имущество, какое они получали, пріобрѣталъ (ipso jure) отецъ. Отецъ былъ persona sui juris, дѣти homines alieni juris (Kuntze, Cursus des römischen Rechts, 520 слѣд.). Съ теченіемъ времени и здѣсь произошли ограниченія. Подвластные получили право свободно распоряжаться, во время жизни и на случай смерти, всѣмъ тѣмъ, что они пріобрѣтали на военной, или гражданской службѣ (castrense vel quasi castrense peculium). По отношенію же ко всякому другому имуществу права ихъ были ограничены правами отца. Все, что они получали отъ отца или сами пріобрѣтали на его средства (paganum peculium), разсматривается какъ принадлежащее отцу и можетъ быть по усмотрѣнію имъ отобрано. Пріобрѣтенное какимъ либо инымъ способомъ имущество (bona adventitia) хотя и составляетъ его собственность, но не подлежитъ завѣщательному распоряженію и при жизни отца состоитъ въ его управленіи и пользованіи.

Законодательство императоровъ иконоборцевъ произвело важныя измѣненія въ характерѣ отеческой власти. Оно вводитъ нѣкоторое двоевластіе въ томъ смыслѣ, что нѣкоторыя функціи власти предоставляются и матери. По Эклогѣ согласіе на бракъ дѣтей должно быть дано не отцемъ только, но родителями вообще. Если отецъ умиралъ, мать вступала во всѣ его права и могла быть опекуншей своихъ дѣтей, или, если она вступала въ новый бракъ, имѣла право назначить дѣтямъ опекуна. Вмѣстѣ съ этимъ имущественныя права отца, въ случаѣ его смерти, распростра-

нились и на мать (Zachariae, Geschichte des griechisch-römischen Rechts 41, 87 сл.).

Наши отечественные источники еще бѣднѣе германскихъ. Мы не имѣемъ указаній на то, что родители могли убивать дѣтей своихъ при рожденіи. Но молчаніе нашихъ источниковъ въ виду распространенности этого обычая у другихъ народовъ и свидѣтельства иностранныхъ писателей о томъ, что онъ практиковался у нѣкоторыхъ Славянъ (Макушевъ, сказанія иностранцевъ, 143; Гильфердингъ, Исторія Балтійскихъ Славянъ, 43),—не можетъ служить доказательствомъ, что такого обычая у русскихъ Славянъ вовсе не было (ср. Неволинъ, I 345).

Изъ свидѣтельствъ источниковъ, приведенныхъ выше, въ отдѣлѣ объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, видно, что въ случаѣ преступленія, совершеннаго отцомъ, потоку и разграбленію вмѣстѣ съ отцомъ подлежатъ и дѣти. Изъ этихъ постановленій надо вывести, что и у насъ дѣти находились въ полной личной и имущественной зависимости отъ родителей.

Изъ лѣтописныхъ источниковъ знаемъ, что отцы рѣшаютъ судьбу своихъ дѣтей, женятъ сыновей и выдаютъ дочерей замужъ въ такомъ раннемъ возрастѣ, когда о личной волѣ дѣтей не можетъ быть и рѣчи. Въ рабство отцы продаютъ себя вмѣстѣ съ дѣтьми, а иногда продаютъ однихъ дѣтей. Только Судебникъ Ивана IV запрещаетъ отцу-рабу продавать своихъ свободныхъ дѣтей. До этого воспрещенія, значитъ, отеческая власть рабствомъ отца не прекращалась и онъ могъ по усмотрѣнію распоряжаться судьбою свободнаго сына.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что отцу принадлежало право наказывать дѣтей, хотя объема этого права мы и не можемъ выяснить по недостаточности источниковъ. Источники XVII вѣка за убійство дѣтей отцомъ налагаютъ очень слабыя наказанія. Это, конечно, не нововведеніе, а отголосокъ древняго безграничнаго права отца наказывать дѣтей.

Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей думаютъ, что древняя русская семья отличалась характеромъ двоевластія, т.-е., что власть надъ дѣтьми принадлежала у насъ обоимъ родителямъ. Это мнѣніе, высказанное Неволинымъ (I, 314), повторяется и новыми изслѣдователями. Въ виду несомнѣнной и тяжелой зависимости жены отъ мужа трудно допустить, чтобы ей могла принадлежать равная съ мужемъ власть надъ дѣтьми.

Мы уже видѣли, что начало двоевластія въ семьѣ введено въ византійское законодательство Эклогой. Несомнѣнный слѣдъ вліянія Эклоги находимъ и у насъ. По Русской Правдѣ опека,

по смерти отца, принадлежитъ матери; она завѣдуетъ всѣмъ оставшимся послѣ мужа имуществомъ, дѣти должны быть въ ея волѣ: «сътворити всяко волю ея, а дѣтямъ не дати воли (Карамз. сп. ст. 113; сравн. Кормч., Леона царя и Константина, глава 49, зач. II-й, 5). Здѣсь за матерью признана таже власть, какая принадлежитъ отцу, но послѣ смерти отца и подъ вліяніемъ византійскаго права, которымъ надо объяснять и другую статью Правды: «будутъ ли дѣти, то что первоѣ жены, то то возмуть дѣти матери своея, любо си на жену будеть възложилъ, обаче матери своей возмутъ» (Тр. 88). Значеніе этой статьи и ея источникъ вполнѣ выяснены Неволинымъ. «Отецъ, у котораго были бы дѣти отъ первой жены, не имѣетъ права назначить своей второй женѣ что либо изъ имущества ихъ матери; дѣти его отъ первой жены должны получить имущество своей матери, хотя бы онъ отказалъ что нибудь изъ этого имущества своей второй женѣ. Здѣсь принимается, что мужъ удерживаетъ въ своемъ владѣніи имущество, оставшееся по смерти его жены, но въ то-же время постановляется, что это имущество принадлежитъ въ собственность дѣтямъ его отъ покойной жены, и онъ не въ правѣ отказать что либо изъ него своей второй женѣ. Это постановленіе не только по содержанію, но и по способу изложенія совершенно сходно съ Эклогой» (I, 345 стр.). Вышеприведенное постановленіе Правды о подчиненіи дѣтей матери точно также соотвѣтствуетъ Эклогѣ и по содержанію и по формѣ (Неволинъ, I, 351).

Церковный уставъ Владиміра предоставилъ дѣла о наслѣдствѣ вѣдомству духовенства, а потому понятно, что обѣ статьи Правды, въ которыхъ, въ связи съ вопросами о наслѣдственномъ правѣ, рѣчь идетъ и объ имущественныхъ отношеніяхъ родителей и дѣтей, опредѣлились согласно съ постановленіями византійскаго права, которымъ должно было руководствоваться духовенство.

Какъ далеко шло примѣненіе началъ византійскаго права и на сколько видоизмѣнялось оно подъ вліяніемъ отечественной практики, объ этомъ, за исключеніемъ двухъ приведенныхъ статей, мы ничего незнаемъ; судя же по выраженію 113 ст. Карамз. сп.: «творити всяко волю ея, а дѣтямъ не дати воли», надо думать, что духовные суды скорѣе были склонны усиливать отеческую власть, чѣмъ ослаблять ее признаніемъ имущественной самостоятельности дѣтей.

Неволинъ, исходя изъ того предположенія, что у дѣтей могло быть свое имущество, думаетъ, что между дѣтьми и родителями

могли быть тяжбы объ имуществѣ, и подтверждаетъ свое мнѣніе ссылкою на церковный уставъ Владиміра, въ которомъ къ вѣдомству духовенства судовъ отнесены дѣла о наслѣдствѣ: «братья или дѣти тяжються о задницю».

Что у взрослыхъ дѣтей могло быть свое имущество, что это имущество могло служить поводомъ къ спорамъ и даже ссорамъ между родителями и дѣтьми, все это очень вѣроятно. Но наши источники ничего не говорятъ о судебной охранѣ имущества дѣтей противъ захвата родителями. Статья Владимірова устава говоритъ о тяжбахъ между братьями (послѣ смерти одного изъ нихъ), или между дѣтьми (послѣ смерти ихъ отца), а не о спорахъ дѣтей съ родителями.

Можно думать, что родители еще при жизни иногда надѣляли дѣтей изъ своего имущества. Такое выдѣленіе, конечно, совершенно зависѣло отъ воли отца и могло быть имъ уничтожено. Исключеніе составляетъ надѣленіе дочерей при выходѣ замужъ. Приданое, конечно, не могло быть взято обратно.

У насъ было высказано мнѣніе о томъ, что въ древности «юридическимъ центромъ имущественныхъ правъ была вся семья; что покупки и продажи могли быть совершаемы только съ согласія всѣхъ членовъ семьи, а не по усмотрѣнію отца». Это мнѣніе не можетъ быть доказано прямыми указаніями источниковъ. Во II части мы остановимся на немъ подробнѣе.

Установленіе.

Союзъ родителей и дѣтей установляется: 1) рожденіемъ въ законномъ бракѣ. До принятія христіанства у насъ различались водимыя жены отъ наложницъ, а потому могли различаться и дѣти, рожденныя въ бракѣ, отъ дѣтей, прижитыхъ внѣ брака. Но соединялись ли какія послѣдствія съ этимъ возможнымъ различіемъ, мы не знаемъ. Наоборотъ, есть основаніе думать, что этому различію не придавали большаго значенія. Владиміръ Святой былъ прижитъ Святославомъ отъ ключницы Ольги, Малуши; полоцкая княгиня Рогнѣда называетъ его рабыничемъ, т.-е. сыномъ рабы. Раба матери Святослава, конечно, не могла быть его веденой женой, а была наложницей. Но это не мѣшаетъ Владиміру считаться внукомъ Ольги (Лаврент. лѣт. подъ 968 годомъ) и занять сперва новогородскій, а потомъ и кіевскій столъ.

Съ подчиненіемъ браковъ и дѣлъ о наслѣдствѣ церкви, различіе между законными и незаконными дѣтьми должно было обозначиться рѣзче. Духовенство несомнѣнно руководилось постановленіями византійскаго права. Статья Русской Правды: «аже будутъ робьи дѣти у мужа, то задници имъ не имати; но свобода имъ съ матерью» (Тр. 92) есть, конечно, опытъ примѣненія новыхъ началъ къ русской жизни. Но и христіанскіе князья не только приравнивали незаконныхъ дѣтей къ законнымъ, но даже давали имъ преимущество. Святополкъ - Михаилъ посадилъ во Владимірѣ сына Мстислава «иже бѣ ему отъ наложницѣ» (Лавр. 1097 г.); а Ярославъ Владиміровичъ, галицкій князь, все свое княженіе отдалъ незаконному сыну, Олегу Настасьичу, а законному, Владиміру, далъ всего одинъ городъ Перемышль (Ипат. 1187). Эти до христіанскіе народные обычаи до нашихъ дней сохранились кое-гдѣ въ Архангельской губерніи, гдѣ незаконныя дѣти имѣютъ равную долю въ наслѣдованіи съ законными (Ефименко, 53).

2) Усыновленіемъ. Этотъ способъ установленія союза родителей и дѣтей, надо думать, былъ извѣстенъ и до принятія христіанства. О порядкѣ усыновленія и правахъ усыновленныхъ для этого древнѣйшаго времени въ нашихъ источникахъ нѣтъ указаній. Въ эпоху же послѣ принятія христіанства, духовенство при рѣшеніи вопросовъ объ усыновленіи руководствовалось постановленіями византійскаго права, какъ это видно изъ грамоты митр. Кипріяна отъ 1404 года (Акт. Ист. I, № 255). На вопросъ бездѣтной вдовы Ѳеодосіи о правахъ ею усыновленнаго съ мужемъ «пріимычка» онъ отвѣчалъ: „и язъ Кипріянъ митрополитъ, воззрѣвъ есмо въ намаконунъ, да изнашелъ есми правило:.... яко пріимникъ наслѣдуетъ отца и матерь, пріимшихъ его; аще и родныя дѣти будутъ у нихъ, и тотъ ровенъ съ дѣтьми родными, и тому такова же доля; а не будетъ дѣтей родныхъ, наслѣдуетъ отца и матерь, пріемшихъ его, аже будетъ сынъ или дчи пріимникъ“. Самое усыновленіе произошло безъ всякаго участія духовенства. Поводъ къ нему состоялъ въ желаніи имѣть наслѣдника, который поминалъ бы души бездѣтныхъ супруговъ. Усыновленіе въ данномъ случаѣ стоитъ въ связи съ религіозными воззрѣніями, но не только не съ исключительно христіанскими, но даже менѣе съ христіанскими, чѣмъ съ языческими. При существованіи церкви заботу о душѣ можно поручить ей, что, обыкновенно, и дѣлалось. Въ языческое же время принесеніе жертвъ усопшему составляло исключительную обязанность его дѣтей. Въ приводимомъ вдовой Ѳеодосіей поводѣ усыновленія можно

видѣть отголосокъ глубокой древности. Распространеніе, согласно кормчей, на усыновленнаго правъ законныхъ дѣтей, чего именно и хотѣли усыновители, могло совершенно соотвѣтствовать древнимъ народнымъ обычаямъ. По обычному праву крестьянъ и теперь усыновленные пользуются всѣми правами законныхъ дѣтей (Ефименко, Сбор. юридич. об. Арханг. губ., стр. 53).

Прекращеніе.

Въ первобытномъ состояніи общества дѣти, достигнувъ возраста, въ которомъ могутъ сами о себѣ заботиться, нерѣдко уходятъ отъ своихъ родителей. Такой способъ прекращенія союза родителей и дѣтей наблюдаютъ, напримѣръ, среди дикарей острова Борнео (Спенсеръ, Осн. Соц., I, 69). Это явленіе объясняется самымъ характеромъ первобытной отеческой власти, которая сложилась не столько въ интересахъ дѣтей, сколько въ интересахъ отца. По мѣрѣ возростанія дѣтей и появленія въ нихъ сознанія личныхъ силъ, отеческая власть, строго примѣняемая, могла вызывать противодѣйствіе съ ихъ стороны, пораждать взаимныя столкновенія, которыя и приводили къ удаленію.

Историки нѣмецкаго права признаютъ, что германская отеческая власть (mundium) прекращалась для сыновей съ достиженіемъ совершеннолѣтія, а для дочерей съ выходомъ ихъ замужъ. Но въ древнѣйшее время совершеннолѣтіе опредѣлялось не достиженіемъ опредѣленныхъ лѣтъ, а — физической зрѣлостью индивидуума (Zoepfl, 583, 617), т.-е. достиженіемъ такой физической и умственной зрѣлости, при которой строгая отеческая власть могла оказаться непримѣнимой. Позднѣе, королевскими эдиктами, время совершеннолѣтія было опредѣлено годами и за совершеннолѣтними сыновьями было даже признано право въ извѣстныхъ случаяхъ ограничивать волю отца.

Изъ нашихъ источниковъ видно во-1-хъ, что совершеніе отцомъ важнаго преступленія, которое вело къ ссылкѣ или рабству, не разрушало союза родителей и дѣтей: дѣти слѣдовали за отцомъ. Дѣйствіе этого правила примѣнялось, конечно, къ дѣтямъ, которыя жили съ отцомъ, не выдѣлились изъ семейства и не вели самостоятельнаго хозяйства.

Во 2-хъ, изъ Псковской Судной грамоты знаемъ, что сыновья, которые уходили изъ дома родительскаго и не кормили отца и мать до смерти, лишались наслѣдства (53). Изъ этой статьи надо вывести, что и у насъ взрослые сыновья прекращали

союзъ съ родителями самовольнымъ уходомъ. Псковская Судная грамота соединяетъ съ такимъ уходомъ невыгодныя для дѣтей послѣдствія, но уходъ, тѣмъ не менѣе, остается совершившимся фактомъ. Къ такому прекращенію союза прибѣгали даже князья, оставляя своихъ отцовъ и соединяясь съ ихъ врагами (Ростиславъ Юрьевичъ). Факты этого рода наводятъ на мысль, что и у насъ достиженіе дѣтьми физической и умственной зрѣлости, если и не прекращало, по общему правилу, отеческой власти, то должно было вести къ ея ограниченію и смягченію: родителямъ, если они хотѣли сохранить дѣтей въ семействѣ, приходилось считаться съ ихъ волею. Но степень этого ограниченія всегда зависѣла отъ личныхъ свойствъ сторонъ: характеры слабые могли до сѣдыхъ волосъ оставаться подъ неограниченной отеческой властью, тогда какъ энергическіе или завоевывали себѣ значительную долю самостоятельности, или оставляли отеческій домъ. Ярославъ Владиміровичъ, сидя въ Новгородѣ, не только вышелъ изъ повиновенія волѣ отца, но даже приготовился отразить его силою, призвавъ къ себѣ на помощь Варяговъ. Смерть Владиміра остановила эти обоюдныя приготовленія къ войнѣ (Лавр. 1015). Случаи враждебныхъ отношеній родителей и дѣтей всегда, конечно, составляли исключеніе, но самая возможность ихъ должна была умѣряющимъ образомъ дѣйствовать на отношенія родителей къ возмужалымъ дѣтямъ.

Въ 3-хъ. По отношенію къ дочерямъ власть отеческая прекращалась выдачею ихъ замужъ. Это слѣдуетъ изъ того, что выходя замужъ, онѣ поступали подъ власть мужа, которая, по всей вѣроятности, исключала власть отца.

III. Опека.

Древнее время знаетъ опеку малолѣтнихъ и опеку женщинъ.

Опека малолѣтнихъ есть институтъ, восполняющій отсутствіе отеческой власти. Въ первое время забота о малолѣтнихъ есть дѣло семьи, а не государства; государство только съ теченіемъ времени приходитъ къ сознанію обязанности заботиться объ огражденіи правъ малолѣтнихъ.

По германскому праву въ опекѣ состояли не только малолѣтніе сироты, но и взрослыя женщины (половая опека). Для тѣхъ и другихъ опека есть продолженіе отеческой власти (mundium). Опекунъ представлялъ опекаемыхъ на судѣ, управлялъ ихъ имуществомъ, выдавалъ дѣвицъ за мужъ и получалъ

ихъ цѣну и т. д. Въ права опекуна, по смерти отца, самъ собой (tutela legitima) вступалъ ближайшій агнатъ (Zoepfl, стр. 619 сл.).

Древнее римское право также знало опеку малолѣтнихъ и опеку женщинъ. Первоначально опека была семейнымъ дѣломъ, въ которое публичная власть не вмѣшивалась (Kuntze, Cursus, стр. 276 сл.). Опека установлялась: 1) завѣщаніемъ отца семейства (tutela testamentaria); назначить опекуна своимъ дѣтямъ есть логическое слѣдствіе правъ отеческой власти. 2. Если посмертнаго распоряженія не сдѣлано, къ опекѣ призывается ближайшій агнатъ (tutela legitima). По мѣрѣ того, какъ государство начинаетъ озабочиваться судьбою малолѣтнихъ, возникаетъ третій способъ установленія опеки: tutela dativa, назначеніе опекуна представителемъ власти, преторомъ и пр. Древнее право не допускаетъ женщинъ къ опекѣ, ибо онѣ сами состоятъ подъ опекой. Въ позднѣйшемъ правѣ хотя половая опека и вышла изъ употребленія, но женщины все же не допускаются къ опекѣ, какъ онѣ не допускаются и къ публичнымъ должностямъ. Исключеніе было сдѣлано только для матери и бабки.

Это нововведеніе римскаго права отразилось и въ германскомъ законодательствѣ тѣхъ народовъ, къ которымъ римскія идеи нашли первый доступъ. Законы Бургундовъ и Вестготовъ, въ нарушеніе народныхъ германскихъ обычаевъ, признаютъ за матерью право быть опекуншей своихъ дѣтей (Zoepfl, 620).

Эклога въ порядокъ опеки вноситъ много новаго. 1) Если жена пережила мужа, она удерживаетъ въ своей власти какъ свое приданое, такъ и все имущество, оставшееся послѣ мужа, и управляетъ всѣмъ домомъ. Всему имуществу должна быть сдѣлана точная опись; въ опись вносилось и приданое жены и все то, что она можетъ имѣть сверхъ приданаго. Дѣти не имѣютъ права противиться волѣ матери, или требовать выдачи отцовскаго наслѣдства. Они должны оказывать ей повиновеніе. Мать, какъ подобаетъ родителямъ, воспитуетъ дѣтей, выдаетъ за мужъ и награждаетъ приданымъ по своему усмотрѣнію. Всѣ эти права принадлежатъ матери, пока она не вздумаетъ вступить въ новый бракъ. При вступленіи же въ новое супружество, она возвращаетъ дѣтямъ все имущество отца безъ «оскудѣнія» (Кормч. Леона царя и Константина, зачатокъ II, 5, ср. Leunclavii juris graeco — romani, т. II, стр. 103). Но если мать остается вдовой, она можетъ пользоваться своими правами до самой смерти своей. По достиженіи совершеннолѣтія всѣми дѣтьми, ей предоставляется право выбора: она можетъ, взявъ свою часть, осво-

бодить дѣтей отъ своей власти, или по прежнему продолжать управлять всѣмъ домомъ. Такимъ образомъ, до достиженія совершеннолѣтія младшимъ изъ дѣтей, мать даже не можетъ отказаться отъ управленія имуществомъ покойнаго мужа (Zachariae, Gesch. 69).

2) Если мать, вступивъ въ новое супружество, не испроситъ опекуна дѣтямъ, въ такомъ случаѣ отвѣтственность за всѣ убытки, какіе могутъ оказаться въ имуществѣ дѣтей отъ перваго брака, падаетъ и на имущество втораго супруга (Кормч., Леона и Конст., Зачат. II, 7. ср. Leunclavii, II, стр. 105, гл. 21)

3) Если умерли отецъ и мать, не назначивъ въ завѣщаніи опекуна, въ такомъ случаѣ опека принадлежитъ церковнымъ учрежденіямъ, а не агнатамъ, или какимъ либо инымъ частнымъ лицамъ (Zachariae, 106).

Кромѣ постановленій Эклоги у насъ были еще извѣстны постановленія Прохирона. Титулъ XXXVI Прохирона опредѣляетъ кому и кѣмъ *дается* опекунъ (или кураторъ). Большинство статей этого памятника говоритъ о tutela dativa. Только послѣдняя статья имѣетъ, кажется, въ виду законную опеку: «ближній сродникъ приставникъ бываетъ; аще же мнози будутъ тогожде степене, вси приставницы бываютъ» (Proximus cognatus tutor est; et si plures eundem obtinent gradum, omnes tutores fiunt).

Статьи Русской Правды, относящіяся къ опекѣ, носятъ на себѣ несомнѣнный слѣдъ вліянія византійскаго права. Изъ нихъ видно, что наша практика руководствовалась и Эклогой и Прохирономъ и еще нѣчто прибавила къ нимъ.

По Русской Правдѣ, если по смерти отца осталась въ живыхъ мать, никакого опекуна не нужно. Она всѣмъ управляетъ. Объ опекунѣ поднимается рѣчь только въ томъ случаѣ, если мать «пойдеть за мужь» (Тр. 93). Въ случаѣ вступленія во второй бракъ, мать должна возвратить дѣтямъ отъ перваго все имущество ихъ отца. Если что растеряетъ должна вознаградить изъ своего (Тр. 95). Это все по Эклогѣ.

Эклогою же надо объяснять и первую половину ст. 94: «аче же и отчимъ пріиметь дѣти съ задницею, то тако же есть рядъ», т. е. отчимъ долженъ уплатить пасынкамъ все, что растеряетъ изъ ихъ наслѣдства. По Эклогѣ вотчимъ не можетъ быть опекуномъ. Но она предусматриваетъ тотъ случай, когда мать вступитъ во второй бракъ, не испросивши опекуна, и возлагаетъ отвѣтственность на имущество отчима за всѣ убытки, которые могутъ потерпѣть пасынки во время втораго брака ихъ матери. Эту самовольную опеку отчима и имѣетъ въ виду 94 статья.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб. Вас. Остр., 2 л., 7.

Думать, что отчимъ по Русской Правдѣ могъ быть опекуномъ по общему правилу, трудно. Въ статьѣ 93 читаемъ: «а мати ихъ поидетъ за мужъ, то кто имъ ближни будетъ, тому же дати на руцѣ...» Въ случаѣ втораго брака, такимъ образомъ, дѣти отдаются на руки ближнему родственнику, а не отчиму.

Выраженіе «*дати* на руци» напоминаетъ языкъ Прохирона, въ которомъ читаемъ: «и нѣмому *дается* приставникъ» или «воеводы вся (omnes municipales magistratus) приставники *даютъ*» и т. д. Поэтому, въ статьѣ 93 можно видѣть указаніе на участіе въ установленіи опеки органовъ власти (tutela dativa), что соотвѣтствуетъ и Градскимъ законамъ и Эклогѣ, по которой жена, въ данномъ случаѣ, должна испросить опекуна.

Какіе органы власти вѣдали опеку, объ этомъ можно догадываться. Браки и наслѣдственныя дѣла поручены были духовенству; опека такъ близко вяжется съ тѣми и другими, что, конечно, духовенство вѣдало и опеку. Чрезъ его посредство византійскія начала и перешли въ нашу практику, а изъ практики въ Русскую Правду.

Вѣдомство опеки духовенствомъ надо, однако, ограничить тѣмъ, что оно назначало опекуновъ и разсматривало жалобы на ихъ дѣятельность, но наши источники не даютъ повода допустить, что опека, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, опредѣленныхъ Эклогой, принадлежала непосредственно духовнымъ учрежденіямъ.

Ближніе родственники принимаютъ движимое имущество опекаемаго при свидѣтеляхъ: «а товаръ дати передъ людьми» (Тр. 93). Это распространеніе на всѣхъ опекуновъ того порядка передачи имущества малолѣтнихъ, какой установленъ Эклогой для матери.

Опекуны-родственники должны возвратить принятое имущество въ цѣлости со всѣмъ приплодомъ отъ рабовъ и скота. Но та прибыль, какую опекунъ могъ получить, пуская въ оборотъ движимости опекаемаго, шла въ его пользу: «а что срѣзить товоромъ тѣмъ, ли пригостить, то то ему собѣ, а истый товаръ воротить имъ, а прикупъ ему собѣ, зане кормилъ и печаловалъся ими» (Тр. 93).

Вознагражденіе опекуна римскому праву неизвѣстно, это наша практика. Даровое исполненіе обязанностей опекуна въ смыслѣ отвѣтственной должности у насъ не оказалось возможнымъ провести.

Время прекращенія опеки опредѣлялось въ Русской Правдѣ не достиженіемъ опредѣленнаго возраста, какъ по византійскому праву, а «донелѣ же возмогуть» т. е. достиженіемъ опекае-

мыми такой зрѣлости, когда „будуть сами собою печаловати“ (Тр. 93).

Объ опекѣ во времена до христіанскія мы знаемъ очень немногое. Въ источникахъ есть только одно мѣсто, прямо относящееся къ опекѣ: „умершю Рюрикови, предасть княженіе свое Олгови, отъ рода ему суща, вдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря, бысть бо дѣтескъ вельми“ (Лавр. 879 г.). Здѣсь опека установлена отцомъ въ завѣщаніи. Опекуномъ малолѣтняго назначенъ родственникъ. Этотъ же родственникъ получилъ княженіе Рюрика, но не въ качествѣ опекуна Игоря, а самостоятельно. Олегъ самъ княжилъ, а не управлялъ за малолѣтняго Игоря. Договоръ съ Греками написанъ отъ имени Олега, великаго князя русскаго, а не правителя.

Въ 93 ст. Рус. Пр. (Тр. сп.), по которой tutela dativa возлагается непремѣнно на родственниковъ, можно видѣть слѣдъ народныхъ обычаевъ, по которымъ, если отецъ не назначитъ опекуна, опека принадлежала ближайшимъ родственникамъ (tutela legitima).

На существованіе половой опеки (tutela mulierum) въ нашихъ источникахъ нѣтъ указаній.

Статьи Русской Правды не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что въ дѣлахъ по опекѣ у насъ примѣнились постановленія византійскаго права. Но мы не можемъ сказать, гдѣ именно имѣла мѣсто эта византійская практика; также нѣтъ основанія утверждать, что она единообразно примѣнялась во всѣхъ княженіяхъ, и что рядомъ съ византійскимъ правомъ нигдѣ не дѣйствовали русскіе народные обычаи.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Вещное право.

Вещное право имѣетъ своимъ предметомъ отдѣльныя вещи, подчиненныя господству извѣстнаго лица. Отношеніе человѣка къ вещамъ можетъ быть различно: 1) онъ можетъ быть собственникомъ вещи, 2) владѣльцемъ, и наконецъ 3) онъ можетъ имѣть право въ чужой вещи. Всѣ эти три института существеннымъ образомъ различаются между собою.

Подъ собственностью разумѣется право возможно полнаго

господства человѣка надъ вещью. Въ содержаніи права собственности различаютъ двѣ стороны: положительную и отрицательную. Положительная состоитъ въ правѣ собственника дѣлать съ вещью, что ему угодно, это право идетъ до уничтоженія вещи. Въ него входитъ право распоряжаться вещью, т. е. онъ можетъ продавать, дарить, закладывать свою вещь и т. д. Право собственности, однако, не безгранично. Въ видахъ общественнаго блага могутъ быть установлены нѣкоторыя ограниченія собственника: такъ онъ платитъ правительству извѣстныя повинности съ собственности; онъ не можетъ сжечь свой домъ, если пожаръ угрожаетъ опасностью сосѣду, и пр. Отрицательная сторона права собственности состоитъ въ томъ, что собственникъ можетъ устранять воздѣйствіе на свои вещи всякаго посторонняго человѣка (Arndts, Lehrbuch der Pandekten, 193 сл.)

Собственность, какъ всякое право, есть идеальная власть. Внѣшняя форма собственности есть владѣніе, хотя владѣніе и не принадлежитъ къ понятію собственности, но служитъ ей какъ чувственное ея выраженіе. Собственникъ не всегда фактически владѣетъ вещью, онъ можетъ передать владѣніе другому. Но когда онъ владѣетъ самъ, онъ владѣетъ съ сознаніемъ того, что эта вещь его собственность, у него animus rem sibi habendi; воля его направлена къ тому, чтобы владѣть вещью на себя и устранять отъ вмѣшательства въ его владѣніе всякое другое лице. Владѣніе является симптомомъ собственности. Но наблюденіе показываетъ, что владѣніе съ наличностью воли владѣть на себѣ, какъ владѣетъ собственникъ, можетъ встрѣтиться и не у собственника. Такъ владѣть можетъ не только тотъ, кто по ошибкѣ считаетъ себя собственникомъ, но даже воръ. Владѣніе, это «фактическое отраженіе собственности», выходитъ такимъ образомъ за предѣлы собственности, существуетъ независимо и отдѣльно отъ нея. Но такъ какъ владѣніе есть симптомъ собственности, то гражданскій оборотъ можетъ быть заинтересованъ въ охраненіи самаго симптома. Дѣйствительно, римское право выработало особый порядокъ охраны владѣнія, отличный отъ порядка охраны собственности. Владѣніе, не вытекающее изъ собственности, но пользующееся особой охраной, перестаетъ быть простымъ фактомъ, оно получаетъ правовой характеръ и называется юридическимъ владѣніемъ (Kuntze, Cursus, стр 329 сл.).

Для того, чтобы возникло юридическое владѣніе, нужны два условія: 1) матеріальное господство надъ вещью и 2) такое на-

правленіе воли, при которомъ владѣлецъ желаетъ владѣть вещью на себя, какъ собственникъ.

Собственность пріобрѣтается: 1) путемъ первоначальныхъ способовъ, когда она впервые возникаетъ въ рукахъ извѣстнаго лица. Сюда относится завладѣніе никому не принадлежащими вещами, напримѣръ, дикими животными; кто завладѣлъ ими, тотъ и становится ихъ собственникомъ; сюда же относится завладѣніе во время войны всѣмъ тѣмъ, что принадлежитъ непріятелю, а также завладѣніе тѣмъ, что брошено хозяиномъ. Къ производнымъ способамъ относятся всѣ тѣ, при посредствѣ которыхъ собственность, находившаяся въ однѣхъ рукахъ, переходитъ въ другія путемъ продажи, даренія и т. под., причемъ совершается и самая передача собственности—традиція (traditio); къ производнымъ же способамъ относится и переходъ собственности въ другія руки въ силу судебнаго рѣшенія. Наконецъ, собственность можетъ быть пріобрѣтена еще въ силу давностнаго владѣнія. Посредствомъ давностнаго владѣнія собственникомъ дѣлается тотъ, кто при извѣстныхъ условіяхъ владѣлъ вещью опредѣленное въ законѣ время. Эти условія слѣдующія: 1) протеченіе извѣстнаго времени, закономъ опредѣленнаго. Во 2) justus titulus, т. е. законное основаніе владѣнія. Подъ законнымъ основаніемъ разумѣется всякое такое основаніе, при посредствѣ котораго, обыкновенно, пріобрѣтается вещь въ собственность, но въ которомъ, въ данномъ случаѣ, былъ какой нибудь недостатокъ или порокъ, вслѣдствіе чего собственность пріобрѣтается не сейчасъ же, а чрезъ извѣстный срокъ. Такой порокъ можетъ быть или въ лицѣ, напр. вещь передана не ея собственникомъ, а постороннимъ лицомъ, которое не имѣло права собственности въ этой вещи; или въ самомъ актѣ передачи, въ которомъ могла быть сдѣлана какая нибудь ошибка. Въ 3) владѣлецъ вещи долженъ быть добросовѣстнымъ владѣльцемъ, bona fide; подъ добросовѣстностью владѣнія разумѣется то, что владѣлецъ не зналъ, что въ способѣ пріобрѣтенія имъ вещи на законномъ основаніи есть какой-то порокъ; онъ долженъ быть увѣренъ, что пріобрѣлъ вещь правильно, это и есть добросовѣстное владѣніе. При наличности этихъ условій владѣлецъ вещи дѣлается ея собственникомъ, не смотря на то, что въ актѣ пріобрѣтенія была какая нибудь погрѣшность. Пріобрѣтеніе въ силу давностнаго владѣнія имѣетъ цѣлью внести начало твердости въ гражданскій оборотъ.

При отсутствіи этого института, положеніе пріобрѣтателя было бы въ очень многихъ случаяхъ постоянно шаткимъ и безъ

его вины, такъ какъ онъ и не подозрѣваетъ, что въ способъ пріобрѣтенія вкралась ошибка. Но и интересы собственника, который путемъ давностнаго владѣнія теряетъ свои права, также достаточно ограждены. Если онъ заботливый хозяинъ, онъ не дастъ истечь времени, которое необходимо для того, чтобы у владѣльца возникло право собственности. Въ противномъ случаѣ онъ несетъ естественныя послѣдствія своего невниманія къ собственнымъ интересамъ.

Третій видъ отношеній человѣка къ вещи, это право на чужія вещи или сервитуты. Подъ правомъ на чужую вещь разумѣется пользованіе чужою вещью въ какомъ-нибудь частномъ, опредѣленномъ отношеніи. Сюда принадлежитъ, напр., право прохода по чужой землѣ, право брать воду изъ колодца, принадлежащаго сосѣду, и т. под. Въ этихъ случаяхъ изъ правъ собственника нѣчто выдѣляется въ пользу посторонняго лица. По содержанію своему, право на чужую вещь представляется составною частью права собственности; постороннему лицу предоставляется право пользоваться чужою вещью въ томъ же отношеніи, въ какомъ пользуется ею и самъ собственникъ. Такимъ образомъ, права въ чужой вещи являются ограниченіемъ права собственности. Это ограничіе проявляется или въ томъ, что собственникъ долженъ 1) терпѣть, чтобы другое лицо въ предѣлахъ его владѣній дѣлало то, на что онъ имѣетъ право какъ собственникъ, напр., брало воду въ его владѣніи, прогоняло скотъ чрезъ его поля и т. под.; 2) собственникъ самъ долженъ воздерживаться отъ нѣкоторыхъ дѣйствій, на которыя онъ имѣетъ право какъ собственникъ. Каждый, напр., собственникъ въ предѣлахъ своихъ владѣній, по праву собственности, можетъ воздвигать зданія, какого угодно размѣра и высоты; но иногда собственникъ обязывается не воздвигать зданій выше извѣстной высоты, чтобы тѣмъ не закрыть свѣта для своего сосѣда.

Таковы три вида отношеній человѣка къ вещамъ, различаемые въ наше время. Различали ли въ древнѣйшую эпоху собственность, владѣніе и права на чужія вещи? Эти различія свидѣтельствуютъ о большой способности къ отвлеченію. Уже по одному этому, a priori, трудно думать, чтобы въ древности они были возможны. На первыхъ ступеняхъ развитія какъ у насъ, такъ и въ германскомъ правѣ, владѣніе и собственность сливались. Собственникъ былъ въ то-же время и владѣльцемъ, а кто владѣлъ, тотъ былъ и собственникомъ. «Въ началѣ исторіи, говоритъ Кунце о римскомъ правѣ, собственность скрыта во владѣніи; наивное чувство человѣка въ состояніи признать наличность

собственности только по признакамъ владѣнія; лишь съ теченіемъ времени пріучается человѣкъ понимать собственность въ ея чистой идеѣ (329).

Ясный слѣдъ того, что въ древности не различали владѣнія и собственности, находимъ даже въ сравнительно позднихъ памятникахъ, судныхъ спискахъ XV в. Сторона жалуется на то, что пустошь ея покосили сильно. Судья, выслушавъ жалобу, спрашиваетъ: «чьи тѣ пустоши, кто тѣ пустоши коситъ?» Отвѣтъ на вопросъ «чьи пустоши?» долженъ состоять въ разъясненіи, кому принадлежатъ пустоши, кто ихъ собственникъ. Второй же вопросъ: «кто коситъ?» есть вопросъ о владѣніи. Но въ головѣ судьи эти два вопроса не различаются, они составляютъ для него одинъ вопросъ, потому, конечно, что по его взгляду, кто коситъ пустоши, тому онѣ и должны принадлежать.

Безразличіе собственности и владѣнія выражалось въ томъ, что не было и особой охраны владѣнія, различной отъ охраны собственности. Искъ вчинался о завладѣніи, а судья въ приговорѣ ставилъ рѣшеніе о собственности. Такъ и по древнему нѣмецкому праву не было точнаго различія между собственностью и владѣніемъ и не было особой охраны владѣнія. Насильно изгнанный владѣлецъ долженъ былъ доказать свое *право* владѣнія, а не одинъ только фактъ насильнаго изгнанія (Brunner, у Гольцендорфа, I, 176).

По Германскому праву движимая собственность не всегда защищалась абсолютнымъ искомъ противъ каждаго третьяго владѣльца. Если собственникъ самъ отдалъ свою вещь другому, онъ имѣлъ искъ только противъ этого другаго: «Hand muss Hand wahren» или «wo du deinen Glauben gelassen hast, musst du ihn suchen». Только при кражѣ искъ былъ абсолютенъ. Хозяинъ украденной вещи могъ требовать возвращенія ея, хотя бы она находилась и у добросовѣстнаго владѣльца. Это послѣднее правило извѣстно и Русской Правдѣ. Изъ статей о сводѣ слѣдуетъ, что опознавшій свою украденную вещь можетъ требовать возвращенія ея отъ каждаго владѣльца и отъ того, кто купилъ ее на торгу. (Акад. сп. 13, 15; Тр. 29, 32; ср. Пск. суд. гр. 46, 54, 56, гдѣ, кажется, иначе).

Въ памятникахъ, относящихся къ концу этого періода, различается уже пожизненное владѣніе отъ собственности и особая охрана владѣнія. Первое различіе встрѣчается въ Псковской Судной грамотѣ. Пожизненное владѣніе она называетъ кормлею. Въ статьѣ 72 читаемъ: «а которому человѣку будетъ кормля написана въ рукописаніи, и грамотами владѣть землеными учнетъ...

а продастъ тую землю, а доличатъ того человѣка, ино ему земля та выкупити, а свою кормлю покралъ». Что кормля есть пожизненное владѣніе, это видно изъ 88 ст. грамоты: «а у котораго человѣка помретъ жена безъ рукописанія, а у ней останется отчина, ино мужу ея владѣти тою отчиною до своего живота, толко не оженится; а оженится, кормли ему нѣтъ».

Такое различіе могло возникнуть само собой, независимо отъ какого-либо иностраннаго вліянія. Но нельзя не указать здѣсь на сходство статей Пск. Суд. гр. о кормлѣ супруговъ съ указаннымъ выше постановленіемъ Эклоги, по которому, въ извѣстномъ случаѣ, пережившій супругъ могъ пожизненно владѣть всѣмъ имуществомъ умершаго.

Въ Новгородской Судной грамотѣ имѣемъ уже статью, въ которой сдѣлано различіе въ охранѣ собственности отъ охраны владѣнія. 10 статья говоритъ о »наѣздѣ» на чужую землю (завладѣніе) и предписываетъ прежде дать судъ о наѣздѣ, а потомъ уже о землѣ (о правѣ собственности): «а кто на комъ поищетъ наѣзда, или грабежа въ земномъ дѣлѣ, ино судити напередъ наѣздъ и грабежъ; а о земли послѣ судъ».

Самое слово собственность въ древнее время не было извѣстно. Вмѣсто него употреблялись описательныя выраженія: моя, твоя земля, моя купля, купилъ въ прокъ, въ дернь (отъ финскаго deren-firmus, manderen-terra firma; холопъ дерноватый). Глаголъ купить въ древнее время (какъ и теперь у крестьянъ, напр., въ Лужскомъ уѣздѣ) обозначалъ и наемъ, а потому для обозначенія пріобрѣтенія въ собственность надо было прибавить: купилъ въ прокъ, въ вѣки, себѣ и дѣтямъ. У нѣмцевъ также слово Eigenthum образовалось позднѣе, а прежде собственность обозначали словами: eigen, Were, Gewere, отъ wehren недопускать, защищать, откуда и Gewehr, оружіе. Первоначально Gevere есть необособленное единство собственности и владѣнія, защищаемое судомъ. Съ теченіемъ времени въ этомъ понятіи начинаютъ различать фактическое владѣніе, юридическое владѣніе и даже наслѣдственную собственность (Zöpfl, стр. 733 и сл.. Warnkönig, Französische Staats und Rechtsgeschichte, II 295 сл., 324 сл.).

Одинъ изъ древнѣйшихъ способовъ пріобрѣтенія собственности состоитъ въ завладѣніи вещью, которое проявляется въ примѣненіи къ вещи человѣческаго труда. Древнѣйшая собственность заключалась, конечно, въ движимостяхъ. Дерево и камень, приспособленные къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей, составляли собственность того, кто ихъ обработалъ; также точно животные: кто приручилъ животное, тотъ и былъ его собственни-

комъ. По отношеніи къ землѣ освоеніе проявляется въ приспособленіи ея къ сельско-хозяйственнымъ нуждамъ. Что такой способъ существовалъ у насъ, на это есть указанія въ судныхъ спискахъ. Кто успѣвалъ доказать, что онъ косилъ или пахалъ извѣстную землю, тотъ и былъ признаваемъ судьею собственникомъ земли. Согласно съ этимъ въ древности существовало такое выраженіе: «все мое, куда топоръ, коса, соха ходили», т.-е. гдѣ я фактически господствовалъ, на то у меня и право.

Кромѣ первоначальныхъ способовъ встрѣчаемся и съ производными: въ силу пожалованія, по договорамъ, по наслѣдству и въ силу судебнаго рѣшенія. Но въ этихъ случаяхъ для пріобрѣтенія собственности требовался еще отводъ земли по межамъ, нѣчто въ родѣ традиціи или позднѣйшаго ввода во владѣніе. Пріобрѣтаемый участокъ обходился въ натурѣ по межамъ, при чемъ иногда ставились грани и копались межевыя ямы.

Изъ судныхъ списковъ XV в. видно, что было извѣстно уже и пріобрѣтеніе въ силу давностнаго владѣнія. Фактъ владѣнія, въ случаѣ спора, доказывался показаніями старожильцевъ, которые заявляли, что «изстари такъ было», они помнятъ, что лѣтъ 20, 40 или 50 тому назадъ этотъ человѣкъ косилъ такіе-то луга, или пахалъ такую-то землю. Но срокъ, по истеченіи котораго давностное владѣніе переходило въ собственность, въ древности не былъ точно опредѣленъ: обыкновенно ссылаются на много лѣтъ, кто сколько помнитъ. Не находимъ также указаній, чтобы для пріобрѣтенія собственности путемъ давностнаго владѣнія требовались два другія выработанныя римскимъ правомъ условія, т.-е. justus titulus и bona fides.

Разсмотримъ теперь формы древняго землевладѣнія. Этотъ вопросъ рѣшается весьма различно. Писатели родовой школы, начиная съ Эверса и Рейца думаютъ, что въ древности на Руси не было частной, личной собственности, а была только собственность родовая. Къ этому мнѣнію примыкаютъ и нѣкоторые новые изслѣдователи, которые думаютъ, что въ древности не было личной собственности, а была собственность семейная; въ семьѣ же не отецъ былъ собственникомъ, а вся семья, какъ одно цѣлое. Неволинъ высказывается противъ родовой собственности; онъ думаетъ, что частныя лица съ древнѣйшаго времени были собственниками. Для историческаго времени, когда родовая замкнутость распалась, мнѣніе Неволина совершенно справедливо. Какія были отношенія рода къ собственности во времена болѣе отдаленныя, на это мы не имѣемъ никакихъ указаній въ нашихъ

источникахъ. Въ эпоху, къ которой относятся древнѣйшія свидѣтельства, русскіе Славяне уже вышли изъ родоваго быта, и собственность по смерти отца дѣлилась, какъ это видно изъ 100 статьи Троицкаго списка Русской Правды, которая говоритъ о дѣлежѣ наслѣдства между братьями: «аже братья растяжуться передъ княземъ о задницѣ», т. е. о наслѣдствѣ, то «который дѣтьскій идѣть дѣлить ихъ». Слѣдовательно, братья могутъ дѣлить то, что имъ досталось по наслѣдству; родственники, значитъ, могутъ имѣть свою отдѣльную собственность. Утверждая это, мы вовсе не хотимъ сказать, что собственность непремѣнно дѣлилась сыновьями послѣ смерти ихъ отца. Братья, конечно, могли жить, если хотѣли, вмѣстѣ; въ такомъ случаѣ у нихъ будетъ общая собственность. Такая общая собственность можетъ быть и у не родственниковъ, если они находятъ это для себя выгоднымъ. Но такое общеніе необязательно и продолжается пока нравится. Если братья найдутъ, что для нихъ выгоднѣе отдѣльная собственность, они могутъ требовать раздѣла. Такимъ образомъ, члены семьи, по взаимному согласію, могли жить вмѣстѣ, и по смерти отца, подобно тому, какъ и совершенно чужіе люди могли соединяться для совмѣстнаго хозяйства, если это имъ нравилось.

Другое мнѣніе состоитъ въ томъ, что первоначально преобладало общинное землевладѣніе. Это мнѣніе имѣетъ представителей преимущественно среди писателей славянофильскаго направленія. Противникомъ древности общиннаго землевладѣнія выступилъ Чичеринъ въ нѣсколькихъ статьяхъ, которыя первоначально печатались въ Русскомъ Вѣстникѣ, а затѣмъ вышли отдѣльной книгой подъ назв. Опыты по исторіи Русскаго Права. Въ послѣднее время древность общиннаго землевладѣнія пріобрѣла многихъ новыхъ защитниковъ [1]). Мнѣніе о томъ, что древняя форма землевладѣнія есть общинная, а не частная, не есть особенность только русской литературы, а имѣетъ своихъ сторонниковъ и на западѣ [2]). Сторонники общин. землевладѣнія не говорятъ только, что въ древности существовала нѣкоторая форма общиннаго землевладѣнія, они утверждаютъ, что въ настоящее время существующая форма общиннаго землевладѣнія есть только слабый остатокъ древняго общиннаго землевладѣнія. Дѣйствительно, въ настоящее время мы встрѣчаемся съ общинной

---

[1]) Кейслеръ «Zur Geschichte und Kritik der bauerlichen Gemeindebesitzes in Russland» 1876 г. Соколовскій «Очеркъ исторіи сельскихъ общинъ на сѣверѣ Россіи» 1877 г.

[2]) Сводъ мнѣній сдѣланъ Проф. Нелидовымъ въ его обзорѣ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросовъ, относящихся къ древне-германскому устройству. 1868 годъ.

формой землевладѣнія какъ у насъ, такъ въ Германіи и во многихъ другихъ мѣстахъ. Фактъ существованія земельной общины не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но вопросъ только въ томъ, въ самомъ ли дѣлѣ эта на глазахъ нашихъ существующая земельная община такъ стара, какъ это думаютъ представители разсматриваемаго мнѣнія.

Въ западной литературѣ нерѣдко высказывается мнѣніе о томъ, что частная поземельная собственность есть явленіе вторичное, что на первыхъ ступеняхъ развитія человѣческихъ обществъ ей предшествовало иное отношеніе человѣка къ землѣ. Но для обозначенія этого предшествовавшаго состоянія не встрѣчается опредѣленнаго имени. Часто одинъ и тотъ же писатель даетъ ему различныя названія, имѣющія далеко не одинакій смыслъ. Такъ напр. Рошеръ употребляетъ для этого то Feldgemeinschaft, то Gemeingut; Dareste de la Chavanne—то propriété communale, то exploitation commune, то наконецъ propriété de la famille [1]).

Уже это отсутствіе опредѣленнаго термина указываетъ на то, что самое понятіе еще недостаточно ясно выработалось. Къ тому же заключенію, но еще съ бо́льшею силою, приводитъ разсмотрѣніе тѣхъ отдѣльныхъ видовъ владѣнія, которыя подводятся подъ понятіе общей собственности. Здѣсь смѣшиваются самыя разнообразныя формы, начиная отъ простѣйшей и наиболѣе древней, когда земли не дѣлились потому, что ихъ было слишкомъ много и въ дѣлежѣ никто не чувствовалъ потребности. и оканчивая самой сложной и очевидно позднѣйшей, когда земли состоятъ въ правильно организованномъ общинномъ владѣніи потому, что эта форма, при извѣстныхъ условіяхъ быта. сознается наиболѣе соотвѣтствующею потребностямъ общества. Подъ понятіе общей собственности, предшествовавшей появленію частной, одинаково подводятъ какъ германскую общину во всѣ времена ея историческаго существованія, такъ и семейную общину Славянъ, поселенныхъ по военной границѣ, какъ русскую общину, такъ и тѣ поземельныя отношенія, въ которыхъ находились Авраамъ и Лотъ. Такъ напр. Dareste de la Chavanne, выводя изъ словъ Цезаря: (privati ac separati agri apud eos nihil est), что у Германцевъ того времени было общинное хозяйство съ правильнымъ ежегоднымъ передѣломъ земель, на слѣдующей страницѣ говоритъ: «это учрежденіе всего долѣе удержалось на востокѣ и сѣверѣ Европы. Его слѣды очевидны въ государствахъ Скандинав-

[1]) Roscher—System der Volksvirtschaft, II B; Dareste de la Chavanne—Histoire des classes agricoles en France.

скихъ. Оно поддерживается и теперь въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Россіи, въ которыхъ и до сихъ поръ неизвѣстна частная поземельная собственность именно потому, что еще не чувствовался недостатокъ въ землѣ. Очень понятно, что такое хозяйство будетъ держаться тамъ, гдѣ много свободной земли, гдѣ существованіе обширныхъ лѣсовъ и естественныхъ пастбищъ дѣлаетъ почти излишней затрату капитала, гдѣ, наконецъ, число людей и количество скота первое условіе богатства. Для племенъ, ведущихъ жизнь кочевую и пастушескую, земля можетъ имѣть только второстепенное значеніе». И въ слѣдъ затѣмъ въ выноскѣ: «такъ у древнихъ Евреевъ, когда семьи распадались, онѣ дѣлили стада, но не дѣлили земли. Авраамъ сказалъ Лоту: «да не будетъ вражды между мной и тобой, между моими пастухами и твоими. Не вся ли земля передъ нами! Если ты пойдешь на лѣво, я—на право» и такъ далѣе. Разъ смѣшавши подъ однимъ общимъ и крайне неопредѣленнымъ понятіемъ очень различные виды поземельныхъ отношеній, весьма было естественно придти къ объясненію одного другимъ и, слѣдовательно, русской общины поземельными отношеніями кочеваго племени. Нѣсколько далѣе авторъ дѣлаетъ еще одно, также неудачное, сближеніе русской административной общины съ кланомъ. «Возникновеніе общины, говоритъ онъ, объясняетъ ея управленіе. Начальникъ занимаетъ мѣсто отца; другіе члены общины относятся къ нему, какъ дѣти; онъ опредѣляетъ каждому степень его участія въ общихъ работахъ и общихъ доходахъ. Эта простота устройства долгое время существовала у Галловъ и Кельтовъ въ Великобританіи; она встрѣчается теперь у такихъ народовъ, которые, какъ напр., Русскіе, стоятъ ближе, чѣмъ мы, къ древнимъ преданіямъ: каждая изъ ихъ общинъ и теперь еще управляется старостою или патріархомъ, который, при содѣйствіи совѣта, опредѣляетъ каждому его участокъ и работу».

Приведенное здѣсь мнѣніе французскаго писателя есть ничто иное какъ распространеніе § 71 второй части системы народнаго хозяйства Рошера, съ тѣмъ важнымъ различіемъ, что нѣмецкій ученый строго держится своихъ источниковъ и не выступаетъ на опасный путь сближеній. Что же касается подведенія подъ одно понятіе Gemeingut, какъ первоначальной формы хозяйства (uralte Institution), самыхъ разнообразныхъ видовъ владѣнія, въ этомъ отношеніи Рошеръ не отличается отъ Дареста [1]).

Въ дѣйствительности, разные виды владѣнія, подводимые подъ

[1]) Такое же смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ формъ поземельныхъ отношеній встрѣчается и у Лавеле, De la propriété et de ses formes primitives. 1874.

понятіе Gemeingut, возникли далеко не въ одно время и на столько различаются по своему характеру, что это обобщеніе скорѣе запутываетъ, чѣмъ объясняетъ дѣло. Если нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно можно относить къ весьма глубокой древности, за то другіе и именно тѣ, въ которыхъ общинный элементъ развитъ наиопредѣленнѣйшимъ образомъ, сложились на памяти исторіи и гораздо позднѣе частной собственности. Въ подтвержденіе этой мысли я остановлюсь сперва на германской общинѣ, исторіи которой посвящены два сочиненія Маурера: G. L. Maurer — Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof, Dorf- und Stadtverfassung, 1854, и — Geschichte der Marken verfassung in Deutschland, 1856.

Мауреръ не только самъ держится обозначеннаго выше направленія, но и служитъ однимъ изъ главныхъ его источниковъ; на его историческія изслѣдованія ссылаются какъ Рошеръ, такъ и Дарестъ, а въ послѣднее время и Лавеле. Въ своей исторіи германской марки Мауреръ съ особенной любовью останавливается на мысли о томъ, что общинное владѣніе, въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, было первоначальной и самой распространенной формой поземельныхъ отношеній въ Германіи. Во время, предшествовавшее великому переселенію народовъ, въ общемъ владѣніи, по его мнѣнію, состояли не одни только лѣса и луга, но и поля. Общее поле дѣлилось на участки по числу членовъ общины; каждый изъ нихъ получалъ по равному участку; чтобы это первоначальное равенство не нарушилось съ теченіемъ времени, были ежегодно передѣлы. Такимъ образомъ, общинное устройство обезпечивало каждому Германцу постоянное и одинаковое участіе въ пользованіи землей. Этотъ исконный порядокъ подвергся существенному измѣненію въ періодъ великаго переселенія народовъ. На новыхъ мѣстахъ поселенія общинный элементъ представляется значительно ослабѣвшимъ. Поля поступили въ частную собственность, общеніе же удержалось только за лѣсами и лугами. Съ того же времени появилось и неравенство въ распредѣленіи земель. Вмѣстѣ съ этимъ и значеніе общины, какъ административное, такъ и поземельное, начало падать.

Обозначенную здѣсь связь явленій можно допустить только по отношенію къ административной общинѣ, самостоятельность которой дѣйствительно уменьшается по мѣрѣ усиленія государственнаго элемента. Что же касается общины поземельной, то порядокъ былъ совершенно обратный, т.-е. необходимость общиннаго хозяйства возникла только въ позднѣйшее время.

Историческихъ свидѣтельствъ, относящихся ко времени, предшествовавшему переселенію народовъ, очень мало; они всѣ сводятся къ двумъ-тремъ мѣстамъ Цезаря и Тацита. Но извѣстія этихъ авторовъ такъ кратки и неопредѣленны, что ни одинъ изслѣдователь не воспроизводитъ картины первоначальныхъ поземельныхъ отношеній — только на основаніи ихъ словъ, не пополняя ихъ или заключеніями отъ позднѣйшаго времени, или аналогіей съ другими народами, стоящими, по мнѣнію изслѣдователя, на той же ступени развитія. Согласно съ этимъ состояніемъ источниковъ, я начну со времени, послѣдовавшаго за великимъ переселеніемъ, какъ болѣе освѣщеннаго историческими свидѣтельствами, и только въ заключеніе разсмотрю тѣ немногія и очень различно понимаемыя мѣста, которыя относятся къ Германцамъ Цезаря и Тацита.

Древняя марка, территорія общины, состояла изъ земель двоякаго рода: однѣ, дворы, виноградники и поля, принадлежали членамъ общины на правѣ частной собственности; другія, лѣса и луга, состояли въ ихъ нераздѣльномъ пользованіи [1]).

Эта нераздѣльность не была однако постояннымъ свойствомъ общей марки. Нераздѣленныя земли служили запаснымъ капиталомъ для членовъ общины, и какъ скоро кто нибудь изъ нихъ чувствовалъ необходимость увеличить свои поля, онъ могъ это сдѣлать на счетъ нераздѣленной марки. Для этого довольно было вспахать и засѣять еще никѣмъ не воздѣланную землю, или даже и того меньше — обойдти ее при соблюденіи нѣкоторыхъ обычныхъ формальностей, и она переставала быть общей и обращалась въ частную собственность. Въ непосредственной связи съ этимъ правомъ *занимать* общія земли стоитъ другое, очень къ нему близкое, *выселяться* на общія земли. По мѣрѣ возрастанія народонаселенія, участки, состоявшіе въ частной собственности и переходившіе по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ, должны были все болѣе и болѣе дробиться. Пока деревни не были еще очень велики, можно было избѣгнуть излишняго дробленія посредствомъ *занятія* для новыхъ членовъ семейства пустопорожнихъ земель. Но когда деревни очень увеличились и обложились большимъ пространствомъ распаханныхъ полей, новыя занятія не представляли тѣхъ же выгодъ въ хозяйственномъ отношеніи, потому что лежали очень далеко отъ дворовъ. Тогда оставалось одно только средство—совершенное выселеніе новыхъ

---

[1]) Слово марка употребляется въ двухъ значеніяхъ: въ болѣе широкомъ оно обозначаетъ всю землю, занятую общиной; въ тѣсномъ — только нераздѣленную ея часть.

членовъ на новыя мѣста. Такимъ образомъ въ каждой маркѣ возлѣ первоначальной деревни мало-по-малу возникли новыя (Filialdörfer), которыя въ свою очередь часть земли, сколько было нужно, обращали въ частную собственность, а остальною маркой пользовались безъ раздѣла на ряду съ главной деревней [1]).

Изъ этихъ неограниченныхъ правъ каждаго члена общины на общую марку видно, что неразлѣльной оставалась она вовсе не потому, что по отношенію къ ней была примѣнена какая-нибудь форма общиннаго владѣнія, исключавшая частную собственность. Причина нераздѣльности лежала единственно въ обиліи земель. Никѣмъ не занятыхъ пустошей и лѣсовъ было еще такъ много, что въ пользованіи ими частные интересы не могли столкнуться, а потому не могло родиться и никакихъ вопросовъ о формѣ владѣнія. Эти вопросы возникали только тогда, когда на землю былъ затраченъ трудъ, когда она была распахана; такая земля выходила изъ первоначальнаго безразличія и становилась частной собственностью.

Для пользованія нераздѣльной маркой не было установлено никакой формы общиннаго хозяйства, опредѣляющей мѣру участія отдѣльныхъ членовъ въ общей маркѣ. Въ нераздѣльныхъ лѣсахъ господствовала совершенно частная система хозяйства. Всякій членъ общины пользовался ими какъ своею собственностью: рубилъ, гдѣ и сколько хотѣлъ, безъ всякихъ ограниченій. Обиліе земель и лѣсовъ устраняло необходимость какой-либо опредѣленной формы общиннаго пользованія.

Единственный образчикъ общиннаго хозяйства германская марка представляетъ въ тѣхъ земляхъ, которыя принадлежали отдѣльнымъ членамъ на правѣ частной собственности. Это общеніе стоитъ въ непосредственной связи съ разбросанностью участковъ каждаго отдѣльнаго собственника, причину которой надо искать въ порядкѣ, которымъ происходили первоначальныя заселенія. Тамъ, гдѣ заселеніе дѣлалось не отдѣльными лицами, а цѣлыми общинами, которыя селились деревнями, естественно было желать каждому домохозяину получить участокъ качествомъ земли и выгодою положенія (по близости ко двору и проч.) не хуже участка всякаго другаго члена общины. А этого можно было достигнуть только такимъ путемъ: все то количество земли, которое предполагалось распахать, или, если поселеніе дѣлалось на распаханной уже землѣ, все поле надо было разбить на

---

[1]) Встрѣчаются выселки, которые пользуются меньшими правами, чѣмъ первоначальныя деревни; но ихъ возникновеніе относится къ позднѣйшему времени, когда уже начиналъ чувствоваться недостатокъ въ земляхъ.

столько участковъ, сколько оно представляло естественныхъ различій по качеству и по положенію, и каждый изъ такихъ участковъ раздѣлить по числу членовъ общины. Такимъ образомъ каждый членъ получалъ по участку какъ въ лучшей землѣ, такъ и въ худшей, какъ въ близкой, такъ и въ далекой. Ясные слѣды такого раздѣла земель представляютъ и теперь нѣкоторыя нѣмецкія деревни, а еще болѣе—датскія. При господствѣ трехъпольной системы необходимо было каждому собственнику подчиниться нѣкоторымъ общимъ правиламъ въ распредѣленіи своихъ полей для того, чтобы при разбросанности участковъ не пропадало даромъ третье поле, оставшееся подъ паромъ. Главное изъ этихъ правилъ состояло въ слѣдующемъ: чтобы можно было выгонять скотъ на паръ, не побивая окружающихъ полей, всѣ члены общины должны были имѣть паровое поле въ одномъ мѣстѣ; оно служило общиннымъ пастбищемъ. Это и есть такъназываемая Feldgemeinschaft. Возникнувъ исключительно для частныхъ хозяйственныхъ удобствъ, она не имѣла въ себѣ ничего принудительнаго. Какъ скоро тотъ или другой домохозяинъ замѣчалъ, что для него будетъ выгоднѣе не гонять свой скотъ на общій паръ и вмѣстѣ съ тѣмъ не пускать деревенскій скотъ на свой, онъ могъ выйдти изъ общенія. Для этого ему нужно было только *огородить* свое поле.

Нельзя, однако, сказать, что-бы на ряду съ этими широкими правами каждаго отдѣльнаго члена сама община, какъ самостоятельное цѣлое, не имѣла никакихъ правъ на марку. Ея право проявляется въ томъ, что никто, не принадлежащій къ общинѣ, не могъ ни селиться [1]) на ея земляхъ, ни покупать ихъ безъ ея согласія. Такимъ образомъ, общинѣ присуще было сознаніе о томъ, что земля марки принадлежитъ ей, что она собственница. Но это нисколько не мѣшало отдѣльнымъ членамъ общины осваивать земли марки въ свою частную собственность. Явленія, на нашъ взглядъ взаимно исключающія другъ друга, въ древности уживались дружно вмѣстѣ. Здѣсь мы встрѣчаемся единовременно съ правами цѣлой общины на земли марки и съ правомъ отдѣльныхъ членовъ общины обращать эти земли въ свою

---

[1]) Въ этомъ случаѣ проявилось очень характеристическое для древнѣйшей исторіи едва-ли не всякаго права преобладаніе частнаго элемента надъ общимъ. Законъ Салическій (XLVII 1, изд. Pardessus, пятый текстъ), въ которомъ встрѣчается древнѣйшее постановленіе, относящееся къ этому предмету, требуетъ для принятія новаго члена единогласнаго приговора общины: одинъ членъ, не желающій дозволить иностранцу поселиться въ нераздѣленной маркѣ, можетъ требовать его удаленія, если бы всѣ другіе и были противнаго мнѣнія; а, конечно, воля общины болѣе выражается въ мнѣніи всѣхъ ея членовъ за исключеніемъ одного, чѣмъ въ мнѣніи этого одного.

частную собственность. Но о какой либо опредѣленной формѣ общиннаго пользованія неосвоенными въ частную собственность землями марки нѣтъ и помину.

Таковъ былъ характеръ первоначальныхъ поземельныхъ отношеній германской общины. Какъ долго онъ сохранялся, не можетъ быть опредѣлено для всей Германіи однимъ годомъ, даже вѣкомъ. Неограниченныя права каждаго члена на нераздѣленную марку условливались обиліемъ земель, и только съ прекращеніемъ этого обилія могла возникнуть мысль о необходимости другихъ поземельныхъ отношеній. Уменьшеніе общихъ земель совершалось главнымъ образомъ вслѣдствіе естественнаго возрастанія народонаселенія, чѣмъ вызывался постоянный переходъ общихъ земель въ частную собственность. Но на ряду съ этой причиной дѣйствовала и другая—усиленіе государственной власти сперва въ формѣ имперіи, а потомъ въ формѣ Landeshoheit, вступившей во всѣ права первой. Наслѣдовавъ отъ общинъ права верховнаго господства надъ территоріей марки, Landesherr'ы мало-по-малу присвоили себѣ и права частной собственности: весьма многіе государственные лѣса прежде были въ нераздѣльномъ пользованіи общинъ. Развитіе этихъ двухъ причинъ въ однихъ областяхъ Германіи шло скорѣе, въ другихъ медленнѣе. Поэтому и общины далеко не одновременно пришли къ сознанію своихъ общинныхъ поземельныхъ правъ и къ необходимости особыми постановленіями опредѣлить мѣру участія отдѣльныхъ членовъ и порядокъ пользованія общими землями. Такъ, напр., въ кантонѣ Швицъ еще въ XIV вѣкѣ можно было свободно роспахивать и засѣвать общую марку; а въ Rheingau уже во второй половинѣ XII вѣка встрѣчаются запрещенія обращать лѣсъ въ частную собственность; для марки Mörler такое запрещеніе возникло въ концѣ XIII вѣка.

Въ ограниченіи общинами правъ отдѣльныхъ членовъ видна своего рода постепенность. Какъ и естественно, вниманіе общинъ прежде всего должно было остановиться на правѣ обращать марку въ частную собственность: оно всего болѣе угрожало интересамъ общины и было отнято прежде другихъ. Еще въ XV вѣкѣ право рубить лѣсъ и топливо по своему усмотрѣнію довольно распространено, тогда какъ на существованіе права занимать марку не встрѣчается болѣе указаній.

Главный источникъ этихъ новыхъ поземельныхъ отношеній составляютъ Weisthümer. Древнѣйшія изъ нихъ не восходятъ далѣе XII вѣка. Но такъ какъ въ нихъ заносились по большей

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

части обычаи, уже сложившіеся, то древнѣйшія ихъ основы можно относить къ XI и даже X вѣку. Временемъ же если не окончательнаго (потому что акты, воспрещающіе свободное пользованіе лѣсомъ, встрѣчаются и позднѣе), то по крайней мѣрѣ повсемѣстнаго распространенія новаго порядка общиннаго владѣнія можно считать XVI вѣкъ. Такимъ образомъ новыя поземельныя отношенія сложились въ длинный промежутокъ времени отъ X до XVI вѣка.

Главныя черты этого новаго и на этотъ разъ дѣйствительно общиннаго владѣнія состоятъ въ слѣдующемъ. Права общины на неосвоенныя въ частную собственность земли марки выступили на первый планъ. Отдѣльные члены могутъ только пользоваться нераздѣльной маркой, а не обращать ее въ свою частную собственность. Это право пользованія стоитъ въ непосредственной связи съ правомъ частной собственности въ раздѣленной маркѣ и относится къ нему какъ *принадлежность*, т. е. только членъ собственникъ можетъ пользоваться общими угодьями. Поэтому, если у отца не было столько поземельной собственности, чтобы надѣлить всѣхъ сыновей, сынъ, неполучившій участка, не имѣлъ никакого права и на нераздѣленную марку [1]).

Мѣра участія въ частной недвижимой собственности, условливающая пользованіе общей маркой, опредѣлялась различно: въ однихъ общинахъ требовалось имѣть не только свой дворъ, но и свое поле (это maximum). Прямое и необходимое слѣдствіе этого свойства принадлежности проявляется въ томъ, что члены одной и той же общины имѣютъ не одинакое участіе въ общей маркѣ [2]).

Какъ вовсе не имѣвшій частной собственности не могъ пользоваться и общинными угодьями, такъ и на оборотъ, кто имѣлъ два двора или двойное количество земли, тотъ и общими лѣсами пользовался вдвое, у кого три двора — втрое и т. д.

Въ признакѣ *принадлежности* заключается существенное различіе германской поземельной общины отъ русской: тамъ участіе въ общинныхъ земляхъ опредѣляется количествомъ част-

---

[1]) Этотъ признакъ принадлежности со всѣми его послѣдствіями составляетъ постоянное свойство германской поземельной общины, во всѣ времена. Но пока всякій домохозяинъ могъ свободно распространять свою частную собственность на счетъ общей марки, не было никакого затрудненія въ надѣленіи сыновей, а слѣдовательно каждый изъ нихъ непремѣнно получалъ и участіе въ общей маркѣ. Съ прекращеніемъ свободы занимать общія земли, легко могло случиться, что не всѣ наслѣдники получали часть въ наслѣдствѣ, а вмѣстѣ съ этимъ они исключались и изъ пользованія общей марки.

[2]) Таково общее правило, хотя встрѣчаются для немногихъ, впрочемъ, общинъ указанія на „равное право“ всѣхъ членовъ.

ной собственности; у насъ право пользованія общинными землями *самостоятельное* и принадлежитъ въ одинаковой мѣрѣ каждому члену, который несетъ тягло. Изъ того же признака вытекаютъ два дальнѣйшія слѣдствія, также существенно отличающія германскую общину отъ русской. Какъ принадлежность, право на участіе въ общихъ угодьяхъ переходитъ по наслѣдству и можетъ быть отчуждаемо вмѣстѣ съ частной собственностью [1]). Поэтому вся марка, какъ раздѣленная, такъ и общая, можетъ сосредоточиться въ однѣхъ рукахъ: исторія германскихъ общинъ представляетъ не одинъ примѣръ подобнаго перехода общинныхъ земель въ частныя руки. Русская общинная земля, не состоя ни въ какой связи съ частной собственностью, не переходитъ по наслѣдству; такимъ образомъ русская организація общиннаго владѣнія въ большей мѣрѣ обезпечиваетъ за общинами ихъ собственность, чѣмъ германская.

Самый порядокъ пользованія, подвергся строгому опредѣленію и надзору со стороны общинныхъ властей; изъ частнаго, какимъ былъ прежде, онъ перешелъ въ чисто общинный. Такъ въ очень многихъ маркахъ дозволялось рубить лѣсъ только для собственныхъ потребностей, а не для вывоза; жечь уголья — также. Въ нѣкоторыхъ общинахъ колесники и другіе мастеровые должны были давать клятву передъ рубкой, что не будутъ продавать своихъ произведеній внѣ марки. Если и можно было вывозить лѣсъ и лѣсныя издѣлія, то только за ненадобностью въ самой маркѣ, или по особому дозволенію общины. Мѣсто рубки опредѣлялось не личнымъ усмотрѣніемъ, какъ прежде, а лѣсной полиціей, на обязанности которой лежало распредѣленіе лѣсовъ на строевые и дровянные и вообще забота о болѣе правильномъ лѣсномъ хозяйствѣ. Во многихъ мѣстахъ строевой лѣсъ выдавался не иначе, какъ по осмотрѣ зданія и по удостовѣренію въ необходимости сдѣлать поправку или новую постройку. Это повело къ учрежденію такъ называемой Baupolizei, которая должна была осматривать всѣ деревенскія зданія и даже могла подвергать наказаніямъ нерачительныхъ домохозяевъ. Такимъ образомъ возникъ цѣлый кодексъ новыхъ постановленій и новыхъ наказаній ихъ нарушителямъ; для наблюденія за исполненіемъ

---

[1]) Позднѣе (XVI вѣка) встрѣчаются даже случаи отчужденія одного права на участіе. Конечно, такія отчужденія имѣли мѣсто только между членами одной и той же общины. Это повело еще къ большему неравенству въ пользованіи общинными угодьями: наряду съ членами, у которыхъ было только „одно участіе“ и даже менѣе, появились такіе, у которыхъ число участій возрасло до 40 и болѣе.

новаго порядка пользованія возникли особыя учрежденія по Bau-und Forstpolizei; для разбора споровъ—особый судъ.

Мауреръ въ германской поземельной общинѣ, какъ она сохранилась до нашего времени, видитъ только слабые остатки того общиннаго устройства, которое въ древнѣйшія времена распространено было по всей Германіи. „Первоначально, говоритъ онъ, участки членовъ марки были идеальные, и это не только въ общихъ лѣсахъ и лугахъ, но и въ тѣхъ частяхъ марки, которыя дѣлились между участниками для посѣва. Это слѣдуетъ изъ ежегодной мѣны участковъ и ежегодныхъ передѣловъ земли, которые, во времена Цезаря, имѣли мѣсто у всѣхъ германцевъ, а особенно у Свевовъ; весьма вѣроятно, что эта система, на которую есть указаніе и у Тацита, въ древности была извѣстна и въ Даніи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи сохранилась и до нашего времени“ (E. §5). Нѣсколько далѣе (§6) онъ прибавляетъ, что эти ежегодно выдѣляемые участки первоначально не были наслѣдственны и по смерти отца поступали не къ дѣтямъ, а въ общину. Такимъ образомъ первоначальная германская община является у него болѣе похожею на русскую, чѣмъ на германскую, какъ она извѣстна по позднѣйшимъ памятникамъ. Мнѣніе это основано на свидѣтельствахъ Цезаря и Тацита, на аналогіи съ датскими поземельными отношеніями и на эдиктѣ Хильперика 574 г.

Слова Цезаря [1]), которыя подали поводъ къ такому заключенію, не могутъ оправдать его. Изъ нихъ можно вывести только слѣдующее: во 1-хъ, у Свевовъ, о которыхъ онъ говоритъ въ этомъ мѣстѣ, не было частной поземельной собственности; во 2-хъ они не имѣли постоянной осѣдлости и, можно думать, находились въ состояніи близкомъ къ состоянію кочевыхъ народовъ. Изъ этого отрицанія частной поземельной собственности и постоянной осѣдлости никакъ еще не слѣдуетъ, что у нихъ была общинная собственность съ идеальными частями для каждаго члена и съ ежегодными передѣлами. Можно еще допустить, что Свевы считали своею всю землю, по которой кочевали. Но между этимъ очень неопредѣленнымъ отношеніемъ къ землѣ кочеваго племени, въ которомъ нисколько еще не выяснились ни права отдѣльныхъ членовъ, ни права всего племени,

[1]) De b. G. IV, 1: Sed privati ac separati agri apud eos nihil est; neque longius anno remanere uno in loco incolendi causa licet. VI. 22. Neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios; sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui una coierint, quantum, et quo loco visum est, agri atribuunt, atque anno post alio loco transire cogunt.

и тѣмъ видомъ общиннаго владѣнія, которое приписываетъ Германцамъ Мауреръ, нѣтъ ничего общаго. Ежегодно возобновляемые надѣлы, о которыхъ говоритъ Цезарь, были слѣдствіемъ ежегодныхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто. Думать, что они удержались и послѣ того, какъ Свевы осѣлись на постоянныхъ мѣстахъ, нѣтъ основанія, если только справедливо то, что всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину: перестала дѣйствовать причина, должно прекратиться и самое дѣйствіе.

Свидѣтельство Тацита отличается большою неясностью и на немъ трудно построить какую-нибудь опредѣленную систему поземельныхъ отношеній. Вотъ то мѣсто Германіи, въ которомъ говорится о поземельныхъ отношеніяхъ древнихъ германцевъ: Agri, pro numero cultorum, ab universis in vices occupantur, quos mox inter se, secundum dignationem, partiuntur: facilitatem partiendi camporum spatia praestant. Arva per annos mutant et super est ager: nec enim cum ubertate et amplitudine soli labore contendunt и пр. XXVI. Буквальное пониманіе перваго предложенія даетъ очень неудовлетворительный смыслъ [1]). Что это за поземельныя отношенія, въ которыхъ поля по порядку переходятъ отъ одного члена общины къ другому? Между всѣми извѣстными видами владѣнія не встрѣчается ни одного сколько нибудь подходящаго подъ это описаніе.

Эта недостаточность самаго мѣста естественно приводитъ къ необходимости объяснять его чѣмъ нибудь другимъ болѣе яснымъ. Такъ Эйхорнъ [2]) видитъ здѣсь только повтореніе выше приведеннаго свидѣтельства Цезаря, который во многихъ случаяхъ служитъ источникомъ Тациту. Геор. Вайтцъ, основываясь на послѣднихъ изслѣдованіяхъ о первоначальномъ заселеніи Даніи, хочетъ видѣть въ этомъ мѣстѣ не указаніе на способъ владѣнія, а только описаніе порядка первоначальнаго раздѣла марки между деревнями, и согласно съ этимъ предлагаетъ читать — ab universis vicis, вмѣсто—ab universis in vices или per vices [3]).

Не большею опредѣленностью отличается и второе предложеніе—arva per annos mutant et super est ager: мѣняютъ поля

---

[1]) Не смотря на совершенную недостаточность, оно однако встрѣчается: напр. у Dahlmann'a Gesch. von Dännemark 1 т. 131 стр. Tacitus nennt uns als gemeine Ordnung bei den Deutschen seiner Zeit, den jährlichen Wechsel der Acker innerhalb des Kreises jeder Gemeinschaft. Такое же владѣніе съ взаимной перемѣной (das Ackerland aber wurde abwechsligsweise besessen) допускаетъ и Zoepfl. Deut. Rechtsg. 704. Но ни тотъ, ни другой ничего не прибавляютъ въ объясненіе, какъ будто бы этотъ круговой переходъ участковъ изъ рукъ въ руки былъ однимъ изъ общеупотребительныхъ и всѣмъ извѣстныхъ способовъ владѣнія.

[2]) Истор. 1 т. 59.

[3]) Verfassungsg. 1 т. 23.

въ трехъ—польной системѣ хозяйства [1]); но точно также можно выразиться и о русскомъ общинномъ владѣніи: крестьяне не остаются постоянно при однихъ и тѣхъ же поляхъ, а мѣняютъ ихъ; а если бы у нихъ земли было столько же, сколько у Германцевъ Тацита, въ такомъ случаѣ за надѣломъ у нихъ оставались бы еще лишнія поля—et super est ager [2]). Которое же изъ этихъ двухъ возможныхъ объясненій принять? Само мѣсто не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ. Мауреръ склоняется въ пользу втораго и подтвержденіе своему мнѣнію находитъ въ датскомъ порядкѣ поземельнаго владѣнія.

Это толкованіе можно было бы принять только въ томъ случаѣ, если бы дѣйствительно въ подтвержденіе его оказались или сильная аналогія, или другія болѣе ясныя свидѣтельства. Но нельзя сказать ни того, ни другаго. Источники, относящіеся къ датскимъ поземельнымъ отношеніямъ [3]), еще моложе германскихъ; они не восходятъ далѣе XII вѣка. Для объясненія того, что было въ самомъ началѣ, датскіе историки, въ свою очередь, обращаются къ германскимъ древностямъ, къ свидѣтельствамъ Цезаря и Тацита. Съ XII же вѣка поземельныя отношенія въ Даніи имѣютъ всѣ существенныя черты древне-германскихъ. Земли, принадлежащія деревнѣ, состоятъ изъ раздѣленныхъ между отдѣльными членами и нераздѣленныхъ, или общихъ; послѣднія составляютъ принадлежность первыхъ. Раздѣленныя состоятъ въ частной собственности, переходятъ по наслѣдству и могутъ быть отчуждены (съ извѣстными ограниченіями). Разбросанность участковъ здѣсь точно также, какъ и въ Германіи, была причиною Feldgemeinschaft. Но это общеніе точно также не обязательно, какъ и въ Германіи: всякій, кому удавалось соединить свои участки (посредствомъ мѣны напр.), могъ безпрепятственно выйти изъ Feldgemeinschaft. Такимъ образомъ все, какъ въ Германіи. Но есть и одна особенность, именно Reebningsprocedur. Вотъ что по этому поводу говоритъ Мауреръ: «при первоначальномъ заселеніи всѣ члены общины получали равные участки; всякое неравенство, которое возникало съ тече-

---

[1]) Такъ понимаетъ это мѣсто Эйхорнъ.

[2]) Такъ Вайтцъ допускаетъ возможность объяснить эти слова въ смыслѣ ежегодныхъ передѣловъ съ цѣлью поддержанія полнѣйшаго общенія; но такъ какъ германскія поземельныя отношенія не представляютъ слѣдовъ такого порядка, то онъ склоняется въ пользу толкованія Eichhorn'a.

[3]) Свои сужденія о датскихъ поземельныхъ отношеніяхъ Мауреръ основываетъ главнымъ образомъ на изслѣдованіяхъ Olufsen'a и Hanssen'a, помѣщенныхъ въ Folk's N. Staatsb. Magaz. Я не могъ достать этого изданія и долженъ былъ довольствоваться исторіей Дальмана, который, впрочемъ, нисколько отъ нихъ не отступаетъ, какъ объ этомъ можно судить изъ словъ Вайтца и изъ сносокъ самого Дальмана.

ніемъ времени, могло быть уничтожено и первоначальное равенство возстановлено при помощи примѣненія Reebningsprocedur,—цѣль, которая достигалась еще у народа Израильскаго учрежденіемъ юбилейнаго года» (Einleit. 72). Это сближеніе съ еврейскимъ юбилейнымъ годомъ очень ярко характеризуетъ взглядъ автора, но не отличается вѣрностью. Reebning далеко не имѣлъ такого значенія, какъ юбилейный годъ. Это не болѣе, какъ способъ рѣшенія споровъ о перепаханной межѣ и вообще о всякомъ незаконномъ завладѣніи [1]). Раздробленіе же участковъ вслѣдствіе раздѣловъ между наслѣдниками и продажъ, которыя прямо допускались закономъ, никакъ не можетъ быть отнесено въ разрядъ незаконныхъ завладѣній.

Наконецъ Мауреръ приводитъ въ подтвержденіе своей мысли, эдиктъ Хильперика отъ 574 года [2]). По 3 § этого эдикта — умершему, у котораго не осталось ни сыновей, ни дочерей, „наслѣдуютъ братья, а не сосѣди (vicini)". На основаніи послѣднихъ словъ можно подумать, что прежде сосѣди стояли совсѣмъ въ иномъ отношеніи другъ къ другу, чѣмъ въ позднѣйшее время: они призывались къ наслѣдованію умершаго, прежде боковыхъ родственниковъ (Мауреръ Einleit. стр. 8, невѣрно передаетъ смыслъ закона). Но это право сосѣдей наслѣдовать прежде боковыхъ родственниковъ стоитъ въ такомъ противорѣчіи со всѣмъ, что извѣстно о порядкѣ германскаго наслѣдованія за тоже время, что многіе историки права подъ vicini разумѣютъ — propinqui, proximi [3]).

На такихъ смутныхъ свидѣтельствахъ, которыя сами нуждаются въ объясненіи, нѣтъ возможности построить сколько нибудь опредѣленное представленіе о поземельныхъ отношеніяхъ Германцевъ въ періодъ, предшествовавшій ихъ переселенію.

Швейцарская община подходитъ къ типу германской. Въ общинномъ пользованіи состоятъ тамъ лѣса и пастбища; дворы же и поля, послѣднія за небольшими исключеніями, а также и

---

[1]) Источникъ, на который ссылается Дальманъ для объясненія Reebning'а говоритъ: omnem injustam occupationem debet aequitatis funiculus emendare. Leges Scand.

[2]) У Pertz'a, Legg. II ст. 10, онъ отпечатанъ такимъ образомъ: Simili modo placuit atque convenit, ut si quiscumque vicinos habens aut filios aut filias post obitum suum superstitus fuerit, quamdiu filii advixerint, terra habeant, sicut et lex Salica habet. Et si subito filios defuncti fuerint, filiae simili modo accipiant terras ipsas, sicut et filii si vivi fuissent aut habuissent. Et si moritur, frater alter superstitus fuerit, frater terras accipiat, non vicini. Et subito frater moriens, frater non derelinquerit superstitem, tunc soror ad terra ipsa accedat possidenda.

[3]) Такъ Zoepfl, Gesch. 781. Zehnerou, суда по выноскѣ у Waitz'a, и самъ Waitz, Verfassungsg. т. 1, стр. 272; но во 2-мъ т. стр. 269 онъ менѣе рѣшителенъ и склоняется къ буквальному пониманію.

часть луговъ составляютъ частную собственность. Пользованіе общинными землями очень разнообразно. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ общинныя земли сдаются въ арендное содержаніе, а получаемый доходъ идетъ на покрытіе издержекъ по удовлетворенію общихъ нуждъ кантона; въ другихъ общинныя земли состоятъ въ непосредственномъ пользованіи членовъ общины. Право участія въ пользованіи общинными землями, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, есть принадлежность права частной собственности и соразмѣряется съ ея величиной. Имѣющіе на правѣ частной собственности полевыя земли получаютъ, напримѣръ, ежегодно по шести большихъ пихтъ, имѣющіе только свой дворъ—по четыре. Также регулировано пользованіе общественными пастбищами. Дозволяется, напримѣръ, выгонять лѣтомъ на общественныя пастбища только такой скотъ, который хозяинъ могъ прокормить въ теченіи зимы. Отсюда, у кого много своихъ луговъ, тотъ въ большей мѣрѣ пользуется и общественными пастбищами, такъ какъ онъ можетъ имѣть большій запасъ сѣна на зиму; у кого вовсе нѣтъ своихъ луговъ, тотъ не въ состояніи прокормить въ теченіи зимы и одной коровы и, слѣдовательно, вовсе лишенъ права пользоваться общинными пастбищами. Исключеніе отъ участія въ пользованіи общественными лѣсами и пастбищами членовъ общины, не имѣющихъ въ ея предѣлахъ частной собственности, порождаетъ въ ихъ средѣ неудовольствіе и ведетъ къ борьбѣ среди населенія общины. Въ нѣкоторыхъ общинахъ они добились, что имъ дается лѣсъ для топлива, но не для построекъ, и предоставлено право выгонять скотъ на пастбища въ опредѣленномъ, однако, числѣ, не болѣе двухъ коровъ (Laveleye, 279 сл.).

Вся эта строгая регламентація порядка пользованія общинными лѣсами и пастбищами, совершенно соотвѣтствующая порядкамъ германскихъ общинъ, несомнѣнно указываетъ на то, что общинное владѣніе въ томъ видѣ, какъ мы его наблюдаемъ теперь въ Германіи и Швейцаріи, не есть исконное, а сложилось тогда, когда сталъ чувствоваться недостатокъ въ общинныхъ угодьяхъ.

Наши древнѣйшіе источники не сохранили никакихъ свидѣтельствъ ни объ общинной поземельной собственности, ни объ общинномъ землевладѣніи. Это не мѣшаетъ, однако, нѣкоторымъ изслѣдователямъ переносить въ глубокую древность порядки современнаго крестьянскаго землевладѣнія.

Особенность нашего современнаго общиннаго землевладѣнія состоитъ въ томъ, что вся земля числится за крестьянской общиной, а не за отдѣльными ея членами.

Отношеніе членовъ общины къ разнымъ частямъ общинной земли разное: выгонами всѣ члены общины пользуются совокупно; въ такомъ же пользованіи находится иногда лѣсъ, онъ не дѣлится на участки, а каждый членъ общины имѣетъ право рубить въ немъ въ свою пользу извѣстное количество деревьевъ. Выгоны (а иногда и лѣса) находятся въ строгомъ смыслѣ въ общинномъ пользованіи. Пахатныя земли раздѣляются на столько участковъ, сколько въ деревнѣ тяглъ. Тягло это государственная повинность и всякій, кто ее несетъ, получаетъ участокъ земли для того, чтобы было съ чего нести повинность. Число тяглъ обыкновенно меньше числа душъ и отношеніе ихъ къ числу душъ въ разныхъ мѣстахъ не одинаково; иногда число тяглъ къ числу душъ относится какъ 1 къ 2-мъ, иногда какъ 1 къ 3-мъ. При надѣлѣ участковъ отдѣльнымъ членамъ общины соблюдается равномѣрность. Такъ какъ не всѣ земли одинаково удалены отъ деревень и не всѣ одинаковаго качества, то понятно, что получить участокъ ближе къ деревнѣ и лучшаго качества гораздо выгоднѣе, чѣмъ получить участскъ вдали отъ деревни и худшій по сорту. Чтобы избѣжать неравномѣрности, крестьянскія земли обыкновонно дѣлятся на нѣсколько полосъ, по качеству и отдаленности. Въ каждой такой полосѣ отдѣльные члены общины получаютъ по участку, чѣмъ и объясняется множество небольшихъ участковъ, на которые распадаются крестьянскія земли. Эти полевые участки не наслѣдственны; послѣ смерти члена общины его участки не непремѣнно переходятъ къ его сыновьямъ, а распредѣляются между тяглыми членами общины. Такъ какъ населеніе имѣетъ наклонность къ возрастанію, количество же земель общинныхъ остается неизмѣнымъ, то отсюда слѣдуетъ, что, по мѣрѣ увеличенія числа тяглыхъ членовъ, приходится дѣлать новые передѣлы земель для надѣленія новыхъ тяглецовъ. При каждомъ такомъ передѣлѣ размѣры участковъ каждаго владѣльца должны дѣлаться все меньше. Луга, обыкновенно, дробятся на участки, какъ и полевыя земли. Напротивъ, дворы съ огородами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и съ коноплянниками, находятся въ наслѣдственномъ пользованіи и переходятъ къ дѣтямъ. При такомъ порядкѣ члены общины навсегда обезпечены землей. Но съ увеличеніемъ народонаселенія непремѣнно настанетъ время, когда не будетъ болѣе возможности выдѣлять новые участки для новыхъ членовъ; тогда по необходимости образуется и въ нашихъ общинахъ разрядъ лицъ безземельныхъ. Даже въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ общины уже не имѣютъ возможности выдѣлять новымъ членамъ участки.

Такъ организованная община носитъ на себѣ слѣды слѣдующихъ двухъ условій, вліявшихъ на ее образованіе: 1) государственнаго тягла, 2) недостатка свободныхъ земель. Надѣлъ получаетъ тяглый человѣкъ, тягло же налагается на каждаго члена общины, который можетъ нести государственныя повинности. Участіе въ общинномъ владѣніи не только право, но и обязанность. Въ мѣстностяхъ, гдѣ государственное тягло не окупается доходомъ съ надѣла, для члена общины выгоднѣе отказаться отъ надѣла и нанять вольную землю, которая сдается, иногда, дешевле того, во что обходится надѣлъ, или, наконецъ, совсѣмъ отказаться отъ земледѣлія и обратить свой трудъ на что либо иное,—но онъ не можетъ этого сдѣлать. Онъ можетъ, конечно, бросить свой убыточный надѣлъ, но тягло онъ долженъ нести. Наша община—подневольная. Надѣленіе подростающихъ тяглыхъ членовъ не свободными землями, а путемъ раздробленія на болѣе мелкіе участки тѣхъ пахатныхъ земель, которыя состоятъ уже въ пользованіи общины, указываетъ, что этотъ порядокъ сложился тогда, когда населеніе было уже прикрѣплено къ извѣстнымъ участкамъ земли, и не могло расходиться въ ширь.

Отсюда слѣдуетъ, что возникновеніе нашей современной общины нельзя относить къ очень глубокой древности. Она не могла возникнуть въ первомъ періодѣ, когда повинности считались не по числу населенія, а по домамъ, дворамъ, сохамъ (землямъ). Земель же было много и право свободнаго перехода дѣлало не нужнымъ передѣлъ земель, состоящихъ уже въ чьемъ либо пользованіи. Первые зародыши этой общины не могутъ восходить далѣе эпохи прикрѣпленія крестьянъ. Она не создана правительственными распоряженіями, но, несомнѣнно, вызвана ими. Это есть опытъ приспособленія русскаго народнаго генія къ тому тѣсному житью, которое началось для русскаго человѣка въ московскомъ государствѣ.

Хотя современное намъ общинное землевладѣніе и не восходитъ до глубокой древности, тѣмъ не менѣе есть основанія думать, что наши старыя крестьянскія общины сознавали за собою право собственности на принадлежащія имъ земли. Изъ памятниковъ московскаго времени видно, что представители общинъ защищали общинныя земли на судѣ. Но эти права общинъ, не исключали частной собственности въ предѣлахъ общинной. Отдѣльные члены общины владѣли своими участками какъ частные собственники, съ правомъ распоряженія. Такъ какъ земель было много, то каждый членъ общины распро-

странялъ свою собственность путемъ заимокъ и расчистокъ изъ подъ лѣса. Этотъ порядокъ вещей, весьма сходный съ тѣмъ, какой существовалъ и въ древней Германіи, въ поморскихъ уѣздахъ, удаленныхъ отъ вліянія московской администраціи, сохранился до самой половины XVIII в. Крестьяне Важскаго уѣзда, Летскаго стана, Рождественскаго погоста, дворцовой Химаневской волости въ своемъ наказѣ въ екатерининскую Коммиссію пишутъ, что «старательные крестьяне навозятъ свои пашни и расчищаютъ новыя земли изъ подъ пашеннаго лѣсу, а лѣнивцы и тунеядцы желаютъ раздѣлить эти земли по душамъ». Они просятъ «оставить эти земли безъ раздѣла и позволить имъ владѣть, какъ и до нынѣ владѣли по писцовымъ книгамъ, по *наслѣдству*. Если же раздѣлить, то на душу придется немного, по десятинѣ, и впредь къ умноженію хлѣбопашества и къ распространенію земли такого старанія и раченія прилагать будетъ не охотно и убытковъ имѣть не для чего, потому что какъ рачительные распахивать, а лѣнивые въ готовое входить и также опять проматывать и запустошать будутъ»... Землю, къ которой человѣкъ приложилъ свой трудъ, сдѣлавъ пахатной, онъ считаетъ своей. Такъ, конечно, было всегда. Требованіе раздѣлить «по душамъ» указываетъ на вліяніе подушной подати. Но рачительные хозяева не всегда находили поддержку администраціи. Дворцовые крестьяне того же уѣзда, Верховажской и Шенкурской половинъ, жалуются на управителя своего, князя Горчакова, который «въ прошломъ 1766 году отобралъ у многихъ изъ нихъ унавоженныя и уже засѣянныя ими пашни, что они сами разчистили, и отвелъ такимъ крестьянамъ, которые той земли не распахивали, а часть взялъ себѣ подъ пастьбу скота» (Арх. II отд. Наказъ Арханг. губ.). Здѣсь мы единовременно наблюдаемъ и возникновеніе частной собственности въ предѣлахъ общинныхъ земель и переходъ этой частной собственности въ душевой надѣлъ подъ вліяніемъ подушной подати и при содѣйствіи администраціи.

Кромѣ общинной собственности, которая какъ въ Германіи, такъ и у насъ, соединялась не съ какою либо опредѣленною формою общиннаго владѣнія, а съ частнымъ владѣніемъ и съ частной собственностью, у насъ была, кажется, очень развита общая собственность, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ общинной. Древнее время знаетъ случаи соединенія людей для цѣлей обогащенія, путемъ насилія и разбоя, таковы новогородскіе повольники; тѣмъ болѣе надо допустить, что люди соединялись для мирной цѣли совмѣстной разработки дикихъ полей. Въ рукахъ

такихъ соработниковъ возникала общая собственность съ общими угодьями. Такіе совладѣльцы въ Псков. Судной гр. называются сябрами (106).

Хотя западные ученые и нѣкоторые изъ нашихъ и видятъ въ современной русской общинѣ черты самыхъ древнихъ поземельныхъ отношеній, но, сравнивая нашу общину съ германской въ ея историческомъ развитіи, надо, кажется, придти къ заключенію, что германская сохранила слѣды болѣе древняго порядка вещей, чѣмъ русская.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Наслѣдственное право.

Различаютъ два способа открытія наслѣдства: 1) наслѣдованіе по завѣщанію и 2) наслѣдованіе безъ завѣщанія. Наслѣдованіе по завѣщанію имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда наслѣдникъ назначается послѣднею волею умершаго; наслѣдованіе безъ завѣщанія,—когда наслѣдникъ опредѣляется нормами права, независимо отъ воли умершаго.

I. Наслѣдованіе по завѣщанію.

Вопросъ о томъ, были ли у насъ извѣстны съ древнѣйшаго времени эти обѣ формы или первоначально господствовала какая-либо одна, а другая явилась позднѣе, весьма споренъ въ нашей ученой литературѣ. Нѣкоторые изслѣдователи говорятъ, что первоначальной формой наслѣдованія, у насъ было наслѣдованіе по закону, завѣщательное же наслѣдованіе явилось позднѣе. На этой точкѣ зрѣнія стоятъ, напр., Никольскій и нѣкоторые другіе; Неволинъ не затрудняется признать существованіе завѣщательныхъ распоряженій съ древнѣйшаго времени. Опредѣленное рѣшеніе этого вопроса, по состоянію памятниковъ, представляетъ, дѣйствительно, значительныя трудности. Нѣкоторыя мѣста древнихъ источниковъ носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды византійскаго вліянія. Такова напримѣръ, 13 статья договора Олега съ Греками (см. выше стр. 126).

Главный матеріалъ для рѣшенія вопроса даетъ Рус. Правда. Въ 87 статьѣ Троицкаго списка говорится: «аже кто умирая раздѣлитъ домъ свой дѣтемъ, на томъ же стояти; паки ли безъ

ряду умретъ, то всѣмъ дѣтемъ, а на самого часть дати по души». Эту статью понимаютъ въ томъ смыслѣ, что ею уже указаны наслѣдники, что отецъ воленъ только въ томъ, какъ раздѣлить имущество между ними, но устранить ихъ онъ не можетъ. Къ этому прибавляютъ, что и въ дѣлежѣ отецъ не вполнѣ свободенъ, такъ какъ въ 94 статьѣ говорится: «а дворъ безъ дѣла отень всяко меньшему сынови».

Противъ такого пониманія надо замѣтить, что въ древнѣйшемъ спискѣ, открытомъ въ Синодальной Кормчей XIII в., и напечатанномъ въ I г. Русскихъ Достопамятностей, эта статья читается иначе: «аже кто умирая раздѣлитъ домъ, на томъ же стояти; паки ли безъ ряду умретъ, то все дѣтямъ, а на самого часть дати по души». По этой редакціи необходимыхъ наслѣдниковъ нѣтъ: о раздѣлѣ дома говорится вообще, безъ обозначенія лицъ, между которыми раздѣлъ долженъ произойдти. Можно думать, что умирающій могъ отказать что либо и не дѣтямъ. Это предположеніе подтверждается и второю частью статьи, въ которой сказано: «безъ ряду умретъ, то *все* дѣтямъ», т.-е. въ завѣщаніи можетъ быть оставлено и не все дѣтямъ. Тотъ же выводъ надо сдѣлать и на основаніи Троиц. сп., въ которомъ вмѣсто: «все дѣтямъ» сказано: «всѣмъ дѣтямъ»; значитъ, отецъ могъ оставить и не всѣмъ, а кого-либо могъ исключить. Изъ 87-й статьи, слѣдовательно, нельзя выводить обязанности отца раздѣлить свое имущество только между дѣтьми.

Въ Русской Правдѣ есть еще статья о правѣ матери распорядиться своимъ имуществомъ на случай смерти, которая можетъ дополнить выводъ, сдѣланный на основаніи 87-й. Въ 98-й ст. по Тр. сп. читаемъ: «а матери который сынъ добръ, перваго-ли, другаго-ли, тому же дастъ свое; аже и вси сынови будуть лиси (т.-е. льстецы), а дчери можетъ дати, кто ю кормить». Отсюда надо вывести, что если и дочь, подобно сыновьямъ, была не хороша, то мать могла и ее устранить и передать свое имущество дальнѣйшему родственнику, а наконецъ и постороннему лицу. Относительно матери право устранить всѣхъ сыновей—несомнѣнно. Но неужели отецъ имѣлъ меньше правъ, чѣмъ мать? Надо думать, что и отецъ могъ устранить всѣхъ дѣтей отъ наслѣдства. То-же начало выражено и въ Псковской Судной грамотѣ: «аже сынъ отца или матерь не скормитъ до смерти, а пойдетъ изъ дому, части ему не взять». Приведенная статья имѣетъ въ виду случай смерти родителей безъ завѣщанія. Но если сынъ, произвольно оставившій родителей, устранялся отъ наслѣдства въ силу закона, то это правило возникло потому,

конечно, что такихъ непокорныхъ сыновей устраняли отъ наслѣдованія сами родители.

Эта практика сохранилась до нашихъ дней въ обычаяхъ крестьянъ Архангельской губерніи. Въ случаѣ оскорбительныхъ поступковъ дѣтей, родители могутъ лишить ихъ наслѣдства; между покорными дѣтьми они распредѣляютъ наслѣдство по усмотрѣнію (Ефименко, 70, 73).

Въ Русской правдѣ есть статья, изъ которой видно, что умирающіе, обыкновенно, дѣлали распоряженіе о своемъ имуществѣ: «а матерня часть не надобѣ дѣтемъ; но кому мати дасть, тому же взяти; дасть ли всѣмъ, а вси раздѣлятъ; *безъ языка ли умреть*, то у кого будеть на дворѣ была и кто ю кормилъ, то тому взяти» (96 Тр.). Приведенная статья указываетъ законнаго наслѣдника на тотъ случай, когда мать сама не сдѣлала распоряженія о своей части; а не сдѣлала она распоряженія потому, что безъ языка умерла. Не сдѣлать распоряженія на случай смерти и значитъ умереть безъ языка; если человѣкъ умиралъ, сохраняя способность сознательной рѣчи, онъ всегда дѣлалъ распоряженіе о своемъ имуществѣ.

То-же начало выражено и въ Псковской Судной грамотѣ. Въ 88 ст. читаемъ: «а у котораго человѣка жена помретъ безъ рукописанія, а у ней останется отчина, ино мужу ея владѣти тою вотчиною...»; въ 89: «а у которой жены мужъ помретъ безъ рукописанія, и останется отчина или животъ, ино женѣ его кормится...» Всего разница въ томъ, что Псковская грамота требуетъ писанаго завѣщанія.

Практика князей даетъ не мало примѣровъ на предсмертныя распоряженія этого рода. Частные люди, какъ и князья, обыкновенно назначали имущество своимъ дѣтямъ. Но дѣти получали имущество родителей не потому, чтобы имѣли на него право, а потому, что такова была воля родителей. Если такой воли родителей не было, все имущество могло быть отказано и помимо дѣтей: церкви, женѣ, даже постороннимъ лицамъ. Отъ половины XV в. сохранилось посланіе митроп. Іоны къ дѣтямъ, неповинующимся своей матери. Неповиновеніе состояло въ томъ, что дѣти отняли у матери то, что ихъ отецъ далъ ей въ «опричнину»; они находили, что онъ далъ ей слишкомъ много. Митрополитъ увѣщаетъ ихъ подчиниться волѣ отца и матери, угрожая въ противномъ случаѣ возложить на нихъ духовную тягость (Д. къ А. И. I, № 11).

Съ принятіемъ христіанства дѣла о наслѣдствахъ были у насъ подчинены вѣдомству духовенства. Духовенство, конечно,

примѣняло къ этимъ дѣламъ постановленія византійскаго законодательства. Разобранныя нами статьи ни по содержанію своему, ни по формѣ не носятъ на себѣ сколько-нибудь замѣтныхъ слѣдовъ византійскаго вліянія, а потому въ нихъ надо видѣть русскую народную практику. Право собственника распорядиться своимъ имуществомъ на случай смерти не было занесено къ намъ изъ Византіи. Оно коренное русское. Но съ возникновеніемъ византійскаго вліянія оно должно было подчиниться ему. Наши источники не даютъ, однако, возможности выяснить мѣру этого вліянія.

На нѣкоторыя соображенія наводитъ выраженіе 87-й статьи «на томъ же стояти». Въ немъ слышится освященіе послѣдней воли умирающаго, признаніе ея кѣмъ-то подлежащей къ исполненію. Значитъ, она не всегда исполнялась. Это понятно. Послѣдняя воля не всегда могла нравиться дѣтямъ умершаго. Между ними могла возникать борьба изъ-за отказаннаго умершимъ имущества. До установленія сколько-нибудь правильныхъ судовъ, судьба предсмертныхъ распоряженій, если тѣ, въ пользу кого они сдѣланы, не въ силахъ настоять на ихъ исполненіи, была весьма шаткая. Съ подчиненіемъ наслѣдственныхъ дѣлъ духовенству и съ распространеніемъ обычая приглашать священника для христіанскаго напутствованія умирающаго, послѣдняя воля должна была найдти въ представителяхъ духовенства офиціальныхъ защитниковъ. Его вліянію и надо приписывать эту прибавку: «на томъ же стояти». Духовенство, само нерѣдко принимавшее участіе въ составленіи послѣдней воли (отказы по душѣ, конечно, надо приписывать его вліянію), не могло же высказываться противъ святости послѣдней отеческой воли. Можно даже думать, что оно скорѣе склонно было признавать эту волю безъ условно, какъ понимали ее сами родители, чѣмъ съ тѣми ограниченіями, какимъ она подлежала по римскому праву. Старая практика, выразившаяся въ 87-й статьѣ, признаетъ народный обычай, предсмертный рядъ объ имуществѣ, и старается придать ему крѣпость.

Псковская Судн. гр. называетъ завѣщаніе «порядною» (грамотой, 14). Это сближаетъ писаныя завѣщанія XV в. съ «рядомъ» умирающаго, о которомъ говоритъ Русская Правда. Можно, также, думать, что «прикащики» духовныхъ грамотъ XVI в. возникли подъ вліяніемъ извѣстныхъ византійскому праву исполнителей воли завѣщателя (Zachariae, 137). Псковская Суд. гр. говоритъ уже о приказникахъ (14).

Словесныя духовныя завѣщанія признавались у насъ въ силѣ еще въ XVII в. (Неволинъ, III, 290).

Древнѣйшее писаное завѣщаніе относится къ XIII в. (Христ. Буданова, I стр. 123). Въ этой духовной не упомянуты свидѣтели; не всегда упоминаются они и въ позднѣйшихъ духовныхъ.

II. Наслѣдованіе безъ завѣщанія.

Свидѣтельства древнѣйшихъ памятниковъ о наслѣдованіи безъ завѣщанія очень не полны.

Статьи: 4 и 13 договора Олега съ Греками содержатъ византійское право, онѣ предназначались для дѣйствія въ Греціи (см. выше стр. 116 и 126). Отъ нихъ нельзя дѣлать никакого заключенія къ русскому праву.

Статьи Русской Правды отличаются крайней отрывочностью и не совершенствомъ редакціи. Нѣкоторыя изъ нихъ передаютъ чисто русское право, другія носятъ слѣдъ вліянія византійскихъ началъ. Статьи того и другаго характера перемѣшаны и нуждаются въ выдѣленіи.

Наслѣдство носитъ техническое наименованіе «задници» или статка.

1) Наслѣдованіе въ нисходящей линіи.

Наше русское право, какъ и древне-германское, въ правахъ наслѣдованія не равняетъ мущинъ и женщинъ. Согласно съ бургундскимъ (Warnkönig, II, 436) оно допускаетъ дочерей къ наслѣдованію, только если нѣтъ сыновей.

«Аже будеть сестра въ дому, то той задницѣ не давати, но отдадять ю за мужь братия, како си могуть» (Тр. 89). «Аже въ боярехъ либо въ дружинѣ.... оже не будеть въ сыновъ, а дочери возмутъ» (88).

Этого различія не дѣлаютъ, однако, статьи: 87, 88, 96 и 97, въ своей первой половинѣ. Онѣ говорятъ о наслѣдованіи дѣтей безъ различія пола. Это несомнѣнно византійское начало. Относящееся сюда мѣсто 87-й статьи повторяетъ только положеніе Эклоги: «аще ли чада будутъ отъ вторыя жены, исключится ему умерети, лѣть есть и первымъ чадомъ и вторымъ своего наслѣдити отца, такоже и матере» (Царя Леона и Конст. зачат. II, 7). 88-я ст. Р. Пр. передаетъ это положеніе въ такой формѣ: «будуть ли дѣти, то что первоѣ жены, то то возмуть дѣти матере своея». 97-я статья

примѣняетъ то-же положеніе къ дѣтямъ двухъ разныхъ отцевъ, но одной матери: «аже будуть двою мужю дѣти, а одиноѣ матери, то онѣмъ своего отца задница, а онѣмъ своего».

Также не различаетъ пола дѣтей и 87-я ст.: «паки ли безъ ряду умреть, то всѣмъ дѣтемъ, а на самаго часть дати души». Упоминаніе о части на поминъ души дѣлаетъ несомнѣннымъ участіе духовенства въ составленіи этой статьи.

Уравненіе сыновей и дочерей могло у насъ не привиться, но трудно сомнѣваться въ томъ, что духовенство, слѣдуя византійскому праву, проводило это начало (объ этомъ см. ниже).

Статья о порядкѣ наслѣдованія послѣ матери чисто народная: «безъ языка ли умреть, то у кого будеть на дворѣ была а кто ю кормилъ, то тому взять» (96).

Младшій сынъ имѣетъ преимущество предъ старшими: «а дворъ безъ дѣла отень всякъ меньшему сынови» (84). Такое же постановленіе встрѣчается и въ нѣкоторыхъ германскихъ законодательствахъ. Въ народныхъ обычаяхъ поморскихъ уѣздовъ оно сохранилось до нашихъ дней. На Зимнемъ берегу домъ идетъ младшему сыну, а конь старшему; въ Архангельской губерніи младшій получаетъ только «окладно бревно» т. е. нижній этажъ (Ефименко, 61).

Наслѣдуютъ законныя дѣти: «аже будуть робьи дѣти у мужа; то задници имъ не имати; но свобода имъ съ матерью» (92). Это также христіанское начало. По народнымъ германскимъ обычаямъ незаконнорожденные получаютъ иногда наровнѣ съ законными; у Лонгобардовъ—въ половину противъ законныхъ.

Дѣти, произвольно оставившія своихъ родителей не наслѣдуютъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, по Псковск. Судн. грам. (53).

Кромѣ разобранныхъ статей въ Русской Правдѣ есть еще двѣ спеціальныхъ статьи, говорящихъ о наслѣдствѣ послѣ смердовъ и бояръ. Эти статьи возбуждаютъ крупныя недоумѣнія.

Заголовокъ первой статьи въ разныхъ спискахъ различенъ: О задници.—О смердахъ.—Аже умреть смердъ.—О смердьей задници.—О смердьи статкѣ.

Самая статья читается тоже не одинаково:

«Аже смердъ умреть (въ другихъ прибавлено: «безъ дѣтей», въ третьихъ: «безажю»), то задницю князю. Аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на нѣ; оже будуть за мужемь, то не даяти части имъ (Тр. 85).

Заголовокъ второй тоже различенъ: О задницѣ боярьстѣй и о дружьнѣй.—О боярьстѣй задницѣ и о людстѣй.—О беззадници.—О задници боярьстѣй.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

Текстъ: «аже въ боярехъ либо («въ боярехъ либо» въ нѣкоторыхъ спискахъ нѣтъ) въ (въ нѣкоторыхъ прибавлено: «боярстѣй») дружинѣ, то («то» есть не во всѣхъ спискахъ) за князя задниця не идеть; но (не во всѣхъ спискахъ) оже не будеть сыновъ, а дчери возмуть» (Тр. 86).

Не останавливаемся на различіи заголовковъ. Они не всегда дѣло первой руки, составившей статью.

Первая статья говоритъ о наслѣдствѣ послѣ смердовъ. Слово смердъ въ русской правдѣ употребляется иногда въ широкомъ смыслѣ подданныхъ князя вообще. Ст. 41 (Тр.), перечисливъ уроки скоту, говоритъ: то ти уроци смердомъ, оже платятъ князю продажю». Здѣсь смердъ обозначаетъ все населеніе, члены котораго при извѣстныхъ условіяхъ могутъ подлежатъ уплатѣ продажи. Иногда это »все населеніе», въ противоположность князю, называется просто «иные» т. е. всѣ подданные: «а будетъ былъ княжь конь, то платити дань 3 гривны, а за *инѣхъ* по 2 гривны». Составитель правды очевидно не имѣлъ подъ руками опредѣленныхъ терминовъ для выраженія того, что онъ хотѣлъ сказать. Онъ находился въ томъ же затрудненіи, въ какомъ были и переводчики Эклоги или Прохирона, которые debitum fiscale переводили чрезъ «людской долгъ», и persona publica— «людской человѣкъ». Можно думать, что смердъ въ разсматриваемой статьѣ обозначаетъ населеніе вообще. Понимать это слово въ тѣсномъ смыслѣ, какъ обозначеніе одного извѣстнаго разряда лицъ, трудно и потому, что нѣтъ возможности провести опредѣленную границу между смердомъ и не смердомъ.

Что же говоритъ Русск. Пр. о наслѣдованіи послѣ смердовъ?

Изъ разныхъ чтеній наиболѣе вѣрнымъ надо признать чтеніе списка, напечатаннаго Дубенскимъ во II т. Русск. Достоп. и относимаго Калайдовичемъ къ концу XIII в. [1]): «аще смердъ оумреть безажю, то князю задница». Безажю, беззадница, безатщина—обозначаетъ отсутствіе наслѣдниковъ, по нашему—выморочное имущество (Дубенскій, Русск. Дост., II т. стр. 120). О безатщинѣ говоритъ и Ярославовъ церк. уставъ. Статья Русск. Пр. постановляетъ, слѣдовательно, что выморочное имущество частныхъ лицъ идетъ князю. Въ Ярославовомъ церк. уставѣ находимъ исключеніе этому общему правилу: безатщина церковныхъ людей идетъ епископу. Подъ церковными людьми разумѣется не одинъ какой либо разрядъ лицъ, а всѣ, состоящіе

[1]) Н. В. Калачовъ находитъ, что этотъ списокъ писанъ уставомъ конца XIV в. Изслѣдованіе о Русской Правдѣ, 69

въ вѣдомствѣ церкви. По Ярославову уставу это — домовные, церковные и монастырскіе люди; по Владимірову: игуменъ, попъ, дьяконъ, кто въ клиросѣ, чернецъ, черница, попадья, проскурница, поповичъ, лѣчецъ, прощеникъ (получившій чудесное исцѣленіе), задушный человѣкъ (вольноотпущенный), больницы, гостинницы, страннопріимницы. Уставъ новгород. кн. Всеволода прибавляетъ къ нимъ еще трехъ изгоевъ.

Источникъ обѣихъ статей одинъ и тотъ же: византійское право. Въ Эклогѣ, по перечисленіи всѣхъ законныхъ наслѣдниковъ и въ томъ числѣ жены, читаемъ: si defuncti ne uxor quidem extat, tunc universum ejus patrimonium, veluti cujus nullus extat heres, fisco infertur (Leuncl. II, 112). Въ нашихъ кормчихъ эта статья передана нѣсколько иначе: «Аще ли ни жены будетъ умершему, и тогда все имѣніе его или апостольская церковь, или царское сокровище, или людскій соньмъ да пріиметъ» (царя Леона и Конст. Зачат. VII).

Далѣе въ текстѣ Дубенскаго читаемъ: «аже будуть дцери у него дома, то даяти часть на нѣ; оже будуть за мужемъ, то не даяти имъ части». Это особая статья, и нѣтъ ни малѣйшаго повода сливать ее съ предшествующей. Смыслъ ея такой: дочери получаютъ часть въ наслѣдствѣ при братьяхъ. Это византійское начало, которое духовенство должно было проводить и, какъ видимъ, дѣйствительно проводило (Исходн. мом. въ истор. русск. права наслѣдов. 42). Статья говоритъ о «части» дочерей въ наслѣдствѣ. Подъ частью какъ здѣсь, такъ и въ статьяхъ, говорящихъ о части жены, надо, конечно разумѣть не «законную часть» Свода Законовъ, образовавшуюся изъ помѣстнаго права, а часть греко-римскаго права, которая для дочерей равнялась части братьевъ, а для жены — части ея дѣтей.

Исключеніе замужнихъ дочерей отъ участія въ наслѣдствѣ есть также право Эклоги, которой неизвѣстна dotis collatio и которая не даетъ повода допустить, чтобы надѣленныя приданнымъ и выданныя замужъ дочери участвовали въ наслѣдствѣ съ невыданными, удерживая за собой данное уже имъ приданое (Zachariae, 112, 173).

При такомъ объясненіи Русская Правда будетъ содержать въ себѣ два прямо противорѣчивыхъ между собой постановленія о наслѣдственномъ правѣ дочерей (ср. 89 ст.). Не отрицаемъ этого противорѣчія. Но Русская Правда не Сводъ Законовъ россійской имперіи, а частный сборникъ постановленій и правилъ, дѣйствовавшихъ въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ.

Существенное для статьи слово «безажю» нѣкоторые переписчики замѣнили словами «безъ дѣла», (такъ въ Карамз. сп.), думая, можетъ быть, пояснить этимъ не совсѣмъ понятное имъ выраженіе первоначальнаго текста. Нашлись и такіе, которые выпустили и то и другое слово и такимъ образомъ составилась статья въ крайне неудовлетворительной редакціи Троицкаго списка.

Не менѣе затрудняла переписчиковъ и вторая статья. Въ спискѣ, объясненномъ Дубенскимъ, она читается такъ: «аще въ боярстѣй дружини, то за князя задница не ийдеть»; въ Троицкомъ: «а въ боярехъ, либо въ дружинѣ» и т. д.; въ Карамзинскомъ: «а иже въ боярехъ, или же въ боярстѣй дружинѣ»...

Единственно возможное чтеніе есть первое, т. е. того самаго списка, въ которомъ и предшествующая статья сохранилась въ наиболѣе удовлетворительной редакціи. Чтеніе: «а въ боярехъ либо въ дружинѣ (т. е. княжеской) за князя задница не идетъ" совершенно не имѣетъ смысла, такъ какъ, при отсутствіи наслѣдниковъ, и послѣ бояръ и дружинниковъ выморочное имущество, конечно, шло князю. Первое же чтеніе, по которому выморочное имущество боярскихъ дружинниковъ не шло князю, очень вѣроятно. Бояре имѣли свою дружину и, надо думать, имъ шла безатщина ихъ дружинниковъ, подобно тому, какъ епископу шла безатщина церковныхъ людей. Статья свидѣтельствуетъ о существованіи исключенія изъ права князя наслѣдовать въ выморочномъ имуществѣ. Что рѣчь идетъ именно о выморочномъ имуществѣ, это подтверждается и заглавіемъ: „о безадницы". Окончаніе статьи: „но оже не будетъ сыновъ, ино доцери возмуть" само по себѣ не возбуждаетъ недоразумѣнія. Это русское народное начало, по которому дочери наслѣдуютъ, если нѣтъ сыновей. Не понятно только зачѣмъ это положеніе союзомъ „но" поставлено въ связь съ предшествующимъ. Впрочемъ союзъ „но" встрѣчается не во всѣхъ спискахъ. Это даетъ поводъ разсматривать конецъ статьи, какъ самостоятельную статью, приведенную нѣкоторыми переписчиками по непониманію стараго текста, въ связь съ предшествующей.

Предлагая изложенное выше толкованіе статей Русской Правды (85 и 86 по Тр. сп.), считаю необходимымъ привести выводъ, который дѣлаетъ изъ этихъ статей профессоръ Неволинъ. Онъ беретъ текстъ, извлеченный изъ Синодальной Кормчей конца XIII вѣка, напечатанный въ I т. Русск. Достоп. (Первая ст. этого сп. соотвѣтствуетъ Карамз., вторая — Троицк.), и прихо-

дитъ къ слѣдующему заключенію: „въ имѣніи смерда наслѣдуютъ одни дѣти мужескаго пола; когда ихъ нѣтъ, то имущество принадлежитъ князю, съ тѣмъ только, что незамужнимъ дочерямъ выдѣляется изъ его имѣнія нѣкоторая часть, а замужнимъ ничего не дается. Послѣ бояръ и вообще людей, составляющихъ дружину княжескую, если у сихъ лицъ не будетъ сыновей, оставшееся имѣніе берутъ дочери. Въ отношеніи къ боярамъ и вообще членамъ княжеской дружины Рус. Пр., признавая право дочерей наслѣдовать своему отцу, не постановляетъ, что если умретъ бояринъ или вообще членъ княжеской дружины, не оставивъ и дочерей, ему наслѣдуетъ князь“ (III, 336, 339, 340).

2) *Наслѣдованіе въ восходящей линіи.*

Наслѣдованіе восходящей линіи извѣстно древнему германскому праву и Эклогѣ. Оно наступаетъ при отсутствіи нисходящихъ. По Эклогѣ отецъ и мать устраняютъ боковыхъ родственниковъ (Zachariae, 113). По германскому праву отношеніе восходящихъ къ боковымъ было очень разнообразно. По нѣкоторымъ законодательствамъ восходящіе устраняли боковыхъ, такъ, напримѣръ, у Вестготовъ; по другимъ восходящіе наслѣдовали совмѣстно съ боковыми, при чемъ все имущество дѣлилось на двѣ части и пр. (Zöpfl, 785).

Изъ нашихъ памятниковъ о наслѣдованіи восходящихъ, хотя и очень коротко, говоритъ Псковская Суд. грам.: „а у котораго человѣка помретъ жена, а мужъ ея оженится, і женя мать, или сестра, или иное племя, а имутъ искать платья... Такожъ коли мужъ помретъ, а имуть мужня платья на женѣ его отецъ его, или братья“... (90). Здѣсь рѣчь идетъ только о платьи и, конечно, бездѣтно умершаго супруга. Судя по порядку перечисленія тѣхъ лицъ, которыя могутъ искать этого платья, родители умершаго допускаются прежде его братьевъ, они исключаютъ ихъ, какъ и по Эклогѣ.

3) *Наслѣдованіе въ боковыхъ линіяхъ.*

Наслѣдованіе въ боковыхъ линіяхъ германскому праву было извѣстно съ самыхъ древнихъ временъ, оно наступаетъ или за отсутствіемъ восходящихъ родственниковъ, или совмѣстно съ ними; по Эклогѣ боковыя родственники слѣдуютъ за восходящими.

Русская Правда не сохранила слѣдовъ наслѣдованія боковыхъ родственниковъ. На этомъ основаніи нѣкоторые изслѣдователи дѣлаютъ заключеніе, что боковые родственники въ періодъ Правды къ наслѣдованію не допускались, что кругъ законныхъ наслѣдниковъ исчерпывался для бояръ и членовъ дружины дѣтьми, а для смердовъ—сыновьями (Неволинъ, III 340 ст.). Мы уже знаемъ, что одно молчаніе памятниковъ не можетъ служить основаніемъ для выводовъ. Русская Правда дѣйствительно не говоритъ о наслѣдованіи боковыхъ, но изъ другихъ источниковъ видно, что по народнымъ понятіямъ XII в. „задница" переходитъ отъ брата къ брату. Кіевскій князь Всеволодъ Ольговичъ, чувствуя приближеніе смерти, передалъ, съ согласія Кіевлянъ, княженіе свое брату, Игорю. Но Кіевляне недолго оставались вѣрными своему соглашенію со Всеволодомъ. По смерти его, они отступили отъ Игоря и присоединились къ сторонникамъ Изяслава. Лѣтописецъ разсказываетъ, что послы ихъ сказали Изяславу: „ты нашъ князь, поѣди, а у волговичъ не хочемъ быти аки въ задници" (Ипат. 1146). Переходъ княжества отъ брата къ брату представляется сознанію Кіевлянъ переходомъ „по задницѣ", т. е., по наслѣдству, ясно, что наслѣдство въ XII в. переходитъ въ боковыя линіи. Тоже слѣдуетъ и изъ духовной грамоты новогородца Клименга, XIII в. Въ концѣ своей духовной онъ дѣлаетъ такую оговорку: „того дѣля написахъ, за нъ да не было у меня не брата, ни сына", т. е.: я написалъ эту духовную грамоту, потому что у меня не было ни брата, ни сына. Отсюда надо заключить, что если бы у Климента былъ братъ или сынъ, то онъ (можетъ быть) и не написалъ бы распоряженія объ имуществѣ, такъ какъ у него былъ бы наслѣдникъ и безъ завѣщанія. Такимъ образомъ, и здѣсь братъ разсматривается, какъ законный наслѣдникъ.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія о томъ, что боковые родственники не призывались къ наслѣдованію, Неволинъ ссылается между прочимъ и на статью, встрѣчающуюся въ договорахъ Новгорода съ князьями: «а что, княже селъ твоихъ и владычьнихъ, и княгининыхъ, и бояръ твоихъ, и слугъ твоихъ на новгородской земли, которое село зашло бесъ кунъ, что бесъ кунъ поидеть къ Новугороду, а кто купилъ, а тый знаеть своего истьца или дѣти его; истьца ли не будеть, ни дѣтей его, цѣловати ему крестъ како истьца не свѣдаеть, взяти ему куны, колико будеть далъ по исправѣ, а земля къ Новугороду». Почему, спрашиваетъ Неволинъ, отвѣтственность здѣсь не возложена и на боковыхъ родственниковъ продавца, которые бы ему наслѣдовали,

если бы они по законамъ того времени могли быть его наслѣдниками? И такъ, заключаетъ онъ, должно думать, что они исключались отъ наслѣдства». На поставленный вопросъ можно дать и другой отвѣтъ. Покупщику могло быть предоставлено право требовать своихъ денегъ съ Новгорода, а не съ боковыхъ родственниковъ, для личнаго его удобства. Боковыхъ родственниковъ, особенно въ дальнихъ степеняхъ, не такъ легко розыскать, какъ дѣтей продавца. Потомъ, относительно дѣтей можно, по-крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, предполагать, что они дѣйствительно наслѣдовали имущество родителей; при отсутствіи же дѣтей, на оборотъ, есть основаніе думать, что умирающій, въ большинствѣ случаевъ, распоряжался имъ свободнѣе, отказывалъ по частямъ, дальнѣйшимъ по мимо ближайшихъ, отказывалъ по душѣ, а иногда и со всѣмъ постороннимъ. Чтобы не ставить покупщика въ крайне затруднительное положеніе розыскивать всѣхъ этихъ наслѣдниковъ, договоры и предоставляютъ ему вѣдаться съ Новымгородомъ. Выраженіе: „цѣловати ему крестъ, како истьца не свѣдаеть“, кажется, именно указываетъ на затрудненіе свѣдать объ истцѣ, т. е. о томъ, кто долженъ возвратить деньги.

Псковская Судная грамота прямо говоритъ о братѣ, сестрѣ или иномъ племени умершаго, которые могутъ искать наслѣдства и вступать въ права умершаго (86, 90).

Итакъ, боковые родственники не исключались нашимъ древнимъ правомъ отъ наслѣдованія безъ завѣщанія. Въ какомъ порядкѣ призывались они къ наслѣдованію, впереди восходящихъ, совмѣстно съ ними, или послѣ нихъ, объ этомъ ничего незнаемъ. Но нельзя допустить, чтобы духовенство не проводило началъ Эклоги. Начала Эклоги такъ разумны, такъ отвѣчаютъ естественнымъ отношеніямъ членовъ семьи, что трудно думать, чтобы они были непримѣнимы къ русской жизни. Наоборотъ, можно допустить, что порядокъ, подобный порядку Эклоги, наблюдался у насъ и до византійскаго вліянія, какъ онъ встрѣчается у нѣкоторыхъ германскихъ племенъ.

4) *Наслѣдованіе супруговъ.*

О наслѣдованіи супруговъ наши древніе памятники, сравнительно, говорятъ много. Но все, что въ нихъ находимъ, есть только практика, свидѣтельствующая о примѣненіи началъ Эклоги.

Эклога соединяетъ разныя послѣдствія со смертью супруговъ, смотря по тому, какъ они умерли, оставивъ дѣтей или нѣтъ, или, наконецъ, не оставивъ никакихъ наслѣдниковъ.

Если дѣтей отъ брака не осталось, то мужъ, пережившій свою жену, получалъ четвертую часть изъ ея приданаго (пристроя), а остальное шло наслѣдникамъ умершей. Своей четверти мужъ лишался, если вступалъ въ новый бракъ. Если мужъ умиралъ прежде жены, жена получала обратно свое приданое и, кромѣ того, ей выдѣлялась изъ имущества мужа часть, равная четверти ея приданаго. Вступая въ новый бракъ до истеченія 12 мѣсяцевъ, она лишалась этой прибавки (Кормч., Леона царя и Конст., Зачат. II, 4 и 7, Zachariae 69).

Если оставались дѣти, пережившій супругъ, какъ это было сказано выше, управлялъ всѣмъ имуществомъ умершаго. Дѣти должны были состоять въ его повиновеніи и не могли требовать выдачи имъ наслѣдства.

Это состояніе прекращалось: 1) по волѣ родителей. По достиженіи совершеннолѣтія всѣми дѣтьми, супругъ можетъ, если желаетъ, сложить съ себя управленіе имуществомъ и предоставить дѣтямъ свободу. Оставляя дѣтей, кромѣ своего имущества, онъ получаетъ изъ наслѣдства умершаго часть наровнѣ съ дѣтьми. Въ случаѣ нежеланія со стороны пережившаго супруга оставить дѣтей, онъ можетъ продолжать пользоваться своими правами до смерти.

2) По волѣ дѣтей. Въ случаѣ вступленія вдоваго супруга въ новый бракъ совершеннолѣтнимъ дѣтямъ предоставленъ выборъ продолжать жить вмѣстѣ, или требовать выдачи имъ наслѣдства. Отецъ, вступая въ новый бракъ, получаетъ только свое имущество, а мать приданое и то, что покойный мужъ прибавилъ къ нему для увеличенія брачнаго имущества (hypobolum; въ кормчей: „принесенную же пристрою отъ нея ко отцу ихъ, точію съ поданною отъ него пристрою ея возвращеніемъ въ дары подавшу оставити ей“; у Леунклавія: „modo solam dotem ab ipsa patri eorum allatam, una cum donatione, quam in eam rem dotis augendae causa contulit, matri praestent). Если при заключеніи новаго брака дѣти были еще несовершеннолѣтнія, они продолжаютъ оставаться подъ властью отца; мать же, выходя замужъ, должна дать имъ опекуна (Кормчая, тамъ же 5 и 6, Леунклавій, II, стр. 103 сл.; Zachariae, 69 сл.).

Наконецъ, если по смерти мужа не осталось никакихъ наслѣдниковъ, жена получаетъ половину всего имѣнія умершаго (другая половина по Кормчей, тамъ же, зачат. 72, идетъ Апо-

стольской церкви и нищимъ, а по Эклогѣ фиску, Леунклавій, II, стр. 112).

Статьи Русской Правды и Псковской Судной грамоты даютъ право заключить, что постановленія Эклоги у насъ примѣнялись, хотя и не всѣ ея положенія оставили свой слѣдъ въ этихъ памятникахъ.

Относящіяся къ разсматриваемому вопросу двѣ статьи Русской Правды (по Тр. сп. 88 и 95) крайне отрывочны, редакція ихъ очень неясна, а можетъ быть даже и прямо испорчена [1]). Въ современныхъ изданіяхъ въ одну статью, обыкновенно соединяютъ то, что лучше было бы раздѣлить.

Изъ Русской Правды можно вывести, что у насъ дѣйствовало начало Эклоги, по которому со смертью одного изъ супруговъ не открывалось наслѣдства для дѣтей въ имуществѣ умершаго, а все имущество оставалось въ управленіи и пользованіи пережившаго.

Для отца это слѣдуетъ изъ второй половины 88 статьи: «будуть ли дѣти (по смерти мужа) то что первоѣ жены, то то возмуть дѣти матере своея, любо си на женоу будеть възложилъ, обаче матери своеи возмуть». Здѣсь предусматривается случай смерти человѣка, бывшаго во второмъ бракѣ и имѣвшаго дѣтей отъ перваго. Только послѣ смерти отца дѣти отъ перваго брака получаютъ наслѣдство матери; они получаютъ и то, что отецъ далъ изъ имущества ихъ матери, своей второй женѣ. При жизни отца, слѣдовательно, не смотря на его второй бракъ, все имущество умершей оставалось въ его управленіи. Такъ и по Эклогѣ при несовершеннолѣтнихъ, только изъ статьи Рус. Пр. не видно, совершеннолѣтнія были эти дѣти, или нѣтъ.

Для матери дѣйствіе того же правила слѣдуетъ изъ начала и середины 95 статьи: «аже жена оборчется (ворчеться) сѣдѣти по мужи..., не хотѣти ли ея начнуть дѣти ни на дворѣ, а она начнеть всяко сидѣти въсхощеть зъ дѣтми, то сътворити всяко волю ея, а дѣтямъ недати воли» (редакц. Кар. сп. 113).

Оборчется или ворчется сидѣть по мужѣ значитъ, вречется,

---

[1]) 88. Аже жена сядеть по мужи, то на ню часть дати, (въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: а у своихъ дѣтей взяти часть), а что на ню мужь въ зложить, тому же есть госпожа, а задниця еи мужня не надобѣ; будуть ли дѣти, то что первоѣ жены, то то возмуть дѣти матере своея, любо си на женоу будеть въ зложилъ, обаче матери своей возмуть.

95. Аже жена ворчеться сѣдѣти по мужи, а ростеряетъ добытокъ и поидеть за мужь, то платити еи все дѣтемъ; не хотѣтили начнуть дѣти еи ни на дворѣ, а она начнеть всяко хотѣти и сѣдѣти, то творити всяко волю, а дѣтемъ недати воли, но что ей далъ мужь, съ тѣмъ же еи сѣдѣти, или свою часть вземше сѣдѣти же.

дастъ обѣтъ остаться во вдовствѣ (Дубенскій, Рус. Дост. II, 128). Это наводитъ на мысль, что у насъ по смерти мужа вдова дѣлала формальное заявленіе о желаніи остаться во вдовствѣ и вступить въ права, предоставляемыя ей Эклогой. Въ такомъ случаѣ она остается на дворѣ (т. е. хозяйкою) и противъ воли дѣтей, которыя должны оказывать ей повиновеніе.

Мы соединили начало и середину статьи; въ оригиналѣ же начало имѣетъ такое продолженіе: «аже жена ворчется сѣдѣти по мужи, а растеряеть добытокъ и поидетъ за мужь, то платити ей все дѣтемъ; не хотѣтили начнуть дѣти» и т. д. Это тоже, какъ мы видѣли Эклога, но въ крайне неисправной редакціи. Если вдова пойдетъ за мужъ, то совершеннолѣтнія дѣти могутъ требовать, выдачи имъ отцовскаго наслѣдства и не обязаны болѣе повиновеніемъ матери; для малолѣтнихъ же она сама должна испросить опекуна. Такимъ образомъ начало и середина статьи не вяжутся вмѣстѣ, тутъ есть пропускъ. Но что въ дѣйствительности примѣнялась Эклога, а не лишонная смысла статья Русской Правды, это видно изъ 93 статьи, по которой, согласно съ Эклогой, при выходѣ матери замужъ, дѣтямъ отъ перваго брака дается опекунъ.

Русское выраженіе «сидѣть по мужѣ» очень хорошо передаетъ мысль Эклоги, по которой на вдову, въ извѣстныхъ случаяхъ, переходитъ власть умершаго мужа. Но въ 88-й статьѣ это выраженіе употреблено въ другомъ значеніи: «аже жена сядеть по мужи, то на ню часть дати, а что на ню мужь возложить, тому же есть госпожа, а задниця еи мужня не надобѣ....» Въ нѣкоторыхъ спискахъ послѣ словъ «на ню часть дати» еще прибавлено: „а у своихъ дѣтей взять часть“. Здѣсь сидѣть по мужѣ значитъ взять свою часть и отрѣшится отъ задницы мужа. Это, очевидно, неправильное употребленіе выраженія „сидѣть по мужѣ“. Въ данномъ случаѣ жена не сидитъ по мужѣ, а выдѣляется изъ семейнаго общенія. О такомъ же выдѣленіи говоритъ и конецъ разобранной 95-й статьи: «но что ей далъ мужь, съ тѣмъ же ей сѣдѣти, или свою часть вземше сѣдѣти же». Приведенныя слова союзомъ „но“ связаны съ предшествующими и въ этой связи также не имѣютъ смысла, какъ и только что приведенная первая половина 88 статьи.

Выраженія: „дати часть на ню“, „у своихъ дѣтей взяти часть“, „свою часть вземши сѣдѣти“ относятся не къ тому случаю, когда жена «сидитъ по мужѣ», а къ тому, когда это сидѣніе прекращается. Въ этомъ случаѣ жена, по Эклогѣ, получаетъ иногда часть равную дѣтской. Это и выражаетъ Правда

словами: „дати часть на ню“, т.-е. дать часть изъ отцовскаго наслѣдства. Выраженіе «у своихъ дѣтей взяти часть» наводитъ на мысль, что это выдѣленіе части изъ отцовскаго наслѣдства представлялось русскому уму — выдѣленіемъ изъ того, что принадлежитъ уже дѣтямъ, т.-е., что практика Эклоги не совпадала съ русскими воззрѣніями, по которымъ наслѣдство отца все принадлежитъ дѣтямъ.

Полученіе своей части женою знаменуетъ прекращеніе власти жены надъ всѣмъ имуществомъ мужа, которое поступаетъ теперь въ завѣдываніе дѣтей. Это выражено въ Русской Правдѣ словами: «а задница ей мужня не надобѣ».

Выраженія: „что на ню мужъ возложитъ“, и „что ей далъ мужь“ могутъ означать тотъ додатокъ къ приданому, который и по Эклогѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, шелъ женѣ; а можетъ быть здѣсь надо понимать даръ мужа при жизни, или на случай смерти, или, наконецъ, отказъ въ завѣщаніи.

Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что составитель 88 и 95 ст. имѣлъ въ виду только практику византійскаго права на русской почвѣ. То, что онъ сказалъ о наслѣдованіи супруговъ, могло быть потомъ испорчено переписчиками; а можетъ быть онъ и самъ зналъ византійское право не изъ первыхъ рукъ, а судилъ о немъ на основаніи того, что случайно и съ искаженіями доносилось до его слуха изъ практики духовныхъ судовъ. Этимъ и объясняется та путаница въ статьяхъ, на которую мы указали.

О русскихъ народныхъ обычаяхъ Русская Правда ничего не говоритъ. Только одно выраженіе: «у своихъ дѣтей взяти часть» (Калачова сводный текстъ, ст. LXIII) даетъ поводъ думать, что по русскимъ народнымъ воззрѣніямъ женѣ не принадлежало право участія въ наслѣдствѣ послѣ мужа, а все наслѣдство шло къ дѣтямъ (см. выше).

Псковская Судная грамота также даетъ только византійское право, хотя, можетъ быть, и съ существенными измѣненіями: «а у котораго человѣка помретъ жена безъ рукописанія, а у ней останется отчина, ино мужу ея владѣти тою отчиною до своего живота, толко не оженится; а оженится, ино кормли ему нѣтъ.— А у которой жены мужъ помретъ безъ рукописанія, а останется отчина или животъ, ино женѣ его кормится до своего живота, толко не пойдетъ за мужъ; а пойдетъ за мужъ ино ей нѣтъ» (88 и 89).

Здѣсь пережившему супругу предоставляется пожизненное пользованіе всѣмъ имуществомъ умершаго на условіи вдовства.

Въ редакціи статей есть разница: въ первой говорится только объ отчинѣ, а во второй о вотчинѣ и животахъ. Но въ первой, конечно, описка. Мужъ пользуется и животами жены. Это видно изъ того, что по 90 статьѣ онъ обязывается выдать „платье“ умершей жены ея наслѣдникамъ въ томъ только случаѣ, если вступитъ въ новый бракъ.

Эклога также знаетъ пожизненное пользованіе пережившаго супруга всѣмъ имуществомъ умершаго и выдачу полученной мужемъ части приданаго въ случаѣ его втораго брака. Но въ Эклогѣ пожизненное пользованіе принадлежитъ пережившему супругу при наличности цѣлаго ряда условій, здѣсь же оно обусловлено только однимъ изъ нихъ—вдовствомъ, при чемъ не принято во вниманіе различіе пола супруговъ и возраста дѣтей, что по Эклогѣ имѣетъ важное значеніе. Остается неяснымъ, какъ смотрѣть на эти отступленія отъ Эклоги. Измѣняютъ они соотвѣтствующія статьи Эклоги, или это только неполнота редакціи, объясняемая тѣмъ, что дѣла о наслѣдствѣ и въ Псковѣ вѣдались владычнымъ судомъ, который примѣнялъ къ нимъ Эклогу непосредственно, а не судную грамоту? Если допустить, что грамота измѣняетъ Эклогу, то надо придти къ заключенію, что въ Псковѣ на почвѣ византійскихъ началъ наслѣдственныя права супруговъ расширились: имъ принадлежитъ кормля и при отсутствіи дѣтей; права же мужа—сократились въ томъ смыслѣ, что онъ лишался пользованія имуществомъ едва вступалъ въ новый бракъ, хотя бы дѣти отъ перваго брака и не достигли еще совершеннолѣтія.

Преобладающее вліяніе византійскихъ началъ на наше наслѣдственное право очень понятно. При подсудности наслѣдственныхъ дѣлъ духовнымъ судамъ и при томъ важномъ значеніи, какое принадлежало представителямъ церкви въ послѣдніе моменты жизни каждаго христіанина,—иначе и быть не могло. У насъ, конечно, была и своя народная практика, но очень разнообразная, какъ и практика германскихъ племенъ. Духовенство не могло руководствоваться этой неустойчивой практикой и должно было вносить греко-римскія начала.

Съ вліяніемъ римскихъ началъ на наслѣдственныя права супруговъ встрѣчаемся и въ древнемъ германскомъ правѣ (Zoepfl, стр. 799).

5) Судьба выморочнаго имущества (безадница).

Выморочное имущество идетъ князю, за исключеніемъ цер-

ковныхъ людей и членовъ боярской дружины. Послѣ смерти первыхъ безатщина ихъ идетъ епископу, послѣ смерти вторыхъ — боярину. Относящіяся сюда статьи указаны выше.

6) Мнѣніе Неволина.

Неволинъ признаетъ въ древней Россіи три разныхъ порядка наслѣдованія, которые послѣдовательно смѣнили одинъ другой.

„I. Отечественныя извѣстія о древнѣйшемъ наслѣдствѣ по закону заключаются: 1) въ договорѣ Олега съ Греками 912 г., по которому имѣніе умершаго безъ завѣщанія Русса отсылалось въ Россію къ его ближнимъ, если у него не было въ Греціи своихъ наслѣдниковъ. 2) Въ извѣстіи лѣтописца о Святославѣ, который бралъ дань съ Грековъ и на убитыхъ въ пользу ихъ рода. Порядокъ наслѣдованія здѣсь не опредѣляется. Но онъ можетъ быть опредѣленъ посредствомъ сличенія постановленій договоровъ съ Греками о кровной мести съ постановленіями краткой Рус. Пр. о томъ же.... Если порядокъ открывавшагося наслѣдства соотвѣтствовалъ порядку мстителей, то наслѣдство въ періодъ до пространной Русской Правды открывалось въ слѣдующемъ порядкѣ: прежде всѣхъ наслѣдовали братья умершаго, потомъ его сыновья, отецъ, племянники отъ братьевъ, сестры и племянники отъ сестеръ. Этотъ порядокъ не согласуется съ тѣмъ, который былъ признанъ въ простр. Рус. Пр., но онъ подтверждается извѣстіями о порядкѣ, въ которомъ слѣдовали князья другъ другу во владѣніи русской землей; онъ оставилъ по себѣ слѣды какъ въ церковномъ уставѣ Св. Владиміра, гдѣ въ ряду лицъ, тягающихся о наслѣдствѣ, на первомъ мѣстѣ поименованы братья и потомъ дѣти, такъ и въ грамотахъ купчихъ и другихъ, въ которыхъ было излагаемо, что пріобрѣтатель пріобрѣлъ землю себѣ и дѣтямъ, пріобрѣлъ отъ прежняго владѣльца и дѣтей его (III, 334—6).“

„II. Изъ постановленій Русской Правды о наслѣдствѣ въ имуществѣ смердовъ, бояръ и членовъ княжеской дружины можно выводить, что она совершенно исключаетъ отъ наслѣдства боковую линію... Русская Правда и другіе памятники указываютъ на то, что право законнаго наслѣдованія ограничивалось кругомъ дѣтей умершаго... Это предпочтеніе нисходящихъ боковымъ родственникамъ и совершенное исключеніе послѣднихъ отъ участія въ наслѣдствѣ были связаны одно съ другимъ: новый порядокъ

наслѣдованія могъ на первый разъ не иначе явиться, какъ въ совершенной противоположности съ первымъ (Ш, 340—1).“

„Ш. Надобно полагать, что въ промежуткѣ времени между изданіемъ пространной Русской Правды и изданіемъ Судебника Іоанномъ Ш, право законнаго наслѣдованія распространено было и на боковыхъ родственниковъ (Ш, 345).“

Такимъ образомъ, въ промежутокъ времени отъ X по XV вѣкъ, въ теченіи 500 лѣтъ, наше наслѣдственное право пережило три совершенно различныхъ состоянія. Въ періодъ развитія права путемъ обычая трудно допустить такіе быстрые переходы изъ одного состоянія въ другое, ему совершенно противоположное, каковы наслѣдованіе до Русской Правды и по пространной Русской Правдѣ. Для провѣрки приведеннаго мнѣнія на основаніи источниковъ предшествующее изложеніе даетъ достаточный матеріалъ.

7. *Послѣдствія принятія наслѣдства.*

Къ предметамъ наслѣдованія Русская Правда относитъ: домъ, товаръ (движимости вообще), рабовъ, скотъ, дворъ (Тр. сп. 87, 93, 94); о земляхъ же не упоминаетъ. Изъ этого выводили, что земли состояли во владѣніи рода (по другимъ общины), а потому по смерти владѣльца въ земляхъ не открывалось наслѣдованія для дѣтей его или родственниковъ. Хотя Русская Правда и не упоминаетъ земель, но надо думать, что онѣ также относились къ предметамъ наслѣдованія. По ст. 94-й дворъ отца безъ дѣлежа всегда шелъ меньшему сыну. Спрашивается, что же получали остальные? Трудно допустить, чтобы между ними дѣлились однѣ движимости. Псковская Судная грам. прямо относитъ къ предметамъ наслѣдованія какъ товары, такъ и вотчины, т. е. недвижимости вообще.

Вмѣстѣ съ имуществомъ умершаго на наслѣдника переходила и отвѣтственность по его обязательствамъ. Объ этомъ упоминаетъ уже Русская Правда. По ст. 97-й на дѣтей отъ втораго мужа (одной и той же матери) вмѣстѣ съ задницей отца ихъ переходитъ и обязанность уплатить дѣтямъ перваго мужа все то, что отецъ ихъ утратилъ изъ имущества ихъ отца. Въ договорѣ Мстислава смоленскаго начало это выражено въ видѣ общаго правила... «аже латинянинъ дасть княжю холопу въ заемъ или иному добру человѣку, а умретъ не заплативъ, а кто емльть его остатокъ (по риж. ред. задницю), тому платити Немчину» (7). Псковская Судная грамота также признаетъ за тѣмъ, кто

«за животъ поимается» (т. е. приметъ наслѣдство), обязанность отвѣчать за долги умершаго (88).

Кромѣ уплаты долговъ на наслѣдникѣ лежитъ обязанность дать часть на поминъ души (Рус. Пр. Тр. сп. 87). Эта обязанность внесена въ нашу практику духовенствомъ. Размѣръ части, конечно, зависѣлъ отъ усмотрѣнія наслѣдниковъ.

Наконецъ тамъ, гдѣ дѣйствовали русскія начала наслѣдованія, по которымъ сестры при братьяхъ не наслѣдницы, на братьяхъ-наслѣдникахъ лежала обязанность выдать сестеръ замужъ «како си могутъ» (89 Тр. сп.).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Литература.

Каченовскій, О поединкахъ. Вѣст. Евр. 1811. Т. III.
Калайдовичъ, О судебныхъ поединкахъ. Рус. Истор. Сборникъ. 1838 г. Т. I, кн. VI.
Куницынъ, Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи. 1843.
Полюмбецкій. О системѣ судебныхъ доказательствъ древняго германскаго права сравнительно съ Русской Правдой и позднѣйшими русскими законами. Ж. М. Н. Пр. 1846. ч. 49, отд. 3.
Неволинъ, О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра В. 1847. Въ пол. собр. соч.
Михайловъ, Исторія образованія и развитія системы русскаго гражданскаго судопроизводства до Уложенія 1649 г. 1848.
Тродина, Исторія судебныхъ учрежденій въ Россіи. 1851.
Пахманъ, О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, въ историческомъ ихъ развитіи. 1851.
Чоглоковъ, Объ органахъ судебной власти отъ основанія государства до Алексѣя Михайловича. Въ Юрид. Сбор. Мейера. 1855.
Дмитріевъ, Исторія судебныхъ инстанцій. 1859.
Демченко, Историческое изслѣдованіе о показаніяхъ свидѣтелей по русскому праву до Петра В. 1859.
Ланге, Объ уголовномъ правѣ Русской Правды.
Грыцко, Участіе общины въ судѣ по Русской Правдѣ. Арх.-Ист. и Практ. Свѣд. кн. 5. 1863.
Кистяковскій, О пресѣченіи обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. 1868.
Дюверну́а, Источники права и судъ въ древней Россіи. 1860.
Стефановскій, Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. Ж. М. Н. Пр. т. 165—6. 1873.
Тарасовъ, Личное задержаніе. Полицейскій арестъ въ Россіи. Отд. I, періоды до княжескій, княжескій и царскій. 1877.

Самосудъ; свѣтская и духовная подсудность.

Судопроизводство имѣетъ дѣло съ системою нормъ, при посредствѣ которыхъ возстановляется нарушенное право. Первыя

и крайне грубыя формы возстановленія нарушенныхъ правъ сложились еще прежде образованія государствъ. На этой древнѣйшей ступени своего развитія возстановленіе нарушенныхъ правъ есть дѣло самихъ заинтересованныхъ. Какъ преступленіе имѣло первоначально частный характеръ, такъ точно и возстановленіе правъ, было дѣломъ частныхъ лицъ. Этотъ древнѣйшій процессъ является въ формѣ самосуда, т. е. самоуправства, и самое рѣзкое свое выраженіе получилъ въ правѣ мести. Это личная расправа потерпѣвшаго правонарушеніе съ обидчикомъ. Это явленіе свойственно всѣмъ народамъ на той же первоначальной ступени развитія [1]). Указаніе на слѣды такого порядка находимъ въ Русской Правдѣ; 13 статья Академическаго списка говоритъ: «аще познаетъ кто (если кто нибудь увидитъ у кого свою вещь), не емлеть его, то не рци ему: мое; нъ рци ему тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ». Эта статья запрещаетъ силою отнимать свое; отсюда можно вывести, что прежде всякій расправлялся самъ.

Такой порядокъ вещей не совмѣстимъ, однако, со сколько нибудь организованнымъ общественнымъ бытомъ. Поэтому, по мѣрѣ возникновенія государственныхъ формъ быта, онъ начинаетъ исчезать и государство принимаетъ на себя заботу о возстановленіи нарушенныхъ правъ. Въ періодъ Русской Правды въ судѣ принимаютъ уже участіе князь и его чиновники. Указанія на это находимъ во многихъ статьяхъ Правды. Въ 38-й статьѣ Академическаго списка говорится: «татя вести на княжъ дворъ», въ 23 статьѣ Троицкаго списка: «аще придетъ кровавъ мужъ на дворъ (на княжъ дворъ), то видока ему не искати...» и т. д.

Этотъ древнѣйшій процессъ, происходившій предъ представителями власти, отличался, однако, нѣкоторыми признаками, перешедшими изъ періода самоуправства. Авторитетъ суда былъ еще очень ограниченъ. На первомъ планѣ не дѣятельность суда, а дѣятельность сторонъ. Истецъ самъ привлекаетъ къ суду отвѣтчика. Передъ судомъ стороны непосредственно имѣютъ дѣло одна съ другой. Формальный приговоръ суда не всегда былъ нуженъ.

---

[1]) Бернхöфтъ: „О цѣли и средствахъ сравнительнаго изученія права“, останавливаясь на судопроизводствѣ, говоритъ, что древняя форма суда у индогерманскихъ народовъ основана на самопомощи, каждый проводилъ свои требованія собственной силой.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр. 2 л., 7.

Исполненіе приговора наступало не столько въ силу рѣшенія судьи, сколько въ силу особаго соглашенія сторонъ (Erfüllungsgelöbniss. Brunner, у Гольцендорфа, I, 147).

Указанія на такой порядокъ вещей находимъ и въ нашихъ памятникахъ. Въ Русс. Правдѣ читаемъ: «по сего рѣчи (по показанію холопа) емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ» (Тр. 81). Это слова, обращенныя истцомъ къ отвѣтчику; онъ приглашаетъ такимъ образомъ отвѣтчика подвергнуться испытанію желѣзомъ. Постановленія судьи о производствѣ испытанія желѣзомъ не видно. Этого требуетъ сама сторона и довольно. Въ 23 ст. о свидѣтеляхъ говорится: «и вылѣзутъ послуси». Изъ этого выраженія заключаемъ, что вызова свидѣтелей судомъ вовсе не было нужно. Ихъ приводили стороны, а иногда, можетъ быть, они и сами приходили, безъ всякаго приглашенія. Въ Ярославовомъ договорѣ Новгорода съ Нѣмцами читаемъ: «Оже тяжа родится безъ крови, *снидутся* послухи, и Русь и Нѣмцы, то *вергуть* жеребее: кому ся выимьть, ротѣ шедъ, свою правду *възмуть*». Здѣсь также послухи сами сходятся, сами бросаютъ жребій и, наконецъ, выигравшій дѣло самъ беретъ свою правду, т.-е. самъ исполняетъ, причемъ, по всей вѣроятности, дѣло обходится безъ произнесенія судьей формальнаго приговора.

Въ настоящее время различаютъ два порядка возстановленія нарушенныхъ правъ: гражданскій и уголовный. Это обособленіе двухъ процессовъ есть дѣло, сравнительно, позднѣйшее, въ древнее время мы съ нимъ не встрѣчаемся.

Въ Русской Правдѣ всякое дѣло носитъ наименованіе «тяжбы» или «тяжы». Въ настоящее время слово—тяжба—употребляется только для обозначенія гражданскихъ дѣлъ, въ старину же этимъ наименованіемъ обозначались не только гражданскія, но и уголовныя дѣла объ убійствѣ, поджогѣ, воровствѣ, все это тяжбы. Въ настоящее время мы различаемъ особымъ наименованіемъ истца и отвѣтчика: истецъ, это то лицо, которое что либо ищетъ, которое вчинаетъ дѣло; отвѣтчикъ, противъ котораго искъ направленъ, у котораго что нибудь ищутъ; въ древнѣйшихъ памятникахъ и то и другое лицо безразлично называлось истцомъ; при чтеніи Русской Правды иногда даже трудно понять о комъ говорится, объ истцѣ или отвѣтчикѣ.

Вслѣдъ за принятіемъ христіанства рядомъ со свѣтскими княжескими судами у насъ возникли духовные суды. Указаніе на предметы вѣдомства этихъ судовъ можно найдти въ церковныхъ уставахъ. Но церковные уставы, во-1-хъ, не перечисляютъ всѣхъ дѣлъ, которыя подлежали суду церкви. Такъ они ничего

не говорятъ о судѣ церкви по дѣламъ въ строгомъ смыслѣ церковнымъ, т.-е. вытекающимъ изъ управленія церковью, а они подлежали же суду церкви. Во-2-хъ, къ исключительно церковной подсудности уставы относятъ и такія дѣла, которыя едвали церковь вѣдала безъ содѣйствія, а нѣкоторыя и безъ конкурренціи свѣтскихъ судовъ. Церковный уставъ Владиміра къ вѣдомству духовныхъ судовъ относитъ, между прочимъ: «церковную татьбу», «мертвецы волочать» и «зелейничество». Всѣ эти дѣянія предусматриваются Градскими законами, откуда они, конечно, и попали въ уставъ Владиміра. За кражу изъ алтаря Градскіе законы опредѣляютъ ослѣпленіе, за кражу изъ церкви (но не изъ алтаря)—бить, стричь, изгнать; кто мертваго во гробѣ сволочитъ, тому отсѣкается рука; «кто дасть зеліе пити (отравленіе), мечемъ да усѣчется». Трудно думать, чтобы церковные суды постановляли приговоры объ ослѣпленіи, отсѣченіи рукъ и о смертной казни. Какое же было отношеніе церковныхъ судовъ къ преступленіямъ этого рода? Изъ устава Владиміра этого не видно. Изъ церковнаго же устава Ярослава надо заключить, что епископы вовсе не приговаривали къ наказаніямъ, опредѣляемымъ Градскими законами, а ограничивались денежными штрафами. Но казни Градскихъ законовъ не были исключены изъ нашей практики, по уставу Ярослава они назначались княземъ. Епископъ, значитъ, вѣдалъ уголовный судъ вмѣстѣ съ княземъ. Да и трудно думать, чтобы могло быть иначе въ обществѣ, въ которомъ церковная власть только что возникаетъ. Первые церковные суды могли держаться только авторитетомъ княжеской власти.

Церковный уставъ Владиміра къ вѣдомству духовнаго суда относитъ дѣла о наслѣдствахъ: «братья или дѣти тяжются о задници». Изъ Русской Правды и Псковской суд. грамоты мы знаемъ, что дѣла этого рода дѣйствительно вѣдались духовнымъ судомъ: только чрезъ посредство его практики могли войдти въ эти памятники постановленія Эклоги. Но нельзя думать, что церковный судъ вѣдалъ эти дѣла исключительно. Въ Русской Правдѣ есть статьи, сохранившія русскіе народные обычаи. Они попали въ Правду изъ практики свѣтскихъ судовъ. Въ Русской Правдѣ даже есть статья, которая говоритъ о подсудности этихъ дѣлъ суду князя: «аже братья растяжються о задницю, который дѣтьскии идѣть ихъ дѣлить, то тому взяти гривна коунъ» (Тр. сп. 100). Въ этой двойной подсудности однихъ и тѣхъ же дѣлъ суду епископа и суда князя Карамзинъ видѣлъ непримиримое противорѣчіе и заключалъ изъ нея къ подложности Владимірова

устава. Позднѣйшіе изслѣдователи (Митроп. Евгеній) также усматриваютъ въ этомъ противорѣчіе и примиряютъ его такимъ предположеніемъ: статья Русской Правды отмѣняетъ постановленіе Владимірова устава. Въ такомъ предположеніи нѣтъ надобности. Изъ Русской Правды несомнѣнно, что къ дѣламъ о наслѣдствѣ примѣнялись и византійскія постановленія и русскіе обычаи. Здѣсь конкурренція судовъ. Это допускаетъ и Неволинъ (VI, 275). Въ древнее время подсудность княжескихъ и епископскихъ судовъ едвали могла быть строго разграничена. Разграниченіе могло еще имѣть мѣсто въ чисто церковныхъ дѣлахъ, да еще въ церковныхъ людяхъ. Но трудно допустить, чтобы какой нибудь князь отказался разсмотрѣть споръ о наслѣдствѣ по неподсудности ему дѣлъ этого рода. Наши предки едва ли были въ состояніи оцѣнить пользу такой юридической тонкости.

Трудно думать, чтобы уже при Владимірѣ Св. церковные суды обнаружили стремленіе къ полной самостоятельности и по тѣмъ именно предметамъ, которые въ его уставѣ перечислены. Выраженія устава: «а по семъ не вступитися ни дѣтемъ моимъ, ни внучатомъ, ни всему роду моему до вѣка ни въ люди церковные, ни въ суды ихъ... Тѣ вся суды церкви даны суть. Князю и бояромъ и судьямъ въ тѣ суды не лзѣ вступатися. То вся далъ есмь по первыхъ царевъ уряженію и по вселенскихъ святыхъ отецъ семи съборовъ великихъ святитель. Аще кто преобидитъ нашъ уставъ, таковымъ непрощенымъ быти отъ закона Божія и огнь себѣ наслѣдуютъ“,—свидѣтельствуютъ о возникшемъ уже антагонизмѣ свѣтскихъ и духовныхъ судовъ и, конечно, не принадлежатъ Владиміру. Редакція уставовъ, составленная подъ впечатлѣніемъ борьбы свѣтскихъ и духовныхъ судовъ, легко могла отнести къ духовной подсудности и такія дѣла, которыя не вѣдались однимъ духовенствомъ. Въ Ярославовомъ же уставѣ надо видѣть смѣшеніе духовной подсудности съ территоріальной. Дѣла, относящіяся до брачнаго союза, его установленіе и прекращеніе, преступленія, направленныя противъ этого союза, и любодѣянія подлежали вѣдомству епископа по духовной подсудности; кражи же, драки, бой и убійства могли вѣдаться имъ только въ качествѣ территоріальнаго судьи, т.-е. на пространствѣ его иммунитета.

Та обособленность церковнаго суда, о которой идетъ рѣчь въ церковныхъ уставахъ, не была извѣстна кормчимъ. По Свитку Новыхъ заповѣдей Юстиніана царя епископъ судитъ по священнымъ правиламъ безъ вмѣшательства свѣтской власти только въ тѣхъ случаяхъ «аще о церковныхъ вещехъ будетъ вина» (56).

Похищеніе же женщинъ, блудъ и растленіе черноризицы, постницы или иной какой жены, говѣйно житіе или образъ имущей (femina venerabilis),—не были отнесены къ такимъ церковнымъ вещамъ. Преступленія этого рода судились «властелемъ мѣста», т.-е. органомъ свѣтской власти, который приговаривалъ виновныхъ къ смертной казни, а имѣніе ихъ выдавалъ епископу (85). Иски мірянъ на причетниковъ и монаховъ также не принадлежали къ церковнымъ вещамъ. Они вчинались у епископа, но приговоръ епископа подлежалъ утвержденію свѣтской власти, къ которой недовольные могли и аппеллировать (54).

Объ особомъ церковномъ судѣ говорятъ и судныя грамоты Новогородская и Псковская, но не опредѣляютъ его точно.

Въ первой читаемъ: „нареченному на архіепископство Великаго Новагорода и Пскова священному иноку Ѳеофилу судити судъ свой, судъ святительски по святыхъ отецъ правилу, по манакануну. А судити ему всѣхъ ровно какъ боярина, такъ и житьего, такъ и молодчего человѣка» (1). Изъ этой статьи можно вывести, что церковному суду подлежали не одни церковные люди, но все населеніе въ дѣлахъ, подлежавшихъ вѣдомству церкви. Какія именно это дѣла, остается неяснымъ.

Во второй: «и владычню намѣстнику судъ, и на суду (намѣстника) не судить князю, ни судіямъ; ни намѣстнику княжа суда не судить» (2). Въ концѣ грамоты говорится еще о подсудности владычню намѣстнику дѣлъ между церковными людьми: попомъ, дьякомъ, проскурницей, черницей и чернецомъ. Дѣла же между этими церковными людьми и свѣтскими подлежали общему суду намѣстника съ княземъ и посадникомъ (109).

Надо думать, что и въ Псковѣ вѣдомство епископскаго намѣстника не ограничивалось судомъ церковныхъ людей, а распространялось на все населеніе въ дѣлахъ брачныхъ, наслѣдственныхъ, а можетъ быть и въ нѣкоторыхъ другихъ. Но вѣдомство церковныхъ судовъ и въ Псковѣ не было точно разграничено отъ вѣдомства судовъ свѣтскихъ. Это должно вывести изъ посланія митроп. Кипріана въ Псковъ отъ 1395 года, въ которомъ онъ жалуется на то, что міряне «судятъ поповъ въ церковныхъ вещахъ». Если даже духовенство „въ церковныхъ вещахъ“ привлекалось къ свѣтскому суду, можно ли думать, что опредѣленіе подсудности церковныхъ судовъ, какъ оно сдѣлано въ церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава, соотвѣтствовало дѣйствительности? Это, конечно, было только pium desiderium духовенства, сознавшаго свою силу во вновь обращенной къ христіанству странѣ.

Ни Псковская, ни Новогородская грамоты не ссылаются на уставы Владиміра и Ярослава, хотя къ такой ссылкѣ и былъ прямой поводъ, Новогородская же ссылается на Номоканонъ. Въ этомъ надо видѣть указаніе на то, что ни въ одномъ изъ вольныхъ городовъ церковные уставы не имѣли практическаго значенія. Въ нихъ можно видѣть только слѣдъ практики, а никакъ не памятники, руководившіе практикой. Церковные суды руководились кормчей.

Приступая къ подробностямъ древняго процесса, я остановлюсь только на обзорѣ системы доказательствъ. Изъ свидѣтельствъ памятниковъ этого времени я сгруппирую здѣсь только то, что относится къ древнѣйшему порядку вещей, который удержался и по принятіи христіанства и въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ подвергся вліянію византійскихъ началъ.

Доказательства.

Здѣсь нужно разъяснить: 1) что въ древности принималось за доказательство, долженствовавшее служить къ убѣжденію судьи въ справедливости какого нибудь иска, и 2) указать, какимъ образомъ доказательства относились другъ къ другу.

Доказательствами признавались:

1) собственное признаніе, 2) присяга, 3) поединокъ, 4) свидѣтели и послухи, 5) ордаліи (судъ Божій) и 6) сводъ.

1) Собственное признаніе.

Подъ признаніемъ мы разумѣемъ показаніе отвѣтчика, которымъ онъ вполнѣ или отчасти подтверждаетъ справедливость иска вопреки собственной выгодѣ; подъ понятіе признанія не подходятъ показанія въ собственную пользу. Само собою понятно, что признаніе въ процессѣ должно имѣть рѣшающее значеніе: если кто признаетъ направленный противъ него искъ, это дѣлаетъ излишнимъ другія доказательства. Не смотря на то, что безъ этого доказательства ни одинъ народъ не можетъ обойтись, въ Русской Правдѣ мы встрѣчаемъ только косвенное указаніе на то, что это доказательство имѣло мѣсто. Въ 14 статьѣ Академическаго списка читаемъ: „аже кто взыщетъ на друзѣ проче, а онъ ся запирати почнетъ, то ити ему на изводъ предъ 12 человѣкъ“, т. е. если кто нибудь учинитъ искъ,

а отвѣтчикъ станетъ запираться, то нужно вести его на сводъ предъ 12 человѣкъ. Отсюда выводимъ, что если онъ не станетъ запираться, то нѣтъ нужды вести его на сводъ, признаніемъ оканчивается дѣло.

2) *Присяга.*

Подъ присягою разумѣется подкрѣпленіе истинности какого нибудь показанія призваніемъ имени Бога. Въ основаніи этого доказательства лежитъ вѣра, что божество принимаетъ непосредственное участіе въ человѣческихъ дѣлахъ и слѣдовательно не допуститъ, чтобы кто нибудь ложно сослался на него и ложно призвалъ его въ свидѣтели. Простой народъ и теперь говоритъ: „Бога снять на весь міръ честь потерять". Не должно думать, что этотъ способъ доказательства появился только съ христіанства. Онъ существовалъ и раньше—у Славянъ язычниковъ, духовенство же начало принимать мѣры къ его ограниченію. Въ договорѣ Олега съ Греками видимъ, что обѣ стороны присягали: съ одной стороны христіане, съ другой язычники по обычаю ихъ вѣры. Въ договорѣ описанъ и самый обрядъ присяги. Кто не былъ крещенъ, слагалъ съ себя щитъ и все оружіе и клялся Перуномъ. Эта клятва называлась: „ротою". Мы различаемъ ирисягу дополнительную и очистительную. Русская Правда знаетъ и ту и другую. Первая предоставляется истцу, обыкновеннно, при отсутствіи другихъ доказательствъ и въ небольшихъ искахъ; вторая отвѣтчику, также при отсутствіи другихъ доказательствъ и если онъ внушалъ довѣріе, какъ напр. въ ст. 46-й Кар. сп.: „аже кто поклажеи кладеть оу кого любо, туто послоуха нѣтъ оу кого тотъ товаръ лежить; но оже начнеть болшимъ клепати, тому итти ротѣ оу кого лежало: како толко еси оу мене положилъ, занеже ему благо дѣялъ и хранилъ". Отказъ отъ присяги всегда велъ къ обвиненію. Отъ этихъ двухъ видовъ присяги надо отличать присягу, о которой говоритъ Новгородская Судная грамота; по этой грамотѣ каждая сторона, что нибудь утверждавшая, должна была подтвердить свое утвержденіе присягою. Истецъ, вчинающій искъ, долженъ былъ присягать въ томъ, что онъ по правдѣ ищетъ; отвѣтчикъ, отрицающій искъ, долженъ былъ присягать въ томъ, что онъ по правдѣ отрицаетъ. Если какая либо изъ сторонъ отказывалась присягать въ томъ, что она утверждала, она признавалась виновною.

Эта двойная присяга извѣстна и германскому праву. Истецъ,

обыкновенно, подтверждаетъ свой искъ клятвой. Отвѣтчикъ или признаетъ искъ, или отвергаетъ. Отрицаніе иска онъ также долженъ подтвердить клятвой. Если поклялись оба, дѣло рѣшалось поединкомъ (Zoepfl, 871).

3) *Поединокъ.*

Подъ судебнымъ поединкомъ разумѣется рѣшеніе спора силою, кто побѣдитъ изъ спорящихъ сторонъ, тотъ и считается правымъ. Въ основаніи этого доказательства лежитъ тоже вѣра, что Божество принимаетъ непосредственное участіе въ человѣческихъ дѣлахъ и не допуститъ, чтобы побѣдилъ неправый человѣкъ, что либо ложно утверждающій. Поединокъ есть судъ Божій.

Германскому праву поединокъ былъ извѣстенъ съ самыхъ древнихъ временъ. Въ періодъ языческій онъ былъ единственнымъ средствомъ для обвиненія свободнаго мужа. Свободный человѣкъ не признавалъ вину свою доказанною, пока не падалъ въ бою. Соотвѣтственно этому у Германцевъ существовала такая пословица: «bin ich schuldig, oder nicht, weis Niemand als Gott und ich», т. е. виноватъ я, или нѣтъ, объ этомъ никто не знаетъ, кромѣ Бога да меня.

Что касается вопроса о томъ, былъ ли у насъ поединокъ, то на этотъ вопросъ Русская Правда не даетъ отвѣта. Въ Русской Правдѣ упомянуты многія судебныя доказательства, хотя не систематически, а довольно случайно; но о поединкѣ не говорится ни слова. Отсюда нѣкоторые изслѣдователи и приходятъ къ заключенію. что поединокъ не есть исконное національное явленіе нашего процесса, а что онъ заимствованъ у Нѣмцевъ и сравнительно поздно. Другіе находятъ, что, не смотря на молчаніе Русской Правды, поединокъ есть древнѣйшій способъ доказательства и у насъ. Это послѣднее мнѣніе вѣрно, потому во первыхъ, что поединокъ совершенно соотвѣтствовалъ строю древней жизни; во вторыхъ, мы имѣемъ указанія иностранцевъ на то, что у насъ существовалъ поединокъ. У арабскаго писателя Ибнъ-Даста говорится между прочимъ о Руси, что если тяжущіеся не довольны «судомъ князя, то князь обыкновенно говорилъ имъ: «судитеся мечемъ». Въ 3-хъ, мы имѣемъ отечественное указаніе на то, что въ первой четверти XIII столѣтія въ Россіи существовалъ уже поединокъ. Въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава запрещается Русскому звать Нѣмца биться на полѣ на русской землѣ и обратно Латинянину запрещается звать Рус-

скаго биться на полѣ въ предѣлахъ нѣмецкой земли. Изъ этой запретительной статьи видно, что поединокъ въ началѣ XIII в. былъ уже у насъ извѣстенъ. Позднѣе въ Судебникахъ поединокъ является самымъ обыкновеннымъ доказательствомъ; всякое уголовное и гражданское дѣло рѣшается поединкомъ. Но такъ какъ Русская Правда молчитъ о поединкѣ, то могутъ сказать, что въ смоленской грамотѣ и въ Судебникахъ онъ упоминается какъ нововведеніе, древности неизвѣстное. Допустить, что поединокъ появился уже по принятіи христіанства чрезвычайно трудно, такъ какъ духовенство должно было противодѣйствовать его распространенію, оно вооружалось противъ судовъ Божіихъ и даже противъ присяги. Можно ли допустить, чтобы при такомъ неблагопріятномъ условіи могъ возникнуть совершенно новый способъ доказательства, несвойственный языческому праву и гонимый духовенствомъ, какъ вредное суевѣріе? Надо думать, что поединокъ былъ извѣстенъ у насъ съ древнѣйшихъ временъ. Хотя существованіе судебнаго поединка у Германцевъ не подлежитъ сомнѣнію, но объ немъ умалчиваютъ законы салическихъ франковъ, саксонскіе, вестготскіе и нѣкоторые другіе (Grimm D. R. A. 929). Молчанію Русской Правды нельзя придавать рѣшающаго значенія.

4) *Ордаліи.*

Ордаліи представляютъ второй видъ суда Божія. Существо ордалій состоитъ въ слѣдующемъ. Тяжущіеся, въ надеждѣ на помощь божію, вызываются сдѣлать что нибудь такое, что по естественному порядку вещей должно быть гибельно для нихъ, но что вслѣдствіе непосредственнаго участія божескаго будетъ безвредно.

Древне германскому праву было извѣстно испытаніе огнемъ и водою. Испытаніе огнемъ состояло: 1) въ держаніи руки въ огнѣ, причемъ, она должна была остаться невредимой; 2) въ переходѣ чрезъ зажженный костеръ въ одной рубашкѣ; лѣтописецъ разсказываетъ, что жена Карла Толстаго доказала такимъ образомъ свою невинность; 3) въ держаніи руками раскаленнаго желѣза. Испытаніе водой совершалось подъ двумя формами: кипящей водой и холодной. 1) Испытаніе кипящей водою производилось такъ: клали на дно сосуда, наполненнаго кипяткомъ, кольцо; обвиняемый долженъ былъ вынуть его невредимо для себя. 2) Испытаніе холодной водой служитъ доказательствомъ,

что суды Божіи не возникли подъ вліяніемъ христіанства. Оно происходило такъ: обвиняемаго, перевязаннаго веревкою, бросали въ воду; если онъ шелъ ко дну, онъ считался невиннымъ и вытаскивался; если же онъ оставался на поверхности воды, то считался виновнымъ. Это объясняется древнѣйшими до христіанскими воззрѣніями на воду. Вода чистый элементъ и ничего нечистаго не принимаетъ; если она поглотила брошеннаго, онъ долженъ быть невиненъ (Grimm, 908 и слѣд.). Испытаніе водой въ процессахъ противъ вѣдьмъ держалось до 17 вѣка. Съ христіанства появилось новое испытаніе—крестомъ: истецъ и отвѣтчикъ ставились у креста, съ руками поднятыми вверхъ, кто первый опускалъ руки или падалъ, считался виновнымъ.

Русская Правда упоминаетъ испытаніе желѣзомъ и водою (Тр. сп. 17, 81, 82). Въ чемъ состояло испытаніе водою, не видно. У насъ, какъ и въ Германіи, испытанію подвергался обвиняемый, который долженъ былъ очиститься отъ взводимаго на него обвиненія, если не могъ опровергнуть его инымъ способомъ. На основаніи 17. ст. можно думать, что у насъ обращались къ желѣзу и водѣ даже въ поклепныхъ обвиненіяхъ, т. е. такихъ, въ подтвержденіе которыхъ обвинитель не могъ представить никакихъ доказательствъ, кромѣ своего утвержденія. Изъ 81 ст. слѣдуетъ, что къ желѣзу обращались и при недостаточности приведенныхъ обвинителемъ доказательствъ, когда на сторонѣ обвинителя былъ послухъ—холопъ, а не свободный человѣкъ. Ордаліи, слѣдовательно, имѣютъ значеніе очистительной присяги, но отличаются отъ нея тѣмъ, что допускаются въ болѣе цѣнныхъ искахъ, чѣмъ присяга. Въ убійствахъ и во всѣхъ другихъ искахъ цѣною до полугривны золота отвѣтчикъ принуждается къ испытанію желѣзомъ; въ искахъ менѣе цѣнныхъ (до 2 гривенъ)—испытываютъ водой, въ еще меньшихъ (ниже 2 гривенъ) дѣло оканчивалось присягой (17).

5) *Свидѣтели и послухи.*

Подъ свидѣтелями разумѣются такія лица, которыя удостовѣряютъ какое либо спорное обстоятельство дѣла на основаніи того, что они восприняли своими внѣшними чувствами; человѣкъ, напр., видѣлъ, какъ убивали другаго, или слышалъ его крикъ, хотя и не видѣлъ убійства, и объ этомъ свидѣтельствуетъ. Въ древнее время, кромѣ свидѣтелей въ этомъ смыслѣ, были еще

извѣстны свидѣтели доброй славы, которые существенно отличаются отъ вышеназванныхъ.

Въ Германіи они поддерживали присягу стороны и носили наименованіе соприсяжниковъ (juratores). Это были пріятели, сторонники, сосѣди обвиняемаго, которые знали его и по совѣсти утверждали, что онъ хорошій человѣкъ и не могъ совершить преступленія, въ которомъ обвиняется. Эти соприсяжники не были непремѣнно свидѣтелями факта, а были свидѣтелями доброй славы, они утверждали подъ присягой, что показаніе стороны заслуживаетъ довѣрія. Это testes de credulitate. Число ихъ было различно по важности дѣла и лица, противъ котораго они показывали. Обѣ стороны могли приводить соприсяжниковъ. Если истецъ въ пользу своего иска приводилъ 6 помощниковъ, отвѣтчикъ долженъ былъ для очистки себя отъ обвиненія привести въ двое болѣе. Есть основаніе думать, что и у насъ существовалъ такой институтъ. Въ Псковской Судной грамотѣ (58 статья) говорится: «а на судъ помощью неходити, ходить въ судебницу двумъ сутяжникамъ, а пособниковъ бы не было ни съ той ни съ другой стороны». Изъ этихъ словъ, кажется, можно вывести, что въ древности у насъ были пособники. Древнѣйшій процессъ является борьбою сторонъ и при томъ не одного только истца и отвѣтчика, но вмѣстѣ съ ними и ихъ товарищей, сосѣдей, которые готовы душу свою положить за то, что ихъ сосѣдъ правъ. Псковская Судная грамота еще помнитъ этотъ порядокъ вещей. Далѣе, 88 статья содержитъ указаніе на то, кто были эти пособники,—въ этой статьѣ читаемъ: «а за церковную землю на судъ помощью сусѣди не ходятъ». Пособниками были сосѣди, которые, конечно, хорошо знали того, на защиту кого выступали. Такъ какъ между сосѣдями истца и отвѣтчика, которые приходили съ ними въ судъ какъ пособники, нерѣдко происходили столкновенія, то Псковская Судная грамота и воспрещаетъ впредь ходить въ судъ съ пособниками.

Русская Правда не говоритъ о пособникахъ, но упоминаетъ о видокахъ и послухахъ. Видоки были свидѣтели въ настоящемъ смыслѣ слова, т. е. очевидцы событія.

Кто могъ быть свидѣтелемъ? Къ свидѣтельству допускаются свободныя лица, рабъ не допускался въ свидѣтели, кромѣ ключниковъ; права закупа въ этомъ отношеніи были ограничены, они допускались только въ малыхъ тяжбахъ; что же касается до женщинъ, то о нихъ нѣтъ указаній. По германскому же праву женщина была устранена отъ свидѣтельства.

Въ статьяхъ Русской Правды, опредѣляющихъ число свидѣ-

телей, можно видѣть вліяніе практики церковныхъ судовъ. Статьи 25 и 32 (Тр. сп.) требуютъ двухъ свидѣтелей. Это именно то число свидѣтелей, передъ которымъ по законамъ Моисея «да смолкнетъ всякъ глаголъ».

Свидѣтели даютъ свои показанія подъ присягой. Показаніе свидѣтелей имѣетъ рѣшающее значеніе (Тр. сп. 25, 32). То-же и по германскому праву. Яковъ Гриммъ высказываетъ мнѣніе, что достаточное свидѣтельство само рѣшало дѣло и формальный приговоръ суда въ этихъ случаяхъ вовсе не былъ нуженъ. Въ актахъ говорится: testes, qui praesentes fuerunt et hanc causam dijudicaverunt. Свидѣтель переходилъ, такимъ образомъ, въ судью (Deutsche Rechtsalterthûmer, 858).

Нѣкоторые изслѣдователи вовсе не различаютъ видоковъ и послуховъ на томъ основаніи, что Русская Правда употребляетъ довольно безразлично эти термины. Но не смотря на такое безразличное употребленіе этихъ словъ, есть основаніе думать, что послухъ то-же, что въ Германіи соприсяжникъ. У насъ впервые высказалъ это мнѣніе Ланге въ сочиненіи: Объ уголовномъ правѣ Русской Правды. Ланге находитъ, что на эту мысль наводитъ 15 статья Русской Правды Троицкаго списка: «аще будетъ на кого поклепная вира, тоже будеть послуховъ 7, то ти выведутъ виру (сведутъ, снимутъ)». Подъ поклепной вирой разумѣется такое обвиненіе, которое свидѣтелями очевидцами неподтверждается (никто не видѣлъ совершенія преступленія) и при совершеніи котораго обвиняемый не былъ схваченъ на мѣстѣ преступленія; обвиненіе основывается исключительно на одномъ подозрѣніи. При такомъ обвиненіи можно было снять съ себя виру, представивши 7 послуховъ. Ясно, что эти послухи не могли быть свидѣтелями въ настоящемъ смыслѣ слова; въ данномъ случаѣ 7 послуховъ отрицаютъ фактъ обвиненія, они говорятъ, что такой то человѣкъ не совершилъ убійства. Нельзя быть свидѣтелемъ отрицательнаго факта, нельзя видѣть, что такой то не совершилъ убійства. Надо думать, что эти 7 послуховъ не свидѣтели факта, а свидѣтели доброй славы. Далѣе, самое число 7, какъ справедливо замѣчаетъ Ланге, служитъ достаточнымъ основаніемъ видѣть въ этихъ 7 послухахъ не свидѣтелей, а послуховъ, подобныхъ тѣмъ, какими были по германскому праву соприсяжники. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя требовать, чтобы было 7 свидѣтелей, а не менѣе, потому что, смотря по обстоятельствамъ, ихъ могло быть 1, 2, 3 и болѣе, тогда какъ послуховъ можно требовать произвольное число. Послуховъ, слѣдовательно, надо отличать отъ видоковъ. То, что Русская

Правда смѣшиваетъ эти названія, еще не рѣшаетъ дѣла и объясняется нетвердостью терминологіи того времени. Въ германскихъ памятникахъ, также смѣшиваются свидѣтель и соприсяжникъ, но это не мѣшаетъ нѣмецкимъ ученымъ различать ихъ.

Послухи въ Русской Правдѣ встрѣчаются еще и въ другомъ смыслѣ, въ качествѣ свидѣтелей въ гражданскихъ сдѣлкахъ. Заемъ, напр., совершался въ присутствіи послуховъ, которые удостовѣряли заключеніе сдѣлки и придавали ей такимъ образомъ твердость. Сдѣлка только тогда охранялась судомъ, когда при совершеніи ея присутствовало необходимое число послуховъ.

6) Внѣшніе признаки.

Подъ внѣшними признаками разумѣются всякіе внѣшніе слѣды, свидѣтельствующіе о происшедшемъ событіи. Сюда относятся, напр., побои, синія пятна и т. под. Если человѣкъ обвиняется въ кражѣ, то такимъ внѣшнимъ признакомъ будетъ то, что въ его домѣ найдены краденыя вещи, а если обвиняется въ убійствѣ, то трупъ и т. под. Эти улики на древнемъ языкѣ носили наименованіе «лица», украденныя вещи или найденный трупъ составляли «лице».

7) Сводъ.

Послѣднее доказательство, на которомъ нужно остановиться, это сводъ. Этотъ терминъ встрѣчается во многихъ статьяхъ, а именно въ 31, 33, 35 и въ другихъ Троицкаго списка. То, что въ Русской Правдѣ называется сводомъ, можно подвести подъ понятіе очной ставки, совершаемой, однако, нѣсколько своеобразно. Дѣло происходило такъ. Если собственникъ находилъ у кого либо свою украденную вещь (или лице, какъ тогда говорилось), и держатель вещи утверждалъ, что онъ купилъ ее, а не укралъ, то собственникъ вмѣстѣ съ держателемъ вещи долженъ былъ отправиться къ указанному продавцу для удостовѣренія въ томъ, что дѣйствительно вещь у него куплена; это должно было продолжаться до тѣхъ поръ, пока не находили вора. Такой процессъ хожденія со двора во дворъ носилъ наименованіе свода.

Этотъ способъ доказательства былъ извѣстенъ и германскому праву. Обладатель украденной вещи долженъ былъ назвать, отъ

кого онъ ее пріобрѣлъ, и въ извѣстный срокъ привести своего продавца; этотъ своего и т. д., пока не дойдутъ до вора. Кто не могъ указать продавца, тотъ долженъ былъ отдать вещь и очиститься отъ подозрѣнія въ кражѣ (Brunner у Гольцендорфа, Bernhöft, 24 сл.). Совершенно тоже и у насъ: „аже начнеть не знати у кого купилъ, то ити по немь тѣмъ видокомъ на роту, а истьцю свое лице взяти...“ (32, Тр.). Подъ видоками здѣсь разумѣются свидѣтели покупки. Они удостовѣряютъ, что вещь при нихъ куплена, т.-е. очищаютъ отъ подозрѣнія въ кражѣ.

Сводъ извѣстенъ и Псковской Судной грамотѣ подъ именемъ «извода» (54).

По вопросу о значеніи доказательствъ нѣкоторые изслѣдователи придерживаются того мнѣнія, что въ древности доказательства имѣли безусловное значеніе, т.-е. если истецъ представилъ доказательства, то противная сторона признавалась виновною и отъ ней не принималось доказательствъ въ опроверженіе доводовъ истца. Это невозможное состояніе процесса. Изъ 23 статьи пространной Русской Правды, если взять ее цѣликомъ, надо вывести совершенно противоположное заключеніе.

Въ 23 статьѣ Троицкаго списка читаемъ: „аже пріидетъ кровавъ мужъ на дворъ (на княжескій дворъ, гдѣ производился судъ) или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажу 3 гривны“ (т.-е. если придетъ окровавленный мужъ, то ему не нужно искать свидѣтелей, причинившій побои платитъ 3 гривны продажи); «аще ли не будетъ на немъ знаменія, то привести ему видокъ» (т.-е. если не будетъ на немъ знаковъ, то онъ долженъ представить свидѣтелей). Въ концѣ же статьи говорится: „аже и кровавъ придетъ или будетъ самъ почалъ, а вылѣзутъ послуси, то то ему за платежъ, оже и били“. Если не сопоставить начала этой статьи съ концомъ, то начало можетъ служить въ пользу теоріи безусловнаго значенія доказательствъ. Въ началѣ статьи говорится, что если придетъ окровавленный мужъ, то не нужно свидѣтелей, обвиняемый долженъ заплатить продажу; но конецъ дополняетъ то, что въ началѣ недосказано: хотя человѣкъ и придетъ окровавленнымъ, но если послухи засвидѣтельствуютъ, что онъ самъ началъ драку, то то «ему за платежъ», т.-е. обвиняемый ничего не платитъ. Итакъ, кровавыя пятна въ данномъ случаѣ имѣютъ значеніе только тогда, когда обвиняемый не можетъ доказать, что истецъ самъ началъ драку; если же онъ желаетъ представить это доказательство, то онъ можетъ это сдѣлать. Статьи о сводѣ также доказываютъ возможность сопоставленія доказательствъ. Хотя у обвиняемаго и най-

дена украденная вещь, но онъ можетъ снять съ себя обвиненіе, указавъ продавца.

Можно еще указать на 81 статью Троицкаго списка. Эта статья допускаетъ испытаніе желѣзомъ въ томъ случаѣ, когда противъ обвиняемаго есть свидѣтельство холопа. Въ случаѣ благопріятнаго исхода испытанія, обвиненіе падаетъ.

Противъ обвиняемаго говоритъ истецъ, противъ него же говоритъ его холопъ, но обвиняемый не признаетъ себя виновнымъ; прибѣгаютъ къ Божьему суду, въ формѣ испытанія желѣзомъ, и рѣшаютъ на основаніи результата этого испытанія.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 2 л., 7.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИСТОРІЯ ПРАВА ПРИ ЦАРЯХЪ И ИМПЕРАТОРАХЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Во второмъ періодѣ мы уже не имѣемъ дѣла съ тою разрозненностью княженій, какую наблюдали въ первомъ; въ это время возникаетъ сначала единое Московское государство, а потомъ Россійская имперія. Характеръ верховной власти также существенно измѣняется: въ первомъ періодѣ она не принадлежала одному князю, во второмъ она исключительно сосредоточивается въ рукахъ императора. Изложеніе наше начнемъ съ обзора тѣхъ причинъ, которыя вызвали такія важныя перемѣны. Такое сложное явленіе, какъ возникновеніе Московскаго государства, не могло быть слѣдствіемъ какой либо одной причины; оно произошло отъ совокупности многихъ причинъ и разнообразныхъ вліяній.

Посмотримъ же, при какихъ условіяхъ сложилась абсолютная власть и совершилось объединеніе Россіи. Это совершилось частью при посредствѣ старыхъ причинъ, которыя возникли въ княжескую эпоху, но дѣйствовали тамъ еще слабо. Такъ, напр., Московскіе князья увеличиваютъ свои владѣнія путемъ *примысловъ*. Это явленіе и въ старину встрѣчается. Въ княжескій періодъ князья разными способами: путемъ сдѣлокъ, договоровъ, а иногда путемъ насилія, захвата, — стараются увеличить свои владѣнія. То-же самое стремленіе къ добыванію волостей было присуще и Московскимъ государямъ. Но было бы не вѣрно думать, что Московское государство образовалось только благодаря энергіи, съ которой Московскіе князья расширяли свои владѣнія. Обра-

зованіе Московскаго государства не есть результатъ одного только искусства въ примыслахъ. Къ умѣнью добывать, которымъ отличались и многіе до московскіе князья, присоединилась совершенно новая причина: это—измѣненіе порядка престолонаслѣдія, въ силу котораго старшій сынъ сталъ получать большую часть владѣній своего отца. Эта—вторая причина, которая очень существенно повліяла на образованіе крупнаго политическаго цѣлаго. Начало къ измѣненію порядка наслѣдованія положено Дмитріемъ Донскимъ, со времени котораго слагается обычай, въ силу котораго старшему сыну оставляется большая часть того, чѣмъ владѣлъ его отецъ. Такимъ образомъ Дмитрію Донскому принадлежитъ честь образованія нераздѣльнаго зерна Московскаго государства. Съ него Москов. князья перестаютъ дѣлить свое княженіе поровну между всѣми сыновьями.

Затѣмъ, на измѣненіе стараго порядка вещей весьма существенное вліяніе имѣло татарское иго. Съ завоеваніемъ Татарами является понятіе о власти, господствующей безъ всякаго соглашенія съ народомъ. Татары разсматривали Русскую землю какъ свою частную собственность, какъ свой улусъ. Эта мысль весьма рельефно выразилась въ словахъ Татаръ, обращенныхъ къ Черниговскому князю: „не подобаетъ вамъ жити на землѣ Батыевѣ и Хановѣ, не поклонившися има!“ Русская земля не принадлежитъ болѣе русскимъ людямъ, она принадлежитъ Хану, и кто хочетъ жить въ ней, долженъ ему поклониться. Завоеваніе Татаръ впервые объединяетъ Русскую землю: слагаегся одна общая власть для всѣхъ князей, всѣ они обязаны подчиняться этой власти. Возникаетъ понятіе объ единомъ владыкѣ Русской земли въ силу завоеванія. Впервые эта мысль о единомъ государѣ возникла по отношенію къ татарскимъ ханамъ, а потомъ мало по малу это понятіе стало примѣняться и къ Московскимъ царямъ, которые съ устраненіемъ Татаръ становятся на ихъ мѣсто. Еще Карамзинъ сказалъ: „Москва обязана своимъ величіемъ Хану“,—мысль совершенно вѣрная. Со времени завоеванія Россіи Татарами является высшая власть надъ князьями, предъ которой они судятся и которой подчиняются какъ подданные. Владычество Татаръ произвело весьма существенныя измѣненія въ нашихъ государственныхъ понятіяхъ.

Слѣдующая причина измѣненія стараго порядка вещей—состоитъ во вліяніи духовенства, во вліяніи тѣхъ идей, которыя оно принесло съ собою изъ Византіи. Эта причина неновая—она начала дѣйствовать тотчасъ же съ принятіемъ христіанства, но замѣтные плоды свои принесла только въ Московскомъ государствѣ. Вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства возникаетъ совершенно новое понятіе о власти, не свѣтское, а церковное. Основаніемъ ему служатъ слова Апостола Павла: „всяка душа властемъ предержащимъ

да повинуется, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, сущія бо власти отъ Бога учинены суть". Эту идею духовенство примѣняетъ къ власти князей и проводитъ ее въ народъ. Такимъ образомъ въ народѣ зарождается понятіе о княжеской власти, какъ отъ Бога происходящей, а о князьяхъ, какъ о Божьихъ помазанникахъ. Уже Владиміру Св. духовенство говоритъ: „поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ." Благодаря духовенству возникаетъ понятіе о божественномъ происхожденіи власти. Весьма важное вліяніе на образованіе Московскаго государства имѣло перенесеніе митрополіи изъ Владиміра въ Москву въ XIV вѣкѣ, при Иванѣ Даниловичѣ. Съ этого времени Москва дѣлается религіознымъ центромъ, а это облегчило ей возможность сдѣлаться и политическимъ центромъ. Митрополиты состояли въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ Москов. государямъ и въ силу этихъ отношеній оказывали имъ постоянную поддержку, принимая ихъ сторону въ борьбѣ съ другими князьями. Во время борьбы Василія Темнаго съ дядею Юріемъ, напримѣръ, и затѣмъ его сыновьями митрополитъ Іона убѣждаетъ Дмитрія Шемяку покориться великому князю, угрожая въ противномъ случаѣ прекратить богослуженіе (во всѣхъ церквахъ), а его самого отлучить отъ церкви. Такимъ образомъ высшее духовенство непосредственно принимало участіе въ возвышеніи Москвы.

Слѣдующая причина, состоитъ въ измѣненіи положенія служилыхъ людей. Въ княжескомъ періодѣ отношенія служилыхъ людей къ князю были добровольныя: они могли по своему усмотрѣнію служить и не служить. Это свободное положеніе служилыхъ людей ставило князей въ понятную зависимость отъ нихъ. Въ Московскомъ государствѣ это положеніе измѣняется въ томъ отношеніи, что служба дѣлается обязательною, служилые люди не могутъ не служить. Это измѣнившееся отношеніе служилыхъ людей къ князю выразилось въ такъ называемой помѣстной системѣ. Служилые люди были поставлены въ поземельныя отношенія къ государю. Московскіе государи сосредоточили въ своихъ рукахъ большія владѣнія и надѣляли своихъ служилыхъ людей помѣстьями. Это и привязывало служилыхъ людей къ Москов. государямъ, въ рукахъ которыхъ мало по малу возникаетъ такая служилая сила, которою они могутъ располагать по своему усмотрѣнію.

Слѣдующая причина, повліявшая на измѣненіе стараго порядка вещей, состоитъ въ переходѣ народнаго устройства княжествъ въ аристократическое. То значеніе народа, которымъ онъ пользовался въ княжескую эпоху, падаетъ, значеніе же боярскихъ родовъ остается и еще усиливается. Въ силу указанныхъ выше причинъ, народъ теряетъ свое вліяніе на замѣщеніе столовъ, на дѣятельность князей и т. д. Но рядомъ съ этимъ развивается

значеніе бояръ, которые всегда имѣли весьма важное вліяніе на дѣла, какъ совѣтники государя. Очень любопытной въ этомъ отношеніи представляется похвала лѣтописца Дмитрію Донскому. Исчисливъ достоинства князя, лѣтописецъ влагаетъ въ уста его слѣд. рѣчь къ боярамъ: «съ вами я царствовалъ, подъ вами грады держалъ и великія власти (т. е. волости) и чадъ вашихъ любилъ и васъ называлъ не боярами, а князьями земли моей". Далѣе, обращаясь къ своимъ дѣтямъ, Дмитрій Донской, по словамъ лѣтописца, сказалъ: „бояръ любите, безъ воли ихъ ничто же не творите". Можетъ быть составитель похвалы и преувеличилъ значеніе бояръ, назвавъ ихъ князьями; но всетаки несомнѣнно, что бояре и, вообще, служилые люди въ Московскомъ государствѣ имѣли громадное значеніе. Это видно, напр., изъ того, что довольно было боярамъ и служилымъ людямъ перейти отъ одного князя къ другому, чтобы оставленный ими князь считалъ себя побѣжденнымъ. Любопытный примѣръ въ этомъ отношеніи находимъ въ борьбѣ внука Дмитрія Донскаго, Василія Васильевича, съ дядею Юріемъ. Между этими князьями возникли столкновенія изъ за обладанія Московскимъ столомъ. Дядя желалъ сидѣть въ Москвѣ по праву старшинства, но бояре Московскіе выхлопотали въ Ордѣ грамоту на Московское княженіе Василію Васильевичу. Юрій, однако, не подчинился рѣшенію Ордынскаго царя и вступилъ въ борьбу съ племянникомъ. Борьба эта шла съ перемѣннымъ счастіемъ, но въ 1433 году Юрію удалось побѣдить своего племянника и занять Москву. Результатомъ этой побѣды былъ миръ, по которому Василій Васильевичъ, уступивши Московское княженіе дядѣ Юрію, обѣщалъ довольствоваться Коломною. Какъ только это совершилось, „и многіе люди, по словамъ лѣтописца, и бояры начаша отказыватися отъ князя Юрія за князя Василія и поидоша въ Коломну". Князь Юрій, какъ побѣдитель, садится въ Москвѣ, а служилые люди и бояре, которымъ онъ не нравится и которые не желаютъ имѣть его своимъ княземъ, въ силу свободы перехода, оставляютъ его и идутъ къ его противнику Василію Васильевичу. Этого одного факта было достаточно, чтобы Юрій нашелъ невозможнымъ оставаться въ Москвѣ. Преобладающее значеніе бояръ получило выраженіе въ *правѣ мѣстничества*. На особенную роль бояръ главнымъ образомъ обратилъ вниманіе Соловьевъ, который указалъ въ своей Исторіи, что сложеніе Московскаго государства произошло не безъ ихъ вліянія. Но значеніе мѣстничества еще не достаточно оцѣнено.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Источники права.

Литература *)

Успенскій. Разсужденіе о древности и достоинствѣ законовъ россійскихъ до изданія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Соборнаго Уложенія и сходствѣ сего послѣдняго съ нѣкоторыми прежде бывшими у насъ узаконеніями. 1814.

Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ. 1833.

Строевъ. Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія. 1833.

Вингеберъ. Взглядъ на сочиненіе г. Строева объ Уложеніи ц. Алексѣя Михайловича. 1834.

Морошкинъ. Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи. 1839.

Ерлыковъ. Сличенный текстъ губныхъ грамотъ XVI—XVII в. Чтенія II. 1846—47.

Ѳедотовъ-Чеховскій. Рѣчь о формѣ и содержаніи правыхъ грамотъ. 1849.

Киндяковъ. Опытъ ученой обработки купчихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ актахъ юридическихъ. 1855.

Есиповичъ. Литературная разработка и общая характеристика Уложенія 1649 г. Ж. М. Юст. № 1. 1859.

Забѣлинъ. Источники Уложенія. Арх. истор.-юр. свѣд. I. 1859.

Калачовъ. Матеріалы для сводного Уложенія 1701 г. Арх. ист. и практ св. кн. V. 1860.

Высоцкій. Уставныя, судныя и губныя грамоты. 1860.

Горбуновъ. Льготныя грамоты, жалованныя монастырямъ и церквамъ въ XIII, XIV и XV в. Арх. ист. и практ. св. кн. I и V. 1860—61.

Корфъ. Жизнь гр. Сперанскаго. 1861.

---

*) Во II. ч. будутъ указаны только сочиненія, которыя не были приведены въ первой. Изъ указанныхъ же въ I нѣкоторыя касаются явленій московской и даже императорской Россіи.

Истоминъ. Замѣтка, относящаяся къ исторіи екатерининской коммиссіи для составленія уложенія. Архангелогородск. вѣдом. № 34, 1862.

Бѣляевъ. Наказные списки Соборнаго Уложенія 1551 г. или Стоглава 1863.

Полѣновъ. Палата объ уложеніи 1700 года. 1865.

Поповъ. Предположенія екатерининской коммиссіи для составленія уложенія 1767 г. Заря, 1870, № 1.

Загоскинъ. Уставныя грамоты XIV — XVI в. Вып. 1-й 1875, 2-й 1876. Уложеніе ц. и в. к. Алексѣя Михайловича и Земскій соборъ 1648-49. 1879.

Бланкъ. Екатерининская коммиссія 1767—69. Рус. Вѣстн. 1876, № 1-й и сл.

Ждановъ. Матеріалы для исторіи Стоглава. Ж. М. Н. Пр. ч. 186. Отд. II. 1876.

Сергѣевичъ. Откуда неудачи екатерининской законодательной коммиссіи? Вѣст. Евр. № 1. 1878. Два предисловія къ матеріаламъ екатерининской коммиссіи. Рус. Истор. Сбор. т. XXXII и XXXVI.

Мейчикъ. Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія 1649 г. Сборн. Археол. инст., кн. III., 1880.

Брикнеръ. Екатерининская законодательная коммиссія. Ж. М. Н. Пр. № 8 и сл. 1881.

Сергіевскій. Предисловіе къ проекту уголовнаго Уложенія 1754—1766 годовъ. 1882.

I. Обычай.

Обычай продолжаетъ дѣйствовать не только сохраняя то, что прежде сложилось, но и являясь творческою силою, которая созидаетъ вновь нормы права.

Московскіе государи не обходятся безъ старины. Великій князь московскій Иванъ Васильевичъ, 4 февраля 1498 года, при торжественномъ назначеніи преемникомъ своимъ внука Дмитрія, обратился въ Успенскомъ соборѣ къ митрополиту Симону съ слѣдующею рѣчью: «Отче митрополитъ! Божіимъ изволеніемъ, отъ нашихъ прародителей великихъ князей *старина* наша оттолѣ и до сихъ мѣстъ: отцы наши великіе князья сыновьямъ своимъ первымъ давали великое княженіе; и я было своего сына перваго, Ивана, при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ; и Божія воля сталась, сына моего Ивана въ животѣ не стало, и у него остался сынъ первый Дмитрій, и я его нынѣ благословляю при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ, и ты бы его, отче, на великое княженіе благословилъ».

Почему князь столь могущественный, какъ Иванъ Васильевичъ, не довольствуется простымъ заявленіемъ воли своей о порядкѣ престолонаслѣдія, а находитъ нужнымъ оправдывать ее ссыл-

кой на старину? Иванъ Васильевичъ, конечно, могъ назначить своимъ преемникомъ внука и не ссылаясь на старину. Но такое назначеніе было бы только выраженіемъ его личной воли. Князь хотѣлъ утвердить свое распоряженіе на основаніи болѣе прочномъ и стойкомъ; такимъ основаніемъ представлялась ему одна старина, о которой онъ и возвѣстилъ торжественно въ присутствіи духовенства и всенароднаго множества. Старина, слѣдовательно, и въ Москвѣ была надежнѣе личной воли князя.

Ссылка на старину Ивана Васильевича имѣетъ для насъ значеніе и съ другой еще точки зрѣнія. Выше мы уже замѣтили, что въ періодъ дѣйствія обычнаго права историкъ не всегда имѣетъ дѣло съ обычаями совершенно сложившимися, съ повальными, какъ говоритъ русскій народъ, но что ему приходится иногда наблюдать обычаи въ самомъ процессѣ сложенія. Именно въ такомъ еще незавершенномъ процессѣ находится обычай, подъ охрану котораго сталъ великій князь московскій Иванъ Васильевичъ. Что предки его въ теченіе цѣлыхъ столѣтій назначали своими преемниками сыновей, это вѣрно, что они съ Дмитрія Ивановича дѣлаютъ предпочтеніе въ пользу старшаго, это тоже вѣрно; но чтобы они назначали внуковъ отъ старшаго сына помимо младшихъ сыновей, такихъ случаевъ не было, и старина объ этомъ молчитъ. Этотъ случай впервые представился при Иванѣ Васильевичѣ. Въ 1498 году онъ рѣшилъ его въ пользу внука противъ сына. Это добавка къ старинѣ, самостоятельный шагъ впередъ, разрѣшившій совершенно новый случай. Рѣшеніе въ пользу внука отъ старшаго сына не противорѣчитъ прямо старинѣ, но никакъ нельзя сказать, чтобы это была старина. Второй сынъ великаго князя, Василій, домогаясь великокняжескаго престола, могъ также ссылаться на старину, ибо прародители его назначали сыновей, а не внуковъ. Наличность такого опаснаго соперника и была, по всей вѣроятности, причиной, почему Иванъ Васильевичъ обставилъ назначеніе внука такой торжественностью и сослался на старину. Добавкѣ къ старинѣ не было, однако, суждено перейти въ старину. Въ 1502 году великій князь положилъ опалу на своего вѣнценоснаго внука и заключилъ его подъ стражу, гдѣ онъ и оставался до самой смерти. Преемникомъ престола былъ назначенъ второй сынъ, Василій. Въ Москвѣ предвидѣли, что эта перемѣна не пройдетъ незамѣченной, что иностранные государи, съ которыми поддерживались сношенія, будутъ спрашивать объ участи вѣнчаннаго внука, и впередъ заготовили отвѣтъ. Посолъ, отправленный въ Литву, долженъ былъ отвѣчать: «который сынъ отцу служитъ и норовитъ, того отецъ больше и жалуетъ; а который сынъ родителямъ не служитъ и не норовитъ, того за что и жаловать?» (Соловьевъ, V, 89). Но на перѣмену обратили вниманіе и въ предѣлахъ москов-

скаго государства, и еще раньше, чѣмъ могли это сдѣлать иностранные дворы. Еще до объявленія Василія преемникомъ великокняжескаго престола, государь назначилъ его новгородскимъ и псковскимъ княземъ. Псковичи, которые издавна имѣли одного князя съ Москвой, увидали въ этомъ назначеніи отступленіе отъ старины и отправили къ великому князю и внуку его, Дмитрію, посольство съ просьбой, чтобы они держали отчину свою въ старинѣ, и который князь будетъ на Москвѣ, тотъ былъ бы и во Псковѣ. Великій князь отвѣчалъ: «развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ или сынѣ; кому хочу, тому и даю княжество!»

Изъ обоихъ отвѣтовъ слѣдуетъ, что государь считалъ себя вправѣ назначить преемника престола по усмотрѣнію и устранить старшаго сына, если не былъ доволенъ его поведеніемъ. У старшаго сына, слѣдовательно, не было права на престолъ. Что же значитъ «старина», на которую такъ торжественно указывалъ великій князь? Старина въ порядкѣ замѣщенія московскаго стола несомнѣнно есть, она извѣстна князю и народу, и тотъ и другой на нее ссылаются; но она еще не окрѣпла до такой степени, чтобы могла связать волю князя. Князь подчиняется ей не противъ воли, а когда самъ лично находитъ ее полезной. Обычаи, отъ которыхъ люди считаютъ себя вправѣ отступить, или не сложились еще окончательно, или начинаютъ вымирать. Въ данномъ случаѣ мы наблюдаемъ обычай въ процессѣ сложенія: старина, на которую ссылается Иванъ Васильевичъ, есть практика одной старшей линіи князей московскаго дома. Столомъ московскимъ распоряжаются князья старшей линіи. Удержать этотъ столъ за своими ближайшими нисходящими есть дѣло ихъ личнаго интереса. Для князей младшихъ линій, наоборотъ, эта практика прямо невыгодна. Они не имѣютъ интереса считать ее обязательной для себя. Они и дѣйствительно возстаютъ противъ нея всякій разъ, какъ только чувствуютъ себя достаточно для того сильными. Но и сами московскіе князья не безусловно подчиняются практикѣ своего дома. Постоянная практика—узда произволу. Воля лица энергическаго и мощнаго нелегко налагаетъ на себя какую либо узду. Всего менѣе былъ способенъ наложить на себя узду Иванъ Васильевичъ. Въ принципѣ—онъ не противъ старины своихъ предковъ, онъ знаетъ, что въ глазахъ народа старина есть право, онъ самъ на нее опирается; но его уваженіе къ старинѣ имѣетъ границу: старина должна быть ему на руку. Эту-то мысль и высказываетъ онъ въ своемъ отвѣтѣ псковичамъ и иностраннымъ дворамъ. Для людей такого закала и такой силы, какъ великій князь Иванъ Васильевичъ, можетъ быть, и не могутъ существовать повальные обычаи. Это разрушители старыхъ обычаевъ и сѣятели новыхъ. По этой же причинѣ, Москва не представляла удобной почвы и для правильнаго развитія законодатель-

ства: законъ тоже узда усмотрѣнію, онъ также стѣсняетъ, какъ и обычай. Тѣмъ знаменательнѣе, что и такіе люди, какъ великій князь московскій Иванъ Васильевичъ, находятъ нужнымъ ссылаться на обычай. Первая идея о правѣ, не въ смыслѣ права сильнаго, а въ смыслѣ долженствующаго быть само по себѣ, возникаетъ изъ соблюденія, изъ обычая: что́ всѣ дѣлаютъ, то и должно быть.

Иванъ Васильевичъ не единственный примѣръ. Сынъ его, великій князь Василій, находясь при смерти, сказалъ женѣ своей: «Благословилъ я сына своего Ивана государствомъ и великимъ княженіемъ, а тебѣ написалъ въ духовной грамотѣ, какъ писалось въ прежнихъ грамотахъ отцовъ нашихъ и прародителей, какъ слѣдуетъ, какъ прежнимъ великимъ княгинямъ шло». Намъ все равно, дѣйствительно сказалъ эти слова великій князь, или лѣтописецъ заставилъ его такъ сказать. И въ томъ и въ другомъ случаѣ выводъ одинъ: люди XVI в. признаютъ долженствующимъ быть то́, что́ дѣлалось до нихъ; какъ писали прародители, такъ и имъ писать слѣдуетъ.

Иванъ Грозный, возъимѣвъ намѣреніе вѣнчаться на царство, такъ объявилъ объ этомъ митрополиту и боярамъ: «По твоему, отца своего митрополита, благословенію, и съ вашего боярскаго совѣта, хочу прежде своей женитьбы поискать прародительскихъ чиновъ, ка̀къ наши *прародители*, цари и великіе князья, и сродникъ нашъ великій князь Владимиръ Всеволодичъ Мономахъ на царство, на великое княженіе *садились*; и я также этотъ чинъ хочу исполнить и на великое княженіе сѣсть». Чтобы вступить на царство, Грозному понадобились прецеденты и изъ самой почтенной древности, съ Владиміра Мономаха. Когда царь говорилъ эти слова, ему было всего 16 лѣтъ; можно думать, что они были ему внушены. Это ничего не измѣняетъ въ существѣ дѣла. Если царь говорилъ подъ чьимъ либо вліяніемъ, это служитъ только новымъ указаніемъ, что въ представленіи людей Московскаго государства понятіе о долженствующемъ быть соединялось со стариной. Приступая къ составленію новаго Судебника, царь благословился у митрополита и всего освѣщеннаго собора «судебникъ исправити по *старинѣ*». Все содержаніе Судебника представляется Ивану Грозному стародавнимъ обычаемъ, а вовсе не актомъ его личнаго усмотрѣнія. Такимъ же стародавнимъ обычаемъ представляется ему и вся его политическая дѣятельность. Въ перепискѣ съ Курбскимъ онъ даетъ такое объясненіе своимъ самовластнымъ дѣйствіямъ: «Самодержавства нашего *починъ отъ великаго князя Владиміра*, мы родились на царствѣ, а не чужое похитили». «Россійскіе самодержавцы *изначала* сами владѣютъ всѣмъ царствомъ, а не бояре и вельможи. *Доселѣ* русскіе владѣтели *не давали* отчета никому, но *повольны были* подвласт-

ныхъ своихъ жаловать и казнить, а не *судились* съ ними ни передъ кѣмъ». Такимъ образомъ и Иванъ Грозный не создалъ въ Москвѣ самодержавія: если онъ царствовалъ самовластно, казнилъ по усмотрѣнію, то только потому, что такъ было изстари, такъ пошло отъ Владиміра Святаго.

Если великіе князья московскіе объясняютъ свои дѣйствія не личнымъ своимъ усмотрѣніемъ, а стародавними обычаями, если такъ поступаетъ даже Иванъ Грозный, тираническая воля котораго не знала предѣловъ, то, понятно, что и удѣльные князья ставятъ себя подъ охрану обычая. Ограничимся однимъ примѣромъ. Въ правленіе великой княгини Елены, дядя малолѣтняго великаго князя Ивана Васильевича, Старицкій князь Андрей Ивановичъ, былъ заподозрѣнъ въ умыслѣ противъ власти великаго князя. Князь Андрей, съ своей стороны, подозрѣвалъ правительницу въ желаніи схватить его и лишить свободы и удѣла, а потому на приглашеніе прибыть въ Москву на совѣтъ, по случаю войны казанской, не поѣхалъ, ссылаясь на болѣзнь. За нимъ послали втораго гонца, а затѣмъ и третьяго, съ требованіемъ пріѣхать непремѣнно, въ какомъ бы онъ ни былъ положеніи. На этотъ третій зовъ Андрей даетъ такой отвѣтъ: „Ты, государь, приказалъ къ намъ съ великимъ запрещеніемъ, чтобы намъ непремѣнно у тебя быть, какъ ни есть; намъ, государь, скорбь и кручина большая, что ты не вѣришь нашей болѣзни и за нами посылаешь неотложно; а *прежде*, государь, того *не бывало*, чтобы насъ къ вамъ, государямъ, на носилкахъ волочили“ (Соловьевъ, VI, 10).

Указывая на такое значеніе обычая, мы вовсе не утверждаемъ, что въ Московскомъ государствѣ дѣйствуютъ одни старые обычаи. Изъ сказаннаго слѣдуетъ только, что значеніе права, въ смыслѣ обязательной общей нормы, признается прежде всего за обычаемъ; правомъ считается то, что освящено соблюденіемъ. Это—первоначальное воззрѣніе; но оно живо еще и въ XVI вѣкѣ. Признаніе за волей государя способности творить право—явленіе вторичное; оно возникаетъ на глазахъ исторіи и развивается весьма медленно. Еще въ XVI в. великіе князья московскіе находятъ нужнымъ оправдывать свои распоряженія ссылкою на старину. Ясно, что еще нѣтъ сознанія о томъ, что воля ихъ, какъ субъекта верховной власти, творитъ право. Въ Московскомъ государствѣ самые важнѣйшіе вопросы государственнаго быта не были опредѣлены уставами. Московскіе великіе князья, когда зашла рѣчь о престолонаслѣдіи, о правахъ князя, ссылаются на старину, а не на уставъ. То-же надо сказать и о порядкѣ государственнаго управленія. Не только княжеская дума, но даже и царская не имѣютъ устава. Если князья не спѣшатъ съ своими опредѣленіями по вопросамъ, такъ близко ихъ касающим-

ся, то что же сказать о гражданскомъ и уголовномъ правѣ? Понятіе собственности, способовъ ея пріобрѣтенія и утраты, наслѣдства, всѣ семейныя отношенія, понятіе о возникновеніи обязательствъ изъ договоровъ и правонарушеній, понятіе о томъ, что убійство и татьба суть преступленія и подлежатъ наказанію,—все это такія понятія, которыя возникли изъ обычаевъ и существовали гораздо ранѣе, чѣмъ появились князья Рюриковичи.

Говоря это, мы вовсе не думаемъ и не хотимъ сказать, что московскіе князья не принимали дѣятельнаго участія въ развитіи нашего права. Участіе ихъ было громадное, они передѣлали всю старину народную и создали старину княжескую, царскую; но достигли они этого не законодательнымъ путемъ, а рядомъ отдѣльныхъ дѣйствій, практикой, перешедшей, наконецъ, въ обычай и затѣмъ уже занесенной въ Уставъ, въ Уложеніе, въ Судебникъ, какъ общая норма. Творческая дѣятельность князей въ области права первоначально имѣетъ совершенно тотъ же характеръ, какъ и дѣятельность народа, созидающаго обычаи: она идетъ не отъ установленія общихъ нормъ на всѣ будущіе случаи, а отъ рѣшенія отдѣльныхъ случаевъ. Качественно одно и то же, но количественно между дѣятельностью народа и князя громадная разница. Князь—судья и правитель, въ силу этого масса случаевъ подлежитъ его рѣшенію. Съ осложненіемъ государственной жизни возникаетъ множество новыхъ отношеній, которыя вліяютъ на старыя и ихъ видоизмѣняютъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ князю принадлежитъ широкое поле дѣятельности. Но онъ дѣйствуетъ путемъ усмотрѣнія, а не изданія законовъ. Нашъ первый юридическій сборникъ, Русская Правда, почти совсѣмъ не знаетъ государственныхъ преступленій. Древнѣйшему времени извѣстны главнымъ образомъ преступленія, направленныя противъ правъ частныхъ лицъ. Это совершенно понятно и объясняется тѣмъ, что слабое при своемъ возникновеніи государство не успѣло еще прійти къ сознанію своихъ спеціальныхъ интересовъ и подумать объ установленіи особыхъ мѣръ для ихъ охраненія. Съ теченіемъ времени, однако, и именно по мѣрѣ того, какъ развивалась идея государственности, такая особая охрана возникла. Спрашивается, какъ же появилось понятіе государственныхъ преступленій и опредѣлилась мѣра ихъ наказуемости? Начали ли князья съ установленія состава этихъ преступленій и опредѣленія наказаній за разные ихъ виды? Нисколько. Князья наказываютъ преступниковъ этого рода по усмотрѣнію, ничего не опредѣляя законодательнымъ путемъ. Здѣсь господствуетъ такой же произволъ, какъ въ былыя времена въ частной мести. Для примѣра остановимся на государственныхъ преступленіяхъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. По этимъ преступленіямъ и судъ-то не всегда имѣлъ мѣсто. Дѣло

нерѣдко рѣшалось безъ всякихъ формъ суда: князь „опалялся“ и назначалъ по произволу своему наказаніе.

Первое общее указаніе на преступленія этого рода можно видѣть только въ Судебникахъ. Но относящееся сюда опредѣленіе Судебниковъ сдѣлано какъ бы мимоходомъ; оно такъ кратко, что не даетъ никакого понятія о дѣйствительномъ положеніи дѣла. О государственныхъ преступленіяхъ Судебники говорятъ, перечисляя преступленія противъ частныхъ лицъ и церкви. „А государскому убойцѣ, и коромольнику, церковному татю, и головному, и подметчику, и зажигальнику, вѣдомому лихому человѣку, живота не дати, казнити его смертною казнію“, говоритъ первый Судебникъ. „Государскій убойца“ не есть убійца князя, это убійца своего господина, такъ какъ государь, на языкѣ того времени, означаетъ вообще господина. Къ государственнымъ преступленіямъ можно относить только одно выраженіе „коромольникъ“. Но и это выраженіе не имѣетъ точно опредѣленнаго и спеціальнаго значенія какого либо вида государственныхъ преступленій. Переводчикъ Градскихъ законовъ воспользовался этимъ словомъ для передачи слова turba, которое онъ перевелъ такъ: крамольницы или мятежъ творящіе. Но въ XVI, а, можетъ быть, уже въ XV вѣкѣ и даже ранѣе, это слово стало употребляться не въ одномъ только смыслѣ мятежа. Въ указѣ 1582 г. крамола употребляется въ смыслѣ ябеды. Крамольникъ тотъ, кто лжетъ на судѣ, говоритъ не по дѣлу, продаетъ своего довѣрителя, возбуждаетъ дѣла, уже рѣшенныя и пр. Если это будетъ лихой человѣкъ, если онъ продастъ своего довѣрителя и такъ будетъ вести дѣло, что его обвинятъ, въ такомъ случаѣ онъ подлежитъ смертной казни. Слово крамола не имѣетъ, слѣдовательно, спеціальнаго значенія мятежа, или измѣны, въ смыслѣ государственнаго преступленія; оно обозначаетъ и поступокъ частнаго повѣреннаго, нарушившаго сдѣланную ему довѣренность. Статью Судебниковъ можно понимать и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, вовсе не относя ее къ преступленіямъ государственнымъ. Но въ указѣ 1582 года есть и такое выраженіе: „а назоветъ (ябедникъ, крамольникъ или составщикъ) кого воромъ, а убивства или кромолы и рокоша на Царя Государя не доведетъ, и того самого казнити смертію“. Здѣсь крамола поставлена рядомъ съ рокошемъ, то есть съ возстаніемъ. Въ виду любви стараго языка къ повтореніямъ, можно думать, что крамола употреблена здѣсь въ смыслѣ мятежа, а слово рокошъ служитъ только для усиленія этого понятія. Такимъ образомъ, указъ 1582 года одинаково употребляетъ слово крамола для обозначенія какъ преступленій противъ частныхъ лицъ, такъ и преступленій противъ государства. Если мы, въ виду этого, допустимъ, что и Судебники разумѣютъ подъ крамолой не только преступленіе противъ частныхъ лицъ, но и государственное, именно измѣну и возстаніе противъ царской власти, то всетаки понятіе

этого государственнаго преступленія является не обособленнымъ отъ измѣны частному довѣрителю и карается нисколько не строже. Второй Судебникъ къ „коромольнику“ прибавляетъ еще „градскаго сдавца“, т. е. военачальника, сдавшаго городъ прежде истощенія всѣхъ средствъ защиты. Вотъ и все. Преступленія противъ жизни главы государства, его здоровья, личной неприкосновенности, оскорбленіе его словомъ и т. д.—вовсе въ Судебникахъ не упоминаются. Въ XV и даже XVI вѣкѣ государственныя преступленія, судя по Судебникамъ, отличаются чрезвычайно слабымъ развитіемъ. Тѣ, о которыхъ упоминаютъ Судебники, наказываются не строже, чѣмъ такія же дѣйствія, совершаемыя противъ частныхъ лицъ.

Такъ ли было въ дѣйствительности? Совершенно наоборотъ. Дѣйствительность представляетъ государственныя преступленія въ самомъ роскошномъ цвѣтеніи, но не на основаніи уставовъ, а путемъ практики. И до, и послѣ Судебниковъ, московскіе князья караютъ такія дѣйствія, которыя нельзя подвести не только подъ Судебники, но даже и подъ Уложеніе 1649 года, сдѣлавшее въ этомъ отношеніи большіе успѣхи, и караютъ такими казнями, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ уставѣ. Наши лѣтописи полны указаніями на эту практическую дѣятельность московскихъ государей, благодаря которой сложилось чрезвычайно широкое понятіе о государственныхъ преступленіяхъ, господствовавшее въ XVII и послѣдующихъ вѣкахъ. Мы не будемъ приводить практики изъ второй половины царствованія Ивана Грознаго; произвольность ея достаточно извѣстна. Ограничимся нѣсколькими примѣрами изъ царствованія государей, дѣятельность которыхъ не доходила до такого необузданнаго самоуправства.

Въ 1471 году великій князь Иванъ Васильевичъ опалился на Борецкаго и еще трехъ новгородцевъ и велѣлъ казнить ихъ смертію за то, что они за короля задаваться хотѣли. На какомъ это основаніи? Новгородцы были въ договорныхъ отношеніяхъ съ своими князьями. На основаніи договоровъ, у нихъ княжили то тверскіе, то московскіе князья; могли княжить и литовскіе, такъ какъ въ выборѣ князя они были вольны и обязательства—постоянно признавать своими князьями князей тверскаго или московскаго дома—на себя не принимали. Впервые такое обязательство встрѣчаемъ въ договорѣ съ Иваномъ Васильевичемъ, заключенномъ въ 1471 году, уже послѣ того, какъ было обнаружено намѣреніе Борецкихъ задаться за короля. Но и въ этомъ договорѣ смертной казни за намѣреніе отступить отъ московскихъ государей не положено. Почему же наказаны были четыре новгородца за намѣреніе задаться за короля, и именно смертною казнью? Такъ нравилось великому князю, это дѣло его усмотрѣнія.

Въ 1499 году тотъ же великій князь заключилъ въ тюрьму

двухъ псковскихъ посадниковъ, бывшихъ въ числѣ пословъ отъ Пскова, по поводу назначенія великимъ княземъ особаго князя Новгороду и Пскову въ лицѣ сына его Василія.

Послы просили не назначать Пскову особаго отъ Москвы князя. Въ чемъ тутъ московскій государь усмотрѣлъ преступленіе? Единственно въ смѣлости говорить противъ его распоряженія. Было ли какимъ либо уставомъ запрещено возражать князю? Никакимъ. Наоборотъ, мы знаемъ, что тотъ-же Иванъ Васильевичъ даже любилъ «встрѣчу» *). А здѣсь возраженіе псковичей не понравилось ему, и онъ опалился. Это опять дѣло его усмотрѣнія.

Въ 1497 г. великій князь казнитъ мучительными казнями, о которыхъ не знаетъ изданный имъ Судебникъ, сторонниковъ сына своего Василія и противниковъ внука Дмитрія, а въ 1499 г., наоборотъ, сторонники Дмитрія приговариваются къ смертной казни; года два спустя, и самъ Дмитрій, вѣнчанный наслѣдникъ престола, заключается въ тюрьму, гдѣ и умираетъ. Въ чемъ могла состоять его вина и какой судъ осудилъ его? Все рѣшено усмотрѣніемъ великаго князя **).

Также произвольно ссылаютъ, заключаютъ въ тюрьмы, казнятъ торговою казнью и лишаютъ жизни правительница Елена и бояре въ малолѣтство Ивана Грознаго. Иванъ Грозный выросъ въ этой практикѣ. Произволъ въ наказаніи государственныхъ преступниковъ онъ долженъ былъ разсматривать, какъ дѣло самое обыкновен-

---

*) Встрѣча—возраженіе. Такъ назывались и тѣ возраженія, которыя дѣлали члены государевой думы на мнѣнія великаго князя.

**) Вотъ какъ описываетъ лѣтописецъ поводы казни сторонниковъ князя Василія: „По дьявольскому навоженію и лихихъ людей совѣту, всполѣся князь великій Иванъ Васильевичъ на сына своего князя Василія, да и на жену свою, на великую княгиню Софью, да въ той вспалкѣ велѣлъ казнити дѣтей боярскихъ: Володиміра Елизарьева, сына Гусева, да князя Ивана Палецкаго Хруля, да Поярка, Руповa брата, да Щавія Скрябина, сына Травина, да Ѳедора Стромилова, дьяка введенаго, да Аѳанасія Яропкина, казниша ихъ на леду, головы имъ ссѣкоша, декабря 27-го.“ Воскр. стр. 234. Иначе передаетъ это событіе приводимый Карамзинымъ ростов. лѣт.: „онъ (Василій) свѣдалъ отъ діака, отъ Ѳ. Стромилова, то, что отецъ его хощетъ жаловати великимъ княженіемъ внука своего, и нача думати князю Василію второй сатанинъ предотеча, Аѳанасій Ропченокъ. Бысть въ думѣ той и дьякъ Ѳ. Стромиловъ и Поярокъ, Руновъ братъ, и иные дѣти боярскіе, а иныхъ тайно приводили къ цѣлованію на томъ, что князю Василію отъ отца своего отъѣхати, великаго князя казну пограбити на Вологдѣ и на Бѣлѣозерѣ, и надъ княземъ Димитріемъ, надъ внукомъ, израда учинити. И свѣдавъ то и обыскавъ князь великій злую ихъ мысль, и велѣлъ измѣнниковъ казнити. Казниша ихъ на Москвѣ рѣкѣ, пониже мосту, шестерыхъ: Аѳанасію Ропченку руки, да ноги и голову, а Поярку руки и голову... (остальнымъ головы отсѣкли). И въ то время, опалу положилъ на жену свою, на Софью, о томъ, что къ ней приходиша бабы съ зельемъ, и обыскавъ тѣхъ бабъ лихихъ, князь великій велѣлъ ихъ казнити“ (ихъ утопили въ Москвѣ — рѣкѣ ночью). Дума, злая мысль противъ великаго князя наказываются смертною казнью гораздо прежде, чѣмъ это вошло въ уставы.

ное. Еще 13-ти лѣтъ онъ приказываетъ псарямъ своимъ схватить неугоднаго ему первосовѣтника царскаго, князя Андрея Шуйскаго. Псари убили Шуйскаго. Года два спустя, Аѳанасію Бутурлину рѣжутъ языкъ за невѣжливыя слова. Преступленія невѣжливымъ словомъ не знаетъ даже Уложеніе. При царѣ Ѳеодорѣ вдовствующая царица Марья была лишена свободы, пострижена въ монахини и заключена въ Выксинскую пустынь за недостаточный надзоръ за сыномъ своимъ, царевичемъ Дмитріемъ, который, играя ножемъ, въ припадкѣ падучей болѣзни, самъ закололся. Опять преступленіе неизвѣстное ни одному уложенію. Царь Борисъ опалился на Богдана Бѣльскаго и велѣлъ своему врачу вырвать у него длинную густую бороду. За что? историки не знаютъ (Соловьевъ, VIII, 64). Но въ чемъ бы ни провинился Бѣльскій, наказаніе, которому онъ подвергся, не установлено ни однимъ уложеніемъ. Это московская практика. Въ 1547 году, въ Петровъ постъ, Псковичи послали къ Ивану Грозному, тогда еще 17-лѣтнему юношѣ, 70 человѣкъ пословъ съ жалобой на Турунтая, намѣстника псковскаго. Жалобщики били челомъ государю на сельцѣ, на Островкѣ. „И государь опалился на Псковичъ сихъ, разсказываетъ лѣтописецъ, безчествовалъ, обливаючи виномъ горячимъ, палилъ бороды и волосы, да свѣчи зажигалъ, и повелѣлъ ихъ покласти нагихъ по земли»...

Судебники и Уложеніе 1649 года вычисляютъ множество случаевъ употребленія пытки, но нигдѣ не говорятъ о примѣненіи ея къ разслѣдованію политическихъ преступленій; а между тѣмъ она постоянно примѣняется къ дѣламъ этого рода и въ такихъ формахъ, какія только приходили въ голову человѣческой изобрѣтательности.

Приведемъ еще два примѣра изъ области правонарушеній финансовыхъ и военныхъ правъ государства. Преступленій противъ финансовыхъ правъ государства не знаютъ ни судебники (за исключеніемъ взысканія лишнихъ пошлинъ), ни дополнительные къ нимъ указы; таможенныя грамоты упоминаютъ только о безпошлинной торговлѣ. Уложеніе 1649 года впервые предусматриваетъ неправильную чеканку монеты и назначаетъ за это — залитіе горла расплавленнымъ металломъ. А еще въ XVI вѣкѣ и болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до изданія Уложенія, московскіе государи казнятъ уже за порчу денегъ и именно залитіемъ горла расплавленнымъ оловомъ. Въ Москвѣ вовсе не нуждались въ предписаніи закона, чтобы лишить человѣка не только свободы и имущества, но даже и жизни. Только Уложеніе 1649 года назначаетъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ кнутъ за побѣгъ сослужбы; а уже въ XVI вѣкѣ ихъ наказываютъ кнутомъ и только за несвоевременную явку на службу. На какомъ же основаніи? На основаніи наказныхъ памятей, которыя даются лицамъ, посы-

лаемымъ для сбора служилыхъ людей. Эти лица уполномочиваются собирать служилыхъ людей и препровождать ихъ въ распоряженіе воеводъ, а «достальныхъ (т. е. не явившихся по первому зову), сыскивая, бить кнутьемъ» и тоже высылать на службу. Воеводамъ предписывается оказать содѣйствіе этимъ посланнымъ. «А не сберутъ уполномоченные и воеводы дѣтей боярскихъ на государеву службу тотчасъ, и не отведутъ, куда нужно, быть имъ въ великой опалѣ и смертной казни» (Д. къ акт. ист., I, № 124). Такимъ образомъ, московскіе приказные люди уполномочиваются простымъ административнымъ распоряженіемъ, сдѣланнымъ по частному случаю, наказывать кнутьемъ, по своему усмотрѣнію и безъ всякихъ формъ суда, служилыхъ дѣтей боярскихъ, не явившихся на службу. О степени усердія, съ которымъ они могли исполнять это полномочіе, можно судить потому, что за медленность имъ самимъ, въ томъ же полномочіи, угрожаютъ великой опалой и смертной казнью.

Московское государство управлялось не законами, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а усмотрѣніемъ; не уставы и уложенія государей предшествуютъ практикѣ, а практика уставамъ. Въ уложенія и судебники заносится то, что уже выработалось практикой. Это и разумѣлъ Иванъ Грозный, когда бралъ благословеніе у митрополита и всего освященнаго собора «исправить судебникъ по старинѣ».

Уловить эту живую и постоянно измѣняющуюся и дѣйствительность дѣло чрезвычайно трудное. Ни одно уложеніе не передаетъ всего дѣйствовавшаго въ старое время права. Да мы и думать не можемъ, чтобы московское правительство могло даже желать точно опредѣлить въ какомъ либо уставѣ начала своей дѣятельности. Это стѣснило бы его усмотрѣніе, да и самая задача эта совсѣмъ не была въ духѣ времени. Читая древнія уложенія, надо всегда помнить, что остается еще нѣкоторый плюсъ, дѣйствовавшій на практикѣ и существенно пополнявшій эти уложенія, но намъ неизвѣстный. Первый Судебникъ, напримѣръ, запрещаетъ посулы, но не опредѣляетъ никакого за нихъ наказанія. Значитъ ли это, что взяточничество не наказывалось въ XV вѣкѣ? Едва ли. Невозможно допустить, чтобы такой государь, какъ Иванъ Васильевичъ, или сынъ его Василій, не опалялся, когда узнавалъ о нарушеніи воспрещенія брать посулы, и не наказывалъ ослушниковъ. Второй Судебникъ опредѣляетъ уже и наказанія за принятіе посуловъ. Мы думаемъ, что эти наказанія не вновь установлены вторымъ Судебникомъ, а практиковались и ранѣе.

Но разъ судебникъ опредѣлилъ наказанія, значитъ ли это, что не налагалось другихъ наказаній, помимо перечисленныхъ въ судебникѣ? Опять—едва ли. Судебникъ опредѣляетъ за взя-

тіе посуловъ, между прочимъ, и торговую казнь, но для низшихъ чиновъ судебнаго вѣдомства, начиная съ подъячаго; дьяки же, бояре и окольничіе торговой казни не подлежали. А иностранцы разсказываютъ, что при царѣ Борисѣ и дьяковъ, не пользовавшихся особеннымъ расположеніемъ власти, возили по городу и сѣкли, привѣсивъ имъ на шею мѣшокъ со взяткою (Соловьевъ, VIII, 61). Такъ наказывали не всѣхъ дьяковъ, а только тѣхъ, которые не пользовались расположеніемъ власти. Отсюда должно заключить, что такъ дѣйствовали не на основаніи какого либо неизвѣстнаго намъ уложенія, отмѣнившаго постановленія судебника, а на основаніи усмотрѣнія.

Образованіе права въ Московской Руси во многомъ и существенно отличается отъ образованія его въ наше время. Московскіе государи дѣйствуютъ совсѣмъ не такъ, какъ нынѣ царствующіе. Съ Петра Великаго, мы всѣ знаемъ, что воля государя творитъ законъ. Московскіе цари не были еще въ этомъ увѣрены. Это достаточно ясно изъ предшествующаго, но мы приведемъ еще одинъ характерный примѣръ изъ исторіи упраздненія права отъѣзда. Московскимъ государямъ надо было установить обязательную службу и уничтожить право отъѣзда. Какъ они достигаютъ этого? Въ наше время, если бы нужно было возложить какую либо новую обязанность на подданныхъ, издали бы соотвѣтствующій законъ, какъ поступили, напримѣръ, при введеніи общей воинской повинности. Московскіе государи еще не знаютъ такого способа дѣйствія. Вольный отъѣздъ есть право, это старина. Приказомъ, уложеніемъ нельзя уничтожить права. Нарушить силою это право можно, ибо князья сильны, и они дѣйствительно нарушаютъ его. Такъ, напримѣръ, Иванъ Васильевичъ приказалъ насильно привезти къ нему князя Ивана Оболенскаго-Лыко, отъѣхавшаго къ удѣльному князю Борису Волоцкому. Явно взять Лыко не удалось, такъ какъ князь Борисъ не допустилъ совершить такое беззаконіе на своемъ дворѣ. Нѣсколько позднѣе, когда Лыко былъ въ своемъ селѣ, на него напали тайно, схватили, заковали и отвезли въ Москву. Но такіе случаи насилія не упраздняютъ еще старины. Чтобы она упразднилась этимъ путемъ, надо, чтобы насиліе стало стариной. Въ одно царствованіе это не могло сдѣлаться. Что же дѣлаетъ Иванъ Васильевичъ? Онъ беретъ крестоцѣловальныя записи о неотъѣздѣ. Подозрѣваемый въ желаніи отъѣхать принуждается дать грамоту никуда не отъѣзжать и скрѣпляетъ свое обѣщаніе клятвой, а въ концѣ говоритъ, что если онъ отъѣдетъ, то князь въ казни воленъ. Всякій воленъ отказаться отъ своего права. Бояринъ самъ отказывается отъ старины и предоставляетъ князю право наказывать его за отъѣздъ. Преемники Ивана Васильевича берутъ такія же записи. Такъ, подъ ви-

домъ добровольнаго отказа, выходитъ изъ употребленія старое право отъѣзда. При Иванѣ Грозномъ это уже обычай. Курбскій пишетъ царю: «Ты называешь насъ измѣнниками, потому что мы принуждены были отъ тебя по неволѣ крестъ цѣловать, какъ тамъ есть у васъ обычай, а если кто не присягнетъ, тотъ умираетъ горькою смертію. На это тебѣ мой отвѣтъ: всѣ мудрецы согласны въ томъ, что если кто присягнетъ по неволѣ, то не на томъ грѣхъ, кто цѣлуетъ, а на томъ, кто принуждаетъ, еслибы даже и гоненія не было». Московскій обычай, значитъ, не всѣми еще признается правомъ. То-же надо сказать и о всякой другой княжеской и царской практикѣ: идя сверху, она очень медленно проникаетъ въ народныя массы; сталкиваясь съ народными воззрѣніями, она долго еще можетъ представляться народному сознанію, какъ что-то чуждое ему.

Новые порядки вводятся въ Москвѣ не сразу, а какъ-то украдкой. Что московскіе государи сильны, что въ ихъ рукахъ сосредоточена громадная власть, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; но при всемъ томъ у нихъ еще отсутствуетъ сознаніе о своихъ законодательныхъ правахъ. Могли ли князья до-московскаго періода быть проникнуты сознані емъ, чуждымъ даже московскимъ государямъ, что ихъ усмотрѣніе творитъ право? Это болѣе чѣмъ сомнительно.

Въ московской Россіи право созидалось не столько законодательствомъ, сколько практикой, переходившей въ обычай. Мы привели не мало примѣровъ, изъ которыхъ можно было видѣть, какая значительная роль въ дѣлѣ созданія московскихъ порядковъ принадлежитъ практикѣ московскаго правительства. Но не оно одно созидало московское право; рядомъ съ правообразовательной практикой правительства мы встрѣчаемся съ такой же практикой и частныхъ лицъ. Независимо отъ воли государя, въ Москвѣ продолжаютъ возникать и развиваться обычаи дѣятельностью частнаго усмотрѣнія. Исторія сохранила примѣры такого образованія права даже въ сферѣ, непосредственно соприкасающейся съ интересами и дѣятельностью правительства. Таковы, напримѣръ, обычаи мѣстничества, которые возникли среди служилыхъ людей и въ силу ихъ личной дѣятельности, а не волею московскихъ государей. Являясь судьями въ мѣстническихъ счетахъ, московскіе государи, конечно, вносили свое усмотрѣніе въ дѣло регулированія этихъ счетовъ. Но созидателями права мѣстничества, ограничивавшаго ихъ собственную власть, они ни въ какомъ случаѣ не были. Эта творческая дѣятельность частныхъ силъ была тѣмъ свободнѣе и развивалась тѣмъ шире, чѣмъ менѣе сталкивалась она съ интересами царской власти. По мѣрѣ развитія этой послѣдней, свободный ростъ народныхъ обычаевъ долженъ былъ стать въ зависимость отъ усмотрѣнія великихъ кня-

зей; но даже и въ эпоху послѣ Уложенія 1649 года и при томъ по отношенію къ институтамъ, насажденнымъ московскими великими князьями, и въ ихъ собственныхъ интересахъ, все еще замѣчается вліяніе частной воли, частнаго усмотрѣнія.

По Уложенію 1649 года, напримѣръ, помѣщикамъ было предоставлено мѣнять помѣстныя земли на помѣстныя же, по полюбовному челобитію, то есть, по добровольному соглашенію сторонъ; при этомъ они могли обмѣнивать и перехожія четверти, то есть излишнія противъ окладовъ. Въ Уложеніи сказано: „А гдѣ у кого въ мѣнѣ перейдетъ сверхъ мѣны и лишнее, немногія четверти, и тѣ немногія четверти потому же за ними по ихъ полюбовному челобитью записывати». «Немногія четверти» выраженіе столь неопредѣленное, что примѣненіе этой статьи давало поводъ къ многочисленнымъ столкновеніямъ заинтересованныхъ сторонъ, которыя отъ времени до времени и восходили на разрѣшеніе правительства. Въ 1676 году, февраля въ 22 день, послѣдовалъ указъ, которымъ дозволено было мѣнять помѣстья со всѣми перехожими четвертями, сколько бы ихъ ни было показано въ полюбовной челобитной. Но въ концѣ того же года, 9 августа, бояре приговорили допускать къ мѣнѣ только по 10 перехожихъ четвертей на 100. Это нововведеніе удержалось, однако, недолго, только до 6 апрѣля слѣдующаго года, когда послѣдовалъ новый боярскій приговоръ, разрѣшившій мѣну помѣстій со всѣми перехожими четвертями, сколько ихъ будетъ указано въ челобитной (П. С. З. №№ 633, 657, 686).

Чѣмъ же руководствовалось московское правительство, постоянно мѣняя свои рѣшенія? Единственно челобитьями заинтересованныхъ лицъ. Оборотная сторона дѣла состоитъ въ слѣдующемъ. Помѣщики обращались къ мѣнѣ помѣстій для того, чтобы расширить свое ограниченное право распоряженія этимъ видомъ имуществъ. Не желая, чтобы ихъ помѣстья достались въ руки нелюбимыхъ иногда родственниковъ, они мѣняли ихъ чужеродцамъ, и за помѣстья съ небольшими перехожими четвертями отдавали богатыя помѣстья со многими перехожими четвертями. Помѣстный приказъ утверждалъ такіе обмѣны. Такимъ образомъ, на почвѣ Уложенія, но несовсѣмъ согласно съ его смысломъ, образовалась практика, по которой къ мѣнѣ допускались всѣ перехожія четверти, сколько бы ихъ въ полюбовной мѣновой ни показали. Обойденные родственники, конечно, не могли быть довольны такимъ порядкомъ вещей; они жалуются. Въ 1676 году, февраля 22-го, по этимъ жалобамъ состоялось рѣшеніе: Государь съ боярами приговорилъ въ пользу мѣновщиковъ, предоставивъ имъ право мѣняться со всѣми перехожими четвертями, какъ они мѣнялись и прежде, если хотѣли. Утверждена была, слѣдовательно, предшествующая практика, на которую жаловались родствен-

ники. Въ концѣ того же года (9 августа) вопросъ этотъ пересматривался снова и по той же причинѣ, но былъ рѣшенъ на этотъ разъ въ видахъ огражденія интересовъ родственниковъ. Мѣна перехожихъ четвертей была ограничена 10-ю на 100. Это отступленіе отъ установившейся уже практики, ограничивающее право распоряженія, не могло всѣмъ понравиться. Не смотря на то, что мѣнять большія перехожія четверти на малыя было воспрещено, въ Помѣстный Приказъ продолжаетъ поступать масса полюбовныхъ челобитныхъ о такой мѣнѣ. Что же дѣлаетъ Помѣстный Приказъ? Отказываетъ онъ просителямъ? Нѣтъ, онъ не отказываетъ имъ, а принимаетъ ихъ прошенія и вновь доводитъ дѣло до усмотрѣнія государя, спрашивая, какъ поступать впередъ? какъ будто предшествующими указами это вовсе не было опредѣлено. Такая практика не разсматривается, однако, правительствомъ, какъ нарушеніе служебныхъ обязанностей членами Приказа. Государь дѣйствительно снова пересматриваетъ дѣло въ своей думѣ и на этотъ разъ, «по указу великаго государя», бояре приговариваютъ: «противъ челобитья всякихъ чиновъ людей мѣновыя помѣстья по заручнымъ челобитнымъ расписывать съ перехожими четвертями, сколько перехожихъ четвертей написано будетъ въ челобитной», то есть снова утверждается установившаяся до 1676 г. практика. Таковъ своеобразный ходъ московскаго законодательства. Существующіе указы, какъ будто, никого и ни къ чему не обязываютъ. Можно бить челомъ и противъ указа. Правительство даетъ ходъ такимъ челобитнымъ и издаетъ по ихъ поводу новые указы, въ отмѣну только что изданныхъ. Такимъ-то образомъ, въ теченіе всего какихъ-нибудь года съ мѣсяцемъ, появилось три разныхъ опредѣленія, взаимно одно другое уничтожающихъ, смотря по тому, которая сторона изъ заинтересованныхъ превозмогала. Московское выраженіе «по указу великаго государя» оказывается, въ данномъ случаѣ, чистой фикціей; а самые указы великихъ государей вовсе не имѣющими того значенія, какое въ наше время усвояется законамъ, по крайней мѣрѣ, въ государствахъ съ развитымъ юридическимъ сознаніемъ.

Приведемъ еще одинъ примѣръ. Уложеніе 1649 года не только воспрещаетъ всякія жалобы дѣтей на родителей, но даже приказываетъ за подачу такихъ челобитій „бити кнутомъ“. А изъ памятниковъ, принадлежащихъ ко времени послѣ Уложенія, мы узнаемъ, что дѣти подаютъ жалобы на родителей, именно на невыгодную для нихъ мѣну помѣстій отцами; что Помѣстный Приказъ принимаетъ такія жалобы, разсматриваетъ ихъ и удовлетворяетъ просителей, признавая мѣну ничтожной. Такая практика не разсматривается, какъ нарушеніе указовъ великихъ государей и не ведетъ къ отвѣтственности членовъ Приказа. Совершенно наоборотъ, она возбуж-

даетъ новый вопросъ о томъ, какъ поступать впредь: по Уложенію, или согласно практикѣ? (П. С. З. № 633).

Изъ всего этого надо заключить, что указы великихъ государей не содержатъ въ себѣ всего московскаго права, что помимо того, что въ нихъ выражено, есть еще какое-то другое сознаніе о правѣ, которое живетъ въ членахъ общества, постоянно высказывается ими во взаимныхъ столкновеніяхъ, доходитъ до свѣдѣнія государей и мѣняетъ ихъ указы.

Это другое, неуказное право продолжаетъ жить иногда весьма долго, даже наперекоръ указамъ. Такъ, Уложеніе 1649 г., отмѣнивъ урочные годы, окончательно закрѣпило крестьянъ за помѣщиками. Кто за кѣмъ записанъ по переписи 1646—47 годовъ, тотъ за тѣмъ и долженъ оставаться. Бѣглый крестьянинъ разъискивался безъ срока и отдавался прежнему господину. Такъ по Уложенію. А въ дѣйствительности, долго еще спустя послѣ Уложенія, бѣглые крестьяне, возвращаемые прежнимъ владѣльцамъ, заключаютъ съ ними порядочныя грамоты, въ которыхъ опредѣляются ихъ обязанности. Зачѣмъ «порядная», когда крестьянинъ и безъ того крѣпокъ, и волѣ своего господина повиноваться долженъ? Это очевидный остатокъ старыхъ обычаевъ, пережившій Уложеніе; характерное свидѣтельство живучести народнаго сознанія о правѣ, продолжающаго регулировать жизненныя отношенія, не смотря на то, что это сознаніе имѣло противъ себя и букву Уложенія, и личные интересы помѣщиковъ.

Нельзя, однако, сказать, чтобы московское правительство оказывало очень большое вниманіе народнымъ обычаямъ. У насъ не предпринималось никакихъ изслѣдованій для выясненія и установленія обычнаго права въ родѣ тѣхъ, какія извѣстны были древнему французскому праву подъ именемъ enquête par turbe. Ни князья, ни московскіе государи собираніемъ обычаевъ не занимались. Народные обычаи терпѣлись въ Москвѣ до тѣхъ поръ, пока не сталкивались съ казенными интересами, и только. Какъ скоро они оказывались неудобными, правительство не затруднялось вводить свою практику, хотя бы она шла и совершенно наперекоръ народнымъ представленіямъ о правѣ.

Обычай есть первоначальная форма образованія права. Съ развитіемъ государственной жизни, онъ, по необходимости, долженъ уступить мѣсто болѣе совершенной формѣ—законодательству. Московское государство стоитъ на рубежѣ между этими двумя формами. Оно не могло довольствоваться одними обычаями, но и не выработало сколько нибудь правильныхъ формъ законодательства. Московское правительство прислушивается къ челобитьямъ подданныхъ и издаетъ указы въ духѣ этихъ челобитныхъ. Въ этомъ нельзя не видѣть нѣкотораго проблеска той мысли, что въ творчествѣ права должны принимать участіе не

одни только органы правительства, но и сами заинтересованные. Вниманіе къ челобитнымъ подданныхъ составляетъ великую заслугу московскихъ государей. Но выразившееся этимъ путемъ участіе подданныхъ въ законодательствѣ представляется совершенно неорганизованнымъ. Челобитья подаются небольшими, сравнительно, группами лицъ, имѣющихъ какіе либо общіе интересы и недовольныхъ тѣми или другими порядками. Въ челобитьяхъ высказываются жалобы на эти порядки, а иногда указываются и самыя мѣры ихъ исправленія. Но челобитчики дѣйствуютъ во имя частныхъ своихъ интересовъ. Въ нихъ нельзя видѣть представителей не только всего московскаго государства или какого-либо изъ его сословій, они не всегда представляютъ даже мнѣніе всего того разряда лицъ данной мѣстности, къ которому принадлежатъ сами. Въ той средѣ, изъ которой выдѣлились челобитчики, почти всегда остаются иначе думающіе, которые къ челобитью не присоединяются. Такъ, въ то время, какъ одни помѣщики просятъ о мѣнѣ помѣстій со всѣми перехожими четвертями, другіе, наоборотъ, жалуются на такую мѣну; или въ то время, какъ одни посадскіе люди просятъ о воспрещеніи продажи тяглыхъ земель бѣломѣстцамъ, другіе находятъ для себя выгодной такую продажу и отчуждаютъ свои тяглые участки бѣломѣстцамъ, не смотря на неоднократные воспретительные указы; или въ то время, какъ одна часть черныхъ людей извѣстной волости жалуется на свободный выходъ волостныхъ людей и проситъ возвратить ихъ на старыя земли,—другая продолжаетъ уходить, находя право перехода для себя удобнымъ, и т. д. Правительство, получивъ челобитную, не ставитъ себѣ задачей выяснить эти разнообразные и взаимно сталкивающіеся интересы, путемъ приглашенія сторонниковъ разныхъ имѣній къ обмѣну своихъ мыслей, что могло бы привести къ разъясненію дѣла, взаимнымъ уступкамъ и соглашенію. Оно избираетъ ближайшій, но очень ненадежный путь, склоняясь на челобитье то той, то другой стороны. Результатомъ этого является крайняя неустойчивость московскихъ порядковъ: правило, принятое въ январѣ, отмѣняется въ іюнѣ и т. д. Тѣ, которымъ не нравится состоявшееся распоряженіе, считаютъ себя вправѣ обратиться къ правительству съ новымъ челобитьемъ и домогаться отмѣны принятой уже мѣры. Распоряженія правительства не исполняются не только подданными, которымъ они не нравятся, но и самими органами правительства. Изданіе цѣлаго ряда указовъ, которыми только подтверждается сдѣланное прежде распоряженіе, весьма обыкновенное въ Москвѣ явленіе. Есть примѣры, что и четвертому указу не удается доставить торжество правительственной мѣрѣ, и въ концѣ концовъ правительство находитъ собя вынужденнымъ сдѣлать уступку. Такъ

было, напримѣръ, съ запрешеніемъ тяглымъ московскимъ людямъ продавать бѣломѣстцамъ свои тяглые участки. Запретительные указы слѣдуютъ одинъ за другимъ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. До насъ дошли такіе указы отъ 1621, 1627, 1634, и 1642 годовъ. Не смотря на то, что за нарушеніе этихъ запрещеній угрожалось даже кнутомъ, въ 1649 году при составленіи Уложенія оказалось, что патріархъ, митрополиты, бояре, окольничіе и др., во обходъ существующихъ распоряженій, владѣютъ множествомъ тяглыхъ земель въ Москвѣ и подъ Москвою. Хотя Уложеніе проводитъ то же запретительное начало, но черные люди продолжаютъ отчуждать бѣломѣстцамъ свои земли, а Земскій Приказъ такія отчужденія записываетъ въ свои книги. Въ 1681 году правительство нашлось, наконецъ, вынужденнымъ дозволить бѣломѣстцамъ владѣть пріобрѣтенными черными землями «впредь по указу». Но можно ли удивляться неисполненію царскихъ указовъ о неотчужденіи бѣломѣстцамъ черныхъ земель въ Москвѣ, когда въ то—же самое время для другихъ мѣстностей (для Устюжны-Желѣзопольской, напримѣръ) подтверждаются старыя грамоты XVI вѣка, которыми бѣломѣстцамъ предоставлялось покупать тяглыя земли на условіи платежа тѣхъ повинностей, которыя на этихъ земляхъ лежали (А. Э. Ш, № 37 и 138, 1614 и 23 годовъ). Почему возможное въ Устюжнѣ-Желѣзопольской было совершенно невозможно въ Москвѣ?

Этому порядку вещей пытаются положить конецъ въ имперіи. Петръ В. предписываетъ не рѣшать никакихъ дѣлъ иначе, какъ по регламентамъ. „Что въ регламентахъ не ясно, объявлять Намъ, но дѣла не рѣшать“ (П. С. З. № 3970, 1722). Этотъ указъ предписано имѣть во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ на столѣ, яко зеркало предъ очами судящихъ.

Указъ долженъ предшествовать правительственной практикѣ. Начало совершенно вѣрное. Но указное право XVIII в. еще болѣе игнорируетъ обычное народное, чѣмъ это было въ Москвѣ. Народъ, конечно, не утратилъ вслѣдствіе этого своихъ правовыхъ воззрѣній, онъ даже продолжаетъ иногда проявлять ихъ въ своеобразной практикѣ самоуправства и пассивнаго сопротивленія. Но для сколько нибудь правильнаго и плодотворнаго развитія народныхъ обычаевъ ни московское время, ни XVIII в. не представляютъ удобной почвы. Значеніе народныхъ обычаевъ въ нашей исторіи постоянно умаляется.

II. Указная дѣятельность государей.

Въ Московскомъ государствѣ встрѣчаемся со множествомъ видовъ проявленія этой дѣятельности. Отъ этого времени къ намъ

дошла масса грамотъ, наказовъ, уставовъ и т. под. Сохранившіеся до насъ указы представляютъ чрезвычайно богатый источникъ для изученія не только права, но и вообще состоянія общества того времени. Не смотря на важность этихъ памятниковъ, они далеко еще не вполнѣ разработаны, даже внѣшняя ихъ исторія далека отъ завершенія. Болѣе 4,000 документовъ этого рода напечатано въ актахъ экспедиціи, въ актахъ историческихъ и въ дополненіяхъ къ нимъ. Для удобства изученія ихъ необходимо классифицировать. Нѣкоторые изслѣдователи насчитываютъ болѣе 30 видовъ грамотъ. При классификаціи указовъ нельзя держаться тѣхъ наименованій, которыя давались имъ въ старину, потому что древняя терминологія представляется крайне неопредѣленною. Одна и та-же грамота можетъ быть названа и дѣйствительно въ старину называлась и жалованной, и судной. Судныя грамоты, въ которыхъ жалуется право суда, называются еще „несудимыми", потому что освобождаютъ отъ суда княжескихъ чиновниковъ. Сортировать грамоты по содержанію также весьма неудобно, потому что мало грамотъ совершенно отличныхъ одна отъ другой по содержанію. Одна и та-же грамота говоритъ и о судѣ, и объ управленіи, и о пошлинахъ и проч.

Считаемъ наиболѣе удобнымъ раздѣлить грамоты на двѣ крупныя категоріи *по роду лицъ*, на имя которыхъ онѣ даются. Къ 1-ой категоріи отнесемъ грамоты, которыя даются частнымъ лицамъ, физическимъ или юридическимъ. Сюда будутъ относиться грамоты посадскимъ людямъ, сельскимъ общинамъ, напримѣръ, черносошнымъ крестьянамъ, дворцовымъ крестьянамъ, бобровникамъ, рыболовамъ и т. п. Сюда же относимъ грамоты, которыя даются монастырямъ, епископамъ и т. п. Слѣдующую затѣмъ 2-ю группу составятъ грамоты, которыя даются *органамъ княжескаго управленія*: волостелямъ, воеводамъ, таможеннымъ сборщикамъ и т. п.

Эти двѣ крупныя группы княжескихъ грамотъ, въ свою очередь, подраздѣляются. Въ первой группѣ различаемъ: 1) судныя грамоты, хотя онѣ и не исключительно судныя, а касаются и другихъ вопросовъ: управленія, пошлинъ и пр.; 2) жалованныя грамоты и льготныя, 3) грамоты по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ управленія.

I группа. 1) *Судныя грамоты.* Ими опредѣляется порядокъ суда и управленія. Сюда будутъ относиться какъ грамоты, которыми предоставляется мѣстнымъ жителямъ право суда, такъ и тѣ, въ которыхъ судъ предоставляется княжескимъ чиновникамъ. Въ послѣднихъ опредѣляется кормъ, который чиновники вправѣ получать отъ общины, порядокъ суда и судебныя пошлины. Эти грамоты даются на имя общинъ и посылаются ихъ представителямъ для того, чтобы они могли контролировать дѣятельность

чиновниковъ. Что касается до объема суда, предоставляемаго судными грамотами выборнымъ органамъ, то онъ очень различенъ: нѣкоторыми грамотами предоставляется уголовный и гражданскій судъ, другими только уголовный въ губныхъ дѣлахъ, тогда какъ гражданскія дѣла оставляются въ вѣдѣніи княжескихъ чиновниковъ. Здѣсь нужно различать, какъ особенный видъ *губныя грамоты*. Это особаго рода судныя грамоты, которыми дается общинамъ городскимъ и сельскимъ право суда, но не всякаго, а суда только по особымъ „губнымъ дѣламъ". Въ этихъ грамотахъ встрѣчаются также постановленія о пошлинахъ, о пятнѣ, о пошлинахъ съ брака и т. п. Судныя грамоты называются еще *уставными*, такъ какъ ими князь установляетъ извѣстный порядокъ суда, сборъ податей и т. д. Въ грамотахъ нерѣдко говорится: „а судити по государевой уставной грамотѣ". Поэтому мы не находимъ возможнымъ выдѣлить уставныя грамоты въ особую группу. Всѣ эти грамоты могутъ быть еще названы *жалованными*. Это потому, что онѣ всегда являются актомъ милости князя; князь освобождаетъ извѣстную общину отъ суда своихъ чиновниковъ, или опредѣляетъ права и обязанности чиновниковъ, и это разсматривается, какъ актъ его милости,—это княжеское жалованье.

2) *Жалованныя и льготныя грамоты* въ тѣсномъ смыслѣ. Содержаніе жалованныхъ грамотъ состоитъ въ томъ, что князь жалуетъ льготы или какія либо имущественныя права на земли, рыбныя ловли и т. д. Жалованныя грамоты на земли и пр. обыкновенно бываютъ и льготными, потому что тотъ, кому жалуется что нибудь, въ то-же время получаетъ и льготы. Иногда же князь жалуетъ только льготы; такъ, напр., монастырь имѣетъ уже земли, а ему жалуется свобода отъ суда княжескихъ чиновниковъ, или отъ какихъ либо повинностей въ пользу князя. Такихъ грамотъ мы имѣемъ массу. Если ими жалуется свобода отъ княжескаго суда, то онѣ называются „несудимыми", въ нихъ тогда пишется: „въ такія-то мѣста судьямъ моимъ не въѣзжати".

3) *Грамоты по отдѣльнымъ вопросамъ управленія.* Эти грамоты касаются какихъ нибудь отдѣльныхъ вопросовъ управленія. Содержаніе ихъ обыкновенно весьма коротко. Сюда относятся, напримѣръ, такъ назаваемыя, оброчныя грамоты, которыми князь замѣняетъ полученіе различныхъ повинностей единообразнымъ оброкомъ и проч. Онѣ тоже выдаются заинтересованнымъ лицамъ.

II *группа.* Грамоты, которыя даются различнымъ *органамъ княжескаго управленія.* Онѣ опредѣляютъ дѣятельность этихъ органовъ. Здѣсь разумѣются не только органы, князьями назначаемые, но и выборные люди, приставленные къ денежнымъ княжескимъ дѣламъ, напр., выборные для сбора таможенныхъ пошлинъ и пр. До насъ дошла громадная масса грамотъ этой ка-

тегоріи подъ разными именами: наказовъ, памятей, таможенныхъ грамотъ и пр.; онѣ давались волостелямъ, намѣстникамъ, воеводамъ, сыщикамъ и пр. Содержаніе ихъ очень разнообразно. Въ однихъ рѣчь идетъ о судѣ и управленіи вообще, другія предоставляютъ вѣдомству приказнаго человѣка какой либо отдѣльный вопросъ, напримѣръ, наблюденіе затѣмъ, чтобы крестьяне не рубили лѣса монастырскаго и т. под.

Эта указная дѣятельность еще большее развитіе получила въ императорской Россіи. Петръ Великій, постановивъ, чтобы всѣ дѣла рѣшались не иначе, какъ на основаніи указовъ, долженъ былъ опредѣлить и порядокъ пополненія ихъ. Онъ возложилъ на особые органы обязанность представлять, въ установленномъ порядкѣ, о составленіи новыхъ указовъ по тѣмъ дѣламъ, о которыхъ въ законахъ ясно не изъяснено. Для дѣлъ, касающихся свѣтскихъ учрежденій, эта обязанность была возложена на генералъ-прокурора, который дѣйствовалъ чрезъ Сенатъ; для духовныхъ дѣлъ—на оберъ-прокурора, который дѣйствовалъ чрезъ Синодъ.

Въ своей указной дѣятельности Петръ Великій очень много заимствовалъ изъ западно-европейскихъ законодательствъ. Многіе изъ его регламентовъ, уставовъ и инструкцій составлены прямо по иностраннымъ образцамъ. Таковы: Воинскій и Морской уставы, регламенты коллегій, инструкція магистратамъ, указъ 1714 г. о порядкѣ наслѣдованія въ движимыхъ и не движимыхъ имуществамъ и др. Воинскій и Морской уставы, опредѣляя порядокъ сухопутной и морской службы, содержатъ цѣлые отдѣлы, которые выходятъ за предѣлы военной спеціальности. Воинскій уставъ (1716 г. № 3006) въ особомъ отдѣлѣ, озаглавленномъ „Воинскіе артикулы“, содержитъ цѣлое уголовное уложеніе. За уголовными законами слѣдуетъ „Краткое изображеніе процессовъ или судебныхъ тяжбъ“, это судебные уставы того времени. Въ Морскомъ уставѣ (1720 г. № 3485) также есть отдѣлъ, посвященный уголовному праву, хотя и далеко не столь обширный. Не смотря на то, что Воинскій уставъ былъ написанъ для военныхъ людей и что въ немъ есть многое такое, что примѣнимо только къ военнымъ людямъ, Петръ Великій предписалъ руководствоваться имъ и въ гражданскихъ судахъ: губернаторамъ, воеводамъ и др. судьямъ. Уставъ былъ разосланъ по губернскимъ канцеляріямъ къ исполненію. Такимъ образомъ онъ получилъ общее значеніе и составляетъ важнѣйшій источникъ нашего законодательства XVIII в. для уголовнаго права и процесса. Нѣкоторые изслѣдователи упрекаютъ Петра въ томъ, что своимъ Воинскимъ уставомъ онъ ввелъ къ намъ чисто формальное понятіе о преступленіи и крайнюю суровость наказаній. Но формальный взглядъ на преступленіе установился

еще до Петра, жестокость же наказаній также не была новостью, она унаслѣдована отъ предшествующей эпохи. Если Петръ, обратившись къ иностраннымъ законодательствамъ и къ сочиненіямъ западно-европейскихъ ученыхъ, не нашелъ въ нихъ ничего такого, что могло бы повліять на смягченіе наказаній, въ этомъ его винить нельзя. Во всей Западной Европѣ того времени господствовала система жестокихъ наказаній.

Благодаря этой указной дѣятельности накопляется громадная масса грамотъ, уставовъ, регламентовъ и пр. Съ восшествія на престолъ Петра I до восшествія на престолъ Николая I издано болѣе 30 тысячъ указовъ. Это только тѣ указы, которые вошли въ Полное Собраніе Законовъ, а въ это Собраніе вошли далеко не всѣ указы. Съ восшествія на престолъ Николая I до 61 года включительно издано болѣе 37 тысячъ указовъ.

Понятно, что правительство не могло ограничиться одной указной дѣятельностью. Нельзя было требовать, чтобы въ рукахъ лицъ, обязанныхъ примѣнять законы, была вся эта масса указовъ, и чтобы всѣ исполнители умѣли оріентироваться въ этомъ множествѣ предписаній, часто другъ другу противорѣчивыхъ. Поэтому, еще въ Московскомъ государствѣ встрѣчаемся съ попытками кодификаціи, съ попытками изданія сводовъ дѣйствующихъ постановленій. Къ этой княжеской дѣятельности относятся, прежде всего, Судебники. Ихъ два, первый изданъ въ 1497 году при вел. кн. Иванѣ Васильевичѣ, второй въ 1550 году, при Иванѣ Грозномъ. Эти первыя попытки сводной дѣятельности съ точки зрѣнія системы были очень несовершенны; они представляли собою ворохъ статей, безъ всякаго порядка соединенныхъ въ одно цѣлое.

Первый Судебникъ открытъ въ 1817 году и изданъ иждивеніемъ графа Румянцева; онъ дошелъ до насъ только въ одной рукописи, относящейся къ началу XVI вѣка. Это показываетъ, какъ мало сохранилось древнихъ памятниковъ. Судебникъ былъ разосланъ во всѣ города и волости, а до насъ дошелъ только одинъ экземпляръ. Рукопись его была издана первый разъ въ 1819 году Калайдовичемъ и Строевымъ. Что касается до внѣшняго вида перваго Судебника, то онъ не имѣетъ дѣленія на статьи. Содержаніе его носитъ преимущественно процессуальный характеръ; кромѣ того, есть статьи, относящіяся къ матеріальному праву, гражданскому и уголовному. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются заголовки, написанные киноварью, какъ, напр.: «О полевыхъ пошлинахъ», «О татьбѣ» и др.; но подъ этими заглавіями нерѣдко помѣщены статьи, которыя вовсе не относятся къ заглавію; самые отдѣлы, слѣдовательно, содержатъ больше того, что указано заглавіемъ. Такъ, напримѣръ, подъ заглавіемъ «О татьбѣ» говорится и объ убійствѣ и

о государственныхъ преступленіяхъ. Въ самомъ началѣ Судебника говорится, при комъ онъ составленъ: «Лѣта 7006, мѣсяца Септемврія уложилъ князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси, съ дѣтьми своими и съ бояры, о судѣ, какъ судити бояромъ и окольничимъ». Кромѣ изданія Калайдовича и Строева, вышедшаго изъ продажи, Судебникъ напечатанъ въ сборникахъ Утина и Лазаревскаго и Владимірскаго-Буданова, Въ послѣднемъ изданіи Судебникъ раздѣленъ на статьи. Раздѣленіе на статьи составляетъ удобство для цитированія, а потому и представляется полезнымъ, но, конечно, измѣняетъ видъ памятника, а иногда можетъ повести и къ неправильному пониманію смысла. Нѣкоторые изслѣдователи усматриваютъ въ Судебникѣ такую послѣдовательность статей: 1) отъ 1-й до 36 ст. говорится о центральномъ судѣ; 2) отъ 37 до 44 включительно о судѣ провинціальномъ; 3) отъ 45 до 66 —статьи, относящіяся къ гражданскому праву и процессу, и наконецъ 4) двѣ послѣднихъ статьи 67 и 68 дополнительныя. Но если такая послѣдовательность и наблюдается, хотя она проведена и не строго, такъ какъ о провинціальномъ судѣ говорится и прежде 37 статьи, все же это не будетъ система въ настоящемъ смыслѣ слова. Въ первыхъ двухъ отдѣлахъ помѣщены статьи о судѣ, въ третьемъ тоже есть процесуальныя статьи; такимъ образомъ, эти три отдѣла дополняютъ другъ друга, съ тѣмъ различіемъ, что о центральномъ преимущественно, но не исключительно, говорится въ началѣ; 4-й отдѣлъ также добавочный; такой порядокъ трудно назвать системой.

Что касается источниковъ, которыми пользовались составители перваго Судебника, то сюда относятся: 1) судныя грамоты, но судебникъ далеко не исчерпываетъ все содержаніе судныхъ грамотъ. Пользуясь Судебникомъ, нужно было въ то-же время пользоваться и судными грамотами; онъ вовсе не отмѣнилъ судныхъ грамотъ. Имѣемъ указанія, что въ мѣстностяхъ, которымъ были даны судныя грамоты, эти грамоты въ примѣненіи предшествовали Судебнику: Судебникъ примѣнялся, если не было судныхъ грамотъ, или если онѣ о чемъ либо молчали. 2) Нѣкоторыя постановленія Р. Правды. 3) Постановленія изъ Моисеевыхъ книгъ. 4) Нѣкоторыя статьи изъ Псковской Судной Грамоты. 5) Наконецъ, практика. Изданіемъ 1-го Судебника уставная дѣятельность князей не прекратилась. Жизнь шла впередъ и выдвигала новые вопросы, которые надо было регулировать. Вслѣдъ за изданіемъ 1-го Судебника, князья издаютъ новые указы. Иванъ Васильевичъ Грозный нашелъ, что 1-й Судебникъ уже недостаточенъ и что его нужно пополнить и исправить. Къ этому труду онъ приступилъ въ 1550 году, испросивши благословеніе у духовнаго собора. Въ спискѣ Стоглаваго Собора Ивану Грозному приписывается такое обращеніе къ духовен-

ству: „въ предъидущее лѣто благословился есмы у васъ Судебникъ исправити по старинѣ и утвердити и по вашему благословенію Судебникъ исправилъ... Прочтите и разсудите, чтобы дѣло наше по Бозѣ въ родъ и родъ по вашему благословенію неподвижно“. Такимъ образомъ былъ составленъ второй Судебникъ, или, какъ его принято называть, царскій.

Второй Судебникъ составленъ былъ по благословенію духовенства и при помощи бояръ. По содержанію онъ полнѣе перваго, но системы въ немъ также нѣтъ. Въ немъ находимъ постановленія о судѣ, статьи, относящіяся къ уголовному праву и къ гражданскому. Съ внѣшней стороны второй Судебникъ представляетъ нѣкоторый успѣхъ въ томъ отношеніи, что въ немъ есть дѣленіе на статьи, которыя названы главами. Такихъ главъ или статей во 2-мъ Судебникѣ 99 (по списку Калайдовича). Въ Градскихъ законахъ главы подведены подъ титулы (грани), въ которые соединены однородныя главы; во 2-мъ Судебникѣ составители поставили только главы или статьи, но они не съумѣли подвести ихъ подъ болѣе широкія рубрики, соотвѣтствующія титуламъ, вслѣдствіе чего послѣдовательность статей или главъ представляется весьма безпорядочной: однородныя статьи разбросаны по всему памятнику. Въ этомъ отношеніи 2-й Судебникъ составленъ нисколько не лучше перваго. Сначала идетъ вступленіе, гдѣ обозначенъ годъ составленія и лица, въ немъ участвовавшія. Затѣмъ въ нѣсколькихъ главахъ перечислены лица, которымъ принадлежитъ право суда и говорится о послѣдствіяхъ неправаго суда. Съ 8-й главы начинается опредѣленіе судныхъ пошлинъ, но не исчерпывается все, что бы слѣдовало сказать о пошлинахъ. Далѣе идутъ главы о судебныхъ доказательствахъ: о поединкахъ и о послухахъ, а потомъ снова о пошлинахъ (33 ст.). При составленіи 2-го Судебника пользовались первымъ и указами, вышедшими послѣ его изданія, а также новой практикой. Рукопись 2-го Судебника открыта Татищевымъ въ 1734 году и притомъ въ нѣсколькихъ спискахъ. На основаніи нѣсколькихъ списковъ Татищевъ составилъ сводный списокъ, который и былъ изданъ въ 1762 году. Второй Судебникъ отпечатанъ вмѣстѣ съ первымъ въ изданіи Строева и Калайдовича отъ 1819 года, въ сборникахъ Утина и Лазаревскаго, и Владимірскаго-Буданова, въ послѣднемъ съ примѣчаніями.

Послѣдній сводъ, принадлежащій Московской эпохѣ, есть Соборное Уложеніе, отпечатанное въ 1649 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Это самый большой сводъ, какой мы имѣемъ отъ Московской эпохи, памятникъ и по системѣ своей стоящій гораздо выше предшествующихъ. Есть основаніе думать, что поводъ къ изданію Соборнаго Уложенія былъ данъ челобитьемъ нисшихъ разрядовъ служилыхъ людей, дворянъ, столь-

никовъ, посадскихъ и торговыхъ людей. На первый взглядъ это явленіе можетъ показаться страннымъ, а между тѣмъ оно легко объясняется самимъ положеніемъ вещей. Всякій недостатокъ закона, его неясность, неполнота, противорѣчіе и т. п. гораздо сильнѣе чувствовался лицами, принадлежащими къ низшимъ разрядамъ, чѣмъ боярами. Бояре и окольничіе всегда жили въ Москвѣ, при государѣ, и потому легко могли обратиться къ нему; для городовыхъ же людей всякая неясность вызывала знаменитую московскую волокиту. Составленіе новаго уложенія произошло на соборѣ. Представители, которые были созваны на этотъ соборъ, могли подавать отъ себя челобитныя на имя государя. Челобитныя также вносились въ новое учрежденіе и получали утвержденіе государя. Мы имѣемъ нѣсколько статей Уложенія, составленныхъ прямо на основаніи челобитныхъ; такъ, напр., изъ 40 статей 19 гл. Улож.—17 составлено на основаніи такихъ челобитныхъ. Любопытное указаніе на участіе выборныхъ въ составленіи статей Уложенія находимъ въ ст. 42 гл. XVII. „А нынѣ Государь, совѣтовавъ съ отцомъ своимъ патріархомъ, съ митрополиты и епископы и говоря съ своими бояры, съ окольничими, съ дворянами Московскими и городовыми, указалъ и соборомъ уложили“... За этимъ и слѣдуетъ уложенная статья. Засѣданія собора начались 3-го октября 1648 года; для опредѣленія же времени окончанія занятій собора нѣтъ достаточныхъ указаній. Приписка, сдѣланная въ концѣ Уложенія и гласящая: „совершена сія книга января 29-го дня 1649 года“, можетъ относиться не къ завершенію занятій собора, а къ перепискѣ Уложенія со столбца въ книгу (Загоскинъ, ср. Мейчика).

Предварительная работа по составленію уложенія была поручена: 2-мъ боярамъ, боярину князю Никитѣ Одоевскому и князю Семену Прозоровскому, окольничему кн. Волконскому и двумъ дьякамъ—Леонтьеву и Грибоѣдову. Сохранилась подлинная рукопись Соборнаго Уложенія съ подписями всѣхъ членовъ; на поляхъ сдѣланы помѣтки, откуда какая статья взята. Въ нашей литературѣ до сихъ поръ не провѣрены эти ссылки на источники. Источниками служили: прежніе указы и Судебники, моисеевы законы, Градскіе законы, Литовскій Статутъ, Стоглавъ, правила св. Апостолъ и св. отецъ. Новыя статьи были составлены общимъ совѣтомъ.

Въ составъ Уложенія вошли статьи по всѣмъ отдѣламъ права. Расположеніе этихъ статей въ Уложеніи не представляетъ правильной системы, но въ немъ замѣчается больше внѣшняго порядка, чѣмъ въ Судебникахъ. Это выражается въ томъ, что Уложеніе не только содержитъ статьи, но и представляетъ первую попытку подведенія отдѣльныхъ статей подъ болѣе крупныя рубрики; оно дѣлится на главы, а главы подраздѣляются уже

на статьи. Всѣхъ такихъ главъ въ Уложеніи 25. Но это болѣе крупное дѣленіе Уложенія представляется далеко не совершеннымъ: нѣкоторыя изъ этихъ главъ заключаютъ въ себѣ постановленія, относящіяся исключительно къ какому либо одному отдѣлу права, и часто очень спеціальному, каковы, напримѣръ, главы: I. О богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ. V. О денежныхъ и золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерахъ. VIII. О искупленіи плѣнныхъ и подобныя имъ, тогда какъ другія посвящены всякому праву: гражданскому, уголовному, процессу и пр., какова напримѣръ: X глава о судѣ. Для того, чтобы познакомиться съ уголовнымъ правомъ по Уложенію, вовсе не достаточно прочитать однѣ только тѣ главы, которыя уже по названію своему относятся къ уголовному праву, а необходимо просмотрѣть рѣшительно всѣ, потому что въ каждой есть статьи, въ которыхъ говорится о преступленіяхъ. Внѣшній порядокъ Уложенія слѣдующій. Начинается Уложеніе съ главъ уголовнаго содержанія. 1-я глава говоритъ „о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ“, т. е. о преступленіяхъ, направленныхъ противъ вѣры и церкви; 2-я „о государской чести и какъ его государское здравіе оберегати“; 3-я „о государевѣ дворѣ, чтобы на государевѣ дворѣ ни отъ кого ни какого безчинства и брани не было“; 4-я „о подписчикахъ и кто печати поддѣлываетъ“, т. е. о поддѣлывателяхъ государственныхъ грамотъ и печатей; 5-я „о денежныхъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерахъ“, т. е. о фальшивыхъ монетчикахъ. Всѣ эти 5 начальныхъ главъ спеціальныя, они говорятъ о разныхъ видахъ преступленій. Имѣя дѣло съ преступленіями, онѣ составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ одно цѣлое и должны были бы быть соединены въ одинъ общій отдѣлъ. Составители Уложенія хотя и имѣли въ Градскихъ законахъ образцъ выдѣленія въ особый титулъ всѣхъ постановленій о преступленіяхъ и наказаніяхъ, этому примѣру не могли послѣдовать уже и потому, что имъ не удалось отдѣлить уголовныхъ статей отъ процессуальныхъ и иныхъ. Примѣръ смѣшенія въ одной главѣ постановленій уголовныхъ, гражданскихъ и процессуальныхъ представляетъ 10-я глава о судѣ, по своему объему равняющаяся почти трети всего Уложенія. Эта глава очень любопытна въ томъ отношеніи, что она не спеціализирована, подобно предшествующимъ. Объяснить пестрый составъ 10-й главы можно только тѣмъ предположеніемъ, что она есть ничто иное, какъ Судебникъ, расширенный и дополненный составителями Уложенія. Этотъ расширенный Судебникъ такъ цѣликомъ и вставленъ въ Уложеніе. Самая послѣдовательность статей этой главы наводитъ на ту же мысль. Подобно судебникамъ, она начинается съ перечисленія лицъ, которымъ принадлежитъ судъ, затѣмъ идутъ статьи о порядкѣ суда, о вызовѣ, о явкѣ на судъ и т. п. процессуальныя постановленія. Потомъ слѣдуютъ статьи о преступле-

ніяхъ, а въ концѣ находимъ постановленія, касающіяся гражданскаго права. Итакъ, на 10-ю главу Уложенія мы имѣемъ основаніе смотрѣть какъ на новое изданіе Судебника, очень пополненное. По объему 10-я глава равняется почти тремъ судебникамъ, она заключаетъ въ себѣ 287 статей. Не смотря на такой объемъ, она не содержитъ въ себѣ всего того, что нужно было бы сказать о судѣ; послѣдующія главы Уложенія также говорятъ о судѣ. Это показываетъ, что у составителей Уложенія не было достаточной способности къ отвлеченію, они не умѣли все однородное слить вмѣстѣ. Самая большая послѣ 10-й главы и одна изъ самыхъ важныхъ, есть 21-я „о разбойныхъ и татебныхъ дѣлахъ". Содержаніе 21-й главы наводитъ на мысль, что она есть переработка судной грамоты и именно губной. Всѣ постановленія, относящіяся до сыска разбойниковъ, пытокъ, язычной молвки и пр., о чемъ идетъ рѣчь въ губныхъ грамотахъ, вошли и въ 21-ю главу, только они здѣсь значительно развиты. Такимъ образомъ составители Уложенія не выработали никакой общей системы, по которой слѣдовало бы распредѣлять собранный ими матеріалъ, а отправлялись отъ тѣхъ русскихъ образцовъ, которые у нихъ были. Подъ руками были Судебники и они составили новый въ формѣ 10-й главы; изъ губныхъ грамотъ возникла 21-я глава; чего нельзя было пріурочить къ формѣ старыхъ памятниковъ, то появилось въ видѣ отдѣльной главы *).

Опыты кодификаціи продолжаются въ Имперіи. Петръ Великій уже въ 1700 году поручилъ собрать всѣ указы, вышедшіе со времени Уложенія Алексѣя Михайловича, частью въ пополненіе его, частью въ отмѣну, и составить изъ нихъ новое Уложеніе; съ этою цѣлью была имъ устроена „Палата объ Уложеніи". Ни эта палата, ни двѣ новыхъ коммиссіи, учрежденныя Петромъ позднѣе, не довели дѣла своего до конца. Новыя коммиссіи съ тою же цѣлью собирались при Петрѣ II, при Елизаветѣ Петровнѣ, при Екатеринѣ II и при Александрѣ I. Но дѣятельность ихъ также не привела къ желательнымъ результатамъ. При Елизаветѣ Петровнѣ было предписано коммиссіи „сочинить законы ясные и всѣмъ понятные", но коммиссія ограничилась сводомъ старыхъ постановленій;

---

*) Приводимъ заглавія въ текстѣ не обозначенныхъ главъ Уложенія: 6. О проѣзжихъ грамотахъ въ иныя государства (6 статей). 7. О службѣ всякихъ ратныхъ людей (32). 8. О искупленіи плѣнныхъ (7). 9. О мытѣхъ и о перевозѣхъ и о мостахъ (20). 11. Судъ о крестьянахъ (34). 12. О патріаршихъ приказныхъ и о всякихъ людѣхъ, что на нихъ судъ давати на патріаршемъ дворѣ (3). 13. О монастырскомъ приказѣ (7). 14. О крестномъ цѣлованіи (10). 15. О вершеныхъ дѣлѣхъ (5). 16. О помѣстныхъ земляхъ (69). 17. О вотчинахъ (55). 18. О печатныхъ пошлинахъ (71). 19. О посадскихъ людяхъ (40). 20. О холопѣ судѣ (119). 22. За какія вины казнити (26). 23. О стрѣльцахъ (3). 24. О атаманахъ и казакахъ (2). 25. О корчмахъ (21).

ей удалось составить 2 тома: 1-й о судѣ и 2-й объ уголовномъ правѣ, но такъ какъ окончаніе работъ коммиссіи совпало со смертью императрицы, то этотъ трудъ и не получилъ санкціи. Екатерина II, взойдя на престолъ, не думала собирать стараго, она имѣла въ виду сочинить новые законы; такимъ образомъ законченные при Елизаветѣ проекты оставлены были безъ движенія. При императорѣ Николаѣ рядъ попытокъ кодификаціи продолжается. Ему удалось, наконецъ, издать сводъ законовъ, который и составляетъ основаніе нынѣ дѣйствующаго права.

Въ 1826 году императоръ Николай объявилъ, что онъ принимаетъ дѣло составленія свода въ свое непосредственное вѣдѣніе. Для этой цѣли Александровская законодательная коммиссія была преобразована во 2-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, которая существовала до послѣдняго времени. Начальникомъ этой канцеляріи назначенъ былъ Сперанскій.

Сперанскій уже участвовалъ въ коммиссіи для составленія свода при императорѣ Александрѣ. Въ 1803 году главнымъ секретаремъ коммиссіи былъ назначенъ баронъ Розенкампфъ, а съ 1808 года Сперанскій. Первая дѣятельность Сперанскаго на поприщѣ законодательства носитъ отпечатокъ сильнаго вліянія Франціи и кодекса Наполеона. Прежде всего онъ приступилъ къ составленію кодекса гражданскаго законодательства и дѣйствительно составилъ двѣ первыхъ его части, которыя и были разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ 1813 г. онъ приготовилъ 3-ю часть гражданскаго кодекса и представилъ ее также на разсмотрѣніе въ Государственный Совѣтъ, но тогда нашли нужнымъ подвергнуть новому пересмотру и первыя двѣ части. Весь этотъ трудъ Сперанскаго былъ плодомъ подражанія французскому законодательству, многія статьи были прямо переведены съ французскаго оригинала, хотя и были снабжены ссылками на русскіе источники. Въ 1813 г. Государственный Совѣтъ, по настоянію Министра Юстиціи Трощинскаго, пріостановился утвержденіемъ труда Сперанскаго. Трощинскій, подобно Карамзину, подвергалъ осужденію Сперанскаго за его стремленіе подражать французскому кодексу и дать чуждое направленіе нашему праву; онъ настаивалъ на составленіи своего свода.

При Николаѣ начинается 2-й періодъ дѣятельности Сперанскаго. Въ это время онъ уже оставилъ свою любимую мысль перенести на нашу почву французское право, и занялся составленіемъ свода дѣйствующихъ русскихъ законовъ. Но чтобы издать дѣйствующія законоположенія, нужно было предварительно сдѣлать полное собраніе указовъ, и привести такимъ образомъ въ ясность дѣйствующія у насъ постановленія. Вотъ почему Сперанскій составилъ предварительно полное Собраніе Законовъ.

Полное Собраніе Законовъ содержитъ въ хронологическомъ по-

рядкѣ всѣ законы, изданные со времени Уложенія Алексѣя Михайловича до времени восшествія на престолъ Николая I, включая сюда и самое Уложеніе, которое помѣщено подъ № 1. Это громаднѣйшій матеріалъ, онъ составляетъ содержаніе Перваго Полнаго Собранія Законовъ. Новые законы, издававшіеся со дня восшествія императора Николая I на престолъ, отнесены были во Второе Полное Собраніе, которое содержитъ въ себѣ всѣ постановленія по 19 февраля 1880 г., день исполнившагося 25 лѣтія царствованія Императора Александра II; съ этого дня начинается 3-е Полное Собраніе. Первое Полное Собраніе Законовъ состоитъ изъ 45 томовъ, къ нему приложенъ хронологическій и систематическій указатель. Однако, въ этомъ указателѣ та или другая рубрика не исчерпываетъ всѣхъ указовъ, которые къ ней относятся. Такимъ образомъ, хотя систематическій указатель въ значительной мѣрѣ облегчаетъ пользованіе матеріаломъ, помѣщеннымъ въ Собраніи, но необходимо имѣть въ виду, что для ознакомленія съ извѣстнымъ вопросомъ надо еще пріискать указы и по другимъ родственнымъ рубрикамъ. Изучая, напримѣръ, вопросъ о крестьянахъ необходимо просмотрѣть рубрики о податяхъ, о ревизіи и т. п. Съ этою оговоркою систематическій указатель можетъ оказать большую пользу.

Хотя Собраніе Законовъ носитъ наименованіе Полнаго Собранія Законовъ, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы въ это собраніе вошли всѣ законы и только законы; въ этотъ сборникъ вошло не мало правительственныхъ распоряженій, касающихся отдѣльныхъ случаевъ управленія, напримѣръ, высочайшія повелѣнія объ исключеніи изъ списковъ того или другаго полусгнившаго фрегата, манифесты о войнѣ, о заключеніи мира, о рожденіи дѣтей Императорской фамиліи и т. п. Такимъ образомъ, съ одной стороны Полное Собраніе Законовъ, по своему содержанію, гораздо обширнѣе того, что разумѣется подъ этимъ названіемъ; но съ другой не всѣ законы, вышедшіе со времени Уложенія, вошли въ Полное Собраніе Законовъ; въ отпечатанныхъ указахъ можно встрѣтить ссылки на такіе указы, которыхъ нельзя найти въ Полномъ Собраніи.

Имѣя подъ руками этотъ историческій матеріалъ, Сперанскій приступилъ къ изданію Свода Законовъ, выбирая изъ собранныхъ указовъ тѣ, которые до этого времени оставались дѣйствующими. Сводъ Законовъ есть систематическое изложеніе дѣйствующихъ законовъ. Спрашивается, въ какой системѣ расположено въ сводѣ дѣйствующее право? Система эта дана Сперанскимъ, который стоялъ во главѣ законодательныхъ работъ. Устанавливая систему, онъ исходилъ изъ той мысли, что въ каждомъ государствѣ дѣйствуютъ два союза или два порядка, а именно: союзъ государственный и гражданскій. Соотвѣтственно этимъ двумъ

союзамъ существуютъ и два порядка законовъ: законы государственные, опредѣляющіе устройство государственнаго союза, и законы гражданскіе, опредѣляющіе устройство гражданскаго союза. Законы перваго рода, государственные, въ свою очередь подраздѣляются на два разряда: 1) на законы опредѣлительные, опредѣляющіе существо госуд. союза. и 2) на законы охранительные, охраняющіе существо государ. порядка (недостаточно установить госуд. порядокъ, а необходимо его и охранить). Законы гражданскіе, въ свою очередь, также подраздѣляются на законы опредѣлительные и охранительные. Такимъ образомъ выходитъ 4 большихъ отдѣла: законы государственные опредѣлительные и охранительные и законы гражданскіе опредѣлительные и охранительные.

Къ государственнымъ опредѣлительнымъ законамъ относятся основные законы, которыми опредѣляется существо государственнаго устройства. Сюда отнесены Сперанскимъ законы, опредѣляющіе права верховной власти, порядокъ престолонаслѣдія и законы объ Императорской фамиліи. Основные законы помѣщены въ I т. Св. Зак. За основными идутъ уставы государственныхъ учрежденій. Во 2-й половинѣ 1-го тома отпечатаны уставы государственнаго совѣта, комитета министровъ, сената и другихъ центральныхъ учрежденій. Во 2 томѣ помѣщены учрежденія губернскія, въ 3-уставы о службѣ гражданской. Третью категорію опредѣлительныхъ законовъ составляютъ законы, опредѣляющіе государственныя силы. Сперанскій различаетъ силы личныя и силы вещественныя. „Личныя силы суть: или воинскія, онѣ управляются особыми постановленіями; или силы, предназначаемыя для исправленія разныхъ нуждъ государственныхъ въ видѣ повинностей, онѣ управляются законами общими подъ именемъ уставовъ о повинностяхъ (т. 4). Силы вещественныя состоятъ въ доходахъ; порядокъ ихъ составленія и употребленія учреждается уставами кезеннаго управленія“ (т. 5, 6, 7 и 8). Послѣднюю категорію государственныхъ опредѣлительныхъ законовъ составляютъ законы о состояніяхъ, которыми опредѣляются права разныхъ сословій: дворянъ, городскихъ жителей и пр. Эти законы помѣщены въ 9 томѣ.

Второй разрядъ госуд. законовъ составляютъ законы государ. *охранительные*, которыми охраняется установленный государ. порядокъ. Сперанскій различаетъ здѣсь предохранительные законы, т. е. тѣ, которыми предупреждаются правонарушенія, и карательные, которые дѣйствуютъ уже послѣ правонарушенія, а именно: карательные уголовные законы. Предохранительнымъ законамъ усвоено наименованіе *законовъ благочинія*. Сюда отнесены разныя мѣры, предпринимаемыя въ видахъ охраненія существующаго порядка и предупрежденія преступленій. Эти законы помѣщены въ XIII и XIV т. (Уставы народнаго продовольствія,

призрѣнія бѣдныхъ, врачебные, о паспортахъ, о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, о содержаніи подъ стражей и пр.). За охранительными предупредительными законами или законами благочинія идутъ законы уголовные, они помѣщены въ XV томѣ.

Къ законамъ гражданскимъ, которые раздѣляются также на опредѣлительные и охранительные, относятся гражданскіе законы въ тѣсномъ смыслѣ слова, а именно, законы опредѣляющіе порядокъ правъ и обязанностей семейственныхъ, порядокъ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества и пр. Они помѣщены въ X т. Къ этой же рубрикѣ опредѣлительныхъ законовъ отнесены Сперанскимъ и законы, относящіеся до государственнаго хозяйства. Эти послѣдніе носятъ общее наименованіе законовъ государственнаго благоустройства или экономіи, они помѣщены въ XI и XII т. Сюда отнесены: уставъ кредитный, уставъ о торговлѣ и промышленности, уставъ о фабрикахъ и заводахъ, уставъ путей сообщенія, строительный уставъ, уставъ о городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, уставъ о благоустройствѣ казенныхъ селеній и пр. Послѣднюю категорію составляютъ законы гражданскіе охранительные, куда относится гражданскій процессъ, онъ находится во 2 части X тома.

Первое изданіе Свода Законовъ отпечатано въ 1832 году; оно было обнародовано 31 января слѣдующаго года. Это первое изданіе заключаетъ въ себѣ сводъ законовъ, вышедшихъ по 1 января 1832 года. Въ манифестѣ, возвѣстившемъ объ изданіи Свода, сказано, что всѣ законы, которые изданы послѣ 1-го января 1832 года, будутъ по порядку книгъ Свода и съ указаніемъ на ихъ статьи распредѣляться въ ежегодномъ продолженіи Свода и „такимъ образомъ составъ законовъ, единожды устроенный, сохранится всегда въ полнотѣ его и единствѣ“. Второе изданіе Свода послѣдовало въ томъ же 1833 году. Затѣмъ были напечатаны изданія 1842 и 1857 года. Въ 1876 году нѣкоторыя части Свода вышли въ новомъ изданіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

Литература.

Котошихинъ. О Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ. 1666-67.
Миллеръ. Извѣстіе о дворянахъ россійскихъ. 1790.

Болтинъ. Разсужденіе о происхожденіи купеческаго сословія въ Россіи. 1827.

Клобуцкій. Изслѣдованіе главныхъ положеній основныхъ законовъ Россійской имперіи въ историческомъ ихъ развитіи. 1839.

Срезневскій. Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію. 1839.

Домбровскій. О ямахъ до конца XVII в. Ж. М. Н. Пр. ч. XXXI, 1841.

Бантышъ-Каменскій. Исторія Малороссіи. 1842.

Неволинъ. Образованіе управленія въ Россіи съ Ивана III до Петра Великаго. 1844.

Валуевъ. О мѣстничествѣ. Симб. сб. 1845.

Кранихфельдъ. Взглядъ на финансовую систему и финансовыя учрежденія Петра Великаго. 1845.

Соловьевъ. О мѣстничествѣ. Моск. литер. и учен. сборн. 1847 г.

Клевановъ. О феодализмѣ на Руси. Чтен. кн. 9. 1847.

Бѣляевъ. О полевой, станичной и сторожевой службѣ на польской украйнѣ Московскаго государства до Алексѣя Михайловича. (Изъ Чт. ч. 1, кн. IV) 1848.

Бѣляевъ. О дружинѣ и земщинѣ въ Московскомъ государствѣ. Врем. I. 1849. О служилыхъ людяхъ въ Московскомъ государствѣ. Врем. III. 1849

Плошинскій. Городское или среднее состояніе русскаго народа въ его историческомъ развитіи, отъ начала Руси до новѣйшихъ временъ. 1851.

Неволинъ. О пятинахъ. Зап. Рус. Геогр. общ. т. 8. 1853.

Гладковъ. О вліяніи общественнаго состоянія частныхъ лицъ на право поземельной собственности. 1855.

Вицынъ. Краткій очеркъ управленія въ Россіи отъ Петра В. до изданія общаго учрежденія министерствъ. 1855.

Пановъ. Московскіе приказы. Моск. Вѣд. № 36, 79—82. 1855.

Осокинъ. Нѣсколько спорныхъ вопросовъ по исторіи русскаго финансоваго права. 1855.

Чичеринъ. Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII в. 1856.

Его-же—Опыты по исторіи русскаго права. 1858.

Осокинъ. Промысловый налогъ. 1857.

Соловьевъ. Московскіе купцы. Соврем. Т. LXXI. 1858.

Половцевъ. Мысль объ освобожденіи крестьянъ въ XVIII в. Сельское благоустр. № 6. 1858.

Побѣдоносцевъ. Замѣтки для исторіи крѣпостнаго права. Рус. Вѣст. Т. XV—XVI. 1858.

Щаповъ. Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей. 1858.

Погодинъ. Должно-ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права? Рус. Бесѣда. XII. 1858.

Костомаровъ. Критика статьи Погодина. Арх. истор. и прак. свѣд. II. 1859.

Дмитріевъ. Исторія судебныхъ инстанцій. 1859.

Романовичъ-Славатинскій. Историческій очеркъ губернскаго управленія отъ первыхъ преобразованій Петра В. до учрежденія губерній 1775 года. 1859.

Аксаковъ. Краткій историческій очеркъ Земскихъ соборовъ. 1859.

Мулловъ. Заботы объ улучшеніи быта крестьянъ во второй половинѣ XVIII в. (изъ Зап. каз. эк. общ.) 1859.

Чоглоковъ. Историч. замѣтки о крѣпостномъ населеніи Оренбургской губ. Оренб. губ. вѣд. № 18, 22. 1859.

Мордовцевъ. Крестьяне въ Юго-Западной Руси XVI в. Арх. ист. пер. свѣд. кн. III. 1859.

Лешковъ. Раздѣленіе Россіи на губерніи и области по законамъ Петра В. и Екатерины II. Рус. Вѣст. № 22. 1859.

Павловъ. О нѣкоторыхъ соборахъ XVI и XVII в. Отеч. Зап. Т. 122—23. 1859.

Зернинъ. Судьба мѣстничества, преимущественно при первыхъ двухъ государяхъ династіи Романовыхъ. Арх. ист. юр. свѣд. кн. III. 1859.

Даневскій. Исторія образованія Государственнаго Совѣта. 1859.

Бѣляевъ. Законы, установляющіе крѣпостное право. Арх. ист. и практ. св. кн. II. 1859.

Калмыковъ. Краткое обозрѣніе постепеннаго образованія разныхъ классовъ сельскихъ обывателей въ Россіи. Арх. ист. и практ. св. кн. III. 1860.

Побѣдоносцевъ. Утвержденіе крѣпостнаго права въ Россіи въ XVIII в. Русс. Вѣст. № 9. 1861.

Бѣляевъ. О судѣ намѣстничьемъ на Руси въ старину. Юрид. журн. № 7—9. 1861.

Поповъ. Административныя преобразованія Петра В. и первая служба Татищева. Рус. Вѣст. № 4. 1861.

Шрейеръ. Краткій историческій взглядъ на судьбы крестьянскаго сословія въ Литвѣ. Памят. книжка Виленской губ. 1861.

Аксаковъ. О состояніи крестьянъ въ древней Россіи. Пол. соб. соч. 1861 (написано въ 50-хъ годахъ).

Вѣтвицкій. Слѣдствія паденія общиннаго и выборнаго начала (по поводу 87 доп. къ А. И.). Библ. для чт. № 6. 1862.

Смирновъ. Предложенія объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ со времени им. Екатерины II до 1836. Ж. М. Госуд. им. № 11—12. 1862.

Щаповъ. Земскій соборъ 1649 г. и собраніе депутатовъ 1767 г. Отеч. Зап. № 11. 1862.

Хмыровъ. Мѣстничество и разряды. Сѣв. Сіяніе. Т. 1, вып. 12. 1862.

Леонтовичъ. Крестьяне юго-запад. Руси по Литовскому праву XV и XVI ст. 1863.

Андреевскій. О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ. 1864.

Градовскій. Высшая администрація XVIII в. и генералъ-прокуроры. 1866.

Бѣляевъ. Земскіе соборы на Руси. Рѣчи и отчетъ Моск. унив., читан. 12 янв. 1867.

Антоновичъ. Объ околичной шляхтѣ. Арх. юго-запад. Рос. Ч. IV. Т. 1. 1867.

Пригары. Опытъ историческаго изслѣдованія состоянія городскихъ обывателей въ восточной Россіи. Ч. I. Происхожденіе состоянія городскихъ обывателей въ Россіи и организація его при Петрѣ В. 1868.

Горчаковъ. Монастырскій Приказъ. 1868.

Градовскій. Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. 1868.

Антоновичъ. О городахъ въ юго-западной Россіи. Арх. юго-запад. Россіи. Ч. V, Т. 1. 1869.

Хлѣбниковъ. О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ. 1869.

Власьевъ. Очерки государственнаго благоустройства Россіи въ XVII в. 1869.

Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостнаго права. 1870.

Костомаровъ. Начало единодержавія въ древней Россіи. Вѣст. Евр. № 11. 1870.

Антоновичъ. О крестьянахъ юго-западн. Россіи. Арх. юго-зап. Рос. Ч. VI. т, 2. 1870.

Пыпинъ. Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I. Вѣст. Евр. № 2. 1871.

Горчаковъ. О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода. 1871.

Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. 1872. Домашній бытъ русскихъ царицъ. 1872.

Владимірскій-Будановъ. Государство и народное образованіе въ Россіи въ XVII в. (изъ Ж. М. Н. пр.) 1874. Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в. Ч. I отъ Петра В. до Екатерины II. 1874.

Левицкій. Очеркъ внутренней исторіи Малороссіи во второй половинѣ XVII в. Кіев. унив. из. № 7. 1874.

Порай-Кошица. Очеркъ исторіи дворянъ отъ половины IX в. до конца XVIII. 1874.

Петровскій. О сенатѣ Петра В. 1875.

Сергѣевичъ. Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ. Сборн. госуд. знаній. II. 1875.

Дитятинъ. Устройство и управленіе городовъ Россіи. Т. 1-й, 1875, Т. 2-й, 1877.

Загоскинъ. Очерки образованія и происхожденія служилаго сословія въ донетровской Руси. 1876.

Мрочекъ-Дроздовскій. Областное управленіе Россіи въ XVIII в. до учрежденія о губерніяхъ. Ч. I. 1876.

Новицкій. Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западн. Россіи въ XV—XVIII в. 1876.

Яблочкинъ. Исторія дворянскаго сословія въ Россіи. 1876.

Загоскинъ. Исторія права Московскаго государства. Т. I. 1877. Т. II вып. 1-й 1879.

Кн. Голицынъ. Русская военная исторія 1877.

Градовскій. Системы мѣстнаго управленія. Сборн. гос. зн. VI. 1878.

Розенгеймъ. Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій въ Россіи до кончины Петра В. 1878.

Загоскинъ. Столы разряднаго приказа 1879.

Маркевичъ. О мѣстничествѣ. 1879.

Дитятинъ. Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи Москов. госуд. Русск. Мысль. Т. V. 1880.

Корсаковъ. Воцареніе им. Анны. 1880.

Костомаровъ. Старинные земскіе соборы. Новое время. № 1485 и сл. 1880.

Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II. Т. I. 1881. Его же многочисленныя статьи о состояніи въ XVIII в. крестьянъ разныхъ наименованій, которыя печатались и продолжаютъ печататься въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ: въ Русск. Стар. съ 1876 года, въ Вѣст. Евр. и Отеч. Зап. съ 1877, въ Русск. Мысли, Устояхъ и др.

Забѣлинъ. Взглядъ на развитіе Московскаго единодержавія. Историч. Вѣстн 1881.

Дитятинъ. Когда и почему возникла рознь въ Россіи между командующими классами и народомъ. Русск. Мысль. № 11. 1881.

Черкаскій. Юрьевъ день. Русск. Арх. № 1. 1882.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. УСТРОЙСТВО.

I. Территорія

Во 2 періодѣ мы имѣемъ дѣло не съ массою отдѣльныхъ княженій, а съ однимъ государствомъ, сперва Московскимъ, а потомъ съ Россійской Имперіей.

Такая перемѣна совершилась не сразу, а черезъ постепенныя присоединенія; эти присоединенія дѣлались частью мирнымъ способомъ, частью захватомъ вооруженною рукою. Чѣмъ сильнѣе были Московскіе государи, тѣмъ они были менѣе разборчивы на средства. Вотъ нѣсколько фактовъ изъ царствованія великаго князя Ивана Васильевича. Въ 1465 г. Верейскій князь отдаетъ ему Вышгородъ; въ 1482 даетъ грамоту великому князю на уступку ему по смерти своей Бѣлоозера, а нѣсколько лѣтъ спустя назначаетъ его наслѣдникомъ всей своей волости, не смотря на то, что у него былъ сынъ. Трудно думать, чтобы эти послѣдовательныя уступки и завѣщаніе были сдѣланы добровольно. По всей вѣроятности, Верейскій князь дѣйствовалъ подъ сильнымъ гнетомъ Московскаго; но всетаки съ внѣшней стороны пріобрѣтеніе Верейскаго княженія представляется мирнымъ дѣломъ. Наоборотъ, когда умеръ младшій братъ Ивана III, оставивъ завѣщаніе въ пользу своего сына, Иванъ Васильевичъ захватилъ удѣлъ его силою. Тверь была присоединена къ Московскому государству противно договорамъ, а Угличъ отнятъ силою у роднаго брата Андрея. Наконецъ, Новгородъ былъ присоединенъ также вооруженною рукою въ 1478 г.

Московское государство, по составу своему, является совокупностью многихъ княженій. Это видно изъ того, что Московскіе государи назывались государями царствующаго града Москвы и всѣхъ великихъ государствъ Россійскаго царствія. Вотъ какъ,

напр., патріархъ благословилъ царя Бориса на престолъ Московскаго государства, онъ благословилъ его на великое княженіе: «Владимірское, Рязанское, Новгородское, Казанское, Астраханское и на всѣ великія государства Россійскаго царствія». Разростаніе государства продолжается и въ имперіи.

Петръ Великій присоединилъ область теперешней С.-Петербургской губерніи и заложилъ въ ней г. Петербургъ. Это, впрочемъ, не новое пріобрѣтеніе, такъ какъ область эта изстари принадлежала Новгородскому княженію. Въ 21 г. по Ништадскому миру, Петръ пріобрѣлъ отъ Швеціи Эстляндію, Лифляндію и часть Финляндіи съ г. Выборгомъ. Императрица Екатерина пріобрѣла въ 1772 г. Бѣлоруссію, въ 1774 г. Азовъ, Керчь, Кинбурнъ, въ 1783 г. присоединила весь Крымъ, а въ 1790 г., по миру въ Яссахъ, все пространство между Бугомъ и Днѣстромъ и утвердила свое господство по всему сѣверному берегу Чернаго моря. Въ царствованіе Александра I, въ 1808 г., была пріобрѣтена Финляндія по Фридрихсгамскому миру, а по Вѣнскому трактату въ 1815 г. часть бывшаго герцогства Варшавскаго. Путемъ этого ряда присоединеній возникаетъ громадное политическое тѣло Имперіи Россійской. Для насъ важенъ юридическій вопросъ о томъ, на какомъ правѣ вошли въ составъ новаго государства эти различныя присоединенія. Теорія различаетъ инкорпорацію и соединеніе государствъ.

Терминомъ «инкорпорація» мы отличаемъ такое присоединеніе вновь завоеванной области или государства, при которомъ государственная самостоятельность присоединяемой части уничтожается и она входитъ въ составъ государства, какъ провинція. При этомъ присоединяемая часть можетъ сохранить какія либо особенности въ управленіи, а ея жители какія либо особенности въ своихъ личныхъ и имущественныхъ правахъ; но политической самобытности присоединяемая часть не удерживаетъ. Этому противополагается соединеніе государствъ: когда присоединенная часть удерживаетъ свою особенную политическую организацію, въ этомъ случаѣ возникаетъ соединенное государство. Виды такихъ соединеній могутъ быть чрезвычайно разнообразны. Ихъ подводятъ подъ двѣ категоріи, а именно подъ соединеніе личное и соединеніе реальное. Личное соединеніе по возникновенію своему является всегда случайнымъ и состоитъ въ томъ, что престолъ двухъ государствъ занимаетъ одно и то же лице. На престолъ государства, въ которомъ прекратилась царствующая династія, можетъ быть избрано лицо, которое уже царствуетъ въ другомъ государствѣ; такимъ образомъ возникаетъ, въ силу избранія, личное соединеніе двухъ государствъ. Такія два государства не соединяются на вѣчныя времена, а являются соединенными до того времени, пока живетъ избранный государь. Оба государства имѣютъ каждое свое

особенное устройство и могутъ не имѣть ни одного общаго учрежденія, они соединяются только въ лицѣ государя. Примѣромъ личнаго соединенія въ силу избранія можетъ служить соединеніе Испаніи съ Германскою имперіею въ XVI в., когда Карлъ I, испанскій король, былъ избранъ Германскимъ императоромъ. Но личное соединеніе можетъ имѣть и другую причину. Допустимъ, что царствующія династіи двухъ разныхъ государствъ, которыя имѣютъ разный порядокъ престолонаслѣдія, состоятъ между собою въ родствѣ. Не смотря на разные порядки престолонаслѣдія, можетъ, однако, случиться, что въ данный моментъ на престолъ одного изъ двухъ государствъ, по законамъ его, должно будетъ вступить такое лицо, которое уже занимаетъ престолъ въ другомъ. Такъ, напримѣръ, случилось въ 1714 г., когда курфирстъ Ганноверскій, Георгъ-Людвигъ, родственникъ царствующаго дома въ Англіи, долженъ былъ вступить, на основаніи англійскихъ законовъ престолонаслѣдія,—и на англійскій престолъ. Въ его лицѣ Англія соединилась съ Ганноверомъ не по избранію; а въ силу случайнаго совпаденія разныхъ законовъ о престолонаслѣдіи на одномъ лицѣ. Послѣ Георга I на престолъ обоихъ государствъ вступилъ Георгъ II, затѣмъ III и, наконецъ, Вильгельмъ IV. Всѣ эти государи были вмѣстѣ съ тѣмъ и ганноверскими курфирстами, такъ какъ законы о престолонаслѣдіи того и другаго государства продолжали совпадать. Но послѣ смерти Вильгельма IV оказалась разница между законами. По законамъ Англіи на престолъ могла вступить и женщина, по ганноверскимъ законамъ преимущество принадлежало мужеской линіи. Такъ какъ Вильгельмъ IV не оставилъ сыновей, ближайшей же его наслѣдницей была племянница, Викторія, то она и вступила на англійскій престолъ и царствуетъ до настоящаго времени; на ганноверскій же престолъ вступилъ дядя королевы Викторіи, младшій братъ ея отца, Эрнстъ Августъ, послѣдній сынъ короля Георга III. Такимъ образомъ въ разсматриваемомъ случаѣ соединеніе государствъ произошло въ силу совпаденія правилъ законнаго наслѣдованія на одномъ лицѣ и прекратилось, какъ скоро правила разошлись.

Подъ реальнымъ соединеніемъ разумѣется такое соединеніе двухъ или нѣсколькихъ государствъ, которое возникаетъ не случайно, а на основаніи закона. Такія государства, соединенныя въ силу закона, могутъ находиться въ очень разнообразныхъ отношеніяхъ. Эти разнообразно соединенныя государства имѣютъ только одинъ общій признакъ: ихъ связь постоянна. Такъ, для примѣра, соединены Швеція и Норвегія. Оба государства имѣютъ одну общую династію и одинъ порядокъ престолонаслѣдія. Въ случаѣ пресѣченія царствующей династіи, долженъ быть снова избранъ одинъ государь для обоихъ королевствъ. Общія учрежденія обѣихъ странъ состоятъ только въ общемъ законѣ о пре-

столонаслѣдіи, да въ общемъ избирательномъ учрежденіи, составленномъ изъ членовъ обоихъ государствъ, собирающемся только для совокупнаго избранія новаго государя; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ оба государства ведутъ самостоятельную жизнь. Реальное соединеніе представляется болѣе прочнымъ, чѣмъ личное: при личномъ соединеніи государства снова разъединяются по смерти общаго монарха, между тѣмъ какъ реальное соединеніе не зависитъ отъ лица монарха и даже отъ продолжительности династіи, такъ какъ съ прекращеніемъ династіи реальное соединеніе не рушится.

На какомъ же основаніи происходили присоединенія въ Москвѣ и въ имперіи? Большинство присоединеній инкорпорировано, но уже въ московскую эпоху мы встрѣчаемся со случаемъ соединенія государствъ. Первый случай соединенія возникъ при Алексѣѣ Михайловичѣ; въ 1654 г. онъ присоединилъ Малороссію какъ особое государство, съ этого года Московское государство является соединеннымъ государствомъ. Слѣдующіе случаи такого соединенія относятся къ имперіи. При императорѣ Александрѣ I были такъ присоединены Финляндія и великое герцогство Варшавское. Финляндія и до сихъ поръ удержала свою самостоятельность, Малороссія и Польша были потомъ инкорпорированы. Остановимся теперь на характерѣ этихъ соединеній и на дальнѣйшей ихъ судьбѣ; но прежде всего разсмотримъ, что представляла Малороссія въ моментъ соединенія.

Въ Малороссіи встрѣчаемъ довольно развитое общинное сельское устройство; въ примѣненіи къ нему было въ употребленіи еще старинное слово вѣче въ XVI в. Нѣсколько селеній составляли одно цѣлое, жители котораго сходились на вѣче, рѣшавшее нѣкоторые, касавшіеся ихъ вопросы *). Въ XVII в. слово вѣче замѣняется словомъ *купа* или *копа*, а мало-по-малу и это послѣднее слово вытѣсняется словомъ *громада*. Лица, которыя сходились на совѣщаніе, назывались *сходаками*, *околичными*, потому что они сходились не только изъ того села, гдѣ происходило собраніе, но и изъ окольныхъ селъ; они назывались также *мужами* (старинный терминъ) или *старцами*. Но сходиться составляло уже обязанность. Они вѣдали судъ и, кто не приходилъ, тотъ платилъ „шкоду". Громадѣ принадлежалъ надзоръ за спокойствіемъ въ мѣстности и судъ. Въ громадѣ рѣшали дѣла по старому порядку единогласно, а не большинствомъ голосовъ. Такая общинная жизнь, въ разсматриваемую эпоху, въ Малороссіи была весьма распространена.

---

*) Любопытныя указанія можно найдти въ ст. Иванишева: „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ югозападной Россіи", „Русская Бесѣда", 1857, III.

Населеніе Малороссіи состояло изъ казаковъ и посполитыхъ. Между казаками нужно различать такъ называемыхъ выборныхъ казаковъ и подпомощниковъ. Подъ выборными казаками разумѣлись такіе, которые сами себя могли вооружить, а подпомощниками назывались бѣдные казаки, которыхъ вооружали нѣсколько дворовъ (нѣсколько дворовъ обязаны были выставить одного вооруженнаго человѣка) въ складчину.

Казаки носили названіе *реестровыхъ*, потому что они были записаны въ реестръ и число ихъ было опредѣленное (20, 40, 60 тысячъ и т. п.). Казаки противополагались посполитымъ, т. е. простому, сельскому населенію, которому переходъ въ казаки, съ установленіемъ опредѣленнаго числа реестровыхъ, былъ затрудненъ польскимъ правительствомъ, стремившимся къ ограниченію числа казаковъ. На сельскомъ населеніи лежали разныя повинности (напр., подводная, постойная и др.), тогда какъ казаки этихъ повинностей не несли, а обязаны были только военною службою. Полной разобщенности между посполитыми и казаками, однако, не было: если число реестровыхъ казаковъ убывало, то оно пополнялось посполитыми. У посполитыхъ было большое стремленіе записываться въ казаки, такъ какъ они очень дорожили казацкими привилегіями, а потому рядомъ съ реестровыми казаками встрѣчаемся съ *охочими* казаками, но это было уже нарушеніе предписаній польскаго правительства.

Различію между казаками и посполитыми соотвѣтствовало и различіе земель: казацкія земли принадлежали казакамъ и съ нихъ нужно было отбывать воинскую службу; на земляхъ посполитыхъ не лежало военной повинности, а разныя другія: подводная, постойная, и пр. Если посполитый покупалъ казацкую землю, то этимъ самымъ дѣлался казакомъ.

При Стефанѣ Баторіѣ Малороссія получила военное устройство по полкамъ, которое и сохранилось до времени царствованія Екатерины. Полки составляли цѣлые округа, во главѣ которыхъ находился уѣздный городъ; такъ, напр., были полки: кіевскій, черниговскій, переяславскій и пр. Такимъ образомъ полки были тоже что уѣзды, но съ военнымъ характеромъ. Во главѣ полковъ стояли выборные полковники, которые вѣдали администрацію и судъ. Полки, въ свою очередь, дѣлились на сотни. Какъ полки получали свое наименованіе отъ главнаго центра, по большей части отъ уѣздн. городовъ, такъ точно и сотни получали наименованіе отъ мѣстечекъ. Во главѣ сотни стоялъ сотникъ, также выборное лицо. Что полковникъ дѣлалъ въ полку, то сотникъ дѣлалъ въ сотнѣ, а именно: производилъ судъ и имѣлъ полицейскія обязанности. На рѣшеніе его можно было жаловаться въ судъ полковника. Сотни дѣлились на курени, а въ каждомъ куренѣ было нѣсколько десятковъ казаковъ. Высшее управле-

ніе всей Малороссіей сосредоточивалось въ рукахъ гетмана и генеральной старшины. Въ числѣ генеральныхъ чиновъ были: генеральный обозный, который завѣдывалъ всею артиллеріею и обозомъ; генеральный судья, къ которому шли аппелляціонныя жалобы на полковничьи суды; генеральный эсаулъ, который завѣдывалъ войскомъ и стоялъ выше полковниковъ; хорунжій хранилъ знаки гетманскаго достоинства, бунчужный—хранитель бунчука (копье съ лошадинымъ хвостомъ, по всей вѣроятности позаимствованъ съ Востока). Выборъ всѣхъ этихъ лицъ принадлежитъ радѣ, т. е. общему народному собранію Малороссіи. Въ этомъ общемъ собраніи принимаютъ участіе всѣ поименованные чины, казаки и весь народъ. Рада имѣетъ во многомъ характеръ стараго вѣча; на радѣ не было выборныхъ представителей, а обыкновенно въ томъ городѣ, гдѣ жилъ гетманъ, созывался весь народъ. Понятно, на раду собирался не весь народъ, на ней участвовали только выборныя власти, а изъ народа кто могъ придти. Порядокъ рѣшенія дѣлъ на радѣ былъ такой же какъ и въ старой Россіи, т. е. все рѣшалось единогласно, а не большинствомъ голосовъ,что нерѣдко приводило къ большимъ безпорядкамъ. При избраніи каждая партія отстаивала своего кандидата и сильнѣйшая одерживала верхъ. Когда избирали гетмана Самойловича, лѣтописецъ говоритъ: „учинили раду безмятежную и вольными тихими голосами выбрали гетмана Самойловича". Это указываетъ, что въ другихъ случаяхъ выборы сопровождались шумомъ и безпорядкомъ, какъ дѣйствительно и бывало.

Таково было устройство Малороссіи. Не нужно впрочемъ думать, чтобы выборныя власти дѣйствовали всегда сообразно своему призванію. Напротивъ, будучи разъ выбраны, они, случалось, стремились управлять народомъ произвольно и нарушать существующіе порядки. Такъ, напр., войсковые чины были избираемы народомъ, а между тѣмъ случалось, что ихъ назначали гетманы по своему усмотрѣнію. Гетманы устанавливали иногда новыя подати, которыя были противны старымъ обычаямъ. По смерти Богдана Хмельницкаго, Выговскій похитилъ у него милліонъ рублей. Откуда взялись у Богдана такія деньги? Были и другія злоупотребленія; такъ напр., вошло въ обычай полковниковъ и сотниковъ, которые первоначально получали денежное жалованье, награждать деревнями, т. е. отдавать посполитыхъ какъ бы въ крѣпостную зависимость выборнымъ чинамъ, хотя первоначально только на время ихъ службы. Затѣмъ, гетманы захватывали въ свои руки самый судъ. Такъ, когда миргородскій полковникъ, Гладкій, упрекнулъ Богдана Хмельницкаго въ томъ, что онъ былъ въ сношеніяхъ съ турецкимъ султаномъ, гетманъ велѣлъ казнить Гладкаго смертною казнію. Такимъ образомъ, хотя въ Малороссіи и встрѣчаемся съ значительнымъ развитіемъ выборнаго управленія,

но оно было не безъ пятенъ, и выборныя власти оказывали сильное стремленіе къ незаконному расширенію своихъ правъ.

Въ разсматриваемое время Малороссія была частью Польши. Преобладаніе католицизма въ Польшѣ повело къ тому, что православіе, господствовавшее въ Малороссіи, подверглось сильному гоненію; это вызывало частыя возстанія. Возстанія эти подавлялись съ величайшею жестокостью (предводителей возстанія нерѣдко жарили живыхъ, колесовали и т. под.). Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ достигало крайней степени; кровавыя столкновенія съ Польшей породили, наконецъ, мысль обратиться къ православной Москвѣ.

Первая попытка въ этомъ родѣ относится еще къ 1625 г., вторая къ 1649. Московскій государь на обращеніе къ нему Богдана Хмельницкаго отвѣчалъ, что присоединить Малороссію можно только въ томъ случаѣ, если она будетъ признана Польшей независимой.

Въ 1653 г. возникли у Москвы переговоры съ Польшей относительно религіозныхъ преслѣдованій въ Малороссіи. Польское правительство отвѣчало, что православная вѣра въ Малороссіи не преслѣдуется, а что казаковъ удерживаютъ только отъ самоуправства. Вскорѣ послѣ этого Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ принять Малороссію подъ свою высокую руку и изъ Москвы были посланы послы заявить объ этомъ. Гетманъ собралъ раду въ Переяславлѣ, на которой объявилъ, что четыре государя хотятъ обладать Украйною: „Турецкій султанъ, король Польскій, ханъ Крымскій и Россійскій самодержецъ согласны принять Украйну подъ свою высокую руку. Кромѣ его (т. е. Россійскаго Самодержца) не обрящемъ нигдѣ тишайшаго пристанища, а кто съ нами не соглашается, куда хочетъ—вольная дорога.“ Въ этой рѣчи гетманъ прямо изъявилъ желаніе присоединиться къ Россіи. Ему отвѣчали: „лучше желаемъ быть подъ царемъ Московскимъ православнымъ, нежели ненавистникамъ Христовымъ, поганымъ достаться.“ Такимъ образомъ рада высказалась въ пользу поступленія Украйны подъ власть Московскаго государя. Московскій государь обѣщался сохранить всѣ особенности Малороссіи, т. е. оставить раду, право избирать гетмана и всю войсковую старшину; мѣстное управленіе оставалось по прежнему въ рукахъ выборныхъ органовъ. Казацкое войско также сохранено причемъ была опредѣлена довольно высокая его цифра, а именно 60 т. реестроваго войска. Малороссія сохранила за собою даже право иностранныхъ сношеній, а именно было установлено, что малороссійскія власти принимаютъ къ себѣ пословъ, и если послы приходили съ добрыми вѣстями, то малороссійскія власти какъ принимаютъ ихъ, такъ и отпускаютъ отъ себя (слѣд. самостоятельно ведутъ переговоры), а если они

придутъ съ нехорошими вѣстями, то малороссійскія власти должны ихъ у себя задержать и извѣстить объ этомъ московское правительство. Мѣстныя власти сохранили за собою право собирать всякіе сборы по старому порядку. Эти сборы поступаютъ въ казну Московскаго государя чрезъ посредство тѣхъ чиновниковъ, которые для этого будутъ назначены государемъ. Московскіе чины не собираютъ сами сборовъ, а только принимаютъ уже собранное мѣстными выборными органами.

Изъ этихъ сборовъ государь обѣщалъ назначить жалованье войску. Такимъ образомъ, Малороссія не была присоединена какъ провинція, какъ были присоединены, напр., Тверь, Рязань и др. княженія. Малороссія осталась особеннымъ государствомъ, съ своимъ особеннымъ устройствомъ, съ своимъ войскомъ, съ своимъ законодательствомъ и даже съ правомъ сношенія съ иностранными государствами.

Спрашивается, подъ какое понятіе можно подвести это соединеніе, подъ понятіе личнаго или реальнаго соединенія? Если принять во вниманіе тѣ условія, на основаніи которыхъ Малороссія присоединилась къ Россіи, и жалованную грамоту, данную Малороссіи, то характеръ этого соединенія легко уяснится. Въ жалованной грамотѣ говорится: „Малороссія принимается подъ Нашу высокую руку и обѣщается служить Намъ, сыну Нашему и наслѣдникамъ“. Отсюда видно, что присоединеніе имѣло характеръ личный, а не реальный. Малороссія не соединилась съ Моск. государствомъ, а только признала своимъ государемъ царствующаго въ Москвѣ государя съ его потомствомъ. Это случай личнаго соединенія въ силу избранія. Но такъ какъ избранъ былъ Московскій государь съ его потомствомъ, то соединеніе должно было продолжаться до тѣхъ поръ, пока продолжалось потомство Алексѣя Михайловича.

Гетманъ и полковники просили, чтобы Московскій государь присягнулъ на жалованной Малороссіи грамотѣ. Но въ Московскомъ государствѣ этотъ старый обычай уже уничтожился и Московскій государь отказался присягнуть. „Подданные, отвѣчали послы, повинны присягать, царское же слово перемѣнно не бываетъ“. Согласіе на соединеніе съ Москвой не было такъ единодушно, какъ можно заключить изъ приведеннаго выше описанія Переяславской рады. Были и недовольные, даже среди духовенства. Митрополитъ кіевскій и архимандритъ Кіево-Печерской Лавры не пустили было своихъ людей присягать новому государю. Запорожцы вовсе не присягнули новому государю. Самыя условія присоединенія были таковы, что легко могли повести Малороссію къ столкновенію съ Москвой. Есть даже основаніе думать, что въ Москвѣ не понимали настоящаго смысла условій присоединенія, а можетъ быть и не хотѣли понимать. Въ

жалованной Малороссіи грамотѣ, которой подтверждаются прежнія права и вольности, встрѣчаемся и съ такой фразой: „.... и во всемъ быть въ нашей государской волѣ и послушаніи на вѣки“ (П.. С. З. № 119, 1654).

Рознь между Малороссіею и Москвою обнаружилась очень скоро.

Присоединеніе Малороссіи повело къ войнѣ Россіи съ Польшей. Въ этой войнѣ Россія пользовалась силами Малороссіи и помощью Швеціи. Война была удачна для Московскаго государства, но она скоро окончилась, благодаря посредничеству германскаго императора Фердинанда 3-го, послы котораго открыли Алексѣю Михайловичу нѣкоторые виды на возможность быть призваннымъ на польскій престолъ. Это сдѣлало Алексѣя Михайловича сговорчивымъ и онъ заключилъ миръ съ Польшею. Къ ускоренію мира привело и нѣкоторое соперничество между Швеціей и Москвой. Швеція своими военными успѣхами возбудила опасенія Москвы. Московское государство, заключивъ миръ съ Польшею, обратило свое оружіе противъ Швеціи, своей прежней союзницы. Между тѣмъ, Богданъ Хмельницкій продолжалъ воевать съ Польшею, а со Швеціею находился въ дружественныхъ сношеніяхъ. Алексѣй Михайловичъ требовалъ, чтобы Малороссія заключила миръ съ Польшею и помогала ему противъ Швеціи. Богданъ Хмельницкій не довѣрялъ миру съ Польшею и, въ виду ея стѣсненнаго положенія, думалъ совершенно ее уничтожить. Направленіе внѣшней политики соединенныхъ государствъ, такимъ образомъ, совершенно разошлось. Скоро послѣ заключенія мира съ Польшею Богданъ Хмельницкій умеръ. Во время гетманства Выговскаго произошли новыя столкновенія между Москвою и Малороссіею, такъ какъ Выговскій рѣшительно склонился на сторону Польши. Измѣна гетмана повела къ раздѣленію Малороссіи на Малороссію праваго и лѣваго берега Днѣпра въ томъ смыслѣ, что правый берегъ тянулъ къ Польшѣ, а лѣвый оставался вѣренъ Москвѣ. Каждая сторона имѣла своего гетмана, на лѣвой былъ Брюховецкій. При немъ произошло существенное отступленіе отъ пунктовъ перваго соединенія въ смыслѣ усиленія власти Москвы. Въ актѣ пожалованія Брюховецкаго боярскимъ званіемъ говорится, что Брюховецкій „челомъ ударилъ ему, Великому Государю, чтобы онъ, Великій Государь, пожаловалъ, велѣлъ тѣ городы съ слободами и съ уѣзды принять, и указалъ бы онъ, Великій Государь, въ тѣхъ городахъ быть и доходы всякіе собирать своимъ государевымъ боярамъ и воеводамъ, кромѣ войска запорожскаго казацкаго, а войско запорожское и войсковыя всякія дѣла вѣдать ему гетману по прежнему, какъ о томъ положено въ договорныхъ статьяхъ“. Пожалованіе гетмана въ боярскій чинъ мотивировано

такъ: „Вел. Гос., Царь и Вел. Кн., Алексѣй Михайловичъ, говоря съ бояры, гетмана Брюховецкаго за его вѣрную службу и что онъ, гетманъ, Ему, Вел. государю, челомъ ударилъ всѣми малороссійскими городами и мѣстами и мѣстечками и съ слободами и съ уѣздами и со всякими доходами,—пожаловалъ велѣлъ сказать ему боярство» (П. С. З. № 375, 1665 г.). Съ Брюховецкимъ пріѣхали изъ Москвы царскіе воеводы во всѣ малорос. города, московскіе сборщики пошлинъ съ продажи товаровъ и писцы для переписи народа. Эти новости вызвали большое неудовольствіе и на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Въ Переяславлѣ вспыхнуло возстаніе и гетманъ правой стороны Дорошенко былъ признанъ и Переяславской радой. Война съ Польшею приняла, между тѣмъ, не выгодный для Москвы оборотъ. Военныя дѣйствія были прекращены Андрусовскимъ миромъ (1667), по которому правый берегъ Днѣпра отошелъ къ Польшѣ, а городъ Кіевъ долженъ былъ оставаться за Москвою только въ теченіе 2 лѣтъ, послѣ чего онъ также присоединялся къ Польшѣ. Этимъ договоромъ Московскій государь освятилъ раздѣленіе Малороссіи, что вызвало множество противниковъ, въ числѣ которыхъ главнымъ былъ гетманъ Дорошенко, который объ андрусовскомъ договорѣ выражался такъ: „андрусовскимъ договоромъ государи разодрали на части Украйну“. Онъ высказалъ рѣшительное желаніе не отдавать Кіева, присоединить правую часть Днѣпра и составить изъ Малороссіи одно цѣлое. Преслѣдуя эту цѣль, Дорошенко не останавливался передъ тѣмъ, кто будетъ государемъ. Ему было совершенно все равно: соединить ли Малороссію съ помощью Россіи или Турціи. Поэтому онъ вступилъ въ переговоры съ Турціею и съ помощью ея началъ войну. Русскимъ пришлось имѣть дѣло съ Поляками и съ Турками. Русское оружіе имѣло преимущество и въ 1674 г. послѣдовало новое присоединеніе къ Россіи 10-ти полковъ праваго берега Днѣпра. При этомъ вторичномъ соединеніи произошли нѣкоторыя измѣненія въ пунктахъ Б. Хмельницкаго, но эти пункты всетаки остались въ основѣ соединенія, тогда какъ нововведенія Брюховецкаго были отмѣнены. Измѣненія, главнымъ образомъ, касались иностранныхъ сношеній, а именно въ 1674 г. отъ Малороссіи было отнято право иностранныхъ сношеній на томъ основаніи, что „отъ этого чинятся многія ссоры въ малороссійскомъ народѣ“. За исключеніемъ иностранныхъ сношеній, все остальное было оставлено въ Малороссіи на основаніи статей Б. Хмельницкаго (избраніе гетмана, мѣстное самоуправленіе, свое особенное войско и т. д.). Но и относительно иностранныхъ сношеній у Малороссіи осталась нѣкоторая тѣнь самостоятельности. Это видно изъ того, что въ тѣхъ случаяхъ, когда переговоры съ иностранными послами касались Малороссіи, то Московское госу-

дарство обязано было сообщать объ этомъ Малороссіи. Таково второе соединеніе Малороссіи съ Москвою.

Дальнѣйшая исторія отношеній Малороссіи къ Москвѣ состоитъ въ томъ, что русское правительство все болѣе и болѣе вмѣшивается во внутреннее управленіе Малороссіи и, наконецъ, совершенно ее инкорпорируетъ. Окончательный процессъ слитія происходитъ въ императорскую эпоху. Еще въ XVII в. доходятъ въ Москву изъ Малороссіи жалобы на неправильныя дѣйствія мѣстныхъ выборныхъ властей. Гетманы установляли, напримѣръ, новыя подати и повинности, которыя были противны старымъ обычаямъ и являлись излишней тягостью для нисшаго класса. Жалобы на неправый судъ и произвольныя дѣйствія полковниковъ и генеральной старшины раздавались и въ XVIII в. Кромѣ этой внутренней неладицы, рѣшительнымъ толчкомъ ко вмѣшательству русскаго правительства въ дѣла Малороссіи послужила измѣна Мазепы, хотя непосредственно она и не повела еще къ отмѣнѣ малороссійскихъ вольностей. Петръ приказалъ произвести избраніе новаго гетмана; но при новомъ гетманѣ, Скоропадскомъ, онъ назначилъ особаго чиновника изъ велико-россійскихъ людей, ближняго стольника Измайлова (1709 г.). Измайловъ былъ присланъ въ Малороссію для управленія съ общаго съ гетманомъ совѣта дѣлами великаго государя по случаю бывшаго возмущенія въ Малороссійскомъ краѣ. Кромѣ явныхъ статей ему было дано еще и нѣсколько тайныхъ, въ которыхъ ему предписывалось наблюдать за гетманомъ, за старшиною, за полковниками, чтобы они не имѣли никакихъ сношеній съ Поляками и Турками. Въ 1722, по поводу частныхъ неудовольствій и жалобъ мѣстныхъ жителей на мѣстный судъ, для предотвращенія безпорядковъ въ судахъ и войскахъ, была устроена въ Глуховѣ цѣлая коллегія изъ шести штабъ-офицеровъ подъ предсѣдательствомъ бригадира Вельяминова. Она должна была принимать жалобы на всѣ мѣстные суды. Такимъ образомъ судъ и администрація въ Малороссіи все болѣе и болѣе подчиняются вліянію Россіи. Этой коллегіи поручался надзоръ за ускореніемъ производства всякаго рода дѣлъ, судныхъ и др.; наблюденіе за сборомъ повинностей, отчетность сборовъ, производство жалованья изъ собираемыхъ денегъ и покровительство казакамъ и посполитымъ противъ утѣсненій начальства, пріемъ жалобъ отъ нисшихъ чиновъ на мѣстныя власти. Все это случилось при гетманѣ Скоропадскомъ. По смерти Скоропадскаго Петръ не нашелъ уже возможнымъ назначить выборы новаго гетмана, а опредѣлилъ временно къ исполненію гетманской должности черниговскаго полковника Полуботка. Малороссіи не нравился этотъ новый порядокъ. Полуботокъ нерѣдко дѣлалъ Петру представленія о необходимости избрать гетмана. Петръ отвѣчалъ, что онъ удержитъ въ Мало-

россіи временное правительство до тѣхъ поръ, пока не найдетъ вѣрнаго человѣка: „всѣ гетманы до Скоропадскаго были измѣнниками“. Говорятъ, что Полуботокъ, въ бытность свою въ С.-Петербургѣ, въ очень энергическихъ выраженіяхъ требовалъ возстановленія гетманскаго достоинства. Это не могло понравиться Петру, онъ посадилъ его въ Петропавловскую крѣпость вмѣстѣ со многими генеральными чинами; Полуботокъ умеръ въ крѣпости. Петръ назначилъ въ малороссійскіе города русскихъ офицеровъ вмѣсто прежнихъ выборныхъ полковниковъ. Такимъ образомъ, хотя при Петрѣ формально и не было отмѣнено прежнее устройство и управленіе, но на дѣлѣ вольности малороссійскія не дѣйствовали. При Петрѣ II, 12 мая 1727 г., были отмѣнены всѣ новые налоги, введенные при Вельяминовѣ; въ томъ же указѣ императоръ возвѣстилъ и о скоромъ возстановленіи гетманскаго достоинства и генеральной старшины (№ 5073). Хотя гетманъ дѣйствительно былъ выбранъ и малороссійскія вольности возстановлены, но русскіе чиновники продолжали участвовать въ малороссійскомъ судѣ. Петръ назначилъ въ генеральный судъ трехъ человѣкъ изъ великороссіянъ и предоставилъ имъ такія же права, какъ и малороссійскимъ членамъ. Кто былъ недоволенъ рѣшеніемъ генеральнаго суда, тотъ имѣлъ право обращаться къ самому императору.

По смерти гетмана Апостола, Анна Іоановна не рѣшилась предписать новыхъ выборовъ, а учредила особенное временное правительство изъ шести человѣкъ, въ числѣ которыхъ половина была изъ великороссіянъ.

Такъ продолжалось до Елизаветы Петровны. Во время путешествія императрицы по Малороссіи, къ ней обратились съ просьбою возстановить гетманское достоинство. Елизавета предписала выборы и Кириллъ Разумовскій былъ избранъ въ гетманы подъ сильнымъ вліяніемъ русскаго правительства. Разумовскій былъ послѣднимъ гетманомъ.

При Екатеринѣ II Разумовскій долженъ былъ оставить гетманство и съ тѣхъ поръ гетманское достоинство не возстановлялось. Екатерина II учредила новую коммиссію, число членовъ которой было увеличено до 8-ми. Предсѣдателемъ коммиссіи былъ назначенъ Румянцевъ, который получилъ уже наименованіе генералъ-губернатора Малороссіи. Затѣмъ слѣдовали дальнѣйшія мѣры, съ цѣлью инкорпорировать Малороссію. Въ 1781 году учрежденія о губерніяхъ были распространены и на Малороссію. Это послѣдній актъ инкорпораціи: съ этого времени Малороссія сдѣлалась такою же провинціей имперіи, какъ и остальныя русскія провинціи.

Императоръ Павелъ, который весьма несочувственно отно-

сился ко многимъ мѣрамъ своей матери, возстановилъ и малороссійское управленіе по прежнимъ правамъ и обрядамъ, хотя и не вполнѣ. Это возвращеніе къ старому было слишкомъ кратковременно; императоръ Александръ I опять возвратился къ губернскимъ учрежденіямъ. Такимъ образомъ, Малороссія окончательно слилась съ имперіею, сохранивъ только нѣкоторыя мелкія особенности (въ Малороссіи, напримѣръ, дѣйствуютъ еще нѣкоторыя статьи литовскаго статута).

Завоеванная императоромъ Александромъ Финляндія и присоединенныя по Вѣнскому трактату нѣкоторыя части Великаго герцог. Варшавскаго вошли въ составъ имперіи также на правахъ особыхъ государствъ, а потому необходимо остановиться на исторіи и характерѣ этого соединенія.

Изъ предшествующаго извѣстно, что часть теперешней Финляндіи была присоединена къ имперіи еще при Петрѣ В. (Выборгская губ.) по Ништадскому миру (30 августа 1721 года); но ни Петръ, ни Екатерина II не предоставляли этой части особенныхъ учрежденій. Императоръ Александръ пріобрѣлъ оружіемъ въ 1808 г. Финляндію. до р. Торнео. Эта завоеванная часть, какъ видно изъ манифеста, оповѣстившаго Россію о завоеваніи Финляндіи, отнынѣ и на всегда была присоединена къ Россійской Имперіи. Въ томъ же духѣ встрѣчаемъ выраженія и въ трактатѣ, заключенномъ между Россіею и Швеціею по случаю присоединенія Финляндіи; въ немъ говорится: „Его Величество, король Шведскій отказывается отнынѣ и на всегда отъ Финляндіи въ пользу Его Императорскаго Величества Императора Александра и преемниковъ его престола и *Россійской Имперіи* отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на эти части со всѣми ихъ жителями, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются“. Итакъ, Финляндія присоединена къ Россійской Имперіи, а не пріобрѣтена царствующею въ Россіи династіею для себя; это реальное соединеніе.

Откуда же взялся особенный престолъ въ Финляндіи? Финляндія была частью Швеціи, ея провинціею, и особеннаго государства не составляла. Въ манифестѣ о присоединеніи Финляндіи предписано было привести Финляндцевъ къ присягѣ на вѣрное „престолу нашему подданство“ (т. е. престолу россійскому) и Финляндцы присягнули россійскому престолу. Итакъ, по первоначальному присоединенію Финляндія была присоединена собственно какъ провинція, какъ часть, а не какъ отдѣльное государство; но она сдѣлалась отдѣльнымъ государствомъ по волѣ императора Александра I. Императоръ Александръ питалъ нѣкоторое время большую симпатію къ свободнымъ учрежденіямъ.

Вслѣдствіе этого, присоединивъ Финляндію, онъ вознамѣрился сохранить въ ней старинныя свободныя учрежденія. Финляндія, какъ часть Швеціи, имѣла народное представительство, и Александръ оставилъ для нея это учрежденіе. Въ Финляндіи, поэтому, верховная власть имѣетъ другой характеръ, чѣмъ въ Россіи. Въ Россіи государь самодержавенъ и неограниченъ, въ Финляндіи же онъ царствуетъ при соучастіи сейма. Но императоръ Александръ не ограничился тѣмъ, что основалъ особенный престолъ для завоеванныхъ имъ областей, онъ присоединилъ къ нимъ еще и ту часть Финляндіи, которая была уже инкорпорирована. Въ 1809 г., даровавъ Финляндіи свободныя учрежденія, онъ присоединилъ къ ней и Выборгскую губернію.

Второй примѣръ такого же соединенія представляетъ Царство Польское. Это также реальное соединеніе.

По вѣнскому трактату 1815 года къ Россіи была присоединена часть бывшаго герцогства Варшавскаго. Эта часть была присоединена къ Россіи навсегда. Другія части герцогства была въ то-же время присоединены къ Пруссіи и Австріи. Предрасположеніе императора Александра I къ свободнымъ учрежденіямъ было причиною того, что онъ даровалъ присоединенной части Варшавскаго герцогства, также какъ и Финляндіи, свободныя учрежденія, онъ даровалъ ей конституцію съ народнымъ представительствомъ. Императоръ Александръ имѣлъ въ виду охранить самостоятельность польской національности даже и въ тѣхъ частяхъ Польши, которыя были присоединены къ Австріи и Пруссіи. Согласно съ этимъ намѣреніемъ, въ Вѣнскій трактатъ былъ внесенъ слѣдующій пунктъ: „Поляки, какъ россійскіе подданные, такъ равно и австрійскіе и прусскіе, будутъ имѣть народныхъ представителей и національныя государственныя учрежденія, согласныя съ тѣмъ образомъ политическаго существованія, который каждымъ изъ вышепоименованныхъ правительствъ будетъ признанъ за полезнѣйшій и приличнѣйшій для нихъ въ кругу его владѣній“. Такимъ образомъ, по Вѣнскому трактату всѣ части Варшавскаго герцогства должны были получить національныя учрежденія; но этотъ пунктъ былъ исполненъ однимъ только императоромъ Александромъ, Австрія же и Пруссія не предоставили присоединеннымъ къ нимъ частямъ національныхъ учрежденій. Дарованныя Польшѣ преимущества были съ теченіемъ времени ограничиваемы, въ концѣ концовъ Польша, подобно Малороссіи, была инкорпорирована, хотя и до настоящаго времени въ нашемъ Сводѣ Законовъ сохранилась статья, которая говоритъ объ особенномъ Польскомъ престолѣ.

Первый шагъ къ отмѣнѣ дарованныхъ преимуществъ былъ сдѣланъ послѣ перваго польскаго возстанія, въ 1831 году. Возстаніе повело къ завоеванію Польши, и Николай I не призналъ

за благо оставить ей прежнія учрежденія. Конституція Польши была отмѣнена, но полнаго слитія Польши съ Россіею не произошло. Въ Польшѣ остались нѣкоторыя особенности управленія, а именно: свой совѣтъ, который соотвѣтствовалъ нашему государственному, и свои правительственныя коммиссіи, которыя соотвѣтствовали нашимъ министерствамъ. Такимъ образомъ особое устройство было отмѣнено, но управленіе осталось отдѣльнымъ, хотя и не вполнѣ. Послѣднее возстаніе 1863 года повело къ совершенной инкорпораціи. Въ указѣ императора Александра II отъ 1867 г. говорится, что дальнѣйшія преобразованія Польши имѣютъ своею цѣлью полное слитіе Польши съ Имперіею. (Собр. узак. и расп. за первое полугодіе 1867 г. № 294). Такимъ образомъ въ настоящее время одна только Финляндія является соединенною съ Россіею, какъ особенное государство, Малороссія и Польша инкорпорированы.

II. Населеніе.

Въ составѣ населенія во-2-мъ періодѣ встрѣчаемся со многими измѣненіями. Въ это время слагаются сословія, т. е. опредѣленные разряды лицъ, въ извѣстной степени замкнутые и пользующіеся особенными правами. Съ такимъ же явленіемъ встрѣчаемся и въ Западной Европѣ, хотя условія, при которыхъ тамъ слагались сословія, были другія. У насъ сословія образовались, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ центральной власти. Нельзя, однако, сказать, чтобы сословія слагались только въ силу указовъ сверху; имѣемъ указанія, что и само населеніе высказывалось въ пользу такихъ мѣръ, которыя повели къ образованію сословій. Московское государство имѣло своею задачею присоединеніе къ Москвѣ всѣхъ старыхъ русскихъ княженій и борьбу съ внѣшними врагами, Татарами съ одной стороны, Литвой, Польшей и Швеціей съ другой. Оно находилось въ постоянныхъ войнахъ. Эта его военная роль требовала напряженія всѣхъ силъ. Вотъ почему необходимо было призваніе всего населенія на службу государству. Эта задача и вызвала обложеніе всего населенія извѣстными службами и повинностями. Одни разряды лицъ были обложены военной службой (служилые люди), другіе чернымъ тягломъ и черною службою (тяглые черные люди). Основаніемъ различія сословій было различіе службы. Чтобы правительство могло разсчитывать на опредѣленную мѣру службы и повинностей, нужно было, чтобы переходъ изъ одного разряда въ другой былъ запрещенъ, потому что при свободѣ перехода могло произойти смѣшеніе повинностей и уклоненіе отъ ихъ отбыванія, а отсюда неизвѣстность для государства, на что оно можетъ разсчитывать.

Вслѣдствіе этого, служилый человѣкъ, напр., не могъ пріобрѣтать посадской земли и на оборотъ, а тяглые люди свободно переходить съ мѣста на мѣсто. Но свободный переходъ съ мѣста на мѣсто могъ затруднять не одно правительство, а и тѣхъ, которые оставались на старыхъ мѣстахъ, такъ какъ повинности, падавшія на извѣстную общину, съ уменьшеніемъ ея населенія должны были распредѣляться на меньшее число тяглыхъ людей. По этому мы и встрѣчаемся съ просьбами черныхъ людей возвратить ушедшихъ, т. е. прикрѣпить каждаго къ мѣсту и тяглу. Дѣйствительно, правительство не только учреждаетъ разные рязряды лицъ, но и прикрѣпляетъ ихъ къ мѣсту и тяглу.

1. Несвободные люди.

Какъ у насъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, что число несвободныхъ лицъ съ теченіемъ времени возрастаетъ, но самая несвобода дѣлается мягче. Если остановимся на самомъ крайнемъ видѣ несвободы,—на рабствѣ, и сравнимъ положеніе рабовъ въ Москвѣ съ тѣмъ, каково оно было въ 1-мъ періодѣ, то увидимъ, что оно значительно смягчилось; въ имперіи же дѣло сводится къ тому, что рабство совсѣмъ исчезаетъ и рабы сливаются съ разрядомъ крѣпостныхъ. Это измѣненіе въ положеніи рабовъ происходитъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ христіанства. Учители церкви въ своихъ проповѣдяхъ проводили начало гуманнаго обращенія съ рабами; мы имѣемъ указанія на то, что наше законодательство измѣнялось подъ вліяніемъ этихъ поученій. Въ этомъ отношеніи можно указать на дѣятельность Іосифа Волоцкаго, основателя и игумена Волоколамскаго монастыря.

Въ своихъ письмахъ и проповѣдяхъ онъ проводилъ мысль о человѣколюбивомъ и заботливомъ отношеніи къ рабамъ. Онъ указываетъ на правила Св. Отцовъ, предписывающія заботиться о чистотѣ нравовъ рабовъ, и совѣтуетъ: „когда отроку минетъ пятнадцать лѣтъ, а отроковицѣ 12-ть, то ихъ слѣдуетъ пытати государю, не хотятъ ли постричься и отпустить, а если не захотятъ, отрока нужно женить, а отроковицу замужъ отдать“. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы господа не обращались съ рабами жестоко и кормили ихъ и въ голодное время, а не отпускали со двора. Дѣйствительно, случалось, что помѣщики въ голодные годы прогоняли всѣхъ своихъ лишнихъ рабовъ со двора, съ тѣмъ, чтобы они питались Христовымъ именемъ, а въ урожайные годы требовали ихъ къ себѣ обратно. Въ началѣ 17 вѣка были дѣйствительно приняты мѣры, запрещающія ссылать рабовъ

со двора; не желавшіе же ихъ держать должны были имъ дать вольную (А. И. II, 1603 г. № 44). Въ началѣ же 17 вѣка встрѣчаемся и съ предписаніемъ, въ силу котораго помѣщики должны были женить рабовъ по достиженіи ими извѣстнаго возраста. „А которые люди, говорится въ указѣ Шуйскаго, держатъ рабу до 18 лѣтъ дѣвку, а вдову болѣе двухъ лѣтъ по смерти мужа и замужъ ее не выдаютъ, а парня холостого держатъ за 20 лѣтъ, а не женятъ и воли имъ не даютъ, идти имъ къ казначею". Казначей же, удостовѣрившись въ справедливости жалобы, даетъ отпускную вдовѣ, отроковицѣ или отроку. Такъ было въ Москвѣ, а въ городахъ нужно было обращаться къ намѣстнику или судьѣ (Ук. 1607 г.).

Въ памятникахъ 2-го періода для обозначенія рабовъ входитъ въ употребленіе терминъ „людіе", причемъ обыкновенно прибавляется, чьи это люди—„боярскіе людіе" и т. под. Въ это время различаются два вида рабовъ: 1) полные рабы, истаринные, и 2) кабальные. Кабальные холопы это люди, поступившіе къ кому либо въ частное услуженіе. Такое поступленіе въ службу облекалось въ форму служилой кабалы. Она писалась такъ: „се азъ, такой то вольный человѣкъ (пишущій кабалу всегда долженъ быть вольнымъ человѣкомъ, холопъ не могъ отдать себя въ кабалу), занялъ у такого-то три рубля на годъ, а за ростъ мнѣ служити во вся дни во дворѣ его". Не всякій заемъ ставилъ должника въ такое зависимое положеніе, а только если должникъ обязывался за ростъ поступить на службу *). Въ противномъ случаѣ онъ оставался на свободѣ и поступалъ на службу только при несостоятельности, для уплаты долга личнымъ трудомъ. Кабальные холопы первоначально служили только до выкупа. Съ 1597 г. въ положеніи ихъ происходитъ важная перемѣна; въ этомъ году послѣдовалъ указъ, по которому кабальныхъ надо было считать крѣпкими до смерти господина, т. е. раньше они не могли выкупиться, а послѣ смерти господина дѣлались eo ipso свободными. Такимъ образомъ, рядомъ съ полными холопами, въ

*) Это различіе выразилось уже въ Царскомъ Судебникѣ. Ст. 82-я говоритъ о займѣ: „а кто займетъ сколько денегъ въ ростъ, и тѣмъ людемъ у нихъ не служити ни у кого, жити имъ о себѣ; а на деньги имъ ростъ давати. А кто даетъ денегъ въ заемъ въ ростъ, да того человѣка станетъ держати у себя, и сбѣжитъ отъ него тотъ человѣкъ покрадчи, и что снесетъ, то у него пропало, а по кабалѣ денегъ лишенъ". Ст. 78 говоритъ о поступленіи на службу по служилой кабалѣ: „а которые люди вольные учнутъ бити челомъ княземъ и боярамъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всякимъ людемъ, а станутъ на себя давати кабалы за ростъ служити, и болѣ пятнадцати рублевъ на серебряникъ кабалы не имати". Здѣсь рѣчь идетъ о челобитьи въ службу. Вѣроятно предложеніе службы было сильнѣе спроса, а потому челобитчики въ служилую кабалу писали долгъ.

Московскомъ государствѣ возникаетъ особый разрядъ кабальныхъ холоповъ, которые остаются рабами до смерти господина. Дѣти, родившіеся въ этомъ состояніи, становились также кабальными до смерти господина. Положеніе кабальныхъ существенно отличалось отъ положенія полныхъ холоповъ. Ихъ нельзя было отчуждать, завѣщать, дарить, давать въ приданое, продавать и пр., ибо они избрали своимъ господиномъ только извѣстное лицо: это отношеніе чисто личное, а потому отчужденіе и не могло имѣть мѣста. Въ Москвѣ свободный человѣкъ полнымъ холопомъ сдѣлаться не могъ, а только кабальнымъ. Если онъ и билъ челомъ въ холопство (въ службу), то дѣлался холопомъ только по жизнь господина. Въ кабальное холопство поступаетъ тотъ, кто бьетъ объ этомъ челомъ. Если въ челобитьи жена и дѣти не помянуты, то они и не поступаютъ съ мужемъ и отцемъ въ холопство. Во всемъ остальномъ кабальные холопы были уравнены съ полными, изстаринными холопами.

Что касается юридическаго положенія старинныхъ рабовъ, то въ Московскомъ государствѣ происходятъ значительныя улучшенія. По Русской Правдѣ рабъ не признавался свидѣтелемъ, по Уложенію рабы получаютъ право быть свидѣтелями (X. 173). Въ княжескій періодъ рабъ не подлежалъ дѣйствію уголовнаго права Если онъ совершалъ преступленіе, то не подлежалъ отвѣтственности, наравнѣ то свободными, а господинъ его долженъ былъ или заплатить посерпѣвшему убытокъ, причиненный рабомъ, или выдать ему раба. По Уложенію, въ случаѣ совершенія преступленія рабомъ, господинъ долженъ былъ выдать его судьѣ, иначе самъ подлежалъ отвѣтсвенности (XXI, 79). Далѣе, въ предшествующую эпоху за рабомъ не признавалось гражданской личности; онъ не могъ быть собственникомъ и не могъ совершать въ свою пользу никакихъ сдѣлокъ. Въ эпоху Уложенія является отступленіе и отъ этого положенія. Имѣемъ указанія, что слуги имѣли свои животы-статки, дворовую рухлядь и т. п. Изъ Уложенія видно, что рабъ совершаетъ сдѣлки на себя и можетъ имѣть свое имущество. Статья 15-я XIX гл. запрещаетъ рабамъ покупать лавки, а кто уже купилъ, тотъ долженъ ихъ продать; по ст. 16-й рабы должны были продать лавки, которыя достались имъ по закладной. Изъ этихъ постановленій слѣдуетъ, что у рабовъ могла быть своя собственность, но только движимая. Если бы рабы совершали купли и закладныя только въ пользу своихъ господъ, Уложенію не было бы надобности предписывать имъ продавать доставшееся по закладной или по купчей имущество. Но собственность рабовъ не была ограждена; хотя Уложеніе ее и предполагаетъ, но не даетъ никакихъ средствъ къ ея защитѣ. Это видно изъ того, что рабъ не имѣлъ иска противъ своего господина; если рабъ былъ даже отпущенъ на волю, то и по освобожденіи онъ не могъ судебнымъ порядкомъ

требовать отъ своего господина возвращенія захваченныхъ имъ вещей (XX, 65). Исключеніемъ является право рабыни жаловаться на своего господина въ томъ случаѣ, если онъ состоялъ съ нею въ противозаконной связи и прижилъ дѣтей (XX 80). Это исключеніе возникло, конечно, подъ вліяніемъ церкви. Дѣла этого рода подлежали святительскому суду. По всѣмъ другимъ дѣламъ жалоба рабовъ на господъ не допускалась. Мало того, въ случаѣ несостоятельности господъ, взысканіе кредиторовъ могло обращаться на имущество ихъ рабовъ (X. 262).

Переходя къ способамъ установленія полнаго рабства, надо замѣтить, что въ Московскомъ государствѣ число ихъ сокращается. Полное рабство установляется вновь только рожденіемъ; такіе рабы называются „старинными", „полными" рабами. Хотя положеніе рабовъ въ настоящее время и улучшается, но полные рабы все же были собственностью господина, могли быть продаваемы, завѣщаемы и даримы. Кабальное холопство установлялось черезъ служилую кабалу. Затѣмъ былъ и другой способъ. Каждый, поступившій на службу безъ кабалы, долженъ былъ, по Уложенію, въ теченіе 3 мѣсяцевъ, а прежде въ теченіе полугода, выдать на себя кабалу. Лица, принявшія слугъ безъ кабалъ, имѣли право обратиться по истеченіи указаннаго срока въ судъ и требовать кабалы. Небравшіе кабалы подвергались нѣкоторымъ невыгодамъ. Если жившій безъ кабалы обворовывалъ господина, господину отказывали въ искѣ покраденаго: не держи безъ кабалы (XX, 16, 17). Въ кабальные холопы могли поступать только вольные люди и то съ нѣкоторыми ограниченіями: служилые люди и служилыхъ отцовъ дѣти не могли поступать въ кабалу. Крестьяне до прикрѣпленія поступаютъ (Ц. С. 88), послѣ прикрѣпленія — нѣтъ (XX, 7).

2) Зависимые люди.

Въ Московскомъ государствѣ возникаетъ новый разрядъ зависимыхъ лицъ, это—крестьяне, прикрѣпленные къ землямъ частныхъ владѣльцевъ, позднѣе получившіе наименованіе крѣпостныхъ. Этотъ разрядъ лицъ существовалъ до послѣдняго времени и отмѣненъ только въ царствованіе императора Александра II.

Въ первое время въ Московскомъ государствѣ крестьяне были свободными людьми, имѣвшими право переходить съ одной земли на другую и такимъ образомъ выбирать господина земли, у котораго имъ нравилось жить. Эта свобода перехода не такъ легко осуществлялась, какъ можно на первый взглядъ подумать. Въ XV вѣкѣ крестьяне могли оставлять своего хозяина, но заплативъ ему „пожилое" за тотъ дворъ, въ которомъ жили. Чѣмъ дольше жилъ крестьянинъ, тѣмъ больше платилъ пожилаго. Если онъ жилъ

четыре года, то долженъ былъ заплатить за весь дворъ (рубль два алтына), а если только одинъ годъ, то платилъ за четверть двора, и т. д. Такъ какъ владѣльцамъ не выгодно было отпускать крестьянъ, то они для удержанія ихъ прибѣгали иногда къ злоупотребленіямъ. Крестьяне одной волости жалуются, что они хотѣли переселиться къ другому помѣщику, но ихъ не пускаютъ, требуютъ за пожилое 5 рублей. Съ другой стороны, сильные люди вывозили крестьянъ отъ мелкихъ помѣщиковъ не въ сроки и не платя пожилаго. Что касается времени перехода, то по Судебникамъ такимъ временемъ былъ Юрьевъ день осенній, а именно недѣля до и послѣ Юрьева дня. Это время въ хозяйственномъ отношеніи было признано наиболѣе удобнымъ. Но назначеніе срока надо разсматривать какъ ограниченіе первоначальной свободы крестьянъ переходить отъ помѣщика къ помѣщику во всякое время. Изъ одной грамоты, данной монастырской деревнѣ, видно, что крестьяне могли переходить во всякое время, заплативъ только за пожилое. Такимъ образомъ можно думать, что первоначально не было Юрьева дня. Но понятно, что подобный порядокъ вещей былъ неудобенъ для землевладѣльцевъ; это, по всей вѣроятности, и повело къ установленію срока. Крестьяне переходили на тѣ земли, гдѣ имъ было лучше. Такими землями были привилегированныя земли, земли духовныхъ учрежденій (монастырей, митрополитовъ, архіепископовъ и т. п.), пользовавшихся по большей части свободою отъ въѣзда чиновниковъ. Понятно, что духовныя учрежденія, пользовавшіяся привилегіями, могли предоставить поселявшимся на ихъ земляхъ крестьянамъ и болѣе льготныя условія. Такое положеніе вещей было невыгодно для владѣльцевъ, которые такими привилегіями не пользовались, особенно же для мелкихъ владѣльцевъ, которымъ было трудно конкуррировать съ крупными. Но свободный переходъ вызывалъ жалобы и со стороны самихъ крестьянъ по тѣмъ же причинамъ, по которымъ на него жаловались посадскіе и вообще тяглые люди, и на что было указано выше. Въ этомъ и заключались общія причины прикрѣпленія.

Когда же и при какихъ условіяхъ произошло прикрѣпленіе? Мнѣнія нашихъ изслѣдователей по этому вопросу расходятся. Погодинъ держится того мнѣнія, что никто у насъ не прикрѣплялъ крестьянъ, никто не установлялъ крѣпостнаго права, а что это совершилось путемъ практики, и виноваты въ томъ одни обстоятельства. Противнаго мнѣнія держатся: Татищевъ, Костомаровъ, Бѣляевъ. Они высказываютъ ту мысль, что былъ указъ, которымъ разомъ пресѣклись прежнія отношенія и совершилось прикрѣпленіе; что самый указъ до насъ не дошелъ, но годъ, когда совершилось это событіе, можетъ быть опредѣленъ. Они относятъ прикрѣпленіе къ 1592 году. Это мнѣніе основывается на слѣдующихъ словахъ указа 1597 года: „которые крестьяне бѣжали до нынѣшняго

1597 г. за пять лѣтъ, на тѣхъ давати судъ", т. е. тѣхъ крестьянъ, которые бѣжали въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, можно по суду возвращать назадъ, доказавши, что бѣгство случилось въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ. Изъ этого указа и выводятъ заключеніе, что прикрѣпленіе совершилось за пять лѣтъ до 1597 года, т. е. въ 1592 или 1593 году, въ царствованіе Ѳеодора Ивановича. Если бы можно было дѣлать заключеніе на основаніи одного приведеннаго мѣста указа, то, пожалуй, можно бы прійти къ такому выводу, но далѣе въ томъ же указѣ говорится: „а бѣжали до нынѣшняго 7106 года за шесть, за семь, за восемь, за десять и болѣе лѣтъ, а о томъ до нынѣшняго 7106 г. лѣтъ за 6, за 7, за 8, за 10 и болѣе не бивали челомъ, тѣмъ суда не давать". Эта прибавка совершенно измѣняетъ тотъ смыслъ, какой придаютъ указу сторонники прикрѣпленія въ 1592 году. Смыслъ указа будетъ такой: кто бѣжалъ за пять лѣтъ до 1597 года, того можно отыскивать, но можно было и того отыскивать, кто бѣжалъ ранѣе, надо было только своевременно бить объ этомъ челомъ, такъ какъ въ указѣ сказано: кто бѣжалъ за шесть, за семь, за десять лѣтъ, а помѣщикъ въ свое время не приносилъ жалобы, того нельзя отыскивать. Понятно, кто жаловался своевременно, тотъ могъ возвратить крестьянина, бѣжавшаго раньше 1592 года.

Итакъ, въ 1592 году не было принято никакой новой мѣры. Изъ указа 1597 года скорѣе надо вывести то заключеніе, что прикрѣпленіе состоялось ранѣе 1592 года. Дѣйствительно, въ памятникахъ половины XVI вѣка находимъ указанія на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и тогда не было уже права перехода. Въ Важской уставной грамотѣ отъ 1552 года крестьянамъ было предоставлено право выводить изъ-за монастырей назадъ старыхъ своихъ тяглецовъ, безсрочно и безпошлинно. А въ 1524 году крестьянамъ Двинскаго уѣзда было дозволено звать къ себѣ только не тяглыхъ и не письменныхъ людей. Такимъ образомъ, гораздо раньше 1592 года старые тяглецы не вездѣ имѣли право перехода. Самъ Юрьевъ день есть уже ограниченіе и весьма существенное, ибо двѣ недѣли очень краткій срокъ для перехода семейнаго человѣка цѣлымъ домомъ. Надо думать, что прикрѣпленіе имѣетъ свою продолжительную исторію и первыя ограниченія перехода крестьянъ относятся даже къ XIII вѣку. Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями и въ междукняжескихъ договорахъ запрещается выводить людей изъ одной волости въ другую. Но изъ этихъ указаній на случаи ограниченія крестьянскаго перехода въ извѣстныхъ мѣстностяхъ нельзя еще выводить, что у насъ не было общей крутой мѣры, отмѣнившей послѣдніе остатки свободы перехода. Надо думать, что такою общею мѣрою былъ указъ Ѳеодора Іоанновича, о которомъ упоминается въ указѣ Василія Шуйскаго отъ 1607 года. Этотъ

послѣдній указъ нѣкоторые изслѣдователи, какъ, напримѣръ, Погодинъ, считаютъ подложнымъ. Онъ написанъ, дѣйствительно, весьма нескладно. Надо допустить, что указъ дошелъ до насъ въ искаженномъ видѣ, но предполагать поддѣлку нѣтъ достаточныхъ основаній. Костомаровъ привелъ весьма вѣскія возраженія противъ мнѣнія Погодина *). Въ этомъ указѣ находимъ положительное указаніе на общую мѣру относительно прикрѣпленія крестьянъ при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ: „а царь Ѳеодоръ Ивановичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянъ заказалъ“. Изъ этого указа видны и тѣ побужденія, которыя руководили Ѳеодоромъ Іоанновичемъ принять такую мѣру. Главнымъ побужденіемъ было желаніе обезпечить мелкихъ служилыхъ людей, отъ которыхъ крестьяне, по всей вѣроятности, переходили на земли богатыхъ бояръ. Старшіе-же бояре были противъ этого. Итакъ, первое начало ограниченій крестьянскихъ переходовъ надо относить къ XIII вѣку, при Ѳеодорѣ же Іоанновичѣ, можетъ быть даже въ первый годъ его княженія (1585), послѣдовала по этому предмету общая мѣра.

Прикрѣпленіе не могло нравиться всему крестьянству. Наши изслѣдователи, однако, расходятся во мнѣніяхъ относительно того, ухудшило или улучшило прикрѣпленіе положеніе крестьянъ. Костомаровъ говоритъ, что воспрещеніе перехода при царѣ Борисѣ могло даже улучшить бытъ крестьянъ. Съ этимъ трудно согласиться. Крестьянъ, имѣющихъ право перехода, нельзя было черезъ мѣру облагать повинностями. Какъ только переходъ былъ отмѣненъ, мѣра обложенія стала зависѣть исключительно отъ усмотрѣнія землевладѣльца.

Что прикрѣпленіе повело къ ухудшенію быта крестьянъ видно и изъ мѣръ, которыя были приняты при Борисѣ Годуновѣ. Такъ, отъ 1601 года мы имѣемъ его указъ, которымъ «отъ налога и продажъ» дается выходъ крестьянамъ. Ясно, что вслѣдствіе прикрѣпленія повинности увеличились. Чтобы поосвободить нѣсколько обѣднѣвшихъ крестьянъ, Годуновъ издаетъ частную мѣру, которою даетъ крестьянамъ право перехода, но только на одинъ годъ и притомъ не всѣмъ крестьянамъ, а только крестьянамъ городовыхъ дворянъ (не могли переходить крестьяне бояръ, монастырей, патріаршіе, дворцовые, черныхъ волостей). Эта мѣра была принята для облегченія положенія крестьянъ, сидѣвшихъ на земляхъ сравнительно бѣдныхъ владѣльцевъ. Такъ какъ вольный переходъ представлялъ для нихъ болѣе неудобствъ, чѣмъ для богатыхъ владѣльцевъ, то они первые и воспользова-

---

*) Статья его помѣщена въ Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній за 59 годъ, кн. 2-я.

лись прикрѣпленіемъ для увеличенія повинностей крестьянъ. Подобное-же частное дозволеніе выхода имѣется и отъ 1602 года. По всей вѣроятности, такія дозволенія были и въ другіе годы, хотя мы и не имѣемъ подъ руками относящихся сюда указовъ. Такимъ образомъ, общая мѣра о прикрѣпленіи совершилась при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ; при Годуновѣ дѣлались иногда исключенія, но и это прикрѣпленіе всетаки не было окончательнымъ, такъ какъ оставались урочные годы. Если бѣжавшій крестьянинъ успѣлъ скрыться гдѣ-нибудь въ теченіе урочныхъ лѣтъ (сперва 5, потомъ 10), утратившій его помѣщикъ, по прошествіи урочныхъ лѣтъ, не могъ уже о возвращеніи его бить челомъ. Понятно, что эти „урочные годы“ были невыгодны для мелкихъ владѣльцевъ и вотъ появляются новыя челобитныя, въ которыхъ помѣщики просятъ, чтобы дозволено было отыскивать крестьянъ безъ урочныхъ лѣтъ. Правительство все болѣе и болѣе расширяетъ срокъ, въ теченіе котораго можно было отыскивать бѣглыхъ. Въ 1642 г. было установлено, что можно искать крестьянъ въ теченіе 10 лѣтъ. Уложеніемъ Алексѣя Михайловича урочные годы совсѣмъ отмѣнены, —это окончательное прикрѣпленіе крестьянъ. Кто за кѣмъ записанъ по книгамъ 1646 г., тотъ, по Уложенію, за тѣмъ и остается безъ урочныхъ лѣтъ.

Уяснивъ причины и время прикрѣпленія, перейдемъ къ вопросу о томъ, какое измѣненіе произвело прикрѣпленіе въ положеніи крестьянъ. Прикрѣпляя крестьянъ, правительство вовсе не имѣло въ виду сравнять ихъ съ рабами, но это совершилось какъ естественное послѣдствіе факта прикрѣпленія. Послѣдствіемъ прикрѣпленія было крайнее умаленіе правъ крестьянъ, положеніе ихъ не только стало хуже положенія кабальныхъ, но они почти сравнялись съ полными рабами. Уложеніе еще различаетъ крестьянъ и холоповъ и принимаетъ мѣры къ тому, чтобы крестьяне оставались на землѣ; по Уложенію они признавались землепашцами, которыхъ нельзя было брать на господскій дворъ для личныхъ услугъ (XIX, 14). Въ видѣ исключенія Уложеніе дозволяетъ брать крестьянъ на помѣщичій дворъ, у кого нѣтъ рабовъ, по одному только человѣку въ дворники. Въ крайнихъ случаяхъ можно было на нѣкоторое время брать и большее число крестьянъ, но временно, для постройки двора. Несомнѣнно, что первоначально правительство дѣлало различіе между крестьянами и холопами; переходъ крестьянъ въ холопы былъ воспрещенъ (XXI, 113). Но фактъ прикрѣпленія былъ самъ по себѣ на столько чреватъ послѣдствіями, что онъ не могъ не привести къ крайнему умаленію крестьянскихъ правъ. Въ силу прикрѣпленія крестьяне какъ бы выпимаются изъ государственнаго общенія; между ними и государствомъ становится помѣщикъ. Въ рукахъ помѣщиковъ слагается полицейская власть; помѣщики наблюдаютъ за работами

крестьянъ и наказываютъ ихъ за лѣнь и нерадѣніе. Не было указа, которымъ-бы владѣльцамъ было предоставлено право наказывать крестьянъ тѣлесно, заключать въ тюрьму, сажать на цѣпь и пр. Все это появилось само собой, какъ слѣдствіе прикрѣпленія. Въ памятникахъ встрѣчаемся съ весьма любопытнымъ фактомъ, который показываетъ, какъ помѣщики получали иногда право наказывать. Въ одной порядной говорится: «я обязанъ служить такому-то, а если я служить не буду, то воленъ онъ меня сѣчь, уму-разуму учить». Право наказывать получалъ иногда помѣщикъ по добровольному соглашенію. Точно также само собой возникло и право продавать крестьянъ. Продавая землю, продавали вмѣстѣ съ тѣмъ и крестьянъ, которые были прикрѣплены къ землѣ; населеніе входило въ оцѣнку при покупкѣ земли, какъ готовая рабочая сила. Но на этомъ дѣло не остановилось: помѣщики начинаютъ продавать крестьянъ и безъ земли, хотя никакой законъ этого не разрѣшалъ. Торгъ крестьянами развился очень быстро. Уже въ началѣ XVIII вѣка Петръ Великій жалуется, что крестьянъ продаютъ какъ скотовъ, сыновей отъ отцовъ, дочерей отъ матерей, съ раздробленіемъ семействъ. Вмѣстѣ съ этимъ, гражданская имущественная личность крестьянъ также теряется; у крестьянъ, конечно, могло быть свое имущество, но фактъ прикрѣпленія повелъ къ тому, что и на это имущество мало по малу признаются права помѣщиковъ. Если господинъ оказывался несостоятельнымъ, то взысканіе обращалось на имущество его холоповъ. Это положеніе еще въ началѣ XVII вѣка, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, распространяется и на имущество крѣпостныхъ. Уложеніе признаетъ за дворянами право искать и отвѣчать на судѣ за крестьянъ своихъ по всѣмъ дѣламъ, кромѣ татьбы, разбоя, поличнаго и смертныхъ убійствъ (XIII, 7). Изъ текста Уложенія надо вывести, что дворяне не только могутъ представлять своихъ крестьянъ на судѣ, но такъ это обыкновенно и бываетъ, крестьяне-же сами не ищутъ. Судъ по крестьянскимъ дѣламъ предписано давать на тѣ-же сроки, на которые указано судъ давать на дворянъ, „потому что за крестьянъ своихъ ищутъ и отвѣчаютъ они-же дворяне“. Таковы послѣдствія прикрѣпленія. Въ XVII же вѣкѣ крѣпостные стали почти въ то-же самое положеніе, въ какомъ были рабы. Жалобы крестьянъ на помѣщиковъ не принимались, кромѣ одного случая, когда дѣло касалось измѣны (II, 13). Это правило Уложенія, лишавшее крестьянъ судебной защиты, и было главною причиной непомѣрнаго развитія помѣщичьихъ правъ.

Съ конца XVII вѣка трудно уже отличить крѣпостныхъ отъ холоповъ. Полное-же сліяніе произошло вслѣдствіе Петровскаго указа о ревизіи. До Петра Великаго единицею обложенія былъ дворъ и земля. Обложенію подлежали дворы и земли тяглыхъ людей. Холопы не

считались тяглыми и повинностей не платили. Желая перевести всѣ разнообразные платежи и повинности въ одну общую повинность, Петръ Великій взялъ за единицу обложенія не имущество, а душу. Чтобы узнать, сколько можно получить государственнаго дохода, нужно было узнать какъ велико населеніе, такъ какъ съ каждой души номинально предполагалось взимать однообразный окладъ (въ дѣйствительности предписывалось раскладывать подушную подать по мѣрѣ имущества, т. е. по мѣрѣ платежныхъ средствъ). Вотъ для чего Петръ Великій приказалъ произвести ревизію или народную перепись. По этому поводу было издано нѣсколько указовъ. Первый указъ о ревизіи былъ изданъ въ 1718 г., затѣмъ послѣдовали указы въ 1719—20 гг. и т. д. Этими указами предписывалось переписать крестьянъ и всѣхъ дѣловыхъ людей, т. е. рабовъ, устроенныхъ пашнею. Но въ первомъ указѣ не было упомянуто о дворовыхъ людяхъ, т. е. о тѣхъ рабахъ, которые жили при дворѣ помѣщиковъ и не были устроены пашнею, вслѣдствіе чего помѣщики въ первыхъ ревизскихъ сказкахъ и не упоминали о нихъ. Въ новыхъ указахъ приказывалось помѣстить въ списки даже тѣхъ рабовъ, которые не живутъ на пашнѣ, а находятся при дворѣ помѣщика для его личныхъ услугъ. Такимъ образомъ этою мѣрою все населеніе, тяглые и нетяглые рабы и крестьяне, были уравнены передъ лицомъ закона и на всѣхъ была возложена подушная подать въ одинаковой мѣрѣ.

Въ нашей литературѣ эту новую мѣру Петра Великаго иногда осуждаютъ, находя, что указами о ревизіи Петръ В. унизилъ крестьянъ до положенія рабовъ. Такого воззрѣнія держится и покойный проф. Бѣляевъ, который, вообще весьма несочувственно относится ко всѣмъ петровскимъ реформамъ. Это несправедливый упрекъ. Крестьяне еще въ XVII вѣкѣ въ своей гражданской личности были такъ умалены, что съ точки зрѣнія права трудно было провести разницу между крестьянами и рабами. Разница между ними заключалась развѣ только въ томъ, что дворовые люди повинностей въ казну не несли. Съ Петра же и они должны были нести повинности. Но это значитъ, что рабы были подняты до положенія крестьянъ, а не крестьяне низведены до положенія рабовъ. Съ указовъ о ревизіи разрядъ вольныхъ людей совершенно исчезаетъ. Ихъ предписано было отдавать обывателямъ изъ платежа подушной подати; каждый помѣщикъ могъ приписывать ихъ за себя съ тѣмъ, чтобы платить за нихъ подушную подать. Такимъ образомъ ревизія подвинула дѣло прикрѣпленія еще дальше, закрѣпивъ тѣхъ лицъ, которыя до того времени оставались свободными. Ревизія была примѣнена не только къ сельскимъ жителямъ, но и къ городскимъ, которые также были положены въ подушный окладъ. Петра В. упрекаютъ еще и за то, что онъ возложилъ отвѣтственность за неплатежъ подушной подати на

Типографія и Хромолитографія А. И. Траншеля. Стремянная, № 12.

помѣщиковъ. Бѣляевъ находитъ въ этомъ умаленіе значенія крестьянъ, такъ какъ между отбывателями повинностей, крестьянами, и государствомъ поставлены были помѣщики. Если со времени Петра В. усилилась отвѣтственность помѣщиковъ за неплатежъ повинностей, то въ этомъ нельзя видѣть умаленія правъ крестьянъ: они и въ Москвѣ были уже совершенно заслонены помѣщиками отъ государства; это скорѣе умаленіе правъ помѣщиковъ, на которыхъ возложена весьма тяжелая отвѣтственность. Изъ актовъ того времени мы знаемъ, что за неплатежъ подушной повинности крестьянами ихъ помѣщики заключались въ тюрьмы, ихъ сажали на цѣпь и держали въ такомъ заключеніи цѣлые годы; случалось, что они и умирали на цѣпи.

Петръ не только не хотѣлъ ухудшать положенія крестьянъ, а напротивъ, онъ предпринялъ нѣкоторыя мѣры къ облегченію ихъ участи. Онъ обратилъ вниманіе на продажу крестьянъ безъ земли и съ раздробленіемъ семействъ; осудивъ этотъ обычай, онъ дозволилъ продажу безъ земли только въ крайнихъ случаяхъ и то цѣлыми семействами; продажу отдѣльныхъ членовъ семьи воспретилъ. Затѣмъ Петръ предоставилъ дворовымъ право опредѣляться въ военную службу: кто изъ нихъ хотѣлъ поступить въ военную службу, могъ это сдѣлать самовольно, безъ согласія помѣщика, и прекратить такимъ образомъ свое зависимое состояніе. Законъ, запрещавшій переходъ изъ крестьянъ въ посадскіе, не всегда соблюдался: крестьяне, не смотря на запрещеніе перехода, нерѣдко переходили въ города и занимались тамъ городскими промыслами. Петръ В. далъ право такимъ крестьянамъ, которые поселились въ городѣ и имѣютъ тамъ дома, лавки и ведутъ торговлю не менѣе какъ на 500 рублей, приписываться въ городскіе жители; помѣщики не имѣли права возвратить ихъ обратно въ деревню. Но предвидя, что помѣщики будутъ брать съ такихъ крестьянъ, которые поселились въ городахъ, гораздо больше повинностей, чѣмъ съ остальныхъ, и тѣмъ могутъ приводить ихъ въ разореніе, Петръ приказалъ помѣщикамъ брать съ переселившихся въ городъ крестьянъ не болѣе того, что они брали съ обыкновенныхъ крестьянъ.

Наконецъ, Петръ В. принялъ мѣры для ограниченія помѣщичьей вотчинной власти, а именно для огражденія крестьянъ отъ истязаній со стороны помѣщиковъ и отъ разорительныхъ поборовъ. Онъ предписалъ воеводамъ наблюдать, чтобы помѣщики не разоряли и не мучили крестьянъ, а если окажется, что они разоряютъ ихъ или мучатъ, то назначать надъ имѣніемъ опекуновъ изъ родственниковъ. Таково положеніе крестьянъ въ царствованіе Петра Великаго.

При послѣдующихъ государяхъ это положеніе ухудшается. Такъ при Аннѣ Іоанновнѣ можно было покупать крѣпостныхъ въ

розницу и ставить за себя въ рекруты. Злоупотребленія помѣщиковъ по отношенію къ крестьянамъ повели къ возмущеніямъ, которыя принимали иногда серьезные размѣры, но всегда подавлялись вооруженною рукою. Елизавета Петровна, которая во многихъ отношеніяхъ слѣдовала политикѣ своего отца, относительно крестьянъ, держалась совершенно противоположнаго направленія. Въ 1760 г. былъ изданъ Сенатомъ указъ, на основаніи котораго помѣщики могли ссылать въ Сибирь нерадивыхъ крестьянъ, воровъ и пьяницъ, женатыхъ съ женами, а если захотятъ помѣщики, то и съ дѣтьми. Так. образ. помѣщики получили право, по своему усмотрѣнію, безъ всякаго суда, ссылать крестьянъ въ Сибирь на поселеніе. Правительство не только дало такое право, но и позаботилось о томъ, чтобы поощрить подобнаго рода ссылки крестьянъ. Такъ, чтобы помѣщикамъ не было ущерба отъ ссылокъ, правительство брало такихъ ссыльныхъ въ зачетъ рекрутовъ, а если помѣщикъ ссылалъ крестьянина съ дѣтьми, то правительство давало за нихъ денежное вознагражденіе, смотря по возрасту дѣтей; эта крайняя мѣра объяснялась необходимостью заселенія Сибири (П. С. З. № 11166). Помѣщики весьма широко воспользовались вновь предоставленнымъ имъ правомъ, но не столько въ видахъ заселенія Сибири, сколько въ видахъ своихъ личныхъ пользъ. Они ссылали ненужныхъ имъ стариковъ, чтобы получить рекрутскую квитанцію и тѣмъ освободиться отъ обязанности поставить въ войска здороваго и способнаго къ службѣ человѣка; женъ ссылаемыхъ крестьянъ, если только онѣ были еще годны для хозяйства, они оставляли у себя. Ссыльные жалуются, что помѣщики отправляютъ ихъ не только безъ дѣтей, но даже и безъ женъ. Мѣстныя сибирскія власти доносятъ, что ссыльные сами себя прокормить не могутъ и составляютъ великое бремя для Сибири.

Въ непродолжительное царствованіе Петра III послѣдовала важная мѣра по отношенію къ дворянамъ: обязательность службы была отмѣнена и имъ было предоставлено право служить и не служить. Съ этимъ измѣнилось и положеніе крестьянъ; крестьяне служили государству черезъ посредство помѣщика; если помѣщикъ освобожденъ отъ службы, крестьянину не было основанія работать на него. Петръ III не сдѣлалъ, однако, соотвѣтствующихъ измѣненій въ положеніи крестьянъ. Это вызвало волненія среди нихъ и частныя возстанія противъ помѣщиковъ, которыя приходилось Петру III усмирять силой.

Это положеніе дѣлъ застала императрица Екатерина II. Она дѣйствовала по отношенію къ крестьянскому вопросу крайне непослѣдовательно. Съ одной стороны, какъ женщина высоко образованная и проникнутая просвѣтительной философіей XVIII в., она не могла не сочувствовать идеѣ освобожденія крестьянъ; съ

другой—она видѣла для себя опасность въ освобожденіи. Она вступила на престолъ при исключительныхъ условіяхъ, и въ началѣ не могла находить положеніе свое совершенно прочнымъ. Всякая рѣшительная мѣра по отношенію къ освобожденію крестьянъ могла быть принята несочувственно дворянствомъ, въ поддержкѣ котораго она нуждалась. Отсюда и возникла та непослѣдовательность и робость, которая проглядываетъ во всей ея политикѣ по этому вопросу. Законодательной Коммиссіи она приготовила Наказъ для руководства, въ которомъ была высказана мысль объ освобожденіи крестьянъ. Но въ тоже время (1765 годъ) она издала указъ, которымъ предоставлялось помѣщикамъ „за продерзостное состояніе“ ссылать крестьянъ не на поселеніе въ Сибирь, какъ было установлено при Елизаветѣ Петровнѣ, а на каторгу и опять безъ всякаго суда. Не требовалось, чтобъ помѣщикъ представилъ какія нибудь улики противъ крестьянина, а достаточно, если онъ самъ находилъ его виновнымъ въ продерзостномъ состояніи и представлялъ его властямъ, которыя, не входя въ повѣрку дѣйствій помѣщика, должны были сослать крестьянина на каторгу. Затѣмъ, года 2 спустя, когда коммиссія уже получила Наказъ, императрица издала указъ, въ которомъ предписывалось крестьянамъ находиться въ безпрекословномъ подчиненіи у помѣщиковъ, а за всякія незаконныя жалобы противъ помѣщиковъ угрожалось кнутомъ и вѣчною каторгою. Подъ незаконными жалобами Екатерина разумѣла жалобы крестьянъ на помѣщиковъ, запрещенныя Уложеніемъ Алексѣя Михайловича, т. е. всякія жалобы, кромѣ жалобъ „въ великомъ государевомъ дѣлѣ“.

Такова двойственность политики Екатерины II. У себя въ кабинетѣ, гдѣ она работала надъ Наказомъ, она отдавалась мыслямъ объ освобожденіи и можно думать, что первоначальныя намѣренія ея шли дальше тѣхъ, которыя изложены въ печатномъ наказѣ. Содержаніе первоначально составленнаго императрицей Наказа, изъ котораго она потомъ выпустила около половины, до сихъ поръ, во всемъ его объемѣ, намъ неизвѣстно. Но мы знаемъ, что въ спискѣ Наказа, который былъ сообщенъ ею поэту Сумарокову, прямо говорилось объ освобожденіи крѣпостныхъ. По крайней мѣрѣ, такъ надо думать, читая возраженія Сумарокова: „сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя, писалъ Сумароковъ, скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ, а будутъ ласкать своихъ слугъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки, и непрестанно будетъ въ государствѣ междоусобная брань; а вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ

покойно въ вотчинахъ (и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ,— прибавила здѣсь императрица своею рукою), вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища, ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ. Въ другихъ государствахъ, въ Украйнѣ,—другое сему основаніе, а у насъ этого быть безъ отъятія помѣщичьяго покоя не можетъ. Мнѣ въ деревняхъ во вѣки не жить, но всѣ дворяне, а можетъ быть и крестьяне, сами такою вольностью довольны не будутъ, ибо съ обѣихъ сторонъ умалится усердіе. А это примѣчено, что помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщиковъ очень любятъ и нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ (и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи,— прибавила Екатерина). Продавать людей, какъ скотину, не должно, но гдѣ слугъ брать, когда крестьяне будутъ вольны?" Императрица осталась недовольна замѣчаніями Сумарокова. Она нашла, что „г. Сумароковъ хорошій поэтъ, но слишкомъ скоро думаетъ. Чтобъ быть хорошимъ законодавцемъ, онъ связи довольной въ мысляхъ не имѣетъ..." Надо, однако, полагать, что подобныя же замѣчанія на мысль объ освобожденіи крестьянъ она слышала и отъ другихъ лицъ. Извѣстно выраженіе Н. И. Панина. Выслушавъ нѣкоторыя части Наказа, онъ сказалъ: „ce sont des axiomes à renverser des murailles". Мы не имѣемъ основанія думать, чтобы мысли первоначальнаго Наказа, относящіяся до нашего государственнаго устройства, чѣмъ нибудь отличались отъ мыслей Наказа напечатаннаго, а потому это замѣчаніе Панина находимъ возможнымъ отнести только къ мыслямъ государыни о вольности крестьянъ, да развѣ еще къ отмѣнѣ пытки и нѣкоторымъ другимъ нововведеніямъ въ области уголовнаго права. Приведенныя замѣчанія императрица слышала отъ дворянъ, а по Наказу дворяне—опора монархіи. Естественно, что она не могла остаться равнодушной къ ихъ взглядамъ. Благодаря этому въ Наказѣ, данномъ коммиссіи, объ освобожденіи крестьянъ уже нѣтъ рѣчи, императрица даже прямо говоритъ: „не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ". Все дѣло сводится къ тому, что „законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества". Но и это робкое „могутъ" замыкается слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ: „окончимъ все сіе, повторяя правило то, что правленіе, весьма сходное съ естествомъ, есть то, котораго частное распоряженіе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, для котораго учреждается". Это заключеніе допускаетъ различныя толкованія и можетъ быть даже приведено съ пользою для защиты мнѣнія Сумарокова. Въ слѣдующихъ далѣе статьяхъ императрица касается съ крайней осторожностью вопроса о поборахъ съ крестьянъ. Она не рѣшается даже высказать мысли о необходимости установленія какой либо опредѣленной нормы крестьянскихъ по-

винностей, а только находитъ нужнымъ предписать закономъ, чтобы помѣщики съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы и такіе поборы брали, которые бы меньше отлучали мужика отъ его дома и семейства. Нѣкоторыя другія статьи (277, 278, 287, 295), касающіяся удрученнаго положенія подданныхъ, императрица даже не рѣшилась отнести прямо къ крѣпостнымъ, хотя онѣ и могутъ быть истолкованы въ ихъ пользу.

Понятно, что большинство дворянъ было противъ освобожденія, но среди депутатовъ созванной Екатериной законодательной коммисіи нашлись люди гораздо болѣе проникнутые мыслью о необходимости улучшенія быта крѣпостныхъ, чѣмъ тѣ тайные совѣтники государыни, которымъ она читала свой рукописный наказъ. Первымъ защитникомъ крѣпостныхъ выступилъ депутатъ отъ г. Углыча, канцеляристъ Духовнаго Правленія, Иванъ Сухопрудскій. Изъ мнѣнія, поданнаго Сухопрудскимъ, видно, что это былъ очень осторожный человѣкъ; свое предложеніе въ пользу крѣпостныхъ онъ сдѣлалъ съ крайнею осмотрительностью. Это совершенно естественно, онъ не могъ же не понимать, какую бурю должно было поднять среди дворянъ его заступничество за крѣпостныхъ. Въ Коммисіи шла рѣчь о законахъ, преслѣдующихъ за бѣгство крѣпостныхъ и тѣхъ, кто бѣглыхъ укрывалъ. Сухопрудскій обратилъ вниманіе Коммисіи на государственный вредъ, причиняемый бѣгствомъ, и предложилъ заняться изслѣдованіемъ причинъ, почему бѣгаютъ крѣпостные. Онъ особенно настаивалъ на томъ, что виноваты не столько бѣгающіе, сколько укрывающіе ихъ и дающіе поводъ къ бѣгству. Что касается поводовъ къ бѣгству, онъ не взялъ на себя рѣшить, отчего бѣгаютъ крестьяне, а сказалъ, что надо разсмотрѣть, не бываютъ ли тому виною и сами помѣщики, удручая крестьянъ излишними поборами и тяжкими наказаніями. Свое мнѣніе онъ заключилъ предложеніемъ сдѣлать „подробное по этому предмету ограниченіе“. Опасное слово „ограниченіе“ было такимъ образомъ произнесено, хотя и крайне осторожно, безъ указанія даже предмета ограниченія: кого ограничить, крестьянъ бѣгающихъ или помѣщиковъ ихъ притѣсняющихъ? Но помѣщики поняли, куда мѣтилъ Сухопрудскій, и одинъ изъ нихъ, депутатъ Глазовъ, человѣкъ чрезвычайно рѣзкій и не воздержанный на слово, поспѣшилъ въ слѣдующемъ же засѣданіи посмѣяться надъ канцеляристомъ по поводу того, что онъ „будто бы не можетъ примѣтить, отчего крестьяне бѣгутъ“, тогда какъ это совершенно ясно и всѣмъ извѣстно, что они бѣгутъ потому, что они разбойники, убиваютъ своихъ помѣщиковъ и бѣгаютъ, укрываясь отъ преслѣдованія за совершенныя ими преступленія. Вслѣдъ за этимъ разъясненіемъ Глазовъ выскался и противъ всякаго ограниченія помѣщичьей власти, потому что отношеніе по-

мѣщиковъ къ крестьянамъ зиждется, по его мнѣнію, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ зиждется и отношеніе родителей къ дѣтямъ.

Вторымъ защитникомъ крѣпостныхъ выступилъ однодворецъ Рязанской провинціи, Василій Кипенскій. Однодворецъ, какъ и надо было ожидать, высказался гораздо рѣшительнѣе канцелярскаго чиновника: безъ всякихъ оговорокъ онъ предложилъ ограничить крестьянскія повинности въ пользу помѣщиковъ двумя днями работы въ недѣлю, а остальное время предоставить крестьянамъ работать на себя и для отбыванія государственныхъ повинностей. Ему возражалъ тотъ же Глазовъ, но на этотъ разъ уже не шуточками, наоборотъ, онъ старается навести страхъ и ужасъ на собраніе описаніемъ тѣхъ опасныхъ послѣдствій, которыя произойдутъ отъ такого ограниченія: хлѣбородія не будетъ, купцамъ и всѣмъ прочимъ людямъ не будетъ по дорогамъ проѣзду, православіе падетъ, расколъ умножится, владѣльцевъ станутъ убивать.

Послѣ этого обмѣна мыслей за и противъ ограниченія помѣщичьей власти, на защиту крѣпостныхъ выступили и представители дворянъ. Первымъ говорилъ въ ихъ защиту депутатъ Козловскаго дворянства, артиллеріи поручикъ, Григорій Коробьинъ. Его мнѣніе есть прямой отвѣтъ на предложеніе Сухопрудскаго. Коробьинъ взялъ на себя изслѣдовать причины бѣгства крѣпостныхъ. Онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что главная причина бѣгства—неограниченная власть помѣщиковъ и проистекающія отъ того злоупотребленія *). Онъ дѣлаетъ предложеніе

---

*) „Когда токмо войду въ такія мысли, говорилъ Коробьинъ, то самъ себя увѣрить не могу, чтобы одни только крестьяне были причиною своего бѣгства. Чего ради долженъ бываю посмотрѣть на самихъ помѣщиковъ, какъ они поступаютъ съ ними. Они берутъ съ крестьянъ болѣе обыкновеннаго подати, отдаютъ ихъ въ работу къ своимъ кредиторамъ зарабатывать проценты своихъ долговъ, отбираютъ крестьянское имущество. Но ежели все сіе безпристрастно разсмотримъ, увидимъ точно, что сіе угрожаетъ раззореніемъ цѣлому государству. Ибо тогда только процвѣтаетъ, или въ силѣ находится общество, когда составляющіе оное члены всѣ довольны; отъ сего ихъ спокойствіе, отъ сего и духъ къ защищенію своего отечества распаляющійся происходитъ. Но какъ извѣстно, что земледѣльцы суть душа общесву, слѣдовательно, когда въ изнуреніи пребываетъ душа общества, тогда самое общество слабѣетъ; разоряя крестьянъ, разоряются всѣ прочіе въ государствѣ... Если бы всякій изъ владѣльцевъ извѣстенъ былъ, что не болѣе отъ своего земледѣльца потребовать можетъ, какъ только то, что законами предписано, то симъ бы образомъ могли пресѣчься злоупотребленія, происходящія отъ непосредственной власти помѣщика надъ имѣніями своихъ крестьянъ“. Сославшись затѣмъ на 235 и 261 ст. Б. Н., Коровьинъ продолжалъ: „Надлежитъ, слѣдовательно, предписать законами, дабы земледѣльцы вѣдали, что они имѣютъ своего собственнаго. Премудрое умствованіе, изъявляющее матернее сердце! Видите, почтенные гг. депутаты, что матерь наша къ намъ вѣщаетъ. Она внушаетъ, что земледѣлія нѣтъ ничего полезнѣе въ государствѣ. Она учитъ, что земледѣліе въ томъ обществѣ весьма въ худомъ состояніи находится, гдѣ крестьяне ничего не признаютъ

опредѣлить закономъ объемъ крестьянскихъ повинностей и признать за крестьянами права собственности на принадлежащія имъ движимости.

Съ этого дня весь интересъ борьбы сосредоточивается на предложеніи Коробьина. Противъ него выступаютъ десять оппонентовъ, все дворяне. Они возражаютъ ему и по существу, находя предложеніе его непрактичнымъ и безполезнымъ, и съ точки зрѣнія дворянской чести. Одинъ оппонентъ увидалъ въ его мнѣніи поношеніе всему благородному корпусу дворянства, другой заподозрилъ даже, въ самомъ ли дѣлѣ Коровбинъ депутатъ и можетъ говорить отъ имени дворянъ. Депутатъ углицкаго дворянства, ген.-маіоръ Опочининъ не находилъ полезнымъ имѣть крѣпостныхъ и не касаться ихъ имущества. Въ этомъ смыслѣ высказался и депутатъ зарайскаго дворянства, отставн. капитанъ Кондыревъ. Представитель дворянства тверскаго уѣзда, лейбъ-гвардіи подпоручикъ Неклюдовъ, доказывалъ, что Россія никогда не чувствовала никакого вреда отъ власти помѣщиковъ, всякія ограниченія ея находитъ безполезными, такъ какъ побѣги, по его мнѣнію, происходятъ единственно отъ развращенія нравовъ, и, наконецъ, обратилъ вниманіе на непослѣдовательность Коробьина: „ограничить поборы и оставить власть по прежнему—сіи два существа вмѣстѣ быть не могутъ“ заключилъ онъ свою рѣчь. Противъ Коробьина выступилъ и князь Щербатовъ. По его мнѣнію, крестьяне бѣгаютъ не отъ одного неправосудія и мздоимства помѣщиковъ, но и отъ „пространства Россійской Имперіи, вмѣщающаго въ себѣ 8 климатовъ по земному шару, что понуждаетъ многихъ искать способнѣйшаго жилища“. Остановившись на вопросѣ о признаніи за крестьянами права собственности на земли, онъ спрашивалъ: „откуда взять имъ земли? Если у помѣщиковъ, то это значитъ лишить ихъ кровью пріобрѣтеннаго“. Особенною язвительностью отличается возраженіе депутата муромскаго дворянства, отставнаго гвардіи капитана Ивана Чаадаева. Онъ находилъ, что „мнѣніе Коробьина, дабы осчастливить государство изобрѣтеніемъ новѣйшей пользы, есть столь похвально, сколь важно его содержаніе; но способы, къ тому предложенные, единою мечтою назвать должно. Не стѣсненіемъ власти благонравныхъ помѣщиковъ, но исправленіемъ злонравныхъ благоденствіе земледѣльцамъ доставить должно“. Де-

---

за свое собственное. Надобно предписать закономъ, чтобы крестьянинъ платилъ помѣщику ежегодно извѣстную дань. Однако же, по силѣ 277 ст. даннаго намъ Наказа, умѣренную...“ Коробьинъ хорошо понималъ, что голосъ его не можетъ расчитывать на сочувствіе большинства дворянъ и потому постарался сказать, что нашелъ возможнымъ, и для ихъ успокоенія. Въ заключеніи своего голоса онъ разъясняетъ, что дѣло идетъ только объ огражденіи имущественныхъ правъ крестьянъ, права же помѣщиковъ по управленію своими подданными остаются неприкосновенными.

путатъ тамбовскаго дворянства, камеръ-юнкеръ Лопухинъ, выразилъ опасеніе, что уменьшеніе власти помѣщиковъ произведетъ разрушеніе тѣхъ основаній, на которыхъ утвердясь отечество наше достигло столь высокой степени славы и благоденствія. Этотъ споръ, въ которомъ противники Коробьина высказали не мало остроумія и ѣдкой ироніи, длился цѣлый мѣсяцъ. Коробьинъ самъ возражалъ своимъ оппонентамъ и нашелъ поддержку какъ среди дворянъ, такъ и между крестьянами. Изъ послѣднихъ, Коробьина поддержалъ представитель черносошныхъ крестьянъ архангельской провинціи, Иванъ Чупровъ. Этотъ крестьянинъ не побоялся отвѣтить на цѣлый рядъ дворянскихъ рѣчей и, между прочимъ, на рѣчь извѣстнаго историка и краснорѣчиваго оратора, князя М. М. Щербатова. Князь въ защиту неприкосновенности дворянскихъ правъ произнесъ патетическую рѣчь, въ которой указывалъ на заслуги дворянъ и пролитую ими кровь въ защиту отечества *). Его рѣчь произвела сильное впечатлѣніе. Чупровъ такъ ему отвѣтилъ: „правда, что заслуга и завсегда признается за справедливо, и честь дворянская за достоинство почитается, да однако же и всякаго званія люди во всемъ государствѣ не безъ порученныхъ дѣлъ остаются, за кѣмъ какая должность, то по возможности своей все отправляютъ; только нынѣ дѣло не о томъ идетъ, и гг.

---

*) Привожу то мѣсто его рѣчи, гдѣ онъ указываетъ, на невозможность надѣлить крестьянъ помѣщичьими землями: „справедливо ли будетъ лишить сей корпусъ самыхъ сихъ земель, которыя его обязываютъ къ службѣ отечеству, или, что, лучше сказать, онъ отчиной своей почитаетъ, и отнять не токмо кровью, но и деньгами купленныя ими имѣнія? и за награжденіе, что отъ ига татарскаго Россію освободили, что всегда нерушимою вѣрность сохраняли, что запечатлѣли свое усердіе къ своимъ монархамъ во время бунтовъ ругательными и мучительными смертями, что многія провинціи Россіи пріобрѣли у нихъ самое то награжденіе отнять, дабы отдать ихъ подданнымъ, которые никогда къ сему права не имѣли, или токмо послѣдовали ведущимъ ихъ предводителямъ? Нѣтъ, и изображеніе сего довольно, мню, самаго неправосудпаго въ ужасъ приводитъ! И не должны мы и помнить, чтобы лучшій законъ, какой во вселенной можетъ быть, возмогъ начаться такимъ правосудіемъ! Великая Екатерина, коей мудрости вселенная удивляется, древнія вольности утѣсненнымъ народамъ сохраняя, не можетъ то терпѣть, чтобы вѣрные ея подданные такого правосудія страшиться могли. Позволь мнѣ, почтеннѣйшій маршалъ, едину рѣчь сказать всѣмъ симъ поселянамъ, которые здѣсь обрѣтаются для устроенія общаго благополучія! Скажите, почтенные депутаты, скажите, вы слыхали отъ отцовъ своихъ, коликія заслуги корпусъ дворянскій всей Россіи оказалъ? Еще во многихъ у васъ мѣстахъ видны развалины разрушенныхъ храмовъ, запустошенныя селенія отъ ярости иновѣрцевъ! Кто вамъ православную вѣру сохранилъ? Кто отъ ига и мучительства варваръ и чужеземцевъ васъ избавилъ, если то не дворяне? Толь ли награжденія отцы наши, имѣя честь предводительствовать своихъ слугъ противъ общихъ непріятелей и защищать православную вѣру и государство, надѣялись получить, чтобы нынѣ ихъ потомковъ съ тиранами сравнять? Такое ли будетъ отъ васъ награжденіе за спасеніе васъ и душъ вашихъ? Но вижу, всѣ равнымъ усердіемъ пылая и отъ напоминовенія сего очи отвращаютъ, то какже за полезное можно принять, что толь не правосудно всѣму свѣту является?“

депутаты не на то собраны, чтобы чести себѣ приписывать, но въ сходственность большаго Наказа о узаконеніи всѣхъ вообще и каждаго особенно. То по сему, никакой вещи не надо остаться безъ узаконенія и для того не должно, кажется, оставить безъ опредѣленнаго закона и помѣщичьихъ крестьянъ".

На мнѣніе тѣхъ депутатовъ, которые были противъ улучшенія быта крѣпостныхъ, потому что помѣщичьи крестьяне, будто бы, болѣе поощряются къ хлѣбопашеству, чѣмъ государственные, и что господа поддерживаютъ своихъ крѣпостныхъ во время голода и другихъ бѣдствій, Чупровъ возразилъ: „о таковыхъ весь свѣтъ знаетъ, кто у кого подъ защитою и въ добромъ поведеніи и въ немучительствѣ жительство имѣетъ у помѣщика, или у хозяина, того похулить едва-ли кто отважится; да и не на тѣхъ помѣщиковъ поношеніе, которые благоразумными учрежденіями крестьянъ своихъ управляютъ, да и г. Коробьинъ не о таковыхъ, но о безмѣрно мучащихъ крестьянъ своихъ и несносныя дани собирающихъ представляетъ; по слуху довольно таковыхъ признавается: недовольны тѣмъ, что по желанію своему, по окладу съ души берутъ деньгами, съ нихъ же еще и съ домашняго произращенія сверхъ денегъ сбираютъ, да ихъ же и въ работу берутъ; почему оный г. депутатъ и правильно желаетъ узаконить, въ чемъ помѣщикамъ имѣть власть надъ крестьянами".

Изъ дворянъ въ пользу улучшенія быта крѣпостныхъ высказался депутатъ отъ шляхетства Екатерининской провинціи, маіоръ Яковъ Козельскій. Онъ находилъ необходимымъ опредѣлить барщину въ два рабочихъ дня въ недѣлю, а для оброчныхъ имѣній оброкъ, стоимостью двухъ рабочихъ дней, по мѣстнымъ цѣнамъ. Движимое и недвижимое имущество крестьянъ должно было оставаться въ ихъ пользованіи съ тѣмъ, чтобы безъ позволенія помѣщика они не могли закладывать его и продавать, но владѣли бы имъ потомственно, безъ вмѣшательства помѣщика. Развивъ эти положенія, онъ обратилъ вниманіе собранія на пчелу, которая защищаетъ пріобрѣтенное трудомъ своимъ и жалитъ, и продолжалъ: „крестьянинъ впередъ знаетъ, что все, чтобы ни было у него, то не его, а помѣщиково; каковому человѣку надобно въ такомъ случаѣ быть, чтобы еще и хвалу заслужить? И какъ ему быть добронравну и добродѣтельну, когда ему не остается никакого средства быть такимъ? Въ семъ насиліи онъ принужденъ и себѣ недоброхотствовать, а отъ того и пьянствовать, будучи въ уныніи, а не отъ лѣности. И верховная власть, по самодержавію своему, не требуетъ болѣе опредѣленной всякому службы; желать владѣть крестьянами безпредѣльно—значитъ желать большаго".

Послѣднимъ говорилъ опять однодворецъ Бѣлгородской провинціи, Андрей Масловъ. Выслушавъ всѣ предшествующія пре-

нія, онъ возвратился къ мнѣнію Кипенскаго; указалъ на нѣкоторыя практическія его неудобства и съ своей стороны предложилъ самую радикальную мѣру: взять всѣхъ крестьянъ въ казенное управленіе. Казна должна вѣдать крестьянъ судомъ и сборомъ повинностей. Всѣ крестьяне переводятся на оброкъ и вносятъ его въ мѣстныя провинціальныя управленія, которыя передаютъ его по принадлежности—помѣщику. Это уже полное освобожденіе крестьянъ отъ помѣщичьей власти, хотя съ обязанностью постоянно платить господскій оброкъ. Мысль, передъ которой остановилась самодержавная государыня, была высказана однодворцемъ. Масловъ доказываетъ необходимость своей мѣры статьями большаго Наказа. „Наказъ, говоритъ онъ, предписываетъ дѣлать такъ, чтобы всѣ люди боялись законовъ, и никого кромѣ законовъ не боялись". Изъ этой и нѣкоторыхъ другихъ статей Масловъ и выводитъ необходимость отмѣнить зависимость крѣпостныхъ отъ помѣщиковъ. Любопытное указаніе на то возбужденіе мыслей, которое произвелъ Наказъ Екатерины среди депутатовъ. Этимъ мнѣніемъ заключились пренія.

Какое же было мнѣніе самой Коммиссіи? Этотъ вопросъ остался невыясненнымъ. Коммиссіи не было предложено высказаться голосованіемъ, какъ смотритъ она на вопросъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ. Дѣло ограничилось тѣмъ, что всѣ заявленныя мнѣнія были препровождены въ частную коммиссію о разборѣ родовъ государственныхъ жителей.

Мы имѣемъ, однако, нѣкоторыя косвенныя указанія на отношеніе ея къ этому дѣлу. Большая Коммиссія избирала изъ среды своей членовъ въ частныя коммиссіи, которыя занимались составленіемъ проектовъ законовъ. Въ производившихся съ этой цѣлью баллотировкахъ естественно выражалась степень сочувствія депутатовъ къ баллотируемымъ. Среди баллотируемыхъ не разъ встрѣчается и Коробьинъ. Сопоставленіе полученныхъ имъ избирательныхъ и неизбирательныхъ шаровъ приводитъ къ слѣдующему выводу.

Число избирательныхъ шаровъ у него возростаетъ по мѣрѣ того, какъ разгорается споръ по поводу высказаннаго имъ мнѣнія о крѣпостныхъ. Онъ баллотировался 27 апрѣля, еще до возбужденія вопроса о бѣглыхъ, и получилъ 102 избирательныхъ изъ 221, т. е., былъ забаллотированъ. Въ слѣдующій разъ ему пришлось баллотироваться въ тотъ самый день, когда онъ выступилъ со своей защитой крѣпостныхъ, нѣсколько минутъ спустя послѣ произнесенія рѣчи въ ихъ пользу. На этотъ разъ онъ получилъ 174 избирательныхъ изъ 287, т. е. былъ избранъ большинствомъ 61 голоса. Черезъ десять дней, въ то время, когда вниманіе депутатовъ къ возбужденному имъ вопросу достигло наибольшаго напряженія, такъ какъ въ предшествовав-

шіе дни шли пренія о крѣпостныхъ и собраніе выслушало четырехъ ораторовъ, опровергавшихъ его мнѣніе,—ему пришлось баллотироваться вновь. На этотъ разъ онъ получилъ 260 избирательныхъ изъ 306: противъ него было только 46 голосовъ. Это такое громадное большинство, которое является совершенно исключительнымъ въ баллотировкахъ собранія (при избраніи маршала, гр. Ив. Орловъ получилъ 278, но изъ 428, а братъ его Григорій только 228). Ясно, что большинство собранія было на сторонѣ Коробьина, а не его противниковъ; положивъ ему 260 избирательныхъ, оно сдѣлало прямую демонстрацію въ пользу его мнѣнія. Въ этомъ убѣждаемся и изъ того, что число бѣлыхъ шаровъ у противниковъ Коробьина уменьшается по мѣрѣ того, какъ обнаруживаются ихъ мнѣнія. Къ числу такихъ противниковъ принадлежитъ Григорій Бровцынъ, депутатъ Трубческаго дворянства. Въ засѣданіи 16 мая онъ получилъ 116 избирательныхъ и 177 неизбирательныхъ; 21 мая онъ произноситъ рѣчь противъ Коробьина, въ слѣдующемъ засѣданіи баллотируется и получаетъ 76 бѣлыхъ и 190 черныхъ. Число черныхъ у него почти удвоилось. Это даетъ поводъ думать, что большинство депутатовъ было въ пользу, если не освобожденія крестьянъ, то ограниченія помѣщичьей власти.

Противоположное мнѣніе, высказанное покойнымъ Д. В. Полѣновымъ, основано на цифрѣ ораторовъ, говорившихъ за улучшеніе и противъ. Онъ насчиталъ 18 депутатовъ, говорившихъ противъ, и 3-хъ за улучшеніе. Этотъ счетъ былъ сдѣланъ по рукописи дневныхъ записокъ, еще до ихъ напечатанія. Этимъ надо объяснять вкравшуюся въ счетъ неточность. Всего говорило 18 человѣкъ, изъ нихъ 8 за улучшеніе и 10 — противъ. Но если бы защитниковъ крѣпостнаго права было и еще больше, это ничего не доказывало бы относительно настроенія большинства членовъ, а свидѣтельствовало бы только о томъ, что среди противниковъ улучшенія быта крѣпостныхъ болѣе ораторовъ, чѣмъ среди защитниковъ.

Настроеніе большинства, благопріятное идеѣ улучшенія быта крѣпостныхъ, отразилось и на императрицѣ: оно оживило ея надежды на возможность дать движеніе вопросу о вольности крестьянъ. Это доказывается проектами правъ дворянскихъ и крестьянскихъ, составленныхъ въ частныхъ коммиссіяхъ, члены которыхъ, есть основаніе думать, находились подъ ея вліяніемъ. И въ томъ и другомъ проектѣ рѣчь идетъ о „свободныхъ деревняхъ“, т. е. о помѣщичьихъ имѣніяхъ, населенныхъ свободными крестьянами. Обладателямъ такихъ деревень предоставляются нѣкоторыя преимущества, которыхъ были лишены обладатели деревень крѣпостныхъ. Свободныя имѣнія можно было завѣщать и дарить по усмотрѣнію, безъ всякихъ ограниченій, а

продавать и покупать безъ платежа пошлины. Этими мѣрами Екатерина хотѣла поощрить переходъ крѣпостныхъ крестьянъ въ состояніе свободныхъ.

Но это послѣдній отголосокъ тѣхъ доброжелательныхъ для крѣпостныхъ стремленій, съ которыми Екатерина вступила на престолъ. Засѣданія Коммиссіи были прерваны турецкой войной и заготовленные проекты не получили окончательной обработки. Послѣдовавшія за тѣмъ побѣды, упоеніе славой и привычка властвовать, развивавшаяся съ каждымъ годомъ, отвлекли императрицу отъ увлеченій юности и дали совсѣмъ другое направленіе ея мыслямъ. XVIII вѣку не было суждено увидать не только освобожденія крѣпостныхъ, но даже и улучшенія ихъ быта.

Екатерина затемнила даже смыслъ петровскаго постановленія, по которому имѣнія помѣщиковъ, жестоко обращавшихся съ крестьянами и разорявшихъ ихъ, отдавались въ опеку. Въ учрежденіи о губерніяхъ 1775 года читаемъ: „какъ государеву намѣстнику благочиніе или полиція городская и сельская подчинены, то онъ имѣетъ пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишества, безпутства, мотовство, тиранство и жестокость“. Петръ указалъ средства для обузданія помѣщичьей жестокости и разоренія крестьянъ, между тѣмъ какъ Екатерина говоритъ вообще о правѣ начальниковъ губерній обуздывать роскошь, тиранство, жестокость и пр., не указывая, однако, самыхъ средствъ обузданія. Вотъ почему въ присутственныхъ мѣстахъ возникло даже сомнѣніе, можно ли отдавать въ опеку имѣнія помѣщиковъ, если они будутъ жестоко обращаться съ крестьянами и разорять ихъ. Александру I пришлось разъяснить, что въ такомъ случаѣ имѣнія помѣщиковъ можно отдавать въ опеку.

Помимо усиленія помѣщичьей власти при имп. Екатеринѣ, происходитъ и распространеніе крѣпостнаго права на Малороссію. Къ этому времени въ Малороссіи, которая долго была подъ владычествомъ Польши, свободныхъ крестьянъ оставалось немного, но все таки тамъ удержалась еще нѣкоторая свобода. Въ Малороссіи еще оставались вольные крестьяне, которые переходили съ мѣста на мѣсто и жили по своему усмотрѣнію на землѣ того или другаго помѣщика. Подъ вліяніемъ шляхетскихъ идей свобода этихъ крестьянъ постоянно ограничивалась. Одно изъ такихъ ограниченій состояло въ томъ, что вольные пахатные люди, если прожили у помѣщика болѣе 10 лѣтъ, лишались права свободнаго выхода: чтобы уйдти, они должны были уплатить всю первоначальную ссуду и еще 10 копъ грошей. Малороссійское шляхетство оказывало сильное стремленіе стѣснить свободу крестьянъ. На такого ро-

да попытки крестьяне подавали жалобы въ царствованіе Петра В. и Елизаветы Петровны. Петръ В. и Елизавета разрѣшали эти жалобы въ пользу крестьянъ и запрещали крѣпить ихъ. Даже Анна Іоанновна въ томъ же смыслѣ разрѣшала жалобы крестьянъ. Елизавета Петровна издала постановленіе, въ силу котораго всѣ крѣпости, прежде написанныя на вольныхъ крестьянъ, были объявлены ничтожными. Она же воспретила обращать въ рабы по старинному правилу: „по рабынѣ холопъ", т. е. если свободный женился на рабынѣ. Затѣмъ было отмѣнено также старинное правило, по которому человѣкъ, прослужившій нѣкоторое время извѣстному лицу, дѣлался его рабомъ. Таково направленіе политики первыхъ государей XVII в. относительно малороссійскихъ крестьянъ.

Екатерина II держалась совершенно противоположнаго направленія. Она обнаружила это направленіе еще въ 1766 году по одному частному случаю. До нея дошло свѣдѣніе, что малороссійскіе крестьяне отказали въ повиновеніи помѣщику и вышли изъ его послушанія; она приказала отдать этихъ крестьянъ помѣщику, въ полное послушаніе (П. С. З. № 12. 733). Затѣмъ въ 1783 г. Екатерина II распространила на всю Малороссію прикрѣпленіе крестьянъ. Этому предшествовала перепись малороссійскихъ податныхъ сословій, затѣмъ уравненіе малор. крестьянъ съ великорос. въ платежѣ податей, а наконецъ, и прикрѣпленіе „для вѣрнаго полученія казеннаго дохода". Крестьяне сдѣлались собственностью, которую стали продавать съ землей и безъ земли (П. С. З. № 15. 278, 15. 724, 18. 706). При Екатеринѣ II крѣпостное право было расширено и въ территоріальномъ отношеніи.

Необходимо указать еще и на другой способъ расширенія крѣпостнаго права, который возникъ хотя и раньше, но въ царствованіе Екатерины II практиковался въ обширныхъ размѣрахъ, — это пожалованіе разнымъ лицамъ земель государственныхъ крестьянъ съ населеніемъ. Всего въ царствованіе Екатерины II было роздано до 800 тысячъ душъ государственныхъ крестьянъ въ частное владѣніе. Пожалованные обыкновенно приглашали императрицу въ свои новыя имѣнія, въ которыхъ на этотъ случай устраивали тріумфальныя арки съ приличными надписями: „щедротами Екатерины" и т. п... Любопытно, что кн. Щербатовъ, который высказался въ пользу удержанія крѣпостнаго права въ прежнемъ его видѣ, далеко не сочувственно относился къ этой отдачѣ свободныхъ крестьянъ въ частныя руки. Онъ говорилъ, что пожалованные должны бы на аркахъ тріумфальныхъ писать кромѣ словъ: „щедротами Екатерины", еще слова: „и разореніемъ Россіи". При императорѣ Павлѣ запасъ государственныхъ крестьянъ, изъ котораго давались пожалованія, уже

началъ истощаться (до начала 19 вѣка было роздано государственныхъ крестьянъ въ частныя руки болѣе 1 милліона 200 тысячъ), но пожалованія продолжались. Державинъ говоритъ: „близкіе къ государю люди выпрашиваютъ у него великое количество земель; для удовлетворенія ихъ правительство отбирало у казенныхъ крестьянъ всѣ лишнія земли, сверхъ 8 десят. на душу.“

Царствованіе Екатерины можно разсматривать какъ такое, въ которомъ крѣпостное право достигаетъ своего высшаго развитія. Съ первою попыткою улучшенія положенія крѣпостныхъ встрѣчаемся при императорѣ Павлѣ, которому принадлежитъ честь нѣкотораго ограниченія правъ помѣщиковъ: онъ опредѣлилъ число рбочихъ дней въ пользу помѣщика указомъ 1797 г. (№ 17909). Рабочее время раздѣлялось поровну между помѣщиками и крестьянами, крестьяне должны были работать три дня на помѣщика, а остальное время на себя; праздники оставались свободными. Но это постановленіе не имѣло большаго практическаго значенія, такъ какъ при императрицѣ Екатеринѣ II крестьянамъ было подтверждено запрещеніе жаловаться на помѣщиковъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда помѣщики оказывались виновными въ великомъ государевомъ дѣлѣ. Крестьяне не имѣли права иска противъ помѣщика на тотъ случай, когда помѣшикъ заставлялъ ихъ работать больше, чѣмъ было опредѣлено по закону. Только мѣстныя власти должны были наблюдать, чтобы помѣщики не требовали отъ крестьянъ большихъ работъ, чѣмъ это было опредѣлено въ законѣ.

При Александрѣ I встрѣчаемся съ дальнѣйшими попытками улучшенія положенія крѣпостныхъ. Самъ императоръ былъ несомнѣнно настроенъ въ пользу улучшенія быта крѣпостныхъ, но среди окружавшихъ его было мало сочувствія къ этому дѣлу. Въ началѣ его царствованія появилось сочиненіе графа Стройновскаго объ улучшеніи положенія крѣпостныхъ. Эта книга вызвала неудовольствіе среди лицъ высшаго общества. Между прочимъ, бывшій статсъ-секретарь Екатерины II, Поповъ, нашелъ нужнымъ написать особенную записку императору, въ которой говоритъ: „чтеніе появившейся нынѣ книги о вольностяхъ крестьянскихъ произвело во мнѣ ужасное воображеніе. Подобныя мысли всегда появляются на устахъ мятежниковъ“. Этотъ протестъ не понравился, однако, государю, онъ отвѣчалъ его автору: „писаніе ваше я нахожу совершенно излишнимъ; въ упомянутой книгѣ ничего не вижу опаснаго“.

Въ томъ же духѣ высказывался и извѣстный Растопчинъ *), который по поводу той же книги писалъ: „авторъ одностороненъ:

*) Замѣчанія на книгу Стройновскаго. Чтенія, кн. II, 1860.

онъ не видитъ счастья, которымъ крестьянинъ пользуется, бывъ совершенно обезпеченъ на случай голода, нищеты и нужды. Давно съ негодованіемъ читалъ я бредни иностранцевъ на счетъ рабства въ Россіи и описанія онаго перомъ презрѣнія". Въ пользу крѣпостнаго права высказывается и Каразинъ: „въ государствахъ монархическихъ, говоритъ онъ, всѣ подраздѣленія ихъ должны быть также монархическими: одно начало должно быть развито во всѣхъ частяхъ сего великаго тѣла, дабы онѣ имѣли прочную связь". На помѣщиковъ онъ смотритъ какъ на наслѣдственныхъ чиновниковъ. Это генералъ-губернаторы въ маломъ видѣ.

Но въ то же время раздавались голоса и въ другомъ направленіи. Въ пользу отмѣны крѣпостнаго права высказался Николай Ивановичъ Тургеневъ. Онъ служилъ въ канцеляріи Государственнаго Совѣта. Въ 1818 году онъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: Опытъ теоріи налоговъ, которое имѣло большой успѣхъ: въ томъ же году все изданіе было раскуплено, въ 1819 вышло новое. Тургеневъ сильно порицалъ крѣпостное право, но нажилъ себѣ этимъ гораздо болѣе враговъ, чѣмъ друзей. Даже нашъ знаменитый исторіографъ Карамзинъ находилъ Тургенева опаснымъ, онъ называлъ его „страшнымъ либералистомъ". Тургеневъ принадлежалъ къ союзу благоденствія. Но онъ во многомъ расходился съ цѣлями другихъ членовъ союза, мечтавшихъ объ ограниченіи верховной власти и введеніи государственнаго устройства, похожаго на англійское; Тургеневъ, напротивъ, находилъ, что освобожденіе крестьянъ должно предшествовать измѣненіямъ въ организаціи верховной власти. Согласно съ этимъ, онъ представилъ государю проектъ мѣръ, которыя должны были предуготовить освобожденіе крестьянъ. Эти мѣры состояли въ томъ, чтобы ограничить трудъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ, отмѣнить розничную продажу крѣпостныхъ, отмѣнить продажу безъ земли и предоставить крестьянамъ право перехода. Эти мѣры не далеко отходили отъ тѣхъ, необходимость которыхъ была признана еще въ половинѣ 18 вѣка.

Что же сдѣлалъ Александръ I-й? Въ 1803 году послѣдовалъ указъ, учреждавшій особенный разрядъ свободныхъ хлѣбопашцевъ. Поводъ къ этому былъ слѣдующій: графъ Сергѣй Румянцевъ, желая отпустить своихъ крестьянъ на волю съ землею и справедливо опасаясь, что такое освобожденіе можетъ возбудить споры со стороны его наслѣдниковъ, обратился къ императору съ просьбою, чтобы это его распоряженіе получило законную силу. Александръ I нашелъ возможнымъ не только удовлетворить просьбу Румянцева, но и издать общее постановленіе, которымъ всякому помѣщику дозволялось отпускать на волю своихъ крестьянъ съ землею. Земля пріобрѣталась крестьянами въ собствен-

ность или единовременной уплатой капитала, или отбываніемъ въ теченіе извѣстнаго срока опредѣленныхъ повинностей, которыя крестьяне обязывались нести въ видѣ погашенія долга за землю. Примѣръ графа Румянцева нашелъ не много подражателей; число крѣпостныхъ, поступившихъ въ разрядъ свободныхъ крестьянъ, было очень небольшое. Это объясняется тѣмъ, что освобожденіе крестьянъ зависѣло отъ доброй воли помѣщиковъ. Въ первыя 20 лѣтъ послѣ выхода указа было освобождено всего 30 тысячъ крестьянъ, въ томъ числѣ одинъ князь Голицынъ освободилъ 20 тысячъ. До восшествія на престолъ императора Александра II, т. е. въ теченіе 50 лѣтъ, было освобождено всего 140 тысячъ крестьянъ. Это была первая мѣра, направленная къ освобожденію крестьянъ при Александрѣ I. Въ 1816 г. послѣдовало освобожденіе крестьянъ въ Эстляндіи, а два года спустя въ Курляндіи; но освобожденіе безъ земли, крестьяне получили только личную свободу. Около этого времени императоръ Александръ былъ занятъ и мыслью объ освобожденіи крестьянъ въ русскихъ губерніяхъ. Онъ поручилъ гр. Канкрину, впослѣдствіи министру финансовъ, составить проектъ освобожденія. Дѣйствительно, Канкринъ составилъ проектъ и притомъ, согласно желанію императора, проектъ освобожденія крестьянъ съ землею, такъ какъ опыты освобожденія безъ земли въ остзейскихъ провинціяхъ оказались неудачными. По проекту Канкрина, крестьяне должны были выкупить у помѣщиковъ назначаемую имъ землю; вся операція была разсчитана на 60 лѣтъ, окончательное освобожденіе крестьянъ послѣдовало бы не раньше 1880 года. Подобная же работа была возложена и на Аракчеева, который, по своимъ личнымъ мыслямъ далеко не былъ склоненъ къ освобожденію крестьянъ, но, какъ хитрый царедворецъ, не отказался отъ составленія проекта. Разсказываютъ, что когда императоръ спрашивалъ его мнѣнія, онъ обыкновенно отвѣчалъ: «дѣйствую Вашимъ умомъ». Подобнымъ поведеніемъ онъ снискалъ безграничное довѣріе государя. Проектъ Аракчеева состоялъ въ томъ, что правительство должно было выкупить крестьянъ съ землею въ казну по соглашенію съ помѣщиками. Такой выкупъ могъ быть приведенъ въ осуществленіе только въ теченіе очень продолжительнаго времени, такъ какъ по проекту Аракчеева правительство должно было ассигновать на это ежегодно пять милліоновъ рублей. Итакъ, у Александра I созрѣла уже мысль объ освобожденіи крѣпостныхъ съ землей. Но война съ Наполеономъ постоянно отвлекала его отъ внутреннихъ дѣлъ. Въ высшихъ же чинахъ государства сочувствія къ освобожденію не было. Когда вопросъ о запрещеніи продажи въ розницу обсуждался въ Государственномъ Совѣтѣ, онъ нашелъ себѣ болѣе противниковъ, чѣмъ сторонниковъ. Противъ запрещенія высказался и членъ Государственнаго

Совѣта Шишковъ, онъ сказалъ: „въ то время, когда мы видимъ и слышимъ, что почти всѣ европейскія державы мятутся и волнуются, наше благословенное отечество всегда пребывало и пребудетъ спокойнымъ. Далеко прославленныя побѣды и внутренняя тишина не указываютъ ли, что оно больше благополучно и больше благоденствуетъ, чѣмъ всѣ другіе народы. Не есть ли это признакъ добродушія и не зараженной еще ничѣмъ чистоты нравовъ? На что же перемѣны въ законахъ? И откуда эти перемѣны? Изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ, гдѣ сіи волненія, сіи возмущенія, сія дерзость мысли?“ Такимъ образомъ, за исключеніемъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, вопросъ о крѣпостныхъ въ царствованіе Александра I не подвинулся впередъ.

При императорѣ Николаѣ въ 1826 г. былъ учрежденъ секретный комитетъ для разсмотрѣнія александровскихъ проектовъ преобразованія нашихъ учрежденій съ цѣлью осуществить то изъ нихъ, что будетъ найдено удобнымъ. Эта коммиссія остановилась и на проектахъ объ освобожденіи крестьянъ. Большинство членовъ было настроено противъ всякихъ реформъ по крестьянскому вопросу и потому изъ дѣятельности этой коммиссіи ничего и не вышло. Только Сперанскій отнесся сочувственно къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Онъ имѣлъ въ виду принять предварительно нѣкоторыя мѣры къ улучшенію ихъ положенія, которыя долженствовали предшествовать освобожденію; онъ предлагалъ запретить продажу крестьянъ безъ земли и объявить крѣпостныхъ крѣпкими землѣ, а не владѣльцу. Онъ хотѣлъ начать съ переустройства быта казенныхъ крестьянъ, а потомъ уже, когда этотъ опытъ удастся, распространить его и на помѣщичьихъ.

Въ 1839 г. былъ образованъ новый секретный комитетъ для пересмотра закона объ уволенныхъ въ свободные хлѣбопашцы. Графъ Киселевъ внесъ въ этотъ комитетъ проектъ объ обязанныхъ поселянахъ, разсмотрѣніе котораго снова возбудило вопросъ объ освобожденіи. Члены разошлись во мнѣніяхъ; предсѣдатель заявилъ, что государь не имѣетъ намѣренія дать закону объ обязанныхъ поселянахъ принудительную силу. Результатомъ дѣятельности комитета былъ указъ объ обязанныхъ крестьянахъ 1842 года, составляющій наиболѣе крупную законодательную мѣру, принятую въ царствованіе императора Николая по вопросу о крѣпостныхъ. Мы видѣли, что примѣръ Румянцева имѣлъ мало подражателей. Николай думалъ, что учрежденіе свободныхъ хлѣбопашцевъ не развивается именно потому, что помѣщики не желаютъ отказываться отъ своего права собственности на землю. Онъ пришелъ, поэтому, къ мысли, что если оставить у помѣщиковъ право собственности на землю, то это поощрить ихъ къ улучшенію быта крестьянъ. Съ этою цѣлью было издано поло-

женіе объ обязанныхъ крестьянахъ. Обязанные крестьяне не получаютъ права собственности на землю, собственникомъ продолжаетъ оставаться помѣщикъ. Но помѣщикъ можетъ предоставить крестьянамъ въ постоянное пользованіе землю за извѣстныя, впередъ опредѣленныя повинности; слѣдовательно, суть дѣла въ томъ, что помѣщикъ разъ на всегда опредѣляетъ, какія повинности должны нести ему крестьяне и, такимъ образомъ, отказывается отъ увеличенія этихъ повинностей по своему произволу. Полиція остается въ рукахъ помѣщика. Примѣры такого добровольнаго ограниченія помѣщичьей власти были тоже немногочисленны. Гр. Воронцовъ заключилъ съ своими крестьянами договоръ на основаніи постановленія объ обязанныхъ крестьянахъ.

Въ царствованіе имп. Николая были изданы еще слѣдующіе указы, которые имѣли въ виду улучшеніе быта крѣпостныхъ: указъ 1828 г., которымъ опредѣлялись мѣры противъ жестокаго обращенія съ крестьянами; указъ 1843 г., коимъ запрещалось покупать крестьянъ безъ земли; указомъ 1848 г. дозволялось крестьянамъ, съ согласія помѣщиковъ, покупать недвижимости. Въ народѣ, между тѣмъ, продолжала жить мысль объ освобожденіи и всякій указъ понимали въ этомъ смыслѣ. Такъ, указъ импер. Николая о народномъ ополченіи поняли въ томъ смыслѣ, что всякій крестьянинъ, поступающій въ ополченіе, дѣлался свободнымъ и права помѣщика на него прекращались. Даже духовенство объясняло указъ въ этомъ смыслѣ.

Въ такомъ положеніи находился крестьянскій вопросъ до времени освобожденія крестьянъ императоромъ Александромъ II. Первыя мѣры царствованія импер. Александра II не давали еще предугадывать близкаго освобожденія. Въ слѣдъ за восшествіемъ на престолъ послѣдовалъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ дворянскимъ предводителямъ, въ которомъ говорилось „о ненарушимомъ охраненіи правъ дворянскихъ.“ Этотъ циркуляръ на расхватъ читался дворянами, но всетаки среди нихъ ходили слухи о желаніи императора освободить крестьянъ. Въ пріѣздъ государя въ Москву, графъ Закревскій нашелъ нужнымъ доложить ему, что слухи объ освобожденіи безпокоятъ дворянство, что они проникли даже въ народъ, и что, по его мнѣнію, необходимо успокоить взволнованное настроеніе общества. Императоръ призвалъ москов. предв. дворянства и сказалъ ему, что старый порядокъ не можетъ остаться неизмѣннымъ, что лучше начать освобожденіе сверху, чѣмъ ждать, когда оно начнетъ отмѣняться снизу, но что онъ не думаетъ приступить къ освобожденію теперь же. Государь изъявилъ желаніе, чтобы слова его были переданы дворянству и чтобы оно подумало, какъ привести мысль императора въ исполненіе. Такъ положено было начало дѣлу освобожденія крестьянъ. Въ періодъ прикрѣпленія многіе изъ

помѣщичьихъ крестьянъ были собственниками тѣхъ земель, съ которыми они были отданы въ помѣстье или пожалованы, другіе не имѣли своей земли, а сидѣли на господской. Разбирать въ XIX в. разные разряды крестьянъ и освобождать ихъ съ землею или безъ земли, соотвѣтственно ихъ прежнему положенію, не было, конечно, никакой возможности; правительство приняло общую мѣру освободить всѣхъ съ землею. Эта мысль, что всѣ крестьяне безъ различія имѣютъ право на землю, на которой они сидятъ, проглядываетъ еще въ законодательствѣ Александра 1 и Николая; въ актѣ освобожденія она была не впервые высказана. Императоръ Николай издалъ постановленіе, въ силу котораго помѣщики могли продавать земли безъ крестьянъ только до извѣстной мѣры, а именно помѣщикъ могъ продавать землю безъ крестьянъ, но долженъ былъ непремѣнно оставить для нихъ $4^1/_2$ десятины на душу. Если онъ оставлялъ имъ меньше, то обязанъ былъ надѣлить ихъ землею изъ другихъ своихъ земель, а если онъ этого не дѣлалъ, то крестьяне отбирались въ казенное вѣдомство съ цѣлью поселенія ихъ на казенныхъ земляхъ. Мѣстныя власти должны были наблюдать, чтобы у крестьянъ всегда была узаконенная мѣра земли. Эта мысль, что зависимые люди, сидящіе на чужой землѣ, имѣютъ право на эту землю, встрѣчается и въ Западной Европѣ. Еще въ средніе вѣка во многихъ мѣстахъ Франціи сложился взглядъ, по которому даже рабовъ нельзя было сослать съ земли; они какъ бы освоили землю, на которой сидѣли.

3. Свободные люди.

а) Посадскіе и волостные государевы люди.

Къ свободнымъ лицамъ надо отнести сельскихъ обывателей, сидѣвшихъ на черныхъ земляхъ и стоявшихъ въ непосредственномъ отношеніи къ государству; посадскихъ и городскихъ жителей и служилыхъ людей. Среди этихъ лицъ начинаютъ возникать сословія. Различіе между сословіями условливалось различіемъ службы государству; высшій разрядъ несъ службу военную, тяглые люди несли черное тягло, повинности натуральныя и денежныя. Тяглые люди были записаны въ писцовыя книги и обложены тягломъ. Это признакъ, отличающій тяглыхъ отъ высшаго разряда. Между тяглыми различаемъ городовыхъ людей и сельчанъ. Одни изъ нихъ назыв. просто черными людьми, а другіе посадскими, и тоже черными. Изъ того, что одни назывались посадскими, нельзя еще вывести заключенія, что они занимались исключительно городскими промыслами, торговлею и т. п. Такого обособленнаго разряда лицъ въ Моск. государствѣ еще не

было. Напротивъ, въ составъ посадскихъ входили и люди, занимавшіеся земледѣліемъ. Нѣкоторые города и посады имѣли много земель, на которыхъ горожане и занимались земледѣліемъ. Съ другой стороны крестьяне занимались торговлею и всякими промыслами, а не однимъ земледѣліемъ. Какъ и посадскіе люди, волостные крестьяне могли имѣть въ городахъ свои дворы и лавки и заниматься торговлею наровнѣ съ посадскими. По Уложенію они называются государевыми людьми. Провести строгую границу между посадскими и волостными государевыми людьми нельзя. Такая граница есть только между посадскими и волостными съ одной стороны и зависимыми (крѣпост.) съ другой. Послѣднимъ Уложеніе запрещаетъ имѣть въ городахъ лавки, они могутъ торговать только со струговъ и возовъ на гостин. дворѣ. Но до Уложенія и они имѣли въ городахъ лавки и дворы.

Уложеніе принимаетъ энергическія мѣры для очистки пригородныхъ слободъ отъ владѣльческаго населенія. Города и слободы должны быть населены государевыми тяглыми людьми. Слободы духовныхъ учрежденій, бояръ и всякихъ чиновъ людей должны быть взяты на государя *).

Первоначально существовала свобода перехода для всѣхъ тяглыхъ. Съ теченіемъ времени и они были прикрѣплены. Уложеніе воспрещаетъ посадскимъ людямъ переходить «по старинѣ» изъ города въ городъ. Это закрѣпленіе по мѣсту, какъ уже знаемъ,

---

*) XIX, 7. Которые слободы на Москвѣ патріарши и митрополичьи и владычни и монастырскіе и бояръ и окольничихъ и думныхъ и ближнихъ и всякихъ чиновъ людей, а въ тѣхъ слободахъ живутъ торговые и ремесленные люди, а государевыхъ податей не платятъ, и службъ не служатъ, и тѣ всѣ слободы со всѣми людьми, которые въ тѣхъ слободахъ живутъ, всѣхъ взяти за государя въ тягло, и въ службы безлѣтно и безповоротно, опричь кабальныхъ людей; а кабальныхъ людей по роспросу, будетъ скажется, что они ихъ вѣчные, отдавати тѣмъ людямъ, чьи они, и велѣти ихъ свести на свои дворы. А которые и кабальные люди, а отцы ихъ и родители ихъ были посадскіе люди или изъ государевыхъ волостей, и тѣхъ имати въ посады жити.

А впредь опричь государевыхъ слободъ ни чьимъ слободамъ на Москвѣ и въ городѣхъ не быти. А у патріарха слободы взяти совсѣмъ, опричь тѣхъ дворовыхъ людей, которые изстари за прежними патріархи живали въ ихъ патріаршихъ чинѣхъ: дѣти боярскіе, пѣвчіе дьяки, подьячіе, истопники, сторожи, повары и хлѣбники, конюхи, и иныхъ чиновъ дворовыхъ его людей, которымъ дается годовое жалованье и хлѣбъ.

5. А которые слободы патріарши и властелинскіе и монастырскіе и боярскіе и думныхъ и всякихъ чиновъ людей около Москвы, и тѣ слободы со всякими промышленными людьми, опричь кабальныхъ людей, по тому же, по сыску взяти за государя. А пашенныхъ крестьянъ, будетъ которые объявятся по роспросу ихъ помѣстей и вотчинъ старинные крестьяне, а привезены на тѣ земли, и съ тѣхъ слободъ велѣти тѣмъ людемъ, у кого тѣ слободы будутъ взяты, свести въ свои вотчины и въ помѣстья. А будетъ у тѣхъ пашенныхъ крестьянъ на Москвѣ и въ городѣхъ есть лавки и погребы и соляные варницы, и имъ тѣ лавки и погребы и варницы продати государевымъ тяглымъ людемъ, а впредь лавокъ и погребовъ и варницъ опричь государевыхъ тяглыхъ людей никому не держати.

дѣлалось нерѣдко по требованію самихъ посадскихъ. По Уложенію всѣ перешедшіе должны быть опять водворены на мѣсто прежняго жительства; если кто изъ городскихъ тяглыхъ жителей поступалъ въ кабальные, его слѣдовало взять обратно въ городъ. Такимъ образомъ стало обязательнымъ принадлежать къ населенію того посада, города, волости, гдѣ кто былъ записанъ въ тягло. Но это не мѣшало государевымъ тяглымъ людямъ имѣть лавки и дома и въ другихъ городахъ. Для этого только они должны были тянуть тягло въ обоихъ городахъ или посадахъ.

Говоря о посадскихъ людяхъ, надо сдѣлать замѣчаніе о посадахъ. Посадами называются поселенія у города. Въ старину городъ былъ мѣстомъ, окруженнымъ стѣной и не всегда имѣлъ постоянныхъ жителей; онъ служилъ убѣжищемъ во время войны, для этой цѣли въ городѣ строились такъ называемые «осадные дворы». Мало по малу около такого города начинаютъ возникать поселенія—посады. По мѣрѣ того, какъ посады увеличиваются, является необходимость окружить ихъ также стѣной. Такъ образуются концентрическіе круги укрѣпленій. Посады не огражденные, въ случаѣ нападенія непріятеля, надо было сожигать, потому что иначе непріятель могъ засѣсть въ посадскихъ домахъ и съ близкаго разстоянія вредить городу. Вотъ почему кругомъ города возникало нѣсколько круговъ стѣнъ. Примѣръ этого представляетъ Москва; она имѣетъ такой видъ: Кремль, у одной изъ его стѣнъ Китай городъ, также обнесенный стѣной, затѣмъ Бѣлый городъ, окруженный стѣной, далѣе Земляной городъ, который въ старину былъ окруженъ землянымъ валомъ.

Среди посадскихъ людей, дѣлившихся на сотни, различаемъ слѣдующія группы: 1) гостинную сотню, 2) суконную сотню и 3) гостей. Гостинная и суконная сотни были учреждены въ Москвѣ и состояли изъ лучшихъ торговыхъ людей, которые назначались къ особымъ государевымъ службамъ по кружечнымъ дворамъ, на таможняхъ и пр. За хорошее исполненіе службы посадскіе люди назывались именемъ гостя. Это самый высшій разрядъ посадскихъ людей. Гости встрѣчаются и въ первомъ періодѣ, но тамъ они не имѣли значенія чина. Въ первомъ періодѣ гостями назывались тѣ лица, которыя производили торговлю не только въ своемъ мѣстѣ жительства, но и въ другихъ городахъ и даже за границею. Ведя, такимъ образомъ, обширную торговлю, они были болѣе крупными купцами, чѣмъ тѣ, которые торговали въ одномъ мѣстѣ. Таково первоначальное значеніе гостя; въ Московскомъ государствѣ гость становится чиномъ, наградою. Съ полученіемъ званія гостя соединялись нѣкоторыя преимущества; гости имѣли право курить для себя вино, варить пиво; освобождались отъ чернаго тягла, имѣли привилегированную подсудность предъ самимъ го-

сударемъ, или тѣмъ лицомъ, на которое онъ укажетъ; дворы гостей были свободны отъ постоя. Гости, наконецъ, могли владѣть вотчинами и служить въ приказахъ дьяками; со второй половины XVII в. гостямъ уже не дозволялось покупать вотчинъ безъ особаго разрѣшенія. Гостей, по свидѣтельству Котошихина, въ Московскомъ государствѣ было немного, не болѣе 30 человѣкъ.

Ни сельскіе обыватели, ни посадскіе не вѣдались въ одномъ общемъ учрежденіи: вѣдомство тѣхъ и другихъ было распредѣлено между многими учрежденіями. Тяглые люди, такимъ образомъ, не составляли одного цѣлаго съ точки зрѣнія управленія и суда. Это вносило большую путаницу въ подсудность этого сословія. Неудобства этого порядка чувствовали и сами тяглые люди. Въ 1667 году московскіе торговые люди просили, чтобы на будущее время ихъ вѣдали въ одномъ приказѣ. Эта просьба не получила, однако, удовлетворенія въ Моск. государствѣ и только позднѣе Петръ В. подчинилъ городскихъ жителей вѣдомству одного учрежденія.

Различію лицъ соотвѣтствовало и различіе собственности. Тяглые люди сидѣли на черныхъ или тяглыхъ земляхъ, обложенныхъ повинностями, отъ которыхъ были свободны земли служилыхъ людей. Первоначально тяглыя имущества (лавки, городскіе дворы и пр.) могли быть пріобрѣтаемы и не тяглыми людьми, но съ обязанностью нести тѣ-же повинности съ этихъ имуществъ. Но служилые старались обѣлить купленные ими черные дворы, и уклонялись отъ черныхъ повинностей. Поэтому переходъ тяглыхъ имуществъ къ служилымъ людямъ былъ невыгоденъ какъ для правительства, такъ и для тѣхъ посадскихъ людей, которые продолжали владѣть своими тяглыми имуществами. Это повело къ запрещенію перехода черныхъ имуществъ въ руки бѣломѣстцевъ. Мы имѣемъ цѣлый рядъ указовъ, завершающихся Уложеніемъ, которыми запрещается тяглыя имущества продавать бѣломѣстцамъ.

Различіе разныхъ разрядовъ черныхъ людей всего рѣзче выразилось въ различіи платы за безчестіе. Въ Моск. государствѣ образуется цѣлая лѣстница лицъ и соотвѣтственно этому лѣстница штрафовъ. Остановимся сперва на Судебникѣ 1550 г. Самая низшая плата за безчестіе по Судебнику—рубль. Эта плата взималась за безчестіе, нанесенное какъ крестьянину, такъ и городскому молодшему человѣку. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія безчестія, еще не различались низшіе посадскіе и крестьяне. За безчестіе, нанесенное высшимъ разрядамъ посадскихъ, взималось 5 рублей, а за безчестіе гостя 50 руб. Разница въ платѣ громадная. Въ Уложеніи встрѣчаемъ еще больше степеней. Оно различаетъ посадскихъ молодшихъ, среднихъ и лучшихъ и на-

значаетъ 5 руб. за молодшихъ, 6 р. за среднихъ и 7 р. за лучшихъ; въ суконной сотнѣ Уложеніе опять различаетъ молодшихъ, среднихъ и лучшихъ и назначаетъ за безчестіе, смотря по этому, 5, 10 и 15 руб.; въ гостинной сотнѣ Уложеніе различаетъ эти же три разряда и опредѣляетъ за безчестіе 10, 15, 20 руб.; наконецъ, за безчестіе гостя Уложеніе назначаетъ 50 руб. За безчестіе бояскихъ служивыхъ людей (кабальные) 5 р. Это указываетъ, что бояре стояли очень высоко, если за безчестіе ихъ кабальныхъ надо было платить то-же, что и за безчестіе посадскихъ. За безчестье волостныхъ крестьянъ по рублю, какъ и закрѣпостныхъ. Безчестіе высшихъ служилыхъ людей опредѣлялось нѣсколько иначе; за безчестье бояръ и окольничихъ полагается кнутъ; безчестье лицъ, принадлежавшихъ къ низшимъ разрядамъ служилыхъ лицъ, окупалось деньгами соотвѣтственно ихъ денежнымъ окладамъ. Указанное различіе въ платѣ безчестія между посадскими и государевыми волостными людьми показываетъ, что по московскому взгляду честь крестьянина была въ пять разъ менѣе чести не только младшаго посадскаго человѣка, но даже боярскаго человѣка.

Особленіе городскаго населенія отъ сельскаго.

Не смотря на то, что образованіе сословій сдѣлало въ Москвѣ значительные успѣхи, московскія сословія, однако, не имѣли своей особой сословной организаціи, она возникаетъ впервые при Петрѣ Великомъ. Онъ далъ сословную организацію городскому населенію. Эта организація, положившая рѣзкую грань между городскимъ населеніемъ и сельскимъ, не была, однако, осуществлена сразу. Первая, не совершенно полная попытка состояла въ учрежденіи бурмистерскихъ палатъ. Онѣ были учреждены въ 1699 г. и состояли изъ бурмистровъ, которые выбирались всѣми городскими сотнями и посадскими слободами. Московская палата имѣла значеніе центральнаго учрежденія. Она вѣдала купечество всей Россіи, какъ высшая инстанція; подъ нею стояли мѣстныя бурмистерскія палаты. Этимъ палатамъ предписано было вѣдать гостей, посадскихъ, купцовъ и промышленныхъ людей во всѣхъ дѣлахъ, за исключеніемъ уголовныхъ, которыми завѣдывали приказы. Но учрежденіе бурмистерскихъ палатъ не отдѣлило еще городскаго населенія отъ сельскаго, такъ какъ Петръ предоставилъ право выбирать такихъ же бурмистровъ и сельскимъ жителямъ съ тѣмъ, чтобы они платили двойныя повинности. Бурмистры были, слѣдовательно, и у сельскихъ жителей и вѣдали ихъ по всѣмъ дѣламъ съ освобожденіемъ отъ власти воеводъ.

Слѣдующій шагъ въ дѣлѣ выдѣленія горожанъ былъ сдѣланъ уже болѣе рѣшительно, онъ состоялъ въ учрежденіи магистра-

товъ. Въ 1721 г. былъ изданъ магистратскій регламентъ и вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденъ главный магистратъ въ Петербургѣ; въ 1724 г. была издана инструкція магистратамъ. Это учрежденіе было заимствовано изъ нѣмецкихъ городовъ. Мысль объ учрежденіи магистратовъ была подана иностранцемъ Фикомъ: „нужно, говорилъ онъ Петру, магистраты городскіе учредить и добрыми регулами снабдить; сіе есть единое изъ потребныхъ дѣйствъ". Петръ отвѣчалъ: „учинить сіе на основаніи рижскаго и ревельскаго регламента". Учрежденіемъ магистратовъ завершается обособленіе городскаго населенія отъ сельскаго, и городскіе жители получаютъ особую организацію, одинаковую для всѣхъ горожанъ имперіи.

Регламентомъ главному магистрату Петръ Великій приказалъ собрать свѣдѣнія о городахъ и составить имъ списки. Съ этого времени всякое поселеніе, попавшее въ списокъ городовъ, считается уже городомъ. Такимъ образомъ возникаетъ формальное понятіе города. Губернаторамъ предписано было подать списки городовъ съ подробнымъ описаніемъ ихъ положенія, мѣстныхъ выгодъ, доходовъ, расходовъ и т. д. Всѣ города предписано было раздѣлить на 5 разрядовъ: къ 1-му разряду отнесены города, имѣющіе до 2-хъ тыс. дворовъ и болѣе, къ 4-му—города, имѣющіе отъ 250 до 500 дворовъ, къ 5-му—города, имѣющіе еще меньшее число дворовъ, и слободы. Такимъ образомъ съ Петра всякое, даже небольшое поселеніе, хотя бы оно и укрѣплено не было, но если оно внесено въ списокъ, есть уже городъ.

Кто же горожанинъ по Петровскому законодательству? Въ указахъ Петра городскіе жители назывались *гражданами*. Но не всякій, имѣющій въ городѣ мѣстожительство, есть гражданинъ, есть членъ городскаго общества, принимающій участіе въ его управленіи; гражданами были только лица, занимающіяся торговлею, промыслами, ремеслами и работами; дворяне не принадлежатъ къ гражданамъ и не принимаютъ участія въ городской организаціи, хотя и могутъ жить въ городѣ и владѣть тамъ недвижимыми имуществами. Граждане въ этомъ сословномъ смыслѣ раздѣлялись на 2 группы. Первая носила наименованіе регулярныхъ или настоящихъ гражданъ; сюда были отнесены купцы первыхъ двухъ гильдій. Первую гильдію составляли банкиры, знатные купцы, доктора, аптекари, художники и ученые, вторую — мелочные торговцы, ремесленники и цеховые. Вторую группу составляли нерегулярные граждане, или, какъ говорили тогда, подлые люди, т. е. люди, живущіе поденнымъ трудомъ и обрѣтающіеся въ наймахъ.

Вотъ что такое граждане по петровскому законодательству. Всѣ они вѣдаются магистратомъ, но регулярные граждане принимаютъ дѣятельное участіе въ управленіи города; они избираютъ изъ своей среды членовъ магистрата; подлые люди уча-

стія въ управленіи не имѣютъ, но они выбираютъ изъ своей среды старостъ, которые являются представителями ихъ интересовъ передъ магистратомъ. Регулярные граждане имѣютъ свои общія собранія для выбора магистратскихъ членовъ и для раскладки податей.

Заимствуя свои учрежденія съ Запада, Петръ Великій ввелъ у насъ цехи, которые существуютъ и въ наше время. Но въ западн. Европѣ цехи образовались гораздо ранѣе и совершенно при иныхъ условіяхъ, когда личная безопасность не была еще достаточно обезпечена; они были вызваны къ жизни стремленіемъ къ самопомощи. Это стремленіе побуждало ремесленниковъ собираться въ группы, устроивать общія кассы и т. д. Петръ Великій переноситъ и къ намъ цеховое устройство, думая поднять этимъ развитіе ремеслъ. Каждое ремесло должно было составить свой цехъ. Во главѣ цеха стояли альдерманы, которые выбирались изъ мастеровъ. Суть цеховаго устройства состояла въ томъ, что ремеслами могли заниматься только лица, записанныя въ цехи. Всякій мастеръ, имѣющій право заниматься извѣстнымъ ремесломъ, имѣлъ свою печать, которую онъ долженъ былъ выставлять на своихъ произведеніяхъ. Кромѣ того, на всякомъ продуктѣ мастерства ставилась печать цеховаго старосты, альдермана. Только такого рода произведенія могли быть продаваемы на рынкахъ. Въ цеховое устройство введены были экзамены; человѣкъ, признанный на экзаменѣ хорошимъ мастеромъ, получалъ дозволеніе заниматься ремесломъ. Мастеровые должны были извѣстное время быть на выучкѣ у мастера и т. д.

Организуя городское населеніе, Петръ Великій принялъ мѣры къ огражденію его отъ тѣхъ непомѣрныхъ тягостей, которыми торговые люди были обременены въ Московскомъ государствѣ. Они выбирались къ кабацкимъ, солянымъ и другимъ казеннымъ сборамъ. Эта служба и соединенная съ нею отчетность, которая, по обычной въ Москвѣ волокитѣ, тянулась не рѣдко въ теченіи цѣлаго года, а иногда и болѣе, совершенно разстроивала торговыя дѣла купцовъ. Петръ Великій указомъ 11 и 13 апрѣля 1722 года приказалъ: „къ кабацкимъ, солянымъ и всякимъ другимъ сборамъ и къ счету и отдачѣ денежной казны изъ посадскихъ людей не выбирать, а быть у такихъ сборовъ—у большихъ главными командирами и въ товарищахъ изъ отставныхъ офицеровъ и изъ дворянъ, а у меньшихъ—унтеръ-офицерамъ и рядовымъ солдатамъ, а къ нимъ въ команду выбирать магистрату изъ раскольниковъ и бородачей“. Освобожденіе отъ казенныхъ службъ было не полное: оно не коснулось бородачей и раскольниковъ. Но и эти послѣдніе были облегчены въ томъ отношеніи, что выбирались во второстепенныя должности и не были обязаны сдачею денегъ и соединенною съ нею отчетностью.

При преемникахъ Петра Великаго произошли отступленія отъ его нововведеній. Уже Екатерина I подчинила магистраты воеводамъ „для лучшаго охраненія посадскихъ“, какъ она выразилась въ манифестѣ. При Елизаветѣ Петровнѣ магистратскія учрежденія были возстановлены; но города далеко не пользовались тѣмъ самоуправленіемъ, которое хотѣлъ имъ доставить Петръ. Только что приведенное постановленіе Петра объ освобожденіи посадскихъ людей отъ казенныхъ службъ на практикѣ не исполнялось. Въ половинѣ XVIII в. главный магистратъ въ наказѣ своему депутату указываетъ на то, что купцамъ отъ выбора къ кабацкимъ, солянымъ и прочимъ службамъ „происходитъ несносное отягощеніе и, можно сказать, совсѣмъ разореніе и въ торгахъ помѣшательство, а въ комерціи подрывъ; въ купецкихъ дѣлахъ управляться имъ уже и время не дозволяетъ и чрезъ то недовольно своей коммерціи, но и капитала своего лишаются“. Насколько казенныя службы были дѣйствительно отяготительны для городскаго населенія,видно изъ наказа депутату отъ города Пскова. По первой ревизіи въ Псковѣ посадскихъ жителей оказалось 893 человѣка, а по третьей и того менѣе: купцовъ 484 человѣка, цеховыхъ 57, всего 541, изъ нихъ многіе бѣдные и къ службѣ неспособные; всего же на казенную службу ежегодно требовалось 128 человѣкъ. Какъ мало уважались предоставленныя городамъ права самоуправленія, видно изъ слѣдующаго примѣра. Указами 1724, 25 и 27 годовъ Пскову отданы были таможенные и канцелярскіе сборы съ тѣмъ, чтобы все то, что будетъ собираться сверхъ окладной суммы, которая поступила въ казну, шло въ пользу города. Псковскій магистратъ, управляя этими сборами съ 1727 по 1746 годъ, собралъ въ пользу города „не малую сумму“. Въ 1735, 38 и 46 году, по указамъ сената, изъ этого городскаго капитала взято „для чрезвычайныхъ военныхъ случаевъ болѣе 30,000 р.“. Въ 1767 году Псковичи въ своемъ наказѣ жалуются, что эти деньги имъ и по настоящее время не возвращены. При этихъ условіяхъ трудно было процвѣтать городамъ и городскому самоуправленію. Поэтому неудивительно, что иногда вовсе не находилось охотниковъ для службы по городскимъ дѣламъ въ магистратахъ. Главный магистратъ въ своемъ наказѣ жалуется на то, что знатные и первостатейные купцы употребляютъ всѣ способы, отбывая службы, въ магистраты же выбираютъ бѣдныхъ и неспособныхъ; чтобы поощрить знатныхъ купцовъ къ службѣ, онъ совѣтуетъ дать имъ шпаги.

Дальнѣйшій шагъ въ обособленіи городскаго населенія отъ сельскаго принадлежитъ Екатеринѣ II. Она дала купечеству жалованную грамоту 21 апрѣля 1785 года. Этою жалованною грамотою ничего, однако, не прибавляется существенно новаго къ тому, что далъ уже гражданамъ Петръ Великій. Екатерина раз-

виваетъ только подробности и частности, но въ такомъ направленіи, которое нельзя назвать улучшеніемъ. Петровскимъ законодательствомъ городскому обществу усвоенъ былъ характеръ юридическаго лица; оно имѣло свою собственность; свои доходы и расходы; ему предоставлено было право самоуправленія. Все это осталось и въ екатерининскомъ законодательствѣ, но съ значительнымъ ограниченіемъ самоуправленія. Нѣкоторое развитіе замѣчается въ мелочахъ и притомъ съ исключительно узкой сословной точки зрѣнія. Екатерина съ особенною любовью обработала мелкія сословныя различія. Еще въ Наказѣ ея была высказана мысль о томъ, что средняго рода люди должны имѣть свои собственныя преимущества и не должны смѣшиваться ни съ высшими, ни съ нисшими разрядами. „Въ городахъ, читаемъ въ Наказѣ, обитаютъ мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ, художествахъ, въ торговлѣ и наукахъ“; все остальное не есть дѣло городскихъ жителей, они не должны ни служить, ни заниматься земледѣліемъ. У этого средняго рода людей есть особыя, ему одному приличныя добродѣтели: „полезно учредить положеніе, говоритъ она о мѣщанахъ, основанное на добронравіи и трудолюбіи“.

Остановимся теперь на подробностяхъ жалованной грамоты относительно личныхъ правъ мѣщанъ и ихъ организаціи. Мѣщанами назывались лица „средняго рода,“ которыя были записаны въ городскія книги. Дворяне, какъ и при Петрѣ, не входили въ составъ городскаго общества. Такихъ книгъ было 6. Въ первую книгу записывались настоящіе городскіе обыватели, дѣйствительные граждане. Дѣйствительными гражданами названы тѣ, которые имѣютъ въ городахъ свои дома и лавки. Во 2-ю книгу записывались купцы, внесенные въ гильдіи; въ 3-ю всѣ цеховые; въ 4-ю иногородные и иностранные купцы, которые хотѣли производить торгъ въ данномъ городѣ; въ 5-ю именитые граждане; въ 6-ю посадскіе. Отсюда видно, что нѣкоторыя лица могли быть записаны въ нѣсколько книгъ. Каждому изъ этихъ разрядовъ предоставлены особенныя права. Гильдій было три. Различіе между ними обусловливалось величиною добровольно объявленнаго капитала (отъ 1 т. до 50). Каждая изъ этихъ гильдій имѣла свои особыя права. Купцы 1-й гильдіи могли торговать оптомъ и розничнo, какъ въ Россіи, такъ и за границею; купцы 2-й гильдіи могли торговать только въ Россіи; купцы 3-й гильдіи только въ городѣ и въ уѣздѣ, гдѣ записаны. Купцы не подлежали подушной подати, а платили одинъ процентъ съ объявленнаго капитала. Съ купеческимъ званіемъ соединялись нѣкоторыя преимущества во внѣшней жизни, различныя для разныхъ гильдій; такъ, напримѣръ, купцы 1-й гильдіи могли ѣздить въ каретахъ парою, а купцы второй гильдіи только въ коляскѣ парою, купцы 3-й гильдіи должны были ѣздить лѣтомъ и зимой только

на одной лошади, а весною и осенью могли запрягать двухъ. Купцы первыхъ двухъ гильдій были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, а купцы третьей оному подлежали. Въ 3-ю книгу записывались всѣ цеховые. Цехи, введенные Петромъ Великимъ, удерживаются Екатериною и получаютъ еще большее развитіе. Екатерина II въ жалованной грамотѣ городамъ даетъ особенное ремесленное положеніе, въ которомъ подробно опредѣлено цеховое устройство, указаны права и преимущества цеховыхъ. Именитыми гражданами назывались тѣ, которые съ успѣхомъ прослужили по городскимъ выборамъ два срока, всѣ капиталисты, которые объявили капиталу болѣе 50 тыс. и, наконецъ, ученые и художники.

Согласно со всѣмъ направленіемъ екатерининскаго законодательства, начало замкнутости „средняго рода“ лицъ еще болѣе усилилось. Екатерина II затруднила переходъ сельчанъ въ горожане, постановивъ, что крестьяне, переходящіе въ города, должны непремѣнно оставить деревню и жить въ городѣ. Съ этою же цѣлью рѣзко обособить горожанъ и сельчанъ въ межевой инструкціи было предписано и однодворцамъ, записаннымъ въ званіе купеческое, земель не намѣривать за тѣмъ, что они не какъ поселяне, а какъ мѣщане должны довольствоваться не отъ пашни, но отъ торговъ и промысловъ и жительство имѣть въ городахъ.

б) Виды сельскаго населенія.

Послѣ выдѣленія горожанъ изъ тяглыхъ людей вообще, въ XVIII в. образовались разные виды сельскаго населенія, большинство которыхъ зародилось еще въ Московскомъ государствѣ. Это будутъ: черносошные крестьяне, экономическіе, однодворцы, пахатные солдаты, а съ императора Павла Петровича, удѣльные крестьяне. Между ними есть различія, которыя мало по малу сглаживаются и всѣ эти разряды соединяются въ одно общее понятіе государственныхъ крестьянъ.

Черносошные крестьяне. Черносошные крестьяне составляютъ остатокъ московскихъ черносошныхъ. Сохранились главнымъ образомъ въ такъ называемыхъ поморскихъ уѣздахъ (уѣзды Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской и Пермской губерній), гдѣ, по отдаленности отъ Москвы, удержали нѣкоторыя черты стариннаго крестьянскаго быта. Они сидятъ или на своихъ земляхъ, или на чужихъ, но закрѣпленію не подверглись, а сохранили право перехода. Отъ половины XVIII в. имѣемъ указанія, что своими землями они владѣютъ на правѣ частной собственности, передаютъ ихъ по наслѣдству и имѣютъ право распоряженія. На чужихъ земляхъ сидятъ на условіи половин-

чества. Такіе половники встрѣчаются на земляхъ посадскихъ людей и даже крестьянскихъ. Такимъ образомъ на отдаленномъ сѣверѣ еще въ половинѣ XVIII в. находимъ посадскихъ и черныхъ волостныхъ людей въ такомъ положеніи, которое напоминаетъ старые порядки, предшествовавшіе закрѣпленію сословій. Половники въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстахъ, были весьма обременены повинностями въ пользу землевладѣльцевъ: кромѣ половины урожая, они были обязаны подводами, рубкой лѣса и другими послугами. Жалобы на тягость этихъ повинностей были заявлены въ екатерининской законодательной коммиссіи. Судя по актамъ екатерининской законодательной коммиссіи, кромѣ поморскихъ уѣздовъ, черносошные крестьяне были еще въ Новгородской губерніи, Казанской, Астраханской, Иркутской, Нижегородской, Харьковской, Оренбургской и нѣкот. др. Въ какомъ положеніи находились они тамъ, это неизвѣстно. Въ наказахъ, привезенныхъ депутатами, долженъ быть матеріалъ, относящійся къ ихъ быту, но эти наказы еще не изданы.

Въ половинѣ XVIII вѣка положеніе черносошныхъ крестьянъ существенно измѣняется межевыми инструкціями. Дѣло межеванія особенно занимало Елизавету Петровну и Екатерину II, и та и другая государыня издали по межевой инструкціи. Эти межевыя инструкціи представляютъ чрезвычайно важный памятникъ, онѣ вносятъ новыя начала въ распредѣленіе земель, существенно измѣнившія прежніе порядки. Современное общинное землевладѣніе, какъ мы видѣли, нельзя считать исконнымъ; оно, по всей вѣроятности, стало развиваться не ранѣе прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ; въ XVIII же вѣкѣ, условіями, способствовавшими его распространенію, были: подушная подать и межевыя инструкціи. Указаніе на то, что подушная подать имѣла вліяніе на иное распредѣленіе крестьянскихъ земель, находимъ въ „Наставленіи экономическимъ крестьянамъ“ Екатерины II (оно было издано въ 1771 г. и помѣщено въ П. С. З. подъ № 13590). Въ этомъ Наставленіи встрѣчаемъ между прочимъ такую фразу: „Извѣстно, что во многихъ мѣстахъ крестьяне дѣлятъ землю не по числу работниковъ, а по числу записанныхъ въ ревизскія сказки мужескаго пола душъ; это издревле укоренившійся обычай“... Такимъ образомъ во 2-й половинѣ XVIII в. крестьяне дѣлили свою землю по числу занесенныхъ въ ревизскія сказки мужескаго пола душъ. Если сопоставить это съ ревизіею и съ подушною податью, то очевидна будетъ связь этихъ явленій. Со времени введенія подушной подати душа явилась единицею обложенія, весьма естественно, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земли хорошо вознаграждаютъ трудъ, у крестьянъ явилась мысль требовать надѣла на каждую душу. Въ межевыхъ инструкціяхъ

также встрѣчаемъ постановленія, которыя могли способствовать переходу частнаго землевладѣнія въ общинное. Межевая инструкція 1766 года воспрещаетъ не только продажу, но и переходъ по наслѣдству тѣхъ крестьянскихъ земель, съ которыхъ крестьяне должны платить подушный окладъ. Послѣ смерти крестьянина его земля не переходила къ наслѣдникамъ, а поступала въ распоряженіе общества, которое отдавало ее лицу, способному нести тягло. Если крестьянинъ переходилъ изъ своего прежняго общества въ другое, онъ терялъ всѣ права на землю въ прежнемъ обществѣ, ему нарѣзали участокъ въ новомъ, куда онъ поступалъ. Благодаря этимъ постановленіямъ разрушается старое понятіе о принадлежности земли лицу, о его правѣ распоряжаться ею, и создается новое о правѣ общества на землю, въ видахъ отбыванія лежащихъ на немъ повинностей.

Экономическіе крестьяне составляли довольно крупную единицу въ нашемъ сельскомъ населеніи. Это новое наименованіе, оно возникло въ XVIII вѣкѣ при Екатеринѣ I, когда управленіе монастырскими крестьянами перешло въ руки коллегіи-экономіи. Въ рукахъ духовенства изстари были большія поземельныя имущества, которыя съ прикрѣпленія крестьянъ стали населенными. До XV вѣка у насъ не было и мысли, что монастырямъ не слѣдуетъ владѣть имѣніями, что это не соотвѣтствуетъ обѣтамъ инока. Съ XV вѣка замѣтно возбужденіе мысли противъ монастырскихъ богатствъ. Первый зародышъ этого направленія надо видѣть въ ереси жидовствующихъ, которая, возникнувъ въ Новгородѣ, сообщилась Москвѣ и нашла доступъ даже ко двору великаго князя. Елена, жена старшаго сына великаго князя Ивана Васильевича, раздѣляла мнѣнія еретиковъ. Жидовствующіе отрицали божественность Іисуса Христа, троичность Божества, таинства, иконы, церковные обряды и высказывались противъ владѣнія монахами вотчинъ. Но монастырскія богатства находили порицателей и среди православнаго духовенства. Противъ владѣнія монастырями недвижимою собственностью былъ Вассіанъ, князь Патрикеевъ, бояринъ Ивана III и сторонникъ внука его Дмитрія, сына Елены. Съ паденіемъ Дмитрія, опала коснулась и Патрикеева, онъ долженъ былъ принять постриженіе. Вассіанъ горячо порицалъ монастырскія богатства. Онъ написалъ разсужденіе подъ заглавіемъ: Слово объ иноческомъ житіи и устроеніи церковномъ. „Инокамъ, говоритъ онъ, душепагубно пещись о мірской суетѣ“, они не должны ни владѣть землею, ни вмѣшиваться въ управленіе; они живутъ въ каменныхъ домахъ, которые устроены какъ царскіе чертоги, проводятъ время въ чревоугодіи и пьянствѣ и т. д. Противъ духовныхъ владѣній ратовалъ и Максимъ Грекъ. Но монастырскія богатства имѣли и защитниковъ. Инокъ Вассіанъ за свое сочиненіе подвергся

осужденію и ссылкѣ въ Волоколамскій монастырь. При Иванѣ IV противъ монастырскихъ недвижимостей высказывался Сильвестръ, Курбскій, Артемій, игуменъ Троицкаго монастыря и др. Наконецъ и само правительство начинаетъ сознавать неудобство монастырскихъ вотчинъ: земли выходятъ изъ службы. На Стоглавомъ соборѣ, гдѣ вопросъ этотъ подвергся обсужденію, противники вотчинъ не получили, однако, перевѣса. Игуменъ Артемій былъ осужденъ, а Сильвестръ долженъ былъ оправдываться. Въ принципѣ соборъ высказался за неприкосновенность принадлежащихъ монастырямъ вотчинъ, но и противникамъ была сдѣлана нѣкоторая уступка. Соборъ опредѣлилъ, что впредь монастыри безъ царева вѣдома вотчинъ не будутъ покупать. Весьма нерѣдко монастыри подъ залогъ вотчинъ и черныхъ земель давали деньги въ займы; въ случаѣ несостоятельности должника, залогъ обыкновенно обращался въ собственность монастыря. Соборъ и этотъ способъ пріобрѣтенія вотчинъ неодобрилъ и постановилъ возвратить взятыя за долги имущества.

Въ 1580 году послѣдовало общее запрещеніе монастырямъ пріобрѣтать имущества путемъ покупки и завѣщаній по душѣ. Не смотря на это монастыри продолжаютъ пріобрѣтать вновь недвижимости; еще въ 17 вѣкѣ встрѣчаемся съ жалобами на эти новыя пріобрѣтенія. Въ этомъ положеніи оставалось дѣло до Петра Великаго. Петръ Великій держался того взгляда, что монастырскія вотчины суть „туне гиблемыя“, онъ приказалъ взять всѣ духовныя вотчины въ свѣтское управленіе. Онѣ были отданы сначала въ управленіе Мусина-Пушкина, а потомъ монастырскаго приказа. Всѣ доходы поступали въ приказъ; монастыри же получали жалованье по окладу, но не большое „безъ чего пробыть не возможно“. Весь остатокъ шелъ на государственныя нужды:—устройство и содержаніе войскъ, школы, благотворительныя учрежденія и пр. Положеніе монастырскихъ крестьянъ отъ этой реформы нисколько не улучшилось, а скорѣе ухудшилось; повинности ихъ не уменьшились, а возрасли, и взыскивались строже. Самое управленіе вовсе не было заботливѣе монастырскаго. Начинается громадное накопленіе недоимокъ. Вновь учрежденный Синодъ дѣлаетъ докладъ о подчиненіи вотчинъ синодскому управленію „ибо отъ гражданскихъ правителей вотчины пришли въ скудость и нищету“. Петръ согласился, но отъ этого не выиграли ни монастыри, ни вотчины. Синодъ управлялъ на отчетѣ, окладъ остался, отъ правительства поступали постоянныя требованія о присылкѣ доходовъ. Анна Іоанновна для сбора накопившихся недоимокъ учреждаетъ особую доимочную канцелярію, которая дѣйствовала крайне строго и возбудила много неудовольствія. Екатерина I завершаетъ эту борьбу. Она окончательно отбираетъ монастырскія земли въ казенное вѣдѣніе, въ

вѣдѣніе коллегіи экономіи. Монастыри мало вотчинные были или совсѣмъ упразднены, или оставлены на собственномъ содержаніи. Остальные получили содержаніе изъ казны по новымъ штатамъ. Въ дополненіе къ окладу за ними было оставлено нѣкоторое количество земли и угодій, городскіе дома и подворья. На содержаніе монастырей было ассигновано 400 тыс. руб., остальной доходъ шелъ въ пользу государства. Казна пріобрѣла такимъ образомъ болѣе 900 тыс. душъ. Эти крестьяне слились мало по малу съ остальными государственными.

Однодворцы и близко подходящіе къ нимъ *пахатные солдаты* селились московскимъ правительствомъ по окраинамъ государства, получая отъ него землю, за что обязывались охранять эти окраины отъ вторженія непріятеля. По мѣрѣ расширенія предѣловъ Россіи, тѣ окраины, на которыхъ селились однодворцы и пахатные солдаты, отодвигались внутрь границъ, вслѣдствіе чего эти старинные воины мало по малу превращались въ простыхъ земледѣльцевъ. Съ теченіемъ времени они освоили данныя имъ земли и стали распоряжаться ими какъ собственностью. Въ 1727 г. послѣдовало запрещеніе продавать однодворцамъ тѣ земли, съ которыхъ они были положены въ подушный окладъ, чтобы не встрѣтилось затрудненія въ исправномъ платежѣ подушной подати. Межевыя инструкціи примѣняютъ къ землямъ однодворцевъ, съ которыхъ они подушный окладъ платятъ, тѣ же правила, на которыя мы указали выше. Но помимо этихъ земель, они имѣютъ еще купли. Эти купли оставлены въ волѣ владѣльцевъ до будущаго разсмотрѣнія. Впредь же покупать межевая инструкція 1766 г. имъ воспрещаетъ.

Дворцовые крестьяне—остатокъ древнихъ дворцовыхъ крестьянъ, которые обязаны были въ пользу дворца не только денежными повинностями, но и различнаго рода личными службами (пахали, косили сѣно, и т. под.). Положеніе ихъ сравнительно съ вотчинными было гораздо лучше. Такихъ крестьянъ насчитывалось до 300 тысячъ душъ. Но между отдѣльными селеніями дворцовыхъ крестьянъ уравненія въ повинностяхъ не было; чѣмъ ближе къ Москвѣ, тѣмъ повинностей лежало на нихъ больше.

Павелъ Петровичъ выдѣлилъ изъ общей массы государственныхъ крестьянъ особый разрядъ, который былъ назначенъ для обезпеченія содержанія императорской фамиліи, и далъ имъ названіе *удѣльныхъ крестьянъ*.

Посессіонные крестьяне возникаютъ съ Петра Великаго, они были приписаны къ фабрикамъ и заводамъ съ тѣмъ, чтобы фабричная и заводская работа отправлялась крѣпостнымъ трудомъ. Понятно, что у Петра родилась мысль организовать фабрики на началахъ крѣпостнаго труда. Въ Моск. государствѣ все

населеніе было прикрѣплено къ мѣсту и опредѣленному тяглу, поэтому лицамъ, у которыхъ не было крѣпостныхъ, не легко было достать работниковъ. Чтобы облегчить учрежденіе фабрикъ, Петръ дозволилъ каждому, желающему завести фабрику или заводъ, покупать съ этою цѣлью крѣпостныхъ людей. Посессіонные крестьяне возникали не однимъ только путемъ покупки. Правительство само иногда заводило фабрики и заводы и потомъ дарило ихъ вмѣстѣ съ крестьянами частнымъ лицамъ. Нерѣдко они пополнялись бѣглыми; бѣглые, по общему правилу, подлежали возврату, но для фабрикантовъ давалось исключительное право на всегда приписывать къ фабрикѣ такихъ бѣглецовъ. Такимъ образомъ составляется значительное количество посессіонныхъ крестьянъ, которые и существовали до освобожденія.

Исторія этихъ разныхъ видовъ крестьянъ въ XVIII и XIX-мъ вѣкѣ идетъ къ постоянному ихъ сближенію. Историческія особенности, которыми они первоначально отличались, все болѣе и болѣе сглаживаются.

Сословная обособленность крестьянъ достигаетъ наибольшей степени своего развитія въ царствованіе Екатерины II. „Сельскіе жители, говоритъ она съ своемъ Наказѣ, живутъ въ селахъ и деревняхъ, обработываютъ землю, произведеніями которой питаются всѣ сословія, и сіе есть ихъ жребій“. Согласно съ этимъ они должны быть только земледѣльцами и только на тѣхъ земляхъ, съ которыхъ положены въ подушный окладъ. Имъ запрещено было покупать земли, это право дворянъ. Всякая торговля въ настоящемъ смыслѣ слова (покупка для продажи) имъ также воспрещена, это право купцовъ. Крестьяне могутъ продавать на рынкахъ только произведенія своихъ подушныхъ земель. Фабрикъ и заводовъ они не могли имѣть, въ подряды не могли вступать,— все это было дѣломъ высшихъ сословій.

Только въ концѣ своего царствованія, Екатерина начинаетъ немного отступать отъ этой узко сословной точки зрѣнія. Въ 1788 году она дозволила дворцовымъ крестьянамъ, а вскорѣ и всякимъ казеннымъ крестьянамъ покупать земли, но и то съ ограниченіями, а именно, дозволено было прикупать земли только по смежности съ своими волостными.

Дальнѣйшее улучшеніе и расширеніе крестьянскихъ правъ есть уже дѣло Александра I. Въ 1807 году разрѣшено крестьянамъ покупать земли безъ всякаго ограниченія на свое имя и у кого угодно. Въ 1812 году имъ было дозволено заниматься торговлею, не записываясь въ города, т. е. не оставляя крестьянскаго званія, а взявъ только свидѣтельство на право торговли. Затѣмъ дозволено было поступать и на службу, но только по нѣкоторымъ вѣдомствамъ, по учебной, а послѣ и по питейной части; наконецъ, дозволено заводить фабрики и заводы, тоже не

переходя въ купеческое званіе, а взявъ для этого только свидѣтельство.

С.) Высшее сословіе.

Къ высшему разряду лицъ въ Московскомъ государствѣ принадлежали служилые люди, они составляли служилые чины. Слово чинъ имѣло въ Москвѣ другое значеніе, чѣмъ оно имѣетъ теперь. Въ Московскомъ государствѣ всѣ разряды лицъ, несшихъ какія нибудь повинности, назывались чинами, и крестьяне въ этомъ смыслѣ составляли чинъ. Теперь будетъ рѣчь о чинахъ въ тѣсномъ смыслѣ, а именно о чинахъ служилыхъ, на которыхъ лежатъ обязанности военной, придворной и всякой другой не черной государственной службы. Въ этомъ разрядѣ лицъ встрѣчаемся съ высшими и нисшими чинами.

Къ высшимъ чинамъ относятся разные думные люди, сидящіе съ государемъ въ думѣ, а къ нисшимъ разныя придворныя должности (стольники, постельники и другіе), дѣти боярскія и дворяне вообще. Эти разные разряды не состоятъ между собою въ такомъ отношеніи, въ какомъ находятся чины въ настоящее время. Лѣстницы они не представляли и вовсе не требовалось проходить нисшіе чины для того, чтобы получить высшій. Мы даже не можемъ сказать о каждомъ отдѣльномъ чинѣ, выше онъ или ниже такого-то другаго чина. Служилые чины были разныя званія служилыхъ людей, опредѣляемыя ихъ дѣятельностью. Совершенно ясно можно различить только, что нѣкоторые чины составляютъ младшій разрядъ, а другіе высшій, старшій, почетнѣйшій (слѣдъ прежнаго дѣленія на старшую и младшую дружину).

Основнымъ чиномъ, изъ котораго брались всѣ другіе чины, были: дѣти боярскія и дворяне. Въ этомъ чинѣ люди рождались подобно тому, какъ рождались посадскіе люди, это было состояніе прирожденное. Эти два наименованія, дѣти боярскія и дворяне, постоянно вмѣстѣ встрѣчаются въ источникахъ, изъ чего можно заключить, что они между собою очень близки, но трудно указать, какое между ними различіе. По историческому своему происхожденію, дѣти боярскія лучше дворянъ. Въ первомъ періодѣ это были дѣйствительно дѣти бояръ, т. е. лучшихъ людей; дворянами назывались тогда лица, жившія во дворѣ князя, на его хлѣбахъ. Въ этотъ разрядъ дворянъ могли поступать и дѣти боярскія, такъ какъ важные люди, бояре, дорожили тѣмъ, чтобы дѣти ихъ были вблизи князя и отдавали ихъ въ его дворъ. Таково происхожденіе этихъ разрядовъ. Въ памятникахъ XV и XVI в. дѣти боярскія идутъ впередъ дворянъ. „А безчестія дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленія,“... говоритъ Судебникъ; у дѣтей

боярскихъ кормленія, т. е. должности, а о дворянахъ не упомянуто. Дѣти боярскія первоначально лучше дворянъ; но потомъ они сливаются съ ними и слово дворянинъ вытѣсняетъ наконецъ болѣе почетное наименованіе „дѣти боярскія". Въ Московскомъ государствѣ дѣти боярскія и дворяне получаютъ иное значеніе, чѣмъ то, которое принадлежало имъ въ княжескую эпоху. По мѣрѣ того, какъ московскіе государи пріобрѣтали все болѣе и болѣе земель, они надѣлили своихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстьями и разселили ихъ по всему государству. По занятію— это военные люди; если какой-нибудь дворянинъ назначался къ гражданскимъ дѣламъ, то только въ видѣ исключенія, по особенной льготѣ. Такъ какъ Московское государство замыкаетъ разные разряды лицъ, то и дворяне замыкаются и не могутъ выходить изъ своего состоянія. Въ составъ этого чина входятъ и княжескія фамиліи, члены которыхъ хотя и назывались князьями, но находились въ такомъ-же положеніи, какъ и остальные дворяне.

Рядомъ съ дворянами встрѣчаемъ другіе чины, которые берутся частію изъ тѣхъ-же дворянъ, но носятъ особыя наименованія, потому что получаютъ спеціальное назначеніе при государѣ. Сюда относятся: 1) жильцы; такъ назывались городовые дворяне, которые временно находились въ самомъ дворѣ государя и употреблялись для разныхъ посылокъ. 2) Стряпчіе. Слово стряпать значитъ вообще что нибудь дѣлать, исполнять какую-нибудь должность, обязанность. Стряпчіе въ московскомъ періодѣ были служилыми людьми состоявшими при особѣ государя. Московскіе государи любили предпринимать путешествія по монастырямъ, служить молебны и раздавать милостыню. Въ такихъ путешествіяхъ стряпчіе обыкновенно сопровождали государя и носили за нимъ мѣдную монету. Во время войны стряпчіе носили мечъ государя, на выходахъ держали его платокъ и шапку. Изъ общаго разряда стряпчихъ выдѣлялись спеціальные стряпчіе, напр., стряпчій „съ ключемъ", который хранилъ царское платье. 3) Спальники и постельники. Они вѣдали государеву опочивальню; спали въ комнатѣ царя или около. 4) Стольники служили во время торжественныхъ обѣдовъ и подавали государю кушанье. Сказать, въ какой постепенности находились эти чины, очень трудно. По всей вѣроятности, положеніе стольниковъ было самое почетное, такъ какъ они были ближе къ государю; ниже другихъ стояли жильцы по ихъ удаленности отъ лица государя. Назначеніе въ тотъ или другой придворный чинъ опредѣлялось происхожденіемъ лица, его отеческою честью, пріобрѣтенною предками.

Выше перечисленныхъ чиновъ стояли: думные дворяне, окольничіе и бояре. Всѣ они входятъ въ составъ государевой думы. Изъ нихъ ниже другихъ были думные дворяне, выше окольничіе,

а еще выше—бояре. Для того, чтобы сдѣлаться бояриномъ, не нужно было прежде быть думнымъ дворяниномъ или окольничимъ: лица важныхъ фамилій назначались прямо въ бояре. Бояре были и въ княжескій періодъ, но тогда они не были чиномъ, который жаловался государемъ. Въ Московскомъ государствѣ бояре получили значеніе чина, который жаловался государемъ. На это мы имѣемъ указаніе въ разрядныхъ книгахъ, гдѣ говорится: „сказано боярство такому-то", т. е. въ бояре произведенъ такой-то. Съ какого времени званіе боярина стало жаловаться, это не ясно изъ источниковъ. Бѣляевъ думаетъ, что эта перемѣна произошла при Иванѣ Грозномъ, въ 1566 году. Иванъ Грозный велъ ожесточенную борьбу съ боярами. Бѣляевъ думаетъ, что онъ приказалъ всѣхъ бояръ писать дворянами, бояриномъ-же именовался тотъ, кого онъ этимъ званіемъ жаловалъ. Эта перемѣна произошла, однако, ранѣе Грознаго. Изъ дошедшаго до насъ послужнаго списка видно, что уже при Васильѣ Васильевичѣ Темномъ боярство жаловалось. Списокъ начинается 1462 г. Подъ этимъ годомъ записано уже пожалованіе. Но, конечно, это не первый случай.

Всѣ чины и должности жаловались государемъ. Не должно, однако, думать, чтобы московскіе государи были совершенно свободны въ раздаваніи чиновъ и наградъ: они должны были руководствоваться установившимися обычаями и правами, которыя принадлежали разнымъ родамъ служилыхъ лицъ. Эти-то обычаи, которые ограничивали свободу государей въ назначеніи чиновъ, и выразились въ мѣстничествѣ.

Мѣстничество было правомъ служилаго человѣка отказаться отъ чина, должности и всякой награды, которые онъ находилъ ниже своей отеческой чести. Въ основѣ мѣстничества лежитъ представленіе объ отеческой чести. Каждое служилое лицо, поступая на службу, приносило съ собою опредѣленную честь, которая не ему лично принадлежала, а сложилась мало по малу и передавалась по наслѣдству, отъ прадѣда, дѣда и отца, почему она и называлась отеческою. Государь долженъ былъ сообразоваться съ этою честью. Это понятіе чести по большей части относительное, т. е. служилый человѣкъ отказывался отъ назначенія на извѣстное мѣсто не въ силу того, что должность сама по себѣ не согласна съ его отеческою честью, а въ силу того, что мѣсто рядомъ съ нимъ или выше будетъ занимать такое лицо, предки котораго по службѣ стояли всегда ниже его предковъ. Въ Московскомъ государстѣ войско дѣлилось на полки: большой полкъ, передовой, лѣвая рука, правая рука и сторожевой полкъ. Служба въ этихъ полкахъ не считалась равною: почетнѣе всего было служить въ большомъ полку, менѣе почетно въ лѣвомъ, а служба въ правомъ и передовомъ полку занимала

въ этомъ отношеніи середину. Въ каждомъ полку бывало по нѣсколько воеводъ, два, три, рѣдко одинъ. Быть первымъ воеводою считалось наибольшею честью, а третьимъ—меньшею. Положимъ, кто-нибудь былъ назначенъ вторымъ воеводою въ большомъ полку; онъ можетъ сказать, что быть вторымъ воеводою въ большомъ полку при такомъ-то первомъ воеводѣ ему нельзя, потому что никто въ его родѣ не былъ поставленъ ниже членовъ того рода, къ которому принадлежитъ лицо, назначенное теперь первымъ воеводою. Такимъ образомъ онъ не просто отказывается быть вторымъ воеводою, а отказывается при такомъ-то первомъ воеводѣ. То же самое было и при пожалованіи золотомъ, шубою и т. п. Когда государь жаловалъ двумъ лицамъ одно и то же количество золота или по шубѣ, то одно изъ нихъ могло сказать, что его предки всегда стояли выше предковъ того лица, съ которымъ онъ теперь сравненъ наградою, и потому онъ отказывается отъ этой награды. Но онъ принялъ-бы эту награду, если-бы она дана была ему безъ этого сравненія. Итакъ, въ большинствѣ случаевъ, мѣстническіе счеты были относительными, но не всегда; были случаи, безотносительнаго мѣстничества. Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что были такіе роды, члены которыхъ назначались не иначе, какъ въ бояре, и были такіе, которыхъ назначали и въ бояре и въ окольничьи. Если членъ такого рода, изъ среды котораго всегда прямо назначали въ бояре, пожалованъ въ окольничьи, онъ можетъ безотносительно не принять этого пожалованія, на томъ основаніи, что его родичи никогда не были окольничими.

Въ мѣстническіе счеты входятъ два элемента: 1) отеческая честь и 2) извѣстная должность, мѣсто. Чтобы доказать, что такому-то нельзя принять такое-то мѣсто, надо было подать счетъ лѣствицею, съ указаніемъ должностей, въ которыхъ были предки челюбитчика, и доказать, что никто изъ нихъ не былъ по службѣ ниже предковъ соперника. Это дѣлалось ссылкой на разряды, гдѣ записаны были всѣ случаи назначенія на должности. Степени родства и служебныя мѣста были приведены въ опредѣленную послѣдовательность. Существовали правила, опредѣлявшія, какая степень родства стоитъ выше другой и насколько, и какое служебное мѣсто почетнѣе другихъ и насколько. Счетъ родствомъ носилъ наименованіе счета лѣствицею. Изъ родныхъ братьевъ старшій считался одною степенью выше слѣдующаго за нимъ, второй одною степенью выше третьяго и т. д. Сравнительно съ отцемъ сынъ стоялъ на четвертомъ отъ него мѣстѣ; онъ, слѣдовательно, былъ равенъ своему четвертому дядѣ, или, какъ тогда говорилось, былъ ему въ версту. Въ полкахъ воеводы были также поставлены въ опредѣленное соотношеніе. Такъ, первый воевода большаго полка былъ однимъ мѣстомъ выше перваго

воеводы правой руки, двумя мѣстами выше перваго воеводы передоваго полка и тремя мѣстами выше перваго воеводы лѣвой руки. За первыми воеводами идутъ вторые воеводы, въ такой же постепенности.

Отеческая честь могла подвергнуться измѣненію, а потому надо было зорко слѣдить, чтобы кто нибудь не обогналъ и этимъ не умалилъ чести. Но умаленіе чести одного изъ родичей не вело непремѣнно къ умаленію чести цѣлаго рода. Если, напр., поколѣніе старшаго брата окажется по службѣ хуже поколѣнія младшаго, то послѣднее можетъ имѣть свою особую честь независимо отъ чести старшей линіи и при томъ лучшую. Если кто либо изъ родичей допускалъ обойти себя по чувству пріязни, или просто по нерадѣнію, остальные могли бить челомъ, чтобы имъ „порухи и укору отъ чужихъ родовъ этимъ воровскимъ нечелобитьемъ не было". Такое челобитье записывалось въ разрядъ и дѣлалась резолюція: „такой-то такому-то виноватъ одинъ, а роду его въ томъ порухи нѣтъ". Такимъ образомъ отеческая честь членовъ одного и того же рода можетъ быть разная.

Въ памятникахъ встрѣчаемся съ выраженіемъ *утягиваніе*. Если кто-нибудь хочетъ доказать, что ему съ такимъ то лицомъ нельзя служить рядомъ и подтверждаетъ это ссылкою на родственниковъ противника, указывая, что они всегда были ниже его родственниковъ, то говорятъ, что онъ утягиваетъ противника его родствомъ. Это утягиваніе не всегда могло имѣть мѣсто. Противникъ могъ сказать: я разошелся съ такими то родственниками, такъ какъ они по своей небрежности дали себя обогнать и утягивать меня ими нельзя. Отсюда въ мѣстничествѣ выработалось такое правило: „се искони правило у всѣхъ родовъ: кто напослѣдъ передъ кѣмъ потерялъ, тотъ тому и виноватъ". Это значитъ, что нерадѣніе о своей чести одного изъ родственниковъ не вредитъ другимъ. Если какая либо вѣтвь потеряла по службѣ передъ прочими, это называлось „потеркою" (потерка).

Надо обратить вниманіе на ту особенность мѣстничества, что если государь „опалялся" на кого либо и посылалъ его въ какой нибудь ничтожный городъ воеводою, давалъ ему въ наказаніе ничтожное мѣсто, которое было несогласно съ его отеческою честью, то это, по московскимъ понятіямъ, не вело къ умаленію чести, не вело „къ потеркѣ", такъ какъ это была не вольная служба, а по приказу государя. Такимъ образомъ при мѣстническихъ счетахъ принималась во вниманіе только та служба, которая бралась добровольно, а не та, которую давали въ наказаніе. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что каждый служилый человѣкъ долженъ былъ хорошо знать всѣ служебныя назначенія, иначе онъ легко могъ потерять по службѣ. Въ старину было много та-

кихъ знатоковъ. Знатныя фамиліи вели о службѣ своихъ членовъ особыя записки.

Какимъ образомъ возникло мѣстничество, имѣются-ли аналогическія явленія въ другихъ государствахъ, или же это есть особенность Московскаго государства? Корень мѣстничества общечеловѣческій. Въ мѣстничествѣ дѣло состоитъ въ томъ, что сыну вмѣняется въ заслугу служебное положеніе отца и другихъ восходящихъ. Весьма естественно со стороны отца стремленіе упрочить за сыномъ то положеніе, которымъ онъ самъ пользовался; также естественно и со стороны сына желать достигнуть положенія отца. Первый слабый зародышъ этого явленія можно наблюдать въ княжескую эпоху, въ особомъ разрядѣ лицъ, именовавшихся дѣтьми боярскими. Бояре сообщаютъ свое выдающееся положеніе и своимъ дѣтямъ. Посадники въ Новгородѣ и Псковѣ, выбиравшіеся изъ богатыхъ и лучшихъ людей, даже и послѣ того, какъ оставляли должность посадника, все таки занимали передовое положеніе и назывались „старыми посадниками". Это привилегированное положеніе переходило и на дѣтей ихъ, которыя составляли въ обществѣ какъ бы особенный разрядъ лицъ подъ именемъ дѣтей посадниковъ. Положеніе отцовъ необходимо бросаетъ нѣкоторую окраску и на положеніе дѣтей. Въ княжескій періодъ встрѣчаемся и со случаями передачи сыну должности отца. При Ярославѣ упоминается воевода Вышата, а позднѣе въ качествѣ воеводы сынъ его Янъ. У Владимірскихъ князей встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ нисходящихъ одной и той же фамиліи, которые занимали мѣсто воеводы. У Андрея Боголюбскаго былъ воевода Борисъ Жирославичъ, у брата его, Всеволода Юрьевича, нѣсколько позднѣе встрѣчается въ томъ же званіи Михаилъ Борисовичъ, сынъ Бориса Жирославича; у Юрія Всеволодовича, сына Всеволода и племянника Андрея Боголюбскаго,—Жирославъ Михайловичъ, внукъ Бориса. Съ подобнымъ же стремленіемъ перенести на дѣтей служебное положеніе родителей встрѣчаемся и въ Западной Европѣ, но тамъ оно выразилось въ наслѣдственности должностей; всѣ должности судей (графы) и мѣстныхъ правителей (герцоги, маркграфы) закрѣпились за нисходящими графскихъ и герцогскихъ фамилій. У насъ не самыя должности сдѣлались наслѣдственными, а честь, которую они доставляли служилому человѣку.

Необходимо остановиться на значеніи, которое имѣло мѣстничество въ жизни московскаго государства. Первоначально оно несомнѣнно было полезно; эта польза состояла въ томъ, что забота объ охраненіи отеческой чести поощряла служилыхъ людей къ постоянной службѣ. Уваженіе правительства къ мѣстническимъ счетомъ поддерживало въ боярскихъ родахъ связь съ Москвою и поощряло дѣтей не отставать отъ отцовъ въ услугахъ правитель-

ству. Судьба Московскаго государства, его успѣхи сливались съ личной судьбою и успѣхами знатныхъ фамилій, которыя состояли на его службѣ. Есть основаніе думать, что въ началѣ мѣстническіе счеты и не затрудняли правительства. Они ограничивались знатными родами, а потому число споровъ, по всей вѣроятности, было не велико. Валуевъ дѣлаетъ попытку опредѣлить число случаевъ мѣстническихъ споровъ и находитъ, что при Иванѣ Грозномъ приходилось три случая на два года. Въ разрядахъ конца XV в. есть указаніе, изъ котораго видно, что князья, назначая воеводъ на службу и опасаясь задѣть чью-нибудь отеческую честь, прибавляли: „а если такому-то лицу стать съ такимъ-то неумѣстно, то пусть станетъ, гдѣ ему пригоже". Это показываетъ, что въ древности всякій зналъ свое мѣсто; князья даже и не находили нужнымъ точно опредѣлять, гдѣ кому стать съ своимъ отрядомъ. Въ одномъ росписаніи воеводъ конца XV в. читаемъ: „а не похочетъ князь Дмитрій съ братомъ своимъ княземъ Семеномъ быти вмѣстѣ въ передовомъ полку и князю Дмитрію быть, гдѣ пригоже", или: „а князю Семену и брату его князю Ивану Перемышльскому стати подлѣ передоваго полка направо или налѣво, гдѣ похотятъ". Изъ этого видно, что въ XV вѣкѣ мѣстничество не вносило въ ходъ дѣлъ большихъ недоразумѣній.

Съ теченіемъ времени значеніе мѣстничества измѣнилось. Стали мѣстничаться не только знатные роды, но всѣ служилые люди; мѣстничество стало примѣняться не только къ важнымъ служебнымъ назначеніямъ, но и къ мелкимъ, напр. къ встрѣчамъ пословъ. Это распространеніе мѣстничества на всѣхъ служилыхъ людей и на всѣ отношенія сдѣлало его большимъ зломъ, до крайности стѣснявшимъ дѣятельность московскихъ государей и нарушавшимъ интересы государства. Мѣстническіе споры особенно усилились и затруднились послѣ 1572 г., когда была отмѣнена опричнина. Съ учрежденіемъ опричнины прежнее устройство государства осталось, опричнина образовала какъ-бы наростъ рядомъ съ старымъ порядкомъ вещей. Опричнина противополагается земщинѣ; все, что не вошло въ опричнину, есть земщина, которую вѣдаютъ по прежнему бояре. Учрежденіе опричнины и произвело большую путаницу въ мѣстническихъ счетахъ. Опричники стали мѣстничаться со старыми боярскими родами, ссылаясь на честь, которую они пріобрѣли въ опричнинѣ. Земскіе бояре, которые въ опричнинѣ не были, напротивъ того говорили, что честь, пріобрѣтенная въ опричнинѣ, не идетъ въ счетъ, такъ какъ на это была воля государя: „то была государева воля, въ томъ государь воленъ". Одни домогались признанія за ними новой чести, а другіе не соглашались. Это дало обильный поводъ къ спорамъ и столкновеніямъ.

Какъ относились московскіе государи къ мѣстничеству? Мѣстничество не было создано московскимъ правительствомъ,

это явленіе обычнаго права. Совершенно несправедливъ взглядъ Хмырова, будто „разрядныя путы устроены дальновидною политикой московскихъ властителей для того, чтобы держать при ихъ посредствѣ въ своихъ рукахъ дворянство.“ Но московскіе государи признавали существованіе мѣстничества, считали его правомъ и сами являлись судьями мѣстническихъ споровъ. Даже такіе государи, какъ Иванъ Грозный, терпѣливо разбирали мѣстническіе счеты, что не всегда было дѣломъ легкимъ. Въ Уложеніи находимъ статью, которая признаетъ право мѣстничества. Въ 24 ст. 10 гл. говорится: „буде который судья начнетъ не ѣздить въ приказъ, своимъ упрямствомъ, не хотя въ томъ приказѣ быть, кромѣ отеческихъ дѣлъ и не по болѣзни, учинить ему наказаніе, что государь укажетъ“. Если кто по своему упрямству не станетъ ѣздить въ приказъ, то за это назначается наказаніе, а если не будетъ ѣздить по болѣзни или „ради отеческихъ дѣлъ“, т. е. по мѣстническимъ счетамъ, это не вмѣняется въ вину.

Къ какимъ-же послѣдствіямъ приводили споры о мѣстничествѣ? Если оказывалось, что челобитчикъ былъ правъ и что ему невмѣстно было служить съ такимъ-то другимъ лицомъ, то этихъ лицъ разводили, т. е. одинъ оставался на данномъ мѣстѣ, а другой получалъ другое назначеніе. Если, напротивъ того, оказывалось, что челобитчикъ неправъ, онъ подвергался наказанію. Наказаніе это было двоякое, такъ какъ и вина была двоякая. Первая вина его состояла въ томъ, что онъ ослушался государя; за это его заключали въ тюрьму или били батогами, кнутомъ и лишали помѣстьевъ и вотчинъ, и заставляли служить въ нисшихъ разрядахъ. Вторая вина заключалась въ оскорбленіи того лица, съ которымъ онъ не хотѣлъ служить; онъ долженъ былъ дать удовлетвореніе обиженному. Это удовлетвореніе состояло въ выдачѣ виновнаго головою оскорбленному. Это не была выдача головою въ настоящемъ смыслѣ слова, т. е. отдача человѣка въ заработки для удовлетворенія долга. Здѣсь не было поступленія на службу, а выдача головою состояла въ томъ, что виновный съ государевымъ посломъ долженъ былъ придти въ домъ обиженаго и просить у него извиненія. Обыкновенно обидчикъ этого добровольно не дѣлалъ, и его связаннаго везли силою въ домъ обиженнаго. Обиженный благодарилъ государя, чѣмъ эта сторона наказанія и исчерпывалась.

По мѣрѣ того, какъ началъ сознаваться вредъ мѣстническихъ счетовъ, московскіе государи стали принимать нѣкоторыя мѣры въ видахъ ограниченія мѣстничества. Такъ, при выступленіи въ походъ, во избѣжаніе всякихъ проволочекъ вслѣдствіе мѣстническихъ счетовъ, приказывалось „быти безъ мѣстъ“; это значило, что этотъ походъ въ мѣстническій счетъ не вводится, если бы кто

и занялъ мѣсто не согласное съ его отеческою честью, это ему не будетъ вредить. При Иванѣ Грозномъ было запрещено дѣтямъ боярскимъ мѣстничаться съ воеводами (воеводы же между собою продолжали мѣстничаться). При Годуновѣ было приказано: при торжественныхъ встрѣчахъ пословъ и при сказкахъ (при назначеніи наградъ) „быти безъ мѣстъ". Въ такомъ положеніи находилось дѣло до окончательной отмѣны мѣстничества при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, который въ 1682 г. созвалъ соборъ служилыхъ людей, бояръ и духовенства и сдѣлалъ ему предложеніе о лучшемъ устроеніи службы. Любопытно, что государь не находилъ возможнымъ отмѣнить мѣстничество просто указомъ, а счелъ необходимымъ посовѣтоваться съ служилыми людьми и духовенствомъ; онъ справедливо думалъ, что для подобной отмѣны необходимо согласіе всѣхъ служилыхъ людей, которыхъ это дѣло касалось. Разсуждая о лучшемъ порядкѣ службы, служилые люди пришли къ тому заключенію, что нужно отмѣнить мѣстничество. Это рѣшеніе въ формѣ челобитной было представлено Ѳедору Алексѣевичу, который передалъ его на обсужденіе бояръ и духовенства и просилъ ихъ чистосердечно сказать, полезно-ли мѣстничество. Бояре и духовенство также высказались въ пользу отмѣны. Вслѣдствіе этого и послѣдовалъ указъ, которымъ повелѣвалось „всякихъ чиновъ людямъ быти въ Москвѣ въ приказахъ и въ полкахъ и въ посольскихъ дѣлахъ и вездѣ безъ мѣстъ." Съ этого времени мѣстничество перестало уже быть правомъ. Но, какъ явленіе чисто бытовое, оно продолжало еще долго жить въ нравахъ. До отмѣны мѣстничества каждый открыто говорилъ, что такое-то назначеніе ему невмѣстно, а послѣ отмѣны ссылались на болѣзнь и т. под. причины. Любопытный примѣръ въ этомъ отношеніи можно представить изъ времени царствованія государей Ивана и Петра. Въ 1691 г. къ столу великихъ государей приказано быть Льву Кирилловичу Нарышкину и князю Григорію Александровичу Козловскому. Не смѣя прямо отказаться, Козловскій отвѣчалъ, что пріѣдетъ, а между тѣмъ приходитъ обѣденное время, а Козловскій не пріѣзжаетъ. Во дворцѣ поняли въ чемъ дѣло, и послали къ нему гонца съ приказаніемъ, чтобы непремѣнно пріѣхалъ. На этотъ разъ Козловскій отвѣчалъ, что за болѣзнью пріѣхать не можетъ. Этимъ, конечно, неудовлетворились «на верху», и государи послали третьяго гонца съ приказаніемъ заложить лошадей въ его карету и привести его силой, если не захочетъ пріѣхать добровольно. Но Козловскій это предвидѣлъ, и припряталъ карету съ лошадьми, гонцу же, сказалъ что кареты и лошадей у него нѣтъ, а самъ онъ по болѣзни быть не можетъ. Государи послали четвертаго гонца съ приказаніемъ привезти его хотя бы въ телѣгѣ, Козловскій противился и этому, но его силою посадили въ телѣгу.

Пріѣзжаютъ ко дворцу, Козловскій нейдетъ съ телѣги; его на рукахъ сносятъ; онъ падаетъ и не хочетъ идти, его ведутъ подъ руки. Приводятъ къ столу, онъ не хочетъ сидѣть за столомъ и валится на полъ, его поддерживаютъ съ обѣихъ сторонъ. Это, конечно, не прошло Козловскому даромъ: онъ былъ лишенъ помѣстьевъ и боярства и сосланъ въ отдаленный городокъ.

Обязанности дѣтей боярскихъ и дворянъ состояли въ несеніи службы. Требуя службы, правительство брало на себя устроить бытъ служилыхъ людей помѣстьями. Между высшимъ сословіемъ и государемъ образовалась поземельная связь.

Съ такимъ же явленіемъ встрѣчаемся и въ западной Европѣ, гдѣ эта поземельная связь развилась въ феодальную систему, съ строгимъ опредѣленіемъ взаимныхъ правъ и обязанностей. Первоначально и на Западѣ связь служилыхъ людей (antrustiones) съ государемъ основывалась только на личномъ довѣріи; они приносили ему присягу вѣрности. Позднѣе короли стали раздавать принадлежащія имъ земли служилымъ людямъ сперва въ видѣ награды за услуги (beneficium), а наконецъ и на условіи обязательной службы. Рядомъ съ этою раздачею королевскихъ земель вассаламъ встрѣчаемся и съ другимъ источникомъ возникновенія такихъ же поземельныхъ отношеній. На службу сюзереновъ поступали обладатели свободныхъ земель, службою не обязанныхъ, но не лично только, а съ этими землями, передавая ихъ во власть государя; государь же возвращалъ имъ эти земли обратно, но съ условіемъ обязательной службы. Такимъ образомъ и независимые частные собственники обязываются служить съ своихъ земель (terram commendare). Въ западной Европѣ образовалась цѣлая лѣстница такихъ поземельныхъ отношеній, что и составляетъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ феодальной системы. Вассалъ, стоящій въ непосредственномъ отношеніи къ королю, можетъ отъ себя уже давать землю другому, который, такимъ образомъ, будетъ непосредственно связанъ съ нимъ, а къ королю будетъ относиться чрезъ его посредство. Эта лѣстница отношеній составляетъ характерную черту феодализма. На верху ея стоятъ герцоги, графы, бароны *), держащіе лены непосредственно отъ короля или императора, ниже простые рыцари. Обладатель лена не есть полный его собственникъ. У сюзерена всегда остаются на него нѣкоторыя права. Въ Англіи права короля, какъ господина всѣхъ вассальныхъ владѣній, выражались въ томъ, что при

*) Слово баронъ употреблялось въ очень разнообразныхъ значеніяхъ. Первоначально оно означало мущину въ противоположность къ женщинѣ. Затѣмъ это значеніе спеціализировалась и баронами назывались только феодальные господа. Позднѣе баронами назывались только тѣ изъ феодальныхъ господъ, которые не имѣли другаго титула.

переходѣ земли по наслѣдству взималась извѣстная пошлина въ его пользу, которая носила названіе relevium; далѣе онъ былъ опекуномъ малолѣтнихъ дѣтей вассала, что составляло для него доходную статью. Если малолѣтной наслѣдницей была дочь, государь выдавалъ ее замужъ, при чемъ получалъ извѣстный подарокъ. Если вассалъ умиралъ не оставляя наслѣдниковъ, земля возвращалась къ королю; тоже и въ томъ случаѣ, если наслѣдникъ былъ неспособенъ нести обязанности, соединенныя съ обладаніемъ лена. Обязанности вассаловъ были точно опредѣлены. Въ Англіи, напримѣръ, каждый обладатель рыцарскаго лена обязанъ былъ выставить и содержать коннаго воина въ теченіе 40 дней ежегодно. Въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ вассалы обязаны были оказывать своему государю особую помощь (auxilium): 1) когда онъ попадалъ въ плѣнъ, они обязаны были выкупить его; 2) когда онъ выдавалъ старшую дочь замужъ, они должны были поднести подарокъ, и 3) когда старшій его сынъ достигалъ совершеннолѣтія, они обязаны были также поднести подарокъ.

Съ этимъ порядкомъ вещей имѣютъ нѣкоторую аналогію отдѣльныя черты помѣстной системы, сложившейся въ Московскомъ государствѣ. По вопросу о времени, когда возникли у насъ поземельныя отношенія между служилыми людьми и княземъ, мнѣнія нашихъ изслѣдователей расходятся. Нѣкоторые считаютъ это явленіе очень древнимъ. Такъ, многіе думаютъ, что раздача Рюрикомъ городовъ своимъ мужамъ установила уже между ними и княземъ поземельныя отношенія. Этотъ взглядъ нельзя считать вѣрнымъ. Рюрикъ роздалъ города, а не помѣстья; города же и волости давались для управленія, причемъ управлявшіе пользовались кормленіемъ. Кормленщики были органами управленія; помѣщики же получали помѣстья только для удовлетворенія своимъ частнымъ хозяйственнымъ нуждамъ, съ обязанностью нести военную службу за это. Въ до-московской Россіи мы не встрѣчаемся съ помѣстьями. Древнѣйшее указаніе на то, что князья раздавали служилымъ людямъ помѣстья, находимъ въ завѣщаніи Ивана Калиты, умершаго въ 1340 году. Тамъ говорится: „а что купилъ есмь село, что въ Ростовѣ, и далъ Борискѣ Воркову, иже имѣть сыну моему которому служити, село будетъ за нимъ“. Иванъ Калита далъ Борискѣ Воркову свою куплю на условіи службы. Ворковъ могъ не служить его дѣтямъ, но тогда онъ лишался села. На основаніи этой духовной можно заключить, что въ XIV в., даже въ началѣ его, помѣстья были уже у насъ въ употребленіи; но вопросъ о томъ, кто впервые ввелъ такой порядокъ вещей, остается открытымъ. Рядомъ съ раздачею княжескихъ селъ встрѣчаемся и съ такого рода помѣщиками, которые поступали на службу къ московскимъ государямъ вмѣстѣ съ своими землями. Изъ Литвы нерѣдко отъѣзжали въ Москву служилые князья. Пріѣзжая въ Москву,

они били челомъ московскому государю на службу со своими землями. Въ Воскресенской лѣтописи читаемъ: „пріѣхали къ Великому князю служить князи Воротынскіе... и со своими вотчинами“, или: „пріѣхалъ служить князь Мезецкій... и князь пожаловалъ его его же отчиной и повелѣлъ ему себѣ служити“. Изъ этихъ свидѣтельствъ надо заключить, что государь принимаетъ выѣхавшихъ князей на свою службу съ ихъ землями, но возвращаетъ имъ эти земли обратно на условіи обязательной службы. Эти земли перестаютъ быть свободной частной собственностью; на нихъ лежитъ обязанность службы.

Первоначально, какъ мы знаемъ, служилые люди имѣли право отъѣзда; ихъ вотчины оставались за ними и по отъѣздѣ. Это право въ Москвѣ исчезаетъ. Первое ограниченіе возникло для служилыхъ князей. Памятники еще продолжаютъ говорить о свободномъ отъѣздѣ бояръ и вольныхъ слугъ, а о служилыхъ князьяхъ прибавляютъ, что они вотчинъ своихъ лишаются. Лично отъѣхать могутъ, но не съ вотчинами. Можно думать, что всѣ служилые князья поступали на службу со своими вотчинами, подобно литовскимъ выходцамъ. Московскіе князья были достаточно сильны, чтобы требовать этого; за служилыми князьями могли быть сохранены нѣкоторыя права ихъ прежней власти, напр., право суда, въ видѣ вознагражденія за невольную службу. Такъ, кажется, надо объяснять разницу въ правѣ отъѣзда князей и другихъ служилыхъ людей. Съ теченіемъ времени эта разница уничтожилась: право отъѣзда было отмѣнено для всѣхъ служилыхъ людей. Точно опредѣлить время этой отмѣны не можемъ; можетъ быть даже никакого общаго указа не было, а эта важная реформа произошла путемъ практики. Въ XVI в. всѣ вотчинники обзаны уже служить. Въ XIV в. помѣщикъ Ворковъ могъ не служить ни одному сыну великаго князя, онъ терялъ только помѣстье; въ XVI в. должны были служить безъ отъѣзда не только помѣщики, но и вотчинники. Согласно этому Судебникъ 1550 г. запрещаетъ дѣтямъ боярскимъ поступать въ холопы: „а дѣтей бояскихъ служилыхъ и ихъ дѣтей, которые не служивали, въ холопи не пріймати ни кому, опричь тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ“. Не смотря на это, поступленіе служилыхъ людей въ холопы продолжается. Сто лѣтъ позднѣе въ указѣ Михаила Ѳеодоровича отъ 1646 г. читаемъ: дворяне, дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди, покинувъ помѣстья и вотчины, бьютъ челомъ во дворы къ боярамъ и всякихъ чиновъ людямъ и кабалы служилыя на себя даютъ и женятся во дворѣхъ на крѣпостныхъ женкахъ и дѣвкахъ; всѣхъ такихъ государь приказалъ изъ боярскихъ дворовъ взять на службу. Уложеніе повторяетъ запрещеніе Судебника (XX. 1): „а впредь дѣтей боярскихъ верстаныхъ и не верстаныхъ никому въ холопы не пріи-

мати, и въ холопьѣ приказѣ на нихъ безъ государева именнаго указу кабалъ не давати“ (XX, 2).

Для времени Ивана Грознаго имѣемъ свидѣтельство, что онъ «съ вотчинъ и помѣстьевъ уложенную службу учинилъ, со 100 четвертей доброй земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣхѣ, а въ дальній походъ о дву конь». Но отсюда нельзя еще заключать, что Иваномъ Грознымъ впервые высказана и самая мысль объ обязательности службы съ вотчинъ. Онъ опредѣлилъ размѣръ этой службы, а обязательность ея могла быть признаваема и раньше. Отъ 1550 г. имѣемъ указъ Ивана Грознаго объ испомѣщеніи въ Московскомъ уѣздѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Въ немъ говорится: „у кого есть вотчины въ Московскомъ уѣздѣ и близко отъ него, тому помѣстьевъ не давать“, слѣдовательно, эти лица должны были служить съ своихъ вотчинъ. Помѣстья даются у кого нѣтъ вотчины, а у кого есть, долженъ служить съ вотчины.

Обязывая всѣхъ дѣтей боярскихъ и дворянъ служить, правительство естественно взяло на себя заботу и о надѣленіи ихъ землями. Оно дѣйствительно испомѣщаетъ ихъ, т. е. надѣляетъ помѣстьями. У дворянъ—право получить помѣстье, если ничего своего нѣтъ. Они постоянно просятъ и постоянно получаютъ. Для надѣленія помѣстьями существуетъ особое вѣдомство — помѣстный приказъ.

Подъ помѣстьями надо понимать округленное хозяйство, т. е. извѣстное количество земли для пашни, соотвѣтствующее этому количество луговъ, выгона, лѣса и т. п. Размѣръ, въ которомъ давали помѣстья, не былъ для всѣхъ одинаковъ; помѣстья давались смотря по службѣ, по отеческой чести и мѣсту, которое занималъ служилый человѣкъ. Молодые люди, только что поступавшіе на службу, назывались новиками, а ихъ помѣстья новичными. Новики получали разнаго объема помѣстья. Старшій сынъ всегда получалъ бо́льшее помѣстье, чѣмъ младшій. Самое маленькое новичное помѣстье имѣло 70 четвертей въ полѣ, а затѣмъ были помѣстья въ 100, 150, 200, 300, 350 и даже въ 400 четвертей. Разъ данное помѣстье неоставалось не измѣняемымъ, а увеличивалось по службѣ и заслугамъ. Если служилый человѣкъ участвовалъ въ походѣ, ему давали прибавку. Послѣ литовскаго похода, всѣмъ участвовавшимъ въ походѣ дворянамъ было нарѣзано по 50 четвертей. Служилые люди получали награды за раны, увѣчья, смотря по человѣку и по ранѣ; высшимъ чинамъ за тяжелую рану давалось 130 четвертей, за среднюю 100, за легкую 70. Путемъ такихъ прибавокъ можно было соединить въ своихъ рукахъ значительное помѣстье. Котошихинъ разсказываетъ, что нѣкоторые бояре имѣли до 15 тысячъ дворовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напротивъ того, происходило умаленіе помѣстья; помѣстье уменьшалось, если служилому человѣку давали корыстную службу.

Если не было свободной земли, новики служили безъ всякаго помѣстья, а жили при отцахъ и служили съ тѣмъ, чтобъ обратить на себя вниманіе. Иногда, если у отца было большое помѣстье, новикъ долженъ былъ служить съ отцовскаго помѣстья, что называлось «припускомъ къ помѣстью». Противоположное этому выраженіе: «дать въ отводъ», означало, что новику дается отдѣльное помѣстье, что дѣлалось въ томъ случаѣ, когда были свободныя земли, а отцовское помѣстье было не велико.

Что давалось московскими государями въ помѣстья? Прежде всего московскіе государи раздавали въ помѣстья то, что имъ принадлежало въ собственность. Но въ XVI и XVII вѣкѣ московскіе государи стали раздавать въ помѣстья и земли черносошныхъ крестьянъ. Нѣкоторые защитники старины не хотятъ допустить, что московскіе государи раздавали черныя земли, на которыхъ сидѣли волостные крестьяне, и утверждаютъ, что въ помѣстья отдавались только ненаселенныя, пустыя земли. Есть основаніе думать, что отдавались и населенныя земли.

Военныя обязанности служилыхъ людей были до нѣкоторой степени опредѣлены. При Иванѣ Грозномъ со 100 четвертей каждый вотчинникъ и помѣщикъ долженъ былъ выставить человѣка на конѣ. Въ XVII вѣкѣ встрѣчаемъ попытку измѣнить это правило. На соборѣ 1642 г. выборные просили, чтобы каждый помѣщикъ выставлялъ съ 50 дворовъ вооруженнаго человѣка. Этимъ значительно умалялись размѣры службы; послѣдствія челобитья не извѣстны.

Служба служилыхъ людей въ Московскомъ государствѣ была вѣчною въ томъ смыслѣ, что они обязаны были служить до тѣхъ поръ, пока у нихъ хватало силъ. Правда, памятники говорятъ объ отставныхъ, но подъ этимъ словомъ нельзя разумѣть того, что подъ нимъ разумѣется теперь. Въ старину отставными были только тѣ, которые совсѣмъ не могли служить по болѣзни, или по старости, или временно увольняемые отъ службы за ранами. Тѣмъ, которые по старости вовсе не могли служить, выдавалась особенная „память“, въ которой говорилось, что имъ разрѣшается быть въ домахъ, а въ городскую службу ихъ не писать и ни въ какія посылки не посылать.

Наблюденіе за соотвѣтствіемъ службы размѣрамъ владѣній производилось на такъ называемыхъ смотрахъ. На смотрахъ удостовѣрялись въ томъ, что всѣ служилые люди, годные къ службѣ, записаны на службу и именно въ размѣрѣ надѣленія ихъ помѣстьями и вотчинами. На эти смотры должны были являться и малолѣтніе дворяне для того, чтобы можно было удостовѣриться, что они дѣйствительно не поспѣли на службу. Для производства смотра изъ Москвы посылался бояринъ или окольничій, а на мѣстѣ изъ служилыхъ людей избирался окладчикъ. Этотъ оклад-

чикъ долженъ былъ знать, за кѣмъ какія помѣстья и вотчины, у кого сколько дѣтей и какого возраста, чтобы никто не избѣгъ службы. Онъ долженъ былъ давать свои показанiи подъ присягой. Если окладчикъ давалъ ложныя показанія, скрывалъ что-нибудь, ему угрожала смертная казнь.

Особой сословной организацiи дворянство въ московскую эпоху также не имѣло, какъ и тяглые люди. Единственный слабый зародышъ такой организацiи представляютъ выборные окладчики. Дальнѣйшее развитіе сословной организацiи произошло въ императорскую эпоху.

При Петрѣ В. въ положеніи дворянъ произошли нѣкоторыя перемѣны. Онъ велъ множество войнъ, для чего нужны были люди; понятно, что этой потребности весьма удовлетворяло существованіе цѣлаго разряда лицъ, которыя обязаны были служить и которыхъ за неисполненіе этой обязанности можно было подвергнуть наказанію. Прежнюю обязанность дворянъ служить Петръ еще усиливаетъ тѣмъ, что требуетъ, чтобы они начинали службу въ качествѣ солдатъ. Такимъ образомъ при Петрѣ Вел. большинство дворянъ поступало въ военную службу и начинало ее въ званіи солдата; только небольшое количество отдѣлялось для замѣщенія гражданскихъ должностей, не болѣе $^1/_3$ изъ каждой фамиліи. Съ императора Петра Вел. вводятся нѣкоторыя новыя обязанности для дворянъ, а именно онъ обязываетъ ихъ учиться. Съ этою цѣлью предписано было послать во всѣ губерніи изъ математич. школъ учителей математики; при архіерейскихъ домахъ приказано было учредить школы. Чтобы побудить дворянъ къ ученію, Петръ издалъ указъ, въ силу котораго всякій дворянинъ, желающій жениться, долженъ былъ представить свидѣтельство въ томъ, что онъ знаетъ грамоту и цифирь. Дворяне должны были держать экзаменъ, и учитель выдавалъ имъ свидѣтельство за своею подписью, причемъ взимался 1 руб. пошлины.

До Петра дворяне находились въ вѣдомствѣ разряднаго приказа; Петръ В. предоставилъ завѣдываніе ими особенному чиновнику, герольдмейстеру. Герольдмейстеръ, состоявшій въ непосредственномъ вѣдѣніи Сената, дѣлалъ тоже самое, что прежде дѣлалъ разрядный приказъ, а именно, онъ обязанъ былъ вести списки дворянъ, наблюдать за ихъ службою и т. под. Болѣе знатное шляхетство начинало службу въ гвардіи, остальные въ арміи, но всѣ въ званіи солдата. Никого не производили въ офицеры, если онъ не зналъ солдатской службы.

Мѣры къ распространенію просвѣщенія были усилены при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, установившей цѣлый рядъ экзаменовъ, которымъ должны были подвергаться дворяне. Эти экзамены стояли въ связи со смотрами дворянъ, которые перешли изъ московской эпохи. Прежде смотры производились на мѣстѣ,

а теперь большею частью въ Петербургѣ или въ Москвѣ, куда должны были съѣзжаться дворяне разныхъ городовъ Россіи. При Аннѣ Іоанновнѣ былъ установленъ такой порядокъ экзаменовъ. Первый смотръ назначался лицамъ, достигшимъ 7-ми лѣтняго возраста; ихъ не подвергали никакому экзамену, они только заносились въ списки съ обозначеніемъ возраста и затѣмъ отпускались по домамъ съ тѣмъ, чтобы къ слѣдующему смотру, который производился имъ по достиженіи 12-ти лѣтняго возраста, они выучились читать и писать. На второмъ смотру производился экзаменъ, и молодые люди снова распускались по домамъ съ тѣмъ, чтобы къ 16-ти лѣтнему возрасту выучились закону божію, ариѳметикѣ и геометріи. На смотру 16-ти лѣтнихъ новый экзаменъ; кто не оказывалъ успѣховъ въ названныхъ предметахъ, тотъ прямо зачислялся въ матросы, безъ производства въ чины; выдержавшіе экзаменъ снова отпускались домой съ тѣмъ, чтобы къ 20-ти лѣтнему возрасту они изучили географію, фортификацію и исторію. Кто выдерживалъ этотъ послѣдній экзаменъ, тотъ производился въ офицерскій чинъ. Такимъ образомъ при Аннѣ Іоанновнѣ вмѣсто солдатской службы для производства въ офицерскій чинъ требовалось знаніе извѣстныхъ предметовъ.

Дворяне при Петрѣ Великомъ и въ Московскомъ государствѣ обязаны были служить до смерти. Въ этомъ отношеніи первое облегченіе было сдѣлано Анной Іоанновной, которая установила срокъ: дворяне должны служить отъ 20 до 45 лѣтъ, а съ 45 лѣтъ они могли оставлять службу. Она же дозволила одному дворянину изъ каждаго семейства вовсе не являться на службу, а оставаться дома для хозяйства.

Учрежденіемъ выборныхъ изъ дворянъ, земскихъ коммиссаровъ и ландратовъ при губернаторахъ, Петръ положилъ начало мѣстному дворянскому самоуправленію.

Законодательствомъ Петра III и Екатерины II были внесены существенныя измѣненія въ положеніе дворянъ.

Въ Московскомъ государствѣ въ первой половинѣ XVIII в. дворяне пользовались своими преимуществами не даромъ, они обязаны были нести военную службу. Петръ III освободилъ дворянъ отъ обязательной службы; эта мѣра была подтверждена жалованною грамотою Екатерины II. Съ этого времени привилегіи дворянства получили совершенно другое значеніе: дворяне стали владѣть населенными имуществами уже въ своихъ личныхъ интересахъ, а не въ интересахъ государства.

Петръ III въ манифестѣ выразилъ совершенно ясно, хотя и въ краткихъ словахъ, причину такой перемѣны: „это новое узаконеніе (т. е. освобожденіе дворянъ отъ обязательной службы) будетъ, говоритъ онъ, непоколебимымъ утвержденіемъ самодержавнаго всероссійскаго престола“. Такимъ образомъ Петръ III

въ привилегіяхъ дворянства видѣлъ поддержку престола. Екатерина II также смотрѣла на дворянство, какъ на опору престола, и потому утвердила его привилегированное положеніе.

На эту мысль Екатерина была наведена сочиненіемъ Монтескье, но и у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей мы встрѣчаемся съ тѣмъ же взглядомъ на значеніе аристократіи въ монархическомъ государствѣ. Такъ, Захарія въ своихъ 40 книгахъ о государствѣ исходитъ изъ той мысли, что существо единодержавной формы правленія есть привилегія, а потому, чтобы держалась эта форма, необходимо въ государствѣ привилегированное сословіе, аристократія; дорожа своими правами, она естественно будетъ поддерживать государя, который, въ свою очередь, окажетъ поддержку привилегіямъ аристократіи. Отсюда онъ выводитъ слѣдующее заключеніе: всѣ мѣры, которыя ведутъ къ установленію привилегій, выгодны для монархіи и, наоборотъ, всѣ мѣры, которыя ведутъ къ уравненію сословій, вредны для нея. Это мнѣніе, однако, не всегда оправдывалось исторіей, не всегда монархи находили безусловную поддержку въ аристократіи. Въ Англіи аристократія изстари имѣетъ привилегированное положеніе, но власть англійскихъ монарховъ ограничена правами этой аристократіи. Царство Польское распалось именно вслѣдствіе того, что короли встрѣтили тамъ сильныхъ противниковъ въ аристократіи. Феодальная аристократія западной Европы также не была поддержкой неограниченной королевской власти. Не смотря на то, что мысль Петра III и Екатерины II нельзя признать безусловно правильною, она, однако, послужила краеугольнымъ камнемъ важнаго преобразованія въ нашемъ законодательствѣ. Указъ Петра III носитъ наименованіе: О дарованіи вольности и свободы дворянству. Этимъ указомъ давалось дворянамъ право служить по усмотрѣнію, но съ однимъ ограниченіемъ: государь въ критическомъ положеніи государства можетъ призвать на службу всѣхъ дворянъ; кто не явится, тотъ лишается помѣстьевъ, какъ и въ старину. Дворяне получили право поступать на службу въ иностранныя государства, состоящія въ мірѣ съ Россіей, съ правомъ переходить съ чиномъ, пріобрѣтеннымъ въ иностранной службѣ, на русскую службу. Вольность была дана и относительно ученія: экзамены были отмѣнены и дворяне получили право учиться, гдѣ хотятъ и какъ хотятъ. Но обязанность учиться въ принципѣ была удержана, въ указѣ была выражена надежда, что дворяне будутъ учить своихъ сыновей. Въ такомъ видѣ вольности дворянства были подтверждены и жалованною грамотою дворянамъ 1785 г., которая вошла въ Полное Собраніе Зак. (т. 22 № 16187).

По отношенію къ порядку пріобрѣтенія дворянства важное измѣненіе было сдѣлано Петромъ Великимъ. До Петра дворян-

ство пріобрѣталось только рожденіемъ и въ рѣдкихъ случаяхъ пожалованіемъ. Петръ „Табелью о рангахъ“ вводитъ новый способъ пріобрѣтенія дворянства путемъ службы: каждый служащій не изъ дворянъ, достигшій перваго офицерскаго чина въ арміи и 8-го чина въ гражданской службѣ, дѣлается дворяниномъ. Такимъ образомъ, путемъ выслуги и не дворяне могли получить дворянство. Родовитымъ дворянамъ это, конечно, не могло нравиться, и въ законодательной Коммиссіи Екатерины II многіе изъ нихъ высказывались противъ такого порядка. Петръ Великій еще до „Табели о рангахъ“ предписалъ, чтобы каждому офицеру дворянинъ, не имѣющій чина, отдавалъ почетъ. Вмѣстѣ съ этимъ новымъ способомъ пріобрѣтенія дворянства произошло существенное измѣненіе въ понятіи чина. По „Табели о рангахъ“ всѣ должности были приведены къ опредѣленной постепенности; такихъ степеней, ранговъ, или, по старому, чиновъ установлено 14. Возникла правильная лѣстница чиновъ; чтобы достигнуть ея верха, надо было пройти по всѣмъ ступенямъ. На гражданской службѣ каждому чину соотвѣтствовала извѣстная должность и чинъ носилъ названіе по должности. Такъ, напримѣръ, третій рангъ былъ генералъ-прокуроръ, 4-й—президенты коллегій, 5-й—герольдмейстеръ, 6-й—коллежскій совѣтникъ, 8-й—коллежскій ассессоръ, 10-й—коллежскій секретарь и пр. Позднѣе это соотвѣтствіе ранга и должности было нарушено. Послѣ уничтоженія коллегій, наименованія чиновъ остались тѣ же, но соотвѣтствующихъ имъ должностей въ коллегіяхъ не стало: чины такимъ образомъ разошлись съ должностью.

При Екатеринѣ II произошло отступленіе отъ петровскаго порядка пріобрѣтенія дворянства. При Петрѣ дворянство пріобрѣталось выслугою, причемъ не обращалось вниманія на рожденіе: всякій, дослужившійся до оберъ-офицерскаго чина, дѣлался дворяниномъ, чины же давались по старшинству службы, а не по рожденію. Екатерина II приказала производить въ оберъ-офицерскіе чины дворянъ предпочтительно предъ недворянами; 8-й классъ въ гражданской службѣ давался также предпочтительно дворянамъ предъ недворянами. При императорѣ Николаѣ I дѣлается новый шагъ къ тому, чтобы затруднить пріобрѣтеніе дворянства. Чины, которыми пріобрѣтается дворянство, онъ отодвинулъ значительно къ верху: въ военной службѣ нужно было дослужиться до перваго штабъ-офицерскаго чина, а съ 1856 г. до полковника; въ гражданской до статскаго совѣтника, а съ 1856 г. до дѣйствительнаго статскаго совѣтника, т. е. до чина четвертаго класса. Но чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника дается не за выслугу лѣтъ, а въ видѣ особой награды. Такимъ образомъ дворянство на гражданской службѣ пріобрѣтается теперь какъ бы пожалованіемъ.

Организація дворянства, какъ сословія. Какъ особое сословіе дворянство сложилось въ московской Руси, но въ московской Руси, какъ мы видѣли, дворянство не имѣло еще особой сословной организаціи. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ Петромъ Великимъ. Онъ установилъ нѣкоторыя выборныя должности изъ дворянъ въ области мѣстнаго управленія. Для примѣненія коллегіальнаго начала къ губернскому управленію, Петръ ввелъ выборныхъ изъ дворянъ. Они получили названіе ландратовъ, т. е. земскихъ совѣтниковъ, и вѣдали вмѣстѣ съ губернаторами всякія дѣла; позднѣе управленію ихъ стали поручать „доли", на которыя дѣлились уѣзды. Изъ дворянъ-же избирались земскіе коммиссары; они вѣдали сборъ подушной подати, расположеніе войскъ и наблюдали за спокойствіемъ и благоустройствомъ (исправность дорогъ и мостовъ, поимка преступниковъ и пр.). Такимъ образомъ, дворяне принимали участіе въ мѣстномъ управленіи по выбору.

Завершеніе сословной организаціи дворянъ произошло при императрицѣ Екатеринѣ II. Жалованною грамотою 1785 года дворянамъ были даны тѣ учрежденія, которыя сохранились до послѣдняго времени, и опредѣлены тѣ преимущества ихъ, которыя были частью унаслѣдованы отъ прежняго времени, частью изборѣтены вновь. Грамотою 1785 г. дворянству предоставлено исключительное право владѣть населенными имѣніями, имѣть свои фабрики и заводы въ деревняхъ, продавать оптомъ то, что на нихъ производится, вступать съ казною въ подряды; но вести торговлю въ настоящемъ смыслѣ слова дворянамъ не было предоставлено, это считалось несогласнымъ съ дворянской честью. Дворяне получили свободу отъ тѣлесныхъ наказаній; дворянскаго-же званія могли быть лишены не иначе, какъ по высочайшей конфирмаціи. Далѣе, дворяне получили особенную организацію по губерніямъ, но не было дано такихъ учрежденій, которыя объединили-бы все русское дворянство. Дворяне каждой губерніи составляютъ особое общество, которому принадлежатъ свойства юридическаго лица. Они могутъ имѣть свою собственность, свой домъ, свои капиталы, училища; дворянское общество чрезъ особыхъ представителей можетъ предъявлять иски; оно имѣетъ свою печать. Дворяне могутъ составлять собранія по приглашенію своихъ предводителей. Наконецъ, имъ предоставлено и особенно важное право чрезъ посредство особыхъ депутатовъ дѣлать представленія о своихъ нуждахъ и приносить жалобы непосредственно Ея Императорскому Величеству. Во главѣ дворянъ поставленъ избираемый ими предводитель дворянства. Предводители дворянства впервые возникли по поводу избранія депутатовъ въ екатерининскую законодательную Коммиссію, когда было предписано избрать особыхъ предводителей для руковод-

ства выборами. Эти предводители дворянства потомъ остались навсегда, причемъ къ уѣзднымъ были присоединены губернскіе. Дворяне получили особенныя учрежденія для попеченія о дворянскихъ вдовахъ и сиротахъ и для веденія дворянскихъ книгъ. Для первой цѣли была учреждена дворянская опека; для второй —депутатское собраніе изъ дворянъ, которому дано право разбирать права на дворянское званіе и вносить дворянъ въ дворянскія книги. Екатерина II точно опредѣлила, кто принадлежитъ къ дворянскому сословію. Въ Московскомъ государствѣ точнаго по этому вопросу опредѣленія не было. Служилые люди считались дворянами, но московскимъ государямъ служили и не дворяне; вотчины и помѣстья также не могли служить признакомъ дворянства, такъ какъ гости и дьяки могли владѣть вотчинами и помѣстьями. Петръ Великій также не далъ точнаго опредѣленія. Историкъ Татищевъ *) говоритъ, что „не было различія между шляхтою (это наименованіе дворянъ перешло къ намъ изъ Польши) и подлыми людьми, нѣтъ закона, кого надо считать шляхтою; а считать всѣхъ, кто имѣетъ села и деревни, нельзя, такъ какъ села и деревни могли имѣть подъячіе и посадскіе“. Этой неопредѣленности Екатерина положила конецъ и въ жалованной грамотѣ опредѣлила, что дворянами надо считать лицъ, занесенныхъ въ дворянскія книги. Въ каждой губерніи были заведены дворянскія книги, въ которыя, по разсмотрѣніи доказательствъ, на дворянство рѣшеніемъ, депутатскаго собранія вносились лица дворянскаго званія. Такихъ книгъ было 6; въ нихъ вносились дворяне по различію способовъ пріобрѣтенія дворянства. Въ первую книгу вносились роды, такъ назыв. дѣйствительнаго дворянства, т. е. лица, пожалованныя дворянскимъ званіемъ; во вторую—военные дворяне, т. е. лица-заслужившія дворянство въ военной службѣ; въ третью—восьмиклассные дворяне, т. е. лица, пріобрѣвшія дворянство на гражданской службѣ, достигши чина 8-го класса; въ четвертую—записывались иностранные роды, т. е. иностранные дворянскіе выходцы, признанные въ дворянскомъ званіи въ Россіи; въ пятую —всѣ титулованныя особы (князья, графы и т. п.) и, наконецъ, въ шестую—старые благородные роды, т. е. настоящіе старые дворяне, которые произошли отъ старыхъ служилыхъ людей, «которые за 100 лѣтъ и болѣе считались дворянами».

Итакъ, въ Московскомъ государствѣ слагается дворянское сословіе, но оно не имѣетъ еще опредѣленной сословной организаціи. Въ императорскую эпоху сословія точнѣе обособляются одно отъ другаго и два высшія получаютъ организацію. Царство-

---

*) „О пользѣ науки“ и „О рекрутскихъ наборахъ“.

ваніе Петра Великаго составляетъ нѣкоторый перерывъ въ движеніи нашего законодательства къ сословности; послѣ Петра снова получаетъ преобладаніе стремленіе къ разобщенію сословій, которое достигаетъ высшей степени развитія при Екатеринѣ II; съ Александра I начинается смягченіе рѣзкихъ сословныхъ различій. Онъ издалъ указъ, въ силу котораго дворянамъ дозволено было заниматься торговлею и записываться въ гильдіи. Это постановленіе мотивировано слѣдующимъ образомъ: «для укрѣпленія связи между сословіями». Вредъ сословнаго направленія екатерининскаго законодательства сдѣлался уже ощутителенъ въ царствованіе ея внука.

III. Верховная власть.

1) *Власть Московскихъ государей.* Уяснить типъ власти въ Московскомъ государствѣ представляется весьма труднымъ, такъ какъ узаконеній, представляющихъ точныя опредѣленія верховной власти, въ это время не было, а все держалось на обычаѣ живомъ и трудно уловимомъ. Въ Московскомъ государствѣ мы еще встрѣчаемся съ нѣкоторыми отголосками стараго порядка вещей, съ нѣкоторымъ участіемъ народа въ государственныхъ дѣлахъ, которое выразилось въ формѣ земскихъ соборовъ. Рядомъ съ этимъ остаткомъ старины у московскихъ государей возникаетъ понятіе о томъ, что ихъ власть неограниченна, что они самодержавные государи. Это и затрудняетъ точное формулированіе характера власти московскихъ государей: съ одной стороны участіе народнаго представительства, съ другой—стремленіе царей къ неограниченному господству. Это послѣднее стремленіе получило, однако, перевѣсъ; въ XVIII вѣкѣ имѣемъ уже дѣло единственно съ абсолютною властью императоровъ. Въ царствованіе Петра Великаго понятіе неограниченной самодержавной власти переходитъ въ законъ и получаетъ точное опредѣленіе.

Переходя къ подробностямъ, надо указать на тѣ вліянія, при которыхъ шло образованіе царской власти московскихъ государей. Значительная роль въ этомъ дѣлѣ выпала на долю духовенства (см. Николаевскаго Русск. пропов. въ XV и XVI в., Ж. М. Н. пр. 1868 г. т. 138).

Въ княжескую эпоху власть князя разсматривалась какъ власть свѣтская, но уже и тогда духовенство высказывало мысль, что княжеская власть происходитъ отъ Бога. Въ Московскомъ государствѣ это воззрѣніе дѣлается господствующимъ и государи не только наслѣдственные, но даже и избранные соборами производятъ свою власть отъ Бога, называя себя богоизбранными государями. Точка зрѣнія духовенства такая: какъ одинъ

Богъ создатель всего, такъ точно долженъ быть и одинъ государь; единому Богу на небѣ соотвѣтствуетъ единый царь на землѣ. Царь разсматривается какъ покровитель православной вѣры. Въ этомъ смыслѣ весьма нерѣдко высказывается духовенство. Такъ высказался московскій митрополитъ Филиппъ по поводу желанія Новгородцевъ „задаться“, какъ тогда говорили (т. е. признать своимъ государемъ), за короля польскаго и великаго князя литовстаго Казиміра. Въ концѣ XV в. въ Новгородѣ возникла партія, во главѣ которой стояла Марѳа Борецкая, вдова посадника, женщина крайне честолюбивая; будучи недовольна московскимъ государемъ, она хотѣла провести въ новгородскіе князья польскаго короля. Этой партіи удалось получить перевѣсъ на вѣчѣ и она отправила посольство къ польскому королю съ приглашеніемъ сдѣлаться новогородскимъ княземъ и прислать своего намѣстника. По поводу этого посольства къ королю, исповѣдающему римско-католическую вѣру, митрополитъ Филиппъ написалъ посланіе къ Новгородцамъ. Онъ увѣщеваетъ ихъ не переходить къ латинскому государю, потому что „святыми отцами заповѣдано съ латинянами ничего общаго не имѣть“. „И православная церковь Константинопольская, продолжаетъ онъ, пока оставалась вѣрною православію, стояла непоколебимо и сіяла, какъ солнце, а какъ соединилась съ латинянами, такъ и впала въ руки поганыхъ; не въ турецкихъ ли рукахъ она находится и нынѣ? Вы знаете изъ примѣровъ, бывшихъ прежде, что всякое отступленіе отъ вѣры ведетъ къ разрушенію государства, къ этому ведетъ и непокорность богоподручному государю (т. е. православному); Бога бойтесь, царя чтите, Божій бо слуга есть“. И такъ необходимо признавать московскаго государя, такъ какъ это государь православный; отпаденіе отъ него разрушитъ и церковь и государство. Нѣкоторые духовные писатели идутъ еще дальше въ этомъ отношеніи: они разсматриваютъ русскихъ государей, какъ наслѣдниковъ православныхъ константинопольскихъ императоровъ; какъ православная церковь едина, такъ точно и русскій государь, по ихъ мнѣнію, долженъ быть надъ всѣми государями государь. Такого рода мысль высказывается, напр., въ посланіи старца Псковскаго Елеазарова монастыря. „Римъ и Константинополь пали, говоритъ онъ,—первый отъ ереси, а второй отъ меча поганыхъ. Въ замѣнъ павшихъ царствъ служитъ русская церковь, русское царство. Въ русскомъ царствѣ совокупились и сложились всѣ прежнія государства. Русскій царь есть браздодержатель всѣхъ престоловъ. Подобно тому, какъ московская успенская церковь есть одна во всей вселенной, такъ точно долженъ быть и одинъ государь во всей вселенной“. Московскій государь представляется преемникомъ величія и славы римскихъ им-

ператоровъ. Ему долженъ принадлежать „титулъ Августа и скипетръ Константина“. „Удѣльные князья должны быть въ полномъ у него подчиненіи; ихъ власть должна быть на столько ниже его власти, на сколько власть всемірная выше власти какого-нибудь мелкаго удѣльнаго князя“. Въ виду такихъ воззрѣній, нельзя удивляться, что въ нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ русскіе государи прямо производятся отъ римскихъ кесарей.

Мысль о томъ, что родъ Рюрика происходитъ отъ Августа, встрѣчается въ Степенной книгѣ *). Тамъ находимъ такую родословную Рюрика: „самодержавное царское скипетроправленіе, иже начася отъ Рюрика, иже бѣ отъ племени Пруссова, по его же имени прусская земля именуется; Пруссъ же братъ бысть единоначальствующаго на землѣ римскаго Кесаря Августа“.

Согласно съ указаннымъ воззрѣніемъ духовенства на значеніе государя, у насъ выработался въ XVI в. такой же титулъ московскаго государя: „благородный, христолюбивый, вседержавный, превысочайшій, всесвѣтлѣйшій, Богомъ избранный государь, самодержецъ вѣчный, истинный наставникъ христіанской вѣры, раздодержатель святыхъ божьихъ церквей, престоловъ всѣхъ епископовъ и, наконецъ, мудрый кормчій великаго корабля всего міра“. Любопытно, что государь разсматривается даже какъ истинный наставникъ вѣры, а не только какъ покровитель церкви.

Но отсюда нельзя дѣлать заключенія, что русское духовенство, проводя такой взглядъ на значеніе государя, считало его власть совершенно произвольною, думало, что государь не имѣетъ никакихъ обязанностей. Ставя государя на такую высоту, оно считало его обязаннымъ дѣйствовать въ духѣ православной церкви. Въ сочиненіяхъ духовенства того времени часто говорится объ обязанности государя дѣйствовать въ духѣ христіанскаго ученія. Въ этомъ отношеніи можно обратить вниманіе на посланіе Кирилла, основателя Кириллобѣлоозерскаго монастыря. Обращаясь къ Василью Дмитріевичу, онъ говоритъ: „сподобился еси великія власти, но за то на тебѣ большой трудъ лежитъ и отвѣтственность“; само собой разумѣется, что подъ отвѣтственностью разумѣется здѣсь отвѣтственность предъ Богомъ, а не предъ людьми. Такія же мысли находимъ и въ поученіи Вассіана, духовника ве-

---

*) Степенная книга есть переработка лѣтописнаго матеріала. Названіе свое она получила отъ того, что излагаетъ русск. исторію по степенямъ князей, т. е. по ихъ послѣдовательности. Она составлена въ XIV в. митрополитомъ Кипріаномъ. Кипріанъ, сербъ по происхожденію, извѣстенъ, какъ собиратель, исправитель и переводчикъ священныхъ книгъ. Онъ внесъ въ исправленныя имъ книги много особенностей сербскаго языка, съ его времени сербскій элементъ въ нашемъ языкѣ усилился. Въ XVI в. Степенная книга была переработана митрополитомъ Макаріемъ, составителемъ Четьи-Минеи.

ликаго князя Ивана Васильевича. Вассіанъ обратился къ великому князю по поводу вторженія Ахмата. Ахматъ быстро подвигался къ Москвѣ и Иванъ Васильевичъ хотѣлъ его встрѣтить съ оружіемъ, но, не отличаясь личной храбростью, скоро склонился къ мнѣнію тѣхъ, которые совѣтовали ему удалиться въ безопасное мѣсто, отправивъ войско противъ Ахмата. Имѣя въ виду это намѣреніе Ивана Васильевича, Вассіанъ пишетъ къ нему посланіе, въ которомъ говоритъ: „не слушай злыхъ совѣтовъ; что тебѣ совѣтуютъ? что внушили тебѣ твои приближенные? повергнуть щиты свои и этимъ окаяннымъ предать христіанство и отечество, а послѣ, какъ бѣгунцу, скитаться въ чужихъ земляхъ? Помысли, государь, изъ какой славы до какого безчестія хотятъ довести твое царство, сколько народу погибнетъ, сколько церквей божіихъ останутся разоренными и оскверненными. Убойся, отъ твоихъ рукъ Богъ взыщетъ кровь людей русскихъ! И куда хочешь бѣжать, гдѣ воцаришься и кому оставишь свое царство? Оставь свое намѣреніе, возмогай о Господѣ, Богъ силенъ и не въ конской силѣ“. Старецъ псковскаго монастыря Филофей пишетъ къ Василію: „подобаетъ царствующему государю держать свое царство съ великимъ опасеніемъ, бойся Бога, не уповай на злато, богатство и славу: все, что здѣсь собирается, на землѣ и остается. Богатство не въ сокровищахъ заключается, а въ помощи требующимъ и нуждающимся“.

Духовенство сознаетъ за собою обязанность дѣлать поученія царямъ и государи выслушиваютъ такія поученія. Сознавалъ эту обязанность духовенства и Иванъ Грозный; онъ просилъ Стоглавый соборъ „воспретить ему безъ всякаго страха“, если онъ будетъ „супротивенъ божественнымъ правиламъ, да жива будетъ душа его“. Во время казанскаго похода, въ царскомъ войскѣ возникли безпорядки: войско предалось грабежу, пьянству и всякаго рода излишествамъ. Распущенность эта коснулась и приближенныхъ къ государю лицъ и самаго царя, который, какъ извѣстно, не отличался воздержанностью страстей. Слухъ объ этомъ дошелъ до митрополита Макарія, и онъ обратился къ государю съ обличительнымъ посланіемъ, въ которомъ указывалъ на гибель Содома и Гоморры и совѣтовалъ ему соблюдать четыре евангельскихъ заповѣди: храбрость, мудрость, правду и цѣломудріе. Это посланіе было принято Иваномъ съ благодарностію и онъ счелъ нужнымъ выразить это въ отвѣтѣ Макарію: „писалъ еси, господине, къ намъ, научая насъ престать отъ грѣха и утверждая по благочестію побороти, и мы, господине, на твою грамоту челомъ бьемъ на просвѣщенныхъ твоихъ словесахъ.“

Спрашивается, какимъ образомъ духовенство смотрѣло на государя въ томъ случаѣ, когда онъ велъ себя въ противность всѣмъ предписаніямъ православной церкви; считало ли оно возможнымъ въ этомъ случаѣ какое нибудь сопротивленіе? По от-

ношенію къ этому вопросу преобладающее мнѣніе духовенства состояло въ томъ, что государю нужно оказывать безусловное повиновеніе, если-бы даже онъ велъ себя и не согласно съ требованіями христіанскаго ученія. На вопросъ о томъ, всякій-ли царь, даже и нечестивый, поставленъ отъ Бога, встрѣчаемъ такой отвѣтъ: „недостойный царь поставляется за недостоинство людей, по злобѣ ихъ, по Божію попущенію и хотѣнію. Если видишь недостойнаго царя, не дивися, поучайся и вѣруй, что по беззаконію нашему нашимъ мучителямъ предаемся.“ Иное воззрѣніе высказалъ Іосифъ Волоколамскій; онъ находилъ возможнымъ сопротивленіе недостойному царю и приводилъ въ доказательство примѣръ трехъ вавилонскихъ отроковъ, которые не только не покорились велѣніямъ царя, но даже „врага беззаконника нарѣкоша его.“

Какъ сами государи смотрѣли на свою власть? Узаконеній, которыя давали бы опредѣленіе власти, не было; мы встрѣчаемся только со случайно высказанными взглядами государей на ихъ власть. Такія заявленія имѣемъ отъ Ивана III и внука его, Ивана Грознаго. Иванъ III высказался въ извѣстныхъ переговорахъ съ Новгородомъ. Кромѣ партіи Марѳы Борецкой, въ Новгородѣ была и другая, довольно сильная партія бояръ, которая желала остаться за московскимъ государемъ. Эта партія отправила къ великому князю посольство, которое назвало Ивана III государемъ. До того времени Новгородцы называли московскихъ государей великими князьями, но не государями, а потому Иванъ III, получивши такое обращеніе, шлетъ въ Новгородъ посольство и спрашиваетъ, какъ понимать то, что Новгородцы называютъ его государемъ. Такъ какъ посольство изъ Новгорода было отправлено не вѣчемъ, а боярами, то вѣче, получивъ такой вопросъ, пришло въ недоумѣніе и отвѣчало: „мы того не вѣдали; кланяемся тебѣ по старинѣ господину нашему великому князю, а государемъ не зовемъ„. Этотъ отвѣтъ повелъ къ вооруженному вторженію въ Новгородскую область, результатомъ котораго было покореніе Новгорода. новгородцы должны были признать Ивана III своимъ государемъ. Такъ какъ имъ не были извѣстны обычаи низовой земли, то они, въ свою очередь, нашли нужнымъ спросить: „какъ государь желаетъ въ Новгородѣ государствовати?„ Іоаннъ отвѣчалъ: „вѣчу не быть, посадникамъ не быть; волостямъ быти, селамъ быти.“ „Вѣчу не быть, посаднику не быть...“ Это означаетъ отмѣну стараго вѣчеваго порядка и выборныхъ представителей власти; подъ выраженіемъ „волостямъ быти, селамъ быти“ разумѣется то, что государь требовалъ, чтобы въ его частную собственность были выдѣлены волости и села которыя онъ могъ бы раздавать своимъ служилымъ людямъ на условіи службы. Въ Новгородѣ соглашаются на это, но просятъ, чтобы условія, пред-

ложенныя в. княземъ и принятыя новгородцами, были скрѣплены крестнымъ цѣлованіемъ. Иванъ III отказывается отъ крестнаго цѣлованія: государь не обязывается крестнымъ цѣлованіемъ.

Другое извѣстіе касается взглядовъ Ивана Грознаго. Въ началѣ царствованія своего онъ находился подъ вліяніемъ Сильвестра и Адашева, собиралъ земскіе соборы и совѣтывался съ соборными людьми. Мы указали уже, что въ 1550 году за духовными соборами онъ призналъ право не только научать его, но и воспрещать ему дѣйствія, несогласныя съ божественными правилами. Но это было только въ началѣ царствованія. Затѣмъ въ характерѣ царя произошла большая перемѣна, онъ сталъ царствовать самовластно. На эту перемѣну въ образѣ мыслей Грознаго повліялъ, какъ есть основаніе думать, Вассіанъ Топорковъ, монахъ Волоколамскаго монастыря. О впечатлѣніи, которое онъ произвелъ на Іоанна, можно заключить изъ разсказа Курбскаго. Іоаннъ спросилъ, будто бы, Вассіана: „какъ я долженъ править государствомъ?“ Вассіанъ далъ ему такой отвѣтъ: «если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника, который былъ бы умнѣе тебя; держись правила: ты долженъ учить, а не учиться, повелѣвать, а не повиноваться, тогда будешь твердъ на царствѣ и страшенъ боярамъ.“ Были и другія причины, которыя возбудили въ царѣ недовѣріе и ненависть къ боярамъ; съ цѣлію борьбы съ ними онъ и учредилъ опричнину. Событія, предшествовавшія ея учрежденію, показываютъ, что царю нужно было что то въ родѣ согласія народа на учрежденіе опричнины и предварительное одобреніе народомъ послѣдовавшихъ затѣмъ казней и убійствъ. Царь получилъ это одобреніе.

3-го декабря 1564 г. онъ со всѣмъ семействомъ выѣхалъ изъ Москвы въ село Коломенское, а оттуда въ село Тайнинское. Выѣздъ этотъ былъ не похожъ на прежніе. Царь взялъ съ собой всю казну, иконы, многихъ бояръ, дворянъ и приказныхъ людей. Въ Москвѣ всѣ были въ недоумѣніи. Ровно черезъ мѣсяцъ это недоумѣніе разрѣшилось: царь прислалъ изъ слободы списокъ, въ которомъ описаны были измѣны боярскія, воеводскія и всякихъ приказныхъ людей. Къ гостямъ же, къ купцамъ, посадскимъ людямъ и ко всему православному христіанству Москвы царь прислалъ особую грамоту и велѣлъ ее предъ ними прочесть. Въ ней онъ писалъ, чтобы они никакого сомнѣнія не держали, что гнѣва на нихъ и опалы никакой нѣтъ. Когда эта грамота была прочтена, между народомъ раздались рыданія и вопли: „къ кому прибѣгнемъ, кто избавитъ отъ нашествія иноплеменниковъ?“ Была составлена отвѣтная грамота, въ которой народъ просилъ царя не оставлять Москвы, а что касается до измѣнниковъ, „то, говорилось въ грамотѣ, мы за нихъ не стоимъ и готовы ихъ истребить“. Государь принялъ народное челобитье, но съ

тѣмъ, чтобы на всѣхъ измѣнниковъ опалы класть, а иныхъ казнить и имѣніе отбирать, чего ради учредить опричнину. Вслѣдъ за этимъ и была учреждена опричнина: государь дворъ и обиходъ сдѣлалъ для себя особый, назначилъ особыхъ бояръ, окольничихъ, дворецкихъ и всякихъ приказныхъ въ опричнину. Опредѣлены были города и волости, съ которыхъ доходы шли на государевъ обиходъ, на жалованье боярамъ, дворянамъ и всякимъ людямъ, которые будутъ въ опричнинѣ. Опричникамъ помѣстья были даны въ тѣхъ городахъ, которые взяты въ опричнину, а вотчинники и помѣщики, которымъ не быть въ опричнинѣ, изъ этихъ городовъ выведены и получили земли въ другихъ городахъ. Въ самой Москвѣ были взяты нѣкоторыя улицы и слободы и въ нихъ велѣно было жить только опричникамъ. Старые вельможи остались при своихъ старыхъ должностяхъ, но обязаны были въ важнѣйшихъ случаяхъ обращаться къ царю за указами. Устроивъ опричнину, Іоаннъ поселился на житье въ Александровской слободѣ. Пошли казни и всякія безчинія. Ограничимся немногими примѣрами. Разсказываютъ, что въ 1567 г. нѣкоторые изъ важнѣйшихъ бояръ: кн. Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій и конюшій Иванъ Петровичъ Ѳедоровъ получили грамоты отъ польскаго короля Сигизмунда съ подговоромъ измѣнить московскому государю. Эти письма бояре представили царю съ отвѣтомъ, который просили переслать королю. Были ли эти письма дѣйствительно отъ польскаго короля, или подосланы самимъ Грознымъ, чтобы испытать бояръ, во всякомъ случаѣ измѣны со стороны бояръ не было. Несмотря на это, Іоаннъ далъ ходъ своему гнѣву. Сперва онъ принялся за конюшаго, призвалъ его къ себѣ, велѣлъ одѣться въ порфиру, посадилъ на тронъ и послѣ многихъ издѣваній самъ пронзилъ его кинжаломъ. Тогда же были казнены и многіе другіе бояре: князь Куракинъ, Ряполовскій, три князя Ростовскіе, Пронскій и Щенятевъ. Въ 1568 г. опричники, во главѣ которыхъ были кн. Вяземскій и Малюта Скуратовъ, напали въ Москвѣ, ночью, на дома бояръ, купцовъ, схватили женъ и дѣвицъ и вывезли ихъ за городъ; царь принималъ участіе въ этой забавѣ. Натѣшившись вдоволь, увезенныхъ развезли обратно по домамъ.

Среди духовенства нашлись люди, которые исполнили свой долгъ. Про митрополита Германа разсказываютъ, что онъ былъ удаленъ съ каѳедры потому, что бесѣды его не понравились любимцамъ Іоанна. Послѣ Германа на митрополію вызвали соловецкаго игумена Филиппа, но Филиппъ объявилъ, что онъ согласится быть митрополитомъ только подъ условіемъ уничтоженія опричнины. Іоаннъ разсердился; многіе думали, что Филиппа постигнетъ опала и совѣтовали ему безпрекословно принять санъ. Это подѣйствовало на Филиппа и онъ принялъ митроп. каѳедру,

но сдѣлалъ царю поученіе. Онъ совѣтовалъ ему быть кроткимъ, не слушать льстивыхъ рѣчей, ибо многіе изъ лести хвалятъ то, что нужно порицать, совѣтовалъ проявлять власть надъ сильными, а не надъ слабыми и т. под. Эти совѣты не принесли пользы. Вскорѣ за тѣмъ произошло то избіеніе бояръ, о которомъ уже сказано. Послѣ этого Іоаннъ избѣгалъ свиданія съ митрополитомъ. 31-го марта 1568 г. царь вошелъ въ Успенскій Соборъ и направился прямо къ митрополиту, чтобы получить благословеніе. Филиппъ какъ будто не замѣчалъ его; когда ему сказали: „вотъ царь идетъ“, митрополитъ обратился къ Іоанну и сказалъ (Іоаннъ былъ въ одѣяніи опричника): «Благочестивый, кому это ты поревновалъ, такимъ образомъ измѣнивши свой видъ? Съ тѣхъ поръ, какъ солнце свѣтитъ, не слышно, чтобы благочестивые государи возмущали свою державу. О царь! Мы приносимъ безкровную жертву Богу, а за алтаремъ льется кровь невинныхъ. Въ невѣрныхъ и языческихъ странахъ есть законъ и правда, а въ Россіи ихъ нѣтъ. Грабежи и убійства совершаются твоимъ именемъ. Какъ станешь на судъ Божій, обагренный кровью невинныхъ». Филиппъ былъ преданъ суду и обвиненъ; 8-го ноября 1568 г. опричники съ безчестіемъ вывели его изъ собора, онъ былъ сосланъ въ Тверской монастырь. Въ 1569 г., проѣзжая Тверь, Іоаннъ послалъ къ нему Малюту Скуратова взять благословеніе; Малюта Скуратовъ задушилъ митрополита. Лѣтъ сто спустя Филиппъ былъ причисленъ къ лику святыхъ и мощи его перевезены въ Москву.

Воззрѣнія на власть, которыя были высказаны самимъ Иваномъ IV въ періодъ самовластія, находимъ въ его перепискѣ съ Курбскимъ. Эта переписка происходила послѣ того, какъ Царь удалилъ отъ себя своихъ прежнихъ совѣтниковъ, Сильвестра и Адашева. Князь Курбскій, опасаясь смерти, бѣжалъ въ Литву, откуда писалъ Ивану Грозному письма, которыя были наполнены упреками царю въ томъ, что онъ отступилъ отъ старыхъ обычаевъ и сталъ управлять самовластно, не слушаясь бояръ и совѣтниковъ. Въ письмѣ Курбскаго любопытно то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ, что Иванъ Грозный избилъ всѣхъ Богомъ данныхъ ему совѣтниковъ. По воззрѣніямъ того времени, не только государь дается Богомъ, но и бояре, совѣтники государя, даны ему Богомъ. Въ своемъ отвѣтѣ царь проводитъ мысль, что онъ имѣетъ полное право не стѣсняться боярскими совѣтами, такъ какъ онъ самовластный государь. „Самодержавство наше, говоритъ онъ, имѣетъ начало отъ Владиміра Святаго. Мы родились на царствѣ, а не чужое похитили“. Далѣе онъ объясняетъ, что такое самодержавіе. До сихъ поръ, говоритъ онъ, русскіе государи владычествовали, не давая отвѣта никому; вольны были подвластныхъ жаловать и казнить, не су-

дились съ ними ни предъ кѣмъ. Изъ предшествующаго мы знаемъ, что было время, когда Иванъ Грозный думалъ иначе. Курбскій обвиняетъ Вассіана въ томъ, что Іоаннъ по его совѣту отступилъ отъ древнихъ обычаевъ и пересталъ совѣтоваться съ боярами. Обращаясь къ Вассіану, онъ говоритъ: „о гласъ, воистинну дьявольскій, всякой злости, презорства и забвенія исполненный. Ты забылъ, что во второй книгѣ Царствъ говорится? Царь Давидъ, приказавъ исчислить народъ противно синклитскому совѣту, чуть не погубилъ всего Израиля. Царь поставленъ царствовати, но такъ какъ онъ не можетъ отъ Бога всѣхъ даровъ получить, то онъ долженъ слушаться добраго совѣта не только своихъ совѣтниковъ, но и простыхъ людей". Московскій государь, по мнѣнію Курбскаго, долженъ совѣтоваться съ своими приближенными и вообще не пренебрегать ни чьимъ совѣтомъ, даже совѣтомъ простыхъ людей. Это старый обычай. Переписка съ Курбскимъ бросаетъ свѣтъ на тѣ измѣненія, которыя произошли во взглядѣ царя на его власть.

Несмотря на всѣ ужасы правленія Ивана Грознаго, въ памятникахъ народнаго творчества осталось о немъ доброе воспоминаніе. Это объясняется тѣмъ, чта царь велъ ожесточенную борьбу съ боярами; народъ-же бояръ не любилъ. Въ народныхъ пѣсняхъ Грозный выставляется народолюбцемъ, охотно и запросто бесѣдующимъ съ простыми людьми, и строгимъ только къ боярамъ. Народъ не злопамятенъ, онъ забылъ ужасы новогородскаго нашествія.

Строгое проведеніе новыхъ взглядовъ на власть государя въ томъ видѣ, какъ они стали слагаться въ Москвѣ, не могло не вызвать нѣкотораго неудовольствія со стороны приверженцевъ стараго порядка. Слѣдъ этого недовольства также сохранился и дошелъ до насъ, какъ и добрая слава про Ивана Грознаго. Въ Псковской лѣтописи уцѣлѣла поговорка, составившаяся подъ вліяніемъ отмѣны стараго порядка вещей и введенія новаго, московскаго. «Правда взлетѣла на небо, а кривда начала ходить по землѣ, бѣдные Псковичи не знали правды московской». Московская правда представляется въ видѣ многокрылаго орла, крылья котораго исполнены львиными когтями: „прилетѣлъ (этотъ орелъ) и взялъ у насъ три кедра ливанскіе и красоту мою и богатство мое и чадъ моихъ похитилъ".

Воззрѣніе на власть государя, какъ на власть самодержавную, еще не сложилось окончательно въ Московскомъ государствѣ. Одни изъ государей проводили это воззрѣніе съ большой энергіей, другіе слабѣе, но въ законѣ еще оно не было выражено, а потому и было предметомъ полемики въ перепискѣ Грознаго съ Курбскимъ. Рядомъ съ властью, принадлежавшею государю, встрѣчаемся еще и съ нѣкоторой долей участія подданныхъ въ

верховной власти. Это участіе проявлялось въ формѣ земскихъ соборовъ, къ разсмотрѣнію которыхъ теперь и приступаемъ.

Земскіе Соборы.

I. Представительныя учрежденія европейскихъ государствъ на первой ступени своего развитія, даютъ любопытный примѣръ явленія, представляющаго многія черты сходства, не смотря на глубокое различіе политической жизни тѣхъ народовъ, у которыхъ они наблюдаются. Мы сопоставимъ особенности земскихъ соборовъ Мосвовскаго Государства съ тѣмъ, что намъ извѣстно о французскихъ генеральныхъ штатахъ и о первоначальномъ видѣ англійскаго представительства, за первыя сто лѣтъ его существованія. Сходства этихъ учрежденій такъ многосторонни, что никакъ не могутъ быть приписываемы случаю, а должны быть объясняемы дѣйствіемъ одинакихъ причинъ *).

Дѣйствіе одинакихъ причинъ обнаруживается уже въ сходствѣ условій, при которыхъ возникли представительныя учрежденія въ трехъ названныхъ государствахъ.

Въ исторіи многихъ народовъ наблюдается такой моментъ, когда первичныя народныя собранія (племенныя, у насъ вѣчевыя) переходятъ во вторую стадію своего развитія, въ которой получаютъ характеръ представительныхъ учрежденій. Этотъ моментъ совпадаетъ съ переходомъ племеннаго устройства въ народное (народъ—какъ совокупность отдѣльныхъ племенъ) и соотвѣтствуетъ образованію болѣе крупныхъ государственныхъ тѣлъ. По мѣрѣ того, какъ территорія государства расширяется, первичныя народныя собранія теряютъ подъ собой почву и мало по малу вовсе выходятъ изъ употребленія. Это явленіе вымиранія древняго народнаго учрежденія условливается нѣкоторыми общими причинами, къ которымъ могутъ присоединиться и частныя, составляющія особенность каждаго отдѣльнаго государства. Между общими причинами важное значеніе принадлежитъ уже самому факту отдаленности мѣста собранія, которое теперь одно для всего объединеннаго государства, и проистекающій отсюда затруднительности переѣзда. Но къ этой причинѣ присоединяется и другая, имѣющая едвали не большее еще значеніе. Она состоитъ въ томъ, что самый интересъ къ народнымъ собраніямъ

---

*) На однородность нашихъ земскихъ соборовъ съ подобными же учрежденіями западной Европы указано уже Б. Н. Чичеринымъ въ его книгѣ „О представительствѣ“, стр. 355. Къ сожалѣнію почтенный авторъ ограничивается однимъ краткимъ указаніемъ на сходства въ началѣ отдѣла, посвященнаго земскимъ соборамъ въ Россіи, почти не возвращаясь къ нимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

ослабляется. Расширеніе государства вызываетъ осложненіе его отправленій, а вмѣстѣ съ этимъ возникаютъ такіе вопросы, которые могутъ быть мало понятны всей совокупности свободныхъ жителей каждой отдѣльной мѣстности. Эти причины и приводятъ, съ теченіемъ времени, къ измѣненію первоначальнаго характера народныхъ собраній: изъ личныхъ, на которыхъ каждый присутствуетъ въ силу лично ему принадлежащаго права, они переходятъ въ представительныя, члены которыхъ посылаются избирателями, въ силу предоставленнаго этимъ послѣднимъ права принимать участіе въ народныхъ собраніяхъ чрезъ посредство своихъ выборныхъ *). Впрочемъ, это измѣненіе идетъ не далѣе дѣйствія причины, его вызвавшей. Если въ составѣ новаго государства оказываются лица, положеніе которыхъ допускаетъ поголовное участіе въ новыхъ собраніяхъ, они призываются къ нимъ лично, по прежнему, а не чрезъ представителей.

Согласно дѣйствію этихъ общихъ причинъ, представительныя учрежденія Англіи, Франціи и Московскаго Государства возникаютъ въ то время, когда въ силу новыхъ условій, при которыхъ сложились эти государства, народныя собранія сдѣлались невозможными въ ихъ первичной формѣ. Въ Россіи первое собраніе выборныхъ было созвано около 1548 г., во Франціи—въ 1302 г., въ Англіи то-же явленіе совершилось въ два пріема, раздѣленныхъ одинъ отъ другаго значительнымъ промежуткомъ времени: первое собраніе выборныхъ отъ рыцарей относится къ 1214 г. и выпадаетъ на царствованіе Ивана Безземельнаго; первое же собраніе выборныхъ отъ городовъ относится къ 1264 г. и выпадаетъ на царствованіе Генриха III-го.

Ближайшія причины созванія первыхъ выборныхъ заключались въ слѣдующемъ.

Распространеніе предѣловъ Московскаго княженія, начавшееся съ XIV в., достигаетъ къ царствованію Ивана Грознаго значительныхъ размѣровъ. Москва поглощаетъ къ этому времени почти всѣ княженія, прилегавшія къ ея границамъ, и образуетъ, сравнительно, весьма крупное государственное тѣло. Это дѣло объединенія совершается благодаря примысламъ Дмитрія Донскаго, Ва-

---

*) По отношенію къ разсматриваемому вопросу имперія Карла Великаго представляетъ образчикъ переходнаго состоянія. Народныя собранія къ первичной формѣ оказываются несоотвѣтствующими громаднымъ размѣрамъ имперіи; начала же правительства она не успѣла еще выработать, такъ какъ не доставало втораго условія, необходимаго для его появленія, именно — національнаго единства. Въ силу этого мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ переходнымъ явленіемъ: рядомъ съ общими народными собраніями, въ старой формѣ, существуютъ мѣстныя народныя собранія по отдѣльнымъ областямъ, на которыхъ и предлагаются къ принятію новые законы, долженствующіе служить пополненіемъ мѣстныхъ народныхъ законовъ. Pertz, leg. I, p. 112—115.

силія Дмитріевича, Ивана Васильевича и Василія Ивановича и тому новому порядку въ распредѣленіи удѣловъ между сыновьями московскаго государя, начало которому положено политической прозорливостью Дмитрія Донскаго. Въ дѣлѣ объединенія русской земли дѣятельное участіе принимали и московскіе бояре. Не составляя политическаго цѣлаго съ опредѣленными правами, московскіе бояре распадались на партіи, которымъ удавалось, благодаря благосклонности московскихъ государей, оказывать сильное вліяніе на дѣла управленія. Въ малолѣтство Грознаго боярское правленіе достигло высшей степени самовластія и своими несправедливостями вызвало народную смуту, однимъ изъ кровавыхъ эпизодовъ которой было убіеніе въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ Юрія Глинскаго, роднаго дяди государя. Иванъ Грозный вознамѣрился положить конецъ злоупотребленіямъ боярскаго правленія. Въ 1548 г. (или около) онъ созываетъ въ Москву выборныхъ изъ городовъ отъ людей всякаго чина и объявляетъ имъ, что съ настоящей минуты онъ будетъ самъ „судія и оборона„ своему народу, что въ предшествовавшихъ злоупотребленіяхъ виноваты бояре, а онъ неповиненъ въ пролитой ими крови. Мысль государя совершенно понятна. Въ малолѣтство Ивана бояре дѣйствовали его именемъ: народъ легко могъ приписать ихъ дѣйствія волѣ царя и отшатнуться отъ него. Чтобы предупредить это возможное послѣдствіе боярскаго самоуправства, онъ указываетъ народу настоящихъ виновниковъ его бѣдствій и угрожаетъ воздать имъ по дѣламъ ихъ. Отрекаясь отъ бояръ, царь, естественно, ищетъ опоры въ народѣ. Такова мысль нашего перваго собора.

Что сдѣлали предшественники Ивана Грознаго для Россіи, то было сдѣлано предшественниками Филиппа Красиваго, для Франціи. При восшествіи на престолъ Гуго Капета, Франція достигла величайшей степени политическаго разложенія, начавшагося по смерти Карла Великаго. Значеніе королевской власти пало. Административные округи имперіи Карла Великаго обратились почти въ самостоятельныя государства, которыя стояли только въ номинальной зависимости отъ французскихъ королей. Только путемъ долгаго историческаго процесса, благодаря энергической пріобрѣтательной политикѣ Филиппа-Августа и Людовиковъ VIII и IX-го, французскимъ королямъ снова удалось соединить въ своихъ рукахъ значительныя владѣнія и обуздать своеволіе феодальныхъ господъ. Рядомъ съ этимъ шло освобожденіе городовъ. Французскіе короли, взявъ подъ свое покровительство городское населеніе, среди котораго обнаружилось стремленіе высвободиться изъ подъ гнета феодальной власти, помогли образованію третьяго сословія, какъ новой политической силы, дотолѣ неимѣвшей никакого значенія въ государствѣ. При восшествіи на престолъ Филиппа Красиваго, Франція представляется въ значительной сте-

пени объединеннымъ государствомъ, свободное населеніе котораго состоитъ не изъ однихъ рыцарей: наряду съ ними значительной долей самостоятельности пользуются и городскія общины. Филиппъ Красивый, энергически продолжавшій пріобрѣтательную политику своихъ предшественниковъ, крайне нуждался въ деньгахъ и добывалъ ихъ самыми произвольными средствами. Недовольствуясь тѣмъ, что принесли ему конфискація еврейской собственности, новые тяжелые налоги и произвольное измѣненіе цѣнности монеты,—онъ обратилъ свои взоры и на имущества духовенства: всѣ свободныя духовныя бенефиціи были отобраны въ пользу короны, а остальное имущество духовенства было обложено высокимъ налогомъ. Эти крайнія мѣры вовлекли Филиппа въ столкновеніе съ папой Бонифаціемъ VIII Въ 1302 г. папа издалъ грозную буллу, которой созывался въ Римѣ соборъ для суда надъ королемъ. Въ отвѣтъ на это объявленіе войны духовной власти противъ свѣтской, Филиппъ созываетъ генеральные штаты, въ составъ которыхъ призываются не только феодальные господа и духовенство, но и представители городскихъ общинъ. Мысль французскаго короля понятна; въ предстоящей ему борьбѣ съ духовной властью, которая имѣла не мало союзниковъ даже въ предѣлахъ его собственнаго государства, какъ среди свѣтской аристократіи, такъ и духовенства,—онъ желаетъ опереться на содѣйствіе всего народа.

Объединеніе Англіи совершилось гораздо ранѣе объединенія Россіи и Франціи. Уже въ самый моментъ завоеванія ея Норманами она представляла значительное политическое тѣло. Но единство Англіи при Вильгельмѣ Завоевателѣ было чисто внѣшнее. Разнородные элементы, вошедшіе въ составъ новаго государства, составляли одно цѣлое только благодаря военному преобладанію Нормановъ. Чтобы племенная рознь Саксовъ, Датчанъ и Нормановъ улеглась, и изъ этихъ чуждыхъ другъ другу элементовъ образовалась единая нація, нужно было значительное время. Этотъ процессъ умиротворенія дѣлаетъ замѣтные успѣхи къ царствованію Генриха III-го. Къ этому времени Англія теряетъ характеръ вооруженнаго лагеря; къ этому же времени получаютъ нѣкоторое значеніе и города, находившіеся, съ самой эпохи завоеванія, въ безусловной зависимости отъ своихъ феодальныхъ господъ *). Благодаря тому обстоятельству, что политическое объединеніе Ан-

*) Освобожденіе городовъ является въ западныхъ государствахъ однимъ изъ условій образованія представительства. Этого условія не замѣчаемъ въ Московскомъ Государствѣ. Различіе это объясняется инымъ положеніемъ нашихъ городовъ: они не находились въ феодальной зависимости, а всегда стояли въ непосредственныхъ къ государю отношеніяхъ. Объ освобожденіи ихъ поэтому, у насъ не могло быть и рѣчи.

гліи совершилось ранѣе національнаго, представительныя учрежденія этой страны возникли въ два пріема: сперва призывались представители отъ рыцарей, которые одни и составляли, по счастливому выраженію Гизо, политическую націю Англіи; только нѣкоторое время спустя, къ нимъ присоединились выборные отъ городовъ.

Въ силу обычаевъ феодальнаго права, всѣ непосредственные вассалы короля могли принимать лично участіе въ собраніяхъ королевскаго двора какъ для суда, такъ и для рѣшенія всякихъ другихъ вопросовъ публичнаго характера. Но въ Англіи подобное поголовное собраніе всѣхъ рыцарей не было осуществимо и по значительному ихъ числу, и по значительному пространству государства. Къ этимъ причинамъ скоро присоединилась еще новая: изъ общей среды рыцарей выдѣлилось нѣсколько сильныхъ бароновъ, которымъ, естественно, должно было принадлежать преобладающее вліяніе на дѣла, въ ущербъ слабому личному голосу мелкихъ рыцарей. Такимъ образомъ, на дѣлѣ, въ засѣданіяхъ королевскаго двора принимали участіе только сильные бароны, да духовенство. Эти-то сильные бароны въ соединеніи съ высшимъ духовенствомъ и начали ту знаменитую борьбу съ Иваномъ Безземельнымъ, которая завершилась появленіемъ на свѣтъ Великой Хартіи Свободы. Еще въ 1213 г. бароны собрались въ Лондонѣ для предварительнаго совѣщанія, на которомъ была прочитана и принята съ восторгомъ давно забытая грамота Генриха I. Въ слѣдующемъ году они собрались во второй разъ и приняли рѣшеніе добиться отъ короля подтвержденія грамотъ его предшественниковъ. Узнавъ о враждебныхъ ему намѣреніяхъ бароновъ, король Иванъ созываетъ въ 1214 г. свой королевскій дворъ въ Оксфордѣ, на который приглашаетъ явиться и представителей мелкаго рыцарства, по четыре человѣка отъ графства. Это первый достовѣрный случай представительства въ Англіи, основная мысль котораго совершенно тожественна съ основной мыслью перваго московскаго земскаго собора и перваго собранія генеральныхъ штатовъ во Франціи: въ виду подготовляющагося возстанія бароновъ, Иванъ Безземельный хотѣлъ привлечь на свою сторону мелкое, но многочисленное рыцарство. Попытка его, однако, не имѣла успѣха. Возставшіе бароны стояли за начало правомѣрности въ государственномъ управленіи; они защищали не личные только свои интересы, но интересы всего государства; на ихъ сторонѣ были истинныя пользы Англіи, а потому рыцари графствъ присоединились къ нимъ, а не къ королю. Этимъ-то оригинальнымъ отношеніемъ королевской власти и подданныхъ и объясняются тѣ особенности въ исторіи англійскаго парламента, на которыя будетъ указано впослѣдствіи. Царствованіе Генриха, III, сына и

преемника Ивана Безземельнаго, было не менѣе бурно. Онъ то подтверждалъ грамоты своихъ предшественниковъ, то нарушалъ ихъ. Имѣя постоянно противъ себя бароновъ, стоявшихъ на почвѣ грамотъ, онъ не разъ, по примѣру своего отца, созывалъ представителей мелкаго рыцарства, думая опереться на ихъ содѣйствіе. Но надежды его, пока дѣло бароновъ было дѣломъ всего государства, также мало оправдывались, какъ и надежда его отца. Въ 1264 г. бароны разбили королевскія войска и захватили въ плѣнъ самого Генриха III. Графъ Лейчестеръ, стоявшій во главѣ возставшихъ бароновъ, возвратилъ королю свободу, но съ тѣмъ, чтобы держать его въ фактической отъ себя зависимости и управлять его именемъ. Это похищеніе власти не могло найти себѣ сочувствія даже среди бароновъ. Графъ Лейчестеръ понималъ, что ему придется выдержать борьбу съ своими прежними сторонниками. Не расчитывая болѣе на ихъ содѣйствіе, онъ рѣшился искать опоры среди городскаго населенія. Въ декабрѣ 1264 г. онъ созываетъ именемъ короля парламентъ, на который приглашаетъ вмѣстѣ съ представителями графствъ и представителей городовъ. Это первый достовѣрный случай приглашенія въ англійскій парламентъ выборныхъ отъ городовъ. Обращеніе Лейчестера къ выборнымъ отъ городовъ также мало помогло ему, какъ и обращеніе Ивана Безземельнаго къ выборнымъ отъ рыцарства. Бароны, не желая быть орудіемъ личныхъ цѣлей Лейчестера, соединились съ королемъ, и Лейчестеръ долженъ былъ пасть. Но сдѣланное имъ нововведеніе не погибло для Англіи. Проницательный умъ Эдуарда I, преемника Генриха, не могъ не замѣтить и не оцѣнить той силы, которую придавала королевскимъ рѣшеніямъ возможность подкрѣпить ихъ согласіемъ выборныхъ отъ всего государства. Вотъ почему въ продолжительное и исполненное военныхъ тревогъ царствованіе свое, Эдуардъ I постоянно обращается къ созванію представителей не только графствъ, но и городовъ.

Таковы условія, при которыхъ возникли представительныя учрежденія Англіи, Франціи и Московскаго Государства. Фактъ возникновенія ихъ крайне знаменателенъ. Объединеніе каждаго изъ этихъ государствъ есть по преимуществу дѣло личной политики ихъ государей. Но государи не смотрятъ на объединенный ими народъ—какъ на пассивную массу; при всѣхъ трудныхъ случаяхъ, они сами обращаются къ этому народу, какъ къ живой силѣ, и ищутъ въ единеніи съ нимъ опоры для своихъ дѣйствій *).

---

*) Наша исторія кромѣ Соборовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, знаетъ еще избирательные соборы, которые созывались для избранія государя. Эти послѣд-

II. Эти вторичныя народныя собранія не имѣютъ писанной конституціи, чѣмъ они и отличаются, между прочимъ, отъ третичной своей формы, получившей доступъ, со времени первой французской революціи, почти во всѣ государства Европы и Америки. Современный англійскій парламентъ, послѣдовательно ра вившійся изъ тѣхъ первыхъ собраній выборныхъ, которыя созывались Иваномъ Безземельнымъ и Генрихомъ Ш, не имѣетъ и теперь писанаго устава, который исчерпывалъ бы его права. Всѣ спорные вопросы относительно его правъ, на которые нѣтъ отвѣта въ статутахъ, и въ настоящее время рѣшаются на основаніи прецедентовъ т. е. парламентскихъ обычаевъ, выразившихся въ парламентской практикѣ. Не имѣя возможности обрититься къ писанымъ уставамъ, мы должны всѣ наши выводы о правахъ представителей, порядкѣ ихъ созванія, составѣ народныхъ собраній, порядкѣ занятій, рѣшеніи дѣлъ и пр. дѣлать единственно на основаніи свидѣтельствъ. относящихся къ практикѣ этихъ собраній. Въ этомъ заключается не малая трудность дѣла.

О нашей отечественной практикѣ сохранилось очень не много свидѣтельствъ. На сколько не полонъ дошедшій до насъ матеріалъ, можно судить по слѣдующему примѣру. Съ 1548 г. по день кончины Алексѣя Михайловича въ Москвѣ было созвано до 17 соборовъ. Для выбора представителей на каждый такой соборъ посылались царскія грамоты въ города. Число этихъ призывныхъ грамотъ должно быть весьма значительно. Найдено же ихъ и отпечатано, если не ошибаемся, только три: въ Пермь Великую отъ 1616 г., въ Галичъ отъ 1619 г.. да въ Новгородъ—того же года; о четвертой такой грамотѣ, въ Новгородъ же, сохранилось только извѣстіе въ предписаніи новгородскаго воеводы обонежскому губному старостѣ отъ 1648 г. Но помимо того, что не всѣ слѣды древней соборной жизни уцѣлѣли,—тѣ свидѣтельства, которыя дошли до насъ, далеко не съ одинаковой полнотой останавливаются на всѣхъ вопросахъ соборной практики. Одинъ изъ главныхъ матеріаловъ, находящихся въ нашихъ рукахъ, составляютъ оффиціальные протоколы соборныхъ засѣданій. За то же время, мы имѣемъ 7 такихъ протоколовъ, но и они съ достаточной полнотой приводятъ только обращеніе царя къ выборнымъ; отвѣты же выборныхъ людей только въ нѣкоторыхъ протоколахъ изложены вполнѣ, въ другихъ же все дѣло ограничивается краткой передачей существа отвѣта. Что же

ніе соборы существенно отличаются отъ тѣхъ, которые созывались государями. Мы будемъ говорить исключительно о первыхъ и только иногда будемъ пользоваться тѣмъ матеріаломъ, который даютъ свидѣтельства, относящіяся до избирательныхъ соборовъ.

касается вопросовъ о порядкѣ выборовъ, порядкѣ засѣданій, подачи мнѣній и пр., то оффиціальные протоколы касаются всего этого лишь мимоходомъ. Въ виду такого состоянія источниковъ, мы не беремъ на себя задачи дать полную картину соборной жизни. Предоставляя это позднѣйшему времени, когда имѣющійся у насъ матеріалъ можетъ пополниться новыми открытіями, мы остановимся только на нѣкоторыхъ наиболѣе существенныхъ вопросахъ.

III. Одинъ изъ любопытныхъ вопросовъ, относительно котораго имѣющійся у насъ матеріалъ проливаетъ довольно свѣта, есть вопросъ о составѣ нашихъ соборовъ *).

Говоря о составѣ земскихъ соборовъ, необходимо различать составъ ихъ въ идеѣ отъ состава ихъ въ дѣйствительности. По идеѣ, которая выражалась какъ во взглядѣ московскихъ государей на соборы, такъ и въ сознаніи самого народа,— на земскіе соборы созывается *вся земля*. Иванъ Грозный, въ 1548 г., приказываетъ созвать „свое государство", т. е. все государство. Михаилъ Ѳедоровичъ совѣщается „съ людьми всякихъ чиновъ **) всего московскаго государства" (Рум. собр. III. 57); ссылаясь на соборное опредѣленіе, онъ говоритъ о приговорѣ „всей земли" (А. Э. III. 68); на извѣстныя предложенія англійскаго посла Джона Мерика, царь отвѣчалъ, такого дѣла рѣшить безъ совѣту всего государства нельзя ни по одной статьѣ (Соловьевъ, IX, 125). Подобно этому и Алексѣй Михайловичъ собираетъ выборныхъ изо всѣхъ городовъ (Рум. собр. III. 129). Та-же мысль объ участіи на соборѣ всего государства присуща и сознанію самого народа. Она высказывается въ актахъ избирательныхъ соборовъ, на которыхъ дѣйствовалъ одинъ народъ, безъ участія государя. Избирательный соборъ 1598 г. называется соборомъ „духовенства, бояръ, дворянъ, приказныхъ людей, воинства, гостей и всѣхъ православныхъ крестьянъ царствующаго града Москвы и всея русскія земли", или, въ другомъ мѣстѣ,—„и всѣхъ православ-

---

*) Но и здѣсь мы должны сдѣлать оговорку: практика нашихъ соборовъ по нѣкоторымъ вопросамъ была очень разнообразна, и мы никакъ не можемъ сказать, чтобы не дѣлалось иногда отступленій отъ того порядка въ составѣ соборовъ, который мы изложимъ какъ общій. Соборъ 1642 г., по своему составу, представляетъ примѣръ такого отступленія; но въ чемъ именно оно состояло, это не представляется намъ совершенно яснымъ. Ср. Б. Н. Чичерина, „О представительствѣ", стр. 373 и сл. Но здѣсь не обращено вниманія на то, что въ спискѣ выборныхъ людей, представленномъ въ посольскій приказъ, не упомянуты нѣкоторые города, представители которыхъ, однако, были на соборѣ и подавали свои мнѣнія. Не пріѣхали ли они изъ своихъ городовъ позднѣе, по обыкновеннымъ призывнымъ грамотамъ?

**) Названіемъ „чинъ" въ московскомъ государствѣ обозначался каждый разрядъ свободныхъ людей, который имѣлъ какія либо права или обязанности, отличавшія его отъ другихъ разрядовъ. Въ этомъ смыслѣ и крестьяне составляли чинъ.

ныхъ крестьянъ со всѣмъ народомъ всея земли Россійскаго государства". Подобно этому избирательный соборъ 1613 г. называется соборомъ „всякихъ людей всякихъ чиновъ всего великаго Россійскаго царствія". По представленію людей московскаго государства государь избирается приговоромъ „всей земли".

Это участіе всей земли не есть риторическая фраза; въ этой мысли высказывается дѣйствительное сознаніе эпохи, а потому мы одинаково встрѣчаемся съ ней и въ памятникахъ англійскаго и французскаго права. О постановленіяхъ англійскаго парламента 1275 г. говорится, что они изданы королемъ Эдуардомъ по совѣщаніи съ королевскимъ совѣтомъ и съ согласія духовенства, бароновъ и всего государства. Подобно этому, представители третьяго сословія, созванные Филиппомъ Красивымъ, обращаются къ нему въ такихъ выраженіяхъ: „Народъ вашего государства, говорятъ они ему, проситъ васъ" и пр. *).

Таковъ взглядъ эпохи возникновенія представительныхъ учрежденій на ихъ составъ: вся земля должна оказывать содѣйствіе своему государю. Мысль совершенно вѣрная, но какъ осуществить ее? Какъ собрать все Московское государство и совѣщаться съ нимъ? Правильное осуществленіе этой мысли составляетъ труднѣйшую задачу не только для Московской Россіи, но и для современной теоріи государственнаго права. Извѣстно, что вопросъ о такой организаціи представительства, при которой оно служило бы вѣрнымъ отраженіемъ всего государства, и до сихъ поръ еще не нашелъ удовлетворительнаго разрѣшенія въ наукѣ государственнаго права. Въ виду этого мы не будемъ удивляться, что при первомъ своемъ возникновеніи онъ разрѣшался весьма несовершенно не только у насъ, но и въ другихъ европейскихъ государствахъ.

Въ Московскомъ Государствѣ этотъ вопросъ разрѣшался слѣдующимъ образомъ. Новое начало представительства, какъ уже выше было замѣчено, шло не далѣе причины, его вызвавшей: тѣ разряды лицъ, которые могли собираться поголовно, призывались и на земскіе соборы лично, а не какъ представители. Составъ земскихъ соборовъ опредѣлялся, такимъ образомъ, на ос-

---

*) Это совѣщаніе государя „съ цѣлымъ народомъ" есть, конечно, остатокъ первичной формы народныхъ собраній. Въ Англіи, при короляхъ саксонской династіи, когда давно уже вышло изъ употребленія поголовное собраніе всего народа, но, съ другой стороны, начало представительства еще не выработалось, во вновь издаваемыхъ законахъ тѣмъ не менѣе говорится, что они изданы tota plebis generalitate ovante. Любопытно, что заключеніе Witena Gemôt'a 934 г., на которомъ присутствовали: король, четыре принца, два архіепископа, семь епископовъ, четыре аббата, двѣнадцать герцоговъ и пятьдесятъ два тана, а всего девяносто два человѣка,—разсматривается какъ принятое всѣмъ народомъ. Kemble The Saxons in England, II, 199 сл. Нѣчто подобное, какъ увидимъ ниже, встрѣчается и у насъ.

нованіи двухъ разныхъ началъ: одни члены призывались поголовно *), другіе какъ представители своихъ избирателей.

Въ составъ собора входитъ, во-первыхъ, самъ государь. Въ соборномъ протоколѣ 1653 г. читаемъ: „государь былъ для собора въ грановитой палатѣ". Участіе государя не ограничивается произнесеніемъ рѣчи, которою онъ открываетъ засѣданіе собора; онъ выслушиваетъ на соборѣ же отвѣтъ выборныхъ людей на свою рѣчь и на соборѣ же постановляетъ и свой приговоръ. Въ протоколѣ собора 1621 г. читаемъ: „Былъ у государя соборъ въ золотой въ большой въ грановитой палатѣ..... А говорилъ великій государь на соборѣ..... И всякихъ чиновъ люди Московскаго государства били челомъ на соборѣ государю..." Или въ протоколѣ 1618 г., послѣ такого же описанія ряда соборныхъ дѣйствій, читаемъ: „И приговорилъ государь.... со всякихъ чиновъ людьми Московскаго государства..." Иногда государь не присутствуетъ лично при всѣхъ соборныхъ дѣйствіяхъ; въ такомъ случаѣ докладъ о нихъ дѣлается ему особо назначенными для того лицами. Но существо дѣла отъ этого не измѣняется.

Затѣмъ изъ оффиціальныхъ протоколовъ видно, что въ составъ земскихъ соборовъ призывались обыкновенно всѣ чины, на которые распадалось тогда свободное населеніе Московскаго государства. Они перечисляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) *Духовенство.* Высшіе чины духовенства: патріархъ, митрополиты, архіепископы, епископы и монастырскія власти приглашались поголовно **) и, въ виду преобладающаго значенія церкви въ то время, въ очень значительномъ числѣ. Нисшіе чины духовенства принимаютъ участіе въ качествѣ выборныхъ людей. Къ этой категоріи относятся: члены бѣлаго духовенства и, кажется, монастырскіе старцы. Приглашаемое на земскіе соборы духовенство нерѣдко обозначается въ памятникахъ общимъ именемъ „всего освященнаго собора". Такимъ образомъ, въ составъ земскаго собора входилъ „соборъ духовенства", составъ котораго ближайшимъ образомъ опредѣлялся церковными обычаями и постановленіями.

2) *Служилые люди.* а) Высшіе разряды служилыхъ людей. Сюда принадлежали: бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки. Всѣ они члены государевой думы и, слѣдовательно,

---

*) Слово „поголовно" употребляемъ мы не въ томъ смыслѣ, что призывались всѣ безъ исключенія, а только въ противоположность къ выборному. началу. Государь могъ и не пригласить того изъ призываемыхъ безъ выбора, присутствіе котораго ему не нравилось.

**) Въ актѣ избирательнаго собора 1613 г. упоминаются, однако, четыре выборныхъ настоятеля разныхъ монастырей; а въ актѣ собора 1682 г. всѣ власти названы выборными. О порядкѣ этого избранія не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

постоянные совѣтники царя. Они призывались поголовно. На ряду съ ними такъ-же поголовно призывались нѣкоторыя высшія должностныя лица: конюшій, дворецкій, казначей, печатникъ, кравчій и под. б) Нисшіе разряды служилыхъ людей. Къ этой категоріи относились, во-первыхъ, служилые люди по городу Москвѣ: стольники, стряпчіе, московскіе дворяне и жильцы, а иногда и московскіе приказные люди. Во-вторыхъ, городовые (т. е. немосковскіе) служилые люди. Сюда относились—городовые дворяне, а иногда и послѣдній разрядъ служилыхъ людей: городовые стрѣльцы, пушкари, казаки и пр. Всѣ эти чины призывались по выбору.

3) Послѣдній разрядъ составляютъ разные чины тяглыхъ людей. Къ этому разряду принадлежали, во-первыхъ, разные виды торговыхъ людей, извѣстные подъ общимъ именемъ посадскихъ. Посадскіе люди были устроены въ слободы и сотни, которыя вообще носили наименованіе черныхъ сотенъ и слободъ; лучшія же изъ нихъ назывались гостинной и суконной сотней. Торговые люди несли особыя службы по сбору государевой казны въ таможняхъ, кабакахъ и пр. Лучшіе изъ нихъ жаловались за эти службы званіемъ гостя. Всѣ разряды торговыхъ людей представлялись своими выборными. Во-вторыхъ, къ этому же разряду тяглыхъ людей принадлежатъ крестьяне, упоминаемые въ соборныхъ актахъ подъ именемъ уѣздныхъ людей. Періодъ возникновенія соборовъ совпадаетъ у насъ съ періодомъ прикрѣпленія крестьянъ. Зависимые крестьяне, конечно, не могли призываться къ участію въ соборахъ. Если мы встрѣчаемъ указаніе на участіе уѣздныхъ людей, то эти свидѣтельства, по всей вѣротности, относятся только къ тому незначительному числу крестьянъ, которое осталось еще свободнымъ. Да и въ этомъ ограниченномъ смыслѣ, уѣздные люди присутствовали только на самомъ полномъ избирательномъ соборѣ 1613 г. Но это исключеніе крестьянъ восполнялось до нѣкоторой степени представительствомъ посадскихъ, которые въ большинствѣ случаевъ были тѣ-же крестьяне, такъ какъ рѣзкаго различія между городскими и уѣздными жителями въ это время еще не было, и посадскіе кромѣ торговли занимались также земледѣліемъ; они могли, слѣдовательно, представлять интересы и всего крестьянства.

Несомнѣнныя черты сходства съ нашими земскими соборами встрѣчаемъ въ составѣ англійскаго парламента и французскихъ генеральныхъ штатовъ, какъ по отношенію къ *основаніямъ* призванія, такъ и по отношенію къ *самымъ разрядамъ* призываемыхъ лицъ. Эти сходства тѣмъ поразительнѣе, что соціальное положеніе разныхъ общественныхъ группъ, на которыя распадалось населеніе Англіи и Франціи, очень различалось отъ соціальнаго положенія нашихъ группъ. Служилые люди западныхъ государствъ принадлежали къ разнымъ чинамъ феодальной лѣстницы,

которыхъ права и обязанности по отношенію къ королю опредѣлялись леннымъ правомъ, вовсе неизвѣстнымъ Россіи. Городское-же населеніе имѣло корпоративное устройство съ весьма широкими правами самоуправленія, чѣмъ оно также существенно отличалось отъ нашихъ посадскихъ. Общественныя группы Франціи, отличаясь отъ нашихъ, въ свою очередь отличаются отъ англійскихъ. Несмотря на эти всѣ различія, мы легко можемъ узнать въ составѣ представительныхъ учрежденій этихъ государствъ тѣ-же разряды лицъ, которые призывались и на московскіе соборы. Но не то-же ли явленіе наблюдаемъ и теперь? Соціальное положеніе англійскихъ лордовъ и англійскаго джентри не повторяется ни въ одномъ государствѣ Европы; это не помѣшало однако, Бадену, Бельгіи, Италіи, Пруссіи и многимъ другимъ государствамъ Европы устроить у себя представительство въ формѣ англійскихъ учрежденій. Общая всѣмъ государствамъ цѣль каждымъ изъ нихъ достигается тѣми средствами, какія у него подъ руками.

Въ Англіи по личному приглашенію призывались высшіе чины духовенства и великіе бароны (barones majores). Въ силу началъ леннаго права они составляли *постоянный совѣтъ* короля по дѣламъ законодательства, управленія и суда (magnum consilium и curia regis). До возникновенія представительства, они были единственными совѣтниками короля. Въ этомъ ихъ сходство съ нашими боярами, окольничими и думными людьми. Во Франціи призывались поголовно члены тайнаго королевскаго совѣта и члены государственнаго совѣта, слѣдовательно, тоже *постоянные совѣтники* короля и, кромѣ того, нѣкоторыя высшія должностныя лица, какъ напримѣръ: канцлеръ, государственный секретарь и пр. Всѣ другіе разряды лицъ призывались во Франціи по выборамъ: духовенство, дворянство и третье сословіе, въ составъ котораго входятъ не одни только горожане, но и свободное сельское населеніе. Впрочемъ распространеніе представительства на жителей селъ есть дѣло успѣха времени и дальнѣйшаго высвобожденія городскаго и сельскаго населенія изъ подъ безусловной зависимости феодальныхъ господъ. Первоначально же къ представительству допускались только такъ-называемые „хорошіе города“ (les bonnes villes, les villes murées), которые пользовались особыми привилегіями и составляли единственный видъ свободнаго населенія Франціи. Въ Англіи путемъ выборовъ въ составъ парламента входили: дворянство, въ качествѣ представителей графствъ, и горожане, въ качествѣ представителей городовъ. Сельское населеніе, въ виду его зависимости отъ феодальныхъ господъ, и въ Англіи первоначально не имѣло участія въ представительстѣ. Да и потомъ, по мѣрѣ его освобожденія, могло участвовать развѣ только активно, въ выборахъ, и то подъ сильнѣйшимъ нравственнымъ давленіемъ мѣстнаго дворянства.

Перехожу къ вопросу о числѣ представителей и порядкѣ ихъ выборовъ. Въ дѣятельности нашихъ государей съ совершенною ясностью выступаетъ одна цѣль, которую они постоянно преслѣдовали. Они заботились, чтобы каждый чинъ имѣлъ своего представителя, чтобы не осталось въ государствѣ разряда свободныхъ лицъ не представленнаго. Всѣ оффиціальные протоколы указываютъ на приглашеніе всякихъ чиновъ людей. Но едва ли можно утверждать, что правительство считало безусловно необходимымъ имѣть представителей отъ каждаго чина изъ каждаго отдѣльнаго пункта населенія. Правда, источники говорятъ о выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ и городовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣемъ примѣры соборовъ, на которыхъ были представлены далеко не всѣ мѣстности государства. Вводя всюду единообразные московскіе порядки, правительство, естественно, склонно было думать, что люди одного и того же чина стоятъ въ одинакихъ условіяхъ, гдѣ бы ни жили, а потому, съ его точки зрѣнія, посадскіе извѣстнаго города легко могли представлять интересы посадскихъ людей вообще, и въ крайнемъ случаѣ соборъ могъ состояться, еслибы на немъ были только посадскіе города Москвы. Рядомъ съ заботой о представительствѣ всѣхъ чиновъ, обращалось нѣкоторое вниманіе и на то, чтобы пункты болѣе населенные были сильнѣе представлены; но эта послѣдняя забота осуществлялась еще въ крайне несовершенномъ видѣ. Установленіе сколько нибудь опредѣленнаго отношенія между числомъ избирателей и числомъ представителей не могло быть задачей того времени уже и потому, что рѣшеніе по большинству голосовъ не было практикой нашихъ земскихъ соборовъ.

Согласно съ административнымъ дѣленіемъ Московскаго государства, каждый городъ съ уѣздомъ составлялъ особый избирательный округъ, за исключеніемъ одного Новгорода, гдѣ каждая пятина приравнивалась городу. Въ предѣлахъ этого округа выборы производились каждымъ чиномъ особо. Московское представительство было, такимъ образомъ, сословнымъ представительствомъ. Опредѣленіе числа представителей зависѣло каждый разъ отъ усмотрѣнія правительства и опредѣлялось имъ, хотя и не всегда одинаково, но, кажется, безъ особенно рѣзкихъ колебаній. Въ 1619 г. было предписано прислать отъ духовенства по 1 выборному, отъ дворянъ по 2, отъ посадскихъ по 2. Въ 1648 г. для представителей отъ дворянъ было принято во вниманіе различіе большихъ и малыхъ городовъ: изъ бильшихъ требовалось прислать по 2 представителя, изъ малыхъ по 1-му, новгородскія пятины были приравнены къ малымъ городамъ. Но что разумѣть подъ большими и что подъ малыми—это не было опредѣлено и, вѣроятно, предоставлялось усмотрѣнію воеводъ, или даже самихъ избирателей. Послѣднее предположеніе не

должно казатья невѣроятнымъ. Заботясь, главнымъ образомъ, чтобы были представлены всѣ чины, правительство мало придавало значенія ихъ числу, и мы имѣемъ прямое указаніе на то, что оно предоставляло иногда усмотрѣнію самихъ избирателей— прислать одного выборнаго, или двухъ *) Въ томъ же 1648 г. посадскихъ требовалось прислать по 1 изъ города; а въ 1616 г. пермскому воеводѣ предписывалось прислать трехъ посадскихъ. Но мы не знаемъ, была ли эта цифра общею для всѣхъ городовъ, или относилась только къ Перми Великой. Относительно числа городовыхъ стрѣльцовъ, пушкарей и другихъ разрядовъ нисшихъ служилыхъ людей не имѣемъ указаній.

Приведенныя цифры не относятся къ городу Москвѣ, представительство котораго всегда опредѣлялось особо. „Царствующій градъ Москва“ пользовался совершенно особымъ положеніемъ въ Московскомъ государствѣ какъ по числу населенія, такъ и по экономическому его значенію. Если Новгородъ посылалъ столько же представителей, сколько пять другихъ городовъ, то Москва, въ составъ населенія которой входило большее число чиновъ, по всей вѣроятности, посылала еще болѣе. Въ 1648 г.. когда большіе города приглашались прислать по 2 дворянина, Москва должна была выставить по 2 человѣка изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ, итого 8 представителей на 2 городовыхъ. По отношенію къ посадскимъ эта разница еще больше. Всѣ города должны были прислать по одному выборному; Москва же должна была дать: 3-хъ гостей, по 2 человѣка изъ гостинной и суконной сотни и по одному изъ каждой черной сотни и каждаго посада. Посадовъ и черныхъ сотень въ Москвѣ этого времени намъ извѣстно не менѣе 13; такимъ образомъ, на одного посадскаго городоваго Москва должна была выбрать по крайней мѣрѣ 20 человѣкъ. Это свидѣтельство должно пополнить извѣстіемъ отъ 1642 г. На соборъ этого года государь велѣлъ призватъ выборныхъ изъ многолюдныхъ чиновъ числомъ отъ 7 до 20 человѣкъ, изъ малолюдныхъ отъ 2 до 6. Разные чины московскихъ служилыхъ людей, сравнительно съ городовыми, были, конечно, многолюдные. По этому разсчету число представителей стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, жильцовъ и др. московскихъ чиновъ легко могло простиратьсь до 50 человѣкъ и даже болѣе.

Самые выборы происходили въ слѣдующемъ порядкѣ. Предписаніе о выборахъ дѣлалось отъ имени государя на имя мѣстнаго городскаго начальника: воеводы или губнаго старосты. По полу-

---

*) А. Э. III. 105. Для избирательнаго собора 1613 г. даже вовсе не было опредѣлено число представителей, а предписывалось избрать „сколько пригоже“

ченіи предписанія ему предписывалось собрать всякихъ чиновъ людей въ церковь, прочитать царскую грамоту и затѣмъ велѣть имъ произвести выборы по чинамъ, т. е. каждый чинъ долженъ выбрать представителей изъ своей среды *). Принадлежностью къ чину рѣшался вопросъ какъ активнаго, такъ и пассивнаго избирательнаго права: всѣ, входящіе въ составъ чина, —и избиратели и избираемые **). Правительство брало на себя только опредѣленіе нравственныхъ качествъ избираемыхъ, которое и дѣлалось, обыкновенно, въ призывныхъ царскихъ грамотахъ и при томъ соотвѣтственно цѣли призванія. Это должны быть „добрые и разумные люди, съ которыми можно было бы говорить„ (Рум. соб. III. 113), или „добрые и смышленые, которымъ государевы и земскія дѣла за обычай› (А. Э. IV. 27); они должны „умѣть разсказать обиды, насильства и разореніе, и чѣмъ московскому государству полниться, и ратныхъ людей жаловать, и умѣли бы устроить московское государство, чтобы пришли всѣ въ достоинство“ (А. Э. III. 105).—О состоявшихся выборахъ составлялся особый списокъ (протоколъ), который подписывался всѣми избирателями (А. Э. III. 105 и IV. 27) и присылался въ Москву въ посольскій приказъ (Рум. соб. III. 113). куда должны были явиться и сами представители (А. Э. III. 77). Выборные, отправляясь въ Москву, должны были взять съ собою „запасы„ (А. Э. IV. 27), по всей вѣроятности все нужное для ихъ продовольствія. На кого падали издержки этихъ запасовъ, не имѣемъ указаній; вѣроятно, они раскладывались на всѣхъ избирателей, какъ повинность.

---

*) Бѣляевъ (Рѣчи и отчетъ Москов. универ., 1867 г.) думалъ, что выборы производились всѣмъ мѣстнымъ обществомъ безъ различія сословій. Это мнѣніе онъ основывалъ на протоколѣ избирательнаго собора 1613 г. и на царской грамотѣ 1616 г. (вѣроятно та, что отпечатана въ А. Э. III. 77). Но протоколъ собора 1613 г. говоритъ о присутствіи на соборѣ *разныхъ чиновъ*; въ царской же грамотѣ 1616 г. прямо предписано произвести выборы изъ посадскихъ людей. Далѣе, подтвержденіе своему мнѣнію Бѣляевъ видѣлъ въ томъ, что изъ Переяславля-Рязанскаго выборнымъ на соборѣ 1613 г. былъ только одинъ игуменъ Львова монастыря Игнатій, слѣдовательно, заключаетъ онъ, игуменъ былъ выборнымъ отъ всѣхъ сословій Переяславля-Рязанскаго. Но во-1-хъ, игуменъ Игнатій даже и не названъ выборнымъ; во-2-хъ, изъ того, что онъ одинъ былъ изъ Переяславля-Рязанскаго, вовсе еще не слѣдуетъ, что онъ былъ выбранъ всѣми сословіями. На соборѣ 1613 г. многіе города вовсе не были представлены. Къ ихъ числу принадлежитъ и Переяславль-Рязанскій, который не прислалъ ни дворянъ, ни посадскихъ.

**) Въ протоколѣ 1642 г. отъ права участія въ выборахъ не исключены и самые бѣдные; тамъ прямо сказано, что выборы должны быть произведены изъ лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей. Въ грамотѣ же 1616 г. (А. Э. III. 77) говорится только о лучшихъ и среднихъ, а молодшія опущены, хотя выбрать слѣдовало и 3-хъ человѣкъ. Надо думать, что обыкновенно въ каждомъ чинѣ выбирались лучшіе люди, т. е. богатѣйшіе. Хотя бѣдные не были лишены ни активнаго, ни пассивнаго права, но въ ихъ средѣ едва ли можно было найти охотника ѣхать въ Москву.

Съ подобными же порядками относительно опредѣленія числа представителей и подробностей выборовъ встрѣчаемся и на западѣ. Это и понятно. Тамъ, какъ и у насъ, начало представительства своимъ возникновеніемъ обязано личному дѣйствію государей, а потому, естественно, число представителей и порядокъ ихъ избранія зависѣлъ первоначально также отъ усмотрѣнія государя. Даже въ Англіи до 1406 г. коронѣ принадлежало неограниченное право опредѣлять какъ округъ избирателей, такъ и свойства представителей. Слѣдствіемъ этого было то, что не только представители въ разное время призывались въ разномъ числѣ, но даже самое право прислать представителя то предоставлялось извѣстному городу или графству, то нѣтъ (Сох, 81 сл.). Согласно со всѣмъ строемъ средневѣковаго государства, представительство Франціи и Англіи было также сословное: въ Англіи графства присылали рыцарей; города—горожанъ; во Франціи духовенство, дворяне и третье сословіе выбирали каждое отдѣльно и изъ своей среды. Обыкновенное число представителей также близко подходитъ къ нашему: въ Англіи графства присылали по 2 выборныхъ, города отъ 1 до 2; во Франціи каждое сословіе по 3 на избирательный округъ. Предписаніе о производствѣ выборовъ посылалось на имя мѣстнаго представителя власти, въ Англіи на имя шерифа, во Франціи – на имя балльи. Въ этихъ предписаніяхъ обозначаются, обыкновенно и нравственныя свойства избирателей. Въ Англіи требуется, чтобы это были умные и даже самые умные люди; во Франціи—люди доброй нравственности и опытные въ дѣлахъ.

Такова практика нашихъ соборовъ относительно ихъ состава и порядка созванія выборныхъ людей. Въ заключеніе намъ остается сказать еще нѣсколько словъ по поводу числа, въ какомъ выборные люди являлись на соборныя засѣданія. По отношенію къ этому вопросу встрѣчаемся съ слѣдующимъ фактомъ: выборные люди являлись не только въ меньшемъ числѣ противъ приглашенія, но иногда даже въ большемъ. Первое явленіе весьма обыкновенно и извѣстно не одному московскому государству. Но если и въ настоящее время, при всѣхъ удобствахъ сообщенія и жизни въ столичныхъ городахъ, слышны жалобы на невсегда ревностное исполненіе депутатами своихъ обязанностей, то тѣмъ менѣе должны мы удивляться указанному факту въ древнее время, когда переѣзды соединялись съ затрудненіями намъ вовсе неизвѣстными.—Самымъ полнымъ по своему составу представляется намъ соборъ 1648 г. Въ немъ приняли участіе 73 города, приславъ 143-хъ дворянъ, и 77 посадовъ (не считая московскихъ), приславъ 83-хъ посадскихъ, а съ московскими торговыми людьми всѣхъ представителей третьяго сословія было 98 человѣкъ. Но и при этомъ сравнительно полномъ составѣ, не всѣ города воспользовались пре-

доставленнымъ имъ правомъ. Нѣкоторые вовсе не прислали, и въ этомъ числѣ встрѣчаемся съ такими значительными городами, какъ Кострома и Серпуховъ, которые не дали дворянъ, и Нижній-Новгородъ и Рязань, которые не дали посадскихъ; другіе, хотя и прислали, но въ меньшемъ числѣ, чѣмъ могли. Къ этой послѣдней категоріи относятся, между прочимъ, Псковъ, Владиміръ и Нижній-Новгородъ, которые прислали по одному дворянину, когда должны были прислать по два *). Въ призывной царской грамотѣ въ Пермь Великую отъ 1616 г. до насъ дошли даже жалобы правительства на неприсылку выборныхъ людей: „Послана къ вамъ наша грамота напередъ сего, пишетъ въ Пермь Михаилъ Ѳеодоровичъ, а велѣно вамъ прислать къ намъ, къ Москвѣ, для нашего великаго и земскаго дѣла на совѣтъ Пермичь посадскихъ лучшихъ и среднихъ трехъ человѣкъ, добрыхъ и разумныхъ и постоятельныхъ людей, тотчасъ, не мѣшкая ни часу. И вы тѣхъ выборныхъ людей къ намъ и по ся мѣста не присылывали„.

Въ западныхъ государствахъ, Англіи и Франціи, можно было бы ожидать болѣе ревностнаго отношенія представителей къ предоставленнымъ имъ правамъ, какъ по сравнительно меньшему пространству этихъ государствъ, такъ и по высшему уровню умственнаго развитія ихъ жителей. Но и тамъ трата времени, трудности и издержки переѣздовъ, а частью, конечно, и близорукое предпочтеніе своихъ личныхъ дѣлъ дѣлу общественному, давали себя чувствовать. Даже въ Англіи многіе города и мѣстечки прямо отказывались посылать депутатовъ, не желая брать на себя издержки, соединенныя съ ихъ избраніемъ. Неявка депутатовъ происходила въ такихъ размѣрахъ, что правительство нашло даже нужнымъ установить штрафъ за неявку. Къ этому присоединялись еще злоупотребленія шерифовъ: они самовольно задерживали королевскія предписанія о выборныхъ и не доставляли ихъ въ тѣ города и графства, куда они были адресованы.

Любопытное указаніе на присылку депутатовъ въ большемъ числѣ, чѣмъ было предписано, находимъ въ актахъ собора 1648 года. Данныя этого собора, относительно котораго намъ извѣстно и

---

*) На соборѣ 1642 г. приняли участіе только 42 города, приславъ 113 дворянъ; Москва же была представлена 48 выборными служилыхъ чиновъ. Но и на этомъ соборѣ не всѣ приглашенные воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ: Новгородъ прислалъ двухъ дворянъ, вмѣсто пяти. Посадскіе же явились только отъ 14 черныхъ сотенъ и слободъ, изъ которыхъ 12 несомнѣнно московскихъ и только двѣ, можетъ быть, не московскія. Подобно этому, на соборѣ 1566 г. упоминаются только торговые люди смоленскіе, да московскіе. Дворянъ же этого собора нельзя считать только московскими. Не имѣя призывныхъ грамотъ на эти два собора, мы не можемъ съ полною увѣренностью сказать, что посадскіе люди не явились на эти соборы по ихъ винѣ; можетъ быть, при составѣ этихъ соборовъ правительство сдѣлало отступленіе отъ обыкновеннаго порядка.

число приглашенныхъ, и число явившихся, особенно любопытны въ слѣдующихъ двухъ отношеніяхъ: они подтверждаютъ выше высказанную мысль о томъ, что московское правительство не придавало никакого значенія числу представителей; кромѣ того, они даютъ ключъ и къ разъясненію нѣкоторыхъ цифръ нашихъ избирательныхъ соборовъ. На соборъ 1648 г. большіе города должны были прислать по два дворянина, малые—по одному, новгородскія пятины были приравнены къ малымъ. А между тѣмъ, пять городовъ прислали по три дворянина и въ ихъ числѣ гор. Лихвинъ, возникшій не ранѣе XVI вѣка и едвали успѣвшій къ 1648 году сравняться съ большими городами. Новгородъ, вмѣсто пяти, прислалъ 7 дворянъ, а нѣкоторые другіе города вышли и еще далѣе изъ размѣровъ, предписанныхъ правительствомъ: Мценскъ прислалъ пять дворянъ, Рязань—восемь. То-же дѣлаютъ и посадскіе: московская конюшенная слобода прислала трехъ выборныхъ, вмѣсто одного. Но всѣ эти лишніе представители допускаются къ участію въ соборномъ дѣяніи и наравнѣ съ другими скрѣпляютъ уложеніе своею подписью. Этимъ же равнодушіемъ московскаго государства къ числу надо объяснять и то обстоятельство, что сравнительно ничтожные города, какъ напр. Алатырь, Арзамасъ, Ливны, Атамаръ и другіе подобные прислали по два дворянина, что приглашались сдѣлать только большіе города. По всей вѣроятности, вопросъ о томъ—сколькихъ послать: одного, двухъ или восемь, рѣшался наличностью охотниковъ поѣхать въ Москву. Если ихъ было много, выбирали болѣе, чѣмъ требовало правительство; если ихъ было мало, посылали одного, хотя городъ былъ и большой.—Въ виду приведенныхъ соображеній намъ становится понятной цифра московскихъ стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ, явившихся въ числѣ 112 человѣкъ на избирательный соборъ 1613 г. Избиратели приглашались произвести выборы для этого собора изъ лучшихъ людей „по скольку пригоже“. Если изъ Рязани въ 1648 году поѣхали въ Москву 8 выборныхъ вмѣсто двухъ, можно ли удивляться, что среди московскихъ служилыхъ людей, которые и безъ того всегда находились въ Москвѣ, или сравнительно не въ дальнемъ отъ нея разстояніи, оказалось 112 охотниковъ быть на соборѣ, и при томъ по такому важному поводу, какъ избраніе государя? Этимъ же объясняется и крайнее преобладаніе московскихъ служилыхъ людей на избирательномъ соборѣ 1598 г. Что касается послѣдняго избирательнаго собора 1682 г., то онъ состоялся въ древней формѣ вѣча города Москвы. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ скончался 27 апрѣля, въ 12 часу дня, и въ тотъ же день состоялось избраніе ему преемника. На это избраніе могли быть призваны и, конечно, безъ всякаго выбора только московскіе чины, да тѣ изъ городовыхъ, которые случайно были

въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе, избраніе Петра Алексѣевича называется „избраніемъ всего Московскаго государства“ *).

IV. На этой второй ступени историческаго развитія участія народа въ государственныхъ дѣлахъ, собранія представителей какъ у насъ, такъ и въ Западной Европѣ, созывались не періодически, въ опредѣленные закономъ сроки, а всякій разъ по особому усмотрѣнію государя и всего чаще въ минуты кризиса, когда обыкновенныя средства управленія оказывались недостаточными. У насъ съ наиболѣе живой соборной дѣятельностью встрѣчаемся въ царствованіе Михаила Θеодоровича, въ эпоху непосредственно послѣдовавшую за смутнымъ временемъ, когда возстановленіе внутренняго порядка, глубоко потрясеннаго самозванцами, и борьба съ иноземцами, еще занимавшими многія части русской территоріи, требовали напряженія всѣхъ силъ государства. По имѣющимся у насъ даннымъ, число общихъ соборовъ съ 1548 по 1653 г. (годъ созванія послѣдняго собора отъ всѣхъ чиновъ) простирается до 17. Между отдѣльными царствованіями они распредѣляются слѣдующимъ образомъ: при Иванѣ Грозномъ—2, при Василіѣ Шуйскомъ—1, при Михаилѣ Θеодоровичѣ—10, при Алексѣѣ Михайловичѣ—4. При Θеодорѣ Алексѣевичѣ было созвано 2, но не всенародныхъ. Кромѣ того, мы имѣемъ еще 6 избирательныхъ соборовъ и одинъ, опредѣлившій низложеніе Шуйскаго **).

V. Какъ право созванія исключительно принадлежало государямъ, такъ отъ ихъ же усмотрѣнія зависѣло и опредѣленіе поводовъ, по которымъ они находили нужнымъ вступить въ совѣщаніе съ выборными людьми. Такъ у насъ, такъ и на западѣ. Самые поводы также общи у насъ съ западными государствами. Всего чаще созываются представители съ цѣлью получить отъ нихъ денежное вспоможеніе, для пополненія истощенной казны. Въ связи съ необходимостью денежныхъ пожертвованій имъ предлагаются и вопросы о мирѣ и войнѣ. Наконецъ, они созываются и для обсужденія мѣръ относительно устроенія земли

---

*) Ср. выше стр. 711, прим. 1. Подобно избранію Петра, низложеніе Шуйскаго тоже состоялось на московскомъ вѣчѣ. Шуйскаго просили оставить свое государство люди Московскаго государства, которые въ то время были на Москвѣ.

**) Число соборовъ, созванныхъ Михаиломъ Θеодоровичемъ, опредѣляется въ нашей литературѣ весьма различно. Аксаковъ (Русск. Бесѣда, 1856 г., IV), С. М. Соловьевъ (Русск. Вѣстн. 1857 г., апрѣль) и Б. Н. Чичеринъ считаютъ 12; Бѣляевъ только 7. Въ виду этого мы считаемъ не лишнимъ указать годы извѣстныхъ намъ соборовъ и акты, въ которыхъ есть на нихъ указаніе: 1613 г. А. Э. III, 4; 1614 г. кн. разряд. I, 2; 1616 г. А. Э. III, 81; 1618 г. Рум. соб. III, 40; 1619 г. Рум. соб. III, 47; 1621 г. Рум. соб. III, 57; 1633 г. А. Э. III, 213 и 242; 1634 г. Рум. соб. III, 99 и А. Э. III, 242: 1637 г. А. Э. III, 275 и 1642 Рум. соб. III, 113.

вообще; сюда относятся и законодательные вопросы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно любопытны призывныя грамоты 1619, 1648, 1681 и 1682 годовъ. По призывнымъ грамотамъ 1619 г., выборные люди созывались „устроить Московское государство“, еще не оправившееся отъ послѣдствій смутнаго времени. Соборъ 1648 г. былъ созванъ для того, чтобы „государевы и земскія дѣла утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровна“. Соборъ торговыхъ людей 1681 г. долженъ былъ разсуждать о средствахъ уравненія податей и службъ тяглыхъ людей. Наконецъ, собору служилыхъ людей 1682 г. былъ предложенъ вопросъ о лучшемъ устроеніи рати. Но выборные люди не ограничивались отвѣтомъ на предложенные имъ государемъ вопросы. Они обращались въ почтительной, по понятіямъ того времени, формѣ челобитіи и съ самостоятельными заявленіями о своихъ нуждахъ. Соборъ 1621 г. былъ созванъ по поводу войны съ Польшей. Служилые люди воспользовались этимъ случаемъ, чтобы просить государя „разобрать службу“, т. е. произвести повѣрку служилыхъ людей, чтобы избылыхъ отъ службы не было. Нѣсколько просьбъ и жалобъ на злоупотребленія разныхъ органовъ мѣстнаго и центральнаго управленія было высказано на соборѣ 1642 г. Чины собора 1648 г. также подавали государю свои челобитныя. Съ такимъ же обычаемъ встрѣчаемся и въ западныхъ государствахъ. Въ Англіи представители обращаются къ королямъ съ петиціями. Относительно Франціи мы знаемъ, что обращенія выборныхъ къ королямъ въ формѣ жалобъ (doléances) дѣлались ими съ преклоненіемъ колѣнъ. При какой обстановкѣ подавались наши челобитныя, изъ актовъ соборовъ не видно.

VI. Переходя къ порядку засѣданій, прежде всего надо замѣтить, что какъ у насъ, такъ и въ западной Европѣ, эпоха возникновенія представительства совпадаетъ съ эпохой образованія сословій. По закону солидарности единовременно существующихъ явленій, сословность должна была отразиться и на представительствѣ. Какъ мы уже видѣли, выборы были исключительно сословные; та-же сословность проникла и въ самыя палаты засѣданій и опредѣлила ихъ порядокъ, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ у насъ и на западѣ.

Практика нашихъ соборовъ относительно порядка засѣданій не выработалась въ одну опредѣленную форму и была очень разнообразна. Смотря по намѣреніямъ правительства, засѣданія нашихъ чиновъ получали то тотъ, то другой видъ. Съ нѣкоторымъ единообразіемъ встрѣчаемся мы только въ порядкѣ открытія соборовъ. Засѣданія нашихъ соборовъ, какъ и западно-европейскихъ, открывались, обыкновенно, самими государями. Всѣ

члены собора, безъ различія чиновъ, сходились для этой цѣли въ одну палату *). Открытіе совершалось рѣчью, въ которой излагались поводы собранія и вопросы, подлежащіе его рѣшенію. Рѣчь эта нерѣдко произносилась самимъ государемъ, а иногда читалась въ его присутствіи особо для того назначеннымъ лицомъ. Отступленіе отъ этого порядка представляютъ соборы 1648 и 1682 г.; члены ихъ выслушали государеву рѣчь порознь и только высшіе въ присутствіи самого государя.

Что касается самаго хода совѣщаній, то въ западныхъ государствахъ каждое сословіе обсуждало предложенный вопросъ отдѣльно. Первоначальный порядокъ засѣданій является, такимъ образомъ, въ формѣ трехъ отдѣльныхъ палатъ: палаты духовенства, дворянства и третьяго сословія. Въ Англіи въ составъ палаты дворянъ одинаково входили какъ большіе бароны, призываемые лично, такъ и мелкіе рыцари, выбранные отъ графствъ. Это раздѣленіе прежде всего условливалось особенностями образованія сословій въ западной Европѣ. Члены третьяго сословія, только что освободившіеся изъ подъ неограниченной власти феодальныхъ господъ, не могли, конечно, заявлять притязаній на мѣста рядомъ съ своими недавними повелителями. Затѣмъ оно поддерживалось тѣмъ обстоятельствомъ, что сословному различію лицъ соотвѣтствовало различіе собственности и, слѣдовательно,— повинностей. Благодаря этому послѣднему различію третье сословіе не могло принимать участія въ обложеніи дворянъ, такъ какъ предметы обложенія были другіе, и наоборотъ. Такимъ образомъ, вопросъ о денежномъ вспоможеніи, одинъ изъ наиболѣе частыхъ поводовъ къ собранію представителей, не могъ рѣшаться всѣми вмѣстѣ, а непремѣнно требовалъ раздѣленія. Такъ какъ каждое сословіе, входившее въ составъ парламента, говорило только за себя, то иногда для рѣшенія вопросовъ, касавшихся извѣстнаго сословія, короли ограничивались созваніемъ представителей одного этого сословія. Даже въ Англіи встрѣчаемся съ совѣщаніями королей то съ представителями только торговыхъ людей, если вопросъ касался только ихъ интересовъ, то съ представителями однихъ рыцарей, если дѣло шло объ интересахъ дворянъ. Неудобства этого порядка, состоявшія въ томъ, что за сословіями почти не было видно государства,—несомнѣнны, но при томъ направленіи, которое приняла средневѣковая исторія, они были неизбѣжны. Въ Англіи это раздѣленіе на три палаты начинаетъ выходить изъ практики только около половины XIV вѣка, когда члены высшаго духовенства слива-

*) Засѣданія соборовъ происходили, обыкновенно, во дворцѣ, но въ разныхъ палатахъ, или залахъ. Иногда соборы созывались въ большой грановитой палатѣ, иногда въ столовой избѣ, иногда въ отвѣтной палатѣ и пр.

ются съ великими баронами въ одну палату лордовъ, а рыцари, выбранные отъ графствъ, вмѣстѣ съ представителями городовъ—составляютъ одну палату общинъ. Это измѣненіе, положившее начало вошедшей нынѣ во всеобщее употребленіе системѣ двухъ палатъ, вызвано тѣмъ фактомъ, что мелкіе рыцари, по общественному своему положенію, были гораздо ближе къ представителямъ городовъ, чѣмъ къ большимъ баронамъ. Но измѣненіе это совершилось не разомъ: прежде чѣмъ слиться въ одно цѣлое съ выборными городовъ, мелкіе рыцари засѣдали иногда отдѣльно и отъ нихъ и отъ бароновъ. Во Франціи раздробленіе на три палаты удержалось до первой революціи.

Въ московскомъ государствѣ образованіе сословій шло инымъ путемъ, чѣмъ въ западной Европѣ. Посадскіе люди никогда не были въ зависимости у дворянъ, а потому у насъ не могло представляться невозможнымъ, съ точки зрѣнія сословныхъ приличій, соединеніе всѣхъ членовъ собора для совокупнаго отвѣта на рѣчь государя. Что нѣкоторые соборы дѣйствительно отвѣчали на вопросы государя безъ всякаго раздѣленія, это надо вывести изъ встрѣчающагося въ нѣкоторыхъ соборныхъ протоколахъ приглашенія чинамъ отвѣтить на предложенный вопросъ „порознь“. Если отвѣтъ порознь надо было именно предписать, то, конечно, когда этого предписанія не было, чины отвѣчали безъ раздѣленія. Этотъ выводъ находитъ себѣ и прямое подтвержденіе въ оффиціальныхъ описаніяхъ нѣкоторыхъ соборныхъ совѣщаній. Въ соборномъ протоколѣ 1618 г. по изложеніи царской рѣчи читаемъ: „И государю царю великому князю Михаилу Ѳеодоровичу говорили на соборѣ митрополиты, архіепископы и бояре... и всякихъ чиновъ люди московскаго государства, что они“ и пр. Или въ соборномъ протоколѣ 1621 г. также послѣ рѣчи государя читаемъ: „И митрополиты, и архіепископы, и бояре..... и торговые и всякихъ чиновъ люди московскаго государства били челомъ на соборѣ государю“ и пр.

Но изъ того, что отвѣтъ давался всѣми вмѣстѣ, еще не слѣдуетъ, что онъ и выработанъ былъ безъ раздѣленія на сословія. Хотя образованіе сословій совершилось у насъ при иныхъ условіяхъ, чѣмъ на западѣ, тѣмъ не менѣе, и у насъ возникли весьма важныя сословныя различія, которыя отразились на всемъ бытѣ населенія. Кромѣ того, высшіе чины духовенства и служилыхъ людей, постоянныхъ совѣтниковъ государя, и по положенію своему въ обществѣ стояли неизмѣримо выше не только посадскихъ, но и дворянъ. На соборѣ 1642 г. дворяне нѣкоторыхъ городовъ такъ выражаются о боярахъ: бояре наши вѣчные господа и промышленники. Въ виду этихъ различій трудно допустить, чтобы дворяне и посадскіе, хотя они были и въ одной палатѣ,—стояли, смѣшавшись съ боярами и епископами, и такимъ образомъ дого-

варивались объ общемъ отвѣтѣ. По всей вѣроятности, чины собора занимали мѣста по сословіямъ, и сперва члены каждаго сословія переговаривались между собой, а потомъ уже одно сословіе, какъ цѣлое, сносилось съ другими. Но если вопросъ касался только интересовъ отдѣльнаго сословія, то и у насъ необходимо допустить исключительно сословный отвѣтъ и по тѣмъ же причинамъ, какъ въ западной Европѣ. Въ разсматриваемое время, у насъ тоже сословному различію лицъ соотвѣтствовало различіе собственности и повинностей. Дворяне несли военную службу, посадскіе—тяглую, повинности духовенства въ свою очередь отличались отъ повинностей дворянъ и посадскихъ. Поэтому, всѣ вопросы о денежномъ, напримѣръ, вспоможеніи и у насъ должны были рѣшаться каждымъ сословіемъ порознь. Подтвержденіе этому выводу находимъ въ царскихъ грамотахъ, писанныхъ на основаніи соборныхъ опредѣленій, изъ которыхъ мы знаемъ, что дворяне, посадскіе и духовенство облагались всегда различно: посадскіе, напримѣръ, даютъ пятую деньгу съ промысловъ, духовенство свои келейныя и домовыя деньги, дворянство обязывается дать—кто что можетъ, по особой росписи, въ которой каждый дворянинъ обозначалъ, что онъ можетъ дать. Если общій отвѣтъ о войнѣ, денежномъ вспоможеніи и пр дается всѣми вмѣстѣ, то частности, напримѣръ, о способѣ участія въ войнѣ каждаго сословія, о мѣрѣ денежнаго вспоможенія и пр., разрѣшаются каждымъ сословіемъ отдѣльно. Обращикъ этому находимъ въ протоколѣ собора 1621 г. Послѣ выше приведеннаго общаго отвѣта, въ протоколѣ находимъ указаніе на отвѣты по сословіямъ: духовенство вызывается молиться Богу о покореніи подъ ноги государя всякаго врага и супостата, служилые люди—биться съ врагами, не щадя головъ своихъ, посадскіе—дать денегъ.

Различіе повинностей сдѣлало, такимъ образомъ, и у насъ необходимымъ обсужденіе вопроса о способахъ вспоможенія правительству каждымъ сословіемъ особо. Но этимъ не ограничивается сходство нашихъ порядковъ съ западными. Различное общественное положеніе духовныхъ властей и высшихъ чиновъ служилыхъ людей, по степени приближенія ихъ къ государю, и у насъ, подобно Англіи, проявилось въ томъ, что иногда бояре, окольничіе и думные люди вмѣстѣ съ духовными властями составляютъ особое засѣданіе *), а выборные дворяне и посадскіе—особое. Примѣръ

*) Свидѣтельство Флетчера, The history of Russia, chap. VIII, исключительно относится къ этой высшей палатѣ. Указавъ что въ составъ ея входили: самъ царь, его постоянные совѣтники, числомъ около 20, и чины духовенства, въ томъ же числѣ, Флетчеръ продолжаетъ: As for burghers or other to represent the communaltie, they have no place there: the people being of no better account with them then as servants or bondslaves, that are to obey, not to make laws, nor to

этому даетъ соборъ 1648 г. Изъ оффиціальнаго протокола этого собора видно, что засѣданія его, продолжавшіяся болѣе трехъ мѣсяцевъ (начались 3 октября 1648 г. кончились въ январѣ 49-го), происходили въ двухъ разныхъ палатахъ: въ одной находились государь, духовныя власти, бояре, окольничіе и думные люди; въ другой, въ отвѣтной палатѣ, собирались всѣ выборные люди, какъ дворяне, такъ и посадскіе. Но хотя всѣ выборные люди и находились въ одной палатѣ, они не составляли, однако, одного цѣлаго: челобитныя, которыя они подавали государю въ теченіе этого собора, писались особо отъ дворянъ и особо отъ посадскихъ, хотя по содержанію въ нѣкоторыхъ пунктахъ они и были одинаковы (А. Э. IV, 32).

Сословность, опредѣлившая порядки нашихъ соборныхъ засѣданій, проявилась еще съ большею рѣзкостью въ томъ, что для обсужденія вопросовъ, исключительно касавшихся только одного сословія, созывались и у насъ, какъ въ Англіи, только представители этого сословія. Указанія на такіе неполные соборы встрѣчаемъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича. Хотя по вышеприведенному мнѣнію Михаила Ѳедоровича на предложеніе англійскаго посла Джона Мерика нельзя было отвѣчать безъ совѣта всего государства, но въ дѣйствительности отвѣтъ былъ данъ только по совѣщанію съ торговыми людьми. Это объясняется сословной разрозненностью Московскаго государства: и на общемъ соборѣ, если-бы онъ былъ созванъ по этому поводу, мнѣніе о торговыхъ дѣлахъ могли дать только посадскіе люди, такъ какъ имъ исключительно принадлежало право торговли. Какъ на общихъ соборахъ торговые люди отказывались подавать мнѣніе о военныхъ вопросахъ, ссылаясь на то, что они люди неслужилые и службы не знаютъ, такъ могли бы и дворяне, призванные судить о торговомъ вопросѣ, отказаться подать свое мнѣніе, ссылаясь на то, что они не торгуютъ и торговыхъ дѣлъ не знаютъ. Подобно Михаилу Ѳедоровичу, и Ѳедоръ Алексѣевичъ, для рѣшенія вопроса о средствахъ уравненія податей и службъ тяглыхъ людей, созываетъ только представителей посадовъ, а для рѣшенія вопроса о лучшемъ устройствѣ военной службы, только представителей служилыхъ чиновъ, дворянъ, стольниковъ и пр. Этотъ послѣдній соборъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что онъ также, какъ и соборъ 1648 г., состоялся въ формѣ двухъ палатъ. Одну составляли выборные люди служилыхъ чиновъ, собравшіеся 24 ноября (или нѣсколько дней позднѣе); поводъ къ собранію былъ

---

know any thing of public matters before they are concluded. Изъ предшествующаго мы знаемъ, что въ общемъ это сужденіе не вѣрно; но въ боярское правленіе Ѳеодора Ивановича, когда Флетчеръ былъ въ Россіи, представители дворянъ и городовъ, по всей вѣроятности, не созывались.

имъ объявленъ особо назначенными боярами, которымъ поручено было руководить и совѣщаніями выборныхъ. Другую палату составили: духовенство, бояре, окольничіе и думные люди, засѣданіе которыхъ открылось 12 января въ присутствіи самого государя и мѣсяца два позднѣе собранія выборныхъ людей, когда эти послѣдніе пришли уже къ рѣшенію предложеннаго имъ вопроса. Но какъ на соборѣ 1648 г. дворяне и посадскіе не составляли одного цѣлаго, такъ и на соборѣ 1682 г. духовныя власти и члены государевой думы не сливаются въ одно: хотя рѣчь государя они слушаютъ и вмѣстѣ, но отвѣтъ на нее даютъ порознь.

Отъ описанныхъ соборныхъ порядковъ, которые опредѣлялись сословностью московскаго государства и въ существѣ сходны съ западно-европейскими, надо отличать порядки тѣхъ соборовъ, чинамъ которыхъ прямо предписывалось отвѣчать на рѣчь государя — „порознь". Такія предписанія мы имѣемъ для соборовъ 1566, 1642 и 1653 гг., на которыхъ обсуждались сложнѣйшіе вопросы внѣшней политики: на первомъ—продолжать ли ливонскую войну, или согласиться на миръ, предложенный польскимъ королемъ; на второмъ—принять ли отъ донскихъ казаковъ взятый ими у турокъ Азовъ; на третьемъ – принять ли Хмельницкаго въ подданство и начинать ли войну съ Польшею? Въ виду особой трудности этихъ вопросовъ, правительство обращалось къ чинамъ не съ цѣлью придти къ соборному ихъ рѣшенію, а только для того, чтобы узнать ихъ мнѣнія, оставляя за собой самостоятельное рѣшеніе вопроса. Судя по дошедшимъ до насъ отвѣтамъ, подача мнѣній порознь могла идти даже далѣе дѣленія на чины. Не только каждый чинъ могъ дать свой отвѣтъ, но и каждый выборный, думающій несогласо съ другими, могъ подать свое особое мнѣніе. Это было совершенно согласно и съ намѣреніями правительства, которое хотѣло только всесторонняго обсужденія вопроса. Въ актѣ собора 1653 года встрѣчаемъ такое выраженіе: „а стольники и стряпчіе и дворяне московскіе.... *допрашиваны жъ* по чинамъ, порознь". Подача мнѣній происходила, такимъ образомъ, въ формѣ допроса, причемъ, конечно, не могло быть обойдено ни одно разнорѣчіе. Въ случаяхъ приглашенія отвѣчать порознь, отвѣты давались, обыкновенно, письменно. Для этой цѣли къ чинамъ назначались особые дьяки, на которыхъ, вѣроятно, и лежала письменная редакція отвѣта.

VII. Фактъ постановленія приговоровъ соборами не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Въ царской грамотѣ отъ 1615 г. читаемъ: „по нашему указу и *всей земли приговору* велѣно со всѣхъ городовъ сбирати деньги."; или въ царской грамотѣ отъ 1616 г.: „а съ васъ съ Максима и съ Микиты и съ Андрея и

съ Петра (Строгановыхъ) власти и всѣхъ городовъ выборные люди *приговорили* взять 40 т. рублевъ" или въ царской грамотѣ 1634 г.: „и въ прошломъ 1633 г. по государеву указу и съ *соборнаго уложенія* сбирано на жалованье ратныхъ людей.."; или въ царской грамотѣ отъ 1637 г.: „и мы великій государь приговорили *на соборѣ*... стояти со всѣми ратными людьми". Но, признавая фактъ соборныхъ постановленій, необходимо сдѣлать оговорку, съ цѣлью ввести его въ должныя границы. Соборные приговоры являются плодомъ засѣданій не всякаго собора; чины нѣкоторыхъ соборовъ, не приходя ни къ какому общему рѣшенію, ограничивались одной подачей мнѣній. Это различіе соборовъ, рѣшающихъ и только подающихъ мнѣнія, зависѣло отъ намѣреній правительства. Если государь хотѣлъ только освѣтить свое рѣшеніе мнѣніями чиновъ, ихъ мнѣнія собирались въ формѣ допроса отдѣльныхъ чиновъ и даже лицъ, какъ на соборѣ 1642 г.; если наоборотъ, государю нужно было рѣшеніе собора, совѣщанія получали форму, соотвѣтственно этой цѣли: отвѣты давались или всѣми чинами совокупно, или отдѣльными сословіями, смотря по характеру вопроса, какъ на соборахъ 1621, 1648 и 1682 гг.

Изъ приведенныхъ только что мѣстъ царскихъ грамотъ видно, что существеннымъ элементомъ рѣшенія является участіе въ немъ воли самого государя: мы, великій государь, приговорили на соборѣ...; по нашему указу и всей земли приговору... Отсюда, нѣтъ государевой воли, соглашающейся съ приговоромъ всей земли, нѣтъ и соборнаго приговора. Но какъ возникалъ самый приговоръ земли? Отбирались ли голоса, и если отбирались, то какимъ порядкомъ? Если оказывалось разногласіе, то какое число голосовъ принималось за рѣшеніе всей земли? Наши памятники не содержатъ ни малѣйшаго указанія на возможность раздѣленія голосовъ и на рѣшеніе какимъ либо большинствомъ. Надо думать, что рѣшеніе было всегда единогласное, что оно являлось плодомъ соглашенія всѣхъ. Это мнѣніе подтверждается практикой избирательныхъ соборовъ, которая въ этомъ случаѣ не могла представлять исключенія изъ общихъ обычаевъ. Въ актѣ избранія Бориса Ѳедоровича говорится, что онъ былъ избранъ единогласно. Михаилъ Ѳедоровичъ избранъ *единомысленно*, т. е. тоже единогласно, ибо въ случаѣ раздѣленія голосовъ избраніе не могло быть названо единомысленнымъ. Само собой разумѣется, что это единогласіе получалось не сразу; ему предшествовали споры и разногласіе. Изъ акта избранія Михаила Ѳедоровича знаемъ, что прежде чѣмъ пришли къ единомыслію „всякіе люди говорили съ великимъ шумомъ и плачемъ". Относительно избранія царя, по смерти Ѳедора Алексѣевича, духовенствомъ и членами думы рѣшено было, чтобы

«тому избранію быть общимъ согласіемъ всѣхъ чиновъ московскаго государства людей». Самое избраніе названо также единогласнымъ. Наконецъ, и въ другихъ случаяхъ, московское государство не знало рѣшенія большинствомъ. Выборы губныхъ старостъ и цѣловальниковъ производились тоже единогласно: избиратели приглашались выбрать ихъ „свѣстяся всѣ за одинъ". Въ этомъ же смыслѣ соглашенія всѣхъ, надо понимать и выраженіе, употребленное въ актѣ собора 1682 г. Отмѣняя мѣстничество, Ѳедоръ Алексѣевичъ говоритъ, что онъ дѣлаетъ это «общимъ совѣтомъ всѣхъ», т. е. выборные служилые люди духовенство и члены государевой думы высказались въ пользу отмѣны мѣстничества безъ всякаго разногласія.

Если дѣла рѣшались безъ раздѣленія голосовъ, то, понятно, никакого счета голосовъ и не было. Вопросъ обсуждался до тѣхъ поръ, пока не приходили къ какому либо соглашенію, и за тѣмъ это соглашеніе, какъ совѣтъ всѣхъ, подносилось на усмотрѣніе государя. Поднесеніе это совершалось также въ почтительной формѣ челобитья. На соборѣ 1621 г., на рѣчь царя, въ которой онъ изложилъ „неправды и крестопреступленія искони вѣчнаго врага московскому государству польскаго и литовскаго Жигимонта короля", члены собора „били челомъ государю, чтобы онъ за святыя божія церкви и за свою государскую честь и за свое государство противъ недруга своего стоялъ крѣпко". Подобно этому, въ 1682 г. выборные служилые люди, которымъ былъ предложенъ вопросъ о лучшемъ устройствѣ военной службы, бьютъ челомъ, чтобы служба была безъ мѣстъ.—За челобитьемъ чиновъ собора, если государь принималъ это челобитье, слѣдуетъ соборный приговоръ, соборное уложеніе, или приговоръ государя на соборѣ.

Краткій но полный перечень существенныхъ моментовъ всего соборнаго производства сохранили намъ протоколы соборовъ 1618 и 1682 г. Соборъ 1618 г. открывается рѣчью государя, въ которой, изложивъ поводъ созванія выборныхъ (приближеніе къ Москвѣ польскаго королевича Владислава), онъ объявляетъ имъ, что, призвавъ на помощь московскихъ чудотворцевъ, обѣщался въ Москвѣ въ осадѣ сидѣть и съ литовскими людьми биться. Затѣмъ государь обращается съ слѣдующимъ увѣщаніемъ къ чинамъ: „и вы бы митрополиты, архіепископы, бояре, окольничіе, стольники, дворяне и всякихъ чиновъ люди за православную вѣру, за государя и за себя въ осадѣ сидѣли и противъ польскихъ и литовскихъ людей стояли крѣпко и съ ними бились". На это чины собора отвѣчаютъ, что они „всѣ единодушно дали обѣтъ Богу за православную христіанскую вѣру и за него государя стоять и съ польскими и литовскими людьми битися до смерти, не щадя головъ своихъ". За этимъ отвѣтомъ слѣдуетъ соборный приговоръ: „и приговорилъ государь со властьми, съ бояры и со всякихъ чиновъ

людьми московскаго государства: быти на Москвѣ въ осадѣ боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ“..... Тѣмъ же порядкомъ шло и рѣшеніе вопроса о лучшемъ устройствѣ военной службы. Вопросъ этотъ сперва былъ предложенъ выборнымъ отъ служилыхъ людей. Такъ какъ онъ не могъ быть рѣшенъ немедленно, да и не нуждался въ такомъ спѣшномъ рѣшеніи, выборнымъ предоставлено было время обсудить его и объ отвѣтѣ ихъ приказано было увѣдомить государя. Какъ скоро выборные чины сошлись на одномъ отвѣтѣ и вошли къ государю съ соотвѣтственнымъ челобитьемъ, государь передалъ это челобитье духовнымъ властямъ и членамъ своей думы. По принятіи его тѣми и другими послѣдовала отмѣна мѣстничества „со общаго совѣта“.

Послѣдствія рѣшенія состояли въ исполненіи соборнаго приговора. Для этой цѣли писались особыя царскія грамоты со ссылкой на соборное опредѣленіе. Особенно любопытны двѣ царскія грамоты въ Галичъ и Новгородъ отъ 1619 г., указывающія на весьма широкую дѣятельность соборовъ, направленную къ устроенію земли, въ чемъ такъ нуждалось московское государство послѣ разгрома смутнаго времени. Этими царскими грамотами, составленными на основаніи соборнаго приговора, предписывалось: 1) во всѣ города, которые не были разорены, послать писцовъ; а которые города были разорены, въ тѣ послать дозорщиковъ добрыхъ, приведя ихъ къ крестному цѣлованію и давъ имъ полные наказы, чтобы они писали и дозирали вправду, безъ посуловъ; 2) посадскихъ людей украйныхъ городовъ, которые живутъ на Москвѣ и по другимъ городамъ, сыскивая отсылать въ тѣ города, гдѣ они жили прежъ сего, и льготы имъ дать, смотря по разоренію, 3) посадскимъ людямъ, которые заложились за епископовъ, бояръ и всякихъ чиновъ людей, быть по прежнему, гдѣ были напередъ сего; а на тѣхъ людяхъ, за кѣмъ они жили, сыскавъ доправить всякія подати за прежніе годы; 4) на сильныхъ людяхъ, во всякихъ обидахъ, сыскать бояромъ такимъ то; 5) во всѣхъ городахъ сыскать и выписать, сколько должно поступать денежныхъ и хлѣбныхъ запасовъ по окладу; что въ приходѣ, что въ расходѣ, и что въ домикѣ осталось, и что отъ разоренья запустѣло; 6) что какихъ селъ и деревень роздано въ помѣстья и въ вотчины, и что съ нихъ было какихъ доходовъ, 7) что по окладу осталось всякихъ доходовъ денежныхъ и хлѣбныхъ и на какіе расходы тѣ доходы указаны, и что за расходомъ останется; наконецъ, 8) изъ всѣхъ городовъ для вѣдомости и устроенія прислать къ Москвѣ выборныхъ людей, добрыхъ и разумныхъ, которые умѣли бы разсказать обиды и насильства и разоренія и устроить Московское государство *).

*) А. Э. III, 105, Рум. с. III, 47. До насъ дошло, если не ошибаемся, 7

VIII. Относительно продолжительности дѣятельности выборныхъ людей одного созыва и порядка закрытія соборовъ, источники не даютъ никакихъ указаній. Мы имѣемъ только полное основаніе утверждать, что дѣятельность выборныхъ не всегда ограничивалась однимъ соборнымъ засѣданіемъ, что иногда они принимали участіе въ нѣсколькихъ соборахъ и оставались, такимъ образомъ, въ сборѣ въ теченіи года и даже болѣе. Въ соборномъ протоколѣ 1634 г. читаемъ: „въ прошломъ 1633 г. государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ объявили вамъ на первомъ соборѣ...". Это, слѣдовательно, второй соборъ для тѣхъ же выборныхъ. Весьма вѣроятно, что первые соборы въ царствованіе Михаила Ѳедоровича состояли изъ выборныхъ людей избирательнаго собора 1613 года, а соборъ 1618 г. изъ выборныхъ людей призыва 1616 г.*).— Закрытіе собора и распущеніе выборныхъ совершенно, конечно, зависѣли отъ усмотрѣнія государя.

IX. Переходимъ къ вопросу о значеніи нашихъ соборовъ съ точки зрѣнія права. Русскій человѣкъ и теперь не очень любитъ строгія опредѣленія права и мало склоненъ облекать свои дѣйствія въ точныя юридическія формы; ему болѣе по душѣ не юридическая область доброй вѣры. Точныя юридическія опредѣленія еще менѣе были въ духѣ людей московской эпохи. Наши государи нуждались въ содѣйствіи русской земли, они пользовались имъ въ формѣ соборовъ; этимъ все и исчерпывалось. Никто не думалъ закрѣпить это содѣйствіе въ какія либо опредѣленныя нормы закона Нѣкоторые изъ изслѣдователей нашей старины, исходя изъ тѣхъ вѣрныхъ положеній, что никакой указъ не обязывалъ московскихъ государей созывать соборы, что они обращались къ нимъ только въ крайнихъ случаяхъ, что они могли принять рѣшеніе и независимо отъ того, какъ высказался соборъ, приходятъ къ заключенію, что наши соборы имѣли только совѣщательное значеніе, что правительство, обладая скудными средствами и плохо зная силы страны, искало въ нихъ

исполнительныхъ грамотъ; пять изъ нихъ касаются денежнаго сбора. Кромѣ того мы имѣемъ 3 исполнительныхъ грамоты отъ имени духовенства и одну отъ имени собора непосредственно. Но это, конечно, отступленіе отъ обыкновеннаго порядка, объясняемое особенностями смутнаго времени; всѣ эти грамоты 1613 и 1614 г.

*) Б. Н. Чичеринъ думаетъ, что соборъ 1618 г. былъ составленъ только изъ московскихъ людей, потому что 8 сентября была получена вѣсть о приближеніи къ Москвѣ польскаго королевича Владислава, а 9 сентября былъ уже собранъ соборъ для принятія мѣръ обороны. Но въ приложенной къ протоколу росписи, кому гдѣ быть для встрѣчи приближающагося непріятеля, перечисляется множество городовыхъ дворянъ, которые находились въ Москвѣ не случайно, а по службѣ. Это обстоятельство только облегчаетъ предположеніе, что въ Москвѣ могли находиться и выборные для собора люди призыва 1616 г., которые и принимали участіе въ соборѣ 1618 г.

свѣта и опоры, но нисколько не связывалось ихъ мнѣніями. Такой взглядъ едва ли можетъ быть принятъ. Понятіе совѣщательнаго учрежденія — новое, оно незнакомо не только московскому государству, но и ни одному изъ западныхъ на той же ступени развитія, и мы не имѣемъ никакого основанія допустить, чтобы люди московской эпохи смотрѣли на соборы съ этой точки зрѣнія. Чтобы имѣть сколько нибудь твердую точку отправленія при рѣшеніи этого вопроса, мы приведемъ нѣсколько фактовъ, изъ которыхъ можно будетъ вывести заключеніе о взглядахъ московскихъ государей на соборы.

Что происходило на первомъ соборѣ, созванномъ Иваномъ Грознымъ? Изъ дѣяній этого собора намъ извѣстна только рѣчь царя, произнесенная имъ на Лобномъ мѣстѣ, въ присутствіи собраннаго имъ государства „изъ городовъ всякаго чина". Обратившись къ митрополиту, государь сказалъ: „Молю тя, святой владыко, будь помощникъ мнѣ и любви поборникъ; знаю, ты желаешь добрыхъ дѣлъ и любви. Тебѣ извѣстно, владыко, что остался я послѣ отца моего четырехъ лѣтъ, а послѣ матери — восьми; родители не могли воспитать меня, а сильные мои бояре и вельможи не радѣли обо мнѣ и были самовластны, такъ какъ не кому было воздержать ихъ: они предались хищенію и обижали народъ. Я же былъ какъ бы глухъ, и не слышалъ, и не было въ устахъ моихъ обличенія, по причинѣ юности моей и пустоты. Они же властвовали... О неправедные лихоимцы и хищники и неправедный судъ творившіе! какой дадите нынѣ отвѣтъ намъ за ту кровь, которую вы пролили? я чистъ отъ сея крови. Ожидайте воздаянія своего." Затѣмъ, поклонившись на всѣ стороны, царь продолжалъ: „Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ! молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Нынѣ вашихъ прежнихъ обидъ и разореній и налоговъ исправить не возможно, замедленія ради юности моей и пустоты и безпомощства и неправдъ ради бояръ моихъ и властей, и безсудства ихъ неправеднаго и лихоиманія и сребролюбія. Оставьте взаимную вражду. Отъ нынѣ же я самъ буду, на сколько въ силахъ моихъ, судья вамъ и оборона." Если бы юный царь Иванъ Васильевичъ думалъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изслѣдователями нашей старины, что въ мнѣніи народа для него нѣтъ ничего нравственно обязательнаго, онъ не обратился бы къ нему съ торжественнымъ разъясненіемъ причинъ неурядицъ, которыми отличалось правленіе государства въ его малолѣтство; у него не было бы побужденій сказать: я не повиненъ въ той крови, которую проливали бояре. Въ началѣ XVII в. Михаилъ Ѳедоровичъ не разъ обращался къ соборамъ съ просьбою «дать денегъ» и затѣмъ собиралъ опредѣленное соборомъ вспоможеніе, ссылаясь на его приговоръ. Это также выходитъ за предѣлы простаго совѣ-

щанія *). Далѣе, Алексѣй Михайловичъ важнѣйшій законодательный актъ своего царствованія облекаетъ въ форму соборнаго уложенія. Мы не будемъ теперь останавливаться на вопросѣ о томъ, принимали ли чины собора 1648 г. участіе въ составленіи самыхъ статей уложенія, или нѣтъ; мы возьмемъ изъ ихъ дѣятельности только то, что всѣми признано: они подписали уложеніе. Но что значитъ подписать что либо, или, какъ тогда говорили, приложить свою руку? Приложить руку къ дѣлу значитъ принять участіе въ его совершеніи, въ данномъ же случаѣ—согласиться. Такъ именно понимали значеніе подписи люди Московскаго государства. Мы имѣемъ челобитье чиновъ собора 1648 г., въ которомъ они просятъ государя, чтобы были отобраны у монастырей, протопоповъ и поповъ тѣ вотчины, которыя они пріобрѣли послѣ собора 1580 г. (этимъ соборомъ такія пріобрѣтенія воспрещались). Обязательность постановленій собора 1580 г. для духовенства своего времени они выводятъ изъ того, что „власти къ тому приговору и руки свои приложили, что имъ и впредь, кто по нихъ иныя власти будутъ, никакихъ земель въ монастыри не имать“ (А. Э. IV. 33). Другой вопросъ, добровольно было это согласіе, или нѣтъ? По краткости оффиціальнаго протокола собора 1648 г. и скудости другихъ извѣстій, мы не можемъ отвѣтить на него съ надлежащей полнотой. Есть основаніе думать, что для нѣкоторыхъ чиновъ, по крайней мѣрѣ, это согласіе не было добровольнымъ. Мы имѣемъ заявленіе патріарха Никона, въ которомъ онъ такъ выражается о соборѣ 1648 г.: „и то всѣмъ вѣдомо, что соборъ былъ не по воли, боязни ради междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя ради правды“. Но это не измѣняетъ существа дѣла: члены собора могли дѣйствовать подъ какими либо вліяніями, которыя и опредѣлили направленіе ихъ воли; но самый фактъ согласія остается несомнѣннымъ. Вмѣстѣ съ этимъ, внѣ спора и то, что Алексѣй Михайловичъ находилъ нужнымъ ихъ согласіе для изданія уложенія. Наконецъ, отмѣна мѣстничества совершилась также при участіи выборныхъ „общимъ совѣтомъ всѣхъ“. Мысль, руководившая правительствомъ въ этомъ случаѣ, совершенно понятна. Мѣстничество, возникнувъ въ силу обычая, охватывало всѣ разряды служилыхъ людей и такъ глубоко проникало въ жизнь, что отмѣна его могла имѣть надлежащую силу только благодаря соглашенію всѣхъ. Въ виду приведенныхъ фактовъ, едва-ли можно сомнѣваться, что значеніе московскихъ соборовъ не исчерпы-

---

*) Въ подкрѣпленіе нашей мысли намъ пріятно сослаться здѣсь на мнѣніе Б. Н. Чичерина, который тоже находитъ, что въ царствованіе Михаила Ѳедоровича соборы имѣютъ уже не чисто совѣщательный характеръ. „О представительствѣ,“ 370.

вается понятіемъ совѣщательнаго учрежденія: оно идетъ далѣе, хотя никакой указъ формально и не признавалъ за ними того положенія, которымъ въ дѣйствительности они пользовались. Понятіе абсолютной власти, во всей своей теоретической ясности и послѣдовательности, окончательно сложилось у насъ только въ царствованіе Петра I. Московская эпоха по отношенію къ этому вопросу являетъ еще переходное состояніе. Въ качествѣ эпохи переходной, она и представляетъ одновременное существованіе разнообразныхъ началъ. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что московскіе государи признаютъ за собою право дѣйствовать и по мимо соборовъ, этимъ правомъ они пользуются и въ эпоху соборовъ. Но рядомъ съ этимъ они признаютъ что-то и за народомъ, въ силу чего и обращаются иногда къ его согласію. Съ исторической точки зрѣнія, это „что-то" есть несомнѣнно слабый остатокъ порядковъ княжеской эпохи, когда князь и народъ, по особенностямъ быта того времени, находились въ непосредственныхъ другъ къ другу отношеніяхъ.

Съ такою же неопредѣленностью юридическаго значенія представительства встрѣчаемся и въ Западной Европѣ. Съ точки зрѣнія формальнаго права, участіе представителей одинаково не признано ни по отношенію къ законодательству, ни по отношенію къ взиманію податей. Но на дѣлѣ къ нимъ обращаются съ просьбами дать денегъ, и они даютъ деньги, а иногда ихъ содѣйствіемъ пользуются и при изданіи законовъ. Во Франціи эта неопредѣленность осталась постояннымъ признакомъ дѣятельности генеральныхъ штатовъ. Иначе въ Англіи. Благодаря особенности англійскаго характера, который крѣпко держится того, что разъ вошло въ практику жизни, вслѣдствіе чего все развитіе англійской исторіи отличается постепенностью и отсутствіемъ рѣзкихъ скачковъ, неопредѣленность продолжалась не долго. Уже въ 1297 г. король Эдуардъ I принимаетъ на себя обязательство не налагать податей иначе, какъ съ общаго согласія архіепископовъ, епископовъ, графовъ, бароновъ, рыцарей, горожанъ и всѣхъ свободныхъ людей королевства. Его преемникъ, Эдуардъ II, въ 1322 г. дѣлаетъ еще шагъ въ этомъ направленіи. Онъ соглашается не издавать никакихъ постановленій касательно правъ короля и его наслѣдниковъ, правъ королевства и всего народа —иначе, какъ съ согласія духовенства, графовъ, бароновъ и представителей общинъ. Въ каждомъ изъ этихъ статутовъ встрѣчаемъ выраженіе: какъ это и прежде было въ обычаѣ. И такъ, это закрѣпленіе предшествовавшей практики. Не должно, однако, думать, что эта практика не имѣла исключеній. Король Эдуардъ I въ 1281 г. собственною властью отмѣнилъ часть парламентскаго статута, изданнаго въ 1278 г. И это, конечно, не единственный случай. Такимъ образомъ, и въ Англіи, какъ у насъ, короли то пользуются содѣй-

ствіемъ народа, то нѣтъ. Даже и послѣ формальнаго признанія королями правъ представителей, случаи нарушенія ими этихъ правъ не составляютъ рѣдкости.

Права англійскихъ выборныхъ, предоставленныя имъ статутами 1297 и 1322 г., гораздо древнѣе практики XIII в. Они представляются лишь дальнѣйшимъ развитіемъ старыхъ порядковъ феодальной эпохи и примѣненіемъ ихъ къ новому началу представительства. Въ силу обычаевъ леннаго права, обязанности вассаловъ къ королю были опредѣлены какъ относительно размѣровъ военной службы вассаловъ, такъ и денежнаго вспоможенія, которое они должны были оказывать своимъ государямъ. Но англійскіе короли не всегда держались въ предѣлахъ ленныхъ обычаевъ. Отсюда возникаетъ рядъ столкновеній между королями и баронами. Результатомъ этихъ столкновеній являются грамоты, въ которыхъ короли подтверждаютъ права своихъ вассалавъ. Въ ряду этихъ грамотъ первое мѣсто, не по времени, а по значенію, принадлежитъ хартіи Ивана Безземельнаго, царствованіе котораго отличалось особенно необузданнымъ произволомъ. Эта хартія, извѣстная подъ именемъ великой, содержитъ въ себѣ, рядомъ съ подтвержденіемъ всѣхъ феодальныхъ правъ бароновъ, какъ они опредѣлялись существовавшими до того времени обычаями и прежними королевствами грамотами, еще слѣдующее постановленіе: король обязывается въ тѣхъ случаяхъ, когда расходы его не могли быть покрыты обыкновенными доходами, удовлетворять нуждамъ королевской казны не иначе, какъ по совѣту архіепископа, епископовъ, графовъ, бароновъ и всѣхъ своихъ непосредственныхъ вассаловъ. Вотъ гдѣ начало позднѣйшихъ правъ англійскихъ представителей. Когда возникло представительство свободныхъ городскихъ общинъ, оставалось только распространить это готовое уже начало и на городскихъ выборныхъ. Это не трудно было сдѣлать въ виду высокаго политическаго такта англійскихъ бароновъ. Уже въ великой хартіи они выступаютъ представителями интересовъ не своего только сословія, а всего государства, и выговариваютъ весьма важныя гарантіи личной свободы для всего населенія королевства. Англійскіе короли не противились этому распространенію правъ бароновъ на все представительство, изъ котораго они умѣли сдѣлать удобное орудіе управленія страной. Возникновеніемъ своимъ представительство вездѣ обязано личному дѣйствію государей,—но твердый юридическій характеръ это учрежденіе получило только въ Англіи, и при томъ благодаря особому складу англійскаго ума и особому ходу англійской исторіи, при чемъ на долю королей выпадаетъ не столько инициатива, сколько благоразумная уступчивость.

X. Въ заключеніе намъ необходимо остановиться на оцѣнкѣ дѣятельности нашихъ соборовъ съ точки зрѣнія политики. Мо-

жетъ быть ни одинъ изъ вопросовъ, относящихся до соборовъ, не подвергался столь разнообразному рѣшенію, какъ этотъ. Въ то время, какъ одни изслѣдователи видятъ въ нашихъ соборахъ идеалъ, къ которому должны стремиться государственныя учрежденія, другіе приходятъ къ заключенію, что земскіе соборы никогда не могли сдѣлаться существеннымъ элементомъ государственной жизни, что они даже не могли дать правительству ни помощи, ни совѣта.

Оба мнѣнія одинаково крайни.

Наши соборы—не идеалъ, потому что мы наблюдаемъ въ нихъ представительныя учрежденія въ зародышномъ ихъ состояніи. Нужно было еще многое, чтобы изъ нихъ выработалось правильное государственное учрежденіе. Но также несправедливо, что они не могли дать правительству ни помощи, ни совѣта.

Обратимся къ фактамъ.

Исторія нашихъ соборовъ показываетъ, что они всего чаще собирались едва ли не въ самый критическій періодъ жизни Московскаго государства. Самое большое число соборовъ выпадаетъ на царствованіе Михаила Ѳедоровича, когда Россія должна была бороться съ величайшей неурядицей, наслѣдованной отъ смутнаго времени. Въ годину общаго бѣдствія, при всей трудности своего положенія, правительство не усомнилось обратиться къ содѣйствію выборныхъ людей. Чѣмъ же заявили себя эти выборные? Затруднили ли они ходъ правительственной дѣятельности? Этого никто не скажетъ. Если Михаилъ Ѳедоровичъ, въ продолженіе всего своего царствованія, созываетъ соборы, то мы можемъ, кажется, заключить отсюда, что они не затрудняли, а облегчали его дѣятельность. Что иначе могло бы заставить его обращаться къ созванію выборныхъ? Изо всѣхъ имѣющихся у насъ данныхъ мы можемъ вывести только одно заключеніе: выборные люди стояли въ уровень съ ихъ высокимъ призваніемъ и хорошо понимали потребности своего времени; они безъ всякой розни соединились у престола избраннаго ими государя и не жалѣли ни жизни, ни имущества для спасенія отечества. Одной патріотической дѣятельности земскихъ соборовъ начала XVII в. уже довольно, чтобы Россія всегда вспоминала о нихъ съ благодарностью.

Но Михаилъ Ѳедоровичъ обращался къ земскимъ соборамъ не въ крайнія только минуты, когда для спасенія отечества требовалось напряженіе всѣхъ силъ государства. Онъ обращался къ совѣту земли и для рѣшенія обыкновенныхъ, текущихъ вопросовъ государственной практики. Мы знаемъ, что на предложеніе англійскаго посла Джона Мерика царь отвѣчалъ, что такого дѣла нельзя рѣшить безъ совѣта всего государства. На дѣлѣ, по объясненной выше причинѣ, было созвано не все государство, а только торговые люди. Совѣтъ торговыхъ людей былъ принятъ

государемъ и на его основаніи былъ составленъ отвѣтъ англійскому уполномоченному. Съ нашей точки зрѣнія, важно не содержаніе отвѣта, а то, что правительство приняло мнѣніе торговыхъ людей; они, значитъ, съ его точки зрѣнія, могли дать ему полезный совѣтъ.

Эта полезная дѣятельность выборныхъ людей переходитъ и въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Къ составленію важнѣйшаго памятника своего царствованія, Соборнаго Уложенія 1649 г., этотъ государь приступаетъ по челобитью стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ, гостей и гостинной сотни и всякихъ чиновъ торговыхъ людей. Это мы знаемъ изъ грамоты новгородскаго воеводы губному старостѣ обонежской пятины (А. Э. IV. 27), которою ему предписывалось, согласно царской грамотѣ, произвести выборы для собора 1648 г. Во введеніи же къ уложенію 1649 г. говорится, что государь, іюня 16 дня 1648 г., приказалъ составить уложеніе, посовѣтовавшись только съ духовенствомъ, да членами своей думы. Сопоставляя это свидѣтельство съ вышеприведеннымъ, надо прійти къ такому заключенію: государь предложилъ на обсужденіе духовенства и членовъ своей думы челобитья выборныхъ людей и, по одобреніи его ими, приказалъ приступить къ составленію уложенія. Такимъ образомъ, вопросъ о составленіи уложенія обсуждался тѣмъ же порядкомъ, какъ и вопросъ объ отмѣнѣ мѣстничества: сперва онъ разсматривался выборными чинами, а затѣмъ духовенствомъ и царской думой. Но какъ возникъ онъ у выборныхъ, было ли это ихъ самостоятельное челобитье, поданное по собственному побужденію, или они были созваны на соборъ и государь предложилъ имъ какой-либо вопросъ, который и привелъ ихъ къ мысли объ уложеніи, мы не можемъ сказать. Какъ бы то ни было, не можетъ, однако, подлежать сомнѣнію, что мысль о составленіи новаго уложенія возникла у выборныхъ людей, хотя мы и не знаемъ ближайшихъ условій, при которыхъ это совершилось. Этотъ выводъ, на первый взглядъ, можетъ показаться мало вѣроятнымъ, но онъ совершенно согласенъ съ московскимъ порядкомъ вещей. Неудобства, проистекающія отъ неопредѣленности закона, его неполноты, непослѣдовательности, неясности, должны были чувствоваться выборными людьми гораздо сильнѣе, чѣмъ боярами, окольничими, думными людьми и другими, приближенными къ государю лицами, которымъ не далеко было идти для разрѣшенія всѣхъ возбуждаемыхъ закономъ сомнѣній. Для городовыхъ же людей это разрѣшеніе являлось въ формѣ московской волокиты, которая была для нихъ пуще татарскаго погрома. Понятно, что для нихъ вопросъ о приведеніи законовъ въ порядокъ былъ самымъ настоятельнымъ, тогда какъ для бояръ, окольничихъ и другихъ сильныхъ людей всякая неясность закона въ то темное

время могла быть даже полезна. Уложеніе 1649 г. дѣйствительно отмѣняетъ нѣкоторыя установившіеся въ XVII в. помимо государевыхъ указовъ порядки, выгодные сильнымъ людямъ и невыгодные казнѣ и людямъ мелкимъ.

Но этой челобитной выборныхъ не ограничивается ихъ участіе въ дѣлѣ составленія уложенія. Представители, собранные на соборъ 1648 г., съ цѣлью государево земское дѣло утвердить и на мѣрѣ поставить, — подавали, какъ обыкновенно, челобитныя, которыя, по принятіи ихъ государемъ, и вносились въ уложеніе. Изъ 40 статей XIX главы уложенія „о посадскихъ людяхъ"— 17 (1, 3, 5—18, 39) составлены почти буквально по челобитнымъ выборныхъ людей *). Иногда въ самыхъ статьяхъ уложенія находимъ указаніе на ихъ происхожденіе изъ челобитныхъ. О монастырскомъ приказѣ читаемъ, что государь указалъ ему быть особо по челобитью стольниковъ, дворянъ и посадскихъ людей. Особенно любопытное указаніе на участіе выборныхъ людей въ составленіи статей уложенія находимъ въ ст. 42 главы XVII: „А нынѣ государь, совѣтовавъ съ отцомъ своимъ патріархомъ, съ митрополиты и епископы, и говоря съ своими бояры, съ окольничими, съ дворянами московскими и городовыми, указалъ и соборомъ уложили".., за этимъ слѣдуютъ уложенныя статьи. Ясно, что соборъ 1648 г. подходитъ къ разряду тѣхъ соборовъ, результатомъ которыхъ были соборные приговоры. Сколько всего было подано челобитныхъ чинами собора 1648 г. и въ какой мѣрѣ вошли они въ уложеніе,—вопросъ этотъ едва затронутъ нашей литературой. Но что чины собора принимали участіе въ самомъ составленіи статей уложенія, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія **).

Уложеніе не единственный памятникъ, свидѣтельствующій о вліяніи челобитныхъ на указную дѣятельность Алексѣя Михайловича. Въ 1649 же году послѣдовалъ царскій указъ, которымъ дозволялось англійскимъ купцамъ пріѣзжать для торга только въ Архангельскъ, въѣздъ же во внутренніе города воспрещался

---

*) Къ сожалѣнію, это челобитье извѣстно намъ не въ оригиналѣ, а изъ двухъ выписокъ, одна изъ которыхъ находится въ переписной книгѣ сыскныхъ дѣлъ (А. Э. IV, 32), а другая въ наказной памяти Колычеву (А. Э. IV, 36). Эти челобитныя докладывались государю боярами кн. Одоевскимъ и кн. Прозоровскимъ, окольничимъ кн. Волконскимъ и дьяками Леонтьевымъ и Грибоѣдовымъ, т. е., тѣми же самыми лицами, которымъ поручено было собрать весь необходимый матеріалъ для составленія Уложенія.

**) Указаніе на это участіе находимъ и во введеніи къ Уложенію: „А на которыя статьи въ прошлыхъ годѣхъ, прежнихъ государей въ судебникахъ указу не положено и боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи не было: а тѣ бы статьи по тому же написати и изложити, по его государеву указу, *общимъ совѣтомъ*" и т. д. См. проф. Загоскина, онъ подвергъ этотъ вопросъ подробному разсмотрѣнію.

(Рум. Соб. III, 138). Этотъ указъ послѣдовалъ въ отвѣтъ на челобитье торговыхъ людей разныхъ городовъ отъ 1646 г. (А. Э. IV, 13), въ которомъ они именно просятъ о такомъ воспрещеніи. Многіе мотивы указа 1649 г. прямо списаны съ челобитья торговыхъ людей. Эта челобитная подписана 126 торговыми лицами разныхъ городовъ. Здѣсь есть казанцы, нижегородцы, ярославцы, костромичи, суздальцы, муромцы, псковичи, бѣлозерцы, холмогорцы и иные многихъ городовъ люди. При какихъ условіяхъ возникло ихъ челобитье—не знаемъ.

Въ виду приведенныхъ фактовъ, мы думаемъ, нельзя утверждать, что выборные люди не могли дать московскому правительству ни помощи, ни совѣта. Сторонники этого мнѣнія особое вниманіе посвящаютъ Азовскому собору и изъ обзора его дѣйствій приходятъ къ заключенію, что на этотъ памятникъ древняго земства грустно смотрѣть; по ихъ мнѣнію, онъ не дѣлаетъ чести тогдашнему обществу по отсутствію въ немъ политической мысли и по наивно высказаннымъ эгоистическимъ стремленіямъ сословій. Остановимся и мы на дѣятельности собора 1642 г. *).

Для правильнаго сужденія о дѣяніяхъ Азовскаго собора, прежде всего необходимо обратить вниманіе на форму, которая придана была его засѣданіямъ. Государь приказалъ чинамъ собора отвѣчать на его рѣчь порознь. Михаилъ Ѳедоровичъ, обращаясь къ собору, не имѣлъ, слѣдовательно, намѣренія прійти къ соборному приговору, а желалъ только получить мнѣнія членовъ. Эта задача собора объясняется сложностью предложеннаго ему вопроса. Дѣло шло объ удержаніи Азова, а удержаніе Азова должно было вовлечь Московское государство въ войну съ Турціей, которая могла затянуться на много лѣтъ. Сколько трудностей представлялъ азовскій вопросъ, видно уже изъ того, что удержать Азовъ за Россіей не суждено было и Петру Великому, при всей его энергіи; съ Азовомъ Россіи удалось порѣшить только во второй половинѣ XVIII в. Итакъ, подача мнѣній порознь чинами собора 1642 г. не есть признакъ упадка соборной жизни. Она условилась сложностью вопроса и прямо была предписана правительствомъ. Такого же рода отвѣты порознь встрѣчаемъ, въ подобныхъ же случаяхъ и прежде, въ XVI вѣкѣ (соборъ 1566 г), и позднѣе (соборъ 1653 г.).

Чинамъ собора было предложено два вопроса: первый, при-

---

*) При чтеніи мнѣній чиновъ Азовскаго собора надо имѣть въ виду, что это не подлинныя мнѣнія, а только извлеченія изъ нихъ, можетъ быть и очень близкія къ оригиналу. Подлинныя мнѣнія были, конечно, снабжены рукоприкладствомъ; здѣсь же подписей нѣтъ. Но и это извлеченіе показалось кому-то слишкомъ длиннымъ, а потому въ протоколѣ за нимъ слѣдуетъ еще болѣе краткое.

нять ли Азовъ отъ донскихъ казаковъ? и второй, если принять, то какими средствами держать его? Подлинныя слова вопроса очень любопытны; въ нихъ содержится уже ясное указаніе на всѣ трудности дѣла. Вотъ они: „принять ли Азовъ и стоять ли за него, и ратныхъ людей посылать ли противъ турскихъ и крымскихъ, и казанскихъ татаръ, и разрывъ съ ними чинить ли? Будетъ Азовъ городъ принять, то многіе ратные люди будутъ надобны въ Азовъ, и въ польскіе, и въ украйные городы; и на городовое азовское дѣло и ратнымъ людямъ на жалованье деньги надобны будутъ многіяжъ, и хлѣбные, и пушечные, и всякіе запасы надобны не на одинъ годъ, потому что война бываетъ у турскихъ людей не по одинъ годъ; и такія великія деньги и многія запасы на тѣ годы гдѣ имать?“

Не смотря на весьма неудобный порядокъ занятій собора, который происходилъ въ формѣ допроса отдѣльныхъ чиновъ, и который вовсе не способствовалъ тому, чтобы чины выработали какое либо одно мнѣніе,—мнѣнія большинства членовъ во всѣхъ существенныхъ пунктахъ до такой степени согласны между собой, что намъ стоитъ только сосчитать голоса, чтобы получить весьма солидное большинство въ пользу одного опредѣленнаго порядка дѣйствій. Всего было допрошено 181 выборный, не считая духовенства, число котораго не извѣстно, но, судя по другимъ соборамъ, едва-ли могло превышать цифру 25. Никто, конечно, не будетъ ожидать, чтобы всѣ члены собора отнеслись съ одинакимъ вниманіемъ къ своему дѣлу; этого мы не встрѣтимъ и ни въ одномъ современномъ собраніи представителей; позволительно желать только, чтобы большинство ихъ взвѣсило всѣ стороны вопроса и дало отвѣтъ, согласный съ истинными пользами государства. Этому желанію чины Азовскаго собора совершенно удовлетворяютъ.

На первый вопросъ, принять ли Азовъ отъ донскихъ казаковъ, или нѣтъ, — духовенство и 43 выборныхъ (10 стольниковъ, 20 московскихъ дворянъ, 4 головъ стрѣлецкихъ и 9 городовыхъ дворянъ) не даютъ своего опредѣленнаго мнѣнія, предоставляя рѣшеніе волѣ государя: „а въ пріимкѣ города Азова, въ томъ его государева воля“, говорятъ они. Духовенство мотивируетъ свой отвѣтъ тѣмъ, что ему это дѣло не за обычай. Всѣ остальные выборные, 138 человѣкъ (106 дворянъ и 32 посадскихъ), прямо высказались, что Азовъ надо принять и съ турецкимъ султаномъ разорвать. Мнѣнія 138 выборныхъ весьма достаточно мотивированы, хотя и не всѣми совершенно одинаково. Чисто политическихъ мотивовъ они приводятъ два. Это, во-первыхъ, *неправды* турецкаго и крымскаго царей. На этотъ мотивъ указываютъ 43 дворянина и 32 посадскихъ. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ коротко: „И тебѣ государю велѣть Азовъ у

донскихъ казаковъ принять и съ турскимъ, и крымскимъ царемъ разорвать, за ихъ многую передъ тобою неправду, что они шертвовавъ тебѣ государю многую неправду чинили и про ту ихъ неправду извѣстно тебѣ государю". Два московскихъ дворянина, Никита Беклемишевъ и Тимоѳей Желябужскій, останавливаются на этихъ неправдахъ съ большею подробностью: „всегда, говорятъ они, крымскій царь государю шерть свою давалъ на томъ, что войнѣ было отъ крымскихъ людей въ государевѣ землѣ не быть, и онъ черезъ шерть свою лгалъ, по вся годы крымскіе и азовскіе татары государевы украйные города воевали и въ Азовъ православныхъ крестьянъ приводя, продавали въ свои же бусурманскія орды въ порабощеніе, а онъ ималъ съ того полону пошлины отъ девяти десятаго человѣка; да онъ же крымскій царь чрезъ свою шерть въ прошлыхъ годахъ, какъ было у государя съ польскимъ королемъ развратье и стояли его государевы ратные люди подъ Смоленскомъ, и онъ, свѣдавъ то, прислалъ въ государеву землю царевичевъ съ крымскими людьми войною" и т. д. Весьма близко къ этому мотивируютъ свое мнѣніе гости и посадскіе люди: «а какъ, государь, Азовъ былъ за турскимъ царемъ, говорятъ они, и въ то время въ украйныхъ городахъ турскіе и крымскіе, и ногайскіе татары ходили войною по вся годы безпрестани, и кровь крестьянскую проливали многую и въ полонъ сводили крестьянскаго народа много же, а въ томъ Азовѣ тѣхъ полоненныхъ людей продавали и въ свою, и въ иныя многія земли, и крестьянской православной вѣрѣ наругались, и въ тѣ годы твои государевы украйные городы и съ уѣзды пустѣли». Второй мотивъ состоялъ въ слѣдующемъ: Московскому государству необходимо владѣть Азовомъ для того, чтобы держать въ своихъ рукахъ ногаевъ и другихъ кочевниковъ южныхъ степей. На этотъ мотивъ указываютъ 65 дворянъ. Вотъ какъ выражаются по этому поводу 63 городовыхъ дворянъ: «А хотя и отдати Азовъ, тѣмъ бусурмановъ не утолить и не удобрить и войны, и крови отъ крымскихъ и отъ иныхъ поганыхъ бусурмановъ не укротить, а турскихъ бусурмановъ только пуще тою отдачею на себя подвигнути. А лучше, государь, что Азовъ тебѣ государю и *всей землѣ* принять и крѣпко за него стоять, а нагаи, государь, кочуютъ нынѣ на твоей государевой землѣ отъ Азова не далече; а за кѣмъ будетъ Азовъ, тому они будутъ и служить. А только, государь, онъ будетъ за турскимъ, и они будутъ твою государеву вотчину плѣнить и пустошить».

Къ этимъ двумъ присоединяется еще третій мотивъ не политическаго, а религіознаго свойства; онъ состоитъ въ опасеніи, какъ бы не навесть отказомъ отъ Азова на всероссійское государство гнѣва Божія, такъ какъ казаки заняли Азовъ изволеніемъ вышняго Бога. Такъ высказываются всѣ городовые дворяне, подавшіе мнѣніе въ пользу

принятія Азова. Ссылка на такое чисто религіозное соображеніе не удивитъ насъ, если мы припомнимъ, что дѣло происходило въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, соправителемъ котораго много лѣтъ былъ святѣйшій патріархъ Филаретъ. Городовые дворяне заслужили бы упрекъ въ отсутствіи политическаго смысла только тогда, если бы они привели этотъ одинъ мотивъ, но они приводятъ его вмѣстѣ съ мотивами чисто политическими, вполнѣ исчерпывающими дѣло. Зная благочестивое настроеніе царя, они только усиливаютъ этимъ сопоставленіемъ значеніе своихъ политическихъ соображеній.

Сто тридцать восемь выборныхъ, высказавшихся въ пользу войны, выражаютъ свое мнѣніе въ самой мягкой формѣ. Многіе изъ нихъ, прежде чѣмъ высказать собственную свою мысль, говорятъ, что рѣшеніе вопроса зависитъ отъ государевой воли. Такъ выражаются Беклемишевъ, Желябужскій, гости и посадскіе люди. Можемъ ли упрекать ихъ за это? Наоборотъ, мы видимъ въ этомъ глубокое пониманіе тѣхъ условій, среди которыхъ они призваны были дѣйствовать.

Первый вопросъ получилъ, такимъ образомъ, совершенно ясное и вѣрно мотивированное рѣшеніе значительнаго большинства членовъ собора. Дѣйствительныя пользы Россіи именно состояли въ удержаніи Азова. Это оправдывается и всѣмъ послѣдующимъ направленіемъ нашей политики, за цѣлое столѣтіе: Петръ Великій стремился къ Азову, но по неблагопріятно сложившимся обстоятельствамъ долженъ былъ отказаться отъ него; позднѣе, въ томъ же направленіи дѣйствовала Екатерина Великая и окончательно закрѣпила Азовъ за Россіею. Если мы съ признательностью относимся къ стремленію этихъ государей на югъ, то съ такою же признательностью должны относиться и къ дѣятельности собора 1642 г., мнѣнія котораго предопредѣлили это стремленіе.

Переходимъ ко второму вопросу. Вопросъ о средствахъ удержанія Азова былъ разработанъ чинами, высказавшимися въ пользу этого удержанія, не съ меньшимъ вниманіемъ. Вопросъ этотъ, естественно, распадается на нѣсколько отдѣльныхъ. Дѣло идетъ не только объ удержаніи Азова, но и о войнѣ съ турками, которые по занятіи Азова московскими людьми могли отвѣтить вторженіемъ въ предѣлы Московскаго государства. Далѣе, для удержанія Азова и для войны съ турками нужны войско и денежныя средства. Такимъ образомъ, рѣшенію чиновъ собора подлежали четыре отдѣльныхъ вопроса. Они и дѣйствительно останавливаются на каждомъ изъ нихъ, хотя и не всѣ въ одинаковой мѣрѣ. Посадскіе судятъ только о денежныхъ средствахъ, такъ какъ дѣло военной службы имъ неизвѣстно. Городовые дворяне даютъ мнѣніе какъ о деньгахъ, такъ и о военныхъ силахъ, ибо

они несутъ личную военную службу и помогаютъ деньгами. При обсужденіи этихъ мнѣній надо имѣть въ виду особыя условія Московскаго государства и съ точки зрѣнія этихъ условій произносить свой приговоръ; упуская изъ виду особенности Московскаго государства, мы легко можемъ обвинить чиновъ Азовскаго собора въ томъ, въ чемъ они нисколько не виноваты. Московскіе люди, высказывая свое мнѣніе о способахъ удержанія Азова, стоятъ на почвѣ Московскаго государства и дѣйствовавшихъ въ немъ порядковъ. Они не вводятъ никакихъ реформъ (въ чемъ, въ виду предложеннаго имъ вопроса, и упрекнуть ихъ нельзя), а ограничиваются указаніемъ тѣхъ средствъ, которыя были подъ руками.

Держать Азовъ они предлагаютъ тѣми же донскими казаками, которымъ удалось отбить его у турокъ (на что изъявили готовность и сами донцы), пославъ имъ въ помощь охотниковъ, солдатъ и стрѣльцовъ. Это мнѣніе всѣхъ городовыхъ дворянъ, высказавшихся въ пользу принятія Азова, а также и 10 стольниковъ и 20 московскихъ дворянъ, сославшихся на волю государя. Дворянъ Московскаго государства упрекаютъ за этотъ совѣтъ.

Говорятъ, что они указываютъ на охотниковъ и солдатъ, а сами пойдти въ Азовъ не вызываются. Этотъ упрекъ покажется основательнымъ только тому, кто упуститъ изъ виду, какъ было устроено это дворянское войско. Людямъже Московскаго государства, которые это хорошо знали, не могла и въ голову прійти мысль о постоянномъ держаніи Азова дворянами, такъ эта задача не соотвѣтствовала характеру дворянскаго войска. Дворяне, выходя въ походъ, выводили съ собой людей своихъ въ полномъ вооруженіи и на коняхъ. Во все время похода они должны были содержать себя, людей и лошадей на свои собственныя средства. Съ этой цѣлью они везли за собой на особыхъ вьючныхъ лошадяхъ все необходимое продовольствіе. Если оно истощалось, они должны были покупать его на свои же деньги. Такое войско, естественно, могло дѣйствовать только въ теченіе сравнительно небольшихъ промежутковъ времени. Это, конечно, большое неудобство, но оно было свойственно и всѣмъ другимъ государствамъ Западной Европы, войска которыхъ тоже, въ свое время, состояли изъ воиновъ-помѣщиковъ. Обязанность обладателя рыцарскаго лена — выставить тяжело вооруженнаго человѣка и содержать его во время похода на свой счетъ—обыкновенно ограничивалась, по тѣмъ же соображеніямъ, 40 днями въ году. Употребить этихъ помѣщиковъ-воиновъ на постоянное занятіе Азова значило оставить ихъ безъ всякихъ средствъ. Въ виду этого дворяне и предлагаютъ для постояннаго занятія Азова такой разрядъ войскъ, который содержался государевымъ кормовымъ и денежнымъ жалованьемъ.

Это охотники, входившіе въ составъ солдатскихъ, стрѣлецкихъ и рейтарскихъ полковъ.

На пополненіе такого войска дворяне предлагаютъ взять даточныхъ людей, прибавляя „опричь нашихъ крѣпостныхъ и кабальныхъ". Эту оговорку тоже ставятъ въ упрекъ городовымъ дворянамъ, усматривая въ ней наивную щедрость на чужой счетъ. Въ дѣйствительности же, въ этой оговоркѣ отразился только обыкновенный порядокъ Московскаго государства, который перешелъ и въ Уложеніе 1649 г. Обязанность выставлять даточныхъ лежала, обыкновенно, на тѣхъ вотчинникахъ и помѣщикахъ, которые лично не могли выходить на службу. Сюда относились: патріархъ, монастыри, вдовы, сироты и пр.; ихъ даточные распредѣлялись по рейтарскимъ и солдатскимъ полкамъ. Служилые же дворяне только тогда давали даточныхъ, когда за старостію и болѣзнями не были способны сами выступить на войну. Въ противномъ случаѣ, выходя на войну лично, они выводили съ собой и людей своихъ. Брать съ нихъ даточныхъ значило бы брать съ нихъ вдвое противъ другихъ.

Таково мнѣніе чиновъ относительно занятія Азова. Относительно возможной войны съ турками, городовые дворяне предлагаютъ собрать все государство,—обыкновенный способъ встрѣчи непріятеля въ Московскомъ государствѣ, т. е. они предлагаютъ призвать всѣхъ, на комъ лежала военная служба, слѣдовательно, и ихъ. Указывая на это обыкновенное средство, они просятъ предварительно потребовать у всей земли роспись, сколько за кѣмъ крестьянъ, чтобы можно было каждаго обложить службой соотвѣтственно его силамъ. Пространное мнѣніе объ этомъ дворянъ Суздаля и другихъ городовъ, въ числѣ 41 человѣка, съ которымъ въ существѣ сходно и мнѣніе дворянъ мещерскихъ, коломенскихъ и другихъ городовъ, въ числѣ 63 человѣкъ, оканчивается такими словами: „и тутъ будетъ вся твоя государева земля готова противъ такихъ нечестивыхъ бусурманъ нашествія".

Наконецъ, что касается денежнаго и хлѣбнаго жалованья, то и здѣсь городовые дворяне различаютъ потребности настоящей минуты, именно содержаніе людей, которые будутъ посланы въ Азовъ, отъ потребностей войны, которая можетъ возгорѣться съ Турціей. Для удовлетворенія первой потребности они предлагаютъ собрать хлѣбъ съ украйныхъ городовъ, по близости ихъ къ Азову, „для скораго поспѣшенія", какъ они выражаются; а затѣмъ предлагаютъ вести войну средствами всего государства, собирая со всѣхъ, безъ выбора: „а хлѣбныхъ запасовъ вели, государь, взять со всей своей государевой земли, со всѣхъ безъ выбора, и тутъ, государь, запасовъ ратнымъ твоимъ людямъ будетъ много, не на одинъ годъ". Но и въ этомъ случаѣ, они предлагаютъ производить сборъ сообразно средствамъ каждаго, облагая богатыхъ

людей соотвѣтственно ихъ многимъ помѣстьямъ и животамъ. Ту же мысль, чтобы всѣ несли тягости войны, высказываютъ и посадскіе люди. Они просятъ, чтобы повинности были наложены „на всю землю и на всякихъ чиновъ людей, чтобы никто въ государевой землѣ въ избылыхъ не былъ“.

Чиновъ собора упрекаютъ въ томъ, что они не указываютъ, сколько же именно должно съ нихъ взять, а ссылаются на усмотрѣніе государя: „что ты, государь, укажешь положить на свою государеву землю“. Дѣйствительно, такія указанія, если и не отсутствуютъ совершенно, то во всякомъ случаѣ ихъ очень мало. Но точное опредѣленіе суммы всѣхъ издержекъ предстоящей войны и не могло быть сдѣлано: нельзя было, конечно, предвидѣть, во что эта война могла обойтись. Рѣшаясь на нее, чины собора берутъ на себя и всѣ издержки, заботясь о томъ только, чтобы онѣ равномѣрно падали на всѣхъ и чтобы избылыхъ не было. Затѣмъ, порядокъ участія въ этихъ издержкахъ каждаго отдѣльнаго чина не представлялся людямъ XVII в. въ такой степени неопредѣленнымъ, какъ онъ можетъ представляться намъ. Разсматриваемый случай участія всѣхъ въ издержкахъ войны не есть первый. Московскіе люди въ царствованіе Михаила Ѳедоровича не разъ призывались къ такому участію. Предшествовавшая практика установила уже, до нѣкоторой степени, и размѣры этого участія. Такъ, съ посадскихъ людей оно опредѣлялось пятой деньгой съ животовъ и промысловъ. Дворяне приносили по совѣсти, что могли, для чего представляли особыя росписи. Эта практика имѣлась, конечно, въ виду чинами собора. Въ мнѣніи же, поданномъ городовыми дворянами, встрѣчаемся даже съ попыткой опредѣленія ихъ служебныхъ и денежныхъ повинностей. Они просятъ, чтобы количество дворовъ, съ котораго должно было выводить вооруженнаго человѣка на содержаніи помѣщика, было опредѣлено единообразно для всѣхъ. Мѣрою такого опредѣленія они просятъ принять 50 дворовъ. У кого было болѣе этого количества, съ того предлагаютъ брать деньги, у кого менѣе, тому просятъ давать въ помощь денежное жалованье.

Мы привели существенныя черты отвѣтовъ чиновъ собора на царскіе вопросы, но не исчерпали всего ихъ содержанія. Какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ собранія представителей всегда давали поводъ къ принесенію жалобъ на недостатки современнаго порядка и злоупотребленія органовъ управленія. Порядки московскаго государства въ XVII в. представляли очень много темныхъ сторонъ; въ злоупотребленіяхъ администраціи недостатка также не было. Не останавливаясь на сколько нибудь подробной характеристикѣ недостатковъ управленія московской эпохи, ограничимся указаніемъ на крайнюю неравномѣр-

ность повинностей. Въ то время, какъ высшіе московскіе чины, богато одаренные помѣстьями, почти не чувствовали тягостей службы, на городовыхъ дворянъ обязанность службы падала крайне тяжелымъ бременемъ. Какъ разнилось положеніе служилыхъ чиновъ, видно изъ челобитной городовыхъ дворянъ, поданной ими за годъ до азовскаго собора. Изъ этой челобитной узнаемъ, что братья, племянники, дѣти и внуки городовыхъ дворянъ, не хотя съ ними государевой службы служить и бѣдности терпѣть, кидаютъ свои помѣстья и вотчины и бьютъ челомъ въ боярскіе дворы, окольничимъ, стольникамъ, дворянамъ московскимъ и инымъ людямъ даютъ на себя служилыя кабалы и женятся въ ихъ дворахъ на крѣпостныхъ жонкахъ и дѣвкахъ. Такимъ образомъ, были дворяне, которые считали для себя болѣе выгоднымъ поступить въ крѣпостную зависимость другихъ дворянъ, чѣмъ пользоваться помѣстьями и нести съ нихъ государеву службу. Значитъ, одѣленіе помѣстьями и служба съ нихъ были крайне неравномѣрны. Въ виду этого, можно ли винить городовыхъ дворянъ, что, разсуждая о средствахъ веденія войны, они особенно указываютъ государю на бояръ и ближнихъ людей, которые пожалованы многими помѣстьями „противъ ихъ чести и тебѣ, государю, ихъ службы“, прибавляютъ они почтительно; указываютъ на свою братію служилыхъ людей, которые назначаются къ корыстовымъ дѣламъ; указываютъ на дьяковъ и подъячихъ, которые „пожалованы государевымъ денежнымъ жалованьемъ и помѣстьями и вотчинами, и будучи безпрестанно у государевыхъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ своимъ мздоимствомъ, накупили многія вотчины и домы строили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь-сказаемыя— указываютъ на все это и просятъ обложить эти чины противъ домовъ ихъ и пожитковъ, а съ вотчинъ и помѣстій взять конныхъ ратныхъ людей? Подобно этому они дѣлаютъ особое указаніе на патріаршія и монастырскія имущества. Здѣсь за нихъ и самый законъ. Соборнымъ опредѣленіемъ 1580 г. было воспрещено отдавать по душѣ вотчины въ монастыри. Несмотря на это, монастыри продолжали пріобрѣтать ихъ въ ущербъ служилымъ людямъ. Дворяне были въ правѣ указать на этотъ источникъ государственныхъ средствъ; они въ правѣ были сдѣлать даже болѣе: они могли просить, какъ чины собора 1648 г., отобрать всѣ эти пріобрѣтенія, сдѣланныя въ нарушеніе закона, и раздать имъ въ помѣстья. Но дворяне азовскаго собора, не смотря на предстоявшую имъ войну, поступили сдержаннѣе дворянъ собора 1648 г.: они просятъ, чтобы ихъ бѣдныхъ, разоренныхъ, безпомѣстныхъ, пустомѣстныхъ и малопомѣстныхъ государь велѣлъ взыскать своею милостію, помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ, но объ отобраніи монастырскихъ вотчинъ не говорятъ.

Подобно тому, какъ городовые дворяне жалуются, что они раззорены московскою волокитою и неправедными судами больше, чѣмъ крымскими и турскими бусурманами, жалуются и посадскіе люди на тягость своей тяглой службы, на тягость повинностей, на конкурренцію иностранцевъ, на обиды воеводъ. „А торжишки, государь, говорятъ они, стали у насъ гораздо худы, потому что всякіе наши торжишки на Москвѣ и въ городахъ отняли иноземцы; а въ городахъ всякіе люди обнищали и исхудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ“. Возможность такихъ прямыхъ заявленій и составляетъ одну изъ хорошихъ сторонъ созванія выборныхъ людей. Откуда же и узнать было московскому государю истину о положеніи дѣлъ въ государствѣ, какъ не изъ этого непосредственнаго общенія съ представителями земли? Мы упрекнули бы этихъ выборныхъ XVII в., еслибы жалобы ихъ были неосновательны. Но справедливости ихъ, судя по всѣмъ современнымъ извѣстіямъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія заподозрить. При этихъ условіяхъ, чины азовскаго собора заслужили бы осужденіе, еслибы скрыли отъ правительства настоящее положеніе дѣлъ и тѣмъ ввели его въ заблужденіе.

Въ виду несомнѣнно бѣдственнаго положенія страны, которое сознавалось всѣми чинами собора, мнѣніе большинства объ удержаніи Азова получаетъ, въ нашихъ глазахъ, особенно высокое значеніе. Азовскій вопросъ былъ рѣшонъ ими не съ эгоистической точки зрѣнія кошелька, ибо тогда всего лучше было бы отказаться отъ обладанія Азовомъ и войны съ турками; а съ точки зрѣнія истинныхъ пользъ и нуждъ Московскаго государства.

Любопытно, что наиболѣе выработанное мнѣніе подано большинствомъ городовыхъ дворянъ (104 изъ 113), за которыми слѣдуютъ всѣ посадскіе (32 человѣка). Стольники же (10 человѣкъ) и всѣ московскіе дворяне (22), за исключеніемъ двухъ, почти по всѣмъ вопросамъ ограничились ссылкою на волю государя. А между тѣмъ эти два послѣдніе разряда находились въ особой близости ко двору государя и были по преимуществу взыскиваемы царскими милостями. Придворная жизнь, какъ видно, не вела въ Московскомъ государствѣ къ развитію политическаго смысла. Приведенное выше мнѣніе посадскихъ людей о причинахъ удержанія Азова особенно знаменательно. Изъ предшествующаго мы знаемъ, что посадскіе люди азовскаго собора состояли едвали не исключительно изъ московскихъ сотенъ. Для нихъ непосредственно указанныя ими невыгоды потери Азова, по ихъ отдаленности отъ этого города, могли быть всего менѣе чувствительны; тогда какъ издержки войны падали и на нихъ. Это не помѣшало имъ, однако, подать мнѣніе съ точки зрѣнія общихъ нуждъ Московскаго государства, а не своихъ личныхъ.

Подведемъ итоги.

Всѣхъ членовъ, подавшихъ мнѣнія, было 181, а съ духовенствомъ 206. Изъ нихъ:

1) по вопросу о принятіи Азова и войнѣ съ турками за принятіе Азова и войну съ турками высказалось 138 человѣкъ. Отказались дать свое мнѣніе 43 человѣка служилыхъ людей и 25 духовныхъ особъ,—послѣднія ссылаясь на то, что это дѣло имъ не за обычай; всего 68 человѣкъ.

2) по вопросу о средствахъ удержанія Азова,—за удержаніе его донскими казаками и охотниками, состоящими на государевомъ жалованьи, высказалось 136 служилыхъ людей. Остальные 13 сослались на волю государя; духовенство и посадскіе также не высказали своего мнѣнія на томъ основаніи, что дѣла этого рода имъ не за обычай; всего 70 человѣкъ.

3) по вопросу о способахъ веденія войны съ турками изъявили готовность лично принять въ ней участіе 129 служилыхъ людей, изъ числа которыхъ 104 человѣка представили подробное мнѣніе о веденіи этой войны силами всего государства. Не подали мнѣнія 20 служилыхъ людей, всѣ посадскіе и духовенство на томъ же основаніи, всего 77 человѣкъ.

4) по вопросу о денежныхъ средствахъ для войны изъявили готовность нести издержки войны—163 человѣка, въ томъ числѣ все духовенство и всѣ посадскіе; 138 человѣкъ изъ числа этихъ 163 высказались, кромѣ того, въ пользу равномѣрнаго распредѣленія издержекъ войны на все государство. Не подали мнѣнія, ссылаясь на волю государя, 43 служилыхъ человѣка.

Если мы изъ этихъ итоговъ исключимъ цифры тѣхъ членовъ собора, которые по особенностямъ своего сословнаго положенія не могли имѣть своего мнѣнія о нѣкоторыхъ изъ предложенныхъ собору вопросахъ, то получимъ слѣдующій результатъ голосованія: по первому вопросу 138 голосовъ противъ 43; по второму—136 противъ 13; по третьему—129 противъ 20; по четвертому—163 противъ 43. Во всѣхъ этихъ четырехъ случаяхъ, меньшинство дало не отрицательные отвѣты, а только отказалось отъ подачи своего мнѣнія, напередъ присоединившись къ мнѣнію правительства *).

Такое голосованіе можетъ сдѣлать честь патріотизму любаго собранія представителей.

Не смотря на патріотическій отвѣтъ чиновъ собора 1642 г., Михаилъ Ѳедоровичъ не нашелъ возможнымъ подвергнуть изнуренную страну опасностямъ новой войны и приказалъ донскимъ

---

*) Выскажись государь въ пользу войны, мы имѣли бы наглядный примѣръ единогласнаго соборнаго рѣшенія.

казакамъ очистить Азовъ. Это распоряженіе царя не измѣняетъ существа дѣла: значительное большинство членовъ собора высказалось въ духѣ истинныхъ нуждъ Россіи и, въ этомъ смыслѣ, навсегда рѣшило азовскій вопросъ; но время не представляло достаточныхъ средствъ для исполненія рѣшенія. Позднѣйшая политика нашихъ государей оправдываетъ мнѣнія чиновъ азовскаго собора и служитъ имъ лучшей похвалой.

XI. Земскіе соборы Московскаго государства представляются несомнѣнно полезными, какъ средство непосредственнаго общенія государя съ землей: изъ челобитныхъ выборныхъ людей государи прямо знакомились съ потребностями страны, недостатками управленія и злоупотребленіями органовъ администраціи. Изъ предшествовавшаго мы видѣли, что московскіе выборные люди стояли въ уровень съ тѣмъ высокимъ призваніемъ, съ которымъ московскіе государи обращались къ нимъ. Отчего же соборы вышли изъ употребленія, отчего Алексѣй Михайловичъ, обращавшійся въ первыя 8 лѣтъ своего продолжительнаго царствованія не менѣе четырехъ разъ къ содѣйствію выборныхъ людей, въ остальные 23 года, не созвалъ ни одного собора?

Если-бы подобный вопросъ былъ намъ предложенъ относительно французскихъ генеральныхъ штатовъ, которые перестаютъ созываться уже въ первой половинѣ XVII в., мы не затрудняясь сказали бы, что вина падаетъ частью и на самихъ выборныхъ людей. Благодаря легкой впечатлительности и порывистости французскаго характера, генеральные штаты уже въ половинѣ XIV в. начинаютъ заявлять притязанія съ цѣлью расширить свою власть насчетъ королевскихъ правъ: они начинаютъ вмѣшиваться въ опредѣленіе личнаго состава королевскаго совѣта, требуютъ, чтобы ихъ челобитныя принимались безъ всякихъ измѣненій и непремѣнно получали силу закона; они, наконецъ, поднимаютъ вопросъ о народномъ верховенствѣ. Для проведенія подобныхъ нововведеній они пользуются самыми критическими минутами французскаго государства, какъ напримѣръ въ 1356 г., когда королевскія войска потерпѣли пораженіе при Пуатье и самъ король былъ взятъ въ плѣнъ. Этимъ рѣзкимъ стремленіемъ къ расширенію своей власти они, естественно, вызвали французскихъ королей на борьбу, результатомъ которой было не дальнѣйшее развитіе генеральныхъ штатовъ, а ихъ смерть, и та нелюбовь къ идеѣ народнаго представительства, которая сдѣлалась семейнымъ чувствомъ членовъ французскаго королевскаго дома.

Г-жа Кампанъ, въ своихъ мемуарахъ, расказываетъ, что разъ вечеромъ, къ кабинетѣ Людовика XV, происходилъ разговоръ по поводу нѣкоторыхъ затрудненій, которыя тогда испытывало французское правительство. Одинъ изъ присутствующихъ высказалъ мысль, что затрудненія эти должны привести къ созванію генеральныхъ

штатовъ. Король, обыкновенно спокойный, при этихъ словахъ быстро оживился, взялъ виновника ихъ за руку и горячо сказалъ ему: «милостивый государь, никогда не повторяйте этихъ словъ. Я не пылкій человѣкъ, но если бы я имѣлъ брата и онъ былъ способенъ дать мнѣ подобный совѣтъ, не медля ни минуты, я пожертвовалъ бы имъ для спасенія монархіи и спокойствія королевства».

Людовикъ XV очень ошибался. Для спасенія монархіи во Франціи именно не слѣдовало прерывать общенія съ представителями народа. Но если короли поддались чувству малодушнаго страха и удалились отъ народа, мы все-таки должны признать, что къ такому печальному исходу они были вызваны враждебными монархическому началу партіями въ средѣ самыхъ генеральныхъ штатовъ.

Но отчего же Алексѣй Михайловичъ не созвалъ ни одного собора въ теченіи послѣднихъ 23 лѣтъ своего царствованія? Были ли у насъ враждебныя царской власти партіи? Такихъ партій на нашихъ соборахъ никогда не было. Московскіе выборные люди всегда отличались преданностію монархическому началу и не обнаруживали ни малѣйшаго стремленія выйти изъ тѣхъ границъ, которыя указывались имъ волею государей; они всегда стояли на почвѣ закона; свои жалобы они приносили всегда въ самой почтительной формѣ. Ихъ дѣятельность никогда не могла казаться опасною нашимъ государямъ, которымъ должны быть совершенно чужды опасенія, погубившія французскій королевскій домъ. Наконецъ, чины московскаго государства никогда не оказывались враждебными тѣмъ реформамъ, которыя вызывались благомъ государства. Доказательство этому имѣемъ въ соборѣ 1682 г., который рѣшилъ отмѣну права мѣстничества, столь дорогаго для большихъ московскихъ родовъ.

На поставленный выше вопросъ, нѣкоторые писатели отвѣчаютъ: соборы вышли изъ употребленія потому, что не носили въ себѣ задатковъ жизни, они исчезли вслѣдствіе внутренняго своего ничтожества. Писатели этого направленія, для доказательства своей мысли, выбираютъ Азовскій соборъ и на немъ стараются демонстрировать признаки этой естественной смерти. Мы видѣли, что эти усилія напрасны. Россія можетъ гордиться дѣяніями Азовскаго собора. Только люди, преклоняющіеся предъ всякимъ совершившимся фактомъ, будутъ искать вину смерти извѣстнаго учрежденія исключительно въ свойствахъ самаго учрежденія: умерло,— значитъ не носило въ себѣ условій жизненности. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія, которымъ можно оправдать всякую побѣду, какія бы побужденія за ней ни скрывались. Если учрежденіе перестало существовать, то, конечно, были причины, которыя привели его къ смерти. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что онѣ всѣ лежали въ самомъ учрежденіи.

Московскіе соборы не сами собой появились на свѣтъ, не сами собой и исчезли. Они призваны къ жизни волею государей; перестали дѣйствовать потому, что государи перестали ихъ созывать. Въ жизни соборовъ, какъ мы видѣли, не было ничего, что-бы могло не нравиться самимъ государямъ. Наоборотъ, въ патріотической дѣятельности ихъ московскіе государи всегда находили поддержку всѣмъ своимъ благимъ начинаніямъ. Соборы всегда стояли на стражѣ закона и безопасности государства. Если государи перестали созывать соборы, то причину этого надо искать въ стороннихъ вліяніяхъ, которымъ было выгодно представить соборы, какъ учрежденіе безполезное. Кто-же могъ вліять въ этомъ смыслѣ на волю Алексѣя Михайловича? Кому дѣятельность выборныхъ людей могла быть непріятна?

Изъ того, что мы знаемъ о дѣяніяхъ соборовъ 1619 и 1642 г. и изъ челобитныхъ собора 1648 г., дѣятельность выборныхъ должна была не нравиться боярамъ, окольничимъ, ближнимъ и приказнымъ людямъ и едва-ли не всего болѣе — духовнымъ властямъ.

Выборные люди указываютъ на злоупотребленія органовъ высшаго московскаго правительства, они говорятъ о московской волокитѣ и неправедныхъ московскихъ судахъ, которые для нихъ пуще татарскаго погрома. Они указываютъ на цѣлыя слободы, которыя построены боярами въ городахъ и около, въ которыхъ живутъ ихъ ремесленные и торговые люди, ремеслами и торговлею занимаются, а государевыхъ податей не платятъ. По ихъ челобитью, эти слободы отбираются на государя. Духовенство также не было оставлено ими въ покоѣ. Оно также владѣетъ слободами въ городахъ и около; мало того, не смотря на запрещеніе собора 1580 г., оно продолжаетъ пріобрѣтать вотчины по душѣ. Выборные люди 1648 г. просятъ, чтобы эти новыя пріобрѣтенія были отобраны и розданы имъ въ помѣстья. По ихъ челобитью, городскія и подгородныя слободы патріарха, митрополитовъ и другихъ взяты на государя, запрещеніе пріобрѣтать вотчины по душѣ вновь подтверждено уложеніемъ, а о пріобрѣтенныхъ уже вотчинахъ приказано собрать справки. Могла-ли такая дѣятельность мелкихъ городовыхъ дворянъ и посадскихъ нравиться сильнымъ ближнимъ людямъ и сильному духовенству? На соборѣ 1642 г. было небольшое меньшинство городскихъ дворянъ (9 человѣкъ), подавшихъ отдѣльныя отъ остальныхъ мнѣнія. Мнѣнія эти, при всей ихъ краткости, въ свою очередь знаменательны. Три владимірскихъ дворянина на вопросъ объ удержаніи Азова говорятъ: въ томъ воленъ государь и его бояре; на вопросъ. гдѣ взять средства, отвѣчаютъ: гдѣ государь укажетъ и его государевы бояре; наконецъ, заявляя о своей бѣдности, они прибавляютъ: о бѣдности нашего города вѣдомо

ему государю и его государевымъ боярамъ. Вездѣ бояре поставлены рядомъ съ государемъ, ихъ воля рядомъ съ его волею. Шесть остальныхъ дворянъ называютъ бояръ „своими вѣчными господами промышленниками". Это смиренное указаніе на могущество бояръ, которые всегда и во всемъ прикрывались именемъ царя, едва-ли могло быть пріятнѣе указанія на ихъ слободы. Высшіе чины и духовныя власти имѣли слишкомъ много причинъ, чтобы удерживать Алексѣя Михайловича отъ созванія выборныхъ людей, а какъ постоянные совѣтники государя, они имѣли и много средствъ подъ руками, чтобы выставить соборы, какъ учрежденіе ни на что не нужное. Этимъ вліяніемъ и слѣдуетъ объяснять тотъ фактъ, что соборы исчезли изъ нашей государственной практики. Для борьбы съ боярами были они созваны въ первый разъ. На злоупотребленія бояръ указываютъ они и при Алексѣѣ Михайловичѣ. Но борьба эта велась не одинакимъ оружіемъ и не при равныхъ условіяхъ. Бояре были ближе къ царю и успѣли, наконецъ, удалить отъ лица его представителей земли.

2). *Исторія верховной власти въ Имперіи.*

Въ имперіи завершается сложеніе абсолютной власти русскихъ государей и она получаетъ точное свое выраженіе въ законѣ. Это сдѣлано Петромъ I въ Воинскомъ уставѣ. Въ толкованіи артикула 20-го говорится: „Его Величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять". Но этимъ дѣло не ограничилось. Императоръ Петръ имѣлъ намѣреніе объяснить своему народу, почему онъ имѣетъ такую власть, въ силу какихъ разумныхъ основаній принадлежитъ она ему; вотъ почему къ опредѣленію закона онъ прибавляетъ теоретическое оправданіе своей власти. Такую попытку объясненія необходимости неограниченной власти встрѣчаемъ въ памятникѣ, извѣстномъ подъ названіемъ: „Правда воли Монаршей". „Правда" была составлена Феофаномъ Прокоповичемъ по случаю устраненія царевича Алексѣя отъ престола, возбудившаго въ обществѣ неудовольствіе, толки и всякаго рода молву. Въ виду этого, Петръ нашелъ необходимымъ уяснить народу свои права, какъ государя. Съ этою цѣлью было поручено Феофану Прокоповичу написать трактатъ, который и былъ опубликованъ въ 1722 г. По восшествіи на престолъ императрицы Екатерины I, „Правда воли Монаршей" была вновь издана, а потомъ, какъ оффиціальный актъ, напечатана въ Полномъ Собр. Закон. въ 7 томѣ подъ № 4880.

Въ этомъ документѣ Петръ высказываетъ свой взглядъ на основанія монархической неограниченной власти. Объясненіе происхожденія монархической власти взято Прокоповичемъ изъ теоретическихъ сочиненій того времени, а именно изъ сочиненія Гуго-Гроція, а частью, можетъ быть, и изъ Гоббеса. Вопросъ о томъ, на какихъ основаніяхъ зиждется власть и почему подданные должны ей подчиняться, занималъ многихъ мыслителей западной Европы XVII в. Сочиненіями ихъ и воспользовался Феофанъ Прокоповичъ.

Гуго-Гроцій выводитъ всякую власть изъ договора. Онъ находитъ, что разумное основаніе, по которому человѣкъ подчиняется власти, есть его добровольное соглашеніе, выражаемое въ договорѣ, въ силу чего власть и предоставляется извѣстному лицу. Этотъ договоръ можетъ быть явнымъ, формально заключеннымъ, или подразумѣваемымъ. Покоренный народъ подчиняется побѣдителю; здѣсь нужно подразумѣвать молчаливое соглашеніе, хотя и не добровольное, но, всетаки, соглашеніе: терпитъ власть, слѣдовательно, соглашается. Такимъ образомъ, какова-бы ни была власть,—единоличная, или принадлежащая многимъ, добровольно признанная или нѣтъ, Гроцій предполагаетъ предшествующій договоръ, иногда совершенно свободный, а иногда вынужденный насиліемъ. У Гроція договоръ является философскимъ объясненіемъ происхожденія всякой власти.

У Гоббеса встрѣчаемся съ выведеніемъ власти также изъ договора, но съ практической цѣлью оправдать дѣятельность Стюартовъ въ Англіи. По природѣ, говоритъ онъ, всѣ люди одарены совершенно одинаковыми правами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый человѣкъ отъ природы одаренъ эгоистическимъ стремленіемъ освоить для себя исключительно то, что дано всѣмъ. Вслѣдствіе такого стремленія отдѣльныхъ лицъ, въ естественномъ состояніи возникаетъ борьба всѣхъ противъ всѣхъ, съ цѣлью стать въ наилучшее положеніе. Находясь въ такомъ крайне безпорядочномъ естественномъ состояніи, человѣкъ вынуждается отказаться отъ тѣхъ правъ, которыя онъ имѣетъ по природѣ. Чтобы установить сколько-нибудь сносный порядокъ, чтобы прекратить борьбу всѣхъ противъ всѣхъ, люди, по необходимости, создаютъ власть, перенося на нее всѣ тѣ права, которыми они пользовались до того времени, при чемъ эта власть можетъ принадлежать или одному лицу или многимъ—аристократіи. Въ обществѣ возникаетъ власть по договору, но по договору подданныхъ другъ съ другомъ, а не по договору подданныхъ съ одной стороны и власти съ другой. Подданные, при этомъ, говорятъ другъ другу: я переношу всѣ тѣ права, которыя имѣю, на такое-то лицо съ тѣмъ, чтобы и ты перенесъ на то-же лицо всѣ свои права, всю свою власть. Такимъ образомъ возникаетъ власть, на которую

безповоротно переносятся всѣ права, принадлежащія отдѣльнымъ лицамъ, т. е. возникаетъ власть абсолютная, неограниченная. У подданныхъ не остается никакихъ правъ, потому что, въ противномъ случаѣ, опять произошла-бы борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Выставляя такую теорію, Гоббесъ имѣлъ въ виду практическую цѣль, онъ желалъ оправдать Стюартовъ, которые нарушали старинныя вольности англійскаго народа. Гоббесъ пытался доказать, что они имѣютъ право не соблюдать никакихъ народныхъ преимуществъ, потому что народъ перенесъ на нихъ всѣ свои права.

Эти воззрѣнія перешли и въ „Правду воли Монаршей". Она также отправляется отъ договорнаго происхожденія государства и власти: „и сама наслѣдная монархія имѣетъ начало отъ перваго въ народѣ соглашенія, сіе-же глаголемъ не только о честномъ и правильномъ началѣ монархіи (т. е. о монархіи, возникшей безъ насилія), но и о монархіяхъ, которыя начало воспріяли отъ превозмогающаго въ народѣ человѣка, насиліемъ себѣ народъ покорившаго; самъ народъ добровольнымъ своимъ преклоненіемъ являетъ на то свою волю". „Правда" утверждаетъ, что россійскіе подданные должны были изначала заключить такой договоръ между собою: „согласно вси хощемъ, да ты, государь, къ общей нашей пользѣ владѣеши нами вѣчно, т. е. понеже ты смертенъ, то по себѣ ты напередъ оставляешь намъ наслѣдняго владѣтеля; мы-же единожды воли нашея совлекшеся, никогда-же впредь, ниже по смерти твоей, оной употребляти не будемъ, но какъ тебѣ, такъ и наслѣдникамъ твоимъ подчиняться клятвеннымъ обѣщаніемъ обязуемся". Договоръ заключается не между подданными и государемъ, а только между подданными, которые переносятъ разъ на всегда всѣ свои права на государя. Послѣдствія этого договора сами собою подразумѣваются, но составитель Правды не ограничился изложеніемъ одного только содержанія договора, а перечисляетъ и всѣ его послѣдствія. Они заключаются въ томъ, 1) что народъ долженъ безпрекословно подчиняться волѣ государя; онъ воли своея совлекся и отдалъ ее монарху,—поэтому онъ долженъ исполнять безпрекословно все то, что монархъ прикажетъ; 2) народъ не можетъ судить своего государя. Если допустить, что народъ имѣетъ право судить государя, то нужно предположить, что у народа остались нѣкоторыя права, что невозможно, такъ какъ онъ всѣ свои права перенесъ на государя; 3) народъ не можетъ что-нибудь повелѣть своему государю, не можетъ перемѣнить его, хотя-бы онъ оказался не такимъ, какимъ народъ ожидалъ его видѣть; 4) государь можетъ закономъ повелѣть своему народу не только все то, что къ его пользѣ относится, но и все то, что ему только

понравится. Въ „Правдѣ воли Монаршей“ находимъ полное развитіе безусловной власти монарха.

Вслѣдъ за этимъ точнымъ опредѣленіемъ безусловной власти, встрѣчаемся и съ попыткой ограничить ее.

Импер. Петръ II умеръ неожиданно для всѣхъ; наканунѣ смерти онъ почувствовалъ даже облегченіе, но болѣзнь внезапно получила неблагопріятный оборотъ и онъ умеръ въ ночь. съ 18 на 19 Января. Придворная партія не была приготовлена къ рѣшенію вопроса, кого возвести на престолъ. Какъ только разнеслась вѣсть о смерти императора, немедленно съѣхались во дворцѣ всѣ высшіе чины: члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, Синода, Сената и весь генералитетъ. Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта собрались отдѣльно отъ другихъ для обсужденія вопроса о преемствѣ престола. Въ ихъ средѣ высказывались самыя разнообразныя мнѣнія: указывали на царицу бабку, Евдокію, на Елизавету, дочь Петра, Долгорукій указалъ на свою дочь, съ которой б. обрученъ Петръ II, на томъ основаніи, что будто бы покойный оставилъ завѣщаніе, въ которомъ называетъ свою невѣсту императрицею. Въ этой нерѣшительности Дмитрій Михайловичъ Голицынъ высказался въ пользу Анны Іоанновны, герцогини Курляндской.Это предложеніе встрѣтило значительное сочувствіе, такъ какъ другія казались еще менѣе подходящими; многіе закричали: «нечего больше толковать, выбираемъ Анну». Так. обр. произошло въ Верх. Тайн. Совѣтѣ избраніе Анны Іоанновны. Это избраніе и повело за собою попытку ограничить монархическую власть. Князь Дм. Мих. Голицынъ былъ представителемъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій. Онъ считалъ непристойнымъ для себя играть роль фаворита, а потому держался вдалекѣ отъ придворныхъ партій. Какъ человѣкъ знатнаго рода, онъ неодобрительно смотрѣлъ на бракъ Петра В. съ Екатериною, женщиною худородною, а потому и къ потомству отъ этого брака относился безъ всякаго сочувствія. Вотъ почему онъ предложилъ Анну Іоан., герцогиню Курляндскую, дочь Іоанна Алексѣевича, а не кого либо изъ нисходящихъ Петра В. У Анны Іоан. была еще сестра, Екатерина, состоявшая въ супружествѣ за герцог. Мекленбургскимъ, но герцогъ Мекленбургскій былъ еще живъ, а потому Голицынъ боялся, что онъ можетъ принять дѣятельное участіе въ управленіи и не допуститъ ограниченія власти монархической; онъ предложилъ на престолъ вдову, по отношенію къ которой легче можно было осуществить мысль объ ограниченіи власти. Когда значительное большинство членовъ высказалось въ пользу Анны Іоанновны, Голицынъ обратился къ нимъ съ такою рѣчью: „веля ваша, кого хотите, того и избрать можете, только намъ нужно себя полегчить.“ „Какъ себя полегчить?“ спросили его. „Такъ полегчить, чтобы воли себѣ прибавить“. Далѣе онъ продолжалъ: „будь воля ваша, только нужно

написать пункты и послать къ Ея Величеству„. Противъ этого никто не возражалъ. Пункты были написаны въ ночь съ 18 на 19 января, а 19 янв. отправлены къ Аннѣ въ Курляндію. Все это происходило тайкомъ, въ средѣ немногихъ верховниковъ. Сенатъ и генералитетъ не были приглашены къ составленію пунктовъ, даже въ самомъ избраніи императрицы имъ пришлось играть только пассивную роль. Вслѣдствіе этого, все предпріятіе съ самаго начала возбудило противъ себя очень многихъ. Самые пункты были написаны крайне поспѣшно, не обдуманно и исключительно въ пользу членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Большинство пунктовъ относилось до порядка правленія, одинъ касался семейнаго положенія императрицы,—ей воспрещалось вступать въ бракъ. О порядкѣ законодательства верховники совсѣмъ забыли. Импер. не должна была назначать себѣ наслѣдника и не имѣла права отмѣнить существованіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Этотъ Совѣтъ былъ учрежденъ Екатериной I изъ людей, пользовавшихся особеннымъ ея довѣріемъ; при восшествіи на престолъ Анны онъ состоялъ изъ 8 лицъ: двухъ Голицыныхъ, 4-хъ Долгорукихъ, канцлера Головкина и Остермана. Всѣ ограниченія верховной власти были сдѣланы въ пользу Верх. Тайн. Совѣта. Безъ его согласія императрица не должна была объявлять войны, заключать мира, установлять новые налоги и производить расходы; она не могла возводить въ чины выше полковника, а придворныхъ должностей никакихъ не могла давать. Это объясняется опасеніемъ, чтобы придворные чины, назначаемые императрицею по ея усмотрѣнію, не повліяли на государыню въ неблагопріятномъ для В. Т. С. смыслѣ. Члены Верх. Тайн. Совѣта желали сами назначать составъ придворн. штата. Императрица не должна была раздавать вотчинъ и деревень безъ согласія В. Т. Совѣта и лишать кого либо изъ шляхетства имѣнія и чести безъ суда. Наконецъ, начальство надъ войскомъ принадлежитъ не императрицѣ, а В. Т. Совѣту. По всѣмъ предшествующимъ пунктамъ императрица принимаетъ участіе въ управленіи, хотя и дѣйствуетъ съ согласія членовъ В. Т. Совѣта; что же касается войска, то она совершенно устраняется отъ управленіи имъ: всѣ распоряженія о войскѣ идутъ отъ одного Совѣта. Въ случаѣ неисполненія какого либо изъ этихъ пунктовъ импер. должна оставить престолъ.

Разсматривая эти пункты, легко замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ идутъ крайне далеко: стѣсняютъ семейное положеніе императрицы и совершенно устраняютъ ея участіе въ дѣлахъ управленія, а рядомъ съ этимъ порядокъ законодательства совсѣмъ обойденъ молчаніемъ. Не мудрено, что такая попытка была встрѣчена очень несочувственно. До насъ дошли выраженія неудовольствія съ разныхъ сторонъ. Сохранилось письмо одного современника въ которомъ говорится: „слышно здѣсь, что дѣлается у васъ

въ Москвѣ, чтобы у насъ быть республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ. Боже сохрани, чтобы не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя 10 самовластныхъ и сильныхъ фамилій: и тогда мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и будемъ принуждены горше прежняго идолопоклонничать и милости просить". Между высокопоставленными лицами, не попавшими въ число верховниковъ, также возникло неудовольствіе. Хотя верховники приняли мѣры, чтобы императрица не узнала, что пункты — дѣло не многихъ, генералъ-прокурору Ягужинскому удалось, однако, сообщить ей, что пункты не пользуются сочувствіемъ общества. Въ этомъ случаѣ Ягужинскій дѣйствовалъ, кажется, по побужденіямъ не очень чистымъ: первоначально онъ былъ на сторонѣ верховниковъ, надѣясь сдѣлаться членомъ В. Т. Совѣта, но такъ какъ онъ въ этомъ обманулся, то и сообщилъ императрицѣ подкладку пунктовъ. Но недовольство пунктами не надо понимать въ томъ смыслѣ, что самая мысль объ ограниченіи не находила сочувствія. Еще до пріѣзда императрицы въ Москву отъ шляхетства стали поступать предложенія въ В. Т. Совѣтъ о томъ, какъ бы слѣдовало устроить новое правительство. Въ этихъ предложеніяхъ, между прочимъ, требовалось увеличеніе членовъ В. Т. Совѣта до 12, 15 и даже до 21, но пополненіе предполагалось произвести только изъ высшаго сословія.

Анна согласилась вступить на престолъ на основаніи пунктовъ и подписала ихъ. Передъ торжественнымъ въѣздомъ въ Москву она остановилась въ селѣ Всесвятскомъ. Здѣсь уже начались мелкія столкновенія между императрицею и членами В. Т. Совѣта. Одинъ изъ членовъ Совѣта, пріѣхавшій ее поздравить вмѣстѣ съ другими, поднесъ ей, какъ бы отъ лица В. Т. Совѣта, орденъ Андрея Первозваннаго. Импетатрица на это замѣтила: „ахъ, я и забыла его надѣть", намекая на то, что она сама имѣетъ право надѣть этотъ орденъ. Затѣмъ послѣдовалъ торжественный въѣздъ въ Москву и водвореніе императрицы во дворцѣ. Верховники, знавшіе, что многіе недовольны пунктами, что шляхетство подаетъ новые проекты устройства верховной власти, приняли мѣры, чтобы недовольные не имѣли доступа во дворецъ. Не смотря на это, противной партіи, во главѣ которой стояли: Черкасскій, Трубецкой и Чернышевъ, удалось собраться въ значительномъ числѣ (до 800 чел.) около дворца. Императрица приняла ихъ и выслушала рѣчь, въ которой собравшіеся благодарили ее за принятіе пунктовъ (въ принципѣ они одобряли планъ Голицына), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они заявляли, что пункты эти заключаютъ въ себѣ условія, заставляющія опасаться вреда для народа и неблагопріятныхъ событій, которыми могутъ воспользоваться враги отечества, и что они, послѣ зрѣлаго размышленія, дѣлали представленія В. Т. Совѣту, требуя, чтобы общимъ согласіемъ была установлена лучшая

форма правленія, на что члены Совѣта отвѣчали, что безъ соизволенія императрицы они ничего сдѣлать не могутъ. Зная милосердіе императрицы, собравшіеся покорнѣйше просятъ „разсмотрѣть различные проекты и призвать для этой цѣли одну или двѣ персоны отъ каждой фамиліи съ тѣмъ, что-бы установлена была такая форма, которая угодна всему народу“. Императрица соизволила. Но въ тотъ моментъ, когда она подписывала челобитную, изъ толпы собравшихся послышался шумъ: „не хотимъ, говорили гвардейскіе офицеры, чтобы государынѣ предписывали законы; она должна быть такою же самодержавною, какъ и ея предшественники“. Этотъ шумъ непріятно подѣйствовалъ на государыню. Говорятъ, что она обратилась къ шумѣвшимъ съ выраженіемъ неудовольствія на лицѣ. Это дало поводъ къ еще болѣе шумному заявленію вѣрноподданническихъ чувствъ. Нѣкоторые изъ кричавшихъ стали на колѣна и говорили: „мы вѣрно служили прежнимъ великимъ государямъ; прикажи, и мы принесемъ къ ногамъ твоимъ головы твоихъ злодѣевъ“. По всей вѣроятности, эти угрозы относились къ верховникамъ. Въ виду этого и шляхетство не захотѣло отстать отъ гвардейскихъ офицеровъ въ выраженіи чувствъ подданнической вѣрности и также спѣшило просить императрицу принять самодержавіе „такое, какое имѣли ея славные и достохвальные предки“. Къ этому шляхетство присоединило просьбу отмѣнить В. Т. Совѣтъ и возстановить Сенатъ въ прежнихъ правахъ. Въ силу этихъ заявленій вѣрноподданническихъ чувствъ, конецъ аудіенціи совершенно не соотвѣтствовалъ началу: императрица согласилась отмѣнить В. Т. Совѣтъ, возстановить Сенатъ въ его прежнихъ правахъ и разорвала пункты.

Изъ послѣдующихъ государей на формѣ русскаго государственнаго устройства остановились императрица Екатерина II и Александръ I. Свои мысли Екатерина высказала въ Наказѣ коммиссіи. По ея мнѣнію, для Россіи необходима монархическая неограниченная форма правленія. Но она не считаетъ достаточнымъ высказать такую мысль; какъ и Петръ В. она чувствуетъ потребность досказать ее. Къ теоріи договора она, однако, не могла прибѣгнуть. Сочиненіе Руссо дало этой теоріи совершенно другой оборотъ. Онъ также выводитъ власть изъ договора, но доказываетъ, что свобода народа не отчуждается. Народъ переноситъ на правительство (будетъ ли это государь, аристократія или демократія) власть управленія, но не отчуждаетъ на всегда своей свободы и своей власти. Онъ сохраняетъ за собой право отобрать предоставленную имъ власть и передать ее другимъ лицамъ, если дѣйствія прежнихъ правителей ему не нравятся. Онъ можетъ даже измѣнить самую форму правленія, монархію на аристократію и т. д. Екатерина II была знакома съ сочине-

ніемъ Руссо, а потому и не пошла по стопамъ Петра В., не объясняла абсолютной власти первоначальнымъ договоромъ. Свое объясненіе она заимствовала у Монтескьё.

Сравнивая различныя формы правленія, Монтескьё замѣчаетъ, что преимущество монархической формы предъ республиканской состоитъ въ томъ, что монархіи свойственна быстрота дѣйствія въ большей мѣрѣ, чѣмъ республикѣ, потому именно, что въ монархіи вся власть принадлежитъ одному лицу. Монархія способна къ болѣе энергическимъ дѣйствіямъ, чѣмъ республика, гдѣ возможно раздѣленіе на большинство и меньшинство, что можетъ парализовать энергію правителя и порождать медленность дѣйствій и ихъ нерѣшительность. Имѣя въ виду громадные размѣры Россіи, Екатерина находитъ, что для Россійской имперіи особенно необходима власть энергическая и быстродѣйствующая, а этими свойствами по преимуществу обладаетъ монархическая неограниченная власть. Считая неограниченную монархію необходимой для Россіи формой правленія, Екатерина находила, однако, полезнымъ допустить участіе выборныхъ въ законодательствѣ и составила для этой цѣли особую законодательную коммиссію. На этомъ опытѣ Екатерины мы остановимся ниже, когда будемъ говорить о порядкѣ законодательства.

Воззрѣнія императора Александра на верховную власть оставили по себѣ слѣдъ въ учрежденіяхъ Финляндіи и Польши, о чемъ было уже упомянуто, и въ планѣ государственнаго преобразованія Россіи. Идеи императора въ первой половинѣ царствованія очень отличаются отъ тѣхъ, которыми онъ былъ проникнутъ послѣ 1815 года. Въ это послѣднее время онъ находился подъ вліяніемъ направленія меттерниховской политики, въ началѣ же царствованія онъ былъ сторонникомъ свободныхъ учрежденій. Въ юности Александръ I мечталъ даже о республикѣ, считая эту форму единственно сообразною съ желаніями и правами народа. Само собою разумѣется, что эти юношескія мечты, по мѣрѣ того какъ Александръ Павловичъ освоивался съ тѣмъ исключительнымъ положеніемъ, къ занятію котораго былъ призванъ по рожденію, должны были принять болѣе умѣренное направленіе; но во всю первую половину царствованія его не покидала мысль дать Русской имперіи свободныя учрежденія. Первый шагъ былъ сдѣланъ въ Финляндіи и Польшѣ. Но императоръ не думалъ этимъ ограничиться. Открывая Варшавскій сеймъ, въ рѣчи, которую онъ произнесъ по этому поводу, онъ сказалъ: „осуществляя на дѣлѣ либеральныя учрежденія, которыя никогда не переставали быть предметомъ нашей заботливости и которыя, съ Божьей помощію, я намѣренъ распространить на всѣ страны, ввѣренныя мнѣ Провидѣніемъ“. Что хотѣлъ сдѣлать императоръ для

всей Россіи, на это проливаетъ нѣкоторый свѣтъ такъ называемый „планъ всеобщаго государственнаго преобразованія“, составленный Сперанскимъ, пользовавшимся одно время большимъ довѣріемъ государя, на основаніи продолжительныхъ бесѣдъ съ самимъ императоромъ. Баронъ Корфъ, написавшій біографію Сперанскаго, говоритъ, что этотъ планъ былъ готовъ въ 1809 г. и находился въ кабинетѣ императора. Вслѣдствіе измѣненія воззрѣній государя, планъ не былъ осуществленъ и даже не былъ обнародованъ. Нѣкоторые отрывки изъ плана записаны русскимъ эмигрантомъ Тургеневымъ въ книгѣ „La Russie et les Russes“. Сохранилась рукопись плана, которая, однако, не совершенно совпадаетъ съ запискою Тургенева. Главная мысль плана та, что къ участію въ законодательствѣ, судѣ и управленіи должно допустить народныхъ представителей. Въ основаніе этого представительства лежитъ землевладѣніе.

Первую степень представительства составляетъ волостная дума. Она собирается разъ въ три года. Въ составъ ея входятъ всѣ владѣльцы недвижимой собственности; казенныя селенія посылаютъ въ думу отъ каждаго пятисотнаго участка одного старшину. Предметы занятій: 1) выборъ членовъ волостнаго правленія; 2) разсмотрѣніе отчота волостнаго правленія о сборахъ и употребленіи ввѣренныхъ ему суммъ; 3) представленіе окружной думѣ объ общественныхъ волостныхъ нуждахъ.

Вторую степень составляетъ окружная (уѣздная) дума, состоящая изъ депутатовъ волостныхъ думъ. Она выбираетъ изъ своей среды членовъ окружнаго совѣта, окружнаго суда и депутатовъ въ губернскую думу; разсматриваетъ отчетъ окружнаго начальства объ употребленіи суммъ, собираемыхъ на покрытіе общественныхъ издержекъ, и дѣлаетъ представленія губернской думѣ объ общественныхъ нуждахъ.

Третью степень составляетъ губернская дума, составъ которой ясенъ изъ предшествующаго, а вѣдомство совпадаетъ съ вѣдомствомъ окружной думы. Эти обѣ думы собираются разъ въ три года.

Четвертую степень образуетъ государственная дума, состоящая изъ депутатовъ губернскихъ думъ. Она собирается ежегодно въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ силу закона, безъ созыва. Государственная дума есть учрежденіе законодательное. Законодательные вопросы поступаютъ на ея разсмотрѣніе отъ имени государя. По собственной иниціативѣ она можетъ дѣлать только представленія государю по слѣдующимъ предметамъ: 1) о государственныхъ нуждахъ; 2) объ уклоненіи отъ отвѣтственности; 3) о дѣйствіяхъ, нарушающихъ государственные коренные законы.

Иниціатива законодательная принадлежитъ исключительно государю. Всѣ новые проэкты законовъ предварительно разсма-

триваются въ государственномъ совѣтѣ, а изъ совѣта переходятъ въ думу.

Планъ касается и исторической язвы Россіи — крѣпостныхъ крестьянъ. Мысли объ отмѣнѣ крѣпостнаго права въ немъ не было высказано, но говорится о точномъ опредѣленіи повинностей крестьянъ; крѣпостные крестьяне, которые пріобрѣтали въ собственность участки земли, имѣли право голоса въ думахъ, могли быть избирателями и избираемыми. Это намѣреніе императора допустить выборныхъ къ участію въ законодательствѣ, управленіи и судѣ не было осуществлено; съ теченіемъ времени измѣнились какъ взгляды его, такъ и отношенія къ Сперанскому. Но раньше этой перемѣны было приступлено къ осуществленію плана. Въ 1810 году былъ учрежденъ государственный совѣтъ, который явился, такимъ образомъ, обломкомъ цѣлой системы и въ этомъ, незаконченномъ видѣ не былъ правильно понятъ и вызвалъ въ обществѣ порицаніе.

3) *Отношеніе верховной власти къ законодательству.*

Форма законовъ и порядокъ законодательной дѣятельности государей.

Законодательство сосредоточивается въ рукахъ государя, какъ субъекта верховной власти, — ему принадлежитъ иниціатива и санкція законовъ. Воля императора есть законъ. Но, спрашивается, при какихъ условіяхъ воля императора считается закономъ? Эти условія необходимо знать, чтобы отличить волю, творящую законъ, отъ воли, содержащей въ себѣ правительственное распоряженіе, или какой либо приказъ совершенно частнаго характера. На этотъ вопросъ обратилъ вниманіе Петръ В., онъ нашелъ нужнымъ опредѣлить внѣшніе признаки не закона, впрочемъ, а вообще указа, подлежащаго къ исполненію. Это опредѣленіе находится въ генеральномъ регламентѣ коллегіямъ. Всѣ указы сенату и коллегіямъ должны быть письменные и заученные (подписанные): «Того ради изволяетъ Его Цар. Величество всякіе свои указы въ сенатъ и коллегіи отправлять письменно; ибо какъ въ сенатѣ, такъ и въ коллегіяхъ словесные указы никогда отправляемы быть не подлежатъ.“ Этимъ распоряженіемъ законодательная дѣятельность императоровъ не выдѣлена еще отъ правительственной. Всякіе указы сенату и коллегіямъ должны быть писаные. Въ Москвѣ, наоборотъ, всякіе указы государя думѣ были устные. Но и въ имперіи преемники Петра В. нашли новую форму слишкомъ для себя стѣснительною и отступили отъ нея. Екатерина I приказала, чтобы словесное выраженіе ея воли подлежало исполненію, если только оно подписано членомъ В. Т. Совѣта Степановымъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны и Елизаветы Пет-

ровны словесное выраженіе воли императрицы также признавалось обязательнымъ. Это породило большія затрудненія: словесныя приказанія иногда противорѣчили письменнымъ. Такъ продолжалось до Петра III, который издалъ указъ, легшій въ основаніе нынѣ дѣйствующаго порядка, хотя подъ соотвѣтствующей статьей Свода онъ и не указанъ. Петръ III въ 1762 г. подтвердилъ всѣ прежніе словесные указы, и для будущаго времени опредѣлилъ форму словесныхъ приказаній и ихъ отношеніе къ письменнымъ. Словесныя приказанія должны быть исполняемы только въ томъ случаѣ, если они объявлены сенаторами, генералъ-прокуроромъ или однимъ изъ президентовъ 3-хъ первыхъ коллегій (военно-сухопутной, морской и иностранной). Такимъ образомъ были указаны лица, которыя имѣютъ право объявлять волю императора. Кромѣ того, было установлено, что словесныя повелѣнія государя, переданныя указанными лицами, имѣютъ силу только тогда, когда они даются не въ отмѣну подписанному указу. Таково было положеніе дѣла до императора Александра I-го, до учрежденія имъ государственнаго совѣта въ 1810 г., когда послѣдовала важная перемѣна. Государственный совѣтъ признанъ былъ законодательнымъ учрежденіемъ, чрезъ которое непремѣнно должны были проходить всѣ новые законы, безъ чего они не могли получить Высочайшаго утвержденія. Александръ I установилъ слѣдующую форму для письменныхъ законовъ. Подпись государя на издаваемомъ законѣ должна гласить: „внявъ мнѣнію государственнаго совѣта, постановляю“ то и то. Эта новая реформа возбудила въ публикѣ нѣкоторое неудовольствіе. Она не нравилась и Карамзину, который въ своей „Запискѣ о старой и новой Россіи“ высказывается противъ нововведенія. Онъ говоритъ: императоръ долженъ внимать только мудрости, а не мнѣнію государственнаго совѣта, которое не должно его стѣснять и ограничивать.

Въ новой формѣ дѣйствительно заключалось ограниченіе. Проектъ закона, противъ котораго высказалось большинство въ государственномъ совѣтѣ, не могъ быть утвержденъ государемъ и обнародованъ, ибо подъ нимъ нельзя было написать: внявъ мнѣнію и т. д. Государственному совѣту придано было, так. обр., значеніе сдерживающей силы. Форма „внявъ мнѣнію“ требовалась какъ для новыхъ законовъ, такъ и для дополненій къ старымъ; для указовъ же, которыми разъяснялся смыслъ прежнихъ законовъ, этой формы не требовалось, здѣсь была достаточна подпись государя. Эти новшества удержались у насъ, однако, недолго. Александръ I, намѣренія котораго относительно дальнѣйшаго осуществленія плана преобразованія измѣнились, самъ отступалъ отъ установленной имъ формы.

При Николаѣ I государственный совѣтъ былъ преобразованъ и законодательное значеніе его существенно измѣнено. По учрежде-

нію 1842 г. всѣ новые законы, попрежнему, проходятъ чрезъ государственный совѣтъ, но мнѣніе большинства не стѣсняетъ болѣе государя. Онъ выслушиваетъ всѣ мнѣнія, а постановляетъ, что ему угодно. Для новыхъ законовъ необходима подпись, а для дополненій и изъясненій старыхъ признано достаточнымъ словесное Высочайшее повелѣніе.

Остановимся на вопросѣ о томъ, соотвѣтствуетъ ли это различіе въ формѣ предполагаемому имъ различію между новыми законами и дополненіями и разъясненіями старыхъ? Если есть различіе въ формѣ, то необходимо предполагать различіе и въ существѣ дѣла, т. е., въ данномъ случаѣ, различіе между новыми законами съ одной стороны и дополненіями и изъясненіями старыхъ съ другой. Какое же между ними различіе? Новые законы могутъ возбудить недоразумѣніе относительно ихъ примѣненія; разныя учрежденія могутъ ихъ различно понять и примѣнять. Изъ этого вытекаетъ необходимость дать разъясненіе въ законодательномъ порядкѣ. Такое разъясненіе установляетъ смыслъ данныхъ уже законовъ. Но на чемъ основывается обязательная сила такого разъясненія: на томъ-ли, что оно согласно съ дѣйствительнымъ смысломъ даннаго закона, или на томъ, что оно сдѣлано законодательною властью? Обязательная сила такого толкованія основывается не на логической правильности его, а на авторитетѣ власти, которая даетъ толкованіе. Путемъ изъясненія могутъ быть введены въ старый законъ совершенно новыя начала. Исходя отъ законодательной власти, это измѣненіе стараго закона будетъ имѣть всю силу новаго. То же надо сказать и о дополненіяхъ. Такъ образ., допущенное учрежденіями государственнаго совѣта 1810 и 1842 гг. различіе въ формѣ новыхъ законовъ и изъясненій и дополненій къ нимъ не вызывается существомъ дѣла.

Законодательная дѣятельность московскихъ государей была обставлена соучастіемъ боярской думы, а иногда и земскихъ соборовъ. Но принципъ обязательности для государей этого соучастія въ законахъ не былъ выраженъ. Въ имперіи роль боярской думы принадлежала разнымъ учрежденіямъ: сенату, верховному тайному совѣту и, наконецъ, государственному совѣту. Но только съ учрежденіемъ послѣдняго въ 1810 г., въ наше законодательство внесенъ былъ принципъ о необходимомъ участіи членовъ его въ законодательствѣ. Земскіе соборы при императорахъ не созывались; но выборные отъ сословій не разъ призывались къ участію въ выработкѣ проектовъ новыхъ законовъ. Самая важная попытка въ этомъ родѣ принадлежитъ Екатеринѣ II. Въ виду великихъ надеждъ, которыя возбудила ея законодательная коммиссія, и того сильнаго впечатлѣнія, которое она произвела на современниковъ, считаю необходимымъ остановится на ней подробнѣе.

Созваніе представителей Русской земли для составленія проекта

новаго уложенія есть весьма крупное событіе екатерининскаго царствованія. Дѣянія законодательной коммиссіи долго оставались подъ спудомъ и, какъ все неизвѣстное, возбуждали самые разнообразные толки. Думали даже, что представители русскаго общества, собранные Екатериной, проявили стремленія, вредныя для общественнаго порядка, навлекли на себя неудовольствіе императрицы и были распущены, какъ неоправдавшіе довѣрія государыни. Этимъ опаснымъ для спокойствія государства направленіемъ коммиссіи объяснялась и та тайна, которая безъ малаго цѣлое столѣтіе скрывала отъ потомства всякіе слѣды ея дѣятельности. Только въ самое послѣднее время, благодаря изданіямъ Русскаго Историческаго Общества, густая тьма, покрывавшая дѣянія депутатовъ, начинаетъ разсѣяваться, и Россія получаетъ возможность судить о томъ, чѣмъ была въ дѣйствительности надѣлавшая въ свое время столько шума екатерининская законодательная коммиссія. Наша литература давно уже оцѣнила по достоинству почтенный трудъ Д. В. Полѣнова. Три изданные имъ тома успѣли уже вызвать и нѣсколько болѣе или менѣе своеобразныхъ переработокъ содержащихся въ нихъ матеріаловъ, каковы, напримѣръ, статьи г. Бланка въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и отдѣлъ въ „Исторіи кодификаціи“ г. Пахмана. Пользуясь изданнымъ матеріаломъ, а частью и тѣмъ, съ которымъ мы имѣли случай ознакомиться въ архивѣ II Отд. Собственной Е. И. В. канцеляріи, мы представимъ общую характеристику дѣятельности коммиссіи, и съ этою цѣлью сдѣлаемъ оцѣнку условій, въ которыя она была поставлена, и выяснимъ возможныя причины загадочнаго исхода ея занятій.

I. Цѣль созванія депутатовъ. 14-го декабря 1766 года послѣдовалъ манифестъ, которымъ разныя сословія Имперіи Россійской призывались прислать выборныхъ „не только для того,—сказано въ манифестѣ,—чтобы отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, но допущены они быть имѣютъ въ коммиссію, которой дадимъ наказъ, для заготовленія проекта новаго уложенія къ поднесенію Намъ для конфирмаціи. Симъ учрежденіемъ Мы нашему народу опытъ даемъ нашего чистосердечія, великой довѣренности къ оному и прямыя материнскія любви“.

Откуда эта мысль у самодержавной императрицы призвать подданныхъ своихъ къ участію въ законодательствѣ?

Мысль совѣщанія съ подданными объ ихъ нуждахъ и недостаткахъ и о вопросахъ законодательства, которыми эти недостатки и нужды могутъ быть облегчены; такъ естественна, такъ дается самымъ дѣломъ управленія такимъ обширнымъ государствомъ, какимъ и тогда уже была Россія, что скорѣе былъ бы поводъ удивляться и искать причинъ, если бы она не возникла въ умѣ такой просвѣщенной государыни, какою была Екатерина

Великая. Эта мысль—даже и не новая въ нашей государственной практикѣ. Въ московской Руси собирались съ этою же цѣлью земскіе соборы. Одинъ изъ нихъ (соборъ 1648 года) былъ созванъ для того, чтобы «государевы и земскія дѣла утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобы московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровна». Люди любознательные и теперь могутъ видѣть въ московской Грановитой палатѣ экземпляръ соборнаго уложенія царя Алексѣя Михайловича, этотъ важнѣйшій памятникъ нашего законодательства московской эпохи, скрѣпленный подписями всѣхъ чиновъ государства. Ближайшіе предшественники Екатерины II также обращались въ законодательныхъ вопросахъ къ содѣйствію выборныхъ людей. Попытку въ этомъ родѣ встрѣчаемъ въ царствованіе Петра II и Елизаветы Петровны. Выборные люди, созванные послѣднею государынею, еще не успѣли кончить своего дѣла и разъѣхаться по домамъ, какъ императрица Екатерина II вступила на престолъ. Итакъ, польза дѣла и примѣры исторіи одинаково могли навести Екатерину на мысль о созваніи представителей земли, управленіе которой досталось въ ея руки.

Примѣры нашей исторіи, говоримъ мы *могли* навести, но не думаемъ, что въ нихъ надо искать ближайшую причину созванія законодательной коммиссіи. Взоры Екатерины, особенно въ первые годы ея царствованія, не были обращены къ русской старинѣ, связи съ которой у ней были очень шаткія. По своему рожденію и воспитанію она не столько принадлежала Россіи, сколько Западной Европѣ. Въ лицѣ ея на россійскій императорскій престолъ вступила женщина, проникнутая просвѣтительными идеями французской философіи XVIII вѣка, увлекавшаяся мыслями энциклопедистовъ и высоко ставившая одобреніе своей правительственной дѣятельности такими людьми, какъ Даламберъ и Вольтеръ. Молитвенникомъ русской государыни, по собственному ея признанію, служила книга Монтескье—„О духѣ законовъ».

Ближайшую причину созванія выборныхъ съ цѣлью дать Россіи такое законодательство, чтобы „видѣть свой народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольство можетъ на сей землѣ простираться“, надо искать въ знакомствѣ императрицы съ западно-европейской литературой и, главнымъ образомъ, съ сочиненіемъ Монтескье, „О духѣ законовъ“.

Великая заслуга Монтескье, обратившаго на англійскія учрежденія вниманіе всего образованнаго міра и сдѣлавшаго попытку дать имъ теоретическую конструкцію въ формѣ знаменитаго ученія о раздѣленіи властей, не осталась незамѣченной русской государыней. Она живо заинтересовалась представительными

учрежденіями Англіи, знакомилась съ практикой англійскаго парламента, и экземпляръ журналовъ его засѣданій препроводила А. И. Бибикову, маршалу учрежденной ею законодательной коммиссіи.

Духовное общеніе съ Западомъ, первые слѣды котораго принадлежатъ весьма отдаленному времени, въ царствованіе Екатерины проявилось въ формѣ далеко необыкновенной и крайне поучительной. Послѣдніе успѣхи западной науки были усвоены русской императрицей и возвѣщены русскому народу съ высоты престола, какъ его драгоцѣннѣйшее достояніе *) «Вы увидите —писала Екатерина въ интимномъ письмѣ къ Даламберу о своемъ трудѣ, экземпляръ котораго хотѣла доставить ему, — какъ тамъ, на пользу моей имперіи, я обобрала президента Монтескье, не называя его. Надѣюсь, что если бы онъ съ того свѣта увидѣлъ меня работающею, то простилъ бы эту литературную кражу во благо двадцати милліоновъ людей, которое изъ того должно послѣдовать. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы поставить мнѣ это въ вину. Его книга служитъ мнѣ молитвенникомъ. Вотъ образчикъ судьбы, которой подвергаются книги геніальныхъ людей: онѣ служатъ для благосостоянія человѣчества».

Свои заимствованія изъ Монтескье Екатерина дѣлала, однако, съ большою осторожностью. Сличеніе ея наказа съ оригиналомъ указываетъ на очень своеобразное измѣненіе мыслей французскаго ученаго. Хотя она и считала его трудъ молитвенникомъ, но далеко не находила возможнымъ всегда за нимъ слѣдовать. Особенно крупныя отступленія сдѣлала она въ вопросѣ о раздѣленіи властей. Мысль объ участіи народа въ законодательствѣ она не находитъ возможнымъ повторить въ своемъ наказѣ какъ общее правило при организаціи законодательной власти. Но на дѣлѣ она призываетъ русскихъ людей къ этому участію. Практика императрицы шла, такимъ образомъ, далѣе ея теоріи: то, чего она не рѣшалась высказать въ теоріи, она легко допустила на практикѣ.

Порядокъ, осуществляемый на дѣлѣ, хотя бы онъ и не былъ введенъ въ систему дѣйствующаго права въ формѣ опредѣлен-

---

*) Эту особенность своего участія въ дѣлѣ умственнаго общенія Россіи съ Западной Европой императрица хорошо понимала сама. Въ ея письмѣ къ Вольтеру отъ 11 августа 1765 г. находимъ такое мѣсто: „Мы очень изумлены, встрѣчая въ западной литературѣ произведенія, дѣлающія честь роду человѣческому и видя какъ мало пользуются ими для блага другихъ. Мой девизъ—пчела, которая, летая съ растенія на растеніе, собираетъ медъ для своего улья, и притомъ надпись: полезное. У васъ низшіе научаютъ, и легко высшимъ пользоваться этимъ наставленіемъ; у насъ—наоборотъ, мы не имѣемъ такихъ удобствъ". Сб. Рус. Ист. Общ., X, 38.

наго положенія, самъ по себѣ имѣетъ уже великую важность: онъ есть живая дѣйствительность. Возведеніе его въ теорію можно было предоставить будущему.

Манифестомъ 14-го декабря 1766 года представители русской земли призывались къ участію въ законодательствѣ. Таково было дѣйствительное намѣреніе императрицы и такъ именно было оно понято депутатами и ихъ избирателями.

Составители нѣкоторыхъ малороссійскихъ наказовъ особое доказательство заботливости императрицы о пользѣ и благоденствіи народа видятъ, между прочимъ, именно въ томъ, что депутаты созваны не только для того, чтобы выслушать ихъ нужды и недостатки, но и для того, чтобы принять участіе въ составленіи проэкта новаго уложенія. Заявленій такого рода намъ не случилось встрѣтить въ великороссійскихъ наказахъ. Но и великороссійскіе депутаты, какъ и депутаты другихъ мѣстъ, обращаясь къ собранію съ своими мнѣніями, постоянно предлагаютъ ихъ „на разсужденіе“ собранія, которое они считаютъ въ правѣ дѣлать постановленія.

Въ засѣданіи 10-го іюля 1768 года, двѣнадцать депутатовъ отъ однодворцевъ, пахатныхъ солдатъ и городовъ разныхъ мѣстностей, при обсужденіи только-что внесеннаго въ собраніе проэкта правъ благородныхъ, подали особое мнѣніе, въ которомъ они просятъ отложить обсужденіе проэкта на нѣкоторое время, въ теченіе котораго они могли бы ознакомиться съ нимъ. Въ этомъ мнѣніи встрѣчаемъ такое мѣсто:.... „если оный (проэктъ) сходственъ съ положеніемъ нашего государства, и что больше, если согласенъ съ естественнымъ разсужденіемъ, то подтвердимъ и постановимъ оный непоколебимымъ. А если, напротивъ, найдется въ немъ что-либо такое, что для всего отечества и будущаго спокойствія можетъ быть вредно, или чего недополнено,— о томъ подать намъ (т.-е. просимъ) свои примѣчанія“ (Арх. Дневн. зап. бол. собр.). Даже между однодворцами и пахатными солдатами были люди, которые хорошо понимали, въ чемъ заключался „опытъ чистосердечія и великой довѣренности“ съ которыми государыня обратилась къ своему народу.

Заключительныя статьи многихъ наказовъ, въ которыхъ составители заявляютъ желаніе увѣковѣчить на память грядущимъ поколѣніямъ какимъ-нибудь внѣшнимъ знакомъ этотъ актъ монаршей воли, едва ли можно понять, если не предположить, что избиратели хорошо видѣли всю политическую важность этого акта. Такъ же надо объяснять и тотъ взрывъ общаго восторга, которымъ сопровождались первыя засѣданія коммиссіи, и который привелъ къ поднесенію императрицѣ титула «великой, премудрой матери отечества».

Въ нашей литературѣ принято съ ироніей указывать на то,

что коммиссія занялась сочиненіемъ титула императрицы, прежде чѣмъ совершила что-нибудь по существу дѣла, для исполненія котораго была созвана. Совершенно напрасно. Поднесеніемъ титула коммиссія хотѣла почтить не результатъ своихъ трудовъ, а начинаніе государыни, актъ призванія представителей Русской земли къ участію въ законодательствѣ. Поднесеніе титула указываетъ, что значеніе факта созванія депутатовъ было правильно понятно и встрѣчено съ тѣмъ сочувствіемъ и восторгомъ, который вполнѣ приличествуетъ важности заключающейся въ немъ идеи.

Значеніе этого факта не укрылось и отъ вниманія Генриха Ширлея, находившагося тогда въ Москвѣ въ качествѣ завѣдующаго англійскимъ посольствомъ при нашемъ дворѣ. Въ день открытія засѣданій коммиссіи, онъ писалъ въ Англію: „Ея Императорское Величество пріѣзжала сюда изъ Коломны въ прошлую субботу, а сегодня въ день, долженствующій навсегда остаться священнымъ для Россіи, она отправилась, для слушанія божественной службы, въ торжественномъ шествіи, въ соборъ, гдѣ были собраны чины имперіи, а изъ церкви въ Кремлевскій дворецъ, гдѣ, вступивъ на тронъ, допустила депутатовъ къ чести цѣлованія своей руки“ *).

II. *Большой наказъ.* Предпріятіе Екатерины, навѣянное западно-европейскимъ движеніемъ мысли, отражало на себѣ и многіе недостатки этого движенія. Раціоналистическая философія XVIII вѣка не умѣла отдать должнаго историческому началу въ развитіи человѣчества. Все, выработанное исторіей, она склонна была осуждать, какъ результатъ грубости и невѣжества; все наслѣдіе вѣковъ она хотѣла-бы уничтожить и замѣнить новымъ порядкомъ вещей, основаннымъ на указаніяхъ разума. Законы, съ точки зрѣнія этой философіи, не были результатомъ медленнаго и почти всегда болѣзненнаго историческаго развитія, а должны были возникнуть разомъ [въ полнѣйшемъ своемъ объемѣ и всесовершенствѣ.

---

*) Съ этимъ отзывомъ Ширлея, относящимся къ идеѣ начинанія Екатерины, не должно смѣшивать послѣдующихъ его отзывовъ, вызванныхъ самой дѣятельностью коммиссіи. Дѣятельность коммиссіи, дѣйствительно, заслуживаетъ упрековъ, но это другой уже вопросъ, о немъ рѣчь будетъ ниже. Здѣсь замѣтимъ только, что Ширлей не всегда правильно оцѣниваетъ недостатки коммиссіи и не всегда по настоящему адресу направляетъ свои упреки. Но подъемъ общаго настроенія, вызванный созваніемъ коммиссіи, отразился и въ этихъ позднѣйшихъ донесеніяхъ Ширлея. „Русскіе, писалъ онъ отъ 13-го августа, не говорятъ и не думаютъ ни о чемъ другомъ (какъ о коммиссіи), и, видя собранныхъ въ своей столицѣ представителей многихъ націй, столь различныхъ по платью, обычаямъ и религіи, какъ-то: самоѣды, казаки, булгары, татары и пр., которыхъ они считаютъ (быть можетъ, не безъ основанія) вполнѣ зависимыми отъ Русской имперіи, они способны заключить, что теперь они составляютъ мудрѣйшую, счастливѣйшую и могущественнѣйшую націю по всей вселенной“ (Сб. Р. Ист. Общ., XII, 304 и сл. 326 и сл.).

Екатерина Великая принесла дань этому направленію. Она созвала коммиссію для сочиненія *полнаго* проэкта уложенія по всѣмъ частямъ законодательства и притомъ *новаго* во всѣхъ своихъ частяхъ. Россія разсматривалась ею какъ-бы неимѣющею никакого гражданскаго порядка, а потому все надлежало дать ей вновь. „Надлежитъ установить порядокъ неподвижный для наслѣдованія“, „полезно сдѣлать учрежденіе объ опекунствѣ“,— таковъ языкъ ея наказа коммиссіи. Можно подумать, что общество, для котораго написаны эти правила, не знаетъ ни наслѣдованія, ни учрежденія опеки, и всѣ правила гражданскаго общежитія приходилось творить для него изъ ничего. Именно такова была задача коммиссіи. Задача безпримѣрной трудности.

Сколько-же времени назначала государыня для исполненія такой задачи? Время, на которое были созваны депутаты, не было ею опредѣлено, но Генрихъ Ширлей говоритъ,что тогда думали (конечно, руководящіе люди той эпохи), что на совершеніе этой громадной работы потребуется всего четыре года!

Какъ постановка задачи коммиссіи, такъ и время, которое считалось достаточнымъ для ея исполненія, одинаково указываютъ, насколько императрица, при всемъ ея добромъ желаніи, была далека отъ правильнаго взгляда на трудности того дѣла, къ совершенію котораго она приступала.

Призывая депутатовъ къ составленію проэкта новаго уложенія, Екатерина не находила, однако, возможнымъ предоставить имъ полную свободу въ опредѣленіи основныхъ началъ этого уложенія. Въ руководство имъ она сочинила особый наказъ, который и долженъ былъ служить «за правило» составителямъ уложенія. Вотъ какъ члены дирекціонной коммиссіи, которая должна была руководить дѣятельностью всѣхъ другихъ частныхъ коммиссій, объясняютъ это выраженіе «за правило»: «При сочиненіи хотя многое изъ старыхъ законовъ почерпаемо быть можетъ, но они правиломъ не служатъ. Нынѣ все по премудрымъ и никогда неопровергаемымъ правиламъ большаго наказа (такъ назывался екатерининскій наказъ, въ отличіе отъ наказовъ, привезенныхъ депутатами отъ ихъ избирателей) расположено быть должно. Почему и нѣтъ другаго зерцала, какъ, во-первыхъ, наказъ, а потомъ — здравый разсудокъ, любовь къ отечеству и должная благодарность къ строительницѣ блаженства нашего».

Изъ приведеннаго мѣста видно, что раціоналистическія идеи проникали даже въ умы екатерининскихъ царедворцевъ: они находятъ возможнымъ считать начала законодательства, выраженныя въ наказѣ, вѣчными (потому, конечно, что они разумны), и, кромѣ нихъ, признаютъ только указанія здраваго разсудка. «Любовь къ отечеству и должная благодарность къ строительницѣ блаженства нашего» являются какъ мѣстная и, конечно, необхо-

димая модификація чисто-раціоналистическихъ идей. Только начала наказа и здраваго разсудка (что, собственно, одно и то-же) обязательны для составителей уложенія; слѣдовать-же старымъ законамъ нѣтъ необходимости. Посмотримъ теперь, насколько «никогда неопровержимыя правила наказа» могли облегчить членамъ коммиссіи ихъ крайне-трудную дѣятельность.

Чтеніе наказа произвело такое потрясающее впечатлѣніе на депутатовъ, что многіе изъ нихъ не могли воздержаться отъ слезъ. Гуманныя идеи, проникающія наказъ отъ начала и до конца, мысль объ общемъ благѣ, какъ цѣли законовъ, смягченіе суровыхъ наказаній московской эпохи и петровскаго законодательства, отмѣна пытокъ, дозволеніе высказывать свободно свое мнѣніе и множество другихъ положеній, имѣющихъ одну общую цѣль въ томъ, чтобы русскій народъ, съ изданіемъ новаго уложенія, получилъ наиболѣе справедливые законы и былъ наиболѣе процвѣтающъ, чѣмъ какой-либо другой народъ въ мірѣ,—все это дѣлаетъ совершенно понятнымъ такое впечатлѣніе. Но мы сдѣлаемъ большую ошибку, если подумаемъ, что отъ наказа оставался только одинъ шагъ къ новому законодательству, которое сдѣлало-бы русскій «народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольство можетъ на сей землѣ простираться».

Выходящія изъ ряду обыкновенныхъ способности императрицы стоятъ выше всякаго сомнѣнія, добрую ея волю мы также не имѣемъ права заподозрить. Но дѣло законодательства представляетъ величайшія трудности, для преодолѣнія которыхъ необходимы спеціальныя знанія, пріобрѣтаемыя путемъ сложной спеціальной подготовки. Екатерина Великая была просвѣщеннѣйшей женщиной своего времени, но вопросы законодательства были и для нея новостью. «Я начала,—говоритъ императрица,—читать, потомъ писать наказъ коммиссіи уложенія. *Два года* я и читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова»... Два года—время, конечно, продолжительное, но мы сомнѣваемся, чтобы и человѣкъ, спеціально подготовленный, могъ въ это время составить правила для цѣлаго законодательства; тѣмъ менѣе можно ожидать этого отъ императрицы, которая тутъ-же впервые и знакомилась съ большинствомъ подлежавшихъ рѣшенію вопросовъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1767 г. наказъ былъ уже готовъ и врученъ коммиссіи, а въ январѣ того-же года она писала къ Даламберту о ходѣ своихъ работъ: «Болѣе половины мною зачеркнуто, разорвано и сожжено, и, Богъ вѣдаетъ, что станется съ остальнымъ; однако, придется рѣшиться къ назначенному мною сроку». Такимъ образомъ, за шесть мѣсяцевъ до начала занятій коммиссіи императрица еще сама не знала, что выйдетъ изъ ея труда, долженствовавшаго направлять дѣятельность этой коммиссіи.

Неудивительно послѣ этого, что наказъ далеко не всегда даетъ опредѣленныя правила въ руководство составителямъ уложенія и даже не отличается единствомъ направленія.

Переводя и примѣняя къ нашимъ потребностямъ, какъ ихъ понимала сама императрица, мысли Монтескьё, она по множеству вопросовъ даетъ не начала законодательства, которыя стоило-бы только развить въ отдѣльныя положенія, чтобы получить цѣлое уложеніе, а указываетъ лишь общее, и часто довольно неопредѣленное направленіе этого законодательства, а не рѣдко ограничивается просто приведеніемъ разныхъ примѣровъ изъ иностранныхъ законодательствъ, не дѣлая изъ нихъ никакого опредѣленнаго вывода.

«Надлежитъ установить порядокъ неподвижной для наслѣдованія», говоритъ наказъ,—но какой? Сколько-нибудь опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ тщетно будемъ искать въ наказѣ. Сдѣлавъ нѣкоторыя указанія на римскій и греческій порядокъ наслѣдованія, императрица заключаетъ: «мое намѣреніе въ семъ дѣлѣ склоняется болѣе къ раздѣленію имѣнія». Но наслѣдованіе по частямъ или безъ раздѣленія на части — это только одинъ изъ множества вопросовъ наслѣдственнаго права. По всѣмъ остальнымъ нѣтъ никакого указанія, да и приведенное отличается крайней неопредѣленностью. Какого раздѣленія желаетъ императрица? У насъ и до вступленія ея на престолъ имѣнія дѣлились между наслѣдниками. Довольна она прежнимъ порядкомъ или нѣтъ?

«Полезно сдѣлать учрежденіе объ опекунствѣ», говоритъ наказъ далѣе, но какое,—опять умалчиваетъ, ограничиваясь указаніемъ на то, что опека должна быть «для малолѣтнихъ, безумныхъ и тому подобныхъ». Но у насъ и прежде была опека и не только для малолѣтнихъ и безумныхъ, но и для расточителей и жестокихъ помѣщиковъ, и правила ея, во всякомъ случаѣ, были опредѣленнѣе правилъ наказа.

Старые законы не должны имѣть значенія «правила» для составителей новаго уложенія; наказъ-же, который надо было считать за правило, не обнималъ и сотой части всей сложной системы права.

Неполнота наказа не укрылась совершенно отъ прозорливости императрицы, но можно думать, что относительно мѣры этой неполноты у ней не было точнаго представленія и практическую пригодность своего труда она значительно преувеличивала *). «Какъ нѣтъ ничего совершеннаго, что человѣкомъ сочи-

*) Это понятно въ виду тѣхъ льстивыхъ отзывовъ, которые приходилось выслушивать государынѣ отъ своихъ придворныхъ. „Всѣ тѣ, которые видѣли

нено,—говоритъ заключительная статья наказа,—то если откроется въ производствѣ, что на какія ни есть учрежденія въ семъ наказѣ правила еще не положено, дозволяется просить дополненія». Это гордое сознаніе, что наказъ можетъ имѣть несовершенства, свойственныя всѣмъ трудамъ рукъ человѣческихъ, такъ и наводитъ на мысль, что Екатеринѣ В. казалось, что она почти на все положила правила, тогда какъ въ дѣйствительности трудно найти вопросъ, по которому не пришлось-бы просить дополненія. То-же преувеличеніе практическаго значенія наказа подсказало императрицѣ и 525 статью его, въ которой авторское самолюбіе предписало «наказъ сей читать въ коммиссіи единожды въ началѣ каждаго мѣсяца до окончанія коммиссіи». Наказъ—объемистый трудъ въ 90 страницъ (съ дополненіемъ къ нему), для прочтенія его нужно было нѣсколько засѣданій, которыя ежемѣсячно тратились какъ въ большой коммиссіи, такъ и во всѣхъ частныхъ совершенно непроизводительно.

Рядомъ съ крайней неполнотой основныхъ началъ законодательства, наказъ страдаетъ и шаткостью своихъ общихъ основаній. Стремленіе съ „новому“ уложенію было внушено императрицѣ сочиненіями энциклопедистовъ, ихъ борьбой съ средневѣковымъ порядкомъ вещей. Но рядомъ съ энциклопедистами Екатерина Великая не съ меньшимъ увлеченіемъ изучала Монтескье. Изъ его книги освоилась она съ идеей о непроизвольности законовъ, о соотвѣтствіи ихъ съ характеромъ народа, страны и другими условіями человѣческаго быта. Эти два совершенно разныхъ направленія, благодаря спѣшности работы, остались въ наказѣ непримиренными. Какъ ревностная ученица Монтескье, государыня высказываетъ мысль, что „законоположеніе должно примѣнять къ народному умствованію, ибо мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, слѣдуя природной нашей склонности“. Если это вѣрно, то едвали было нужно впередъ возвѣщать депутатамъ, что они должны сочинить „новое“ уложеніе, ибо трудно допустить, чтобы все историческое право не соотвѣтствовало народному умствованію и подлежало замѣнѣ новымъ. Еще менѣе нужно было сочинять какой либо наказъ въ руководство коммиссіи. Народное умствованіе депутаты, конечно, принесли съ собою: надо было только прислушиваться къ нему. Тѣмъ не менѣе Екатерина написала наказъ, въ которомъ даны коммиссіи обязательныя правила. Нѣкоторыя изъ этихъ правилъ выведены изъ сравненія постановленій разныхъ иностранныхъ законодательствъ на основаніи указаній „здраваго разума“. Что

мою работу,—писала она г-жѣ Жоффрэнъ,—единодушно говорятъ, что это верхъ совершенства, но, мнѣ кажется, что еще надобно почистить“...

дѣлать, если правила, выведенныя императрицей на основаніи „здраваго разума“, не сойдутся съ народнымъ умствованіемъ депутатовъ? Случай очень возможный. По правиламъ наказа пытка ни на что не нужна, а по народному умствованію она считалась полезной и примѣнялась въ судахъ еще при императорѣ Александрѣ I-мъ. По правиламъ наказа за кражу не должно было казнить смертью, а по народному умствованію конокраду и теперь еще надо голову рубить. „Что батюшка ему (конокраду) тюрьма-то,—говорилъ еще недавно крестьяне Орловской губерніи своему мировому судьѣ,—кабы ты по закону-то, по Божьему, ему голову отрубилъ, такъ-бы полно ему насъ разорять-то; да и другому не повадно бы было“.

Исходныя точки наказа представляютъ, такимъ образомъ, безвыходное противорѣчіе.

До сихъ поръ сказанное даетъ намъ право сдѣлать такое заключеніе. На коммиссію была возложена задача необыкновенной трудности; она должна была составить новое уложеніе по всѣмъ частямъ права. Полной свободы дѣйствія ей не было предоставлено; она должна была руководствоваться правилами наказа. Наказъ же далеко не давалъ опредѣленныхъ правилъ по всѣмъ частямъ законодательства и нерѣдко страдалъ непослѣдовательностью основныхъ своихъ началъ.

Мы видѣли, что наказъ былъ плодомъ весьма спѣшной работы: въ январѣ 1767 г., когда манифестъ о созваніи депутатовъ былъ уже обнародованъ и назначено время ихъ собранія, императрица еще не знала, какія начала она предложитъ имъ въ руководство. Но женщина, такъ богато одаренная отъ природы, какъ Екатерина Великая, и такъ близко стоявшая къ практическимъ потребностямъ государственной жизни, очень скоро должна была усмотрѣть недостатки первоначальной постановки трудовъ коммиссіи. Дѣйствительно, не прошло и года со дня открытія засѣданій депутатовъ, какъ недостатки эти были уже ей ясны.

Въ концѣ мая 1768 года, она нашла нужнымъ написать „три урока“ въ наставленіе частной коммиссіи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права. Въ предисловіи къ этимъ урокамъ она говоритъ: „коммиссія къ своему дѣлу не можетъ приступить, не узнавъ совершенно то, что въ государствѣ нашемъ теперь дѣлается, отъ чего послѣдуетъ свѣдѣніе въ чемъ иногда недостатокъ, ибо перемѣна не для произвольной перемѣны должна быть сдѣлана, но для поправленія недостаточнаго, если что сыщется, а хорошее и полезное отъ оной изъемлется, потому что оно всегда въ своей силѣ остаться должно“ (Арх., связка № 196)

Работамъ коммиссіи дается здѣсь иное и гораздо болѣе прак-

тическое направленіе; она не должна сочинять новаго, а только исправлять недостатки стараго. Это задача болѣе опредѣленная и легче исполнимая. Но дѣло было уже сдѣлано: манифестъ, наказъ, распоряженія дирекціонной коммиссіи—все было проникнуто крайне туманнымъ стремленіемъ къ новому уложенію. Это неясное направленіе руководило работами коммиссіи уже цѣлый годъ. Поставить ихъ на новую почву можно было не спеціальнымъ наставленіемъ одной изъ частныхъ коммиссій, а общими мѣрами, которыя касались бы дѣятельности всей коммиссіи, чего, однако, не было сдѣлано. Почва подъ ногами депутатовъ оставалась до конца зыбкой.

III. *Составъ коммиссіи.* Составъ коммиссіи занималъ мысли императрицы, можетъ быть, не менѣе наказа. Изъ черновыхъ бумагъ ея, хранящихся въ общемъ собраніи с.-петербургскихъ департаментовъ сената, видно, что первоначальное составленіе плана выборовъ было поручено князю Вяземскому, оберъ-прокурору Всеволожскому, генералъ-рекетмейстеру Козлову и господину Кузьмину, въ руководство которымъ государыня дала нѣсколько основныхъ мыслей. Но планъ, выработанный этими лицами, былъ потомъ значительно измѣненъ самою императрицею. Остановимся же на составѣ коммиссіи, чтобы судить о томъ, съ кѣмъ желала совѣщаться Екатерина В. и кто и какъ отозвался на ея призывъ.

Первый вопросъ, который здѣсь возникаетъ, есть вопросъ о томъ, кому дано было право прислать представителей, и по какимъ округамъ должно было происходить избраніе?

Желая совѣщаться съ представителями страны и выслушивать ихъ нужды, императрица, при всемъ стремленіи къ новизнѣ, должна была имѣть дѣло съ существующимъ уже обществомъ и въ тѣхъ его подраздѣленіяхъ, которыя сложились исторически. Россія XVIII вѣка есть государство сословное. Чтобы узнать нужды Россіи, надо было выслушать представителей отъ сословій: каждое сословіе имѣло свои особыя права и обязанности, только ему извѣстныя. Согласно съ этимъ фактомъ, Екатерина пригласила прислать выборныхъ отдѣльныя сословія: дворянъ, горожанъ, казаковъ и свободныхъ сельскихъ обывателей *). Но и

*) Такъ по обнародованному обряду выборовъ. Изъ черновыхъ-же бумагъ императрицы видно, что она пришла къ этимъ сословіямъ не безъ нѣкотораго колебанія. Въ планѣ выборовъ, составленномъ кн. Вяземскимъ и др., различены слѣдующія группы избирателей: дворяне, купцы, цеховые, однодворцы, государственные крестьяне, запорожское войско, донское и другія казацкія войска. Черновой списокъ обряда, написанный рукою императрицы, тоже различаетъ цеховыхъ и мѣщанъ, какъ особую группу избирателей, отъ купцовъ. Это различіе, конечно, имѣетъ свое основаніе въ различномъ положеніи купцовъ и цеховыхъ.

здѣсь дѣло не обошлось безъ отступленія отъ существующаго историческаго строя общества и также въ духѣ энциклопедистовъ. Сословіе духовенства вовсе не было приглашено прислать депутатовъ,—черта, понятная въ государынѣ, которая такъ дорожила добрымъ мнѣніемъ Вольтера *). Составъ екатерининской коммиссіи, такимъ образомъ, существенно отличался отъ состава нашихъ московскихъ соборовъ: сословіе, которому принадлежало такое видное мѣсто въ земскихъ соборахъ, вовсе не было допущено въ коммиссію. Изъ лицъ духовнаго званія въ коммиссіи засѣдалъ только одинъ членъ, митрополитъ новгородскій, Дмитрій. Но онъ былъ представителемъ не духовентства, какъ сословія, а синода, какъ государственнаго учрежденія, наравнѣ съ представителями другихъ государственныхъ учрежденій: сената, коллегій и пр., которымъ также дано было право прислать депутатовъ.

Нельзя сказать, чтобы эта особенность (которая, кстати замѣтить, не укрылась отъ вниманія тогдашняго англійскаго посла при нашемъ дворѣ, лорда Казкарта) согласовалась съ другими распоряженіями императрицы, и чтобы сама коммиссія не почувствовала скоро ея неудобствъ. Екатерина В. вовсе не была той мысли, что депутаты не должны касаться законовъ, относящихся до духовенства. Наоборотъ, она сама указала на необходимость учрежденія духовно-гражданской коммиссіи, которая должна была не только остановиться на вопросахъ личнаго положенія духовенства, но принять мѣры, чтобы не вкрались какія-либо злоупотребленія въ наружное исполненіе духовныхъ обрядовъ, опредѣлить число праздничныхъ дней, способъ ихъ чествованія и пр. Дирекціонная коммиссія еще въ августѣ 1767 года разсуждала объ учрежденіи частной коммиссіи для духовныхъ дѣлъ, но нашла, что учредить ее не изъ кого, такъ какъ въ коммиссіи былъ всего одинъ членъ духовнаго званія (Арх. Днев. зап. дирекц. ком.). А между тѣмъ учредить эту коммиссію было необходимо. Въ маѣ слѣдующаго года духовно-гражданская коммиссія была, наконецъ, учреждена, но вотъ въ какомъ составѣ,—въ нее вошли: прокуроръ адмиралтейской коллегіи Иванъ Фурсовъ, статскій совѣтникъ Василій Баскаковъ, генералъ-маіоръ князь Волконскій, генералъ-маіоръ Опочининъ и поручикъ лейбъ-гвардіи коннаго полка Потемкинъ. Вотъ тѣ лица, которыя были призваны выработать проэктъ духовно-гражданскаго законодательства. Надо думать, что они были въ большомъ затрудненіи. Этимъ, можетъ быть, и слѣдуетъ объяснять скоро послѣдовав-

---

*) Законы о церковныхъ имуществахъ также не остались, конечно, безъ вліянія на это устраненіе духовенства.

шее затѣмъ измѣненіе состава коммиссіи: оба генерала и поручикъ лейбъ-гвардіи коннаго полка вышли, а на мѣсто ихъ были избраны: Петръ Кривскій, депутатъ бахмутскаго дворянства, Иванъ Бантышъ-Каменскій, депутатъ отъ нижнихъ чиновъ чернаго и желтаго гусарскихъ полковъ, и канцеляристъ духовнаго правленія Иванъ Сухопрудскій, депутатъ отъ города Углича. Если, несмотря на невозможность, при отсутствіи депутатовъ отъ духовенства, правильно организовать духовно-гражданскую коммиссію, эта коммиссія, тѣмъ не менѣе, выработала подробный, пространно мотивированный планъ законодательства по своей части, это надо объяснять тѣмъ, что выборы происходили, иногда, съ отступленіемъ отъ предписаннаго императрицей обряда, благодаря чему въ коммиссію и вошли лица, знакомыя съ положеніемъ духовенства. Въ данномъ случаѣ, такимъ лицомъ былъ Иванъ Сухопрудскій, вошедшій въ составъ духовной коммиссіи уже по выходѣ изъ нея трехъ военныхъ депутатовъ. Выборы депутата отъ города Углича и составленіе наказа состоялись при сильномъ участіи мѣстнаго духовенства. Углицкій наказъ начинается съ пунктовъ отъ бѣлаго духовенства; подписанъ онъ 22 (если не болѣе) священниками и впереди всѣхъ углицкой соборной церкви ключаремъ, іереемъ Гавріиломъ Ивановымъ; затѣмъ идутъ въ значительномъ числѣ подписи дьяконовъ и дьячковъ по церквамъ; а за ними уже подписались члены магистрата, купцы, копіисты и пр. Все это заставляетъ думать, что Сухопрудскій явился въ коммиссію какъ довѣренное лицо всего углицкаго духовенства, и, какъ канцеляристъ мѣстнаго духовнаго правленія, долженъ былъ хорошо знать его интересы. На его преобладающую роль въ духовной коммиссіи указываетъ современный списокъ членовъ частныхъ коммиссій, гдѣ онъ поставленъ на первомъ мѣстѣ, впереди прокурора Фурсова и статскаго совѣтника Баскакова, хотя по чину и времени избранія въ коммиссію онъ и моложе ихъ.

Примѣръ Углича показываетъ, что исключеніе духовенства, вызванное тогдашнимъ направленіемъ западной философіи, не оправдывалось „народнымъ умствованіемъ“. Правда, духовенство далеко не вездѣ принимало участіе въ выборѣ депутатовъ и составленіи наказовъ, но примѣръ Углича не былъ единственнымъ. Съ участіемъ духовенства встрѣчаемся въ нѣкоторыхъ городахъ Малороссіи. Наказъ отъ города Стараго Санжарова, напримѣръ, подписанъ 8-ю іереями. Въ другихъ мѣстностяхъ встрѣчаемъ нѣкоторые признаки скрытнаго вліянія духовенства. Подписей его подъ наказами нѣтъ, но наказы содержатъ статьи о нуждахъ духовенства.

Духовенство имперіи не представляло мощной организованной силы, но совершенно игнорировать его—было ошибкой. Ин-

тересы его также нуждались въ представительствѣ: исключенное отъ законнаго участія въ коммиссіи, духовенство старалось проникнуть въ нее окольными путями.

Другое отступленіе отъ начала сословности выборовъ было сдѣлано уже при самыхъ выборахъ, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, исполнителями воли государыни. Выборы городскихъ депутатовъ Петербурга и Москвы были всесословные. „Лица высшихъ государственныхъ чиновъ сидѣли между гражданами всякаго званія. Эти сановники, дабы болѣе примѣнить себя къ бывшимъ тутъ прочимъ гражданамъ, пріѣхали въ собраніе, не имѣя на себѣ никакихъ орденскихъ знаковъ, или другихъ отличій“ (Полѣновъ, I, 10). Представителемъ Петербурга былъ избранъ генералъ-поручикъ и кавалеръ графъ Алексѣй Орловъ, представителемъ Москвы—генералъ-аншефъ и кавалеръ князь Голицынъ. Этимъ избраніемъ два важнѣйшихъ пункта нашей городской жизни вовсе остались безъ представителей. Графъ Орловъ и князь Голицынъ могли быть представителями дворянства,—но интересы купечества, цеховыхъ, ямщиковъ и другихъ разрядовъ городскихъ жителей были имъ, конечно, совершенно чужды *). Такой характеръ выборовъ не могъ не отразиться печальнымъ образомъ и на наказахъ, составленныхъ въ этихъ городахъ. Наказъ отъ города Москвы былъ составленъ при сильномъ участіи мѣстной знати. Онъ подписанъ князьями, графами и дворянами и, сравнительно, небольшимъ числомъ купцовъ. Всѣ подписи занимаютъ всего одинъ листъ бумаги, тогда какъ подписи подъ углицкимъ наказомъ тянутся на пяти листахъ, а на тульскомъ—на шести съ половиной. Одно это сравненіе числа подписей показываетъ уже, насколько московскіе городскіе люди мало интересовались дѣломъ законодательной коммиссіи. Сочинителемъ московскаго наказа былъ полковникъ Волковъ. Содержаніе его отличается крайней безцвѣтностью. Читая его, трудно вѣрить, что онъ составленъ въ Москвѣ, въ этомъ средоточіи государственной жизни московскаго періода, изъ котораго выросло цѣлое Московское государство,—такъ мало отразились на немъ особенности положенія нѣкогда „царствующаго града Москвы“. Наказы Пскова, Чернигова, Архангельска, даже Углича и Нѣжина содержатъ въ себѣ гораздо болѣе любопытныхъ историческихъ данныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ интереснѣе московскаго. Составители московскаго наказа просятъ, напримѣръ, объ учрежденіи въ городѣ Москвѣ публичныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, о заведеніи казенныхъ кирпичныхъ заводовъ, чтобы имъ было гдѣ муку и кирпичъ по-

---

*) Дворяне Петербургскаго уѣзда вовсе и не послали отъ себя особаго представителя, вѣроятно, въ томъ соображеніи, что они уже достаточно представлены городскимъ депутатомъ.

купать; о перенесеніи рыбныхъ лавокъ изъ центра города въ болѣе отдаленныя мѣста, чтобы онѣ не заражали воздуха и пр. Ясно, кажется, что это не нужды московскаго купечества, и понятно, почему оно такъ поскупилось своими подписями подъ этимъ наказомъ. Такою же безцвѣтностью отличается и наказъ города С.-Петербурга, также украшенный подписями князей и графовъ.

Сближеніе сословій есть великое дѣло, къ которому должно стремиться всякое законодательство. Екатерининская коммиссія, въ составъ которой были призваны почти всѣ сословія, необходимо должна была повести къ этому сближенію, ибо дѣло отдѣльныхъ сословій она возводила въ дѣло обще-государственное. Но производить выборы представителей средняго сословія и писать отъ него наказъ дворянамъ, графамъ и князьямъ вмѣстѣ съ купцами, цеховыми и ямщиками—не имѣло никакого основанія. Высшее сословіе только по зимамъ стекалось въ свои роскошныя московскія палаты для развлеченій свѣтской жизни; службъ и повинностей городскихъ оно не несло и не знало. Ему были извѣстны одни удовольствія городской жизни, а не тягости ея и недостатки. Соединеніе лицъ высшаго сословія въ одинъ избирательный округъ съ купцами, цеховыми и ямщиками повело только къ тому, что настоящіе граждане уклонились отъ участія въ дѣлѣ законодательства. Всесословные выборы Москвы и Петербурга, такъ живо описанные почтеннымъ издателемъ актовъ коммиссіи, представляютъ единственно либеральную декорацію во вкусѣ просвѣтительной философіи XVIII вѣка.

Всесословность выборовъ, не отвѣчавшая существу жизненныхъ отношеній того времени, не оправдывалась и съ формальной точки зрѣнія права. По обряду выборовъ депутаты должны были быть высланы городомъ. Въ понятіе же города, какъ оно установлено законодательствомъ Петра В., которое дѣйствовало и въ моментъ выборовъ, высшее сословіе не входило *). Это отступленіе городскихъ выборовъ Москвы и Петербурга отъ начала сословности сдѣлано, конечно, не безъ вѣдома императрицы и служитъ только новымъ доказательствомъ недостаточной твердости основныхъ началъ, съ которыми она приступила къ великому дѣлу созванія законодательной коммиссіи.

Всесословные выборы, точно такъ же какъ и выборы съ участіемъ духовенства, представляются исключеніемъ. Обыкновенно же выборы въ городахъ производились городскими жителями въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. купцами, цеховыми, ямщиками, канцелярскими чиновниками и пр.

---

*) Въ черновыхъ набросках, вмѣсто депутата отъ города, прямо говорится о депутатѣ отъ купцовъ.

Но дѣло выборовъ далеко не происходило такъ просто и единообразно, какъ можно подумать, читая написанный Екатериною обрядъ, въ которомъ вовсе не приняты къ соображенію историческія особенности разныхъ мѣстъ. Понятіе города, какъ совокупности людей средняго сословія, возникшее только съ Петра, далеко не успѣло еще объединить во всѣхъ городахъ имперіи всѣхъ городскихъ жителей (въ этомъ тѣсномъ смыслѣ) въ одно сословіе; кромѣ того, жители нѣкоторыхъ городовъ, по разнымъ причинамъ, состояли на особомъ положеніи. Благодаря этому, городское населеніе многихъ городовъ имперіи распадалось на отдѣльныя группы, различавшіяся правами и обязанностями. Вслѣдствіе этого, въ нѣкоторыхъ городахъ, жители которыхъ разбивались на такія группы, представлялось совершенною невозможностью, чтобы всѣ избиратели соединились на одномъ депутатѣ, или снабдили бы его однимъ наказомъ. Въ Нѣжинѣ, напримѣръ, коренное городское населеніе пользовалось магдебургскимъ правомъ и состояло въ вѣдѣніи магистрата, а рядомъ съ нимъ, на особыхъ правахъ, существовало братство нѣжинскаго греческаго купечества и была еще община великороссійскихъ купцовъ. Кромѣ того, къ нѣжинскимъ гражданамъ принадлежало еще нѣкоторое число шляхты и казаковъ, постоянно жившихъ въ городѣ. По мнѣнію нѣжинскихъ жителей, эта шляхта и казаки должны были подчиняться магдебургскому праву и вѣдаться магистратомъ. Но на дѣлѣ они давно вышли изъ-подъ власти магистрата и жили по литовскому статуту. Всѣ эти разряды лицъ называютъ себя гражданами Нѣжина, но, благодаря различію правъ, интересы ихъ очень различны. По обряду выбора депутатовъ, городъ Нѣжинъ долженъ былъ прислать одного депутата. Онъ такъ и сдѣлалъ, но снабдилъ его четырьмя разными наказами, по одному отъ каждаго особаго разряда лицъ. Такимъ образомъ, нѣжинскій депутатъ, магистратскій писарь Костевичъ (избраніе магистратскаго писаря указываетъ на преобладаніе перваго разряда), получилъ невозможное порученіе одновременно отстаивать противорѣчивыя ходатайства своихъ избирателей. Городъ Астрахань, находившійся, повидимому, въ подобныхъ же условіяхъ, нашелъ другой исходъ. Несмотря на положительное предписаніе прислать одного депутата отъ города, онъ прислалъ пятерыхъ: одного отъ русскихъ жителей, другаго отъ армянъ и католиковъ, третьяго отъ татаръ казанской слободы, четвертаго— отъ татаръ бухарскаго, гилянскаго и агрыжанскаго дворовъ и т. д. Всѣ они были признаны сенатомъ въ качествѣ депутатовъ.

Такъ оригинально исправлялись на мѣстахъ недостатки обряда выборовъ, вызванные незнакомствомъ составителей его съ дѣйствительнымъ положеніемъ городскаго населенія имперіи.

Также не вполнѣ соотвѣтствовали обряду и выборы депута-

товъ сельскаго населенія и по той же причинѣ: по незнакомству составителей обряда съ положеніемъ сельскаго населенія. По обряду, каждой провинціи дано право прислать по одному депутату отъ слѣдующихъ трехъ разрядовъ свободныхъ сельскихъ обывателей: однодворцевъ, пахатныхъ солдатъ и черносошныхъ крестьянъ. Но, во-1-хъ, эти разряды не исчерпываютъ всѣхъ видовъ свободнаго сельскаго населенія того времени (здѣсь не упомянуты, напримѣръ, половники, ясачные, приписные къ заводамъ), а, во-2-хъ, обрядъ требуетъ присылки разныхъ депутатовъ отъ такихъ разрядовъ, между которыми въ то время уже было весьма трудно провести разграничительную черту (таковы, напримѣръ, однодворцы и нѣкоторые виды пахатныхъ солдатъ). Вслѣдствіе этого, когда приступили къ выборамъ, пришлось, съ одной стороны, допустить къ участію въ нихъ крестьянъ, въ обрядѣ не упомянутыхъ (половниковъ, ясачныхъ, даже экономическихъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и дворцовыхъ), а съ другой—однодворцы нѣкоторыхъ мѣстностей прислали общаго депутата съ прежнихъ службъ служилыми людьми, которые были тѣ же пахатные солдаты и должны были бы прислать отдѣльнаго депутата.

Выборы депутатовъ отъ дворянъ, благодаря бо́льшему единообразію этого сословія, не подали повода къ такимъ отступленіямъ отъ обряда.

Чтобы познакомиться ближе съ составомъ коммиссіи, мы приведемъ здѣсь современный списокъ числа депутатовъ по губерніямъ и сословіямъ, который, кажется, еще не былъ напечатанъ. Мы позволимъ себѣ сдѣлать въ немъ, кромѣ двухъ мелкихъ поправокъ, только одно отступленіе. Депутаты отъ сельскаго населенія показаны въ оригиналѣ въ ихъ подраздѣленіяхъ, т. е. отъ каждаго изъ трехъ разрядовъ отдѣльно. Въ виду того, что различія этихъ разрядовъ не всегда выдерживались въ дѣйствительности, мы сливаемъ ихъ въ одну общую рубрику депутатовъ отъ сельскаго населенія, къ которымъ причисляемъ и новокрещенныхъ иновѣрцевъ, приславшихъ отъ себя обрусѣвшихъ депутатовъ.

Вѣдомость, сколько въ присутствіи коммиссіи находится депутатовъ, за іюль 1768 года:

Губерніи.	Дворяне.	Горожане.	Казаки.	Поселяне.	Иновѣрцы.	Всего.
Московская	49	58	—	5	—	112
Кіевская	—	1	—	1	—	2
С.-Петербургская	3	3	—	—	—	6
Новгородская	18	20	—	4	—	42
Казанская	5	16	—	28	12	61
Астраханская	1	11	10	2	—	24
Сибирская	—	10	2	4	2	18
Иркутская	—	5	—	1	2	8
Смоленская	5	5	—	1	—	11
Эстляндская	4	2	—	—	—	6

Лифляндская.	4	4	—	—	—	8
Финляндская.	1	4	—	4	—	9
Нижегородская. . . .	4	7	—	4	1	16
Малороссійская. . . .	10	10	11	—	—	31
Слободская.	5	5	3	2*)	—	15
Воронежская. . . .	17	15	8	8	2	50
Бѣлогородская	17	13	1	4	—	35
Архангельская. . . .	6	13	—	3	3	25
Оренбургская.	3	4	10	7	10	34
Новороссійская. . . .	8	1	7	2**)	—	18
Всего . .	160	207	54	78	32	531

Представители дворянъ состояли на двѣ-трети изъ военныхъ людей, число которыхъ доходило до 109 (въ томъ числѣ 17 отставныхъ). Большая часть военныхъ были штабъ-офицеры—83 человѣка, въ томъ числѣ 30 генераловъ. Большинство депутатовъ гражданской службы также принадлежало къ высшимъ чинамъ, съ ассессора начиная. Сенаторовъ было 11 человѣкъ. Этотъ чиновный составъ дворянскихъ депутатовъ совершенно въ духѣ времени. Освобожденіе дворянъ отъ обязательной службы состоялось только въ 1762 году. Манифестъ о выборѣ депутатовъ нашелъ ихъ еще всѣхъ на службѣ. Если выбирали служащіе дворяне, то, понятно, кто бо́льшаго дослужился, тотъ и былъ въ ихъ глазахъ лучше. Другой мѣрки не могло быть.

Другимъ характеромъ отличаются представители городовъ. Великороссійскіе города были почти исключительно представлены купцами, число которыхъ доходитъ 173; остальные городскіе депутаты—мѣщане, секретари магистратовъ, духовныхъ правленій и т. под. Нѣкоторые малороссійскіе города прислали казаковъ: сотниковъ, полковыхъ писарей и т. под.

Сельское населеніе исключительно выслало депутатовъ изъ своей среды: черносошныхъ крестьянъ, однодворцевъ и т. под.

Депутаты отъ казаковъ, приведеные въ 3-й рубрикѣ, представляютъ собою низшіе чины казацкаго войска. По роду жизни это тѣ же крестьяне, но обязанные нести съ принадлежащихъ имъ земель военную службу на своемъ содержаніи. Они также были исключительно представлены лицами своей среды: казацкими сотниками, старшинами, а въ большинствѣ случаевъ простыми казаками. На все число депутатовъ отъ казаковъ встрѣчаемъ не болѣе двухъ-трехъ депутатовъ, выбранныхъ изъ офицеровъ.

Подъ рубрикой иновѣрцевъ соединены представители отъ та-

---

*) Въ оригиналѣ показаны вмѣстѣ съ казаками, тогда какъ въ наказахъ названы просто хлѣбопашцами.

**) Въ оригиналѣ не показанъ депутатъ отъ посполитыхъ и поселянъ, Степанъ Бѣлченко, прибывшій въ коммиссію 22-го іюня.—Такія вѣдомости составлялись за каждый мѣсяцъ.

таръ, разныхъ наименованій, самоѣдовъ, башкиръ, черемисовъ, мещеряковъ, калмыковъ и другихъ инородцевъ, принадлежавшихъ къ сельскому населенію, которые по бо́льшей части и русскаго языка не знали, а потому имъ и было предоставлено право выбрать себѣ въ помощь особыхъ лицъ подъ именемъ опекуновъ.

Вопросы, подлежавшіе обсужденію коммиссіи, должны были рѣшаться большинствомъ голосовъ. Хотя дворянство и высшіе чины были хорошо представлены, но численное большинство было далеко не на ихъ сторонѣ, и въ случаѣ столкновенія они всегда остались бы въ меньшинствѣ. Не этимъ ли надо объяснять тотъ знаменательный фактъ, что высшіе сановники, за небольшими исключеніями *), почти вовсе не принимали участія въ преніяхъ?

Хотя въ результатѣ выборовъ надо было ожидать именно такого отношенія числа представителей разныхъ сословій, но есть основаніе думать, что результатъ этотъ не могъ удовлетворить императрицу. Она смотрѣла на дворянство, какъ на опору монархіи и, конечно, была бы болѣе довольна, еслибъ этому сословію принадлежалъ и численный перевѣсъ голосовъ. При выборахъ членовъ въ дирекціонную коммиссію императрица, которой принадлежало право утверждать выборы, утвердила только лицъ высокопоставленныхъ, не допустивъ въ составъ коммиссіи ни одного мелкаго человѣка. Это также указываетъ на симпатіи государыни, которымъ составъ коммиссіи далеко не удовлетворялъ.

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, насколько сочувственно отнеслось населеніе Россіи къ довѣрчивому обращенію къ нему императрицы. Сочувствіе населенія должно было выразиться въ его желаніи воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ выслать депутата изъ каждаго округа, въ которомъ были избиратели. Къ сожалѣнію, имѣющіеся у насъ подъ руками матеріалы, не даютъ возможности исчерпывающимъ образомъ отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ какъ у насъ нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній о томъ, въ какихъ уѣздахъ были дворяне и свободные сельскіе обыватели, и въ какихъ нѣтъ. Мы знаемъ города и уѣзды, изъ

---

*) Число депутатовъ изъ высшихъ чиновъ, отъ генерала и дѣйст. ст. совѣт. начиная, доходило до 35 человѣкъ (мы не включаемъ сюда представителей отъ правительственныхъ учрежденій, о которыхъ рѣчь будетъ ниже). Изъ нихъ только 11 человѣкъ приняли участіе въ преніяхъ, въ теченіи первыхъ 100 засѣданій; и изъ этихъ 11-ти, только трое говорили по 2 раза, остальные же 8 только по одному. Двадцать же четыре человѣка, т.-е. болѣе $^2/_3$, не приняли никакого участія въ преніяхъ. Въ числѣ ихъ находятся и такіе сановники, какъ графъ Захаръ Чернышевъ, вице-президентъ военной коллегіи, генералъ-аншефъ, сенаторъ, графъ П. И. Панинъ, генералъ-аншефъ, кн. А. М. Голицынъ, позднѣе фельдмаршалъ, дѣйст. ст. совѣт. Дмитрій Волковъ, президентъ мануфактуръ-коллегіи, сенаторы: кн. Вяземскій, кн. Трубецкой, Желябужскій и др., генералъ-поручикъ, генералъ-адъютантъ, графъ Алексѣй Орловъ и пр.

которыхъ депутаты были присланы, но не можемъ сказать, что города и уѣзды, которые депутатовъ прислали, сдѣлали это по нежеланію участвовать въ коммиссіи. Фактъ неприсылки можетъ объясняться и тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ округахъ вовсе не было дворянъ, или другихъ избирателей.

Число свободныхъ сельскихъ обывателей въ это время не велико, и могли быть цѣлые уѣзды, въ которыхъ ихъ вовсе не было. Этимъ объясняется сравнительно небольшое число представителей отъ крестьянъ въ такомъ крестьянскомъ государствѣ, какова Россія. Но для правильной оцѣнки его надо имѣть въ виду слѣдующее. Избирательнымъ округомъ для сельскаго населенія была принята гораздо болѣе крупная единица, чѣмъ для двухъ другихъ сословій. Дворяне высылали депутатовъ отъ каждаго уѣзда, горожане отъ каждаго города, сельское же населеніе только отъ цѣлой провинціи, заключавшей въ себѣ нѣсколько городовъ и уѣздовъ. Такимъ образомъ представителей сельскаго населенія и должно быть меньше. Но за каждымъ сельскимъ депутатомъ стояло гораздо болѣе избирателей, чѣмъ за городскимъ или дворянскимъ. Они представляли всѣ погосты или сельскія общества своей провинціи и получали отдѣльные наказы отъ каждаго погоста. Депутатъ Чупровъ, напримѣръ, единственный представитель крестьянъ архангельской провинціи, привезъ съ собою 195 наказовъ отъ уѣздовъ: важскаго, кольскаго, пустозерскаго, мезенскаго, кевролъскаго и двинскаго. Тутъ были наказы отъ черносошныхъ крестьянъ, ясачныхъ, дворцовыхъ и бывшихъ экономическихъ. Въ одномъ двинскомъ уѣздѣ считалось тогда 20,543 души черносошныхъ крестьянъ и 10,913 душъ экономическихъ. Эти цифры даютъ понятіе о той массѣ интересовъ, представителемъ которыхъ явился Чупровъ. Въ двухъ другихъ провинціяхъ архангельской губерніи, которыя выслали также по одному депутату, былъ составленъ еще 241 наказъ. Цифра всѣхъ крестьянскихъ наказовъ (съ казацкими и иновѣрческими) доходитъ до 1066. Такимъ образомъ, около половины (496) всѣхъ крестьянскихъ наказовъ приходится на архангельскую губернію. Этотъ громадный процентъ свободнаго сельскаго населенія, выпадающій на одну губернію, объясняется тѣмъ, что новые московскіе порядки всего менѣе коснулись этой отдаленной области, сохранившей наиболѣе остатковъ до-московской старины. Но изъ сравнительно небольшаго числа общинъ, приходящагося на остальную Россію, нельзя еще дѣлать заключенія, что ихъ именно столько и было, и что всѣ онѣ прислали депутатовъ. Какъ не всѣ горожане и даже дворяне воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ, такъ, конечно, и не всѣ крестьяне. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ ямбургскомъ уѣздѣ, петербургской губерніи, и новоладожскомъ, новгородской, были свободные сельскіе обыватели, а депутатовъ отъ нихъ не

было. По смыслу обряда выборовъ, сельское населеніе даже не было обязано присылать депутатовъ. Ему было только предоставлено право, которымъ оно могло и не пользоваться.

Полное отсутствіе представителей крестьянскаго населенія губерній малороссійской, лифляндской и эстляндской объясняется взглядомъ императрицы на тамошнихъ крестьянъ, которыхъ она считала крѣпостными (Сб. Р. Ист. Общ., X, 286), и которые поэтому не были приглашены къ выборамъ. Сравнительно большая цифра крестьянскихъ депутатовъ казанской губерніи объясняется значительнымъ числомъ инородцевъ, принявшихъ православіе, которые одни выслали 14 представителей.

Особенно въ большомъ числѣ явились представители отъ городовъ. Цифра ихъ на 47 человѣкъ превышаетъ цифру депутатовъ отъ уѣзднаго дворянства. Но это надо объяснять не бо́льшею ихъ ревностью къ дѣлу, сравнительно съ дворянами, а тѣмъ, во-первыхъ, что нѣкоторые города, какъ Астрахань, Тула и друг., прислали по-нѣскольку депутатовъ, тогда какъ дворяне высылали всегда по одному на уѣздъ, а иногда по одному и на два, и, во-вторыхъ, депутаты отъ средняго сословія были присланы не только отъ уѣздныхъ городовъ, но и отъ нѣкоторыхъ пригородовъ, слободъ и посадовъ, которые уѣздовъ не имѣли.

Положеніе дворянъ этого времени было исключительно привилегированное. Пользуясь уже значительной долей земныхъ благъ, нѣкоторые изъ нихъ совершенно равнодушно отнеслись къ законодательной коммиссіи, которая имѣла цѣлью сдѣлать подданныхъ имперіи счастливыми. Такъ поступили муромскіе дворяне. Они выслали депутата, но въ наказѣ, ему данномъ, прямо заявили, что по довольномъ общемъ разсужденіи всего муромскаго дворянства не нашли никакихъ нуждъ и отягощеній, которыя нуждались бы въ исправленіи. Этимъ заявленіемъ, конечно, и новое законодательство, по скольку оно касается дворянъ, признавалось излишнимъ. Они очевидно, считали уже себя счастливыми и при старомъ порядкѣ вещей. Дворяне нѣкоторыхъ другихъ уѣздовъ и вовсе депутатовъ не выслали. Таковы уѣзды: масальскій, кологривскій, цивильскій, звенигородскій, лебеданскій, сокольскій и землянскій. Нѣкоторые изъ нихъ ссылались при этомъ на свое малолюдство! *)

Но мы сдѣлаемъ большую ошибку, если подумаемъ, что къ

---

*) Крупная цифра дворянскихъ и городскихъ представителей московской губ. объясняется сравнительно бо́льшимъ числомъ уѣздныхъ городовъ, входившихъ тогда въ составъ этой губерніи. Къ Москвѣ было приписано болѣе 54 уѣздовъ, которые теперь раздѣлены между 8 отдѣльными губерніями: московской, костромской, ярославской, калужской, тульской, владимірской, рязанской и тверской.

начинанію Екатерины равнодушно отнеслись только нѣкоторые изъ дворянскихъ избирателей. Какъ бы ни было велико дѣло, нарождающееся въ обществѣ, всегда и во всякой средѣ найдутся равнодушные. Между горожанами они также были, хотя и по другой причинѣ, по крайней бѣдности и недосугу оторваться отъ ежедневныхъ заботъ дня. Горожане Лебедянска, Сокольска, Землянска, Ливнъ, Ефремова, Новосиля и Данилова не прислали депутатовъ. Въ четырехъ послѣднихъ городахъ, какъ видно изъ заявленій депутатовъ, даже вовсе не было купечества; не-торговому же городскому населенію, которое нерѣдко находилось еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ крестьяне, было, конечно, не до законодательства на новыхъ началахъ. Такихъ примѣровъ неприсылки депутатовъ и притомъ отъ всѣхъ сословій можно было бы набрать и еще нѣсколько.

Нѣкоторые города даже лучше сдѣлали бы, еслибъ вовсе никого не послали. Мы разумѣемъ Борисоглѣбскую слободу (Ярославской губ.), приславшую депутата на правахъ города. Борисоглѣбскіе горожане выбрали своимъ представителемъ купца Семена Еболдина. Этотъ Семенъ Еболдинъ по смерти своего отца раздѣлился съ братомъ, которому предоставилъ домъ въ Борисоглѣбскѣ, а самъ переѣхалъ въ Выборгъ, гдѣ и поселился. Узнавъ о постигшей его участи, Еболдинъ просилъ вмѣсто него выбрать другаго, ссылаясь на свою болѣзнь и на то, что дома у него въ Борисоглѣбскѣ нѣтъ. Мѣстная ратуша не уважила его ходатайства и требовала, чтобы онъ взялъ наказъ и полномочіе и ѣхалъ представлять интересы своей родины. Можно думать, что Борисоглѣбская слобода хотѣла только отдѣлаться отъ чести участвовать въ законодательной коммиссіи, и выборы, по всей вѣроятности, пали на отсутствующаго, такъ какъ изъ наличныхъ гражданъ никто не хотѣлъ ѣхать. Дѣло дошло до сената; но эта высшая инстанція показала не большее пониманіе дѣла, чѣмъ мѣстная ратуша. Сенатъ произвелъ цѣлое слѣдствіе и, находя, „что отъ части въ домѣ Еболдинъ отказался уже по выборѣ, а болѣзнь, какъ видно изъ аттестата врача, не такъ чрезвычайна, чтобы могла препятствовать отправленію депутатской должности“, опредѣлилъ, выслать Еболдина не медленно къ депутаской должности (Арх., Журналы). Генералъ-прокуроръ Вяземскій увѣдомилъ объ этомъ рѣшеніи маршала коммиссіи, и Еболдинъ былъ занесенъ въ списки депутатовъ, въ числѣ которыхъ и оставался до конца, являя примѣръ депутата, противъ своей воли обязаннаго защищать интересы своихъ избирателей. И это, не смотря на то, что по обряду выборовъ каждый депутатъ имѣлъ право, если только не хотѣлъ участвовать въ засѣданіяхъ коммиссіи, передать свои полномочія другому.

Это, впрочемъ, не единственный случай неумѣлаго отношенія

администраціи къ новому дѣлу представительства. Депутатомъ казаковъ лубинскаго полка былъ избранъ казакъ Мищенко. Получивъ полномочіе, но не дождавшись окончанія составленія наказа, онъ поѣхалъ въ Москву, 7-го августа явился въ сенатъ и того же числа занесенъ въ списки депутатовъ. Малороссійскій генералъ-губернаторъ, графъ Румянцовъ, узнавъ, что Мищенко уѣхалъ, не явившись къ нему и не взявъ наказа, остался этимъ крайне недоволенъ и обратился въ сенатъ съ просьбой „прислать къ нему Мищенко за карауломъ". По обряду выборовъ явка депутатовъ къ генералъ-губернатору не требовалась, наказъ же, конечно, могъ быть переданъ если не по почтѣ, то какимъ-либо инымъ путемъ. Послѣдствій ходатайства строгаго генералъ-губернатора намъ не удалось розыскать, но Мищенко до конца остался депутатомъ (Арх., Журналы).

Всякое новое дѣло, какъ бы ни было оно само по себѣ хорошо, крѣпнетъ и становится на ноги только съ теченіемъ времени и при умѣломъ и заботливомъ уходѣ. А потому не равнодушіе нѣкоторой части избирателей къ своему новому праву, ни промахи администраціи не должны насъ смущать. Они не составляютъ особенности нашей русской природы и, при извѣстныхъ условіяхъ, встрѣчались вездѣ и всегда будутъ встрѣчаться.

Если высшая администрація находила возможнымъ требовать присылки депутата „за карауломъ", то еще менѣе можно удивляться тому, что депутаты не всегда пользовались должнымъ уваженіемъ со стороны населенія. Во время зимняго перерыва засѣданій коммиссіи, за которымъ послѣдовалъ переѣздъ ея изъ Москвы въ С.-Петербургъ, Чупровъ, депутатъ отъ крестьянъ Архангельской провинціи, ѣздилъ къ себѣ на родину. На одной изъ станцій Олонецкаго уѣзда ямщики требовали съ него съ шумомъ и бранью уплаты двойныхъ прогоновъ. Чупровъ не хотѣлъ подчиниться незаконному требованію, убѣждалъ крестьянъ исполнить свою обязанность согласно положенію и указывалъ имъ на свое званіе депутата. Ничто не подѣйствовало, ямщики продолжали шумѣть и даже побили Чупрова, не подозрѣвая, конечно, что они бьютъ дѣятельнаго члена законодательной коммиссіи, который не разъ поднималъ свой голосъ въ защиту крестьянскихъ интересовъ.

Передъ обнародованіемъ манифеста о созваніи представителей, у императрицы Екатерины были нѣкоторыя сомнѣнія относительно того, захочетъ ли населеніе Малороссіи, Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи прислать выборныхъ. Среди отдѣльныхъ мыслей императрицы, данныхъ въ руководство князю Вяземскому и другимъ лицамъ, которымъ было поручено составить планъ выборовъ, между прочимъ, встрѣчаемъ и такую: „Малороссіи, Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи отдается на волю прислать депу-

татовъ. А не пришлютъ, останутся на такомъ основаніи, какъ нынѣ, пока не будутъ бить челомъ объ уравненіи". Императрица опасалась, что эти части имперіи не захотятъ принять участіе въ общемъ законодательствѣ. Но она не сомнѣвалась, что новое законодательство, выработанное по указаніямъ ея наказа, доставитъ гораздо болѣе счастья малороссамъ, остзейцамъ и финляндцамъ, чѣмъ то, которымъ наслаждались они подъ покровомъ ихъ старыхъ привилегій, а потому и выражала надежду, что они будутъ бить челомъ объ уравненіи. До этого же челобитья они должны были, какъ-бы въ наказаніе, оставаться при старыхъ правахъ. Въ обнародованный обрядъ выборовъ это опасеніе не перешло. Изъ извѣстной статьи профессора С. М. Соловьева, мы знаемъ, что по отношенію къ Малороссіи эти опасенія были поддерживаемы въ императрицѣ донесеніями графа Румянцова, тогдашняго генералъ-губернатора Малороссіи. Отъ 2-го марта 1767 года онъ писалъ государынѣ: „Новый проектъ уложенія не производитъ здѣсь во многихъ большихъ такого дѣйствія и признанія вашего императорскаго величества благоволенія, не перемѣняетъ наклонности ихъ не разсужденія. Многіе истинно вошли во вкусъ своевольства до того, что имъ всякій законъ и указъ государскій кажется быть нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей; отзывы же у всѣхъ одни: зачѣмъ бы намъ тамъ и быть? Наши законы весьма хороши, а буде депутатамъ быть, конечно, уже надобно, только развѣбъ искать правъ и привилегій подтвержденія" *)... Разсматривая, однако, списокъ малороссійскихъ депутатовъ по уѣздамъ и городамъ, мы должны прійти къ заключенію, что опасенія императрицы не оправдались: малороссійскіе дворяне и горожане явились въ коммиссію вовсе не въ меньшемъ числѣ, чѣмъ дворяне и горожане другихъ мѣстностей. Если не всѣ округа были представлены, то то же явленіе встрѣчается, какъ мы видѣли, и въ Великороссіи. Также не оправдались опасенія императрицы и по отношенію къ остзейскимъ провинціямъ и выборгской губерніи: эти мѣстности, сравнительно, были представлены не слабѣе другихъ. Участіе представителей ихъ въ трудахъ коммиссіи далеко не ограничивалось одною защитою мѣстныхъ привилегій: нѣкоторые изъ нихъ не менѣе великороссійскихъ депутатовъ участ-

*) „Рус. Вѣс." 1861 г. I. 35. Въ этой же статьѣ приведены и отвѣтныя письма государыни къ Румянцову, изъ которыхъ видно, съ какой ясностью мысли и спокойствіемъ духа отнеслась она къ запугивающимъ донесеніямъ своего генералъ-губернатора: „Изъ писемъ вашихъ усмотрѣла я,—пишетъ государыня,—препятствія, кои въ вашемъ мѣстѣ встрѣтилъ извѣстный манифестъ 14 декабря 1766 года. Однако же я ихъ почитаю за весьма маловажныя, а только они означаютъ умоначертаніе прежнихъ временъ, кои несомнѣнно исчезнутъ, понеже ни вы, ни я не дадимъ имъ никакого уваженія тутъ, гдѣ они не сходственны съ общимъ добромъ".

вовали и въ преніяхъ по вопросамъ общаго законодательства; проектъ же крестьянскихъ правъ былъ весь сочиненъ лифляндскимъ депутатомъ, барономъ Унгернъ-Штернбергомъ. Екатерининская коммиссія несомнѣнно могла явиться прекраснымъ средствомъ объединенія разныхъ частей нашей обширной и не вездѣ единоплеменной имперіи.

Мы обозрѣли составъ коммиссіи, насколько члены ея являются представителями населенія, въ его подраздѣленіяхъ на сословія. Но Екатерина-Великая не думала ограничить составъ коммиссіи только депутатами отъ населенія. Она призвала въ нее еще депутатовъ отъ высшихъ правительственныхъ учрежденій: сената, синода, коллегій и главныхъ канцелярій. Кромѣ того, всѣ губернаторы должны были представить свои соображенія и также входили въ составъ коммиссіи всякій разъ, какъ пріѣзжали въ Москву или Петербургъ, куда были перенесены засѣданія ея съ февраля 1768 года. Эти представители отъ учрежденій пополнили собой составъ чиновныхъ членовъ коммиссіи еще 28 чиновниками, въ числѣ которыхъ было 7 дѣйствительныхъ тайныхъ, тайныхъ совѣтниковъ и военныхъ генераловъ; остальные же принадлежали къ слѣдующимъ чинамъ до 8-го класса включительно.

Это приглашеніе особыхъ депутатовъ отъ правительственныхъ учрежденій не представляется достаточно соглашеннымъ съ общимъ ходомъ законодательныхъ работъ по составленію новаго уложенія.

Депутаты сената и коллегій приглашались, конечно, въ томъ соображеніи, чтобы законодательная коммиссія имѣла возможность выслушать людей, знакомыхъ съ практикой примѣненія законовъ. Но, по обряду управленія коммиссіей, каждая частная коммиссія, выработавъ какой-либо проэктъ, должна была пригласить въ свое засѣданіе то учрежденіе, въ полномъ его составѣ, дѣятельности котораго касался выработанный проэктъ, и обсудить его вмѣстѣ съ нимъ. Затѣмъ проэктъ новаго уложенія, по окончательной разработкѣ его въ коммиссіи, подлежалъ еще внесенію въ сенатъ, который долженъ былъ разсмотрѣть его вмѣстѣ со всѣми коллегіями.

Такимъ образомъ, для выслушанія мнѣній правительственныхъ учрежденій были приняты гораздо болѣе дѣйствительныя мѣры, рядомъ съ которыми допущеніе особыхъ депутатовъ отъ правительственныхъ учрежденій представляется неимѣющимъ цѣли.

Не достигая никакой цѣли, особое представительство учрежденій должно было невыгодно отразиться на дѣлопроизводствѣ этихъ учрежденій. Мы видѣли уже, что и помимо спеціальныхъ депутатовъ отъ сената и коллегій, въ составъ коммиссіи, путемъ выборовъ отъ дворянъ, вошло болѣе 25 чиновниковъ, членовъ

этихъ высшихъ учрежденій. Вмѣстѣ съ спеціальными представителями цифра ихъ доходитъ до 53-хъ человѣкъ. Засѣданія коммиссіи происходили по утрамъ и должны были продолжаться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Высшія правительственныя учрежденія, лишившись такого значительнаго числа членовъ, едва-ли могли справиться съ своими текущими дѣлами. Неудобства этого порядка вещей дали себя знать сейчасъ же по открытіи засѣданій коммиссіи и вызвали именной указъ императрицы отъ 11-го августа 1767 года, которымъ должностнымъ лицамъ сената и коллегій предписывалось присутствовать въ коммиссіи только два дня въ недѣлю а остальное время они должны были посвящать текущимъ дѣламъ въ своихъ присутствіяхъ. Участвуя въ коммиссіи только два дня изъ пяти (коммиссія, обыкновенно, собиралась пять разъ въ недѣлю), могли ли они быть дѣятельными и полезными ея членами? Въ декабрѣ того же года, при переѣздѣ коммиссіи изъ Москвы въ Петербургъ, послѣдовало новое распоряженіе, въ силу котораго всѣ депутаты-чиновники, занимавшіе въ московскихъ присутственныхъ мѣстахъ главныя должности (сенаторовъ, предсѣдателей, главныхъ судей и пр.), должны были остаться въ Москвѣ и, слѣдовательно, совсѣмъ перестали принимать участіе въ засѣданіяхъ коммиссіи, но выгодами депутатскаго званія, жалованьемъ и другими, имъ всемилостивѣйше предоставлено пользоваться (Арх. Журналы).

Участіе высшихъ чиновъ было, такимъ образомъ, болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное. Мы выше указали уже на то, что они принимали очень малое участіе въ преніяхъ. Это было необходимымъ, хотя и не преднамѣреннымъ со стороны императрицы слѣдствіемъ ея собственныхъ предписаній: если все то, что могла выработать коммиссія, должно было еще разсматриваться въ соединенномъ присутствіи сената и коллегій, то зачѣмъ же высокопоставленнымъ членамъ этихъ учрежденій тратить время и трудъ на пренія въ коммиссіи, большинство которой состояло изъ лавочниковъ, крестьянъ и казаковъ, которыхъ можно было пересылать за карауломъ, и среди которыхъ, естественно, они должны были чувствовать себя не на своемъ мѣстѣ *)?

---

*) Изъ 28 представителей правительственныхъ учрежденій приняли участіе въ преніяхъ, въ теченіе первыхъ 100 засѣданій, только 14 человѣкъ и изъ нихъ только 8 говорили болѣе двухъ разъ. Въ числѣ неучаствовавшихъ находимъ депутатовъ: сената, герольдмейстерской конторы, коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, мануфактуръ-коллегіи, коллегіи экономіи и суднаго приказа, которымъ представлялся не разъ случай высказаться. Но если принять въ соображеніе, что депутаты правительственныхъ учрежденій не всегда выходили торжествующими изъ преній, что мнѣнія ихъ подвергались внимательной критикѣ, что случилось, напримѣръ, съ стат. совѣт. Межениновымъ, депутатомъ коммерцъ-коллегіи, обнаружившимъ недостаточное знаніе

Сравнивая составъ екатерининской коммиссіи съ составомъ земскихъ соборовъ Московскаго государства, нельзя не прійти къ заключенію, что московскіе государи поступали практичнѣе. Они не исключали изъ состава земскихъ соборовъ духовенства, которое играло въ древней Россіи весьма важную роль и не только какъ учрежденіе чисто-религіозное, но и по вліянію его на наше свѣтское право. Значеніе духовенства, съ самаго начала императорской эпохи, весьма умаляется; но нельзя сказать, чтобы роль его въ половинѣ XVIII вѣка была окончательно съиграна и исключеніе его оправдывалось тогдашнимъ „народнымъ умствованіемъ". Съ другой стороны, московскіе государи, призывая вмѣстѣ съ представителями земли и высшіе чины служебной іерархіи, иногда, по крайней мѣрѣ, предписывали имъ имѣть совѣщаніе особо отъ первыхъ, не смѣшиваясь съ ними. Этимъ примѣромъ слѣдовало воспользоваться и организовать коммиссію въ формѣ двухъ палатъ, отчего дѣло законодательства могло только выиграть. Не всякое государство можетъ гордиться особымъ сословіемъ, которое оказало бы его развитію такія же услуги, какія оказала Англіи ея аристократія; но въ каждомъ есть разряды лицъ, проникнутые аристократическими предразсудками. Не обладая тою силой, какой въ свое время обладали пэры Англіи, они все же сила, ибо въ ихъ рукахъ всѣ важныя административныя и судебныя должности. Дать имъ свою долю участія въ дѣлѣ законодательства также необходимо. Съ пользою это можетъ быть сдѣлано только путемъ выдѣленія ихъ въ особую палату, иначе они отнесутся къ законодательному предпріятію съ такимъ равнодушіемъ, которое уронитъ его въ самомъ началѣ.

Послѣдній вопросъ, на который надо обратить здѣсь вниманіе, относится къ свободѣ выборовъ и составленію наказовъ, которыми должны были избиратели надѣлить своихъ представителей.

Что касается свободы выборовъ, то мы не имѣемъ основанія думать, чтобы она была въ какомъ-нибудь отношеніи стѣснена,

---

условій нашей торговли, какъ это выяснилось изъ возраженій купцовъ на его голосъ, или съ коллежскимъ совѣтникомъ барономъ Ашъ, депутатомъ медицинской коллегіи, несостоятельность мнѣнія котораго о томъ, что медицинская коллегія приняла уже всѣ необходимыя мѣры для врачебной помощи деревенскимъ жителямъ, и что они не нуждаются ни въ какихъ улучшеніяхъ по этой части, подала поводъ сержанту тенгинскаго пѣхотнаго полка Самсонову произнести противъ него рѣчь, хотя и совершенно справедливую, но проникнутую весьма ѣдкой ироніей, что, конечно, не могло поправиться генеральному штабъ-доктору арміи, званіе, въ которомъ состоялъ баронъ Ашъ,— если мы примемъ въ соображеніе возможность такой непріятной случайности, то воздержаніе отъ преній правительственныхъ депутатовъ будетъ совершенно понятно.

и чтобы администрація стремилась не допустить до выборовъ неугодныхъ ей кандидатовъ, и, наоборотъ, облегчала выборы людей ей пріятныхъ. Эти пріемы современной администраціи конституціонныхъ государствъ были чужды Россіи XVIII вѣка. Вѣра въ благія намѣренія верховной власти была преобладающимъ чувствомъ населенія того времени. Правильной оппозиціи правительству, которая достигаетъ опасныхъ для него размѣровъ только благодаря своекорыстнымъ стремленіямъ его органовъ, еще не было, такъ какъ не было и самой почвы, на которой она могла бы дѣйствовать, а потому у администраціи не было и повода ко вмѣшательству въ выборы. По обряду выбора депутатовъ отъ дворянъ и горожанъ, участіе администраціи имѣло мѣсто только при избраніи дворянскихъ предводителей и городскихъ головъ. Какъ скоро эти лица были избраны, самое избраніе депутатовъ совершалось уже безъ участія администраціи; всѣмъ дѣломъ избранія руководилъ избранный изъ среды сословія старшина. У крестьянъ выборами руководилъ мѣстный представитель администраціи, но, конечно, не для вліянія на выборы, а только для наблюденія за порядкомъ, и потому, что крестьяне уѣзда и провинціи не составляли отдѣльнаго цѣлаго, а Екатерина не находила еще возможнымъ дать имъ особаго сословнаго представителя, въ родѣ предводителя дворянства или городскаго головы *).

Но съ случаемъ вліянія администраціи на составленіе наказовъ встрѣчаемся. Императрица, надо думать, имѣла въ виду свободное составленіе наказовъ. Она хотѣла выслушать „нужды и недостатки“ населенія, и если бы она ограничила выраженіе ихъ, то не достигла бы своей цѣли. Приглашеніе высказать „нужды и недостатки“ не было бы, въ такомъ случаѣ, правдой, а такой двойственности и желанія подвести своихъ подданныхъ подъ отвѣтственность мы не можемъ допустить въ императрицѣ. По обряду выбора депутатовъ руководство дѣломъ составленія наказовъ предоставлено выборному представителю сословія, а не администраціи. Правда, срокъ для составленія наказа назначенъ очень краткій,—всего три дня. Но нѣтъ основанія думать, чтобы это было сдѣлано прямо съ цѣлью стѣснить свободу выраженія мнѣній. Императрица очень спѣшила съ новымъ уложеніемъ и могла назначить такой краткій срокъ только для ускоренія его хода.

Но не такъ смотрѣла на это дѣло пугливая администрація,

---

*) Утвержденіе Генриха Ширлея, что императрица „озаботилась составить коммиссію лишь изъ такихъ лицъ, которыя будутъ подчиняться ея предписаніямъ“—(Сб. Р. Ист. Общ. XII, 330) совершенно несправедливо.

которая, по обыкновенію, была plus royaliste que le roi lui même, и тѣмъ, конечно, только вредила въ глазахъ населенія охраняемымъ ею интересамъ. Графъ Румянцовъ, генералъ-губернаторъ Малороссіи, доносилъ сенату, что шляхетство повѣтовъ нѣжинскаго и батуринскаго избрало въ депутаты земскаго судью, Лаврентія Селецкаго, „но не давъ Селецкому полномочія, ниже сочиня наказъ, самовольно разъѣхались, отложа все сіе на цѣлый мѣсяцъ. Послѣ того на срокъ, собою положенный, вторично съѣхавшись, приступили къ сочиненію наказа, оставя прямую общественную пользу, коснулись, вмѣсто объясненія своихъ нуждъ и отягощеній, разсуждать о такихъ обстоятельствахъ, которыя во всемъ противны точной силѣ и разуму помянутаго манифеста. Тогда нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и выбранный депутатъ Селецкій, въ томъ имъ противорѣчили: но они, озлобясь на сихъ, отважились нарушить подъ присягою сдѣланную довѣренность первому депутату Селецкому и, пользуясь простотою предводителя полковника Тарнавіота, заставили его въ противность обряда выбрать другаго депутата, подкоморія Григорія Долинскаго“. Такъ какъ увѣщанія генералъ-губернатора не произвели должнаго дѣйствія, то онъ и просилъ виновныхъ въ описанныхъ безпорядкахъ подвергнуть суду. Въ чемъ состояли разсужденія нѣжинскаго и батуринскаго шляхетства, изъ сенатскаго указа не видно, но сенатъ предалъ виновныхъ суду не за противозаконныя разсужденія, а только за ослушаніе генералъ-губернатора. Профессоръ Соловьевъ въ вышеприведенной статьѣ говоритъ, что они просили: „повелѣть вольными голосами купно съ войскомъ Сѣчи запорожской избрать гетмана *)“.

Впрочемъ, это единственный случай вмѣшательства администраціи въ дѣло составленія наказовъ, который намъ встрѣтился. Составители наказовъ исключительно стояли на почвѣ дѣйствующаго права и были озабочены лишь его утвержденіемъ и охраненіемъ. Они такъ мало проникнуты духомъ опаснаго новаторства, что администраціи, при всемъ ея усердіи, и повода не представлялось ударить въ набатъ и всполошить мирныхъ жителей.

---

*) Изъ переписки государыни съ Румянцовымъ видно, какъ смотрѣла она на разсужденія депутатовъ о такихъ обстоятельствахъ, которыя, по словамъ Румянцова, „во всемъ противны точной силѣ и разуму“ ея манифеста: „Хотя бы тотъ, или другой уѣздъ, писала она, не дѣльныя просьбы, какъ Стародубскій, въ наказъ свой и внесъ, то надѣяться можно, что самимъ депутатамъ ихъ при дѣйствительномъ засѣданіи въ коммиссіи стыдно будетъ предъ прочими сильно стараться о такихъ пунктахъ, кои многолюднымъ собраніемъ въ посмѣяніе несомнѣнно обращены будутъ, тѣмъ паипаче, когда возлѣ одного, вздоромъ наполненнаго наказа, прочтутъ другой умѣренный...“ (Рус. Вѣст. 1861 г. I. 35, ст. С. М. Соловьева). Политическій смыслъ императрицы, понятно, несоизмѣримъ съ пугливымъ настроеніемъ ея генералъ-губернатора.

IV. Порядокъ занятій. Порядокъ, которому должна была слѣдовать коммиссія въ своихъ занятіяхъ, составляетъ существеннѣйшую сторону дѣла. На коммиссію была возложена столь обширная и сложная работа, что ей надо было очень и очень подумать о томъ, какъ устроить и довести до конца свое безпримѣрно-трудное дѣло.

Императрица Екатерина понимала всю важность этого вопроса, но, какъ и въ дѣлѣ основныхъ началъ законодательства, она не находила возможнымъ предоставить самой коммиссіи выработать порядокъ своихъ занятій, а опредѣлила его сама. Съ этою цѣлью она написала извѣстный обрядъ управленія коммиссіей *). Не исчерпывая всего содержанія этого обряда ограничимся разборомъ тѣхъ его положеній, которыя имѣютъ наибольшее значеніе.

Первое засѣданіе коммиссіи имѣло состояться подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора, который долженъ былъ пригласить депутатовъ избрать себѣ предводителя, или маршала, т. е. предсѣдателя коммиссіи. Этому маршалу обрядъ предоставляетъ право руководить всѣми дальнѣйшими дѣйствіями коммиссіи: онъ назначаетъ часъ и мѣсто засѣданій, вноситъ въ коммиссію предметы для обсужденія, управляетъ преніями и ставитъ вопросы для рѣшенія, собираетъ голоса, въ случаѣ раздѣленія ихъ даетъ

---

*) Сенаторъ Бибиковъ, въ жизнеописаніи своего отца, говоритъ, что обрядъ управленія коммиссіей и наказъ генералъ-прокурору и маршалу сочиненъ его отцемъ, стр. 85, прим. Къ сожалѣнію, онъ не указываетъ, на чемъ основано это утвержденіе. Въ библіотекѣ Императорской академіи наукъ, среди бумагъ императрицы, находился черновой списокъ генералъ-прокурорскаго наказа, писанный рукою государыни. Первые три пункта его написаны по-русски, съ нѣкоторыми отступленіями отъ напечатаннаго въ П. С. Зак.; слѣдующіе, по 11-й, по-французски и составляютъ извлеченіе изъ французскаго оригинала: затѣмъ 12-й (въ напечатанномъ это будетъ начало 13-го) и 13-й снова по-русски. Нѣсколько послѣднихъ строкъ 13-го пункта не дописаны Эта рукопись показываетъ, что императрица сама трудилась надъ составленіемъ наказа генералъ-прокурору, заимствуя понятія о правѣ народномъ, естественномъ и пр. изъ сочиненія на французскомъ языкѣ. Что касается обряда управленія коммиссіей, то также сохранились черновые его наброски, писанные рукою государыни (Сб. Р, Ист. Общ., X, 2 0). Этотъ памятникъ подвергался также многократнымъ передѣлкамъ, какъ и наказъ. Есть списокъ его, писанный рукою Карицкаго, съ собственноручными поправками Екатерины. Онъ состоитъ всего изъ 27 статей (тамъ же 222); напечатанный же въ П. С. З. имѣетъ 31 ст. Такимъ образомъ, оба эти акта первоначально писаны рукою государыни потомъ постоянно передѣлывались ею, какъ и наказъ коммиссіи, до самаго печатанія. Руки Бибикова не замѣтно ни въ этихъ, ни въ другихъ предварительныхъ работахъ Екатерины. Въ составленіи плана выборовъ онъ не былъ приглашенъ участвовать. Сочиненіе начертанія для приведенія работъ коммиссіи къ окончанію поручено было не ему, а Андрею Петровичу Шувалову. Надъ трудомъ Шувалова рукою императрицы написано: „Поданъ и сочиненъ графомъ Андреемъ Петровичемъ Шуваловымъ по нашему повелѣнію, за что ему весьма благодарю“. Трудно думать, чтобы императрица переписывала сама и исправляла сочиненія Бибикова, нигдѣ не упомянувъ объ этомъ. Судя по дѣятельности Бибикова въ коммиссіи, должно сомнѣваться, что „обрядъ“ написанъ имъ.

членамъ время для соглашенія, въ случаѣ же раздѣленія поровну, долженъ стараться согласить ихъ и снова собрать голоса. Только исходящія отъ маршала предложенія подлежатъ обсужденію собранія. Никто изъ членовъ не имѣетъ права поставить какой-либо вопросъ и довести его до обсужденія собранія. Итакъ, маршалъ является живой и мертвой водой коммиссіи: живой, если онъ съумѣетъ справиться со своей задачей, мертвой—если нѣтъ.

Главнымъ сотрудникомъ маршала по исполненію его трудныхъ обязанностей былъ генералъ-прокуроръ, правительственное лицо, съ которымъ маршалъ долженъ былъ предварительно совѣщаться о дѣлахъ, подлежащихъ обсужденію собранія. Генералъ-прокуроръ присутствовалъ въ коммиссіи съ правомъ голоса. Въ случаѣ же равнаго раздѣленія голосовъ, онъ имѣлъ два голоса; такое же право было предоставлено и маршалу.

Для предварительныхъ работъ коммиссія должна была, по предложенію маршала, выбрать изъ своей среды нѣсколько частныхъ коммиссій. Двѣ такихъ коммиссіи были предписаны самымъ обрядомъ управленія. Первая и главнѣйшая изъ всѣхъ есть дирекціонная. Она должна была выработать планъ учрежденія всѣхъ остальныхъ частныхъ коммиссій и дѣлать представленія маршалу объ избраніи въ нихъ членовъ. Она наблюдала за дѣятельностью этихъ коммиссій, давала имъ наставленія, провѣряла ихъ работы съ большимъ наказомъ и исправляла ихъ, если находила отступленія отъ его правилъ. Маршалъ и генералъ-прокуроръ были членами дирекціонной коммиссіи, а послѣдній начальникомъ ея канцеляріи. Такимъ образомъ въ маршалѣ, генералъ-прокурорѣ и дирекціонной коммиссіи сосредоточивалась и ими исчерпывалась вся организующая и направляющая дѣятельность коммиссіи.

Не довѣряя коммиссіи ни опредѣленія основныхъ началъ законодательства, ни выработки порядка ея занятій, Екатерина Великая не находила возможнымъ предоставить въ полную ея волю и выборы маршала и членовъ частныхъ коммиссій. Утвержденіе въ должности маршала и членовъ дирекціонной коммиссіи она предоставила себѣ самой; представленіе же кандидатовъ въ маршалы и членовъ всѣхъ частныхъ коммиссій было двоякое: отъ коммиссіи и генералъ-прокурора. Хотя кандидаты генералъ-прокурора также подлежали баллотировкѣ въ коммиссіи, но обрядъ не предвидитъ случая ихъ забаллотированія. Благодаря этому, вся направляющая дѣятельность могла оказаться въ рукахъ лицъ, назначенныхъ, собственно, самою императрицею, что дѣйствительно и случилось.

Все вниманіе императрицы было поглощено дѣятельностью коммиссіи, которая, по справедливости, можетъ быть названа лю-

бимымъ дѣтищемъ первыхъ годовъ ея царствованія *). Она старалась держать въ своихъ рукахъ всѣ ея нити и зорко слѣдила за всѣми выборами, но вовсе не изъ опасенія, что будутъ избраны къ болѣе дѣятельному участію въ законодательствѣ разрушительные элементы.

26 апрѣля 1765 года императрица писала Бибикову: „Александръ Ильичъ, получила я вчерашній день отъ васъ черезъ князя Щербатова списокъ кандидатовъ по балламъ для военной коммиссіи. Необходимо нужно, чтобы одинъ изъ гражданскихъ депутатовъ котораго нибудь порта нашего въ сію коммиссію вошелъ, а еще лучше или архангелогородскій, или кронштадскій, если они еще не умѣщены. Итакъ, отдавъ на вашъ выборъ, кого изберете, остаюсь къ вамъ доброжелательная". Въ этомъ письмѣ Екатерина выражаетъ заботу о томъ, чтобы въ военной коммиссіи, которая должна была обсуждать и положеніе портовыхъ городовъ, но съ военной точки зрѣнія, не были упущены изъ вниманія интересы торгующихъ людей, а потому и требуетъ, чтобы въ нее былъ избранъ гражданскій депутатъ какого-либо порта. Маршалъ и генералъ-прокуроръ предложили Ивана Рыбникова, депутата отъ города Кронштадта, который и былъ избранъ.

Въ статьѣ черноваго обряда управленія коммиссіей, составленнаго императрицей, говорится: «стараться депутатамъ внушать, чтобъ они и лифляндцевъ и эстляндцевъ посадили въ разныя частныя коммиссіи» (Сб. Р. Ист Общ., X, 233). Эта статья не перешла въ обнародованный обрядъ, но, конечно, воля императрицы была сообщена и не одному маршалу съ генералъ-прокуроромъ. Въ частныя коммиссіи, по предложенію этихъ лицъ, было выбрано десять депутатовъ отъ остзейскихъ провинцій, принимавшихъ нерѣдко очень дѣятельное участіе въ работахъ этихъ коммиссій. Такъ достигла императрица сліянія разнородныхъ частей своей имперіи въ одно цѣлое.

Но вотъ какъ иногда приводились въ дѣйствіе предначертанія государыни неумѣлыми руками исполнителей ея воли. Въ числѣ избранныхъ въ частныя коммиссіи депутатовъ отъ остзейскихъ провинцій былъ и генералъ-фельдцейхмейстеръ Александръ Вильбоа, представитель отъ дворянства эстницкаго дистрикта. Избранный членомъ юстицкой коммиссіи, онъ поспѣшилъ отказаться отъ этой чести на томъ основаніи, что правамъ никогда не обучался, а потому и полезнымъ себя для этой коммиссіи не признаетъ. Маршалъ и генералъ-прокуроръ не нашли нужнымъ

---

*) 13-го августа 1767 года Генрихъ Ширлей писалъ въ Англію: „Въ настоящую минуту собраніе депутатовъ сдѣлалось любимѣйшимъ занятіемъ императрицы и, повидимому, исключаетъ изъ ея кабинета всѣ прочія дѣла".

даже ознакомиться съ спеціальностями тѣхъ лицъ, которыхъ они проводили въ частныя коммиссіи, а можетъ быть, по ихъ мнѣнію, знаніе правъ и не нужно было для членовъ юстицкой коммиссіи. Самъ Бибиковъ правамъ не обучался, а былъ же предсѣдателемъ законодательной коммиссіи. Къ сожалѣнію, не всѣ такъ добросовѣстно относились къ своему дѣлу, какъ Вильбоа.

Засѣданія коммиссіи распадались, такимъ образомъ, на засѣданія большой коммиссіи и засѣданія частныхъ, члены которыхъ могли, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимать участіе и въ преніяхъ большой.

Въ какомъ отношеніи стояли частныя коммиссіи къ большой? По обряду управленія, большая коммиссія не составляла проектовъ законовъ,—это было дѣло частныхъ, каждой по ея спеціальности. Большая же разсматривала проэкты, которые вносились въ нее изъ частныхъ, и исправляла ихъ. Первый вопросъ, который возникаетъ здѣсь, состоитъ въ слѣдующемъ: частныя коммиссіи, выработывая проэкты отдѣльныхъ законоположеній, дѣйствовали по указаніямъ большой, или независимо отъ этихъ указаній? Обрядъ управленія отвѣчаетъ на этотъ вопросъ и «да» и «нѣтъ».

Частныя коммиссіи, какъ и большая, въ своихъ постановленіяхъ должны были руководствоваться большимъ наказомъ, депутатскими наказами и дѣйствующими законами.

Но большой наказъ, какъ мы знаемъ, далеко не заключалъ въ себѣ опредѣленныхъ правилъ по всѣмъ вопросамъ и нерѣдко ограничивался приведеніемъ однихъ примѣровъ. Въ этихъ случаяхъ, обрядъ управленія предписываетъ большой коммиссіи подавать свое мнѣніе, „которому примѣру по государственному положенію удобнѣе слѣдовать“, и этому мнѣнію дирекціонная коммиссія, а слѣдовательно, и всѣ частныя должны были слѣдовать. Въ данномъ случаѣ, большая коммиссія даетъ направленіе работамъ частныхъ, которому для нихъ обязательно подчиниться.

Совсѣмъ другія послѣдствія соединяетъ обрядъ управленія съ мнѣніями большой коммиссіи, высказанными по поводу депутатскихъ наказовъ и дѣйствующихъ законовъ. Эти мнѣнія служатъ частнымъ коммиссіямъ не въ наказъ, а только для соображенія. Они не имѣютъ обязательной силы для частныхъ коммиссій. Конечно, частная коммисія, въ виду того, что составленный ею проэктъ поступитъ на утвержденіе большой, не можетъ совершенно игнорировать ея мнѣнія. Но разъ, по правилу, мнѣнія большой коммиссіи не связываютъ частныхъ,—эти послѣднія имѣютъ право разсчитывать, что большая коммиссія можетъ и измѣнить свое мнѣніе, выслушавъ ихъ представленія. Такимъ образомъ, борьба большой коммиссіи съ частными возведена здѣсь въ общее правило.

Мы затрудняемся объяснить, что заставило императрицу придти къ такимъ, совершенно разнымъ выводамъ въ двухъ совершенно подобныхъ случаяхъ. Но не можетъ подлежать сомнѣнію, что нельзя было придумать правила болѣе вреднаго для успѣшнаго исхода дѣятельности коммиссіи, какъ это послѣднее. Если даже «согласныя» (вѣроятно, единогласныя) мнѣнія большой коммиссіи не обязательны для 5-ти членовъ частной, то зачѣмъ же терять ей трудъ и время для выработки какихъ-либо общихъ положеній, никого не связывающихъ.

Мнѣніями пяти членовъ частной коммиссіи, конечно, легче было управлять, чѣмъ мнѣніями 500 большой, но тогда не было вовсе надобности и собирать эту большую коммиссію. Не думаемъ, однако, что желаніе заправлять всѣмъ законодательствомъ продиктовало императрицѣ это правило. Она предоставила же коммиссіи право рѣшать вопросы о началахъ законодательства, когда они не указаны точно въ наказѣ. Это право нисколько не менѣе того, о которомъ теперь идетъ рѣчь. Кромѣ того, проэктъ частной коммиссіи подлежалъ же обсужденію большой и могъ быть ею измѣненъ.

Думаемъ, что объясненіе этой непослѣдовательности надо искать въ той поспѣшности, съ которой велось все дѣло приготовительныхъ работъ самой императрицы и въ недостаточно обстоятельномъ знакомствѣ съ сложными вопросами законодательства. Дѣло, за которое взялась императрица съ такимъ полнымъ довѣріемъ къ своимъ личнымъ силамъ, было слишкомъ трудное и для нея совершенно новое. Недосмотръ и ошибки при такихъ условіяхъ весьма обыкновенны.

Предварительныя работы частныхъ коммиссій не были, слѣдовательно, приведены въ должную зависимость и связь съ работами большой коммиссіи. Ошибка—чрезвычайной важности, лишившая занятія коммиссіи всякаго единства и послѣдовательности.

Дѣла въ коммиссіи рѣшались простымъ большинствомъ голосовъ, которое принималось за мнѣніе всего собранія.

Мы ограничимся разобранными правилами обряда и перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, какъ шли на дѣлѣ занятія коммиссіи и въ какой мѣрѣ были поняты и выполнены предписанныя ей правила?

Первое дѣло, за которое должна была приняться коммиссія, былъ выборъ маршала. Это первое дѣло было, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самое трудное. Большинство членовъ коммиссіи не знало другъ друга; они сошлись вмѣстѣ въ первый разъ. Дѣло, для котораго они собрались, было также совершенно новое. Предшествовавшая жизнь Россіи не могла имъ дать никакихъ указаній относительно того, кто же изъ собравшихся депутатовъ способенъ быть руко-

водителемъ въ трудѣ такой важности, какъ занятія законодательной коммиссіи. Трудна роль всякаго предсѣдателя; трудности же роли маршала были чрезвычайны: онъ не только долженъ былъ руководить преніями, но и самые предметы обсужденія, порядокъ, въ которомъ они должны были слѣдовать одни за другими, и, наконецъ, постановка вопросовъ для рѣшенія,—все это исходило отъ него. Для такой роли мало было избрать просто способнаго человѣка,—маршалъ долженъ былъ обладать обширными и притомъ спеціальными познаніями, и не только по всѣмъ отраслямъ дѣйствовавшаго тогда въ Россіи права, но и права иностранныхъ государствъ, такъ какъ наказъ, слѣдуя методѣ Монтескье, постоянно ссылается на иностранныя законодательства. Разобраться въ этомъ громадномъ матеріалѣ—дѣло не легкое. Только послѣдующія пренія могли выдвинуть людей болѣе или менѣе способныхъ занять мѣсто маршала. Въ первыя же засѣданія депутаты, естественно, блуждали въ совершенной темнотѣ.

Выборъ коммиссіи палъ на двухъ братьевъ, графовъ Орловыхъ, Ивана и Григорія. При данныхъ условіяхъ другаго выбора и нельзя было сдѣлать. Все предпріятіе законодательной коммиссіи исходило отъ самой императрицы: ею было оно задумано въ тиши кабинета, ею и приведено въ исполненіе. Избирая приближеннѣйшихъ къ ней лицъ, коммиссія хотѣла дать ей полную возможность направлять и дальнѣйшую дѣятельность коммиссіи согласно своимъ благимъ предначертаніямъ, въ искренности которыхъ депутаты не могли сомнѣваться. Мы видимъ въ этомъ избраніи побѣдоносный выходъ изъ перваго затрудненія, съ которымъ встрѣтилась коммиссія. Но Григорій Орловъ отказался, ссылаясь на множество возложенныхъ на него дѣлъ; тогда коммиссія избрала на его мѣсто графа Захара Чернышева, также пользовавшагося довѣріемъ государыни. Генералъ-прокуроръ предложилъ, съ своей стороны, въ кандидаты А. И. Бибикова. На это предложеніе коммиссія изъявила полное свое согласіе. Это единодушное одобреніе правительственнаго кандидата, который на предшествовавшей баллотировкѣ, какъ кандидатъ коммиссіи, не получилъ и простаго большинства голосовъ (за него подали голосъ 165 депутатовъ, а противъ 262), также свидѣтельствуетъ о большомъ тактѣ членовъ коммиссіи. Изъ трехъ представленныхъ императрицѣ кандидатовъ она утвердила Бибикова, такъ какъ графъ Иванъ Орловъ просилъ объ освобожденіи его отъ этой чести, а графа Чернышева императрица сама нашла слишкомъ обремененнымъ другими дѣлами. Съ ея точки зрѣнія, выборъ, конечно, былъ самый удачный, ибо кандидатъ генералъ-прокурора былъ, безъ сомнѣнія, ея кандидатъ. Послѣдствія покажутъ, насколько этотъ выборъ оправдалъ высокое довѣріе государыни; а теперь мы бросимъ взглядъ на предшествовавшую жизнь Бибикова, слѣ-

дуя біографіи, составленной его сыномъ, чтобы разъяснить, въ какой мѣрѣ она могла подготовить его къ той высокой роли, которая теперь выпала на его долю.

Александръ Ильичъ Бибиковъ родился въ маѣ 1729 года и происходилъ отъ древней фамиліи крымскихъ князей, многія отрасли которой еще въ началѣ текущаго столѣтія жили въ Крыму. Одинъ изъ его предковъ въ XVI столѣтіи, при царѣ Иванѣ, былъ воеводой и успѣшно начальствовалъ 30-ти-тысячною арміею въ войнѣ со шведами. Отецъ Александра Ильича былъ инженеръ-генералъ-поручикъ и состоялъ въ дружественныхъ связяхъ съ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ, и со многими другими высокопоставленными фамиліями своего времени. Такимъ образомъ, по рожденію и связямъ А. И. Бибиковъ уже отъ колыбели предназначался къ видной роли въ своемъ отечествѣ. Воспитаніе получилъ онъ домашнее, сперва въ домѣ отца, а потомъ въ женскомъ московскомъ Зачатіевскомъ монастырѣ, гдѣ была пострижена его бабка и тетка, на попеченіе которыхъ онъ поступилъ по смерти матери. Пятнадцати лѣтъ отъ роду Бибиковъ былъ записанъ кондукторомъ въ инженерный корпусъ, но продолжалъ оставаться у своихъ родственницъ до дальнѣйшаго повышенія въ чинахъ. Въ 1746 году онъ былъ произведенъ въ инженеръ-прапорщики и прямо изъ монастыря перешелъ на службу въ Петербургъ. Съ этого года открылась молодому человѣку петербургская жизнь съ обыкновенными для людей его возраста и состоянія удовольствіями. Нѣкоторыя увлеченія этой жизни не совсѣмъ нравились отцу Александра Ильича, и онъ просилъ о переводѣ сына въ болѣе патріархальную Москву, который и состоялся въ 1749 году. Вскорѣ за тѣмъ молодой Бибиковъ, также по ходатайству отца, былъ назначенъ къ строенію Кронштадтскаго канала, а въ томъ же 1749 году переведенъ съ чиномъ подпоручика въ артиллерію. Въ 1751 году онъ, „за усердіе къ службѣ и знаніе наукъ“, былъ пожалованъ поручикомъ артиллеріи и аудиторомъ, а вскорѣ потомъ женился по выбору отца на единственной дочери его друга, князя Козловскаго. Съ возрастомъ служебная карьера Бибикова развивается все болѣе и болѣе. Продолжая пользоваться лестнымъ довѣріемъ начальства, онъ назначается къ разнымъ особымъ порученіямъ, удачное исполненіе которыхъ доставляетъ ему въ 1756 году чинъ подполковника. Возгорѣвшаяся вскорѣ затѣмъ Семилѣтняя война дала ему новый случай отличиться и обратить на себя вниманіе начальства какъ удачными распоряженіями, такъ и подвигами личной храбрости. Въ началѣ 1762 года императоръ Петръ III возвелъ его въ чинъ генералъ-маіора, а императрица Екатерина, въ день своей коронаціи, наградила его орденомъ св. Анны. Лично извѣстный государынѣ, генералъ

Бибиковъ назначался ею къ исполненію нѣкоторыхъ важныхъ и деликатныхъ порученій, какъ, напримѣръ, поѣздка въ Холмогоры, гдѣ содержалось семейство низложеннаго императора Ивана Антоновича, усмиреніе горнозаводскихъ крестьянъ и объѣздъ нашей пограничной линіи съ Польшей, съ цѣлью опредѣленія ея удобствъ съ военной и политической точки зрѣнія. Послѣднее порученіе было возложено на Бибикова вмѣстѣ съ генералъ-поручикомъ Веймарномъ. Осмотръ границы былъ съ успѣхомъ оконченъ лѣтомъ 1766 года, а въ слѣдующемъ году, 38 лѣтъ отъ роду, онъ былъ утвержденъ императрицею маршаломъ законодательной коммиссіи.

Заслуги Александра Ильича въ той области дѣятельности, которой онъ посвятилъ свою предшествовавшую жизнь, несомнѣнны. Его благонамѣренность, честность, мужество, усердіе и исполнительность заслужили одобреніе всѣхъ его современниковъ. Но, пробѣгая повѣсть его жизни, съ такой любовью написанную его сыномъ, нельзя найти въ ней ни одной черты, которая указывала бы хотя на нѣкоторую склонность его къ тому роду дѣятельности, для которой была созвана коммиссія. Для успѣха всякаго дѣла надо, чтобы исполнители не только знали его, но и любили. Александръ Ильичъ не только не имѣлъ необходимыхъ знаній, но и не любилъ новаго, порученнаго ему дѣла и даже боялся его.

Состоя маршаломъ, онъ переписывался съ другомъ своимъ, тогдашнимъ русскимъ посломъ при датскомъ дворѣ, М. М. Философовымъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣли подъ руками писемъ самого Бибикова, въ которыхъ онъ высказывался о своей дѣятельности въ роли маршала, но въ біографіи помѣщены нѣкоторые отрывки изъ отвѣтныхъ писемъ къ нему Философова. Изъ этихъ отвѣтовъ видно, что положеніе маршала представлялось Бибикову исполненнымъ всякихъ опасностей, онъ любилъ изображать себя человѣкомъ, брошеннымъ въ пучину, готовую ежеминутно поглотить его. Философовъ писалъ Бибикову: «Подлинно правду говоришь, что ты по своему дѣлу въ пучинахъ и пропастяхъ океана обращаешься»... Или въ другомъ письмѣ: «Истинно душа моя соболѣзновала, воображая окружающія тебя бездны»...

Вотъ въ какомъ настроеніи духа находился предсѣдатель екатерининской коммиссіи. Незнакомые съ дѣломъ могутъ подумать, что отвѣты Философова писаны предсѣдателю революціоннаго собранія, потрясавшаго основы государства. А между тѣмъ переписка велась съ нашимъ маршаломъ, долженствовавшимъ руководить представителями того народа, о которомъ Петръ Великій сказалъ, что это есть „послушливѣйшій народъ“ въ свѣтѣ, и депутаты котораго дѣйствительно воды не замутили. Храбрый военa-

чальникъ и усмиритель горнозаводскихъ крестьянъ, заслужившій за успѣшное прекращеніе бунта орденъ св. Александра Невскаго, оказался доступенъ чувству страха и проявилъ робость духа среди мирныхъ законодательныхъ работъ. Тутъ нужно было, конечно, иное мужество, къ которому и Семилѣтняя война не въ силахъ была приготовить.

Избранный довѣріемъ императрицы въ маршалы, Бибиковъ не послѣдовалъ примѣру графовъ Орловыхъ—не отказался. Онъ взглянулъ, конечно, на это избраніе какъ на одно изъ тѣхъ разнообразныхъ порученій по службѣ, къ исполненію которыхъ онъ не разъ призывался. По всей вѣроятности, и сама императрица не представляла себѣ ясно того важнаго значенія, какое принадлежало роли маршала въ ходѣ занятій коммиссіи *).

Маршалъ избранъ, маршальскій жезлъ ему врученъ, коммиссія можетъ приступить теперь къ своимъ занятіямъ.

Разбору коммиссіи подлежалъ громадный матеріалъ. Въ нее поступили: 28 наказовъ отъ присутственныхъ мѣстъ, 163 отъ дворянъ, 401 отъ городовъ и 1066 отъ сельскаго населенія (въ этомъ числѣ и наказы отъ казаковъ и иновѣрцевъ), всего 1264 наказа. Кромѣ того, она должна была имѣть дѣло съ прежними законами, которые не были даже приведены въ извѣстность и собраны во-едино. По полному собранію законовъ число прежнихъ указовъ, съ соборнаго уложенія начиная и по день собранія коммиссіи, превосходитъ 12900 №№ и занимаетъ болѣе 17 объемистыхъ томовъ въ четвертку. Начала, на основаніи которыхъ надо было переработать весь этотъ матеріалъ, указаны въ наказѣ; но, какъ мы видѣли, тамъ указано далеко не все. Очень многое приходилось еще установить самой коммиссіи.

Изъ бѣглаго ознакомленія съ матеріаломъ, съ которымъ должна была имѣть дѣло коммиссія, ясно уже, что она не могла прямо приступить къ составленію новыхъ законовъ: ей надо было предварительно совершить цѣлый рядъ подготовительныхъ работъ. Прежде всего надо было выработать самую систему законовъ, въ которую потомъ и можно было укладывать отдѣльныя законоположенія. Система уложенія, для своего времени представлявшая значительный шагъ впередъ передъ судебниками, далеко не удовлетворяла потребностямъ законодательства половины XVIII вѣка

*) Насколько генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій, этотъ главный помощникъ маршала, могъ оказать ему дѣйствительное содѣйствіе, можно судить по отзыву о немъ Ник. Ив. Панина, записанному Порошинымъ: „Ник. Ив. Панинъ изволилъ долго разговаривать со мною о нынѣшнемъ генералъ-прокурорѣ кн. Вяземскомъ и удивляться, какъ фортуна его въ это мѣсто поставила: упоминаемо тутъ было о разныхъ случаяхъ, которые могутъ оправдать сіе удивленіе“. Соловьевъ. Истор., XXVI, 253. Хотя Екатерина и умѣла находить достойныхъ людей, но выборы ея не всегда были одинаково удачны.

и нуждалась въ полной переработкѣ. Затѣмъ нужно было уяснить основныя начала законодательства, насколько они даны большимъ наказомъ, и установить ихъ вновь по тѣмъ вопросамъ, по отношенію къ которымъ наказъ даетъ одни примѣры, или вовсе ничего не даетъ. Наконецъ, привести въ извѣстность содержаніе депутатскихъ наказовъ и дѣйствующаго права. Всѣ эти подготовительныя работы слѣдовало поручить частнымъ коммиссіямъ. Большое законодательное собраніе, въ 500 человѣкъ слишкомъ, можетъ съ успѣхомъ обсуждать, какъ общія начала законодательства, такъ и его частныя положенія. Но неправильно будетъ возложить на него непосредственно самую выработку этихъ общихъ началъ и отдѣльныхъ правилъ. Эта предварительная работа съ гораздо бо́льшимъ успѣхомъ можетъ быть совершена небольшими спеціальными коммиссіями. При такой постановкѣ вопроса о занятіяхъ коммиссіи сразу бы выяснился характеръ и объемъ предстоящаго ей труда. Вмѣстѣ съ этимъ выяснилось бы, что дѣло коммиссіи не можетъ быть совершено скоро, за одинъ присѣстъ; что большой коммиссіи, по опредѣленіи плана занятій и выборѣ членовъ въ частныя, и дѣлать было нечего; до окончанія первыхъ предварительныхъ работъ она могла быть распущена по домамъ. Вопросъ о планѣ занятій должно было возбудить маршалу и, конечно, въ первомъ засѣданіи послѣ того, какъ коммиссія организовалась и получила возможность дѣйствовать.

Посмотримъ теперь, какъ шли занятія коммиссіи въ дѣйствительности. Выше мы видѣли, что порядокъ ея занятій былъ опредѣленъ императрицей въ обрядѣ управленія. Тамъ указано на учрежденіе частныхъ коммиссій, на необходимость выработать общія начала, если въ наказѣ они не выражены; указано на то, что въ большомъ собраніи будутъ читаться законы, въ поправленіи которыхъ наиболѣе чувствуется нужда, и депутатскіе наказы, которые предварительно должны быть разобраны по матеріямъ. Все это вѣрно, но слишкомъ обще, и маршалу надо было очень подумать—и не одному, а вмѣстѣ съ коммиссіей — о томъ, какъ же осуществить этотъ обрядъ на дѣлѣ.

Мы пройдемъ молчаніемъ первыя семь засѣданій коммиссіи, въ которыхъ происходило чтеніе большаго наказа и обряда управленія и состоялось опредѣленіе о поднесеніи императрицѣ титула „великой, мудрой матери отечества“, и приступимъ прямо къ тѣмъ засѣданіямъ, которыми открылись обыкновенныя ея занятія.

Въ 8-мъ засѣданіи, происходившемъ 20 августа, маршалъ, не ставя никакихъ общихъ вопросовъ о планѣ занятій, предложилъ большому собранію прямо приступить къ чтенію крестьянскихъ наказовъ. Это чтеніе началось съ наказа отъ черносошныхъ

крестьянъ Каргопольскаго уѣзда. По прочтеніи наказа депутаты стали дѣлать на него свои примѣчанія. Разсмотрѣніе этого наказа еще не было окончено въ 10-мъ засѣданіи, какъ маршалъ предложилъ читать наказъ отъ ясачныхъ крестьянъ Казанскаго уѣзда. По прочтеніи сего наказа, онъ пригласилъ желающихъ дѣлать на него свои примѣчанія. Такъ дѣло шло 14 засѣданій, въ продолженіи которыхъ было прочитано 12 наказовъ. На 12-мъ наказѣ маршалъ оборвалъ чтеніе наказовъ и предложилъ приступить къ чтенію законовъ о правахъ благородныхъ. Чтеніе законовъ о правахъ благородныхъ также сопровождалось постоянными воззваніями маршала къ членамъ о томъ, чтобы они дѣлали на законы свои примѣчанія. Это длилось 10 засѣданій. Но, прежде, чѣмъ всѣ законы, касавшіеся правъ благородныхъ, были исчерпаны, маршалъ прервалъ ихъ чтеніе и предложилъ передать какъ всѣ прочитанные законы, такъ и сдѣланныя на нихъ примѣчанія въ частную коммиссію о родахъ государственныхъ жителей, а большое собраніе, по предложенію маршала, перешло къ новому чтенію законовъ о купечествѣ, поглотившемъ еще 36 засѣданій.

Таковы занятія коммиссіи въ теченіе первыхъ 60 засѣданій. Она начала съ чтенія подлинныхъ наказовъ, ни мало не задумываясь надъ тѣмъ, надо ли еще ихъ читать и что изъ этого чтенія можетъ выйти. Очевидно, порученное маршалу дѣло казалось ему до такой степени легкимъ, что онъ ни минуты не остановился надъ тѣмъ, какъ же за него приняться. Въ обрядѣ управленія сказано: „по усмотрѣнію маршала происходитъ чтеніе законовъ и наказовъ“. И вотъ онъ, начавъ чтеніе съ наказовъ, велѣлъ потомъ читать законы.

Но слѣдовало ли наказы и законы читать цѣликомъ, какъ сдѣлалъ маршалъ? Въ обрядѣ сказано: „читать законы, въ поправленіи которыхъ болѣе состоитъ нужды, по правиламъ большаго наказа, и о которыхъ болѣе въ прошеніяхъ и наказахъ депутатскихъ представляется“.... И далѣе: „читать наказы, разобравъ по матеріямъ, и сдѣлавъ выписку“... Эти правила предполагаютъ предварительную работу надъ указами и наказами, которая должна была предшествовать внесенію ихъ въ большое собраніе. Наказы надо было разобрать по матеріямъ, сличить съ дѣйствующими законами и правилами большаго наказа, и результаты этого сличенія предложить большому собранію, причемъ можно было читать и подлинныя мѣста изъ наказовъ и указовъ.

Маршалъ потому только приступилъ къ чтенію наказовъ цѣликомъ, что ходъ занятій коммиссіи не былъ достаточно выясненъ. Чтеніемъ наказовъ ровно ничего не достигалось, и маршалъ убѣдился въ этомъ собственнымъ горькимъ опытомъ.

Крестьянскіе наказы, какъ и наказы другихъ сословій, часто весьма близки между собой и содержатъ много повтореній. Читая наказы цѣликомъ, пришлось по нѣскольку разъ выслушивать не только однѣ и тѣ же нужды и недостатки крестьянъ разныхъ погостовъ и деревень, но даже одни и тѣ же примѣчанія на нихъ членовъ собранія. Чтеніе 12 наказовъ достаточно убѣдило маршала, что такъ продолжать нельзя. Онъ прекратилъ чтеніе наказовъ и никогда болѣе къ нему не возвращался. Но и послѣ этого урока, онъ не пришелъ къ мысли о необходимости выработать планъ занятій, а предложилъ новое чтеніе законовъ о правахъ благородныхъ.

Но что такое права благородныхъ? Это понятіе очень сложное. Одни права благородныхъ относятся къ области государственнаго права, напримѣръ: пріобрѣтеніе и потеря дворянства, права по службѣ и пр. Другія—гражданскаго, какъ вотчинныя права, особый порядокъ дворянскаго наслѣдованія и пр. Третьи—къ уголовному, такъ какъ въ Московскомъ государствѣ дворяне и наказывались нѣсколько иначе, чѣмъ не-дворяне. Наконецъ, были особыя дворянскія права и въ процессѣ. Законы о какихъ же правахъ благородныхъ хотѣлъ читать маршалъ? Этого онъ и самъ не зналъ. Законы читались безъ всякой системы и единственно въ порядкѣ времени. Въ первомъ засѣданіи начали съ процессуальныхъ статей уложенія, но прочли изъ нихъ только двѣ. За ними была прочтена статья Уложенія о бракахъ крестьянскихъ дѣвокъ, или вдовъ, и три статьи, относящіяся къ завѣщательному праву. Послѣ этого снова двѣ процессуальныхъ статьи, а за ними одна о необходимой оборонѣ. Этимъ кончилось чтеніе статей уложенія о дворянствѣ. Болѣе къ уложенію уже не обращались, а приступили къ чтенію соборнаго дѣянія отъ 1682 года объ уничтоженіи мѣстничества. Эти немногіе примѣры могутъ дать понятіе о томъ, какъ читались законы въ коммиссіи.

Чтеніе законовъ было такъ же безцѣльно, какъ и чтеніе наказовъ. При чтеніи маршалъ не ставилъ никакихъ вопросовъ, а только приглашалъ членовъ говорить свои примѣчанія. Говорили, поэтому, такъ же безъ всякаго порядка и общаго плана, какъ и читали. На нѣкоторые законы говорили очень много и по нѣскольку разъ одно и то же, на другіе, не менѣе важные, ровно ничего. Иногда говорилось и такое, что вовсе не шло къ правамъ благородныхъ. Все это, тѣмъ не менѣе, терпѣливо выслушивалось, записывалось и было передано въ частную коммиссію?

Можно спросить, съ какою цѣлью маршалъ предложилъ передать весь этотъ сырой матеріалъ въ частную коммиссію?

Въ виду разобранныхъ выше статей обряда управленія, мож-

но подумать, что происходившія въ большомъ собраніи пренія по поводу наказовъ и законовъ, при всей ихъ безпорядочности, предназначались, однако, для руководства частной коммиссіи, куда они и были, съ этою цѣлью, переданы. Обрядъ управленія, дѣйствительно, предписываетъ это. Но пренія въ коммиссіи не достигли и этой скромной цѣли. По обряду, депутаты не должны были ограничиваться одними примѣчаніями; имъ надо было прійти къ *положеніямъ*, которыя и слѣдовало передать въ частную коммиссію хотя не въ наказъ, но для соображенія. Маршалу, поэтому, надо было не выслушивать только примѣчанія, а вывести изъ нихъ вопросъ и поставить его собранію для рѣшенія. А. И. Бибиковъ во всѣ 60 засѣданій не поставилъ ни одного вопроса по существу дѣла, и не произвелъ ни одного голосованія. Такимъ образомъ, частная коммиссія о родахъ жителей получила изъ большаго собранія не опредѣленія его, а рядъ мнѣній отдѣльныхъ членовъ, къ которымъ, иногда, присоединялись нѣкоторые изъ ихъ товарищей. Въ чемъ мнѣніе большой коммиссіи—этого частная не могла знать: она имѣла подъ руками только ворохъ частныхъ замѣчаній и была лишена всякаго руководства со стороны большинства коммиссіи.

Выше мы указали, что отношенія частныхъ коммиссій къ большой и самою императрицею были поставлены не совсѣмъ правильно. Недосмотры «обряда» не только не были исправлены практикой, но то, что происходило въ дѣйствительности, было внѣ всякаго сравненія ниже предписанныхъ императрицею правилъ. Засѣданія большаго собранія были превращены въ совершенно безцѣльную читальню и говорильню.

Оставимъ на время большую коммиссію и перейдемъ въ дирекціонную, которая должна была представлять маршалу о необходимости учрежденія частныхъ и наблюдать за ихъ дѣятельностью. Посмотримъ, какъ составлена эта направляющая коммиссія и какъ исполнила она свою важную задачу.

Значеніе этой коммиссіи не укрылось отъ вниманія депутатовъ. Когда въ первоначальный списокъ кандидатовъ въ члены этой коммиссіи не попалъ ни одинъ изъ представителей городовъ, они обратились къ собранію съ просьбой представить на утвержденіе императрицы не двухъ кандидатовъ на каждое мѣсто (всѣхъ мѣстъ 5), какъ было рѣшено прежде, а трехъ. Собраніе согласилось, и въ число новыхъ пяти кандидатовъ были избраны четыре представителя отъ городовъ. Императрица утвердила только людей, принадлежащихъ къ знати: митрополита Дмитрія, вице-президента военной коллегіи, генералъ-аншефа графа Захара Чернышева, сенатора, генералъ-инженера Николая Муравьева (кандидатъ маршала и генералъ-прокурора), сенатора, тайнаго совѣтника Дмитрія Волкова и графа Ивана

Орлова. Дирекціонная коммиссія, такимъ образомъ, была составлена исключительно изъ правительственныхъ лицъ.

Первыя три засѣданія коммиссіи, согласно предписанному порядку, были посвящены чтенію большаго наказа, которое ни къ чему не привело, кромѣ занесенія въ протоколъ чувствъ общаго удивленія членовъ къ мудрости императрицы. Въ черновомъ протоколѣ засѣданія, происходившаго 20 августа, между прочимъ, читаемъ: „а гдѣ написано было, что дѣтей обучать грамотѣ для знанія законовъ божескихъ и гражданскихъ, всѣ господа присутствующіе оказывали великое удовольствіе, что сіе полезное дѣло предписано". Въ чистомъ протоколѣ, членами подписанномъ, этой подробности нѣтъ. Тамъ кратко сказано: „читали большой наказъ, при чемъ были разныя разсужденія». Когда пришлось подписывать протоколъ, члены коммиссіи, вѣроятно, нашли, что удовольствіе ихъ не есть же какое-нибудь дѣло, которое они обязаны были совершить въ засѣданіи, а потому и нашли нужнымъ скрыть его. Такъ отнеслись члены дирекціонной коммиссіи къ чтенію наказа, тогда какъ по обряду они должны были разработать его и представить въ большое собраніе свое мнѣніе о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ наказъ не давалъ точнаго правила, или ограничивался одними примѣрами.

Въ 4-мъ засѣданіи князь Вяземскій, генералъ-прокуроръ, внесъ слѣдующее предложеніе: „такъ какъ государство россійское, въ разсужденіи правъ, раздѣляется на три части: Великороссію, Малороссію и Лифляндію, и каждая управляется своими законами, то оные не будутъ ли нужны?" Коммиссія нашла, что будутъ нужны.

Въ 5-мъ засѣданіи возбужденъ былъ, наконецъ, вопросъ объ учрежденіи частныхъ коммиссій, и въ одномъ изъ слѣдующихъ, послѣ нѣкоторыхъ преній, принято предложеніе сенатора Волкова объ учрежденіи 3-хъ частныхъ коммиссій: вотчинной, юстицкой и о родахъ государственныхъ жителей, которыя и были учреждены въ теченіе сентября и октября. Тогда же постановлено: вмѣсто наставленія дать частнымъ коммиссіямъ экстрактъ изъ протокола отъ 5 сентября. Въ 12-мъ засѣданіи, по разрѣшеніи вопроса о частныхъ коммиссіяхъ, -былъ возбужденъ вопросъ о томъ, что же теперь дѣлать? рѣшено снова читать большой наказъ, а вслѣдъ затѣмъ приступили къ чтенію наказовъ отъ присутственныхъ мѣстъ, чѣмъ занимались еще и въ 20-мъ засѣданіи (Арх. Дневн. зап. дирекц. ком.).

Такова дѣятельность дирекціонной коммиссіи въ первыя 20 засѣданій. Для оцѣнки ея остановимся прежде на экстрактѣ изъ протокола отъ 5-го сентября, который она обратила въ наставленіе для частныхъ коммиссій. Коммиссія о родахъ жителей была учреждена 6-го сентября; 8-го она получила уже это наставле-

ніе отъ дирекціонной. Въ наставленіи ей предписывалось теперь же приступить къ составленію плана законодательства о состояніяхъ, а по утвержденіи его дирекціонной, и самаго проекта правъ разныхъ сословій *). Частная коммиссія, слѣдовательно, должна была работать надъ подробностями проекта сословныхъ правъ прежде, чѣмъ были выяснены какія-либо общія начала этой вѣтви законодательства. Большое собраніе занималось въ это время чтеніемъ крестьянскихъ наказовъ и еще не приступало къ правамъ благородныхъ. Дирекціонная коммиссія ни сама не даетъ никакихъ руководящихъ началъ частной, ни считаетъ нужнымъ ожидать, когда ихъ выработаетъ большое собраніе. Частная коммиссія должна работать совершенно самостоятельно и прямо надъ проэктомъ. О связи работъ частной коммиссіи съ работами большаго собранія и рѣчи нѣтъ.

Засѣданія только-что учрежденной частной коммиссіи о родахъ государственныхъ жителей происходили одновременно съ засѣданіями большой, а потому члены ея даже не могли всегда присутствовать при преніяхъ большой **). Слѣдствіемъ этого было то, что членамъ частной коммиссіи приходилось повторять все, что было уже сдѣлано въ большой. Въ большой коммиссіи читаются законы о дворянахъ, и въ частной читаются законы о дворянахъ. Въ большой коммиссіи, по поводу этого чтенія, отдѣльные депутаты прочитываютъ свои мнѣнія, или, какъ тогда говорили, голоса, и въ частной коммиссіи читаются тѣ же голоса. Такимъ образомъ, засѣданія большой коммиссіи и частной съ самаго начала идутъ независимо другъ отъ друга и безъ малѣйшей внутренней связи, ибо пересылка изъ большой коммиссіи въ частную наказовъ, законовъ и голосовъ, которымъ частная, если-бы даже и хотѣла, не могла слѣдовать, такъ какъ за отсутствіемъ голосованія не могла знать, въ чемъ состоитъ мнѣніе большаго собранія,—не есть-же еще связь. Такъ сложилось, подъ руководствомъ дирекціонной коммиссіи,отношеніе частныхъ коммиссій къ большому собранію.

Обрядъ управленія возлагаетъ на дирекціонную коммиссію разработку вопроса о частныхъ коммиссіяхъ. Вопросъ о частныхъ коммиссіяхъ, на которыя естественно было возложить всю

---

*) Для примѣра, каковъ долженъ быть планъ, коммиссія говоритъ: „Должность ея (частной ком.) разобрать и раздѣлить виды государственныхъ жителей, а именно: о дворянствѣ. Что есть дворянство? какія онаго степени? кто дворянинъ? какія его права? О среднемъ родѣ или мѣщанствѣ. Что есть мѣщанство? какіе онаго роды или степени? какія его права?“ и т. д. (Арх. Дневн. зап. дирек. ком.).

**) Засѣданія большаго собранія происходили по утрамъ разъ пять въ недѣлю; въ то-же время дня, но только четыре раза въ недѣлю, собирались и члены коммиссіи о родахъ жителей.

массу предварительныхъ работъ по собиранію матеріаловъ (изъ наказовъ и указовъ), выработкѣ основныхъ началъ, а послѣ утвержденія ихъ большимъ собраніемъ, и по составленію самыхъ проектовъ по отдѣльнымъ отраслямъ права, есть собственно вопросъ объ общемъ планѣ законодательныхъ работъ. Дирекціонная коммиссія порѣшила съ нимъ очень скоро: она предложила устроить три коммиссіи и тѣмъ покончила, обратившись снова къ чтенію большаго наказа, а потомъ наказовъ отъ присутственныхъ мѣстъ.

Императрица Екатерина, зоркимъ окомъ слѣдившая за первыми шагами своего любимаго дѣтища, не совсѣмъ-то счастливо развивавшагося, хотя она и не спускала его съ своихъ рукъ, не могла не замѣтить этой бездѣятельности дирекціонной коммиссіи, и принялась сама за составленіе общаго плана законодательныхъ работъ. Этотъ планъ появился въ свѣтъ 8 апрѣля 1768 года подъ именемъ „Начертанія о приведеніи къ окончанію коммиссіи проэкта новаго уложенія“ *). Здѣсь мы находимъ цѣлую систему законодательства, которое Екатерина раздѣляла на двѣ части: на право общее и особенное. Каждое изъ этихъ правъ, въ свою очередь, подраздѣлялось по предметамъ. Соотвѣтственно этому дѣленію должны быть учреждены и частныя коммиссіи, которыхъ для общаго права Екатерина назначила 11, а для особеннаго 4. Все это обязана была сдѣлать, конечно, сама дирекціонная коммиссія. Но только по полученіи этого наставленія число частныхъ коммиссій было доведено до 19, и большинство ихъ, слѣдовательно, было учреждено уже по прошествіи 7 мѣсяцевъ со дня открытія засѣданій собранія.

Ясно, что среди членовъ коммиссіи, приближенныхъ къ императрицѣ, на которыхъ она считала себя въ правѣ наиболѣе разсчитывать, не было людей способныхъ быть исполнителями либеральныхъ предначертаній начала ея царствованія. Состояніе нашей образованности и литературы того времени достаточно объясняетъ этотъ печальный фактъ. Ни маршалъ, не генералъ-прокуроръ, ни члены дирекціонной коммиссіи не могли дать должнаго хода законодательнымъ работамъ коммиссіи, и депутаты трудились ежедневно безъ всякаго направленія и порядка. Руководящіе люди рѣшительно не знали, что надо было дѣлать, а

---

*) Мы выше имѣли уже случай указать, что составленіе этого начертанія было поручено графу А. И. Шувалову. Представленный имъ императрицѣ трудъ носитъ заглавіе: „Опытъ плана всему, о чемъ въ коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія господамъ депутатамъ трудиться должно“. Этотъ „опытъ“ весь перешелъ въ „начертаніе“, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями. Онъ хранится съ бумагами императрицы въ залѣ общаго собранія петербургскихъ департаментовъ сената. Шуваловъ не былъ депутатомъ. Императрица поручила ему наблюденіе за веденіемъ дневныхъ записокъ.

между тѣмъ по обряду управленія они одни должны были давать направленіе всему дѣлу, и помимо ихъ никто не имѣлъ ни права, ни возможности спасти благое начинаніе Екатерины отъ полнаго крушенія.

Перейдемъ снова въ засѣданія большаго собранія. По прочтеніи нѣкоторыхъ законовъ о правахъ благородныхъ., маршалъ приступилъ къ такому же безпорядочному чтенію законовъ о купечествѣ, потомъ предложилъ чтеніе лифляндскихъ и эстляндскихъ привилегій, чѣмъ коммиссія занималась въ теченіе 11 засѣданій. За остзейскими привилегіями послѣдовали законы о юстиціи, въ объемѣ столь же смутномъ и неопредѣленномъ, какъ и чтеніе законовъ о правахъ дворянства и купечества. Всѣ эти чтенія происходили въ томъ-же порядкѣ, какъ и чтеніе наказовъ и законовъ о правахъ благородныхъ, т. е. прочитывали какой-либо законъ, маршалъ вызывалъ желающихъ дѣлать свои примѣчанія, желающіе охотно дѣлали ихъ; но изъ этихъ примѣчаній ровно ничего не выходило, такъ какъ не было поставлено и рѣшено голосованіемъ ни одного вопроса. Затѣмъ, весь этотъ матеріалъ, не имѣющій ровно никакого значенія, передавался въ частныя коммиссіи.

10 іюля 1768 года чтеніе законовъ о юстиціи было прервано внесеніемъ составленнаго частною коммиссіею о родахъ жителей проэкта о правахъ благородныхъ.

Проектъ о правахъ благородныхъ уже готовъ, а между тѣмъ большое собраніе не приступало еще къ обсужденію дворянскихъ депутатскихъ наказовъ и не высказало ни одного положенія относительно того, какъ-же надо организовать дворянство. Ясно, кажется, что руководители законодательными работами крайне спѣшили поднести императрицѣ плоды своихъ трудовъ, вовсе не заботясь о томъ, чтобы они были зрѣлые. Составленный частной коммиссіей проэктъ нельзя разсматривать какъ результатъ совѣщаній большаго собранія. Это произведеніе членовъ двухъ частныхъ коммиссій, состоявшихъ почти исключительно изъ правительственныхъ лицъ, а потому правильнѣе будетъ считать его правительственнымъ, хотя въ содержаніи проэкта и видно вліяніе нѣкоторыхъ изъ отдѣльныхъ мыслей, высказанныхъ въ большомъ собраніи *).

---

*) Полный ходъ работъ былъ слѣдующій: по составленіи проэкта частной коммиссіей, онъ былъ разсмотрѣнъ ею въ присутствіи членовъ герольдіи, потомъ внесенъ въ дирекціонную. Изъ дирекціонной, съ ея замѣчаніями, возвращенъ снова въ частную; переработанъ ею; разсмотрѣнъ съ членами герольдіи; снова—въ дирекціонную, а оттуда въ общее собраніе. Частная коммиссія о родахъ жителей, выработавшая проэктъ правъ благородныхъ, состояла изъ генералъ-аншефа кн. А. М. Голицына, оберъ-прокурора графа Ѳедора Орлова, генералъ-поручика графа Якова Брюса, ландрата барона фонъ-Унгернъ-Штернберга и купца Николая Свѣшникова.

Въ обзоръ содержанія проекта мы не будемъ теперь входить; мы остановимся только на вопросѣ о томъ, какъ разсматривался этотъ проектъ въ большомъ собраніи.

10 іюля проектъ былъ внесенъ въ собраніе, и маршалъ, въ томъ-же засѣданіи, предложилъ прочитать его. Послѣ перваго чтенія, происходившаго, согласно обряду, въ совершенномъ молчаніи, нѣкоторые изъ членовъ заявили желаніе говорить противъ проэкта. Не предложивъ выслушать этихъ замѣчаній, маршалъ приступилъ, въ томъ-же засѣданіи, ко второму чтенію и немедленно, вслѣдъ за окончаніемъ чтенія, сталъ спрашивать членовъ, по статьямъ, согласны они на нихъ, или нѣтъ, т.-е. приступилъ къ голосованію статей проэкта безъ преній.

Вотъ какъ понималъ маршалъ дѣло законодательства. Коммиссія не высказала ни одного мнѣнія о правахъ дворянства, проэктъ составленъ совершенно независимо отъ тѣхъ взглядовъ, которые могли принадлежать ея большинству, она едва успѣла выслушать его—и ей предлагаютъ, чтобы она сейчасъ же голосовала по статьямъ и безъ всякихъ преній!

Русскій человѣкъ, говоритъ пословица, заднимъ умомъ крѣпокъ. Это свойство его проявилось и въ засѣданіи 10 іюля. Предложенное маршаломъ голосованіе пошло своимъ чередомъ, съ первой статьи начиная, которая была принята всѣми голосами, за исключеніемъ одного. Вторая была принята единогласно; третья и четвертая также приняты. О пятой возникли несогласія. Во время споровъ, возбужденныхъ этой статьей, нѣкоторые члены снова заявили желаніе говорить противъ проэкта и даже противъ тѣхъ его статей, которыя уже приняты. Въ это время 28 депутатовъ отъ дворянъ составили письменный протестъ, въ которомъ просили: „по важности матеріи дать время на размышленіе“ Одновременно съ ними 12 представителей отъ однодворцевъ, пахатныхъ солдатъ и горожанъ составили тотъ протестъ, замѣчательное начало котораго мы выписали выше. Онъ оканчивался такъ: „теперь-же къ соглашенію никакимъ образомъ приступить невозможно, понеже ничто не можетъ быть вдругъ совершено, что человѣкомъ сочинено“. Тутъ-же поднялись и татары: они просили дать имъ копію проэкта съ переводомъ на татарскій языкъ, такъ какъ они и понять его не могли.

Видя полный неуспѣхъ своего предпріятія, маршалъ вынужденъ былъ уступить и отложилъ разсмотрѣніе проэкта на недѣлю (Арх. Днев. зан. бол. собр.).

Въ слѣдующемъ засѣданіи, состоявшемся ровно черезъ недѣлю, приступлено было къ обсужденію проэкта по статьямъ. Нѣкоторыя статьи вызвали весьма много возраженій и поправокъ; для 6 ст., I-й главы, напримѣръ, было предложено 8 разныхъ редакцій. По содержанію своему, мнѣнія депутатовъ, ко-

торыя при этомъ высказывались, далеко не новыя. Многія изъ нихъ были уже высказаны въ самомъ началѣ засѣданій собранія, когда читались законы о правахъ дворянъ, и теперь только повторяются. При заявленіи этихъ возраженій, маршалъ слѣдуетъ совершенно тому-же образу дѣйствій, котораго онъ держался и при обсужденіи наказовъ и законовъ, т. е. онъ даетъ высказываться отдѣльнымъ мнѣніямъ и затѣмъ, не сводя ихъ ни къ чему, и не ставя никакихъ вопросовъ для голосованія, переходитъ къ слѣдующей статьѣ *). Такъ дѣло шло цѣлыхъ 13 засѣданій, въ теченіе которыхъ были разсмотрѣны всѣ статьи проэкта, выслушано множество возраженій, но въ результатѣ не получилось ровно ничего, кромѣ вороха отдѣльныхъ мнѣній, большинство которыхъ было высказано уже годъ тому назадъ.

Видя безпомощное положеніе своего маршала, императрица снова поспѣшила къ нему на помощь. 13-го іюля она написала ему собственноручное письмо, въ которомъ дѣлала наставленія относительно того, какъ надо поступать въ томъ случаѣ, когда на статью проэкта предложено будетъ разомъ нѣсколько новыхъ редакцій. Мѣсяцъ спустя, письмо это, нѣсколько переработанное, было прислано въ коммиссію, какъ *дополненіе къ обряду* управленія коммиссіей. Не исчерпывая всего содержанія этого памятника, который весь былъ вызванъ ошибками маршала, мы приведемъ только два его пункта.

При обсужденіи проекта императрица предписывала *выбрать* особаго депутата, который взялъ-бы на себя его защиту. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда противъ статьи проэкта высказано не одно, а нѣсколько мнѣній, предписывалось пригласить депутатовъ подписаться подъ этими разными мнѣніями, и подъ какимъ окажется болѣе голосовъ, то мнѣніе и должно было войти въ конкурренцію со статьей проэкта, а остальныя уничтожались, т. е. всѣ мнѣнія на статью подлежали баллотировкѣ, и то изъ нихъ, которое получило большее число голосовъ, баллотировалось затѣмъ со статьей проекта и, конечно, становилось на ея мѣсто, если получало больше голосовъ.

Получивъ это дополненіе къ обряду 13-го августа, маршалъ, однако, продолжалъ до 4-го сентября ни къ чему неведущее выслушиваніе примѣчаній и только по окончаніи примѣчаній на всѣ статьи объявилъ, что слѣдующія три засѣданія назначаются имъ для преній по спорнымъ вопросамъ.

Эти новыя пренія отличались отъ предшествовавшихъ только тѣмъ, что при чтеніи 2 ст. II-й главы маршалъ объявилъ, что

---

*) Единственный случай баллотированія произошелъ въ засѣданіи 18-го августа.

защищать эту статью будетъ депутатъ отъ козловскаго дворянства, артиллеріи поручикъ Григорій Коробьинъ. Этотъ-же депутатъ вызвался затѣмъ самъ защищать нѣкоторыя другія статьи проэкта. Это нововведеніе, конечно, было сдѣлано въ исполненіе дополнительныхъ статей императрицы къ обряду. Но отъ чего въ роли защитника проэкта выступилъ поручикъ Коробьинъ? Въ дополненіи къ обряду сказано, что такого защитника надо выбрать. Допустимъ, что выборъ долженъ былъ произвести самъ маршалъ, но изъ кого? Конечно, изъ среды лицъ, которыя составляли проэктъ. Это даже прямо сказано въ вышеупомянутомъ письмѣ императрицы къ маршалу. Но А. И. Бибиковъ не исполнилъ этого совершенно правильнаго требованія государыни и предоставилъ защиту проэкта Коробьину, который не принадлежалъ къ составу ни дирекціонной, ни частной коммиссіи о родахъ жителей. Почему онъ сдѣлалъ это? Мы выше уже замѣтили, что знатныя лица, входившія въ составъ коммиссіи, не любили принимать участіе въ ея преніяхъ. Не смотря на это, волею императрицы, они призывались въ большинство частныхъ коммиссій. Исключительно изъ нихъ состояла дирекціонная коммиссія; въ частной-же коммиссіи о родахъ жителей рядомъ съ четырьмя титулованными представителями дворянства сидѣлъ только одинъ представитель отъ горожанъ, купецъ Свѣшниковъ. Надо думать, что именитые люди не захотѣли выступить въ опасной роли защитниковъ составленнаго ими проэкта, а на купца Свѣшникова маршалъ не находилъ возможнымъ положиться; вотъ какъ отвѣтчикомъ передъ собраніемъ явился артиллеріи поручикъ Коробьинъ, человѣкъ благонамѣренный и либеральнаго образа мыслей (онъ поднялъ въ коммиссіи вопросъ объ ограниченіи помѣщичьихъ правъ), но въ составленіи проэкта нисколько не виноватый. Слѣдствіемъ этого было то, что нѣкоторыя статьи проэкта онъ защищалъ, а отъ защиты другихъ отказался. По поводу статей 37, 42 и 43, напримѣръ, преній вовсе не было, потому что никто не вызвался ихъ защищать, хотя и были желающіе ихъ опровергать. Вотъ какъ отнеслись ближайшіе къ императрицѣ люди къ ихъ собственному дѣлу, къ составленному ими проэкту правъ благородныхъ.

Посмотримъ теперь, къ чему привели пренія по тѣмъ статьямъ, которыя взялся защищать Коробьинъ. Роль этого единственнаго оффиціальнаго защитника правительственнаго проэкта была крайне тяжелая. Желающихъ говорить противъ проэкта было очень много. Разъ вызвавшись защищать его, онъ долженъ былъ возражать каждому желающему. Турниръ, возможный развѣ для какого-нибудь чудо-богатыря, въ родѣ Ильи-Муромца. Такимъ сказочнымъ богатыремъ Коробьинъ не былъ, не разъ приходилось ему отказываться отъ дальнѣйшей защиты, ссылаясь на то,

что имъ высказаны уже всѣ доказательства. Въ такихъ случаяхъ маршалъ переходилъ къ слѣдующей статьѣ, хотя-бы и оставались желающіе говорить противъ предшествующей. Маршалъ, на обязанности котораго лежало соглашать членовъ, оставался все время совершенно пассивнымъ зрителемъ этого неравнаго боя: никакихъ согласительныхъ предложеній не вносилъ и, по обыкновенію, не произвелъ ни одной баллотировки, производить которыя ему еще недавно вновь было предписано дополненіемъ къ обряду отъ 13 августа. Эти пренія, продолжавшіяся 6 засѣданій и служившія только повтореніемъ предшествовавшихъ преній, точно также не привели ни къ одному постановленію коммиссіи, какъ и всѣ прежнія. Въ результатѣ ихъ опять получился ворохъ отдѣльныхъ мнѣній, который маршалъ снова предложилъ отослать въ дирекціонную коммиссію для передачи въ частную.

Эти безконечные, ни къ чему неприводящіе споры, которые три раза возбуждались по одному и тому-же предмету и всякій разъ съ однимъ и тѣмъ-же результатомъ: «передать въ частную коммиссію», утомили, наконецъ, и самихъ членовъ большаго собранія. Они, кажется, начали понимать полную безплодность всѣхъ ихъ «примѣчаній». Въ засѣданіяхъ 23 и 28 іюля, когда проэктъ обсуждался въ первый разъ, очень многіе изъ нихъ говорили противъ 6 ст. I главы его, для поправки которой было предложено даже 8 разныхъ редакцій; въ засѣданіи-же 15 сентября, когда шли согласительныя пренія, на эту статью никто не сдѣлалъ ни одного замѣчанія.

Разсмотрѣніе проэкта большимъ собраніемъ, продолжавшееся 18 засѣданій, нисколько не подвинуло дѣла впередъ. Частная коммиссія, получившая его обратно, точно также не имѣла въ рукахъ ни одного руководящаго мнѣнія большой, какъ и въ началѣ своего труда.

Безплодность засѣданій большаго собранія стала переходить и въ сознаніе самой императрицы. На эту мысль наводитъ то, что съ внесеніемъ въ коммиссію проэкта о правахъ благородныхъ засѣданія ея становятся все рѣже и рѣже. До этого времени она собиралась, обыкновенно, до пяти разъ въ недѣлю. Съ 10-го же іюня по конецъ мѣсяца коммиссія собиралась всего четыре раза; въ августѣ и сентябрѣ было только по семи засѣданій. 6-го октября, въ послѣдній день обсужденія проэкта, когда, не смотря на всѣ усилія императрицы помочь маршалу, совершенно выяснилась неспособность его поставить какой-либо вопросъ и довести дѣло до голосованія, собранію было объявлено, что впередъ оно будетъ собираться только два раза въ недѣлю. Это объявленіе было сдѣлано устами маршала, но, конечно, оно внушено императрицею.

По сдачѣ проекта въ частную коммиссію, маршалъ снова при-

нялся за чтеніе законовъ, и на этотъ разъ—законовъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ, хотя начатое передъ внесеніемъ проэкта чтеніе законовъ о юстиціи и не было исчерпано. Такъ продолжалось до 18-го декабря, когда, по случаю войны съ турками, засѣданія большаго собранія были прерваны.

Мы кончили обзоръ хода занятій коммиссіи. Составленный императрицею обрядъ управленія, съ цѣлью опредѣлить порядокъ ея занятій, имѣлъ свои недостатки и нуждался въ умѣлой рукѣ для примѣненія его къ дѣлу. Руководители работъ коммиссіи, принадлежавшіе къ высшимъ чинамъ имперіи, отъ которыхъ государынѣ естественно было ожидать наиболѣе просвѣщеннаго содѣйствія своимъ начинаніямъ, не только не смягчили этихъ недостатковъ искуснымъ примѣненіемъ обряда къ дѣлу, но, еще менѣе самой императрицы знакомые съ тайнами того сложнаго законодательнаго аппарата, къ дѣйствію въ которомъ она ихъ призывала,— они вовсе не умѣли приступить къ осуществленію ея обряда. Благодаря полному ихъ непониманію, обрядъ управленія вовсе не былъ исполненъ, и 18-го декабря 1768 года занятія коммиссіи были совершенно въ томъ-же положеніи, какъ и въ день открытія ея засѣданій, 31-го іюня 1767 года.

V. *Отсрочка засѣданій.* Сдѣланный нами разборъ условій, которыми была обставлена дѣятельность коммиссіи, достаточно уже уясняетъ исходъ ея занятій.

„18-го декабря 1768 года маршалъ Бибиковъ объявилъ собранію о полученномъ коммиссіею именномъ указѣ, въ которомъ императрица, въ виду того, что, по случаю нарушенія мира, многіе изъ депутатовъ, принадлежащіе къ военному званію, должны отправиться къ занимаемымъ имъ по службѣ мѣстамъ, повелѣла: депутатовъ, которые, за выборомъ членовъ въ частныя коммиссіи, остались въ большомъ собраніи, распустить до тѣхъ поръ, пока они вновь будутъ созваны; членамъ же частныхъ коммиссій остаться и продолжать свои занятія“ (Полѣновъ, I, XX).

Объявленіемъ войны императрица вовсе не думала воспользоваться какъ средствомъ для прекращенія занятій неугодной ей коммиссіи. Война дѣйствительно требовала отсрочки засѣданій большаго собранія. Это ясно изъ состава коммиссіи. Изъ 160 дворянскихъ депутатовъ—92 состояли въ военной службѣ; къ нимъ надо причислить 54 представителя казацкихъ войскъ, которые также не могли оставаться въ Петербургѣ. За отъѣздомъ этихъ депутатовъ, дѣятельность большаго собранія, конечно, не могла продолжаться. Кромѣ того, письменная работа въ значительной мѣрѣ велась также военными людьми: прапорщиками, каптенармусами, сержантами и пр., временно прикомандированными къ коммиссіи. Они тоже должны были уѣхать. Еще до указа

императрицы, одни члены коммиссіи сами заявили о желаніи своемъ присоединиться къ полкамъ, другіе—были вызваны своими начальниками. Такъ, еще 29 ноября князь Голицынъ, начальникъ первой арміи, которому было подчинено и Донское казацкое войско, просилъ прислать къ нему депутата, войсковаго старшину Сулина, извѣстнаго ему какъ знатока казацкой службы. Вслѣдъ затѣмъ онъ проситъ отпустить и генералъ-поручика Ренненкампфа, подписавшаго извѣстное заявленіе о балтійскихъ привилегіяхъ. То же дѣлаютъ и другіе начальники: графъ Григорій Орловъ, генералъ-кригсъ-коммиссаръ Глѣбовъ, графъ Петръ Панинъ, которые и сами были членами коммиссіи. Графъ Панинъ еще 13 декабря просилъ отпустить изъ коммиссіи всѣхъ депутатовъ и офицеровъ по письменной части, входившихъ въ составъ московскаго полка, который уже выступилъ въ походъ противъ турокъ. За недѣлю до этого, поручикъ московскаго полка Астафьевъ самъ просится объ увольненіи, желая раздѣлить участь своего полка (Арх. Журналы). Дѣятели коммиссіи разъѣзжаются еще до указа императрицы.

Въ виду этого, отсрочка засѣданій большаго собранія была неизбѣжна, и императрица дѣйствительно предписала отсрочку, а не замаскированное распущеніе. Предсѣдатель коммиссіи, приписывавшій неудовлетворительный ходъ занятій большаго собранія его многочисленному составу, а не своему неумѣнью взяться за дѣло, нѣсколько разъ обращался къ императрицѣ съ представленіемъ о невозможности совѣщаться съ такимъ большимъ числомъ представителей (Біографія, 122, 131). Несмотря на эти неоднократныя представленія, Екатерина во все свое царствованіе не распустила большаго собранія, по крайней мѣрѣ, мы не встрѣтили такого указа. Ей больно было, конечно, отказаться отъ замысла, на который она возлагала такія блестящія надежды. Въ Полномъ Собраніи Законовъ отпечатано нѣсколько указовъ, которыми засѣданія коммиссіи еще въ семидесятыхъ годахъ нѣсколько разъ отсрочивались: сперва до 1 мая 1772 года, потомъ до 1-го августа и 1-го ноября того же года, и послѣдній до 1-го февраля 1773 года. Такимъ образомъ, еще въ 1773 году императрица разсматривала коммиссію какъ существующую. Такъ же смотрѣли на нее и въ обществѣ. Въ томъ же году, бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, графъ Чернышевъ, просилъ императрицу о дозволеніи жителямъ двухъ вновь присоединенныхъ бѣлорусскихъ губерній прислать въ коммиссію составленія проэкта новаго уложенія депутатовъ. На этой просьбѣ императрица положила высочайшую резолюцію: „Быть по сему“. Послѣднее извѣстіе о коммиссіи, которое мы встрѣтили, относится къ 1775 году: въ этомъ году „уложенная коммиссія“ была помянута въ числѣ тѣхъ учрежденій, которыя прибыли съ императрицею изъ

Петербурга въ Москву и теперь должны были возвратиться обратно. Такимъ образомъ, екатериниская коммиссія никогда не была распущена,—она просто была забыта.

Эта смерть коммиссіи отъ забвенія,—при неправильной постановкѣ задачи ея, при многихъ недостаткахъ организаціи и, наконецъ, при полномъ неумѣньи руководящихъ людей не только исправить искусснымъ примѣненіемъ первоначально допущенныя ошибки, но просто привести въ исполненіе то, что̀ въ предписаніяхъ Екатерины было исполнимаго,—совершенно понятна. Мысль императрицы,—призвать къ участію въ законодательствѣ представителей всѣхъ сословій и, такимъ образомъ, дать подданнымъ своей обширной имперіи, принадлежащимъ къ разнымъ народностямъ и разнымъ исповѣданіямъ, высшее единеніе,—разбилась, встрѣтившись съ полнымъ неумѣньемъ дать ей практическое осуществленіе. Въ теченіе года и 6 мѣсяцевъ коммиссія не сдѣлала ни одного постановленія по существу законодательныхъ вопросовъ, несмотря на всѣ усилія императрицы помочь ей. Такимъ направленіемъ дѣла маршалъ доказалъ безполезность ея гораздо лучше, чѣмъ могли это сдѣлать его неоднократныя представленія. Императрица потеряла, наконецъ, вѣру въ коммиссію, а потому и не возобновила ея засѣданій.

Истинныя причины этого факта не были правильно поняты въ свое время. Сенаторъ Бибиковъ, сынъ маршала, въ жизнеописаніи своего отца высказываетъ такую мысль: „предпріятіе сіе было рановременно;..... нѣкоторые же изъ депутатовъ, увлекаемые вольнодуміемъ, ухищрялись уже предписывать законы верховной власти, другіе предлагали уничтоженіе рабства“... Вотъ корень тѣхъ обвиненій коммиссіи, которыя распространены въ нашемъ обществѣ. Исхдя изъ источника, столь близкаго къ маршалу, эти обвиненія легко находили вѣру. Тѣмъ не менѣе, они совершенно неосновательны. Дневныя записки большаго собранія, содержащія полную лѣтопись его занятій, нынѣ уже напечатаны. Въ нихъ ничего нѣтъ, что̀ бы могло оправдать приписываемыя Бибиковымъ нѣкоторымъ депутатамъ „ухищренія“. Думать, что дневныя записки скрыли эти ухищренія, нѣтъ ни малѣйшаго основанія: онѣ писались не для печати, а для поднесенія самой императрицѣ. Скрыть же что-нибудь отъ государыни не было возможности: въ самомъ собраніи было слишкомъ много людей, лично преданныхъ ей, да и сама она, нерѣдко, была невидимой свидѣтельницей происходившаго,—фактъ, вызвавшій неодобреніе со стороны англичанина Ширлея, но не казавшійся стѣснительнымъ нашимъ депутатамъ, которые, наоборотъ, восхищались этимъ невидимымъ присутствіемъ государыни. Исторія едва ли представляетъ примѣръ собранія представителей народа, болѣе проникнутыхъ уваженіемъ къ закону и предер-

жащимъ властямъ. Малороссійскіе и остзейскіе депутаты весма рѣшительно отстаивали свои привилегіи. Но и въ этомъ ничего не было революціоннаго. Привилегій. ихъ были подтверждены русскими государями. Отстаивая ихъ депутаты окраинъ стояли на почвѣ дѣйствовавшаго тогда права.

Что касается другаго упрека, состоящаго въ томъ, что члены коммиссіи, проникнутые вольнодуміемъ, предлагали уничтоженіе рабства, то и онъ также несправедливъ. Члены коммиссіи предлагали не уничтоженіе рабства, а только нѣкоторыя ограниченія помѣщичьей власти. Предлагавшіе это члены имѣли на своей сторонѣ государыню, которая въ первоначальномъ наказѣ шла даже далѣе ихъ предложеній и, конечно, вовсе не была испугана вольнодумствомъ Коробьина и его сторонниковъ.

Если царь Алексѣй Михайловичъ въ 1649 году издалъ соборное уложеніе, то приглашеніе депутатовъ, съ той же цѣлью, императрицею Екатериною, никакъ уже не можетъ быть разсматриваемо какъ преждевременное. Правда, въ той формѣ, въ которой императрица задумала свою коммиссію, она была неосуществима, но въ этой формѣ она никогда и нигдѣ не могла осуществиться. Здѣсь вина не въ основной мысли законодательства при участіи представителей народа, а въ неправильно-выбранномъ способѣ осуществленія этой мысли. Депутатскіе наказы ставили дѣло законодательства вполнѣ практично. Насколько императрица отправлялась отъ нѣсколько смутныхъ идей, навѣянныхъ на нее чтеніемъ французскихъ книгъ, настолько же представители русской земли исходили изъ нашего дѣйствующаго права, заботясь единственно объ исправленіи его и объ облегченіи нѣкоторыхъ, совсѣмъ уже непомѣрныхъ тягостей и злоупотребленій. При такомъ направленіи депутатовъ, дѣло законодательства ставилось на реальную почву и непреодолимыхъ затрудненій не представляло.

Неудачный исходъ екатерининской коммиссіи можно было предвидѣть. Надо только жалѣть, что истинныя причины его не были поняты своевременно. Это спасло бы благое начинаніе Екатерины отъ того недовѣрія, которое и до сихъ поръ еще примѣшивается къ воспоминанію о немъ. Печатаемые теперь акты коммиссіи снимутъ незаслуженно наброшенную на нее тѣнь подозрѣнія и представятъ дѣянія ея въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Они раскроютъ множество ошибокъ, которыми съ самаго начала было обставлено это дѣло, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, раскроютъ и то чувство строгой законности, и умѣренность желаній, которыя проявили въ эту памятную эпоху представители русской земли, и дадутъ намъ возможность взглянуть на положеніе Россіи XVIII вѣка при блескѣ того свѣта, которымъ на минуту освѣ-

тила всѣ закоулки нашего обширнаго отечества мысль Екатерины Великой *).

Публикація законовъ.

Чтобы законъ получилъ обязательную силу — мало еще подписи государя, а необходима публикація, т. е. обнародованіе закона во всеобщее свѣдѣніе. Законъ получаетъ обязательную силу съ публикаціи. Здѣсь имѣютъ значеніе двaобстоятельства-самый способъ обнародованія и моментъ, съ котораго обнародованіе считается состоявшимся. Во Франціи, напр., печатаніе закона въ оффиціальномъ органѣ есть обнародованіе, публикація. Но публикація считается состоявшеюся для разныхъ мѣстностей въ разные моменты, а именно: законъ считается объявленнымъ въ каждой мѣстности по прошествіи полныхъ сутокъ со дня его полученія; если правительственный органъ полученъ въ понедѣльникъ, законъ считается обнародованнымъ въ слѣдующую среду. До такой простоты и цѣлесообразности наше законодательство не достигло и по настоящее время. Въ Московскомъ же государствѣ самый принципъ публикаціи не былъ сознанъ. Иногда предписывалось извѣстный указъ объявить во всеобщее свѣдѣніе чрезъ прочтеніе у церквей, на площадяхъ и улицахъ. Но не мало было и такихъ, которые сообщались только органамъ управленія для исполненія. Впервые принципъ публикаціи признанъ въ законодательствѣ Петра В., хотя только въ примѣненіи къ судебнымъ дѣламъ. Въ относящемся сюда указѣ Петра говорится: „примѣнять къ судебнымъ дѣламъ указы, всенародно напечатанные и повсюду объявленные.“ То же начало выражено и въ Уставѣ Благочинія Екатерины II, гдѣ говорится: „нельзя взыскивать исполненія по закону необнародованному“. Что касается способовъ обнародованія, то къ тѣмъ, которые практиковались въ Москвѣ, съ Петра, прибавилось печатаніе, на особыхъ листахъ, разсылка по присутственнымъ мѣстамъ и расклеиваніе на площадяхъ и улицахъ. О моментѣ, съ какого надо считать обнародованіе состоявшимся, указы XVIII в. умалчиваютъ. Расклейка давала поводъ неблагонамѣреннымъ людямъ по стѣнамъ вывѣшивать пасквили на правительство. Изъ указовъ Екатерины II видно, что въ ея царствованіе развѣшивалась масса такихъ пасквилей, которымъ придавали форму указовъ. Она нашла по этому нужнымъ болѣе точнымъ образомъ опредѣлить порядокъ объявленія законовъ на мѣстѣ. Объявленіе законовъ было возложено на обязанность учрежденной ею по-

---

*) На эту заслугу коммиссіи указала сама императрица: „Коммиссія уложенія,—сказала она,—бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно... Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ“.

лиціи городской и земской. Читались народу, впрочемъ, не всѣ законы, а только тѣ, въ которыхъ прямо говорилось, что они должны быть доведены до всеобщаго свѣдѣнія; что же касается остальныхъ, то по отношенію къ нимъ ограничивались, какъ и въ Москвѣ, разсылкой по присутственнымъ мѣстамъ при указахъ сената. У насъ, впрочемъ, не всегда довольствовались однократнымъ объявленіемъ. Въ Москвѣ и въ имперіи нѣкоторые законы приказывалось читать народу по нѣскольку разъ. Указъ 1767 г., напр., о повиновеніи крѣпостныхъ помѣщикамъ, приказано было читать цѣлый мѣсяцъ по воскресеньямъ и праздникамъ, и затѣмъ ежегодно въ храмовой праздникъ.

4) *Отношеніе верховной власти къ суду.*

Народное воззрѣніе на князя, какъ на лучшаго судью, перешло на царей и на императора, не смотря на то, что вслѣдствіе расширенія границъ государства не только императоры, но и московскіе цари рѣшительно не имѣли возможности производить судъ лично, какъ это дѣлали князья. Уложеніе 1649 г. воспрещаетъ бить челомъ государю, не бивъ челомъ прежде въ надлежащемъ приказѣ. Оно угрожаетъ за такія челобитья батогами, а кто почестнѣй—тюрьмой на недѣлю. Московскіе государи производятъ судъ лично только по жалобамъ на приказы, слѣдовательно, какъ высшая инстанція. Въ первой же инстанціи они разсматриваютъ дѣла привилегированныхъ лицъ, которымъ предоставлено судиться прямо у государя. Не смотря на запрещенія бить челомъ прямо государю, такія челобитья продолжаются и въ имперіи. Чувствуя неудобства такого порядка, Петръ В. *) болѣе точнымъ образомъ опредѣляетъ ходъ дѣла по инстанціямъ и ограничиваетъ число случаевъ, въ которыхъ можно было обращаться къ нему лично съ жалобами на высшую инстанцію. По указу 1714 г., всѣ должны „обращаться по командѣ и въ слѣдующемъ порядкѣ: прежде всего надо жаловаться коменданту города; если онъ откажется рѣшить дѣло, или рѣшитъ его неправильно, — губернатору, а затѣмъ въ Сенатъ; если сенатъ откажетъ въ правосудіи или рѣшитъ дѣло неправильно, можно было жаловаться императору. Былъ еще и 3-й поводъ, который прямо вытекаетъ изъ общаго порядка вещей

*) Въ одномъ изъ указовъ 1718 г. Петръ высказываетъ слѣдующія жалобы: „понеже, говоритъ онъ, челобитчики непрестанно его Имп. Величеству докучаютъ о своихъ обидахъ, и хотя съ ихъ стороны легко разсудить можно, что всякому своя обида горька есть и несносна, но при томъ каждому разсудить можно, что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ—одна персона есть и та толикими воинскими и прочими несмѣтными трудами объята, что всѣмъ извѣстно“.

того времени, а именно государь разсматривалъ дѣло въ томъ случаѣ, когда Сенатъ находилъ, что онъ не можетъ рѣшить его по неимѣнію закона. Въ 1718 г. оказалось, что и этихъ трехъ случаевъ слишкомъ много. Изданнымъ въ этомъ году указомъ Петръ отмѣнилъ право жалобъ на Сенатъ въ случаѣ неправильнаго рѣшенія. Сенатъ сдѣлался послѣдней инстанціей; императоръ оставилъ за собою право участія въ судѣ только въ двухъ случаяхъ: во 1-хъ, когда Сенатъ не могъ рѣшить дѣла по неимѣнію закона и, во 2-хъ, когда онъ отказывалъ въ правосудіи или тянулъ дѣло. Жалобы на неправильное рѣшеніе Сената были запрещены подъ страхомъ смертной казни.

Послѣ Петра случаи рѣшенія дѣлъ государемъ нѣсколько расширяются сравнительно съ указомъ 1718 года. При Екатеринѣ I былъ учрежденъ Верховный Тайный Совѣтъ изъ шести персонъ, куда перешли всѣ важнѣйшія дѣла. Сенату предоставлено было рѣшать окончательно только маловажныя дѣла, а болѣе важныя поступали въ Верховный Тайный Совѣтъ, гдѣ ихъ рѣшала сама императрица.

Анна Іоанновна возстановила Сенатъ въ прежнемъ значеніи, но судебныя права были признаны за нимъ не по указу 1718 года, а по указу 1714 г., т. е. императрица была судьею въ 3-хъ случаяхъ. Въ этомъ положеніи осталось дѣло и при послѣдующихъ государяхъ. Какъ Елизавета Петровна, такъ и Екатерина II принимали жалобы на неправилныя рѣшенія Сената.

5) *Порядокъ преемства престола.*

Теорія различаетъ монархію наслѣдственную и избирательную. Въ наслѣдственной право на престолъ принадлежитъ членамъ извѣстной династіи и переходитъ отъ одного къ другому въ опредѣленномъ порядкѣ, независимо отъ усмотрѣнія царствующаго государя. Въ избирательной назначеніе государя зависитъ отъ воли избирателей.

Эти два порядка преемства въ полной своей чистотѣ и опредѣленности не сразу появляются въ исторіи. Весьма продолжительное время мы наблюдаемъ нѣкоторую недоразвитость и смѣшеніе заключающихся въ нихъ началъ. Такъ, если на престолѣ и встрѣчаемъ рядъ членовъ одной фамиліи, смѣняющихъ другъ друга, то эта смѣна происходитъ не въ силу существованія опредѣленнаго порядка преемства этихъ лицъ, а по какимъ-либо другимъ причинамъ, напримѣръ, въ силу назначенія царствующаго государя, или въ силу избранія подданныхъ. Обособленіе этихъ двухъ порядковъ есть результатъ продолжительнаго историческаго процесса и у насъ оно совершилось крайне медленно.

Въ Московскомъ государствѣ слагается уже представленіе о наслѣдственности монархіи. Это представленіе возникаетъ благодаря тому, что московское княженіе даетъ цѣлый рядъ случаевъ, въ которыхъ престолъ безъ всякихъ споровъ переходитъ къ сыну или брату царствующаго князя. Этотъ рядъ счастливыхъ случаевъ наблюдаемъ отъ второй половины XIII в. (1263 г.) до второй половины XIV (1389). Въ теченіе 126 лѣтъ, отъ смерти Александра Невскаго до смерти Дмитрія Донскаго, московское княженіе спокойно переходитъ отъ отца къ сыну или брату умершаго князя. Вслѣдствіе этого и слагается идея наслѣдственности, но въ очень общихъ чертахъ, безъ опредѣленнаго порядка преемства, а, слѣдовательно, и безъ признанія за извѣстнымъ лицомъ царствующей фамиліи самостоятельнаго права на престолъ. Московскіе князья смотрѣли на свои княженія какъ на долженствующія перейдти, по ихъ смерти, къ ихъ нисходящимъ. Но что кому дать, и поровну ли, или одному больше, другому меньше, это было дѣломъ ихъ усмотрѣнія и опредѣлялось обыкновенно духовною грамотою. Право наслѣдника устанавливалось, такимъ образомъ, усмотрѣніемъ царствующаго государя. Послѣдній нисколько не считалъ себя связаннымъ правами своихъ наслѣдниковъ. Наоборотъ, онъ признавалъ за собою право дѣлать между ними выборъ. По воззрѣнію московскихъ князей, если престолъ и переходитъ отъ отца къ сыну, то не въ силу самостоятельнаго права сына на престолъ, а въ силу воли отца; вотъ относящійся сюда случай. У Ивана Васильевича было нѣсколько сыновей. Старшій Иванъ умеръ еще при жизни отца (1490 г.), оставивъ сына Дмитрія. Старшій сынъ, пока былъ живъ, считался преемникомъ престола; по его смерти преемникомъ считался не внукъ Ивана Васильевича, Дмитрій, а его второй сынъ Василій. Въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ Иванъ считалъ своего втораго сына наслѣдникомъ, но потомъ измѣнилъ свои отношенія къ нему, заключилъ его въ тюрьму, а наслѣдникомъ назначилъ внука. Но и внукъ сохранилъ за собою это званіе не болѣе 4 лѣтъ; Иванъ Васильевичъ помирился съ сыномъ. Первымъ актомъ примиренія было то, что, продолжая еще считать внука наслѣдникомъ московскаго престола, онъ назначилъ сына великимъ княземъ новгородскимъ и псковскимъ. Узнавъ объ этомъ, Новгородцы и Псковичи пришли въ смущеніе и отправили посольство къ Ивану III, выражая сожалѣніе, что имъ назначенъ особый отъ Москвы князь. Они опасались, что впослѣдствіи это можетъ повести къ борьбѣ московскаго государя съ новгородскимъ княземъ. Иванъ Васильевичъ отвѣтилъ посольству: „развѣ я не воленъ въ сынѣ или внукѣ: кому хочу, тому и даю царство“. Это право назначать себѣ преемника крайнее выраженіе свое получило при Петрѣ, устранившемъ единствен-

наго своего сына отъ престола. Неудовольствіе, которое эта мѣра вызвала въ народѣ, указываетъ, что идея наслѣдственности въ сознаніи народа имѣла тогда болѣе глубокіе корни, чѣмъ въ сознаніи императора. Итакъ, московское княженіе составляетъ отчину потомковъ великаго князя Александра Невскаго, но порядокъ преемства всякій разъ опредѣляется усмотрѣніемъ царствующаго государя. Это усмотрѣніе опредѣляется очень многими условіями: соглашеніемъ съ другими князьями, успѣхами въ Ордѣ и пр. По мѣрѣ усиленія власти московскихъ князей, оно становится болѣе и болѣе свободнымъ отъ воли другихъ князей и отъ Орды. Въ грамотахъ, оповѣщающихъ народъ о восшествіи на престолъ новаго государя, обыкновенно ссылаются на то, что государь назначенъ своимъ предшественникомъ. Такъ, сынъ Грознаго, Ѳеодоръ, говоритъ: „старина наша и до сихъ мѣстъ отцы сыновьямъ своимъ давали царство и великое княженіе, а отецъ мой, умирая, благословилъ меня и велѣлъ сѣсть на царство“; Алексѣй Михайловичъ: „учинились мы на Владимірскомъ и на Московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ великаго царствія по приказу отца нашего и по крестному цѣлованію бояръ и всякихъ чиновъ людей“; Ѳеодоръ Алексѣевичъ: „а отходя отъ сего свѣта отецъ нашъ блаженной памяти Великій Государь Алексѣй Михайловичъ скипетродержавство свое пожаловалъ, приказалъ свое царствіе, великій престолъ, сыну своему и по его благословенію и приказу святый патріархъ московскій благословилъ насъ на тотъ царскій престолъ“. Итакъ, государи московскіе назначаются на престолъ волею своихъ родителей. Въ XVI вѣкѣ это была уже старина.

Въ порядкѣ этого назначенія весьма важное измѣненіе произошло при Дмитріѣ Донскомъ. До второй половины XIV в. въ княжескихъ завѣщаніяхъ не усматривается желанія дать одному изъ сыновей преобладающее положеніе надъ другими. Конечно, сыновья не получали совершенно равныхъ удѣловъ: тотъ изъ нихъ, кому доставался старшій столъ, былъ сильнѣе другихъ. Но это преимущество случайное, оно условливалось различіемъ волостей, а не сознательнымъ желаніемъ князя-отца поставить одного изъ сыновей въ исключительно благопріятное положеніе передъ другими. У первыхъ московскихъ князей мы даже встрѣчаемся съ стремленіемъ къ крайне искусственному уравненію удѣловъ, въ силу котораго лучшая волость поручалась совокупному вѣдѣнію всѣхъ сыновей. Такъ поступаютъ Иванъ Даниловичъ Калита и сынъ его Иванъ *). Первое отступленіе отъ ста-

*) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 21. 25. Въ завѣщаніи послѣдняго князя встрѣчаемъ и нѣсколько частныхъ распоряженій, проникнутыхъ тѣмъ же духомъ уравненія; напр. „а что мнѣ достались мѣста Рязанскія... сыну моему к. Дмитрію и к. Ивану, *подѣлятся на полы безъ обиды*“.

раго порядка и первое сознательное стремленіе къ созданію преобладающей силы въ рукахъ одного изъ сыновей высказывается въ завѣщаніи Дмитрія Ивановича. На долю старшаго сына, Василія, онъ назначаетъ Коломну и все великое княженіе, къ которому, между прочимъ, принадлежали: Владиміръ, Переяславль, Кострома, Юрьевъ, Ярославль; другіе же сыновья должны были ограничиться значительно меньшими удѣлами: Юрій—Звенигородомъ и Галичемъ, Андрей—Можайскомъ и Бѣлоозеромъ, Петръ—Дмитровомъ и Угличемъ. Въ Москвѣ Василію также назначалась бо́льшая часть: изъ двухъ третей, соединившихся въ рукахъ Дмитрія, онъ получалъ половину; вторая половина должна была быть раздѣлена между остальными сыновьями. То же направленіе высказывается въ завѣщаніяхъ Василія Васильевича и сына его, Ивана, но у послѣдняго еще съ большей рѣшительностью. Иванъ Васильевичъ передаетъ старшему сыну, Василію, почти всю Москву, назначаетъ ему удѣлъ, несравненно превосходящій всѣ удѣлы остальныхъ сыновей, вмѣстѣ взятые, и, наконецъ, въ его же пользу установляетъ право наслѣдовать младшимъ своимъ сыновьямъ въ томъ случаѣ, когда кто либо изъ нихъ умретъ, не оставивъ ни сыновей, ни внуковъ, тогда какъ по завѣщанію Дмитрія Ивановича удѣлъ умершаго брата дѣлился между всѣми остальными по ровну *). Дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ Иванъ Грозный, написавшій завѣщаніе еще при жизни старшаго сына Ивана. По этому завѣщанію онъ оставляетъ Ивану „все государство“, а Ѳедору даетъ небольшой удѣлъ, прибавляя при этомъ: „а удѣлъ сына моего Ѳедора ему же (Ивану) къ великому государству“. Хотя Иванъ Грозный и далъ удѣлъ младшему сыну, но это уже не самостоятельное княженіе, а часть единаго Московскаго государства. Этимъ завершилось образованіе идеи единства Московскаго государства.

Закона, опредѣляющаго порядокъ преемства, въ Москвѣ не было издано. Впервые съ такимъ закономъ встрѣчаемся въ царствованіе Петра В. Въ 1722 г., по поводу столкновенія съ сыномъ, онъ издалъ уставъ о наслѣдованіи престола. Сынъ царя, царевичъ Алексѣй, былъ устраненъ отъ престола и преданъ суду. Въ этомъ столкновеніи съ сыномъ Петръ прежде всего заботился о пользѣ государства. Ему казалось, что все, имъ сдѣланное, будетъ уничтожено его преемникомъ. Петръ долго склонялъ сына къ своему образу дѣйствій; онъ предупреждалъ его, что лишитъ престола; „лучше, писалъ онъ ему, имѣть наслѣдникомъ чужаго хорошаго, чѣмъ своего непотребнаго“. Все было напрасно. Царь пришелъ, наконецъ, къ убѣжденію, что положеніе дѣлъ безна-

*) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 34, 86, 144.

дежно, и устранилъ царевича. Въ указѣ о наслѣдованіи престола говорится: „всегда должно быть въ волѣ царствующаго государя дать престолъ, кому онъ желаетъ, и разъ назначеннаго наслѣдника отмѣнить, видя какое либо непотребство“. По этому указу россійскій престолъ замѣщается по усмотрѣнію царствующаго государя: кого онъ хочетъ, того и назначаетъ наслѣдникомъ, и разъ назначеннаго онъ можетъ отмѣнить, если избранное лице не оправдаетъ его довѣрія. Этотъ порядокъ, коротко указанный въ Уставѣ 1722 г. подробно разъясненъ въ извѣстной уже намъ „Правдѣ воли Монаршей“. Неудовольствіе, возбужденное въ народѣ отлученіемъ царевича отъ престола, и повело къ составленію этого оправдательнаго документа. „Правда“ развиваетъ ту мысль, что право устранять наслѣдника принадлежитъ каждому отцу въ частной жизни. Если отецъ оставляетъ сыну наслѣдство, то это ничто иное, какъ осуществленіе нѣкотораго молчаливаго договора между отцомъ и сыномъ, по которому отецъ назначаетъ сына наслѣдникомъ потому, что сынъ ему покоренъ и впредь будетъ хорошъ. Въ противномъ случаѣ отецъ можетъ передать наслѣдство другому лицу. „Правда“ доказываетъ это римскимъ правомъ и библейской исторіей. Если отецъ, простой гражданинъ, имѣетъ такое право, то тѣмъ болѣе, заключаетъ „Правда“, имѣетъ это право государь, заботящійся не о частномъ имуществѣ, а объ интересахъ всего государства. Въ случаѣ непотребности сына, царъ обязанъ его устранить.

Въ этомъ отдѣлѣ „Правды воли Монаршей“ Петръ останавливается и на теоретическомъ вопросѣ о томъ, какая монархія лучше: наслѣдственная или избирательная, и приходитъ къ выводу, что наслѣдственная монархія лучше; но, продолжаетъ онъ, есть одинъ недостатокъ наслѣдственной монархіи, а именно, что не всегда отъ добраго государя сынъ подобный ему родится. Чтобы устранить этотъ недостатокъ, нужно предоставить государю право назначать себѣ преемника. Петръ признаетъ наслѣдственную монархію, но съ тою модификаціей, что царствующій государь имѣетъ право устранять наслѣдника.

Затѣмъ „Правда“ останавливается на вопросѣ о томъ, кто долженъ быть государемъ, если умершій государь не оставилъ распоряженія о преемникѣ. Онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ такимъ образомъ: на престолъ въ наслѣдственной монархіи долженъ быть избранъ тотъ изъ сыновей умершаго государя, который былъ къ нему наиболѣе близокъ и былъ имъ наиболѣе любимъ. Въ этомъ случаѣ народъ хотя и избираетъ государя, но избираетъ его не совершенно свободно; онъ долженъ руководствоваться симпатіями и антипатіями умершаго къ сыновьямъ, не обращая вниманія на то, хорошій или дурной сынъ былъ любимцемъ отца. Народъ только угадываетъ волю государя, который, предположительно,

назначилъ бы любимца. Если бы оказалось, что нельзя сказать, кого больше любилъ государь, если онъ обращался со всѣми одинаково, то выбирается наиболѣе подобный отцу по характеру и направленію мыслей. Если умершій оставилъ одного сына, то должно избрать его, хотя бы онъ былъ золъ, потому что имперія наслѣдственная. Так. образ. должно поступать и въ томъ случаѣ, если умершій оставилъ только дочерей.

Петръ В. умеръ, не назначивъ себѣ наслѣдника; послѣ его смерти на престолъ вступила супруга его Екатерина I. Съ точки зрѣнія мыслей Петра В., какъ онѣ выражены въ „Правдѣ" и въ Уставѣ вступленіе на престолъ Екатерины было незаконно. По Уставу должна быть избрана одна изъ дочерей Петра, не оставившаго сыновей, или пожалуй, его внукъ. Придворная партія нашла болѣе удобнымъ возвести на престолъ Екатерину. Въ манифестѣ, изданномъ по поводу вступленія новой государыни на престолъ, сдѣлана ссылка на то, что она была коронована еще при жизни Петра. Но эта коронація не давала еще Екатеринѣ права вступить на престолъ, такъ какъ коронаціей она пріобщалась не къ власти, а только къ почету супруга. Если бы она была пріобщена къ власти, если бы она царствовала уже вмѣстѣ съ Петромъ, то, понятно, она должна была бы остаться на престолѣ и по смерти мужа. Въ актѣ коронаціи сказано, что она коронуется, какъ и въ другихъ государствахъ это практикуется. Итакъ, коронація Екатерины есть подражаніе западно-европейскимъ обычаямъ, а тамъ—это пріобщеніе къ почету, а не къ власти. Екатерина I хотя вступила на престолъ несогласно съ петровскимъ Уставомъ, однако, подтвердила его. Но, умирая, она существенно измѣнила петровскій законъ. Она оставила завѣщаніе, въ которомъ назначила себѣ наслѣдника; но этимъ не ограничилась, а установила и дальнѣйшій порядокъ наслѣдованія, на что едвали имѣла право, такъ какъ этимъ нарушались права послѣдующихъ государей, предоставленныя имъ петроскимъ Уставомъ. Въ завѣщаніи Екатерины наслѣдникомъ назначенъ Петръ Алексѣевичъ съ своими нисходящими, а въ случаѣ бездѣтной смерти его, на престолъ должна вступить старшая дочь импер. Петра В., царевна Анна и ея десценденты, а въ случаѣ прекращенія этой линіи, цесаревна Елизавета Петровна и ея десценденты; если же и эта линія прекратится, то на престолъ должна вступить великая княжна (дочь Алексѣя Петровича). Таково завѣщаніе Екатерины I; оно совершенно отмѣняетъ Петровскій Уставъ, установляя опредѣленный порядокъ преемства съ предпочтеніемъ наслѣдниковъ мужскаго пола наслѣдникамъ женскаго.

Петръ II царствовалъ недолго. Онъ умеръ неожиданно и на престолъ вступила Анна Іоанновна. Это вступленіе бы-

ло противно какъ петровскому указу, такъ и завѣщанію Екатерины I, въ которомъ Анна Ивановна вовсе не упоминается въ числѣ имѣющихъ право на престолъ. Новая государыня подтвердила Петровскій Уставъ и тѣмъ отмѣнила порядокъ, установленный въ завѣщаніи Екатерины, для нея крайне невыгодный. Петровскій Уставъ продолжалъ дѣйствовать до Павла I; но въ дѣйствительности онъ постоянно нарушался. Анна Іоанновна назначила своимъ преемникомъ Іоанна Антоновича. Царствованіе его было непродолжительно: онъ былъ низложенъ придворнымъ переворотомъ и на престолъ вступила Елизавета Петровна. Умирая, она назначила наслѣдникомъ Петра III, своего племянника. По смерти Елизаветы Петровны присягали не только Петру Ѳеодоровичу, но и по самодержавной его волѣ избираемымъ и назначаемымъ наслѣдникамъ. Царствованіе его было очень кратковременно; онъ былъ низвергнутъ своею супругою, Екатериною, которая и вступила сама на престолъ. При Екатеринѣ II встрѣчаемся съ послѣднею попыткою примѣнить петровскій Уставъ о наслѣдованіи престола. Государыня несочувственно относилась къ сыну своему, Павлу Петровичу, и, говорятъ, написала завѣщаніе, которымъ хотѣла отстранить его отъ престола и назначить внука. Въ обществѣ того времени слухъ этотъ былъ очень распространенъ. Это завѣщаніе, говорятъ, было уничтожено уже послѣ смерти императрицы. Павелъ Петровичъ вступилъ на престолъ безъ назначенія и безъ избранія. Онъ издалъ новый законъ о наслѣдованіи престола,—законъ, по которому Россійская Имперія признается наслѣдственною въ точномъ смыслѣ этого слова. Въ законѣ указаны лица, имѣющія право на престолъ, и порядокъ, въ которомъ они призываются къ осуществленію этого права. Этотъ законный порядокъ не можетъ быть измѣняемъ усмотрѣніемъ царствующаго государя: наслѣднику принадлежитъ самостоятельное право на престолъ.

Въ Москвѣ, кромѣ занятія престола по завѣщанію, встрѣчаемся еще и съ избирательнымъ началомъ. Избраніе имѣло мѣсто не только въ тѣхъ случаяхъ, когда государь не оставлялъ послѣ себя наслѣдника, но и тогда, когда наслѣдники были на лицо. Такъ Алексѣй Михайловичъ былъ назначенъ отцомъ и избранъ (Котошихинъ, стр. 4 и 104). По смерти Ѳедора Алексѣевича остались два его брата, Иванъ и Петръ, изъ которыхъ Петръ и былъ избранъ на царство. Тѣмъ необходимѣе было избраніе по прекращеніи царскаго потомства; такъ были избраны: Борисъ Годуновъ, Василій Шуйскій, Владиславъ Польскій и Михаилъ Романовъ. Есть случаи избранія и въ императорскую эпоху. Анна Іоанновна, какъ мы уже знаемъ, вступила на престолъ по избранію. Елизавета Петровна въ манифестѣ о вступленіи на престолъ указываетъ на то, что она была приглашена взять въ ру-

ки правленіе: „всѣ наши какъ духовные, такъ и свѣтскіе чины, а особенно лейбъ-гвардіи наши полки единогласно просили насъ, дабы мы, яко по крови ближняя, отеческій нашъ престолъ всемилостивѣйше воспринять изволили“.

Въ Московской Россіи избраніе государей происходило на земскихъ соборахъ, которые по своему составу совершенно похожи на обыкновенные соборы, но по власти, которую они имѣли, хотя и временно, они весьма отъ нихъ отличаются. Созываются они, естественно, не государемъ, а боярскою думой, къ которой въ этомъ случаѣ присоединялись патріархъ и высшее духовенство. Но едва нѣкоторая часть призываемыхъ съѣзжалась, дальнѣйшія мѣры о пополненіи собора принимали уже съѣхавшіеся. Главная особенность избирательныхъ соборовъ состояла въ томъ, что они, какъ дѣйствовавшіе безъ государя, до времени его избранія пользовались полною властью: они принимали всякія мѣры, необходимыя для безопасности государства, и устанавляли, иногда, временное правительство.

Избирательные соборы признаютъ за собою право предлагать условія избираемому государю. Такія условія были предложены Василію Шуйскому и Владиславу Польскому и были ими приняты. Шуйскій согласился не производить суда безъ бояръ и у жены и родственниковъ обвиняемаго не отбирать имущества, если они не причастны винѣ. Послѣдняя статья попала потомъ въ Уложеніе. Шуйскій обѣщалъ соблюдать эти условія, въ чемъ и цѣловалъ крестъ. Принятыя царемъ условія были разосланы по всему государству вмѣстѣ съ крестоприводною записью. Еще болѣе важныя условія были предложены Владиславу, а именно: 1) всякій разъ, когда онъ захочетъ ввести какое нибудь измѣненіе въ законахъ, онъ долженъ созывать земскій соборъ; 2) при введеніи новыхъ налоговъ требовалось согласіе боярской думы; 3) по отношенію къ суду предложены были тѣ же ограниченія, что и Шуйскому.

У Котошихина читаемъ: „какъ прежніе цари, послѣ царя Ивана Васильевича, обираны на царство, и на нихъ были иманы письма, что имъ быть не жестокимъ и не палчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнити не за что, и мыслити о всякихъ дѣлахъ зъ бояры и зъ думными людьми сопча; а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати“ (104). Съ Алексѣя Михайловича такого письма не было взято. Котошихинъ объясняетъ это такъ: „А нынѣшняго царя обрали на царство, а письма онъ отъ себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ, и потому наивышее пишется „самодержцемъ“ и государство свое правитъ по своей волѣ. И съ кѣмъ похочетъ учинити войну и покой, и по покою что кому по дружбѣ

отдати, или какую помощь чинити, или и иныя всякія великія и малыя своего государства дѣла похочетъ по своей мысли учинити, зъ бояры и зъ думными людми спрашиваетца о томъ мало, въ его волѣ что хочетъ то учинити можетъ; однако кого изъ бояръ и изъ думныхъ и изъ простыхъ людей любитъ и жалуетъ, спрашиваетца и совѣтуется съ ними о всякихъ дѣлахъ. А отецъ его блаженныя памяти царь Михайло Ѳедоровичъ, хотя, „самодержцемъ“ писался, однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего“.

Но уже въ Москвѣ избранія не всегда происходили на соборахъ, правильно составленныхъ. Въ нѣкоторыхъ принимали участіе только московскіе люди, толпа, которая собиралась у Краснаго крыльца безъ всякихъ выборовъ. Въ имперіи роль избирателей принимали тѣ, кто считалъ себя силой: при избраніи Анны—Верхов. Тайный Совѣтъ, Елизаветы Петровны — лейбъ гвардіи полки.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Управленіе.

Управленіе имѣетъ задачей осуществленіе цѣлей государственной жизни; оно должно избирать для этого наиудобнѣйшія, при данныхъ условіяхъ, средства. По современнымъ взглядамъ правительственная дѣятельность должна исходить изъ закона; поэтому говорятъ, что управленіе подзаконно, т. е. подчинено закону. Если сравнить дѣятельность судей съ дѣятельностью правительственныхъ органовъ, то между ними окажется нѣкоторое различіе. Судьи только примѣняютъ законъ; правительственнымъ же органамъ, по невозможности все опредѣлить закономъ въ области управленія, предоставляется нѣкоторая свобода усмотрѣнія; въ извѣстныхъ случаяхъ имъ предоставляется даже право установлять обязательныя нормы въ области своей дѣятельности. Но въ томъ и другомъ случаѣ они должны руководствоваться закономъ. Въ законѣ опредѣленъ предѣлъ ихъ дѣятельности, изъ котораго они не должны выходить. Поэтому и говорятъ: управленіе должно быть законосообразно, закономѣрно, а не произвольно. Но это взглядъ нашего времени. Онъ выработался долгой исторической жизнью. Первоначально же мы вездѣ наблюдаемъ почти обратное отношеніе, т. е. управленіе господствуетъ надо всѣмъ, ему должны уступать всякія права. Это мы встрѣчаемъ какъ въ средневѣковыхъ государствахъ запада, такъ и у насъ. Можно думать, что у насъ господство управленія было еще

сильнѣе, чѣмъ на западѣ. Его усмотрѣнію все должно было подчиняться: и имущество частныхъ лицъ, и ихъ жизнь. Чтобы казнить кого либо, въ Москвѣ вовсе не требовалось, чтобы извѣстное дѣяніе напередъ было воспрещено закономъ подъ страхомъ смертной казни. Довольно, если великій государь находилъ, что казнить нужно. Усмотрѣніе шло впереди всякаго закона. Принципъ неприкосновенности частной собственности въ Москвѣ вовсе не былъ правительствомъ признанъ и государи нарушали его всякій разъ, какъ только находили это нужнымъ. Надо было, напр., устроить какой нибудь „ямъ", т. е. почтовую станцію, и великій государь предписывалъ взять частную собственность для устройства яма. Василій Ивановичъ пишетъ своему чиновнику: „а ты бы ѣхалъ на Георгіевское, да на ямскомъ дворѣ хоромы велѣлъ подѣлать, да земли бы отмѣрилъ къ ямамъ, ямщикамъ на пашни, чья земля ни будетъ, которая пришлась въ кругъ яма". Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что частной собственности въ Москвѣ не было и все принадлежало государю. Изъ этого слѣдуетъ только, что управленіе все могло. Оно было сильнѣе всякихъ правъ.

Вторая характерная черта московскаго управленія состоитъ въ томъ, что оно не было систематизировано, все зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія, отъ особенностей даннаго случая, вслѣдствіе чего управленіе было чрезвычайно разнообразно по мѣстности, времени, случаю. Нѣкоторое улучшеніе появляется только съ Петра Великаго, который задался мыслью организовать управленіе на болѣе точныхъ и единообразныхъ началахъ. Въ 3-хъ, московское управленіе было проникнуто началами такъ называемаго полицейскаго государства. Въ теоріи различаютъ: правовое государство, которое установляетъ только нормы права и не беретъ на себя никакихъ заботъ о частномъ благополучіи подданныхъ, и полицейское государство, которое не только установляетъ нормы права, но и беретъ на себя заботу о благополучіи подданныхъ. И то и другое государство есть теоретическое обобщеніе, ихъ нѣтъ въ дѣйствительности; но дѣйствительныя государства болѣе или менѣе приближаются къ тому или другому типу. Московское государство представляетъ крайность втораго типа, хотя и въ очень узкой формѣ. Для блага подданныхъ оно воспрещаетъ имъ курить и нюхать табакъ, брить бороду, пить водку болѣе указанной мѣры; съ той же цѣлью предписываетъ ходить въ церковь, извѣстное число разъ въ годъ говѣть и пріобщаться Святыхъ Тайнъ. Имѣемъ указанія, что оно иногда даже пріискиваетъ холостымъ людямъ женъ. Отъ XVII в. осталось предписаніе пашеннымъ крестьянамъ Томской губ., въ которомъ имъ, подъ страхомъ великой пени, приказывалось выдавать своихъ дочерей замужъ за ссыльныхъ преступниковъ, чтобы тѣмъ унять этихъ преступниковъ отъ бѣговъ и укрѣпить ихъ на тѣхъ мѣстахъ, куда они

были сосланы, такъ какъ имъ жениться опричь тѣхъ дочерей пашенныхъ крестьянъ не на комъ. Наконецъ, послѣдняя характерная черта управленія состоитъ въ томъ, что въ Московѣ государственное управленіе сливается съ частнымъ управленіемъ государева дома. Государь есть представитель всего Московскаго государства, но онъ и частное лицо, имѣющее свой домъ и свое имущество. Въ Московскомъ государствѣ, какъ и въ западной Европѣ, управленіе государствомъ происходитъ въ формѣ управленія частной государевой собственностью. Государевы дворецкіе, конюшенные, ясельничіе, ловчіе и т. д., завѣдуя первоначально его дворомъ, конюшнями и забавами, были вмѣстѣ съ тѣмъ и сановниками государства. Таково же происхожденіе западныхъ майордомовъ, маршаловъ и т. д.

I. Административное дѣленіе.

Отсутствіе строго опредѣленной системы управленія отражалось и на административномъ дѣленіи. Московское дѣленіе не представляетъ однообразія; мы встрѣчаемъ округа, несоизмѣримые одинъ съ другимъ. Въ началѣ находимъ древнее дѣленіе на города и волости. Но волости мало по малу исчезаютъ. Исчезновеніе волостей, т. е. сельскихъ округовъ, стоитъ, можетъ быть, въ связи съ закрѣпленіемъ большинства сельскаго населенія, которое не нуждалось болѣе въ особыхъ органахъ управленія, — волостеляхъ. Остается дѣленіе на города съ ихъ уѣздами. Рядомъ съ городскими округами стоятъ области или земли, которыя состоятъ изъ совокупности городовъ, имѣющихъ свой мѣстный центръ въ своемъ главномъ городѣ. Таковы: Вятская земля, Двинская, Важская, Псковская, Рязанская, Новгородская и пр. Новгородская область, напр., составляла совокупность городовъ съ Новгородомъ во главѣ, который сносился съ Москвою непосредственно; другіе же города сносились съ Новгородомъ, а не съ Москвой. Города, въ свою очередь, подраздѣляются на болѣе мелкія единицы: сотни, станы, слободы, погосты и пр. Нѣкоторыя области дѣлились на трети, на четверти; напр. Важская земля, какъ особенный административный округъ, дѣлилась на четверти; Новгородъ на пятины. Въ Московскомъ государствѣ возникаютъ еще дѣленія со спеціальными цѣлями: 1) дѣленіе на губы; это судебные округа. Размѣръ ихъ былъ очень различенъ. Первоначально онъ не имѣлъ никакой опредѣленности. Кто просилъ о губныхъ учрежденіяхъ, тотъ и получалъ ихъ. Если просила одна волость,— она и составляла губу. Но позднѣе, по мѣрѣ того какъ губныя учрежденія распространялись, губное дѣленіе, кажется, совпало съ дѣленіемъ на города съ уѣздами. 2) Разряды, это спеціально военное дѣленіе. Подъ разрядомъ разумѣется совокупность го-

родовъ, имѣющихъ свой центръ. Въ случаѣ войны въ центральномъ пунктѣ разряда собирались всѣ служилые люди этого разряда. Таковъ былъ разрядъ новгородскій, казанскій, рязанскій и др.

Иммунитеты въ это время выходятъ изъ употребленія.

Въ имперіи, въ царствованіе Петра В., кладется основаніе тому дѣленію государства, которое съ нѣкоторыми измѣненіями сохранилось и до послѣдняго времени. Петръ В., указами 1708 г. и 1719 года, раздѣлилъ Россію на губерніи. Первоначально, въ 1708 г., Россія была раздѣлена на 8 губерній; въ 1719 г. было прибавлено еще 4 губерніи, и каждая губернія раздѣлена на провинціи. Московскіе города съ уѣздами сдѣлались составными частями губерній. Съ 1710 г. встрѣчается дѣленіе на доли, но оно едва-ли было повсемѣстно и не представляло единообразія: иногда доля была менѣе уѣзда, иногда болѣе.

Каждой изъ этихъ административныхъ единицъ соотвѣтствовали и свои органы управленія. Во главѣ губерніи стоитъ губернаторъ, въ провинціи—воевода, по городамъ-коменданты, въ доляхъ-ландраты.

Введенное Петромъ дѣленіе иногда видоизмѣнялось по соображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ администраціей. Татищевъ разсказываетъ, что Меншиковъ приписалъ къ Петербургской губерніи Ярославль „для богатаго купечества“, а нѣкоторые другіе города приписалъ потому, что въ нихъ жили его свойственники; Апраксинъ приписалъ Касимовъ къ Азову и пр.

Дальнѣйшее развитіе Петровскихъ учрежденій о губерніяхъ принадлежитъ Екатеринѣ II, которая значительно упростила петровское дѣленіе. Въ 1775 г. издано учрежденіе о губерніяхъ, которымъ введено дѣленіе, въ общихъ чертахъ и понынѣ существующее. Екатерина II опредѣлила самый размѣръ губерніи по количеству населенія: въ губерніи должно быть отъ 300 до 400 тысячъ жителей; губерніи дѣлятся прямо на уѣзды (дѣленіе на провинціи уничтожено), заключающіе въ себѣ отъ 20 до 30 тысячъ жителей.

II. Органы управленія.

Дѣленіе органовъ управленія по различію рода дѣлъ и по пространству дѣйствія зарождается въ Московскомъ государствѣ, но въ очень блѣдныхъ чертахъ. Роль центральныхъ органовъ играетъ государева дума и приказы; роль мѣстныхъ органовъ принадлежитъ воеводамъ, губнымъ учрежденіямъ и т. д. Но это дѣленіе не было послѣдовательно проведено. Рядомъ съ приказами, вѣдавшими все Московское государство, были такіе, которые вѣдали только городъ Москву и, слѣдовательно, имѣли зна-

ченіе мѣстныхъ органовъ. Съ болѣе правильнымъ дѣленіемъ органовъ встрѣчаемся уже въ имперіи съ Петра Великаго.

Московскіе органы управленія существуютъ по обычаю, они слагаются практикой и указами на отдѣльные случаи, общихъ же узаконеній, опредѣляющихъ составъ ихъ, дѣятельность и права, Москва не знаетъ. Съ Петра Великаго, наоборотъ, почти каждое учрежденіе получаетъ свой регламентъ.

Государева дума.

Нѣкоторые наши изслѣдователи думаютъ, что въ Московскомъ государствѣ было нѣсколько государевыхъ думъ; они основываютъ свое мнѣніе на томъ, что въ памятникахъ говорится о государевой думѣ, расправной палатѣ, боярской думѣ и проч. Но это только разныя наименованія одного и того-же учрежденія. Дума называлась „государевой", потому что государь въ ней засѣдалъ; „расправной палатой", потому что она вѣдала судъ; „боярской думой", потому что она состояла изъ бояръ. Составъ думы опредѣлялся государемъ и постоянно увеличивался допущеніемъ въ нее новыхъ чиновъ. Первоначально въ ней сидѣли одни только бояре, отсюда и выраженія: „царь приговорилъ со всѣми бояры", „внести (дѣло) къ боярамъ въ золотую палату" и т. п. Съ теченіемъ времени, особенно съ Ивана IV, не любившаго бояръ, составъ думы демократизуется. Въ нее входятъ окольничіе и дворяне думные. Имѣемъ указаніе, что думные дворяне вошли въ составъ думы съ 1572 года. Съ котораго времени окольничіе засѣдаютъ въ думѣ—не можемъ опредѣлить. Въ государевой думѣ, кромѣ бояръ, окольничьихъ и думныхъ дворянъ, были думные дьяки для письмоводства. Хотя въ составъ государевой думы входилъ и самъ государь, но онъ не всегда въ ней присутствовалъ, а потому дѣла могли разсматриваться и безъ него. Въ этомъ случаѣ предсѣдательствовалъ старѣйшій бояринъ.

Остановимся на вѣдомствѣ думы и ея власти. Государева дума есть совѣтъ государя; при ея содѣйствіи онъ пишетъ судебники, судитъ и управляетъ. Но, кромѣ того, дума была и самостоятельнымъ учрежденіемъ для суда и текущихъ дѣлъ управленія; на ея рѣшеніе поступали дѣла изъ приказовъ. Въ этомъ отношеніи она дѣйствовала помимо государя и сама издавала приговоры; только въ крайнихъ случаяхъ, когда, напр., находила, что не было указа для рѣшенія даннаго вопроса, она обращалась къ государю. По мѣрѣ того, какъ усиливается власть московскаго государя, а бояре изъ людей независимыхъ становятся чиномъ, раздаваемымъ по усмотрѣнію государя, значеніе думы мѣняется; изъ учрежденія, безъ согласія котораго князю трудно было что-нибудь предпринять, царская дума переходитъ иногда въ простое орудіе власти московскихъ государей.

Иванъ Грозный не первый примѣръ государя, который шелъ противъ старыхъ обычаевъ и не слушалъ совѣта бояръ. Встрѣчаемъ укоры и его отцу въ томъ, что и онъ не былъ вѣренъ обычаямъ, не совѣщался съ думой, и сидя самъ третей у постели (т. е. тайно, съ двумя любимцами), всѣ дѣла дѣлалъ. Этотъ государь не любилъ, чтобы члены думы ему противорѣчили. Когда одинъ изъ бояръ (Беклемишевъ) высказалъ свое мнѣніе о Смоленскѣ, противное мнѣнію государя, то, разсказываютъ: „великій князь опалился и закричалъ на него: „ступай прочь, смердъ, не надобенъ ты мнѣ!“ Другіе государи, напротивъ, были внимательнѣе къ боярамъ; Иванъ III даже любилъ „встрѣчу“, т. е. ихъ возраженія на совѣтѣ. Дмитрій Донской, какъ мы уже знаемъ, съ большимъ уваженіемъ относился къ боярамъ и завѣщалъ дѣтямъ своимъ во всемъ слушаться ихъ.

Выше приведено свидѣтельство Котошихина объ отношеніи къ думѣ Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича.

Согласно всему состоянію нашего права въ московскую эпоху, государева дума, какъ и земскіе соборы, не имѣли точно опредѣленнаго значенія по отношенію къ власти государя. Значеніе это было различно, смотря по свойствамъ государя: дума то управляетъ вмѣстѣ съ государемъ, то служитъ ему только орудіемъ управленія.

Дума собиралась 6 разъ въ недѣлю. Порядокъ рѣшенія дѣлъ, по всей вѣроятности, былъ единогласный. Это можно думать потому, что въ указахъ обыкновенно предписывается „государевы дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ“. Если мнѣнія раздѣлялись, дѣло, конечно, восходило на рѣшеніе самого государя. Московская дума переходитъ и въ имперію. Есть указанія, что и при Петрѣ съѣзжаются бояре, но названіе старинное замѣняется новымъ, это учрежденіе называется „Ближней канцеляріей“. Ближняя канцелярія весьма скоро вытѣсняется сенатомъ.

Сенатъ.

Сенатъ былъ учрежденъ въ 1811 г. Петромъ и съ тѣхъ поръ существуетъ непрерывно до нашего времени, хотя роль и значеніе его очень колебались и измѣнялись съ теченіемъ времени. Сенатъ—названіе не русское, это можетъ навести на мысль, что и самое учрежденіе позаимствовано, особенно если вспомнить, что почти всѣ петровскія учрежденія списаны съ иностранныхъ. Тѣмъ не менѣе сенатомъ мы никому не обязаны. Заимствовано одно имя, а что касается существа дѣла, то это учрежденіе совершенно оригинальное, свое русское, созданное Петромъ изъ боярской думы, на основаніи тѣхъ потребностей и нуждъ, которыя самъ Петръ испытывалъ въ дѣлѣ управленія государствомъ.

Названіе взято изъ Швеціи. Шведскій сенатъ прежде именовался государственнымъ совѣтомъ и только съ конца XVII в. онъ сталъ называться сенатомъ, въ то же время измѣнилось и значеніе его. Въ Швеціи съ древнихъ временъ существовало представительство четырехъ сословій, или чиновъ, съ которымъ государь раздѣлялъ свою власть. Кромѣ собранія чиновъ въ Швеціи былъ государственный совѣтъ, игравшій роль посредника между представителями народа и государемъ. Дѣятельность его состояла въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы государь дѣйствовалъ въ предѣлахъ закона. Государственный совѣтъ былъ обязательнымъ совѣтникомъ короля, хотя никакой законъ не обязывалъ его поступать согласно съ мнѣніемъ совѣта. Всѣ предложенія чинамъ должны были вырабатываться въ совѣтѣ. Члены государственнаго совѣта давали такую присягу: они обязывались направлять дѣятельность государя къ сохраненію данной имъ народу присяги, а также удерживать народъ въ предѣлахъ данной имъ королю присяги. Объявить войну или издать какой нибудь законъ король могъ не иначе, какъ по совѣту государственнаго совѣта и съ согласія чиновъ. Что касается состава государственнаго совѣта, то онъ не зависѣлъ исключительно отъ усмотрѣнія короля: въ совѣтъ непремѣнно должны были назначаться лица высшихъ аристократическихъ фамилій. Вотъ первоначальное значеніе государственнаго совѣта. Такъ какъ отношенія разныхъ партій аристократіи и народа не всегда находились въ равновѣсіи, такъ какъ демократы нерѣдко вступали въ борьбу съ аристократами, то соотвѣтственно этому и положеніе государя иногда мѣнялось. Королямъ удавалось иногда въ значительной степени ограничивать аристократію и вмѣстѣ съ тѣмъ умалять значеніе государственнаго совѣта. Съ такимъ упадкомъ государственнаго совѣта встрѣчаемся при Карлѣ XI, который переименовалъ его въ Королевскій совѣтъ. При Карлѣ XII совѣтъ продолжаетъ оставаться въ весьма зависимомъ положеніи и получаетъ наименованіе сената. Царствованіе Карла XI и XII есть время упадка государственнаго совѣта, но позднѣе значеніе его снова возстановляется. Трудно думать, чтобы учрежденіе съ тѣми преданіями, которыя сохранялъ шведскій сенатъ даже въ царствованіе Карла XII, могло служить Петру В. образцомъ. Учреждая сенатъ, онъ вовсе не думалъ навязать себѣ совѣтниковъ, съ мнѣніями которыхъ ему надо было бы сообразоваться. Въ 1711 г. Петру пришлось уѣхать изъ С.-Петербурга по дѣламъ войны съ Швеціею. Для того, чтобы въ его отсуствіе управленіе государствомъ шло какъ и при немъ, онъ учредилъ сенатъ. Сенатъ возникъ, такимъ образомъ, по случаю отъѣзда государя, съ цѣлью замѣнить его, чтобы было кому дѣлать все то, что дѣлалъ бы самъ государь, а вовсе не для того, чтобы подавать совѣты государю, или наблюдать за его дѣятельностью. Учрежденный

временно сенатъ сдѣлался постояннымъ учрежденіемъ. Всматриваясь ближе въ его составъ, вѣдомство, порядокъ рѣшенія дѣлъ, мы усмотримъ многія черты родства съ московскими учрежденіями.

Составъ. Члены сената носятъ наименованіе сенаторовъ и назначаются по усмотрѣнію государя. Съ учрежденіемъ коллегій нѣкоторые изъ сенаторовъ были назначены въ коллегіи—президентами; такимъ образомъ высшія и нисшія учрежденія состояли частью изъ однихъ и тѣхъ же членовъ. Члены московской думы также сидѣли въ приказахъ. Такое смѣшеніе, однако, не было удобно. Сенатъ, какъ высшее учрежденіе, долженъ былъ контролировать дѣйствія коллегій; тѣмъ членамъ сената, которые были президентами коллегій, приходилось контролировать самихъ себя. Поэтому въ 1722 г. Петръ предписалъ, чтобы сенаторы не состояли членами коллегій, за исключеніемъ, однако, трехъ коллегій: военнно-сухопутной, морской и иностранной. При сенатѣ состояли: 1) расправная палата (судебная), т. е. это одна изъ функцій думы, перешедшая на сенатъ. Первоначально эта судебная функція отправлялась сенатомъ въ томъ же мало оформленномъ видѣ, какъ и думой. Сенатъ судилъ даже въ первой инстанціи. Въ 1713 году сенатъ самъ сдѣлалъ постановленіе о непринятіи къ разсмотрѣнію не вершеныхъ дѣлъ. Въ 1722 г. при сенатѣ, для болѣе правильной организаціи его судебной дѣятельности, учреждена должность рекетмейстера. Рекетмейстеръ принимаетъ, съ доклада сенату, жалобы на неправильныя рѣшенія коллегій, дѣлаетъ изъ нихъ выписки и докладываетъ сенату. Сенатъ рѣшаетъ. 2) При сенатѣ былъ учрежденъ разрядный столъ. Въ Москвѣ существовалъ Разрядный приказъ, который вѣдалъ дворянскую службу. Петръ перенесъ это учрежденіе въ составъ сената. Въ 1722 году онъ поручилъ вѣдомство дворянской службы—герольдмейстеру, который состоялъ при сенатѣ, докладывалъ ему дѣла и былъ исполнителемъ его распоряженій. 3) При сенатѣ состояли коммиссары отъ каждой губерніи; не будучи членами сената, они доставляли ему нужныя справки, для собиранія которыхъ посылались сенатомъ въ свои губерніи. Письмоводство поручено оберъ-секретарю.

Вѣдомство. По отношенію къ этому вопросу нужно различать сенатъ въ первое время его существованія, когда не были еще учреждены коллегіи, и сенатъ послѣ ихъ учрежденія. Въ первое время, сенатъ дѣлалъ все; съ учрежденіемъ же коллегій, многое изъ прежней дѣятельности сената перешло къ нимъ. Первоначально въ рукахъ сената была какъ вся правительственная дѣятельность, такъ и судъ. Сенату принадлежалъ не только надзоръ за дѣятельностью низшихъ учрежденій, но и непосредственное управленіе. Въ 1711 году адмиралъ Апраксинъ просилъ у Петра денегъ на нужды

флота, царь отвѣчалъ ему: „о деньгахъ изволь писать сенату, ибо все на нихъ положено“; когда сенатъ въ томъ же году представилъ Петру вѣдомость о доходахъ и расходахъ, то Петръ, хваля за присылку вѣдомости, прибавилъ: „но и лучше того старайтесь прибыль учинить, ибо нынѣ уже все у васъ въ рукахъ“. Изъ этихъ заявленій видно, какъ самъ царь смотрѣлъ на вѣдомство сената. Сенатъ долженъ былъ заботиться: о благосостояніи и безопасности государства; въ его рукахъ было войско, финансы, торговля, промышленность; онъ проводилъ дороги и каналы; учреждалъ почты; въ самомъ Петербургѣ заботился о благоустройствѣ; принималъ мѣры во время голода, болѣзней; до учрежденія духовной коллегіи завѣдывалъ даже духовными дѣлами. Въ указѣ сказано: „сенатъ собирается вмѣсто собственной Его Величества персоны“. Сенатъ вѣдаетъ то, что вѣдалъ бы самъ государь: онъ двойникъ государя. Полководцы доносятъ ему о своихъ побѣдахъ, онъ ихъ награждаетъ. Адмиралъ Апраксинъ послалъ сенату донесеніе объ успѣшномъ отраженіи имъ турецкаго флота отъ Азова. Сенатъ опредѣлилъ выдать Апраксину похвальную грамоту. Сенатъ, какъ и прежняя государева дума, составляетъ совѣтъ государя, по законодательнымъ вопросамъ, не имѣя, однако, законодательной власти. Сенату было предписано составлять новыя правила по тѣмъ пунктамъ, по которымъ въ старыхъ законахъ нѣтъ надлежащихъ узаконеній, дѣлать объ этомъ государю доклады и представленія, а въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, издавать на свой страхъ постановленія, но представлять ихъ потомъ на одобреніе государя. Въ указѣ 1718 года сенатъ названъ высокоповѣреннымъ, которому довѣрено управленіе государствомъ.

По отношенію къ государю сенатъ былъ простымъ исполнителемъ его воли, а низшія учрежденія должны были подчиняться указамъ сената такъ же, какъ и указамъ самого государя. Въ основѣ подчиненія низшихъ мѣстъ сенату лежитъ то предположеніе, что сенатъ всегда дѣйствуетъ согласно съ законами, а потому, если низшее учрежденіе получало указъ сената, по его мнѣнію противный законамъ, оно должно было сдѣлать сенату о томъ представленіе. Если же сенатъ подтверждалъ свой прежній указъ, низшее мѣсто должно было исполнить его, но донести государю, а „сенатъ въ томъ отвѣтъ дать повиненъ“, если государь дѣйствительно найдетъ, что предписаніе сената не согласно съ закономъ.

Порядокъ рѣшенія дѣлъ. Въ самомъ началѣ въ сенатѣ существовалъ старый московскій порядокъ рѣшенія дѣлъ—единогласное рѣшеніе. Въ этомъ опять сходство съ московскими порядками. Въ нашей литературѣ очень распространено мнѣніе, что въ сенатѣ этотъ старый порядокъ рѣшенія дѣлъ сохранился

до смерти Петра; Петровскій доказалъ, что это мнѣніе не вѣрно. Въ 1714 г. введено рѣшеніе по большинству голосовъ. Всякій докладъ сенату Петръ предписалъ до рѣшенія представлять каждому члену сената, чтобы всѣ высказали свое мнѣніе для разъясненія вопроса. При рѣшеніи предписывалось собирать голоса, начиная съ младшихъ чиновъ. Такой порядокъ установленъ въ виду того, чтобы младшіе члены не стѣснялись мнѣніями старшихъ. Но въ указахъ и послѣ 1714 г. есть выраженія, наводившія нашихъ изслѣдователей на мысль, что и послѣ 1714 г. дѣла рѣшались единогласно. Такъ въ нихъ говорится: „безъ согласія всего сената ничто же дѣлать подобаетъ, паче же рѣшить что возможно“. Отсюда и выводили заключеніе, что и послѣ 1714 г. дѣла рѣшались единогласно. Петровскій доказалъ, что въ сенатѣ дѣла рѣшались по большинству голосовъ. Это ему легко было сдѣлать, имѣя подъ руками архивныя сенатскія бумаги, изъ которыхъ видно, что въ сенатѣ принимались тѣ рѣшенія, въ пользу которыхъ высказывалось большинство. Выраженіе же: „безъ согласія всего сената ни что же дѣлать подобаетъ, паче же что рѣшить возможно, значитъ только, что Петръ требовалъ, чтобы къ рѣшенію дѣлъ приступали не прежде того, какъ всѣ сенаторы извѣстятся о дѣлѣ. Въ сенатѣ существовалъ такой порядокъ: если какой-нибудь членъ отсутствовалъ, то къ нему дѣло посылалось на домъ, чтобы онъ все таки далъ свое мнѣніе. Мнѣнія должны были высказывать не только присутствующіе члены сената, но и отсутствующіе, за исключеніемъ находящихся въ дальнихъ отлучкахъ. Петръ мотивировалъ это постановленіе так. обр.: „ибо симъ (т. е. изложеніемъ своего мнѣнія) всякаго дурость явлена будетъ“. Итакъ спорное выраженіе значитъ, что безъ освѣдомленія всѣхъ членовъ сената дѣло не могло рѣшаться.

Надзоръ. Петръ имѣлъ въ виду создать въ сенатѣ послушное себѣ орудіе, которое бы энергически дѣйствовало; съ этою цѣлью онъ надѣлилъ его обширнымъ кругомъ вѣдомства и значительною властью по отношенію къ низшимъ мѣстамъ. Естественно Петру было позаботиться и о томъ, чтобы сенатъ не выступалъ изъ его воли. Съ этою цѣлью была установлена энергическая система надзора за дѣятельностью сената. Сперва этотъ надзоръ былъ порученъ генералъ-ревизору Зотову. Но дѣятельность его была малоуспѣшна. Зотовъ оставался въ этой должности не болѣе 3 лѣтъ. Съ 1720 г. надзоръ за дѣятельностью сената былъ присоединенъ къ обыкновеннымъ обязанностямъ оберъ-секретаря. Инструкція оберъ-секретарю подробно опредѣляетъ порядокъ теченія дѣлъ въ сенатѣ и возлагаетъ на оберъ-секретаря наблюденіе за его исполненіемъ. Дѣла дожны слушаться по порядку вступленія; по каждому дѣлу сенаторы должны были со-

вѣщаться не болѣе получаса; если же дѣло особенно важное, то въ теченіи 3 часовъ; только въ крайнихъ случаяхъ можно было отложить рѣшеніе дѣла до другаго дня. За этимъ долженъ былъ наблюдать оберъ-секретарь, предъ которымъ стояли песочные часы. Если сенаторы допускали какое-нибудь отступленіе отъ закона, то оберъ-секретарь долженъ былъ, покинувъ всѣ дѣла, немедленно донести государю. Весьма скоро этотъ новый способъ надзора оказался также недостигающимъ цѣли. Оберъ-секретарь находился въ довольно странномъ положеніи: онъ былъ подчиненъ сенату, а между тѣмъ долженъ былъ наблюдать за дѣйствіями сенаторовъ. Въ 1721 году для надзора за сенаторами были назначены штабъ-офицеры гвардіи, они дежурили по мѣсячно. Имъ предоставлено было даже право арестовать непослушнаго сенатора и запереть его въ крѣпость. Эта крутая мѣра дѣйствовала не долго. Въ 1722 г. Петръ учредилъ должность генералъ-прокурора. Генералъ-прокурору предоставлено было право наблюдать за дѣятельностью сената, за порядкомъ рѣшенія, и за тѣмъ, чтобы всѣ рѣшенія сената были согласны съ законами. Если онъ замѣчалъ какое нибудь отступленіе отъ закона, онъ долженъ б. сдѣлать представленіе сенату. Если сенатъ не слушалъ, онъ д. б. остановить рѣшеніе и донести государю. Генералъ-прокуроръ—начальникъ сенатской канцеляріи; чрезъ его руки поступаютъ въ сенатъ всѣ дѣла, кромѣ рекетмейстерской части. По указу 1722 г., выборъ генералъ-прокурора былъ предоставленъ сенату; но въ дѣйствительности Петръ самъ назначалъ генералъ-прокуроровъ, что болѣе было согласно съ сущностью дѣла. Сенатъ не очень любилъ это дополненіе къ его учрежденію. Когда при Аннѣ Іоанновнѣ рѣшено было возстановить сенатъ въ прежнемъ значеніи, то въ первомъ же засѣданіи возстановленнаго сената обсуждался вопросъ, быть-ли должности генералъ-прокурора или не быть? Сенатъ высказался противъ.

Таковъ былъ сенатъ при Петрѣ В. Первое измѣненіе въ организаціи его было сдѣлано при Аннѣ Іоанновнѣ. Она раздѣлила сенетъ по роду дѣлъ на пять департаментовъ: судебный, военный, торговый, духовныхъ и финансовыхъ дѣлъ. Эти департаменты не могли, однако, сами рѣшать дѣла, а только подготовляли ихъ къ рѣшенію въ общемъ собраніи сената. При Елизаветѣ Петровнѣ сенатъ пользовался очень большою властью. Формально права его не были увеличены. Но на дѣлѣ, благодаря тому, что императрица Елизавета не принимала дѣятельнаго участія въ дѣлахъ управленія, сенатъ, управлялъ Россіей съ такой самостоятельностью, какой, конечно, не могъ пользоваться при Петрѣ Великомъ. Петръ III нашелъ нужнымъ запретить сенату издавать въ публику такіе указы, въ которыхъ заключались законодательныя

опредѣленія, „не получая на то апробаціи“. Екатерина II въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ то положеніе, которое занялъ сенатъ при ея предшественницѣ: „всѣ мѣста и самый сенатъ вышли изъ своихъ установленій разными случаями, какъ неприлежаніемъ къ дѣламъ нѣкоторыхъ моихъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіемъ. Сенатъ, установленный для исполненія законовъ, часто самъ издавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, словомъ, почти все, умаляя прочія судебныя мѣста въ ихъ законныхъ правахъ и преимуществахъ. Чрезъ такія гоненія низшихъ мѣстъ они пришли въ столь великій упадокъ, что и регламенты забыли, въ которыхъ повелѣно противъ сенатскихъ указовъ, если они изданы не въ силу законовъ, представлять въ сенатъ, а напослѣдокъ и къ Намъ... Можетъ быть для любочестія инымъ чинамъ прежніе примѣры прелестны, однако-же я, покамѣсть жива, то останется какъ долгъ велитъ. Россійская имперія столь обширна, что, кромѣ самодержавнаго государя, другая форма правленія для нея вредна есть, ибо всѣ прочія медлительность въ исполненіи и многое множество разныхъ страстей въ себѣ имѣютъ“. Такимъ образомъ Екатерина высказывается противъ расширенія правъ сената. Сенатъ получилъ при ней иное раздѣленіе на департаменты. Вновь образованнымъ департаментамъ предоставлено было право окончательно рѣшать подлежащія ихъ вѣдѣнію дѣла, въ томъ случаѣ, когда было единогласное рѣшеніе; если не было единогласія, дѣло поступало на разрѣшеніе общаго собранія сената, гдѣ также было возстановлено единогласное рѣшеніе. Въ такомъ видѣ остался сенатъ и при Павлѣ Петровичѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что имп. Павелъ, установилъ въ общемъ собраніи сената рѣшеніе по большинству голосовъ, а въ департаментахъ оставилъ единогласное. Въ царствованіе императора Александра I было произведено много преобразованій въ нашихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Эти преобразованія существенно измѣнили и положеніе сената. При Екатеринѣ II сенатъ былъ раздѣленъ на шесть департаментовъ, четыре въ С.-Петербургѣ, два въ Москвѣ. Въ Петербургѣ первый департаментъ завѣдывалъ внутренними и политическими дѣлами, 2-й—апелляціонными, 3-й—малороссійскими, эстляндскими и финляндскими и, наконецъ, 4-й—военными. Въ Москвѣ было два департамента: 5-й для внутреннихъ дѣлъ и 6-й для апелляціонныхъ. Дѣла управленія еще остаются въ вѣдѣніи сената, хотя и въ меньшемъ объемѣ, чѣмъ прежде. При Александрѣ произошло дальнѣйшее сокращеніе. При немъ сенатъ получилъ значеніе преимущественно судебнаго учрежденія. Правительственная дѣятельность осталась за сенатомъ въ очень ограниченномъ размѣрѣ, она вся была сосредоточена въ одномъ департаментѣ — первомъ; всѣ

остальные (восемь) были судебные. Къ дѣятельности перваго департамента сената было отнесено: публикація и храненіе законовъ, производство народной переписи, переводъ лицъ изъ одного состоянія въ другое, представленіе государю объ опредѣленіи и увольненіи чиновниковъ (но не высшихъ) и судъ по дѣламъ казеннаго управленія, все остальное перешло въ министерства. Простое большинство голосовъ въ общемъ собраніи при Александрѣ было замѣнено большинствомъ двухъ третей.

Совѣты при особѣ государя.

При Петрѣ В. не было особаго совѣта, сенатъ былъ высшимъ учрежденіемъ. Въ дѣлахъ, которыя онъ не могъ почему либо рѣшить самъ, онъ дѣлалъ доклады государю, прилагая къ нимъ и состоявшіяся въ немъ мнѣнія. Только съ Екатерины I возникаетъ рядъ такихъ спеціальныхъ совѣтовъ. Она учредила В. Тай-Совѣтъ изъ шести лицъ, подъ ея предсѣдательствомъ, для внѣшнихъ и внутреннихъ важныхъдѣлъ, которыя были такимъ образомъ изъяты изъ вѣдѣнія сената. Согласно съ этимъ, сенатъ изъ правительствующаго переименованъ въ „высокій". Точнаго опредѣленія дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію Верховнаго Тайнаго Совѣта не послѣдовало.

При Аннѣ Іоанновнѣ Верховный Тайный Совѣтъ былъ отмѣненъ и сенатъ возстановленъ въ прежнихъ правахъ. Но и эта государыня очень скоро нашла нужнымъ учредить при своей особѣ Кабинетъ „для лучшаго управленія дѣлъ, собственно нашему рѣшенію подлежащихъ". Этотъ Кабинетъ былъ еще болѣе тайнымъ, ибо состоялъ только изъ трехъ лицъ: канцлера Головкина, вице-канцлера Остермана и князя Черкасскаго.

Елизавета Петровна снова возстановила первенствующее значеніе сената, но и она учредила при Высочайшемъ дворѣ „конференцію", сперва только для иностранныхъ дѣлъ, но съ теченіемъ времени конференція притянула къ себѣ и нѣкоторыя внутреннія дѣла. Въ указѣ Петра III, упразднившемъ конференцію, было объявлено, что впредь „никакого особаго совѣта или конференціи не будетъ". Екатерина II учредила „Совѣтъ при Высочайшемъ присутствіи на время войны для обсужденія военныхъ дѣлъ", но и этотъ Совѣтъ сталъ притягивать къ себѣ и нѣкоторыя внутреннія дѣла, подобно конференціи Елизаветы Петровны. Александръ I замѣнилъ екатерининскій Совѣтъ постояннымъ Совѣтомъ въ 1801 году. Совѣтъ 1801 г. имѣлъ цѣлью „разсмотрѣніе и уваженіе всякихъ государственныхъ дѣлъ и постановленій". Такъ продолжалось до 1810 г., когда постоянный Совѣтъ былъ преобразованъ въ Государственный Совѣтъ, составъ

котораго, какъ и всѣхъ предшествующихъ, опредѣлялся усмотрѣніемъ государя. О значеніи и дальнѣйшей судьбѣ Государственнаго Совѣта рѣчь была выше.

Приказы.

Приказы занимаютъ въ Московскомъ государствѣ то же мѣсто, какое позднѣе принадлежало коллегіямъ, а теперь принадлежитъ министерствамъ. Единообразія въ учрежденіи приказовъ не было. Даже по составу своему они были далеко не одинаковы. Одни были очень полно составлены, другіе, напротивъ, имѣли сравнительно не много членовъ и при томъ изъ другихъ чиновъ. Въ однихъ засѣдали бояре, окольничіе, думные дворяне и дьяки; въ другихъ окольничіе, дворяне и дьяки; въ третьихъ только дворяне и дьяки, а, наконецъ, были и такіе приказы, въ которыхъ засѣдали одни дьяки. Таковъ приказъ Тайныхъ дѣлъ. Отсюда не слѣдуетъ, однако, заключать, чтобы приказъ Тайныхъ дѣлъ былъ не важенъ; напротивъ, онъ былъ едва ли не самымъ важнымъ, такъ какъ онъ наблюдалъ за ходомъ дѣлъ во всѣхъ другихъ приказахъ и непосредственно сносился съ государемъ. Что касается времени возникновенія приказовъ, то точно опредѣлить его невозможно; есть основаніе думать, что они возникли съ конца XV вѣка. Возникли они безъ всякаго общаго учрежденія, а путемъ частныхъ приказовъ: какому-нибудь лицу, или нѣсколькимъ, поручается вѣдѣніе нѣкоторыхъ дѣлъ, „приказывается“ имъ вѣдать эти дѣла и возникаетъ приказъ, который иногда называется даже именемъ человѣка, кому приказано, напримѣръ, Приказъ (четь) дьяка Варѳоломея. Въ первомъ Судебникѣ говорится: „послати жалобника (челобитчика) къ тому, кому которые люди приказано вѣдать“. Это первое указаніе на то, что существовали приказы. Во второмъ судебникѣ читаемъ: „а къ которому боярину придетъ жалобникъ его приказу“. Никакой опредѣленной системы не было проведено при учрежденіи приказовъ; находили нужнымъ приказать (поручить) извѣстному лицу что нибудь и онъ становился во главѣ приказа. По степени власти приказы занимали первое мѣсто послѣ государевой думы. Но и въ этомъ не видимъ единообразія, по степени власти не всѣ приказы были одинаковы. Приказъ Большаго дворца имѣлъ подъ своимъ вѣдѣніемъ Сытенный приказъ, Кормовой приказъ, Хлѣбенный, Житенный. Такимъ образомъ и высшее и низшее учрежденіе одинаково—приказъ. Рядомъ со словомъ приказъ для обозначенія приказовъ были употребительны и другія выраженія: большой приходъ, такая-то четверть, разрядъ, казенный дворъ и т. п.

Что касается вѣдомства приказовъ, то нужно замѣтить, что

въ Московскомъ государствѣ обособляются уже разныя отрасли дѣлъ и поручаются вѣдѣнію особенныхъ приказовъ. Такъ встрѣчаются судебные приказы, финансовые, военные и т. д. Но это былъ еще очень слабый зародышъ систематическаго дѣленія учрежденій по роду дѣлъ. Это дѣленіе не проводится строго и послѣдовательно, правительственные приказы вѣдаютъ и судъ, Посольскій—управляетъ городами и т. д. Въ составъ приказовъ обыкновенно входятъ нѣсколько членовъ; дѣла рѣшали они, по всей вѣроятности, единогласно. Этому предположенію противорѣчитъ выраженіе, встрѣчающееся въ одномъ изъ указовъ Петра В. По поводу учрежденія коллегій Петръ говоритъ, что въ коллегіяхъ всѣ дѣла будутъ рѣшаться по голосамъ, а не такъ, какъ было въ старыхъ приказахъ, гдѣ что бояринъ приказывалъ, то его товарищи исполняли. Отсюда и выводятъ, что рѣшеніе дѣлъ въ приказахъ зависѣло отъ усмотрѣнія старшаго боярина. Въ составъ приказовъ входили лица разныхъ чиновъ и разнаго значенія по тому довѣрію, которымъ пользовались у государя. Нѣкоторые любимцы назначались единовременно въ нѣсколько приказовъ. Весьма понятно, что такіе близкіе къ государю люди оказывали на дѣла рѣшающее вліяніе. Но это не общее правило, а отступленіе отъ того порядка, который надо предполагать въ виду коллегіальнаго состава приказовъ. Указъ Петра надо понимать какъ жалобу на злоупотребленія сильныхъ своимъ положеніемъ людей.

Для удобства разсмотрѣнія отдѣльныхъ приказовъ необходимо классифицировать ихъ. Классификація приказовъ представляетъ большія трудности. Хотя въ организаціи ихъ и замѣчается нѣкоторое стремленіе къ раздѣленію дѣлъ по ихъ роду, но это раздѣленіе не было проведено послѣдовательно. Поэтому, классифицируя приказы по роду дѣлъ, надо всегда имѣть въ виду, что приказы вѣдаютъ и еще что нибудь другое, кромѣ того, на что указываетъ ихъ мѣсто въ классификаціи. Съ этою только оговоркою и можно сдѣлать классификацію по роду дѣлъ. Но это еще не все. Вмѣстѣ съ приказами, вѣдомство которыхъ до нѣкоторой степени спеціализировалось, встрѣчаемъ и такіе, въ которыхъ не замѣчается никакой спеціализаціи. Таковы областные приказы, которые во всѣхъ отношеніяхъ вѣдали порученныя имъ области. Таковы, напр., Смоленскій приказъ, Казанскій, Сибирскій, Новгородскій, Владимірская четь, Костромская и пр. Всѣ эти приказы вѣдали свои области во всѣхъ отношеніяхъ. Ихъ нужно выдѣлить въ особенную группу подъ названіемъ областныхъ приказовъ.

И такъ, первую группу приказовъ составятъ *областные*. Они учреждаются для завѣдыванія цѣлою областью безъ всякаго дѣ-

ленія предметовъ вѣдомства: они и судятъ, и войско вѣдаютъ, и подати собираютъ, и управляютъ.

Эти приказы, по всей вѣроятности, возникали по мѣрѣ присоединенія къ Московскому государству новыхъ земель. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ дальнѣйшаго сліянія съ Москвою новыхъ владѣній, вѣдомство этихъ приказовъ съуживается. Разные предметы ихъ вѣдомства передаютъ спеціальнымъ приказамъ. Такъ, напримѣръ, Сибирскій приказъ, который первоначально вѣдалъ Сибирь во всѣхъ отношеніяхъ, въ концѣ семнадцатаго вѣка вѣдаетъ одни сборы и при томъ только сборы съ однихъ инородцевъ, а всѣ другіе предметы его вѣдомства были распредѣлены между спеціальными приказами.

Всѣ остальные приказы можно раздѣлить на двѣ группы: 1) *административные* приказы и 2) *судебные*. Среди административныхъ приказовъ можно различить еще болѣе мелкія группы: 1) финансовые приказы, 2) военные, 3) почтовый приказъ (ямской), 4) строительный (каменный приказъ), 5) иностранный приказъ, 6) врачебный приказъ, 7) придворные приказы и 8) приказъ общаго надзора. Въ настоящее время государство беретъ на себя не только установленіе права и его охраненіе, но и заботу объ умственномъ и экономическомъ развитіи подданныхъ, оно заводитъ школы, больницы, оказываетъ помощь бѣднымъ, принимаетъ мѣры къ развитію торговли, фабричной промышленности и пр. Московское государство хотя излишне вмѣшивалось въ частную жизнь человѣка, но такихъ широкихъ цѣлей не имѣло. Это отразилось на приказахъ. Въ Москвѣ встрѣчаемся съ широкимъ развитіемъ нѣкоторыхъ такихъ вѣдомствъ, которымъ въ новыхъ государствахъ принадлежитъ весьма скромная роль. Таково, напр., придворное вѣдомство, интересы котораго представлялись восьмью приказами. Боевое призваніе Московскаго государства, стремившагося къ соединенію всѣхъ русскихъ земель, выразилось въ особомъ развитіи военныхъ приказовъ, число которыхъ доходило до 10. Не мало было и финансовыхъ приказовъ, за то всѣ остальныя отрасли управленія были представлены крайне слабо. Строительное дѣло находилось въ вѣдѣніи Каменнаго приказа, который завѣдывалъ постройкой казенныхъ зданій и едва-ли не въ одной Москвѣ. Точно также задачи Аптекарскаго приказа, который завѣдывалъ врачебною и аптекарскою частью, были ограничены городомъ Москвой. „Ямы“ существовали для государевыхъ посылокъ, а не для потребностей населенія вообще.

Перейдемъ къ обзору отдѣльныхъ приказовъ, но предварительно замѣтимъ, что какъ число ихъ, такъ и вѣдомство были очень не постоянны.

Финансовые приказы: приказъ Большой казны, Большой при-

ходъ и Новая четверть. Эти приказы вѣдали приходъ денежной государевой казны, предназначавшійся на общія потребности. Сюда поступали пошлины съ гостей, съ гостинной и суконной сотни, съ тяглыхъ волостныхъ людей (но не со всѣхъ), таможенные и кабацкіе сборы, мостовщина и пр. Вѣдомство каждаго изъ этихъ приказовъ подвергалось значительнымъ колебаніямъ. Таможенные сборы вѣдаетъ то Большой приходъ, то Большая казна. Новая четверть вѣдала кружечные дворы. Приказъ Большой казны, кромѣ доходовъ, вѣдалъ денежный дворъ для чеканки монеты, но источники говорятъ и объ особомъ приказѣ денежнаго дѣла. Всѣ эти финансовые приказы вѣдали и судомъ тѣхъ лицъ, съ которыхъ получали доходы. Такимъ образомъ, казначеи, которые хранили государевы доходы, были вмѣстѣ съ тѣмъ и судьями. На время войны учреждался особый приказъ денежнаго и хлѣбнаго сбора; упоминается спеціальный приказъ нѣмецкихъ кормовъ. Въ Печатный приказъ поступали пошлины за приложеніе казенной печати ко всякаго рода актамъ. Счетный приказъ занимался повѣркою прихода и расхода по книгамъ приказовъ и, слѣдовательно, игралъ роль контроля. Перечисленные финансовые приказы вѣдали, однако, не всѣ доходы; приказамъ другихъ отраслей управленія предоставлялось самимъ собирать доходы съ опредѣленныхъ городовъ для покрытія издержекъ по ихъ спеціальнымъ нуждамъ.

Военные приказы. Разрядъ вѣдалъ всякую службу служилыхъ людей и велъ разрядныя книги, въ которыя записывались назначенія на должности. Но не всякое назначеніе на должность исходило изъ разряда, городовые воеводы назначались и другими приказами. Помѣстный приказъ относимъ къ военнымъ на томъ основаніи, что помѣстья, которыя онъ вѣдалъ, служили средствомъ обезпеченія служилыхъ людей. Но этой военной точкой зрѣнія далеко не исчерпывается значеніе помѣстнаго приказа. Онъ не только раздаетъ помѣстья и вѣдаетъ всякіе споры, возникающіе изъ обладанія ими, но вѣдаетъ и вотчины, и рѣшаетъ всякіе споры по вотчинному праву. Его можно, поэтому, отнести и къ судпымъ приказамъ. Но въ Москвѣ всѣ приказы вѣдали судъ. Стрѣлецкій приказъ вѣдалъ стрѣльцовъ, ихъ вооруженіе и содержаніе; въ приказъ поступала особая стрѣлецкая подать. Онъ вѣдалъ стрѣльцевъ и судомъ, кромѣ разбоя и воровства съ поличнымъ. Иноземный приказъ вѣдалъ иностранныхъ служилыхъ людей. Рейтерскій завѣдывалъ конницей. Пушкарскій всѣмъ, что относилось къ пушечному дѣлу (литье пушекъ, приготовленіе пороха и т. п.). Оружейный приказъ завѣдывалъ дворомъ, гдѣ приготовлялись ружья. Бронный вѣдалъ приготовленіе брони, шлемовъ и проч.

Ни военное, ни финансовое управленіе не было объединено.

Для той и другой цѣли существовало нѣсколько отдѣльныхъ приказовъ, между которыми не замѣтно, однако, подчиненія; всякій приказъ вѣдалъ свое дѣло самостоятельно, состоя только въ зависимости отъ государя и его думы.

Посольскій приказъ завѣдывалъ иностранными сношеніями и имѣлъ свою собственную хозяйственную часть; для содержанія посольствъ къ нему было приписано пять городовъ, которые онъ вѣдалъ въ финансовомъ отношеніи. Для выкупа плѣнныхъ былъ особый Полоняничный приказъ, онъ вѣдалъ плѣнныхъ и ихъ выкупъ.

Аптекарскій приказъ завѣдывалъ врачебною частью, а вмѣстѣ съ тѣмъ разсматривалъ и всѣ судныя дѣла, касающіяся врачей и аптекарей.

Каменный приказъ завѣдывалъ строительнымъ „каменнымъ дѣломъ", главнымъ образомъ постройкою дворцовъ и церквей. Для постройки ихъ мастера брались изъ всѣхъ городовъ, гдѣ только находились люди, знающіе каменное дѣло.

Ямской приказъ вѣдалъ почтовыя ямы.

Для надзора за всѣмъ ходомъ правленія былъ учрежденъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, *Тайныхъ дѣлъ приказъ*, состоявшій только изъ дьяковъ и подъячихъ.

Придворные приказы отличались особеннымъ развитіемъ. Самый главный изъ нихъ—приказъ Большаго дворца: онъ вѣдалъ приходы и расходы, но спеціальные, для содержанія государева двора. Есть основаніе думать, что, кромѣ Большаго дворца въ Москвѣ, были дворцы и въ присоединенныхъ княженіяхъ, которые первоначально имѣли свое отдѣльное управленіе, но при Михаилѣ Ѳедоровичѣ слились съ Большимъ дворцомъ. Для удовлетворенія потребностей государева двора, къ приказу было приписано болѣе 40 городовъ съ ихъ уѣздами. Посадскіе люди и крестьяне этихъ городовъ должны были нести особенныя службы въ пользу дворца. Съ этою же цѣлью къ нему были приписаны восемь московскихъ слободъ, торговыхъ и ремесленныхъ. Приписные люди косили сѣно, ловили рыбу для дворца, доставляли всѣ необходимые для жизни продукты, а ремесленники производили всѣ нужныя работы. Приказъ Большаго дворца не только завѣдывалъ всѣми этими доходами, но и судилъ приписанныхъ къ нему людей. Во главѣ Большаго дворца стоялъ дворецкій; ему противополагались дворецкіе удѣльныхъ дворцовъ. Къ приказу Большаго дворца было приписано нѣсколько болѣе мелкихъ приказовъ, которые завѣдывали разными отдѣльными частями содержанія государева двора. Къ такимъ подчиненнымъ дворцовымъ приказамъ относились: Житенный дворъ, гдѣ приготовлялись хлѣбные запасы; Хлѣбный дворъ, гдѣ пекли хлѣбъ; Кормовой дворъ, гдѣ приготовляли кушанье; Сытенный приказъ, гдѣ дѣлали всякаго рода

напитки. Во главѣ этихъ приказовъ стояли ключники, которые приравнивались къ дворянамъ. Въ Московскомъ государствѣ частное хозяйство государя имѣло гораздо болѣе общественнаго значенія, чѣмъ оно имѣетъ теперь. Всякаго рода кушанья и напитки приготовлялись тогда не для потребностей только государя и его семьи, но и для служилыхъ людей. Многіе люди получали кушанье со стола государя и это считалось большою честью, которой очень дорожили. Это называлось подачею. Такая подача посылалась и иностраннымъ посламъ, и служилымъ большимъ людямъ, изъ которыхъ одни получали столъ отъ государя постоянно, другіе разъ въ мѣсяцъ, а большинство изрѣдка, въ большіе праздники. Велись особенныя книги, въ которыхъ записывалось, что кому идетъ. Служилые люди обращали большое вниманіе на то, чтобы назначенное въ подачу непремѣнно было имъ доставлено. Недоставленіе подавало поводъ къ жалобамъ, суду и слѣдствію.

Расказываютъ, что ежедневно изъ государева дворца шло въ подачу сто ведеръ вина и до пятисотъ ведеръ пива и меду; въ праздники эта цифра увеличивалась разъ въ пять. Тотъ же приказъ долженъ былъ имѣть на готовѣ деньги для раздачи бѣднымъ. Московскіе государи любили путешествовать по монастырямъ и посѣщать тюрьмы; за ними носили мѣшки съ мѣдными деньгами, они сами раздавали милостыню. Приказъ Большаго двора вѣдалъ, наконецъ, судъ духовенства; Уложеніе учредило для этого особый Монастырскій приказъ.

Конюшенный приказъ, во главѣ котораго стоялъ конюшій бояринъ. Котошихинъ говоритъ, что эта должность считалась особенно почетною, выше всѣхъ прочихъ должностей; существовала она до Михаила Ѳеодоровича. Помощникомъ конюшаго былъ ясельничій. Этотъ приказъ вѣдалъ конюшни, а такъ какъ на содержаніе конюшень были отведены извѣстные волости и города, то онъ завѣдывалъ также и ихъ управленіемъ и судомъ. Казенный дворъ занимался изготовленіемъ всякаго рода сосудовъ, золотыхъ и серебряныхъ, закупкою бархата, атласу, мѣховъ и т. п. необходимыхъ для наградъ предметовъ. Приказъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ; Постельничій приказъ, во главѣ котораго стоялъ постельникъ, завѣдывавшій царскою опочивальней. Царская мастерская и царицына мастерская палаты занимались изготовленіемъ платья. Панихидный приказъ вѣдалъ поминанія по усопшимъ членамъ царскаго семейства.

Спеціальные *судные приказы* вѣдаютъ судъ не надъ всѣми лицами. Въ старину кто кѣмъ управлялъ, тотъ того и судилъ; всѣ правительственные приказы судили тѣхъ лицъ, которыя состояли въ ихъ вѣдѣніи. Но были и такіе приказы, которые вѣдали исключительно судъ. Правительственные приказы произво-

дили не всякій судъ; важнѣйшія уголовныя дѣла имъ не предоставлялись. Учрежденіе судныхъ приказовъ дѣлаетъ первую попытку обособленія гражданскаго и уголовнаго суда. Для гражданскихъ дѣлъ существовали четыре судныхъ приказа: Владимірскій, Дмитровскій, Рязанскій и Московскій. Очень можетъ быть, что эти приказы возникли еще во время отдѣльнаго бытія тѣхъ княжествъ, названіе которыхъ они носятъ, а затѣмъ продолжали нѣкоторое время существовать и послѣ соединенія ихъ съ Москвой. Съ теченіемъ времени всѣ они поглощаются Московскимъ суднымъ приказомъ. Сперва уничтожается отдѣльное бытіе Дмитровскаго и Рязанскаго судныхъ приказовъ, а въ 1685 г. и Владимірскій сливается съ Московскимъ. Эти приказы вѣдали тяжебныя дѣла служилыхъ людей, помѣщиковъ и вотчинниковъ, за исключеніемъ споровъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ, которые вѣдались въ Помѣстномъ приказѣ. Для уголовныхъ дѣлъ существовалъ особый Разбойный приказъ. Мы имѣемъ указную книгу Разбойнаго приказа, изъ которой видно, что Разбойный приказъ возникъ въ половинѣ XVI вѣка, при Иванѣ Грозномъ. Онъ вѣдалъ не всѣ уголовныя дѣла, какъ это мы теперь понимаемъ, а только разбойныя и нѣкоторыя татебныя дѣла. Менѣе-же важныя правонарушенія разсматривались и судными приказами. Приказъ Холопьяго суда вѣдалъ дѣла о холопахъ, т. е. споры о правахъ на холоповъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ совершались и акты укрѣпленія правъ на холоповъ. Здѣсь-же вѣдались и дѣла о бѣглыхъ крестьянахъ. Онъ существуетъ уже во 2-й половинѣ XVI в., а во 2-й половинѣ XVII в. сливается съ судными.

Въ заключеніе надо остановиться на Земскомъ приказѣ. Онъ вѣдалъ управленіе города Москвы; за предѣлы Москвы и ея уѣзда его власть не выходила. Но въ этихъ предѣлахъ онъ вѣдалъ все: полицію, судъ гражданскій и уголовный и хозяйственную часть. На его обязанности лежало охраненіе безопасности города отъ огня и злоумышленниковъ. Въ его вѣдѣніи состояли городскіе ярыжки (пожарные) и рѣшоточные сторожа. Онъ наблюдалъ за народными удовольствіями, запрещалъ и разрѣшалъ игрища, устраивалъ мосты. Для исполненія своихъ обязанностей имѣлъ свои особые доходы. Земскій приказъ былъ мѣстнымъ для города Москвы учрежденіемъ, а не центральнымъ государственнымъ, какъ большинство приказовъ.

Коллегіи.

Петръ Великій замѣнилъ приказы коллегіями. Это учрежде-

ніе цѣликомъ заимствовано имъ изъ Швеціи *). Прежде, чѣмъ приступить къ этой реформѣ, Петръ собиралъ справки о коллегіяхъ и знакомился съ лицами, знающими коллегіальное устройство. Для этого онъ выписывалъ изъ Австріи, изъ каждой коллегіи по одному человѣку, преимущественно изъ чеховъ и моравовъ, какъ лицъ славянскаго происхожденія, въ томъ предположеніи, что они скорѣе познакомятся съ русскимъ языкомъ; приглашалъ шведовъ на русскую службу, а въ 1717 г. посылалъ русскихъ въ Кенигсбергъ для ознакомленія съ коллегіальными порядками. Наконецъ, былъ изданъ указъ, въ которомъ прямо было предписано составить всѣмъ коллегіямъ уставъ, на основаніи шведскихъ законовъ.

Съ учрежденіемъ коллегій вводится не только болѣе правильности и порядка въ высшее управленіе, но и самыя задачи управленія расширяются. Въ распредѣленіе дѣлъ между коллегіями вносится болѣе системы; возникаютъ такія отрасли управленія, о которыхъ прежде не было никакой заботы: морское дѣло, торговля, промышленность, горныя дѣла поручаются попеченію особыхъ коллегій. Всѣхъ коллегій Петромъ учреждено 12. Посольскій приказъ преобразился въ коллегію чужестранныхъ дѣлъ. Вмѣсто судебныхъ приказовъ учреждена Юстицъ коллегія, которая завѣдывала какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ судомъ; позднѣе вотчинныя дѣла были выдѣлены и поручены особой Вотчинной коллегіи. Вмѣсто многихъ приказовъ, вѣдавшихъ доходы, была учреждена одна коллегія—Камеръ-коллегія. Наблюденіе за всѣми расходами поручено Штатсъ-Конторъ коллегіи; на ея обязанности лежало составленіе смѣтъ, штатовъ и т. д. Наблюденіе за исполненіемъ смѣтъ по расходамъ и доходамъ возложено на Ревизіонъ-коллегію, но скоро Петръ замѣтилъ, что Ревизіонъ-коллегія дѣлаетъ тоже, что долженъ дѣлать сенатъ, и она была упразднена. Вмѣсто массы военныхъ приказовъ учреждена одна Военная коллегія, которая и должна была вѣдать все, относящееся до сухопутныхъ войскъ. Вновь учреждены: 1) Адмиралтейская коллегія для завѣдыванія флотомъ. 2) Бергъ-коллегія, она заботилась о развитіи горнаго дѣла. Петръ В. издалъ законы съ цѣлью поощренія горнаго дѣла; онъ предоставилъ каждому желающему отыскивать руду вездѣ, гдѣ бы онъ ее ни нашелъ, какъ на казенной, такъ и на частной землѣ. Отыскавшій руду могъ требовать отвода ему земли и построить заводъ. На обязанности Бергъ-коллегіи лежалъ отводъ земель желающимъ построить заводы, выписка изъ за границы лю-

*) Въ архивѣ II Отдѣл. Собств. Его Импер. Вел. канцеляріи хранится сочиненіе тайнаго совѣтника барона Любераса: „Обзоръ Шведскихъ учрежденій“, написанное по порученію Петра. Изъ этого сочиненія видно, что всѣ наши коллегіи были списаны со шведскихъ.

дей искусныхъ въ горномъ дѣлѣ, учрежденіе на казенный счетъ заводовъ и пр. 3) Мануфактуръ коллегія, ей поручены были заботы о развитіи народной промышленности. Она должна была выписывать изъ заграницы искусныхъ мастеровъ для ознакомленія русскихъ людей съ разными производствами; давать ссуды для желающихъ заводить фабрики и заводы; привлекать изъ за границы фабрикантовъ, давая имъ преимущества, но съ тѣмъ, чтобы они обучали извѣстное число русскихъ людей. 4) Коммерцъ-коллегія, ей поручено было попеченіе о торговлѣ. Она должна была заботиться о развитіи внутренней и заграничной торговли и съ этою цѣлью устраивать внутри имперіи пути сухопутные и водяные, ярмарки, маяки, поощрять русское купечество къ постройкѣ кораблей, учреждать за границей консуловъ, составлять торговые трактаты и пр. 5) Духовная коллегія, нынѣ Святѣйшій Правительствующій Синодъ.

Но и при Петрѣ судъ и управленіе не были совершенно обособлены. Многія коллегіи производили и судъ надъ тѣми людьми, которыхъ онѣ вѣдали. Такой судъ принадлежалъ, хотя и за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, Мануфактуръ-коллегіи и другимъ. Каждая коллегія состояла изъ президента, нѣсколькихъ совѣтниковъ и ассессоровъ. Секретарь докладывалъ дѣла: онъ—глава канцеляріи, состоявшей изъ архиваріуса, регистратора и писцовъ. По регламенту, члены коллегіи должны были имѣть диспутъ по поводу представленнаго доклада, а затѣмъ уже приступали къ рѣшенію и собиранію голосовъ. Въ Адмиралтейсъ-коллегіи предсѣдателемъ былъ генералъ-адмиралъ.

Устроивъ коллегіи, Петръ В. позаботился и о надзорѣ. Система надзора была двоякая. 1) Система явнаго надзора, который выразился учрежденіемъ генералъ-прокурора и подвѣдомственныхъ ему прокуроровъ. Эти лица имѣли кресло въ присутственныхъ мѣстахъ и могли требовать для просмотра относящіяся къ дѣлу бумаги. 2) Тайный надзоръ, который Петръ В. поручилъ фискаламъ *). Каждая коллегія должна была имѣть своего фискала. Фискалы должны были тайно наблюдать за ходомъ дѣлъ и если замѣчали какое нибудь незаконное дѣйствіе, то должны были доносить и уличать виновныхъ предъ судомъ. Во главѣ фискаловъ

*) Первоначальное учрежденіе фискаловъ относится къ 1711 г. Въ указѣ этого года читаемъ: „выбрать оберъ-фискала человѣка умнаго и добраго (изъ какого чина ни есть), дѣла же его суть: долженъ онъ надъ всѣми дѣлами тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, такожъ въ сборѣ казны и прочаго, и кто неправду учинитъ, то долженъ фискалъ позвать его предъ сенатъ (какой высокой степени ни есть) и тамъ его уличать, и буде уличитъ кого, то половина штрафа въ казну, а другая ему фискалу; буде же и не уличитъ, отнюдь фискалу въ вину не ставить, ни же досадовать подъ жестокимъ наказаніемъ и разореніемъ всего имѣнія“.

стоялъ генералъ-фискалъ, который долженъ былъ наблюдать даже за сенатомъ и за генералъ-прокуроромъ. Фискалъ получалъ половину штрафа, къ которому приговаривался тотъ, кто по доносу уличался въ противозаконномъ дѣйствіи. Сами же фискалы, въ случаѣ неправильнаго доноса, не подвергались никакой отвѣтственности. Такой порядокъ вещей далъ просторъ доносамъ и возбудилъ общество противъ фискаловъ. Позднѣе, на фискаловъ за неправильный доносъ налагался легкій штрафъ; если же доносъ былъ недобросовѣстенъ и сдѣланъ по злобѣ, фискалъ подвергался тому же наказанію, какому подвергся бы обвиняемый, если бы доносъ былъ доказанъ. Въ челобитчиковы дѣла фискалы не имѣли права вмѣшиваться.

Коллегіи просуществовали до императора Александра I. Только нѣкоторыя изъ нихъ были закрыты при Екатеринѣ II. Эта екатерининская реформа была вызвана ея губернскими учрежденіями и состояла въ томъ, что вмѣсто упраздненной Камеръ-коллегіи были учреждены въ губерніяхъ казенныя палаты, а вмѣсто Юстицъ коллегіи—палаты уголовнаго и гражданскаго суда. Эти двѣ петровскія коллегіи были, так. образомъ, перенесены изъ центра въ губерніи; центральнымъ же учрежденіемъ, по этимъ предметамъ вѣдомства,—остался одинъ сенатъ. Совершенно уничтожена была мануфактуръ-коллегія; эту мѣру Екатерина мотивировала тѣмъ, что „собственная каждаго польза есть лучшее побужденіе къ учрежденію заводовъ и фабрикъ“.

Окончательная отмѣна коллегій послѣдовала въ царствованіе Александра I, и стоитъ въ связи съ образованіемъ министерствъ, которыми были замѣнены петровскія коллегіи; нѣкоторыя же изъ нихъ были преобразованы въ департаменты министерствъ.

Министерства.

Учрежденіе министерствъ перенесено къ намъ съ Запада. Въ министерствахъ власть управленія поручается одному лицу, министру; министръ ведетъ управленіе при посредствѣ зависимыхъ отъ него чиновниковъ. Первые зародыши министерскаго управленія относятся къ весьма отдаленному времени. Въ средніе вѣка встрѣчаемся при феодальныхъ сюзеренахъ съ министеріалами (ministeriales), которые отправляли при нихъ разныя домашнія службы. Лицамъ, отправлявшимъ эти придворныя службы (ministerium), поручалось, подобно нашимъ тіунамъ и ключникамъ, и исполненіе нѣкоторыхъ государственныхъ должностей. Изъ этихъ министеріаловъ и возникли министры. Въ московской Россіи слово министръ не употреблялось. Впервые оно встрѣчается при Петрѣ В. Въ указахъ 1705 и 8 годовъ говорится: „министрамъ, которымъ бываетъ съѣздъ въ Ближнюю канцелярію, съѣзжаться тогда-то“. Члены Ближней канцеляріи, не были, однако, министрами въ настоящемъ

смыслѣ слова, имъ не поручалось завѣдываніе отдѣльными отраслями управленія. Памятники времени Анны Ивановны говорятъ о кабинетъ-министрахъ; такъ назывались члены учрежденнаго Анною кабинета; они были ближайшими совѣтниками государыни, а не лицами, между которыми были бы раздѣлены отдѣльныя отрасли управленія. Изъ нихъ только дѣятельность Остермана, руководившаго иностранной политикой, приближается къ дѣятельности министра. При Елизаветѣ Петровнѣ всѣ члены конференціи, учрежденной, главнымъ образомъ, для завѣдыванія иностранными дѣлами, носили наименованіе министровъ иностранныхъ дѣлъ. Это была скорѣе коллегія, чѣмъ министерство. При Екатеринѣ II встрѣчаемся уже съ порученіемъ отдѣльныхъ отраслей управленія отдѣльнымъ лицамъ: генералъ-прокуроръ Вяземскій вѣдалъ финансы; заботы о просвѣщеніи были поручены Бецкому, который имѣлъ особенные доклады у императрицы; дороги—Муравьеву и т. п. Но эти лица не назывались министрами и министерствъ въ XVIII в. у насъ еще не было. Они были учреждены императоромъ Александромъ I въ 1802 г.

Поводъ учрежденія министерствъ былъ слѣдующій. Въ началѣ царствованія Александра въ Сибири былъ большой голодъ, отъ котораго погибло нѣсколько тысячъ людей. Императоръ Александръ хотѣлъ узнать причину этого бѣдствія и собрать справки о мѣрахъ продовольствія Сибири. Куда онъ ни обращался, нигдѣ не могъ получить отвѣтовъ на свои вопросы. Это до крайности огорчило императора: люди умираютъ тысячами, а никто ничего не знаетъ и онъ пособить не можетъ. Разговаривая объ этомъ съ Лагарпомъ, онъ выразился: „я бы желалъ броситься въ Неву, такъ тяжело и грустно мнѣ“. Въ отвѣтъ на это Лагарпъ предложилъ учредить отвѣтственныхъ министровъ. Въ 1802 г. было учреждено 8 министерствъ: военное, морское, иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, коммерціи и народнаго просвѣщенія. Всѣ министры были членами Сената и состояли подъ его контролемъ. Сенату предоставлено право разсматривать дѣятельность министровъ, требовать отъ нихъ объясненій и дѣлать докладъ государю. Ежегодные отчеты государю министры представляли чрезъ сенатъ, который предварительно ихъ разсматривалъ. Императоръ остался очень доволенъ своимъ новымъ созданіемъ. Онъ писалъ Лагарпу: „мѣра, о которой мы такъ часто съ вами говорили, въ полномъ дѣйствіи. Министерство образовано и идетъ хорошо уже болѣе мѣсяца. Дѣла пріобрѣли болѣе ясности и методы, и я знаю тотъ часъ съ кого взыскать“.

Не смотря на это относительное улучшеніе хода дѣлъ, признанное императоромъ, первое учрежденіе министерствъ имѣло много недостатковъ. Карамзинъ уже замѣчалъ, что отвѣтственность министровъ мнимая. Дѣйствительно, во всѣхъ сомнитель-

ныхъ случаяхъ, они могли прикрыть свои дѣйствія предварительно исходатайствованнымъ высочайшимъ повелѣніемъ и, такимъ образомъ, уйти отъ всякаго контроля сената. Мнѣніе о недостаточной отвѣтственности министровъ раздѣлялъ Сперанскій и, повидимому, самъ государь, такъ какъ по плану общаго государственнаго преобразованія контроль сената замѣнялся отвѣтственностью предъ государственной думой. Затѣмъ, Сперанскій находилъ недостатокъ точности въ раздѣленіи дѣлъ и недостатокъ учрежденій: канцеляріи коллегій были только переименованы въ департаменты, настоящихъ же департаментовъ не было и потому министръ долженъ былъ дѣлать все самъ. Это привело къ новому учрежденію министерствъ 1811 г. Новое учрежденіе не говоритъ уже о контролѣ сената. Министры были непосредственно подчинены верховной власти, отъ которой зависитъ и возбужденіе вопросовъ о ихъ отвѣтственности.

Всѣ донесенія, возбуждающія отвѣтственность, поступаютъ прямо на усмотрѣніе государя; если онъ найдетъ нужнымъ поднять вопросъ объ отвѣтственности, то приказываетъ внести дѣло на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Мы уже видѣли, что учрежденіе государственнаго совѣта 1810 г. было отрывкомъ изъ обширнаго плана реформъ. Такимъ же незаконченнымъ представляется и александровское учрежденіе министерствъ.

Мѣстное управленіе.

Въ Московскомъ государствѣ одновременно встрѣчаемся съ разными системами управленія *). Существовали три системы мѣстнаго управленія: приказная система, выборная и откупная, которыя одновременно дѣйствовали въ разныхъ мѣстахъ. Подъ системою приказною разумѣются органы управленія, посылаемые изъ Москвы по приказу государя. Такіе органы были какъ постоянные, такъ и временные, посылаемые спеціально для исполненія извѣстнаго порученія. Рядомъ съ этой системой существуетъ выборная, органы которой выбираются мѣстными жителями. Что въ одномъ мѣстѣ дѣлалъ приказный человѣкъ, то въ другомъ выборный. Откупная система примѣнялась къ сбору разнаго рода доходовъ: кабацкихъ, таможенныхъ и др. Она состояла въ томъ, что объявлялись торги, и кто на этихъ торгахъ обязывался уплатить большую сумму денегъ, тому и предоставлялось взиманіе доходовъ. Откупщики собирали пошлины на свой страхъ и своими средствами. Если они собирали больше, излишекъ составлялъ

*) См. Чичерина: Областныя учрежденія, и Калачева: Арх. истор. и практ. свѣд. III, 1859, гдѣ указаны нѣкоторыя поправки къ этому труду.

ихъ прибыль; если меньше, должны были приплатить изъ своего кармана. Система мѣстнаго управленія осложнялась еще и тѣмъ, что мѣстные жители не были обязаны непремѣнно предъявлять свои иски у мѣстныхъ судей, а могли обращаться непосредственно въ московскіе приказы. Кромѣ того, было не мало привилегированныхъ лицъ, которыя имѣли право суда непосредственно у государя, или у назначеннаго имъ лица.

Органы приказнаго управленія.

Въ XV и XVI в. органами мѣстнаго приказнаго управленія являются намѣстники и волостели; съ начала XVII вѣка они вытѣсняются воеводами. И въ княжеской Россіи мѣстные управители носили наименованіе воеводъ; въ отличіе отъ военачальниковъ они назывались мѣстными воеводами. Съ начала XVII в. замѣна воеводами намѣстниковъ и волостелей дѣлается общею. Этой перемѣнѣ придаютъ, иногда, слишкомъ большое значеніе. На намѣстниковъ смотрятъ какъ на людей, получавшихъ только доходъ отъ должности, но не несшихъ никакихъ обязанностей; понятіе о должности, какъ объ обязанности, возникаетъ будто бы только съ учрежденіемъ воеводъ. Что понятіе должности съ теченіемъ времени болѣе и болѣе очищается отъ разныхъ примѣсей чисто частнаго характера, это вѣрно; но чтобы должность намѣстника давалась только въ частномъ интересѣ служилаго человѣка, это крайность. Намѣстники получаютъ доходъ, но опредѣленный наказнымъ спискомъ, а не сколько имъ угодно. Этотъ доходъ получаютъ они потому, что несутъ извѣстныя обязанности: Судебники говорятъ о судѣ намѣстниковъ; мы имѣемъ правыя грамоты, въ которыхъ судъ, дѣйствительно, судитъ самъ намѣстникъ. А съ другой стороны и практика воеводскаго управленія не мало страдала недостатками практики намѣстниковъ. Земскіе люди XVII в. выставляютъ дѣятельность воеводъ въ такомъ неблагопріятномъ свѣтѣ, что и объ нихъ можно сказать, что они разсматривали свою должность нерѣдко только съ точки зрѣнія своихъ личныхъ интересовъ

Воеводское управленіе въ большинствѣ случаевъ было не единоличнымъ, а коллегіальнымъ. Въ города посылался не одинъ воевода, а съ товарищами, или съ дьяками. Дьяки принимали участіе въ занятіяхъ воеводъ. Вмѣстѣ со своими товарищами или дьяками воевода долженъ былъ рѣшать дѣла единогласно, — имъ предписывалось: „вѣдать дѣла вмѣстѣ безъ всякой розни“. Степень власти воеводъ не была одинакова; она стояла въ нѣкоторой зависимости отъ состава воеводскаго управленія. Воеводы, при которыхъ были дьяки, имѣли больше власти, чѣмъ тѣ, которые сидѣли безъ дьяковъ. Воеводы вѣдали всѣ отрасли управ-

ленія. Первою заботою ихъ было военное дѣло. Пріѣзжая въ городъ, они становились начальниками крѣпости и всѣхъ служилыхъ людей: воевода имѣлъ ключи отъ крѣпости, наблюдалъ за исправностію стѣнъ и рвовъ и снабжалъ ее орудіями; онъ же наблюдалъ за исправнымъ состояніемъ служилыхъ людей. Кромѣ военныхъ заботъ, на воеводахъ лежала полицейская часть. Воеводы обязаны были ловить воровъ, разбойниковъ и смотрѣть за тѣмъ, чтобъ не было опасности отъ огня. Въ видахъ предотвращенія пожаровъ въ это время принимали довольно оригинальныя мѣры. Въ лѣтнее время воспрещалось топить въ домахъ печи для варки кушанья, а потому всѣ печи запечатывались. Для приготовленія кушанья дозволялось дѣлать печи на огородахъ.

Но правительство заботилось о предотвращеніи пожаровъ въ видахъ собственно казеннаго, а не общественнаго интереса. Къ этому заключенію можно придти на основаніи того, что въ тѣхъ городахъ, гдѣ не было, напр., казенныхъ построекъ или пороховыхъ складовъ, тамъ не принимали и мѣръ для предотвращенія пожаровъ. Воеводы должны были заботиться о томъ, чтобы не было бѣглыхъ. Далѣе, воеводы были судьями; судъ принадлежалъ имъ въ очень различныхъ размѣрахъ. Въ большихъ городахъ, куда посылались воеводы съ товарищами, имъ предоставлялось рѣшать дѣла до 100 р. и даже до 500 р. По Уложенію, воеводы, при которыхъ не было дьяковъ, вовсе не могли судить вотчинныхъ, помѣстныхъ и холопьихъ дѣлъ, а въ остальныхъ дѣлахъ давали судъ только до 20 рублей. Въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, власть воеводъ была также весьма различна; большинство не имѣло права приговаривать къ смертной казни, но нѣкоторымъ предоставлялось и это право, напримѣръ, воеводамъ удаленныхъ городовъ, когда они обыкновенно назначались съ товарищами. Наконецъ, на воеводъ возлагалась церковная полиція и полиція нравовъ. Они должны были заботиться о томъ, чтобы духовенство исполняло свои обязанности, чтобы архимандриты, игумены и священники поучали народъ, не ссорились между собой и не пили; чтобы прихожане посѣщали церкви и говѣли своевременно. Въ связи съ этимъ на воеводъ возлагалось преслѣдованіе раскола и всякихъ старинныхъ языческихъ обычаевъ: купаться въ громъ, смотрѣть на луну въ день новолунія, лить олово и воскъ и пр. Народныя игрища были также подъ ихъ цензурою. Они должны были запрещать забавы: игру въ мячъ, шахматы и карты, пѣніе по ночамъ и битье въ ладони, надѣваніе масокъ и качаніе на качеляхъ.

Дѣятельность воеводъ подлежала контролю. Объ употребленіи денегъ они должны были представлять въ Москву отчеты, которые тамъ провѣрялись. Кромѣ неправильности въ отчетахъ, вопросъ объ отвѣтственности воеводъ могъ быть возбужденъ въ силу неисполненія государева указа и по жалобѣ мѣстныхъ

жителей. Что касается послѣдствій отвѣтственности, то они не были точно опредѣлены, все предоставлялось усмотрѣнію государя; указы угрожаютъ воеводамъ „великою опалою“ и просто «опалою». Если дѣятельность воеводы наносила ущербъ частнымъ лицамъ, то, кромѣ уголовнаго наказанія, воевода долженъ былъ вознаградить убытки, иногда вдвое. Не смотря на отвѣтственность, злоупотребленія воеводскаго управленія были довольно часты.

Подъ воеводами стояли подчиненные имъ приказные люди. Для военныхъ дѣлъ были: 1) осадные головы. Названіе ихъ показываетъ, что они вѣдали все то, что относится до осады. 2) Засѣчные головы; встарину, при приближеніи непріятеля, первое дѣло обороны состояло въ порчѣ дорогъ—ихъ дѣлали непроходимыми. Съ этою цѣлью въ лѣсахъ устраивались засѣки, т. е. рубили деревья и заваливали дорогу. Принятіе этихъ мѣръ лежало на обязанности засѣчныхъ головъ. 3) Стрѣлецкіе, пушкарскіе и казацкіе головы, они были начальниками стрѣльцовъ, казаковъ, пушкарей. Для полицейскихъ дѣлъ были особенные объѣзжіе головы, которые должны были объѣзжать улицы и смотрѣть за порядкомъ; рѣшоточные головы, которые должны были стоять при рѣшоткахъ.

Въ Москвѣ низшіе органы управленія не были поставлены въ правильную зависимость отъ своихъ высшихъ; низшіе иногда сносились непосредственно съ Москвой, обходя своего мѣстнаго начальника.

Кромѣ этихъ постоянныхъ органовъ, были временно командируемые приказные по разнымъ причинамъ. Иногда мѣстные жители жаловались на воеводъ, что они не оберегаютъ ихъ отъ разбойниковъ, что они не смотрятъ за тѣмъ, чтобы бѣглыхъ не было и т. п. По такимъ жалобамъ посылались особые сыщики, которые должны были переловить всѣхъ воровъ, разбойниковъ и бѣглыхъ. Для переписи тяглыхъ посылались писцы посошнаго письма. Въ случаѣ неисправной доставки податей изъ Москвы посылались сборщики.

Назначались воеводы по государеву указу. Воеводская служба была очень выгодною, „корыстною“ службою, а потому всегда было много просившихъ воеводскихъ мѣстъ. Получивъ челобитье о воеводствѣ, государь обыкновенно спрашивалъ въ разрядномъ приказѣ, есть-ли свободное воеводское мѣсто. При опредѣленіи воеводъ имѣли нѣкоторое вліяніе и просьбы мѣстныхъ жителей: они просили иногда, чтобы государь назначилъ къ нимъ такого-то; иногда-чтобы у нихъ оставленъ былъ прежній воевода, прослуживший свой срокъ. Но было при назначеніи и не мало злоупотребленій: нерѣдко эта должность покупалась у вліятельныхъ лицъ.

Служба воеводская была срочною, что обусловливалось ея выгодностью. Обыкновенно срокъ службы былъ не продол-

жителенъ—годъ, два, иногда до трехъ лѣтъ. Назначая на воеводство, правительство имѣло въ виду, чтобы этою службою могли воспользоваться, по возможности, всѣ заслуженные люди, получившіе на войнѣ раны, бывшіе въ плѣну, въ осадѣ и т. под.

При назначеніи воеводы, ему давался наказъ, въ которомъ опредѣлялись его обязанности. Если же воевода посылался далеко и точно опредѣлить всю его дѣятельность, по незнанію всѣхъ мѣстныхъ условій, оказывалось невозможно, въ такихъ случаяхъ воеводѣ предоставлялось поступать и по усмотрѣнію.

Содержаніе органовъ приказнаго управленія, въ XV и первой половинѣ XVI вѣка, помимо помѣстій и денежныхъ окладовъ, которые они получали въ качествѣ служилыхъ людей, состояло изъ судныхъ пошлинъ, которыя были очень значительны, и изъ приношеній жителей при пріѣздѣ намѣстника или волостеля, и затѣмъ ежегодно въ три большихъ праздника (Рождество Христово, Свѣтлое воскресенье и Петровъ день). Размѣръ этихъ приношеній опредѣлялся въ наказныхъ спискахъ. При Іоаннѣ Грозномъ произошла въ этомъ отношеніи важная перемѣна; она была вызвана тѣмъ, что органы приказнаго управленія злоупотребляли своею властью и брали кормы не по указамъ, а гораздо больше, чѣмъ слѣдуетъ. Въ виду жалобъ на эти злоупотребленія, Иванъ Грозный отмѣнилъ намѣстничъ и волостелинъ кормъ; онъ перевелъ всѣ эти повинности на деньги и приказалъ взыскивать ихъ въ государеву казну. Но эта формальная отмѣна не уничтожила вѣками сложившагося обычая дѣлать приношенія приказнымъ людямъ. Эти приношенія, теперь уже добровольныя, получали и воеводы въ XVII вѣкѣ. Кормленіе перестало быть правомъ, но продолжало жить въ нравахъ. Имѣемъ указанія, что правительство не только знало, что воеводы получаютъ приношенія, но само принимало это въ соображеніе. При Алексѣѣ Михайловичѣ одинъ дворянинъ просилъ о воеводствѣ. Царь нашелъ нужнымъ дать ему мѣсто и сдѣлалъ запросъ разряду: „есть ли свободный городъ, гдѣ бы можно было нажить 500 или 600 р.“? Ему отвѣчали, что есть такой городъ, Кострома. Царь далъ просителю Костром. Проживши въ Костромѣ свой срокъ, воевода опять обратился къ государю съ новой просьбой о предоставленіи ему воеводскаго мѣста, говоря, что нажилъ всего 400 р. Государь, видя, что онъ бралъ только то, что ему добровольно приносили, а не вымогалъ, далъ ему лучшій городъ. Такимъ образомъ, и въ Москвѣ XVII вѣка быть воеводою значило кормиться.

Органы выборнаго управленія.

Съ выборными людьми встрѣчаемся: 1) на судѣ намѣстниковъ и волостелей. По Судебнику 1497 г. эти приказные люди

не должны были судить безъ старосты и лучшихъ людей. Другіе памятники говорятъ о присутствіи на судѣ сотскихъ и цѣловальниковъ. Какъ они назначались къ суду и какую играли на судѣ роль, это весьма спорно. Можно думать, что они выбирались мѣстными жителями; староста несомнѣнно выборный человѣкъ. Также находимъ достаточныя основанія думать, что они были не только свидѣтелями происходившаго или носителями права, но принимали участіе и въ самомъ рѣшеніи дѣлъ. Указы XVI в. угрожаютъ смертною казнію не только излюбленнымъ старостамъ (см. ниже), но и присутствующимъ на судѣ цѣловальникамъ. Эти цѣловальники, очевидно, судятъ; заключаемъ, что то-же значеніе принадлежало цѣловальникамъ и на судѣ приказныхъ людей. Но не можемъ утверждать, что такъ было всегда и вездѣ. Изданныя судныя грамоты постоянно приводятъ имена судныхъ мужей, бывшихъ на судѣ, но ни однимъ словомъ не намекаютъ на ихъ судебную дѣятельность. Въ Двинской лѣтописи говорится: до Никиты Пушкина (начало XVII в.) съ воеводами судили выборные, а этотъ воевода на судѣ быть имъ не велѣлъ.

2) Выборные люди вѣдали судъ въ качествѣ самостоятельныхъ судей подъ именемъ излюбленныхъ старостъ, земскихъ судей, волостныхъ судеекъ. На ихъ судѣ также сидѣли цѣловальники, сотскіе, лучшіе люди. Что касается округа, въ предѣлахъ котораго они дѣйствовали, то это были городскія и сельскія общины. Излюбленные головы или земскіе судьи вѣдали судъ по Судебникамъ вмѣсто намѣстниковъ и волостелей. Указаніе на такой выборный судъ встрѣчаемъ въ памятникахъ XVI в.—Н. В. Калачовъ на основаніи имѣющихся у него рукописей утверждаетъ, что судъ выборныхъ судей въ XVII в. еще распространился въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на счетъ воеводскаго суда.

3) Судъ губныхъ головъ и цѣловальниковъ. На ихъ обязанности лежало преслѣдованіе лицъ, сдѣлавшихъ себѣ изъ разбоя ремесло. Они могли преслѣдовать и убійцъ, но только тѣхъ, которые совершали убійство съ цѣлью грабежа. Поджогъ съ цѣлью грабежа, пристанодержательство, храненіе и сбытъ награбленнаго также подлежали ихъ вѣдѣнію. Губной судъ принадлежалъ выборнымъ головамъ, старостамъ и цѣловальникамъ; для письменной части при нихъ состоялъ выборный дьякъ. Когда возникло губное управленіе? Губныя учрежденія возникли не по общему какому нибудь указу, а въ силу отдѣльныхъ грамотъ, которыя давались тому или другому мѣсту. Вотъ почему трудно сказать, когда именно были введены губныя учрежденія и какъ далеко были распространены. Дошедшія до насъ губныя грамоты принадлежатъ половинѣ XVI в.; на этомъ основаніи нельзя еще утверждать, что губныя учрежденія нестарѣе половины XVI ст. Губныя учрежденія даются по просьбамъ мѣстныхъ жителей. Въ

губныхъ грамотахъ прописываются мотивы, по которымъ правительство вводитъ губныя учрежденія. Въ одной изъ такихъ грамотъ (Бѣлозерской отъ 1539 г.) читаемъ: „били намъ челомъ всякіе люди, что у васъ разбойники села и деревни разбиваютъ, животы ваши грабятъ, села жгутъ, на дорогахъ грабятъ и убиваютъ многихъ людей до смерти; а многіе люди у себя разбойниковъ держатъ и разбойничью рухлядь принимаютъ. И мы посылали къ вамъ обыщиковъ своихъ и отъ нашихъ обыщиковъ чинятся вамъ многіе убытки и волокиты съ ними велики.“ Въ заключеніе говорится: „жалуемъ васъ, позволяемъ самимъ обыскивать“. Государево жалованье состояло въ томъ, что на жителей возлагалась обязанность ловить разбойниковъ, судить и казнить ихъ, а если не будутъ ловить, должны были отвѣчать своимъ имуществомъ, которое шло на удовлетвореніе того, кто потерпѣлъ убытокъ отъ воровъ и разбойниковъ; кромѣ того, государь угрожалъ имъ опалою и смертною казнью за бездѣятельность.

Какъ выбираются губные органы, кто ихъ выбираетъ и кого выбираютъ? По отношенію къ этому вопросу нужно различать XVI в. отъ XVII. Даются губныя учрежденія по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ, и возникаютъ, слѣдовательно, только тамъ, гдѣ чувствуется въ нихъ потребность. Поэтому, первоначально губной округъ не могъ представлять сколько-нибудь единообразной единицы. Выборы производились тѣми лицами, которыя просили губныхъ учрежденій; если губныя учрежденія даны крестьянамъ или посадскимъ, они и производили выборы изъ своей среды; если въ составъ губы входили крестьяне, посадскіе и дворяне, выборы производились всѣми вмѣстѣ. Съ теченіемъ времени губныя учрежденія все болѣе и болѣе распространяются и по своимъ размѣрамъ начинаютъ приближаться къ округу города съ уѣздомъ. Въ такихъ округахъ выборы также производятся всѣми вмѣстѣ. Особенность губныхъ выборовъ состоитъ въ томъ, что они всесословные. Это отступленіе отъ обыкновеннаго порядка вещей въ Московскомъ государствѣ. Отсюда можно, кажется, заключить, что губныя учрежденія возникли прежде, чѣмъ произошло сколько-нибудь замѣтное обособленіе сословій. Предписывается, обыкновенно, выбирать лучшихъ людей. Случалось, что и крестьяне избирали дворянъ.

Такъ происходили выборы въ XVI вѣкѣ. Въ XVII вѣкѣ происходитъ нѣкоторое измѣненіе. Цѣловальники и дьяки избираются только тяглыми людьми, посадскими и крестьянами и изъ ихъ среды; головы, по прежнему, избираются всѣмъ уѣздомъ. Число избираемыхъ головъ не было опредѣлено; въ XVI вѣкѣ оно доходило до десяти на округъ, а въ XVII отъ одного до трехъ. Головы, цѣловальники и дьяки выбирались единогласно; обыкновенно такъ и предписывается, чтобы выборные были

избраны „всѣми за одинъ, чтобы впредь спору не было". О выборахъ пишется списокъ, который подписывается избирателями. Не смотря на то, что предписывалось выбрать всѣмъ вмѣстѣ, случалось, что избиратели расходились во мнѣніяхъ. Въ такихъ случаяхъ рѣшало правительство, кому быть въ головахъ, но всетаки предписывало „взыскать выборы" для того, чтобы впредь не было споровъ, т. е. правительство требовало, чтобы всѣ избиратели все-таки руки свои приложили и чтобы назначенный разсматривался, какъ бы онъ былъ избранъ всѣми. Это надо объяснять слѣдующими причинами. Губные органы должны были платить убытки пострадавшимъ отъ разбоевъ, если не открывали разбойниковъ. Если они оказывались несостоятельными, взысканіе обращалось на всѣхъ избирателей. Понятно, что такое взысканіе не могло быть обращено на всѣхъ избирателей, если выборное лицо было избрано не всѣми, а только большинствомъ; меньшинство могло сказать, мы его не избирали. Чтобы предупредить это, правительство и приказывало „взыскать выборы". Этимъ избирательное начало совершенно извращалось; до такой степени мысль о рѣшеніи большинствомъ была чужда сознанію людей того времени. Къ такому-же точно взысканію выборовъ обращалось правительство и въ томъ случаѣ, когда, по его мнѣнію, выбранъ былъ ненадежный человѣкъ. Оно само назначало голову, а выборы всетаки приказывало взыскивать. Самое участіе въ выборахъ было уже обязанностью, а не однимъ только правомъ. Отъ XVII вѣка мы имѣемъ указанія на существованіе особенныхъ принудительныхъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы всѣ являлись на выборы. Мѣры были оригинальны. Если не являлся на выборы мелкій человѣкъ, онъ наказывался заключеніемъ въ тюрьму на день или на два, а если не являлся крупный дворянинъ, то брали его людей и крестьянъ и держали ихъ въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не объявится.

Остановимся на вѣдомствѣ губныхъ учрежденій. Первоначально губныя учрежденія вѣдали только разбойныя дѣла, но, съ теченіемъ времени, кругъ ихъ вѣдомства расширяется. Въ XVII вѣкѣ они вѣдаютъ не только разбойныя дѣла, но и множество другихъ преступленій, хотя-бы они въ связи съ разбоемъ и не состояли, а именно: поджоги, убійства, татьбу, совращеніе изъ православія, насилія, совершенныя надъ женщинами, непочтеніе къ родителямъ и т. п.; такимъ образомъ, губныя учрежденія, начавъ съ преслѣдованія разбойниковъ, получаютъ мало по малу въ свое вѣдѣніе бо́льшую часть уголовныхъ преступленій. Кромѣ этой судебной дѣятельности, губныя учрежденія имѣли и полицейскія обязанности. Они должны были наблюдать, чтобы не было грабежей и разбоевъ; если пріѣзжалъ кто-нибудь въ губу, они

должны были навести справки, кто онъ, откуда, не воръ ли и т. п. Затѣмъ, на нихъ лежала нѣкоторая хозяйственная часть, которая находилась въ непосредственномъ отношеніи къ губному судопроизводству. Губныя учрежденія должны были имѣть тюрьму для пойманныхъ воровъ и разбойниковъ и подводы для того, чтобы перевозить ихъ, должны были имѣть бумагу, чернила и т. п. Для удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей они должны были сами собирать средства и сами ихъ расходовать. Средства собирались большею частью натурою. Кромѣ того, съ разбойными дѣлами всегда соединялось разыскиваніе награбленнаго, а если награбленное не отыскивалось, то нужно было взять имущество разбойника и изъ него удовлетворить пострадавшихъ, а остальную часть имущества передать въ казну. Это было также дѣломъ губныхъ учрежденій; имущества разбойниковъ они должны были собрать, сохранить, оцѣнить, продать и изъ вырученной суммы удовлетворить пострадавшихъ, а остальную часть передать въ казну.

Этимъ не исчерпывалась еще дѣятельность губныхъ учрежденій. Иногда на губныхъ головъ, кромѣ уголовнаго суда, возлагался еще гражданскій судъ и нѣкоторыя административныя обязанности, какъ, напримѣръ, сборъ доходовъ, преслѣдованіе корчемства. Въ отсутствіи воеводъ, на нихъ переходили всѣ обязанности воеводъ. Дѣятельность губныхъ учрежденій была отвѣтственная. Отвѣтственность лежала не на однихъ только выборныхъ, но и на всѣхъ избирателяхъ. Въ случаѣ несостоятельности выборныхъ, взысканіе переходило на послѣднихъ.

По дошедшимъ грамотамъ видно, что къ губнымъ учрежденіямъ обращались въ томъ случаѣ, когда приказное управленіе было неудовлетворительно. Но и губныя учрежденія не всегда удовлетворяли избирателей. Встрѣчаемся съ жалобами мѣстныхъ жителей и на губныхъ головъ. Губные головы должны были держать воровъ въ тюрьмахъ и ставить при нихъ стражу изъ мѣстныхъ жителей, соблюдая при этомъ очередь, чтобы повинность эта распредѣлялась равномѣрно между всѣми жителями губы; а между тѣмъ иной губной староста, поймавъ вора, ставилъ его въ обывательскій дворъ безъ очереди, заставлялъ хозяина двора кормить его и караулить, вымогая тѣмъ взятку. Случалось, что губные старосты научали воровъ и разбойниковъ оговаривать богатыхъ людей, какъ своихъ соучастниковъ, опять для взятокъ. Можетъ быть, подобнаго рода злоупотребленія и были причиною того, что во второй половинѣ XVII вѣка губные старосты были подчинены сыщикамъ. Это продолжалось, впрочемъ, недолго.

4) Послѣдняя форма участія выборныхъ въ управленіи есть ихъ участіе въ сборѣ доходовъ.

Наблюденіе за сборомъ доходовъ было дѣломъ воеводъ, а гдѣ ихъ не было, губныхъ старостъ. Самая же раскладка податей, ихъ собираніе и доставленіе, куда слѣдуетъ, было дѣломъ самихъ мѣстныхъ жителей, и только въ томъ случаѣ, если они совершенно не отправляли въ Москву сборовъ, изъ Москвы посылались приказные люди для ихъ взысканія. Всякаго рода доходы собирались по раскладкѣ чрезъ посредство земскихъ старостъ, цѣловальниковъ, волостныхъ судеекъ.

Особую статью доходовъ составляли таможенные и кабацкіе сборы. Завѣдываніе ими поручалось также выборнымъ головамъ и цѣловальникамъ. Такъ какъ здѣсь дѣло касалось торговли, то выборы предписывалось производить изъ посадскихъ и торговыхъ людей. Изъ нихъ выбирались таможенные и кабацкіе головы; только цѣловальниковъ можно было выбирать и изъ уѣздныхъ людей. Выборы производились обыкновенно на годичный срокъ. Дѣятельность таможенныхъ головъ состояла въ устройствѣ самыхъ таможенъ, въ осмотрѣ и оцѣнкѣ товаровъ, сборѣ таможенныхъ пошлинъ и преслѣдованіи контрабанды. Еще болѣе сложной представляется дѣятельность кабацкихъ головъ. Они обязаны были не только вѣдать кабацкіе сборы, но курить вино, варить пиво и устраивать для того заводы, а для продажи кружечные дворы; хранить вино и пиво и продавать.

Дѣятельность таможенныхъ и кабацкихъ головъ была отвѣтственною. По окончаніи службы, они должны были везти въ Москву отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. Этотъ отчетъ провѣрялся иногда годъ и больше, а головы все это время должны были жить въ Москвѣ. Неудобства этого порядка указаны выше. Всѣ недоборы взыскивались съ выборныхъ, а при ихъ несостоятельности отвѣчали избиратели.

Сбору доходовъ съ питей, таможенныхъ и другихъ косвенныхъ налоговъ выборными людьми усвояется иногда наименованіе системы „вѣрнаго управленія“. Это потому, что сборы отдаются на вѣру выборнымъ людямъ: имъ вѣрятъ, что они доставятъ въ государеву казну все то, что дѣйствительно получится. Но вѣра эта не была безусловная. Правительство принимало нѣкоторыя мѣры для предупрежденія злоупотребленій. Для того, чтобы мѣстные жители не могли войти въ стачки съ выборными сборщиками, выборы происходили иногда слѣдующимъ образомъ: въ Серпуховѣ избирали голову, а назначали его въ Коломну; въ Коломнѣ же избирали голову для Серпухова. Для того, чтобы сборщики не скрывали собранныхъ денегъ, наблюдался такой порядокъ храненія ихъ: кабацкіе цѣловальники не имѣли права хранить деньги у себя за замкомъ, а имъ выдавался особый запертой ящикъ, куда долженъ былъ опускаться сборъ (въ родѣ

копилки). Чтобы контролировать, весь-ли сборъ съ вина былъ положенъ въ ящикъ, продавцамъ выдавали на руки извѣстное количество вина и сообразно съ этимъ количествомъ требовали денегъ. Эта мѣра была очень обременительной для продавцевъ. Нерѣдко случалось, что при разливкѣ вина часть его проливалась, а недочетъ, какъ и за проданное, падалъ на выборныхъ. Это заставляло ихъ прибѣгать къ разнымъ уловкамъ, чтобы не приплачивать изъ своего кармана. Иногда впередъ опредѣлялось сколько именно выборные люди должны были внести въ государеву казну извѣстныхъ сборовъ. Это опредѣленіе дѣлалось по средней оцѣнкѣ сборовъ за два, или за три предшествовавшіе года. Въ этомъ случаѣ выборная система приближалась къ откупной и не заключала уже въ себѣ никакихъ элементовъ вѣры.

Учрежденія Петра Великаго.

Петръ Великій не думалъ ограничиться преобразованіемъ одного высшаго управленія, а имѣлъ въ виду реформу мѣстныхъ учрежденій. Эта реформа имѣла цѣлью: объединить управленіе; изъ вѣдомства мѣстныхъ правителей выдѣлить судъ и финансы, предоставивъ эти отрасли особымъ органамъ; дать особое управленіе городамъ и допустить участіе выборныхъ въ губернскомъ управленіи. Таковы были намѣренія Петра. Преждевременная смерть помѣшала полному ихъ осуществленію, но и при жизни обстоятельства вынуждали его отступать отъ послѣдовательнаго проведенія этого плана.

Измѣненіе стараго порядка начинается съ 1609 года учрежденіемъ бурмистерскихъ палатъ, о которыхъ рѣчь была выше. Въ 1702 г. послѣдовала отмѣна губныхъ учрежденій, всѣ ихъ дѣла перешли въ вѣдѣніе воеводъ. Но воеводы, назначаемые правительствомъ, должны были вѣдать эти дѣла при участіи выборныхъ дворянъ, число которыхъ было различно, смотря по величинѣ округа: при воеводахъ въ провинціяхъ отъ 2 до 4; при губернаторахъ, съ учрежденія губерній, отъ 8 до 12. Эти выборные дворяне составляли съ воеводами и губернаторами коллегію; воевода и губернаторъ суть только президенты коллегіи; они имѣютъ по два голоса. „Правленіе соборное, говорилъ Петръ, въ государствѣ монаршескомъ есть наилучшее“. Первоначально эти выборные не имѣли особаго названія, но потомъ, подъ вліяніемъ иностранныхъ образцовъ, они получили наименованіе ландратовъ, земскихъ совѣтниковъ. Ландраты составляли не только совѣтъ губернатора, но и вѣдали въ правительственномъ отношеніи, „доли“, на которыя дѣлились уѣзды.

Въ наказѣ губернаторамъ и воеводамъ 1719 г. съ совершенною ясностью выступаетъ и начало отдѣленія суда отъ управленія. По

этому наказу судъ былъ изъятъ изъ вѣдомства воеводъ и губернаторовъ и предоставленъ особеннымъ органамъ. Но отдѣленіе это было не совершенно полное: губернаторы не судятъ, но наблюдаютъ, чтобы земскіе суды дѣйствовали по инструкціямъ. Исполненіе судебныхъ рѣшеній есть также дѣло губернаторовъ; имъ даже предоставлено право пріостановить исполненіе судебнаго приговора въ томъ случаѣ, если они найдутъ его неправильнымъ, и доложить объ этомъ высшему суду, но подъ угрозой уплатить убытки, если протестъ окажется неосновательнымъ.

Таковы были высшіе органы мѣстнаго управленія. Ниже ихъ стояли земскіе коммиссары. При Петрѣ было много разныхъ коммиссаровъ, были коммиссары при сенатѣ; управленіе казенныхъ заводовъ поручалось коммиссарамъ и пр.; учрежденіе земскихъ коммиссаровъ стоитъ въ связи съ податною реформою. Первоначально они назначались для сбора этой подати и для наблюденія за правильнымъ расположеніемъ войскъ, но потомъ вѣдомство ихъ расширилось. Они выбирались дворянами изъ своей среды; гдѣ дворянъ не было—обывателями вообще. Они вѣдали сборъ подушной подати, расположеніе и продовольствіе войскъ, исправленіе рекрутской повинности, а кромѣ того, и нѣкоторые предметы полиціи безопасности и благосостоянія: наблюденіе за спокойствіемъ, поимка бѣглыхъ, содержаніе въ исправности дорогъ, мостовъ и пр. Имѣя дѣло съ доходами, земскіе коммиссары были поставлены подъ многообразный и строгій контроль. Губернаторы наблюдали за ихъ дѣятельностью, но не имѣли права удалять ихъ отъ должности. Если губернаторъ замѣчалъ какую неисправность въ дѣйствіяхъ коммиссара, онъ могъ предать его суду. Коммиссаръ состоялъ и подъ контролемъ своихъ избирателей; по окончаніи годичной дѣятельности онъ долженъ былъ дать имъ отчетъ. Если оказывалась неисправность, избиратели могли штрафовать его; но если онъ заслуживалъ публичное наказаніе, они должны были предать его суду. Наконецъ, онъ состоялъ подъ наблюденіемъ камерира.

Для надзора за всѣми мѣстными сборами были учреждены земскіе камериры; они назначались и состояли въ вѣдѣніи Камеръ-коллегіи. Камериры податей не собирали, а контролировали только сборъ ихъ коммисарами по окладнымъ книгамъ и по вѣдомостямъ, которыя получали изъ казначейства о числѣ внесенныхъ коммиссарами денегъ. Кромѣ того, камериры управляли казенными оброчными статьями. Камериры состояли въ вѣдѣніи губернатора, но были ограждены отъ его произвола. Въ случаѣ неисправности, губернаторъ доносилъ Камеръ-коллегіи и ждалъ ея распоряженій. Для храненія денегъ были учреждены казначеи или рентмейстеры, при которыхъ была казначейская или казенная палата, гдѣ хранились деньги.

Параллельно съ организаціей этихъ правительственныхъ органовъ Петръ велъ организацію судебныхъ. Въ 1713 году, по шведскому образцу, были учреждены ландрихтеры и оберъ-ландрихтеры. На сколько это учрежденіе было приведено въ исполненіе, трудно сказать. Въ 1719 году были учреждены надворные суды отъ одного до двухъ на губернію. Они были подчинены Юстицъ коллегіи и состояли подъ надзоромъ губернаторовъ, какъ выше сказано. По провинціямъ предписано было учредить низшіе суды. Насколько были осуществлены эти учрежденія, тоже не можемъ сказать. Есть основаніе думать, что какъ надворные, такъ и низшіе суды далеко не вездѣ были устроены. Въ указѣ 1722 года читаемъ: „гдѣ нѣтъ надворныхъ судовъ, судить воеводамъ и губернаторамъ, но придать имъ для вспомоществованія одного или двухъ ассессоровъ, или коммисаровъ.“ На этотъ указъ 1722 г иногда смотрятъ какъ на отступленіе Петра В. отъ первоначальной своей мысли отдѣлить судъ отъ администраціи. Это не вѣрно. Изъ указа слѣдуетъ только, что тамъ, гдѣ не были введены надворные суды, судить должны воеводы и губернаторы. Это временная мѣра, вызванная тѣмъ, что особые суды не могли быть такъ скоро вездѣ учреждены.

Органы мѣстнаго управленія также были поставлены подъ двойной контроль, тайный и явный, подъ контроль фискаловъ и прокуроровъ. Городовые фискалы выбирались изъ мѣстныхъ жителей, въ чемъ и состояло ихъ отличіе отъ фискаловъ, опредѣляемыхъ по назначенію правительства.

Города получили при Петрѣ В. особую организацію. Для вѣдомства городскихъ жителей были учреждены сначала бургомистерскія палаты, а затѣмъ магистраты. За городомъ были признаны права юридическаго лица, онъ имѣлъ свою собственность, свои доходы и самъ ими распоряжался. Во главѣ магистрата стоялъ выборный президентъ, въ составъ его входили: выборные бургомистры и ратманы. Магистрату принадлежалъ не только судъ, но и управленіе; вся городская полиція благоустройства и безопасности, заботы объ учрежденіи школъ, домовъ призрѣнія неимущихъ, больницъ, мѣры отъ огня, заботы о распространеніи мануфактурной промышленности, торговли и ремеселъ, учрежденіе биржъ, по примѣру иностранныхъ купеческихъ городовъ,—все это лежало на обязанности магистратовъ. Все то, что видѣлъ Петръ В въ западно-европейскихъ городахъ, хотѣлъ онъ ввести и у насъ. Но у насъ городская жизнь отсутствовала и петровскія учрежденія не могли привиться немедленно. Петру самому пришлось дѣлать отступленія отъ своихъ указовъ и поручать казеннымъ учрежденіямъ то, что должно было вѣдать городское самоуправленіе. Всѣ городскіе магистраты были подчинены главному магистрату который находился въ Петербургѣ.

Составъ его былъ смѣшанный, члены были выборные изъ лучшихъ торговыхъ людей, а президентъ и оберъ-президентъ назначались самимъ государемъ. Этотъ сложный составъ показываетъ, что и при первомъ введеніи новыхъ городскихъ учрежденій, Петръ находилъ нужнымъ удержать въ своихъ рукахъ общее направленіе новой городской жизни.

Содержаніе органовъ управленія. Петръ В. вводитъ опредѣленное жалованье какъ для военныхъ, такъ и для гражданскихъ чиновъ. Въ 1707 г. онъ велѣлъ „пооброчить" всѣ сборы, которые еще шли воеводамъ и приказнымъ, и взыскивать ихъ въ казну. Первое указаніе на жалованье имѣемъ отъ 1714 г.: правительство выдавало жалованье въ видѣ награды по истеченіи годичной службы. Губернатору давалась до 1200 руб., вице-губернатору 600 р. Въ 1715 г. встрѣчаемся съ постановленіемъ, въ силу котораго было введено жалованье какъ общая мѣра. Это жалованье выдавалось частью деньгами, частью хлѣбомъ. С.-Петерб. губернаторъ получалъ 2400 р. и 1200 четв. хлѣба, а другіе въ половину меньше. Уплата жалованья производилась изъ мѣстныхъ средствъ губернаторомъ. При раздачѣ жалованья обыкновенно соблюдался такой порядокъ: прежде всего получали жалованье рядовые, затѣмъ унтеръ-офицеры, потомъ оберъ-офицеры, а далѣе штабъ-офицеры и, наконецъ, уже за удовлетвореніемъ всѣхъ военныхъ чиновъ въ указанной постепенности, получали жалованье и гражданскіе чины. Такой порядокъ объясняется тѣмъ, что хотя и было назначено жалованье, но въ казнѣ не всегда было столько денегъ, чтобы можно было всѣхъ удовлетворить; поэтому и пришлось установить порядокъ выдачи жалованья. Низшимъ чинамъ дано преимущество.

Ближайшая преемница Петра, Екатерина I, въ 1725 г. издала указъ въ духѣ петровскихъ реформъ: она предписала губернаторамъ и воеводамъ не вступать въ магистратскія дѣла. Но уже въ 1727 г. она нашла нужнымъ „для лучшаго охраненія посадскихъ" подчинить магистраты губернаторамъ и воеводамъ.

При такой непослѣдовательности нашего законодательства и при крайнемъ обремененіи городскаго населенія повинностями и казенными службами цѣли петровскихъ реформъ, конечно, не могли быть достигнуты. Хотя магистратскія учрежденія и были возстановлены при Елизаветѣ Петровнѣ, но изъ наказа главнаго магистрата депутату въ екатерининскую коммиссію узнаемъ, что школъ, гошпиталей и смирительныхъ домовъ нигдѣ въ городахъ незаведено; что губернаторы вмѣшиваются въ магистратскія дѣла, назначаютъ и отрѣшаютъ магистратскихъ судей и перевершаютъ рѣшонныя ими дѣла; что полиція хотя и состоитъ въ вѣдомствѣ магистратовъ, но далеко не во всѣхъ городахъ. На сколько торгующее городское населеніе было бѣдно въ половинѣ XVIII в. и мало знакомо съ потребностями цивилизованной жизни, видно

изъ того, что содержаніе одного лѣкаря, которому надо было платить 12 р. въ мѣсяцъ жалованья и отводить квартиру, оно разсматривало какъ большое отягощеніе. Главный магистратъ пишетъ, что „купцы отъ оныхъ лѣкарей по непривычкѣ своей никакого въ болѣзняхъ своихъ пользованія не имѣютъ, и потому многихъ городовъ купечество, отзываясь, что имъ тѣ лѣкаря не надобны и показывая разные свои недостатки, просятъ, чтобы ихъ отъ того лѣкарямъ жалованья уволить“....

Законодательство Екатерины II.

Въ царствованіе Екатерины II возникла вся та система мѣстнаго управленія, которая съ небольшими измѣненіями существовала до послѣднихъ преобразованій Александра II. Что есть хорошаго въ губернскихъ учрежденіяхъ Екатерины, изданныхъ въ 1775 году, все это можно найти въ петровскихъ указахъ. Основнымъ мыслямъ Петра она дала детальное развитіе, причемъ, до крайности осложнила мѣстныя учрежденія и, согласно съ общимъ направленіемъ своего законодательства, пропитала ихъ узкимъ сословнымъ духомъ.

Во главѣ каждой губерніи, кромѣ губернатора, Екатерина поставила еще генералъ-губернатора. Дѣятельность этихъ двухъ губернаторовъ не совсѣмъ точно была разграничена. Оффиціальному положенію генералъ-губернатора Екатерина II желала придать особенную пышность и торжественность. Онъ называется „намѣстникомъ“ императрицы. При намѣстникѣ состоитъ особенный конвой изъ 24 человѣкъ легкой конницы съ однимъ подпоручикомъ и два адъютанта. Для особой почести при немъ должны находиться молодые дворяне по одному изъ каждаго уѣзда. Генералъ-губернаторы были членами сената и, по пріѣздѣ въ столицу, они могли принимать участіе въ его засѣданіяхъ. Въ рукахъ ихъ сосредоточивался общій надзоръ за ходомъ всей мѣстной администраціи. На ихъ обязанности лежало принятіе необходимыхъ мѣръ во всѣхъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ: при голодѣ, моровыхъ повѣтріяхъ, пожарахъ, нашествіи непріятеля. Они главные начальники всѣхъ полицейскихъ учрежденій и войскъ. Начало петровскаго законодательства объ отдѣленіи суда отъ управленія удержала и Екатерина: генералъ-губернаторы не судятъ. Но и при ней это отдѣленіе было также не полно, какъ и при Петрѣ. Всѣ уголовные приговоры о лишеніи жизни и чести поступали на заключеніе генералъ-губернаторовъ. Они могли дѣлать донесенія сенату и императрицѣ по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ, если находили рѣшенія ихъ неправильными.

При приведеніи губернскихъ учрежденій въ исполненіе, Екатерина сама нашла излишнимъ назначать въ каждую губернію

губернатора и еще генералъ-губернатора. За исключеніемъ Москвы, генералъ-губернаторы были назначены на двѣ и на три губерніи. При губернаторѣ было учреждено намѣстническое или губернское правленіе. Это былъ совѣтъ губернатора, которому былъ предоставленъ только совѣщательный голосъ. Генералъ-губернаторъ выслушиваетъ мнѣніе своего совѣта, но онъ не обязанъ ему слѣдовать, онъ дѣйствуетъ на свой страхъ, а правленіе исполняетъ его приказанія. Но если члены правленія находили, что приказъ губернатора не согласенъ съ законами, они должны были сдѣлать ему письменное представленіе и донести сенату, а приказъ все таки должны были исполнить.

Уѣздамъ Екатериною II даны особыя учрежденія, съ отдѣленіемъ городскаго управленія отъ уѣзднаго. Для городовъ были учреждены городничіе, а для уѣздовъ уѣздные исправники, въ которыхъ легко узнать земскихъ коммиссаровъ Петра В. Города были раздѣлены на части и кварталы съ частными приставами и квартальными надзирателями. Это городское учрежденіе было введено Уставомъ Благочинія. Уѣздный исправникъ избирался изъ дворянъ, городничій назначался правительствомъ. При городничемъ состояла для совѣта Управа Благочинія, при исправникѣ Нижній Земскій судъ.

Учрежденіе земскихъ камерировъ Екатерина развила въ учрежденіе Казенныхъ Палатъ.

Совершенно новымъ является учрежденіе „Приказа общественнаго призрѣнія“, на который возложены были многія изъ тѣхъ заботъ, которыя при Петрѣ лежали на магистратахъ, но съ расширеніемъ вѣдомства Приказовъ на всю губернію. Приказу общественнаго призрѣнія поручено было учрежденіе и надзоръ за народными школами, сиротскими домами, больницами, домами для умалишенныхъ, рабочими домами и смирительными для непокорныхъ дѣтей, людей дурнаго поведенія и для лѣнивыхъ рабовъ. Для нуждъ Приказовъ императрица назначила изъ доходовъ губерніи единовременно по 15 тыс. руб. Въ составъ Приказа общественнаго призрѣнія Екатерина назначила по два члена изъ трехъ учрежденныхъ ею сословныхъ судовъ, которые, такимъ образомъ, занимали двѣ должности, были судьями и засѣдали въ Приказѣ; мѣсто предсѣдателя принадлежало губернатору.

Для управленія мѣщанами были учреждены двѣ городскія думы: общая и шестигласная. Обыкновенно дѣйствуетъ шестигласная дума, сравнительно малочисленная, состоящая изъ шести членовъ общей; на рѣшеніе общей поступаютъ только такіе вопросы, которые шестигласная дума находила невозможнымъ рѣшить. На организаціи думъ съ особенною силою отразилась любовь Екатерины къ тѣмъ мелкимъ сословнымъ различіямъ, которыя она установила среди городскаго населенія жалованною

городамъ грамотой. Общая дума избирается отдѣльными разрядами городскихъ жителей, которые намъ уже извѣстны: сколько городскихъ книгъ, столько и группъ избирателей. Каждый разрядъ выбираетъ отъ себя членовъ въ общую городскую думу. Лица записанныя въ первую книгу, избираютъ сами между собой представителей въ думу, цеховыя тоже сами отъ себя и т. д. Что касается числа лицъ, избираемыхъ въ городскую думу, то въ каждомъ разрядѣ оно зависитъ отъ болѣе мелкихъ его подраздѣленій, иногда случайныхъ, не стоящихъ въ связи съ особенностями разряда (купцы посылаютъ выборнаго отъ гильдій, а посадскіе отъ каждой части города). Такимъ образомъ, число представителей не стоитъ ни въ какомъ правильномъ отношеніи ни съ важностью разрядовъ, ни съ числомъ населенія. Собравшись въ думу, представители разныхъ разрядовъ городскихъ жителей не смѣшиваются между собой, а, напротивъ, депутаты каждаго разряда составляютъ одно цѣлое, имѣютъ одинъ голосъ и совѣщаются отдѣльно въ своемъ уголкѣ. Такимъ образомъ члены думы представляютъ не интересы цѣлаго города, а интересы своего разряда. Это, конечно вело не къ сближенію, а къ розни.

Въ шестикласную думу выборные каждаго разряда общей думы должны были посылать отъ себя по одному представителю. Отсюда и самое названіе—шестигласная дума. Что касается дѣлъ, которыя предоставлены были вѣдѣнію думы, то въ этомъ отношеніи въ екатерининскомъ законодательствѣ встрѣчаемся съ шагомъ назадъ сравнительно съ петровскими учрежденіями. Вѣдомство думъ, сравнительно съ магистратами, было сокращено: одни предметы отошли въ вѣдомство приказовъ общественнаго призрѣнія, другіе—полиціи. За думами осталась собственно выдача денегъ на нужды города, самое же опредѣленіе этихъ нуждъ и удовлетвореніе имъ было предоставлено другимъ органамъ.

Судебныя учрежденія Екатерины отличаются крайней сложностью и духомъ сословности. Каждое сословіе получило по два сословныхъ суда. Для дворянъ были учреждены Уѣздный судъ и Верхній Земскій судъ; для горожанъ—Губернскій Магистратъ и Городской Магистратъ; для сельскихъ свободныхъ обывателей—Нижняя Расправа и Верхняя. Эти суды были составлены изъ выборныхъ членовъ и предсѣдателей, заисключеніемъ сельскихъ, куда предсѣдатели назначались отъ правительства.

Надъ сословными судами стояли, въ качествѣ третьей инстанціи, суды по назначенію отъ правительства: Палата гражданскаго и Палата уголовнаго суда.

Кромѣ этихъ общихъ судовъ, были еще спеціальные: въ столицахъ Надворные, а по губернскимъ городамъ Совѣстные суды. Надворные состояли изъ двухъ инстанцій: верхняго и нижняго Надворнаго суда и вѣдали чиновниковъ и военныхъ, временно пре-

бывающихъ въ столицахъ, а также разночинцевъ, которые не подлежали ни одному изъ сословныхъ судовъ. Совѣстные суды предназначались для лицъ всѣхъ сословій, а потому и члены ихъ были выборные отъ всѣхъ сословій. Совѣстные суды назначались только для нѣкоторыхъ уголовныхъ дѣлъ; въ гражданскихъ дѣлахъ они играли роль примирителя. „Есть, говоритъ Екатерина II, такія преступленія которыя совершены по несчастному какому нибудь приключенію, или по стеченію разныхъ обстоятельствъ, отягчающихъ судьбу виновнаго, свыше мѣры имъ содѣяннаго; такія преступленія, и нуждаются въ томъ, чтобы ихъ разсматривали съ особенною снисходительностью". Для этой цѣли и были учреждены Совѣстные суды. Согласно этой цѣли, Екатерина совѣтуетъ судьямъ совѣстныхъ судовъ руководствоваться слѣдующими принципами: „человѣколюбіемъ, почтеніемъ къ особѣ ближняго, яко человѣка, отвращеніемъ отъ угнетенія и всякаго притѣсненія". Наше время не знаетъ совѣстныхъ судовъ. Правилами, данными Екатериною совѣстнымъ судамъ, долженъ руководствоваться всякій судъ. Такимъ образомъ выдѣленіе этихъ дѣлъ въ вѣдомство особыхъ судовъ послѣдующее время не оправдало.

Изъ органовъ петровскаго надзора Екатерина удержала прокуроровъ, возложивъ на нихъ нѣкоторыя новыя обязанности. Имъ поручено было объясненіе законовъ членамъ присутственныхъ мѣстъ. Предъ началомъ каждаго засѣданія они прочитывали суду тѣ статьи закона, относительно которыхъ думали, что ихъ надо возобновить въ памяти судей; на это должно было употребить не болѣе $^1/_2$ часа времени. Въ случаѣ изданія новаго закона, губернаторъ долженъ былъ созвать въ губернскомъ правленіи соединенное собраніе изъ членовъ правленія и палатъ; прокуроръ въ этомъ собраніи долженъ былъ прочитать новый законъ и разъяснить его смыслъ. Если члены единогласно находили, что новый законъ къ мѣстнымъ условіямъ непримѣнимъ, они могли представить объ этомъ сенату.

При Павлѣ I и Александрѣ I произошли нѣкоторыя упрощенія этой крайне сложной системы управленія. При Александрѣ I было принято за общее вравило, что губерніями управляютъ губернаторы, а генералъ-губернаторы или намѣстники назначаются только въ исключительныхъ случаяхъ, въ такія мѣстности, которыя требуютъ почему либо особеннаго усиленія власти, напр. отдаленныя мѣстности или мѣстности, въ которыхъ скопляются неблагонадежные элементы. Въ такихъ случаяхъ нѣсколько губерній соединяются подъ властью генералъ-губернатора. При импер. Николаѣ I была составлена общая инструкція для ген. губернаторовъ, въ которой проводится та мысль, что намѣстнику или ген. губернатору принадлежитъ общій надзоръ за всѣми предметами управленія и правильнымъ исполненіемъ законовъ: онъ долженъ устранять

все не согласное съ видами правительства, ибо виды правительства ему извѣстны какъ лицу, облеченному особеннымъ довѣріемъ государя. Итакъ, намѣстникъ есть нѣчто выдающееся изъ среды губернаторовъ: это—лицо, пользующееся особеннымъ довѣріемъ государя, знающее его планы и потому имѣющее возможность принимать тѣ или другія мѣры, сообразно съ желаніемъ государя.

Въ организаціи судовъ сдѣлано также упрощеніе. Павелъ Петровичъ отмѣнилъ высшія судебныя инстанціи сословныхъ дворянскихъ и купеческихъ судовъ: Верхнюю Земскую Расправу и Губернскій Магистратъ, и уничтожилъ оба сельскихъ суда. Императоръ Александръ I удержалъ эти измѣненія, но сдѣлалъ къ нимъ два добавленія. Императоръ Павелъ совершенно уничтожилъ крестьянскіе суды, предоставивъ крестьянамъ обращаться въ другіе сословные суды, что не очень гармонировало съ сословной организаціей этихъ судовъ: въ этихъ судахъ не было представителей отъ крестьянъ. Чтобы удовлетворить сословную точку зрѣнія, Александръ I ввелъ представителей отъ крестьянъ въ дворянскіе суды въ качествѣ засѣдателей. Другое добавленіе состояло въ томъ, что онъ ввелъ выборныхъ отъ дворянъ въ Палату Гражданскаго и Уголовнаго Суда, которые при Екатеринѣ II были чисто казенными учрежденіями и не имѣли въ числѣ своихъ членовъ выборныхъ лицъ.

Сельское управленіе мало останавливало на себѣ вниманіе законодательства XVIII в. Правительство болѣе всего заботилось объ устройствѣ высшаго управленія: центральнаго, губернскаго и уѣзднаго. Это совершенно понятно: большинство сельскаго населенія было закрѣплено, а потому не могло быть и рѣчи объ его организаціи. При Екатеринѣ II была сдѣлана попытка дать свободному сельскому населенію организацію, подобную той, какая была дана уже дворянамъ жалованною грамотою дворянству и горожанамъ жалованною грамотою городамъ. Эта попытка не получила распространенія на всю Россію: только въ видѣ опыта было введено особенное управленіе для крестьянъ Екатеринославскаго намѣстничества. Организація этихъ крестьянъ есть ничто иное, какъ сколокъ съ организаціи двухъ высшихъ сословій. За крестьянами Екатеринославскаго намѣстничества было признано право составлять крестьянскія общества. Эти сельскія общества могли имѣть свою избу, подобно тому, какъ дворянскія общества могли имѣть свой домъ, могли составлять добровольными складками свою казну, могли собираться для обсужденія своихъ нуждъ, но не имѣли права, подобно дворянамъ, дѣлать представленія о своихъ нуждахъ императрицѣ. Крестьяне собирались для выслушанія предложеній губернатора, которому они могли дѣлать представленія о своихъ нуждахъ. Во главѣ

обществъ были старшины и сельскіе старосты. Старшина назначался отъ 500 до 1000 дворовъ, а въ каждой деревнѣ избирался сельскій староста и сельскіе выборные для раскладки податей, а для сбора—сборщикъ. Старшина могъ быть избираемъ даже изъ чиновниковъ, а не изъ однихъ только крестьянъ. Онъ наблюдаетъ за сохраненіемъ спокойствія и принимаетъ мѣры въ случаѣ заразы, повальныхъ болѣзней и т. п. Дѣятельность сельскаго старосты болѣе хозяйственная: это не столько чиновникъ, наблюдающій за безопасностью и спокойствіемъ, сколько распорядитель по хозяйственной части, а именно, онъ долженъ заботиться о томъ, чтобы поля были удобряемы, чтобы скотъ содержался въ исправности, чтобы крестьяне не дѣлились, чтобы о сиротахъ было попеченіе и т. п. Такимъ образомъ, сельскій староста заботился о частныхъ интересахъ всего сельскаго населенія и особенно о малолѣтнихъ. Волостное управленіе для всѣхъ казенныхъ крестьянъ введено им. Павломъ. Всѣ казенные крестьяне раздѣлены на волости до 300 душъ въ каждой. Управленіе волостью поручено выборному головѣ, у котораго и судъ въ малыхъ дѣлахъ. Для письмоводства—волостной писарь. Въ каждой деревнѣ—выборный староста.

III. *Войско.*

Въ Московскомъ государствѣ народъ въ полномъ своемъ составѣ перестаетъ быть войскомъ. Въ смутное время посадскіе и уѣздные люди выставляли ратниковъ, но это явленіе исключительное; также исключительными представляются и тѣ случаи, когда порубежное населеніе призывается къ охраненію границъ отъ угрожающаго вторженія непріятеля. Это была временная служба. Постоянной военной повинности черные люди не знали, а потому на соборахъ XVII вѣка они и заявляютъ, что ратное дѣло имъ не за обычай. Военное дѣло обособляется и принимаетъ сословный характеръ. Возникаютъ особые разряды лицъ, для которыхъ военная служба составляетъ обязанность. Съ аналогичнымъ явленіемъ встрѣчаемся и въ западной Европѣ, но тамъ оно получило болѣе законченное развитіе.

Въ Московскомъ государствѣ лица, обязанныя военною службою, не составляли единообразной массы, пользовавшейся совершенно одинакимъ положеніемъ. Среди нихъ можно различить многіе разряды.

Къ высшему принадлежали дворяне и дѣти боярскія, служившіе съ помѣстій и вотчинъ; ниже ихъ стояли служилые люди разныхъ службъ, устроенные пашнею и обязанные съ своихъ пашенныхъ земель наслѣдственно нести военную службу; такая же наслѣдственная служба лежала и на нѣкоторыхъ разрядахъ,

не имѣвшихъ пашень, а получавшихъ только денежное жалованье и оружіе.

Помѣщики и вотчинники выходили на службу не одни, а приводили съ собою извѣстное число вооруженныхъ воиновъ. Котошихинъ разсказываетъ, что были помѣщики, съ которыми выходило до 40 человѣкъ. Эти воины составляли особенный отрядъ, имѣли свое знамя и стояли вокругъ своего господина.

Лица, входившія въ составъ этого дворянскаго войска, не обучались никакому правильному строю, выходили въ походъ съ разнымъ оружіемъ, и везли съ собой свои запасы; по окончаніи войны они снова распускались по своимъ деревнямъ.

Низшіе разряды войскъ имѣли болѣе правильную организацію. Они вооружаются и содержатся на счетъ казны. Въ нихъ можно видѣть первый зародышъ постояннаго войска. Съ XVII в. начинаютъ вводить иноземный строй. Въ 1607 году, по повелѣнію ц. Василія Шуйскаго, было уже сдѣлано извлеченіе изъ иностранныхъ военныхъ книгъ съ цѣлью познакомить русскихъ съ новыми воинскими хитростями, коими хвалятся Италія, Франція, Испанія и другія западныя государства. Скопинъ-Шуйскій обучалъ уже состоявшія подъ его начальствомъ войска правильному строю по бельгійскому образцу. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ извлеченіе Шуйскаго было пополнено (Карамз. XII, 42, пр. 166).

Древнѣйшій видъ постояннаго войска составляютъ стрѣльцы; подъ этимъ названіемъ они извѣстны со временъ Ивана IV, но существовали раньше. При отцѣ Ивана Васильевича было уже два полка пищальниковъ, конный и пѣшій. Это войско составлялось изъ вольныхъ людей. Разъ поступившіе оставались стрѣльцами изъ роду въ родъ. Вольные люди поступали на службу за «поруками». Если поступившій убѣгалъ со службы, съ поручителя взыскивалось выданное ему оружіе и жалованье. Въ XVII в. встрѣчаемся съ рейтарскими и солдатскими полками: рейтары—конница, образованная на иностранный манеръ; начальниками ихъ были частью иноземцы; памятники говорятъ о ротмистрахъ, маіорахъ, а также о стольникахъ и дворянахъ. Составъ рейтарскихъ полковъ былъ смѣшанный. Они пополнялись безпомѣстными и мало помѣстными дворянами, вольными людьми, а также даточными отъ монастырей и др. Жалованья они получали по 30 р. въ годъ и надѣлялись изъ казны оружіемъ. Дворяне, имѣвшіе 23 двора, служили безъ жалованья, а у кого было, меньше, получали жалованье, но не полное, а съ вычетомъ, по числу дворовъ. Солдатскіе полки имѣли тотъ же составъ, но изъ дворянъ туда назначались еще болѣе бѣдные. Рейтарскіе и солдатскіе полки обучались военному строю.

Въ Московскомъ государствѣ встрѣчаемся еще съ системою

поселенія по границамъ низшихъ разрядовъ служилыхъ людей; эти не получали жалованья, а надѣлялись землею. Подобныя поселенія были по юго-западнымъ и южнымъ окраинамъ, для предупрежденія вторженія поляковъ и татаръ, и на сѣверѣ, по границамъ съ Швеціею. Они должны были защищать границы. Отъ этихъ поселенныхъ правительствомъ низшаго разряда служилыхъ людей, которые назывались казаками и солдатами, надо отличать малороссійскихъ и донскихъ казаковъ. О первыхъ была рѣчь выше, о вторыхъ скажемъ теперь. Донскіе казаки образовались изъ сброда всякаго рода вольныхъ и невольныхъ людей, бѣжавшихъ частью изъ Московскаго государства, частью изъ Польши, частью съ Востока—татаръ, калмыковъ и др. Всѣ недовольные обществ. порядками уходили на Донъ. Они занимались тамъ грабежомъ купцовъ (на Дону перекрещивались торговыя дороги изъ Европы въ Азію) и воевали крымскихъ татаръ. Въ XVI в. они признали надъ собой власть московскаго государя и съ тѣхъ поръ составляютъ пограничное населеніе, обязанное защищать Московское государство. Они выговорили себѣ разныя привилегіи и преимущества, которыхъ нельзя было не дать, потому что въ противномъ случаѣ они нестали бы служить. Привилегіи состояли въ томъ, что они имѣли собственное управленіе, свой судъ, свое начальство (атамановъ) и сносились съ Москвою въ такихъ формахъ, какія приличествуютъ иностраннымъ державамъ. Они посылали въ Москву пословъ, а изъ Москвы присылались подарки всему Донскому войску. Не смотря на признаніе власти московскихъ государей, Донъ продолжалъ оставаться пристанищемъ недовольныхъ. Даже преступники, бѣжавшіе на Донъ, дѣлались свободными и безнаказанными. Образовалась пословица: „Дономъ отъ всякихъ бѣдъ освобождаются“.

При Петрѣ В. вводится для крестьянъ и горожанъ рекрутская повинность; обязанность дворянъ нести службу остается, но они должны служить въ регулярныхъ войскахъ и начинать службу въ качествѣ простаго солдата. Наборы рекрутъ производились отъ времени до времени, смотря по государственнымъ нуждамъ, причемъ всегда опредѣлялось число и свойство лицъ, которыя должны были поступить въ военную службу. Возрастъ опредѣлялся не одинаково, иногда отъ 15 до 20, иногда отъ 20 до 30 лѣтъ; требовалось, чтобы въ рекруты ставили „человѣчныхъ“ людей; число опредѣлялось различно, нерѣдко встрѣчаемъ требованіе выставить одного съ 20 дворовъ. Поступившіе въ военную службу путемъ набора должны были вѣчно служить; въ это время простые солдаты, какъ и дворяне, оставляли службу только вслѣдствіе полученія тяжкихъ ранъ и увѣчій и за невозможностью служить вслѣдствіе старости. Петръ Вел. возложилъ на мона-

стыри обязанность содержанія такихъ отставныхъ. Нововведенія Петра не могли нравиться крестьянамъ и горожанамъ. Вѣчность службы пугала воображеніе. Никто не шелъ добровольно, а взятые нерѣдко бѣгали. Это вынуждало правительство прибѣгать къ очень крутымъ мѣрамъ при пересылкѣ новобранцевъ. Ихъ заковывали въ кандалы, и въ такомъ видѣ препровождали цѣлыми партіями изъ города въ городъ. Положеніе рекрутъ при остановкахъ было очень тяжелое: въ большинствѣ случаевъ ихъ загоняли въ тѣсныя помѣщенія, гдѣ ни стать, ни сѣсть, ни лечь. Это доводило новобранцевъ до отчаянія, они нападали на сопровождавшій ихъ конвой и если одолѣвали, то разбѣгались цѣлыми партіями. Жалованье солдатамъ было чрезвычайно ничтожное. Петръ В. вводитъ новую повинность по расквартированію войскъ. Слѣдуя шведскому образцу, онъ остановился на расположеніи войскъ по деревнямъ; одинъ пѣхотный солдатъ полагался на $35^1/_2$ крестьянъ, а конный на $50^1/_2$. Солдаты должны были жить въ крестьянскихъ избахъ. Впрочемъ, крестьянамъ было предоставлено на волю принимать солдатъ въ свои избы, или построить для ихъ помѣщенія особыя слободы. Былъ даже выработанъ планъ этихъ слободъ. Охотниковъ строить слободы, однако, не нашлось. Солдатъ располагали по обывательскимъ домамъ въ деревняхъ и городахъ. Это была чрезвычайно тяжелая повинность. Въ половинѣ XVIII в. всюду слышатся жалобы на ея обременительность. Хотя содержаніе солдатамъ было назначено отъ казны, но солдаты и офицеры, обыкновенно, пользовались содержаніемъ отъ мѣстныхъ жителей. Приносимыя на это жалобы военными начальниками отклонялись или рѣшались противъ челобитчиковъ. Эта повинность была крайне неуравнительна. Въ однихъ мѣстностяхъ солдаты стояли почти постоянно, а въ другихъ жители вовсе не знали постойной повинности. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ наказахъ депутатовъ екатерин. ком. встрѣчаемъ предложеніе обложить всѣхъ жителей государства извѣстною податью для постройки казармъ для солдатъ. Это предложеніе не было осуществлено. Воинскимъ уставомъ Петръ вводитъ для всѣхъ войскъ западно-европейскую организацію и порядокъ обученія.

IV. Источники доходовъ.

1) Домены. Нѣкоторые изслѣдователи находятъ, что въ Московскомъ государствѣ имущества государственныя уже отдѣляются отъ частныхъ государевыхъ, что первыя носятъ въ памятникахъ названіе дворцовыхъ имуществъ. Правда, между дворцовыми имуществами и селами государя замѣтна разница; это видно изъ того, что они различаются въ писцовыхъ книгахъ XVI в.

Тамъ часто великаго князя села и деревни противополагаются деревнямъ и селамъ дворцовымъ. Но это противоположеніе есть противоположеніе разныхъ видовъ частнаго государеваго имущества, а не государственныхъ имуществъ частнымъ государевымъ. Дворцовыя села и деревни состоятъ въ вѣдомствѣ Приказа Большаго Дворца, а доходы съ нихъ идутъ на удовлетвореніе потребностей государева двора. Выдѣленіе государственныхъ имуществъ изъ государевыхъ произошло только въ имперіи.

2) Регаліи появляются уже въ Московскомъ государствѣ; но ихъ далеко не такъ много, какъ нѣкоторые думаютъ. Была питейная регалія, но существованіе горной и звѣриной подлежитъ большому сомнѣнію. Питейная регалія состояла въ исключительномъ правѣ правительства варить пиво и медъ, курить вино и продавать ихъ. Частныя лица могли только въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользоваться правомъ приготовленія этихъ продуктовъ для себя (но не для продажи) и всякій разъ съ особаго дозволенія, которое не требовалось, кажется, только для дворянъ и дѣтей боярскихъ. Посадскіе и другіе черные люди могли варить пиво и курить вино только въ торжественныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, для свадьбы, испросивъ разрѣшеніе правительства. Не смотря на доходность этой статьи, правительство подъ вліяніемъ духовенства ограничивало иногда потребленіе вина. Вино запрещалось продавать въ великій постъ, въ успенскій, а въ другіе посты по средамъ и пятницамъ. Самое число часовъ продажи было ограничено: продажа вина начиналась не раньше какъ спустя 3 часа послѣ восхода солнца и оканчивалась всегда до захода солнца. Число кабаковъ также ограничивалось. По указу 1651 г. кабаки можно было устраивать только въ большихъ городахъ и въ большихъ государевыхъ селахъ, а въ помѣстныхъ и малолюдныхъ селахъ государевыхъ нельзя. Наконецъ, самый размѣръ продажи былъ ограниченъ, каждому человѣку дозволялось продавать только по одной чаркѣ вина; выпившіе чарку должны были уходить; сидѣть на кружечныхъ дворахъ и даже близко къ нимъ воспрещалось.

3) Пошлины. Наибольшаго своего развитія судебныя пошлины достигаютъ въ XVI вѣкѣ. При взиманіи пошлинъ съ гражданскихъ дѣлъ обращали вниманіе на то, какимъ образомъ окончилось дѣло: миромъ или поединкомъ. Самая меньшая пошлина бралась въ томъ случаѣ, когда стороны, до постановленія окончательнаго рѣшенія, заключали мировую сдѣлку (этимъ хотѣли поощрить миров. сдѣлки), въ этомъ случаѣ бралось 10 денегъ съ рубля, т. е. 10% съ обѣихъ сторонъ вмѣстѣ. Это была уже весьма высокая пошлина. Самый большой размѣръ

пошлины взимался въ томъ случаѣ, когда стороны оканчивали дѣло поединкомъ: въ пользу судьи брали столько же, сколько получалъ истецъ, „противень противъ истца". Когда дѣло оканчивалось рѣшеніемъ суда безъ поля, то бралась $^1/_4$, а иногда $^1/_3$ цѣны иска. Пошлины съ уголовныхъ дѣлъ также получили въ XIV и XV в. большое развитіе; въ случаѣ душегубства, все имущество виновнаго, за исключеніемъ части, которая шла въ пользу пострадавшихъ, поступало въ пользу судьи. Конфискація всего имущества въ пользу судьи, а не князя, можно думать, возникла гораздо раньше XV вѣка. Затѣмъ идутъ пошлины въ пользу ѣздоковъ и позовниковъ; они получали за вызовъ отвѣтчика въ судъ; если они ходили пѣшкомъ, то имъ платили хоженое, а если ѣздили—ѣздовое. Размѣръ этихъ пошлинъ зависѣлъ отъ разстоянія: чѣмъ дальше было разстояніе, тѣмъ большую получали они пошлину. Они же получали желѣзное, если надо было кого заковать въ цѣпи. Въ XVII в. значеніе судебныхъ пошлинъ падаетъ. Уложеніе упоминаетъ еще довольно много видовъ этихъ пошлинъ, но онѣ далеко не достигаютъ тѣхъ размѣровъ, какіе имѣли въ XVI вѣкѣ.

Дорожная пошлина. Многія злоупотребленія, которыя соединялись со сборомъ этой пошлины, привели къ тому, что взиманіе ея было взято правительствомъ въ свои руки, а затѣмъ и вовсе отмѣнено. Въ 1594 г., въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, былъ изданъ указъ, которымъ предписывалось взимать мыто на государя; только половина этого сбора отдавалась владѣльцамъ. Но едва ли этотъ указъ вездѣ исполняли. По Уложенію сборъ этой пошлины дозволяется только тому, кому онъ принадлежалъ по грамотамъ. Съ лицъ, которыя возвращались обратно, брать пошлины было не дозволено. Служилые люди и ихъ запасы были вовсе освобождены отъ платы дорожныхъ денегъ. Въ 1654 г. послѣдовало общее запрещеніе брать проѣзжія пошлины.

Писчая пошлина бралась въ пользу писца, что либо записывавшаго по своей должности. Она бралась при многихъ случаяхъ. Покупалась, напр., лошадь: покупка записывалась въ особую для того книгу (вписывалось имя лица, которое купило, примѣты лошади, цвѣтъ шерсти и т. под.) и на лошадь клалось клеймо; писецъ, вписывавшій все это въ книгу, и получалъ писчую пошлину, $^1/_2$ деньги. Если покупался рабъ, размѣръ пошлины былъ значительно больше, а именно, 6 денегъ, алтынъ.

Явка бралась въ томъ случаѣ, когда надо было что нибудь объявить органамъ управленія. Купецъ, привозившій товаръ, долженъ былъ явиться къ установленной власти и объявить, что онъ пріѣхалъ изъ такого то мѣста и привезъ та-

кой то товаръ; это заявленіе записывалось и съ купца бралась явка. Размѣръ явки зависѣлъ отъ того, откуда пріѣхалъ купецъ. Если это былъ мѣстный житель, съ него брали сравнительно маленькую пошлину, а если онъ пріѣзжалъ издалека, то платилъ больше. Если пріѣзжій купецъ не все привезенное продалъ и долженъ былъ съ товаромъ ѣхать обратно, онъ былъ обязанъ снова явиться и заплатить новую явку. Явка бралась также и во многихъ другихъ случаяхъ: князь, напр., давалъ жалованную грамоту, которою освобождался кто либо отъ какихъ либо повинностей; въѣзжаетъ къ нему въ имѣніе сборщикъ и требуетъ себѣ помѣщенія, подводъ и т. под. Владѣлецъ говоритъ, что имѣетъ льготную грамоту, которая ему тутъ же и предъявляется, а за явку грамоты дается пошлина. Судья, пріѣзжавшій въ деревню, освобожденную отъ суда, также получалъ явку.

4) Косвенные налоги. Въ началѣ московскаго періода встрѣчаемъ великое разнообразіе торговыхъ пошлинъ. Подробное перечисленіе ихъ содержится въ таможенныхъ грамотахъ, которыя сохранились въ большомъ количествѣ. Эти таможенныя грамоты, рядомъ съ косвенными налогами, перечисляютъ также разнаго рода сборы, которые подходятъ подъ понятіе пошлины, какъ, напр., явка, пятно и др. Къ торговымъ сборамъ относятся: тамга и мытъ, какъ дополненіе къ тамгѣ; въ памятникахъ говорится „замытъ къ тамгѣ“ или „мытъ къ тамгѣ“; восмничее или возмничее (бралось съ покупщика, а тамга съ продавца); привязная, бралась за право привязывать на торгахъ скотъ къ особо устроеннымъ для этого привязямъ; свальное, подъемное и др. Пошлины въ Москвѣ брались съ продавца и съ покупателя, при привозѣ и при вывозѣ товаровъ, при нагрузкѣ и при разгрукѣ и т. под. Въ одной грамотѣ встрѣчаемъ слѣдующее перечисленіе пошлинъ съ соли: „а кто привезетъ въ Гороховецъ иногородецъ соль на продажу и учнетъ продавать и таможенникамъ у нихъ имати тамги съ рубля по 4 гривны, замытъ съ рубля по одной деньгѣ, вѣщаго съ рубля по 1 деньгѣ, да свальнаго съ 10 пудовъ деньгу, подъемнаго съ конца по $1^1/_2$ деньги, да привозу съ мѣху по одной деньги, да явки съ человѣка по 2 деньги, да рукознобнаго со ставу по 2 деньги“. Вотъ какую массу разныхъ сборовъ надо было уплатить тому, кто желалъ продать хотя бы десять пудовъ соли. Размѣръ, въ которомъ брались эти сборы, былъ крайне разнообразенъ: онъ опредѣлялся или съ цѣны или со штуки (когда продавался скотъ или мясо). Наибольшій размѣръ пошлины съ цѣны была гривна съ рубля.

Управленіе сборомъ съ торговъ происходило или чрезъ посредство выборныхъ лицъ, или чрезъ откупщиковъ; иногда встрѣчаемся и съ 3-мъ способомъ управленія сборомъ, а имен-

но государи дарили сборъ тамги въ извѣстномъ мѣстѣ монастырямъ; этотъ даръ давался „за милостныя деньги“, какъ говорилось въ памятникахъ, т. е. въ замѣнъ тѣхъ денежныхъ выдачъ, которыя давались монастырямъ для раздачи бѣднымъ, а иногда и въ видѣ платы за молебны, которые монастыри должны были служить.

Какъ выборные органы, такъ и откупщики и монастыри должны были сбирать пошлины на основаніи таможенныхъ грамотъ, въ которыхъ размѣръ и случаи, когда нужно было взимать, были опредѣлены.

Этотъ крайне неудобный порядокъ былъ измѣненъ въ 1667 г. новоторговымъ уставомъ, который вмѣсто разнообразія мелкихъ поборовъ установилъ одинъ общій сборъ съ торга, 10 денегъ съ рубля, которыя обыкновенно взимались съ продавца при продажѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ сборъ взимался въ два пріема, по 5 денегъ за разъ: первыя 5 ден. брались съ покупщика при покупкѣ, а вторыя съ того же лица при продажѣ имъ купленнаго товара. Это раздвоеніе сборовъ имѣло мѣсто по отношенію къ тѣмъ торговымъ людямъ, которые пріѣзжали на рынокъ не съ товарами, а съ чистыми деньгами для закупки товара; но и въ этомъ случаѣ для нихъ не было обязательно заплатить при покупкѣ непремѣнно 5 денегъ, они могли и ничего не платить, но тогда при продажѣ должны были уплатить разомъ 10 денегъ съ рубля. Ежели же они уплачивали 5 денегъ при покупкѣ, то въ удостовѣреніе этого получали квитанцію, которую и предъявляли при продажѣ въ доказательство того, что съ нихъ надо взять только половину сбора.

Новоторговый уставъ касается еще торговли иноземцевъ и вноситъ нѣкоторое ограниченіе въ права ихъ розничной продажи. По новоторговому уставу розничная торговля въ Москвѣ и городахъ была запрещена иноземцамъ. Иноземные торговые люди могли торговать только съ мѣстными торговцами, а не съ пріѣзжими; только торговые люди Москвы имѣли въ этомъ отношеніи привилегію, — они могли торговать съ иноземцами, гдѣ бы съ ними ни встрѣтились.

5) Прямые налоги. Въ Москвѣ встрѣчаемся съ разными видами прямыхъ налоговъ, которые отправлялись частью натурою, путемъ исполненія разныхъ службъ, какъ, напр., городовое дѣло, подводы и т. п.; частью же путемъ денежной платы. Многіе изъ нихъ возникли еще въ первомъ періодѣ, другіе образовались вновь. Къ такимъ новымъ налогамъ относятся: стрѣлецкая подать, пищальная, сборъ на жалованье служилымъ людямъ, сборъ вмѣсто намѣстничьихъ пошлинъ, полоняночныя деньги, предназначавшіяся на выкупъ плѣнныхъ, и нѣкоторые другіе. Размѣръ ихъ не былъ постояннымъ, а опредѣлялся, по мѣрѣ

надобности, особыми указами. Иногда взамѣнъ отдѣльныхъ сборовъ разныхъ наименованій извѣстный округъ облагался взносомъ опредѣленной суммы денегъ. Нельзя утверждать, что всѣ сборы, о которыхъ встрѣчаются упоминанія въ разныхъ памятникахъ, были постоянными и всеобщими. Льготныя грамоты свидѣтельствуютъ о множествѣ исключеній.

Правительство предоставляло раскладку прямыхъ налоговъ самимъ плательщикамъ, которые распредѣляли ихъ между собою „по животамъ и промысламъ", что значитъ не подушно и не по землѣ, а по платежной способности каждаго. Предоставляя раскладку сбора самимъ плательщикамъ, правительство обозначало только общую сумму сбора, которая слѣдовала къ поступленію съ извѣстной платежной единицы. Мѣрою этого правительственнаго обложенія служили сохи и выти. Единицами земельной мѣры были: четверти, десятины и обжи.

Самою мелкою единицею мѣры была „четь", или „четверть", которая въ XVII в. имѣла 1600 кв. саженъ; въ качествѣ болѣе крупной единицы въ XVI в. является десятина; въ XVII в. она равнялась 2400 кв. саженъ. Объемы сохи были различны, смотря по качеству земли и по принадлежности ея. По качеству въ Московскомъ государствѣ различаются земли „добрыя", „среднія" и „худыя". Доброй земли въ соху идетъ самое меньшее количество, средней нѣсколько больше, а худой еще больше. Такимъ образомъ, по тягости обложенія большее количество худой земли приравнивалось меньшему количеству доброй. По отношенію къ владѣльцамъ, различаются земли 3-хъ разрядовъ, а именно: 1) земли черныя, т. е. принадлежащія черносошнымъ крестьянамъ; 2) земли монастырскія и дворцовыя и 3) земли помѣстныя и вотчинныя. Черныхъ земель шло въ соху: хорошаго качества 500 четвертей, средняго 600, худаго 700; дворцовыхъ и монастырскихъ земель: хорошаго качества 600, средняго 700, худаго 800; помѣстной и вотчинной земли: хорошаго качества 800, средняго 1000, худаго 1200 четвертей. Эта разница объясняется тѣмъ, что крестьяне, сидѣвшіе на дворцовыхъ и монастырскихъ земляхъ, кромѣ повинностей въ пользу государства, должны были нести повинности въ пользу монастырей и дворца; этихъ повинностей не несли черносошные крестьяне, а потому послѣдніе были обложены съ меньшаго количества земли. Самое большое количество клалось въ соху земель, принадлежавшихъ помѣщикамъ и вотчинникамъ: добавочныя повинности помѣщичьихъ крестьянъ, по всей вѣроятности, были значительно выше монастырскихъ и дворцовыхъ, Сохи дѣлились на „выти", которыя различались только по качеству земли: доброй земли клалось въ выть 12 четв., средней 14, худой 16. Свѣдѣнія о разныхъ мѣрахъ земли и о самомъ способѣ измѣренія

можно найти въ книгѣ „сошнаго письма“, относящейся къ началу XVII в. (1629 г.). Это очень любопытный памятникъ, хотя еще не вполнѣ разъясненный. Онъ напечатанъ въ Временникѣ Общества Исторіи и Древностей росс. при московскомъ университетѣ и заключаетъ въ себѣ правила, какъ писцы должны переписывать земли и измѣрять разнаго вида участки. Въ другихъ памятникахъ встрѣчаются еще „обжи“. Обжа равнялась 10 четямъ въ полѣ, а въ трехъ—30. Сохи и выти были мѣрами обложенія. Въ памятникахъ говорится: посошная служба, т. е. служба, разлагаемая на сохи, или: „косить сѣно“ въ пользу государя—„съ выти по возу“. Такъ какъ сохи были разныя, смотря по качеству земли и по различію владѣльцевъ, то отсюда понятно, что одна и та же повинность ложилась на разныхъ крестьянъ различно. Кромѣ распредѣленія повинностей по сохамъ и вытямъ, встрѣчаемъ указанія, что повинности опредѣлялись съ двора; это имѣло мѣсто въ городахъ и даже деревняхъ, гдѣ были крестьяне, не имѣвшіе земли. Но нѣкоторыя повинности и на пашенныхъ крестьянъ клались въ XVII в. по дворамъ: даточныхъ людей и подводы давали съ дворовъ. Въ 1679 г. изданъ указъ (П. С. № 750), которымъ было предписано собрать въ вотчинахъ и помѣстьяхъ ратнымъ людямъ на жалованье по полтинѣ съ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. Въ этомъ указѣ едвали можно видѣть замѣну посошнаго обложенія подворнымъ, какъ общую мѣру. По полтинѣ съ двора должны были платить не крестьяне, а сами владѣльцы имѣній изъ своихъ пожитковъ. Это, слѣдовательно, порядокъ обложенія помѣщиковъ и вотчинниковъ, а не черныхъ людей. Число дворовъ имѣетъ здѣсь значеніе мѣры платежной способности зямлевладѣльцевъ.

Систему подворнаго обложенія нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что каждый дворъ долженъ былъ платить поровну. Уставная Важская грамота (1552 г. А. Э. I, № 234), приравнивая обжу посадскому двору и назначая съ каждой такой платежной единицы опредѣленный взносъ, прибавляетъ: „а разводити Шенкурцамъ и Вельскаго стану посадскимъ людямъ, въ Шенкурьѣ на посадѣ и въ Вельску на посадѣ посадскимъ людямъ лутчимъ и середнимъ и молодымъ межъ себя самимъ, по животамъ и по промысламъ, а крестьянамъ, которые живутъ въ станахъ и въ волостяхъ, лутчимъ людемъ и середнимъ и молодымъ разводить по тому жъ, по пашнямъ, по животамъ и по сохамъ“. Платежъ съ обжи и двора опредѣленъ для счета общей суммы налога, который должны внести въ царскую казну Важане; раскладка же по дворамъ предоставлена самимъ посадскимъ людямъ, они должны дѣлать ее не поровну на каждый дворъ, а смотря по состоятельности двора: по животамъ и про-

мысламъ. Этотъ порядокъ самообложенія сохранился и въ XVII в. Въ отпечатанной Н. В. Калачовымъ грамотѣ (разборъ соч. И. Е. Андреевскаго о намѣстникахъ и пр.) Яренскому воеводѣ Полозову отъ 1698 г., данной по жалобѣ земскаго старосты на притѣсненія воеводы, читаемъ: „въ нынѣшнемъ году, по вашему В. Государя указу, велѣно въ городахъ, которые вѣдомы въ Новгородскомъ, Устюжскомъ, Владимірскомъ и въ Галицкомъ приказѣхъ, посадскимъ людямъ и уѣзднымъ крестьянамъ тѣхъ городовъ съ посадскихъ и уѣздныхъ людей стрѣлецкія и оброчныя деньги и иные всякіе денежные доходы на прошлые годы изъ недоимки, а на нынѣшній по окладу, нынѣ и впредь сбирать, и на ослушникахъ править самимъ тѣхъ городовъ земскимъ старостамъ и волостнымъ судейкамъ и цѣловальникамъ въ земскихъ избахъ, мимо воеводъ и приказныхъ людей, и окладываться межъ себя въ тѣхъ сборахъ, *смотря по пожиткамъ и промысламъ во всемъ по прежнимъ же и по нынѣшнему указу*,— и собирая тѣ всякіе денежные доходы, присылать къ Москвѣ въ вышеписанные приказы старостамъ и судейкамъ и цѣловальникамъ съ своими отписками въ годъ на два срока. А для разсылокъ и для сбора тѣхъ окладныхъ денегъ и правежу на ослушниковъ доимки выбирать земскимъ старостамъ и мірскимъ людямъ въ посадѣхъ и уѣздѣхъ межъ себя ходоковъ сколько пристойно, чтобы имъ отъ приказныхъ приставовъ волокитъ и убытковъ и разоренія не было. А воеводамъ и приказнымъ людямъ въ тѣ сборы и во всякіе денежные доходы и въ московскіе отпуски не вступаться....и ни въ чемъ ихъ въ тѣхъ денежныхъ сборахъ не вѣдать. А буде земскіе старосты учинятъ доимку, быть имъ въ жестокомъ наказаніи (кнутъ, ссылка въ Азовъ, домы на государя). И ты бы и по тебѣ будущіе воеводы.... выборныхъ людей, кто по ихъ мірскому выбору къ какому дѣлу выбранъ будетъ, не перемѣняли.... и конскихъ кормовъ помѣсячныхъ и поденныхъ и посошнаго хлѣба и на дворовые расходы никакихъ харчей съ нихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей не имали“.

Но въ Московскомъ государствѣ, при господствѣ управленія надъ закономъ, никакой порядокъ не соблюдался строго. Изъ приведенной грамоты видно, что приказное управленіе относилось враждебно къ выборному и приказные люди постоянно нарушали народные обычаи, хотя эти обычаи и подтверждались государевыми грамотами.

Въ порядкѣ обложенія налогами важныя измѣненія были сдѣланы Петромъ В. Въ 1718 г. онъ ввелъ подушное обложеніе; единообразнымъ сборомъ, исчисляемымъ по числу душъ, онъ замѣнилъ всѣ тѣ разнообразные налоги, которые несли до того времени черные люди. Для правильнаго пониманія этой рефор-

мы, надо замѣтить, что подушная подать только номинально была подушною, въ дѣйствительности же Петръ не имѣлъ въ виду, чтобы каждая душа платила и платила поровну; на дѣлѣ предполагался платежъ по животамъ и промысламъ. Въ магистратскихъ учрежденіяхъ предписывалось для раскладки податей сходиться всѣмъ регулярнымъ гражданамъ, и облагать податями по состоянію глядя, а не по числу, чтобы богатые и семьей не обремененные не были облегчены, а бѣдные и средніе отягчены. Подушной, въ строгомъ смыслѣ этого слова, она едва ли гдѣ и была у насъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Уголовное право.

Литература.

Калачовъ. Уголовное право по Судебнику царя Ивана Васильевича. Юрид. зап. Рѣдкина. 1842.

Линовскій. Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи Алексѣя Михайловича. 1847.

Колосовскій. Вмѣненіе смертоубійства по Уложенію ц. Алексѣя Михайловича. Арх. ист. и практ. свѣд. кн. 3. 1859.

Власьевъ. О вмѣненіи по началамъ теоріи и древн. русск. права. 1860.

Таганцевъ. О повтореніи преступленій. 1867.

Кистяковскій. Изслѣдованіе о смертной казни. 1867.

Шалфѣевъ. Уставная книга разбойнаго приказа. Изслѣдованіе. 1868.

Соколовскій. Beitrag zur Lehre von den Eigenthumsverbrechen nach der Уложеніе 1649. 1868.

Фойницкій. Мошенничество по русскому праву. 1871.

Таганцевъ. Курсъ русскаго уголовнаго права. 1874—80.

Тальбергъ. Насильственное похищеніе имуществъ по русскому праву (разбой и грабежъ). Историко-догматическое изслѣдованіе. 1880.

Бѣлогрицъ-Котляревскій. О воровствѣ-кражѣ по русскому праву. 1880.

Отдѣлъ первый. Общее ученіе о преступленіи.

Измѣненія въ понятіи преступленія. Въ 1-мъ періодѣ во взглядѣ на преступленіе преобладало понятіе матеріальнаго вреда: для наличности преступленія необходимъ былъ вредъ, наносимый какому либо лицу; не было вреда, не было

обиды, не было и преступленія. Въ Московскомъ государствѣ встрѣчаемся съ переходомъ этого матеріальнаго взгляда въ формальный; подъ преступленіемъ начинаютъ понимать нарушеніе закона. Перемѣна эта въ значительной мѣрѣ совершилась благодаря вліянію духовенства. Духовенство первое внесло въ нашу практику понятіе о томъ, что можно считать преступленіемъ такое дѣяніе, которое вовсе не причиняетъ матеріальнаго вреда, но преступно потому, что оно запрещено, что оно противно предписаніямъ церкви. Изъ церковныхъ уставовъ видно, что преступленіемъ считалось отправленіе обрядовъ языческаго богослуженія. Эти обряды не причиняли, конечно, никому матеріальнаго вреда, но исполненіе ихъ воспрещалось и наказывалось потому, что они были не согласны съ ученіемъ церкви. Благодаря тому же вліянію духовенства, къ воззрѣнію на преступленіе начинаетъ примѣшиваться чисто религіозный оттѣнокъ: преступленіе называется „грѣхомъ", а преступникъ „забывателемъ страха божія".

Эта перемѣна взгляда на преступленіе совершилась далеко не разомъ. Формальный взглядъ сталъ обнаруживаться еще въ памятникахъ перваго періода, но далеко не успѣлъ вытѣснить народныхъ воззрѣній, которыя еще слышатся въ первыхъ сводахъ Московскаго государства. Въ Судебникахъ еще замѣтенъ матеріальный взглядъ; преступленіе носитъ наименованіе „лихаго дѣла". Судебники говорятъ: татьба, душегубство и иное лихое дѣло. Въ этомъ слышится указаніе на матеріальный вредъ. Преступники носятъ наименованіе „злыхъ людей", въ этомъ опять проглядываетъ матеріальная точка зрѣнія. Въ позднѣйшихъ только памятникахъ взглядъ на преступленіе получаетъ чисто формальный характеръ; подъ преступленіемъ начинаютъ разумѣть „непослушаніе царской волѣ", нарушеніе предписаній. Въ воеводскихъ наказахъ, послѣ перечисленія запрещенныхъ дѣяній, о преступникахъ говорится: „а за ихъ непослушаніе чинить имъ жестокое наказаніе, чтобы, смотря на то, другимъ ослушаться не повадно было". Всякое ослушаніе царской волѣ есть преступленіе.

Воинскій уставъ стоитъ на той же формальной точкѣ зрѣнія; екатерининскій Наказъ также не представляетъ въ этомъ отношеніи на первый взглядъ ничего новаго. Преступленіе по Наказу есть нарушеніе закона, а преступникъ нарушитель закона. Но, высказывая такой взглядъ на преступленіе, Екатерина все таки нѣсколько отступаетъ отъ строго формальной точки зрѣнія московской эпохи и Воинскаго Устава. Это отступленіе замѣтно въ опредѣленіи цѣли и понятія закона, нарушеніе котораго есть преступленіе. Цѣль закона, по ея мнѣнію, есть спокойствіе и польза людей. Имѣя въ виду пользу людей, законъ долженъ быть

написанъ такъ, чтобы всякій, исполняя его, чувствовалъ, что онъ дѣйствуетъ для своей собственной пользы. Вотъ почему законодатель долженъ воспрещать только такія дѣянія, которыя вредны или цѣлому обществу или отдѣльному человѣку; воспрещеніе же дѣяній безразличныхъ съ точки зрѣнія пользы или вреда, можетъ только уронить достоинство закона. Подъ преступленіемъ, слѣдовательно, Екатерина разумѣетъ дѣйствія общему и частному благу противныя, законами воспрещенныя.

Отношеніе памятниковъ разсматриваемой эпохи къ дѣяніямъ случайнымъ, неосторожнымъ и умышленнымъ. Чтобы понять то, что говорится въ Уложеніи и Воинскомъ Уставѣ о преступномъ дѣйствіи, необходимо выяснить составъ преступленія, указать тѣ признаки, при наличности которыхъ извѣстное дѣяніе считается преступнымъ. Эти признаки слѣдующіе: 1) субъектъ преступленія, т. е. лице его совершившее; 2) объектъ преступленія, т. е. предметъ, по отношенію къ которому совершено преступленіе, а такъ какъ преступленіе имѣетъ формальный характеръ, то подъ объектомъ можно разумѣть нормы нарушеннаго права, и 3) необходимо преступное дѣйствіе; это дѣйствіе можетъ быть разсматриваемо съ двухъ сторонъ: 1) со стороны внутренней, насколько въ немъ проявилась воля человѣка, направленная къ достиженію преступной цѣли, и 2) со стороны внѣшней, на сколько самое дѣйствіе выразилось во внѣ (вполнѣ ли человѣкъ совершилъ то, что хотѣлъ совершить, или же не довелъ своего намѣренія до конца). Этими тремя признаками опредѣляется составъ преступленія, при отсутствіи одного изъ нихъ не будетъ преступленія.

I. Остановимся прежде всего на внутренней сторонѣ преступнаго дѣйствія. Дѣяніе вмѣняется человѣку въ вину, если въ немъ участвовала его воля. Уголовное право построено на томъ предположеніи, что страхъ уголовной кары можетъ дѣйствовать на волю человѣка и воздерживать его отъ совершенія преступныхъ дѣйствій. Если человѣкъ, обладающій нормальными способностями, не воздержался отъ дѣянія, запрещеннаго подъ страхомъ наказанія, это дѣяніе разсматривается какъ продуктъ его преступной воли и онъ можетъ быть признанъ подлежащимъ за него отвѣтственности. Способность анализировать дѣйствія человѣка, съ точки зрѣнія наличности въ нихъ преступной воли, въ разныя времена была различна. Въ юридическихъ памятникахъ перваго періода анализъ этотъ еще очень мало развитъ, въ Уложеніи 1649 года онъ дѣлаетъ сравнительно значительные успѣхи.

Дѣянія могутъ быть: 1) случайныя, 2) неосторожныя и 3) умышленныя. Дѣянія случайныя признаются не наказуемыми,

такъ какъ они не составляютъ послѣдствія проявленія человѣческой воли. Неосторожныя дѣянія являются послѣдствіемъ неосмотрительности, небрежности. Человѣкъ вовсе не желалъ совершить правонарушеніе, но былъ неосмотрителенъ, т. е. не принялъ мѣръ, чтобы изъ его дѣйствія не возникло какого либо правонарушенія. Кто нибудь выстрѣлилъ въ окно, вовсе не желая убить или ранить кого либо, а между тѣмъ убилъ прохожаго. Не желая совершить убійство, человѣкъ, однако, не принялъ всѣхъ мѣръ, чтобы устранить возможныя послѣдствія своего дѣйствія. Такъ какъ при совершеніи неосторожныхъ дѣяній человѣкъ виновенъ въ томъ, что не принялъ всѣхъ мѣръ, которыя бы устранили возможность преступленія, то теорія признаетъ подобныя дѣянія наказуемыми, но наказуемыми въ разной мѣрѣ, смотря по роду неосторожныхъ дѣйствій. Во 1-хъ, человѣкъ можетъ совершить дѣйствіе, которое само по себѣ совершенно невинно, но которое имѣло послѣдствіемъ нарушеніе чьихъ либо правъ. Это самая меньшая степень неосторожности, которая граничитъ со случайностью. Такое дѣяніе ведетъ, сравнительно, къ наиболѣе легкому наказанію. Во 2-хъ, сильнѣе должна наказываться неосторожность, являющаяся послѣдствіемъ дѣйствій, которыя сами по себѣ воспрещены, какъ не безопасныя. Стрѣльба изъ окна есть дѣйствіе само по себѣ запрещенное въ видахъ охраненія общественной безопасности. Раны, являющіяся послѣдствіемъ такой стрѣльбы, наказуются строже, чѣмъ тѣ, которыя являются послѣдствіемъ невоспрещенныхъ дѣйствій. Наконецъ, въ 3-хъ, могутъ быть и такія неосторожныя дѣянія, которыя являются послѣдствіемъ преступныхъ дѣйствій. Человѣкъ, напр., подрался и результатомъ драки была смерть. Это самый тяжелый видъ неосторожныхъ дѣяній, условливающій и наиболѣе тяжелую отвѣтственность. Виновный въ преступленіи, совершенномъ по неосторожности, наказывается не за результатъ своего дѣйствія, ибо онъ этого результата не желалъ и не имѣлъ въ виду, а за неосторожность. Надо еще замѣтить, что неосторожность возможна не при всѣхъ преступленіяхъ: невозможно, наприм., неосторожно украсть или ограбить (Кистяковскій, Учебн. угол. пр., 87 и сл.)

Послѣднюю категорію дѣйствій составляютъ дѣйствія умышленныя. Умышленность состоитъ въ томъ, что у человѣка было желаніе достигнуть той цѣли, которую онъ достигъ; человѣкъ именно хотѣлъ убить, украсть и дѣйствительно убилъ, укралъ. Существенный признакъ такого рода дѣйствій есть полное соотвѣтствіе между желаніемъ и результатомъ дѣянія. Различаютъ двѣ категоріи умышленныхъ дѣяній: просто умышленныя и предумышленныя. Въ первомъ случаѣ человѣку внезапно приходитъ мысль совершить преступленіе; во второмъ онъ заранѣе обдумываетъ планъ этого преступленія. Это различіе должно вліять и на мѣ-

ру наказуемости. Дѣянія, совершаемыя по внезапному умыслу, наказываются слабѣе, чѣмъ дѣянія предумышленныя. Въ дѣяніяхъ перваго рода преступная воля имѣетъ гораздо меньшее напряженіе.

Въ первыхъ законодательныхъ памятникахъ Московскаго государства анализъ преступнаго дѣйствія, по степени участія въ немъ воли, еще очень слабъ. Судебники различаютъ дѣянія „нехитростныя“ или „безхитростныя“; такія дѣянія не наказуемы. Но никакихъ опредѣленій о томъ, что нужно разумѣть подъ дѣяніями безхитростными, въ Судебникахъ нѣтъ. Надо, конечно, думать, что подъ безхитростными дѣяніями разумѣются дѣянія, совершаемыя безъ злаго умысла. Злой умыселъ составляетъ характерный признакъ преступнаго дѣянія. Это видно изъ того, что Судебники называютъ преступниковъ лихими людьми и вѣдомыми злодѣями. Въ послѣднемъ выраженіи можно видѣть указаніе на то, что дѣянія предумышленныя начали уже обособляться отъ умышленныхъ просто. По всей вѣроятности, практика гораздо болѣе различала, чѣмъ Судебники. Въ Уложеніи встрѣчаемся уже съ гораздо болѣе тонкимъ анализомъ. Оно различаетъ случайныя дѣйствія, неосторожныя и умышленныя, хотя въ подробностяхъ и частностяхъ анализъ его еще и не очень точенъ. Терминологія совершенно неустановившаяся. Характеръ опредѣленій — казуистическій. Въ ст. 18 главы XXII дѣло идетъ о такомъ случаѣ: лошадь изорвала узду, понеслась и задавила кого нибудь; въ этомъ, говоритъ Уложеніе, вины нѣтъ; это учинилось безъ хитрости, безъ умышленія. Статья, судя по примѣру, говоритъ о чисто случайномъ дѣяніи, но, называетъ это дѣяніе безхитростнымъ и, слѣдовательно, не строго различаетъ его отъ неосторожныхъ, ибо и тѣ безъ хитростныя. И дѣйствительно, въ ст. 20 той-же главы можно видѣть примѣръ смѣшенія неосторожнаго убійства со случайнымъ. Статья говоритъ: „а будетъ кто стрѣляючи изъ пищали или изъ лука по звѣрю, по птицѣ или по примѣтѣ, и стрѣлой или пулькой убьетъ кого за горою или за городьбою, или кто какимъ нибудь обычаемъ убьетъ до смерти кого нибудь деревомъ или камнемъ, или чемъ нибудь, не нарочнымъ же дѣломъ, а никакой вражды у того, кто убьетъ, съ тѣмъ, кого убьетъ, не было и сыщется про то до пряма, что такое убійство учинилось не нарочно, безъ умышленія, и за такое убійство ни кого смертью не казнить и въ тюрьму не сажать, потому что такое дѣло учинилось грѣшнымъ дѣломъ безъ умышленія“. Статья заботится только о томъ, чтобы вражды не было, и совершенно не подозрѣваетъ, что въ описанныхъ обстоятельствахъ можетъ быть неосторожное убійство. Все, кромѣ умысла, статья считаетъ случаемъ и признаетъ не наказуемымъ. Но, не смотря на это смѣшеніе, Уло-

женіе всетаки знаетъ неосторожныя дѣянія и объявляетъ ихъ иногда наказуемыми. Въ статьѣ 223 главы X читаемъ: „....а сыщется про то до пряма что такой пожаръ отъ кого учинится нарочнымъ дѣломъ, или пастуховымъ небреженіемъ, и на тѣхъ людяхъ за такое пожарное разореніе взяти пеня...“. Пастухово небреженіе, отъ котораго произошелъ пожаръ въ лѣсу, очевидно есть дѣйствіе неосторожности. Виновный наказывается пенею и платитъ исцевы убытки. А если бы пожаръ произошелъ безхитростно, онъ вовсе не отвѣчаетъ. Здѣсь неосторожность (небреженіе) отличсна отъ случая (безхитростно), но за то смѣшана съ умысломъ: тому же наказанію, которому подвергается небрежный пастухъ, подвергается и тотъ, кто, по недружбѣ, нарочнымъ дѣломъ зажжетъ лѣсъ. Поджогъ двора по недружбѣ ведетъ къ смертной казни, поджогъ лѣса только къ пенѣ.—Наказуемость неосторожныхъ дѣяній не была проведена послѣдовательно. Есть нѣсколько статей, въ которыхъ небреженіе ведетъ только къ уплатѣ убытковъ; даже тотъ, кто небреженіемъ сожжетъ чужой дворъ, платитъ только убытки (227). Убійство въ дракѣ разсматривается какъ неосторожное, хотя и не названо убійствомъ по небреженію. Что оно именно разсматривалось какъ преступная неосторожность, слѣдуетъ изъ того, что оно названо неумышленнымъ, а между тѣмъ наказуемо, значитъ это дѣяніе не безхитростное, т. е. неслучайное, ибо безхитростныя дѣянія не наказуемы. Наказуемо оно не по достигнутому результату. За убійство умышленное полагается смертная казнь, а за неосторожное—кнутъ.—Анализъ умышленныхъ дѣяній еще очень слабъ. Уложеніе хорошо знаетъ умыселъ, противополагаетъ его небреженію (неосторожности) и дѣяніямъ безхитростнымъ (случайнымъ), но незамѣтно, чтобы оно различало дѣянія предумышленныя отъ просто умышленныхъ. Какъ и судебники оно говоритъ только о вѣдомыхъ злодѣяхъ. Трудно думать, чтобы практика не шла далѣе Уложенія.

Воинскій Уставъ также знаетъ случайныя, неосторожныя и умышленныя дѣянія, но различаетъ ихъ нѣсколько точнѣе Уложенія, можетъ быть, благодаря западнымъ образцамъ, которыми пользовались его составители. Но терминологія его также очень шаткая. Неосторожныя дѣянія называются то неосторожными, небрежными и винными, то ненарочными, невольными и невинными. Два послѣдніе термина могутъ повести къ смѣшенію ихъ со случайными. Но на самомъ дѣлѣ они лучше обособлены отъ случайныхъ, чѣмъ въ Уложеніи. Шаткая терминологія Воинскаго Устава есть слѣдствіе дурнаго перевода нѣмецкаго текста. Въ примѣръ случайнаго, а потому и не наказуемаго дѣянія приведенъ солдатъ, стрѣлявшій въ цѣль на мѣстѣ, нарочно для того отведенномъ, и убившій внезапно подвернувшагося человѣка.

Стрѣльба же въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ходитъ народъ, разсматривается какъ неосторожность и наказывается различно, смотря по степени неосторожности. Неосторожно причиненный пожаръ также всегда наказуемъ, смотря по степени неосторожности. Но и Воинскій Уставъ не всегда послѣдователенъ. Ударъ по злобѣ, отъ котораго послѣдовала смерть, смѣшанъ съ умышленнымъ убійствомъ и наказывается одинаково—смертной казнью.

Въ Воинскомъ Уставѣ встрѣчается уже различіе дѣяній просто умышленныхъ отъ предумышленныхъ, хотя очень грубое. Обыкновенное убійство наказуется отсѣченіемъ головы; убійство изъ прибыли, когда кто наймется убить, и отравленіе наказываются колесованіемъ. Усиленіе наказанія въ послѣднемъ случаѣ должно объяснять тѣмъ, что убійство по найму и отравленіе непремѣнно предумышленны. Такъ было и въ нѣмецкомъ правѣ.

Разсматривая преступныя дѣянія съ внутренней стороны, необходимо обратить вниманіе на нѣкоторыя особенныя условія, наличность которыхъ или совершенно устраняетъ наказуемость совершившаго правонарушеніе или только облегчаетъ мѣру положеннаго за противозаконное дѣяніе наказанія. Эти условія могутъ лежать или во внѣшнихъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ которыхъ человѣкъ дѣйствовалъ, или въ самомъ человѣкѣ, въ состояніи его духа.

Къ первымъ будутъ относиться: 1) состояніе необходимой обороны, когда человѣкъ, защищая себя, можетъ даже убить другаго, и это дѣяніе ему не вмѣняется въ вину. Подъ состояніемъ необходимой обороны разумѣютъ защиту себя и другихъ противъ всякаго незаконнаго нападенія. Необходимая оборона можетъ имѣть мѣсто тогда, когда есть противозаконное нападеніе. Слѣдовательно, если судебный приставъ подвергаетъ правежу или продаетъ имущество за долги противъ него нельзя обороняться. Это первый признакъ необходимой обороны. Второй признакъ состоитъ въ томъ, что должна быть наличность опасности, т. е. опасность должна висѣть надъ головою, а не быть гдѣ нибудь далеко. Если, напримѣръ, кто нибудь говоритъ другому, что онъ его когда нибудь убьетъ, то для отраженія такой опасности нельзя убить противника, потому что его угроза относится къ неопредѣленному будущему. Въ разныя времена вопросъ о средствахъ обороны рѣшался различно. Въ XVII и XVIII вв. положеніе обороняющагося западныя законодательства дѣлали очень стѣснительнымъ, ему предписывалось соображать свою оборону со средствами нападающаго. Эти предписанія перешли и въ наши памятники XVIII в., составленные подъ вліяніемъ западныхъ образцовъ, напримѣръ, въ Воинскій и Морской уставы. Оборона можетъ идти даже

до причиненія смерти нападающему, противъ чего бы нападеніе ни было сдѣлано, т. е. не только тогда, когда нападеніе производится на жизнь человѣка, но и на его имущество, честь и т. п. Совершившій убійство и пр. въ состояніи необходимой обороны долженъ сейчасъ же донести объ этомъ мѣстнымъ властямъ для того, чтобы можно было по горячимъ слѣдамъ, констатировать необходимость обороны.

Въ древнее время, а именно въ первомъ періодѣ, при существованіи начала мести, не могло существовать необходимой обороны, какъ особаго юридическаго института, потому что месть, какъ болѣе обширное понятіе, заключала въ себѣ и право необходимой обороны. Кто имѣетъ право мстить, тотъ можетъ и обороняться. Однако, нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей находятъ въ памятникахъ перваго періода указанія на существованіе обороны. Такъ, указываютъ на 20 ст. Рус. Пр. по Тр. сп., которая читается такъ: „аже кто кого ударитъ мечемъ, или чашею, не стерпя ли противу того ударитъ мечемъ, вины въ томъ нѣтъ“. Вникнувши въ смыслъ этой статьи, легко замѣтить, что она говоритъ о мести, а не о необходимой оборонѣ. Здѣсь дѣло идетъ объ ударѣ мечемъ, который слѣдуетъ за нанесеніемъ обиды, а не предупреждаетъ обиду, какъ это должно быть при необходимой оборонѣ. Далѣе приводятъ статью о ворѣ, котораго можно убить, но изъ предшествующаго извѣстно, что та редакція статьи, въ которой можно усматривать признаки обороны, не русскаго происхожденія, она заимствована изъ Моисеевыхъ законовъ; статья же въ редакціи, не носящей на себѣ слѣдовъ заимствованія, говоритъ просто о мести вору. Только съ уничтоженіемъ мести могла развиться необходимая оборона, какъ самостоятельный институтъ. Мы встрѣчаемъ ее въ памятникахъ 2-го періода, и именно въ соборномъ Уложеніи. По всей вѣроятности, практика знала оборону гораздо раньше.

Уложеніе допускаетъ оборону въ весьма обширномъ смыслѣ; въ этомъ отношеніи оно стоитъ на совершенно правильной точкѣ зрѣнія. По Уложенію можно охранять всякаго рода права: можно обороняться при нападеніи на жизнь, здоровье, имущество, честь женщины, при нападеніи на домъ; оборона можетъ идти до убійства нападающаго не только въ томъ случаѣ, когда охраняется жизнь, но и въ томъ, когда охраняется имущество. По Уложенію не только можетъ обороняться тотъ, противъ кого произведено нападеніе, но и другіе люди могутъ помогать ему, а его люди и крестьяне обязаны помогать подъ страхомъ наказанія. Совершившій въ состояніи необходимой обороны преступленіе обязанъ былъ заявить объ этомъ немедленно судьѣ. Все это совершенно правильно. Но 89 ст. XXI гл. Ул. заходитъ

очень далеко. Она предоставляетъ право хозяину сжатаго кѣмъ либо въ полѣ хлѣба, съ намѣреніемъ присвоить этотъ хлѣбъ себѣ, убить этого человѣка, если онъ, застигнутый въ полѣ, не даетъ себя взять. Это уже переходитъ границы необходимой обороны, такъ какъ вора нѣтъ необходимости преслѣдовать съ точки зрѣнія обороны, если онъ, оставивши взятыя вещи, убѣжалъ.

Воинскій уставъ также знаетъ необходимую оборону, но онъ, слѣдуя западнымъ законодательствамъ, излишне ограничиваетъ случаи обороны и стѣсняетъ ея средства, требуя, чтобы обороняющійся не употреблялъ оружія въ томъ случаѣ, если нападающій не вооруженъ. Но, высказавъ это требованіе, Воинскій уставъ, какъ бы сознавая ошибку, дѣлаетъ такую прибавку: „если нападающій сильнѣе, тогда можно и не вооруженнаго отражать съ оружіемъ, а если же смертный страхъ есть, то надлежитъ обороняться какъ возможно". Воинскій уставъ требуетъ наличности нападенія, но не заставляетъ ждать перваго удара „ибо чрезъ такой первый ударъ можетъ тако учиниться, что и противиться весьма забудетъ". Въ Морскомъ уставѣ замѣтно стремленіе еще болѣе ограничить оборону, онъ требуетъ уступать, всякимъ образомъ отговаривая сопернику нападенія его; оружіе допускаетъ употреблять противъ невооруженнаго только тогда, когда „крѣпко станетъ нападать и смертно бить". Эти ограниченія стоятъ въ связи съ тѣмъ, что въ разсматриваемое время правительства какъ западныхъ государствъ, такъ и наше, стараются ограничить всякое проявленіе личной воли. Другой недостатокъ Воинскаго устава, сравнительно съ Уложеніемъ, состоитъ въ томъ, что самые случаи, при которыхъ допускалась оборона, были слишкомъ ограничены. Воинскій уставъ сводитъ оборону почти исключительно на случаи смертнаго страха, т. е. когда нападеніе угрожаетъ опасностью жизни. Вора, забравшагося въ домъ ночью, можно безъ страха наказанія умертвить потому, говоритъ Воинскій уставъ, „что воръ не для учиненія только кражи, но и для того, чтобы умертвить въ домъ ночью врывается". Въ этомъ случаѣ мотивомъ отраженія нападенія является „смертный страхъ"; если человѣкъ убиваетъ вора, то не потому, что охраняетъ свое имущество, а потому, что защищаетъ свою жизнь. Ставя такія тѣсныя границы обороны, Воинскій уставъ, однако, не приравниваетъ къ обыкновенному убійцѣ того, кто, обороняясь, увлечется и выйдетъ за предѣлы обороны, нанеся другому такой вредъ, который необходимостью защиты не обусловливался, напримѣръ, убьетъ нападающаго, тогда какъ можно было обойтись и безъ этого; такое убійство ведетъ къ болѣе легкому наказанію, чѣмъ какое полагается за обыкновенное убійство, „ибо онъ въ на-

чалѣ достойныя причины имѣлъ къ нужному обороненію". Въ этихъ случаяхъ судья долженъ назначить кнутъ, шпицрутены, или даже одинъ штрафъ, но всегда прибавить церковное покаяніе.

2. Рядомъ съ состояніемъ необходимой обороны существуетъ и другое состояніе, при которомъ совершенное преступленіе не вмѣняется въ вину: это состояніе крайней необходимости, въ которомъ человѣкъ находится вынужденнымъ для спасенія себя, или своего права—нарушить чужое; напримѣръ, для спасенія своей жизни отъ голодной смерти человѣкъ крадетъ съѣстные припасы. Впервые въ нашемъ законодательствѣ появляется это понятіе только въ Воинскомъ уставѣ, но было высказано мнѣніе, что даже въ Р. Правдѣ говорится уже о крайней необходимости. Подъ это понятіе подводятъ 50 статью Р. Правды, по Тр. сп., въ которой читаемъ: „аже который купецъ гдѣ либо шедъ съ чужими кунами истопится, либо рать возметъ, либо огнь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнеть отъ лѣта платити, тако-же платить ему, занеже пагуба отъ Бога есть". Если у человѣка, взявшаго въ займы, деньги пропадутъ, то заимодавецъ не можетъ обратить его въ рабство, а долженъ удовольствоваться уплатою долга съ разсрочкой. Этотъ случай есть ничто иное, какъ гражданская несостоятельность по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ. При состояніи крайней необходимости человѣкъ нарушаетъ чьи-нибудь права своимъ дѣйствіемъ, между тѣмъ какъ въ приведенномъ случаѣ купецъ не совершаетъ никакого дѣйствія, нарушающаго чужія права, онъ самъ страдаетъ отъ огня, или вражескаго нашествія, а потому и не можетъ платить. Точно также нельзя видѣть крайней необходимости и въ слѣдующемъ случаѣ, приводимомъ изъ Уложенія: „кого лошадь понесетъ, а удержать ее будетъ не можно, и онъ наскочитъ на кого-нибудь и задавитъ, наказаніе ему не чинить". Здѣсь все совершаетъ лошадь, а человѣкъ бездѣйствуетъ, потому что не можетъ дѣйствовать; въ казусѣ Уложенія у него даже уздечка изорвалась.

Понятіе о крайней необходимости впервые вводится въ наше законодательство Петромъ В. Воинскій уставъ говоритъ объ одномъ только случаѣ, а именно: о случаѣ крайней необходимости отъ голода. Если голодный человѣкъ что-нибудь украдетъ, то, говоритъ уставъ, наказаніе воровства обыкновенно умаляется или и вовсе отставляется.

Ко вторымъ: 1) опьянѣніе. Въ наше время состояніе опьянѣнія подвергается тщательному анализу. Различаютъ состояніе полнаго и неполнаго опьянѣнія. Подъ полнымъ опьянѣніемъ разумѣется такое состояніе, въ которомъ напившійся совершенно теряетъ сознаніе о происходящемъ. Такое состояніе признает-

ся невмѣняемымъ, ибо у человѣка отсутствуетъ воля. При неполномъ опьянѣніи человѣкъ хотя и находится въ возбужденномъ и ненормальномъ состояніи, но не совершенно лишенъ сознанія о происходящемъ. Преступное дѣяніе, совершенное въ такомъ состояніи, вмѣняется въ вину, но наказывается слабѣе, чѣмъ преступленіе, совершенное въ нормальномъ состояніи; неполное опьянѣніе разсматривается какъ обстоятельство, смягчающее наказаніе. Но на этомъ анализъ не останавливается: различаютъ еще, при какихъ условіяхъ человѣкъ напился. Можетъ быть, онъ дошелъ до состоянія опьянѣнія по незнанію свойствъ вина, а съ другой стороны, онъ могъ напиться и для бодрости, сознавая, что безъ помощи вина онъ не можетъ совершить преступленія. Относительно перваго рода случаевъ нѣтъ сомнѣнія, что преступленіе не должно влечь за собою наказанія, если опьянѣніе было полное. Что же касается случаевъ втораго рода, то здѣсь теоретики очень расходятся. Одни думаютъ, что если человѣкъ напился для бодрости, то хотя бы онъ напился до полной потери сознанія, онъ все-таки подлежитъ наказанію, потому что между состояніемъ его опьянѣнія и его преступнымъ дѣйствіемъ есть причинная связь: онъ сдѣлалъ то, чего хотѣлъ. Другіе, напротивъ, находятъ, что если человѣкъ и совершилъ преступленіе, то благодаря тому безсознательному состоянію, въ которое онъ пришелъ по причинѣ опьянѣнія. Съ этой точки зрѣнія состояніе намѣреннаго опьянѣнія разсматривается какъ обстоятельство, смягчающее наказаніе, ибо въ трезвомъ видѣ человѣкъ не совершилъ бы преступленія (Кистяковскій 139 и сл. Таганцевъ I, 122 и сл).

Переходя къ древнимъ памятникамъ, надо, прежде всего, замѣтить, что въ древнее время нѣтъ указаній на то, чтобы различалось полное и неполное опьянѣніе. Есть полное основаніе думать, что въ древнее время такого различія и не было. Теперь признаютъ его, благодаря успѣхамъ медицины. Въ древнее же время медицина не могла прійти на помощь юристамъ. Не только у насъ, но и въ другихъ странахъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на различіе между состояніемъ полнаго и неполнаго опьянѣнія. Древность знаетъ только неполное опьянѣніе, которое никогда не освобождаетъ отъ вмѣненія, но ведетъ только къ смягченію наказанія. Указаніе на такое смягчающее значеніе опьянѣнія встрѣчается въ очень глубокой древности. По Р. Правдѣ убійство, совершенное на пиру, разсматривается какъ болѣе легкое преступленіе сравнительно съ убійствомъ, совершеннымъ „въ разбоѣ“. При этомъ, конечно, принималось въ соображеніе, что убійство въ первомъ случаѣ было сдѣлано человѣкомъ пьянымъ. Такой же взглядъ замѣчаемъ и въ Уложеніи, которое противополагаетъ убійство въ опьянѣніи убійству съ умысломъ: „убилъ пьянымъ дѣломъ, а не умышленіемъ“, говоритъ Уложеніе. За убійство, совершен-

ное въ пьяномъ состояніи, Уложеніе полагаетъ меньшее наказаніе, чѣмъ за убійство съ умысломъ. Но рядомъ со статьями, проводящими указанное различіе, есть одна статья, въ которой пьяное состояніе поставлено на ряду съ умысломъ. Въ 17 ст. XXII гл., читаемъ: „а буде кто съ похвальбы или съ пьянства или умысломъ наскачетъ на лошади на чью жену и лошадью ее стопчетъ и повалитъ и тѣмъ ее обезчеститъ... и беременная жена отъ того бою дитя родитъ мертво“ и т. д. Какъ объяснить это различіе? Статья говоритъ о наѣздѣ съ похвальбы. Это, конечно, умыселъ. Опьянѣніе приводится здѣсь какъ обстоятельство сопутствующее исполненію замысла обезчестить чужую жену. Это опьянѣніе для бодрости. Преступленіе, совершенное при такомъ опьянѣніи, Уложеніе и приравниваетъ умыслу. Оно, значитъ, различаетъ условія, при которыхъ человѣкъ напился.

По Воинскому Уставу совершеніе преступленія въ состояніи опьянѣнія ведетъ къ такому же наказанію, какъ и преступленіе въ трезвомъ видѣ, или же еще къ болѣе тяжкому. Воинскій уставъ, такимъ образомъ, дѣлаетъ шагъ назадъ сравнительно съ Уложеніемъ, но строгость его можно объяснить тѣмъ, что уставъ написанъ для людей военныхъ, для которыхъ пьянство есть само по себѣ преступленіе.

Воинскій Уставъ говоритъ еще и о другихъ обстоятельствахъ, смягчающихъ наказаніе. Къ нимъ относятся: 2) совершеніе преступленія „въ сердцѣ“, т. е. въ раздраженіи. Божба въ раздраженіи и брань наказываются легче. 3) Совершеніе преступленія изъ служебной ревности, напр., если офицеръ, наказывая солдата, засѣчетъ его, онъ подвергается только штрафу, или временной отставкѣ, или же низводится въ рядовые, а не смертной казни какъ за убійство. 4) Несовершенный возрастъ. По Воин. уст. „воры-младенцы“ не наказываются по опредѣленію суда, но дабы ихъ „заранѣе отъ воровства отучить, они могутъ отъ родителей своихъ лозами наказаны быть“. 5) Умопомѣшательство. Оно поименовано въ Воин. уст. (195) между тѣми обстоятельствами, благодаря которымъ „наказаніе воровства, обыкновенно, умаляется, или весьма оставляется“. Изъ сенатской практики XVIII в. знаемъ, что умопомѣшательство разсматривалось у насъ какъ обстоятельство только смягчающее наказаніе, а не устраняющее вмѣняемость. По дѣлу Подлуцкаго сенатъ опредѣлилъ: „хотя по его императорскаго величества указу надлежало бы учинить ему, яко измѣннику и вору, смертную казнь, но понеже по виду признавается онъ, Подлуцкій, въ умѣ помѣшателенъ, того ради смертныя казни ему не чинить, а вмѣсто того учинить наказаніе: бивъ кнутомъ сослать на галеру въ вѣчную работу“ (Петровскій, 257). Редакція приведеннаго 195 артикула могла даже прямо навести на такую практику.

II. Преступное дѣйствіе можетъ быть разсматриваемо съ внѣш-

ней стороны, т. е. по мѣрѣ того, насколько намѣреніе человѣка обнаруживается во внѣ. Одной злой воли человѣка мало для его оштрафованія—нужно преступное дѣйствіе. Мысль, не перешедшая въ дѣло, не наказуема. Внѣшнее дѣйствіе есть существенный признакъ преступленія. Говоря о дѣйствіи, необходимо имѣть въ виду, что здѣсь разумѣется именно дѣйствіе, а не результатъ его, такъ какъ преступный результатъ не есть необходимый признакъ преступленія. Результатъ можетъ почему либо и не послѣдовать. Воля переходя въ дѣйствіе, проходитъ разныя ступени. Для того, чтобы достигнуть преступной цѣли, совершить преступленіе, необходимо бываетъ сдѣлать нѣкоторыя приготовительныя дѣйствія, напр. купить орудіе преступленія и пр. Ученіе о преступномъ дѣйствіи съ внѣшней стороны разсматриваетъ рядъ послѣдовательныхъ дѣйствій, въ которыхъ злая воля переходитъ въ дѣло, воплощается во внѣ.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія проявленіе злой воли во внѣ, современная теорія выдѣляетъ голый умыселъ, т. е. умыселъ, еще не перешедшій въ дѣйствіе, и признаетъ его не наказуемымъ.

Затѣмъ она различаетъ слѣдующія стадіи обнаруженія злой воли: 1) Приготовленіе. Подъ приготовленіемъ разумѣется поставленіе себя въ возможность совершить преступленіе. Въ приготовленіи всегда есть внѣшнее дѣйствіе. Напр., человѣкъ покупаетъ оружіе для совершенія убійства. По общему правилу, приготовленіе считается не наказуемымъ, потому что очень трудно бываетъ узнать преступность приготовленія. Въ самомъ дѣлѣ, изъ того, что кто нибудь купилъ револьверъ или ножъ, нельзя еще заключить, что онъ желаетъ совершить убійство. Наказуемымъ признается совершеніе такихъ дѣйствій, которыя сами по себѣ воспрещены закономъ подъ угрозой наказанія.

2) Покушеніе. Подъ покушеніемъ разумѣется начало исполненія. Человѣкъ не только приготовился, но и началъ совершать что нибудь такое, что ведетъ къ цѣли преступленія. Покушеніе есть частичное осуществленіе преступнаго намѣренія, совершеніе какого-нибудь изъ тѣхъ дѣйствій, которыя нужно совершить для достиженія цѣли; но самого результата здѣсь еще нѣтъ. При оцѣнкѣ наказуемости покушенія обращаютъ вниманіе на причины, помѣшавшія преступнику дойти до совершенія преступленія. Это могло быть потому, что злоумышленникъ самъ не пошелъ далѣе, испугавшись послѣдствій. Такое покушеніе признаютъ ненаказуемымъ. Но могутъ быть и другія причины: полиція или просто посторонніе люди могли остановить преступника и не дать ему довести свое дѣло до конца. Такого рода покушеніе, остановленное посторонними силами, а не по собственной волѣ преступ-

ника, наказывается, но слабѣе, чѣмъ если бы оно было доведено до конца.

3) Неудавшееся преступленіе. Подъ нимъ разумѣется такое дѣяніе, въ составъ котораго вошли всѣ тѣ дѣйствія, которыя нужны для достиженія преступной цѣли, но результата почему либо не послѣдовало. Человѣкъ купилъ ядъ, всыпалъ въ стаканъ съ водой и далъ выпить, но смерть не послѣдовала, можетъ быть, отъ того, что яду было дано меньше, чѣмъ нужно, или отъ того, что по ошибкѣ вмѣсто яду былъ насыпанъ сахаръ и т. под. Неудавшееся преступленіе наказываетея, но слабѣе, чѣмъ преступленіе, достигшее своей цѣли. Съ точки зрѣнія злой воли человѣкъ одинаково виновенъ, какъ въ томъ случаѣ, когда онъ достигъ цѣли, такъ и въ томъ когда ,онъ, сдѣлавъ все нужное, цѣли не достигъ, а между тѣмъ въ первомъ случаѣ теорія признаетъ его подлежащимъ наказанію въ большей мѣрѣ, чѣмъ во второмъ. Причина такого различія въ томъ, что во второмъ случаѣ матеріальнаго вреда не воспослѣдовало.

4) Послѣдняя ступень есть совершеніе преступленія, т. е. достиженіе самой преступной цѣли; человѣкъ хотѣлъ убить и убилъ. Совершеніе преступленія наказывается въ самой большей мѣрѣ. (Кистяковскій, 166 и сл ; Таганцевъ, II 126 и сл.).

Изъ нашихъ древнихъ памятниковъ по этому вопросу можно остановиться только на Уложеніи, потому что болѣе древніе почти ничего не содержатъ сюда относящагося. Уложеніе различаетъ: голый умыселъ, покушеніе и совершеніе преступленія; что же касается послѣдствій, которыя оно соединяетъ съ этими фактами, то оно весьма отступаетъ отъ воззрѣній нашего времени. Уложеніе въ двухъ случаяхъ признаетъ умыселъ наказуемымъ. Первый случай относится къ преступленіямъ противъ Царскаго Величества. Въ ст. 1 главы II читаемъ: „буде кто какимъ умышленіемъ начнетъ мыслити на государево здоровье злое дѣло и про то злое умышленіе кто извѣститъ и по тому извѣту сыщется до прямо, что онъ на Царское Величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ, казнити смертію“. То же наказаніе, какое полагается и за самое совершеніе. Эта любопытная черта свойственна не одному только Московскому государству; во всей западной средневѣковой Европѣ голый умыселъ противъ жизни и здоровья государя и противъ цѣлости государства велъ къ совершенно такимъ же послѣдствіямъ, какъ и самое совершеніе. Но съ теченіемъ времени этотъ взглядъ былъ тамъ оставленъ. Точно также голый умыселъ наказывается и въ томъ случаѣ, когда рабъ помыслитъ убійство на того, кому служитъ, но въ этомъ случаѣ умыселъ наказывается легче, чѣмъ самое дѣло, а именно, отсѣкаютъ только одну руку. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ умыселъ не нака-

зуемъ. Похвальба убить, поджечь—не наказуема, она ведетъ только къ выдачѣ опасной грамоты, или представленію порукъ въ томъ, что угроза не будетъ приведена въ исполненіе (X, 133, 202). Уложеніе знаетъ уже покушеніе. Указаніе на это находимъ въ статьяхъ, относящихся къ государственнымъ преступленіямъ. Ст. 2 главы II-й говоритъ: „кто, хотя Московскимъ государствомъ завладѣть и государемъ быть, и для того своего умышленія начнетъ рать собирать, или кто съ недруги Царскаго Величества начнетъ дружитися и совѣтными грамотами ссылатися, казнити смертію“ (то же наказаніе, что и за самое совершеніе). Уложеніе различаетъ покушеніе и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Если кто-либо въ присутствіи государя вынетъ оружіе, но никого не ранитъ и не убьетъ, подлежитъ отсѣченію руки, если же убьетъ или ранитъ,—смертной казни. Эта статья напоминаетъ постановленіе Градскихъ законовъ, по которымъ, кто убивалъ мечемъ, самъ посѣкался мечемъ, а если не убивалъ, а только ранилъ, лишался руки. Наказанія остались тѣ же, но примѣнены иначе.

Наконецъ, Уложенію извѣстно совершеніе преступленія, за что, обыкновенно, назначается самая высшая мѣра наказанія.

На вопросѣ о прерванномъ покушеніи, и о преступленіи удавшемся и неудавшемся, Уложеніе не останавливается.

Воинскій уставъ, сравнительно съ Уложеніемъ, скорѣе дѣлаетъ шагъ назадъ, чѣмъ впередъ. Нѣкоторый успѣхъ замѣтенъ только въ умѣньи обособить явленія, еще не различаемыя Уложеніемъ, и то небольшой. Голый умыселъ въ преступленіяхъ противъ Величества сохраняетъ свое значеніе и по Воинскому уставу, но его равная съ совершеніемъ наказуемость оттѣнена еще сильнѣе. „Кто умышлять будетъ Царское Величество полонить, или войско вооружить противъ него, или учинитъ какое насильство“, тому В. Уставъ назначаетъ четвертованіе, а въ толкованіи къ этой статьѣ прибавляетъ: „хотя въ дѣйство не произведено, но только воля и хотѣніе было“. По уставу Морскому, „за намѣреніе измѣнить государю, хотя сіе къ дѣйству не произведетъ“ виновный подвергается такому же наказанію, какъ и за самое дѣйствіе. Наказуемость голаго умысла М. Уставъ стремится даже распространить и на всѣ другія преступленія. Въ 107 ст. сказано: „всѣ убійцы и *намѣренные* къ тому будутъ казнены смертію“. Это, конечно, только угроза. Объ осуществленіи такого правила и думать было нельзя.

Въ покушеніи Воинскій Уставъ различаетъ оконченное покушеніе отъ неоконченнаго и беретъ въ соображеніе причины, почему неокончено. Изнасилованіе женщины начатое, но неоконченное, наказывается по разсмотрѣнію. Въ постановленіяхъ о дуэли сдѣлано еще болѣе подробное разграниченіе. Если лица,

которыя сошлись на дуэль, не окончили дуэли потому, что кто-нибудь посторонній имъ помѣшалъ, то они наказываются такъже, какъ и лица, окончившія дуэль (смертною казнію); еслиже они не окончили дуэли по собственному желанію, они приговариваются только къ жестокому штрафу. Въ первомъ случаѣ покушеніе приравнено къ совершенію по степени наказанія, во второмъ очень отъ него различено: виновные отдѣлываются уплатой денежной пени.

III. Субъектомъ преступленія можетъ быть и не одно лицо, а нѣсколько. Отсюда возникаетъ вопросъ о мѣрѣ участія каждаго. Эта мѣра участія можетъ быть очень различна.

Различаютъ участіе случайное и необходимое. Необходимое участіе имѣетъ мѣсто въ такихъ преступленіяхъ, которыя могутъ быть совершены не иначе, какъ при участіи нѣсколькихъ лицъ, каковы, напр., поединокъ, прелюбодѣяніе и т. п. Случайнымъ участіемъ, напротивъ, называется участіе нѣсколькихъ лицъ въ такомъ преступленіи, которое можетъ быть совершено и однимъ лицомъ, но которое, въ данномъ случаѣ, совершено нѣсколькими, напр., кража, убійство и т. п. Мы будемъ говорить только о случайномъ соучастіи. Въ случайномъ соучастіи различаютъ два вида: главное участіе, технически называемое виновничествомъ, и второстепенное, пособничество. Подъ виновничествомъ разумѣютъ такое участіе, которое состоитъ въ непосредственномъ или посредственномъ совершеніи дѣйствій, входящихъ въ составъ преступнаго дѣянія. Между главными виновниками различаютъ виновниковъ интеллектуальныхъ и физическихъ. Подъ первыми разумѣютъ такихъ лицъ, которыя непосредственно не прилагали своей руки къ совершенію преступнаго дѣйствія, но задумали преступленіе и научили другихъ, какъ его совершить. Подъ вторыми—лицъ, непосредственно совершившихъ преступленіе. Интеллектуальное виновничество имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, когда 1) есть умышленность, т. е. интеллектуальными виновниками будутъ только тѣ лица, которыя побуждали другихъ сдѣлать извѣстное преступленіе, а не просто только высказывали теоретически свои мысли о возможности преступленія; 2) нужно, чтобы дѣйствительно было совершено то, къ чему побуждали интеллектуальные виновники, въ противномъ случаѣ, это будетъ только приготовленіе къ преступленію. Относительно ихъ наказуемости существуетъ нѣкоторая разница мнѣній. Одни думаютъ, что интеллектуальныхъ виновниковъ нужно всегда наказывать строже, чѣмъ физическихъ; между тѣмъ какъ другіе допускаютъ бо́льшую строгость наказанія только въ томъ случаѣ, когда интеллектуальные виновники по своему образованію могли имѣть вліяніе на физическихъ или были ихъ начальниками (Кистяковскій, стр. 190 и сл.).

Подъ пособниками разумѣются такія лица, которыя, не совершая преступныхъ дѣйствій, такъ или иначе содѣйствовали совершенію преступленія, напр., сторожили, доставили оружіе и проч. Пособники наказываются легче, чѣмъ главные виновники.

Кромѣ участниковъ преступленія различаютъ еще прикосновенныхъ къ преступленію лицъ. Эти вовсе не участвовали въ совершеніи преступленія ни прямо, ни стороной, но они слышали, что кто либо готовится совершить преступленіе, и не воспрепятствовали, или дали укрыться преступнику, или спрятали вещи, добытыя путемъ преступленія и пр. Отношеніе ихъ къ преступленію, въ большинствѣ случаевъ, возникаетъ уже по совершеніи преступленія. Различаютъ слѣдующіе три вида прикосновенности: попустительство, укрывательство и недонесеніе. Подъ попустителями разумѣютъ лицъ, которыя слышали о готовящемся совершиться преступленіи, но не приняли мѣръ къ воспрепятствованію. Вторая форма прикосновенности есть укрывательство, которое распадается на множество видовъ: можно скрыть преступника, слѣды преступленія, украденныя вещи и т. п. Побужденія къ укрывательству могутъ быть чрезвычайно различны: сынъ можетъ укрыть своего отца, по чувству любви, пристанодержатель укрываетъ воровъ изъ выгоды. Эти различія вліяютъ и на мѣру наказанія, которая не можетъ быть для всѣхъ случаевъ одинакова. Послѣдній видъ прикосновенности есть недонесеніе о совершившемся уже преступленіи.

Уложеніе различаетъ главныхъ виновниковъ и второстепенныхъ; среди главныхъ оно различаетъ физическихъ и интеллектуальныхъ. И тѣхъ и другихъ оно обыкновенно наказываетъ въ одинаковой мѣрѣ, даже въ томъ случаѣ, когда физическій виновникъ былъ рабъ и дѣйствовалъ по приказу господина (X, 133, XXII, 7, 12, 19). Но есть случай, въ которомъ фактическій исполнитель наказывается даже строже интеллектуальнаго виновника. Это за невѣрное составленіе суднаго списка. Дьякъ, который прикажетъ написать неправду, наказывается кнутомъ; подъячій, который напишетъ, теряетъ руку. Эту непослѣдовательность надо, кажется, объяснять тѣмъ, что составители хотѣли наказать подъячаго въ томъ самомъ органѣ, который совершилъ преступленіе (X, 12): рука писала, она и виновата, ее и отсѣкали.

Пособниковъ Уложеніе называетъ „товарищами". Товарищи наказываются легче, чѣмъ главные виновники: за убійство, напр. главный виновникъ подвергается смертной казни, у товарищей же отсѣкается только рука; это различіе не имѣло мѣста въ преступленіяхъ противъ величества, гдѣ всѣ наказывались одинаково.

Уложеніе различаетъ разные виды прикосновенности: попустительство, неоказаніе помощи, укрывательство преступника, награбленныхъ вещей и пр. При оцѣнкѣ послѣдствій прикосновен-

ности надо отличать преступленія противъ царскаго величества отъ всѣхъ другихъ. Въ первыхъ, недонесеніе о преступленіи, угрожавшемъ государю, наказывается, какъ и главное виновничество, смертною казнью. Въ этомъ отношеніи не сдѣлано никакого различія между посторонними людьми и членами семьи. Въ другихъ преступленіяхъ всѣ виды прикосновенности наказуемы, но въ очень разной мѣрѣ. Въ Московскомъ государствѣ всякій былъ обязанъ оказывать другому помощь въ случаѣ опасности. Кто слышалъ зовъ на помощь и не пошелъ помогать, наказывается кнутомъ нещадно (XXII, 59) Кто не помогаетъ ловить воровъ и разбойниковъ и самъ ихъ не ловитъ—наказывается пеней (XXI, 15). Пристанодержатели приравнивались къ разбойникамъ. Въ дѣлѣ различенія разныхъ видовъ участія и прикосновенности Воинскій уставъ не отстаетъ отъ Уложенія, но значительно уступаетъ ему въ оцѣнкѣ послѣдствій разной мѣры участія. Въ преступленіяхъ противъ величества точка зрѣнія Уложенія удерживается. Но это уравненіе наказуемости разныхъ участниковъ Воинскій уставъ распространяетъ и на другія преступленія. Въ убійствѣ главные виновники и пособники наказываются одинаково; также относится Воинскій уставъ къ главнымъ виновникамъ и пособникамъ при совершеніи кражи. Единственнымъ въ этомъ отношеніи исключеніемъ является статья о пасквиляхъ, на основаніи которой пособниковъ дозволяется суду наказывать легче, чѣмъ главныхъ виновниковъ. Собственно и имъ назначено одно и то же наказаніе, но въ концѣ статьи прибавлена такая оговорка: „однакоже по разсмотрѣнію обстоятельствъ противъ оныхъ (главныхъ виновниковъ) иногда наказаніе легче чинится“. Область доносовъ въ Воинскомъ уставѣ еще болѣе расширена. Доносить надо не только въ преступленіяхъ противъ величества, но и при кражѣ казеннаго имущества и даже въ оскорбленіяхъ словомъ и дѣйствіемъ. Кто видѣлъ драку или слышалъ брань, да не донесъ, подвергается такому же наказанію, какъ и оскорбитель; знавшій о приготовлявшейся дуэли и не донесшій объ этомъ, подвергается такому же наказанію, какъ и сами участники дуэли. Эта чрезвычайная строгость должна объясняться спеціальнымъ характеромъ Воинскаго устава, который предназначался собственно для военныхъ. Этимъ же надо объяснять и слѣдующее постановленіе Воинскаго устава. Онъ запрещаетъ звать и приходить на помощь въ случаѣ драки. Какъ тотъ, кто позоветъ, такъ и тотъ, кто придетъ помогать, подвергаются одному и тому же наказанію, а именно смертной казни чрезъ повѣшеніе. Правительство принимаетъ крайнія мѣры, чтобы предупредить всякія сходбища между военными. Въ связи съ этимъ стоитъ предписаніе, чтобы поссорившіеся, нетеряя времени, мирились или приносили жалобу по начальству. Кто немедленно не помирится, или не принесетъ жалобы, наказывается такъ

же, какъ и оскорбитель. Знавшій и не донесшій о кражѣ чужаго имущества наказывается, какъ и самъ укравшій, повѣшеніемъ. Укрыватели краденаго наказываются какъ и сами воры. Уложеніе было гораздо воспріимчивѣе Воинскаго устава къ разной мѣрѣ виновности. Недостатки нашей практики, возникшіе на почвѣ Воинскаго устава, обратили на себя вниманіе Екатерины II. Въ наказѣ коммиссіи она высказываетъ мысль, что мѣра наказанія должна быть разная, смотря по степени участія: если пособники и главные виновники, говоритъ она, будутъ наказываться одинаково, то въ законѣ не будетъ побужденія къ тому, чтобы пособники не переходили къ роли главныхъ виновниковъ.

IV. Повтореніе преступленій. Подъ повтореніемъ преступленій разумѣютъ новое совершеніе однимъ и тѣмъ же лицомъ преступленія, за совершеніе котораго оно уже разъ судилось и понесло наказаніе. Если преступникъ совершаетъ одинъ разъ кражу, другой разъ убійство, въ третій разъ разбой и т. д., это будетъ не повтореніе преступленій, а ихъ стеченіе. Подъ стеченіемъ преступленій разумѣютъ совершеніе однимъ и тѣмъ же лицомъ одновременно или разновременно нѣсколькихъ однородныхъ или разнородныхъ преступленій. Къ повторенію преступленій законодательства не относятся равнодушно. Отъ повторенія преступленій заключаютъ къ испорченности и неисправимости преступника: онъ былъ уже наказанъ и, несмотря на то, продолжаетъ совершать тѣ же самыя преступленія. Въ древнее время повтореніе вело къ крайнему усиленію наказанія. Оно обыкновенно усиливается и въ наше время, но далеко не въ той степени, какъ прежде.

Наши памятники московскаго времени смотрятъ на повтореніе какъ на обстоятельство, указывающее на чрезвычайную испорченность преступника, и потому, при повтореніи преступленій, сильно увеличиваютъ наказаніе. Эта точка зрѣнія свойственна какъ Судебникамъ, такъ и Уложенію, но въ Судебникахъ возрастаніе наказаній идетъ быстрѣе, чѣмъ въ Уложеніи. По первому и второму Судебнику первая кража, ведетъ за собою наказаніе кнутомъ, а вторая—смертную казнь. Русская Правда не знаетъ провтореній, но оно извѣстно греко-римскимъ сборникамъ. Можетъ быть статьи Судебниковъ возникли и не безъ вліянія византійскаго права, хотя въ Судебникахъ мѣра наказаній возрастаетъ въ сильнѣйшей пропорціи, чѣмъ въ Градскихъ законахъ. По Уложенію, быстрота возрастанія наказанія нѣсколько уменьшена. До смертной казни Уложеніе восходитъ только при совершеніи третьей кражи. Первая кража ведетъ за собою кнутъ, тюремное заключеніе на два года и отрѣзаніе лѣваго уха; вторая, наказывается также кнутомъ, тюремнымъ заключеніемъ на 4 года и отрѣзываніемъ праваго уха; за третью кражу казнили

смертью. Разбой, какъ болѣе тяжкое преступленіе, при первомъ повтореніи ведетъ уже къ смертной казни; за первый же разбой назначался кнутъ, трехгодичное тюремное заключеніе и отрѣзаніе праваго уха. Въ Воинскомъ уставѣ возрастаніе наказаній замедляется еще болѣе: кража менѣе 20 рубл. только при четвертомъ повтореніи ведетъ къ смертной казни.

Нѣкоторыя выраженія памятниковъ московской эпохи наводятъ на мысль, что для понятія повторенія не всегда требовалось, чтобы преступникъ былъ уже судимъ за первое преступленіе и наказанъ. Так. обр., повтореніе и стеченіе не были обособлены.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Общее ученіе о наказаніи.

Во второмъ періодѣ наказаніе все болѣе и болѣе теряетъ частный характеръ и становится публичнымъ. Первоначальная цѣль наказанія удовлетворить пострадавшаго отступаетъ на задній планъ. Московское правительство наказываетъ для того, чтобы искоренить воровъ и разбойниковъ и устрашить мирныхъ гражданъ, чтобы имъ не повадно было чинить такія же преступленія. Эта точка зрѣнія на наказаніе сохраняется и законодательствомъ Петра В. Измѣненія начинаются только съ Екатерины II. Она проводитъ въ своемъ наказѣ новыя гуманныя воззрѣнія на преступниковъ и наказанія. Эти новыя идеи были заимствованы Екатериною у Бекаріе и Монтескье, но это нисколько не умаляетъ ея заслуги. Наказъ различаетъ важныя преступленія и мелкія. Въ мелкихъ преступленіяхъ цѣль наказанія должна состоять въ исправленіи; что же касается „злодѣевъ“ и „изверговъ“, т. е. лицъ, совершившихъ важныя преступленія, то по отношенію къ нимъ цѣль наказанія заключается въ воспрепятствованіи имъ впредь вредить обществу и въ отвращеніи другихъ отъ содѣянія того же. Это разграниченіе не совсѣмъ вѣрное: человѣкъ, совершившій тяжкое преступленіе, напримѣръ, убійство, не всегда принадлежитъ къ разряду неисправимыхъ „злодѣевъ“ и, наоборотъ, мелкій преступникъ иногда можетъ быть гораздо болѣе испорченъ убійцы, и вовсе не поддаваться исправленію. Хотя различіе цѣли и не оправдывается существомъ дѣла, но мысль объ исправленіи тѣмъ не менѣе высказана. По отношенію же къ злодѣямъ Екатерина предлагаетъ совершенно новыя средства дѣлать ихъ безвредными и воздержать другихъ отъ подражанія имъ: она убѣждена, что воздерживать отъ преступленій должно не строгостью и жестокостью наказаній, какъ прежде, а неизбѣжностью ихъ и непрерывнымъ продолженіемъ. Ужасъ,

внушаемый смертною казнію, говоритъ она, очень силенъ, но не можетъ противостоять забвенію. Съ этой точки зрѣнія большее дѣйствіе производитъ вѣчное лишеніе свободы, такъ какъ такое наказаніе всегда на глазахъ и всегда о себѣ напоминаетъ. Если всякій будетъ знать, читаемъ въ наказѣ, что совершенное имъ преступленіе непремѣнно повлечетъ за собою наказаніе и что онъ ни въ какомъ случаѣ не воспользуется плодами преступленія, то хотя бы наказаніе было и не жестоко, всетаки злоумышленникъ будетъ воздерживаться отъ совершенія преступленія, такъ какъ онъ не будетъ имѣть увѣренности, что воспользуется его плодами. Такимъ образомъ для достиженія цѣли наказанія по отношенію къ самымъ важнымъ преступникамъ можетъ быть достаточно одного тюремнаго заключенія.

То или другое пониманіе цѣли наказанія, естественно, должно отражаться и на всѣхъ частностяхъ системы наказаній. Разсмотримъ эти частности (Кистяковскій стр. 297 и ст). 1) Одно изъ существенныхъ свойствъ наказанія состоитъ въ томъ, что оно должно быть индивидуально, т. е. наказаніе должно поражать только преступника, не касаясь его родственниковъ. Нѣтъ наказаній, которыя могли бы вполнѣ удовлетворить этому требованію. Но въ древнее время необходимость такого требованія и вовсе не сознавалась. По Рус. Пр. разбойникъ выдавался на потокъ и разореніе съ женою и дѣтьми. Законодательные памятники Московскаго государства не говорятъ о наказаніи невинныхъ родственниковъ вмѣстѣ съ виновными, но это практиковалось. Достаточно припомнить кровавыя расправы Ивана Грознаго. Его злоупотребленія навели и московскихъ людей на необходимость оградить невинныхъ. Въ условіяхъ, предложенныхъ царю Шуйскому и имъ принятыхъ, впервые было постановлено, чтобы у жены и родственниковъ преступника не отбирали имѣнія, если они къ его винѣ не причастны. Это перешло и въ Уложеніе, гдѣ сказано: жены и дѣтей и родственниковъ виновнаго не казнить и вотчинъ не отнимать, если про измѣну не вѣдали. Не смотря, на это, и послѣ Уложенія случалось, что вмѣстѣ съ виновнымъ наказывали и невинныхъ родственниковъ. Но и въ Уложеніи указанное начало не было проведено совершенно послѣдовательно. Если дворянинъ убивалъ чьего либо крестьянина, то, помимо уголовнаго наказанія, онъ долженъ былъ дать вознагражденіе потерпѣвшему убытокъ господину. Это вознагражденіе состояло въ томъ, что убившій долженъ былъ отдать своего лучшаго крестьянина съ женою его и неотдѣленными дѣтьми. Для этого крестьянина невольную перемѣну мѣста жительства можно разсматривать какъ наказаніе, котораго онъ не заслужилъ. Онъ долженъ былъ оставить своихъ отдѣленныхъ дѣтей, родителей, братьевъ и др. родственниковъ и, наконецъ, то мѣсто, гдѣ онъ родился. Въ 1657 г. это постановленіе было отмѣнено. 2) Наказа-

ніе должно быть равнымъ для всѣхъ; при опредѣленіи наказанія должно обращать вниманіе только на преступное дѣяніе, на мѣру проявленія злой воли, а не руководствоваться сословнымъ положеніемъ лица. Въ старину, при существованіи сословій, сословность не могла не отразиться на наказаніи. Въ московскую эпоху при опредѣленіи наказанія обращали вниманіе на сословное положеніе виновнаго, но Московское государство менѣе погрѣшало противъ указаннаго требованія, чѣмъ императорская Россія XVIII вѣка. Въ Московскомъ государствѣ не было привилегированныхъ лицъ, которыя были бы освобождены отъ нѣкоторыхъ наказаній по ихъ унизительности или мучительности. Сословность въ наказаніяхъ отражалась въ томъ, что незнатные люди наказывались въ нѣкоторыхъ случаяхъ строже знатныхъ: мелкому человѣку кнутъ, а знатному-батоги; мелкому-батоги, знатному—тюрьма и т. д. Напримѣръ, если чей либо зависимый человѣкъ, по своему замыслу, зазоветъ кого либо къ себѣ на дворъ и изобьетъ ослопомъ, кнутомъ или батогами, онъ подлежитъ за это смертной казни; но если тоже сдѣлаетъ его господинъ, онъ наказывается только жестокой торговой казнью (XXII, 12). Въ преступленіяхъ болѣе важныхъ такого различія не замѣтно. Нѣкоторое различіе встрѣчаемъ и въ Воинскомъ уставѣ, но тамъ оно условливается служебнымъ положеніемъ человѣка. Если на молитву придетъ пьянымъ офицеръ, онъ подвергается простому аресту, а солдатъ за то же подвергается аресту съ закованіемъ въ желѣзо. Но есть случаи, когда старшій по службѣ несетъ большее наказаніе, чѣмъ младшій. Если крѣпость сдана до истощенія всѣхъ средствъ обороны, то чѣмъ къ большему чину принадлежалъ начальникъ, тѣмъ онъ подвергался болѣе жестокому наказанію, „ибо онъ долженъ другимъ добрый прикладъ подавать.“

Только съ Екатерины II возникаетъ разрядъ привилегирован. лицъ, свободныхъ отъ тѣлеснаго наказанія. На основаніи жалованныхъ грамотъ дворянамъ и городамъ, отъ тѣлесныхъ наказаній были освобождены дворяне, купцы 1-й и 2-й гильдіи и именитые граждане. Духовенство—Екатерина забыла. Императоръ Александръ I освободилъ и лицъ духовнаго званія отъ тѣлесныхъ наказаній.

3) Наказаніе не должно напрасно мучить человѣка и увѣчить его тѣло. Это требованіе совершенно неизвѣстно Московскому государству. Самымъ употребительнымъ наказаніемъ были мучительныя, состоящія въ причиненіи человѣку физической боли и даже въ изуродованіи тѣла. Эта система наказаній стоитъ въ прямой связи съ цѣлью устрашенія. По Воинскому уставу также практиковались главнымъ образомъ мучительныя наказанія. Екатерина II впервые проводитъ мысль въ Наказѣ, что эти наказанія должны быть оставлены.

4) Наказаніе должно быть по возможности отмѣнимымъ и

вознаградимымъ. Это требованіе стоитъ въ связи съ сознаніемъ того, что судъ человѣческій не непогрѣшимъ, что всегда можно опасаться ошибочнаго приговора, какъ бы добросовѣстно судьи ни относились къ своему дѣлу. При существованіи отмѣнимыхъ и вознаградимыхъ наказаній, ошибка суда можетъ быть поправлена. Но это свойство отмѣнимости и вознаградимости не въ одинаковой мѣрѣ присуще всѣмъ наказаніямъ. Отмѣнимы всѣ длящіяся наказанія, совершенно вознаградимы только денежные штрафы. Въ разсматриваемое время преобладали неотмѣнимыя и невознаградимыя наказанія: смертная казнь и тѣлесныя наказанія; лишеніе свободы и денежные штрафы имѣли очень второстепенное значеніе.

5) Наказанія должны быть дѣлимы. Это требованіе дѣлимости стоитъ въ связи съ безконечнымъ разнообразіемъ мѣры виновности. Различная степень виновности необходимо ведетъ къ различію въ мѣрѣ наказанія. Отсюда и вытекаетъ требованіе, чтобы наказаніе было дѣлимо. Въ Московскомъ государствѣ въ большомъ употребленіи и недѣлимыя наказанія и дѣлимыя, напр., кнутъ, батоги. Но эти послѣднія не дѣлились, а назначались, обыкновенно, безъ всякой опредѣленной мѣры.

Съ точки зрѣнія способовъ опредѣленія закономъ наказаній различаютъ: во 1-хъ, систему безусловно опредѣленныхъ наказаній, во 2-хъ, противоположную ей систему абсолютно неопредѣленныхъ наказаній и, наконецъ, 3) систему относительно опредѣленныхъ наказаній. Подъ совершенно опредѣленною системой разумѣется точное опредѣленіе въ законѣ мѣры наказанія за извѣстное преступленіе. При этой системѣ судьѣ не остается ничего больше дѣлать, какъ только удостовѣриться въ томъ, что такое то преступленіе совершено, и затѣмъ буквально примѣнить наказаніе, назначенное въ законѣ. Абсолютно неопредѣленная система состоитъ въ томъ, что законодатель объявляетъ извѣстныя дѣянія наказуемыми, но не опредѣляетъ ни рода, ни мѣры, ни степени наказанія, предоставляя судьѣ назначить его. При этой системѣ открывается величайшій просторъ дѣятельности судей въ противоположность абсолютно опредѣленной системѣ. Средину между тою и другою занимаетъ система относительно опредѣленныхъ наказаній, которая состоитъ въ томъ, что законодатель не только объявляетъ извѣстныя дѣянія наказуемыми, но и опредѣляетъ родъ наказанія и его minimum и maximum (напр., за такое то преступленіе назначается тюремное заключеніе отъ 1 до 5 лѣтъ, смотря по особенности случая). Эта послѣдняя и есть самая цѣлесообразная.

Обращаясь къ старымъ памятникамъ видимъ, что въ древнѣйшихъ господствовала система безусловно опредѣленныхъ наказаній, напр. въ Рус. Пр. Въ памятникахъ московскаго государ-

ства часто встрѣчаемся съ абсолютно неопредѣленными наказаніями. Они нерѣдко предписываютъ чинить наказаніе по разсмотрѣнію, какъ „государь укажетъ“, или „наказати, смотря по винѣ“, или „чинить жестокое наказаніе, что государь укажетъ“. Къ такимъ совершенно неопредѣленнымъ наказаніямъ надо отнести также и опалу. Смертная казнь не всегда имѣла значеніе безусловно опредѣленнаго наказанія, такъ какъ видъ ея не всегда опредѣлялся статьями Уложенія; кнутъ и батоги назначаются обыкновенно безъ означенія мѣры, но иногда прибавляется „нещадно“ наказать кнутомъ. Правительство, имѣя въ виду устрашеніе, еще очень мало заботится о точномъ соотвѣтствіи мѣры наказанія мѣрѣ вины, а потому относительныхъ наказаній, въ настоящемъ смыслѣ слова, почти не встрѣчаемъ ни въ московскихъ памятникахъ, ни въ Воинскомъ уставѣ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

Виды наказаній.

Высшею мѣрою наказанія была смертная казнь. Въ Уложеніи встрѣчается до 5 видовъ ея. Самымъ обыкновеннымъ было отсѣченіе головы; повѣшеніе придавало смертной казни элементъ униженія, оно примѣнялось къ перебѣжчикамъ во время войны; богохульниковъ сожигали; залитіе горла расплавленнымъ металломъ угрожало денежнымъ мастерамъ за неправильную чеканку монеты; женамъ, убившимъ своихъ мужей, угрожало зарытіе живыми въ землю по грудь. Современники разсказываютъ, что въ такомъ положеніи онѣ иногда мучились въ теченіе 3-хъ сутокъ, пока не умирали. На практикѣ употреблялися и другіе виды: напр., четвертованіе и утопленіе. За разбой съ убійствомъ отсѣкали обѣ ноги и лѣвую руку и эти отсѣченныя части для устрашенія невинныхъ прибивали на дорогахъ по деревьямъ. Къ этимъ видамъ Воинскій уставъ прибавляетъ еще новые: разстрѣляніе и колесованіе. Колесованіе примѣнялось къ измѣнникамъ и бунтовщикамъ, къ отравителямъ, убійцамъ изъ наживы, убійцамъ родственниковъ и къ совершающимъ грабежъ вооруженною рукою. За преступленія противъ жизни и здравія его величества назначалось четвертованіе, но оно казалось еще недостаточнымъ и потому Воинск. уставъ прибавляетъ, что наказаніе можетъ быть усилено рваніемъ тѣла клещами. Залитіе горла металломъ практиковалось и въ XVIII в., но Петръ предпи-

салъ, для прекращенія мученій, отсѣкать голову подвергавшимся этой казни, послѣ залитія горла.

Им. Елизаветѣ приписываютъ отмѣну натуральной смертной казни. Послѣ отмѣны смертной казни Елизаветой, говорятъ, она была вновь возстановлена для политическихъ преступниковъ при имп. Николаѣ I. Но, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, отмѣны смертной казни при Елизаветѣ не послѣдовало. Не было издано указа, въ которомъ-бы говорилось,что смертная казнь отмѣняется. Въ 1753 г. послѣдовалъ именной указъ Сенату, которымъ предписывалось приговоры о натуральной и политической смерти, постановленные въ низшихъ мѣстахъ, не приводить въ исполненіе, а присылать экстракты изъ дѣлъ въ Сенатъ. Этимъ указомъ смертная казнь не была отмѣнена. Вслѣдствіе приведеннаго указа, въ Сенатѣ накопилось множество приговоровъ о смертной казни. Такъ какъ никакого новаго указа не послѣдовало относительно того, казнить-ли преступниковъ, приговоренныхъ къ смерти, или нѣтъ, то Сенатъ издалъ отъ себя указъ (1754), въ которомъ опредѣляетъ: „таковымъ, приговореннымъ къ смертной казни, смертной экзекуціи до разсмотрѣнія и точнаго о нихъ указа не чинить. А дабы оные за долговременнымъ разсматриваніемъ присылаемыхъ объ нихъ экстрактовъ, не избывали наказанія и изъ ссылки побѣговъ чинить и за непостановленіемъ на нихъ законовъ, укрываясь, въ такія же воровства вступать не дерзали, при посылкѣ въ тяжкую работу въ Рогервикъ и въ другія мѣста, до разсмотрѣнія, чинить наказанія подлежащимъ къ натуральной смертной казни жестоко кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри, ставить клейма со словами „воръ“, а которыхъ къ политической смерти,—наказывать кнутомъ и рвать ноздри“. Этимъ сенатскимъ указомъ смертная казнь тоже не отмѣняется. Приговоры къ смертной казни только временно не приводятся въ исполненіе, до разсмотрѣнія и новаго указа. Но императрица дѣйствительно хотѣла отмѣнить смертную казнь и въ этомъ смыслѣ дала словесный указъ существовавшей при ней законодательной коммиссіи. Этотъ указъ нигдѣ не былъ напечатанъ; въ Арх. II Отд. Собст. Его Вел. канц. (нынѣ кодификаціонный отдѣлъ), въ связкѣ озаглавленной „Дѣла коммиссіи по сочиненію Уложенія 1754—66 годовъ“, сохранилось, однако, указаніе, что онъ былъ данъ. Въ 1761 г. марта 27-го дѣйст. ст. сов. Алсуфьевъ, возвративъ въ коммиссію, по высочайшему повелѣнію, составленный ею проектъ уложенія, словесно объявилъ, что Е. И. В. всеавгустѣйшая государыня высочайше коммиссіи повелѣть соизволила во ономъ новосочиняемомъ уложеніи за подлежащія вины смертной казни не писать (№ 39). Новый трудъ коммиссіи, въ которомъ смертная казнь не должна была имѣть мѣста, до сихъ поръ не найденъ, есть даже основаніе думать, что ком-

миссія и не успѣла написать новое уложеніе безъ смертной казни. Хотя Елизавета Петровна и хотѣла отмѣнить смертную казнь, но такой отмѣны въ ея царствованіе не послѣдовало. Работы коммиссіи, сочинявшей уложеніе, начались съ 1754 года, но только въ 1761 г. ей было объявлено, чтобы она не писала смертной казни; до этого времени, значитъ, у государыни и не было еще опредѣленно сложившагося намѣренія отмѣнить смертную казнь. Этимъ и объясняется то, что коммиссія внесла это наказаніе въ свой трудъ. Напрасно, поэтому, искать отмѣны смертной казни въ указахъ 50-хъ годовъ. Съ какимъ намѣреніемъ данъ былъ указъ Сенату 1753 г., остается неяснымъ. Но что намѣренія вполнѣ отмѣнить смертную казнь тогда еще у императрицы не было, это слѣдуетъ заключить изъ того, что оно не было объявлено законодательной коммиссіи. Неприведеніе въ исполненіе приговоровъ къ смертной казни въ царствованіе Елизаветы Петровны есть слѣдствіе ея личнаго отвращенія къ этому наказанію, а не измѣненія въ нашихъ законахъ.

Вопросу о смертной казни Екатерина II посвятила въ своемъ Наказѣ нѣсколько статей. Но она, кажется, не успѣла придти къ опредѣленному его рѣшенію. Изъ однихъ статей наказа видно, что смертная казнь можетъ имѣть мѣсто въ важнѣйшихъ преступленіяхъ (убійствахъ); изъ другихъ же надо заключить, что Екатерина находила возможнымъ допустить смертную казнь только въ чрезвычайномъ положеніи общества, когда оно находилось въ анархическомъ состояніи и когда можно было опасаться, что преступникъ, заслуживающій высшую мѣру наказанія (вѣчное тюремное заключеніе), будетъ освобожденъ. Если-же государство находилось въ нормальномъ состояніи, то вовсе не было надобности въ смертной казни. На практикѣ вопросъ о смертной казни остался въ томъ-же положеніи, въ какомъ онъ былъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, т. е. суды приговариваютъ къ смертной казни, но эти приговоры не приводятся въ исполненіе, кромѣ, однако, чрезвычайныхъ случаевъ, какъ, напримѣръ, пугачевщина. Сенатъ, въ одномъ изъ указовъ 1775 года предписываетъ уничтожить всѣ орудія казни и снять съ висѣлицъ и предать погребенію всѣхъ казненныхъ по случаю пугачевскаго бунта, а въ будущемъ поступать по его указу отъ 1754 года. Въ манифестѣ 1787 г., изданномъ по случаю 25-лѣтія царствованія имп. Екатерины, вмѣстѣ съ разными другими милостями Екатерина предписываетъ всѣхъ осужденныхъ къ смертной казни не казнить, а сослать въ каторгу. Если-бы смертной казни не существовало, понятно, нечего было-бы и говорить о замѣнѣ смертной казни каторжными работами, какъ объ особой милости. Въ 1790 г. Радищевъ былъ преданъ суду и при-

говоренъ къ смертной казни за сочиненіе: „Путешествіе изъ С- Петербурга въ Москву“. Этотъ приговоръ поступилъ на разсмотрѣніе императрицы и она нашла, что, на основаніи существующихъ законовъ, Радищевъ вполнѣ заслужилъ смертную казнь,„ но, продолжаетъ она, соединяя правосудіе съ милосердіемъ, для величайшей радости, я назначаю ему вмѣсто смертной казни ссылку въ Сибирь съ заключеніемъ въ острогъ на 10 лѣтъ“. Изъ этого приговора ясно, что смертная казнь не была отмѣнена ни при Елизаветѣ Петровнѣ, ни при Екатеринѣ. Въ этомъ положеніи вопросъ оставался при Павлѣ и Александрѣ I. При имп. Николаѣ изданъ указъ, которымъ случаи примѣненія смертной казни были опредѣлены тѣснѣе, чѣмъ это было прежде (она должна примѣняться только въ преступленіяхъ противъ 1-хъ двухъ пунктовъ).

2) Тѣлесныя наказанія. Они были очень развиты въ Московскомъ государствѣ и употреблялись во множествѣ случаевъ. Подъ тѣлеснымъ наказаніемъ разумѣютъ не только причиненіе человѣку физической боли, но и тѣлесное поврежденіе. Поэтому они раздѣляются на 2 вида: 1) на тѣлесн. наказанія болѣзненныя и 2) членовредительныя.

Подъ членовредительн. наказаніями разумѣется отнятіе членовъ (носа, уха, руки). До Уложенія они были мало извѣстны и, по всей вѣроятности, занесены въ него подъ вліяніемъ греко-римскаго права. Такого рода наказанія особенно развиты въ Градскихъ законахъ и въ Литовскомъ статутѣ. Въ основѣ членовред. наказаній лежитъ мысль о воздаяніи равномѣрнаго зла за зло, причиненное преступленіемъ. Выколовшему глазъ нужно также выколоть глазъ и т. д. (око за око, зубъ за зубъ). 10-я статья, XXII гл. говоритъ: „а буде кто учинитъ надъ кѣмъ мучительное наругательство: отсѣчетъ руку или ногу, или носъ или ухо, или губы обрѣжетъ или глазъ выколетъ, и за такое его ругательство самому ему то-же учинити“. Среди членовредит. наказаній надо различать самостоятельныя и добавочныя. Самостоятельными были такія, которыя служили воздаяніемъ за совершенное преступленіе. Добавочныя же назначались при другихъ самостоят. наказаніяхъ. Напр., за первую кражу отрѣзывали лѣвое ухо, а за вторую правое; въ этомъ случаѣ самостоятельн. наказаніемъ былъ кнутъ и тюремное заключеніе, а отрѣзаніе уха имѣло добавочное значеніе, какъ примѣта, чтобы можно было узнать судимость человѣка. Если попадался въ кражѣ человѣкъ, у котораго обрѣзаны оба уха, то это служило признакомъ, что онъ былъ уже два раза обвиненъ. Членовредительныя наказанія удержаны и Воинскимъ уставомъ. Къ самостоятельн. членовред. наказаніямъ относится, напр., отсѣченіе руки тому солдату, который ранитъ своего хозяина, или хозяйку; къ добавочнымъ, на-

примѣръ, прожженіе языка раскаленнымъ желѣзомъ, за хуленіе имени божія, главное же наказаніе состояло въ смертной казни чрезъ отсѣченіе головы.

Болѣзненныя тѣлесныя наказанія были также очень развиты и въ Судебникахъ и въ Уложеніи и примѣнялись ко множеству преступленій. Въ Московскомъ государствѣ употреблялись: кнутъ, батоги и палки. Кнутъ составлялъ самый жестокій видъ наказаній этого рода; онъ употреблялся очень часто. Кнутъ оканчивался тремя ремнями и потому каждый ударъ заключалъ въ себѣ три удара. В. Уставъ ввелъ нѣкоторые новые виды, заимствованные изъ заграницы: шпицрутены (виновнаго проводятъ сквозь строй полка) и кошки для морскихъ солдатъ. Новый духъ въ наше законодательство по этому вопросу вноситъ Екатерина II своимъ наказомъ. Она рѣшительно осуждаетъ членовредительныя наказанія и находитъ возможнымъ удержать только болѣзненныя, значительно смягчивъ ихъ и сокративъ область примѣненія.

Но въ практикѣ нашей членовредительныя добавочныя наказанія удержались до импер. Александра I. Рваніе ноздрей было отмѣнено только при немъ. Указомъ 1817 г. воспрещено рванье ноздрей тѣмъ лицамъ, которыя ссылаются въ Сибирь на каторжныя работы, потому „что при нынѣшнемъ устройствѣ внутренней стражи, читаемъ въ указѣ, такая мѣра, установленная для пресѣченія осужденнымъ способовъ возвращаться изъ ссылки, болѣе не нужна.“

3) Лишеніе свободы. Съ лишеніемъ свободы встрѣчаемся во 1-хъ, въ видѣ изгнанія изъ страны, во 2-хъ, въ видѣ заключенія въ тюрьму и, наконецъ, въ 3-хъ, въ видѣ ссылки. Изгнаніе относится къ одному изъ весьма древнихъ видовъ. Оно называлось „выбитіемъ изъ земли“. „Выбить изъ земли“ значитъ выгнать преступника изъ предѣловъ княженія. Съ объединеніемъ Россіи, выбитіе изъ земли замѣняется ссылкою. Ссылка въ Московскомъ государствѣ встрѣчается въ видѣ поселенія въ украйныхъ южныхъ городахъ, а съ присоединеніемъ Сибири—въ Сибири. Ссылка имѣла значеніе колонизаціи страны. Ссылаемый поселялся, или какъ тогда говорилось, записывался въ чинъ, т. е. или въ казаки, или въ солдаты, или въ какой нибудь другой разрядъ лицъ. Тюремное заключеніе было вѣчное (по смерть) и на срокъ. Относительно самаго порядка тюремнаго заключенія надо замѣтить, что и теперь тюрьмы далеко не совершенно устроены, а въ то время онѣ отличались крайнимъ несовершенствомъ. Преступники заключались безъ раздѣленія по полу, возрасту и по роду преступленій. Содержаніе ихъ было крайне плохо обезпечено. Обыкновенно, заключенные по очереди, въ количествѣ двухъ-трехъ человѣкъ, ходили въ кандалахъ по улицамъ въ сопровожденіи сто-

рожа, и собирали пропитаніе христовымъ именемъ. Заключенные посылались въ кандалахъ на государевы работы.

Екатерина II разсматриваетъ вѣчное заключеніе какъ наказаніе, гораздо болѣе устрашающее воображеніе, чѣмъ смертная казнь. Въ нормальномъ состояніи государства вѣчное заключеніе, по ея мнѣнію, совершенно достигаетъ цѣли наказанія злодѣевъ—„сдѣлать ихъ безвредными", а потому и можетъ замѣнить смертную казнь. Она совѣтуетъ коммиссіи устроить особыя тюрьмы для содержащихся подъ стражею во время суда и слѣдствія и для приговоренныхъ къ тюремному наказанію.

4) Лишеніе чести. Къ лишенію чести относятся наказанія или просто устыдительныя, или позорящія или, наконецъ, такія, съ которыми соединяется лишеніе гражданскихъ или политическихъ правъ. Къ просто устыдительнымъ относятся болѣе легкія формы; къ позорящимъ болѣе чувствительныя посрамленія.

Наказанія, относящіяся къ лишенію чести, въ Московскомъ государствѣ были мало развиты, съ Петра В. ихъ появляется больше. Къ устыдительнымъ въ Москвѣ можно причислить выдачу головой, которая примѣнялась въ мѣстническихъ спорахъ. Къ позорящимъ надо отнести торговую казнь, состоявшую въ томъ, что наказуемаго возили по площадямъ и улицамъ и били кнутомъ въ присутствіи всенароднаго множества. Лишеніе правъ въ Моск. госуд. вовсе не было извѣстно. Бояре и окольничіе лишались своихъ чиновъ, но правъ вообще никто не лишался. Наказанный кнутомъ и тюремнымъ заключеніемъ, по отбытіи срока заключенія, водворялся въ прежній свой чинъ, или, въ случаѣ ссылки, записывался въ новый, въ новомъ мѣстѣ жительства. Ссылка была тоже водвореніемъ въ чинъ, но на новомъ мѣстѣ. Въ указахъ нерѣдко писалось „наказать кнутомъ, да записать въ казаки", или „послѣ наказанія отдать въ чинъ, въ какой пригоже".

Воинскій уставъ весьма развиваетъ устыдительныя и позорящія наказанія. Для оскорбленій словомъ онъ вводитъ публичное испрошеніе прощенія, причемъ оскорбитель долженъ былъ стоять на колѣняхъ. За нанесеніе пощечины виновному долженъ былъ нанести палачъ пощечину въ присутствіи всей роты. Петръ Великій вводитъ къ намъ и лишеніе правъ. Оно называлось шельмованіемъ и состояло въ томъ, что осужденный приводился на мѣсто казни и ставился подъ висѣлицей; надъ его головой ломалась шпага и онъ объявлялся шельмомъ; иногда, сверхъ того, имя его прибивалось къ висѣлицѣ. Такой человѣкъ объявлялся состоящимъ внѣ закона и лишался его охраны. Всякій могъ сдѣлать съ нимъ, что угодно, не могъ только убить. „Онъ извергается изъ числа добрыхъ людей, говоритъ В. У., и ни въ какое дѣло, ниже свидѣтельство, не принимается". Изъ этого наказанія при им. Елизаветѣ возникло наказаніе политической смертью. Въ ея

царствованіе былъ возбужденъ вопросъ о томъ, въ чемъ состоитъ, по нашимъ законамъ, политическая смерть и за какія преступленія она назначается. По докладу Сената было опредѣлено, что подъ политической смертью должно разумѣть положеніе головы преступника на плаху или подведеніе его подъ висѣлицу и затѣмъ вѣчную ссылку съ наказаніемъ кнутомъ, рваніемъ ноздрей, или безъ онаго.

5) Денежныя взысканія и конфискація имуществъ. Наказанія этого рода не имѣютъ уже того исключительнаго значенія, какимъ они пользовались въ первомъ періодѣ; но и въ Московскомъ государствѣ они играютъ еще весьма замѣтную роль. Конфискація имуществъ есть обыкновенное наказаніе въ преступленіяхъ противъ царскаго величества, гдѣ они постоянно сопровождаютъ смертную казнь. Кромѣ того, она назначалась за неправыя мѣстническія челобитья и за преступленія противъ порядка службы. Пени и мелкіе денежные штрафы были очень употребительны какъ плата за безчестіе и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ.

Въ Воинскомъ уставѣ встрѣчаемъ денежн. наказанія съ тѣмъ же характеромъ. Конфискація всего имущества имѣла мѣсто при великихъ госуд. дѣлахъ, которыя влекли за собою смертную казнь. При болѣе легкихъ преступленіяхъ взимались штрафы, которые доходили иногда до $^1/_3$ имущества виновнаго.

Екатерина II первая высказывается противъ конфискаціи всего имущества, на томъ основаніи, что при этомъ терпятъ и непричастныя къ винѣ жена и дѣти преступника. Она находитъ возможнымъ ограничиться конфискаціей одного благопріобрѣтеннаго имущества.

Въ жалованной грамотѣ дворянамъ встрѣчаемъ постановленіе, осуществляющее эту мысль, выраженную въ Наказѣ. По грамотѣ наслѣдственныя имущества благородныхъ лицъ, даже въ случаѣ осужденія ихъ за важнѣйшія преступленія, идутъ къ ихъ наслѣдникамъ. Имп. Александръ I распространилъ это постановленіе и на всѣ другія сословія. Въ 1826 году императоръ Николай I возстановилъ конфискацію въ полномъ ея объемѣ для юго-западныхъ помѣщиковъ, обвиненныхъ въ бунтѣ; но въ 1845 г. конфискація имущества была снова и совершенно отмѣнена.

Кромѣ перечисленныхъ общихъ наказаній, В. Уставъ знаетъ еще спеціальныя, которыя примѣнялись исключительно къ солдатамъ; такъ, напр. солдаты приговаривались къ сидѣнію въ теченіи извѣстнаго времени на деревянной лошади, или къ хожденію по деревяннымъ кольямъ и проч.

Въ Московскомъ государствѣ встрѣчаемся иногда съ прибавкой къ свѣтскимъ наказаніямъ нѣкоторой церковной кары. Сюда относятся: публичное покаяніе въ церкви, отлученіе отъ церкви и пр.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Виды преступленій.

I. Государственныя преступленія.

Во второмъ періодѣ по мѣрѣ того, какъ крѣпнетъ государство и власть сосредоточивается въ рукахъ московскихъ государей, виды государственныхъ преступленій весьма развиваются. Первое мѣсто между ними занимаютъ преступленія, направленныя противъ главы и цѣлости государства. Практика идетъ здѣсь впереди законодательства. Опредѣленіи Судебниковъ далеко не выражаютъ современной имъ дѣйствительности. Въ Судебникахъ государственныя преступленія ни по мѣсту, ни по существу не обособлены еще отъ другихъ преступленій. Одна и та же статья говоритъ о вѣдомыхъ лихихъ людяхъ: поджигателяхъ, подметчикахъ, церковныхъ татяхъ, о государскомъ убойцѣ и о крамольникѣ; второй Судебникъ прибавляетъ еще градскаго сдавца. Изъ этихъ преступниковъ только коромольникъ (мятежникъ и измѣнникъ) и градскій сдавецъ суть государственные преступники. Государскій убойца есть убійца всякаго господина (государь-господину, т. е. хозяину). Коромола же могла имѣть мѣсто и по отношенію къ частному человѣку (измѣна повѣреннаго своему довѣрителю), и если этотъ коромольникъ оказывался вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ, то также казнился смертью.

Уложеніе дѣлаетъ въ этомъ отношеніи большой шагъ впередъ. Оно выдѣляетъ всѣ государственныя преступленія въ особенную главу (вторую) и говоритъ: во 1-хъ, о преступленіяхъ противъ жизни государя, во 2-хъ, о преступленіяхъ, имѣющихъ цѣлью свергнуть государя съ престола, и въ 3-хъ, о преступленіяхъ, направленныхъ противъ цѣлости государства. Но и этимъ далеко не исчерпана практика того времени. Уложеніе не говоритъ, напр., объ оскорбленіи государя словомъ, о порицаніи его дѣйствій и пр. Изъ этого умолчанія никакъ не слѣдуетъ заключать, что подобные факты не влекли за собою наказанія. Практика доказываетъ противное, они наказывались и весьма строго. Преступленіямъ, направленнымъ противъ государя и цѣлости государства, усвоивалось наименованіе великихъ государевыхъ дѣлъ; законодательство, въ виду важности ихъ, относилось къ нимъ съ особенною строгостью. Въ этихъ преступленіяхъ, какъ мы уже знаемъ, умыселъ не отличался отъ покушенія и совершенія, и не дѣлалось никакого различія по степени участія: главные виновники и недонесшіе только наказывались совершенно одинаково. Въ особую главу (третью) Уложеніе выдѣляетъ преступленія, имѣющія своимъ пред-

метомъ оскорбленіе чести государева двора. Къ этому роду преступленій относилось нанесеніе безчестія кому нибудь на государевомъ дворѣ словомъ или дѣйствіемъ, нанесеніе ранъ и пр. Преступленія, совершаемыя на государевомъ дворѣ, оскорбляли честь государева двора и влекли за собою болѣе тяжкія послѣдствія, хотя и не всѣ (кража наказывалась даже легче).

За преступленіями противъ царскаго величества, цѣлости государства и чести государева двора идетъ длинный рядъ преступленій, направленныхъ противъ различныхъ правъ государства. Четвертая глава говоритъ о поддѣлывателяхъ государственныхъ актовъ и печатей, пятая—о нарушеніи финансовыхъ правъ государства денежными мастерами, которые будутъ лить оловянныя деньги, или подбавлять свинецъ въ серебряныя деньги; глава VII, посвященная службѣ ратныхъ людей, говоритъ о преступленіяхъ противъ порядка службы и т. д. Для огражденія судебныхъ правъ государства существовало особое судейское безчестіе, которое налагалось въ случаѣ нанесенія кому-либо безчестія на судѣ. Кромѣ платы безчестія оскорбленному, виновный за судейское безчестіе заключался въ тюрьму на недѣлю (X, 105). За сопротивленіе властямъ виновный наказывался батогами, а иногда и кнутомъ.

Еще болѣе широкое развитіе получаютъ государственныя преступленія въ Воинскомъ Уставѣ. Въ артикулѣ 2-мъ читаемъ: „кто противъ Его Величества особы хулительными словами погрѣшитъ, Его дѣйство и намѣреніе презирать и непристойнымъ образомъ о томъ разсуждать будетъ, имѣетъ живота лишонъ быть и отсѣченіемъ главы казненъ“. Въ этой статьѣ понятіе преступленія противъ величества получило возможно широкое опредѣленіе: всякое неодобреніе дѣйствій государя сдѣлалось преступленіемъ противъ царскаго величества. Московская практика получила свое завершеніе въ Воинскомъ Уставѣ Петра Великаго.

Это широкое пониманіе преступленій величества при обязанности доносить о нихъ подъ страхомъ смертной казни повело къ крайнему развитію доносовъ и обремененію императора: каждый хотѣлъ донести ему лично. Для обузданія ревностныхъ доносчиковъ Петру Великому пришлось въ цѣломъ рядѣ указовъ опредѣлить порядокъ доносовъ. Только по первымъ двумъ пунктамъ дозволялось подавать доносы караульному у дома его царскаго величества офицеру, который долженъ былъ представлять доносчика самому государю. Подъ первыми-же двумя пунктами разумѣютъ два первыхъ пункта указа 1713 г.: 1) ежели кто за кѣмъ знаетъ умышленіе на его государево здоровье; 2) о бунтѣ и измѣнѣ. По всѣмъ остальнымъ преступленіямъ величества надо было доносить по командѣ. (П. С. З. № 2756, 3143, 3261, п. 7.).

На практикѣ 20-й артикулъ Воинскаго Устава давалъ возмож-

ность всякое выраженіе неудовольствія подвести подъ понятіе преступленія величества. Въ примѣръ можно указать на обвиненіе въ оскорбленіи величества нѣкоего Столѣтова, служилаго человѣка младшаго разряда. Въ царствованіе Екатерины I Столѣтовъ состоялъ при дворѣ Елизаветы Петровны. По восшествіи на престолъ Анны Іоанновны онъ былъ сосланъ въ Сибирь, какъ сторонникъ кн. Долгорукихъ, принимавшихъ участіе въ составленіи пунктовъ. Преданіе суду Столѣтова состоялось въ царствованіе Анны по доносу изъ Сибири. Его нашли виновнымъ въ государственныхъ преступленіяхъ на основаніи его собственныхъ признаній, сдѣланныхъ съ пытки. Показанія его обнаружили, что, находясь въ ссылкѣ, онъ питалъ надежду, что положеніе его улучшится, если на престолъ вступитъ Елизавета Петровна. Онъ сознался далѣе въ томъ, что, подавая милостыню бѣднымъ, говаривалъ: „молись за царевну Елизавету"; на пыткѣже Столѣтовъ сознался, что во время ссылки роналъ на императрицу за скудное содержаніе и, наконецъ, не рѣдко думалъ о томъ обстоятельствѣ, что Анна Іоанновна, вступивъ на престолъ, сократила содержаніе Елизаветы Петровны, между тѣмъ, какъ, будучи еще въ Курляндіи, она подписывалась въ письмахъ къ ней: „вѣрная сестра ваша". Припоминая эту подпись, Столѣтовъ мыслилъ: „вѣрная сестра ваша, а опредѣленныхъ государемъ 30000 р. не изволитъ жаловать!". На основаніи этихъ признаній въ обвинительномъ приговорѣ сказано, что Столѣтовъ „великіе, измѣннические, злодѣйскіе замыслы въ мысляхъ содержалъ и нѣкоторыя скрытныя рѣчи дерзнулъ другимъ произносить и грозить, также и въ прочихъ преступленіяхъ явился, какъ о томъ по дѣлу явно, въ чемъ самъ онъ съ пытки винился, того ради, по указу Ея Величества, по силѣ государственныхъ правъ, велѣно онаго Столѣтова казнить смертью, отсѣчь голову". Исторія XVIII вѣка полна подобнаго рода процессами.

На неудобства такого широкаго опредѣленія преступленій величества указываетъ Екатерина II. Въ своемъ Наказѣ она говоритъ: если оскорбленіе величества описано въ законахъ словами неопредѣленными, то изъ этого можетъ возникнуть довольно разныхъ злоупотребленій. Она поясняетъ свою мысль примѣромъ изъ Китая. Въ Китаѣ, кто окажетъ неуваженіе къ императору, повиненъ смерти. Два издателя придворной газеты описали невѣрно какое-то происшествіе. Судъ подвелъ это подъ понятіе неуваженія къ императору и приговорилъ ихъ къ смертной казни. Для избѣжанія подобныхъ злоупотребленій, Екатерина даетъ въ руководство коммиссіи нѣсколько руководящихъ мыслей. Государственнымъ преступленіемъ, по ея мнѣнію, надо считать преступленія, направленныя противъ жизни и безопасности государя и измѣну государству (498). Неодобреніе дѣйствій государя, порицаніе его

распоряженій не должны составлять преступленія противъ величества; для признанія кого-либо виновнымъ въ преступленіи нужна наличность дѣянія (477). Слова сами по себѣ не составляютъ преступленія. Они могутъ быть преслѣдуемы только, когда переходятъ въ дѣло, когда возбуждаютъ къ возстанію (480 и сл.). Въ первой-же редакціи Наказа въ руководство коммиссіи было приведено слѣдующее мѣсто изъ письма римскихъ императоровъ Ѳеодосія, Аркадія и Гонорія къ префекту Руфину о порицаніи дѣйствій императоровъ: «мы не желаемъ наказывать того, кто дурно отзывается о насъ или о нашемъ правительствѣ: если кто злословитъ по легкомыслію, слѣдуетъ имъ пренебречь; если онъ говоритъ по глупости, надо о немъ пожалѣть; если онъ желалъ нанести оскорбленіе, должно его простить». Изъ этого мѣста видно, что первоначально императрица Екатерина имѣла въ виду оставить безъ послѣдствій всякаго рода порицанія ея дѣйствій. Но она сообщила свой письменный Наказъ с.-петербургскому митрополиту Гавріилу, псковскому епископу Иннокентію и архимандриту Платону, который впослѣдствіи былъ московскимъ митрополитомъ. На нѣкоторыя статьи Наказа эти лица сдѣлали замѣчанія, по этому-же пункту высказали такое мнѣніе: „безопасность особы государя соединяется съ безопасностью всего государства и потому малѣйшее противъ сего недоразумѣніе не должно быть оставлено безъ изслѣдованія и потому эта рѣчь требуетъ подробнѣйшаго изъясненія“. Вслѣдствіе этихъ замѣчаній, указанное мѣсто было выпущено въ печатномъ Наказѣ и императрица нѣсколько измѣнила свою первоначальную мысль. Порицанія дѣйствій государя она отнесла къ наказуемымъ, но не въ той мѣрѣ, какъ наказываются преступленія государственныя, а гораздо легче. Они должны были подлежать исправительнымъ наказаніямъ (481).—Въ 1762 году Екатерина обнародовала указъ о политическихъ доносчикахъ. Этотъ указъ былъ изданъ раньше Наказа и указываетъ на то, что мысли Наказа занимали Екатерину при самомъ вступленіи ея на престолъ. Понятно, почему она прежде всего остановилась на политическихъ доносчикахъ,—этой язвѣ XVIII в. Екатерина воспретила употреблять выраженіе: „слово и дѣло“. Обязанности доносить о политическихъ преступникахъ она не отмѣнила, но приняла нѣкоторыя мѣры для огражденія тѣхъ лицъ, противъ которыхъ дѣлается доносъ. Мѣры эти состояли въ слѣдующемъ. Если доноситель скажетъ, что такое-то лицо виновно противъ первыхъ двухъ пунктовъ, то его должно спросить, знаетъ-ли онъ, что такое преступленіе противъ первыхъ двухъ пунктовъ? Если окажется, что онъ не можетъ дать яснаго и точнаго отвѣта на этотъ вопросъ, доносъ остается безъ всякихъ послѣдствій. Если-же доноситель знаетъ, въ чемъ состоятъ преступленія противъ первыхъ двухъ пунктовъ, то его должно было спро-

сить, имѣетъ-ли онъ какія-нибудь доказательства. Если окажется, что доказательствъ у него нѣтъ, то его слѣдовало посадить подъ крѣпкій караулъ на два дня и не давать ни питья, ни пищи, „оставивъ ему все сіе время на размышленіе“. Если и послѣ этого испытанія доноситель подтвердитъ свое прежнее показаніе, тогда предписывалось отослать его въ губернскую канцелярію, или въ Сенатъ, если дѣло происходило недалеко отъ мѣста пребыванія Сената. Если эти высшія учрежденія убѣдятся въ основательности доноса, то они могутъ арестовать то лицо, противъ котораго сдѣланъ доносъ и начать слѣдствіе. „Вышеизложенные пункты, говорится въ заключеніи, гласятъ наипаче о подлыхъ людяхъ. Совсѣмъ не чаемъ мы, чтобы благородные дворяне, или офицеры, или кто-либо изъ знатнаго купечества нашлись когда-либо въ толь-мерзкихъ передъ Богомъ и предъ свѣтомъ преступленіяхъ, каковы суть преступленія противъ первыхъ двухъ пунктовъ“. Не смотря на это, Екатерина нашла нужнымъ установить особый порядокъ и для взятія къ суду дворянъ, офицеровъ и знатнаго купечества по доносамъ, не подкрѣпленнымъ никакими доказательствами. Они могли быть взяты только по указу Сената, а потому доносители, обвинявшіе ихъ въ государственныхъ преступленіяхъ, должны быть препровождаемы всегда въ Сенатъ. Для XVIII вѣка и это было успѣхомъ.

II. Преступленія противъ отдѣльныхъ лицъ.

1) Преступленія противъ жизни вели за собою смертную казнь; нѣтъ указаній на то, чтобы убійство женщины наказывалось легче. Уложеніе говоритъ объ убійствахъ въ предѣлахъ семьи. 1) Объ убійствѣ восходящихъ родственниковъ: отца и матери, и объ убійствѣ нисходящихъ: сына или дочери. Особенность Уложенія состоитъ въ томъ, что эти преступленія вели къ очень различнымъ послѣдствіямъ. Если сынъ убивалъ отца или мать, онъ подвергался смертной казни „безъ всякія пощады“; если-же отецъ убивалъ сына, то онъ подвергался только тюремному заключенію на годъ и публичному покаянію въ церкви. Въ Градскихъ законахъ какъ за то, такъ и за другое преступленіе налагалось одинаковое наказаніе, смертная казнь. Ясный знакъ, что крайнее развитіе отеческой власти въ древней Россіи нельзя приписывать исключительно вліянію Византіи. 2) Объ убійствѣ мужа женою; это убійство разсматривалось, какъ особенно тяжкое преступленіе; наказывалось оно закапываніемъ виновной живою въ землю по грудь. Объ убійствѣ-же жены мужемъ Уложеніе умалчиваетъ. Это не значитъ, что оно не наказывалось. Изъ другихъ памятниковъ мы знаемъ, что оно наказывалось, но не только легче, чѣмъ убійство мужа женою, но легче, чѣмъ даже обыкновенное

убійство. Въ 1664 году мужъ убилъ свою жену за то, что она „воровала блудно“, онъ былъ за это подвергнутъ только наказанію кнутомъ; въ 1674 году мужъ убилъ жену за то, что она утаила два аршина сукна, ему отсѣкли лѣвую руку и правую ногу,—жестокое наказаніе, но всетаки не смертная казнь и притомъ было прибавлено: „за то, что убилъ жену не за великое дѣло“. Отсюда слѣдуетъ, что въ Москвѣ допускали даже мысль, что за большую вину мужъ можетъ убить жену. Въ Воинскомъ Уставѣ встрѣчаемъ нѣкоторыя и весьма существенныя новости относительно преступленій, направленныхъ противъ жизни. Онъ говоритъ объ убійствѣ жены и измѣняетъ къ лучшему постановленіе Уложенія объ убійствѣ нисходящихъ. Если убійство жены и дѣтей было умышленное, виновный подвергается отвѣтственности, какъ за обыкновенное убійство. Если-же оно было неосторожное и произошло при наказаніи жены и дѣтей, виновный долженъ быть наказанъ легче. Самое наказаніе не опредѣлено. Дальнѣйшій шагъ впередъ дѣлаетъ законодательство императора Николая, по которому убійство жены и дѣтей въ запальчивости и раздраженіи наказывается одною степенью строже, чѣмъ убійство посторонняго лица, совершенное при тѣхъ-же условіяхъ.

Въ дѣлахъ объ убійствахъ Петръ дѣлаетъ необходимымъ медицинское освидѣтельствованіе для опредѣленія причины смерти.

По примѣру западныхъ законодательствъ Воинскій Уставъ причисляетъ къ убійствамъ и самоубійства и убійства на дуэляхъ. По всей вѣроятности, до времени Петра по отношенію къ самоубійцамъ дѣйствовали каноническія постановленія, по которымъ покусившіеся на самоубійство разсматривались, какъ грѣшники, и подвергались временному отлученію отъ церкви для покаянія, а самоубійцы лишались христіанскаго погребенія: ихъ погребали безъ отпѣванія и внѣ кладбища. Петръ вноситъ постановленія о самоубійцахъ въ свѣтское законодательство. Образцомъ ему служило германское и римское право. Въ германскомъ правѣ самоубійцы, лишившіе себя жизни въ полной памяти, подвергались позорному чрезъ палача погребенію; если-же они были въ болѣзненномъ состояніи, то удостоивались тихаго погребенія, но не на кладбищѣ. По римскому праву солдатъ, безуспѣшно покусившійся на свою жизнь, разсматривался какъ трусъ, недостойный званія воина, а потому изгонялся съ позоромъ изъ службы; если-же оказывалось, что онъ сдѣлалъ покушеніе, чтобы освободиться отъ тягостей военной службы, онъ подлежалъ смертной казни. Петръ Великій внесъ въ Воинскій Уставъ постановленія какъ римскаго, такъ и германскаго права. Постановленія Воинскаго Устава слѣдующія: самоубійцы, если они покончили съ собой въ полномъ разсудкѣ, подвергались позор-

ному погребенію чрезъ палача, который тащилъ ихъ тѣло по улицамъ и бросалъ его въ нечистое мѣсто; если-же они убили себя по болѣзни, то тихо погребались не на безчестномъ мѣстѣ, но безъ соблюденія церковныхъ обрядовъ. Если-же солдатъ покусился себя убить отъ мученія, досады или въ безпамятствѣ, то оный, по мнѣнію учителей права, съ „безчестіемъ отъ полка гонимъ быть имѣетъ"; если-же онъ покусился на жизнь по какимъ-либо другимъ причинамъ, то наказывался смертью.

Въ Воинскомъ Уставѣ впервые встрѣчаемся и съ постановленіями о поединкахъ. Въ древней Россіи не было въ обычаѣ поединковъ, къ которымъ обращаются для удовлетворенія оскорбленной чести. Поединокъ чести есть правильный бой смертоноснымъ оружіемъ, напередъ условленнымъ, между двумя лицами, въ видахъ достиженія удовлетворенія за оскорбленную честь. Историческія основы его очень глубоки: онъ выросъ на той-же почвѣ, на которой выросли суды Божіи и судебные поединки. Какъ спеціальное средство возстановленія чести оскорбленнаго, поединокъ въ той формѣ, въ которой онъ дошелъ и до нашего времени, развился во Франціи. Изъ Франціи онъ перешелъ въ другія страны и, между прочимъ, въ Германію. До половины XVII вѣка въ нѣмецкомъ законодательствѣ поединки не были запрещены. Послѣ Тридцатилѣтней войны поединки въ Германіи получили крайне широкое примѣненіе, что и побудило правительства принять противъ нихъ мѣры. Нѣмецкое законодательство чрезвычайно строго отнеслось къ поединкамъ; оно преслѣдовало не только тѣхъ, которые выходили на дуэль, но и секундантовъ, которые присутствовали на дуэляхъ для наблюденія за ихъ правильностью. Если поединокъ оканчивался смертью, то какъ участвовавшіе въ бою, такъ и ихъ секунданты, наказывались какъ убійцы въ запальчивости. Убитые лишались христіанскаго погребенія. Этими мѣрами строгости хотѣли противодѣйствовать укоренившемуся въ правахъ обычаю. Эти постановленія Петръ Великій перенесъ и къ намъ, еще увеличивъ ихъ строгость. По Воинскому Уставу вызовъ на поединокъ велъ къ лишенію чиновъ, достоинства и конфискаціи имущества отъ $^1/_{10}$ до $^1/_3$. Если дуэль состоялась, хотя-бы она и не имѣла въ результатѣ чьей-либо смерти или ранъ, лица, принимавшія въ ней участіе, и ихъ секунданты казнились смертію. Убитые на дуэли вѣшались за ноги.

Эти постановленія дѣйствовали почти до конца XVIII вѣка.

Въ 1787 г. Екатерина II издала указъ о поединкахъ, которымъ въ значительной мѣрѣ была смягчена строгость петровскихъ постановленій. По екатерининскому указу сдѣлавшій вызовъ отвѣчалъ предъ судомъ и приговаривался къ штрафу. Если-же поединокъ состоялся и окончился нанесеніемъ ранъ,

увѣчьемъ или смертью, то виновный наказывался, какъ за обыкновенное причиненіе ранъ, увѣчья, смерти. Крупное различіе съ петровскими постановленіями заключается въ томъ, что по екатерининскому указу наказаніе условливается дѣйствительнымъ причиненіемъ ранъ, увѣчья или смерти, а не однимъ только фактомъ дуэли, какъ по Воинскому Уставу.

2) Преступленія, направленныя противъ тѣлесной неприкосновенности. Къ этому виду относятся двѣ группы преступленій: увѣчья и побои, рукой, палкой или вообще тупымъ орудіемъ. За увѣчья Уложеніе угрожаетъ виновному подобными-же увѣчьями; за побои назначается жестокая торговая казнь, тюремное заключеніе, а, кромѣ того, виновный платилъ безчестье.

3) Имущественныя преступленія. Уложеніе говоритъ о воровствѣ, татьбѣ, кражѣ, мошенничествѣ, грабежѣ, разбоѣ, поджогѣ, порчѣ межи, насильномъ завладѣніи недвижимостями и поврежденіи чужой собственности.

Термины «воровство и воръ» не имѣютъ спеціальнаго отношенія къ преступленіямъ противъ имущества: подъ воровствомъ разумѣется преступленіе вообще, подъ воромъ—всякій преступникъ.

Подъ татьбой и кражей (X. 222) Уложеніе разумѣетъ тайное похищеніе чужаго имущества.

Цѣна похищеннаго, какъ и въ древнѣйшемъ нашемъ правѣ, не имѣетъ значенія при оцѣнкѣ послѣдствій татьбы.

Уложеніе знаетъ: 1) обыкновенную татьбу, за которую полагается (за первую) потеря лѣваго уха, кнутъ, тюремное заключеніе на два года, а затѣмъ ссылка въ украйные города, въ какой чинъ пригодится (XXI, 9). 2) Квалифицированную, за которую налагается болѣе тяжкое наказаніе, и, наконецъ, 3) Нѣсколько такихъ видовъ татьбы, которые или вовсе не наказываются, или наказываются легче, чѣмъ обыкновенные.

Къ квалифицированной татьбѣ относится церковная кража, за которую полагается смертная казнь (XXI, 14), и кража лошади на службѣ, которая карается отсѣченіемъ руки (VII, 19). Послѣднее постановленіе буквально взято изъ Градскихъ законовъ (XXXIX, 53).

Къ не наказуемой татьбѣ относится кража изъ сада яблокъ и деревьевъ; эти дѣйствія ведутъ только къ вознагражденію убытковъ (X, 221).

Къ кражамъ, наказуемымъ легче, относятся: 1) кража во дворѣ царскаго величества (III, 9); 2) кража овощей изъ огорода (X, 222); 3) кража съ поля хлѣба или сѣна (XXI, 89) и 4) рыбы изъ пруда или садка (XXI, 90). Первая и третья кража ведутъ къ наказанію кнутомъ, четвертая — батогами, о второй сказано: „за кражу учинити наказаніе, смотря по дѣлу“.

Было высказано мнѣніе, что грабежъ по Уложенію является, въ противоположность кражѣ, явнымъ, но не насильственнымъ захватомъ чужаго имущества; разбой же есть нападеніе на лицо съ цѣлью захвата имущества. Это мнѣніе едва-ли можно принять. Въ Уложеніи есть нѣсколько статей, изъ которыхъ видно, что насиліе есть признакъ не одного только разбоя, но и грабежа. Уложеніе говоритъ: „пограбить насильствомъ“ (X, 222, XXII, 5). Въ ст. 30-й главы VII читаемъ: „а будетъ кто ратные люди, ѣдучи на государеву службу, учнутъ ставитися по селомъ для воровства, и станутъ грабити и учинятъ смертное убойство или женскому полу насильство, или въ гумнахъ хлѣбъ потравятъ, или изъ прудовъ насильствомъ рыбу выловятъ, или иное какое насильство кому сдѣлаютъ.... и тѣхъ за смертное убойство и за насильство женскому полу казнити смертію; а за иное за всякое насильство и за грабежъ чинити наказаніе, смотря по винѣ“. Насиліе надъ лицомъ сопутствуетъ здѣсь грабежу: „станутъ грабить и учинятъ смертное убойство“. Тоже слѣдуетъ и изъ 32 ст. той же главы: „а будетъ кто служилый человѣкъ, ѣдучи на государеву службу, пріѣдетъ къ кому на станъ по не дружбѣ нарочнымъ дѣломъ для задору, и въ томъ межъ ними учинится брань и бой, и на бою томъ тотъ, который пріѣдетъ на чужой станъ насильствомъ, кого убьетъ, или ранитъ, или пограбитъ....“. Грабежъ, точно также какъ убійство и раны, является здѣсь слѣдствіемъ насильственнаго пріѣзда. Но это насиліе не непремѣнно должно выразиться въ бою или причиненіи ранъ. Наѣздъ превозмогающей силы можетъ парализовать всякое сопротивленіе—бою не будетъ, но будетъ грабежъ въ смыслѣ похищенія чужаго имущества подъ угрозой насилія. Въ этомъ смыслѣ надо понимать и 136 ст. X-й главы, которая даетъ возможность отдѣльно доказывать бой и грабежъ *).

То-же значеніе насилія имѣетъ грабежъ и въ Псковской Судной грамотѣ, гдѣ читаемъ: „а истецъ, пріѣхавъ съ приставомъ, и возьметъ что за свой долгъ силою, не оутяжетъ своего истца, ино быти ему оу грабежу.... (67)“.

Какая же разница между грабежомъ и разбоемъ?

Глава XXI „о разбойныхъ и татебныхъ дѣлахъ“ начинается такъ: „которые разбойники разбиваютъ и людей побиваютъ и

---

*) „А будетъ кто на комъ учнетъ искати бою и грабежу и отвѣтчикъ въ бою не запрется, а про грабежъ скажетъ что не грабилъ, и на немъ велѣти истцу за увѣчье и за безчестіе доправити противъ окладу вдвое, а въ пенѣ его, что государь укажетъ. А въ грабежѣ указъ имъ учинити по судному дѣлу, до чего доведется. А будетъ тотъ отвѣтчикъ въ грабежѣ не запрется, а про бой во отвѣтѣ скажетъ что онъ не бивалъ, и на немъ велѣть грабежъ доправити противъ псковой челобитной и отдати истцу. А въ пенѣ тому отвѣтчику что государь укажетъ. А въ бою указъ учинити по суду же, до чего доведется.“

тати крадутъ... и такіе разбойныя и убійственныя дѣла и татебныя дѣла вѣдать въ Разбойномъ приказѣ". Разбой совершаютъ разбойники, т. е. люди, для которыхъ насильственное отнятіе чужой собственности составляетъ родъ жизни. Крайнее развитіе разбоевъ въ Московскомъ государствѣ и заставило обособить разбой, какъ особый видъ насильственнаго отнятія имущества, крайне опасный для общественнаго спокойствія. Всякое другое насильственное отнятіе имущества, совершенное не разбойниками, есть грабежъ. Уложеніе говоритъ, напримѣръ, о грабежѣ служилыхъ людей „наряднымъ дѣломъ для задору", о грабежѣ родителей дѣтьми,—это не промыселъ.

Въ разбоѣ, какъ и въ грабежѣ, есть угроза насилія и самое насиліе, но для наказуемости разбоя важно не насиліе, а то, что разбой есть промыселъ. Въ памятникахъ, предшествовавшихъ Уложенію, эта точка зрѣнія выступаетъ еще съ большею силою. Судебники не различаютъ татей и разбойниковъ, если это вѣдомые лихіе люди, т. е. сдѣлавшіе промыселъ изъ татьбы и грабежа. Въ Судебникѣ 1497 г. читаемъ: „а доведутъ на кого татьбу, или разбой, или душегубство...., и будетъ вѣдомой лихой, и боярину того велѣти казнити смертною казнію"(8). Этой статьѣ совершенно соотвѣтствуютъ 59-я и 60-я Судебника 1550 г. Московское государство стремится искоренить вѣдомыхъ лихихъ людей, которые живутъ на счетъ чужаго благосостоянія, а какъ они его похищаютъ тайно (кража) или явно съ насиліемъ (разбой), это безразлично. Воры, но не вѣдомые лихіе люди, наказываются легче; по обоимъ Судебникамъ, за первую кражу они подлежатъ торговой казни (I-й Суд. ст. 10; II-й ст. 55).

Отъ этого первоначальнаго безразличія татьбы и разбоя лихихъ людей, Уложеніе дѣлаетъ отступленіе. Хотя оно и соединяетъ въ одной главѣ татьбу и разбой, но караетъ разбой строже татьбы. Первый разбой ведетъ къ потерѣ праваго уха, наказанію кнутомъ (XXI, 16 не говоритъ о кнутѣ, это, конечно, описка) и трехлѣтнему тюремному заключенію, за которымъ слѣдуетъ ссылка въ украйные города; второй разбой карается смертною казнью (татьба же только третья ведетъ къ смертной казни).

Грабежъ наказывается Уложеніемъ легче татьбы. Дѣти, пограбившіе насильствомъ животы родителей, наказываются кнутомъ не щадно, но тюрьмѣ, ссылкѣ и потерѣ уха не подлежатъ (XXII, 5). Наказаніе служилымъ людямъ за грабежъ полагается, смотря по винѣ (VII, 30, 32); подъ этимъ совершенно неопредѣленнымъ наказаніемъ надо разумѣть кнутъ и слѣдующія за нимъ болѣе легкія кары. По 136 ст. X-й главы грабежъ, сверхъ вознагражденія убытковъ, карается только пенею, что государь укажетъ. Эта статья перешла въ Уло-

женіе изъ Судебника 1550 г., который также караетъ грабежъ пенею и, слѣдовательно, гораздо легче татьбы *). Насиліе само по себѣ не только не отягощаетъ участь похитителя чужаго имущества, а облегчаетъ ее. Въ этомъ можно видѣть указаніе на то, что и у насъ, какъ въ древней Германіи, тайная кража возбуждала бо́льшую реакцію, чѣмъ открытое и соединенное съ насиліемъ отнятіе имущества. Вѣроятно, предполагалось, что человѣкъ, прямо идущій къ своей цѣли (но не вѣдомый лихой), имѣетъ достаточныя причины отнять чужую вещь. Въ приведенной выше статьѣ Иск. суд. гр. это даже прямо выражено. Но это предположеніе относится къ тому отдаленному времени, когда слагалось первоначальное воззрѣніе на грабежъ, какъ дѣяніе менѣе преступное, чѣмъ кража. Уложеніе сохранило слѣды этого воззрѣнія какъ переживаніе.

Сопоставляя статьи Уложенія о грабежѣ, надо прійти къ слѣдующему заключенію: Уложеніе знаетъ обыкновенный и квалифицированный грабежъ. Обыкновенный — ведетъ къ денежной пенѣ (XX, 136), квалифицированный—къ болѣе тяжкимъ наказаніямъ. Къ послѣднему виду грабежа относится: 1) грабежъ служилыми людями (VII, 30, 32); 2) грабежъ дѣтьми родителей (XXII, 5).

Поджогъ двора ведетъ къ сожженію, а поджогъ лѣса только къ уплатѣ убытковъ и пени (X, 228, 223). Первая статья взята изъ Градскихъ законовъ, но тамъ различенъ поджогъ въ городѣ и внѣ города; за поджогъ внѣ города назначается не смертная казнь, а отсѣченіе руки (XXXIX, 18).

Въ Воинскомъ Уставѣ, относительно имущественныхъ преступленій, встрѣчаемся съ нѣкоторыми особенностями, заимствованными изъ нѣмецкаго права. Воинскій Уставъ вводитъ общее различіе между большими и малыми кражами: кражи на сумму не свыше 20 р. признаны мелкими, кражи на сумму свыше 20р.— большими, за которыя назначалась прямо смертная казнь. Виновные въ мелкихъ кражахъ только за четвертую наказывались смертію. Первая мелкая кража вела къ прогнанію сквозь строй полка 6 разъ, вторая—12 разъ, за третью рѣзали носъ, уши и ссылали на каторгу.

---

*) А который ищся взыщетъ бою и грабежу, и отвѣтчикъ скажетъ, что билъ а не грабилъ, и отвѣтчика въ бою обвинити и безчестіе на немъ взяти, а въ пенѣ посмотря по человѣку, что государь укажетъ, а въ грабежѣ судъ и правда, а во всемъ не обвинити. А скажетъ что грабилъ. а не билъ, и на тѣхъ грабежъ доправити, кто скажетъ грабилъ, а въ пенѣ посмотря по человѣку, что государь укажетъ, а въ бою судъ и правда. А въ иныхъ дѣлахъ судити по тому же: кто въ чемъ скажется виноватъ, то на немъ взяти, а въ пенѣ что государь укажетъ, посмотря по человѣку, а въ достали судъ и правда и крестное цѣлованіе.

Въ царствованіе Екатерины II, въ 1781 г., послѣдовалъ указъ о воровствѣ. Онъ важенъ въ двухъ отношеніяхъ: 1) имъ смягчается существ. образ. наказаніе за мелкія кражи и 2) онъ дѣлаетъ точное разграниченіе воровства и грабежа. Отличительный признакъ грабежа указанъ въ насиліи физическомъ или психическомъ. Въ указѣ дается такое опредѣленіе: „грабежъ есть, буде кто нападетъ, стращая дѣйствіемъ....и нахально ограбитъ, или отниметъ, или дать себѣ принудитъ. Смягченіе наказаній, установленныхъ Воин. Уставомъ за мелкія кражи, состоитъ въ слѣдующемъ. За первую кражу виновный отдавался въ рабочій домъ съ тѣмъ, чтобы заработать цѣну украденнаго и кромѣ того 6% этой цѣны; за 2-ую кражу—тоже и, кромѣ того, два удара плетью за повтореніе преступленія; за 3-ю кражу виновный отдавался въ рабочій домъ, гдѣ онъ долженъ былъ заработать двойную цѣну и сверхъ того онъ подвергался тремъ ударамъ плети. Это весьма важное смягченіе наказанія за мелкія кражи (до 20 р.). Что же касается наказанія за большія кражи, то они остались въ прежнемъ положеніи. За кражи свыше 20 р. назначается смертная казнь, которая со времени Елизаветы замѣнялась ссылкою въ каторжныя работы съ вырѣзываніемъ ноздрей; только при Павлѣ I-мъ послѣдовало нѣкоторое смягченіе: каторжныя работы и кнутъ были замѣнены плетьми и ссылкою въ Сибирь на поселеніе.

Въ 1782 г. былъ изданъ Уставъ благочинія, обнимающій учрежденія городской полиціи и опредѣляющій мѣры, какія надо было принимать въ случаѣ совершенія преступленій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи въ Уставѣ немного новаго. Мы укажемъ только на одну статью, въ которой Екатерина дѣлаетъ попытку практически осуществить развиваемую въ Наказѣ, но неосуществимую мысль о томъ, что наказанія должны быть выводимы изъ свойствъ преступленія. Въ одной изъ статей Устава говорится: „если кто ради смотрѣнія на улицѣ во время стеченія народа выставитъ скамьи, доски и бревна, то да лишится скамей, досокъ и бревенъ“.

III. Преступленія противъ вѣры.

Въ XVII вѣкѣ преступленія противъ вѣры занесены уже въ свѣтское законодательство и имъ дано первенствующее мѣсто, имъ посвящена I-я глава Уложенія. Въ 1 ст. этой главы говорится о богохульствѣ, за которое назначается смертная казнь чрезъ сожиганіе; затѣмъ рѣчь идетъ о преступленіяхъ, имѣющихъ цѣлью помѣшать спокойному теченію церковной службы. Кто не дастъ совершить божественной литургіи, казнится смертью. Эта глава далеко, однако, не исчерпываетъ всѣхъ преступленій противъ вѣры. О совращеніи изъ православія говорится въ VXII главѣ.

Виновные въ совращеніи казнились сожженіемъ, а совращенныхъ отсылали къ патріарху для обращенія.

Петръ Великій, оставаясь вѣрнымъ западнымъ образцамъ, ввелъ въ Воинскій Уставъ и преступленія противъ вѣры. Онъ прибавилъ новые виды къ тѣмъ, о которыхъ упоминается уже въ Уложеніи. Раздѣляя суевѣрія эпохи, Воинскій Уставъ говоритъ о чародѣяхъ, которые вступаютъ въ обязательство съ діаволомъ и въ силу этого могутъ совершать сверхъестественныя дѣйствія во вредъ другимъ и въ пользу себѣ, могутъ, напр., заговорить ружье. Если Уложеніе и не упоминаетъ о колдовствѣ и чернокнижничествѣ, то это вовсе не потому, чтобы въ преступленія этого рода въ Москвѣ не вѣрили. Московская практика была гораздо шире Уложенія. Вѣра въ возможность обязательствъ съ діаволомъ господствовала тогда во всей Западной Европѣ. Возникновеніе этого взгляда надо относить къ весьма отдаленному времени. По мѣрѣ распространенія христіанства языческіе боги превращались въ злыхъ духовъ. Духовенство, которое должно было-бы бороться съ этимъ взглядомъ, напротивъ, само раздѣляло его. Исторія среднихъ вѣковъ полна преслѣдованіями лицъ, заподозрѣнныхъ въ сношеніи съ діаволомъ. Въ XVII вѣкѣ появляется уже реакція, но случаи преслѣдованія вѣдьмъ и колдуновъ и сожженія ихъ встрѣчаются даже въ XVIII вѣкѣ. Неудивительно, поэтому, что Петръ внесъ въ Воинскій Уставъ постановленіе о сожженіи чародѣевъ, если они приносили кому-либо вредъ; въ противномъ случаѣ они подвергались жестокому заключенію и шпицрутенамъ. Татищевъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ женщину, которая съ пытки призналась, что можетъ обращаться въ дымъ. Ему не малаго труда стоило убѣдить ее снять съ себя этотъ оговоръ.

Екатерина II высказываетъ въ Наказѣ мысль о необходимости съузить понятіе преступленій противъ вѣры и смягчить наказанія за нихъ. Но трудно сказать, на сколько это дѣло было ясно для нея самой. Къ преступленіямъ противъ вѣры она относитъ только „прямыя и явныя святотатства“ (74, у Монтескьё les sacrilégès simples, 157). Судя по тому, что за святотатства она совѣтуетъ назначать наказанія, вытекающія изъ свойства самой вещи, каковы: изгнаніе изъ храмовъ, исключеніе изъ собранія вѣрующихъ, на время или на всегда, и удаленіе отъ ихъ присутствія,—надо думать, что подъ преступленіями этого рода она разумѣетъ святотатство не въ тѣсномъ смыслѣ (церковная кража), а въ широкомъ: нарушеніе религіознаго долга вообще. Но въ той-же ст. она говоритъ, что преступленія, нарушающія отправленія религіозныхъ обрядовъ, должны быть отнесены къ общимъ нарушеніямъ спокойствія и безопасности гражданъ, а не къ преступленіямъ противъ вѣры. Ясно, что она не соединяетъ опредѣленнаго понятія съ святотатствомъ: это не церковная татьба, но и не нарушеніе

религіознаго долга вообще, такъ какъ помѣшательство отправленію религіозныхъ обрядовъ къ нему не относится.

Духовныя особы, которымъ Екатерина сообщала рукопись Наказа (Гавріилъ, митроп. с.-петербургскій, Иннокентій, еписк. псковскій и іеромонахъ Платонъ, позднѣе митроп. московскій) не нашли возможнымъ присоединиться къ ея воззрѣніямъ. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ Наказу, они говорятъ: „святотатства и богохуленія всегда нарушаютъ покой общества, а потому кромѣ церковнаго наказанія они должны быть караемы и свѣтскимъ“.

Наказъ совѣтуетъ: „весьма беречься, чтобы не наказывать тѣлесными наказаніями людей, зараженныхъ порокомъ ложной святости. Сіе преступленіе, основанное на гордости или киченіи, изъ самой боли получитъ себѣ славу и пищу, чему примѣры были въ бывшей Тайной Канцеляріи, что таковые по особымъ днямъ прихаживали единственно для того, чтобы претерпѣть наказанія“ (217).

Наконецъ, она выписываетъ изъ Монтескьё и совѣтъ быть очень осторожнымъ въ изслѣдованіи дѣлъ о волшебствѣ и еретичествѣ. „Обвиненіе въ сихъ двухъ преступленіяхъ можетъ чрезмѣрно нарушить тишину, вольность и благосостояніе гражданъ, и быть источникомъ безчисленныхъ мучительствъ, если въ законахъ предѣловъ оному не положено“ (497, Монтескьё, 158).

IV. Преступленія противъ семейства и половой нравственности.

Уложеніе очень мало останавливается на преступленіяхъ этого рода. Оно говоритъ о сводничествѣ, за что назначаетъ кнутъ (XXII, 25) и о блудѣ лицъ женскаго пола. Если родившійся отъ незаконной связи ребенокъ былъ убитъ по желанію матери, она наказывалась смертью (XXII, 26). По 80-й ст. XX главы незаконная связь господина съ рабою подлежитъ суду духовной власти. Надо думать, что и всѣ другія преступленія этого рода вѣдались епископскими судами на основаніи кормчихъ.

Въ Воинскій Уставъ введены и преступленія противъ половой нравственности. Наказанія, какъ было и въ Западной Европѣ, назначены очень суровыя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гражданское право.

Литература.

Тимковскій. О помѣстьяхъ. 1811.

Ивановъ. Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей, въ Россіи существовавшихъ, съ историческимъ изложеніемъ всего до нихъ относящагося. 1836.

Морошкинъ. О владѣніи по началамъ россійскаго законодательства. 1837.

Ивановъ. Опытъ историческаго изслѣдованія о межеваніи земель 1849.

Неволинъ. Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи. 1847. Исторія гражданскихъ законовъ. 1851.

Лакіеръ О вотчинахъ и помѣстьяхъ. 1848.

Бѣляевъ. О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ. Врем. XI. 1851.

Киндяковъ. Опытъ разработки купчихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ актахъ юридическихъ. Юр. сбор. Мейера. 1855.

Гладковъ. О вліяніи общественнаго состоянія частныхъ лицъ на право поземельной ихъ собственности, по началамъ древняго россійскаго законодательства. 1855.

Никольскій. Обзоръ главнѣйшихъ постановленій Петра I въ области личнаго семейнаго права. Рѣчь, произ. въ тор. собр. Демидов. лицея. 1857.

Энгельманъ. О пріобрѣтеніи права собственности на землю. 1859.

Крыжановскій. Вѣнечныя памяти и пошлины. 1859.

Милютинъ. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи. Чтенія. 1859—60.

Лешковъ. Имущественныя и личныя права по указамъ Петра В. Руск. Вѣст. № 12. 1861.

Побѣдоносцевъ. Права семейственныя, наслѣдственныя и завѣщательныя. 2-я ч. курса Гражд. Права. 1875.

Загоскинъ. О правѣ владѣнія городскими дворами въ Московскомъ государствѣ. 1877.

Арсеній Іеромонахъ. О вотчинныхъ владѣніяхъ Троицкаго монастыря. 1877.

Шашковъ. Исторія русской женщины. 1879.

Левицкій. О семейныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси XVI и XVII в. Руск. Стар. № 11. 1880.

Способинъ. О разводѣ въ Россіи. 1881.

Ефименко. А. Я. Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ. Руск. Мысль, кн. IV, изд. 1882.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. — СОЮЗЪ СЕМЕЙНЫЙ.

I. Супружескій союзъ.

Личныя отношенія супруговъ.

Законодательные памятники Московскаго государства не останавливаются на опредѣленіи личныхъ отношеній супруговъ, которыя и сами по себѣ съ трудомъ поддаются какимъ либо опредѣленіямъ. Интимная сфера домашней жизни предоставлялась обычаю. Указы только стороною отражаютъ на себѣ дѣйствіе этихъ обычаевъ. Изъ такихъ указаній законодательныхъ и литературныхъ памятниковъ можно заключить, что жена должна подчиняться волѣ мужа, и что мужъ имѣетъ право ее наказывать. Иванъ Грозный велѣлъ считать недѣйствительными завѣщанія, въ которыхъ жена назначалась душеприкащикомъ мужа, на томъ основаніи, что она въ волѣ мужа. Право наказывать и притомъ въ весьма широкихъ границахъ предполагаетъ и Воин. Уставъ, вообще мало склонный давать просторъ личной волѣ: причиненіе женѣ смерти во время наказанія ведетъ по уставу къ смягченію кары, налагаемой за обыкновенное убійство. Таковы были воззрѣнія эпохи. Въ дѣйствительности встрѣчались довольно суровыя проявленія супружеской власти. На это указываетъ и Домострой Сильвестра, который совѣтуетъ болѣе умѣренный способъ исправленія женъ, чѣмъ тотъ, который практиковался, и Котошихинъ. О злоупотребленіяхъ супружеской власти можно заключить и изъ юридическихъ актовъ. Въ одной поручной записи половины XVII в. жители Тихвинскаго посада за одного изъ своихъ посадскихъ ручаются въ томъ, что онъ, „живучи, за ихъ порукою, жену свою напрасно безвѣчить не будетъ а жить будетъ, какъ и прочіе посадскіе живутъ, безъ всякаго воровства, и усмирять жену будетъ по винѣ и полюдски, а не безвѣчьемъ“. Законодательное опредѣленіе личныхъ отношеній супруговъ даетъ екатерининскій Уставъ Благочинія, по которому „жена должна пребывать въ любви, почтеніи и послушаніи къ своему мужу и обязана оказывать ему всякое угожденіе. Мужъ же долженъ извинять ея недостатки и облегчать немощи“. Только при имп. Николаѣ у мужа отнято право бить и увѣчить свою жену. По законамъ этого государя жестокое обращеніе съ женой, нанесеніе ей побоевъ, ранъ и увѣчья, разсматривается какъ преступленіе и наказывается строже, чѣмъ нанесеніе ранъ и увѣчья постороннимъ лицамъ.

Въ правахъ состоянія лицъ, вступившихъ въ супружество, бракъ производитъ нѣкоторыя измѣненія. При разсмотрѣніи ихъ

надо различать: 1) Бракъ между лицами свободныхъ состояній. Въ Московскомъ государствѣ права состоянія женъ опредѣлялись правами состоянія мужей. Если дворянка вступала въ бракъ съ тяглымъ человѣкомъ, она теряла права, соединявшіяся съ дворянскимъ званіемъ, и пріобрѣтала права, своего мужа. Это начало сохраняется и въ имперіи—при Петрѣ и Елизаветѣ Петровнѣ. Измѣняется этотъ старый порядокъ при Екатеринѣ II. Въ жалованной дворянству грамотѣ было высказано новое начало, въ силу котораго дворянка, вышедшая за кого бы то ни было замужъ, остается дворянкой, но не сообщаетъ своего званія ни мужу, ни дѣтямъ; если же дворянинъ вступилъ въ бракъ съ недворянкой, онъ попрежнему сообщалъ права своего состоянія женѣ и дѣтямъ. При Александрѣ I въ практикѣ возникъ вопросъ, слѣдуетъ ли считать дворянками тѣхъ женщинъ, которыя, будучи недворянскаго происхожденія, вышли замужъ за дворянъ и так. образ. пріобрѣли права дворянскаго званія, а затѣмъ, послѣ смерти своихъ мужей, снова вышли замужъ за недворянъ. Такъ какъ въ жалованной грамотѣ было прямо сказано, что дворяне лишаются правъ состоянія только по суду, то само собой понятно, что и такихъ женщинъ нужно было считать дворянками. Но присутственнымъ мѣстамъ этотъ вопросъ показался неяснымъ и потребовалось разъясненіе въ законодательномъ порядкѣ; онъ былъ разъясненъ въ смыслѣ жалованной дворянству грамоты. 2) Бракъ между лицами свободныхъ и несвободныхъ состояній. Въ древнее время и въ Московскомъ государствѣ права такихъ лицъ опредѣлялись по несвободному. Но это правило имѣло въ Москвѣ исключеніе; если одинъ изъ супруговъ былъ бѣглый, то права состоянія опредѣлялись по бѣглому. Бѣжала, напр., посадская дѣвица и выходила замужъ за крестьянина или кабальнаго; ее отыскиваетъ посадъ и возвращаетъ вмѣстѣ съ мужемъ, въ силу чего крестьянинъ или кабальный долженъ былъ стать посадскимъ. Точно также если на бѣжавшей крестьянкѣ женится посадскій, онъ также дѣлался крестьяниномъ. Общее правило по рабѣ холопъ и по холопѣ раба, перешедшее и на крѣпостныхъ, измѣняется при имп. Екатеринѣ II въ силу сенатскаго указа. Манифестомъ 1775 года она воспретила крѣпить вольноотпущенныхъ людей. Съ этого времени и возникаетъ измѣненіе въ опредѣленіи правъ состоянія свободнаго мужчины, вступающаго въ бракъ съ несвободной женщиной. Прежде чѣмъ послѣдовалъ манифестъ 1775 г., на основаніи котораго вольноотпущеннымъ предоставлено было право оставаться свободными, многіе изъ нихъ пріискали себѣ, согласно прежнимъ правиламъ, новыхъ господъ и подали въ надлежащія мѣста прошенія о зачисленіи ихъ за ними. Многія изъ такихъ просьбъ въ моментъ изданія манифеста 1775 г.

не были еще разрѣшены, а между тѣмъ просители успѣли уже жениться на крѣпостныхъ тѣхъ господъ, къ которымъ они заявили желаніе поступить. По выходѣ манифеста 1775 г. нѣкоторые изъ такихъ женившихся подали новыя прошенія о томъ, чтобы ихъ не крѣпили. Сенатъ удовлетворилъ этимъ послѣднимъ просьбамъ. Но затѣмъ возникъ вопросъ относительно того, какъ поступить съ женами этихъ вольноотпущенныхъ? Сенатъ призналъ ихъ свободными, но мужья должны были заплатить за своихъ женъ помѣщикамъ выкупъ по 10 р. Так. обр. возникло правило, что свободный человѣкъ, женившись на крѣпостной, дѣлалъ ее свободною. Что касается вопроса о томъ, въ какомъ состояніи находятся супруги, если свободная женщина выходила за крѣпостнаго, то этотъ вопросъ разные суды рѣшали различно: одни считали ихъ крѣпостными, другіе свободными. При Александрѣ I онъ былъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что такія жены сохраняютъ свободу. По смерти мужей онѣ имѣли право отойти отъ помѣщиковъ, а до того времени жили у нихъ при мужьяхъ своихъ (Неволинъ I, 62 и сл.).

Имущественныя отношенія.

Памятники московскаго законодательства XV и VI в. на имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ мало останавливаются и далеко ихъ неисчерпываютъ. Многое было предоставлено практикѣ, а практика была очень разнообразна. На основаніи духовныхъ и рядныхъ можно сдѣлать заключеніе, что по прекращеніи брака, приданое жены возвращалось къ ней или къ ея наслѣдникамъ. Это начало признано и указомъ 1628 г. (Улож. XVII, 1) въ такой формѣ: „а женамъ тѣхъ умершихъ, которыя останутся бездѣтны, давати изъ животовъ ихъ мужей четверть, да приданое“. Но рядомъ съ этимъ постановленіемъ, только повторяющимъ правило Эклоги (см. выше, стр. 551), въ томъ же Уложеніи читаемъ: „и послѣ умершаго заимщика тотъ долгъ платити женѣ его и дѣтямъ, а будетъ чего на женѣ и дѣтѣхъ взяти будетъ нечего, и тотъ достальной долгъ взяти на порутчикахъ его, кто будетъ въ лицахъ“(X, 203). Для того, кто знаетъ постановленія Эклоги, дѣйствовавшія и въ московскую эпоху, эта статья не установляетъ непремѣнно имущественную отвѣтственность жены за долги мужа. Она можетъ быть отнесена къ тому случаю, когда, по смерти мужа, оставившаго жену и дѣтей, жена управляла всѣмъ имуществомъ умершаго. Жена, въ этомъ случаѣ, должна была платить долги умершаго изъ его имущества, а не изъ своего. Но знали ли Эклогу наши приказные люди XVII в.? Конечно—нѣтъ. Какъ же они примѣняли эту статью? Изъ практики того времени знаемъ, что долги мужа взыскивались съ имущества жены (П.

С. З. № 210). Господствовавшій тогда способъ взысканія даже непремѣнно долженъ былъ повести къ переводу на жену имущественной отвѣтственности за умершаго мужа: жену ставили на правежъ и били, пока не уплатитъ долговъ мужа. При такомъ порядкѣ взысканія, весьма естественно, что жены платили и изъ своего приданаго долги мужей. Уложеніе, такимъ образомъ, не даетъ никакихъ руководящихъ началъ для опредѣленія имущественныхъ отношеній супруговъ. По ст. 1-й XVII главы жена, по смерти мужа, получаетъ свое приданое и $^1/_4$ изъ движимостей умершаго; по ст. 203-й главы X-й все это могло быть у ней отобрано и дѣйствительно отбиралось за долги мужа.

Судьба приданаго при жизни супруговъ была очень разнообразна. Есть указанія отъ XIV—XV в., что имущества супруговъ были раздѣльны и жены продавали свои земли мужьямъ (Ак. Юр. № 71, XXVIII). Это признано и указами XVII в., которые говорятъ, что жены могутъ продавать и закладывать свои вотчины своими именами. Рядомъ съ этою раздѣльностью есть указанія и на существованіе нѣкотораго вида единенія имуществъ, принадлежавшихъ супругамъ. Въ одной рядной мужъ и жена (вступила во второй бракъ, отъ перваго имѣла дочерей) договариваются выдать дочерей послѣдней, отъ перваго брака, „изъ общa“, т. е. изъ общаго ихъ имущества (№ 395). Наконецъ, и это едва ли не всего чаще, мужъ распоряжается приданымъ жены вмѣстѣ съ ней. Родители даютъ приданое не одной дочери, но и ея новобрачному (№ 110 и 392). Приданыя отчины продаются женою вмѣстѣ съ мужемъ (№ 71, X). Это вошло и въ указы XVII в., которые запрещаютъ мужьямъ отчуждать женины отчины отъ своего имени; купчія же крѣпости за подписями обоихъ супруговъ признавались въ силѣ (П. С. З. 762. и 803).

Византійское право продолжаетъ дѣйствовать и въ московскую эпоху, но только одни духовные суды примѣняли его къ дѣламъ, непосредственно черпая изъ Кормчей, свѣтскія же учрежденія знали его лишь по стольку, по скольку оно отражалось въ государевыхъ указахъ, а потому вліяніе его на нашу практику и не могло получить рѣшающаго значенія. Но оно несомнѣнно проходило въ жизнь, хотя и въ очень небольшихъ пріемахъ. Въ памятникахъ находимъ указанія, что духовныя власти при помощи византійскаго права, старались внести въ нашу практику болѣе разумныя начала, чѣмъ тѣ, которыми руководились приказные люди XVII в. Въ 1657 году била челомъ патріарху Никону вдова нижегородскаго посадскаго человѣка, Мароица. Изъ челобитья видно, что послѣ смерти мужа она стоитъ на правежѣ въ долгахъ его, а дворовъ и животовъ послѣ мужа ничего не осталось, про что вѣдомо окольнымъ людямъ. Было за ней приданое, но мужъ еще при жизни испродалъ его въ платежъ за

долги, а иное въ закладъ отдалъ. Что осталось изъ приданаго, рублей 50, то уже отдала она за долгъ мужа, а нынѣ правятъ на ней еще болѣе 50 рублевъ. Проситъ ее, вдову Марѳицу, пожаловать, тѣхъ долговъ править на ней не велѣть по тому, что мужа своего животами она ничѣмъ не владѣетъ. Патріархъ, выслушавъ челобитье Марѳицы, взглянулъ въ Правильную книгу Леона царя и Константина и нашелъ тамъ, что жена не подлежитъ отвѣтственности за мужа, если не поручилась за него. На основаніи Правильной книги приказываетъ онъ послать память въ Новгородскій приказъ. Въ памяти написано: буде она, Марѳица, послѣ мужа своего, кромѣ своего приданаго и четвертыя части, что было ей изъ тѣхъ мужа своего животовъ довелось дать, животами не владѣетъ и въ тѣхъ кабалахъ мужа ея (Марѳицы) не написана (порукой), и мимо поручиковъ на ней, вдовѣ, мужа ея долговъ править не велѣлъ (П. С. З. № 210). Какъ поступилъ Новгородскій приказъ, не знаемъ. Можно, однако, думать, что онъ исполнилъ „приказъ" патріарха, не потому, впрочемъ, что таково было у насъ право, какъ писалъ патріархъ, а потому, что такъ „приказалъ" патріархъ. Право обрисовывается въ Московскомъ государствѣ еще очень смутно, приказъ же требуетъ только исполненія.

Все это разнообразіе отношеній въ имперіи объединяется въ смыслѣ признанія раздѣльности имущества супруговъ. Такая раздѣльность признана Петромъ В. въ указѣ отъ 1716 года, въ которомъ объ имуществѣ жены сказано: „движимое и недвижимое, съ чѣмъ шла замужъ, или по родству ей данное, при ней да будетъ". За женою признано и право совершенно самостоятельно распоряжаться своимъ имуществомъ; она можетъ закладывать и продавать безъ согласія мужа. При Екатеринѣ II въ одномъ частномъ случаѣ не была утверждена продажа имущества женою мужу на томъ основаніи, что, находясь подъ властью мужа, жена не можетъ спорить противъ его воли. Это рѣшеніе по отдѣльному случаю принималось иногда въ руководство и при рѣшеніи другихъ подобныхъ случаевъ. Но рядомъ встрѣчаются и случаи безпрепятственнаго утвержденія такихъ купчихъ. Это колебаніе окончательно было разрѣшено при Александрѣ I въ 1825 г., когда женамъ была позволена продажа своихъ вотчинъ мужьямъ (Неволинъ I, 120 и сл.)

Установленіе и прекращеніе брака.

Котошихинъ разсказываетъ, что въ XVII в. вовсе было не въ обычаѣ справляться съ желаніемъ жениха или невѣсты вступить въ бракъ. Молодые люди высшихъ чиновъ вѣнчались, даже не зная въ глаза другъ друга. Петръ В. принялъ мѣры для обезпеченія свободнаго согласія лицъ, вступавшихъ въ бракъ. Изъ его указа уз-

наемъ, что случаи, на которые указываетъ Котошихинъ, дѣйствительно не были рѣдкостью. „Есть браки, говоритъ указъ, которые заключаются въ дѣтяхъ за страхъ родителей, а въ рабахъ по принужденію господъ ихъ“. Съ цѣлію устранить возможность заключенія такихъ браковъ, Петръ узаконилъ, что родители, до вступленія своихъ дѣтей въ бракъ, и господа, до вступленія въ бракъ ихъ рабовъ, должны давать присягу въ томъ, что они не принуждали ихъ къ браку. Дворяне мужескаго пола, при вступленіи своемъ въ бракъ, должны были представить отъ учителя свидѣтельство о томъ, что они знаютъ грамматику, ариѳметику и геометрію, безъ чего они не могли жениться.

Возрастъ брачущихся былъ увеличенъ. Съ 1830 г. дѣвица должна была вступать въ бракъ не раньше 16, а мущина 18 лѣтъ.

Практика XVII и XVIII в. высказывалась и противъ браковъ очень престарѣлыхъ людей. Въ Московскомъ государствѣ было весьма распространено мнѣніе, что старики должны думать не о бракѣ, а о спасеніи своей души. Въ этомъ смыслѣ поучало и духовенство. Эта мысль выражена въ инструкціи патріарха Адріана поповскимъ старостамъ, въ которой предписывалось не вѣнчать вдовцовъ и вдовъ престарѣлыхъ лѣтъ; но не было именно опредѣлено, какія лѣта считать престарѣлыми. Въ 1744 г. Сенатъ призналъ недѣйствительнымъ бракъ старика, которому было болѣе 80 лѣтъ. Это опредѣленіе состоялось по поводу брака помѣщика Ергельскаго, 82 лѣтъ, съ дѣвицею Девятовою. Сенатъ, руководствуясь тѣмъ, что старикамъ не плотоугодіемъ заниматься, а о спасеніи души должно заботиться, заподозрилъ новобрачную въ волшебствѣ, посредствомъ котораго она склонила Ергельскаго ко вступленію въ бракъ съ цѣлію воспользоваться его состояніемъ, и высказалъ мнѣніе, что послѣ 80 лѣтъ нельзя вступать въ бракъ. Въ XVIII в., наконецъ, обращено было вниманіе и на соотношеніе возраста брачущихся. Въ старину часто, особенно крестьяне, женили своихъ малолѣтнихъ сыновей съ тѣмъ, чтобы имѣть въ домѣ работницу. Въ синодскомъ указѣ 1775 г., между условіями незаконнаго вступленія въ бракъ, упоминается и весьма значительная разница лѣтъ брачущихся. Въ 1806 г. священникамъ было предписано не вѣнчать сомнительныхъ браковъ, а подъ сомнительными браками предписаніе разумѣло, если одно лицо, изъ желающихъ вступить въ бракъ, было малолѣтно, а другое престарѣло (Неволинъ I, 164 и сл.).

Въ XVIII в. возникаетъ возможность браковъ лицъ разныхъ вѣроисповѣданій. Такихъ браковъ не могло быть въ древней Россіи, такъ какъ бракъ православныхъ съ лицами другихъ вѣроисповѣданій считался богопротивнымъ. Разрѣшеніе заключать такіе браки было дано при Петрѣ по слѣдующему поводу. Въ числѣ плѣнныхъ шведовъ было много лицъ, знавшихъ горное

дѣло; Петръ В. водворилъ ихъ въ Сибири для развитія горнаго промысла. Нѣкоторые изъ нихъ пожелали вступить въ бракъ, не переходя въ православіе. Синодъ въ 1721 году разрѣшилъ такіе браки людямъ искуснымъ въ горныхъ промыслахъ, но съ тѣмъ, чтобы шведы присягнули вѣчно оставаться въ русской службѣ и дали подписку въ томъ, во 1-хъ, что не будутъ совращать своихъ женъ изъ православной вѣры, и во 2-хъ, будутъ воспитывать въ православіи своихъ дѣтей. Въ этомъ положеніи вопросъ находился до императора Николая, при которомъ, по случаю частыхъ просьбъ о разрѣшеніи браковъ съ лицами другихъ вѣроисповѣданій, послѣдовали, съ согласія Синода, общія постановленія о бракахъ съ иновѣрцами на основаніи началъ Петровскаго указа. Иновѣрнымъ иностранцамъ мужескаго пола предоставлено вступать въ бракъ съ православными русскими женщинами не иначе, какъ по принятіи ими русскаго подданства и съ выдачею установленнаго Петромъ обязательства объ огражденіи православія. Такое же обязательство должны были давать и иновѣрныя женщины, вступавшія въ бракъ съ православными мущинами (Неволинъ I, 266 и сл.).

Во 2-мъ періодѣ произошли нѣкоторыя измѣненія въ самомъ обрядѣ брака. Церковное вѣнчаніе дѣлается общимъ правиломъ, хотя и въ это время встрѣчаются отступленія. Такъ, въ XVI и XVII вѣкахъ у донскихъ казаковъ бракъ заключался иногда безъ всякаго религіознаго освященія, а въ казацкомъ „кругу". Достаточно было мужчинѣ и женщинѣ явиться въ кругъ и заявить, что они желаютъ вступить въ бракъ; этого было довольно для того, чтобы бракъ считался заключеннымъ. Но за этими исключеніями, по общему правилу, бракъ заключался церковнымъ вѣнчаніемъ. Для совершенія священникомъ вѣнчанія требовалось, чтобы желающіе вступить въ бракъ принесли ему вѣнечную память, которая выдавалась мѣстнымъ епископомъ. Въ этой памяти предписывалось священнику обвѣнчать такихъ то лицъ, если нѣтъ законныхъ къ тому препятствій. Въ древней Россіи обрученіе и вѣнчаніе составляли два разныхъ акта, раздѣленныхъ между собою значительнымъ промежуткомъ времени, въ теченіе котораго воля обрученныхъ была уже связана даннымъ обѣщаніемъ. Петръ В., который весьма заботился о томъ, чтобы вступали въ бракъ по добровольному соглашенію, усмотрѣлъ въ этомъ насиліе воли. Онъ отмѣнилъ составленіе сговорныхъ записей съ зарядомъ и предоставилъ обрученнымъ свободу вступать и не вступать въ бракъ. Этимъ онъ нарушилъ старые порядки, по которымъ обрученные должны были непремѣнно вступить въ бракъ. Елизавета Петровна запретила обрученнымъ самовольно расходиться, а вопросы о расторженіи обрученія предписала вносить на ея усмотрѣніе чрезъ Синодъ. Въ такомъ положеніи дѣло

находилось до Екатерины II, которая примирила требованія новаго порядка съ церковными правилами, соединивъ обрученіе и вѣнчаніе въ одномъ актѣ. При Екатеринѣ послѣдовала отмѣна и старыхъ вѣнечныхъ памятей. Желающіе вступать въ бракъ должны были прямо обращаться къ священнику (Неволинъ I, 218 и сл.).

Что касается прекращенія брака, то въ Московскомъ государствѣ къ тѣмъ поводамъ развода, которые перешли къ намъ изъ Византіи, присоединился и одинъ новый, о которомъ разсказываетъ Котошихинъ. Если, говоритъ онъ, мужъ и жена жили не въ совѣтѣ (т. е. не въ мирѣ, недружелюбно), если мужъ билъ и увѣчилъ жену, то она могла чрезъ посредство родственниковъ подать жалобу архіерею, и архіерей назначалъ судъ и слѣдствіе: спрашивали людей окольныхъ и, если дѣйствительно оказывалось, что мужъ не хорошо обращался съ женой, его отдавали на $^1/_2$ года и болѣе въ монастырь для смиренія. Если оказывалось, что и послѣ освобожденія изъ монастыря мужъ снова бьетъ свою жену, то родственники могли опять жаловаться архіерею, который назначалъ новое изслѣдованіе. Если по слѣдствію обнаруживалось, что мужъ дѣйствительно не хорошо обращается съ женою, то давали разводъ, при чемъ движимости дѣлились между супругами пополамъ. По прошествіи семи лѣтъ съ момента развода разведенные могли вступить въ новый бракъ.

Въ XVI и XVII в. донскіе казаки, какъ вступали въ бракъ безъ церковнаго освященія, такъ точно и расторгали его. Обыкновенно дѣло происходило такъ: мужъ, не желавшій жить съ своею женою, являлся въ „кругъ“ и объявлялъ, что отпускаетъ жену. Этого было довольно для расторженія брака. Находились охотники, которые тутъ же брали отпущенную себѣ въ жены, въ знакъ чего набрасывали на нее свитку. Бракъ расторгался ссылкой, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что ссылка только для мужа вела къ расторженію брака, если жена ссылалась; но если мужъ ссылался, жена должна была слѣдовать за нимъ. Если разводъ совершался вслѣдствіе прелюбодѣянія жены, она заключалась въ монастырь.

Въ императорской Россіи болѣе тѣснымъ образомъ были опредѣлены условія, при которыхъ расторгался бракъ. Поводы, к которыхъ говоритъ Котошихинъ, не ведутъ болѣе къ растортенію брака. Затѣмъ были установлены болѣе строгія правила па случай расторженія брака по прелюбодѣянію. Съ 1811 г. оребуется, чтобы сознаніе въ прелюбодѣяніи было провѣрено обстоятельствами дѣла. Съ 1720 г. ссылка можетъ расторгать бракъ для обоихъ супруговъ.

II. Союзъ родителей и дѣтей.

Личныя отношенія.

Въ московскую эпоху не встрѣчаемъ еще постановленій, которыми бы сколько нибудь ограничивалась власть отца въ личныхъ его отношеніяхъ къ дѣтямъ. Отцы представляются неограниченными распорядителями участи своихъ дѣтей: женятъ ихъ по усмотрѣнію, посвящаютъ ихъ Богу, могутъ поступить съ ними въ кабалу и даже продать дѣтей въ рабство. Судебникъ 1550 г. запрещаетъ только отцу-рабу продавать своихъ свободныхъ дѣтей въ рабство. Право наказывать дѣтей почти не имѣетъ предѣловъ, такъ какъ за убійство отецъ наказывается только заключеніемъ въ тюрьму на годъ. Дѣтямъ не только не было предоставлено право жаловаться на родителей, но за всякую жалобу они подвергались наказанію кнутомъ, съ прибавленіемъ „нещадно". Только при Петрѣ Великомъ наше законодательство дѣлаетъ попытку ввести власть родителей въ нѣкоторые предѣлы. Имъ ограничено право родителей отдавать въ наймы дѣтей на неопредѣленный срокъ, они могли отдавать ихъ не болѣе, какъ на 5 лѣтъ. Въ старину не только сами родители въ послѣдніе минуты своей жизни принимали постриженіе, но иногда признавали необходимымъ еще при своей жизни отдавать малолѣтнихъ дѣтей въ монастырь, гдѣ они оставались и по достиженіи совершеннолѣтія и постригались въ монашество. Петръ порицаетъ этотъ порядокъ вещей. Въ дополненіи къ Духовному регламенту онъ говоритъ: „сей обычай душегубенъ есть. И хотя чада родительской власти подлежатъ, но не какъ скоты безсловесные, въ томъ наипаче, что требуетъ самихъ ихъ разсужденія и воли, каковое есть избраніе житія". Изъ предшествующаго мы знаемъ, что Петръ установилъ особую присягу для родителей, которою они должны были удостовѣрить, что не принуждаютъ дѣтей своихъ къ браку. Петръ Великій отступилъ и отъ точки зрѣнія Уложенія на убіеніе дѣтей родителями. Воинскій Уставъ входитъ въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, какъ убитъ сынъ или дочь, умышленно или нѣтъ. Если умышленно, отецъ подвергается наказанію, какъ за умышленное убійство вообще; если безъ умысла, наказывая, отецъ подвергался болѣе легкой карѣ. Право наказывать дѣтей и по этому уставу принадлежитъ родителямъ въ очень еще грубой формѣ. Но успѣхъ Воинскаго Устава сравнительно съ Уложеніемъ очевиденъ. Законодательство Екатерины II ровно ничего не сдѣлало для улучшенія юридическаго положенія дѣтей. Въ Уставѣ Благочинія находится слѣдующая статья: „родители суть властелины надъ своими дѣтьми". Это

было и прежде извѣстно. Постановленіе Петра о предбрачной присягѣ родителей найдено излишнимъ и отмѣнено въ 1775 г. Только въ царствованіе императора Николая положены были границы суровому праву родителей наказывать своихъ дѣтей: всякія увѣчья и раны, наносимыя родителями дѣтямъ, хотя бы въ состояніи раздраженія, онъ подвелъ подъ понятіе преступленія, наказуемаго даже строже, чѣмъ раны и увѣчья, нанесенныя постороннимъ лицамъ, при равныхъ условіяхъ (Неволинъ I, 329 и сл).

Имущественныя отношенія родителей и дѣтей.

По этому вопросу наши памятники еще скуднѣе, чѣмъ по вопросу объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ. Находимъ указанія, что у дѣтей, при жизни родителей, бываетъ свое имущество, которое они пріобрѣтаютъ куплею и другими способами; что родители выдѣляютъ части дѣтямъ изъ своего имущества и дѣти живутъ съ ними въ раздѣлѣ; имѣемъ одну купчую, которая написана отъ имени отца и сына. Что у дѣтей могло быть имущество, это внѣ всякаго сомнѣнія. Но имущественная личность сына не имѣла никакой законной охраны и вполнѣ зависѣла отъ доброй воли отца. Отецъ могъ выдѣлить еще при жизни своей часть сыну, но могъ и не выдѣлить, и даже выдѣленное могъ взять обратно. Отецъ могъ распоряжаться даже кабальными людьми своего сына—онъ могъ отпускать ихъ на волю (Ул. XX, 106). Серпуховскій князь Владиміръ Андреевичъ въ своей духовной распоряжается даже куплями сына своего Ивана. Его куплю онъ даетъ другому своему сыну Андрею, а Ивану даетъ вмѣсто того часть въ другомъ мѣстѣ (Рум. собр. I, № 40). Князья, конечно, не составляли исключенія, они дѣлали то-же, что и всѣ.

Нѣкоторыя выраженія источниковъ наводятъ, однако, нашихъ изслѣдователей на мысль, что въ разсматриваемое время имущество принадлежало собственно не отцу, а семьѣ въ цѣломъ ея составѣ, и дѣти, по общему правилу, были участниками въ этой семейной собственности. Въ пользу этого мнѣнія приводятъ довольно употребительное выраженіе въ купчихъ грамотахъ: „купилъ себѣ и дѣтямъ“, изъ чего и заключаютъ, что отецъ покупаетъ не себѣ лично, а себѣ и дѣтямъ. Но это выраженіе вовсе не значитъ, что дѣти были собственниками купленнаго отцемъ имущества что для дальнѣйшаго распоряженія имъ требовалось ихъ согласіе; оно значитъ только, что отецъ купилъ имущество, въ наслѣдственную собственность, въ прокъ. Мы имѣемъ купчія грамоты однихъ и тѣхъ же лицъ, изъ которыхъ видно, что то, что куплено себѣ и дѣтямъ въ прокъ, потомъ отчуждается однимъ отцомъ, хотя дѣти у него и были.

Такія отчужденія признаются въ полной силѣ. Въ Юр. Ак. сохранился споръ Гаврилки Попова съ митрополичьими крестьянами о деревнѣ Васильевской, куплѣ его дѣда. Оказалось, что дѣдъ истца продалъ эту деревню. Куплена она была имъ въ прокъ, себѣ и дѣтямъ, а продана только отъ своего собственнаго имени. Внукъ не оспариваетъ правильности продажи, не говоритъ, что отчужденіе недѣйствительно потому, что дѣти продавца въ немъ не участвовали. Когда отвѣтчики выложили купчую, истецъ отвѣчалъ, „что онъ того не вѣдалъ", и только (№ 12). Въ Указѣ 1683 года прямо объяснено, „что себѣ и дѣтямъ„ не значитъ, что дѣти сопокупщики. Кто желалъ купить вмѣстѣ съ дѣтьми, тотъ долженъ былъ поименно означить дѣтей сопокупщиковъ.

Самостоятельныя права дѣтей на имущество развились у насъ, надо думать, на помѣстной почвѣ. Молодые люди съ 15 лѣтняго возраста были обязаны уже нести военную службу. Они верстались и получали помѣстья въ отводъ отъ отцовъ; это имущество не зависѣло уже отъ усмотрѣнія отца. Но дѣло пошло и далѣе. Не всегда можно было надѣлять дѣтей особыми помѣстьями, иногда они припускались къ отцовскимъ. Въ этихъ случаяхъ дѣти, слѣдственно, смотрѣли и на отцовскія помѣстья, какъ на имущество, имѣющее, по смерти отцовъ, обезпечивать ихъ собственное служебное положеніе. Мы имѣемъ указанія, что дѣти вмѣшивались въ распоряженія отцовъ помѣстьями, если находили ихъ невыгодными для себя, и жаловались на отцовъ. Московская практика относилась къ такимъ жалобамъ различно. Иногда она удовлетворяла дѣтей, иногда отказывала на основаніи Уложенія, которое запрещаетъ вѣрить челобитьямъ дѣтей на родителей (П. С. З. № 633). Такимъ образомъ жалобы дѣтей на невыгодную для нихъ мѣну помѣстій, произведенную родителями, представляютъ въ нашей практикѣ первые случаи, когда имущественнымъ правамъ дѣтей была оказана судебная защита.

Установленіе союза родителей и дѣтей.

Союзъ родителей и дѣтей установляется: 1) законнымъ бракомъ; дѣти, прижитыя внѣ брака, остаются незаконными и въ томъ случаѣ, если бы родители ихъ впослѣдствіи вступили въ бракъ.

Московское законодательство не останавливалось на вопросѣ о томъ, при какихъ условіяхъ дѣтей, рожденныхъ въ бракѣ, слѣдуетъ признавать законными. Этотъ вопросъ получилъ разъясненіе въ XVIII в., но не въ законодательномъ порядкѣ, а путемъ судебной практики. Практика временъ Екатерины II выра-

ботала слѣдующія два начала: 1) споръ о незаконности дѣтей, родившихся въ бракѣ, допускается только при жизни родителей; 2) если отецъ призналъ ребенка законнымъ, хотя бы онъ родился и преждевременно, законность рожденія не должна быть подвергаема сомнѣнію. При имп. Александрѣ I нѣсколько расширилась возможность оспариванія законности дѣтей, рожденныхъ въ бракѣ. Одному челобитчику по дѣлу незаконности рожденія было отказано на томъ основаніи, что онъ не искалъ 10 лѣтъ по смерти родителей. Въ царствованіе Александра, слѣдовательно, можно было доказывать незаконность дѣтей и по смерти ихъ родителей въ теченіи 10 лѣтъ. Имп. Николай возвратился къ началамъ екатерининской практики и еще болѣе затруднилъ возможность оспаривать законность рожденныхъ въ бракѣ дѣтей. Споры предъявляются при жизни родителей и только въ теченіи 10 лѣтъ со дня рожденія ребенка. Самъ отецъ теряетъ на всегда право доказывать незаконность своихъ дѣтей, если нѣкоторое время признавалъ ихъ законными (Веволинъ I, 307 и сл.).

2) Усыновленіемъ. Въ Московскомъ государствѣ усыновленіе подлежало только одному ограниченію: нельзя было усыновлять незаконныхъ дѣтей. На усыновленнаго переходили всѣ права законныхъ даже въ томъ случаѣ, если усыновляющій имѣлъ уже дѣтей. Существовалъ особенный обрядъ усыновленія при участіи церкви. Въ имперіи право усыновленія дворянъ потерпѣло существенное ограниченіе. Оно развилось изъ петровскаго указа о единонаслѣдіи. Этимъ указомъ дворянамъ, не имѣющимъ ни нисходящихъ, ни боковыхъ родственниковъ ихъ фамиліи, предоставлено право отказать свое имущество одной изъ родственницъ съ тѣмъ, чтобы мужъ ея принялъ фамилію завѣщателя. Эта статья и послужила основаніемъ права усыновленія дворянъ. Дворянамъ дозволено усыновлять только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ ни нисходящихъ, ни боковыхъ родственниковъ той же фамиліи; они могутъ усыновлять только своихъ родственниковъ (Неволинъ I, 378 и сл.).

Въ царствованіе имп. Александра I былъ поднятъ вопросъ объ усыновленіи незаконнорожденныхъ. Разсматривая его, Государственный Совѣтъ былъ того мнѣнія, что по этому вопросу нельзя поставить общаго правила въ томъ смыслѣ, чтобы дозволить усыновленіе незаконнорожденныхъ, такъ какъ такое дозволеніе можетъ повести къ ослабленію побужденій вступать въ законный бракъ. Но Государственный Совѣтъ находилъ полезнымъ, чтобы верховная власть въ исключительныхъ случаяхъ разрѣшала усыновленіе, напримѣръ, въ воздаяніе особыхъ заслугъ. Съ большею снисходительностью Совѣтъ отозвался о тѣхъ случаяхъ, когда родители незаконнорожденныхъ вступили потомъ въ бракъ. Согласно съ этимъ мнѣніемъ императоръ Александръ разрѣшалъ

иногда усыновленіе незаконнорожденныхъ. Николай I отнесся къ этому вопросу съ большею строгостью; въ 1829 г. онъ воспретилъ принятіе просьбъ объ усыновленіи незаконнорожденныхъ. Нѣкоторую заботу объ участи незаконнорожденныхъ находимъ только въ законодательствѣ Петра. Онъ возложилъ на отца назаконнорожденнаго ребенка обязанность содержать мать и младенца (Неволинъ, I, 374 и сл., 634).

Союзъ родителей и дѣтей, прекращался смертью родителей, а, со времени Петра, и ссылкою ихъ. Но дѣтямъ предоставлялось право слѣдовать за родителями, если они пожелаютъ.

Въ Московскомъ государствѣ возникаетъ веденіе актовъ, удостовѣряющихъ семейное положеніе лицъ. Съ первой попыткой къ этому встрѣчаемся въ 1660 г., когда было предписано духовенству завести книги для записыванія рожденій, браковъ и смерти. Кажется, это предписаніе не было приведено въ исполненіе. Новое предписаніе послѣдовало при Петрѣ въ 1722 г., когда и были заведены метрическія книги.

III. Опека.

Въ московскую эпоху права, принадлежащія опекуну, нѣсколько расширились сравнительно съ тѣмъ, какими онъ пользовался по Р. Правдѣ. Это расширеніе состоитъ въ томъ, что опекунъ имѣлъ право не только заботиться объ охраненіи имущества малолѣтнихъ, но и отчуждать это имущество для уплаты долговъ. Опекаемые, по достиженіи совершеннолѣтія, могли жаловаться на дѣйствія опекуна имъ вредныя.

Въ имперіи учрежденіе опеки получаетъ существенныя измѣненія. Правительство установляетъ особые органы, которые должны заботиться о назначеніи опекуновъ и контролировать ихъ дѣйствія. Впервые эта мысль была высказана Петромъ В. въ учрежденіи магистратовъ. На магистраты возложена обязанность назначать опекуновъ, если родители ихъ не назначили. Опекуны даютъ обязательство магистратамъ въ томъ, что будутъ не только заботиться объ имуществѣ малолѣтнихъ, но и обучать дѣвочекъ грамотѣ, а мальчиковъ, сверхъ того, ариѳметикѣ и другимъ наукамъ, къ которымъ они окажутся способными. Имущество малолѣтнихъ опекунъ долженъ сохранять и пріумножать; по достиженіи малолѣтнимъ совершеннолѣтія, опекунъ даетъ отчетъ магистрату въ своихъ дѣйствіяхъ. Дальнѣйшее развитіе этихъ постановленій Петра В., изданныхъ только для горожанъ, принадлежитъ Екатеринѣ II. Она примѣнила ихъ ко всѣмъ сословіямъ. Для горожанъ былъ учрежденъ Сиротскій Судъ, обязанность котораго состояла въ охраненіи интересовъ сиротъ городскаго сословія, для дворянъ—Дворянская Опека съ тѣмъ же назначеніемъ. Она

подробно опредѣлила качества лицъ, которыя могутъ быть назначаемы въ опекуны. При Петрѣ требовалось уже, чтобы это были люди добрые и честнаго поведенія, хотя бы и не родственники. При Екатеринѣ, сверхъ того, требуется, чтобы они не были банкротами, суроваго нрава, и не состояли во враждѣ съ родителями опекаемаго. Опекуны должны были ежегодно представлять отчетъ о своей дѣятельности. Отчуждать недвижимое имущество малолѣтнихъ, для уплаты долговъ, они могли, но всякій разъ съ разрѣшенія правительственныхъ мѣстъ. За свой трудъ опекуны получали 5% изъ доходовъ малолѣтнихъ. Екатерина II обратила вниманіе и на опеку у крестьянъ. Въ видѣ опыта, опредѣленъ былъ порядокъ опеки для крестьянъ Екатеринославскаго намѣстничества. На старостъ и старшинъ возлагалась обязанность пріискивать средства для пропитанія малолѣтнихъ. Съ этою цѣлью они должны были отдавать безпомощныхъ сиротъ состоятельнымъ односельчанамъ во дворъ съ тѣмъ, чтобы они кормили ихъ, а въ вознагражденіе пользовались, до совершеннолѣтія, ихъ трудами. На старосту возлагалась обязанность наблюдать, чтобы эти опекуны содержали малолѣтнихъ изрядно и не изнуряли работами. Въ царствованіе Александра I контроль опекунскихъ учрежденій былъ распространенъ и на самихъ родителей. До него, если, по смерти отца или матери, пережившій супругъ дѣлался опекуномъ, дѣйствія его по опекѣ не подлежали контролю, такъ какъ предполагалось, что отецъ или мать не могутъ дѣйствовать во вредъ интересамъ своихъ дѣтей (Неволинъ I, 404 и сл.).

Съ Петра В. устанавливается опека надъ безумными, а также надъ жестокими помѣщиками, которые слишкомъ сурово обращались съ крестьянами.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Вещныя права.

Введеніе.

Мы видѣли уже ту преобладающую роль, которая въ Московскомъ государствѣ принадлежала управленію, и какъ управленіе мало стѣснялось правами частныхъ лицъ. Нерѣдкіе въ Москвѣ примѣры неуваженія правительства къ правамъ частной собственности навели нѣкоторыхъ нашихъ изслѣдователей на мысль, что въ древней Россіи и ближайшимъ образомъ въ Московскомъ государствѣ частной поземельной собственности вовсе и

ве было, а вся земля принадлежала московскому государю. Такое воззрѣніе высказалъ Лакіеръ въ своемъ изслѣдованіи о помѣстьяхъ и вотчинахъ. „Все государство, говоритъ онъ, есть предметъ княжеской собственности и ближайшимъ образомъ земли крестьянъ черныхъ волостей составляютъ собственность государя“. Такого же взгляда держался и Морошкинъ въ изслѣдованіи о владѣніи. Думаютъ, что все государство считалось частной собственностью московскихъ государей, и что это былъ исконный порядокъ. Все, что находится въ предѣлахъ княженія, есть собственность князя, кромѣ земель церковныхъ и монастырскихъ. Неволинъ, до нѣкоторой степени, склоняется къ тому же взгляду, но онъ недумаетъ, чтооэто исконный порядокъ; такъ пошло, по его мнѣнію, съ монголвъ. Завоевавъ русскую землю, татары разсматривали ее, какъ свою собственность. Этотъ взглядъ былъ перенесенъ и на моско скихъ государей, которые, какъ преемники хановъ, тоже могли быть разсматриваемы собственниками всей земли. Нельзя отрицать, что примѣръ татаръ могъ произвести измѣненіе во взглядахъ князей не только на государственную власть, но и на значеніе частной собственности, но всетаки въ изложенномъ мнѣніи есть нѣкоторое преувеличеніе. Если и совершенно вѣрно, что московскіе государи не уважали частной собственности и въ случаѣ нужды обращали ее на государственныя потребности, то это вовсе еще не значитъ, что они разсматривали всю землю, какъ свою собственность. Мы имѣемъ достаточно указаній, изъ которыхъ видно, что московскіе государи рядомъ съ своею собственностью признавали и частную собственность другихъ лицъ. Въ княжескихъ договорахъ, напр., встрѣчаемся съ такимъ условіемъ: „въ чужомъ удѣлѣ селъ и деревень не покупать“. Ясно, что если бы въ предѣлахъ княженій всѣ села и деревни принадлежали въ собственность князьямъ, то не было бы ни малѣйшей нужды вставлять въ договоры такое условіе, потому что въ этомъ случаѣ отъ князя зависѣло бы продавать свои земли или не продавать. Если же ставится подобное условіе, то, значитъ, были земли, принадлежавшія не князьямъ, которыя могъ купить всякій. Затѣмъ мы знаемъ, что вотчины служилыхъ людей признавались ихъ частною собственностью, хотя бы они и не служили князю того удѣла, въ которомъ находится вотчина. Но не только за боярами и служилыми людьми, права собственности на землю надо признать и за черными. Въ договорахъ XIV в. князья между собою соглашаются земель черныхъ людей и тяглыхъ въ чужомъ удѣлѣ не покупать. Ясно, что эти земли не принадлежали князьямъ, а составляли частную собственность тяглыхъ людей. Приведенныхъ указаній довольно для того, чтобы было видно, что въ Московскомъ государствѣ была частная собственность, что не всѣ земли принадлежали

московскимъ государямъ. Малое уваженіе частной собственности есть обыкновенное слѣдствіе развивающагося абсолютизма. То же самое встрѣчаемъ и на Западѣ, гдѣ право абсолютной власти вмѣшиваться въ права частныхъ собственниковъ сознавалось и высказывалось королями съ такою рѣшительностью, на которую въ нашей исторіи нѣтъ никакихъ указаній. Людовикъ XIV, сказавшій „государство это—я“, написалъ наставленіе своему дофину, въ которомъ, между прочимъ, высказываетъ слѣдующія мысли: „все, что находится въ предѣлахъ нашихъ владѣній, принадлежитъ намъ; вы должны быть убѣждены, что короли суть абсолютные правители и что имъ, естественно, принадлежитъ полное и свободное распоряженіе всѣми имуществами, которыя принадлежатъ какъ церквамъ, такъ и свѣтскимъ людямъ, съ тѣмъ, чтобы пользоваться ими, какъ прилично мудрому хозяину“. Это, однако, ни кому не мѣшаетъ признавать во Франціи бытіе частной собственности даже въ царствованіе Людовика XIV. У насъ же, какъ справедливо было замѣчено, не было даже того общераспространеннаго на Западѣ правила, по которому земля, ни кѣмъ не занятая, принадлежитъ королю. У насъ ни кѣмъ не занятая земля была ничья (res nullius), пока князю не вздумается предъявить на нее свои права.

Слово „собственность“ въ Московскомъ государствѣ еще не употреблялось; то, что теперь называется собственностью, тогда называлось „своимъ имуществомъ“, „въ прокъ“ кому-нибудь принадлежащимъ. Всякое лицо, которое чѣмъ-нибудь владѣетъ „въ прокъ“, которое что-нибудь „освоило себѣ“ и распоряжается освоеннымъ, продаетъ, закладываетъ, даетъ по душѣ и пр., и было собственникомъ. Освоить въ прокъ значитъ владѣть на правѣ полной собственности. Если же кто нибудь передавалъ свое имущество другому не въ прокъ, то говорилось: „въ прокъ тебѣ не освоить, ни продать, ни подарить, ни по душѣ отдать“.

Вотчины.

Слово вотчина очень старинное, но не всегда употреблялось въ одномъ и томъ-же смыслѣ. Первоначально словомъ вотчина обозначалось имущество, принадлежавшее отцу; если имущество принадлежало дѣду, говорили „дѣдина“. Если отцовское имущество досталось дѣтямъ, слово вотчина указывало на способъ пріобрѣтенія. Въ этомъ смыслѣ и княженіе, доставшееся отъ отца, есть отчина. Такъ какъ дѣти получали отъ отцовъ не только земли въ уѣздѣ, но и городскіе дворы, лавки и пр., то и эти имущества назывались вотчинами. Позднѣе, въ Московскомъ государствѣ, со словомъ „вотчина“ начинаютъ соединять всю совокупность правъ, которыя принадлежатъ вотчинникамъ

по отношенію къ вотчинамъ. У вотчинниковъ другія права, отличныя отъ помѣстныхъ правъ. Вмѣстѣ съ этимъ слово вотчина начинаетъ примѣняться не только къ землямъ, которыя дошли отъ отца, а и къ такимъ, которыя пріобрѣтены путемъ купли, даренія, пожалованія. Собственно „купленная вотчина“ есть безсмыслица, если принимать слово вотчина въ буквальномъ смыслѣ; но здѣсь слово вотчина означаетъ сумму вотчинныхъ правъ, независимо отъ способа пріобрѣтенія. Для обозначенія-же вотчинъ въ первоначальномъ смыслѣ стали говорить „родовыя вотчины“. Какимъ бы путемъ ни была пріобрѣтена вотчина, вотчинныя права, за небольшими исключеніями, всегда одинаковы.

Вотчинникамъ принадлежало право распоряженія вотчинами. Они могли отчуждать ихъ всякими способами, дарственно и возмездно, могли завѣщать, закладывать и пр. Первое ограниченіе дарить вотчины и распоряжаться ими на случай смерти послѣдовало въ 1679 г. Отъ этого года имѣемъ докладъ, сдѣланный государю, въ которомъ говорится, что нѣкоторые люди отдаютъ свои выслуженныя и родовыя вотчины въ чужія руки безденежно, а послѣ ихъ смерти дѣти ихъ бьютъ челомъ, чтобы имъ тѣ вотчины возвратить. Докладъ оканчивается вопросомъ, какъ поступать въ этомъ случаѣ: возвращать-ли вотчины родственникамъ, или нѣтъ? Этотъ докладъ былъ сдѣланъ государю потому, что въ Уложеніи не было никакого запрещенія дарить вотчины. На докладъ послѣдовала такая резолюція: если подаренныя имѣнія уже справлены за тѣми, кому подарены, то ихъ назадъ къ дѣтямъ не поворачивать, а оставить за пріобрѣтателями; но впредь даренія родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ не допускать, если у дарителей есть дѣти и внуки. Право даренія, слѣдовательно, было ограничено для тѣхъ, у кого были нисходящіе; если-же были только боковые родственники, то дарить можно по прежнему, у боковыхъ родственниковъ только право выкупа. Въ томъ-же году состоялось и другое ограниченіе: было запрещено завѣщать родовыя и выслуженныя вотчины постороннимъ лицамъ не только помимо дѣтей, но даже и помимо боковыхъ родственниковъ. Поводъ къ запрещенію дали такія-же жалобы со стороны дѣтей и боковыхъ родственниковъ, которые были недовольны тѣмъ, что родовыя и выслуженныя имѣнія переходятъ по завѣщаніямъ въ чужія руки. Такъ какъ Уложеніе не ограничивало распоряженій на случай смерти, то и былъ сдѣланъ государю докладъ, на который и послѣдовала вышеприведенная резолюція. Право распоряженія купленными вотчинами осталось на прежнемъ основаніи, безъ всякихъ ограниченій. Были и другія ограниченія права распоряженія вотчинами, но болѣе спеціальнаго характера. Таково: 1) запрещеніе отдавать свои вотчины „по душѣ“, о чемъ рѣчь была выше. Не смотря на за-

прещенія, послѣдовавшія въ XVI в., отдача „по душѣ“ продолжалась. Жалованныя грамоты на вотчины начала XVII вѣка предоставляютъ даже право пожалованныя вотчины отдавать по душѣ. Составители Уложенія нашли нужнымъ подтвердить прежнія запрещенія. 2) Второе ограниченіе касается права распоряженія княженецкими вотчинами. Служилымъ князьямъ воспрещалось продавать свои вотчины помимо братьевъ и племянниковъ и отдавать ихъ въ приданое за дочерями и сестрами. Въ порядкѣ законнаго наслѣдованія вотчины эти шли только наслѣдникамъ мужскаго пола, а въ боковой линіи не далѣе 7-й степени родства. При отсутствіи такихъ наслѣдниковъ вотчины шли въ пользу государя. Такимъ образомъ, была принята цѣлая совокупность мѣръ къ тому, чтобы вотчины служилыхъ князей перешли мало по малу въ собственность московскаго государя. 3) Наконецъ, послѣднее частное ограниченіе состояло въ томъ, что нѣкоторыя лица, имѣвшія вотчины въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, не имѣли права пріобрѣтать ихъ въ другихъ. Такъ, напр., бѣлозерцамъ запрещено было отчуждать свои вотчины дворянамъ другихъ городовъ; служилымъ людямъ московскаго уѣзда было запрещено пріобрѣтать вотчины въ украйныхъ городахъ и пр.

Рядомъ съ правомъ отчужденія вотчинъ стояло право ихъ выкупа. Разсмотримъ, кому принадлежало это право по указамъ, какихъ вотчинъ касалось и при какихъ условіяхъ имѣло мѣсто.

Право выкупа принадлежало боковымъ родственникамъ за исключеніемъ тѣхъ, которые подписались свидѣтелями въ актѣ продажи. Подпись на актѣ разсматривалась, какъ отказъ отъ права выкупа. Нисходящіе не имѣли права выкупа, какъ и самъ продавецъ. Боковые родственники допускались къ праву выкупа въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ они допускались къ наслѣдованію. Судебникъ 1550 г. говоритъ о выкупѣ вотчинъ, но не купель (85). Подъ вотчинами, можетъ быть, надо здѣсь разумѣть родовыя и выслуженныя. По Уложенію купли выкупу также не подлежатъ, а, между тѣмъ, въ жалованныхъ грамотахъ писалось: „а буде продастъ въ чужой родъ жалованную вотчину, а кто ихъ роду захочетъ ту вотчину выкупить, и имъ выкупать по прежнему Уложенію, какъ ихъ родовыя и купленныя вотчины выкупаютъ“. Отсюда надо, кажется, заключить, что были случаи и выкупа купель.

Что касается условій, при которыхъ возможенъ выкупъ, то до 1679 г. выкупъ допускался только въ случаѣ возмезднаго отчужденія, т. е. въ случаѣ продажи вотчинъ, а если кто-нибудь дарилъ вотчину, ее нельзя было выкупать. Эта разница съ теченіемъ времени исчезаетъ; въ 1679 г., въ указѣ, воспрещающемъ, при существованіи нисходящихъ, дарить вотчины постороннимъ лицамъ, боковымъ родственникамъ дозволено было

выкупать подаренныя вотчины. По Судебнику выкупатель поставленъ былъ въ весьма стѣснительныя условія. Выкупленную вотчину онъ не могъ продавать, закладывать же могъ только своимъ родственникамъ. Самый выкупъ онъ долженъ былъ сдѣлать на свои деньги, а не на занятыя. Это, конечно, было сдѣлано въ видахъ ограниченія правъ перваго покупщика, чтобы выкупъ не перешелъ въ перепродажу изъ выгоды. Первоначально, въ XVI в., выкупъ вотчинъ происходилъ, кажется, не по цѣнѣ, указанной въ купчей, а по оцѣнкѣ; въ XVII вѣкѣ по цѣнѣ, означенной въ купчей и, сверхъ того, приплачивалось по оцѣнкѣ за тѣ улучшенія и постройки, которыя были сдѣланы въ купленномъ имѣніи. Срокъ, въ теченіи котораго можно было производить выкупъ, былъ довольно продолжительный, а именно 40-лѣтній. Этотъ длинный срокъ былъ очень невыгоденъ для покупщика, который въ теченіи цѣлыхъ 40 лѣтъ не могъ имѣть увѣренности, что имѣніе останется за нимъ (Неволинъ III, 76 и сл.).

Какъ объяснить происхожденіе выкупа *)? Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей, а именно сторонники родовой теоріи, говорятъ, что право выкупа коренится въ родовыхъ имуществахъ, что прежде существовала не личная, а родовая собственность, а потому, если кто-нибудь продавалъ имущество, то родственники имѣли право его выкупить. Противъ такого объясненія выступилъ очень основательно Неволинъ. Такъ какъ собственникомъ родовыхъ имуществъ былъ родъ, говоритъ Неволинъ, то отдѣльныя лица вовсе не имѣли права отчуждать ихъ; вотчины могли отчуждаться только родомъ въ цѣломъ своемъ составѣ. А если имущество продавалось родомъ, то у отдѣльныхъ членовъ рода не могло остаться права выкупа.—На стр. 69 и сл. (Т. III) Неволинъ развиваетъ свои предположенія о происхожденіи выкупа.

Изложенныя выше правила выкупа взяты изъ Судебника 1550 г. и послѣдовавшихъ за нимъ указовъ. Это „указный“ выкупъ. Указному выкупу предшествовала, конечно, народная практика, которая и вызвала необходимость опредѣлить порядокъ выкупа царскими указами.

---

*) Выкупъ встрѣчается не только у насъ, но и въ Германіи, гдѣ корень этого института представляется болѣе яснымъ. Въ Германіи выкупъ примѣнялся къ такъ называемымъ наслѣдственнымъ имуществамъ (Erbgut). Владѣльцы не могли свободно распоряжаться своими наслѣдственными имуществами; они должны были переходить въ порядкѣ законнаго наслѣдованія. У наслѣдника было уже право на такое имущество. Право продажи принадлежало владѣльцу только въ крайнихъ случаяхъ, но и въ такихъ случаяхъ владѣлецъ долженъ былъ предложить прежде всего предполагаемому наслѣднику купить имѣніе. Изъ этого права первой покупки въ Германіи и выработалось потомъ право выкупа въ теченіи одного года со днемъ. Въ нѣмецкомъ правѣ этотъ институтъ стоитъ въ связи съ ограниченнымъ правомъ распоряженія наслѣдственными имуществами.

Въ собраніяхъ древнихъ актовъ и особенно въ актахъ юридическихъ находимъ любопытныя указанія на бытовую практику, которая во многомъ отступаетъ отъ указнаго выкупа.

Въ древнее время, покупая что либо, недостаточно было сказать я купилъ, но надо было прибавлять „купилъ въ прокъ, безъ выкупа“, или, для продавца: „продалъ въ прокъ, безъ выкупа“.

Это указываетъ на то, что слова: купить и купля не имѣли первоначально того опредѣленнаго техническаго значенія, какое мы теперь съ ними соединяемъ (купля—продажа). Если, для обозначенія купли—продажи, къ глаголу купилъ надо было прибавить купилъ въ прокъ, безъ выкупа, то безъ этой прибавки, слѣдовательно, глаголъ купить не обозначалъ еще такого дѣйствія, послѣдствіемъ котораго былъ переходъ правъ собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія. Онъ могъ обозначать и всякій временный переходъ недвижимости изъ рукъ въ руки: наемъ, передачу залога во временное пользованіе заимодавца и пр. Вмѣсто „нанимаемъ землю“ и теперь крестьяне лужскаго уѣзда говорятъ: купляемъ землю (это широкое значеніе слова купить не замѣчено Толковымъ Словаремъ Даля).

Такъ какъ слово „купить“ не имѣло одного опредѣленнаго смысла, то и приходилось при каждой куплѣ оговаривать, на какихъ основаніяхъ недвижимость переходитъ изъ рукъ въ руки. Опредѣленіе этихъ основаній вполнѣ зависѣло отъ воли и соглашенія сторонъ. Если имѣли въ виду отчужденіе собственности, говорили: купилъ во вѣки, въ прокъ, въ дернь, безъ выкупа. Такія оговорки весьма употребительны въ актахъ XV и XVI в. (Неволинъ приводитъ ихъ довольно много на стр. 61 пр. 297, т. III) и имѣютъ мѣсто какъ при продажѣ вотчинъ, такъ и при продажѣ тяглыхъ земель (А. 10. № 23, 1571 г.).

Если можно было продать безъ выкупа, то, конечно, можно было продать и съ выкупомъ. Дѣйствительно, есть акты, въ которыхъ продавцы выговариваютъ себѣ право выкупа.

Въ купчей 1568 года читаемъ: „се азъ Андрей Нечай, Ивановъ сынъ, Дураковъ своимъ сыномъ съ Никитою продали есмя Ивану, Ѳедорову сыну, Межникову... полъ обжи земли... А продали есми ему въ дернь безъ выкупа... А добуду язъ Нечай съ сыномъ своимъ сорокъ рублевъ денегъ на Покровъ Святѣй Богородицы 7070 года, и намъ Ивану дати подъ тѣ деревни та сорокъ рублевъ денегъ на Покровъ же Святѣй Богородицы, да и за рожь намъ дати, за сѣмена Ивану, за бочку за всякую по 15 алтынъ на тотъ же срокъ, а Ивану отдати ся купчая намъ назадъ и деревня; а не добудемъ мы тѣхъ денегъ и не дадимъ Ивану на тотъ срокъ, ино ся наша купчая въ купчую и отводная въ дернь, безъ выкупа“. (А. Ю № 86).

Здѣсь право выкупа выговорено для самихъ продавцовъ, но ограничено опредѣленнымъ срокомъ.

Иногда выговаривалось не право выкупа, а право покупки, въ случаѣ желанія пріобрѣтателя продать купленную недвижимость. Въ 1508 г., князь Ѳедоръ Даниловичъ, продавая свою вотчину племянникамъ, выговорилъ себѣ пожизненное владѣніе, а братьямъ своимъ право купить проданную имъ вотчину, если племянники вздумаютъ ее продать, заложить и пр. Покупщики обязались: „мимо дядь своихъ той вотчины не продать, не заложить, не обмѣнить“ (№ 13). Дяди, которымъ предоставлено право покупки, подписались свидѣтелями.

Такъ же свободно опредѣлялись условія и при безвозмездномъ отчужденіи, при дареніи. Въ 1563 г., кн. Дмитрій Ивановичъ Нѣмой подарилъ Волоколамскому монастырю село съ деревнями „въ прокъ, безъ выкупа, безъ отмѣны“. Но затѣмъ въ дарственной идутъ такія условія: 1) жить мнѣ въ своей отчинѣ до живота; 2) а родятся у меня дѣти, и то село съ деревнями имъ, а монастырю они дадутъ 700 р.; 3) а послѣ моего живота женѣ моей, брату, племянникамъ и всему роду до той вотчины дѣла нѣтъ (№ 115). Здѣсь право выкупа предоставлено дѣтямъ дарителя, о боковыхъ же его родственникахъ и женѣ прямо сказано, что имъ даритель такого права не предоставляетъ.

Изъ приведенныхъ актовъ надо вывести, что право распоряженія не только вотчинами, но и тяглыми землями, первоначально не подлежало у насъ ни какимъ ограниченіямъ. Недвижимости отчуждались собственникомъ въ прокъ, во вѣки, въ дернь, безъ всякаго на то согласія членовъ семьи или родственниковъ вообще. Но собственникъ могъ, при отчужденіи, выговорить такія условія, какія находилъ нужнымъ, относительно пожизненнаго владѣнія отчужденнымъ имѣніемъ, выкупа его впослѣдствіи, очистокъ и пр.

Такова была практика. Но эта живая и крайне разнообразная практика могла вести къ своего рода неудобствамъ. Русскій человѣкъ очень мало формалистъ и не всегда считаетъ нужнымъ точно формулировать свои юридическія отношенія. Поэтому нерѣдко, конечно, случалось, что передача недвижимостей происходила въ такой неопредѣленной формѣ, которая легко могла по смерти непосредственныхъ участниковъ сдѣлки возбуждать споры о тѣхъ условіяхъ, на основаніи которыхъ она произошла. Это было тѣмъ болѣе возможно, что слова „купить и продать“ не имѣли опредѣленнаго техническаго значенія. Наслѣдники продавца могли доказывать, что отчужденіе было сдѣлано условно, а не въ прокъ, и на этомъ основаніи домогаться выкупа; покупатель или его наслѣдники, наоборотъ, могли доказывать, что пріобрѣли безъ выкупа. Эта неопредѣ-

ленность, свойственная, впрочемъ, всякому обычному праву, и должна была вызвать указное опредѣленіе о томъ, чего держаться судамъ въ случаѣ споровъ, возникающихъ изъ продажъ. Относящаяся сюда статья Судебника начинается такъ: „А о вотчинахъ судъ. Кто вотчину продастъ, и дѣтемъ его и внучатомъ до тоѣ вотчины дѣла нѣтъ и не выкупити ее имъ...“ (85). Это начало показываетъ, что поводъ къ статьѣ дала судебная практика, тѣ споры которые, возбуждали, между прочимъ, нисходящіе наслѣдники поповоду продажъ, совершенныхъ ихъ отцами и дѣдами.

Указное опредѣленіе даетъ совершенно новый характеръ выкупу, какого онъ не имѣлъ въ народной практикѣ. Боковые родственники получили право выкупа и при томъ въ теченіи 40 лѣтъ; по обычной же практикѣ—предоставленіе имъ выкупа зависѣло отъ усмотрѣнія продавца.

Нисходящіе и тѣ изъ боковыхъ, которые подписались послухами въ купчихъ, къ выкупу не допускаются, продавцы же и въ ихъ пользу выговаривали выкупъ. Судебникъ ничего не говоритъ о правѣ выкупа продавца, а по купчимъ они выговаривали и себѣ это право. Наконецъ, Судебникъ говоритъ только о выкупѣ вотчинъ, а въ актахъ выговаривали выкупъ и тяглыхъ земель.

Постановленія Судебника непремѣнно должны были повести къ измѣненію бытовой практики. Выраженія „продажа и купля“ должны были получить то значеніе, какое мы соединяемъ съ ними теперь. Но эта перемѣна произошла не сразу. Приведенные выше акты, въ которыхъ еще живетъ бытовая практика, всѣ относятся къ XVI в. Такимъ образомъ, въ эпоху Судебника живутъ еще рядомъ указный выкупъ и бытовая практика, противъ которой онъ направленъ.

Неволинъ сомнѣвается въ глубокой древности указнаго выкупа (67). Несоотвѣтствіе указнаго выкупа съ бытовымъ вполнѣ подтверждаетъ возможность такого сомнѣнія. Указный выкупъ, конечно, не древнѣе XVI в. Что онъ несоотвѣтствуетъ бытовому, это не должно насъ удивлять. Указы московскихъ государей существенно измѣняютъ народный бытъ.

Вотчинникамъ принадлежало право сбора мостовыхъ пошлинъ въ предѣлахъ ихъ владѣній. Это право возникало иногда на основаніи жалованныхъ грамотъ, а иногда въ силу обычая, безъ всякихъ грамотъ. Мы уже знаемъ, что Ѳедоръ Ивановичъ въ 1596 г. взялъ этотъ сборъ на себя, а вотчинникамъ выдавалъ только половину пошлинъ. Михаилъ Ѳедоровичъ въ 1642 году дозволилъ брать пошлины только тѣмъ, у кого были грамоты, а въ 1654 г. и для нихъ отмѣнилъ это право.

Съ прикрѣпленія крестьянъ, къ вотчиннымъ правамъ присоединилось и право на крѣпостныхъ.

Вотчинники были свободными обладателями своихъ вотчинъ только до возникновенія обязательной для нихъ службы государству; съ этого-же времени по 1762 г. они обладали вотчинами на условіи службы и лишались ихъ, если уклонялись отъ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей. Но военная служба вотчинниковъ освобождала ихъ вотчины отъ чернаго тягла, хотя и не совершенно. Въ этомъ смыслѣ вотчинныя земли назывались «бѣлыми сохами», т. е. свободными отъ тѣхъ повинностей, которыя лежали на черныхъ сохахъ. Это не значитъ, что съ вотчинныхъ земель не шло никакихъ податей въ государеву казну. Подати платились и съ вотчинныхъ земель, но во 1-хъ, въ меньшемъ размѣрѣ, такъ какъ вотчинныя сохи были крупнѣе, и во 2-хъ, можно думать, что не всѣ повинности, лежавшія на черныхъ земляхъ, распространялись и на вотчинныя.

Тяглыя земли.

Подъ тяглыми землями надо разумѣть такого рода недвижимую собственность, на которой лежало черное тягло, т. е. всякаго рода повинности деньгами, натурою и черными службами. Тяглыми имуществами были уѣздныя земли, дворы въ городахъ, соляныя варницы, лавки и т. под. Первоначально тяглыя имущества могли пріобрѣтать и служилые люди, но должны были нести тѣ повинности, которыя на нихъ лежали. Съ теченіемъ времени право владѣнія этими имуществами было ограничено тяглыми людьми, да мелкими служилыми, стрѣльцами, пушкарями и т. п.

Тяглымъ людямъ принадлежали права собственности въ тяглыхъ имуществахъ, они могли продавать ихъ, закладывать, дарить, выкупать какъ и вотчинники. Это право свободнаго распоряженія было ограничено въ XVII вѣкѣ, когда послѣдовалъ рядъ указовъ, воспрещающихъ тяглымъ людямъ продавать свои имущества бѣломѣстцамъ.

Нѣкоторые наши изслѣдователи не признаютъ за тяглыми людьми правъ собственности на тяглыя земли. Къ этому мнѣнію склоняется и Неволинъ, онъ говоритъ, что у тяглыхъ было только право вѣчнаго и потомственнаго владѣнія, а право собственности въ тяглыхъ имуществахъ было у казны. Но если къ праву вѣчнаго и потомственнаго владѣнія мы прибавимъ право распоряженія, также принадлежавшее чернымъ людямъ, то это и будетъ ничто иное, какъ собственность.—Въ силу того, что московскіе государи употребляютъ черныя земли на нужды государства и свои, жалуютъ и раздаютъ ихъ служилымъ людямъ, при-

писываютъ ко дворцамъ *), количество черныхъ земель постоянно уменьшается.

Помѣстья.

Подъ помѣстьемъ, въ обыкновенномъ смыслѣ слова, разумѣется цѣлое имѣніе, т. е. такой хозяйственный участокъ земли, въ составъ котораго входитъ извѣстное количество дворовой и пахатной земли, лѣсовъ и луговъ. Кромѣ того, въ помѣстья давались иногда и отдѣльныя угодья: рыбныя ловли, бобровые гоны и пр. „Данные дворы" не называются помѣстьями, но до нѣкоторой степени имъ соотвѣтствуютъ. Они даются служилымъ людямъ въ городахъ на условіи службы. Всѣ споры о такихъ дворахъ рѣшались по помѣстнымъ статьямъ. Собственникомъ помѣстья былъ государь: помѣщикъ только условный владѣлецъ. Между помѣстными и вотчинными правами первоначально существовало глубокое различіе; дальнѣйшая-же исторія помѣстій состоитъ въ томъ, что они понемногу сближаются съ вотчинами и, наконецъ, сливаются съ ними. Помѣщику принадлежало только право пользованія произведеніями помѣстныхъ земель, и то временно и условно, пока онъ служилъ. Самое-же помѣстье онъ долженъ былъ сохранять въ томъ видѣ, какъ получилъ, и не пустошить, т. е. онъ не долженъ былъ вырубать лѣсовъ и переводить крестьянъ въ другія помѣстья или въ свои вотчины. Права распоряженія онъ не имѣлъ. Если помѣщикъ пустошилъ помѣстье, переводилъ или разгонялъ крестьянъ, помѣстье отбиралось у него. Вотъ въ чемъ заключались первоначальныя особенности помѣстныхъ правъ. Сближеніе помѣстныхъ правъ съ вотчинными идетъ довольно медленно. Только въ императорскую эпоху уничтожаются послѣднія различія между помѣстьями и вотчинами и тѣ и другія безразлично соединяются въ общемъ понятіи недвижимыхъ имуществъ. При Иванѣ Грозномъ принято за правило: по смерти помѣщика только въ томъ случаѣ отдавать его помѣстье постороннему человѣку, а не сыну, если сынъ не годенъ къ тому роду службы, которую несъ отецъ. Это повело къ наслѣдственности помѣстій. За службу отца правительство находило справедливымъ обезпечить и дочерей его; по смерти отцовъ имъ тоже стали нарѣзать участки. Въ хозяйственныхъ цѣляхъ помѣщикамъ было предоставлено право мѣнять свои помѣстныя земли, на помѣстныя-же, первоначально для

---

*) Сынъ Ивана III, Дмитрій Ивановичъ, „придалъ черныя земли къ своимъ деревнямъ". Или, напр., въ 1621 г. Юрію Лермонту даны были „пустоши и деревни въ черныхъ волостяхъ" 461 четь въ полѣ. Лермонтъ былъ въ чинѣ поручика и названъ человѣкомъ стараго выѣзда изъ Шкотской земли.

уничтоженія чрезполосицы. Помѣщики такъ воспользовались этимъ правомъ, что мѣна мало чѣмъ отличалась отъ купли-продажи. Малоземельныя помѣстья мѣнялись на многоземельныя, а въ приплату брались деньги. Мѣна замѣняла имъ и дареніе, совершать которое они не имѣли право. Кромѣ мѣны, помѣщикамъ принадлежало право сдачи помѣстій. Подъ сдачею разумѣется право передать помѣстье другому лицу съ тѣмъ, чтобы оно кормило и содержало передавшаго помѣстье. Право сдачи принадлежало женщинамъ и дряхлымъ людямъ, которые затруднялись управлять лично имѣніемъ. Дѣвица, выходя замужъ, сдавала свою часть помѣстья мужу. Но и помимо выхода замужъ каждая помѣщица могла сдать свой участокъ, полученный для кормленія, родственнику съ тѣмъ, чтобы онъ кормилъ ее и содержалъ; тоже дѣлали старики. Сдачею въ XVII вѣкѣ также стали пользоваться для того, чтобы подъ видомъ сдачи продавать помѣстья. Правительство воспротивилось этому; въ 1685 г. послѣдовало запрещеніе сдавать помѣстья за деньги. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ дозволено было изъ помѣстья давать приданое за дочерями. Уложеніе дозволило, наконецъ, продавать помѣстья, но всякій разъ по особому указу государя.

Права на чужія вещи.

Въ московскихъ памятникахъ они сложились подъ несомнѣннымъ вліяніемъ византійскаго права.

Сервитуты раздѣляются на личные и реальные. Признакъ личныхъ состоитъ въ томъ, что право на чужую вещь принадлежитъ непосредственно извѣстному лицу; подъ реальными разумѣютъ такіе, когда право на чужую вещь принадлежитъ не прямо извѣстному лицу, а чрезъ посредство недвижимой собственности, напр., сосѣдняго поземельнаго участка. Въ этомъ случаѣ право на чужую вещь неотдѣлимо отъ недвижимости и переходитъ вмѣстѣ съ нимъ къ каждому владѣльцу. Въ Московскомъ государствѣ встрѣчаемся съ тѣми и другими. Такъ, ратные люди во время похода могли останавливаться на прилежащихъ къ дорогѣ лугахъ, которые съ этою цѣлью не должны были запираться ранѣе Троицына дня, а послѣ Троицына дня они могли пользоваться пространствомъ въ 3 сажени отъ дороги. Служилые люди, идя на войну, могли въѣзжать въ прилежащіе къ дорогѣ лѣса для добычи дровъ и кольевъ для постройки палатокъ. Къ реальнымъ сервитутамъ принадлежали слѣдующіе. Владѣлецъ вышележащаго имѣнія могъ запретить владѣльцу нижележащаго имѣнія строить плотину, если отъ этого покрывались водой его луга. Къ этимъ сервитутамъ нужно отнести и права угодій, напр., право владѣльцевъ извѣстныхъ имѣній въѣзжать въ чужія лѣсныя дачи,

чтобы рубить лѣсъ, ловить въ озерахъ рыбу, имѣть бортныя деревья и т. п. Это право въѣзда было весьма точно опредѣлено Уложеніемъ: такъ, кто имѣлъ право въѣзда для пчеловодства, то ему позволялось устраивать только улья на деревьяхъ, но самыми деревьями онъ не могъ пользоваться, онъ не могъ ихъ рубить и брать для постройки. Если-бы даже какое-нибудь дерево сгнило и свалилось, онъ не имѣлъ права взять его въ свою пользу, такъ какъ ему принадлежало только право бортныхъ угодій.

Кромѣ того, въ Уложеніи есть и такъ называемые городскіе сервитуты, они всѣ заимствованы изъ римскаго права. Къ нимъ относятся слѣдующіе. Никто не имѣлъ права строить домъ на межѣ своего участка; никто не могъ ставить печи къ стѣнѣ своего сосѣда; никто не имѣлъ права сваливать соръ и всякую нечистоту и лить воду съ крыши своего дома на чужую сторону. Эти ограниченія были сдѣланы въ пользу сосѣднихъ участковъ; владѣлецъ сосѣдняго дома могъ требовать, чтобы сосѣдъ сломалъ свой домъ, если онъ пристроенъ къ его дому, чтобы онъ сломалъ печку, если она сдѣлана къ его стѣнѣ и т. п. (Неволинъ II 276 и сл.).

Измѣненія въ имперіи.

Въ имперіи произошли въ вещныхъ правахъ существенныя измѣненія. Петръ В. не дѣлаетъ никакого различія между вотчинами и помѣстьями; новые его законы о порядкѣ наслѣдованія, распоряженія и пользованія относятся ко всѣмъ видамъ недвижимыхъ имѣній. Далѣе, сглаживается различіе между бѣлыми и черными сохами, въ силу измѣненія системы податей. Въ жалованной грамотѣ городамъ Екатерина предоставляетъ дворянамъ право имѣть городскую собственность, возлагая, вмѣстѣ съ тѣмъ, на нихъ и обязанность нести соотвѣтствующія повинности. Старое понятіе „бѣлыхъ дворовъ“ исчезло. Въ импер. Россіи слагается и слово „собственность“. Прежде, чѣмъ появилось это существительное, употреблялось прилагательное, въ памятникахъ встрѣчаются, напр., такія выраженія: „у кого есть собственнаго своего достатка“ (Неволинъ II, 121).

Въ правахъ, принадлежащихъ собственникамъ, произошли также существенныя измѣненія. Нѣкоторыя изъ нихъ были введены Петромъ В., но не долго удержались въ нашемъ законодательствѣ. Петръ ввелъ крайнее ограниченіе права распоряженія недвижимыми имуществами. Это нововведеніе стоитъ въ связи съ его новымъ порядкомъ наслѣдованія. Чтобы новый порядокъ наслѣдованія не обходили путемъ продажъ, дареній и пр., онъ воспретилъ въ 1714 г. всякія отчужденія, допустивъ одну продажу и то только въ крайнемъ случаѣ, „по особенной нуждѣ“.

Даренія, а равнымъ образомъ, и дача въ приданое не были дозволены. Для того, чтобы затруднить продажу даже по особой нуждѣ, Петръ ввелъ высокія пошлины съ купчихъ (гривну съ рубля). Эти постановленія Петра никому не нравились и потому въ 1730 г. Анна Іоанновна ихъ отмѣнила.

Въ связи съ этими реформами Петра, стоятъ и возникшія при немъ измѣненія въ порядкѣ выкупа. Эти измѣненія касаются, во 1-хъ, предмета выкупа и, во 2-хъ, лицъ, которыя имѣютъ право выкупать. Петръ В. всѣ недвижимыя имущества подвелъ подъ одно понятіе собственности, вслѣдствіе этого выкупъ сталъ примѣняться ко всѣмъ видамъ недвижимаго имущества. Измѣненія касательно лицъ, имѣющихъ право выкупа, произошли въ связи съ закономъ о единонаслѣдіи. Петръ желалъ, чтобы имущества переходили въ полномъ своемъ составѣ къ нисходящимъ, а потому и предоставилъ дѣтямъ право выкупа. Это было не только правомъ, а даже обязанностью, какъ можно думать по выраженіямъ закона. Боковые родственники допускаются къ выкупу, если не было нисходящихъ. Затѣмъ, о лицахъ, подписавшихся подъ купчею свидѣтелями, не говорится, что они не имѣютъ права выкупа. Дѣти могли выкупать имѣнія и при жизни родителей. Запрещеніе дѣтямъ выкупать при жизни родителей сдѣлано Екатериною I. Екатерина II возстановила и старое правило, по которому родственники, подписавшіеся подъ купчею, къ выкупу не допускались. Анна 40-лѣтній срокъ выкупа сократила до 3-хъ лѣтъ (Неволинъ III, 90 сл.).

По отношенію къ пользованію недвижимымъ имуществомъ Петръ В. ввелъ также существенныя ограниченія (Неволинъ, II 325 и сл., 330 и сл., 347 и сл.).

Въ видахъ развитія горнаго дѣла, онъ объявилъ, что ему одному „яко Монарху“, принадлежатъ рудокопные заводы,но что онъ, по любви къ подданнымъ,милостиво соизволяетъ употреблять ихъ каждому и всѣмъ, „кто къ тому охоту имѣетъ“. На основаніи этого,было предоставлено всякому право отыскивать руду на чужой землѣ и устраивать заводы. Собственникъ обязанъ былъ, безъ всякаго вознагражденія, отвести нашедшему на его землѣ руду для устройства завода 250 саж. земли въ длину и ширину. Если-бы, по устройствѣ завода, оказалось, что онъ нуждается въ расширеніи, то Бергъ-коллегія отводила заводчику потребное количество земли, но съ вознагражденіемъ собственника по оцѣнкѣ. Если заводчику требовался лѣсъ для топлива, а собственникъ не сошелся съ нимъ въ цѣнѣ за свой лѣсъ, то Бергъ-коллегія производила оцѣнку. Изъ чистой прибыли завода собственникъ получалъ $^1/_{32}$.

Еще болѣе суровое ограниченіе было введено по отношенію къ лѣсамъ. Въ видахъ развитія кораблестроенія многія породы деревьевъ (сосна, вязъ, кленъ отъ 12 вершковъ въ отрубѣ) были объ-

явлены заказными: отъ большихъ рѣкъ на разстояніи 50, а отъ малыхъ 20 верстъ владѣльцы не имѣли права рубить ихъ для своихъ потребностей; дубъ-же нигдѣ нельзя было рубить. Заказныя деревья можно было рубить собственникамъ только для постройки кораблей. Съ этою цѣлью могли ихъ рубить, безъ вознагражденія владѣльца, казна и ея подрядчики. Для сбереженія лѣсовъ, Петръ вводитъ новый способъ обработывать дерево пилою, вмѣсто прежде употреблявшагося топора. Для соблюденія этихъ новыхъ порядковъ были учреждены вальдмейстеры. Ограниченія эти повели къ большимъ стѣсненіямъ владѣльцевъ. За нарушеніе ихъ угрожалось штрафомъ, а за многую рубку—смертной казнью.

Третье ограниченіе права собственности введено было Петромъ по отношенію къ мельницамъ. Въ 1704 г. онъ установилъ налогъ на мельницы въ размѣрѣ $^1/_4$ дохода, получаемаго собственникомъ съ мельницы. Но такъ какъ собственники скрывали свои доходы, то въ томъ-же году приказано было отдать всѣ частныя мельницы на откупъ, предоставивъ собственникамъ $^3/_4$ откупной суммы, $^1/_4$ поступала въ казну.

Екатерина I нашла Петровскія постановленія касательно лѣсовъ стѣснительными, лѣса были заказаны даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они не могли приносить никакой пользы флоту. Въ виду этого она объявила лѣса заповѣдными только въ провинціяхъ: Олонецкой, Казанской, Воронежской, Кіевской и Новгородской и при томъ на разстоянія только 15 вер. отъ большихъ рѣкъ. Вальдмейстеры въ ея царствованіе были уничтожены и надзоръ за лѣсами былъ порученъ воеводамъ. Анна Іоанновна снова обратилась къ политикѣ Петра и издала еще болѣе стѣснительные законы. Она запретила рубить лѣсъ на 100 верстъ около большихъ рѣкъ и на 25 около малыхъ, хотя и не по всей Россіи. Отмѣна всѣхъ этихъ постановленій относится къ царствованію Екатерины II. Въ манифестѣ 1782 г. она объявила, что собственнику земли принадлежитъ право не только на поверхность земли, но и на ея нѣдра. Отсюда такія послѣдствія: 1) каждый имѣетъ право отыскивать и разработывать на своей землѣ минераллы; 2) постороннія лица на чужихъ земляхъ могутъ разработывать минераллы только съ дозволенія собственника. Въ томъ-же году Екатерина отмѣнила и всѣ ограничительныя постановленія относительно лѣсовъ. Всѣ лѣса, ростущіе на дачахъ помѣщиковъ, хотя-бы они и считались заповѣдными, она предоставила въ полную волю собственниковъ.

Законодательству Екатерины II принадлежитъ и раздѣленіе недвижимостей на благопріобрѣтенныя и родовыя. За собственниками благопріобрѣтенныхъ имуществъ было признано полное право распоряженія; родовыя-же имущества даренію и свободному завѣщанію не подлежатъ. Выкупаются только родовыя. Это различіе не совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, которое существовало въ Москвѣ

между куплями и родовыми вотчинами. Въ Москвѣ ограниченія свободы распоряженія касались не однихъ родовыхъ вотчинъ, но и выслуженныхъ. Суды того времени, однако, не замѣтили этого различія и примѣняли по старому ограниченія въ распоряженіи не только къ родовымъ, но и выслуженнымъ имуществамъ. Вслѣдствіе этого потребовалось разъясненіе въ законодательномъ порядкѣ, которое и было сдѣлано въ царствованіе Александра I: выслуженныя вотчины были отнесены къ благопріобрѣтеннымъ (П. С. З.№21632).

Екатерина II внесла въ наше законодательство и принципъ не нарушимости частной собственности двухъ высшихъ сословій дворянъ и мѣщанъ: Онъ былъ высказанъ въ жалованныхъ грамотахъ дворянству и городамъ. Въ жалованной грамотѣ дворянству говорится: „безъ суда да не лишится благородный своего имѣнія"; въ жалованной грамотѣ горожанамъ: „мѣщанинъ безъ суда да не лишится своего добраго имени, жизни и имѣнія". Позднѣе (въ XIX в.) были выработаны и особыя правила экспропріаціи частныхъ имуществъ для государственныхъ цѣлей. Наконецъ, въ царствованіе же Екатерины, точнымъ образомъ былъ опредѣленъ и особый порядокъ охраны владѣнія, различный отъ порядка охраны собственности. Учрежденіемъ о губерн. 1775 г. на обязанность мѣстныхъ властей (въ городахъ—городничихъ, а въ уѣздахъ—исправниковъ) возложено наблюденіе за тѣмъ, чтобы всякій спокойно владѣлъ тѣмъ, чѣмъ владѣетъ; въ случаѣ нарушенія владѣнія они должны были возстановлять въ правахъ владѣнія то лицо, которое владѣло вещью до момента нарушенія, предоставивъ тому, кто думаетъ, что собственность принадлежитъ ему, а не настоящему владѣльцу, искать своей собственности предъ судомъ. Судъ возстановляетъ право собственности, а административныя власти—нарушенное владѣніе. Но это различіе не было правильно понято подлежащими мѣстами. Городничіе и исправники не ограничивались разборомъ факта владѣнія, а требовали и письменныхъ доказательствъ, т. е. доказательствъ права собственности. Въ 1809 г. послѣдовалъ новый указъ, въ которомъ было разъяснено, что при возстановленіи владѣнія не слѣдуетъ требовать никакихъ письменныхъ доказательствъ, а достаточно разъяснить, кто владѣлъ до момента нарушенія, и затѣмъ возстановить нарушенное владѣніе. При имп. Александрѣ I былъ опредѣленъ срокъ въ 10 недѣль, въ теченіи которыхъ можно было подавать жалобы о завладѣніи (Неволинъ III, 114 сл.).

Пріобрѣтеніе недвижимостей.

Изъ самыхъ древнихъ московскихъ памятниковъ видно, что для пріобрѣтенія недвижимости мало было совершить договоръ купли—продажи, или какой нибудь другой, а надо было еще про-

извести на мѣстѣ отводъ пріобрѣтателю пріобрѣтенной имъ земли. Въ XV и даже въ XVI в. отводъ былъ частнымъ дѣломъ сторонъ. Въ купчихъ и мѣновыхъ грамотахъ они договариваются о томъ, кто долженъ позаботиться, чтобы отводъ былъ сдѣланъ. При отводѣ въ натурѣ обходятъ межи и, если нужно, копаютъ ямы и ставятъ столбы. Этотъ отводъ дѣлается въ присутствіи постороннихъ людей, конечно, мѣстныхъ жителей. Объ отводѣ пишется отводная грамота.

Къ этому старинному порядку, въ XVII в., а можетъ быть съ конца XVI, присоединилось нѣчто новое. Это новое состоитъ въ томъ, что въ Московскомъ государствѣ требовалась для пріобрѣтенія поземельныхъ правъ справка. Недостаточно было по договору совершить передачу купленной вещи изъ рукъ въ руки, а нужно было сдѣлать еще справку по книгамъ помѣстнаго приказа, въ которыхъ записывалось, что такой то человѣкъ продалъ, а такой то купилъ. Юридическое значеніе справки въ литературѣ спорно. Неволинъ сомнѣвается, чтобы справка была безусловно необходима. Энгельманъ утверждаетъ противное. Въ Уложеніи прямо не говорится, что справка должна непремѣнно имѣть мѣсто. Но тамъ предусматривается такой случай: одинъ и тотъ же владѣлецъ продастъ одно и тоже имущество двумъ лицамъ. Кто собственникъ имущества, первый или второй покупатель? Уложеніе рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу того покупателя, который совершилъ справку, хотя бы купчая его была и моложе. Это даетъ поводъ думать, что справка дѣйствительно была необходима. Но справка не исключаетъ стараго отвода, а даетъ ему казенный характеръ. За совершеніе справки взыскивалась пошлина. Тому, кто справилъ за собою имущество, давали отказную грамоту, въ которой приказывалось мѣстнымъ властямъ отказать ему пріобрѣтенное. Съ этою отказною грамотой пріобрѣтатель ѣхалъ на мѣсто. Иногда сверхъ отказной грамоты, давали еще вводную или послушную грамоту, въ которой предписывалось мѣстнымъ крестьянамъ слушаться новаго владѣльца. По пріѣздѣ совершался отводъ земли: мѣстныя власти читали отказную и послушную грамоту, обходили пріобрѣтенную землю и составляли объ этомъ актъ. Этотъ актъ носилъ также названіе отказной грамоты. Эта отказная грамота писалась въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ отдавался пріобрѣтателю, а другой посылался въ помѣстный приказъ. Справка производилась въ казенномъ интересѣ, а потому она примѣнялась только къ помѣстьямъ и вотчинамъ, тогда какъ черныя тяглыя земли передавались безъ справки. Въ имперіи справка не только не получила дальнѣйшаго развитія, но и вовсе вышла изъ употребленія. Причину этого надо искать въ измѣнившемся порядкѣ дворянской службы и въ новомъ порядкѣ писанія ак-

товъ. Прежде акты писались площадными подъячими и справлялись въ приказѣ. Съ Петра акты стали писать чиновники, состоящіе на службѣ. Такому акту можно было вѣрить и безъ справки. Справка же какъ средство слѣдить за соотвѣтствіемъ размѣровъ службы съ размѣрами владѣнія, сдѣлалась излишней, такъ какъ дворяне не выводили болѣе съ собою на войну вооруженныхъ людей.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Наслѣдственное право.

Порядокъ наслѣдства опредѣлялся въ Московскомъ государствѣ правилами Кормчей и царскими уставами. Еще въ самомъ концѣ XVII в. патріархъ Адріанъ въ грамотѣ архіепископу Холмогорскому и Вжаскому предписываетъ въ дѣлахъ „о завѣщаніяхъ и о раздѣленіи имѣнія" руководствоваться постановленіями Прохирона и Эклоги (А. Э. IV. № 309. 1694 года). Но греко-римское право существенно измѣнялось у насъ царскими указами, а можетъ быть и самою практикою духовныхъ судовъ. Вѣдомству духовныхъ судовъ не принадлежали, кажется, исключительно дѣла по наслѣдствамъ. Имѣемъ прямыя указанія, что лица, недовольныя практиковавшимися порядками, жалуются свѣтскимъ учрежденіямъ и вопросы наслѣдственнаго права восходятъ на разрѣшеніе государевой думы. Такъ возникло указанное выше запрещеніе завѣщать родовыя и выслуженныя вотчины чужеродцамъ помимо нисходящихъ и боковыхъ родственниковъ. Порядокъ наслѣдованія въ помѣстьяхъ сложился исключительно подъ вліяніемъ практики Помѣстнаго приказа и царскихъ указовъ (см. у Буданова Указн. кн. Помѣстн. прик., стр. 258 и сл.). Наслѣдованіе въ вотчинахъ во многихъ существенныхъ пунктахъ опредѣлилось исключительно народными обычаями, перешедшими и въ царскіе указы. Таково, напримѣръ, исключеніе дочерей при сыновьяхъ.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду только порядокъ, установленный указами московскихъ государей. Эти указы почти исключительно сосредоточиваются на дворянахъ. Памятники Московскаго государства очень подробно говорятъ о наслѣдованіи въ вотчинахъ и помѣстьяхъ и почти не касаются порядка тяглыхъ земель.

1) *Наслѣдованіе по завѣщанію.*

Выше мы уже указали на возникшія въ Московскомъ государствѣ ограниченія права распоряжаться своимъ имуществомъ на случай смерти. Изъ хода этихъ ограниченій видно, что до 1679 г. можно было дѣлать распоряженія въ духовной грамотѣ о всякихъ вотчинахъ, даже о родовыхъ. Что касается жалованныхъ вотчинъ, то въ жалованныхъ или вотчинныхъ грамотахъ писалось: и воленъ (такой-то) продать, заложить и по душѣ отдать. Съ 1679 г. завѣщательнымъ распоряженіямъ подлежатъ только купли и движимости. Помѣстья завѣщательнымъ распоряженіямъ не подлежали. Но изъ Уложенія видно, что отцы еще при жизни своей раздѣляли ихъ между сыновьями и справляли такіе раздѣлы въ Помѣстномъ приказѣ. Этимъ они восполняли недостающее имъ право завѣщать помѣстья. Раздѣлы эти дѣлались по усмотрѣнію. Старшіе иногда ничего не получали, а все дѣлилось между младшими. Старшихъ же отцы писали въ отводъ. Но случалось, что старшіе получали въ отводъ малыя дачи, меньше тѣхъ, которыя достались братьямъ изъ отцовскаго помѣстья. Въ этихъ случаяхъ они жалуются иногда на отцовскій дѣлежъ. По такимъ жалобамъ Уложеніе предписываетъ раздѣлить по ровну, смѣшавъ съ новыми дачами.

Въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи отпечатано нѣсколько духовныхъ грамотъ XV, XVI и XVII в. Онѣ представляютъ, обыкновенно, перечисленіе долговъ „съ кого что взять и кому что дать“ и распоряженіе объ оставшемся имуществѣ: отказы женѣ, дѣтямъ, по душѣ и пр. Если долговъ не было, завѣщатель писалъ: „невиноватъ никому ничѣмъ, развѣ душою Богу“. Для исполненія приказовъ завѣщателя назначается въ завѣщаніи особое лицо—прикащикъ. Прикащиками назначаются и постороннія лица и свои: жена, дѣти, которымъ тоже дѣлаются отказы. Роль прикащика часто очень трудная: нужно предъявлять иски для взысканія долговъ, или продавать имущество для удовлетворенія претензій, а потому не всегда находились желающіе взять на себя обязанности прикащика. Одинъ завѣщатель жалуется: кого ни просилъ, всѣ отказались; назначилъ жену.

Съ XIV уже вѣка входитъ въ обычай явка завѣщаній къ засвидѣтельствованію мѣстнымъ архіереемъ, который допрашивалъ отца духовнаго, свидѣтелей и писца: былъ ли завѣщатель въ цѣломъ умѣ, такъ ли говорилъ, какъ написано и пр. При явкѣ могли быть предъявляемы и споры противъ завѣщанія, которые разсматривались судомъ.

2) *Наслѣдованіе по закону.*

Въ вотчинахъ наслѣдованіе по закону открывалось въ томъ

случаѣ, 1) когда умершій не оставилъ завѣщанія. Это прямо слѣдуетъ изъ Судебниковъ, гдѣ читаемъ: „а который человѣкъ умретъ безъ духовныя грамоты, и не будетъ у него сына, ино статокъ весь и земли дочери". Уложеніе этой статьи не повторяетъ, но нѣтъ повода думать, чтобы въ XVII в. было иначе. 2) Если завѣщаніе было оспорено. Въ помѣстьяхъ, а съ 1679 г. въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ наслѣдованіе по закону открывалось самымъ фактомъ смерти владѣльца. Къ наслѣдованію по закону призываются: нисходящіе, боковые родственники, жена, мать и казна.

1) Наслѣдованіе нисходящихъ. Въ вотчинахъ наслѣдуютъ сыновья поровну. Дочери допускаются къ наслѣдованію тоже поровну, но въ томъ только случаѣ, если не было сыновей. Въ указѣ отъ 1628 г. читаемъ: „дочерямъ жеребьевъ въ вотчинахъ отцовскихъ не давать, пока братья живы". Изъ статьи Судебниковъ, совершенно соотвѣтствующей закону Моисееву: „а который человѣкъ умретъ безъ духовныя грамоты, а не будетъ у него сына, ино статокъ весь и земли дочери, а не будетъ у него дочери, ино взяти ближнему отъ его рода" (60-я ст. по 1-му и 92-ая по царскому), нельзя еще выводить, что исключеніе дочерей сыновьями было у насъ общимъ правиломъ съ XV уже вѣка. Въ указѣ 1628 г. сказано: если послѣ отцовъ своихъ будутъ просить о вотчинахъ сыновья и дочери, то вотчины давать сыновьямъ, а дочерямъ не давать (Неволинъ, III, 355). Въ XVII в., значитъ, дочери еще просятъ на ряду съ сыновьями, конечно, потому, что духовные суды ихъ не устраняли до сихъ поръ, а давали жеребья вмѣстѣ съ братьями. Въ княженецкихъ вотчинахъ Иванъ IV, въ 1562 году, ограничилъ наслѣдованіе нисходящими мужскаго пола. Дочери не допускаются къ наслѣдованію и при отсутствіи сыновей (Неволинъ, III, 350).

Въ помѣстьяхъ сыновья наслѣдуютъ по окладу. Если за надѣленіемъ ихъ по окладу изъ отцовскаго помѣстья еще что нибудь оставалось, то рядомъ съ сыновьями къ наслѣдству призывались боковые родственники тоже по окладу. Если и затѣмъ былъ остатокъ, онъ шелъ въ раздачу постороннимъ лицамъ. Такъ было съ XVI в. по 1684 годъ, когда было уравнено наслѣдованіе въ помѣстьяхъ съ наслѣдованіемъ въ вотчинахъ и всѣ помѣстья, какъ бы они ни были велики, стали справляться за сыновьями.

Въ помѣстьяхъ дочери получаютъ часть при сыновьяхъ. Изъ отцовскихъ помѣстьевъ выдѣляютъ дочерямъ часть на прожитокъ. Первоначально размѣръ этой части не былъ опредѣленъ, а говорилось: „сколько государь укажетъ". Но въ XVII в. установился опредѣленный размѣръ, а именно въ половину того, что получала жена. Жена же получала различно, смотря по тому, какъ умеръ ея мужъ: если онъ умеръ дома, она получала 10 четвертей со 100, если во

время похода—15 четвертей, если отъ ранъ 20 четвертей. Дочь получала: 5, $7^1/_2$, 10 четвертей. Но дочери получали часть отцовскаго помѣстья на другомъ правѣ, чѣмъ ихъ братья. На сыновей переходили всѣ тѣ права, которыя принадлежали въ помѣстьяхъ ихъ отцамъ; дочери же получали „на прожитокъ", т. е. указная часть должна была обезпечивать ихъ содержаніе до замужества, поступленія въ монастырь, или до смерти. Если дочь выходила замужъ, помѣстье справлялось за ея мужемъ.

2) Боковые родственники въ вотчинахъ наслѣдуютъ при отсутствіи нисходящихъ, безъ ограниченія степенями родства; ближайшіе родственники исключаютъ дальнѣйшихъ. Въ XVI в., наслѣдованіе боковыхъ въ жалованныхъ вотчинахъ представляло нѣкоторыя особенности: оно ограничивалось только нѣкоторыми степенями родства (Неволинъ III, 351). Съ Михаила Ѳедоровича это различіе сглаживается; на основаніи жалованныхъ грамотъ этого государя жалуемыя вотчины идутъ въ родъ безъ всякихъ ограниченій. Въ помѣстьяхъ боковые родственники наслѣдуютъ по окладу и даже на ряду съ нисходящими. Въ боковыхъ линіяхъ сестры при братьяхъ не наслѣдуютъ ни въ вотчинахъ, ни въ помѣстьяхъ. Относительно княженецкихъ вотчинъ съ Ивана IV существовало ограниченіе, на которое было указано выше. Наслѣдованіе боковыхъ въ вотчинахъ было обложено своего рода пошлиной на поминъ души. Объ этомъ платежѣ говоритъ указъ патр. Филарета Никитича отъ 1629 г. «и тѣ вотчины (родовыя и выслуженныя, если нѣтъ нисходящихъ) въ родъ отдавать, кто ближе того роду, вотчичемъ, а имъ за тѣ вотчины деньги давати по умершаго душѣ въ вѣчный поминокъ по Уложенію». Это постановленіе перешло и въ Соборное Уложеніе.

3) Въ памятникахъ московской эпохи находимъ указаніе на то, что довольно долго, а именно до истеченія первой четверти 17 вѣка, за женою признаются весьма широкія наслѣдственныя права. На основаніи жалованныхъ грамотъ надо думать, что въ жалованныхъ вотчинахъ жена наслѣдовала вмѣстѣ съ дѣтьми, а если дѣтей не было то одна, исключая боковыхъ родственниковъ. Это въ тѣхъ случаяхъ, когда жалованная грамота была написана на имя мужа, дѣтей и жены; но жены наслѣдовали иногда впереди боковыхъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ жалованной грамотѣ онѣ были поименованы послѣ боковыхъ родственниковъ (Неволинъ III, 367). Жены получаютъ жалованныя вотчины на прожитокъ.

Измѣненіе этого порядка послѣдовало по мысли патр. Филарета Никитича въ 1628 г., когда было запрещено давать женамъ бездѣтнымъ родовыя и выслуженныя вотчины. Указъ 1628 г. запрещаетъ давать женамъ не только выслуженныя, но и родовыя вотчины. Изъ этого можно заключить, что онѣ наслѣдовали и въ родовыхъ впереди боковыхъ родственниковъ, но вѣроятно, тоже

по животъ. Это широкое развитіе наслѣдственныхъ правъ женъ, по всей вѣроятности, стоитъ въ связи съ постановленіями Эклоги. Но наша практика, кажется, пошла далѣе Эклоги, предоставляющей бездѣтной женѣ изъ имущества мужа только $^1/_4$ ея приданаго. Изъ указа же 1628 г. можно заключить, что онѣ исключали боковыхъ родственниковъ въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ. Въ купляхъ онѣ исключаютъ ихъ и послѣ указа 1628 года. Псковская судная грамота также даетъ поводъ думать о значительномъ расширеніи у насъ наслѣдственныхъ правъ женъ, сравнительно съ Эклогой (см. выше стран. 554 и сл). Эта практика, измѣняющая Эклогу, охватываетъ такимъ образомъ Псковъ и Москву.

Съ 1628 года жены наслѣдуютъ только въ купляхъ, по купли онѣ наслѣдуютъ въ собственность и исключаютъ не только боковыхъ родственниковъ, но, кажется, и дѣтей(XVII, 2). Дѣти наслѣдуютъ съ ними въ купляхъ только въ томъ случаѣ, если послѣ умершаго не осталось родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ(5). Изъ животовъ мужа жена получаетъ $^1/_4$.

Но послѣ мужей могли остаться только родовыя и пожалованныя вотчины и ничего болѣе. Уложеніе предусматриваетъ такой случай и опредѣляетъ давать женамъ изъ выслуженныхъ вотчинъ на прожитокъ по разсмотрѣнію. Наконецъ, съ XVI в. жены получаютъ часть въ помѣстьяхъ, послѣ смерти мужей, но тоже въ прожитокъ. Въ XVII в. размѣръ этихъ частей былъ опредѣленъ, онъ указанъ выше.

4) О наслѣдованіи матери говорится только въ томъ случаѣ, если она послѣ смерти мужа не потребовала особенной части себѣ на прожитокъ и жила съ дѣтьми безъ раздѣла; въ этихъ случаяхъ ей дается изъ помѣстій, а если помѣстій нѣтъ, изъ выслуженныхъ вотчинъ на прожитокъ по разсмотрѣнію.

5) Съ XVI в. княженецкія вотчины, при отсутствіи нисходящихъ мужескаго пола, могли, съ разрѣшенія государя, переходить къ боковымъ родственникамъ только до извѣстнаго предѣла, до 7 степени. Если не было родственниковъ первыхъ семи степеней, княженецкая вотчина поступала въ казну. Въ этомъ случаѣ казну можно разсматривать какъ наслѣдницу, такъ какъ на нее, вмѣстѣ съ правами, переходили и обязанности, которыя обыкновенно переходятъ на наслѣдниковъ: казна должна была позаботиться о душѣ умершаго, т. е. дать деньги въ монастырь для вѣчнаго поминовенія, а если умершій оставилъ дочерей, то она должна была отдать ихъ замужъ.

Измѣненія въ имперіи.

Московскій порядокъ существенно измѣняется въ имперіи. Измѣненія касаются подсудности дѣлъ о наслѣдствѣ и самаго

порядка наслѣдованія. Подсудность духовнымъ судамъ отмѣнена Петромъ Великимъ. Въ 1700 г. (№ 1818) онъ приказалъ передать изъ Патріаршаго приказа въ Помѣстный всѣ дѣла, возникшія изъ челобитныхъ „по духовнымъ". Въ 1701 г. послѣдовалъ другой, подобный же указъ (№ 1876). Въ немъ говорится о вѣдомствѣ въ Москов. Судномъ приказѣ, а не въ Патріаршемъ, „дѣлъ по зауморнымъ животамъ, ряднымъ записямъ, сговорнымъ записямъ и духовнымъ". Оба указа упоминаютъ только духовныя завѣщанія, да движимости. Это даетъ поводъ думать, что вѣдомство дѣлъ о порядкѣ законнаго наслѣдованія въ вотчинахъ и помѣстьяхъ и до этихъ указовъ сосредоточилось уже въ свѣтскихъ учрежденіяхъ, иначе пришлось бы упомянуть и о нихъ.

Съ этимъ измѣненіемъ подсудности всякое дальнѣйшее вліяніе греко-римскихъ началъ на наше наслѣдственное право сдѣлалось не возможнымъ. Петръ В. дѣлаетъ попытку преобразовать и самый порядокъ московскаго наслѣдованія. Нововведенія его, однако, не привились, они были скоро отмѣнены, только немногія изъ нихъ сохранились до послѣдняго времени.

Наслѣдованіе по закону.

Указъ Петра В. отъ 1714 г. совершенно измѣняетъ нашъ старый порядокъ наслѣдованія. Благодаря вліянію иностранныхъ законодательствъ, Петръ находитъ дробленіе имуществъ между сонаслѣдниками вреднымъ. Онъ думалъ, что такой порядокъ наслѣдованія: 1) не согласенъ съ интересами государства, 2) обременяетъ до крайности положеніе крестьянъ и 3) невыгоденъ даже для тѣхъ лицъ, для пользы которыхъ установленъ. Для государства онъ вреденъ потому, что какъ-бы мало ни получали сонаслѣдники, всетаки каждый имѣетъ готовый кусокъ хлѣба и вслѣдствіе этого не прилежитъ государственной службѣ и никакими промыслами не занимается. Для крестьянъ этотъ порядокъ невыгоденъ въ томъ отношеніи, что дѣти помѣщика, живя съ отцомъ, получаютъ привычку къ обстановкѣ, соотвѣтствующей его состоянію; они усиливаются вести тотъ же образъ жизни и послѣ смерти отца, не смотря на то, что вслѣдствіе дѣлежа имущества пользуются гораздо меньшими средствами. Въ этомъ причина отягощенія крестьянъ излишними повинностями. Наконецъ, и для самихъ дворянъ такой порядокъ не приноситъ пользы, такъ какъ въ силу послѣдовательныхъ дробленій имущества, дворянскія фамиліи приходятъ въ упадокъ и бѣдность. Дѣйствительно были примѣры, что лица, принадлежавшія къ богатымъ нѣкогда фамиліямъ, записывались въ XVII в. въ пахатные солдаты. Всѣ эти неудобства Петръ думалъ устранить установленіемъ единонаслѣдія. По указу 1714 года старшій сынъ полу-

чаетъ все недвижимое имущество, остальныя дѣти поровну наслѣдуютъ движимое безъ различія мужчинъ и женщинъ. Если сыновей нѣтъ, старшая дочь наслѣдуетъ всѣ недвижимости.—На слѣдующій недвижимое имущество принимаетъ на себя нѣкоторыя обязанности по отношенію къ своимъ братьямъ и сестрамъ. Онъ долженъ на свой счетъ воспитывать и содержать ихъ до совершеннолѣтія; онъ ихъ опекунъ; по достиженіи ими совершеннолѣтія онъ обязанъ возвратить имъ все ихъ движимое имущество, съ доходами. Сестры имѣютъ право жить въ его домѣ и по достиженіи совершеннолѣтія, до выхода замужъ. Въ связи съ этимъ новымъ порядкомъ наслѣдованія Петръ дозволилъ кадетамъ (младшимъ) заниматься всякими художествами, торговлею и поступать въ священники.

Указъ 1714 г., какъ и очень многіе указы Петра, отличается краткостью и далеко не исчерпываетъ тѣхъ вопросовъ, которыхъ касается, а потому Екатеринѣ I пришлось дополнить его. Указъ 1714 г. не опредѣляетъ лицъ, которыя призываются къ наслѣдству. Затѣмъ, онъ ничего не говоритъ о самомъ порядкѣ, въ которомъ призываемыя къ наслѣдству лица слѣдуютъ одно за другимъ. Въ указѣ говорится только, что къ наслѣдованію призываются лица „по первенству“, или наслѣдуетъ „ближайшій“; но на опредѣленіи первенства и близости указъ не останавливается. При Екатеринѣ I возникъ такой вопросъ: кому предоставить наслѣдство, если по смерти отца остался внукъ отъ старшаго сына и второй сынъ умершаго? Екатерина разрѣшила его въ пользу втораго сына, а не внука. Также рѣшено было столкновеніе дочерей съ племянниками въ пользу второй дочери. Для боковыхъ линій была установлена такая послѣдовательность: впереди идетъ братъ умершаго и его нисходящіе, затѣмъ сестра умершаго и, наконецъ, дядя.

Этотъ новый порядокъ наслѣдованія долженъ былъ примѣняться ко всѣмъ сословіямъ.

При обсужденіи указа 1714 г. въ нашей литературѣ высказываются разнообразные взгляды о цѣли его и значеніи. Думаютъ что Петръ, при установленіи этого порядка, имѣлъ въ виду поднять шляхетское сословіе до того значенія, какимъ пользовалась на Западѣ феодальная аристократія. Противъ этого мнѣнія возражаютъ, утверждая, что Петръ вовсе не имѣлъ аристократическихъ тенденцій, а исходилъ только изъ экономическихъ соображеній, высказанныхъ въ мотивахъ указа и намъ уже извѣстныхъ. Современники Петра понимали указъ 1714 года въ томъ смыслѣ, что онъ имѣлъ въ виду поддержать знатнѣйшія фамиліи. Анна Іоанновна, въ указѣ 1731 г., между прочимъ, говоритъ: „Петръ Великій раздѣлы отмѣнилъ въ томъ всемилостивѣйшемъ намѣреніи, чтобы отъ раздѣла деревень въ разныя руки, фамиліи и

знатные дома не упадали". Но Петръ не былъ сторонникомъ привилегированнаго положенія аристократіи. Его указы о дворянахъ это достаточно доказываютъ. Новый порядокъ наслѣдованія установленъ не для однѣхъ знатныхъ фамилій, даже не для однихъ дворянъ, а и для купцовъ, мѣщанъ и однодворцовъ. Изъ этого видно, что, издавая указъ 1714 г., Петръ не имѣлъ въ виду поднять шляхетство до значенія феодальной аристократіи. Но естественнымъ слѣдствіемъ Петровскаго закона, конечно, было бы образованіе крупной имущественной аристократіи смѣшаннаго состава.

Петровскій указъ встрѣтилъ въ обществѣ большое несочувствіе. Онъ слишкомъ расходился съ народными воззрѣніями. Всѣ усилія заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ были направлены къ тому, чтобы обойти новый законъ. Петръ предусматривалъ возможность такого сопротивленія, а потому ограничилъ отчужденіе недвижимыхъ имуществъ. Но и это ограниченіе не имѣло желаемыхъ результатовъ, такъ какъ помѣщики, для увеличенія движимостей, которыя шли въ пользу младшихъ сыновей, стали продавать все, что только можно (скотъ и пр.). Это повело къ обѣднѣнію имѣній. Этимъ дѣло не ограничилось: отцы убѣждали старшихъ сыновей удѣлять часть своихъ доходовъ младшимъ и связывали ихъ всякими клятвами. Такія сдѣлки производили въ семьяхъ крайній раздоръ. Старшій сынъ видѣлъ въ нихъ посягательство на свои права. Возникавшая между членами семьи вражда доходила иногда до убійствъ.

Анна Іоанновна не нашла возможнымъ поддерживать петровскій порядокъ и указомъ отъ 1731 г. отмѣнила его. На основаніи указа 1731 г. отцамъ предоставлено право надѣлять своихъ дѣтей поровну, по Уложенію, а дочерямъ давать приданое по старому.

Съ отмѣною петровскаго порядка наслѣдованія осталось, однако, установленное указомъ 1714 г. слитіе всѣхъ старыхъ видовъ имущества въ одномъ понятіи недвижимой собственности. Вслѣдствіе этого необходимо было вновь опредѣлить права женъ и дочерей по наслѣдованію. Въ старое время сестры при братьяхъ наслѣдовали только изъ помѣстьевъ, наслѣдованіе женъ въ помѣстьяхъ и въ разныхъ видахъ вотчинъ опредѣлялось различно. Теперь помѣстій и купель нѣтъ, въ чемъ же и какъ должны наслѣдовать дочери и жены? Анна Іоанновна предоставила имъ получать въ наслѣдство извѣстную часть изъ недвижимостей вообще. Такимъ образомъ, по отношенію къ предмету наслѣдованія права дочерей были расширены. Но этого мало, они были расширены и по отношенію къ самому существу ихъ права. Въ Москвѣ дочери получали свою часть только въ прожитокъ, теперь онѣ получаютъ ее въ полную собственность. Что касается самой части недвижимостей, въ которой наслѣдовали дочери, то эта часть опредѣлялась мѣрой стараго времени. За общее пра-

вило было принята средняя мѣра помѣстнаго оклада для женъ и дочерей, 15 и $7^1/_2$ четвертей со ста, изъ которыхъ и образовалась для женъ одна седьмая часть, а для дочерей четырнадцатая. Это сохранилось и до нашихъ дней. Въ движимостяхъ для жены осталась московская $^1/_4$, а для дочерей образовалась $^1/_8$. Въ 1815 г. представился такой случай: послѣ смерти отца осталась жена, 5 сыновей и 6 дочерей и движимое имѣніе. По выдѣлѣ женѣ $^1/_4$, а дочерямъ по $^1/_8$, сыновьямъ ничего не оставалось. Государственный Совѣтъ, разрѣшая возникшій по этому дѣлу споръ, опредѣлилъ: выдѣлить прежде всего женѣ умершаго $^1/_4$ часть движимаго имущества, а затѣмъ все остальное имущество раздѣлить поровну между сыновьями и дочерьми. Нѣсколько позже это правило о ровномъ надѣлѣ дѣтей было распространено и на недвижимости въ подобныхъ же случаяхъ (Неволинъ III, 430).

Въ имперіи расширяется нѣсколько право наслѣдованія въ восходящей линіи и и возникаетъ право наслѣдованія мужей.

Московскіе указы изъ восходящихъ говорятъ только о наслѣдованіи матери, и притомъ только въ томъ случаѣ, если она не получала на прожитокъ часть имѣнія своего мужа и жила при дѣтяхъ безъ раздѣла. Отцы по указамъ вовсе не получали наслѣдства послѣ своихъ дѣтей. Въ XIX в. возникъ общій вопросъ о наслѣдованіи въ восходящей линіи. Въ 1823 г. Сенатъ, разсматривая старыя постановленія, нашелъ, что родители у насъ не призывались къ наслѣдству: если не было нисходящихъ, наслѣдство переходило къ боковымъ родственникамъ. Разсуждая объ этомъ вопросѣ, Сенатъ пришелъ къ тому заключенію, что такъ какъ отцы и матери по природѣ ближе боковыхъ родственниковъ, то они не должны быть устраняемы отъ наслѣдованія послѣ бездѣтно умершихъ дѣтей своихъ. Но, признавъ это начало, Сенатъ допустилъ родителей къ наслѣдованію въ очень ограниченномъ смыслѣ: 1) къ нимъ возвращалось все то, что бездѣтно умершія дѣти получили отъ нихъ въ качествѣ дара; 2) они получали на правѣ пожизненнаго владѣнія благопріобрѣтенныя дѣтьми имущества (Неволинъ III, 436).

Въ Московскомъ законодательствѣ только въ самомъ концѣ XVIII в. (1681) предоставлено было мужьямъ право наслѣдовать въ $^1/_4$ оставшихся послѣ женъ движимостей. Это, конечно, передѣлка византійской $^1/_4$ приданаго. Въ имперіи мужья получаютъ право наслѣдовать и въ недвижимостяхъ, принадлежащихъ женамъ, въ той же мѣрѣ и на такомъ же правѣ, какъ наслѣдуютъ жены послѣ мужей. Не смотря на новое происхожденіе этого права, къ нему примѣняются и тѣ особенности наслѣдованія женъ послѣ мужей, которыя свидѣтельствуютъ о прожиточномъ происхожденіи ихъ права. Это видно изъ того, что право супруговъ искать своей указной части не погашается 10 лѣтней давностью, какъ всякое другое наслѣдствен-

ное право. Другая особенность, указывающая на прожиточный характеръ наслѣдованія супруговъ, состоитъ въ слѣдующемъ: если супругъ при жизни своей не воспользовался своимъ правомъ на открывшееся наслѣдство, оно не переходитъ къ его наслѣдникамъ.

Наслѣдованіе по завѣщанію.

Указомъ 1714 года Петръ В. не совершенно отмѣнилъ право завѣщательныхъ распоряженій. Изстари наслѣдованіе по завѣщанію шло впереди наслѣдованія по закону. Этотъ порядокъ удержалъ и Петръ, съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что онъ очень ограничилъ право завѣщательныхъ распоряженій. Указъ 1714 года дозволяетъ завѣщать недвижимое имущество только въ полномъ его составѣ; движимости же могутъ быть завѣщаемы и по частямъ. Затѣмъ указъ опредѣляетъ и кругъ лицъ, изъ среды которыхъ можно выбирать наслѣдниковъ. Если есть сыновья, наслѣдникъ недвижимостей можетъ быть избранъ только изъ нихъ; движимости же могутъ быть подѣлены, по усмотрѣнію, между остальными дѣтьми. Если нѣтъ сыновей, а есть дочери, можно избрать наслѣдницей одну изъ нихъ. Если нѣтъ нисходящихъ, а есть боковые родственники (мужчины) той же фамиліи, можно было избрать наслѣдникомъ недвижимостей одного изъ нихъ. Движимости въ этомъ случаѣ могутъ быть отказаны и не родственнику. Этимъ послѣднимъ постановленіемъ Петръ вноситъ къ намъ понятіе фамиліи, прежде нашему законодательству неизвѣстное. Подъ фамиліей разумѣетъ онъ нисходящихъ и боковыхъ родственниковъ, соединенныхъ съ общимъ родоначальникомъ непрерывнымъ рядомъ мужескихъ поколѣній. Наконецъ, если нѣтъ лицъ мужескаго пола той же фамиліи, Петръ предоставляетъ право завѣщать все недвижимое имущество одной изъ родственницъ съ тѣмъ, чтобы мужъ ея принялъ фамилію завѣщателя. Въ этомъ видно стремленіе сохранить старыя фамиліи. Если эта родственница уже замужемъ, имѣніе справляется за нею въ томъ только случаѣ, если мужъ дастъ обязательство принять фамилію завѣщателя. Не смотря на это длинное перечисленіе, указъ забылъ о существованіи родственниковъ мужескаго пола, носящихъ другую фамилію.

Эти постановленія Петра о завѣщ. распоряженіяхъ были упразднены тѣмъ же указомъ Анны Іоанновны отъ 1731 г., хотя и не вполнѣ. Осталось въ дѣйствіи предоставленное Петромъ право отказывать при отсутствіи нисходящихъ, все недвижимое одному изъ боковыхъ родственниковъ, хотя бы дальнѣйшему, помимо ближайшаго. Послѣдующая практика распространила это правило и на родственниковъ, не носящихъ фамилію

завѣщателя. Это измѣненіе произошло по одному частному случаю. Державинъ отказалъ все свое имѣніе Миллеру, племяннику по женской линіи. Сенатъ, разсматривая это завѣщаніе, нашелъ его, совершенно справедливо, несогласнымъ съ буквою петровскихъ постановленій. Но Государственный Совѣтъ, куда перешло дѣло, утвердилъ завѣщаніе на томъ основаніи, что Миллеръ былъ родственникомъ Державина. Это мнѣніе Государственнаго Совѣта получило высочайшее одобреніе (1818). Такимъ образомъ, сдѣлалось возможнымъ отказывать недвижимости и боковымъ родственникамъ, не носящимъ фамиліи завѣщателя.

Въ 1776 г. возникъ вопросъ о дѣйствительности завѣщаній самоубійцъ и разрѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ. Разсуждая о немъ, Сенатъ находилъ: самоубійца умеръ или въ здравомъ разсудкѣ, или въ состояніи умопомѣшательства; самоубійство въ здравомъ разсудкѣ, по петровскимъ законамъ, разсматривается какъ преступленіе, и самоубійца лишается христіанскаго погребенія; если человѣкъ лишается христіанскаго погребенія, то, заключаетъ Сенатъ,—никакой его завѣтъ принятъ быть не долженъ. Наоборотъ, если человѣкъ умеръ въ состояніи умопомѣшательства, то признать дѣйствительность его завѣщанія нельзя по тому общему правилу, что завѣщаніе должно быть писано въ здравомъ умѣ и полной памяти (Неволинъ, III, 296).

Прибавленіе къ Духовному регламенту запрещаетъ монашествующимъ писать завѣщанія. Имущества ихъ поступаютъ въ распоряженіе духовнаго вѣдомства. Екатерина II отступила отъ этого постановленія, дозволивъ монашествующимъ властямъ дѣлать завѣщанія (Неволинъ III, 297).

Въ разсматриваемое время произошли нѣкоторыя измѣненія относительно права завѣщать имущества въ пользу церквей и монастырей. При Александрѣ I дозволено было завѣщать въ пользу церквей и монастырей, но по особенному высочайшему разрѣшенію, когда польза монастыря или церкви будетъ этого требовать.

Относительно предмета завѣщанія послѣ Петра произошло измѣненіе, уставленное екатерининскимъ раздѣленіемъ недвижимыхъ имуществъ на родовыя и благопріобрѣтенныя. Первыя наслѣдуются только въ законномъ порядкѣ, кромѣ того случая, когда не было нисходящихъ и когда можно было въ силу указа 1714 г. все безъ раздѣла отказать родственнику боковой линіи по выбору завѣщателя. Вторыя подлежатъ завѣщательнымъ распоряженіямъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Литература.

Дилтей. Изслѣдованіе юридическое о принадлежащемъ для суда мѣстѣ, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательствѣ судебномъ съ генеральнымъ регламентомъ, съ уставомъ главнаго магистрата, съ инструкціями городскихъ магистратовъ и пр. 1779.

Кавелинъ. Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства, въ періодъ времени отъ уложенія до учрежденія о губерніяхъ. 1843.

Поповъ. Устройство уголовныхъ судовъ въ Московскомъ государствѣ, Ж. М. Н. Пр. IX. стр. 77. 1848.

Липовскій. Опытъ историческихъ розысканій о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ въ Россіи. 1949.

Михайловъ. Русское гражданское судопроизводство отъ Уложенія 1649 г. до изданія Свода Законовъ. 1956.

Дмитріевъ. Исторія судебныхъ инстанцій. 1859.

Арсеньевъ. Судъ по формѣ. Историческое изложеніе причинъ, породившихъ судъ по формѣ. Наше время. № 49. 1860.

Дювернуа. Источники права и судъ въ древней Россіи. 1860.

Мордовцевъ. Какъ производились слѣдствія сто лѣтъ тому назадъ въ Саратовѣ. Сарат. губ. вѣд. № 15 и сл. 1861.

Микляшевскій. О средствахъ представленія обвиняемаго къ суду. 1872

Малышевъ. Курсъ гражданскаго судопроизводства. 1874—79.

Розенгеймъ. Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій до кончины Петра В. 1878.

Въ порядкѣ судопроизводства происходятъ во 2-мъ періодѣ значительныя измѣненія. Въ Московскомъ государствѣ дѣлается первая попытка обособленія процессовъ: состязательнаго и слѣдственнаго. Состязательный процессъ получаетъ наименованіе суда, а слѣдственный—сыска. Сыскъ примѣняется къ преслѣдованію преступленій, хотя не всѣхъ, и вооруженъ для этого соотвѣтствующими средствами. Судомъ вѣдаютъ гражданскія дѣла, но не исключительно; онъ примѣняется и ко многимъ уголовнымъ. У суда другія средства, чѣмъ у сыска. Но судъ не совершенно свободенъ отъ слѣдственнаго элемента; нѣкоторыя изъ средствъ сыска употребляются и на судѣ.

Различіе суда и сыска можно уже прослѣдить въ памятникахъ XVI в. Въ Судебникѣ 1550 г. читаемъ: „и пазовутъ его въ

обыску лихимъ человѣкомъ, ино его пытати....; а скажутъ въ обыску, что онъ добрый человѣкъ, ино дѣло вершити по суду“ (52). Вершеніе по суду противополагается вершенію на основаніи пытки. Пытка не входитъ въ судъ, это—орудіе сыска. Другія статьи Судебника указываютъ на средства, которыя были въ распоряженіи суда: „а въ иныхъ дѣлахъ судити по тому же: кто въ чемъ скажется виноватъ, то на немъ взять; а въ достали (въ чемъ не будетъ признанія) судъ и правда и крестное цѣлованіе“ (25). Правда (показанія свидѣтелей) и крестное цѣлованіе—суть средства суда. Еще яснѣе это различіе выступаетъ въ Уложеніи. Оно предусматриваетъ случай, что кого нибудь приведутъ съ поличнымъ, а приведенный будетъ говорить, что его ополичнили сильно, и предписываетъ: „и про то сыскати всякими сыски накрѣпко, гдѣ его съ поличнымъ поймали,.... а будетъ сыскати нѣкѣмъ, и имъ въ томъ дати судъ“.... (XXI, 54). Судъ и сыскъ два разныхъ порядка. Пытка и по Уложенію характерный признакъ сыска: „и ему жалобы своей искать судомъ, а изъ приказу того татя пытати не велѣть“ (88).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Состязательный процессъ (судъ).

Судъ состоитъ въ выслушиваніи заявленій сторонъ и предъявляемыхъ ими доказательствъ. Суду противополагается вершеніе, какъ вторая стадія процесса. „Судить судъ“ значитъ установить спорныя обстоятельства дѣла и записать ихъ въ судный списокъ. Судъ и вершеніе дѣла—производитъ непремѣнно одинъ и тотъ же судья. Это различіе суда и вершенія видно уже въ древнѣйшихъ памятникахъ Москвы. Въ правой грамотѣ 1508 года читаемъ: „и Дмитрій Владиміровичъ (судья великаго князя) судъ свой сказалъ в. к. Василію Ивановичу. И великій князь, выслушавъ судъ, велѣлъ Дмитрію ищей оправити“. Уложеніе требуетъ, чтобы на судѣ были окончательно установлены всѣ обстоятельства дѣла и приведены всѣ доказательства; послѣ окончанія суда не принимаются ни какія добавленія къ тому, что было выяснено на судѣ. Дѣло должно рѣшать не по дополнительнымъ челобитьямъ, поданнымъ послѣ суда, а на основаніи того, что было въ судѣ записано (X, 21, 22). Какъ скоро судный списокъ сторонами подписанъ, судъ оконченъ; это значитъ «дѣло засужено»; затѣмъ начинается второй моментъ, вершеніе. Вершить дѣло

можно и въ отсутствіи сторонъ (113). Какъ скоро дѣло засужено, отвѣтчикъ теряетъ право распоряжаться спорнымъ имуществомъ: если онъ его продастъ, а дѣло проиграетъ, проданное имущество отбирается у покупателя и отдается истцу (244).

Судъ есть состязательная форма процесса: на судѣ стороны свободно препираются, заявляютъ все, что имъ угодно, и доказываютъ свои заявленія, какъ хотятъ и могутъ. Изъ памятниковъ XVII в. видно, однако же, что судьи, для выясненія обстоятельствъ, дѣлаютъ соотвѣтствующія распоряженія и отъ себя. Такъ, если доведется сдѣлать на мѣстѣ обыскъ, судьи, посылаютъ о томъ государевы грамоты воеводамъ. Эти самостоятельныя дѣйствія суда получили особое развитіе въ спорахъ о недвижимостяхъ. Права на землю доказываются въ Москвѣ, между прочимъ, разными книгами: писцовыми дозорными и пр., которыя хранятся въ правительственныхъ учрежденіяхъ и не доступны частнымъ людямъ. Судъ, въ этихъ случаяхъ, сыскиваетъ самъ по книгамъ.

Судъ, какъ чисто частное дѣло, возникаетъ только по просьбѣ заинтересованныхъ и можетъ быть во всякій моментъ, до вершенія, прекращенъ замиреніемъ сторонъ (X, 121), но государевы судныя пошлины должны быть уплочены, не смотря на миръ.

Судъ начинается подачею такъ наз. „приставной памяти". Въ. пристав. памяти пишется, чего ищетъ истецъ, съ кого ищетъ, какая цѣна иска и гдѣ живетъ отвѣтчикъ. Пристав. память называлась такъ потому, что послѣ того, какъ дьякъ сдѣлаетъ на ней надпись, она передается приставу, который долженъ вызвать отвѣтчика. Приставъ долженъ былъ отправиться въ мѣсто жительства отвѣтчика, предъявить ему жалобу истца и объявить срокъ явки въ судъ. При судахъ были особенные органы, которые носили наименованіе приставовъ или недѣльщиковъ. Послѣднее названіе объясняется тѣмъ, что они исполняли свои обязанности по недѣлямъ. Эти недѣльщики имѣли товарищей, которые избирались самими недѣльщиками, тогда какъ пристава, или недѣльщики, назначались правительствомъ. Въ болѣе отдаленное время эти органы встрѣчаюся подъ именами: позовниковъ, доводчиковъ, ѣздоковъ, подвойскихъ.

Обязанность приставовъ состоитъ въ томъ, что, розыскавъ отвѣтчика, они должны были „накинуть на него срокъ", т. е. обязать явиться на такой то срокъ въ судъ. Отвѣтчикъ долженъ былъ представить поруку въ томъ, что явится въ судъ. Порука называлась: «порукой къ суду». Предметъ поруки не для каждаго поручителя одинъ и тотъ же: одинъ могъ поручиться въ томъ, что отвѣтчикъ пріѣдетъ въ судъ, другой въ томъ, что отвѣтчикъ не только пріѣдетъ, но будетъ оставаться по вся дни, пока судъ не кончится. Поручную запись должны были подписывать сами поручители; въ случаѣ непріѣзда отвѣтчика они платили штрафъ,

истцовы иски и убытки. За одного отвѣтчика могли дать поруку нѣсколько лицъ.

Если отвѣтчикъ не находилъ поручителя, приставъ долженъ былъ наложить руку на отвѣтчика и привести его тотчасъ же въ мѣсто суда и держать тамъ скованнымъ въ цѣпяхъ до тѣхъ поръ, пока не найдутся поручители. Если отвѣтчикъ не являлся по вызову, не смотря на поруку, то въ XVI в. онъ обвинялся за первую неявку, а въ XVII в. это начало было смягчено, его обвиняли только по третьей неявкѣ. Въ XVIII в. жаловались на этотъ новый порядокъ и требовали вовращенія къ старому. Въ случаѣ неявки, истцу выдавалась безсудная грамота, по которой отвѣтчикъ обвинялся безъ суда.

Рядомъ съ этимъ былъ и другой порядокъ вызова. Онъ происходилъ чрезъ зазывную грамоту. Зазывная грамота выдавалась самому истцу послѣ предъявленія иска; въ зазывной грамотѣ предписывалось мѣстнымъ властямъ накинуть срокъ на отвѣтчика и взять поруку (Кавелинъ 138 и сл,).

Явившись въ судъ, истецъ и отвѣтчикъ должны были подать „ставочное челобитье“, въ которомъ объявляли о своей явкѣ и готовности стать на судъ.

Судоговореніе было словесное. Первое слово судья давалъ истцу, который долженъ былъ изложить, въ чемъ состоитъ его искъ. Выслушавъ истца, судья обращался къ отвѣтчику и говорилъ ему: „отвѣчай“. Отсюда и выработалось, конечно, самое слово отвѣтчикъ, неизвѣстное древнѣйшимъ актамъ. Выслушавъ обѣ стороны, судья снова обращался къ истцу и спрашивалъ, чѣмъ онъ доказываетъ свой искъ. Истецъ долженъ былъ перечислить всѣ свои доказательства; затѣмъ судья обращался къ отвѣтчику и спрашивалъ, шлется ли онъ на тѣ же доказательства, на тѣхъ же свидѣтелей, на тѣ же купчія грамоты и пр., или у него есть свои? Если названныя сторонами доказательства не находились на лицо, судья давалъ срокъ для ихъ предъявленія. Судъ занималъ, такимъ образомъ, нѣсколько засѣданій, раздѣленныхъ иногда значительными промежутками времени. Происходившее на судѣ вносилось въ судный списокъ, въ которомъ обозначаются судья и мужи бывшіе на судѣ. Послѣ суда дѣло переходитъ къ вершенію.

Вершеніе дѣла составляетъ второй моментъ процесса. Въ немъ принимаютъ иногда участіе и другіе судьи кромѣ тѣхъ, которые засудили дѣло. Это участіе другихъ судей вызывалось очень разнообразными причинами. Изъ правыхъ грамотъ XVI в. видно, что судъ о землѣ весьма нерѣдко происходилъ на мѣстѣ, на спорной землѣ. Стороны въ натурѣ указывали судьямъ, о чемъ онѣ спорятъ, и обходили въ присутствіи знающихъ людей межи владѣній. Очень можетъ быть, что такимъ судьямъ, присылаемымъ изъ Москвы или

мѣстными органами, не всегда предоставлялось право вершать. Нѣкоторымъ лицамъ предоставлялось, какъ мы знаемъ, право непосредственнаго княжескаго суда, судъ же на мѣстѣ судилъ не князь, а его приказный человѣкъ. Но и тѣ судьи, которые имѣли право вершить дѣло, во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ могли обращаться къ помощи высшаго судьи. Воеводы и губныя старосты могли рѣшать предоставленныя ихъ компетенціи дѣла, но изъ Уложенія мы знаемъ, что и они, засудя судъ, при вершеніи обращаются иногда къ помощи приказовъ (X, 130). Приказы могли судить и вершить (23), но и они обращались въ государеву думу.

Это обращеніе къ высшему судьѣ носило наименованіе доклада. Судья докладываетъ свой судъ той власти, которая посылала его засудить дѣло; если же въ докладѣ нуждался постоянный органъ суда, а не временно посылаемый на мѣсто спора, онъ докладываетъ судъ высшей инстанціи. Въ первомъ случаѣ докладъ производилъ самъ судья или лицо, имъ уполномоченное; во второмъ только пересылался въ высшую инстанцію судный списокъ. При докладѣ, обыкновенно, присутствуютъ и стороны, для этого имъ назначается особый срокъ; съ нихъ берутся новыя поручныя записи и присоединяются къ докладу (X, 130). Выслушавъ докладъ, судья спрашиваетъ стороны: таковъ ли имъ былъ судъ? Если они начнутъ „лживить судный списокъ“ и скажутъ „судъ былъ, де не таковъ“, судья производитъ повѣрку при посредствѣ судныхъ мужей. Въ XVII в., какъ мы уже замѣтили, вершеніе должно быть основано на судномъ спискѣ, а не на новыхъ обстоятельствахъ, которыя могли бы заявить стороны во время доклада. Въ XVI же вѣкѣ случалось, что на докладѣ принимались новыя доказательства и клались въ основаніе рѣшенія (А. Ю. № 14). Судья, которому сдѣланъ докладъ, указываетъ докладчику, какъ вершить дѣло, кого обвинить, кого оправдать. Рѣшеніе, составленное на основаніи этого указанія, заносится первымъ судьей въ судный списокъ и объявляется сторонамъ; выигравшему дѣло дается „правая грамота“. Приказы, кажется, вершили сами, не обращая дѣла къ первому судьѣ (X, 130).

Оцѣнка доказательствъ есть дѣло свободнаго усмотрѣнія судьи.

Старинная система доказательствъ въ Московскомъ государствѣ претерпѣваетъ существенныя измѣненія. Всѣ доказательства съ примѣсью элемента чуда, каковы суды божіи, выходятъ изъ употребленія. Памятники московскаго законодательства не знаютъ ордалій. Поединки, весьма еще употребительные въ XVI вѣкѣ, не встрѣчаются въ XVII. Письменныя доказательства получаютъ значительное развитіе.

Доказательствами на судѣ, кромѣ признанія, были: 1) поле, т. е. поединокъ. По Судебнику VXI в. поединкомъ рѣшаются всякія дѣла, какъ уголовныя, убійство, разбой, поджогъ и пр., такъ и гражданскіе, споры по обязательствамъ и др.

Въ Судебникѣ читаемъ: „а побіются на полѣ въ заемномъ дѣлѣ, или въ бою (11). А побьются на полѣ въ пожогѣ, или въ душегубствѣ, или въ разбоѣ, или въ татбѣ... (12).

Если сторона въ подтвержденіе своего иска говорила, что она „крестъ цѣлуетъ и на поле битися лѣзетъ“, то судья обращался къ другой и спрашивалъ: цѣлуетъ ли она крестъ и на полѣ битися лѣзетъ ли? Если она соглашалась, это называлось „досудиться до поля“.

Но это изстари существующее и въ XVI в. чрезвычайно распространенное средство доказательства встрѣчаетъ, однако, противодѣйствіе со стороны духовенства, которое, естественно, не могло одобрить такого способа рѣшенія дѣлъ. Еще въ началѣ XV в. митрополитъ Фотій въ посланіи къ Новгородцамъ запрещаетъ священникамъ давать причастіе тѣмъ, кто выходитъ на поединокъ, имъ нельзя было давать даже крестъ цѣловать; убитыхъ на поединкѣ воспрещается предавать церковному погребенію; кто убьетъ, тотъ отлучался отъ церкви на 18 лѣтъ. Если священникъ, не смотря на эти предписанія, пріобщитъ св. таинъ кого нибудь, или похоронитъ убитаго, онъ подвергается лишенію сана. Понятно, что подобныя мѣры духовенства должны были удерживать частныхъ лицъ отъ поединковъ. Это противодѣйствіе духовенства не могло остаться безъ вліянія и на правительство. Не смотря на то, что Судебникъ допускаетъ поединокъ въ широкихъ размѣрахъ, на практикѣ, какъ можно судить по грамотамъ, онъ имѣлъ весьма ограниченное примѣненіе. Если обѣ стороны слались на поединокъ, обыкновенно вершали дѣло на основаніи другихъ доказательствъ. Поединокъ имѣлъ рѣшающее значеніе только въ томъ случаѣ, если одна изъ сторонъ отказывалась. Что поединокъ потерялъ прежнее значеніе суда Божія и въ глазахъ свѣтскихъ законодателей, это видно изъ того, что Судебникъ принимаетъ мѣры къ тому, чтобы уравнять шансы борьбы. Онъ предписываетъ биться бойцу съ бойцомъ, а не бойцу съ небойцомъ; не бойцу же съ бойцомъ не биться, кромѣ того случая, когда онъ самъ этого пожелаетъ (14). Старымъ, малымъ, увѣчнымъ, попамъ, чернецамъ и женщинамъ Судебникъ дозволяетъ вмѣсто себя нанять наймита. Противъ этого наймита другая сторона имѣла право выставить своего наймита. Въ этомъ видѣ поединокъ, конечно, не могъ уже имѣть въ сознаніи людей того времени значеніе суда Божія. Опредѣленіемъ Стоглаваго собора дѣла, касающіяся лицъ духовнаго званія, предписано было рѣшать не полемъ, а другими доказательствами. Священникамъ и инокамъ дозволялось присужать поле только въ душегубствѣ и разбоѣ съ поличнымъ. Наконецъ, указомъ 1556 года было вообще предписано, если стороны досудятся до поля, то присуждать имъ не поле, а крестное цѣлованіе. Этимъ указомъ

поединокъ хотя и не былъ отмѣненъ, тяжущіеся могутъ еще слаться на поединокъ, но на практикѣ онъ былъ замѣненъ присягою.

2) Крестное цѣлованіе. Стороны допускаются къ крестному цѣлованію по опредѣленію суда. Псков. Суд. гр. говоритъ: „дать правду“ (правда означаетъ здѣсь крестное цѣлованіе *), 42, 55). Также выражается Судебникъ 1497: „а не будетъ у него свидѣтелей, ино ему правда дати“ (47) и Уложеніе: „а съ образомъ велѣти идти тому, кому въ судѣ дано будетъ на душу“ (X, 236).

Судъ прибѣгаетъ къ присягѣ за недостаткомъ другихъ доказательствъ, „если улики нѣтъ“ (Пск. Суд. гр. 116).

Псков. Суд. грамота подробнѣе останавливается на присягѣ, чѣмъ всѣ памятники московской эпохи. Въ руководство судьѣ она даетъ указанія, при какихъ условіяхъ и какой сторонѣ надо предложить присягу (13, 17, 20, 28, 29, 34, 36, 41, 42, 46, 51, 55, 91, 92, 101, 102, 104, 107, 110, 116, 117). Она знаетъ присягу отвѣтчика (очистительную) и истца (дополнительную). Обыкновенно, судъ предлагаетъ сторонѣ на три воли: „хочетъ самъ поцѣлуетъ, или на поле лѣзетъ, или у креста положитъ своему истцу“, т. е. дастъ поцѣловать крестъ противнику (17, 107 и др.). Если сторона сама не захочетъ цѣловать креста, не дастъ противнику и не заявитъ желанія рѣшить дѣло поединкомъ, она проигрываетъ дѣло.

Въ Москвѣ, кромѣ присяги по опредѣленію суда, была употребительна присяга по предложенію стороны. Въ указѣ 1629 года читаемъ: „которые истцы ищутъ на отвѣтчикахъ рублевъ трехъ сотъ и больше, а на судѣ отвѣтчикъ дастъ на душу истцу“ (Утинъ и Лазаревскій, № XLIII). Эта статья перешла и въ Уложеніе (XIV, 8). Ц. Судебникъ, а за нимъ и Уложеніе знаютъ еще присягу по жребію. Въ Судебникѣ она дается по опредѣленію суда въ искахъ московскаго человѣка съ чужеземцемъ (27); въ Уложеніи, по требованію стороны, также въ искахъ съ чужеземцемъ (XIV, 4). Разумныя правила Пск. Суд. гр. замѣнены здѣсь слѣпымъ случаемъ. При цѣлованіи цѣна иска клалась подъ крестъ (Ут. и Лаз. № XL).

Московскіе памятники допускаютъ зависимыхъ людей цѣловать крестъ за господъ своихъ. Выборъ такого цѣловальщика зависѣлъ отъ противной стороны (XIV, 8, ст. 7 не ясна).

По Пск. Суд. гр. всякія дѣла могли быть рѣшены крестнымъ цѣлованіемъ, даже споры о землѣ и водѣ (106). Въ Москвѣ иски о недвижимостяхъ не рѣшались присягой (Кавелинъ, 167).

---

*) Въ другихъ случаяхъ „правда“ означаетъ свидѣтелей, напр. въ ук. 1556 г., Утинъ и Лазаревскій стр. 277, и, можетъ быть, въ ст. 46 Пск. Суд. гр.

3) Послухи и свидѣтели. Московскіе Судебники представляютъ такое смѣшеніе этихъ двухъ институтовъ, что истинное положеніе дѣла можетъ быть выяснено только при помощи Псков. Суд. грамоты.

Мы выше уже замѣтили (стр. 569 и сл.), что Пск. Суд. гр. воспрещаетъ ходить на судъ съ пособниками. Но воспрещая содѣйствіе многихъ пособниковъ, грамота дозволяетъ содѣйствіе одного. Этотъ одинъ пособникъ носитъ въ грамотѣ наименованіе послуха (20—24, 27, 117). Послуху противополагаются свидѣтели, добрые люди, иногда сосѣди, ихъ всегда нѣсколько 4—5. Къ послуху обращаются тогда, когда нѣтъ свидѣтелей (27). Послухъ не очевидецъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ поддерживаетъ то, что утверждаетъ сторона. Это, слѣдовательно, свидѣтель доброй славы. Онъ вѣритъ въ то, что говоритъ сторона, а потому и выходитъ на ея защиту. Это крайне интимное отношеніе: послухъ беретъ на себя дѣло стороны. Это несомнѣнный обломокъ древняго пособничества. Отсюда такія послѣдствія. Послухъ не обязанъ являться на судъ. Онъ приходитъ по ссылкѣ стороны только въ томъ случаѣ, если желаетъ ее поддержать (Дювернуа стр. 391). Не являясь на судъ, онъ заявляетъ этимъ, что не считаетъ возможнымъ оказать свою поддержку сторонѣ и сторона проигрываетъ дѣло (22). Тоже и въ томъ случаѣ, если послухъ „не договоритъ въ рѣчи сославшагося на него, или переговоритъ“ (22). Если послухъ явился на судъ и вполнѣ подтвердилъ ссылку стороны, онъ этимъ беретъ на себя дѣло стороны и какъ бы становится на ея мѣсто. Согласно съ этимъ, послухъ можетъ быть вызванъ противникомъ на поле (20, 27, 117). Онъ долженъ принять вызовъ, иначе его сторона проигрываетъ (Новог. Суд. гр. 35). Послухъ долженъ самъ биться на полѣ, онъ не можетъ замѣнить себя наймитомъ даже и въ томъ случаѣ, если бы противная сторона вмѣсто себя выставила наймита (21). Это требованіе тоже послѣдовательно вытекаетъ изъ свойствъ послуха: замѣна послуха наймитомъ подрываетъ вѣру въ его искренность. Эти свойства послуха объясняютъ и выраженія Новогор. Суд. гр.: 1) „а Псковитину не послуховать“ (22), предполагать надо, въ дѣлахъ новогородцевъ. Это потому, что у чужаго человѣка не предполагается такихъ знаній свойствъ стороны и обстоятельствъ дѣла, какія должны быть у послуха. 2) „А послуху на послуха не быть“, т. е. противъ послуха одной стороны другая не можетъ выставить своего. Такъ какъ доказательство послухомъ переходитъ въ судъ Божій, то представленіе послуха противникомъ ровно ничего не измѣняетъ въ процессуальномъ положеніи сторонъ. Выходъ изъ столкновенія двухъ послуховъ остается тотъ же—поле. Это только лишняя проволочка дѣла.

Въ такомъ видѣ удержались древніе пособники въ псковскомъ.

а можетъ быть и въ новгородскомъ правѣ XV в. Германское право исходитъ изъ другаго начала. Оно допускаетъ много соприсяжниковъ. Число ихъ доходитъ иногда до 72 (Grimm, 859 и сл.). Это давало возможность сопоставлять соприсяжниковъ. Если истецъ приводилъ въ свою пользу 6 человѣкъ, отвѣтчикъ могъ опровергнуть его обвиненіе при помощи 12 (Zöpfl, 937). Множество соприсяжниковъ служило въ Германіи ручательствомъ правдивости ихъ показанія. Конечно, чѣмъ болѣе сторона съумѣетъ найти помощниковъ, тѣмъ болѣе ей можно вѣрить. Но тамъ участіе пріятелей не переходило въ поединокъ, а оканчивалось присягой. У насъ же ручательство правдивости видѣли въ рѣшимости умереть за дѣло, значительное же число пугало возможностью свалки.

Свидѣтели Псков. грамоты существенно отличаются отъ послуховъ. Ихъ всегда нѣсколько (4 — 5); показаніе ихъ рѣшаетъ спорный фактъ; на поле ихъ нельзя звать; это—добрые люди, въ поземельныхъ спорахъ—сосѣди, въ ст. 56 они названы свидѣтелями. Къ нимъ обращаются во всякихъ дѣлахъ: въ спорахъ о землѣ и водѣ (9), въ искахъ покруты (51), въ дѣлахъ наслѣдственныхъ (55), въ спорахъ о движимостяхъ (87), въ боѣ и грабежѣ (27); они удостовѣряютъ сдѣлки, при совершеніи которыхъ присутствовали (56).

Московскіе памятники также знаютъ послуховъ, но въ періодъ составленія Судебниковъ смыслъ этого учрежденія сталъ теряться, а потому они перемѣшиваютъ признаки послуховъ и свидѣтелей.

Нѣкоторыя положенія Судебниковъ совершенно совпадаютъ съ положеніями Псков. Суд. грамоты. Таковы статьи о томъ, что „послуху наймита нѣтъ“ (49 пер. С. и 17 ц.), что истецъ виноватъ, если послухъ не говоритъ въ его рѣчи (51 пер.), и, наконецъ, статья, по которой послуха можно звать на поле (48 пер. С. и 16 ц.). Эти статьи, по всей вѣроятности, передаютъ старинную московскую практику и только по формѣ, можетъ быть, составлены подъ вліяніемъ Псков. грамоты. Но рядомъ съ ними есть постановленія, совершенно искажающія характеръ послушества. Въ ст. 67 пер. С. читаемъ: «а послухамъ, не видѣвъ, не послушествовати, а видѣвши, сказати правду» (99 ц.). Это опредѣленіе приравниваетъ послуховъ къ свидѣтелямъ: они должны говорить только на основаніи того, что видѣли. Это уже не бытовая черта, а указная. Такъ какъ это новое право, народу неизвѣстное, то въ началѣ статьи предписывается „прокликать объ этомъ по торгамъ, на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ московскія земли и новгородскія земли и по всѣмъ волостямъ заповѣдати“... Новый примѣръ, какъ указы московскіе идутъ наперекоръ бытовымъ воззрѣніямъ. Это смѣшеніе послуховъ со свидѣтелями отразилось

и на другихъ статьяхъ. По 50 ст. послухъ обязанъ явиться на судъ, иначе платитъ искъ, пошлины и всѣ убытки (18 ц.). По 52 послуху жонки, старца, попа, чернеца, увѣчнаго человѣка, малолѣтняго дозволяется нанять наймита. Ст. 15 ц. с. говоритъ о многихъ послухахъ, на которыхъ шлется сторона, и о возможности розни въ ихъ показаніяхъ.

Въ результатѣ получилась большая путаница. Послухъ по новой 67 ст. есть свидѣтель факта, а между тѣмъ противная сторона можетъ звать его на поединокъ. Вызовъ на поединокъ свидѣтеля извѣстенъ и германскому праву, но только въ случаѣ подозрѣнія его въ клятвопреступленіи и при томъ въ спорахъ о недвижимой собственности (Eichhorn, I, 411, Note d . Судебники же допускаютъ поле какъ дополнительное доказательство, альтернативно съ присягой (ц. 16), въ боѣ, грабежѣ, займахъ. При такихъ условіяхъ могли иногда и не найтись свидѣтели факта.

Неудобства этого указнаго разъясненія слова послухъ сдѣлались ощутительны для московскаго правительства въ самомъ началѣ второй половины XVI в. Въ указѣ 1556 г. читаемъ: „а пошлется на судѣ ищея или отвѣтчикъ на боярина, или на дьяка, или на приказнаго человѣка, кому мочно вѣрить, посмотря по дѣлу: и тоѣ правды не отставливати, а какъ скажутъ, потому и вершити, безъ поля и безъ цѣлованія“ (Ут. и Лаз. № V). Въ пользу приказныхъ людей, выступающихъ въ качествѣ послуховъ— свидѣтелей, указъ дѣлаетъ исключеніе: ихъ показаніе рѣшаетъ дѣло, ихъ нельзя звать на поле.

Первый Судебникъ, хотя и смѣшиваетъ свидѣтелей съ послухами, знаетъ, однако-же, свидѣтелей и въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Ихъ нѣсколько (2 или 3), показаніе ихъ рѣшаетъ дѣло безъ дополнительной присяги и безъ поля (46,47). За исключеніемъ числа свидѣтелей эти статьи по формѣ такъ сходны съ соотвѣтствующими Псковской грамоты (56, 47), что и здѣсь можно видѣть заимствованіе, хотя тоже съ формальной стороны: невозможно-же допустить, чтобы московская практика впервые узнала свидѣтелей изъ Псковской грамоты.

Въ царскій Судебникъ эти статьи не перешли. Составители его, значитъ, находили возможнымъ довольствоваться тѣми статьями, въ которыхъ послушество было смѣшано со свидѣтельствомъ. Признакъ упадка правоваго сознанія Москвы XVI в. сравнительно съ Москвой, а еще болѣе Псковомъ XV-го.

Свидѣтели, по Пск. Суд. гр., даютъ свои показанія „какъ право передъ Богомъ“. Въ этомъ можно видѣть указаніе на клятвенное обѣщаніе говорить правду. По Судеб. 1497 г. они говорятъ „по праву“.

Уложеніе знаетъ только свидѣтелей, хотя и употребляетъ иногда терминъ послушество. Свидѣтели даютъ показанія по госуда-

реву крестному цѣлованію. Начало Пск. Суд. гр., по которому показаніе нѣсколькихъ свидѣтелей имѣетъ рѣшающее значеніе, признается и Уложеніемъ, только оно требуетъ для этого не менѣе 10 свидѣтелей (X, 158, 159). Наоборотъ, истецъ проигрывалъ дѣло, если хотя одинъ изъ его свидѣтелей высказывался противъ него.

Случай розни свидѣтелей знаетъ и германское право, но тамъ оно ведетъ къ присягѣ и судебному поединку между двумя свидѣтелями, по одному отъ каждаго мнѣнія (Zöpfl, 876). Такой же порядокъ вещей наблюдался и у насъ по второму Судебнику (15). Нововведеніе Уложенія свидѣтельствуетъ о томъ, что и ему не чуждо смѣшеніе свидѣтелей съ послухами. Придавая такое абсолютное значеніе мнѣнію одного свидѣтеля, оно, конечно, видитъ въ нихъ не столько свидѣтелей факта, сколько свидѣтелей доброй славы.

Показаніе отца или матери противъ ихъ дѣтей также имѣетъ рѣшающее значеніе (X. 176). Не могли быть свидѣтелями: жена противъ мужа (X. 177), вольноотпущенный по ссылкѣ его прежняго господина (X. 174).

Уложеніе различаетъ еще общую ссылку, или общую правду. Это свидѣтельство одного или нѣсколькихъ лицъ, на которое сослались оба тяжущіеся (Кавелинъ, 171). Такая правда рѣшаетъ дѣло (X.167; 168). Это доказательство, по его удобству, допускается даже преимущественно передъ другими, напримѣръ, передъ ссылкой только одной стороны и передъ обыскомъ. Если общая правда порознила, рѣшаютъ согласно съ мнѣніемъ, за которое высказалось большинство (169).

Общая ссылка не есть нововведеніе Уложенія. Изъ юридич. актовъ видно, что она была въ употребленіи въ XVI вѣкѣ и, конечно, еще раньше (№ 8, 16, 20). Намекъ на общую ссылку можно видѣть въ 24 ст. Пск. С. гр. Но дѣлавшіе ссылку на общую правду не признавали еще себя виновными, если она высказывалась противъ нихъ, а заявляли обвиненіе въ томъ, что она говоритъ лживо, и требовали креста и поля (№ 20. Такъ и въ Германіи, см. выше). Съ Уложенія переходъ отъ общей правды къ кресту и полю болѣе не возможенъ.

Уложеніе допускаетъ отводъ свидѣтелей по стачкѣ ихъ, напримѣръ, съ противной стороною (X, 179). Отводъ, конечно, всегда практиковался. Указаніе на него можно видѣть въ 23 ст. Пск. Суд. гр.

4) Обыскъ. Уложеніе говоритъ „а по суднымъ дѣламъ доведется быти обыску“ (X, 156). Обыскъ есть спросъ окольныхъ людей о спорныхъ обстоятельствахъ дѣла. Если окольныхъ людей окажется не болѣе 20, этого уже достаточно для обыска (XX, 95). Онъ дѣлается по ссылкѣ стороны, когда она „шлется на многихъ людей безымянно“ и по усмотрѣнію суда, если бы даже стороны и не слались (XVIII, 33). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ имѣемъ дѣло со слѣдственнымъ элементомъ въ области суда. Судъ можетъ

найти необходимымъ, независимо отъ заявленій сторонъ, выяснить спорныя обстоятельства дѣла чрезъ спросъ окольныхъ людей. Къ обыску окольныхъ людей обращаются: 1) въ искахъ о недвижимостяхъ, когда надо бываетъ выяснить границы спорныхъ владѣній (XVII, 51); 2) въ спорахъ о принадлежности холоповъ (XX, 108). По Уложенію обыскъ производится по предписанію суда особымъ сыщикомъ. Обыскныхъ людей допрашиваютъ порознь; они сами должны записать свои рѣчи при сыщикѣ и подписать ихъ. Показывать они должны, какъ свидѣтели, подъ присягой (духовенство по священству): „прямо въ правду, никого не боясь и никому не наровя ни которыми дѣлы". За ложныя рѣчи берется пеня. Показаніе обыскныхъ людей имѣетъ рѣшающее значеніе. Если они порознили, дѣло рѣшается согласно съ показаніемъ большинства (X, 161, 162).

5) Письменныя доказательства. О процессуальномъ значеніи письменныхъ актовъ говорятъ Псков. Суд. гр. и Уложеніе, Судебники на этомъ вопросѣ не останавливаются, хотя въ XV и XVI в. и даже ранѣе въ Москвѣ писались уже заемныя кабалы, купчія грамоты, закладныя и пр. и, конечно, предъявлялись на судѣ. По Иск. гр. на заемъ больше рубля должна быть написана запись, иначе не дается иска. Только въ займахъ менѣе рубля можно искать безъ записи (30). Уложеніе въ этомъ отношеніи идетъ еще далѣе. Оно безусловно отказываетъ въ искѣ заемныхъ денегъ и поклажъ, если не будетъ представлено на то кабалъ, заемныхъ памятей и иныхъ крѣпостей (X, 189, ср. XIV ст. 10, конецъ). Единственное исключеніе сдѣлано для служилыхъ людей, которые отдаютъ что либо на сохраненіе во время нахожденія на службѣ. Они могутъ искать своихъ поклажъ и безъ письма (X. 190).

Споры о земляхъ рѣшаются на основаніи крѣпостей и книгъ: писцовыхъ, дозорныхъ и отдѣльныхъ (X, 235).

Письменные документы должны быть представлены сторонами, справки же по книгамъ, по всей вѣроятности, производились по распоряженію суда.

6) Жребій. Видъ суда Божія, но безъ чудеснаго элемента во внѣшней его формѣ. По Уложенію имѣетъ мѣсто въ искахъ менѣе рубля (XIV, 10).

Кромѣ разсмотрѣнія и оцѣнки доказательствъ, предъявленныхъ сторонами, судъ былъ обязанъ и по собственной своей иниціативѣ принимать мѣры къ разъясненію дѣла. Къ такимъ дѣйствіямъ суда относятся: 1) обыскъ, на что было уже указано выше; 2) очныя ставки; 3) справки по книгамъ писцовымъ и др. Очныя ставки имѣли мѣсто въ спорахъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ; къ нимъ обращались какъ къ наиболѣе удобному средству для выясненія предмета спора. Съ этою цѣлью истецъ и отвѣт-

чикъ должны были предстать на судъ лично, а не чрезъ повѣренныхъ. Исключеніе дѣлалось только для больныхъ, болѣзнь которыхъ продолжалась болѣе полугода; эти должны были прислать повѣренныхъ (XVI, 54, 59, XVII, 17). Справки по книгамъ, надо думать, производились по распоряженію суда приказными людьми. Всѣ такія самостоятельныя дѣйствія суда назывались сыскомъ, а потому въ Уложеніи встрѣчаемъ такія выраженія: „сыщется съ суда до пряма“ (XVII, 15), „за очи и не сыскавъ до пряма вотчинъ не отнимать“ (XVII,17), „а кому доведутся бѣглые крестьяне и бобыли по суду и по сыску отдати“ (XI,3) „ и про такія спорныя земли сыскивати писцовыми и дозорными и отдѣльными книгами, и всякими крѣпостьми, и старожильцы и окольными всякими людьми“ (X,235).

Аппелляціоннаго производства въ настоящемъ смыслѣ этого слова московскій судъ не зналъ. На неправильное рѣшеніе можно было жаловаться, но такія жалобы обусловливались предположеніемъ, что судья рѣшилъ неправильно изъ корыстныхъ цѣлей, взявъ посулъ (X, 7). Жалоба на неправильное рѣшеніе была жалобой на судью и переходила въ судъ съ судьей (Дмитріевъ, 295). Если дѣйствительно оказывалось, что судья взялъ посулъ, съ него взыскивалась въ пользу обиженнаго тройная цѣна иска и пошлины на государя, кромѣ того думные люди лишались чина, а не думные подвергались торговой казни (X, 5). Если же оказывалось, что судья просудился „безъ хитрости“ (т. е. безъ подкупа), это тоже была вина, за которую судья подвергался отвѣтственности, но не опредѣленной „что государь укажетъ“ (X, 10). Наоборотъ, если „челобитчикъ на судью затѣялъ напрасно и обвиненъ онъ по дѣлу, а не по посуламъ, и того челобитчика за ложное его челобитье самого бити кнутомъ нещадно“ (X, 9). Такимъ образомъ, составителямъ Уложенія была совершенно чужда мысль о томъ, что право можетъ быть разно понимаемо, и что въ этомъ нѣтъ никакого преступленія.

Статья 10-я X-й главы говоритъ о „судѣ съ головы“, къ которому надо обращаться въ томъ случаѣ, когда судья просудился безъ хитрости, а бояре, которые должны были, вслѣдствіе этого, перевершить дѣло, нашли, что рѣшить его нельзя. Надо думать, что это есть уничтоженіе всего прежняго производства и обращеніе дѣла къ новому суду.

Послѣднимъ моментомъ процесса является исполненіе приговора. Если истецъ лишался иска, то отвѣтчикъ оставался въ своихъ правахъ и дѣло этимъ оканчивалось. Но если обвинялся отвѣтчикъ, то для него возникала обязанность уплатить цѣну иска или, если искъ былъ вещный, возвратить самую вещь. Имѣемъ указанія, что возвращеніе

спорной земли дѣлалось отводомъ по межамъ въ присутствіи судьи и стороннихъ людей. Въ случаѣ же денежной уплаты отвѣтчику предоставлялось „раздѣлаться“ съ истцомъ. Если онъ неудовлетворялъ истца, обращались къ правежу, чтобы заставить его раздѣлаться съ истцомъ. Этотъ процессъ воздѣйствія на волю обвиненнаго состоялъ въ томъ, что его выводили предъ приказную избу, за нѣсколько времени до открытія засѣданія, обнажали ему ноги и били по нимъ палками. Процедура эта ежедневно продолжалась до тѣхъ поръ, пока судьи сидѣли въ судѣ, и оканчивалась вслѣдъ за ихъ отъѣздомъ. Разсказываютъ, что богатые люди, которые не хотѣли платить долга, давали взятку, и ихъ били очень легко, между тѣмъ какъ бѣдныхъ людей, которые неимѣли возможности ничего заплатить, подвергали жестокому правежу. Уложеніе опредѣляетъ срокъ, далѣе котораго нельзя было продолжать правежа: за каждые 100 руб. должникъ подвергался правежу не болѣе мѣсяца. Только по особымъ просьбамъ отвѣтчиковъ «о переводѣ», т. е. объ отсрочкѣ взысканія, можно было перевести правежъ на другой мѣсяцъ. Если въ теченіи мѣсяца отвѣтчикъ не раздѣлается съ должникомъ, взысканіе обращается на имущество. Дворы и движимости отвѣтчиковъ оцѣниваются и отдаются истцамъ. Если же обвинены помѣщики и вотчинники, то взысканіе обращается на имущество людей ихъ и крестьянъ (X. 261, 262). Пустыя вотчины продаются для удовлетворенія взысканія; но выигравшій искъ можетъ взять ее и натурою.

Если должникъ оказывался не состоятельнымъ послѣ правежа, онъ выдавался кредитору „головою до выслуги“, т. е. до тѣхъ поръ, пока всю сумму незаработаетъ. Уложеніе опредѣляетъ, какой срокъ надо было служить у кредитора, чтобы погасить долгъ. Мужчина погашалъ въ годъ 5 р., женщина—два рубля съ полтиной. Вслѣдствіе выдачи головою для неоплатнаго должника возникалъ особенный видъ зависимаго состоянія на все то время, пока онъ не отработаетъ всю должную сумму. Господинъ, у котораго онъ работалъ, имѣлъ право его наказывать. Уложеніе, въ огражденіе правъ должника, предписываетъ брать съ кредитора поруку въ томъ, что онъ не убьетъ и не изувѣчитъ должника. Это показываетъ, какъ далеко шло право наказанія лѣниваго должника. Но если бы случилось, что кредиторъ убьетъ выданнаго головою, такое убійство не разсматривается какъ обыкновенное убійство и наказывается не смертною казнью, а какъ государь укажетъ. Выдачѣ головою подлежали не всѣ должники, а только низшіе чины: всякіе тяглые люди, а изъ служилыхъ — казаки, пушкари и под. Высшіе служилые люди не выдавались головою, съ нихъ надо было править деньги послѣ указнаго мѣсяца безъ всякой пощады. Но правежъ съ высшихъ служилыхъ людей существенно

отличался отъ правежа съ низшихъ и тяглыхъ. Они могли выставить за себя своихъ людей и крестьянъ и потому лично правежу не подвергались (Кавелинъ, 192 и сл.).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Слѣдственный процессъ (сыскъ).

Сыскомъ, какъ мы видѣли, называются всѣ тѣ отдѣльныя дѣйствія, которыя судья совершалъ по собственному своему почину для выясненія обстоятельствъ дѣла. Въ Московскомъ государствѣ, рядомъ съ судомъ, для нѣкоторыхъ дѣлъ возникаетъ новый процессъ, который ведется не сторонами, а судьями ex officio, его можно назвать сыскомъ по преимуществу.

Сыскъ, какъ особая форма процесса, существенно отличается отъ суда. Сыскъ есть слѣдственный процессъ. Онъ можетъ и даже долженъ начинаться ex officio. Мѣстные органы обязаны наблюдать, что бы не было разбойниковъ; губнымъ старостамъ предписывается про разбойниковъ сыскивать. Они сами должны ловить ихъ и начинать дѣло, т. е. сыскъ. Дѣйствія сыска не зависятъ отъ усмотрѣнія жалобщиковъ; они напередъ предписаны. Сыскъ не можетъ быть прекращенъ миромъ. Уложеніе запрещаетъ мириться съ разбойниками.

Когда возникъ такой особый порядокъ? Съ полною точностью трудно отвѣчать на этотъ вопросъ. Въ первомъ Судебникѣ есть статья, изъ которой видно, что порядокъ сыска былъ уже извѣстенъ. Судебникъ говоритъ „о прирокѣ съ доводомъ“. Это такое дѣйствіе, которое входитъ въ сыскное производство. На этомъ основаніи можно полагать, что сыскъ не моложе XV-го вѣка. Онъ, конечно, не вновь узаконенъ первымъ Судебникомъ, а былъ дѣломъ общеизвѣстнымъ во время его составленія.

Сыскомъ вѣдаются не всѣ уголовныя дѣла. Первоначально въ область сыска были выдѣлены только нѣкоторыя дѣла, а именно— разбойныя; это слѣдуетъ изъ грамотъ, которыя выдавались губнымъ учрежденіямъ. Но эти грамоты моложе Судебника 1497 г. Онѣ даютъ, однако, поводъ думать, что и въ XV вѣкѣ сыскъ примѣнялся только къ разбойнымъ дѣламъ, хотя, можетъ быть, и не губными учрежденіями, а приказными. Съ теченіемъ времени область дѣлъ, подлежащихъ сыску, расширяется. Это расширеніе идетъ въ связи съ расширеніемъ вѣдомства губныхъ учрежденій. Въ Уложеніи находимъ статью, которая, повидимому,

ставитъ въ зависимость отъ совершенно случайнаго обстоятельства вопросъ о томъ, куда направить дѣло: къ сыску или къ суду. Именно: если обокраденный сдѣлалъ заявку о томъ, что у него случилась покража, а потомъ опозналъ у кого либо свои украденныя вещи, то дѣло разсматривалось сыскомъ; а если заявки не было, дѣло рѣшалось судомъ (XXI, 51). Если предположить, что заявка не ограничивалась извѣщеніемъ властей, а сопровождалась оповѣщеніемъ по улицамъ и площадямъ, это различіе получитъ надлежащій смыслъ. Кто послѣ оповѣщенія о томъ, что находящаяся у него вещь—краденая, продолжаетъ ее сохранять и не возвращаетъ хозяину, того можно подозрѣвать въ завѣдомомъ храненіи краденаго, и даже въ участіи въ кражѣ. Какъ участникъ кражи, онъ и подлежитъ сыску. Это различіе показываетъ, что въ XVII в. обособленіе процессовъ гражданскаго и уголовнаго сдѣлало уже значительные успѣхи: уголовныя дѣла вѣдаются, обыкновенно, сыскомъ, гражданскія—судомъ.

Средствами сыска, кромѣ свидѣтелей, были: обыскъ и пытка.

Обыскъ есть допросъ мѣстныхъ жителей или вообще о томъ, кто у нихъ на посадѣ или въ уѣздѣ разбоемъ занимается, лихимъ людямъ притонъ даетъ, разбойную рухлядь отъ нихъ покупаетъ, или въ частности о томъ, что они знаютъ объ извѣстномъ лицѣ, подозрѣваемомъ въ разбоѣ? Въ XVI вѣкѣ и позднѣе обыскъ производится воеводами, сыщиками или, наконецъ, губными учрежденіями. Обыкновенно имъ предписывается дѣлать обыскъ всѣми людьми, или всею губою, иногда же предписывается взять для этого съ выти по человѣку. Уложеніе предписываетъ производить обыскъ многими людьми безотводно. Такая масса людей, естественно, не могла быть привлекаема къ дѣлу въ качествѣ свидѣтелей. Обыскные люди давали свои показанія какъ послухи. Первоначально отъ нихъ не требовалось, чтобы они говорили на основаніи того, что сами видѣли; довольно было, если они убѣждены, что такой то—вѣдомый лихой человѣкъ, или, наоборотъ, что онъ человѣкъ хорошій.

Въ XVI вѣкѣ различались показанія обыскныхъ людей съ „доводомъ“ и „безъ довода“. Показать что либо съ доводомъ значитъ сказать, что такой-то человѣкъ ограбилъ тогда-то и такого-то человѣка, ограбленное отнесъ въ такое то мѣсто и т. под. Но и при показаніи съ доводомъ, вовсе не требовалось, чтобы обыскной человѣкъ говорилъ только о томъ, что онъ воспринялъ своими чувствами; довольно, если онъ убѣжденъ въ томъ, что говоритъ. Показать „безъ довода“ значитъ вообще сказать, что такой-то человѣкъ—вѣдомый разбойникъ и не только теперь, но и прежде, „допрежъ сего“ крадывалъ. И показаніе съ доводомъ нельзя считать свидѣтельскимъ показаніемъ, тѣмъ менѣе можно считать такимъ—показаніе безъ довода. Институтъ

послушества не новый,—онъ идетъ изъ глубокой древности. Но прежде послухъ приводился самимъ заинтересованнымъ лицомъ, что и удержалось въ „судѣ". Въ сыскномъ порядкѣ, въ качествѣ послуховъ выступаютъ теперь не друзья заинтересованной стороны, а цѣлая община. Съ явленіемъ подобнаго рода встрѣчаемся и на Западѣ. Въ Англіи, какъ и у насъ, приглашались къ обличенію всѣ жители деревни (Ковалевскій). Но тамъ это явленіе въ исторіи процесса удержалось не долго, изъ него весьма скоро выработался другой институтъ, которому суждено было пережить наши обыскныя учрежденія, и, заслуживъ всеобщее довѣріе, распространиться по всему образованному міру. Это—институтъ присяжныхъ. Вмѣсто опроса всѣхъ членовъ общины, въ Англіи стали привлекать къ дѣламъ, въ качествѣ доказательства, 12 человѣкъ присяжныхъ. Наши обыскные люди и англійскіе присяжные появились на смѣну старыхъ доказательствъ, поединка и ордалій, вѣра въ которые стала исчезать. Но дальнѣйшая судьба этихъ двухъ институтовъ очень различна. Въ Англіи 12 присяжныхъ все болѣе и болѣе получаютъ значенія: изъ свидѣтельствующихъ о дѣлѣ они становятся рѣшителями судьбы обвиняемаго. У насъ, напротивъ, значеніе обыскныхъ людей шло постоянно умаляясь. Первоначально ихъ показаніе вело къ оправданію или къ обвиненію, во второй же половинѣ XVII в. оно потеряло почти всякое значеніе. Это можетъ до нѣкоторой степени объясняться самой формой нашего обыска. Въ немъ принимала участіе масса людей, а это, естественно, должно было вести къ ослабленію чувства отвѣтственности каждаго въ отдѣльности. Даваемыя на обыскѣ показанія могли, по этому, недостаточно взвѣшиваться обыскными людьми и возбуждать къ себѣ недовѣріе правительства. Памятники XVI и XVII в. очень различно относятся къ обыскнымъ людямъ. Въ первыхъ не видно никакого къ нимъ недовѣрія. Въ Уложеніи оно уже очень замѣтно. Въ тѣхъ случаяхъ, когда обыскные люди раздѣлились и приговоръ состоялся по показанію большинства ихъ, оно предоставляетъ обвиненному право, въ свою очередь, обвинять обыскныхъ людей большей половины въ томъ, что они солгали, и предписываетъ „сыскивати про то всякими сыски". За такія лживыя рѣчи Уложеніе предписываетъ съ виновныхъ взыскивать пени, а «прикащиковъ и крестьянъ лучшихъ людей десятаго человѣка бити кнутьемъ». Ясное указаніе на то, что обыскъ, какъ самостоятельный способъ доказательства, въ XVII в. вымираетъ. Очень скоро послѣ изданія Уложенія, въ XVII же в., мы встрѣчаемся съ такими законодательными опредѣленіями, которыя совершенно измѣняютъ и самую сущность показаній обыскныхъ людей.

Въ дополнительныхъ къ Уложенію статьяхъ о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ, изданныхъ въ 1669 г.

объ обыскахъ говорится: „а сыскивати людьми, которые сами про что вѣдаютъ подлинно, или видѣли и скажутъ имянно“. Этимъ постановленіемъ обыскные люди почти приравниваются къ свидѣтелямъ. Статья ссылается на Градскіе законы, но Градскіе законы знаютъ только свидѣтелей. Эта ссылка ясно опредѣляетъ направленіе законодательства: оно не желаетъ видѣть въ обыскныхъ людяхъ какихъ либо особенностей, это тѣ же свидѣтели.

Порядокъ обыска. Обыскомъ руководили въ XV в. воеводы, потомъ губные старосты, а иногда сыщики, присылаемые изъ Москвы. Показанія обыскныхъ людей записываются. Уложеніе требуетъ даже подписи отъ тѣхъ, кто грамотенъ. Отводъ не допускался. Обвиняемый не могъ сказать: „такого то человѣка не спрашивайте“. Могло случиться, что обыскные люди порознили въ своихъ показаніяхъ. Въ этомъ случаѣ признавалось мнѣніе большинства, хотя правительство и не придавало ему всегда равнаго значенія съ единогласнымъ показаніемъ. Если человѣкъ одобрялся большинствомъ, то это одобреніе имѣло такое же значеніе, какъ и единогласное; но когда дѣло шло объ охуленіи, то охуленіе большинствомъ (лихованный обыскъ) далеко не имѣло такого значенія, какъ единогласное. Единогласное охужденіе вело къ смертной казни, а охужденіе по большинству только къ тюремному заключенію. Такимъ образомъ, для оправданія показаніе большинства считалось столь же убѣдительнымъ, какъ и единогласное, для обвиненія же оно было слабѣе.

Результатомъ обыска могло быть или облихованіе человѣка или одобреніе. Если человѣка облиховали, онъ немедленно брался подъ стражу, а его имущество описывалось. Дальнѣйшія послѣдствія неодобрительнаго обыска состояли въ томъ, что подозрѣваемаго подвергали пыткѣ. Результатъ одобрительнаго обыска состоялъ въ томъ, что одобреннаго отдавали обыскнымъ людямъ на поруки. Эта передача подозрѣваемаго обыскнымъ людямъ на поруки есть новое доказательство того, что они даютъ свои показанія не какъ случайные свидѣтели, а какъ послухи. Выдача на поруки прекратилась, какъ скоро законодательство усвоило себѣ взглядъ на обыскныхъ людей, какъ на свидѣтелей.

Пытка состояла въ причиненіи человѣку физическихъ мученій съ цѣлью заставить его сдѣлать признаніе о совершенныхъ имъ преступленіяхъ и о своихъ сообщникахъ. Иногда говорятъ, что пытка нами заимствована; съ такимъ взглядомъ согласиться трудно. Пытка является институтомъ чрезвычайно распространеннымъ. Древнему Риму извѣстна уже пытка, но тамъ въ республиканскій періодъ она примѣнялась только къ рабамъ. Свободнаго гражданина нельзя было пытать, и даже раба нельзя было пытать въ томъ случаѣ, если показанія, которыя

онъ имѣлъ дать, были направлены противъ его господина, кромѣ тяжкихъ государственныхъ преступленій. Въ императорскую эпоху примѣненіе пытки расширяется; отъ нея свободны только лица высшихъ классовъ, но по обвиненіямъ въ преступленіяхъ противъ императ. величества пытались и они. Къ пыткѣ обращались, когда были уже улики, но оказывались недостаточными для обвиненія. Встрѣчаемся съ пыткою и въ Германіи. Первоначально и тамъ пытка примѣнялась только къ рабамъ, которые не имѣли права обращаться къ судамъ Божіимъ, доказательству свободныхъ людей. Но съ XIV в. начинаютъ пытать и свободныхъ. Это объясняется потерей вѣры въ старыя доказательства: поединокъ, ордаліи и помощниковъ присяги, и нежеланіемъ обвинять по однимъ уликамъ. Пытка есть институтъ весьма распространенный; появленіе пытки у насъ было условлено тѣми же причинами, что и въ Германіи, а потому и трудно допустить механическое заимствованіе. Недовѣріе къ старой системѣ доказательствъ и опасеніе взять грѣхъ на свою душу, въ случаѣ обвиненія по однимъ уликамъ, привели и насъ къ пыткѣ. Къ пыткѣ обращаются при недостаточности уликъ для того, чтобы пополнить ихъ собственнымъ признаніемъ. Пытка была грубѣйшимъ средствомъ процесса и далеко не ведущимъ къ той цѣли, которой въ старину думали достигнуть. По свидѣтельству Котошихина, однимъ изъ самыхъ употребительнѣйшихъ видовъ пытки былъ слѣдующій: человѣку сзади связывали руки въ опущенномъ положеніи, привязывали къ нимъ веревку, которую проводили чрезъ блокъ, укрѣпленный въ потолкѣ, и этою веревкою тянули руки вверхъ, причемъ онѣ, по мѣрѣ поднятія тѣла, выворачивались изъ плеча. Въ этомъ положеніи пытаемаго били батогами, встряхивали, и, наконецъ, подпаливали медленнымъ огнемъ. Человѣкъ, мало впечатлительный, могъ вынести самую жестокую пытку и не сознаться въ совершеніи преступленія, тогда какъ человѣкъ нервный не выносилъ и самаго легкаго физическаго страданія и наговаривалъ на себя то, чего никогда не дѣлалъ. Пытка характеризуетъ грубое состояніе нравовъ и стоитъ въ связи съ жестокою системой наказаній. У насъ подвергали пыткѣ не одинъ разъ, а обыкновенно три раза. Если на первой пыткѣ сознался въ чемъ обвиняютъ, пытали еще разъ, не виноватъ ли въ иныхъ разбояхъ и убійствахъ. Если пытаемый оговаривалъ кого либо въ соучастіи, оговореннаго ставили съ нимъ съ очей на очи, спрашивали знаетъ ли его и снова пытали, не сниметъ ли оговора. Очныя ставки, на которыхъ провѣрялся оговоръ, входили, такимъ образомъ, какъ составная часть во всякое пыточное производство. Всѣ оговоренные привлекались къ сыску. Уложеніе запрещаетъ только вѣрить оговору тѣхъ, кто привелъ разбойниковъ, чтобы было безстрашно

приводить. Привлеченіе къ сыску по оговору называлось привлеченіемъ „по языку“. Пыткѣ въ Московскомъ государствѣ подвергались лица всѣхъ чиновъ безъ исключеній съ нѣкоторымъ, однако, различіемъ. Положимъ, по какому либо дѣлу привлекаются къ сыску помѣщикъ и его люди (на обыскѣ могли сказать, напр., что въ грабежѣ принимаютъ участіе не только люди помѣщика, но и самъ помѣщикъ; то же самое могъ сказать обвиняемый). Въ этомъ случаѣ забирали помѣщика съ его людьми, но прежде подвергали пыткѣ людей помѣщика, если же они сознавались, пыткѣ подвергался и самъ помѣщикъ.

Указанная послѣдовательность сыскныхъ дѣйствій въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣнялась и тогда пытка предшествовала обыску. Это во 1) если сыскъ возбужденъ по частному обвиненію кого либо въ разбоѣ и противъ обвиняемаго, кромѣ истца, говорилъ еще языкъ (А. Э. № 281); 2) если обвиненіе было возбуждено господами противъ ихъ людей, рабы пытались и безъ языка (Улож. XXI, 68); 3) если разбойники будутъ говорить съ пытокъ „на причинныхъ людей“ (XXI, 40).

Послѣдствія сыска для вѣдомыхъ лихихъ людей были различны, смотря, во 1-хъ, потому, кто подвергался сыску, членъ губы, или посторонній человѣкъ; во 2-хъ, по результатамъ обыска и пытки; въ 3-хъ, по времени, въ XVII вѣкѣ другія чѣмъ въ XVI.

О пріѣзжемъ человѣкѣ надо было докладывать въ Москву, вершить можно было только о своемъ (А. А. Э. I, № 257).

Въ XVI вѣкѣ обвиняемый, если онъ былъ облихованъ съ доводомъ (имянно), подвергался смертной казни, хотя бы на пыткѣ и не сознался *). Признаніе съ пытки облихованныхъ обыкновенно вело за собою смертную казнь. Если обыскные люди обвинили безъ „довода“, виновный подвергался тюремному заключенію „на смерть“; одобреніе вело къ выдачѣ заподозрѣннаго на поруки обыскныхъ людей.

Но по мѣрѣ того, какъ утрачивалось довѣріе къ обыскнымъ людямъ, послѣдствія лихованныхъ обысковъ существенно измѣняются. Уложеніе знаетъ только одно послѣдствіе неодобрительнаго обыска, тюремное заключеніе, и притомъ безъ прибавки „на смерть“. По новоуказнымъ статьямъ 1669 г. о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ, значеніе неодобрительнаго обыска еще болѣе падаетъ. Облихованный человѣкъ, если онъ съ пытки не сознался, даже не заключался въ тюрьму, а освобождался на поруки, но не на поруки обыскныхъ людей, такъ

---

*) Ак. Юр. 1571 г. № 281. Нельзя, впрочемъ, утверждать, что московская практика была совершенно единообразна. Нѣкоторые памятники наводятъ на мысль, что облихованіе безъ признанія вело, иногда, только къ тюремному заключенію по смерть.

какъ невозможно же было отдать обвиняемаго на поруки тѣмъ, которые его облиховали, а па поруки тому, за кѣмъ онъ прежде жилъ; „а будетъ на нихъ порукъ не будетъ и росписаться не кому, а тѣ люди, за кѣмъ они жили, отъ нихъ отступятся, ссылать въ Сибирь съ женами и дѣтьми“ (24).

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Измѣненія въ имперіи.

Петръ В. весьма былъ озабоченъ улучшеніемъ нашего процесса. Въ Воинскомъ Уставѣ подъ именемъ «краткаго изображенія процессовъ или судебныхъ тяжбъ“ онъ даетъ систематическое изложеніе правилъ судопроизводства; въ 1723 году онъ посвятилъ тому же предмету новый указъ „о формѣ суда“. Кромѣ этихъ крупныхъ законодательныхъ памятниковъ не мало было издано и мелкихъ указовъ по тому же предмету. Не смотря на эту оживленную дѣятельность петровскаго законодательства, состояніе нашего процесса за его царствованіе скорѣе ухудшилось, чѣмъ улучшилось.

Относясь съ недовѣріемъ ко всему русскому, великій преобразователь Россіи и не подозрѣвалъ, что московскій процесъ XVII в. стоялъ далеко не во всемъ ниже современнаго ему нѣмецкаго. Вмѣсто того, чтобы выяснить основныя начала нашего стараго порядка, развить то, что въ немъ было хорошаго, и положить конецъ дурному, онъ началъ съ того, что смѣшалъ почти всѣ выработанныя практикой различія формъ судопроизводства, а за тѣмъ обратился къ переводамъ съ нѣмецкаго. Но переносъ нѣмецкихъ порядковъ на русскую почву, кажется, и его самаго удовлетворилъ очень не надолго. Изданная имъ форма суда представляетъ несомнѣнное возвращеніе къ старому порядку, хотя въ очень несовершенномъ видѣ.

Петру В. очень не нравилось свободное состязаніе сторонъ на судѣ. Онъ видѣлъ въ этомъ поводъ къ лукавству, ябедничеству и всякой неправдѣ. Дѣятельность повѣренныхъ, которые всѣми мѣрами стараются защищать своихъ кліентовъ, онъ находилъ крайне вредною, и видѣлъ въ ней источникъ величайшихъ злоупотребленій. Въ одномъ изъ своихъ указовъ онъ высказываетъ такія жалобы: „въ судахъ и очныхъ ставкахъ отъ истцовъ и отвѣтчиковъ бываетъ многая неправда и лукавство, и ищутъ многіе истцы исковъ своихъ затѣвая напрасно, также и отвѣтчики въ прямыхъ искахъ отвѣчаютъ не правду же, составными вымыслы своими и лукавствомъ, хотя тѣми составными затейными отвѣты прямыхъ исковъ напрасно отбыть, забывъ страхъ Божій. А иные истцы и отвѣтчики, для такихъ же своихъ коварствъ и неправды, нанимаютъ за себя въ судъ и очныя ставки свою братью и бояр-

скихъ людей (т. е. повѣренныхъ), ябедниковъ и составщиковъ же, воровъ и душепродавцевъ, и за тѣми ихъ воровскими и ябедническими и составными вымыслами въ вершеніи тѣхъ дѣлъ чинится правымъ людямъ волокита, убытки и разореніе; а ябедникамъ и ворамъ наживка" (П. С. З. № 1572, г. 1697).

При одинаковыхъ условіяхъ вездѣ встрѣчаемъ и одинакія послѣдствія. Въ Пруссіи Фридрихъ В. относился также несочувственно къ адвокатамъ и поставилъ себѣ задачею дать процессу такую форму, чтобы въ адвокатахъ вовсе не было нужды. Этимъ взглядомъ на злоупотребленія суда опредѣлилась послѣдующая законодательная дѣятельность Петра: она идетъ къ стѣсненію свободной борьбы сторонъ и къ усиленію власти судьи. Въ этомъ смыслѣ надо понимать его чрезвычайно краткій указъ отъ 1697 года, въ которомъ читаемъ: „суду и очнымъ ставкамъ не быть, а вѣдать всѣ дѣла розыскомъ", затѣмъ идетъ перечисленіе дѣлъ: бой, обиды, безчестье, разореніе, увѣчья, дѣла о бѣглыхъ и споры о земляхъ. Этотъ указъ и понять трудно: какъ можно не быть суду и все вѣдать розыскомъ? Языкъ указа показываетъ, что составитель его не совсѣмъ хорошо зналъ, что такое судъ и что такое розыскъ, т. е. сыскъ. Изъ дальнѣйшихъ постановленій указа видно, что имъ вовсе не имѣлось въ виду уничтожить судъ съ его особыми формами и средствами, и подчинить всѣ дѣла сыску.

Дѣла, подлежащія по указу розыску, надо было рѣшать: обиды, бой, увѣчья и разореніе на основаніи свидѣтельскихъ показаній, а если свидѣтелей не было,—вѣрой; споры о землѣ—на основаніи крѣпостныхъ актовъ. Но такъ было и въ Москвѣ. Въ чемъ же новое? Надо думать, что Петръ этимъ указомъ хотѣлъ только усилить слѣдственный элементъ въ судѣ, вмѣнить судьямъ въ обязанность не подчиняться тому теченію дѣла, которое даютъ ему стороны, а болѣе розыскивать самимъ; о дѣйствительномъ слитіи суднаго и сыскнаго порядка, конечно, не могло быть и рѣчи. При Петрѣ существовалъ же Преображенскій приказъ, который вѣдалъ розыскныя дѣла: преступленія величества, великія убійства и городскіе разбои въ Москвѣ и С. Петербургѣ. Его судопроизводство существенно отличалось отъ судопроизводства по обидамъ, безчестіямъ и крѣпостнымъ дѣламъ. Для преступленій по 2-мъ первымъ пунктамъ была еще „Тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія", гдѣ также производился настоящій московскій розыскъ съ пыткой. Указъ 1697 года едва-ли могъ внести свѣтъ въ наши старые судебные порядки.

Въ 1716 г. было издано въ Воинскомъ Уставѣ „краткое изображеніе судебныхъ тяжебъ", составленное по нѣмецкимъ образцамъ. Это краткое изображеніе даетъ правила какъ для гражданскаго процесса, такъ и для уголовнаго. Въ Воин. Уставѣ находимъ опредѣленіе понятія истца и отвѣтчика, онъ трактуетъ объ

искахъ и возраженіяхъ, въ отдѣлѣ о доказательствахъ упоминаетъ письменные документы, каковы: заемныя письма и купеческія книги,—все это принадлежности гражданскихъ дѣлъ. Но рядомъ есть и статьи, относящіяся къ уголовному процессу, таковы, напр., статьи о пыткѣ и уликахъ. При этомъ смѣшеніи двухъ разныхъ процессовъ преобладаетъ, однако, уголовная точка зрѣнія: о судящихся говорится какъ о лицахъ, совершившихъ преступленіе, о рѣшеніи суда, какъ объ актѣ, постановляющемъ наказаніе, наконецъ, Воинскій Уставъ и самъ признаетъ, что въ военныхъ судахъ, для которыхъ онъ собственно и написанъ, происходятъ по большей части и даже „токмо" розыскныя дѣла.

Слѣдуя западнымъ образцамъ, Воин. Уставъ вводитъ къ намъ канцелярскую тайну, неизвѣстную нетолько суду, но даже и сыску, за исключеніемъ великихъ государевыхъ дѣлъ. На предсѣдателя суда возлагается обязанность предъ открытіемъ засѣданія просить и уговаривать членовъ все происходящее въ судѣ держать въ тайнѣ. Въ самомъ производствѣ усиливается письменный элементъ; каждая сторона подаетъ по двѣ бумаги: исковое прошеніе, отвѣтъ отвѣтчика и по возраженію. Это нововведеніе очень понравилось нашимъ практикамъ. Они скоро начали подавать гораздо болѣе двухъ бумагъ съ каждой стороны. Повѣренныхъ В. Уставъ допускаетъ только по гражданскимъ дѣламъ и то въ томъ случаѣ, когда сами стороны не могутъ явиться въ судъ, напр., по болѣзни. Но тутъ же, кстати, высказываетъ неодобреніе ихъ дѣятельности, говоря, что они всякими непотребными рѣчами только затрудняютъ дѣло. Въ розыскныхъ дѣлахъ отвѣтчикъ самъ собою долженъ отвѣтствовать.

В. Уставъ переноситъ къ намъ и формальную теорію доказательствъ въ томъ видѣ, какъ она сложилась на Западѣ, хотя и не во всей ея строгости. Подъ доказательствомъ вообще разумѣется все то, что ведетъ къ убѣжденію въ ложности или справедливости извѣстнаго факта. Нѣсколько иначе понимаетъ теорія процесса доказательства на судѣ. Этотъ иной взглядъ обусловливается стремленіемъ законодателя принять мѣры противъ произвола судьи. Подъ судебными доказательствами разумѣются законныя основанія, служащія къ убѣжденію судьи въ томъ или другомъ фактѣ. Теорія признаетъ, что судья долженъ быть поставленъ, при выборѣ доказательствъ, въ нѣкоторыя границы. Для доказательства нѣкоторыхъ правъ законъ требуетъ, напр., письменныхъ документовъ, которые должны быть облечены въ извѣстную форму. Эти границы, полагаемыя свободной дѣятельности судьи, въ разныхъ законодательствахъ бываютъ очень различны. Излишнее ограниченіе его можетъ повести къ торжеству формальной правды въ ущербъ матеріальной. Нѣкоторыя ограниченія были уже во времена Русской Правды, ихъ знаетъ Псковская Судная

грамота и памятники московскаго законодательства; но формальная теорія въ настоящемъ смыслѣ этого слова введена къ намъ Воин. Уставомъ съ запада, гдѣ она въ это время развилась до крайнихъ предѣловъ и перешла въ ариѳметическую, такъ какъ относительное значеніе доказательствъ опредѣлялось цифрами. Такъ, напр., полнымъ доказательствомъ считалось показаніе двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей, показаніе одного достовѣрнаго составляло $^1/_2$ доказательства, а были и такіе свидѣтели, показаніе которыхъ приравнивалось $^1/_4$, $^1/_8$ и т. д. полнаго доказательства. Рѣшеніе судьи являлось такимъ образомъ результатомъ ариѳметическаго сложенія (Малышевъ, I 265 и сл.).

Доказательства по Воин. Уставу дѣлятся на совершенныя и несовершенныя. Разница между ними состоитъ въ томъ, что одного совершеннаго доказательства достаточно для того, чтобы убѣдиться въ справедливости доказываемаго факта. Несовершенныя же доказательства ведутъ только къ подозрѣнію въ виновности. В. Уставъ приводитъ для примѣра нѣкоторыя совершенныя и несовершенныя доказательства, далеко, однако, не исчерпывая ихъ. Къ совершеннымъ доказательствамъ относитъ онъ собственное признаніе, „это лучшее свидѣтельство всего свѣта“. Выраженіе это перешло и въ Сводъ Зак. Но признаніе должно быть сдѣлано свободно и согласоваться съ обстоятельствами дѣла. По отношенію къ уголовному праву это требованіе совершенно основательно, ибо въ противномъ случаѣ можно было-бы постороннему человѣку взять на себя чужую вину. Но В. Уставъ не говоритъ, что повѣрка признанія обстоятельствами дѣла должна имѣть мѣсто только въ уголовныхъ дѣлахъ. На основаніи Воин. Устава признаніе отвѣтчикомъ долга могло быть также провѣряемо судомъ. Къ совершеннымъ доказательствамъ относится, далѣе, показаніе свидѣтелей. По Воин. Уставу одинъ свидѣтель не составляетъ еще совершеннаго доказательства; отсюда надо заключить, что довольно было двухъ свидѣтелей для совершеннаго доказательства. Уставъ перечисляетъ лицъ, которыя не могли быть свидѣтелями; сюда относятся: разбойники, воры, явные прелюбодѣи, лица, не бывшія у св. причастія, бывшія подъ судомъ и родственники подсудимыхъ. Если свидѣтели порознили, дѣло рѣшалось въ пользу того, на чьей сторонѣ были лучшіе свидѣтели. Уставъ опредѣляетъ и относительное значеніе свидѣтельскихъ показаній: показаніе мужчины предпочитается показанію женщины, знатный свидѣтель — незнатному, духовное лицо — свѣтскому, ученый — неучу. Третье достовѣрное доказательство составляютъ письменные акты. В. Уставъ различаетъ два вида письменныхъ доказательствъ: крѣпостные и домашніе акты. Значеніе тѣхъ и другихъ для судьи весьма различно: обстоятельство, удостовѣренное крѣпостнымъ актомъ, служитъ полнымъ доказательствомъ, тогда какъ домашніе акты получаютъ такую силу въ томъ

только случаѣ, когда они признаны противной стороной. Самое различіе крѣпостныхъ и домашнихъ актовъ установлено Петромъ. Въ XVII вѣкѣ различались уже акты домашніе, они писались дома; Уложеніе не требуетъ для нихъ даже свидѣтелей, это были: заемныя обязательства, рядныя и духовныя завѣщанія. Всѣ остальные акты должны были писаться площадными подъячими, при совершеніи ихъ должны быть свидѣтели, не менѣе 2-хъ. Эти акты являлись потомъ для записки въ соотвѣтствующій приказъ, причемъ съ нихъ бралась пошлина. Петръ В. нашелъ неудобнымъ этотъ порядокъ. Пошлины въ пользу казны брались только съ тѣхъ актовъ, которые записывались въ приказахъ, а съ остальныхъ пошлины не брались (всѣ сдѣлки о займѣ денегъ, напр., могли быть совершены домашнимъ образомъ). Самый институтъ площадныхъ подъячихъ также не нравился Петру; онъ обвинялъ подъячихъ въ томъ, что, взявши взятку съ одной стороны, они вставляли въ актъ такія условія, которыя были невыгодны для другой. Первое отступленіе Петра отъ стараго порядка состояло въ томъ, что онъ отмѣнилъ площадныхъ подъячихъ и велѣлъ писать акты подъячимъ приказовъ. Для увеличенія казеннаго дохода онъ ввелъ гербовую бумагу, на которой должно было писать всякіе акты. Финансовая цѣль этихъ преобразованій была достигнута; но, что касается отмѣны площадныхъ подъячихъ, то Петръ убѣдился, что эта мѣра повела еще къ худшимъ послѣдствіямъ. Прежде крѣпостные акты писались спеціалистами, а Петръ возложилъ эту обязанность на обыкновенныхъ приказныхъ подъячихъ, которые имѣли еще притомъ множество другихъ дѣлъ. Это повело къ большимъ неудобствамъ; подъячіе отказывались совершать акты, говоря, что имъ некогда. Для приказныхъ подъячихъ совершеніе актовъ было дѣломъ новымъ: они порядкомъ не знали, какъ писать ихъ. Это заставило Петра обратиться къ старой системѣ, но подвергнуть ее нѣкоторымъ измѣненіямъ. Въ 1701 г. были установлены площадные подъячіе, но съ характеромъ чиновниковъ. Они стали называться крѣпостными писцами; благонадежнѣйшіе изъ нихъ назначались „надсмотрщиками“ другихъ; всѣ приносили присягу на вѣрность службы и получали жалованье. Учрежденіе крѣпостныхъ писцовъ было поставлено въ вѣдѣніе Юстицъ-Коллегіи. Порядокъ писанія актовъ былъ точно опредѣленъ. Лица, желавшія совершить актъ, должны были отправиться къ надсмотрщику, который удостовѣрялся въ личности желающаго и въ отсутствіи законныхъ препятствій къ совершенію акта; актъ долженъ быть написанъ безъ помарокъ (помарки допускались только въ неважныхъ словахъ и то требовалась оговорка, но что касается года и числа, цѣны и названія вещи, то помарки не допускались). Петръ приказалъ писать всѣ акты крѣпостнымъ порядкомъ, допустивъ исключенія только для военныхъ (Неволинъ, II, 56 и сл.).

Что касается несовершенныхъ доказательствъ, то, кромѣ одного достовѣрнаго свидѣтельскаго показанія, всѣ другія, приводимыя Уставомъ, относятся къ уголовнымъ дѣламъ. Это будутъ: „когда отвѣтчикъ вознамѣрился бѣжать; если кто былъ вмѣстѣ съ злодѣемъ, если кто прежде совершилъ злодѣяніе, если кто кому угрожалъ“ и т. п. Сколько бы ни соединялось несовершенныхъ доказательствъ, сумма ихъ, по В. Уставу, никогда не можетъ составить полнаго доказательства. Они ведутъ только къ подозрѣнію. Лицо, противъ котораго есть несовершенное доказательство, можетъ быть допущено къ очистительной присягѣ. Если оно ее приметъ, съ него снимается подозрѣніе, а если оно не найдетъ возможнымъ присягнуть, тогда улики+отказъ равняются совершенному доказательству. Но обращаться къ очистительной присягѣ Петръ совѣтуетъ съ величайшею осторожностью, чтобы не предложить ее такому человѣку, который не прочь совершить клятвопреступленіе. Если есть опасность, что человѣкъ готовъ принять ложную присягу, то лучше, говоритъ Уставъ, не предлагать ему присяги, а оставить въ подозрѣніи. Въ важныхъ же дѣлахъ, если есть опасеніе клятвопреступленія обращались къ пыткѣ: улики+признаніе съ пытки равнялись полному доказательству. Есть мнѣніе, что Петръ В. Воинскимъ Уставомъ ввелъ у насъ пытку и для гражданскихъ дѣлъ. Мнѣніе это едва ли справедливо. Въ В. Уставѣ говорится, что въ важныхъ злодѣйствахъ надо обращаться къ пыткѣ. Что же касается неважныхъ уголовныхъ дѣлъ, то къ нимъ пытка не примѣнялась. Трудно поэтому допустить, чтобы пытка употреблялась въ гражданскихъ дѣлахъ. Въ пользу разбираемаго мнѣнія указываютъ на 3 ст. III гл. 2 ч. В. Уст. и на указъ 1722 г. Въ 3-й ст. говорится: „пытка употребляется въ дѣлахъ видимыхъ, въ которыхъ есть преступленіе; но въ гражданскихъ дѣлахъ пытать прежде не можно, пока въ самомъ дѣлѣ злое дѣйствіе наружу не объявится, развѣ когда свидѣтель въ большихъ и важныхъ гражданскихъ дѣлахъ въ сказкѣ своей оробѣетъ или смутится, или въ лицѣ измѣнится, то пытанъ бываетъ“. Такъ обр., въ гражданскихъ дѣлахъ пытать можно, когда „злое дѣйство наружу проявится“, т. е. когда, по поводу разсмотрѣнія гражданскаго дѣла, раскроется какое либо преступленіе, напр., клятвопреступленіе. Слѣд. и здѣсь пытка примѣняется не по гражданскому, а по уголовному дѣлу. Эта статья любопытна въ томъ отношеніи, что указываетъ, на сколько гражданскій процессъ былъ проникнутъ инквизиціоннымъ началомъ. Судья долженъ былъ смотрѣть, не блѣднѣетъ ли свидѣтель, не мѣняется ли въ лицѣ, когда даетъ показаніе; если онъ заподозритъ его въ невѣрномъ показаніи, то можетъ подвергнуть пыткѣ. Указъ 1722 г. очень кратокъ. Въ немъ говорится: „разсмотрѣть о пыткахъ, понеже и въ малыхъ дѣлахъ пытки чинятъ и таковымъ,

о которыхъ только сомнѣніе имѣютъ, чтобы оное унять". Выраженіе „въ малыхъ дѣлахъ" понимаютъ въ томъ смыслѣ, что здѣсь говорится о мелкихъ гражданскихъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ оно, согласно съ Воен. Уставомъ, относится къ неважнымъ уголовнымъ дѣламъ.

Въ 1723 г. Петръ издалъ указъ о формѣ суда, который во многомъ отступаетъ отъ процесса по Воинскому Уставу (П. С. З. № 43 44.) Этотъ указъ вводитъ снова словесное производство, допускаетъ повѣренныхъ, установляетъ форму прошеній по пунктамъ и принимаетъ нѣкоторыя мѣры въ видахъ ускоренія процесса. Отвѣтчику для приготовленія къ отвѣту дается только 7 дней.

Ко дню, назначенному для явки сторонъ, въ судѣ должны быть изготовлены двѣ тетради, одна для истца, другая для отвѣтчика. Первое слово давалось истцу, онъ долженъ былъ говорить по первому пункту прошенія. Затѣмъ по тому же пункту говорилъ отвѣтчикъ. Все сказанное записывалось въ тетради. Въ такомъ же порядкѣ шли заявленія сторонъ по 2 и слѣд. пунктамъ. Письменныхъ отвѣтовъ стороны не имѣли права подавать. Отсрочка давалась только въ томъ случаѣ, если не было подъ руками документовъ; но не для того, чтобы обсудить какой нибудь документъ. Всѣ эти мѣры приняты были для ускоренія процесса и для того, чтобы избѣжать ябеды. Указъ о формѣ суда начинается съ жалобы на то, что „въ судахъ много даютъ лишняго говорить, и много не подобнаго пишутъ". Это имѣло послѣдствіемъ то, что судьи не позволяли записывать такія рѣчи, которыя казались имъ неидущими къ дѣлу.

Указъ о судѣ по формѣ не опредѣляетъ, однако, срока, въ теченіи котораго судья долженъ постановить свое рѣшеніе. Выслушавши обѣ стороны, онъ бралъ съ нихъ подписку, что до совершенія дѣла они изъ города не уѣдутъ. По заключеніи судоговоренія судьямъ предоставлено было право изслѣдовать и дополнять дѣло справками. Это изслѣдованіе давало возможность тянуть дѣло, и цѣль закона—ускореніе суда вовсе не достигалась.

Нѣкоторыя постановленія „суда по формѣ", разсчитанныя противъ ябеды и проволочекъ, повели только къ большимъ проволочкамъ. Петръ предоставилъ судьямъ наблюдать, чтобы стороны не говорили лишняго. Если судьи дѣйствительно этимъ правомъ пользовались и не приказывали заносить въ тетради то, что имъ казалось не идущимъ къ дѣлу, стороны жаловались въ Сенатъ, что не всѣ ихъ рѣчи записаны, и что они именно отъ этого могутъ проиграть процессъ. Сенатъ разрѣшалъ занести опущенныя рѣчи, а они въ судъ не являлись и дѣло останавливалось. Въ 1761 г. Сенатъ нашелъ, наконецъ, нужнымъ предписать судьямъ записывать и рѣчи, къ дѣлу непринадле-

жащія, чтобы можно было при аппелляціонномъ производствѣ всѣ рѣчи видѣть.

Форма суда должна была примѣняться не къ однимъ только гражданскимъ дѣламъ, но и къ уголовнымъ. Въ началѣ указа встрѣчаемъ выраженіе, свидѣтельствующее о значительной путаницѣ понятій „не надлежитъ различать, какъ прежде было, одинъ судъ, другой розыскъ, но токмо одинъ судъ". Въ 1697 году предписывался одинъ розыскъ, въ 1723 оказалось нужнымъ ввести одинъ судъ. Древнія различія суда и розыска совершенно не даются составителямъ петровскихъ указовъ. И въ Москвѣ нельзя было вѣдать всѣ уголовныя дѣла судомъ. Указъ о формѣ суда еще менѣе говоритъ о слѣдствіи, чѣмъ московскій судъ,а между тѣмъ предписываетъ вѣдать формою суда и уголовныя дѣла. Въ указѣ есть только одно постановленіе, прямо относящееся къ уголовнымъ дѣламъ. Это то, которымъ воспрещается въ важныхъ уголовныхъ преступленіяхъ сообщать обвиняемому пункты обвиненія, въ тѣхъ видахъ, конечно, чтобы онъ не имѣлъ возможности приготовиться къ отвѣту и какими нибудь ябедническими измышленіями уйти отъ обвиненія. Обвиняемый, значитъ, былъ лишенъ всѣхъ средствъ къ защитѣ.

Уже современники Петра пришли къ тому убѣжденію, что судъ по формѣ нельзя примѣнять къ уголовнныхъ дѣламъ. Военная коллегія въ 1724 году разъяснила, что форма суда должна относиться къ партикулярнымъ дѣламъ, а не къ доносительскимъ и фискальскимъ, понеже въ той формѣ упоминается болѣе о челобитчикахъ и отвѣтчикахъ (П. С. З. № 4607).

Реформы Петра, не обнимая всѣхъ частностей процесса, не могли окончательно упразднить судебной практики московской эпохи. Петръ оставилъ въ наслѣдство своимъ преемникамъ обломки московскихъ порядковъ, которые трудно было согласить съ его указами, и два новыхъ процесса: воинскій и судъ по формѣ, которые одинъ другому противорѣчили.

Въ царствованіе Анны Іоанновны до свѣдѣнія Сената дошло, что въ судахъ единовременно нѣсколько паръ истцовъ и отвѣтчиковъ говорятъ свои рѣчи, писцы ихъ записываютъ, а судьи не слушаютъ этихъ рѣчей, но потомъ изъ записныхъ тетрадей дѣлаютъ себѣ выписки. Сенатъ нашелъ это неправильнымъ и подтвердилъ петровскій указъ, въ силу котораго судьи должны были слушать показанія сторонъ и затѣмъ уже дѣлать выписки. При Екатеринѣ II во многихъ депутатскихъ наказахъ встрѣчаются жалобы на форму суда и просьбы о ея отмѣнѣ.

Екатерина II высказываетъ нѣсколько мыслей о процессѣ въ Наказѣ коммиссіи. Она говоритъ о необходимости отдѣленія

слѣдствія отъ суда, чтобы одни лица собирали доказательства виновности, а другія производили судъ и постановляли приговоръ. Она исходитъ изъ той мысли, что лица, собирающія доказательства виновности, заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ работа не пропала даромъ, а потому они склонны слишкомъ высоко цѣнить все, что собрали для обвиненія. Наказъ находитъ необходимымъ, чтобы обвиняемому было дано время для приготовленія къ защитѣ, но прибавляетъ „краткое“.

Наказъ удерживаетъ введенное Петромъ различіе совершенныхъ и несовершенныхъ доказательствъ, но отступаетъ отъ Воин. Устава въ рѣшеніи вопроса о силѣ несовершенныхъ доказательствъ. Онъ находитъ, что совокупность несовершенныхъ доказательствъ можетъ иногда исключать всякое сомнѣніе въ виновности обвиняемаго, а потому во всѣхъ такихъ случаяхъ и должна служить основаніемъ для обвиненія. Это вошло и въ дѣйствующее право. Наконецъ, Наказъ подвергаетъ подробному разбору пытку, и энергически противъ нея высказывается.

Екатерина II отказалась отъ мысли объ одномъ процессѣ для уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, къ осуществленію которой такъ безплодно стремился Петръ В. Учрежденіемъ двухъ разныхъ палатъ гражданскаго и уголовнаго суда она положила прочное основаніе обособленію процесса гражданскаго и уголовнаго. Мысль Наказа объ отдѣленіи слѣдственной части отъ судебной получила свое осуществленіе въ Уставѣ Благочинія, возложившемъ на полицію производство слѣдствій.

Екатеринѣ, наконецъ, принадлежитъ честь отмѣны пытокъ. Эта мысль занимала ее еще до изданія Наказа, когда она ограничила губернскими мѣстами право производить пытку. Въ 1764 г. и губернскимъ мѣстамъ запрещено пытать, не доложивъ о томъ губернатору. Губернаторамъ же было секретно предписано слѣдовать X главѣ наказа, въ которой пытка осуждается. Это секретное предписаніе объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что нѣкоторые депутаты ея законодательной коммиссіи высказались противъ отмѣны пытки. Дворяне верейскіе, суздальскіе, бѣлозерскіе и нѣкоторыхъ другихъ уѣздовъ писали: «подлый народъ поощряется отмѣной пытокъ къ убійствамъ помѣщиковъ, зная, что не будетъ истязуемъ въ случаѣ сознанія. Ссылку же и рекрутство мужики предпочитаютъ холопству“. Не смотря, однако, на это несочувствіе дворянъ къ X-й главѣ Наказа, въ 1774 г. въ виду того, что въ нѣкоторыхъ губернскихъ канцеляріяхъ продолжаютъ дѣлать пристрастные допросы, повелѣно было при допросахъ никакихъ тѣлесныхъ истязаній не чинить. Это предписаніе оказалось, однако, нужнымъ повторить и въ 1781 году.

Но пытка имѣетъ глубокіе корни въ нашей практикѣ, она трѣчается и въ царствованіе Александра I. Въ 1801 году, въ Ка-

зани, былъ пытанъ подозрѣваемый въ поджогѣ и далъ вынужденное сознаніе, на основаніи котораго судъ призналъ его виновнымъ и приговорилъ къ казни. Императоръ Александръ повелѣлъ предать виновныхъ въ этомъ приговорѣ суду и предписать всѣмъ мѣстамъ, въ которыя переходятъ на ревизію приговоры низшихъ судовъ, всегда спрашивать подсудимыхъ: не были ли они подвержены въ теченіи слѣдствія какимъ-либо пристрастнымъ допросамъ, „чтобы, наконецъ, самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной“ (П. С. З. № 20.022).

КОНЕЦЪ.

10—
45932
1/2

B.O/M

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

K
S4845L4
1883

Sergeevich, Vasilii Ivanovich
Lektsii i izsliedovaniia
po istorii russkago prava

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 01 14 05 015 2